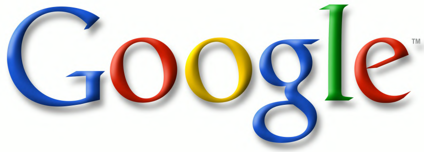
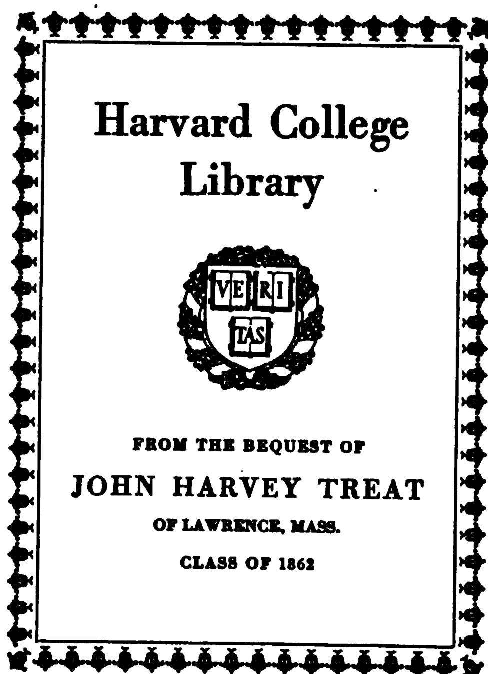

Harvard College
Library
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 1.

ОТЪ ПЕТРА В. ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрено въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 4-е.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

Отъ Казанскаго Комитета Духовной цензуры при Казанской Духовной Академіи печатать дозволяется. 14 декабря 1900 г.

Членъ Комитета сверхштатный профессоръ Казанской Духовной Академіи дѣйствительный статскій совѣтникъ *Андрей Волковъ.*

НАЧАЛО НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Характеръ и значеніе реформы Петра В. Изобразивъ въ обширной картинѣ недостатки Московскаго государства и представивъ планъ его реформы, Юрій Крыжаничъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу: „Въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моѵсеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе и совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже нѣсколько вѣковъ не было на свѣтѣ такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное“ (1). Этимъ чудодѣйственнымъ жезломъ, на который указывалъ Крыжаничъ Алексѣю Михайловичу, превосходно воспользовался знаменитый сынъ его, Петръ В., который, опираясь на свою самодержавную власть и покорность подданныхъ, при помощи своего геніальнаго ума, въ непродолжительное время преобразовалъ Россію, хотя совершенно въ другомъ направленіи и совсѣмъ по другому плану, чѣмъ какой представлялся воображенію славянскаго патріота.

Исторія показываетъ, что въ извѣстныя эпохи народной жизни многія лица, замѣчая упадокъ прежнихъ началъ и формъ жизни, ощущаютъ потребность въ новыхъ началахъ, высказываютъ новыя идеи и стремленія; но только геніальныя личности дѣлаются полными выразителями этихъ идей и стремленій, не только смѣло и ясно выговариваютъ ихъ словами, но и осуществляютъ ихъ на дѣлѣ. И до Петра В. многіе сознавали необходимость въ реформахъ и дѣлали попытки познакомиться съ европейской цивилизаціей. Еще съ XV в. стали вызывать въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ, врачей и офицеровъ, а въ XVII в. изъ нихъ уже образовалась около Москвы цѣлая нѣ-

(1) Русское государство въ половинѣ XVII в. Изд. П. Безсонова. Москва. 1859—60. Ч. II, стр. 5.

мецкая слобода; съ XVI вѣка стало распространяться въ юго-западной Россіи чрезъ Польшу и европейское образованіе, которое изъ Кіева скоро перешло и въ Москву, такъ что въ половинѣ XVII в. въ Россіи были уже два высшихъ учебныхъ заведенія—кіевская и московская академіи. Но только Петру В., при его геніальномъ умѣ и исполинской силѣ воли, удалось на самомъ дѣлѣ ввести въ Россію настоящее европейское образованіе. Сознавъ необходимость преобразованія Россіи, Петръ В. вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Европой; самъ лично познакомился съ европейской наукой и цивилизаціей и потомъ постоянно и неутомимо стремился распространить ихъ въ Россіи, не останавливаясь при этомъ ни предъ какими трудностями и не жалѣя никакихъ жертвъ. Задумавъ дѣло, онъ никогда не ограничивался однимъ приказаніемъ сдѣлать его, но самъ не только слѣдилъ за указаннымъ дѣломъ, но и дѣлалъ его вмѣстѣ съ другими, былъ не только законодателемъ, но и первымъ исполнителемъ закона, самъ, по выраженію поэта,

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Эта непобѣдимая энергія и составляла основную силу и существенный отличительный характеръ преобразовательной дѣятельности Петра В.

Связь новаго образованія съ прежнимъ, кіевскимъ и московскимъ. Характеръ новаго образованія. Впрочемъ, и все, что до Петра В. было сдѣлано для образованія, не только не осталось напраснымъ, но и принесло большую пользу во время реформы. Прежніе труды и попытки приготовили почву для новаго образованія и дали на первый разъ нужныхъ работниковъ. Юго-западная наука если не искоренила, то значительно ослабила существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія и воспитала много такихъ людей, которые были дѣятельными помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долго брали воспитанниковъ для отправленія за границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія для службы, въ гимназію и университетъ при академіи наукъ. Этимъ опредѣляется связь новаго образованія и литературы съ прежнимъ образованіемъ и литературою. Подчинившись идеямъ преобразователя, прежнее образованіе сдѣ-

лалось необходимымъ орудіемъ реформы и помогало распространенію и утвержденію новаго европейскаго образованія.

Новое образованіе, возникшее вслѣдствіе новыхъ потребностей въ русской жизни, естественно, должно было получить новый характеръ ([1]). Прежнее образованіе имѣло характеръ религіозно-церковный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Новое образованіе, вызванное государственными потребностями, должно было служить вообще государственнымъ цѣлямъ. Сообразно съ разными цѣлями государства, потребовались разныя знанія, разныя науки, и между прочимъ такія, которыя или совсѣмъ не входили въ систему прежняго образованія, или же занимали въ ней незначительное мѣсто, будучи признаваемы не самостоятельными, а вспомогательными и служебными предметами. Кромѣ древнихъ классическихъ языковъ, оказалось необходимымъ изучать новые европейскіе языки и новыя европейскія литературы; кругъ наукъ философскихъ, историческихъ и математическихъ нужно было расширить и придать имъ большее значеніе, чѣмъ какое онѣ имѣли прежде; нужно было ввести новыя науки медицинскія, военныя, горныя и проч. Для распространенія разныхъ наукъ и знаній требовались разныя училища. Для достиженія чисто научныхъ цѣлей нужны были высшія ученыя заведенія; для распространенія общаго образованія—заведенія общеобразовательныя; для разныхъ частныхъ практическихъ цѣлей—разныя спеціальныя заведенія. Таковы были задачи новаго образованія, согласно съ новыми потребностями русской жизни. Само собою разумѣется, что эти задачи могли быть выполнены не вдругъ, а постепенно, и составляли идеалъ, къ которому Россія должна была стремиться. Съ самаго же начала, въ первыя времена новаго періода, новое образованіе должно было служить ближайшимъ практическимъ цѣлямъ государства, согласно волѣ Петра В., который результаты, добытые европейскою наукою, хотѣлъ тотчасъ же перенести въ русскую жизнь и примѣнить ихъ къ ея потребностямъ, посредствомъ воспитанія нужныхъ для этого дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, военныхъ и чиновниковъ. На образованіе, такимъ образомъ, естественно долженъ былъ явиться взглядъ служебный—какъ на орудіе государственныхъ цѣлей, для приготовленія дѣятелей и чиновниковъ на разныхъ мѣстахъ государственной службы. Отсюда главною заботою должно было сдѣлаться заведеніе школъ профессіональныхъ. Вопросъ объ общемъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ

([1]) Главнымъ пособіемъ при изложеніи исторіи образованія и литературы во время реформы служила книга П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. I и II. 1862 г. Другія пособія указаны въ своемъ мѣстѣ.

какомъ бы званіи и службѣ онъ ни находился, явился уже впослѣдствіи, только въ царствованіе Екатерины II, когда стали сознавать необходимость образованія общечеловѣческаго и заботиться о воспитаніи въ готовящихся на ту или другую службу прежде всего умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей, о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Путешествія Петра В. по Европѣ и отправленіе туда русскихъ людей для образованія. Задумавъ преобразовать Россію, Петръ В. прежде всего началъ посылать русскихъ людей въ Европу учиться наукамъ и ремесламъ и въ то же время самъ лично захотѣлъ на мѣстѣ познакомиться съ европейскимъ образованіемъ. Въ 1697 г. онъ отправился путешествовать по Европѣ: проѣхалъ въ Бранденбургъ и былъ въ Кенигсбергѣ, потомъ въ Голландію, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца въ Амстердамѣ; изъ Голландіи въ январѣ 1698 г. переѣхалъ въ Англію и провелъ здѣсь три мѣсяца; изъ Англіи онъ возвратился опять въ Голландію и отсюда отправился въ Вѣну. Осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, онъ собрался въ Венецію, но извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ заставило его возвратиться въ Россію (1). Это было первое путешествіе Петра В. по Европѣ. Другое продолжительное и важное путешествіе онъ совершилъ въ 1716—1717 г. Въ это время онъ былъ въ Данцигѣ, Штетинѣ, Гамбургѣ, Копенгагенѣ и наконецъ въ Парижѣ (2). Во время этихъ путешествій Петръ В. внимательно осматривалъ во всѣхъ мѣстахъ типографіи и библіотеки, музеи и кунсткамеры, анатомическіе театры и клиники, промышленныя мастерскія, фабрики и заводы, бесѣдовалъ съ разными учеными и ремесленными людьми. Живя въ 1697 г. въ Амстердамѣ, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ученымъ бургомистромъ этого города Витзеномъ, посѣщалъ часто музей древностей и рѣдкостей Якова Вильде и анатомическій театръ профессора анатоміи Рюйша. Изучая гравировальное искусство, онъ самъ сдѣлалъ гравюру, представляющую торжество христіанской религіи надъ мусульманской, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Амстердамскому негоціанту, Яну Тессингу, онъ поручилъ завести въ Амстердамѣ типографію и далъ ему грамоту, чтобы печатать въ ней „земныя и морскія картины и чертежи, и листы, и персоны, и математическія и архитектурныя и городостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славян-

---

(1) Истор. Россіи Соловьева XIV, 232—243—(2) Тамъ же XVII, 79—81.

скимъ и голландскимъ языкомъ по особну, отъ чего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ“ (1). Въ Амстердамѣ въ это время жилъ одинъ полякъ, знавшій славяно-русскій языкъ, Илья Ѳедоровичъ Копіевскій, или Копіевичъ; ему Петръ В. поручилъ переводы и изданіе книгъ. Сначала Тессингъ и Копіевичъ трудились вмѣстѣ, но въ 1700 г. Копіевичъ разсорился съ Тессингомъ и завелъ свою типографію (2). Проѣзжая въ 1716 г. чрезъ Кенигсбергъ, Петръ В. осматривалъ Кенигсбергскую библіотеку и велѣлъ переписать для себя, какъ можно точнѣе, находившійся здѣсь Радзивиловскій списокъ лѣтописи Нестора. Во время пребыванія во Франціи въ 1717 г. онъ посѣтилъ всѣ замѣчательныя учрежденія въ Парижѣ и познакомился со всѣми, бывшими тогда, знаменитостями науки; былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ Бурсье обратился къ нему съ предложеніемъ о соединеніи церквей; осмотрѣлъ королевскую типографію, гдѣ въ присутствіи его было отпечатано множество пробныхъ оттисковъ; посѣтилъ коллегіумъ, основанный кардиналомъ Мазарини (Collège des quatre nations); познакомился съ извѣстнымъ тогда во Франціи геометромъ, Вариньономъ; былъ у изобрѣтателя движущагося глобуса по системѣ Коперника, Пижона, и купилъ у него глобусъ для себя за 2000 экю; смотрѣлъ химическіе опыты Жофруа; посѣтилъ французскую академію наукъ, которая показала ему всё, что было новаго и замѣчательнаго по части опытныхъ наукъ, и выразилъ желаніе быть ея членомъ; ѣздилъ въ С.-Сиръ, чтобы осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенонъ; заходилъ въ Парижѣ въ лавки ремесленниковъ и разсматривалъ ихъ работы; долго былъ на фабрикѣ Гобелена, въ зоологическомъ саду, въ механическихъ кабинетахъ и т. д. (3). Бесѣдуя съ разными учеными, онъ заводилъ съ ними знакомство на будущее время, съ нѣкоторыми изъ нихъ велъ переписку, по возвращеніи изъ за границы. Для исторіи образованія особенно важны и интересны сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ, которые стояли тогда во главѣ европейской науки.

Сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Лейбницъ (род. въ Лейпцигѣ 1646 г., ум. 1716 г.) былъ философъ и ученый энциклопедистъ, какъ большая часть тогдашнихъ ученыхъ

---

(1) Наука и литер. при Петрѣ В. Пекарскаго I, 10—11.

(2) Списокъ книгъ, составленныхъ и изданныхъ Копіевичемъ, у Пекарскаго, I, приложеніе 3, подъ буквою *а*.

(3) Наука и литер. при Петрѣ В. I, 39—45.

и философовъ. Въ философіи онъ извѣстенъ своею Монадологіей (La Monadologie 1714 г.), ученіемъ о предуставленной гармоніи (Harmonie préétablie 1696 г.) и Теодицеей (Essai de Theodicée 1710), въ математикѣ своей теоріей о величинахъ безконечно малыхъ (дифференціальными вычисленіями), въ исторіи нѣкоторыми историческими сочиненіями, въ филологіи изслѣдованіями по языкамъ и между прочимъ стремленіемъ отыскать универсальный языкъ, для всѣхъ народовъ. У Лейбница была грандіозная идея объ ученомъ обществѣ, или братствѣ во всемъ мірѣ, которое, на основаніи научныхъ стремленій, должно было привлечь къ себѣ не только науку, но и всѣ дѣла государства и даже цѣлаго человѣчества. Съ этой идеей были связаны его старанія возбуждать къ основанію академіи въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Онъ смотрѣлъ на академію, какъ на общую мастерскую, гдѣ нѣсколько рукъ вмѣстѣ работаютъ надъ наукой, потому что для дальнѣйшаго ея возрастанія общества служатъ лучше, чѣмъ отдѣльные люди". Изъ этой же идеи у Лейбница развилась мысль о возможности отыскать универсальный языкъ, на которомъ всѣ народы алгебраически могли бы понимать другъ друга (¹). Еще прежде свиданія съ Петромъ В. Лейбницъ желалъ имѣть образцы нарѣчій языковъ, которыми говорятъ разные народы Россіи, и интересовался лѣтописью Нестора, найденною въ Кенигсбергѣ. Петръ В. встрѣтилъ его въ Торгау и пожаловалъ ему званіе тайнаго совѣтника съ жалованьемъ по 1000 рейхсталеровъ въ годъ, „во уваженіе, какъ сказано въ данной ему по этому случаѣ грамотѣ, извѣстныхъ и имъ испытанныхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ знаній, историческихъ разысканій и другихъ наукъ". Согласно съ этимъ, по желанію Петра, Лейбницъ составлялъ разные планы и проекты для просвѣщенія Россіи, между которыми извѣстны проекты: 1) о необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями о положеніи и природѣ страны; 2) проектъ о распространеніи наукъ въ Россіи, въ которомъ, въ числѣ необходимыхъ для этого предметовъ, указаны: зданія, библіотеки, обсерваторіи, снабженныя инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч.; изъ городовъ, въ которыхъ необходимо завести академіи, университеты и школы, указаны Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ; 3) о необходимости учредить въ Россіи 9-ть коллегій—государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и ученую. Для ученой коллегіи, по словамъ

(¹) Исторія всеобщ. лит. XVIII в. Г. Геттнера т. III. 104—130.

Лейбница, нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выигрываетъ. Обязанности этихъ людей должны состоять а) въ томъ, чтобы излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и стараться слѣдить за открытіями и улучшеніями; б) въ томъ, чтобы наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки, и в) въ томъ, чтобы испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются заграницу. Для обученія юношества въ Россіи необходимо учредить Академію, которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую библіотеку и типографію. Между предметами для преподаванія въ Академіи указаны: богословіе, логика, ѳеика, медицина, хирургія, исторія, естественное и государственное право, астрономія, географія, математическія науки, физика, химія и разные языки. 4) О необходимости, для распространенія христіанства, перевода на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ 10-ти заповѣдей, молитвы Господней „Отче нашъ“ и Символа вѣры, или составить для каждаго племени небольшой лексиконъ ихъ языка. Кромѣ того, сохранился еще реэстръ, въ которомъ Лейбницъ требовалъ: а) каталогъ изданныхъ въ Россіи книгъ, какъ обращающихся въ продажѣ, такъ и другихъ; б) свѣдѣнія о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ; в) списокъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, находящихся на службѣ царской; г) доставленіе образцовъ языковъ народовъ русскаго царства и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ; д) русскій лексиконъ, или вокабулы; е) славянскую грамматику; ж) всѣ русскія историческія книги; з) книгу, называемую патерикъ; и) русскую Библію; і) божественную службу по русски, к) русскій катихизисъ ([1]). Планы и проекты Лейбница, какъ легко можно видѣть, были слишкомъ обширны и тогда не могли быть выполнены въ Россіи, которая только еще начинала учиться; но они не могли остаться безъ послѣдствій и имѣли вліяніе на нѣкоторыя реформы Петра. Подъ ихъ, конечно, вліяніемъ родилась у Петра мысль учредить коллегіи, основать въ Петербургѣ Академію наукъ, послать Беринга для открытія пролива между Азіею и Америкой, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ ([2]).

([1]) **Наука и литер. при Петрѣ В. 1. 26—30.**

([2]) **В. И. Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В. Спб. 1871. Сборникъ писемъ и мемѳріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру В. Спб. 1873.**

Другою знаменитостью въ тогдашней европейской наукѣ былъ ученикъ Лейбница, Христіанъ Вольфъ (род. 1679 г. ум. 1754 г.), профессоръ университета въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле и Марбургѣ. Его философія хотя не имѣла характера оригинальности, но отличалась строгою логическою послѣдовательностію, а вмѣстѣ особенною ясностію и опредѣленностію, пріобрѣла ему обширную школу послѣдователей и господствовала въ Германіи до появленія критической философіи Канта. Вмѣстѣ съ философіею Вольфъ занимался также физикой и математикой и другими науками. Онъ стремился составить такую систему или классификацію наукъ, которая не только обнимала бы всѣ ихъ отрасли, но и строила бы ихъ въ томъ, вполнѣ сообразномъ съ природой вещей, порядкѣ, въ которомъ послѣдующее всегда естественно проистекаетъ изъ предыдущаго ([1]). Сношенія Петра В. съ Вольфомъ начались въ то время, какъ Вольфъ былъ въ Галле. Въ 1715 г. нѣкто Орфиреусъ распустилъ слухъ, что ему удалось открыть perpetuum mobile; Петру захотѣлось воспользоваться этимъ открытіемъ, и онъ лейбъ-медику своему Блюментросту поручилъ предложить Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы только онъ усовершенствовалъ изобрѣтеніе Орфиреуса. Съ этого случая начались сношенія съ Вольфомъ. Ему нѣсколько разъ предлагали перейти въ Россію для устроенія Академіи наукъ, предлагали даже мѣсто президента въ Академіи; но Вольфъ всегда отказывался отъ этихъ предложеній, то подъ предлогомъ опасенія за свое здоровье въ суровомъ русскомъ климатѣ, то подъ предлогомъ боязни преслѣдованія со стороны русскаго духовенства. Замѣчательно, что онъ даже не совѣтовалъ Петру открывать въ Петербургѣ Академію наукъ, указывая на то, что съ ней можетъ случиться то же, что съ Академіей въ Берлинѣ, гдѣ это учрежденіе по имени извѣстно всему свѣту, но изъ этого еще ничего не вышло. „Обыкновенный университетъ, говорилъ онъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространитъ науки между русскими, не только полезнѣе для страны Академіи наукъ, которая ad plausum exterorum должна держаться, а подобныя вещи не многіе поймутъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ Академія наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству“ ([2]). Но, хотя Вольфъ отказался отъ президентства въ Академіи наукъ, однакожъ принималъ потомъ большое участіе въ ея устроеніи; лучшіе изъ первыхъ ея чле-

---

([1]) Ист. всеобщ. литер. XVIII в. Г. Геттнера т. III, 201.
([2]) Наука и литер. I, 33—39.

новъ Бернулли, Бюльфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по его рекомендаціи; къ нему учиться въ Марбургскій университетъ посылала потомъ Академія наукъ русскихъ студентовъ; у него слушалъ лекціи и первый академикъ изъ русскихъ, Ломоносовъ.

Училища старыя и новыя. Но планъ Академіи наукъ окончательно сформировался у Петра В. только уже въ послѣдніе годы его жизни (въ 1723 г.), а открыта была Академія уже послѣ его смерти, при Екатеринѣ I. Сначала же, по возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ думалъ только расширить объемъ преподаванія въ Московской академіи. Въ 1698 г. онъ говорилъ объ этой академіи патріарху Адріану: „Благодатію Божіею и здѣ есть школа... и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Еще же мнози желаютъ дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ и отдаютъ здѣ оные иноземцовъ, иніи же въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцовъ же, которые славенскаго нашего языка не знаютъ право говорити, къ сему же еще иныхъ вѣръ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси свои знати показуютъ, отъ чего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть спона (вредъ) велія, а рѣчи своей отъ неискусства повреждение. А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно и приpадѣть тщательно зѣло“ (1). Но это намѣреніе не исполнилось. Только въ 1701 г., когда протекторомъ Московской академіи былъ назначенъ Стефанъ Яворскій, она была преобразована по образцу Кіевской академіи. Затѣмъ открыто было нѣсколько епархіальныхъ школъ— въ Смоленскѣ (въ 1700 г.), Ростовѣ (въ 1702 г.), Тобольскѣ (1703—1704 г.) (2). Въ 1706 г. въ Новгородѣ была заведена славяногреческая школа, сдѣлавшаяся мѣстомъ образованія дѣтей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Въ эту школу Петръ В. посылалъ учиться неграмотныхъ дворянскихъ дѣтей, поступавшихъ потомъ въ Петербургскую морскую академію. Въ 20-хъ годахъ изъ Новгородской школы возникло до 15 школъ

(1) Истор. царств. Петра В. Устрялова, III, 511—512; Наука и литер. Пекарскаго, I, 124.

(2) Свѣдѣнія объ этихъ школахъ у Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ В. т. I, и у П. В. Знаменскаго: Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Правосл. Собес. 1878 октябрь—декабрь; 1879 январь, февраль и дал.

въ разныхъ мѣстахъ (¹). Въ Духовномъ Регламентѣ было постановлено заводить духовныя училища при всѣхъ архіерейскихъ домахъ. Здѣсь начертанъ былъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и подробный проектъ образцоваго духовнаго училища подъ названіемъ академіи и семинаріи, который и служилъ руководствомъ при устройствѣ духовныхъ семинарій и академій въ послѣдующее время. Но, рядомъ съ духовными школами стараго направленія и характера, должны были явиться новыя школы, для удовлетворенія новымъ потребностямъ. Заботы правительства въ то время направлены были преимущественно на устройство арміи и флота и приготовленіе грамотныхъ чиновниковъ для государственной службы. Поэтому прежде всего были заведены *математическія и навигаторскія школы* въ Москвѣ, а въ 1715 г. была основана въ Петербургѣ морская академія. Составителемъ Устава этой академіи и первымъ въ ней преподавателемъ былъ Андрей Фарварсонъ, профессоръ Абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ В. еще въ 1698 г. Въ числѣ другихъ учителей академіи былъ Леонтій Филипповичъ Магницкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, составившій замѣчательное руководство по ариѳметикѣ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, былъ человѣкъ умный, свѣдущій въ наукахъ, и по отзыву Тредьяковскаго „сущій христіанинъ, добросовѣстный человѣкъ, въ немъ же лести не было". Петръ В. былъ особенно расположенъ къ нему, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ и даже благословилъ образомъ, а за его глубокія познанія и, вѣроятно, привлекательную бесѣду, называлъ „*магнитомъ*" и приказалъ писаться „*Магнитскимъ*" (²). Въ 1714 г. состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ именемъ *цыфирныхъ*: „во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цыфиры и нѣкоторую часть геометріи". Преподавателями въ цыфирныхъ школахъ назначались ученики навигаторскихъ школъ. Въ 1723 г. предположено было соединить цыфирныя школы съ духовными *архіерейскими* школами. Кромѣ того, въ 1703 г. въ Москвѣ была заведена школа плѣннымъ шведскимъ пасторомъ Глюкомъ. Но Глюкъ скоро умеръ и школа перешла въ завѣдываніе магистра философіи Іенскаго университета, Іоганна Вернера Паузе. По инструкціи, данной этой школѣ, въ ней,

---

(¹) Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху Е. М. Прилежаева. Христ. Чтен. 1877, мартъ, апрѣль

(²) Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго корпуса Ѳ. Веселаго. Спб. 1852. стр. 1—12.

кромѣ языковъ, слѣдовало учить стилистику, орѳографію, счетоводство, исторію, геометрію, географію, астрономію, музыку, грамматику, реторику, логику, физику, политику и наконецъ пристойному обхожденію и страху Господню. Но Паузе скоро разсорился съ своими учителями, учениками и ихъ родственниками, и школа въ 1706 г. закрылась. Не смотря, впрочемъ, на краткое существованіе, изъ нея вышло нѣсколько образованныхъ людей, какъ то: Исаакъ и Ѳедоръ Веселовскіе, Иванъ Келлерманъ, Иванъ Грамотинъ и Лаврентій Блюментростъ ([1]).

Академія наукъ. Но центромъ новаго образованія и новой науки, по мысли Петра В., должна была служить Академія наукъ. Въ началѣ 1724 г. онъ повелѣлъ составить проектъ Академіи лейбъ-медику Блюментросту. Блюментростъ изложилъ въ этомъ проектѣ, вѣроятно, только тѣ мысли, которыя были переданы ему самимъ Петромъ. Подъ вліяніемъ, конечно, указаннаго выше совѣта Вольфа, находившаго полезнѣе основать въ Россіи университетъ, чѣмъ академію, Петръ В. вздумалъ соединить въ Академіи и университетъ, въ которомъ могли бы воспитываться академики изъ русскихъ, и гимназію, гдѣ бы приготовлялись слушатели для университета. Такимъ образомъ, Академія должна была состоять изъ трехъ, тѣсно связанныхъ между собою по цѣли, заведеній: 1) изъ Академіи наукъ, члены которой должны были „трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ", 2) изъ университета, въ которомъ академики преподавали бы публичныя лекціи „о художествахъ и наукахъ", и 3) изъ гимназіума, гдѣ адъюнкты академиковъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ и приготовляли ихъ къ поступленію въ университетъ, въ учители будущихъ училищъ и т. п. Но Петръ В. самъ не успѣлъ привести этотъ проектъ въ исполненіе; Академія была открыта уже чрезъ полгода послѣ его смерти его супругою Екатериною I, 29 декабря 1726 г. При этомъ была выполнена сначала только одна часть проекта, т. е. открыта была собственно Академія наукъ. Всѣ науки въ Академіи были раздѣлены на три отдѣленія: 1) *математическое* (нисшая и высшая математика, астрономія и географія, механика и прикладная математика) 2) *физическое* (общая физика, физіологія, анатомія, химія, ботаника) и 3) *историческое* (метафизика, логика, мораль, политика, эло-

---

([1]) Пекарскаго Истор. Акад. Наукъ, I, XVIII—XX.

квенція, исторія древняя и новая, естественное и публичное право). Президентомъ Академіи былъ назначенъ лейбъ-медикъ Блюментростъ. Преобладающимъ направленіемъ въ европейской наукѣ въ то время было направленіе математическое—реальное, развивавшееся вслѣдствіе великихъ открытій въ области математики, физики и астрономіи—Коперника, Кеплера, Ньютона и Лейбница. Поэтому и въ петербургской Академіи оно явилось господствующимъ; математическія науки получили особенное значеніе и развитіе. Представителями ихъ были въ Академіи знаменитые ученые: Германъ, Бильфингеръ, братья Бернулли, Делиль, Лейтманнъ, Леонардъ Эйлеръ и др. Кромѣ первостепеннаго положенія въ Европѣ, успѣхи математическихъ наукъ въ русской Академіи объясняются и самымъ ихъ характеромъ. Онѣ не затрогивали прямо никакихъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ вопросовъ, какъ науки историческія и политическія, а между тѣмъ могли приносить существенную пользу, будучи примѣняемы практически на дѣлѣ. Другія два отдѣленія академіи—историческое и физическое—занимали болѣе второстепенное положеніе, хотя также и въ нихъ было нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ ([1]). Что касается университета и гимназіи, то они долго не могли устроиться какъ слѣдуетъ. Гимназія сначала раздѣлена была на два отдѣленія: нѣмецкую или приготовительную школу и латинскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа была необходима потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики гимназіи, чтобы понимать ихъ и имѣть возможность учиться, должны были прежде всего выучиться по нѣмецки. Учениковъ изучившихъ нѣмецкій языкъ и наиболѣе способныхъ переводили въ латинскую школу, или настоящую гимназію. Но такихъ учениковъ оказывалось не много. Иностранныхъ преподавателей, съ теченіемъ времени, стали замѣнять русскими; но многіе изъ нихъ оказывались также недостаточно подготовленными къ преподаванію въ гимназіи, потому что назначались большею частію изъ недоучившихся студентовъ. Вообще ученіе въ гимназіи, вслѣдствіе плохаго устройства и управленія, шло плохо. Изъ рапортовъ одного ректора гимназіи, Шванвица, видно, что въ 1736 г. учениковъ въ гимназіи было только 38, и многіе изъ нихъ не ходили въ классы; такихъ бы-

([1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. Куника, Спб. 1865. Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ. Лѣтоп. русск. литер. т. V. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ П. Пекарскаго. Спб. Ч. I. 1870. Ч. II. 1873. Петръ В. какъ учредитель Академіи Наукъ. К. С. Веселовскаго. Зап. Акад. Наукъ. 1872, т. XXI. Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ, т. I. 1716—1730. Съ приложеніемъ 8 портретовъ. Спб. 1885 г.

ло до 12, а иногда и до 20. Въ 1737 г. гимназія состояла всего изъ 19 учениковъ, изъ коихъ многіе также не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось, что ни одного не было. При такомъ состояніи гимназіи, не могло образоваться и настоящаго университета. Въ немъ не кому было учиться; не было для него достаточно подготовленныхъ слушателей изъ русскихъ; ни гимназій, ни семинарій (настоящихъ) еще не было; только московская академія могла по временамъ доставлять по нѣскольку воспитанниковъ. Оставалось, вмѣстѣ съ нѣмецкими профессорами, выписывать изъ за границы и студентовъ для академическаго университета, что дѣйствительно и было на первыхъ порахъ; при открытіи Академіи было вывезено изъ Германіи восемь студентовъ, изъ коихъ четверо впослѣдствіи сдѣлались академиками. „Требовалось, говорить Миллеръ въ своихъ Запискахъ объ Академіи, чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того ни другаго не было, какъ иначе это и быть не могло. Нисшія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ; настоящихъ студентовъ было очень мало“. Совершенно справедливо заявлялъ въ послѣдствіи академикъ Мартини, что въ академическомъ университетѣ было болѣе учащихъ, чѣмъ учащихся. Чтобы дать возможность профессорамъ читать лекціи, чѣмъ обусловливалось и существованіе самаго университета, положено было университетскія лекціи сдѣлать публичными т. е. приглашать на лекціи постороннихъ слушателей; но и это мало помогало дѣлу; постороннихъ слушателей на лекціи являлось очень не много (¹). Такимъ образомъ гимназія, а особенно университетъ при Академіи долго существовали почти только по имени. А безъ гимназіи и университета плохо достигалась и главная цѣль самой Академіи, которая, по уставу, состояла въ томъ, чтобы приготовить по всѣмъ частямъ науки академиковъ изъ русскихъ. Иностранные академики (за исключеніемъ немногихъ), не знавшіе русскаго языка и писавшіе свои сочиненія на языкахъ иностранныхъ, приносили ими пользу только европейской наукѣ. Поэтому, совершенно понятнымъ становится то, что въ послѣдствіи противъ Академіи явились сильные протесты и потребовалась ей реформа.

(¹) Академическая гимназія въ XVIII ст. по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885.—Академическій университетъ по рукописнымъ документамъ архива Акад. Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885. Записки Импер. Академіи Наукъ том. LI; кн. 1. Спб. 1885.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводы и изданія книгъ. Какъ въ древнемъ періодѣ первыми памятниками славянской письменности были переводныя сочиненія съ греческаго языка, такъ и новая русская литература началась также переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Поэтому Петръ В. обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Изученіе европейскихъ языковъ не входило въ интересы древняго образованія; но въ посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще веденія посольскихъ дѣлъ, были толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ (преимущественно поляковъ и нѣмцевъ). Эти толмачи и были первыми переводчиками иностранныхъ книгъ. Между ними извѣстны: Говзинскій, переводчикъ басенъ Езопа и тропника папы Иннокентія, Николай Спаѳарій, переведшій Христологіонъ, голландецъ Андрей Виніусъ, который не только переводилъ книги, но и, по порученію Петра, просматривалъ переводы другихъ переводчиковъ. Послѣ толмачей посольскаго приказа, главными переводчиками были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академій. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который и былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе и французскіе ученые и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, при знаніи латинскаго языка, московскіе и особенно кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Гавріилъ Бужинскій напр., не зная нѣмецкаго языка, перевелъ „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ нѣмецкаго писателя Пуффендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Кромѣ Бужинскаго, изъ кіевскихъ ученыхъ извѣстны какъ переводчики Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ, который, кромѣ латинскаго, зналъ еще нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ ученые греки братья Лихуды и ученики ихъ, Ѳедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Лихуды, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, знали еще языкъ итальянскій, который и преподавали, по приказанію Петра. Когда они перешли въ Новгородъ и здѣсь основали училище, Петръ посылалъ къ нимъ книги для перевода. Ѳедоръ Поликарповъ, справщикъ и потомъ директоръ московской типографіи († 1730 г.), былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ плановъ Петра по переводу и печатанію книгъ. Барсовъ также послѣ Поликарпова былъ директоромъ типогра-

фіи и занимался переводомъ и печатаніемъ книгъ. Послѣ учрежденія Синода, Петръ сталъ посылать книги для перевода въ Синодъ. „Посылаю при семъ, писалъ онъ въ 1724 г., книгу Пуфендорфа, въ которой два трактата, первый о должности человѣка и гражданина (de officio hominis et civis), другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ“ ([1]). Предположивъ открыть Академію наукъ, онъ назначалъ одною изъ главныхъ обязанностей академиковъ переводить книги. Кромѣ того, у него была мысль воспользоваться для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ западными славянами, которые, живя посреди европейцевъ, легче могли изучать европейскіе языки. Извѣстно, что, между прочимъ, въ Прагѣ онъ отыскивалъ переводчиковъ; въ Прагу же были отправляемы для переводовъ Ѳеофилъ Кроликъ и Леонтій Воейковъ и ученики латинской школы въ Москвѣ Анохинъ, Козловскій и Суворовъ.

Сознавая всю важность переводовъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ В. самъ руководилъ этимъ дѣломъ, самъ выбиралъ книги и слѣдилъ за ихъ переводомъ, нѣкоторые переводы самъ просматривалъ и повѣрялъ и въ тоже время издавалъ правила, какъ надобно переводить. Въ 1713 г. онъ отдалъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ для отсылки въ Москву, для перевода на русскій языкъ. Узнавъ, что о древнихъ языческихъ религіяхъ есть очень хорошее сочиненіе грамматика Аполлодора, онъ поручилъ Синоду перевести его „*Библіотеку о богахъ*“. Когда назначенныя книги долго не переводили, онъ сердился и дѣлалъ побужденія чрезъ того же Пушкина, чрезъ котораго отдавалъ книги для перевода. Такъ, въ 1718 г. Пушкинъ писалъ къ переводчику Поликарпову: „Да для чего, спрашивалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній,—книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому“ (Ѳеофилакту Лопатинскому, который тогда былъ ректоромъ московской академіи). Въ другомъ письмѣ къ нему же онъ писалъ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и чтобы не навелъ гнѣву“. Въ третьемъ письмѣ сказано: „Писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ; а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ“ ([2]). Когда въ 1724 г. Петру представлены были въ пере-

([1]) Наука и литер. I, 213.—([2]) Тамъ же 1, 211.

водѣ нѣкоторыя статьи изъ назначенной имъ для перевода книги Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld-Leben Вольфганга Гельмгарда Гохберга, то онъ принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственною рукою написанное наставленіе: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“ ([1]). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда книга имѣла важное значеніе и была согласна съ его взглядами и цѣлями, онъ требовалъ полнаго и точнаго перевода. Извѣстно, какъ онъ разсердился на Бужинскаго, когда тотъ въ переводѣ „Введенія въ исторію европейскихъ государствъ“ Пуффендорфа выпустилъ одно мѣсто, гдѣ Пуффендорфъ слишкомъ грубо и обидно отзывается о характерѣ русскаго народа: „Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгой? спросилъ онъ Бужинскаго.—Перевести, отвѣчалъ тотъ.—Развѣ это переведено, возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто. Тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть“ ([2]). Не довольствуясь подобными наставленіями по случаю, Петръ В. издалъ въ 1724 г. слѣдующій указъ о переводѣ книгъ: „Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ (ремесленныхъ), понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть то не можетъ; того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ (были) всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества же слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя“ ([3]). Замѣтимъ еще, что при переводѣ книгъ предписывалось держаться болѣе простаго слога и русска-

---

([1]) Тамъ же стр. 214—([2]) Тамъ же стр. 326.—([3]) Тамъ же стр. 243.

го языка, чѣмъ славянскаго. Возвращая Поликарпову переведенную имъ Географію Варенія, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему, что она „переведена гораздо плохо“ и прибавилъ: „того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть ненадобеть, но посольскаго приказу употреби слова“ ([1]). Такъ какъ переводы и изданія книгъ были дѣломъ новымъ, требовавшимъ поддержки, то для того, чтобы обратить вниманіе на ту или другую книгу, или оправдать ея появленіе въ глазахъ строгихъ людей, подозрительно относившихся особенно къ свѣтскимъ книгамъ, находили нужнымъ прибавлять къ книгамъ такія предисловія, въ которыхъ объяснялись значеніе или польза книги. Къ Аполлодоровой Библіотекѣ о богахъ, по повелѣнію Петра, было приложено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ предисловіе, въ которомъ объяснялось, что „такъ какъ любящимъ Бога, по словамъ апостола, вся споспѣшествуетъ во благое, то боголюбивый христіанинъ и языческія писанія, хотя и ложныя и суевѣрныя, можетъ употребить себѣ къ созиданію. И яко же Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божіею помощію можемъ и во вредномъ пользу получить“. Въ предисловіи къ исторіи Пуффендорфа была указана польза историческихъ книгъ и приведены примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіей.

Кромѣ правительства, и нѣкоторыя частныя лица заботились о переводѣ книгъ и составляли для себя библіотеки, которыя потомъ сдѣлались достояніемъ государства, перешли въ библіотеку Академіи Наукъ и въ Импер. публичную библіотеку. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ преподавателямъ и студентамъ Кіевской академіи переводить для себя разныя сочиненія. Въ богатой его библіотекѣ, которою пользовался Татищевъ и которая потомъ перешла къ графу Толстому (нынѣ въ Импер. публичной библіотекѣ), сохранилось много рукописныхъ переводныхъ сочиненій по части философіи права, политики и исторіи ([2]). Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В. въ распространеніи наукъ въ Россіи былъ знаменитый графъ Брюсъ (род. 1670, ум. 1735 г.). „Будучи изъ младыхъ лѣтъ при Петрѣ В., говоритъ о немъ Татищевъ, многія къ знанію нужныя и пользѣ государя и государства съ англійскаго и нѣмецка-

([1]) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи. Я. К. Грота. Записки Акад. Наукъ т. XXI.

([2]) Переводы эти указаны у Пекарскаго: Наука и литер. I, 255—257.

го на россійскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ". Библіотеку свою, состоявшую болѣе, чѣмъ изъ 1500 книгъ, и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію наукъ ([1]). Самъ Татищевъ также любилъ собирать книги и составилъ библіотеку изъ 1000 книгъ. Значительныя собранія иностранныхъ книгъ остались послѣ Андрея Виніуса и вицеканцлера Шафирова, поступившія въ Академію наукъ. О переводѣ книгъ заботились также князь Димитрій Кантемиръ, по порученію котораго была переведена сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ „Система магометанской религіи" переводчикомъ Академіи наукъ Ильинскимъ, и выходецъ изъ Турціи Савва Рагузинскій, переведшій книгу Орбини „О славянахъ". Князь Иванъ Андр. Щербатовъ, находясь за границей, перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло: „Деньги и купечество". Графъ П. А. Толстой перевелъ Метаморфозы Овидія; графъ Андрей Матвѣевъ—сокращеніе Церковной исторіи Баронія.

О богатствѣ переводной литературы въ эпоху Петра В. нельзя судить по однимъ печатнымъ изданіямъ книгъ, потому что многіе переводы, по разнымъ причинамъ, не были изданы и до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Первый отдѣлъ этой литературы составляютъ такія книги, которыя переводились съ тою цѣлію, чтобы познакомить русскихъ людей съ новыми воззрѣніями по части политическаго устройства государства, по части исторіи права и законодательства. Таковы были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: *Гуго Гроція*—О законахъ брани и мира (De jure belli ac pacis libri III, 1625)—сочиненіе, которое составило эпоху въ наукѣ о правѣ. Въ немъ источникомъ права представлено естественное влеченіе человѣка къ общежитію и происходящія отсюда требованія, что послужило началомъ особой науки естественнаго права, отдѣльно отъ морали, политики и положительнаго права. *Самуила Пуффендорфа* (род. 1632 ум. 1694 г., былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ), который, будучи ученикомъ Гроція, полнѣе и опредѣленнѣе развилъ его ученіе о правѣ и весьма много также содѣйствовалъ улучшенію историческаго метода, указавъ на необходимость изложенія въ исторіи внутренняго состоянія государствъ, воспитанія, образованія, нравовъ и обычаевъ; „О законахъ естества и народовъ" (De jure naturae et gentium libri VIII, 1672 г.); „О должностяхъ человѣка и гражданина" (De officio hominis et civis juxta legem natura-

---

([1]) Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. И. Забѣлина. Лѣтоп русск. литер. т. I, 1859 г.

lem libri duo, 1672 г.), перев. Гавріиломъ Бужинскимъ; „О статѣ государства нѣмецкаго“, сочиненіе, изданное подъ псевдонимомъ Северина Монзамбана (Severinus de Monzamban, De statu reipublicae germanicae liber unus, 1667); „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ перев. Бужинскаго въ 1718 г. *Юста Липсія* (1547—1606): „Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе“, перев. іером. Симономъ Кохановскимъ; *Іоанна Павла Фельвингера*: „Дискурсы политичные“ (Dissertationes politicae). *Николая Вернулія*: „Установленій политическихъ книги 4“ (Institutiones politicae libri IV, 1624 и 1635). Кромѣ того, по исторіи были переведены: *Іоанна Слейдана*: „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (De quatuor summis imperiis libri III)—сочиненіе, бывшее въ XVI—XVII в. лучшимъ руководствомъ по всеобщей исторіи въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ Германіи и породившее множество подражаній. *Баронія*: „Дѣянія церковныя и гражданскія“ (Annales ecclesiastici); *Стратемана* (Оснабрюкскаго епископа, изъ протестантовъ)—„Θеатронъ, или Позоръ историческій“ (Theatrum historicum) въ переводѣ Бужинскаго. Послѣднее сочиненіе отличается особенною вѣротерпимостію и вообще написано такъ либерально, что при Елисаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. подвергалось запрещенію (¹). *Іоанна Дебусьера*—„Исторія о державѣ французской“ (Lion 1661). *Мавра Орбини*—„О славянахъ“, гдѣ исторія славянъ начинается съ сына Ноева, Іафета, который представляется прародителемъ славянъ, разселившихся, по мнѣнію Орбини, почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки. По географіи: *Гюйгенса* „Книга мірозрѣнія“, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ была принята система Коперника. *Филиппа Клюверія* (род. въ Данцигѣ 1580 г.) „Введеніе въ географію, древнюю и новую“ (въ шести томахъ), бывшее первымъ опытомъ въ изложеніи историко-политической географіи, отличавшееся замѣчательною полнотою и точностію. *Бернгарда Варенія* „Всеобщая географія“ (Geographia generalis), въ переводѣ Θ. Поликарпова. *Іоанна Гибнера* „Краткіе вопросы изъ новой географіи“. Большая часть изъ перечисленныхъ сочиненій въ то время были самыми новыми, а нѣкоторыя, какъ напр. сочиненія Пуффендорфа, такими либеральными, что даже въ самой Германіи подвергались запрещенію.

Второй отдѣлъ въ переводной петровской литературѣ составляли книги *общеобразовательныя*, которыя должны были распространять въ русскомъ обществѣ разныя полезныя и интересныя знанія по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Къ нимъ от-

(¹) Смотр. Распоряженіе св. Синода объ отобраніи книги «Θеатронъ», сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, мартъ.

носятся: *Притчи Езопа и Ватрахоміомахія* (Бой мышей и лягушекъ), въ переводѣ Копіевича, напеч. въ Амстердамѣ у Тессинга въ 1700 г. съ 47 гравюрами; Аполлодора, грамматика Аѳинскаго (во 2 вѣкѣ до Р. Х.), *„Библіотека о богахъ“*, въ переводѣ Барсова, съ предисловіемъ Прокоповича; „Зрѣлище житія человѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми“ 1674 г., въ переводѣ Андр. Виніуса; *Исторія о разореніи града Трои*. Москва 1709; *Полидора Виргилія Урбинскаго*—„О изобрѣтателяхъ вещей“. Москва 1720; *Метаморфозы Овидія*; *Апофѳегмата* т. е. краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги. Москва 1716; *Книги Квинта Курція* „О дѣлахъ содѣланныхъ Александра В. царя Македонскаго“ 1709 г. *Юности честное зерцало*, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ. Въ началѣ его, послѣ азбуки и цыфири, помѣщены краткія нравоученія изъ свящ. Писанія. Затѣмъ слѣдуютъ правила, какъ держать себя въ обществѣ, соблюдать разныя свѣтскія приличія. Они заимствованы изъ тѣхъ нѣмецкихъ руководствъ, которыя, подъ названіемъ Spiegel für die Bildung, Der goldene Spiegel и т. п. были распространены въ Германіи въ началѣ XVIII в. Правила Зерцала должны были замѣнить собою правила Домостроя ([1]). Между прочими, въ немъ предписывается слѣдующее правило: „Молодые отроки всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ распознать“... *Приклады* (примѣры, образцы), *како пишутся комплементы* т. е. писанія (посланія) отъ потентатовъ къ потентатамъ, поздравительные и сожалѣтельные и иные, такожде между сродниковъ и пріятелей. Москва 1708. Этими Прикладами, переведенными съ нѣмецкаго, Петръ В. хотѣлъ и въ частную переписку русскихъ людей ввести новые европейскіе пріемы, на мѣсто тѣхъ образцовъ посланій къ патріарху, епископамъ, настоятелямъ, игуменамъ, чернецамъ, боярамъ, воеводамъ и простымъ лицамъ, которые встрѣчаются въ старыхъ сборникахъ XVII—XVIII в. Въ этихъ старыхъ посланіяхъ мы находимъ съ одной стороны крайнее превознесеніе лица, къ которому обращается посланіе, а съ другой жалкое, непомѣрное самоуниженіе лица, пишущаго посланіе. Князь Юрій Ромодановскій писалъ князю Василію Голицыну, что онъ „Юшка ему челомъ бьетъ“; дядя князя Василія Голицына подъ письмами къ нему подписывался: „дядя

([1]) Сравненіе Зерцала съ Домостроемъ въ статьѣ Аѳанасьева: Школа свѣтскихъ приличій. Атеней 1858 г. № 34.

твой Мишка Голицынъ челомъ бьетъ"; жена Голицына къ супругу своему обращалась: „женишка твоя Дунька много челомъ бьетъ до лица земнаго". Въ Прикладахъ уже нѣтъ такого самоуниженія и въ обращеніяхъ къ лицу, согласно европейскимъ обычаямъ, употребляется *вы*, а не *ты* (1).

Нѣкоторыя изъ указанныхъ книгъ, какъ то: Езоповы басни, Апофѳегмата и др. были переведены еще въ прежнее время, но только не были напечатаны. При Петрѣ В., рядомъ съ переводомъ новыхъ книгъ, дѣлались изданія книгъ прежде переведенныхъ, а также переводились и составлялись такія книги, которыя могли быть учебными руководствами по разнымъ отдѣламъ науки. Это третій отдѣлъ книгъ въ петровскую эпоху. Къ нему относятся книги, изданныя по порученію Петра Тессингомъ и Копіевичемъ: 1) Введеніе краткое въ исторію, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 2) Славянская и латинская грамматики и вокабулы. Въ первой помѣщено извлеченіе изъ грамматики Смотрицкаго, а въ концѣ приложены образцы разговоровъ, къ удобнѣйшему познанію языковъ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго). 3) Руковеденіе въ ариѳметику, состоящее въ изложеніи первыхъ четырехъ правилъ, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 4) Географія или краткое земнаго круга описаніе, изд. въ 1710 г. 5) Дружескіе разговоры Эразма, изд. въ 1716 г., по приказанію Петра. Въ предисловіи къ разговорамъ высказана мысль, что русскіе скорѣе узнаютъ иностранные языки и будутъ охотнѣе заниматься ими, если переводы будутъ издаваться вмѣстѣ съ иностранными подлинниками. Кромѣ того, при Петрѣ В. два раза былъ изданъ „Синопсисъ" Иннокентія Гизеля. Въ 1703 г. была напечатана *Ариѳметика Магницкаго*. Это была первая ариѳметика, написанная арабскими цифрами; до нея употреблялись въ ариѳметикахъ, вмѣсто чиселъ, буквы славянской азбуки. На первомъ листѣ ариѳметики помѣщена виньетка, изображающая храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано имя Божіе по еврейски, нарисована женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ, изображающая ариѳметику. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ, „тщаніемъ", на другой „ученіемъ", поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: „Ариѳметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ". Кромѣ виньетки, находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пиѳагора. Книга раздѣле-

(1) Наука и литер. II, 180—182.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводы и изданія книгъ. Какъ въ древнемъ періодѣ первыми памятниками славянской письменности были переводныя сочиненія съ греческаго языка, такъ и новая русская литература началась также переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Поэтому Петръ В. обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Изученіе европейскихъ языковъ не входило въ интересы древняго образованія; но въ посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще веденія посольскихъ дѣлъ, были толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ (преимущественно поляковъ и нѣмцевъ). Эти толмачи и были первыми переводчиками иностранныхъ книгъ. Между ними извѣстны: Говзинскій, переводчикъ басенъ Езопа и тропника папы Иннокентія, Николай Спаѳарій, переведшій Христологіонъ, голландецъ Андрей Виніусъ, который не только переводилъ книги, но и, по порученію Петра, просматривалъ переводы другихъ переводчиковъ. Послѣ толмачей посольскаго приказа, главными переводчиками были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академій. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который и былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе и французскіе ученые и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, при знаніи латинскаго языка, московскіе и особенно кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Гавріилъ Бужинскій напр., не зная нѣмецкаго языка, перевелъ „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ нѣмецкаго писателя Пуффендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Кромѣ Бужинскаго, изъ кіевскихъ ученыхъ извѣстны какъ переводчики Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ, который, кромѣ латинскаго, зналъ еще нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ ученые греки братья Лихуды и ученики ихъ, Ѳедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Лихуды, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, знали еще языкъ итальянскій, который и преподавали, по приказанію Петра. Когда они перешли въ Новгородъ и здѣсь основали училище, Петръ посылалъ къ нимъ книги для перевода. Ѳедоръ Поликарповъ, справщикъ и потомъ директоръ московской типографіи († 1730 г.), былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ плановъ Петра по переводу и печатанію книгъ. Барсовъ также послѣ Поликарпова былъ директоромъ типогра-

фіи и занимался переводомъ и печатаніемъ книгъ. Послѣ учрежденія Синода, Петръ сталъ посылать книги для перевода въ Синодъ. „Посылаю при семъ, писалъ онъ въ 1724 г., книгу Пуффендорфа, въ которой два трактата, первый о должности человѣка и гражданина (de officio hominis et civis), другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ“ ([1]). Предположивъ открыть Академію наукъ, онъ назначалъ одною изъ главныхъ обязанностей академиковъ переводить книги. Кромѣ того, у него была мысль воспользоваться для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ западными славянами, которые, живя посреди европейцевъ, легче могли изучать европейскіе языки. Извѣстно, что, между прочимъ, въ Прагѣ онъ отыскивалъ переводчиковъ; въ Прагу же были отправляемы для переводовъ Ѳеофилъ Кроликъ и Леонтій Воейковъ и ученики латинской школы въ Москвѣ Анохинъ, Козловскій и Суворовъ.

Сознавая всю важность переводовъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ В. самъ руководилъ этимъ дѣломъ, самъ выбиралъ книги и слѣдилъ за ихъ переводомъ, нѣкоторые переводы самъ просматривалъ и повѣрялъ и въ тоже время издавалъ правила, какъ надобно переводить. Въ 1713 г. онъ отдалъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ для отсылки въ Москву, для перевода на русскій языкъ. Узнавъ, что о древнихъ языческихъ религіяхъ есть очень хорошее сочиненіе грамматика Аполлодора, онъ поручилъ Синоду перевести его „*Библіотеку о богахъ*“. Когда назначенныя книги долго не переводили, онъ сердился и дѣлалъ побужденія чрезъ того же Пушкина, чрезъ котораго отдавалъ книги для перевода. Такъ, въ 1718 г. Пушкинъ писалъ къ переводчику Поликарпову: „Да для чего, спрашивалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній,—книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому“ (Ѳеофилакту Лопатинскому, который тогда былъ ректоромъ московской академіи). Въ другомъ письмѣ къ нему же онъ писалъ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и чтобы не навелъ гнѣву“. Въ третьемъ письмѣ сказано: „Писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ; а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ“ ([2]). Когда въ 1724 г. Петру представлены были въ пере-

([1]) Наука и литер. I, 213.—([2]) Тамъ же 1, 211.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводы и изданія книгъ. Какъ въ древнемъ періодѣ первыми памятниками славянской письменности были переводныя сочиненія съ греческаго языка, такъ и новая русская литература началась также переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Поэтому Петръ В. обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Изученіе европейскихъ языковъ не входило въ интересы древняго образованія; но въ посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще веденія посольскихъ дѣлъ, были толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ (преимущественно поляковъ и нѣмцевъ). Эти толмачи и были первыми переводчиками иностранныхъ книгъ. Между ними извѣстны: Говзинскій, переводчикъ басенъ Езопа и тропника папы Иннокентія, Николай Спаѳарій, переведшій Христологіонъ, голландецъ Андрей Виніусъ, который не только переводилъ книги, но и, по порученію Петра, просматривалъ переводы другихъ переводчиковъ. Послѣ толмачей посольскаго приказа, главными переводчиками были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академій. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который и былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе и французскіе ученые и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, при знаніи латинскаго языка, московскіе и особенно кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Гавріилъ Бужинскій напр., не зная нѣмецкаго языка, перевелъ „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ нѣмецкаго писателя Пуфендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Кромѣ Бужинскаго, изъ кіевскихъ ученыхъ извѣстны какъ переводчики Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ, который, кромѣ латинскаго, зналъ еще нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ ученые греки братья Лихуды и ученики ихъ, Ѳедоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Лихуды, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, знали еще языкъ итальянскій, который и преподавали, по приказанію Петра. Когда они перешли въ Новгородъ и здѣсь основали училище, Петръ посылалъ къ нимъ книги для перевода. Ѳедоръ Поликарповъ, справщикъ и потомъ директоръ московской типографіи († 1730 г.), былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ плановъ Петра по переводу и печатанію книгъ. Барсовъ также послѣ Поликарпова былъ директоромъ типогра-

го языка, чѣмъ славянскаго. Возвращая Поликарпову переведенную имъ Географію Варенія, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему, что она „переведена гораздо плохо“ и прибавилъ: „того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть ненадобеть, но посольскаго приказу употреби слова“ (1). Такъ какъ переводы и изданія книгъ были дѣломъ новымъ, требовавшимъ поддержки, то для того, чтобы обратить вниманіе на ту или другую книгу, или оправдать ея появленіе въ глазахъ строгихъ людей, подозрительно относившихся особенно къ свѣтскимъ книгамъ, находили нужнымъ прибавлять къ книгамъ такія предисловія, въ которыхъ объяснялись значеніе или польза книги. Къ Аполлодоровой Библіотекѣ о богахъ, по повелѣнію Петра, было приложено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ предисловіе, въ которомъ объяснялось, что „такъ какъ любящимъ Бога, по словамъ апостола, вся споспѣшествуетъ во благое, то боголюбивый христіанинъ и языческія писанія, хотя и ложныя и суевѣрныя, можетъ употребить себѣ къ созиданію. И яко же Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божіею помощію можемъ и во вредномъ пользу получить“. Въ предисловіи къ исторіи Пуффендорфа была указана польза историческихъ книгъ и приведены примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіей.

Кромѣ правительства, и нѣкоторыя частныя лица заботились о переводѣ книгъ и составляли для себя библіотеки, которыя потомъ сдѣлались достояніемъ государства, перешли въ библіотеку Академіи Наукъ и въ Импер. публичную библіотеку. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ преподавателямъ и студентамъ Кіевской академіи переводить для себя разныя сочиненія. Въ богатой его библіотекѣ, которою пользовался Татищевъ и которая потомъ перешла къ графу Толстому (нынѣ въ Импер. публичной библіотекѣ), сохранилось много рукописныхъ переводныхъ сочиненій по части философіи права, политики и исторіи (2). Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В. въ распространеніи наукъ въ Россіи былъ знаменитый графъ Брюсъ (род. 1670, ум. 1735 г.). „Будучи изъ младыхъ лѣтъ при Петрѣ В., говоритъ о немъ Татищевъ, многія къ знанію нужныя и пользѣ государя и государства съ англійскаго и нѣмецка-

(1) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи. Я. К. Грота. Записки Акад. Наукъ т. XXI.

(2) Переводы эти указаны у Пекарскаго: Наука и литер. I, 255—257.

го на россійскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ". Библіотеку свою, состоявшую болѣе, чѣмъ изъ 1500 книгъ, и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію наукъ ([1]). Самъ Татищевъ также любилъ собирать книги и составилъ библіотеку изъ 1000 книгъ. Значительныя собранія иностранныхъ книгъ остались послѣ Андрея Виніуса и вицеканцлера Шафирова, поступившія въ Академію наукъ. О переводѣ книгъ заботились также князь Димитрій Кантемиръ, по порученію котораго была переведена сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ „Система магометанской религіи" переводчикомъ Академіи наукъ Ильинскимъ, и выходецъ изъ Турціи Савва Рагузинскій, переведшій книгу Орбини „О славянахъ". Князь Иванъ Андр. Щербатовъ, находясь за границей, перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло: „Деньги и купечество". Графъ П. А. Толстой перевелъ Метаморфозы Овидія; графъ Андрей Матвѣевъ—сокращеніе Церковной исторіи Баронія.

О богатствѣ переводной литературы въ эпоху Петра В. нельзя судить по однимъ печатнымъ изданіямъ книгъ, потому что многіе переводы, по разнымъ причинамъ, не были изданы и до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Первый отдѣлъ этой литературы составляютъ такія книги, которыя переводились съ тою цѣлію, чтобы познакомить русскихъ людей съ новыми воззрѣніями по части политическаго устройства государства, по части исторіи права и законодательства. Таковы были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: *Гуго Гроція*—О законахъ брани и мира (De jure belli ac pacis libri III, 1625)—сочиненіе, которое составило эпоху въ наукѣ о правѣ. Въ немъ источникомъ права представлено естественное влеченіе человѣка къ общежитію и происходящія отсюда требованія, что послужило началомъ особой науки естественнаго права, отдѣльно отъ морали, политики и положительнаго права. *Самуила Пуффендорфа* (род. 1632 ум. 1694 г., былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ), который, будучи ученикомъ Гроція, полнѣе и опредѣленнѣе развилъ его ученіе о правѣ и весьма много также содѣйствовалъ улучшенію историческаго метода, указавъ на необходимость изложенія въ исторіи внутренняго состоянія государствъ, воспитанія, образованія, нравовъ и обычаевъ; „О законахъ естества и народовъ" (De jure naturae et gentium libri VIII, 1672 г.); „О должностяхъ человѣка и гражданина" (De officio hominis et civis juxta legem natura-

([1]) **Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. И. Забѣлина. Лѣтоп русск. литер. т. I, 1859 г.**

lem libri duo, 1672 г.), перев. Гавріиломъ Бужинскимъ; „О статѣ государства нѣмецкаго“, сочиненіе, изданное подъ псевдонимомъ Северина Монзамбана (Severinus de Monzamban, De statu reipublicae germanicae liber unus, 1667); „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ перев. Бужинскаго въ 1718 г. *Юста Липсія* (1547—1606): „Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе“, перев. іером. Симономъ Кохановскимъ; *Іоанна Павла Фельвингера*: „Дискурсы политичные“ (Dissertationes politicae). *Николая Вернулія*: „Установленій политическихъ книги 4“ (Institutiones politicae libri IV, 1624 и 1635). Кромѣ того, по исторіи были переведены: *Іоанна Слейдана:* „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (De quatuor summis imperiis libri III)—сочиненіе, бывшее въ XVI—XVII в. лучшимъ руководствомъ по всеобщей исторіи въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ Германіи и породившее множество подражаній. *Баронія*: „Дѣянія церковныя и гражданскія“ (Annales ecclesiastici); *Стратемана* (Оснабрюкскаго епископа, изъ протестантовъ)—„Ѳеатронъ, или Позоръ историческій“ (Theatrum historicum) въ переводѣ Бужинскаго. Послѣднее сочиненіе отличается особенною вѣротерпимостію и вообще написано такъ либерально, что при Елисаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. подвергалось запрещенію ([1]). *Іоанна Дебусьера*—„Исторія о державѣ французской“ (Lion 1661). *Мавра Орбини*—„О славянахъ“, гдѣ исторія славянъ начинается съ сына Ноева, Іафета, который представляется прародителемъ славянъ, разселившихся, по мнѣнію Орбини, почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки. По географіи: *Гюйгенса* „Книга мірозрѣнія“, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ была принята система Коперника. *Филиппа Клюверія* (род. въ Данцигѣ 1580 г.) „Введеніе въ географію, древнюю и новую“ (въ шести томахъ), бывшее первымъ опытомъ въ изложеніи историко-политической географіи, отличавшееся замѣчательною полнотою и точностію. *Бернгарда Варенія* „Всеобщая географія“ (Geographia generalis), въ переводѣ Ѳ. Поликарпова. *Іоанна Гибнера* „Краткіе вопросы изъ новой географіи“. Большая часть изъ перечисленныхъ сочиненій въ то время были самыми новыми, а нѣкоторыя, какъ напр. сочиненія Пуффендорфа, такими либеральными, что даже въ самой Германіи подвергались запрещенію.

Второй отдѣлъ въ переводной петровской литературѣ составляли книги *общеобразовательныя*, которыя должны были распространять въ русскомъ обществѣ разныя полезныя и интересныя знанія по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Къ нимъ от-

---

([1]) Смотр. Распоряженіе св. Синода объ отобраніи книги «Ѳеатронъ», сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, мартъ.

го на россійскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ". Библіотеку свою, состоявшую болѣе, чѣмъ изъ 1500 книгъ, и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію наукъ (¹). Самъ Татищевъ также любилъ собирать книги и составилъ библіотеку изъ 1000 книгъ. Значительныя собранія иностранныхъ книгъ остались послѣ Андрея Виніуса и вицеканцлера Шафирова, поступившія въ Академію наукъ. О переводѣ книгъ заботились также князь Димитрій Кантемиръ, по порученію котораго была переведена сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ „Система магометанской религіи" переводчикомъ Академіи наукъ Ильинскимъ, и выходецъ изъ Турціи Савва Рагузинскій, переведшій книгу Орбини „О славянахъ". Князь Иванъ Андр. Щербатовъ, находясь за границей, перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло: „Деньги и купечество". Графъ П. А. Толстой перевелъ Метаморфозы Овидія; графъ Андрей Матвѣевъ—сокращеніе Церковной исторіи Баронія.

О богатствѣ переводной литературы въ эпоху Петра В. нельзя судить по однимъ печатнымъ изданіямъ книгъ, потому что многіе переводы, по разнымъ причинамъ, не были изданы и до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Первый отдѣлъ этой литературы составляютъ такія книги, которыя переводились съ тою цѣлію, чтобы познакомить русскихъ людей съ новыми воззрѣніями по части политическаго устройства государства, по части исторіи права и законодательства. Таковы были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: *Гуго Гроція*—О законахъ брани и мира (De jure belli ac pacis libri III, 1625)—сочиненіе, которое составило эпоху въ наукѣ о правѣ. Въ немъ источникомъ права представлено естественное влеченіе человѣка къ общежитію и происходящія отсюда требованія, что послужило началомъ особой науки естественнаго права, отдѣльно отъ морали, политики и положительнаго права. *Самуила Пуффендорфа* (род. 1632 ум. 1694 г., былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ), который, будучи ученикомъ Гроція, полнѣе и опредѣленнѣе развилъ его ученіе о правѣ и весьма много также содѣйствовалъ улучшенію историческаго метода, указавъ на необходимость изложенія въ исторіи внутренняго состоянія государствъ, воспитанія, образованія, нравовъ и обычаевъ; „О законахъ естества и народовъ" (De jure naturae et gentium libri VIII, 1672 г.); „О должностяхъ человѣка и гражданина" (De officio hominis et civis juxta legem natura-

---

(¹) **Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. И. Забѣлина. Лѣтоп русск. литер. т. I, 1859 г.**

lem libri duo, 1672 г.), перев. Гавріиломъ Бужинскимъ; „О статѣ государства нѣмецкаго“, сочиненіе, изданное подъ псевдонимомъ Северина Монзамбана (Severinus de Monzamban, De statu reipublicae germanicae liber unus, 1667); „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ перев. Бужинскаго въ 1718 г. *Юста Липсія* (1547—1606): „Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе“, перев. іером. Симономъ Кохановскимъ; *Іоанна Павла Фельвингера*: „Дискурсы политичные“ (Dissertationes politicae). *Николая Вернуллія*: „Установленій политическихъ книги 4“ (Institutiones politicae libri IV, 1624 и 1635). Кромѣ того, по исторіи были переведены: *Іоанна Слейдана:* „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (De quatuor summis imperiis libri III)—сочиненіе, бывшее въ XVI—XVII в. лучшимъ руководствомъ по всеобщей исторіи въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ Германіи и породившее множество подражаній. *Баронія*: „Дѣянія церковныя и гражданскія“ (Annales ecclesiastici); *Стратемана* (Оснабрюкскаго епископа, изъ протестантовъ)—„Ѳеатронъ, или Позоръ историческій“ (Theatrum historicum) въ переводѣ Бужинскаго. Послѣднее сочиненіе отличается особенною вѣротерпимостію и вообще написано такъ либерально, что при Елисаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. подвергалось запрещенію ([1]). *Іоанна Дебусьера*—„Исторія о державѣ французской“ (Lion 1661). *Мавра Орбини*—„О славянахъ“, гдѣ исторія славянъ начинается съ сына Ноева, Іафета, который представляется прародителемъ славянъ, разселившихся, по мнѣнію Орбини, почти во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки. По географіи: *Гюйгенса* „Книга мірозрѣнія“, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ была принята система Коперника. *Филиппа Клюверія* (род. въ Данцигѣ 1580 г.) „Введеніе въ географію, древнюю и новую“ (въ шести томахъ), бывшее первымъ опытомъ въ изложеніи историко-политической географіи, отличавшееся замѣчательною полнотою и точностію. *Бернгарда Варенія* „Всеобщая географія“ (Geographia generalis), въ переводѣ Ѳ. Поликарпова. *Іоанна Гибнера* „Краткіе вопросы изъ новой географіи“. Большая часть изъ перечисленныхъ сочиненій въ то время были самыми новыми, а нѣкоторыя, какъ напр. сочиненія Пуффендорфа, такими либеральными, что даже въ самой Германіи подвергались запрещенію.

Второй отдѣлъ въ переводной петровской литературѣ составляли книги *общеобразовательныя*, которыя должны были распространять въ русскомъ обществѣ разныя полезныя и интересныя знанія по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Къ нимъ от-

---

([1]) Смотр. Распоряженіе св. Синода объ отобраніи книги «Ѳеатронъ», сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, мартъ.

говорившіе, что ученіе производитъ ереси: „Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей, ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія, бѣсновавшихся еретиковъ (перечисляются Валентины, Манихеи, Каѳары и др.), наши же русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иные; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнить дурное ихъ мнѣніе уже и по познаніи истины противъ совѣсти своей.... И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все хуждшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ, временахъ.... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы самыи лучшія христіанстія особы и запрещали бы инымъ учитися. А то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо священнаго писанія, но и внѣшней философіи, и кромѣ многихъ иныхъ славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи“... Но надобно наблюдать, чтобы ученіе было доброе и основательное. „Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть, а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе. Обычно вопрошаютъ мнози, въ которыхъ школахъ былъ онсица; и когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою, кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или ниже мало искусенъ“. Это разсужденіе, очевидно, направлено противъ ученыхъ стараго кіевскаго и московскаго образованія, которые представлялись врагами реформы и новаго образованія. „Тогда выходятъ люди мало свѣдущіе и мало образованные, знающіе только имена реторики и философіи. Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать мощно. познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися, когда вопреки, прямымъ ученіемъ посвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Сеже вельми бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы

не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству и церкви, предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобы такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученіи похваляемь есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія". Изложивъ свойства истиннаго образованія и представивъ характеристику мнимыхъ мудрецовъ, Регламентъ, или составитель Регламента, Прокоповичъ излагаетъ *чинъ ученія*, или уставъ и планъ проектируемой имъ высшей духовной школы—академіи и семинаріи. Курсъ ученія назначается осьмилѣтній. Въ первый годъ должны преподаваться грамматика вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ—ариѳметика и геометрія; въ третій—логика или діалектика; въ четвертый—реторика купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; въ пятый—физика съ краткой метафизикой; въ шестой—политика Пуффендорфова; въ седьмой и осьмой—Богословіе. Относительно Богословія дается слѣдующее наставленіе: „Челъ бы учитель богословскій священное Писаніе и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ Писаній. А въ помочь того дѣла челъ бы прилежно святыхъ Отецъ книги" ([1]). Для изученія географіи предписывается имѣть глобусы и карты. При школѣ надлежитъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки академія какъ безъ души. Книги для библіотеки должны быть не только изъ русскихъ, но и изъ иностранныхъ. При академіи должны быть больница, аптека и врачъ. Для укрѣпленія и развитія физическихъ силъ предписывается плаваніе на судахъ, строеніе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ. Для развитія эстетическихъ способностей назначаются прогулки по хорошимъ мѣстамъ, пѣніе, акціи и комедіи и музыка. Уставъ этотъ отличается не только отъ югозападныхъ братскихъ школъ и духовной школы Посошкова, но и отъ академій, кіевской и московской, какъ обширностью учебной программы, большимъ количествомъ свѣтскихъ общеобразовательныхъ наукъ, такъ и самымъ характеромъ и цѣлію образованія. По уставу кіевской академіи въ ней должны были воспитываться ученые для борьбы и защиты православной вѣры отъ католицизма и іезуитовъ; слѣд. направленіе было религіозно-полемическое; такъ же религіозно-полемическія цѣли имѣлись въ виду и при образованіи въ московской академіи, которая по мѣстнымъ потребностямъ должна была при-

---

([1]) Тамъ же, стр. 41—42—52.

готовлять ученыхъ для борьбы съ расколомъ и протестантствомъ; Θеофанъ Прокоповичъ въ новой академіи хотѣлъ воспитывать ученыхъ богослововъ по новымъ началамъ западно-европейскаго образованія, не въ одномъ какомъ нибудь направленіи, и не съ частною цѣлію, но вообще просвѣщенныхъ пастырей и учителей церкви и вмѣстѣ образованныхъ членовъ общества, идеалъ которыхъ ему представлялся въ нѣмецкихъ протестантскихъ богословахъ. Согласно съ этими цѣлями предположено было принимать въ академію и иностранныхъ учителей, которые прежде ни въ кіевской, ни въ московской академіи не принимались. „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей". Не надобно опасаться, замѣчаетъ Прокоповичъ въ другомъ мѣстѣ, что они дѣтей нашихъ совратятъ по своей богословіи, потому что можно ихъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и проч., а не богословскіе догматы.... Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опасаться у насъ (1). Но такой широкій планъ новой духовной академіи, за недостаткомъ средствъ, не могъ быть выполненъ; въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ была открыта самимъ Прокоповичемъ только частная школа въ его имѣніи, Карповкѣ.—За проектами академіи и семинаріи, въ Регламентѣ слѣдуетъ требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ". Такія школы и стали открываться, и изъ нихъ въ послѣдствіи образовались духовныя семинаріи. Наконецъ, для наученія народа истинамъ вѣры и благочестія, Регламентъ повелѣваетъ составить „новыя краткія и вразумительныя и ясныя книжицы". Указавъ на то, что „книга православнаго исповѣданія слишкомъ велика да и написана не довольно просто и понятно, что прежній славянскій переводъ великихъ учителей Златоустаго, Θеофилакта и другихъ сдѣлался также теменъ и не вразумителенъ, что толковательныя бесѣды учительскія, кромѣ высокихъ богословскихъ таинъ, содержатъ въ себѣ много такого, чего нынѣ невѣжливый человѣкъ къ пользѣ своей употребить не можетъ, онъ приказываетъ сочинить *„три книжицы небольшія*: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и о заповѣдяхъ

(1) Смотр. у Морозова: Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую—о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди". Всѣ эти книжки положено было читать въ церкви въ воскресные и праздничные дни по утрени и обѣднѣ въ такомъ порядкѣ, чтобы онѣ могли быть прочитаны въ четверть года, а въ годъ четыре раза. Кромѣ того, первыя книжки назначались для первоначальнаго обученія дѣтей. Издавать всѣ три книги нужно было въ одной небольшой книжкѣ, чтобы могла быть куплена малымъ иждивеніемъ и употребляться безъ труда не только въ церквахъ, но и въ домахъ всякаго охотника. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были приведены въ исполненіе прежде изданія самаго Регламента. Въ 1720 г. была напечатана составленная, по приказанію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ книга „*Первое ученіе отрокомъ*", въ которой, послѣ азбуки, помѣщено было краткое толкованіе 10 заповѣдей, молитвы Господней и 9 блаженствъ евангельскихъ. Въ предисловіи книги объяснялось, что отъ воспитанія въ юности зависитъ вся жизнь человѣка, что въ Россіи воспитаніе находится въ плохомъ состояніи: „все богопочтеніе полагается во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, и ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... не многіе ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей Божіихъ и Символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ". „*Ученіе отрокомъ*" назначалось вмѣсто старинныхъ букварей, но потомъ положено было читать его въ церкви для назиданія народа, по великимъ постамъ, вмѣсто поученій Ефрема Сирина (1). Кромѣ того, Петръ В. предписалъ Синоду составить Катихизисъ, гдѣ изъяснить: „что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть" (2).

Такимъ образомъ, Регламентъ, полагая причину разныхъ суевѣрій въ отсутствіи образованія, безъ котораго вѣра и благочестіе древняго русскаго человѣка получили чисто внѣшній, обрядовый характеръ, для искорененія ихъ стремился распространить истинно христіанское просвѣщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ совершенно противоположно Стоглаву, который причину всѣхъ недостатковъ въ религіозно-нравственной жизни видѣлъ

(1) Смотр. Великопостный указъ Петра В., сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, апрѣль.

(2) Наука и литер. I, 181—182.

въ упадкѣ древнихъ преданій и древнихъ уставовъ благочестія и всѣ заботы свои сосредоточилъ главнымъ образомъ на исправленіи только внѣшней обрядовой стороны богослуженія.

СОЧИНЕНІЯ СТЕФАНА ЯВОРСКАГО И ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Главными литературными дѣятелями во время реформы были митр. Рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій и Новгородскій архіеп. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стефанъ Яворскій можетъ быть названъ представителемъ русской церковной партіи при Петрѣ В. или тѣхъ людей, которые хотя сознавали необходимость нѣкоторыхъ реформъ и новаго образованія, но въ тоже время боялись ихъ, возставали противъ ихъ вредныхъ крайностей, особенно противъ тѣхъ нововведеній, которыя, по ихъ мнѣнію, угрожали православной вѣрѣ и русскому благочестію, и потому стремились защищать вѣру и благочестіе; его дѣятельность имѣетъ характеръ консервативный. Совершенно другою является дѣятельность Ѳеофана Прокоповича; она имѣетъ чисто реформаторскій характеръ. Вполнѣ сочувствуя всѣмъ реформамъ Петра, онъ горячо защищалъ ихъ и сильно преслѣдовалъ ихъ противниковъ, съ сатирическимъ негодованіемъ раскрывая въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ всѣ темныя стороны въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, всѣ издавна накопившіеся въ ней вредные и грубые наросты невѣжества и суевѣрія, и указывая новый разумный путь вѣры и благочестія. Разсматриваемыя отдѣльно, дѣятельность Яворскаго и дѣятельность Прокоповича представляются односторонними; но та и другая естественно и необходимо вызывались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и служили одна для другой необходимымъ дополненіемъ. Въ этомъ отношеніи самая борьба между этими двумя дѣятелями сопровождалась полезными результатами, потому что она ослабляла крайности противоположныхъ направленій и послужила поводомъ къ разъясненію многихъ вопросовъ въ религіозно-нравственной жизни.

Сочиненія Стефана Яворскаго (1). Стефанъ Яворскій (род. 1658, ум. 1722 г.) воспитывался сначала въ Кіевской академіи,

(1) О жизни и сочиненіяхъ Стефана Яворскаго: въ Словарѣ Евгенія, II, 251—261; въ Обзорѣ дух. литер. Филарета, 1, 382—386. Стефанъ Яворскій Ѳ. Терновскаго. Древн. и Нов. Россія 1879 г. № 8. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Москва 1880.

а потомъ въ польскихъ училищахъ въ Лембергѣ или Львовѣ, наконецъ въ Познани выслушалъ полный курсъ философіи и богословія. По возвращеніи въ Кіевъ, и по принятіи монашества, онъ прежде всего проповѣдывалъ при разныхъ церквахъ, а затѣмъ поступилъ учителемъ въ Кіевскую академію, гдѣ скоро былъ назначенъ префектомъ оной. Петру В. онъ сдѣлался извѣстенъ въ 1700 г., когда, будучи по одному случаю въ Москвѣ, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь, при погребеніи фельдмаршала боярина А. С. Шеина; проповѣдь его такъ понравилась Петру, что онъ оставилъ его въ Москвѣ и приказалъ посвятить въ митрополита Рязанскаго, поручилъ ему въ завѣдываніе московскую академію, съ званіемъ ея протектора, а по кончинѣ патріарха Адріана, назначилъ въ 1702 г. мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола до открытія Святѣйшаго Синода въ 1721 г., когда онъ былъ опредѣленъ его президентомъ. Воспитанникъ кіевской академіи, Яворскій былъ совершеннѣйшимъ типомъ кіевскаго схоластическаго образованія, со всѣми его достоинствами и недостатками. Мы назвали его представителемъ церковной партіи въ петровскую эпоху, стоявшей на стражѣ церковныхъ интересовъ, противъ крайностей реформы; онъ, дѣйствительно, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ является горячимъ защитникомъ интересовъ вѣры и церкви, хотя его преобладающая религіозно-церковная точка зрѣнія иногда мѣшала ему разсмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ и нерѣдко приводила его къ сужденіямъ рѣзкимъ и одностороннимъ. Современники считали Яворскаго ученѣйшимъ мужемъ; онъ, дѣйствительно, обладалъ глубокими свѣдѣніями въ св. Писаніи, ученіи отеческомъ и церковной исторіи; но въ области свѣтскихъ знаній являлся иногда не выше обыкновенныхъ людей и недовѣрчиво относился къ новымъ открытіямъ въ наукахъ. Онъ не принималъ системы Коперника и, находя ее богопротивною, говорилъ: „Одному тому нѣкоему Копернику приснилось, будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оборочается противо священнымъ писаніямъ“. Въ этомъ отношеніи Прокоповичъ стоялъ выше его и находилъ возможнымъ согласить теорію Коперника съ св. Писаніемъ. Если, говорилъ онъ, ученики Коперника и другіе ученые, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрные физическіе и математическіе доводы, то тексты свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а аллегорическомъ смыслѣ. Самыя важныя сочиненія Стефана Яворскаго: 1) Знаменіе пришествія антихристова, 2) Камень вѣры, 3) Проповѣди. *Знаменіе пришествія антихристова и кончины вѣка* (напечат. въ 1703 г.) написано по тому случаю, что

въ 1700 г. книгописецъ Григорій Талицкій распространялъ въ Москвѣ въ народѣ тетради, въ которыхъ говорилось, что „пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ“ (1). Яворскій опровергаетъ это мнѣніе, указывая истинные признаки пришествія антихриста и кончины міра. *Камень вѣры православно-каѳолическія восточныя церкви святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на востаніе и исправленіе* (напеч. въ 1728 г.). Ближайшимъ поводомъ къ этому сочиненію было появленіе въ 1713 г. въ Москвѣ кальвинской ереси полковаго лекаря изъ стрѣльцовъ, Димитрія Евдокимова Тверитинова (2). Тверитиновъ заразился этой ересью отъ одного иностраннаго лекаря, у котораго учился, и началъ распространять хулы на св. иконы, кресты, мощи, осуждалъ посты, почитаніе святыхъ, поминовеніе усопшихъ.... Яворскій собралъ въ 1714 г. въ Москвѣ соборъ, на которомъ осудилъ Тверитинова съ его единомысленниками, а для предохраненія православныхъ христіанъ вообще отъ протестантскаго ученія, которое заносили въ Россію иностранцы, написалъ Камень вѣры. Камень вѣры состоитъ изъ трехъ частей. Часть I: о святыхъ иконахъ; о честномъ крестѣ; о мощахъ святыхъ. Часть II: о св. Евхаристіи; о призываніи святыхъ; о благотвореніи преставльшимся. Часть III: о преданіяхъ; о св. литургіи; о постахъ; о благихъ дѣлахъ. Всѣ эти предметы разсматриваются съ двухъ сторонъ—положительной и отрицательной. Сначала о каждомъ догматѣ излагается положительное ученіе церкви на основаніи свящ. Писанія, вселенскихъ соборовъ, сочиненій отцевъ и учителей церкви и „доводнаго показанія“, на свящ. Писаніи утвержденнаго. Потомъ на тѣхъ же основаніяхъ опровергаются возраженія противниковъ. Такое сочиненіе было весьма важно и необходимо въ то время, когда на разныхъ мѣстахъ государственной службы было много протестантовъ и въ русскомъ обществѣ начали распространяться протестантскія воззрѣнія, нравы и обычаи. На это указалъ Яворскій какъ самымъ эпиграфомъ книги: „Смѣсишася во языцѣхъ

---

(1) Смотр. Истор. Россіи Соловьева XV, 122—124.—(2) Дѣло о Тверитиновѣ напечатано въ Памятникахъ древней письменности. Спб. 1882. Здѣсь помѣщена Записка Леонтія Магницкаго по дѣлу Тверитинова и затѣмъ, какъ приложеніе къ нему, оффиціальные документы, извлеченные изъ I и II томовъ Архива Св. Синода.—Исторія Соловьева XVI, 307—315. Московскіе вольнодумцы XVIII в. и Стефанъ Яворскій Н. С. Тихонравова.

и навыкоша дѣломъ ихъ", такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея предисловія, или „Предувѣщанія къ православнымъ", напр.: „Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волки хищніи.... Всѣяннымъ уже сущимъ зернамъ пшеничнымъ душеспасительнаго ученія на сердцахъ правовѣрныхъ, тіи приходятъ и всѣваютъ развращеннаго ученія плевелы, хотяще пшеницу, въ житницы небесныя прозябшую, подавити". Но Петръ В., боясь раздражить иностранцевъ, не только не позволилъ напечатать Камень вѣры, но и самого Яворскаго подвергъ опалѣ ([1]). Надобно замѣтить впрочемъ, что полемика Яворскаго не отличается мягкостію и терпимостію; его нападенія и опроверженія противной стороны часто рѣзки, грубы и бранчивы; но такой тонъ полемики, совершенно не согласный съ современными началами вѣротерпимости, былъ въ то время общимъ всей религіозной полемикѣ, католической и протестантской: рѣзкія опроверженія протестантскаго ученія были вызваны еще болѣе рѣзкими возраженіями и нападеніями протестантовъ на православное ученіе. Доказательствомъ этого служитъ вся изложенная ниже полемика по поводу „Камня вѣры".

Проповѣди Яворскаго ([2]). Яворскій былъ извѣстенъ какъ знаменитый проповѣдникъ. Современники удивлялись его краснорѣчію и даже враги его отдавали ему въ этомъ отношеніи заслуженную справедливость. Врагъ его, сочинитель Молотка, написаннаго въ опроверженіе Камня вѣры, говоритъ о Яворскомъ, что онъ имѣлъ удивительный даръ слова, и едва подобные ему въ учительствѣ обрѣстись могли. Мнѣ случалось, замѣчаетъ онъ, видѣть въ церкви, что онъ, уча слушателей, могъ заставить ихъ плакать, или смѣяться. Петръ В. щедро награждалъ Яворскаго за его проповѣди ([3]). Впрочемъ, по стилю своему, проповѣди Явор-

---

([1]) Содержаніе и судьба Камня вѣры изложены въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, стр. 31—53; у Чистовича, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 366—407; въ статьѣ Извѣкова: Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII в. Прав. Обозр. 1871, томъ II. ([2]) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Ю. Самарина. Москва. 1844. Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. А. Терновскаго. Руководство для сельскихъ пастырей за 1870 г. №№ 36, 37, 39, 41, 44, 48, и 51. Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтеніе за 1867 г.—([3]) «Отъ самого великаго государя, говоритъ Яворскій, много разъ получалъ *за побѣдительныя проповѣди* (проповѣди, сказанныя по случаю побѣдъ) иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ царскаго дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія». Труды Кіевск. Акад. 1865.

скаго не представляютъ ничего особеннаго и оригинальнаго и относятся къ тому же разряду южно-русской проповѣди, къ которому принадлежатъ проповѣди Голятовскаго, Барановича и Полоцкаго ([1]). Въ нихъ мы находимъ ту же наклонность къ символическому и аллегорическому способу изображенія мыслей, тѣ же часто произвольныя и натянутыя сближенія и сопоставленія разныхъ мѣстъ свящ. Писанія, изъ коихъ образуются то яркія, а то и просто пестрыя картины мозаическаго характера. Такъ, взявши въ основу проповѣди слова: *Ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою,* Яворскій сводитъ всѣ мѣста свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о камнѣ: „Камнемъ Петра Христосъ нарицаетъ; но какимъ камнемъ? Онымъ ли камнемъ, его же Іаковъ патріархъ ветхозавѣтный положи въ возглавіи себѣ? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Захарія видѣ седмь очесъ имущъ? Онымъ ли камнемъ, имъ же Давидъ порази Голіаѳа? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Даніилъ видѣ отъ горы отторженна и идола попирающа? Всѣхъ тѣхъ камней образъ являше въ себѣ камень церковный, Петръ святый. Но азъ, минувши тыя камени, хощу вамъ явити Петра святаго въ образъ камени пустыннаго, веліе угодіе людямъ израильстимъ творящаго, и покажу слышателямъ моимъ три источника, отъ сего камене происходящіе: единъ горькій: порази камень, и истекоша воды (т. е. горькія покаянія); другій—сладкій: напита ихъ отъ тука пшенична и отъ камене меда насыти ихъ (пс. 80); третій лекарственный: ссаша медъ изъ камене и елей отъ тверда камене“ (Втор. 30) ([2]). Въ Словѣ, сказанномъ въ Петербургѣ, въ первое время послѣ его основанія, желая похвалить приморское мѣстоположеніе города, Яворскій собираетъ всѣ мѣста Писанія, которыя, по его мнѣнію, могли подтверждать его мысль о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи: „Христе Спасителю нашъ, говоритъ онъ, Петръ Тебѣ хощетъ создать сѣнь, гдѣ изволишь? на горѣ ли, или на долинѣ? на Ѳаворѣ, или на приморіи? Смиренный Іисусъ не хощетъ на высокихъ горахъ имѣти жилище. Сатана любитъ горы: на горахъ ставитъ престолъ свой, на гору восхитилъ было и самаго Іисуса: *поятъ его на гору высоку, и показа ему вся царст-*

([1]) Взглядъ Яворскаго на духовное краснорѣчіе выразился въ его небольшомъ учебникѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ и переведенномъ на русскій языкъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ: «Рука риторическая, пятью частьми, или пятію персты укрѣпленная». Изд. Обществомъ любителей письменности, 1878; № XX.

([2]) Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. Христ. Чт. 1867, I, стр. 275.

вія. А Христосъ, смиренія образъ, горы не любитъ. Того ради, мню, и Петру святому не пришло до дѣла, что на горѣ хотѣлъ сѣнь создати. Долину любитъ Той, Который съ небесной горы на сегосвѣтную спустился долину.... Читайте Евангеліе, увидите тамо, какъ часто Христосъ Спаситель нашъ ходилъ при морѣ Галилейскомъ, при морѣ Тиверіадстѣмъ, при озерѣ Генисаретстѣмъ, отъ воды избралъ учениковъ, по водамъ ходитъ морскимъ, водамъ повелѣваетъ, на водѣ первое чудо сотворилъ, егда въ Канѣ Галилейстѣмъ воду въ вино претворилъ. Кратко рещи: и Духу Святому, и Христу Спасителю нашему, и всей Святой Троицѣ любимое при водахъ обиталище. Воспомяните себѣ воды іорданскія: тамо Богъ Отецъ во гласѣ: *гласъ Господень на водахъ, Богъ славы возгремѣ*. Тамо Богъ Сынъ въ водахъ Іорданскихъ водное естество освящаяй; тамо Духъ Святый въ видѣніи голубинѣ: *Духъ Божій ношашеся верху воды*. А гдѣ первое Отецъ Предвѣчный далъ свидѣтельство Свое о Сынѣ Единородномъ? при водахъ Іорданскихъ. Тамъ громогласно возгласилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*. Дивная во истинну вещь, что не на иномъ первѣе мѣстѣ Отецъ Предвѣчный о Сынѣ Своемъ Единородномъ даетъ свидѣтельство, точію при водахъ" (1). Въ Словѣ на недѣлю 23-ю мы находимъ такую аллегорію: „Обыкновеніе или, паче рещи, нужду имутъ всѣ немоществующіе въ скорби своей отъ врачевъ искати помощи: тогда врачъ, написавши рецептъ, то есть хартицу, на ней же изображаетъ врачества составы, посылаетъ въ аптеку, да по ней тамо уготовится лекарство. Пріидите нынѣ вси, огневицею грѣховною палиміи.... приступите и пріимите рецептъ сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе; пріемше же принесите въ аптеку совѣсти своея, составите по реченному. Первый составъ *желчь и сердце*, т. е. всегдашнее воспоминаніе страстей Христовыхъ; вторый составъ *смирна* т. е. умерщвленіе плоти; третій составъ *медъ* т. е. всегдашнее помышленіе о небѣ; четвертый составъ зеліе *рута* т. е. воспоминаніе огня геенскаго". Въ истолкованіи этого рецепта и состоитъ вся проповѣдь (2). Но особенно рѣзко выразился аллегорическій характеръ проповѣди Яворскаго въ четырехъ его проповѣдяхъ *объ Іезекіилевой колесницѣ*. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ (въ 1703 г.) о херувимахъ, подъ образомъ животныхъ, везущихъ колесницу, и примѣняетъ это къ Петру В., торжественно возвращающемуся въ Москву, послѣ взятія Шлиссельбурга; во второй проповѣди (въ 1704 г.) онъ

(1) Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. Т-го, стр. 11—13.
(2) Проповѣди Стефана. II, 180—194.

говоритъ о четырехъ колесахъ колесницы, подъ которыми разумѣются четыре сословія государства, согласно движущія побѣдную колесницу; въ третьей проповѣди (въ 1705 г.)—о торжественной жатвѣ, мечными серпами россійскихъ побѣдоносцевъ, на марсовыхъ ливонскихъ поляхъ, въ самое жатвенное время, въ іюлѣ и августѣ минувшаго года, собранной (когда города Нарва и Дерптъ крѣпкою рукою россійскаго войска взяты были) и на тріумфальную колесницу возложенной; въ четвертой проповѣди (въ 1706 г.)—о торжественномъ пути Іезекіилевой колесницы (1). Въ избранныхъ для проповѣди предметахъ Яворскій обращаетъ вниманіе часто не на внутреннія и существенныя черты, но на внѣшнія стороны, на какія-нибудь случайныя обстоятельства, которыя могли подавать поводъ къ интереснымъ сближеніямъ, сравненіямъ и картинамъ. Для сообщенія же большаго интереса проповѣди онъ нерѣдко отходитъ отъ главнаго предмета въ сторону; въ текстахъ св. Писанія, кромѣ прямаго смысла, ищетъ смысла особеннаго, таинственнаго; приведя одинъ текстъ, онъ припоминаетъ другой, имѣющій почему-нибудь соотношеніе съ первымъ, за этимъ другимъ третій, и такъ далѣе выставляетъ цѣлый рядъ текстовъ, которые связываются между собою чисто внѣшнимъ образомъ. Вслѣдствіе такого пріема проповѣдь является искуственною и теряетъ свойственную ей важность. Подобно югозападнымъ проповѣдникамъ, Яворскій, кромѣ свящ. Писанія и ученія отеческаго, заимствовалъ матеріалы для своихъ проповѣдей изъ греческой и римской миѳологіи и легенды, приводилъ изреченія греческихъ и римскихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ, свѣдѣнія изъ естественной исторіи, иногда басни, притчи и даже анекдоты. Все это сообщало проповѣди разнообразіе и занимательность, но часто лишало ее силы и назидательности. Особенно не согласными съ достоинствомъ церковной проповѣди представляются разные шутливые вопросы, разсказы и размышленія, нерѣдко встрѣчающіяся у Яворскаго. Такъ напр., приведя слова Спасителя: *поминайте жену Лотову*, онъ спрашиваетъ: „Какъ же ю, Спасителю мой, поминати? панихиду ли за ню пѣти? или въ эктеніяхъ ее поминати? Не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есѳирь, не Юдиѳь“? Разсуждая о томъ, что мы всѣ любимъ слушать о чужихъ грѣхахъ, онъ говоритъ: „Весело мужамъ, егда женскіе грѣхи обличаются, что паче прилежатъ своимъ украшеніямъ, нежели домоправительству.... Сія егда проповѣдникъ глаголетъ, весело мужемъ, обаче имъ самимъ не любо, егда ихъ раны коснет-

(1) Тамъ же ч. III.

ся, егда начнетъ глаголати, коль веліе зло добра свои всегдашними пирушками терять, коль веліе зло проигрывать въ карты вотчины и здравіе пропивать. Не мило сіе мужемъ, а женъ, егда сія глаголетъ, будто сахаромъ услаждаетъ" (1). Извѣстна также шутливая метафора по случаю взятія Шлиссельбургской крѣпости: „Вспомяну надъ крѣпостію и фортеціею Шлюссельбургскою побѣды... О! Орѣшекъ претвердый! добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ" (2). Во всѣхъ этихъ пріемахъ Яворскій подражалъ католическимъ проповѣдникамъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался, какъ это показываютъ черновыя проповѣди его (3).

Но въ исторіи литературы особенный интересъ имѣютъ тѣ проповѣди Яворскаго, въ которыхъ онъ касается современныхъ событій, говоритъ о Петрѣ В. и его дѣлахъ. Не смотря на то, что Яворскій былъ возвышенъ Петромъ на самую высшую степень церковной іерархіи, онъ не былъ безусловнымъ его поклонникомъ, хотя удивлялся его генію, указывалъ на его неутомимые труды для блага Россіи, прославлялъ его побѣды. Въ Словѣ на день рожденія Петра онъ говоритъ: „Великъ есть (Петръ) остроуміемъ и мудростію. Христу Спасителю нашему удивляхуся Іудеи: *како сей вѣсть книги, не учився?* Тако и о монархѣ нашемъ глаголати можно: како сей вѣсть книги, не учився? Все житіе свое въ воинскихъ дѣлахъ изнуряетъ; еще отрокомъ будучи, строити крѣпости и тыя добывати, строити корабли и на тѣхъ же воднымъ бранемъ поучатися, полки строити, пушечными громами тѣшитися—то его бывало воинское игралище. Въ мужа совершенна пришедши, вси видимъ, яко вся его утѣха, вся мысль, вся упражненія—воинство устроити. Книги читать, кромѣ чтенія церковнаго, нѣтъ на то времени. Откуда убо сей вѣсть книги, не учився? Вопроси его въ чемъ-нибудь отъ писаній божественныхъ, дастъ отвѣтъ изрядный: правила соборовъ вселенскихъ, онъ тое наизусть умѣетъ. Дай ему какую-нибудь матерію философскую, такъ изрядно о ней станетъ глаголати, будто истинный ученикъ самого, философовъ начальника, Платона. Дай ему какую-либо матерію богословскую, такъ изрядно о ней станетъ провѣщевати, будто истинный ученикъ Григорія Богослова. Математика, ариѳметика, географія, космографія у него наизусть. Како убо сей вѣсть книги, не учився"? (4). Въ одномъ Словѣ Яворскій восхваляетъ трудолюбіе и неутомимую дѣятельность Петра, трудившагося на ряду съ простыми работниками: „Петръ нашъ рос-

---

(1) Проповѣди Стефана. I, 97, II, 131. (2) Тамъ же II, 169.

(3) Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтен. 1867, I, стр. 264—270.—(4) Тамъ же, стр. 114—115.

сійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ прикладныя, на себѣ носитъ. А титла какія? Къ титламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титлами, ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово маіоромъ, ово капитаномъ велитъ себе нарицать. Смотрите, каково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина. Самъ, сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ, вси воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри, каково мудрое и промысльное попеченіе о собраніи воинства, о собраніи денегъ, безъ нихъ же воинству быти нѣсть мощно. Смотри на корабли, галеры, флоты, которые его промысломъ и рукодѣліемъ построены. Смотри прилежно на его рукодѣліе, чѣмъ упражняется. Монархъ сый, яко единъ отъ работникъ,—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя рукодѣльства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣтельствуютъ" ([1]). Въ другомъ Словѣ Яворскій весьма хорошо охарактеризовалъ поведеніе и простоту обращенія Петра: „Удивляемся не только мы видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сидитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами, аки отецъ съ чадами, больши реку, яко братъ съ братіею, житіе свое проводитъ; предсѣданія на сонмищахъ и предвозлеганія на вечеряхъ и цалованія на торжищахъ давно то оставилъ прегордымъ фарисеемъ". Въ Словѣ по случаю взятія Нотебурга, переименованнаго потомъ въ Шлиссельбургъ, Яворскій въ такой картинѣ изображаетъ возрастаніе силы и могущества Россіи: „Христосъ Спаситель нашъ, различныя даючи подобія царствію небесному, уподобилъ его зерну горчичному у Матѳея святаго, въ главѣ 13: *Подобно*, рече, *есть царствіе небесное зерну горчичну*, *егоже埃 вземъ человѣкъ всѣя на селѣ своемъ*, еже малѣйшее есть всѣхъ сѣменъ, егда же возрастѣ, больши всѣхъ зелій есть, и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвѣхъ его... А царство Россійское не подобно ли зерну горчичну, еже есть меньше всѣхъ сѣменъ? Воспомяните себѣ сего царствія начатки, колика бяше его малость: едино зерно горчичное, всѣхъ сѣменъ малѣйше, едино княженіе, и то

([1]) Неиздан. проповѣди, стр. 118.

еще дань дающее гордости агарянской. О воистину зерно горчичное, горести преисполнено, умаленіемъ уничижаемо! Что же потомъ? Досталося сіе зерно въ руки добрыхъ земледѣльцовъ, монарховъ россійскихъ, начнутъ добрѣ орати желѣзомъ марсовымъ, начнутъ нивы казанскія, астраханскія, сибирскія мечемъ управляти, многотруднымъ потомъ... орошати и омакивати. Се зрите зерно горчичное въ каково возрасте зеліе, зрите, како великимъ сталося древомъ, яко пріити птицамъ небеснымъ, толикому множеству святыхъ, и витати на вѣтвѣхъ его. О горькое зерно! О умаленное сѣмя! како въ сицеву возрасло еси жатву... Возведите очеса ваша и видите нивы казанскія, астраханскія, сибирскія, касимовскія и прочая: зрите нивы кизикерменскія, таманскія, азовскія, шведскія и прочая"... Переходя затѣмъ къ современной побѣдѣ надъ Шведами и взятію Нотебурга, онъ говоритъ: „Твердый былъ и сей орѣхъ фортеца прекрѣпка, не только стѣнами, воипами, пушками и всякою стрѣльбою и бронями вооружена; но наипаче самымъ естествомъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ не приступнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отвсюду окружаема: зубовъ сей орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобѣ было сокрушити, нежели Орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ, аще бы сицевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ.... Христосъ: Петре, ты еси камень. Нынѣ же Снейтембургъ (Нотебургъ или Орѣшекъ) нарицается Слиссельбургъ (Шлиссельбургъ) то есть ключь городъ, а кому же ключь сей достался? Петрови Христосъ обѣщалъ ключи дати. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово" ([1]). Послѣ трудной, но славной побѣды надъ королемъ Шведскимъ подъ Полтавою (27 іюня 1709 г.), Яворскій говорилъ въ своемъ Словѣ: „Радуйся, Россійская держава, яко исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе Царево, членовныя льву Шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, яко обѣщалъ намъ, тако и сотвори, рече: просите, и дастся вамъ вся, елика молящеся просите (Марк. II, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святой, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша... Король Шведскій зіяше устами своими, хотя поглотити Россію; но.... государь нашъ заградилъ есть уста тому льву... Государь покры гнѣздо свое, царство свое, церковь Христову, льва же (короля Шведскаго) растерза. Яряшеся левъ сей, гордяшеся и хваляшеся церковь святую и государство наше поглотити; но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его.

([1]) Проповѣди Стефана III, 145—170.

Тіи спяти быша и падоша; мы же возстахомъ и исправихомся" (Псал. 19, 9) ([1]).

Но, прославляя геній Петра, его неутомимые труды по устройству арміи и флота, его славныя побѣды, Яворскій не сочувствовалъ многимъ его внутреннимъ реформамъ, особенно тѣмъ, которыя касались церковной области, и при случаѣ заявлялъ иногда довольно рѣзко свое неодобреніе. Въ 1711 г. Петръ В. учредилъ должность фискаловъ, которые должны были доносить на противниковъ царской власти, и при этомъ не подвергались никакой отвѣтственности, если бы доносъ ихъ и оказался несправедливымъ. Такіе же фискалы были введены и въ церковные суды. Яворскій считалъ эту мѣру посягательствомъ на свободу и независимость церковнаго суда и въ своей проповѣди 17 марта 1712 г. сказалъ по этому случаю: „Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе часто бываютъ порочны. А какой ми то законъ напримѣръ: поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю, кого хощетъ обличити, да обличитъ, кого хощетъ обезчестити, да обезчеститъ; поклепъ сложити на ближняго судію, вольно то ему; а хотя того не доведетъ, что на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему ни слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный". Въ той же проповѣди Яворскій коснулся разорителей закона Божія съ ясными намеками на поведеніе самого Петра. Извѣстно, что Петръ насильно постригъ въ монахини свою первую супругу, Евдокію Лопухину, и женился на Екатеринѣ. Яворскій сказалъ въ проповѣди: „Се имате мзду, закона Божія разорители, и слышите громы, заповѣдей Божіихъ преступницы; того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ; гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпное море—человѣче законопреступный! Почто ломаеши, и сокрушаеши и разоряеши берега? берегъ есть законъ Божій, берегъ есть, во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу, берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". Слушавшіе эту проповѣдь сенаторы нашли въ ней оскорбленіе царской чести и послали ее къ Петру. Петръ, прочитавъ въ ней обличеніе человѣку, бросившему свою жену, не хранящему по-

---

([1]) Тамъ же, III, 241—242.

стовъ, не слушающему церкви и потому долженствующему быть для членовъ церкви какъ язычникъ и мытарь, собственноручно замѣтилъ противъ этого обличенія: „перво одному, потомъ съ свидѣтели"... т. е. онъ находилъ, что проповѣдникъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго обличать сначала на динѣ, потомъ при свидѣтеляхъ и уже послѣ всего этого въ церкви. Наконецъ, воспользовавшись тѣмъ, что 17 марта церковь празднуетъ св. Алексію, человѣку Божію, Яворскій въ заключеніе этой проповѣди обратился къ св. Алексію съ такою молитвою о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, который сочувствовалъ старой, враждебной Петру и его реформамъ, партіи и который въ это время странствовалъ за границей: „О угодниче Божій! Не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя! Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде... Молимъ убо, святче Божій! покрой своего тезоименника, нашу едину надежду, покрой его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца. Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превожделѣннымъ присутствіемъ". Видя, что русскіе, при сношеніяхъ съ иностранцами, увлекаются иностранными религіозными мнѣніями, нравами и обычаями, Яворскій считалъ такое положеніе опаснымъ для православной вѣры и заявлялъ объ этомъ въ своей проповѣди. „Мнози, говоритъ онъ въ Словѣ въ недѣлю 13-ю по пятидесятницѣ, отъ своея православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются, и чуждыя, богомерзскія, еретическія, пространнымъ путемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ: свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко едва чуждыя узрятъ земли, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются". Въ Словѣ въ недѣлю 9-ю по пятидесятницѣ онъ сравниваетъ церковь съ кораблемъ посреди волнующагося моря, очевидно намекая этимъ сравненіемъ на современное положеніе церкви въ Россіи. Объясняя слова Евангелиста: *корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ,* онъ говоритъ: „О лютаго несчастія и злополучія нашего! яко умноженія ради тяжкихъ беззаконій и непокаянныхъ грѣшниковъ, корабль церкве и всего отечествія христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣдъ, и день отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь, ходяй по морю, въ помощь

пріидетъ и запретитъ вѣтромъ и морю, и тишину сотворитъ: той бо обнадежилъ церковь свою святую, *яко врата адова не одолѣютъ ей*" ([1]). Реформы и войны Петра весьма тяжело отзывались особенно на простомъ народѣ. Постройка крѣпостей и портовъ, копаніе каналовъ, проведеніе дорогъ отрывали ежегодно отъ домовъ и семействъ многія тысячи простаго народа; тѣ же, которые оставались дома, изнемогали подъ бременемъ государственныхъ налоговъ, рекрутской повинности, военнаго постоя, дурнаго управленія, притѣсненія властей. Яворскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на такое тяжелое положеніе народа. Такъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ выше словъ объ Іезекіилевой колесницѣ, въ которомъ онъ сравнивалъ разныя сословія въ государствѣ съ колесами въ колесницѣ, онъ говорилъ: „Нечего хвалити, аще бремя такое кладутъ на колесо (разумѣется простой податной классъ народа), что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится. Не похваляютъ учители церковніи Ровоама, что такимъ бременемъ отягчилъ свои колеса... Како бо колесу бѣдному не скрипѣти, аще будетъ обременено тяжелымъ, неудобь носимымъ (бременемъ)? И сего ради отцы святіи научаютъ и совѣтуютъ тѣ скрипливыя колеса, дабы не скрипѣли, мастити, а чѣмъ же? Воспоминаютъ они нѣкую масть евангельскую, которою мастилъ самарянинъ уязвленнаго путника іерихонскаго, о немъ же пишется сице: *приступль самарянинъ, обяза струпы его и возлія масло и вино* (Лук. 10, 34). Въ маслѣ есть мягкость, а въ винѣ есть жестокость,... мѣшай обое, масло съ виномъ, жестокость съ милосердіемъ. О коль изрядная масть на скрипячія колеса!" ([2]).

Кромѣ указанныхъ сочиненій, Стефанъ Яворскій еще написалъ: Отвѣтъ Сорбонской Академіи о соединеніи церквей; отвѣтъ Ѳеофану Прокоповичу на Слово объ игѣ неудобоносимомъ; нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, по разнымъ случаямъ. Въ молодые годы онъ любилъ писать стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ.

Послѣ Стефана Яворскаго, самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ русской церковной партіи былъ архіеп. Тверскій, *Ѳеофилактъ Лопатинскій* († 1741), воспитанникъ Кіевской академіи, но докончившій свое образованіе за границей ([3]). „Ученый кругъ,

---

([1]) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Сочин. Ю. Ѳ. Самарина. т. V, стр. 380—381.

([2]) Проповѣди Стефана ч. III стр. 215—217

([3]) Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій 1706—1741. Состав. И. Я. Морошкинъ. Русск. Старина 1886, январь.

писалъ о немъ въ 1726 г. современникъ его, иностранецъ Фандербергъ, уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа Тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимается очень прилежно и съ большими успѣхами. Его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собой золотой вѣкъ (¹)". Мы видѣли, что въ то время, какъ онъ былъ ректоромъ Московской академіи, Петръ В. посылалъ къ нему разныя книги для перевода. Будучи преподавателемъ въ академіи, онъ составилъ руководства по философіи (Tres philosophiae species—Logica, Physica et Metaphysica) и догматическому богословію (Scientia sacra, disputationibus illustrata). Онъ много трудился надъ исправленіемъ Славянской Библіи, былъ проповѣдникомъ и усерднымъ обличителемъ раскола и писалъ латинскіе стихи (извѣстна его ода въ похвалу князя Димитрія Кантемира). Изданіемъ Камня вѣры Яворскаго и сочиненіемъ „Объ игѣ Господнемъ благомъ" Ѳеофилактъ навлекъ на себя гнѣвъ и преслѣдованіе Ѳеофана Прокоповича и палъ жертвою его интригъ.

Сочиненія Ѳеофана Прокоповича. Съ особенною полнотою время реформы отразилось въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ архіеп. Новгородскаго, Ѳеофана Прокоповича (²). Прокоповичъ не только вполнѣ сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра, но и служилъ имъ своимъ словомъ, какъ своему дорогому и задушевному дѣлу. По духу своему, онъ самъ былъ такой же реформаторъ, какъ Петръ В., и при глубокомъ свѣтломъ умѣ, развитомъ многостороннимъ образованіемъ, обладалъ также непреклонною волею въ достиженіи своихъ цѣлей. Прокоповичъ происходилъ изъ торговаго сословія, родился въ 1681 г. и при крещеніи былъ названъ Елеазаромъ. Воспитаніемъ своимъ онъ былъ обязанъ дядѣ своему, ректору Кіевской академіи, Ѳеофану Прокоповичу, по имени котораго онъ и самъ въ послѣдствіи былъ названъ Ѳеофаномъ. Дядя помѣстилъ его въ академію, гдѣ онъ учился отлично; но Кіевская академія не удовле-

(¹) Обз. дух. лит. ч. 2 № 15.

(²) Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Сборн. 2-го Отд. Акад. Наукъ т. IV. Спб. 1868. Письма Ѳеофана Прокоповича. Изд. Ф. Т-скій. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1865. Томъ I-й. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ V томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина. Москва. 1880. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Морозова. Журн. М. Н. Пр. 1880 г.

творяла его, и по окончаніи въ ней философскаго курса, онъ для продолженія своего образованія отправился въ польскія училища. Такъ какъ въ эти училища принимали только тѣхъ изъ православныхъ, которые соглашались сдѣлаться уніатами, то Прокоповичъ принялъ унію и постригся въ монахи въ Битевскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, съ именемъ Елисея. Отсюда Прокоповичъ былъ отправленъ въ Римъ и поступилъ въ миссіонерскую коллегію св. Аѳанасія. Здѣсь онъ выслушалъ курсы Аристотелевой философіи и схоластическаго богословія. Іезуиты хотѣли воспитать въ Прокоповичѣ ревностнаго католика, но трехлѣтнее пребываніе его въ Римѣ сопровождалось другими, совершенно противоположными послѣдствіями. Изучивши духъ католичества въ самой его столицѣ, строй католической церковной жизни и церковнаго управленія (при немъ происходило въ Римѣ избраніе папы Климента XI), Прокоповичъ глубоко понялъ всю несостоятельность католицизма и все противорѣчіе его духу православной церкви и вмѣсто приверженца сдѣлался самымъ жаркимъ его противникомъ. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Ѳеофана, и прошелъ въ академіи послѣдовательно одну за другою всѣ ученыя и административныя должности, былъ учителемъ піитики и реторики, философіи, съ званіемъ префекта, и богословія, въ должности ректора академіи. Почти по каждой изъ этихъ наукъ онъ составилъ учебники. Будучи учителемъ поэзіи, онъ составилъ піитику (издан. Георгіемъ Конисскимъ въ 1786 г.) и написалъ трагедокомедію „*Владиміръ*“, представленную студентами академіи 3 іюля 1705 г. Преподавая реторику, онъ также написалъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Въ этой реторикѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее замѣчательное мѣсто, направленное противъ католическихъ богослововъ и проповѣдниковъ: „Не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скота, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священное собраніе“. Ѳеофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, которыхъ произвела Россія, „чтобы узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями, враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали наконецъ укорять насъ въ скудости святыни“.... Чтобы представить образчикъ польской проповѣди, Прокоповичъ разбираетъ проповѣди польскаго іезуита Ѳомы Млодзяновскаго ([1]). Во время преподаванія богосло-

([1]) **Выдержки изъ рукописной реторики Ѳеофана Прокоповича. Труд. Кіевской дух. академіи 1865 г. т. I, стр. 614—637.**

вія, Прокоповичъ составилъ свою богословскую систему, которою положилъ начало новому направленію въ этой наукѣ, установивъ для нея другой, историческій методъ изложенія, отличный отъ прежняго метода, схоластическаго. Въ схоластическихъ системахъ богословія истины христіанскаго ученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безотносительно къ ихъ источникамъ; въ системѣ Прокоповича въ основу изъясненія и доказательства этого ученія полагается св. Писаніе; въ схоластическихъ системахъ христіанскія истины излагались въ видѣ диспутацій, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ системѣ Прокоповича онѣ излагаются въ положительной формѣ. При изложеніи догматовъ Прокоповичъ указываетъ на ихъ исторію и, изложивъ положительное ученіе, дѣлаетъ опроверженіе его противниковъ. Такой методъ изложенія онъ заимствовалъ у протестантскихъ богослововъ, Гергарда, Квенштедта, Голлазія, системами которыхъ онъ первый началъ пользоваться, вмѣсто прежнихъ системъ Ѳомы Аквината и другихъ схоластическихъ богослововъ. Впрочемъ, Прокоповичъ не успѣлъ составить полную систему богословія, а написалъ только введеніе въ богословіе и семь трактатовъ: 1) О Богѣ единомъ, 2) О Св. Троицѣ, 3) Объ исхожденіи Св. Духа, 4) О твореніи и промышленіи, 5) О первобытномъ состояніи человѣка, 6) О состояніи человѣка послѣ паденія и 7) О благодатномъ чрезъ Христа оправданіи грѣшника. Не смотря на то, въ продолженіе всего XVIII и начала XIX вѣка Богословіе Прокоповича служило руководствомъ для преподавателей богословія въ семинаріяхъ и академіяхъ, которые различнымъ образомъ его передѣлывали, то сокращая, то дополняя (1).

Петръ В. узналъ Прокоповича въ 1709 г., когда, возвращаясь съ Полтавской битвы, былъ въ Кіевѣ; Прокоповичъ привѣтствовалъ его рѣчью, которая такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ же велѣлъ напечатать ее на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Эта рѣчь, вмѣстѣ съ другою рѣчью, сказанною имъ въ томъ же году въ похвалу Меншикова, пріобрѣли ему благоволеніе Петра и упрочили его славу, какъ знаменитаго проповѣдника. Въ 1711 г., во время Турецкаго похода, Петръ вызвалъ Прокоповича въ Яссы; 27 іюня, въ день воспоминанія Полтавской битвы, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь. Въ 1716 г. Прокоповичъ по приказанію Петра явился въ Петербургъ. Здѣсь Прокоповичъ

(1) Введеніе въ богословіе Ѳеофана Прокоповича разсмотрѣно, а также сдѣлана характеристика всей богословской его системы въ статьѣ Червяковскаго, Христ. Чтен. 1876—77—78 г. и въ 1-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, стр. 49—163.

сначала занимался сказыванiемъ проповѣдей, въ которыхъ разъяснялъ смыслъ разныхъ реформъ, писалъ, по порученiю Петра, разныя сочиненiя и проекты. Въ 1718 г., не смотря на нежеланiе Стефана Яворскаго и другихъ духовныхъ лицъ, онъ по приказанiю Петра былъ посвященъ въ епископа Псковскаго. По учрежденiи Синода въ 1721 г. онъ былъ назначенъ его членомъ. Въ 1724 г. былъ сдѣланъ архiепископомъ Новгородскимъ, въ каковомъ санѣ оставался до своей смерти въ 1736 г. Прокоповичъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Не только при Петрѣ, когда онъ своими сочиненiями служилъ дѣлу реформы, но и въ слѣдующiя царствованiя, при Екатеринѣ и Аннѣ Iоанновнѣ, онъ находился во главѣ тѣхъ людей, которые заботились о распространенiи въ обществѣ новаго образованiя. Его совѣта спрашивали во многихъ важныхъ дѣлахъ; ему посылались на просмотръ почти всѣ русскiя сочиненiя, предназначавшiяся для печати. Изъ русскихъ ученыхъ онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношенiяхъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ, Кантемиромъ и Татищевымъ. Онъ привѣтствовалъ стихами самое первое произведенiе зарождавшейся тогда новой русской литературы—первую сатиру Кантемира: „На хулящихъ ученiе"; онъ принялъ подъ свое покровительство самого отца этой литературы, Ломоносова, когда онъ пришелъ учиться въ Московскую академiю. Ободренный похвалами Прокоповича, Кантемiръ продолжалъ литературную дѣятельность и въ своихъ сатирахъ проводилъ тѣ же идеи о наукѣ и просвѣщенiи и рисовалъ тѣ же картины грубости и невѣжества, какiя мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненiяхъ Прокоповича. Татищевъ въ своей Духовной совѣтуетъ, на ряду съ сочиненiями отцовъ и учителей церкви, читать сочиненiя Ѳеофана: „Первое ученiе отрокомъ и о Христовыхъ блаженствахъ проповѣди толкованiе". „Нашъ архiепископъ Ѳеофанъ, говоритъ онъ, былъ въ наукѣ философiи новой и богословiи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденiемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ". Разнообразныя сочиненiя Прокоповича, очевидно, производили сильное впечатлѣнiе на Татищева; въ его собственныхъ сочиненiяхъ замѣчается большое сходство съ Ѳеофаномъ какъ въ общемъ направленiи, такъ и отдѣльно, въ разныхъ мысляхъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ Прокоповичъ находился въ сношенiяхъ со многими членами Петербургской Академiи наукъ: Блюментростомъ, Гроссомъ, Байеромъ, Миллеромъ, и умѣлъ прiобрѣсти отъ нихъ глубокое уваженiе. Байеръ, посвящая ему свой трудъ, Museum Sinicum, называетъ его образованнѣйшимъ человѣкомъ, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ, онъ же написалъ его бiографiю. Миллеръ, на основанiи этой бiографiи, соста-

вилъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Прокоповича. Горячо любя науку и просвѣщеніе европейское, Прокоповичъ особенное вниманіе оказывалъ европейскимъ ученымъ. Датскій путешественникъ Фонъ-Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1736 г., говоритъ о немъ: этотъ человѣкъ, по знаніямъ своимъ, не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, философіи и богословія, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ. Онъ знаетъ европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять кромѣ русскаго... Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ съ иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ. ([1]). Новиковъ въ своемъ словарѣ называетъ Прокоповича первымъ изъ нашихъ писателей, который многоразличнымъ ученіемъ столь себя прославилъ, что въ ученой исторіи заслужилъ мѣсто между славнѣйшими писателями. Въ Петербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, которыя издавалъ Новиковъ, на ряду съ надписями къ портретамъ Ломоносова, Кантеміра и Поповскаго, находится слѣдующая надпись къ изображенію Ѳеофана Прокоповича:

«Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ,
Витійствомъ Златоустъ, мусъ чистыхъ собесѣдникъ;
Историкъ, богословъ, мудрецъ россійскихъ странъ:
Таковъ былъ пастырь стадъ словесныхъ Ѳеофанъ».

Сочиненія Прокоповича многочисленны и разнообразны ([2]). Кромѣ указанныхъ выше: Духовнаго Регламента, Догматическаго богословія, Перваго ученія отрокомъ, еще замѣчательны: Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ, М. 1774 г.; Исторія раздора между Греками и Римлянами объ исхожденіи св. Духа, М. 1772 (Написано было на латинскомъ языкѣ); Увѣщаніе отъ имени Синода къ учителямъ раскола (Собр. Зак. 6, № 3925); Христовы заповѣди—о блаженствахъ толкованіе. Спб. 1722; Повѣсть о смерти Петра В. Спб. 1725 г.; Родословная роспись князей и царей, Спб. 1720 г. Повѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи, напеч. при Мавроурбиновой исторіи Славянъ, переведенной Саввою Рагузин-

([1]) Смотр. у Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

([2]) Сочиненія Прокоповича указаны: въ Обзорѣ духовной литературы Филарета т. 2; въ монографіи Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время; въ V-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина; въ сочиненіи П. Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

скимъ, М. 1722 г. Изъ стихотвореній Прокоповича извѣстны: стихи къ Кантемиру, по поводу его первой сатиры, нѣсколько духовныхъ пѣсней: „Кто крѣпко на Бога уповае“; „Колы дождуся весела ведра“; „О суетный человѣче“ и др. (1). Но въ исторіи литературы самое важное значеніе послѣ Регламента имѣютъ проповѣди Прокоповича.

Проповѣди Ѳеофана Прокоповича (2). Прокоповичъ обыкновенно считается преобразователемъ русской проповѣди. Мы указали выше, какъ онъ еще во время преподаванія реторики въ Кіевской академіи возсталъ противъ подражанія польскимъ католическимъ проповѣдникамъ и требовалъ отъ проповѣди народнаго содержанія. Другія его требованія отъ проповѣди высказаны имъ въ „*Наставленіяхъ проповѣднику*“, помѣщенныхъ во введеніи въ богословіе; въ отдѣльномъ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ“ (3) и въ статьѣ Регламента: „О проповѣдникахъ Слова Божія“ (4). „Проповѣдывали бы проповѣдники, говоритъ онъ, твердо съ доводовъ свящ. писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бы суевѣрія, вкореняли бъ въ сердца людскія страхъ Божій, словомъ рещи: испытовали бъ отъ свящ. Писанія, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная, и то бъ говорили“. Въ образецъ проповѣдниковъ, которымъ должно подражать, въ Регламентѣ указывается на Златоуста, какъ на лучшаго истолкователя свящ. Писанія и лучшаго проповѣдника изъ отцовъ греческой церкви. „А казнодѣйшковъ легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ, не челъ бы“. При сказываніи проповѣдей также возбраняется подражать манерѣ польскихъ проповѣдниковъ, совѣтуется воздерживаться отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи, чѣмъ начали страдать и русскіе проповѣдники.—Нельзя сказать, чтобы въ проповѣдяхъ самого Прокоповича выполнялись всѣ предписанныя имъ правила, чтобы его проповѣди, по своему стилю, представляли во всѣхъ отношеніяхъ совершенно новое явленіе. Самое важное и существенное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ несравненно проще и естественнѣе проповѣдей Яворскаго и юго-западныхъ проповѣдниковъ. Приведя мѣста свящ. Писанія,

(1) Обз. дух. лит. Ч. 2 № 2—(2) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича. Ч. 1 и 2. изд. 1760 и 1761 г., ч. 3. 1765 г., ч. 4. 1774.

(3) Сочиненія Ѳ. Прокоповича. Ч. IV.—(4) Духовный Регламентъ, стр. 63—66.

Прокоповичъ не старается отыскать въ нихъ какой нибудь сокровенный смыслъ. Излагая какой-нибудь предметъ изъ области вѣры или нравственной дѣятельности, онъ также не усиливается сказать что нибудь новое или неожиданное, но просто и ясно указываетъ на главное и существенное; у него рѣже встрѣчаются искуственныя сближенія, сравненія, аллегоріи; рѣже приводятся примѣры изъ древней исторіи, миѳологіи и легенды; доказательства заимствуются преимущественно изъ свящ. Писанія. Но главную отличительную черту проповѣдей Прокоповича составляетъ ихъ современность. Проповѣди Прокоповича были новыми, живыми и интересными не столько по формѣ и по стилю, сколько по содержанію, по живому, горячему отношенію къ современнымъ событіямъ. Ни одно событіе эпохи, ни одно дѣло Петра не остались безъ того, чтобы Прокоповичъ не сказалъ о нихъ въ своихъ проповѣдяхъ, большая часть которыхъ, вслѣдствіе этого, являются не настоящими церковными словами, а ораторскими политическими рѣчами въ защиту реформы.

Отправленіе русскихъ людей для образованія за границу и путешествія самого Петра по Европѣ подвергались осужденіямъ старой партіи. Прокоповичъ въ словѣ 23 октября 1717 г. доказывалъ ихъ пользу и необходимость. „Якоже бо рѣка, далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много... Антоній великій вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и рекъ: *сія есть книга моя.* Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому, гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти, или той, который странствуя видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество... Сверхъ того перегринація или странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити; не мало бо и ложнѣ повѣствуется, много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше... Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтняя старость“ (¹). Въ словѣ 8-го сен-

(¹) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича. Ч. I. 205—207.

тября 1720 г. онъ доказывалъ пользу и необходимость флота для Россіи такимъ образомъ: „Понеже пе къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣти флота? не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая надъ рѣкою, или езеромъ положена, и не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія. Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи: сія своя поморскія страны возвратити себѣ, и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися.... Какъ многіи поморскіи городы, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли разоренни не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ т. е. морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи.... Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами" (1). Изъ войнъ, веденныхъ Петромъ В., Прокоповичъ весьма часто говорилъ о шведскихъ войнахъ, объясняя ихъ значеніе для Россіи, и особенно прославлялъ побѣду подъ Полтавой. Такъ, въ одномъ Словѣ онъ сравниваетъ шведскую войну, по ея трудностямъ и славнымъ послѣдствіямъ, со второй Пунической войной, „юже творяху Римляне со пресловутымъ онымъ Аннибалемъ, вождемъ карѳагенскимъ", а Петра В. съ Самсономъ; „Яко убо иногда Самсонъ въ растерзанномъ отъ себя львѣ обрѣте пчелы и медъ и усладився отъ него предложи гаданіе: *отъ ядущаго*, рече, *ядомое изыде, и отъ крѣпкаго изыде сладкое*: подобнѣ и тебѣ, пресвѣтлѣйшій монархо, Божіимъ благословеніемъ случися. Растерзалъ еси, аки вторый Самсонъ (не безъ смотрѣнія же, мню, Божія и въ день сей Самсона случися побѣда твоя), растерзалъ еси мужественнѣ льва Свѣйскаго. Се убо обрѣтаеши въ немъ сладкій нектаръ: се и на тебѣ Самсоново гаданіе исполняется: *отъ ядущаго изыде ядомое*, отъ того, иже пожерлъ бяше

(1) Тамъ же, часть II, 53—54.

отеческія твоя земли и многихъ народовъ пожре имѣнія, имѣеши ядомое, толикій и толь дивный воинства его плѣнъ, и всѣ пребогатыя корысти: *отъ крѣпкаго изыде сладкое*; понеже крѣпкій и сый и страшный, непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость" ([1]). Въ другомъ Словѣ, изображая полтавскую побѣду, онъ называетъ ее матерью другихъ побѣдъ: „Полтавская побѣда многихъ иныхъ побѣдъ мати есть. Не она ли виновна, что Рига со всею Ливоніею, Выборгъ и Кексгольмъ со всею Кареліею, Абовъ съ непобѣдимою (якоже словяше) Финіею, Ревель къ тому и Пернавъ... и иныя крѣпости славныя, аки сломленныя, власти россійской покорилися... Подъ полтавою, о россіяне, подъ Полтавою сѣяно было все сіе, что послѣ благоволи намъ Господь пожати" ... Самого же героя Полтавской битвы онъ представляетъ въ такомъ образѣ: „Паче всѣхъ обращаетъ на себя наши очи Петръ, Петръ и къ скипетру онъ и къ мечу родившійся, самодержецъ нашъ и воинственникъ нашъ: гдѣ не съ стороны, аки на позорищи стоитъ, но самъ въ дѣйствіи толикой трагедіи; и гдѣ страшнѣйшій огнь, гдѣ лютость большая, ту и онъ ... И засвидѣтельствова страшный случай, мужественное его смерти небреженіе, шляпа, пулею пробитая. О страшный и благополучный случай! Далече ли смерть была отъ боговѣнчанныя главы? Не явственно ли симъ показа Богъ, яко самъ Онъ съ царемъ нашимъ воюетъ... О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которыи россійское государство описуютъ, яко ни на единомъ европейскомъ государѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на монархѣ россійстѣмъ; но отселѣ уже не корону, но шляпу сію цареву разсуждайте и со удивленіемъ описуйте ([2])". При открытіи Синода 14 февраля 1721 г. Прокоповичъ говорилъ проповѣдь, въ которой необходимость Синода доказывалъ печальнымъ состояніемъ духовнаго образованія и духовной жизни въ Россіи. Опровергая возраженія тѣхъ, которые возставали противъ разныхъ реформъ и говорили о мирѣ, прибавляя: у насъ, слава Богу, все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи, онъ спрашиваетъ этихъ людей: „Какій убо у насъ миръ? какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи, суцецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло,

([1]) Тамъ же, ч. I, 32—46.
([2]) Тамъ же, ч. I, 158—159; 162—163.

что и пріемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, его же Апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло и въ тая времена мы родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ.... Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше!... Видя же сіе, видимъ, какъ нужное дѣло твое, духовная коллегія, видимъ море купли твоей, видимъ широкую ниву жатвы твоей, видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ, тебѣ указаннаго" (1). Въ 1718 г., когда, по случаю суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, послышался сильный ропотъ и открыто было сочувствіе царевичу многихъ духовныхъ лицъ (митр. Стефана Яворскаго, Іоасафа Краковскаго, епископа Досиѳея и другихъ), Прокоповичъ сказалъ (6 апрѣля) слово „*о власти и чести царской*", въ которомъ, доказывая, что воля царская должна свято исполняться подданными, онъ рѣзко и даже грубо, въ сатирическомъ тонѣ, нападалъ на всѣхъ противниковъ реформы, объясняя ихъ противленіе тупостію и неспособностію понимать смыслъ преобразованій, одностороннимъ аскетическимъ воззрѣніемъ на міръ, по которому все представляется имъ въ самомъ мрачномъ видѣ, и сами они являются настоящими мизантропами. „Суть нынѣшніе, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію противницы, которые не невѣжды себѣ мнятся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ прузи, животное окрылатѣлое, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетѣть, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако и они, суще книгочіи, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубостью мозга буесловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы Божія... Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини нарицали місантропи, сіесть человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о

(1) Тамъ же, ч. II, 66—68.

нѣкоемъ таковомъ, Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстію и, ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злоключенія отечеству своему, что послѣжде сшелъ съ ума и таковый обморокъ и мечтаніе возъимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинеи вси хотятъ вѣшаться;... мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у меня въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хощу скоро же; молю васъ, идите, вѣшайтеся, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи" (¹). Эти слова, очевидно, были направлены противъ тѣхъ, которые жаловались на упадокъ древнихъ правилъ благочестія и обычаевъ старины и порицали слишкомъ веселую разгульную жизнь, постоянныя потѣхи, пиры и ассамблеи Петра и его сподвижниковъ. Такихъ людей въ другой проповѣди (въ день св. Александра Невскаго, 30 августа 1718 г.) Прокоповичъ называетъ лицемѣрами, *мнимыми святцами*, которые „видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти то есть бабія басни баютъ, заповѣди бездѣльныя, храненія суевѣрныя кладутъ и такъ безстудно лгутъ, яко стыдно бы во истинну и просто человѣкомъ не точію честнымъ нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ разскащикамъ вѣрилъ, но обаче мнози вѣруютъ, увы окаянства"! (²) 3-го февраля 1718 г. былъ изданъ Петромъ актъ о престолонаслѣдіи въ Россіи, по которому онъ предоставляетъ себѣ право назначить преемникомъ себѣ того, кого найдетъ наиболѣе способнымъ. Для оправданія этого акта Прокоповичъ составилъ обширный трактатъ „*Правда воли монаршей*", въ которомъ, на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и примѣровъ церковной и гражданской исторіи, старался доказать, что государь можетъ свободно назначить наслѣдника себѣ, не стѣсняясь ни первородствомъ, ни вообще какимъ нибудь родствомъ. По случаю перенесенія начала новаго года съ 1-го сентября на 1-е января „лучшаго ради согласія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ", многіе невѣжественные люди, „пономари и апостати", высказывали недовольство и называли эту перемѣну „погубленіемъ лѣтъ Божіихъ". Для объясненія этой перемѣны Прокоповичъ 1-го января 1725 г. сказалъ Слово, въ которомъ изложилъ исторію лѣтосчисленія и, указавъ на начало счета съ сентября мѣсяца, спрашивалъ недовольныхъ: „Что приличнѣе и че-

---

(¹) У Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В. ч. I. стр. 485—487. У Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 27—29.

(²) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, ч. II, 16.

стнѣе есть? праздновати ли новолѣтіе на память даней или податей отъ Константина наложенныхъ, или тогда, когда празднуемъ пришествіе въ міръ Сына Божія, имъ же мы отъ долговъ вѣчныхъ и отъ узъ нерѣшимыхъ свободилися?" ([1]).

Но не въ указанныхъ только проповѣдяхъ Прокоповичъ говорилъ о дѣлахъ Петра; онъ говорилъ о нихъ постоянно, почти въ каждой проповѣди, по всякому случаю. Особенно интересна въ этомъ отношеніи еще проповѣдь, сказанная имъ 18 октября 1716 года на день рожденія царевича Петра Петровича. Въ этой проповѣди онъ сгруппировалъ почти всѣ реформы Петра въ одну цѣльную картину, въ которой представилъ новую преобразованную Россію въ сравненіи съ прежней, не преобразованной. „Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но недалече, за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія дивные вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не вѣдали и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительская: новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужднѣйшихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искуства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ?... Многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ: на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ не довольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле, теченію ихъ подобающее, инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ россійской подобало простретися за предѣлы земные и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но марсовымъ желѣзомъ... Се

([1]) Тамъ же, ч. II. 116—117.

уже единою ногою (Россія) на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна... А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется... Августъ, римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю. Нашему же пресвѣтлѣйшему монарху тщета была бы, а не похвала сіе пригласити, исповѣсти бо воистину подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми и различныхъ полезныхъ ученій добротою. Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій, и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Кизикермень, разруши Азовъ и дракона асійскаго устраши; возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей" ([1]). Совершенно понятны такія восхваленія Петра В. за его преобразованіе и возвышеніе Россіи, за внесеніе въ нее началъ европейской науки и цивилизаціи; но нельзя однакожъ при этомъ оставить безъ вниманія того, что увлеченіе этой наукой и цивилизаціей у Прокоповича доходило до такой крайности, что превращалось въ совершенное самоуничиженіе. „Въ коемъ мнѣніи, говоритъ онъ, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ? бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поругани... нынѣже, которіи насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которіи безчестили, славятъ, которіи грозили, боятся и трепещутъ, которіи презирали, служити намъ не стыдятся; многія въ Европѣ коронованныя главы не точію въ союзъ съ монархомъ нашимъ идутъ доброхотно, но и десная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе" ([2]). Прокоповичъ считаетъ особымъ почетомъ и придаетъ великое значеніе даже тому обстоятельству, что многія въ Европѣ коронованныя главы „де-

---

([1]) Тамъ же, ч. I. 110—114.

([2]) См. у Морозова: Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 259.

сная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе“. Здѣсь лежитъ начало того рабства и крайняго самоуничиженія, которое потомъ стали показывать и высказывать русскіе люди при всякомъ столкновеніи съ Европой, при всякомъ сопоставленіи всего русскаго съ иностраннымъ.

Сопровождая похвалами всѣ дѣла Петра В., Ѳеофанъ и въ вѣчную жизнь напутствовалъ его великолѣпнымъ похвальнымъ словомъ. До глубины души потрясенный невыразимою скорбію, онъ воскликнулъ предъ его гробомъ: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ. Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ... скончалъ жизнь... Се оный твой, Россіе, Самсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явиться, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился... Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное... Се Моѵсей твой, о Россіе! не суть ли законы его, яко крѣпкая забрала правды и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія... Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло... Се же твой, о церкве россійская, и Давидъ и Константинъ! Его дѣло правительство синодальное, его попеченія пишемая и глаголемая наставленія“... (1).

Но съ кончиною Петра не окончилось служеніе Прокоповича дѣлу реформы. И при преемникахъ его онъ постоянно словомъ и дѣломъ поддерживалъ всѣ его преобразованія. При этомъ ему пришлось долго выдерживать сильную борьбу съ разными врагами, которые при жизни Петра молчали, а послѣ его смерти смѣло подняли голову. Онъ не палъ въ этой борьбѣ и вышелъ изъ нея даже полнымъ побѣдителемъ; но, къ сожалѣнію, онъ въ это время запятналъ себя разными грязными интригами и такими темными дѣлами, которыя обнаруживаютъ самыя непривлекательныя стороны въ его характерѣ и помрачаютъ его славу.

Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго.

Вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ дѣлу реформы служили своимъ словомъ и другія духовныя лица. Изъ нихъ болѣе другихъ въ этомъ отношеніи замѣчательны: еп. Рязанскій *Гавріилъ Бужин-*

(1) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, ч. II, 127—133.

скій и *іеромонахъ Симонъ Кохановскій.* Бужинскій (ум. 1731 г.) былъ воспитанникъ Кіевской академіи. Въ Москвѣ онъ былъ сначала учителемъ въ славяно-греко-латинской академіи и въ тоже время занимался переводомъ книгъ и сказываніемъ проповѣдей. Узнавъ о немъ, какъ о краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, Петръ В. опредѣлилъ его въ 1719 г. оберъ-іеромонахомъ флота. Въ 1721 г. Бужинскій былъ сдѣланъ архимандритомъ Сергіевой Лавры и совѣтникомъ Синода; въ 1726 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Рязанскаго. Мы выше указали на заслуги Бужинскаго, какъ переводчика; о значеніи же его, какъ проповѣдника, въ одномъ старомъ стихотвореніи говорится:

«На стогнахъ городскихъ, въ святилищѣ церквей,
Въ поляхъ среди полковъ и средь морскихъ зыбей,
Бужинскій, истины вѣщая гласъ народу,
Храмъ, грады и полки и съ жителями воду
Съ восторгомъ радостнымъ внимающими зрѣлъ,
Когда величіе вѣщалъ Петровыхъ дѣлъ».

Какъ на отличительную черту въ характерѣ Петра, Бужинскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на его любовь къ Россіи, доходившую до полнаго самоотверженія. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Въ сей любви Петръ, истинный подражатель Христа Господа, не щадяше дражайшія души своея за отечество свое... въ трудахъ и подвизѣхъ, въ мразѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи, въ бѣдственныхъ на земли странствованіяхъ и въ многомятежнѣйшихъ и бѣдственнѣйшихъ морскихъ обуреваніяхъ; не щадяше души своея въ баталіяхъ, егда въ толикомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа пулею непріятельскою бысть пробита; не щадяше жизни своея въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; вся же сія претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя“ (1). Изъ дѣлъ Петра Бужинскій, какъ оберъ-іеромонахъ флота, прославлялъ въ своихъ проповѣдяхъ преимущественно дѣла военныя, доказывалъ пользу и необходимость флота и объяснялъ значеніе тѣхъ войнъ, какія были при Петрѣ. Доказывая необходимость флота для Россіи, Бужинскій говоритъ, что безъ морской силы государство подобно птицѣ, которая захотѣла бы летать съ однимъ крыломъ: „обносится премудрое Гетрурскаго князя, Космы де-Медицисъ, реченіе: не достоитъ сицеваго нарещи сильнымъ, иже силѣ земной не имать соединенныя

(1) Собраніе словъ Бужинскаго. М. 1784, стр. 252.

силы морскія... Исполнены суть историческія повѣсти, каковую пользу государствамъ содѣлали силы корабельныя; планы суть свидѣтельства, изъявляющія, колико скоростію и величествомъ дѣлъ творимыхъ прочихъ народовъ моремъ владѣющіе превосходятъ... Единымъ симъ пособіемъ далечайшія страны покоряются, воинству помощь къ пропитанію преподается, и куда чрезъ многія лѣта сухопутныя войска достигнути не въ состояніи, то въ короткое время корабельныя силы содѣлати могутъ. И когда купечество неизреченную приноситъ государствамъ пользу, ибо нѣтъ ни одного царства, могущаго собою безъ торговъ быть довольнымъ; то заключить надобно, что онъ лучше нигдѣ не процвѣтаетъ, какъ въ мѣстахъ приморскихъ. Какое видится тамъ всего изобиліе, гдѣ находятся пристани морскія, и какой напротиву того примѣчается во всѣхъ даже и нужныхъ вещахъ недостатокъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отдалены отъ моря, или вовсе лишены пристанищъ морскихъ" ([1]). Защищая войны со Шведами, подвергавшіяся порицанію, по причинѣ ихъ продолжительности и тяжести и дорогой стоимости для народа и государства, Бужинскій въ одной проповѣди говоритъ: „Всѣмъ любовни суть побѣды, всѣмъ пріятны торжества... тако вси доброходствуютъ къ чадамъ и плодамъ брани; противнымъ же образомъ, едва сицеваго обрящеши, иже бы о матери побѣдъ и торжества—*брани* доброе произнеслъ слово; вси на сію порицаютъ, воздыхаютъ, и что чудно, и между самими воинствующими вездѣ ей укоризны слышатся". И указавъ затѣмъ на главную укоризну, что война противна любви христіанской, онъ замѣчаетъ: „Не тако, кривотолки, не тако... брани властителей христіанскихъ правильныя не суть противныя любленію враговъ, но паче согласныя; симъ бо самымъ тщатся враговъ своихъ отъ насильствія отвратити и призвати ихъ къ миру, послѣдовательно и къ дружбѣ" ([2]). Въ частности, доказывая необходимость и законность войны со Шведами, онъ говоритъ въ другихъ проповѣдяхъ: „Праведная сія брань и на зѣло правильныхъ причинахъ основана и начата бысть: за поруганіе чести царственной, за восхищенную неправедно и вѣроломно землю Ижерскую, за разореніе храмовъ и обителей Божіихъ, за разграбленіе многихъ провинцій и градовъ... Начата праведная брань, и Богъ отмщеній Господь, Богъ отмщеній, Россіи дѣло пріялъ въ свое защищеніе, пріялъ въ свое покровеніе. Явствуютъ сія не тако частыя, но да тако реку, всегдашія побѣды, отъ руки Божія подаваемыя, всегдашнія торжества, въ Россіи дѣйствуемыя" ([3]). Изъ другихъ про-

([1]) Слова Бужинскаго, стр. 19—22.

([2]) Тамъ же. стр. 70—([3]) Тамъ же, стр. 60. 99.

повѣдей Бужинскаго замѣчательна проповѣдь въ похвалу новой русской столицы, сказанная при поднесеніи Петру В. „перво-вырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга“. Въ этой проповѣди, какъ на особенныя достоинства, онъ указываетъ на важное стратегическое значеніе Петербурга, на красоту его мѣстоположенія и на удобство для внѣшней торговли и сношеній съ разными государствами. Между прочимъ, говоря о мѣстоположеніи Петербурга, онъ вдается въ такія крайнія и смѣшныя преувеличенія: „Не только всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто (Петербурга), но и въ иныхъ европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣстися можетъ“.

Симонъ Кохановскій былъ также воспитанникъ Южной Россіи и подобно Гавріилу Бужинскому былъ іеромонахомъ флота, но въ 1733 г. былъ уволенъ на покой въ Печерскую Лавру. Изъ его проповѣдей особенно замѣчательна проповѣдь на день Благовѣщенія, сказанная имъ въ Ревелѣ въ 1720 г. Она направлена противъ раскольниковъ и вообще противъ всѣхъ суевѣрныхъ ревнителей старины, которые порицали новое образованіе и реформы Петра, считая ихъ противными древнему благочестію. „Откуда бываетъ, говоритъ онъ въ этой проповѣди, что мнозіи отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе церкви святой, бѣгутъ изъ городовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіи, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!.... Мнятъ бо бѣдные и ненаученые человѣцы, что въ пустынѣ, ради самой точію пустыни, или въ монастырѣ, ради самого точію монастыря, большее и скорѣйшее спасеніе, неже въ мірѣ въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. А другіе... ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и монастыряхъ, будто, они мнятъ, что большіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой. А сама совѣсть ихъ противное говоритъ, и будто большее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ, или зеленомъ, или въ красномъ платьѣ, мнятъ, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная, чистая или свѣтлая риза. Думаютъ окаянніи, что веревки и желѣзныя цѣпи, которыми многіе лицемѣры, ханжи обмотуютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобивыя сердца, думаютъ, глаголю, что пріятнѣйшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ, а наипаче егда пріидетъ стати ко непріятелю въ глаза, кровь и душу свою за вѣру, за отечество и за госуда-

ря своего изліяти. Мнять простые и никогда не слышавшіе евангельскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ, или въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шляпѣ. А того, бѣдные, не знають, а другіе и знати не хощуть, что Богъ не зрить такъ на клубокъ, какъ на парикъ, или на простую шляпу, такъ на раздранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе внѣшніе строи и манеры, но зрить на дѣла и помышленія человѣческія.... Воззримъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилася.... Имя злобѣ оной *забобоны*, сирѣчь суевѣріе, или злочестіе, отъ котораго удобь раждается безбожіе.... напр. избрали себѣ мужики въ году двѣнадцать пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебенъ имъ наймуетъ, то, по различію пятницъ, различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ (далѣе слѣдуетъ указаніе, какая пятница какое благодѣяніе доставляетъ, согласно съ извѣстнымъ апокрифическимъ сказаніемъ о 12-ти пятницахъ)... Что же, егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или паче до бабской богословіи, сирѣчь до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитати, а которой не почитати?... какой крестъ на церквахъ ставити—осьмиконечный, или четвероконечный? которыми персты знаменіе крестное на себѣ положити? дважды или трижды аллилуіа глаголати?... Бабьими баснями и мужицкими забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую діавольскую богословію наизусть умѣютъ, которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая.... А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдню служити, всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе тѣла и крови Христовой, того и не поминай.... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни.... и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей Божіихъ, и старые мужики того не знаютъ" ([1]).

ПРОТЕСТЫ И ПОЛЕМИКА ПРИВЕРЖЕНЦЕВЪ СТАРИНЫ ПРОТИВЪ РЕФОРМЪ И НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Прокоповичъ, Бужинскій и Кохановскій стояли во главѣ партіи людей новаго образованія и при Петрѣ В. пользовались огромнымъ значеніемъ; но послѣ его смерти ихъ положеніе совершенно

([1]) Наука и литер. Пекарскаго. I. 492—494.

измѣнилось. Съ ними, какъ и со всѣми людьми новаго образованія, случилось тоже самое, что въ XVII в. случилось съ кіевскими учеными, когда они явились въ Москву и встрѣтились здѣсь съ московскими грамотниками. Какъ кіевскіе ученые, воспитанные на латинскихъ книгахъ и въ школахъ, устроенныхъ по образцу латинскихъ школъ, заподозрѣны были въ латинствѣ и объявлены латынниками, такъ и люди новаго образованія, приверженцы реформы, постоянно обращавшіеся въ кругу нѣмцевъ протестантовъ, учившіеся у нихъ и читавшіе ихъ книги, заподозрѣны были въ протестантствѣ и считались протестантствующими. Въ приверженцахъ стараго образованія и стараго порядка дѣлъ особенное недовольство и сильные протесты возбуждали, какъ замѣчено выше, реформы въ церковной области, казавшіяся противными духу православія. Уничтоженіе патріаршества представлялось посягновеніемъ на достоинство и права церкви. Строгія предписанія Регламента—свидѣтельствовать мощи, чудеса, акаѳисты и житія святыхъ, запрещеніе строить церкви и часовни безъ разрѣшенія, ходить по домамъ съ иконами, строгія мѣры противъ монаховъ считались стѣсненіемъ духовной жизни и оскорбительнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковныя. Стремясь исправить религіозную жизнь народа, Духовный Регламентъ въ своихъ предписаніяхъ, Прокоповичъ и другіе проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ совершенно справедливо нападали на разныя суевѣрія и суевѣрные обряды и вообще на чисто внѣшнее обрядовое благочестіе, которое у необразованныхъ людей замѣняло собою истинное христіанское благочестіе; но при этихъ нападеніяхъ они часто вдавались въ крайности, рисовали рѣзкія и часто грубыя картины съ разными сатирическими выходками. Это подавало поводъ думать, что они относятся враждебно и вообще ко всей русской жизни, что, подобно нѣмцамъ протестантамъ, они вообще отвергаютъ внѣшнюю обрядовую сторону религіи. А свободная жизнь людей новаго образованія, усвоившихъ новые взгляды и обычаи, повидимому, подтверждала эти подозрѣнія. Подъ вліяніемъ иностранцевъ, они начали оставлять благочестивыя правила и обычаи старины, перестали соблюдать посты, ходить въ церковь, вели разгульную жизнь, просиживая ночи въ ассамблеяхъ. Недовольство новыми порядками и новыми людьми, поддерживавшими эти порядки, громко раздавалось въ кругу монашества, которое во время реформы лишилось многихъ прежнихъ преимуществъ, и особенно усилилось вслѣдствіе указа 1724 г., которымъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома „для зазорныхъ младенцевъ", или въ инвалидные дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Но до высшей степени раздраженіе должно было дойти въ средѣ раскольниковъ, противъ которыхъ

были приняты весьма строгія мѣры и которые, вслѣдствіе этого, время реформы начали считать временемъ антихриста, а самого Петра В. главнымъ его орудіемъ.

Такъ какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ людей новаго образованія и былъ самымъ горячимъ приверженцемъ и защитникомъ всѣхъ реформъ, то на него прежде всего и сильнѣе всего и должны были обрушиться раздраженіе и преслѣдованія старой партіи. Еще въ то время, какъ Петръ вздумалъ сдѣлать его Псковскимъ епископомъ, Стефанъ Яворскій предъявилъ, вмѣстѣ съ другими, сомнѣніе въ его православіи, такъ что Прокоповичъ долженъ былъ написать изложеніе своей вѣры. Ѳеофилактъ Лопатинскій также считалъ богословское ученіе Прокоповича не совсѣмъ православнымъ и когда появилось сочиненіе Прокоповича „*Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ*“ (1), гдѣ доказывалось, что законное оправданіе требуетъ всецѣлаго безгрѣшія и что безгрѣшенъ никто быть не можетъ, Ѳеофилактъ написалъ противъ него свое сочиненіе „*Объ игѣ Господнемъ благомъ*“, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено: „мудрованію (лютеранскому) о законѣ Божіемъ и о оправданіи послѣдуетъ отъ насъ произшедшій противникъ, яко же свидѣтельствуетъ его писаніе, о законномъ неудобоносимомъ игѣ сочиненное. И тожде сію нашу книжицу, на возраженіе ученію его составленную, чтущій всякъ увидитъ“ (2). За это сочиненіе Ѳеофилактъ, по проискамъ Ѳеофана, былъ подвергнутъ пыткамъ и заключенію въ крѣпости. Но ни Яворскій ни Лопатинскій не были собственно врагами Прокоповича; они дѣйствовали добросовѣстно и по ревности къ православной вѣрѣ, которая, по ихъ убѣжденію, могла пострадать отъ разныхъ нововведеній. Настоящими врагами Прокоповича были епископъ Ростовскій Георгій Дашковъ и архимандритъ Юрьевскаго монастыря Маркеллъ Родышевскій.

Георгій Дашковъ (съ 1718 г. епископъ Ростовскій, съ 1725 года членъ Синода) былъ упорнымъ защитникомъ стараго порядка, стремился возстановить патріаршество и даже самъ мечталъ сдѣлаться патріархомъ и съ этою цѣлію старался расположить къ себѣ сильныхъ людей подарками. Сдѣлавшись членомъ Синода, онъ началъ борьбу съ Прокоповичемъ, какъ виновникомъ ненавистной ему церковной реформы. По поводу отобранія имѣній у монастырей и назначенія ихъ въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ императрицѣ Екатеринѣ энергическій

---

(1) Напечатано въ IV части сочиненій Ѳеофана Прокоповича. М. 1774 г.—
(2) Сочиненіе это существуетъ въ рукописи Моск. Акад. Смотр. Обозр. дух. лит. Филарета. Ч. 2 № 15.

протестъ (¹). Но Дашковъ былъ человѣкъ не ученый и потому не могъ дѣйствовать прямо противъ Прокоповича, а избралъ для этого своимъ орудіемъ Маркелла Родышевскаго.

Маркеллъ Родышевскій былъ архимандритомъ Юрьевскаго монастыря, а потомъ съ 1742 г. Корельскимъ епископомъ. По внушенію Дашкова онъ въ 1727 г. сдѣлалъ доносъ, что въ книгахъ (Прокоповича): „О блаженствахъ Христовыхъ", „Букварь съ десятословіемъ" и прочія „печатныя поученія" находится „много лютеранскихъ и кальвинскихъ ученій" и предлагалъ собрать соборъ русскихъ пастырей для разсмотрѣнія этихъ книгъ, развращающихъ церковное ученіе, и для отлученія отъ церкви того, кто, по изслѣдованію, явится виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи этихъ книгъ (²). Въ 1730 г. Родышевскій написалъ возраженія на Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Въ возраженіяхъ на Регламентъ доказывается, что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма церковнаго управленія; въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ защищается древне-русская форма монашества противъ новыхъ постановленій о монашествѣ (³). Кромѣ того, Родышевскій считалъ противными православному ученію церкви книги, переведенныя Гавріиломъ Бужинскимъ— „Ѳеатронъ историческій" Стратемана и „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ" и „О должностяхъ человѣка и гражданина" Пуффендорфа.—Сочиненія Родышевскаго и особенно объяснительные пункты, представленные имъ въ тайную канцелярію, наполнены обвиненіями противъ Прокоповича въ разныхъ противностяхъ церкви, вслѣдствіе чего Прокоповичъ признается еретикомъ, лютераниномъ.—Сравнивая эти обвиненія Родышевскаго съ тѣми объясненіями, какія, по поводу ихъ, давалъ Прокоповичъ, мы открываемъ настоящую сущность дѣла. Сущность дѣла заключалась въ различіи принциповъ въ вѣрѣ старой и новой партіи, различіи, которое и было главною причиною упрековъ Прокоповичу и его сторонникамъ въ лютеранствѣ. Маркеллъ Родышевскій, между прочимъ, доносилъ на Прокоповича, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: „тѣ правила, которыя называются апостольскія, не ихъ". Прокоповичъ на это отвѣчалъ: „Правила апостольскія пріемлю за апостольскія по ученію, но не по соглашенію т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано, что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются". Ро-

(¹) См. у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 189 и дал.

(²) Тамъ же, стр. 231—232.—(³) Анализъ этихъ сочиненій тамъ же, стр. 313—334.

дышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Святыхъ отецъ книгу Діонисія Ареопагита называлъ неправедною и говорилъ, что и самыя-де книги, изданныя подъ именемъ Василія В. и Златоустаго и прочихъ, лживыя". Прокоповичъ отвѣчалъ: „Трудно, или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевской книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги—Ареопагитскій ли, или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ безъ раздору вѣры и любви, понеже не надлежитъ до вѣры артикуловъ. Вѣдаемъ, что святыхъ отецъ многія книги суть прямыя ихъ, которыя и церковь пріемлетъ, но вѣдаемъ, что многія суть подметныя, подъ именемъ сего или другаго святаго изданныя, напр. есть святаго Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матѳеево, сущее его; есть же и другое тогожде Евангелія толкованіе, изданное отъ нѣкоего аріанина.... И что се дивно, что подъ именемъ разныхъ святыхъ многія писанія притворены: напр. Евангеліе Іаковле, посланіе Варнавино, Евангеліе Петрово, Варѳоломеево, Ѳомино, Ѳадѣево, Филиппово, Никодимово и проч. Изъ которыхъ притворныхъ, подъ именами апостольскими, книгъ много и доселѣ обрѣтаются, но яко ложныя отъ церкви не пріемлются и были вымышленныя отъ разныхъ еретикъ въ разныя времена". Родышевскій доносилъ на Прокоповича: „Говоритъ, что ученія-де никакого добраго въ церкви святой нѣтъ, а въ лютеранской-де церкви все ученіе изрядное". Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говоримъ часто съ вздыханіемъ не о лютеранахъ одинхъ, но и о папистахъ, кальвиніанахъ, арминіанахъ, и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ социніанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И сіе слово говоритъ Павелъ святый въ первомъ къ Коринѳяномъ посланіи, въ главѣ первой, сказуя, что отъ правовѣрныхъ не многіи премудріи. И ино есть ученіе, ино же ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержатъ и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ, такожъ въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ—который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ". Родышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣритъ и говоритъ: мнѣ-де книга критика вѣрить не велитъ". Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говорю и не я одинъ, что лицемѣры иногда притворяютъ святымъ иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ

синодальномъ явились“ ([1]).—Изъ этихъ и другихъ объясненій видно, что въ мнѣніяхъ Прокоповича не было ничего еретическаго, что его неправославіе заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не смѣшивалъ ученія вѣры съ предметами знанія, непреложныхъ истинъ съ спорными вопросами науки, церковныхъ обрядовъ съ разными, часто суевѣрными, обычаями. Онъ постоянно возставалъ противъ этого смѣшенія, такъ какъ оно составляло основный недостатокъ древняго періода, когда, вслѣдствіе отсутствія образованія, къ истинамъ вѣры примѣшивалось множество заблужденій, когда многіе суевѣрные обычаи возведены были на степень церковныхъ обрядовъ, и стремленіе уничтожить эти заблужденія и обычаи послужило одною изъ причинъ раскола. Вина Прокоповича заключалась въ томъ, что онъ возставалъ противъ этихъ недостатковъ слишкомъ рѣзко и грубо.

Вмѣстѣ съ Дашковымъ и Родышевскимъ за старыя формы церковной жизни и церковнаго управленія стоялъ директоръ типографіи Михаилъ Авраамовъ (род. 1681 г.). Изъ автобіографіи его видно, что онъ былъ человѣкъ проникнутый ревностію по вѣрѣ, но не имѣлъ достаточнаго образованія, чтобы правильно судить о дѣлахъ вѣры и церкви. Сначала онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, былъ при посольскихъ дѣлахъ въ Голландіи при Матвѣевѣ, потомъ служилъ въ Оружейной палатѣ и наконецъ въ Петербургской типографіи, гдѣ занимался печатаніемъ книгъ. Авраамовъ извѣстенъ разными проектами, которые онъ подавалъ государямъ, начиная съ Петра В., Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ ([2]).

Въ то время, какъ старая партія упрекала людей реформы и новаго образованія въ протестантствѣ, люди новаго образованія упрекали ее въ латинствѣ. Эти упреки были также не справедливы. Они образовались подъ вліяніемъ иностранцевъ, которые, съ разными западными обычаями, принесли въ Россію и ту вражду, какая существовала между католичествомъ и протестантствомъ на Западѣ. Русскіе усвоили отъ нѣмцевъ протестантскія воззрѣнія на церковь и стали прилагать ихъ къ русской церкви, отыскивая въ ея дѣйствіяхъ и стремленіяхъ католическія замашки. Мы замѣтили выше, что въ русскомъ патріархѣ Петру В. представлялся папа; въ стремленіи духовенства защитить свои права и значеніе Прокоповичъ указывалъ папежскій духъ; Татищевъ, какъ увидимъ ниже, смотрѣлъ на русскую церковь также съ протестантской точки зрѣнія и всему духовенству рус-

---

([1]) Смотр. у Чистовича: Өеофанъ Прокоповичъ. стр. 211—218: 574—575.

([2]) Объ этихъ проектахъ тамъ же, стр. 267—270.

скому въ допетровскій періодъ приписывалъ католическія тенденціи. Какъ старая партія нападеніе Прокоповича на разные суевѣрные обряды и вообще на пристрастіе ко внѣшней обрядовой сторонѣ благочестія называла протестантствомъ; такъ новая партія защиту вообще внѣшняго богопочтенія, которое стало упадать въ людяхъ новаго образованія, называла католичествомъ, а защитниковъ его—папистами. Эти взаимныя обличенія, въ которыя вмѣшались и раздували своими интригами иностранцы, выразились со всею силою и крайностію въ полемикѣ по случаю изданія „Камня вѣры“ Яворскаго, которая, по характеру своему, во многихъ отношеніяхъ, напоминаетъ собою извѣстную полемику въ юго-западной литературѣ, по поводу знаменитаго „*Апокрисиса*“ Христофора Филалета.

Полемика по поводу Камня вѣры. Петръ В., какъ выше сказано, не позволилъ Яворскому напечатать Камень вѣры; но послѣ смерти Петра, когда русская партія при дворѣ находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи, Ѳеофилактъ Лопатинскій, съ разрѣшенія Верховнаго тайнаго совѣта, издалъ Камень вѣры въ 1728 г. Это изданіе произвело сильную бурю между протестантами, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и было поводомъ къ появленію нѣсколькихъ полемическихъ сочиненій. Въ слѣдующемъ году въ лейпцигскихъ „Ученыхъ Актахъ“ былъ помѣщенъ строгій разборъ Камня вѣры, а потомъ вскорѣ, отъ имени Буддея, явилось сочиненіе, въ которомъ защищались всѣ пункты лютеранскаго ученія противъ возраженій Яворскаго, и доказывалось, будто сочинитель Камня вѣры мало интересовался истиной, а только хотѣлъ излить свое негодованіе на протестантское ученіе. Въ томъ же году въ Тюбингенѣ напечатано было на латинскомъ языкѣ сокращеніе Камня вѣры Іоанномъ Теодоромъ Яблонскимъ. Академикъ Бюльфингеръ перевелъ изъ Камня вѣры на латинскій языкъ главу о наказаніи еретиковъ и послалъ ее лютеранскому богослову Л. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опроверженіе: De poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio. Между тѣмъ католики были весьма рады появленію Камня вѣры. Они уже давно съ завистію и опасеніемъ смотрѣли на преобладаніе въ Россіи и особенно при дворѣ протестантской партіи и боялись отъ нея совращенія Россіи въ протестантство. Поэтому они въ своихъ интересахъ считали обязанностію защитить Камень вѣры. Въ это время, въ Петербургѣ, при испанскомъ посланникѣ, дюкѣ де-Лиріа, находился доминиканецъ Рибейра. Ему и было поручено написать сочиненіе въ защиту Камня вѣры. Сочиненіе написано было въ формѣ отвѣта Буддею и посвящено императрицѣ. Этимъ католики хотѣли расположить

императрицу къ своему давнему проекту о соединеніи церквей— православной и католической. Выше указано, что еще въ 1717 г. Петру В., когда онъ былъ въ Парижѣ и посѣщалъ Сорбонскую академію, сорбонскіе богословы сдѣлали предложеніе о соединеніи церквей, и вслѣдствіе этого происходила переписка между ними и русскими богословами (отвѣтъ сорбонскимъ богословамъ писали Яворскій и Прокоповичъ), не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Теперь это дѣло возобновилось по слѣдующему обстоятельству. Княгиня Долгорукова, супруга князя Сергѣя Долгорукова, въ бытность съ мужемъ своимъ въ Голландіи, перешла въ католичество. Католики послали съ ней въ Россію Жака Жюбе, какъ для поддержанія ея въ новой вѣрѣ, такъ и для того, чтобы онъ старался о соединеніи церквей. Когда дюкъ де-Ліриа узналъ объ этомъ, то онъ всѣми мѣрами началъ помогать Жюбе, и одною изъ этихъ мѣръ было сочиненіе Рибейры. Между тѣмъ, и самъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, издавшій Камень вѣры, по совѣту князя Д. М. Голицына, почитателя памяти Стефана Яворскаго, написалъ также *Апокрисисъ*, или возраженіе на книгу Буддея; но тайная канцелярія не дозволила ему напечатать его, даже взяла съ него сказку не только не писать противъ Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ ([1]). Такое строгое запрещеніе Ѳеофилактъ объяснялъ происками протестантской партіи и особенно вліяніемъ покровительствовавшаго этой партіи Ѳеофана Прокоповича, которому онъ приписывалъ и самое составленіе книги отъ имени Буддея. Такова была полемика противъ Камня вѣры иностранцевъ. Въ Россіи противъ Камня вѣры какой-то неизвѣстный сочинитель (русская партія подозрѣвала въ немъ того же Прокоповича) написалъ пасквиль, или бранное сочиненіе, подъ названіемъ: „*Молотокъ на Камень вѣры*". Само собою разумѣется, что въ то время, когда Камень вѣры былъ запрещенъ и выраженіе сочувствія къ нему и его сочинителю считалось государственнымъ преступленіемъ и доводило до тайной канцеляріи, нельзя было писать нечего противъ *Молотка*, но въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда протестантская партія если не совсѣмъ пала, то значительно ослабѣла, явилось „*Возраженіе на Молотокъ*", которое приписывается Арсенію Мацѣевичу ([2]).—Сравнивая оба эти сочиненія—„*Молотокъ*" и „*Возраженіе*" на него, мы находимъ, что сочинители ихъ

([1]) Сохранилось высочайшее повелѣніе (императрицы Анны Іоанновны) объ арестованіи книги «Камень вѣры» августа 19 дня 1732 г. Древн. и Новая Россія. 1879 г. № 1.

([2]) Существенные пункты полемики Молотка и Возраженія на Молотокъ изложены у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 387—407.

слишкомъ увлекались въ личные раздоры и въ своихъ взаимныхъ обличеніяхъ доходили до разныхъ крайностей. Сочинитель Молотка совершенно несправедливо обвиняетъ Яворскаго въ католичествѣ, въ стремленіи внести въ русскую церковь католическіе элементы. Единственнымъ поводомъ къ этому обвиненію могло послужить только то, что Яворскій, обличая и опровергая въ Камнѣ вѣры протестантское ученіе, пользовался католическими источниками, употреблялъ выработанные у католическихъ полемистовъ пріемы и приводилъ часто одни и тѣже доказательства; но это нисколько не могло доказывать его согласія съ католическимъ ученіемъ вообще, потому что при этомъ разсматривались такіе предметы, въ которыхъ протестанты одинаково расходятся и съ православными и съ католиками. Авторъ „*Возраженія на молотокъ*“, защищая Яворскаго отъ несправедливыхъ клеветъ, впадаетъ также въ крайности, употребляетъ такія рѣзкія и часто неприличныя выходки, что полемика его получаетъ характеръ брани оскорбленнаго самолюбія. Вообще надобно сказать что обѣ партіи,—противниковъ Камня вѣры и его защитниковъ, упрекавшія другъ друга то въ католичествѣ, то въ протестантствѣ, увлекались въ сильныя крайности, какъ это обыкновенно бываетъ при борьбѣ разныхъ направленій. Эта борьба, начавшаяся съ реформами Петра, продолжалась въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка.

СОЧИНЕНІЯ И. Т. ПОСОШКОВА.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ представляетъ собою типъ русскаго человѣка въ переходную эпоху отъ старой допетровской жизни къ новому ея строю во время реформы. Изъ его сочиненій мы можемъ видѣть, какое впечатлѣніе производили новое образованіе и новая жизнь на простыхъ русскихъ людей (1). Посошковъ былъ кре-

(1) Сочиненія Посошкова изданы Погодинымъ. Часть I, Москва. 1842. Часть II, Москва 1863 г.; А. Н. Поповымъ: Завѣщаніе Отеческое. Москва 1873 г. (Полный текстъ Завѣщанія Отеческаго изданъ въ составѣ 9 главъ съ обширнымъ введеніемъ Е. М. Прилежаевымъ. Спб. 1893). Изслѣдованія о Посошковѣ: Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ А. Г. Брикнера. Журн. М. Н. Пр. 1875—1876 г. Ч. 183—186. Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Іюнь. Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи. А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Августъ. Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ. А. Г. Брикнера. Русск. Вѣстн. 1879. Іюнь. Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова Академика А. Куника, Зап. Акад. наукъ, т. V. 1864. О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Е. М. Прилежаева. Христ. Чтен. 1878; ч. I; стр. 33—73.—Посошковъ и его сочиненія. А. Царевскаго. Москва 1882.

стьянинъ Покровскаго села подлѣ Москвы, родился, какъ можно вывести изъ его сочиненій, не раньше 1652 и не позднѣе 1653 г. Онъ называетъ себя „*простецомъ*“, не получившимъ никакого училищнаго образованія; но онъ былъ весьма начитанъ, особенно въ старыхъ книгахъ, нѣсколько времени былъ раскольникомъ, какъ самъ объявляетъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. О жизни Посошкова сохранилось мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ былъ человѣкъ если не богатый, то весьма состоятельный. Онъ занимался разными механическими дѣлами: работалъ на денежномъ дворѣ, устанавливалъ денежные станы, дѣлалъ огнестрѣльныя рогатки; зналъ свойства сѣры, асфальта, нефти, вохры и проч.; но особенно онъ былъ искусенъ въ винномъ производствѣ. Въ 1719 г. онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи построить винокуренный заводъ и взять водку на откупъ, 1724 г. у него былъ заводъ съ приписанными къ нему людьми и землею. Эти разнообразныя дарованія Посошкова и стремленіе его составлять разные планы и проекты, естественно, приводили его въ столкновеніе съ разными высшими и вліятельными лицами. Онъ часто обращался къ митр. Стефану Яворскому, находился въ сношеніяхъ съ кн. Б. А. Голицынымъ и кн. Д. М. Голицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѳ. Головинымъ; былъ извѣстенъ Ѳеофану Прокоповичу и самому Петру В. Отличительную черту въ характерѣ Посошкова составляли непобѣдимая любовь къ правдѣ и глубокій патріотизмъ. Его сильно возмущали разныя злоупотребленія и неправды въ русской жизни, и онъ рѣзко возставалъ противъ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Какъ патріотъ, онъ горячо любилъ русскихъ людей и не любилъ иностранцевъ за то, что они вносили въ русскую жизнь свои воззрѣнія, нравы и обычаи, и безъ всякаго стѣсненія высказывалъ свое нерасположеніе къ нимъ. Эти свойства его характера, вѣроятно, и были причиною его погибели. Въ просьбѣ своей, при которой онъ представилъ Петру В. свое сочиненіе „*О скудости и богатствѣ*“, онъ говорилъ: „Въ россійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради возжелахъ предъ очи твоего императорскаго величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлѣхъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе“. При этомъ онъ просилъ, чтобы его имя оставалось неизвѣстнымъ „ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды, понеже, говорилъ онъ, не похлѣбуя имъ, писахъ, и аще увѣдаютъ о моей мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ

мой". Но видно не укрылось имя Посошкова, и онъ погибъ отъ тѣхъ, кого боялся. Онъ умеръ 1-го февраля 1726 г. въ Петропавловской крѣпости, куда былъ заключенъ чрезъ годъ по окончаніи своего сочиненія „*О скудости и богатствѣ*" и, можетъ быть, за это самое сочиненіе. Сочиненія Посошкова: 1) Книга о скудости и богатствѣ, 2) О ратномъ поведеніи донесеніе боярину Ѳ. А. Головину, 3) Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны юному сыну, которое, впрочемъ, по изслѣдованію Брикнера, оказывается не подлиннымъ ([1]); оно заключаетъ въ себѣ много противорѣчій „Завѣщанію отеческому", которое въ 1873 г. издано А. Н. Поповымъ и которое несомнѣнно принадлежитъ Посошкову; 4) Доношеніе митр. Стефану Яворскому о разныхъ непорядкахъ въ жизни, религіозныхъ и нравственныхъ; 5) Зерцало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудрія раскольнича; и 6) Два неизданныя сочиненія (Два доношенія къ Стефану Яворскому; между прочимъ—проектъ о школахъ) ([2]). Изъ нихъ особенно замѣчательны: Завѣщаніе Отеческое, Книга о скудости и богатствѣ и Зеркало очевидное. Въ нихъ всего полнѣе выразились замѣчательные взгляды и сужденія Посошкова.

Завѣщаніе отеческое. По своему характеру, „Завѣщаніе отеческое" однородно съ завѣщаніемъ священника Сильвестра и его Домостроемъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названо также Домостроемъ XVII в. Въ немъ рисуется идеалъ жизни, въ противоположность современному состоянію русской жизни, которое Посошкову положительно не нравилось. Современная жизнь представляла два крайніе пути, на которые тогда уклонялись русскіе люди и которые, по мнѣнію Посошкова, одинаково были далеки отъ истины. На одномъ пути стояли раскольники, которые совершенно отвергали всякія реформы и самого Петра В. называли антихристомъ. На другомъ пути стояли новые люди, ревностные, но часто неразумные приверженцы реформы, которые съ европейскимъ образованіемъ усвоивали и всѣ слабости и пороки иностранцевъ и, бросивъ всѣ благочестивые обычаи старины, пустились въ веселую жизнь, по нѣмецкому образцу. Эта распущенность страшно возмущала Посошкова. Но онъ хорошо

([1]) О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову. Русск. Вѣстн. 1874 г. т. CXII.

([2]) Содержаніе этихъ сочиненій Посошкова изложено въ указанной выше статьѣ Прилежаева.

также зналъ и глубоко ненавидѣлъ грубое невѣжество раскольниковъ и ихъ лицемѣрное благочестіе. Поэтому, онъ совѣтуетъ своему сыну одинаково удаляться отъ того и другаго пути—*„не склоняться ни на шуйюю сторону, ниже на мнимое десно“*. Онъ хочетъ представить ему образецъ жизни, занимающій, по его представленію, средину между этими двумя крайностями. „И сего ради, говоритъ онъ, буди неподвиженъ, но стой яко мраморный столпъ, на недвижимомъ камени утвержденный, *не склоняйся ни на шуюю сторону, ниже на мнимое десно*, понеже отъ мнимыя десности многое множество народа древле отъ истиннаго благочестія христіанскаго совратилося и въ вѣчную погибель снидоша... овыя во лжехристовщину, овыя же во лжемоисеевщину, иніи же во олазливую (пронырливую) поповщину, а иніи во всеконечную безпоповщину и во иныя многоразличныя вѣръ названія разыдошася... И ты, сыне мой, крѣпко сему внимай и храни себя отъ ихъ прелестей опасно, дабы тебѣ не поползнутися въ люторское и ихъ раскольниче проклятое мудрованіе. Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившеся отъ иноземцевъ, отъ правые своея древнія вѣры въ люторское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ.... Мартина Лютора установленные, слабые и роскошные и весьма развращенные, законы начинаютъ принимати, свои же древніе отъ самого Бога и отъ учениковъ его и отъ ихъ преемниковъ святыхъ отецъ установленные законы... отмещутъ... А то забыли, колико въ древней вѣрѣ Господь Богъ угодившихъ ему явными и дивными чудесы прославилъ, а Мартинъ Люторъ восталъ, тому уже слишкомъ двѣсти лѣтъ минуло, а не видѣть, ни слышать, кто бы въ ихъ въ нововымышленной вѣрѣ живой или мертвый чудотворецъ явился; только такихъ чудотворцевъ видимъ много, что могутъ до полунощи, иноежь и до самаго свѣта, въ скаканіи и танцованіи безъ сна проводити, умѣютъ же и пити съ музыками, и карты играти, и таковая ихъ чудотворенія извѣстно мы вѣмы. Обаче всѣхъ насъ, во благочестіи сущихъ, да сохранитъ Господь отъ такова ихъ чудотворенія“ (1).

Общее правило поведенія, предписываемаго Посошковымъ, выражено словами Евангелія: *вся, елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31). „Такъ, сыне мой, говоритъ онъ, опасно живи, дабы ты не токмо человѣкамъ, но и скотомъ милъ бы ты былъ, и всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, и помысли о немъ, угодно ль оно будетъ тебѣ,

(1) Завѣщаніе отеческое къ сыну своему, со нравоученіемъ, за подтвержденіемъ божественныхъ писаній. Открыто и издано А. Поповымъ. Москва. 1873 г. стр. 1—5.

и аще тебѣ оно угодно, то и инымъ твори безъ сумнѣнія; и аще же оно тебѣ самому не угодно явится, то ты таковаго дѣла людемъ отнюдъ творити не замышляй" ([1]). Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ совѣтуетъ соблюдать смиренномудріе и удаляться отъ высокоумія: „Св. апостолъ, римляномъ уча, глаголетъ, яко кіи человѣцы возмнятъ себя быти мудрыхъ, тіи уже обезумишася (Рим. 1, 22)". Потомъ слѣдуютъ совѣты о воспитаніи дѣтей, начинающіеся указаніемъ, какія имена нужно давать дѣтямъ и какія слова прежде всего нужно заставлять ихъ произносить. Нужно давать дѣтямъ имена тѣхъ святыхъ, во дни которыхъ они родятся, и не избѣгать, какъ это дѣлаютъ, именъ тяжелыхъ, или трудно произносимыхъ, каковы напр. Созонтъ, Доримедонтъ, Ѳалалей и т. п. Учить дѣтей говорить нужно начинать не словами „*тятя и мама*", но словомъ „Богъ" ([2]). Съ особенною силою онъ старается внушить родителямъ воспитывать дѣтей въ ученіи и не баловать ихъ: „Азъ бо много таковыхъ.... видѣхъ, кіи въ потворствѣ возросли, овіи повѣшены, овіи же въ пьянство уклонилися и пожитковъ своихъ лишишася и смертми нечаянными изомроша, иніи же безвѣстно погибоша" ([3]). Учить дѣтей Посошковъ совѣтуетъ славянской грамматикѣ, письму и выкладкѣ цыфирной, языкамъ латинскому, греческому или польскому и потомъ какому нибудь художеству. Особенно онъ настаиваетъ на рисованіи, чтобы всякое дѣло прежде начинанія человѣкъ могъ „нарисовати по размѣру. И аще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно" ([4]). Подобно Домострою, Посошковъ повелѣваетъ уважать и почитать отца духовнаго, совѣтоваться съ нимъ, а также съ другими опытными людьми и наконецъ съ женою. На жену Посошковъ смотритъ уже гораздо выше, чѣмъ Домострой. „А безъ совѣта, наипаче безъ женняго, говоритъ онъ, отнюдъ ничего не твори, понеже она (жена) отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія, или токмо послуженія, но ради самыя помощи... И посему, аще кто будетъ жену ничтожить и претворять ю въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити. Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною" ([5]).

Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ Домостроемъ и часто также излишне подробны и мелочны. Предписывая напр. правила, какъ нужно христіанину держать себя въ церкви, во время литургіи, онъ подробно опредѣляетъ каждое движеніе мо-

---

([1]) Завѣщ. отеч. стр. 18—19.—([2]) Тамъ же, стр. 49.—([3]) Тамъ же, стр. 52.
([4]) Тамъ же, стр. 55—56.—([5]) Тамъ же, стр. 70.

ляющагося, что нужно въ то или другое время дѣлать, думать и чувствовать. Таковы же наставленія относительно почитанія иконъ: „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство, но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай и свѣщу бо́льшую, нежели рабовъ его образамъ поставляй. И образу пресвятыя Богородицы постави свѣщу таковую же, или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меньше Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщь... А и въ поклонѣхъ имѣй разньство же: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителеву, или Богородичну, то такова поклона никоего святаго образу отнюдь не твори... Никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ... не равняй. Самъ бо Господь о семъ рекъ, яко нѣсть рабъ болій Господа своего (Іоан. 13, 16)... Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божію поклонъ творятъ въ поясъ, Николая же чудотворца образу, такожде и иныхъ святыхъ образамъ поклоны творятъ до земли, и всякое почитаніе паче Божія образа отдаютъ и свѣщи большія и множае ихъ поставляютъ: и то бываетъ, еже предъ образомъ раба Божія свѣщь полна лампада наставлена, а предъ Спасителевымъ образомъ и единыя нѣсть. И то они творятъ отъ самаго своего несмыслія“ (¹). Имѣя въ виду то, что многіе, увлекаясь примѣромъ нѣмцевъ, стали небрежно относиться къ богослуженію и къ богослужебнымъ обрядамъ, Посошковъ подвергаетъ рѣзкой и по мѣстамъ даже грубой и неприличной критикѣ нѣмецкое богослуженіе, указывая на то, что нѣмцы во время богослуженія сидятъ и не снимаютъ париковъ: „И въ кирки свои вшедъ въ шапкахъ и въ шляпахъ и въ парукахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своея обѣдни; нарицаютъ ту свою кирку домомъ Божіимъ, а вшедъ въ ню сѣдятъ, яко на торжищѣ, или яко въ корчемницѣ, а не въ Божіемъ дому. И намъ отъ таковыя ихъ превеликія гордости надлежитъ бѣжати, яко отъ лютаго какова яда. Есть бо нѣцыи и изъ нашего праваго христіанства, научившеся отъ нихъ, во время божественныя литургіи, въ церкви стоятъ въ парукахъ и въ явленіе пресвятаго тѣла Христова не снемлютъ ихъ съ главъ своихъ... И ты, сыне мой, таковаго люторскаго безумія отнюдь себѣ не пріемли, и не мни того, яко бы въ парукѣ во церкви стояти безгрѣшно было. То себѣ вѣждь, яко аще въ парукѣ стояти безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало“ (²). Посошковъ порицаетъ нѣмцевъ за то, что они во время службы не кладутъ поклоновъ, не становятся на колѣна, не дѣлаютъ крестнаго зна-

(¹) Завѣщаніе отеч. стр. 110, 116—118.—(²) Тамъ же, стр. 149—150.

менія, не хотятъ двинуть ни однимъ членомъ, ни одного часа постоять на ногахъ, а между тѣмъ „на вечеринкахъ, въ богомерзскихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душею собираются, и тако утрудившися спятъ даже до обѣда. И то ихъ житіе, стало быть, не христіанское, но самое языческое“ (1)... „И ты, сыне мой, не весьма съ ними водись, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпитися; всегда бо при водѣ обмочишься, а при огнѣ обожжешься; подобно, при добромъ человѣкѣ добру научишься, а при зломъ злу и навыкнеши“ (2).

Совѣтуя соблюдать умѣренность во всемъ и бережливость, Посошковъ возстаетъ противъ роскоши и моды въ одеждѣ, вообще въ нарядахъ и особенно нападаетъ на обычай носить парики. „Намъ иноземцовъ, говоритъ онъ, деньгами не наполнить; они тому вельми рады, еже бы мы во уборствѣ великомъ и въ парукахъ ходили, только бы ихъ деньгами осыпали. Вмѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и больше продаютъ, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить. Намъ не золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинскомъ дѣлѣ храбростію, въ судейскомъ дѣлѣ правосудіемъ, въ купечествѣ праведнымъ и неподвижнымъ словомъ и товаромъ не лестнымъ, мастеровымъ же людемъ во тщательномъ художествѣ, въ духовномъ же дѣлѣ, паче всѣхъ воспомянутыхъ украшеній, украшатися... книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ. И аще сія вся въ насъ будутъ, то на весь свѣтъ будемъ мы славны, а и на ономъ свѣтѣ не безъ похвалы будемъ“ (3).

Въ V-й главѣ Завѣщанія *„О гражданскомъ житіи“* излагаются обязанности человѣка въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ, обязанности судьи, купца, офицера, приказнаго подьячаго, солдата и крестьянина. При этомъ Посошковъ даетъ очень много полезныхъ наставленій, показывающихъ въ немъ знаніе жизни, хотя часто также вдается въ крайнюю мелочность. Такъ, излагая обязанности *„нищенскаго званія“*, которое онъ признаетъ необходимымъ, и потому законнымъ, онъ входитъ въ такія подробности, что указываетъ, за какую милостыню сколько поклоновъ нужно положить нищему: За каждую милостыню, „укрушецъ хлѣба пріятый, предъ образомъ Божіимъ положи по три поклоны, а за полушку по *шти* (шести) поклоновъ, за деньгу по дванадесяти, а у кого больши примеши, то большіе и труды надлежитъ ти поло-

(1) Завѣщ. отеч. стр. 96—97.
(2) Тамъ же, стр. 156—157.—(3) Тамъ же, стр. 57.

жити, дабы на тебѣ на ономъ свѣтѣ не взыскалось". Излагая обязанности приказнаго подьячаго, онъ означаетъ даже, сколько строкъ нужно писать на каждомъ листѣ бумаги, что приличнѣе писать при пробѣ пера и проч. (¹).

Книга о скудости и богатствѣ. Полное заглавіе этого сочиненія такое: „О скудости и о богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная (внезапная) скудость и отъ чего гобзовитое (обильное) богатство умножается". Оно принадлежитъ къ области политической экономіи и юриспруденціи. Оно обнимаетъ всѣ части государственнаго управленія, и раздѣляется на девять главъ: 1) о духовенствѣ, 2) о военныхъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествахъ (о ремеслахъ, о мануфактурной промышленности), 6) о разбойникахъ (объ уголовныхъ дѣлахъ), 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянствѣ и землѣ и 9) о царскомъ интересѣ. Главная идея, которая проходитъ по всему этому сочиненію, заключается въ той мысли, что основаніе богатства и благосостоянія государства заключается во внутреннемъ богатствѣ народа—въ правдѣ и нравственности народной. „Не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ царскаго величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, насъ въ имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ, а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь (не) богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ... Самъ бо Господь Богъ рекъ: *ищите прежде царства Божія и правды его*, и привече, глаголя, *яко вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33) т. е. богатство и слава. И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды, а егда правда въ насъ утвердится,... то не можно царству нашему россійскому не богатитися и славою не возвыситися... Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати... По моему мнѣнію,

(¹) Завѣщ. отеч. стр. 207—215. Главы VII—IX изданы Прилежаевымъ.

сіе дѣло не великое и весьма не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ,.. но то великое и многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить: понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидниковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно" (¹).

Полагая благосостояніе государства въ народной нравственности, Посошковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на русское духовенство, которое должно воспитывать народъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, но которое само въ то время было невоспитано и необразованно. Пресвитеры, говоритъ онъ, „не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя..... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ" (²). Поэтому, онъ еще прежде въ одномъ изъ „Доношеній" Стефану Яворскому указывалъ на необходимость завести во всѣхъ епархіяхъ училища для приготовленія достойныхъ пресвитеровъ и составить для руководства ихъ популярное изложеніе начатковъ христіанской вѣры и благочестія, изъявленіе о томъ, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить"... и „книги о различіяхъ вѣръ и о различіяхъ ересей... какъ и отъ чего лютеранская, и кальвинская, и католитская, и унеятская вѣры начались, и на чемъ тѣ еретическія вѣры утверждены, что по сіе время онѣ стоятъ въ своихъ бытностяхъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при тѣхъ вѣрахъ правости содержитъ, и чѣмъ коя вѣра отъ насъ разнствуетъ" (³). Въ настоящемъ сочиненіи онъ предлагаетъ 1) не принимать въ духовный санъ людей неученыхъ и 2) обезпечить духовенство въ содержаніи, чтобы оно свободно могло и само учиться и учить народъ. „О семъ я неизвѣстенъ, говоритъ онъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ... И въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь на словословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было

(¹) Сочиненія И. Посошкова, ч. I. Москва 1842, стр. 1—3.

(²) Тамъ же, стр. 10.

(³) О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Христ. Чтен. 1878 г. Ч. I, стр. 38—48.

обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ, и въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти" ([1]). Эти разсужденія составляютъ содержаніе первой главы книги. Начиная со 2-й главы Посошковъ излагаетъ свои мнѣнія объ улучшеніи, или, какъ онъ выражается, *„о неисправѣ и поправѣ"* военныхъ дѣлъ, правосудія, купечества, крестьянства.... Эти мнѣнія, проекты и планы показываютъ въ Посошковѣ замѣчательный умъ, большую опытность и знаніе жизни; нѣкоторыми проектами онъ даже далеко опередилъ свое время. Такъ, во 2-й главѣ о воинскихъ дѣлахъ онъ требуетъ, чтобы для всѣхъ сословій былъ устроенъ *одинаковый судъ близкій, прямый и правый*, чтобы „всякому и низкочинному человѣку легко было его доступать". Въ 3-й главѣ, указавъ на страшныя злоупотребленія въ судахъ, Посошковъ требуетъ новаго судоустройства и новаго судебнаго устава или уложенія. „Въ нѣмецкихъ земляхъ, говоритъ онъ, вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому... Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда негодная, какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ они ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ".... „И донеле же прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы намъ добрыя не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго поведенія и разбоевъ".... „Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ... трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ его дѣло споро будетъ. И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово. И того ради, не измѣняя древнихъ порядковъ, сколько ни бившись, покинуть будетъ. Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ

---

[1]) Сочиненія Посошкова. Ч. I; стр. 23—28.

всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправити, тяжка бо есть судебная статья“ (¹). Посошковъ предлагаетъ составить *Уложеніе*, въ которомъ должно собрать всѣ, прежнія и новыя, гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, постановленія, сдѣлавъ выписки изъ приговоровъ и дѣлъ, хранящихся въ приказахъ, и при этомъ, къ русскимъ постановленіямъ приложить изъ иноземныхъ, нѣмецкихъ и даже турецкихъ судебниковъ, тѣ статьи, „кои будутъ къ нашему правленію пригодны“ (²). Къ участію въ составленіи такого Уложенія должно призвать всѣ сословія, выборныхъ отъ духовенства, и отъ гражданства, и отъ дворянства, и отъ приказныхъ людей, и отъ купечества, и изъ крестьянства.... Я видѣлъ, замѣчаетъ онъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть; то како во крестьянѣхъ не быть людямъ разумнымъ? Потомъ „новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ“. „И сіе мое реченіе, прибавляетъ онъ, многіе вознепщуютъ, якобы азъ... самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю самодержавія... но ради самыя истинныя правды.... Безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ“ (³). Въ 5-й главѣ „о художествѣ“ онъ обращаетъ особенное вниманіе на иконописное мастерство и требуетъ, чтобы иконописаніе было подчинено правильному надзору и опредѣленнымъ правиламъ (⁴). Въ 7-й главѣ „О крестьянствѣ“ онъ совѣтуетъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ обученіе дѣтей грамотѣ. „Не малая пакость, говоритъ онъ, крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ.... Какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ какимъ указомъ или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ“.... „Не худо бы было, говоритъ онъ, такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научать, такожде кои робята и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе“ (⁵). Изображая жизнь крестьянъ, находящихся во власти

(¹) Тамъ же, стр. 71. 87. 95. 96.—(²) Тамъ же, стр. 75. (³) Тамъ же, стр. 76—77. (⁴) Тамъ же, стр. 146—147.—(⁵) Тамъ же, стр. 176.

помѣщиковъ, Посошковъ говоритъ: „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена не удобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы на себя что сработать.... и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ.... Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обрости, но стриги его яко овцу, догола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ". Но такое бѣдственное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ привело Посошкова совсѣмъ не къ той мысли, какъ слѣдовало бы ожидать, что крѣпостное право немедленно должно быть уничтожено, а къ мысли, совершенно противоположной, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ плохо отъ того, что они не составляютъ полной собственности помѣщиковъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, прямый ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно". Однакожъ, чтобы хоть сколько-нибудь защитить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, Посошковъ совѣтуетъ „учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды" (1).—Излагая разные способы къ улучшенію народнаго богатства и благосостоянія, Посошковъ требуетъ вѣрнаго и точнаго распредѣленія повинностей и оброковъ; предлагаетъ подушную подать замѣнить поземельнымъ сборомъ со всѣхъ землевладѣльцевъ; черезполосныя владѣнія совѣтуетъ уничтожить новымъ генеральнымъ межеваніемъ. Но чаще всего онъ указываетъ на бережливость, какъ на самое лучшее и необходимое средство: „Пчела, говоритъ онъ, муха весьма не велика и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами, обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ. Тако и собираніе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатитися" (2).—Въ сочиненіи Посошкова, какъ показываетъ его содержаніе, много такихъ глубокихъ мыслей, которыми онъ рѣшительно опередилъ свое время; предлагаемыя въ немъ мѣры, планы и проекты весьма замѣчательны; но въ тоже время, рядомъ съ этими замѣчательными проектами высказываются иногда и такія странныя требованія, которыя показываютъ, что умный по натурѣ Посошковъ былъ самоучка,

(1) Тамъ же, стр. 182—183. (2) Тамъ же, стр. 85.

не получившій настоящаго правильнаго образованія, которое научило бы его отличать во всемъ правду отъ неправды.

Зеркало суемудрія раскольнича написано Посошковымъ въ 1708 г. Въ церковномъ отношеніи это сочиненіе, по замѣчанію Погодина, имѣло для своего времени такое же значеніе, какъ въ правительственно-гражданскомъ книга о скудости и богатствѣ. Въ Зеркалѣ Посошковъ ратуетъ противъ главной болѣзни въ русскомъ народѣ—противъ раскола. Изложивъ причины его происхожденія и развитія, онъ указываетъ на средства для борьбы съ нимъ. Такъ какъ главная причина происхожденія и распространенія раскола заключалась въ народномъ невѣжествѣ, въ отсутствіи надлежащаго религіозно-нравственнаго воспитанія въ народѣ, то и главнымъ и самымъ лучшимъ средствомъ противъ него онъ считаетъ распространеніе въ народѣ просвѣщенія (1). Мы видѣли, что въ книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ, какъ горячій патріотъ, глубоко сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра въ области гражданской; но въ церковной области, въ дѣлахъ духовныхъ, онъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ еще на старой почвѣ Стоглава и Домостроя. Въ этихъ дѣлахъ онъ не допускалъ никакихъ реформъ и полагалъ, что для исправленія религіозно-нравственной жизни народа достаточно распространенія истиннаго просвѣщенія. И въ Зеркалѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ порицаетъ тѣхъ, которые оставили прежніе благочестивые обычаи, и жестоко нападаетъ на нѣмцевъ, которые, по его мнѣнію, своими умствованіями, своими вольными нравами и распущенною жизнію развращали русскихъ людей. Выходки его противъ нѣмцевъ чрезвычайно рѣзки и грубы и часто выходятъ изъ границъ приличія. Если Камень вѣры, въ которомъ ученымъ образомъ разбиралось протестантское ученіе, на основаніи свящ. Писанія, соборовъ, отцевъ и учителей церкви, навлекъ на Стефана Яворскаго опалу и множество непріятностей, то какое же сильное раздраженіе противъ Посошкова должны были произвести его сочиненія?! Очень вѣроятно, что, благодаря имъ, онъ и подвергся разнымъ преслѣдованіямъ и умеръ въ темницѣ.

---

(1) Въ одномъ спискѣ «Зеркала», принадлежащемъ Казанской Дух. Академіи, послѣ обличенія раскольническаго ученія, помѣщена еще обширная статья, или особое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О иконоборцахъ», въ которомъ опровергается протестантское ученіе о постахъ, о поклоненіи св. Кресту, о почитаніи св. иконъ и проч. Сочиненіе это до сихъ поръ еще не издано (вып. I Зеркала полной редакціи напечатанъ подъ ред. Царевскаго. Казань, 1898); содержаніе его изложено въ сочиненіи Царевскаго: Посошковъ и его сочиненія. Стр. 101—106; 143—190.

МЕМУАРЫ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ПЕТРѢ В. И ЕГО ЦАРСТВОВАНІИ.

Весьма важное значеніе въ исторіи имѣютъ историческія записки объ эпохѣ Петра В. Въ нихъ выразились сужденія о личности Петра и его реформахъ, а равно и то, какъ реформы и новое образованіе измѣняли постепенно взгляды, нравы и обычаи и самый языкъ русскихъ людей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Записки Матвѣева и Желябужскаго, составлены въ царствованіе самого Петра, его современниками, другія написаны уже послѣ Петра, при его преемникахъ, но такими лицами, которые получили образованіе и начали свою службу при Петрѣ, а окончили ее уже при Аннѣ Іоанновнѣ или Елисаветѣ Петровнѣ и даже дожили до Екатерины II, каковы записки Крекшина и Неплюева.

Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ Матвѣева [1]. Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1666, ум. 1728 г.) былъ сынъ знаменитаго ближняго боярина Алексѣя Михайловича, Артамона Сергѣевича Матвѣева. Съ 1699 г. онъ былъ въ продолженіе 16 лѣтъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и считался однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей. Кромѣ описанія своего путешествія въ Парижъ въ 1705 г., онъ написалъ Записки о Стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года. Во время этого событія, Матвѣеву было 16 лѣтъ; отецъ его былъ убитъ стрѣльцами во время бунта. Хотя записки написаны спустя уже много времени послѣ этого событія, но несомнѣнно подъ вліяніемъ личныхъ тяжелыхъ впечатлѣній Матвѣева, возбужденныхъ смертію его отца, и потому не могутъ быть названы вполнѣ безпристрастными. Матвѣевъ, повидимому, старался скрыть свои личныя чувства и хотѣлъ быть спокойнымъ и правдивымъ лѣтописцемъ; но такое натянутое положеніе, заставлявшее его быть сдержаннымъ, повело только къ тому, что Записки его вышли сухи и холодны. Несмотря, впрочемъ, на это, онѣ весьма интересны, какъ произведеніе одного изъ первыхъ русскихъ людей, стремившихся усвоить новое европейское образованіе. Матвѣевъ сочувствуетъ всѣмъ реформамъ Петра, хотя въ тоже время и не можетъ совсѣмъ отрѣшиться отъ прежнихъ воззрѣній русскихъ допетровской эпохи. Отсюда въ немъ является смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми

---

[1] Записки Матвѣева изданы Туманскимъ въ «Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій... о жизни и дѣяніяхъ Петра В.» Спб. 1787—88, подъ заглавіемъ: «Описаніе бунта, бывшаго въ 1682 г.», и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». Спб. 1841. Разборъ ихъ въ изслѣдованіи Пекарскаго: Русскіе мемуары XVIII в. Совр. 1855, томъ LI.

стремленіями. Въ языкѣ Записокъ Матвѣева также рѣзко бросается въ глаза смѣсь русскихъ словъ съ иностранными, написанными по русски. „Видно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій, что сочинитель питаетъ къ этимъ словамъ глубокое уваженіе: они попадаются тамъ, гдѣ авторъ хочетъ выразить мысль сильнѣе и обратить на нее вниманіе читателя. Иногда, рядомъ съ иностраннымъ словомъ, авторъ ставитъ, какъ объясненіе, однозначащее русское слово: онъ пишетъ, напр. „аліація" и рядомъ съ нимъ: „то есть союзъ". Матвѣевъ дѣлаетъ это потому, что слово „аліація" иностранное, которое зналъ сочинитель и не знали тысячи читателей... Употребленіе иностранныхъ словъ имѣло тогда особенный, отличный отъ нынѣшняго, характеръ: мы употребляемъ иностранныя слова потому, что не можемъ пріискать на русскомъ однозначащихъ имъ, но во времена Матвѣева слова въ родѣ „коммуникація", „аліація" писались и говорились не потому, чтобы они лучше выражали ту или другую мысль, а въ слѣдствіе уваженія ко всему иностранному, которому старались подражать какъ идеальному образцу" (¹).

Записки Желябужскаго (²). Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій (род. 1638 г.) былъ стольникомъ, а потомъ окольничимъ и воеводой черниговскимъ. Два раза (въ 1662 и 1667 г.) онъ ѣздилъ за границу, въ первый разъ при посольствѣ въ Венецію и Англію, а въ другой разъ—посланникомъ въ Вѣну. Составленныя имъ записки начинаются съ 1682 г., съ описанія Стрѣлецкаго бунта и оканчиваются извѣстіемъ о Полтавской битвѣ въ 1709 г. Матвѣевъ, какъ замѣчено выше, описывая стрѣлецкій бунтъ, хотя старался быть безпристрастнымъ, но не могъ освободиться отъ личныхъ впечатлѣній, полученныхъ при смерти своего отца; Желябужскій, изображая тѣ же событія, излагаетъ ихъ вполнѣ спокойно и безстрастно, не увлекаясь никакими личными взглядами и чувствами. Также изложены въ Запискахъ и всѣ послѣдующія разнородныя событія; они разсказываются одно за другимъ такъ, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Языкъ Записокъ также самый простой; у Желябужскаго нѣтъ такихъ искусственныхъ, новыхъ словъ и выраженій, какъ у Матвѣева; его русская рѣчь отличается простотою, мѣткостію и выразительностію.

(¹) Мемуары XVIII в. Совр. 1855 г.; т. LI, стр. 47.

(²) Записки Желябужскаго изданы Туманскимъ, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ дневныхъ записокъ Желябужскаго съ 1682 по 1710 г.»; И. Языковымъ: «Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 іюля 1709 г.» (Спб. 1840) и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». Разборъ ихъ въ изслѣдованіи Пекарскаго: Мемуары XVIII в. Совр. 1855; т. LI.

Записки Крекшина ([1]). Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (род. 1684, ум. 1763 г. былъ военнымъ коммиссаромъ въ Кронштадтѣ. Онъ извѣстенъ, какъ ревностный собиратель матеріаловъ по русской исторіи и написалъ много историческихъ сочиненій, изъ коихъ болѣе извѣстны: „Повѣсть о зачатіи и рожденіи Петра В.“; „Исторія Россіи и славныхъ дѣлъ императора Петра В., отъ рожденія его по день погребенія“; „Экстрактъ изъ великославныхъ дѣлъ царей и великихъ князей и самодержцевъ всероссійкихъ, царствовавшихъ по Рождествѣ Іисусъ - Христовѣ съ 862 по 1756 г.:“ „Краткое Описаніе о началѣ народа словенскаго“ ([2]). Послѣднія два сочиненія извѣстны, между прочимъ, по тому баснословному взгляду на начало и происхожденіе русскаго народа, который въ нихъ проводится и потомъ повторяется другими русскими писателями. Крекшинъ начинаетъ исторію русскаго народа не позже 350 года послѣ потопа. По его мнѣнію, Мосохъ, сынъ Іафета, у столба Вавилонскаго пріялъ именованіе и языкъ славенскій и основалъ потомъ Мосохію, которыя есть не что иное, какъ Москва. Сынъ его, Россъ, по имени своему назвалъ народъ россійскимъ. Такими понятіями Крекшина о началѣ русской исторіи объясняется то, что онъ явился однимъ изъ самыхъ горячихъ преслѣдователей Миллера, когда тотъ въ извѣстной рѣчи „о происхожденіи народа и имени Руссовъ“ сталъ производить первыхъ русскихъ князей и начало государственнаго устройства въ Россіи отъ Норманновъ. Въ 1742 г. Крекшинъ представилъ импер. Елисаветѣ 1-й томъ записокъ объ исторіи Петра В., надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился 20 лѣтъ; въ этомъ томѣ содержится описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Крекшинъ былъ проникнутъ чувствомъ благоговѣнія къ Петру В. „Азъ, говоритъ онъ въ посвященіи своихъ записокъ импер. Елисаветѣ, рабъ того благочестиваго императора.... не достоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имамъ толикаго разума, но собрахъ, яко малѣйшія крупицы, отъ великія трапезы, или яко почерпнухъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всеміркаго дождя капли, падшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго государя, Петра В., елико могъ собрать, и что видѣхъ и вспомянухъ, то и написахъ“.... Въ предисловіи къ запискамъ, указавъ на великія дѣла Петра, онъ прибавляетъ: „И аще мы толикое его, въ Россіи явленное, бла-

---

([1]) Записки Крекшина напечатаны также Туманскимъ и Сахаровымъ. Разборъ ихъ у Пекарскаго: Мемуары XVIII в.

([2]) О другихъ сочиненіяхъ Крекшина смотр. у Пекарскаго: Мемуары XVIII в.; Совр. 1855 г. LI, стр. 30 - 34.

годѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ обличенію каменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго... Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголемъ: отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничто же имущи, ничто же знающи, ничто же вѣдущи, кромѣ истинныя вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ, мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше муро благовонное, облагоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи. Не въ насъ ли всѣ дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся, всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго“ ([1]).

Записки Неплюева ([2]). Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (род. 1693, ум. 1773 г.) былъ изъ числа тѣхъ 30 гардемариновъ, которые въ 1716 г. были отправлены Петромъ В. учиться морскому дѣлу въ Венецію и Францію. По возвращеніи въ Россію въ 1720 г. онъ вмѣстѣ съ другими товарищами долженъ былъ выдержать, въ присутствіи самого Петра, строгій экзаменъ. „Не знаю, замѣчаетъ онъ по этому случаю, какъ мои товарищи оное (т. е. извѣстіе объ экзаменѣ) приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ“. По выдержаніи экзамена, онъ былъ сдѣланъ сначала смотрителемъ надъ постройкою судовъ, потомъ былъ назначенъ резидентомъ въ Константинополь и въ этой должности находился до 1735 г. Въ 1739 г. онъ былъ Кіевскимъ губернаторомъ. При возшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, онъ подвергся опалѣ за близкія отношенія къ Остерману, но въ 1742 году былъ помилованъ и назначенъ начальникомъ надъ оренбургской экспедиціей. Съ 1760 г. былъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Послѣдніе годы жизни, съ 1764—1773 г., онъ провелъ въ деревнѣ. Здѣсь онъ и составилъ свои Записки, въ кото-

([1]) Записки русскихъ людей, стр. 3—4. ([2]) Записки Неплюева напечатаны въ «Дѣяніяхъ» Голикова изд. 2. т. XV (сокращенно), и въ Отеч. Зап. Свиньина въ 1823—1826 г.—Жизнь И. И. Неплюева (имъ самимъ описанная) напечатана подъ редакціей Л. Н. Майкова въ Рус. Архивѣ. 1871 г.

рыхъ описалъ всю свою продолжительную жизнь и службу. Изображая свою жизнь, онъ постоянно проводитъ параллель между эпохой Петра В. и послѣдующимъ временемъ и ставитъ первую неизмѣримо выше послѣдняго. Когда, увольняя его отъ службы, импер. Екатерина просила его назначить на мѣсто себя человѣка съ такими же достоинствами, онъ сказалъ ей: „Нѣтъ, осударыня, мы Петра В. ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили, инако вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“. Подобно Крекшину, Неплюевъ питалъ къ Петру В. чувство благоговѣйнаго почтенія, которое выражается повсюду въ его Запискахъ. Разсказывая о кончинѣ Петра, онъ говоритъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. Голиковъ, приводя въ своей книгѣ разсказы Неплюева о Петрѣ, замѣчаетъ, что онъ и въ старости не могъ говорить безъ слезъ объ этомъ государѣ.

Къ историческимъ сочиненіямъ петровской эпохи относятся сочиненія: „Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII“ вицеканцлера Шафирова (1717 г.), и „Ядро россійской исторіи“ А. Манкѣева (1715 г.). Разсужденіе Шафирова было написано по поводу одного шведскаго сочиненія, въ которомъ война съ Карломъ XII была представлена въ несправедливомъ видѣ. Все „Разсужденіе“ состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части указываются истинныя причины, по которымъ Россія начала войну съ Швеціей; во 2-й части объясняется ея продолжительность дѣйствіями Карла XII; въ 3-й части доказывается, что война была ведена съ умѣренностію, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Сочиненіе написано по приказанію Петра, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а нѣкоторыя въ немъ мѣста и заключеніе написаны самимъ Петромъ. „Ядро россійской исторіи“ сначала приписывалось князю А. Я. Хилкову, который въ 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію и со времени начатія шведской войны содержался въ плѣну и умеръ тамъ въ 1718 г.; съ именемъ Хилкова оно и было издано Миллеромъ въ 1770 г. Но въ послѣдствіи открылось, что авторомъ этого сочиненія былъ А. И. Манкѣевъ (Манкѣвичъ), состоявшій при князѣ Хилковѣ въ должности секретаря или переводчика, и прожившій въ плѣну 18 лѣтъ. „Ядро россійской исторіи“ состоитъ изъ 7 книгъ. Въ немъ кратко, но обстоятельно изложены событія русской исторіи до воцаренія Іоанна Алексѣевича. Оно лучше прежнихъ изложеній русской исто-

ріи, „Краткаго повѣствованія“ дьяка Грибоѣдова и „Синопсиса“ Гизеля, и долго служило учебникомъ въ школахъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ПО ЕВРОПѢ ПРИ ПЕТРѢ В.

Петръ В. отправлялъ русскихъ людей въ Европу съ разными частными практическими цѣлями; но, живя въ Европѣ иногда подолгу, они пріобрѣтали свѣдѣнія не по одному своему спеціальному дѣлу, но знакомились со всѣми разнообразными явленіями европейской жизни. Поэтому ихъ описанія своихъ путешествій и своего пребыванія въ той или другой странѣ для насъ весьма интересны. Изъ нихъ мы можемъ видѣть, что и какъ поражало русскихъ въ европейской жизни, что особенно нравилось, или не нравилось, можемъ видѣть ихъ часто наивные взгляды и сужденія о европейской цивилизаціи. Среди другихъ сохранились: 1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г., веденный лицомъ, состоявшимъ при великомъ посольствѣ русскомъ къ владѣтелямъ разныхъ странъ Европы; 2) Путешествіе стольника П. А. Толстаго, 3) Путешествія Б. П. Шереметева; 4) Графа А. А. Матвѣева и 5) неизвѣстнаго по имени путешественника.

Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г. Журналъ этотъ особенно интересенъ потому, что авторъ его находился въ свитѣ русскаго посольства къ разнымъ дворамъ и въ Голландіи былъ въ то время, когда здѣсь былъ и самъ Петръ В. (1). Его поражали множество каретъ при встрѣчѣ посольства, устройство городовъ, убранство домовъ, роскошь и разнообразіе костюмовъ въ разныхъ мѣстностяхъ; но въ тоже время онъ обращалъ серьезное вниманіе и на разные предметы просвѣщенія и цивилизаціи. Въ Амстердамѣ онъ „видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумрудъ и коральки и всякіе каменья.... Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческій, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится... Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды.... Былъ у человѣка, у котораго собраны разныя деньги древнихъ кесарей,

---

(1) Въ XVIII в. Журналъ этого путешествія приписывали самому Петру В. и потому онъ былъ напечатанъ подъ именемъ «*Записной книжки любопытныхъ замѣчаній Великой Особы*»; но Петръ, подъ именемъ *десятника*, упоминается въ немъ какъ лицо постороннее. Онъ снова напечатанъ въ Русской Старинѣ 1879 г.; май.

и тѣ сребренницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Іуды проданъ".. Въ Инспрукѣ „былъ у іезуитовъ въ монастырѣ; монастырь огромный, библіотека пять саженъ вдоль, всѣ столы (стѣны) сплошь наполнены книгами; шкапы безъ дверей, ярлыки висятъ (надъ всякимъ шкапомъ)... по середкѣ столъ, три глобуса, инструменты лежатъ (все) изрядно (зѣло убрано)"... Въ Венеціи авторъ видѣлъ обрядъ такъ называемаго обрученія дожа съ моремъ: „Князь Венецейскій ѣздилъ на море, судно великое, рѣзное, вызолочено все, покрыто бархатомъ краснымъ, вышиты гербы венецейскіе золотомъ, князь сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, чиновники по обѣ стороны. Патріархъ въ особомъ суднѣ пріѣхалъ къ его судну, святилъ воду и ту воду влилъ въ море, и музыка пѣла предивная. Потомъ князь перстень алмазной взялъ, бросилъ въ море, сошелъ изъ судна, пошелъ въ церковь, чиномъ (пошли) послы и прочіе по два... Въ Венеціи церковь соборная евангелиста Марка: надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венецейской вольности"... Въ Римѣ былъ въ церкви св. апостоловъ и видѣлъ папу: „Папу несли пять человѣкъ, въ бархатныхъ кафтанахъ, носилки какъ возокъ зимній, съ бархатомъ; два верховыхъ; предъ нимъ несли крестъ; кругомъ солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами. Каретъ было за нимъ пятьдесятъ"... Былъ въ Ватиканѣ въ папскихъ покояхъ, „обиты камками красными и бархатами".. Былъ на виллѣ у князя Бургезія (Borghese). и во Фраскати у князя Панфилія (Pamfili). Здѣсь его поразили фонтаны: „Атласы на главѣ держатъ глобусъ, изъ подъ него вода течетъ, а изъ глобуса вышла великая звѣзда, и вода бьетъ выше звѣзды. И лѣстницы каменныя, по нимъ вода течетъ великая. Выше лѣстницы два столба величиной сажени $1^1/_2$ и бьетъ изъ нихъ вода; на низу по сторонѣ Атласъ и мужикъ великій лежитъ, каменный, въ горѣ, и въ рукахъ держитъ восемь флейтъ. Какъ пустятъ воду, и онъ играетъ на флейтахъ отмѣнно хорошо. А другой фонтанъ: мужикъ на лошади въ рогъ трубитъ очень громко, водою жъ. Еще на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у каждой флейта въ рукахъ, и органы великіе; какъ пустятъ воду, дѣвки и органы заиграютъ очень пріятно, никогда не вышелъ бы.... Въ той церкви былъ, которая прежде была всѣхъ болвановъ (Pantheon), а нынѣ всѣхъ святыхъ, зѣло велика, круглая. Въ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексія, Божія человѣка, и крыльцо то, подъ которымъ жилъ, видѣлъ все".—Такимъ образомъ авторъ путешествія интересовался самыми разнообразными предметами. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ уже гораздо выше тѣхъ путешественниковъ древняго періода, которые интересовались преимущественно, если не исключительно, религіозными предметами. Впрочемъ, и эти

предметы всегда обращали на себя вниманіе автора, и онъ сообщаетъ въ своемъ журналѣ о тѣхъ священныхъ вещахъ, которыя показывали ему въ разныхъ католическихъ церквахъ и монастыряхъ. Въ Римѣ, говоритъ онъ, „былъ въ церкви Пресв. Богородицы и видѣлъ колыбель Спасителя нашего, древянная, пробои желѣзные; образъ Пресв. Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; риза Спасителева, которая была во время распятія, красная; рубашка та, которую сама Пресв. Богородица ткала, а не шила для Спасителя нашего“ и проч.

Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Толстой былъ въ числѣ тѣхъ людей, которые въ первый разъ были отправлены Петромъ для обученія за границу. Его путешествіе содержитъ въ себѣ описаніе поѣздки и пребыванія въ Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи въ 1697—99 гг. (1). Во время пути Толстой записывалъ все, что обращало на себя его вниманіе. Особенно интересны его записки становятся со времени пребыванія его въ Варшавѣ. Въ Варшавѣ въ это время происходило избраніе новаго короля. Внутренній смыслъ этого событія для Толстаго остался непонятенъ; но онъ замѣтилъ его внѣшній процессъ. „Есть (въ Варшавѣ) одна полата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той полатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ; у которой полаты окна великія и окончины были стекольчатыя всѣ повыломаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ, а покоевые королевскіе полаты отъ той полаты далеко... Для алекціи (элекціи, избранія новаго короля) черезъ Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ для того, что во время алекціи (элекціи) между поляковъ бываютъ многія ссоры, также и у Литвы между собою и поляковъ съ Литвою бываютъ многія драки и смертное убивство, а больши на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли“... Въ польской жизни Толстой замѣтилъ еще: „По городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ и дочери дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не

(1) Петръ Андреевичъ Толстой. Біографическій очеркъ Н. А. Попова. Древн. и Новая Россія 1875 г. т. 1—Путешествіе Толстаго сохранилось въ рукописи Казан. Унив., опис. Артемьевымъ въ Журн. М. Н. Пр. 1854 г., № 7; напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1888 г.; содержаніе его и выписки изъ него были помѣщены въ статьѣ Н. А. Попова: «Путешествіе въ Италію и на островъ Мальту стольника П. А. Толстаго въ Атенеѣ 1859 №№ 7 и 8.

ставятъ... въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане, богатые люди сами, и жены и ихъ дочери дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ". Въ Ченстоховѣ онъ замѣтилъ аптеку и академію; „въ томъ кляшторѣ аптека изрядная великая, въ которой я видѣлъ много всякихъ лѣкарствъ и уборъ всюду въ той аптекѣ изрядной... Въ томъ кляшторѣ есть академія: учатся высокимъ наукамъ даже и до философіи; а гдѣ у нихъ бываютъ диспуты. и для того особая сдѣлана палата великая, длинная".... Въ Ольмюцѣ въ іезуитскомъ монастырѣ онъ также нашелъ „академію изрядныхъ высокихъ наукъ и студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ; изъ тѣхъ студентовъ много честныхъ высокихъ породъ людей изъ разныхъ государствъ; въ той академіи учатся студенты до философіи и до теологіи, тамъ же учатся и математицкихъ наукъ". Въ Вѣнѣ Толстой заходилъ въ ратушу, у которой на одной стѣнѣ „поставлено подобіе дѣвицы, вырѣзано изъ бѣлой камени покровенными очами, во образъ правды (Ѳемиды), якобы судитъ, не зря на лице человѣческое, праведно; у того подобія въ правой рукѣ сдѣланъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы". За городомъ онъ осмотрѣлъ императорскіе сады, гдѣ удивили его „многія травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками, по препорціи, и не малое число подобій человѣческихъ, мужеска и женска полу изъ мѣди, подобій сиренъ и разныхъ *гадскихъ* изъ бѣлаго камня, съ бьющими вверхъ фонтанами, стѣны изъ цвѣтнаго каменья и раковинъ и одна великая палата, что называютъ театрумъ, въ которой бываютъ для увеселенія цесарскаго комедіи".—Въ Венеціи вниманіе Толстаго остановило венеціанское судопроизводство: „Въ той палатѣ, говоритъ онъ, сидятъ за столомъ три человѣка судей; передъ ними лежитъ книга и стоитъ у того стола подьячій, въ рукахъ держитъ бумагу; одинъ человѣкъ, предъ тѣми судьями стоя, говоритъ и смотритъ въ тетради, которыя держитъ у себя въ рукахъ, и говоритъ громко; а другой, суперникъ его, стоитъ молча и слушаетъ словъ его, и проговоря тотъ, сколько ему было потребно, уклонясь судьямъ, отступилъ мало, и началъ говорить суперникъ его; и на ихъ слова пристаютъ и говорятъ и судьи къ подьячему, который стоитъ съ бумагою, приказываютъ писать декретъ, то есть вершенье дѣлу и указъ; и тотъ указъ бываетъ прочтенъ обоимъ суперникомъ, и того дня тотъ судъ и вершился". На дверяхъ палаты Толстой замѣтилъ такое же изображеніе Ѳемиды, какое видѣлъ и въ Вѣнѣ. Въ монастырѣ капуциновъ ему показали библіотеку, гдѣ „множество книгъ, больше 2,000, разныхъ языковъ, печатныхъ и письменныхъ".... Въ монастырѣ у Георгіянъ такъ же видѣлъ библіотеку, съ 15,000 книгъ, и въ ней два глобуса „велики зѣло,

одинъ небесной, а другой земленоводной; тѣ глобусы вокругъ по четыре сажени". Въ Падуѣ Толстому удалось видѣть обрядъ признанія докторскаго званія за кончившимъ курсъ въ академіи. „Обыклость тамъ о студентахъ, говоритъ онъ, имѣютъ такую: который студентъ науку свою дохтурскую окончитъ, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падуѣ по всѣмъ улицамъ, а передъ ними идутъ многіе люди и кричатъ: виватъ; а отъ того студента, окончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человѣкъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, тѣ деньги народъ подбираетъ и кричитъ излиха: виватъ! виватъ! А все то чинится казною того студента, который окончитъ свою науку; и потомъ того студента инспекторъ его со езувитами въ костелѣ коронуетъ; въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быти не повиненъ, только одни езувиты, или иные законники и инспекторъ его, т. е. мастеръ: и короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его по обыкновенію, какъ надлежитъ, и изъ той академіи его съ честію отпустятъ". Въ Венеціи Толстой видѣлъ оперы и комедіи. Давались эти оперы и комедіи въ „палатахъ великихъ округлыхъ, что называютъ итальяне театрумъ: въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ въ верхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше; а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными. Въ томъ театрумѣ полъ сдѣланъ мало накось къ тому мѣсту, гдѣ играютъ, ниже, и поставлены стулы и скамьи, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся, и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы; а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата.... И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по словенски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ; для того, что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами". Съ особеннымъ удовольствіемъ Толстой описываетъ венеціанскій карнавалъ, который ему очень понравился разными забавами и увеселеніями. Въ Барѣ Толстой прежде всего сходилъ въ ту церковь, въ которой почиваютъ мощи святителя Николая и въ своемъ путешествіи подробно описалъ эту святыню. Въ Неаполѣ Толстаго водили въ трибуналъ, въ палату, гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами; между тѣми судьями одинъ сидитъ на мѣстѣ короля гишпанскаго и называется Капо т. е. голова надо всѣми, и какъ я въ тое палату вошелъ, замѣчаетъ Толстой, и тотъ начальной судья и всѣ судьи противъ меня встали, и отдали мнѣ поклонъ, и съ великою учтивостью меня привѣтствовали

и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу подлежитъ видѣть, также съ честію меня отпустили". Потомъ, онъ былъ въ Неаполитанской академіи, въ которой 120 палатъ великихъ, нижнихъ и верхнихъ, въ пять житей; въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи; въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Во время пребыванія на островѣ Мальтѣ, онъ внимательно осмотрѣлъ этотъ островъ. Между прочимъ, нарочно съѣздилъ посмотрѣть ту пещеру, близъ которой апостолъ Павелъ, находясь на островѣ для обращенія къ истинному ученію его жителей, пребывавшихъ „въ болванохвальствѣ", проклялъ эхидну, укусившую его, и сбросилъ ее съ руки своей въ огонь. Около пещеры валялись небольшіе камни, которые слыли у Мальтійцевъ змѣиными очами и языками. На всемъ островѣ можно было находить „камни бѣлые, подобные эхиднамъ; о томъ сказываютъ, будто тѣ эхидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всѣ окаменѣли, и нынѣ находятся тамъ по горамъ, и по полямъ, и въ землѣ"([1]). Въ Римѣ Толстой посѣтилъ темницу, въ которую при Неронѣ были заключены апостолы Петръ и Павелъ, монастырь, построенный въ домѣ Флавіана, отца Алексія, человѣка Божія, потомъ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ римскихъ святыхъ мучениковъ за имя Христово отдавали на растерзаніе звѣрямъ, наконецъ храмъ Петра и Павла и дворецъ папы. Все видѣнное имъ онъ описалъ весьма подробно, такъ что одна роспись вещей, хранящихся въ соборномъ храмѣ Петра и Павла, занимаетъ въ его путешествіи болѣе пяти страницъ.—Такимъ образомъ, Толстой тщательно вникалъ въ европейскую жизнь и пріобрѣлъ много свѣдѣній, которыя должны были расширить его умственный кругозоръ. Передавая свои наблюденія въ описаніи своего путешествія, онъ знакомилъ съ европейскою цивилизаціею и другихъ русскихъ людей и такимъ образомъ способствовалъ ихъ образованію.

Путешествія Шереметева и Матвѣева. Не такъ содержательны и любопытны записки другихъ путешественниковъ, Шереметева и Матвѣева. Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ въ тѣхъ же годахъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ. Все описаніе его путешествія состоитъ болѣе изъ названій мѣстностей, по которымъ онъ проѣзжалъ, и торжественныхъ рѣчей, которыя онъ произносилъ предъ царственными особами. При описаніи путешествія

[1]) Извѣстно, что въ древней письменности объ этомъ существовала особая апокрифическая легенда.

по Италіи разсказъ становится болѣе подробнымъ; здѣсь описываются всѣ святыни, которыя Шереметевъ видѣлъ въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ. Между прочимъ, здѣсь помѣщена такая замѣтка: „Мая 23 числа въ Неаполѣ будучи, присылалъ арцыбискупъ нунціусъ папежской къ боярину объявить, чтобъ того дня бояринъ изволилъ ѣхать въ дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь св. великаго угодника Господня Януарія; которая кровь у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многажды же во время св. литургіи оная св. кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива“.—Графъ Матвѣевъ ѣздилъ въ Парижъ для заключенія торговаго договора въ 1705 г. Объясненіемъ этого обстоятельства и начинается описаніе его путешествія. Затѣмъ Матвѣевъ разсказываетъ о замѣчательныхъ церквахъ, монастыряхъ и библіотекахъ, которыя ему удалось посѣтить въ разныхъ мѣстахъ. Описываетъ также нѣкоторые нравы и обычаи, которые обратили на себя его вниманіе. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе; ему понравилось ихъ обхожденіе съ мужчинами, предупредительность „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ пріемствомъ“. Понравилось ему также воспитаніе дѣтей: „отъ юности они обучаются всѣ безъ изъятія разнымъ наукамъ; имъ внушають быть обходительными, вѣжливыми. Въ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и что отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“ (1). Дневникъ неизвѣстнаго путешественника не заключаетъ въ себѣ ничего особенно интереснаго; видно, что это былъ человѣкъ свѣтскій и любилъ посѣщать въ городахъ театры, балы и другія собранія.

СОЧИНЕНІЯ В. Н. ТАТИЩЕВА.

Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ (2). Василій Никитичъ Татищевъ (род 1686, ум. 1750 г.) представляетъ собою типъ

---

(1) Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В. I. 51. (2) Изслѣдованія о Татищевѣ: Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время. Москва 1861 г.; С. Соловьева: Русскіе историки XVIII в. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачева т. 2; Исторія Россіи т. XX; П. Пекарскаго: Новыя извѣстія о Татищевѣ. Зап. Акад. Н. т. IV, приложеніе; К. Н. Бестужева-Рюмина: В. Н. Татищевъ, администраторъ начала XVIII в. Древн. и нов. Россія 1875 г. томъ 1 и 2.

людей новаго образованія, воспитавшихся подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра В. Онъ учился сначала въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, находившемся подъ завѣдываніемъ Брюса, который и имѣлъ рѣшительное вліяніе какъ на его образованіе, такъ въ послѣдствіи и на его ученую дѣятельность. Изъ инженернаго училища Татищевъ, вмѣстѣ съ другими, былъ отправленъ Петромъ для изученія горнаго дѣла въ Европу, гдѣ онъ обогатилъ себя самыми разнообразными свѣдѣніями. По возвращеніи изъ Европы, онъ служилъ прежде всего въ артиллеріи, участвовалъ во взятіи Нарвы, въ Полтавской битвѣ и Прутской кампаніи, потомъ служилъ на горныхъ заводахъ въ Оренбургѣ и Екатеринбургѣ. Во время службы Татищева на заводахъ Петру донесено было, что онъ беретъ взятки; Петръ вызвалъ его въ Петербургъ. Татищевъ сознался, что онъ беретъ взятки, но только тогда, когда уже рѣшитъ дѣло, и беретъ какъ благодарность за сдѣланное дѣло, и говорилъ, что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ больше времени сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность въ рѣшеніи дѣлъ. Эта откровенность хотя и спасла Татищева отъ наказанія, однако же не понравилась Петру, и онъ удалилъ его отъ должности и отправилъ въ Швецію по горнымъ дѣламъ, откуда онъ возвратился уже послѣ смерти Петра. Во время восшествія на престолъ Анны Іоанновны Татищевъ составилъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ извѣстную записку о формѣ правленія. Потомъ до 1746 г. онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Послѣдніе годы жизни Татищевъ провелъ въ своемъ имѣніи Болдинѣ (около Москвы), находясь подъ судомъ, которому его подвергли его враги. Здѣсь онъ и скончался въ іюлѣ 1750 г., на другой день послѣ полученія указа отъ императрицы о томъ, что онъ по суду признанъ невиннымъ и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Труды Татищева по географіи и исторіи Россіи. Воспитанникъ Петра В., который постоянно заставлялъ всѣхъ учиться и трудиться, Татищевъ, не смотря на свою службу, всю жизнь занимался науками, находя въ нихъ источникъ освѣженія отъ службы и укрѣпленія и утѣшенія во всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ собралъ весьма значительную по тому времени библіо-

---

Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. Н. А. Попова. Журн. М. Н. Пр. 1886; іюнь. Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ К. Н. Бестужева-Рюмина. Извѣстія Спб-го Слав. благотв. общества 1886; №№ 4—5. В. Н. Татищевъ. Истор. Вѣстн. 1886; апрѣль.

теку (до 1,000 книгъ), которая состояла изъ самыхъ новыхъ книгъ по части философіи, политики и исторіи. Но любимыми предметами его занятій были „географія и исторія Россіи“, которыми онъ началъ заниматься по указанію Брюса. Онъ усердно собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрія, старинныя ландкарты; во время своихъ путешествій по Россіи онъ рылся въ архивахъ разныхъ городовъ, покупалъ рукописи на площадяхъ, вообще пользовался всякимъ случаемъ для пріобрѣтенія матеріаловъ для русской географіи и исторіи. Татищевъ представилъ въ Академію наукъ проектъ или „предложеніе о составленіи исторіи и географіи россійской“, состоящее изъ 198 вопросовъ и заключавшее въ себѣ обширную программу для многихъ изслѣдованій. Академія разослала проектъ ко всѣмъ областнымъ правителямъ и канцеляріямъ, съ приказаніемъ собирать и доставлять географическіе и историческіе матеріалы. Когда матеріалы были собраны, Татищевъ началъ составлять географію и лексиконъ географическій. Географія его имѣла такое заглавіе: „Введеніе къ историческому и географическому описанію великороссійской имперіи, часть первая: какъ древнее, такъ и нынѣшнее состояніе того великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ“. Въ 1-й главѣ говорилось о имени сего великаго государства и о древнемъ онаго раздѣленіи; во 2-й—о границахъ всероссійской имперіи по ея нынѣшнему состоянію; въ 3-й—о великости имперіи; въ 4-й—о водахъ; въ 5-й—о знатнѣйшихъ горахъ; въ 6-й—о внутренностяхъ земли; въ 7-й—о растеніи и плодахъ земныхъ; въ 8-й—о животныхъ; въ 9-й—о жителяхъ имперіи; въ 10-й—о силѣ воинской; въ 11-й—о доходахъ государственныхъ; въ 12-й—о заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ; въ 13-й—о академіяхъ и училищахъ; въ 14-й—о правленіи духовномъ и политическомъ, о раздѣленіи епархіальномъ и губернскомъ. Всѣ эти предметы были изложены кратко; только, говоря о Сибири, Татищевъ пустился въ нѣкоторыя подробности ([1]). Но попытка написать русскую географію по такой обширной программѣ была преждевременна; дѣло оказалось очень труднымъ, и Татищевъ, отказавшись отъ него, вздумалъ пока составить „Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій“. Въ этомъ лексиконѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, были собраны и объяснены слова, взятыя изъ государственнаго, административнаго и общественнаго быта Россіи, имена и названія историческія, географическія, этнографическія, изъ

([1]) Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 437—444; 663—696.

области археологіи и художествъ. Лексиконъ доведенъ былъ до буквы *л*. (1)

Исторія Россійская Татищева. Труды Татищева по исторіи состояли, главнымъ образомъ, также въ собираніи историческихъ матеріаловъ, Выше замѣчено, что Петръ В., въ бытность въ Кенигсбергѣ въ 1716 г. приказалъ для себя списать Радзивиловскій списокъ лѣтописи, а потомъ, спустя шесть лѣтъ, велѣлъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ посылать въ синодъ имѣющіеся у нихъ лѣтописи и хронографы для снятія съ нихъ списковъ. Петръ бесѣдовалъ иногда и съ Татищевымъ о русской исторіи, а отправляясь въ персидскій походъ, бралъ у него одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ. Татищевъ, находясь въ Сибири, продолжалъ собирать лѣтописи и собралъ 11 списковъ разныхъ лѣтописей, нѣсколько хронографовъ, царственныхъ лѣтописцевъ, старинныхъ четь-миней и прологовъ. Изъ лѣтописей и другихъ источниковъ Татищевъ сдѣлалъ сводъ и снабдилъ его критическими примѣчаніями. Этотъ трудъ и составляетъ „*Исторію россійскую*" Татищева. Она состоитъ изъ 5-ти частей. Первыя три части изданы Миллеромъ въ 1768—1774 г.; четвертая въ 1784 г.: пятая помѣщена въ Чтен. общ. Ист. и древн. годъ 3 (1848), № 4. Впрочемъ, полный сводъ лѣтописей въ ней доведенъ только до нашествія татаръ, а съ этого времени и оканчивая царствованіемъ Θеодора Алексѣевича представленъ только матеріалъ для продолженія свода.— Первымъ русскимъ лѣтописцемъ Татищевъ признавалъ не Нестора, а новгородскаго архіепископа, Іоакима Корсунянина (ум. въ 1030 г.). Къ такому мнѣнію привело его, между прочимъ, открытіе одного отрывка изъ Іоакимовской лѣтописи въ рукописи XVIII в. (2). Помѣстивъ этотъ отрывокъ въ первой книгѣ своей исторіи (глав. 4), онъ говоритъ: „сія мнится совершенно древняго писателя болѣе, нежели Несторъ, свѣдущаго, а наипаче какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто необыкновенное по тому времени внесено". Екатерина II взяла этотъ отрывокъ изъ Іоакимовской лѣтописи въ свои „Записки касательно россійской исторіи", и основываясь на немъ, написала двѣ драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и „Начальное управленіе Олега"; въ наукѣ же исторической въ послѣдствіи былъ возбужденъ вопросъ объ Іоаки-

(1) Онъ былъ напечатанъ въ 1793.

(2) Этотъ отрывокъ, найденный въ рукописи XVIII в., былъ доставленъ Татищеву архимандритомъ Бизюкова монастыря (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) Мелхиседекомъ Борщовымъ.

мовской лѣтописи и о значеніи найденнаго изъ нея отрывка. Обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу сдѣлано Лавровскимъ, который раздѣляетъ отрывокъ на двѣ части. Въ первой части, по его мнѣнію, помѣщены баснословныя извѣстія, взятыя изъ польскихъ и чешскихъ писателей; вторую часть составляютъ правдоподобныя извѣстія о началѣ христіанства въ Россіи: о крещеніи Аскольда, о занятіи Олегомъ Кіева, о борьбѣ языческой партіи съ христіанами при Олегѣ и Святославѣ, о вліяніи Болгаръ на распространеніе христіанства и христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, о крещеніи Новгородцевъ ([1]).—Сводъ Татищева весьма важенъ, потому что въ немъ собраны извѣстія изъ разныхъ лѣтописей, между прочимъ, изъ такихъ, списки которыхъ въ настоящее время уже не существуютъ. Въ критическихъ примѣчаніяхъ помѣщены указанія, откуда заимствованы извѣстія, и критика этихъ извѣстій, свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ древнюю Россію, объясненія многихъ древнихъ словъ, каковы напр. дань, рота, скора, перевѣсище, тризна и проч. Но особенно интересны для насъ въ примѣчаніяхъ философскія, историческія и политическія воззрѣнія самого Татищева. Татищевъ воспитался преимущественно подъ вліяніемъ протестантскихъ писателей. Онъ ссылается въ своихъ сочиненіяхъ на сочиненія Гоббеса (Левіаѳанъ), Бейля (критическій словарь), Томазіуса (нравоученіе), Фонтенеля (объ оракулахъ), Пуффендорфа (о должностяхъ человѣка и гражданина) и др. Отъ этихъ писателей онъ усвоилъ отрицательный взглядъ на церковь и духовенство и, прилагая его къ русской церкви и русскому духовенству въ древнемъ періодѣ, смотрѣлъ съ особеннымъ недовѣріемъ на историческія извѣстія, сообщаемыя духовными писателями, и совершенно неправильно понималъ нѣкоторыя явленія въ древне-русской жизни. Такъ, объясняя извѣстіе о посольствѣ князя Владиміра въ сосѣднія страны для испытанія разныхъ вѣръ, онъ замѣчаетъ: „Если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма не прилично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ“ ([2]). Разсказывая объ образованіи въ древнемъ періодѣ, онъ обвиняетъ русское духовенство въ томъ, будто оно намѣренно оставляло народъ въ невѣжествѣ: „въ Руссіи, го-

---

([1]) Изслѣдованіе Лавровскаго объ Іоакимовской лѣтописи въ Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ кн. II, вып. 1.

([2]) Татищевъ и его время, стр. 473.

ворить онъ, науки не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ введены и многія училища устроены были: но нашествіемъ татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суемудрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили" ([1]). Митр. Макарій, по мнѣнію Татищева, въ Степенную книгу „отъ скудости знанія въ древности, или отъ лицемѣрства неколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ". Говоря о Никоновскомъ спискѣ лѣтописи, онъ прибавляетъ: „видится особливо Никонъ, самъ перечерня, велѣлъ переписать, понеже всѣ тѣ обстоятельства, что къ уничтоженію власти духовной въ другихъ находятся, въ немъ выкинуты, или перемѣнены и новымъ порядкомъ вписаны" ([2]). Вслѣдствіе, конечно, такого отрицательнаго направленія, Исторія Татищева долго оставалась неизданною. Между современниками Татищевъ слылъ за вольнодумца; сохранился даже разсказъ о томъ, что Петръ В. разъ побилъ Татищева за то, что онъ говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относя оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства, при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ свящ. Писанія ([3]). По политическимъ убѣжденіямъ Татищевъ былъ монархистъ; по крайней мѣрѣ для Россіи монархическую форму правленія онъ считалъ необходимою. Это прежде всего выразилось въ томъ, что онъ въ 1730 г., когда верховники хотѣли ограничить правленіе Анны Іоанновны, составилъ и подалъ вмѣстѣ съ другими просьбу къ ней о принятіи самодержавнаго правленія. Въ 45-й главѣ первой книги своей исторіи, указывая на различіе между монархіей, аристократіей и демократіей, онъ говоритъ: „Невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно взирать на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство области и состоянія народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія, или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окру-

---

([1]) Тамъ же, стр. 514—515.—([2]) Тамъ же, стр. 473—475.

([3]) Между прочимъ, Татищевъ нападалъ на книгу Соломона: Пѣснь пѣсней, что заставило Прокоповича написать «Разсужденіе о книгѣ Соломона, яко она есть не человѣческою волею, но Духа Св. вдохновеніемъ написана отъ Соломона» (1730).

жены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ; великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится, тамо оба первые негодятся, но нужна быть монархія, какъ я въ 1730 г. Верховному Совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что онѣ дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили"... ([1]). Кромѣ „Исторіи россійской", Татищевъ составилъ еще примѣчанія къ „Русской правдѣ", примѣчанія и дополненія къ „Судебнику", которыя также, какъ и Исторія россійская, были изданы Миллеромъ.

Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Но всего полнѣе идеи и идеалы Татищева выразились въ двухъ его сочиненіяхъ: 1) въ „*Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*" и 2) въ „*Духовной*", или духовномъ завѣщаніи сыну, Евграфу Васильевичу. Въ Разговорѣ ([2]) выраженъ новый взглядъ на науку и образованіе, развившійся въ Татищевѣ подъ вліяніемъ иностранныхъ учителей. Послѣ предварительнаго разсужденія о необходимости ученія для человѣка въ каждомъ возрастѣ, оканчивающагося русской пословицей: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись", и послѣ краткаго обзора умственнаго развитія человѣчества въ разные періоды (до изобрѣтенія письменности, до начала христіанства, до изобрѣтенія книгопечатанія), рѣшаются два существенныхъ возраженія противъ науки и образованія. Одно возраженіе представлено отъ лица духовенства. Возражатель говоритъ, что онъ отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слышалъ, что „науки человѣку вредительны и пагубны суть". Авторъ на это отвѣчаетъ: „что Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, ученики и апостолы, и по нихъ святые отцы противъ премудрости и философіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно разумѣть, о какой премудрости и философіи они говорятъ, а не просто за слова

([1]) Татищевъ и его время, стр. 482—483.—([2]) Рукопись «Разговора» находится въ Публичной библіотекѣ. Содержаніе его изложено въ изслѣдованіи К. Н. Бестужева-Рюмина. Древн. и Нов. Россія 1875 г. томъ 1 и 2. Самый Разговоръ Татищева напечатанъ Н. А. Поповымъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей за 1887 г. кн. 1. Отдѣльный оттискъ. Москва. 1887 г.

хвататься... И къ познанію Бога якоже и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; только отвращающая отъ Бога вредительна и губительна“... Философію изучали апостолы и ученики..„ Запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды, и не вѣдущіе, въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобъ народъ былъ не ученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго они не постыдились, противу точныхъ Христовыхъ словъ, иже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытывать т. е. толковать повелѣлъ, папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, яко бы читающіе оное въ умѣ повреждались“. Указавъ, какъ сильна была власть папы и какъ ей покорялись императоры, Татищевъ продолжаетъ: „да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишенъ и въ заточеніе сосланъ“... На возраженіе, что чтеніе Библіи можетъ подать поводъ къ ересямъ, онъ говоритъ: такая мысль перешла отъ католиковъ, и при этомъ снова останавливается на желаніи папъ сохранить свящ. Писаніе и богослуженіе на латинскомъ языкѣ—„вѣдая, что оному не токмо великихъ государей, но и шляхетскія дѣти за трудность обучаться не охотно будутъ, и потому письма святаго и закона Божьяго, а ихъ коварствъ познавать не возмогутъ. О семъ многіе иноязычные, яко германе, славяне и прочіе спорили, но по силѣ ихъ (папъ) къ тому не допущены“. Другое возраженіе противъ науки и образованія представлено отъ лица людей свѣтскихъ. „Слышу, что свѣтскіе люди, въ гражданствѣ искусные, толкуютъ, якобы въ государствѣ, чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и мятежей безопаснѣе, и для того науки распространять за полезное не почитаютъ“. Отвѣчая на это возраженіе, Татищевъ приписываетъ всѣ подобныя мнѣнія людямъ неразсуднымъ или „махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца..., благоразсудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, чѣмъ буйство и невѣжество, принести могутъ“... И всякій человѣкъ ищетъ умныхъ помощниковъ, яко реку друзей и совѣтниковъ,„ понеже на умнаго друга болѣе можетъ надѣяться, что онъ ему въ недознаніи добрый совѣтъ и помощь подастъ, а служитель умный все повелѣнное и

желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, произведетъ и совершитъ, а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ... „На онаго махіавелиста, говоритъ Татищевъ въ заключеніе, кратче скажу: если бы ему, по его состоянію, всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ—всѣхъ опредѣлили дураковъ, въ дворецкіе, конюшіе, стряпчіе и въ деревни прикащиковъ—безграмотныхъ, то бы онъ узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явится; я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ".— Опровергнувъ возраженія противъ науки и образованія, Татищевъ указываетъ, какія науки нужно изучать. Всѣ науки, по его представленію, раздѣляются „на душевныя (богословіе) и тѣлесныя (философія)". Между ними по качеству различаются: 1) „науки нужныя": домоводство, врачевство, законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логика, богословіе; 2) „полезныя": письмо, грамматика, краснорѣчіе или витійство, изученіе иностранныхъ языковъ, гисторія, генеалогія, географія, ботаника, анатомія, физика, химія; 3) „щегольскія": стихотворство (поэзія), музыка (по русски скоморошество), танцованіе (плясаніе), волтежированіе, знаменованіе (живопись); 4) „любопытныя": астрологія, физіономика, хиромантія, алхимія и 5) „вредныя": гаданія и волшебства разнаго рода. Для изученія иностранныхъ языковъ Татищевъ находитъ нужнымъ отправлять дѣтей заграницу, потому что дома въ Россіи нельзя найти хорошихъ учителей. „Многіе, говоритъ онъ, за недостаткомъ искусства принимаютъ учителей, къ наученію весьма неспособныхъ, и случается,—что поваровъ, лакеевъ, или весьма мало умѣющихъ грамотѣ, за учителей языка французскаго, или нѣмецкаго, и какихъ-либо непотребныхъ волочагъ, для наученія благонравію и политикѣ, принимаютъ и потомъ за положенныя деньги вредъ вмѣсто пользы покупаютъ". Наконецъ, Татищевъ дѣлаетъ критическій обзоръ училищъ, существовавшихъ въ то время въ Россіи, Академіи наукъ, кадетскаго корпуса, народныхъ училищъ, академій московской и кіевской, показывая, на сколько они могутъ удовлетворять потребностямъ образованія. Сказавъ объ ученыхъ занятіяхъ членовъ академіи, онъ замѣчаетъ, что другой обязанности, на нихъ возложенной, „учить младость", они выполнять не могутъ: 1) богословія, или закона Божія имъ учить не опредѣлено для того, что учители, или профессоры суть не нашего закона, 2) закона гражданскаго мы отъ нихъ такожъ научиться не можемъ, потому что они, за незнаніемъ нашего языка, всѣхъ нашихъ законовъ знать и о нихъ разсуждать не могутъ; 3) понеже имъ надобно такихъ обучать, которые бы нижнія науки...." знали...,„а понеже оныхъ нижнихъ училищъ довольно не учреждено, то въ оной (академіи) учиться еще некому; и хотя семинаріумъ и гимназія при оной устроены,

но оное недостаточно, ибо изъ всего государства младенцевъ сво-зить, а наипаче шляхетскихъ малолѣтныхъ, есть невозможно и вредительно". Ученіе въ московской академіи Татищевъ находитъ совершенно недостаточнымъ: 1) латинскій языкъ, говоритъ онъ, идетъ у нихъ не хорошо, нѣтъ ни грамматики, ни лексикона; классическихъ авторовъ (Цицерона, Ливія и другихъ) они не читаютъ и потому въ философіи мало успѣваютъ; 2) риторика ихъ такова, что они „болѣе вралями, чѣмъ реторами именоваться могутъ", и нѣкоторые не знаютъ даже правописанія, 3) философы ихъ ни куда лучше, какъ въ лекарскіе, а по нуждѣ и въ аптекарскіе ученики" годятся, физика ихъ состоитъ изъ однихъ именъ.... объ исторіи, географіи, врачевствѣ понятія не имѣютъ. „И тако въ семъ училищѣ не токмо шляхтичу, но и подлому научиться нечего, паче же, что въ оной болѣе подлости, то шляхетству и учиться не безвредно". Кіевскую академію онъ также считалъ не многимъ лучше московской. Такой, совершенно несправедливый, отзывъ о духовныхъ училищахъ, очевидно, есть слѣдствіе того же предубѣжденнаго взгляда Татищева на духовенство и духовное образованіе, на который мы уже указали выше. Онъ развился въ Татищевѣ подъ вліяніемъ протестантскихъ воззрѣній на католическое духовенство, по которымъ духовенство обыкновенно представляется пропитаннымъ суевѣріемъ и враждою къ просвѣщенію, и которыя онъ несправедливо перенесъ на русское духовенство и русское духовное образованіе.

Духовная Татищева. Въ „Духовной" (¹) Татищева изложены идеалы жизни и службы, сложившіеся въ немъ съ одной стороны путемъ воспитанія и образованія на европейской наукѣ и литературѣ, а съ другой—на основаніи опытовъ его собственной служебной дѣятельности. Въ нихъ, слѣдовательно, есть много характерныхъ чертъ, какъ лично самого Татищева, такъ и его времени. Въ Духовной прежде всего Татищевъ говоритъ о религіозномъ воспитаніи, совѣтуя сыну своему поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь даже до старости—читать письмо святое т. е. свящ. Писаніе и катихизисъ, книги учителей церковныхъ, особенно Златоуста,

(¹) Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора В. Н. Татищева, сыну его Евграфу Васильевичу. Спб. 1773. Новое изданіе Духовной Татищева Андрея Н. Островскаго. Казань, 1884 (въ «Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи», т. IV).

Василія В., Григорія Назіанзина, Аѳанасія В. и Ѳеофилакта Болгарскаго, а также и новыя книги: „истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которыя за катихизисъ, а малый букварь, или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ". Послѣ ознакомленія съ ученіемъ православнымъ, нужно познакомиться и съ ученіемъ католиковъ, протестантовъ и кальвинистовъ, потому что въ обществѣ часто приходится встрѣчаться съ такими людьми, и не трудно быть обманутымъ; особенно остерегаться должно папистовъ. Впрочемъ, вступать въ пренія съ иновѣрцами онъ вообще не совѣтуетъ, чтобы „у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можешь и претерпѣть". Изъ свѣтскихъ наукъ онъ совѣтуетъ учиться ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи и другимъ частямъ математики, нѣмецкому языку, исторіи и географіи, гражданскимъ и воинскимъ законамъ, читать уложеніе, сухопутный и морской уставы и новые указы.

Послѣ наставленій о воспитаніи и образованіи, въ Духовной излагаются правила для руководства въ жизни семейной и общественной. (¹) Первый шагъ въ семейной жизни составляетъ женитьба. Противоположно Посошкову, который, „во избѣжаніе грѣха", совѣтуетъ жениться раньше, Татищевъ не одобряетъ ранней женитьбы. Отъ ранней женитьбы, говоритъ онъ, страдаютъ науки и служба, а иногда и здоровье; „для того, лучшія лѣта для брака отъ 22 до 25 и 30 лѣтъ почитаются." Такъ какъ о взаимныхъ чувствахъ никто лучше судить не можетъ, какъ вступающіе въ бракъ, то справедливо на власть родителей и воспитателей узда закономъ наложена, чтобы силою противъ воли къ браку не принуждали. Но такъ какъ любовь часто помрачаетъ нашъ умъ, то въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно обращаться за совѣтомъ къ людямъ искуснымъ, а наипаче къ надежнымъ родственникамъ и свойственникамъ. Выбирать жену за одну красоту лица не слѣдуетъ: „извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, и для того оное бываетъ не безопасно". Но не нужно брать и жену безобразную, а также ни слишкомъ молодую, ни слишкомъ старую. И для того, посредственная красота и равность лѣтъ, или жена немного моложе есть лучшее". Что касается до богатства и знатности, то бракъ между равными по состоянію и происхожденію всего лучше; главнѣйшее въ женѣ— состояніе, разумъ и здравіе". Отношеніе мужа къ женѣ Татищевъ опредѣляетъ слѣдующимъ наставленіемъ: „Имѣй то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница во всемъ и другомъ

(¹) Татищевъ и его время Н. А. Попова, стр. 212—214. Духовная по изд. Островскаго 10—12.

должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ къ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручить, а затѣмъ и самому не лѣностно смотрѣть.“.

Излагая правила общественной и служебной дѣятельности, Татищевъ прежде всего внушаетъ своему сыну вѣрность государю и государству, прилежаніе къ общей пользѣ, повиновеніе властямъ. „Съ хвалящими вольности другихъ государствъ, говоритъ онъ, и ищущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады (примѣры) показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали“ (разумѣются замыслы верховниковъ, хотѣвшихъ ограничить самодержавіе, при воцареніи Анны Іоанновны). Основное правило, которому должно было слѣдовать на службѣ, Татищевъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи.... И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ, или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими то видѣлъ“. Въ частности же на службѣ Татищевъ предписываетъ соблюдать строгое правосудіе во всякомъ дѣлѣ и не увлекаться собственными интересами. Совѣтуя быть внимательнымъ ко всякому челобитчику и терпѣливо выслушивать бѣднаго, онъ прибавляетъ: „у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ, и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся; ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости (въ скорости) нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить.... Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ мнѣ то часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи или ввѣрившіеся пріятели судами торговали.... Наипаче всего хранися секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ;.... ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ“.

Все время жизни Татищевъ совѣтуетъ распредѣлять такимъ образомъ: молодые годы посвящать службѣ военной, зрѣлый возрастъ мужества—службѣ гражданской, а послѣднее время жизни въ старости—жить въ деревнѣ и заниматься имѣніемъ, если оно есть. Поэтому, въ послѣдней части своей Духовной онъ помѣстилъ такія наставленія, которыя могутъ служить руководствомъ при управленіи помѣстьями и крестьянами. Спустя два года, къ этимъ

наставленіямъ онъ присоединилъ еще „краткія экономическія, до деревни слѣдующія, записки“. Въ этихъ запискахъ есть много такихъ наставленій, которыя походятъ на совѣты и проекты Посошкова въ его книгѣ „о скудости и богатствѣ“. Между ними особенно замѣчательны наставленія о религіозно-нравственномъ воспитаніи и образованіи крестьянъ. „Старайся имѣть, говоритъ онъ, попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ... награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ“ (1). Въ экономическихъ запискахъ онъ говоритъ: „Наивящшій пунктъ учить (крестьянъ) грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ, и различить себя отъ скота“. Другія наставленія о крестьянахъ направлены къ тому, чтобы села и деревни помѣщика были снабжены банями, богадѣльнями, аптекарями и лекарями. Относительно доходовъ, собираемыхъ съ имѣній, Татищевъ совѣтуетъ быть справедливымъ и умѣреннымъ. „Конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ, говоритъ онъ въ запискахъ, главный пунктъ деньги: не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домъ не пускать. Совѣтую всякому жителю сего свѣта оставлять отъ годоваго своего дохода по крайней мѣрѣ пятую часть денегъ для нечаянныхъ приключеніевъ“. „Впрочемъ, заключаетъ онъ свою Духовную, старайся, чтобы ты никогда, никому и ничѣмъ не былъ долженъ“ (2).

Таковы идеалы Татищева. Они, очевидно, во многихъ отношеніяхъ, отличны отъ идеаловъ допетровскаго періода, выражен-

(1) Татищевъ и его время Н. А Попова стр. 226—227.

(2) Тамъ же, стр. 227; 230—233. Въ одномъ изъ списковъ «Духовной» въ концѣ помѣщено еще «Предсмертное Увѣщаніе» Татищева своему сыну, Евграфу Васильевичу. Оно издано А. А. Дмитріевымъ въ Журн. М. Н. Просв. 1886; апрѣль. Слогъ «Увѣщанія», по замѣчанію издателя, и мысли, выраженныя въ немъ, не оставляютъ сомнѣнія въ принадлежности его Татищеву. Эти мысли не содержатъ въ себѣ ничего новаго и особеннаго, а составляютъ повтореніе тѣхъ наставленій, какія изложены въ «Духовной» и другихъ сочиненіяхъ Татищева.

ныхъ въ Домостроѣ Сильвестра, и отъ идеаловъ Посошкова, въ Завѣщаніи отеческомъ. Они выросли на другой почвѣ, основаны на другихъ началахъ и направлены къ другимъ цѣлямъ. Наставленія Домостроя основаны частію на церковномъ ученіи, частію на преданіяхъ предковъ и издавна установившихся обычаяхъ. Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ наставленіями Сильвестра, основаны на тѣхъ же началахъ и направлены къ нравственнымъ цѣлямъ. Правила же Татищева не только не вытекаютъ изъ преданій и древнихъ уставовъ, но идутъ противъ устава и обычая и основаны частію на личномъ разсужденіи, частію на началахъ новаго образованія, и направлены къ разумной и полезной дѣятельности.

Стихотворныя и литературныя произведенія въ Петровскую эпоху. При Петрѣ В. не могла образоваться новая поэзія; прославленію его дѣлъ и вообще изображенію событій реформы, вмѣстѣ съ проповѣдью, служила еще старая силлабическая поэзія. По случаю взятія Азова и возвращенія Петра въ Москву въ 1697 г. братья Лихуды составили „похвальное слово". Извѣстенъ также „Тріумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ Петра В. съ Свейскою короною". Думный дьякъ Андрей Виніусъ, по случаю взятія Азова, написалъ поздравительные стихи Лефорту и Шеину. Полтавская битва прославляется въ сочиненіи: „Политиколѣпная апотеозисъ ....всероссійскаго Геркулеса"...., гдѣ объясняется значеніе тріумфіальныхъ вратъ, воздвигнутыхъ въ честь Петра московской академіей. Окончаніе Шведской войны Ништадтскимъ миромъ было воспѣто Ширяевымъ въ кантатѣ. Монахъ Іоаннъ Кременецкій въ честь Меньшикова написалъ сочиненіе: „Лаврея, или вѣнецъ безсмертныя славы". Сохранилось еще стихотвореніе Валдайскаго попа Михаила, подъ названіемъ: „Предисловіе во привѣтство царскому величеству, врученное 1718 г. марта 19 дня"...

«Что гдѣ прославляется яко мудрость,
И что толико хвалимо, елико храбрость?
Ничто ино равно тѣмъ быть возмогаетъ,
Точію едина любовь та достизаетъ;
Ибо вся добродѣтели въ той содержатся,
Ей же и мудрость и храбрость присно общатся» и проч.

Подъ стихами подпись: „Вашего царскаго величества всенижайшій рабъ, всенедостойнѣйшій пастушокъ Михаилъ валдайскій землемещуся". Указывая на эту подпись, Пекарскій прибавляетъ: Это былъ не одинъ изъ духовныхъ, который именовалъ себя па-

ступкомъ; въ письмахъ къ Петру В. Стефанъ Яворскій часто подписывался: Стефанъ, пастушокъ Рязанскій ([1]).

Театральныя представленія до Петра В. дѣлались только въ школахъ и при дворѣ; при Петрѣ они изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на красную площадь въ особо устроенный „комидійный домъ“. Въ 1702 г. въ Москву прибылъ изъ Данцига Іоганнъ Куништъ съ своей труппой странствующихъ актеровъ. Представленія должны были происходить на русскомъ языкѣ; для этого переводились разныя піесы съ иностранныхъ языковъ. Въ тоже время давались и школьныя духовныя драмы, трагедіи и комедіи. Въ этихъ духовныхъ драмахъ, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставлялись также сцены, изображавшія современныя событія. Въ піесѣ: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня“ было представлено, какъ „Самолюбіе и Гордыня“, олицетворяющія польскій сеймъ, возмущаютъ противъ польскаго короля Августа его подданныхъ за то, что онъ хотѣлъ соединиться съ Петромъ В. противъ Карла XII, и какъ Фортуна вручаетъ Марсу Роксоланскому т. е. Петру В. знаменія побѣды. Въ піесѣ префекта московской академіи Іосифа Туробойскаго изображается: „Преславное торжество свободителя Ливоніи“. Въ піесѣ: „Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе“ представлены побѣда надъ Шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы ([2]). Въ 1701 г. въ Москвѣ „благородными великороссійскими младенцами“, учениками славяно-греческо-латинской Академіи, была представлена комедія, подъ заглавіемъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія, съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная“ ([3]).

Но самымъ характернымъ произведеніемъ въ области драматической литературы петровской эпохи была, разумѣется, „Трагедокомедія Владиміръ“ Ѳеофана Прокоповича. Прокоповичъ написалъ ее еще въ то время, когда былъ преподавателемъ поэ-

---

([1]) Наука и литер. 1, 368—370.

([2]) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. П. Пекарскаго. Совр. 1857 года, №№ 1 и 2; Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. (глав. XIV), Русскія интерлюдіи первой половины XVIII в. Тихонравова въ Лѣтоп. русск. литер. т III. Хроника русскаго театра Носова. Съ новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра. Е. В. Барсова. Изд. общ. ист. и древ. Москва 1884.

([3]) Она напечатана И. А. Шляпкинымъ въ Памятн. древней письменности. 1882 г.

зіи въ кіевской академіи, въ 1705 г. ([1]). По формѣ она принадлежитъ къ тѣмъ же школьнымъ драмамъ, которыя мы сейчасъ указали, но отличается отъ нихъ большею свободою отъ тѣхъ схоластическихъ правилъ, которымъ онѣ подчинялись. Трагедокомедіей она называется потому, что въ ней къ серьезному трагическому элементу присоединяется элементъ комическій; „трагедокомедія, говоритъ Прокоповичъ, есть смѣшанный родъ драматической поэзіи изъ трагедіи и комедіи т. е. такой, въ которомъ смѣшное и забавное смѣшивается съ серьезнымъ и трогательнымъ и лица незначительныя съ знаменитыми“. Правда, и въ школьной драмѣ употреблялись такъ называемыя интермедіи, или интерлюдіи т. е. шуточныя піесы, но онѣ не принадлежали къ самой драмѣ, а только вставлялись между ея дѣйствіями, между тѣмъ какъ комическій элементъ въ трагедокомедіи Прокоповича распространенъ по всей піесѣ и составляетъ ея существенную часть. Вся трагедія состоитъ изъ пяти актовъ, съ прибавленіемъ прологовъ, эпилоговъ и хора къ каждому акту. Содержаніе ея составляетъ принятіе христіанской вѣры княземъ Владиміромъ; дѣйствующія лица: князь Владиміръ, греческій философъ, проповѣдникъ, объясняющій ему христіанскій законъ, три языческихъ жреца: Жериволъ, Куроядъ и Піяръ, Духъ Ярополка, погибающій отъ зависти къ брату и служащій въ піесѣ орудіемъ адскихъ силъ, дѣйствующихъ противъ Владиміра; военачальники Владиміра, Мечиславъ и Храбрый, помогающіе Владиміру сокрушить язычество. Историческихъ элементовъ въ трагедіи мало, и вообще вся историческая обстановка не богата; все вниманіе обращено на внутреннюю борьбу князя Владиміра, при его обращеніи въ христіанство, съ тремя врагами—міромъ, плотію и діаволомъ. Послѣ пролога, составляющаго предисловіе къ трагедокомедіи, въ 1-мъ дѣйствіи изображается, какъ адъ, узнавъ, что князь Владиміръ хочетъ водворить въ Кіевѣ христіанскую вѣру, высылаетъ на землю Духъ Ярополка, чтобы онъ возвѣстилъ представителю адскихъ силъ въ Кіевѣ, волхву Жериволу, о пред-

([1]) Полное заглавіе трагедокомедіи такое: «Владиміръ, славенороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ святымъ отъ Рождества Христова 988 г., нынѣ же отъ православной академіи могилеанской кіевской, на позоръ россійскому роду, отъ благородныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта Господня 1705, іюля 3 дня показанній».— Трагедія до сихъ поръ не напечатана. Мы пользовались превосходной статьей Н. С. Тихонравова въ Журн. М. Н. Просв. 1879, май, гдѣ подробно изложено ея содержаніе и сдѣланъ самый обстоятельный разборъ.

стоящихъ бѣдствіяхъ. Жериволъ, впрочемъ, и самъ уже замѣтилъ, что Владиміръ въ послѣднее время охладѣлъ къ языческимъ жертвамъ, что богамъ его предстоитъ голодная смерть. Во 2-мъ дѣйствіи Жериволъ, въ праздникъ Перуна, отправляется въ лѣсъ, зоветъ на помощь своихъ боговъ, заклинаетъ самый адъ, и вотъ являются къ нему представители тѣхъ темныхъ силъ, съ которыми Владиміръ долженъ вести борьбу—бѣсъ міра, бѣсъ плоти и бѣсъ хулы, или противства Божія". Всѣ они своими рѣчами стараются отклонить Владиміра отъ мысли о христіанской вѣрѣ. Въ 3-мъ актѣ изображаются разныя препятствія намѣренію Владиміра. Владиміръ, однакожъ, чувствуетъ въ себѣ перемѣну. Пораженный проповѣдью греческаго философа, онъ испытываетъ какой-то страхъ; языческія жертвы ему кажутся мерзскими; онъ обращается за совѣтомъ къ своимъ дѣтямъ. Глѣбъ совѣтуетъ князю просить у греческаго философа подробнаго объясненія христіанскаго закона; въ тоже время является Жериволъ, и вотъ, по желанію князя, между христіанскимъ проповѣдникомъ и языческимъ жрецомъ происходитъ преніе о вѣрѣ. Въ 4-мъ актѣ изображается внутренняя борьба Владиміра, въ формѣ разныхъ его недоумѣній, возбужденныхъ въ немъ разными возраженіями со стороны міра, плоти и діавола; но твердый разумъ Владиміра побѣждаетъ всѣ препятствія, и онъ рѣшается „явѣ Христа исповѣсти". Дѣйствіе оканчивается хоромъ, въ которомъ рѣшившемуся Владиміру представляется его прежняя жизнь со всѣми ея суетами и прелестями. Въ 5-мъ дѣйствіи изображается паденіе язычества. Владиміръ запретилъ по всѣмъ городамъ жертвы и велѣлъ сокрушать идоловъ; разбитые кумиры сдѣлались игрушками для дѣтей; жрецы умираютъ съ голоду; военачальники Владиміра, Мечиславъ и Храбрый заставляютъ ихъ собственными руками сокрушать идоловъ. Наконецъ, на сценѣ является вѣстникъ, съ посланіемъ Владиміра, извѣщающимъ, что князь воспріялъ истинный законъ Христовъ. Трагедія оканчивается хоромъ апостола Андрея Первозваннаго съ ангелами, въ которомъ говорится, что какъ царь Соломонъ устроилъ храмъ въ Іерусалимѣ, по предписанію царя и пророка Давида, такъ и князь Владиміръ устроилъ зданіе православной церкви въ странѣ русской, по пророчеству апостола Андрея, сказавшаго: „здѣ возсіяти имать слава Божія". Во второй половинѣ хора, по обычаю того времени, помѣщенъ панегирикъ знаменитымъ современникамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и особенно гетману Мазепѣ, который былъ патрономъ кіевской академіи.—Трагедокомедія Прокоповича выше другихъ современныхъ драматическихъ піесъ въ этомъ родѣ; она представляетъ попытку къ настоящей драмѣ, въ которой изображается борьба Владиміра, какъ героя, какъ про-

святителя русскаго народа, своимъ крещеніемъ положившаго начало его религіозному, умственному и нравственному образованію, и изображается не въ разговорахъ только, какъ изображаются герои въ другихъ піесахъ этого времени, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ. Къ отличительнымъ свойствамъ трагедіи принадлежатъ та свобода мысли, яркость красокъ, смѣлость и рѣзкость слова, которыя выражались и во всей послѣдующей литературной дѣятельности Прокоповича. Эти свойства и ясные намеки на современные пороки и недостатки, при изображеніи древняго времени, и дѣлали ее особенно интересною для современниковъ. Къ такимъ мѣстамъ въ трагедіи, между прочимъ, надобно отнести изображенія въ комическомъ видѣ языческихъ жрецовъ, Жеривола, Курояда и Піяра; въ нихъ несомнѣнно, съ осмѣяніемъ языческихъ жрецовъ, Прокоповичъ хотѣлъ указать на пороки и недостатки современнаго духовенства. Жериволъ совершенно преданъ служенію плоти; онъ всецѣло сокрушаетъ безмѣрныхъ воловъ; ему хотѣлось бы, чтобы безпрестанно были праздники; другіе жрецы, Курояд и Піяръ не привыкли покупать себѣ пищу, все у нихъ было даровое; Куроядъ съ ужасомъ разсказываетъ Піяру, что онъ ходилъ на село „курей куповати, а когда сіе бяше?“.

Указанныя піесы—комедіи и трагедо-комедіи—составлялись людьми учеными; въ нихъ выразились взгляды и сужденія передовыхъ людей новаго образованія. Рядомъ съ ними существовали еще „*Интерлюдіи, или междувброшенныя забавныя игралища*“, которыя были написаны также книжными людьми, но стоявшими близко къ народу, и знавшими народныя воззрѣнія на современныя событія. По формѣ своей, интерлюдіи представляютъ рядъ забавныхъ, часто грубыхъ, сценъ, не связанныхъ ничѣмъ въ одно цѣлое, написанныхъ иногда силлабическими виршами, а иногда прозой. Онѣ интересны потому, что изображаютъ тогдашнее настроеніе народа, или той части народа, которая была недовольна многими реформами, казавшимися ей нарушеніемъ правилъ вѣры и древнихъ обычаевъ. Въ одной интерлюдіи изображается раскольникъ, который жалуется на то, что народъ нынѣ совсѣмъ испортился, что вмѣсто долгополаго платья христіане стали носить кафтанъ и круглый картузъ, стали брить бороды, а на голову надѣвать парики, подобно нѣмцамъ, что пришли, очевидно, послѣднія времена, когда долженъ явиться антихристъ.

«Какъ то нынѣ люди увязли глубоко!
Какъ то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣдняя бо времена, видимъ, что приспѣли;
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.

Подобаше ему пріити на землю, когда нашу старую вѣру попрали
Никонщики проклятые, свою же нѣкую нову, не знаему откуда, взяли.
И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуда взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ:
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ,
Человѣцы ходятъ, якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы».

Эти жалобы были слѣдствіемъ указовъ Петра, изданныхъ въ 1705 г., о ношеніи иностранной одежды и бритьѣ бородъ и усовъ. Въ другой интерлюдіи изображается дьячокъ, жалующійся на то, что начальство приказываетъ отдавать дѣтей на ученье въ семинаріи.

«Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ моихъ дѣтей отнимаютъ
Я въ семинарію («серимарію») на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами!
Напиши, пожалуй, что они еще не годны лѣтами.
. . . .
Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ проклятую семинарію на муку обираютъ.
О мои дѣтушки сердечныя!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
Тогожъ часа киселіомъ задавиться и въ водѣ утопиться.
О мои милыя дѣтушки
И бѣлыя лебедушки!
Лучше бъ васъ своими руками и въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ» (¹).

И эти жалобы также вызваны были указами Петра 1708 и 1710 г., когда дѣтей духовныхъ предписано было отдавать на ученье въ греческія и латинскія школы, и тѣхъ, которые не хо-

---

(¹) Лѣтописи русск. литер. т. II, стр. 37; 48—49.

тѣли учиться, не позволено было ставить ни въ попы, ни въ дьяконы, а отдавать въ солдаты. Кромѣ того, въ интерлюдіяхъ изображаются разныя смѣшныя сцены, которыя направлены противъ взяточничества, воровства, мошенничества, и въ которыхъ дѣйствующими представляются подъячіе, цыгане, литвинъ, грекъ, лекарь, маркитантъ, барышникъ и т. п. Сцены эти не отличаются изяществомъ и разсчитаны на простой необразованный вкусъ; комизмъ ихъ заключается главнымъ образомъ въ разныхъ извращеніяхъ русскаго языка, какимъ онъ можетъ подвергаться въ устахъ невѣжественныхъ инородцевъ.

Къ повѣствовательнымъ произведеніямъ петровской эпохи относятся: „Гисторія о россійскомъ матросѣ, Василіи Коріотскомъ, и прекрасной королевнѣ, Иракліи, Флоренской земли“ и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ“. Въ первой повѣсти изображается судьба одного россійскаго матроса. Василій Коріотскій былъ сынъ бѣднаго дворянина. Выпросивъ благословеніе у отца, онъ отправился поискать счастія въ Петербургъ и записался въ морской флотъ въ матросы. Во время плаванія на одномъ кораблѣ въ Голландію, онъ былъ выброшенъ бурею на берегъ и попалъ на островъ разбойниковъ. Здѣсь, въ плѣну у разбойниковъ, онъ встрѣтилъ прекрасную королевну Флоренской земли, Ираклію, влюбился и вздумалъ освободить ее. Повѣсть разсказываетъ, какъ матросъ Василій, сдѣлавшійся противъ воли атаманомъ разбойниковъ, послѣ разныхъ приключеній, женился на Ираклія и наконецъ самъ сдѣлался королемъ Флоренскимъ. На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ, повѣсть можно считать оригинальнымъ произведеніемъ петровской эпохи, начала XVIII в. Въ ней говорится объ отправкѣ русскихъ матросовъ за море въ Голландію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ, какъ о современномъ фактѣ. Духъ и колоритъ повѣсти такъ же принадлежитъ новому времени. Въ повѣстяхъ старой литературы говорилось больше о лукавствѣ, коварствѣ и другихъ порокахъ женщины, чѣмъ о добрыхъ ея качествахъ; въ повѣсти о Василіи Коріотскомъ, его возлюбленная королевна Ираклія представляется образцемъ добродѣтельной женщины, и вообще взаимныя отношенія героя и героини изображаются въ идеальномъ романтическомъ свѣтѣ: они клянутся другъ другу въ вѣчной вѣрности; если судьба разлучитъ ихъ, ни тотъ ни другая не должны ни съ кѣмъ вступать въ супружество (1). Къ тому же,

(1) Неизвѣстная повѣсть петровскаго времени. Л. Н. Майкова. Спб. 1880 г. А. Н. Пыпинъ вѣроятнымъ источникомъ этой повѣсти считаетъ рукописную «Гисторію о гишпанскомъ шляхтичѣ Долгорнѣ». Смотр. Засѣданія Общества любителей древней письменности. Историч. Вѣстн. 1886 г.; августъ.

вѣроятно, времени относится и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ“. Подобно матросу Василію Коріотскому, кавалеръ Александръ посланъ былъ также въ чужіе края, для пріобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній: но въ городѣ Лиллѣ, во Франціи, его плѣнила красота одной дѣвицы. Приключенія кавалера Александра съ этой дѣвицей и другія любовныя приключенія, а также похожденія друга его, Владиміра, составляютъ содержаніе повѣсти ([1]).—Къ переводнымъ произведеніямъ петровской эпохи относятся разсказы о Совѣсдралѣ и разные переводные любовные рыцарскіе романы, которые, по свидѣтельству современниковъ, весьма нравились тогдашнимъ читателямъ ([2]).

НАЧАЛО НОВОЙ ПОЭЗІИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Происхожденіе и характеръ ложно-классическаго направленія въ европейскихъ литературахъ. По той мѣрѣ, какъ русскіе люди знакомились съ европейскимъ образованіемъ, по той мѣрѣ появлялись переводы произведеній европейскихъ литературъ; за переводами слѣдовали ихъ передѣлки, а потомъ и подражанія, и такимъ образомъ, по образцу европейскихъ литературъ, стала формироваться новая русская литература. Къ сожалѣнію, во всѣхъ европейскихъ литературахъ въ это время господствовало ложное направленіе. Познакомившись съ произведеніями греческой и римской литературъ, западные европейскіе народы начали рабски подражать имъ и при этомъ подражаніи до того увлеклись, что стали отказываться отъ своей національности, презирать свои народныя преданія, народную поэзію и даже свой родной языкъ. Конечно, произведенія классическихъ литературъ были изящны по формамъ и чрезвычайно богаты по содержанію; но, чтобы правильно воспользоваться ими, нужно было надлежащимъ образомъ понять ихъ, уяснить ихъ отличительныя свойства, логически и послѣдовательно развившіяся изъ началъ и формъ древней греческой и римской жизни. Существенная причина, почему поэтическія произведенія въ Греціи имѣли такое сильное образователь-

([1]) Повѣсть эта вполнѣ еще не издана. Содержаніе ея, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ, изложено М. И. Сухомлиновымъ въ Библ. для чтенія 1858, № 12; сравн. также въ статьѣ Н. И. Петрова, о вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Труд. Кіев. академіи 1872 г. № 8.

([2]) Обзоръ переводной повѣствовательной литературы, разныхъ романовъ, повѣстей и сказокъ въ XVII—XVIII в. сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ статьѣ: «Допетровское преданіе въ XVIII в.» Вѣстникъ Европы 1886; іюль.

ное вліяніе на народъ, заключается въ томъ, что они были глубоко національны. Содержаніе греческаго эпоса составляли народныя преданія о Троянской войнѣ; въ одахъ Пиндара изображались народныя олимпійскія, немейскія и истмійскія игры грековъ и воспѣвались герои, одержавшіе тѣ или другія побѣды на этихъ играхъ; въ трагедіяхъ Эсхила, Софокла и Еврипида выводились боги и богини греческой миѳологіи, герои и героини народной героической легенды. Отсюда естественно слѣдовалъ такой выводъ, что и европейскимъ поэтамъ, для того, чтобы ихъ произведенія имѣли такое же значеніе и вліяніе на народъ, нужно заимствовать содержаніе для нихъ также изъ народной исторіи и народной жизни. Между тѣмъ, оставивъ въ пренебреженіи средневѣковыя народныя преданія, они начали копировать произведенія греческой и римской литературы. Совершенно справедливо, что въ этихъ литературахъ было много общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ; но эти элементы нужно было выдѣлить изъ элементовъ временныхъ и національныхъ, и опредѣлить, что можетъ быть предметомъ подражанія и что не можетъ. Европейскіе поэты это также опустили изъ вниманія и начали подражать всему безъ разбора. У грековъ поэзія весьма тѣсно была соединена съ музыкой, и очень естественно, что Гомеръ началъ свою Иліаду словами: „Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына“; очень естественно, что оды Пиндара и другихъ лириковъ назывались „воспѣваніемъ“ героевъ и знаменитыхъ событій, а многія и начинались также словомъ: „пою“; это были дѣйствительныя *ᾠδαί* т. е. пѣсни. Европейскіе поэты писали свои стихотворенія вовсе не для пѣнія, а для чтенія; не смотря на то, подражая греческимъ поэтамъ, также свои поэмы и оды называли воспѣваніемъ героевъ и героическихъ событій. Собираясь восхвалить или воспѣть какое-нибудь событіе, или какого-нибудь героя, греческіе пѣвцы-поэты обращались къ Аполлону и музамъ, которыхъ считали виновниками поэтическаго одушевленія; европейскіе поэты, какъ христіане, конечно не вѣрили ни въ Аполлона, ни въ музъ, но, не смотря на то, постоянно дѣлали воззванія къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. По ученію греческой миѳологіи, разные боги и богини населяли всю природу и управляли всѣмъ міромъ, и потому въ произведеніяхъ греческихъ поэтовъ они являются часто главными дѣйствующими лицами. По ученію христіанскому, все въ мірѣ находится подъ управленіемъ Божественнаго Промысла; не смотря на то, европейскіе поэты, подобно греческимъ поэтамъ, въ своихъ произведеніяхъ также представляютъ греческихъ боговъ и богинь въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Чудесное миѳическое, составляющее существенный элементъ греческаго эпоса, было слѣдствіемъ греческихъ религіозныхъ вѣ-

рованій, и очень естественно было, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ дѣйствующими лицами постоянно являются разные боги и богини; но уже совершенно не естественно было, что тѣ же самые боги и богини являлись въ поэмахъ христіанскихъ—въ „Луизіадѣ“ Камоэнса, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Торквато Тассо, „Потерянномъ раѣ“ Мильтона и „Генріадѣ“ Вольтера. Подобнымъ образомъ, и другія свойства греческой поэзіи развились въ тѣсной связи съ греческой жизнью. Лирическій безпорядокъ, встрѣчающійся въ одахъ Пиндара, совершенно объясняется разнообразіемъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ приводилось говорить Пиндару при прославленіи героевъ, одержавшихъ тѣ или другія побѣды на играхъ; но уже совершенно не объяснимымъ становится то, что этотъ безпорядокъ, составляющій скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство Пиндаровой оды, былъ признанъ европейскими поэтами однимъ изъ существенныхъ элементовъ оды. Правила о такъ называемыхъ „трехъ единствахъ“—времени, мѣста и дѣйствія, бывшія основными законами классической драмы, образовались изъ характера театральныхъ греческихъ представленій, которыя происходили на одномъ мѣстѣ, съ одной обстановкой, и не допускали частой перемѣны декорацій, изображая соприкосновенныя съ главнымъ дѣйствіемъ событія, совершающіяся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не посредствомъ сценъ, или дѣйствій, а посредствомъ разсказовъ вѣстниковъ. Эти правила сдѣлались непреложными законами и для новой европейской драмы. Въ подражаніе разсказамъ классическихъ вѣстниковъ въ ней явились разсказы „наперсниковъ и наперсницъ“ и длинные разговоры съ ними героевъ и героинь. Такимъ образомъ многія свойства греческой поэзіи, имѣвшія мѣстный и національный характеръ, были признаны основными и существенными чертами всякой поэзіи вообще; національныя формы греческаго эпоса, лирики и драмы—единственно возможными формами, такъ что, если у какого-нибудь народа являются эпосъ, лирика и драмы, то они должны быть именно такими, какими были у грековъ. По формамъ греческой и отчасти римской поэзіи составилась и теорія классической поэзіи: по поэмамъ Гомера и Виргилія—теорія эпической поэмы; основнымъ свойствомъ ея былъ признанъ чудесный элементъ, который заимствовался изъ греческой миѳологіи и героической легенды; по одамъ Пиндара и Горація—теорія оды, неизмѣнными частями которой считались приступъ, предложеніе, изложеніе, пареніе, или лирическій безпорядокъ и заключеніе; по трагедіямъ Эсхила, Софокла и Еврипида—теорія драмы и трагедіи, существеннымъ пунктомъ которой были правила о трехъ единствахъ.

Но тѣ пріемы и формы, которые совершенно умѣстны были въ греческой поэзіи, какъ выродившіеся изъ греческихъ вѣрованій, греческой народной жизни, совершенно не умѣстны были въ европейской христіанской поэзіи, развившейся изъ новыхъ христіанскихъ началъ, и должны были сообщить ей ложный характеръ. Между тѣмъ, подражаніе не ограничивалось одними формами. Вмѣстѣ съ формами, изъ греческой и римской поэзіи часто заимствовалось и содержаніе. Сюжеты для драмъ и трагедій европейскіе поэты весьма часто брали изъ греческой и римской миѳологіи и героической легенды, изъ греческой и римской исторіи, а иногда и просто передѣлывали классическія драмы. При этомъ неизбѣжно, къ античнымъ воззрѣніямъ примѣшивались черты новаго христіанскаго міросозерцанія и новыхъ европейскихъ нравовъ и обычаевъ. Древніе, греческіе и римскіе, герои въ новой классической драмѣ не только являлись въ костюмахъ европейскихъ, но и говорили новымъ европейскимъ слогомъ и выражали новыя мысли и чувствованія. Въ другихъ родахъ, эпическомъ и лирическомъ, заимствованія изъ классической поэзіи дѣлались рѣже; но и въ поэмѣ и одѣ сюжеты, взятые изъ національной исторіи, и въ комедіи и сатирѣ явленія изъ современной жизни обработывались также по формамъ классическимъ; національнымъ героямъ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса, въ Потерянномъ раѣ Мильтона, въ Генріадѣ Вольтера придавали характеры Агамемнона, Энея, Ахиллеса, Гектора и другихъ героевъ Иліады или Одиссеи; герои въ одахъ изображались по идеаламъ Горація; въ сатирахъ и комедіяхъ также часто встрѣчаются греко-римскія воззрѣнія. При такомъ направленіи, въ томъ и другомъ случаѣ, и классическіе сюжеты и національные получали одинаково ложное освѣщеніе. Все это сообщало новой поэзіи ложный характеръ. Классическая по формамъ и часто по сюжетамъ, она является не согласною съ классическою жизнію древнихъ народовъ, и потому совершенно справедливо названа „ложно-классическою“.

Такое ложно-классическое направленіе въ европейскихъ литературахъ начало развиваться еще съ эпохи Возрожденія наукъ. Подражаніе древнимъ литературамъ, естественно, должно было явиться прежде всего въ Италіи, гдѣ связь съ древнимъ образованіемъ никогда совсѣмъ и не прерывалась. Изъ Италіи оно перешло во Францію и въ ней особенно утвердилось. Здѣсь, на основаніи ложно понятыхъ греческихъ и римскихъ образцовъ и піитики Аристотеля, составилась та теорія „ложнаго классицизма“, которая такъ долго господствовала во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Первыми писателями въ этомъ направленіи, давшими

первые образцы новой классической поэзіи, были въ области эпической поэзіи Ронсаръ (1524—1585), написавшій поэму Франсіаду, въ драматической поэзіи—Жодель (1532—1573), положившій начало классической драмѣ своей трагедіей Клеопатра, въ лирической—Франсуа Малербъ (1556—1628), давшій образцы подражательной французской лирики. Но высшаго развитія это направленіе достигло въ XVII в., при Людовикѣ XIV, когда Корнель (1606—1684), Расинъ (1639—1699) и Мольеръ (1622—1673) во всемъ свѣтѣ особенно прославили французскую драму, а Буало (1636—1711) изложилъ правила классической теоріи въ своей „L'Art poétique", сдѣлавшейся законодательнымъ кодексомъ для всѣхъ европейскихъ литературъ. Такое быстрое развитіе классической поэзіи во Франціи зависѣло, между прочимъ, и отъ политическаго состоянія этого государства. Желая окончательно подавить феодализмъ и утвердить господство монархическаго начала, французскіе короли вздумали воспользоваться пробудившимся тогда стремленіемъ къ изученію классическихъ литературъ, чтобы оторвать французское общество отъ средневѣковыхъ феодальныхъ преданій и направить къ совершенно другимъ интересамъ античнаго міра. Они приняли подъ свое покровительство изученіе древнихъ литературъ, поощряли ученыхъ и поэтовъ, подражавшихъ древнимъ поэтамъ. Но поступивши подъ покровительство двора, поэзія неизбѣжно сама должна была сдѣлаться придворною и, измѣнивъ свой характеръ, получила придворный колоритъ. Чтобы поэтическія произведенія могли быть достойны вниманія двора, поэты должны были выводить въ нихъ только высокія лица, боговъ, героевъ, царей, полководцевъ. Выведенныя лица должны были вести себя, разсуждать и говорить, сообразно съ установившимися при дворѣ приличіями, сообразно съ придворнымъ этикетомъ, придворными правилами и обычаями. Отсюда развился тотъ педантическій пуризмъ, по которому древнихъ классическихъ героевъ нужно было облагороживать; древнія классическія произведенія вычищать и передѣлывать, исключая изъ нихъ все, что представлялось грубымъ и неприличнымъ съ точки зрѣнія придворной. Наконецъ, чтобы заслужить вниманіе двора, поэты стали прибѣгать къ придворнымъ средствамъ—къ раболѣпству и лести. Отсюда развился въ поэзіи тотъ хвалебный и раболѣпный тонъ, который составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ особенно классической поэмы и оды.

Внесеніе ложно-классическаго направленія въ русскую литературу. Россія съ классическимъ образованіемъ и литературой начала знакомиться еще до реформы Петра. Въ кіевской и московской академіяхъ уже преподавались реторика и піитика,

составленныя по классическимъ руководствамъ Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, изучались греческіе и латинскіе поэты, ораторы и историки, сочинялись разнаго рода рѣчи и писались стихотворенія (Симеономъ Полоцкимъ, Сильвестромъ Медвѣдевымъ и др.). Но такъ какъ образованіе въ этихъ академіяхъ было направлено къ религіознымъ цѣлямъ и потому имѣло характеръ религіозно-церковный, то изъ формъ классической литературы были приняты и усвоены преимущественно тѣ, которыя всего болѣе подходили къ общему складу образованія и могли содѣйствовать религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Поэтому, въ эпической поэзіи вошли въ употребленіе поэмы разнаго рода, въ лирической духовныя оды, псалмы и канты, въ драматической— духовныя драмы или мистеріи. Изъ другихъ родовъ литературы особенно развилось духовное краснорѣчіе, въ формѣ проповѣди. Съ половины XVII в., какъ указано выше, начали появляться произведенія литературъ европейскихъ, какъ-то: Римскія дѣянія, рыцарскія повѣсти о Мелюзинѣ, о Петрѣ—Златыхъ ключахъ и Бовѣ Королевичѣ, жарты и фацеціи; но они переходили къ намъ не прямо, а чрезъ Польшу и въ польскихъ переводахъ и передѣлкахъ. Настоящее знакомство съ европейскими литературами началось послѣ реформы Петра, когда образованіе получило новое направленіе и новый характеръ. Первыми писателями, которые начали знакомить русскую литературу съ господствовавшимъ въ европейскихъ литературахъ классическимъ направленіемъ, были Кантемиръ и Тредьяковскій; но окончательное утвержденіе его въ русской литературѣ принадлежитъ Ломоносову и Сумарокову, которые представили лучшіе по тому времени образцы въ разныхъ литературныхъ формахъ этого направленія.

Такъ начала развиваться новая русская поэзія и литература. Настоящее самостоятельное значеніе она получила, впрочемъ, не скоро. Она долго не отдѣлялась отъ ученой или умственной дѣятельности вообще и составляла къ ней придатокъ и украшеніе. Правительство смотрѣло на поэзію, какъ на декорумъ, необходимый при придворныхъ и другихъ торжественныхъ праздникахъ, по случаю побѣдъ, дней рожденій, тезоименитствъ, бракосочетаній. Придворные сановники, богатые и знатные люди, смотрѣли на нее, какъ на предметъ пріятныхъ развлеченій въ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время. Сами поэты и литераторы долго не придавали ей надлежащаго значенія. Кантемиръ въ „Письмѣ къ пріятелю“, которое онъ приложилъ, въ видѣ предисловія, къ своимъ стихотвореніямъ, замѣчаетъ, что, вступая въ новую должность (посланника), онъ не имѣлъ времени „къ такому дѣлу (т. е. поэзіи), къ которому только въ лишніе часы прилежать дозволено“. Самъ Ломоносовъ допускалъ значеніе поэзіи только въ формѣ

оды и эпопеи, для прославленія великихъ людей и знаменитыхъ событій, и почти никакого значенія не придавалъ драматическому роду, Сумарокова за сочиненіе драмъ и комедій называлъ комедіантомъ, и вообще смѣялся надъ его литературными занятіями, называя его стихотворныя произведенія „бѣднымъ риѳмичествомъ". Державинъ, восхваляя импер. Екатерину за покровительство поэзіи и поэтамъ, говорилъ ей:

«Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ».

Даже Фонъ-Визинъ, въ своей „Челобитной къ Россійской Минервѣ отъ русскихъ писателей", выражаетъ тотъ же взглядъ на литературу, по которому она считалась не трудомъ важнымъ и полезнымъ, а „пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга", свободные отъ службы, какъ главнаго дѣла въ жизни, и потому проситъ „Россійскую Минерву" допустить русскихъ писателей на государственную службу, какъ людей, желающихъ приносить пользу своему отечеству. Сообразно съ такими воззрѣніями на поэзію и литературу, и самимъ поэтамъ и литераторамъ не отдавали должнаго значенія. Имъ приказывали, давали на срокъ, какъ какимъ-нибудь ремесленникамъ, написать стихи на какой-нибудь торжественный случай, на иллюминацію по поводу какого-нибудь праздника. Импер. Елисавета назначала Ломоносову и Тредьяковскому сочинять даже трагедіи для придворнаго театра. Личность самихъ поэтовъ такъ не высоко стояла въ обществѣ, что ихъ могли оскорблять не только бранными словами, но и дѣйствіемъ. Извѣстно, что вельможа Волынскій нѣсколько разъ билъ палкой Тредьяковскаго за то, что онъ не вдругъ явился на его требованіе сочинить шуточные стихи, по случаю шутовской свадьбы въ Ледяномъ домѣ. При такомъ положеніи литературы и писателей, очень понятно стремленіе поэтовъ искать себѣ защитниковъ и покровителей—меценатовъ. Безъ защиты и покровительства Разумовскаго, Шувалова, Воронцова, Панина, Орловыхъ, Потемкина и самой импер. Екатерины II не могли бы такъ свободно писать ни Ломоносовъ, ни Державинъ, ни Фонъ-Визинъ. Такой взглядъ на поэзію и поэтовъ перешелъ къ намъ также изъ европейскихъ литературъ и особенно изъ французской литературы. Во французскую же литературу онъ перешелъ изъ римской литературы. Подражая классическимъ литературамъ, французы брали во многомъ за образецъ не греческую, а римскую литературу, и усвоили римскіе литературные нравы, какіе господствовали въ Римѣ въ эпоху Августа. Въ Римѣ же, какъ извѣстно, по-

эзія совсѣмъ не имѣла того высокаго первенствующаго значенія, какимъ она, вмѣстѣ съ философіей и наукой, пользовалась въ Греціи. Философія въ Греціи преподавалась публично, на городскихъ площадяхъ или въ портикахъ; въ Римѣ же она, какъ и всякая наука, находила пріютъ въ загородныхъ виллахъ богатыхъ и знатныхъ людей, подобныхъ Меценату, Азинію Полліону и др. Драмы и комедіи въ Греціи сначала представлялись на открытыхъ мѣстахъ, а потомъ въ огромныхъ театрахъ; у римлянъ, напротивъ, строились огромные цирки для конскихъ ристаній, травли звѣрей и боя гладіаторовъ; драмы же и комедіи представлялись на театрахъ гораздо рѣже, а большею частію читались также въ домахъ знатныхъ людей, любителей поэзіи, на домашнихъ собраніяхъ. Поэтовъ, ораторовъ и ученыхъ людей въ Греціи награждалъ народъ, раздавая лавровые вѣнки послѣ театральныхъ представленій, или на общественныхъ играхъ, олимпійскихъ, немейскихъ, истмійскихъ; въ Римѣ же ученые, поэты и писатели находили одобреніе у награду у меценатовъ—любителей и покровителей науки и литературы. На занятія наукой и литературой въ Римѣ смотрѣли какъ на пріятное и благородное развлеченіе въ часы досуга отъ дѣлъ частныхъ и общественныхъ. Это занятіе и называлось „otium" и противополагалось „negotium". Къ цѣли отдыха и развлеченія, при занятіяхъ литературныхъ, прибавлялась только одна серьезная цѣль—примѣшивать, по возможности, къ пріятному полезное. „Omne tulit punctum", говорилъ Горацій въ посланіи De arte poëtica, „qui miscuit utile dulci". А это „utile" въ поэзіи было наставленіе, посредствомъ осмѣянія разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни и посредствомъ изложенія при этомъ нравственныхъ правилъ, употреблявшееся въ дидактическихъ посланіяхъ и особенно въ сатирѣ, о которой, поэтому, и говорилось, что она „ridendo castigat mores". На основаніи этого воззрѣнія развилось въ римской литературѣ дидактическое направленіе, перешедшее изъ нея въ европейскую классическую литературу, а потомъ и въ нашу литературу. Дидактизмъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ и въ нашей новой литературѣ, во время господства въ ней ложно-классическаго направленія, отъ начала ея до Карамзина.

Что касается, наконецъ, значенія ложно-классическаго направленія, то внесеніе его въ русскую литературу, какъ извѣстно, считается большимъ несчастіемъ, потому что оно съ самаго начала поставило ее на ложный путь и, утвердивъ въ ней рабскую подражательность иностраннымъ литературамъ, на долго задержало ея національное развитіе. Вслѣдствіе этого, въ эпоху художественной эстетической критики, весь періодъ этой подражательной литературы находили недостойнымъ серьезнаго внима-

нія и изученія. Но ложно-классическое направленіе, по самому историческому ходу развитія европейскихъ государствъ, какъ мы видѣли, сдѣлалось необходимою ступенью въ ихъ развитіи, которую миновать было совершенно невозможно и для Россіи, стремившейся усвоить просвѣщеніе: этимъ направленіемъ проникнуты были всѣ литературы, съ которыми она должна была познакомиться. Правда, въ произведеніяхъ европейскихъ литературъ, которыя подражали древнимъ литературамъ, было, какъ указано выше, весьма много недостатковъ; но, при этихъ недостаткахъ, въ нихъ въ тоже время было много и общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ, добытыхъ какъ древнеклассическимъ образованіемъ, такъ и новою европейскою наукою. Россія непремѣнно должна была усвоить эти образовательные элементы, хотя они заключались въ несовершенныхъ подражательныхъ формахъ. Съ другой стороны, какъ въ произведеніяхъ ложно-классическихъ европейскихъ литературъ, въ разсказахъ, взятыхъ изъ греческой миѳологіи, или греческой легенды, ясно просвѣчивали современные европейскіе нравы, и классическіе герои и героини высказывали современныя европейскія идеи и стремленія, такъ и въ подражательныхъ произведеніяхъ русской литературы перваго періода, при заимствованныхъ формахъ, а часто и содержаніи, нельзя не видѣть русскаго духа и характера. Начиная съ сатиръ Кантемира, въ чужія формы вставляются картины русскихъ нравовъ, и чѣмъ далѣе идетъ развитіе литературы, тѣмъ болѣе и болѣе является въ ней народныхъ элементовъ. Наконецъ, въ этой же подражательной русской литературѣ развивается и протестъ противъ подражательности всему иностранному и особенно французскому и возбужденіе къ самостоятельному и національному развитію. Все это сообщаетъ нашей новой литературѣ перваго періода чрезвычайно важное историческое значеніе. При изученіи ея мы можемъ прослѣдить весь путь развитія русскаго образованія со времени реформы, на новыхъ европейскихъ началахъ, отъ первыхъ его шаговъ до того времени, когда оно пріобрѣтаетъ болѣе твердую и болѣе самостоятельную почву.

СОЧИНЕНІЯ А. Д. КАНТЕМИРА.

Воспитаніе и образованіе Кантемира. Первые опыты въ новой русской поэзіи и художественной литературѣ принадлежатъ человѣку не русскому по происхожденію, хотя и получившему свое образованіе въ Россіи ([1]). Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ

([1]) Полное изданіе сочиненій Кантемира сдѣлано П. А. Ефремовымъ: Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антіоха Кантемира т. 1 и 2. Спб.

(род. въ Константинополѣ 1708, ум. въ Парижѣ 1744 г.) былъ сынъ молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, переселившагося въ Россію послѣ Прутскаго похода въ 1711 г.; мать его была гречанка, княгиня Смарагда Кантакузена, изъ рода греческихъ императоровъ. Первымъ домашнимъ учителемъ Кантемира былъ греческій священникъ, Анастасій Кондоиди (въ послѣдствіи Аѳанасій, епископъ Вологодскій), учившій его языкамъ, греческому, латинскому и итальянскому. Преобладаніемъ греческаго элемента въ семьѣ Кантемира объясняется то, что Кантемиръ, будучи только 10 лѣтъ, въ Московской академіи, въ присутствіи Петра В. произнесъ на греческомъ языкѣ похвальное слово ангелу своего отца, св. Дмитрію Солунскому. Русскому языку училъ Кантемира воспитанникъ московской академіи Иванъ Ильинскій, бывшій потомъ переводчикомъ при Академіи наукъ. Отъ него Кантемиръ усвоилъ силлабическій размѣръ, которымъ и началъ писать свои стихотворенія. Подъ его же, вѣроятно, вліяніемъ и руководствомъ, Кантемиръ составилъ симфонію на Псалтырь, изданную въ 1727 г.; Ильинскій самъ занимался составленіемъ симфоніи на четыре Евангелія и Дѣянія апостольскія, напечатанной въ 1733 г. Послѣ домашняго образованія, Кантемиръ учился нѣсколько времени въ московской академіи, а по открытіи Академіи наукъ, въ академической гимназіи, гдѣ слушалъ математику у академика Бернулли, физику у Бюльфингера, философію у Гросса. Главнымъ источникомъ образованія для Кантемира служили произведенія греческихъ и римскихъ писателей, и особенно сочиненія любимаго его поэта Горація; изъ наукъ же всего болѣе ему нравилась бывшая тогда въ модѣ нравственная философія. Вмѣстѣ съ дидактической лирикой Горація, она преимущественно развила и укоренила въ немъ то дидактическое направленіе, которое составляетъ отличительную черту его сочиненій.

Служебная дѣятельность Кантемира. Начало служебной и литературной дѣятельности Кантемира относится къ царствованію Петра II, когда при дворѣ возвысилась русская партія,

1867—68 г. въ 2 томахъ. Въ предисловіи къ этому изданію указаны прежнія изданія въ 1762, въ 1836, изданіе Смирдина въ 1848 г. При изданіи Ефремова приложена статья В. Я. Стоюнина, въ которой представленъ обстоятельный обзоръ жизни и сочиненій Кантемира. Избранныя сочиненія Кантемира, съ біографіей и указаніемъ всѣхъ статей о немъ, издан. Перевлѣсскимъ въ 1849 г. Изслѣдованія о сатирахъ: В. А. Жуковскаго: О сатирѣ и сатирахъ Кантемира, сочин. т. VI; Галахова въ XI № Отеч. Зап. 1848 г. и Дудышкина въ XI № Современника того же года.

во главѣ которой стояли Долгорукіе и Голицыны; но не русскій по происхожденію и воспитанный хотя въ Россіи, но по началамъ европейскаго образованія, Кантемиръ не могъ сочувствовать этой партіи, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ ея торжества, онъ, какъ и другіе, опасался гоненій на реформы и возвращенія старыхъ порядковъ; онъ сталъ на сторону новой, или иностранной партіи, во главѣ которой находились Остерманъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Сочувствіе Кантемира къ этой партіи вполнѣ выразилось въ его первой сатирѣ „На хулящихъ ученіе", которая была написана противъ враговъ реформы и новаго образованія, и въ которой самыя рѣзкія насмѣшки были направлены противъ монашества, считавшагося главнымъ противникомъ реформы, съ яснымъ указаніемъ на главнаго его представителя и личнаго врага Прокоповича, Ростовскаго архіеп. Георгія Дашкова. Прокоповичъ и вся новая партія приняла сатиру Кантемира съ восторгомъ; Прокоповичъ написалъ ему привѣтственные стихи, въ которыхъ назвалъ его рогатымъ пророкомъ:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Подобное же привѣтствіе въ латинскихъ стихахъ написалъ Кантемиру другой сторонникъ реформы, новоспасскій архимандритъ, Ѳеофилъ Кроликъ (¹). Ободренный ихъ похвалами, Кантемиръ сталъ продолжать писать сатиры, которыя сдѣлали имя его популярнымъ въ обществѣ, какъ защитника наукъ. Между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое должно было выдвинуть его впередъ и на служебномъ поприщѣ. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Верховный Совѣтъ вздумалъ ограничить права ея самодержавія; но дворянство подало адресъ императрицѣ съ просьбою царствовать самодержавно; адресъ этотъ составляли Татищевъ и Кантемиръ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что Кантемиръ такъ скоро возвысился на служебномъ поприщѣ; 22 лѣтъ онъ былъ назначенъ резидентомъ при посольствѣ въ Англіи. Исполняя обязанность резидента въ Лондонѣ, Кантемиръ прилежно занимался чтеніемъ книгъ, переводилъ пѣсни

(¹) Сочин. Кантемира изд. Ефремова, т. 1, 22—24.

Анакреона, оды и посланія Горація, исторію Іустина и др. Въ 1738 г. Кантемиръ былъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ [1]. Здѣсь онъ познакомился съ Монтескье, и перевелъ его „Персидскія письма", съ Мопертюи, подъ руководствомъ котораго написалъ книгу объ алгебрѣ, и Фонтенелемъ, книга котораго „О множествѣ міровъ" была также имъ переведена. При такой любви къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ, Кантемиръ могъ написать очень много сочиненій и сдѣлаться знаменитымъ русскимъ писателемъ; но, къ сожалѣнію, частыя непріятности по службѣ скоро разстроили его слабое отъ природы здоровье, и онъ умеръ въ 1744 г. на 36 г. отъ роду.

Значеніе Кантемира въ исторіи новой русской литературы. Въ исторіи литературы Кантемиръ занялъ мѣсто, какъ сатирикъ, положившій своими сатирами начало новой русской поэзіи и въ частности литературѣ сатирической. Объясняя появленіе новой русской поэзіи въ такой формѣ, какой у другихъ народовъ заканчивается развитіе поэзіи, обыкновенно говорятъ, что такой именно формы требовало тогдашнее состояніе русскаго общества, состояніе борьбы невѣжества съ возникавшимъ просвѣщеніемъ, старой жизни съ новою. когда прежнія начала жизни совершенно поколебались, а новыя еще не выработались, и когда, вслѣдствіе этого, явилось безобразное смѣшеніе старины и новизны, старыхъ понятій, нравовъ и обычаевъ съ новыми понятіями, приводившее русское общество къ такой безпорядочной жизни, что она, естественно, должна была вызвать противъ себя самое рѣзкое порицаніе и осужденіе со стороны умныхъ и благонамѣренныхъ людей. При такомъ воззрѣніи, литературная дѣятельность Кантемира представляется въ тѣсной связи съ дѣятельностію писателей петровской эпохи и является съ одной стороны ея продолженіемъ, а съ другой—дальнѣйшимъ шагомъ впередъ. Задачею литературы петровской эпохи было—опровергать старыя понятія и доказывать необходимость разныхъ реформъ и европейскаго образованія; эту задачу должны были преслѣдовать и писатели послѣ Петра, потому что и послѣ Петра еще долго существовала оппозиція противъ реформы и много было противниковъ новаго образованія и новыхъ порядковъ; но эта задача должна была расшириться, или лучше, къ ней должны были присоеди-

---

[1] Смотр. статьи В. Я. Стоюнина: «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ». Вѣстн. Европы 1867; т. I и II. «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ» Вѣстн. Европы 1880; т. IV.

ниться еще новыя задачи. Явилась потребность не просто доказывать и защищать необходимость реформъ и европейскаго образованія, но еще руководить русское общество при ихъ усвоеніи, объяснять, въ чемъ должно заключаться новое образованіе. Большинство русскихъ людей поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ, какъ умѣнье одѣваться и жить по европейски, пользоваться всѣми удобствами и пріятностями жизни, добытыми европейскою наукою и цивилизаціей, нисколько не заботясь объ усвоеніи самой науки и цивилизаціи. При этомъ, стараясь сдѣлаться европейцами, стали съ презрѣніемъ относиться ко всему отечественному, перенимая европейскіе обычаи, бросили всѣ благочестивые русскіе обычаи, вмѣсто хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки, и наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего роднаго языка. Такое положеніе дѣла не представляло ничего отраднаго: вмѣсто прежняго невѣжества развилось лжепросвѣщеніе, вмѣсто одного зла усиливалось другое, еще большее зло. Старая партія, естественно, находила въ этомъ сильнѣйшее побужденіе возставать противъ реформы вообще. Литература обязана была остановить такое извращеніе европейскаго образованія; она должна была объяснить русскому обществу, что европейское образованіе состоитъ не во внѣшности, что его нельзя надѣть на себя снаружи, какъ надѣвали европейскій костюмъ; что если смѣшнымъ кажется человѣкъ, надѣвшій чужое платье, сшитое не по его росту и сложенію, то еще смѣшнѣе становится русскій человѣкъ, когда старается влѣзть въ кожу иностранца; что въ европейской цивилизаціи у каждаго народа весьма многое образовалось чисто изъ національныхъ потребностей, обусловливаемыхъ религіозными вѣрованіями, политическими учрежденіями, климатомъ и другими особенностями страны и ея географическимъ положеніемъ, и слѣд. не можетъ быть свойственно русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ условіяхъ; что въ европейскихъ нравахъ и обычаяхъ есть много и нехорошихъ сторонъ, отъ которыхъ желали бы освободиться и сами европейцы, и которыя, слѣдовательно, усвоивать совсѣмъ не слѣдуетъ. Литература должна была объяснить, въ чемъ именно заключается настоящее просвѣщеніе, что и какъ изъ европейскаго просвѣщенія можетъ быть перенесено на русскую почву и усвоено русскому народу, безъ уничтоженія его національности, безъ неестественнаго и слѣд. совершенно невозможнаго превращенія русскаго человѣка въ иностранца. Ясное представленіе объ этихъ задачахъ возникло въ литературѣ, разумѣется, не вдругъ, но развивалось постепенно, въ продолженіе всего послѣдующаго періода. Не могъ вполнѣ сознавать ихъ и Кантемиръ, которому, какъ

не русскому по происхожденію, не приходило, вѣроятно, и на мысль заботиться о сохраненіи національныхъ элементовъ русскихъ при образованіи; но ему принадлежитъ честь, что онъ первый поднялъ вопросъ объ истинномъ просвѣщеніи, хотя въ общихъ чертахъ, на общечеловѣческихъ началахъ. Въ его сатирахъ, вмѣстѣ съ осмѣяніемъ невѣжества и лжепросвѣщенія, мы находимъ стремленіе объяснить, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе и какова должна быть жизнь людей образованныхъ.

Содержаніе и характеръ сатиръ Кантемира. Кантемиръ написалъ 9-ть сатиръ; 6-ть изъ нихъ написаны еще до отъѣзда за границу, остальныя три уже за границей. Образцемъ сатиры въ классической поэзіи служила римская и французская сатира; этимъ образцемъ руководствовался и Кантемиръ. Онъ называетъ свои сатиры „топтаніемъ слѣдовъ“ Горація, Ювенала и Буало и въ своихъ примѣчаніяхъ и предисловіяхъ къ сатирамъ отдѣльно указываетъ, что у какого сатирика заимствовано. „Я въ сочиненіи своихъ сатиръ, говоритъ онъ, наипаче Горацію и Буалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Это значитъ, что Кантемиръ бралъ у названныхъ сатириковъ сатирическіе пріемы и формы сатиръ и въ заимствованныя формы вставлялъ картины русской жизни; впрочемъ, вмѣстѣ съ формами, онъ заимствовалъ не рѣдко и понятія и правила жизни, предписываемыя въ сатирахъ.

Первая сатира „Къ уму своему“ или „На хулящихъ ученіе“ написана Кантемиромъ въ 1729 г. по подражанію сатирѣ Буало: A son esprit. Въ этой сатирѣ Буало, подъ видомъ нападеній на свой умъ, нападаетъ на разныхъ невѣждъ своего времени. Подобно этому и Кантемиръ въ своей сатирѣ обращается къ своему уму и проситъ его успокоиться и не понуждать къ перу его руки, потому что авторство есть самый трудный путь къ славѣ, а потомъ изображаетъ разныхъ противниковъ науки.

«Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!
Не писавъ лѣтящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги.
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мрамормами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду».

Послѣ этого обращенія къ уму, которое составляетъ предисловіе къ сатирѣ, выводятся разные противники науки, возстающіе противъ нея подъ разными предлогами. Первымъ противникомъ представленъ ханжа Критонъ, вооружающійся противъ науки подъ тѣмъ предлогомъ, будто наука вредитъ религіи.

«Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину».

Но изъ тѣхъ фактовъ, на которые далѣе указываетъ Критонъ, видно, что онъ религію, или вѣру и благочестіе, поставлялъ, главнымъ образомъ, въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ. Въ лицѣ другаго противника науки, Сильвана, представленъ скупой дворянинъ, который не имѣетъ никакихъ другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ приращенія доходовъ и, не понимая истиннаго значенія науки, возстаетъ противъ нея потому, что не видитъ отъ нея никакой практической пользы.

«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ.
Живали мы прежъ сего, не зная латинѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ.
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
. . . .
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
. . . .
Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врачь ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезъ мѣру

Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ».

Третій противникъ науки, веселый гуляка и кутила Лука жалуется на науку, что она удаляетъ человѣка отъ общества и не позволяетъ ему наслаждаться жизнью.

«Наука содружество людей разрушаетъ.
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишусь?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати»....

Въ лицѣ четвертаго противника, Медора, представленъ типъ тѣхъ людей, которые поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ и полагали его въ модномъ платьѣ, прическѣ, въ манерахъ обращенія и пр.

«Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри.
Не смѣнитъ на Сѐнеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону похвала достоитъ».

Представивъ главныхъ противниковъ науки, Кантемиръ наконецъ дѣлаетъ общій взглядъ на положеніе науки въ русскомъ обществѣ, и находитъ, что она еще далеко не получила въ немъ настоящаго мѣста и значенія, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ быть наукѣ, вмѣсто науки господствуетъ еще невѣжество.

«Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая высша степень мзда ужъ не велика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика».

Вторая сатира „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ написана, по словамъ Кантемира, съ тою цѣлію, чтобы „обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благонравія, однимъ благородіемъ хвастаютъ“ и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ низшаго въ знатное достоинство происходятъ. Эту зависть возбудила въ дворянахъ петровская табель о рангахъ, по которой личныя достоинства и заслуги были поставлены выше наслѣдственныхъ дворянскихъ титуловъ и заслугъ предковъ, вслѣдствіе чего и люди не дворянскаго происхожденія достигали высшихъ чиновъ и должностей въ государствѣ. Разговорная форма сатиры между Филаретомъ (любителемъ добродѣтели) и Евгеніемъ (благороднымъ, или дворяниномъ) заимствована изъ 9-й сатиры Ювенала или 3-й сатиры Буало. Евгеній жалуется Филарету, что люди низкаго происхожденія возвышаются и предпочитаются ему, тогда какъ предки его были знатны „уже въ царство Ольги“.

«... .Кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ»; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ (1);
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны».

Отвѣчая на эту жалобу, Филаретъ говоритъ, что право на возвышеніе и награду имѣютъ только трудъ, заслуга и добродѣтель, что слѣд. тотъ, кто не отличается никакими добродѣтелями,

(1) Намекъ на князя Меншикова, который будто бы въ молодости продавалъ подовые пироги.

не можетъ и требовать себѣ никакого почета и награжденія, хотя бы онъ происходилъ отъ знаменитыхъ предковъ.

.... «Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель,
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собою враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
. . . .
Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво, ему; отречется трожжи.
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Иль благороднымъ быть»...(1).

Желая какъ можно нагляднѣе представить эту разность, Кантемиръ рисуетъ слѣдующую параллель между трудовою жизнью знаменитыхъ предковъ и лѣнивою и распущенною жизнью потомковъ:

«Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны;
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны;
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
. . . .
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, сжидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,

(1) Сочин. I, 36—40.

Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
. . . .
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый» (1).

Переходя отъ такихъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ людей къ возвысившимся изъ низкаго рода современникамъ, которые возбудили въ Евгеніи зависть, Филаретъ говоритъ:

«Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства старостью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ твой родъ начали
Твои предки, когда Русь Греки крестить стали.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ сталея,
Но первый съ предковъ твоихъ, что дворяниномъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ Туллій былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.
Ное въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ;
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе,
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе» (2).

Третья сатира „О различіи страстей человѣческихъ“ написана въ формѣ посланія къ Ѳеофану Прокоповичу. Въ ней изображены типы разныхъ страстей и пороковъ, подъ вымышленными именами скупца Хризиппа, мота Клеарха, любопытнаго Менандра, лицемѣрнаго богомола Варлама, льстеца и угодника вельможъ Фоки, самолюбиваго и тщеславнаго Гликона, пьяницы Клитеса, гордеца Иркана, льстеца Трофима, подозрительнаго и трусливаго Невія, завистливаго Зоила. При изображеніи этихъ

(1) Сочин. I, 32—42.—(2) Сочин. I, 50.

типовъ Кантемиръ подражалъ греческому писателю, Ѳеофрасту, и французскому, Лабрюйеру, которые, по его словамъ, „оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ". Кромѣ того, въ этой сатирѣ есть подражаніе Горацію (при изображеніи скупаго) и Ювеналу.

Четвертая сатира составлена по подражанію VII-й сатирѣ Буало. Подобно Буало, Кантемиръ въ ней обращается „къ музѣ своей" и даетъ ей обѣщаніе не писать больше сатиръ на злонравныхъ, но, послѣ нѣкотораго размышленія, находитъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, что кромѣ сатиры, онъ не способенъ ни къ какому другому роду сочиненій, а къ ней чувствуетъ призваніе, и, разсуждая такимъ образомъ, изображаетъ при этомъ разные пороки людей.

Пятая сатира „На человѣческія злонравія вообще" имѣетъ форму разговора между Періергомъ (любопытнымъ) и сатиромъ. Панъ, лѣсной богъ и начальникъ сатировъ, чрезъ каждыя три лѣта, разсылаетъ по нѣскольку изъ нихъ, во всѣ краи свѣта, для наблюденія надъ нравами и дѣлами людей; по возвращеніи сатиры разсказываютъ пану обо всемъ, что они видѣли. Въ сатирѣ представленъ одинъ изъ такихъ сатировъ, который долго жилъ у разныхъ людей и разсказываетъ Періергу о разныхъ страстяхъ, порокахъ и глупостяхъ человѣческихъ, какія привелось ему видѣть. Между прочимъ, изображается слѣдующая картина пьянаго города.

«Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитой.
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что спитъ, какъ убитой,
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ,
Было, народъ и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ,
Чаялъ, что моръ у васъ былъ, да не пахнетъ стервомъ
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самихъ ины подымаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всѣ пьяны».

Пораженный такимъ безобразнымъ явленіемъ, сатиръ спросилъ одного старца о его причинѣ. Старецъ ему отвѣчалъ: благочестивые предки наши установили, чтобы въ нѣкоторые дни въ году люди прекращали свои работы и проводили ихъ въ служеніи Богу и въ дѣлахъ благочестія; но этотъ уставъ люди совершенно извратили.

«Точно исполняется одна часть закона:
Всяку работу кинетъ отъ вечерня звона
И тотъ самый, чья жена и малыя дѣти,
Наги уже вмѣстѣ съ нимъ должны гладъ терпѣти.
Впрочемъ, церковь иль пуста, иль полна однѣми,
Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
Которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно.
. . . .
День весь въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ летаетъ.
Праздность бо взноситъ въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
Намъ въ трудахъ, и пудитъ къ злу, какъ коня въ бѣгъ жало.
Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю» (¹).

Седьмая сатира „О воспитаніи“ написана въ формѣ посланія къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Она составляетъ подражаніе XIV-й сатирѣ Ювенала. Въ ней Кантемиръ доказываетъ, что отсутствіе воспитанія, или дурное воспитаніе служитъ причиною развитія въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, страстей и пороковъ, и потому совѣтуетъ обращать на воспитаніе особенное вниманіе и излагаетъ для того нѣкоторыя правила.

. . . . . «То одно я знаю,
Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю
Землю свою—обростетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанетъ.
Каково бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта.
. . . .
Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло» (²).

Особенно сильное вліяніе на дѣтей имѣютъ примѣры другихъ, или среда, въ которой они воспитываются.

. . . . . «Часто дѣти были бы честнѣе,
Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
. . . .

(¹) Сочин. I, 104, 110—111.—(²) Соч. I, 150—151.

. . . Полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ поуши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ.
. . . .
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ,
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ силы
Будетъ важной, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою» (1).

Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира. Подвергая осмѣянію и осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки, глупости и пороки, Кантемиръ въ тоже время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая идеалъ счастливой жизни и образецъ нравственной дѣятельности, приводящей къ такой жизни. Идеалъ счастливой жизни нарисованъ въ VI-й сатирѣ „О истинномъ блаженствѣ“.

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ,
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно;
Желанія всѣ мои крайни составляетъ» (2).

Съ этимъ идеаломъ счастливой жизни тѣсно связывается и образецъ нравственной дѣятельности, изображенный въ VIII-й сатирѣ: „На безстыдную нахальчивость“. Для того, чтобы находить счастіе въ довольствѣ малымъ, надобно во всѣхъ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ соблюдать умѣренность, ни въ чемъ не

---

(1) Тамъ же, 155—156.—(2) Сочин. I, 138.

увлекаться въ крайности, а строго держаться во всемъ золотой середины:

«Съ древле добродѣтели средину держали
Между двумя крайми, гдѣ злы нравы засѣдали».
«Глупо изъ младенчества звыкли мы бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; потому бѣжимъ мы въ другую
Крайность, не зная въ вещахъ мѣру никакую;
Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тьмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, что чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мразъ терпя, не уменъ».
. . . .
«Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдя,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не снималъ» (¹).

Этотъ идеалъ заимствованъ Кантемиромъ у Горація. Въ римской жизни во время Горація существовали два противоположныя направленія—суровое, безотрадное ученіе стоиковъ и чувственная, нравственная распущенность эпикурейцевъ. Недовольный такими крайностями, Горацій вздумалъ выбрать середину между ними и въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдывалъ воздерживаться отъ всякихъ крайностей и увлеченій, соблюдать во всемъ умѣренность, спокойствіе въ настоящемъ и беззаботность о будущемъ. Такъ же поступать совѣтуетъ и Кантемиръ. Съ такимъ несложнымъ и невысокимъ идеаломъ, конечно, можно легко и счастливо прожить жизнь; но за то съ нимъ нельзя совершить и ничего высокаго и великаго; онъ не дастъ силы для подвиговъ самоотверженія и самопожертвованія, для борьбы со зломъ и неправдою, а поведетъ къ совершенному равнодушію во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся лично человѣка, особенно въ дѣлахъ общественныхъ. Дѣйствительно, Кантемиръ, для того, чтобы избѣжать борьбы, гоненій, или непріятностей, и сохранить покой, совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ.

. . . . «Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,

(¹) Сочин. I, 141—142.

Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ» ([1]):
«Нельзя ль добрымъ быть? будь золъ, своимъ не къ изьяну.
Изряднѣе всякаго убѣгать порока.
Нельзя ль? укрой лишняго отъ младенча ока» ([2])

Въ девятой сатирѣ „Къ солнцу", или „На состояніе свѣта сего", Кантемиръ изображаетъ невѣжество и суевѣріе, приведшія русскій народъ къ расколу. Онъ представляетъ типъ раскольника въ образѣ мужика, который „соху оставилъ недавно, аза въ глаза не знаетъ, а... вретъ богословски рѣчи, какія предъ иконы должно ставить свѣчи, что въ церквахъ вошло старинѣ противно" и т. д... изображаются тѣ же суевѣрія, которыя описаны уже въ первой сатирѣ и на которыя нападали еще Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе проповѣдники. Причиною ихъ Кантемиръ считаетъ невѣжество, существующее не въ одномъ простомъ народѣ, но во всѣхъ сословіяхъ. По этому поводу онъ глубоко сѣтуетъ о томъ, что просвѣщеніе, посѣянное Петромъ В., распространяется очень слабо, и наука даже въ высшихъ учрежденіяхъ существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Вотъ какъ онъ изображаетъ одно изъ такихъ учрежденій (вѣроятно, Академію наукъ):

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы.
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны.
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся.
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ».
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ.
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало» ([3]).

Эта ревность о наукѣ и просвѣщеніи, выражающаяся повсюду въ сатирахъ Кантемира, и сообщила имъ ту высокую цѣну, какую онѣ имѣли въ глазахъ современниковъ. Въ художественномъ же отношеніи онѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Кантемиръ самъ сознавалъ и высказывалъ это. Назвавъ ихъ „топтаніемъ слѣдовъ" Горація, Ювенала и Буало, онъ прибавляетъ, обращаясь къ своей музѣ:

«Истая Зевсова дочь (Аѳина) перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.

([1]) Сочин. 1, 47 ([2]) Тамъ же, 156. ([3]) Тамъ же, 1, 184.

Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка, природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно,
А въ тебѣ что таково?» (¹).

Дѣйствительно: картины въ его сатирахъ иногда очень характерны, но нисколько не изящны; выраженія весьма мѣтки и сильны, но часто очень грубы и даже неприличны; силлабическій стихъ весьма тяжелъ и неуклюжъ. Всѣ эти недостатки, конечно, вполнѣ объясняются какъ новостію литературнаго дѣла вообще, такъ и въ частности совершенною необработанностію литературнаго языка и стиха. Въ это время Тредьяковскій только что поднялъ вопросъ о русскомъ стихосложеніи, указывая на то, что русскому языку свойственъ стихъ не силлабическій, а тоническій, основанный на удареніяхъ; но онъ не могъ подкрѣпить своего мнѣнія собственными стихотвореніями. Кантемиръ, впрочемъ, обратилъ на него вниманіе и понялъ, что опредѣленное удареніе должно сообщить стиху болѣе гармоніи, и вздумалъ соединить его съ силлабическимъ размѣромъ. Опытъ такого соединенія онъ сдѣлалъ въ VI-й сатирѣ, въ которой стихи вышли нѣсколько легче. По этому случаю онъ написалъ „Письмо къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ“ (подъ псевдонимомъ Харитона Макентина), въ которомъ онъ изложилъ правила стихосложенія, основаннаго на соединеніи силлабическаго размѣра съ удареніями (²).

Кромѣ сатиръ, Кантемиръ писалъ и оды (ода на восшествіе на престолъ Анны Іоанновны, 4 философскія оды: противъ безбожныхъ, о надеждѣ на Бога, на злобнаго человѣка и въ похвалу наукъ) и переложенія псалмовъ (36 и 72 псал.) и пѣсни и басни (6-ть басенъ), эпиграммы и посланія, и даже началъ писать поэму „Петриду“ (³) (написана одна первая книга). Но всѣ эти произведенія гораздо ниже сатиръ и не имѣютъ никакого значенія. Кантемиръ самъ чувствовалъ и откровенно сознавался, что ему „сродно писать лишь сатиры, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ, что слово у него вязнетъ въ зубахъ, незабавно, не красно и не сильно“, когда онъ принимается писать похвалы, или что нибудь другое, но умъ его оживляется, когда усмотритъ въ нравахъ что-нибудь вредное:

«Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю,
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю:
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду» (⁴).

(¹) Сатира IV. Сочин. 1, 89. (²) Сочин. т. II, стр. 1—20.
(³) Петрида, или стихотворное описаніе смерти Петра В. напечатана въ Лѣтоп. русск. лит. и древн. кн. 1. (⁴) Сат. IV, стр. 92—93.

Оригинальныя прозаическія сочиненія и переводы Кантемира. Гораздо интереснѣе и важнѣе нѣкоторыя прозаическія сочиненія Кантемира, каковы „Письма о природѣ и человѣкѣ“, и переводныя: „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля. Въ первомъ сочиненіи изложены философскія и нравственныя размышленія, къ какимъ приводитъ человѣка созерцаніе и изученіе природы. „Счастіе человѣка, говоритъ Кантемиръ, состоитъ въ спокойной, уединенной отъ міра жизни въ природѣ, которая повсюду во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщаетъ Бога, и чѣмъ выше и совершеннѣе твореніе, тѣмъ болѣе въ его устройствѣ можно усматривать доказательствъ премудрости и благости Божіей“. Онъ разсматриваетъ землю, воду, воздухъ, облака, небо со звѣздами и планетами, разные роды и виды животныхъ и наконецъ природу человѣка, его тѣлесныя и душевныя силы, и во всемъ видитъ ясные слѣды Божества. Отъ чего же, спрашиваетъ онъ послѣ этого, у нѣкоторыхъ философовъ являлось сомнѣніе и невѣріе въ Бога?... Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Инымъ препятствуютъ познавать силу и власть Божества жизни ихъ безпорядки: упиваясь страстьми своими, живутъ помраченные и не могутъ въ твореніи премудраго творца познати, къ чему надобно употребить прилежность, и страсти такъ людей ослѣпляютъ, что не могутъ видѣть свѣта, который ясно ихъ освѣщаетъ; они ни о чемъ иномъ не помышляютъ, какъ только о томъ, что льститъ и питаетъ вредныя и пагубныя ихъ страсти; умы ихъ отягощенные не могутъ къ невещественному простираться: все, что они не видятъ, не чувствуютъ, не осязаютъ, кажется имъ не право...... Я сомнѣваюсь, чтобы прямой былъ въ сердцѣ богоотступникъ, но только, какъ по глаголу пророка Давида: рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога, статься можетъ, что чрезъ непрестанныя мнѣнія пустыя и порочныя человѣкъ въ сердцѣ своемъ вѣру искоренить можетъ но въ наказаніе довольно ему останется въ совѣсти угрызенія“ (1). Письма Кантемира показываютъ, что онъ былъ человѣкъ религіозный и вмѣстѣ съ сочиненіями древнихъ философовъ и поэтовъ, изучалъ и сочиненія отцевъ и учителей церкви, Григорія Богослова, Августина и др. „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля, при первомъ своемъ появленіи во Франціи и во всей Европѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Излагая новую астрономическую систему, что „земля есть планета, которая вокругъ себя самой и около солнца ворочается“, они сообщали много новыхъ свѣдѣній о мірѣ, еще больше возбуждали новыхъ любопытныхъ вопросовъ и предположеній. Поэтому Канте-

---

(1) Сочин. т. II, стр. 90.

миръ и вздумалъ перевести ихъ. „Книжка сія, говоритъ онъ, какъ скоро отъ господина Фонтенелла издана, почти на всѣ языки переведена, и отъ разныхъ народовъ съ подобнымъ наслажденіемъ и жадностію читана, къ немалой славѣ сочинителя. Въ ней онъ неподражаемымъ искуствомъ полезное забавному присовокупилъ, изъясняя шутками все, что нужнѣе къ вѣдѣнію въ фисикѣ и астрономіи, такъ что всякому, кто съ прилежаніемъ читать любитъ, изъ нея легко научиться довольной части тѣхъ наукъ“ ([1]). Переводъ книги Кантемиръ посвятилъ Петербургской Академіи наукъ „за полученное отъ ея мудрыхъ членовъ воспитаніе и наставленіе“. Къ сожалѣнію, книга не могла быть напечатана. Не только въ Россіи, но и во Франціи въ этомъ сочиненіи находили мнѣнія, противорѣчащія свящ. писанію и церковному ученію. Такимъ, между прочимъ, представлялось мнѣніе, что луна и другія планеты могутъ быть также населены какими-нибудь существами, какъ земля людьми, и что не все въ мірѣ создано исключительно для одного человѣка. „Нужно только разобрать, говорилъ Фонтенель въ Придисловіи къ своей книгѣ, маленькое ума заблужденіе. Когда кто тебѣ скажетъ, что мѣсяцъ населенъ, ты тотчасъ представляешь себѣ жителей тѣхъ людьми, намъ подобными, и если ты богословъ, тотчасъ наполнишься затрудненій. Потомство Адамово не могло простереться до луны, ни слободы тамъ населить. Слѣд. люди, которые въ лунѣ, не Адамовы дѣти, а въ Богословіи не малое помѣшательство, чтобъ обрѣтались такіе люди, которые бы не отъ него произошли. Не нужно больше говорить: всѣ возможныя затрудненія на сіе одно сходятъ, и рѣчи, которыя бы нужно употреблять въ должайшемъ изъясненіи, будучи крайняго почтенія достойны, неприлично ихъ писать въ книгѣ такъ маловажной, какова сія“ ([2]).. „Мы всѣ съ природы, замѣчено въ первомъ разговорѣ, сдѣланы подобны нѣкоему аѳинейскому дураку, который вложилъ было себѣ въ голову, что всѣ тѣ корабли, которые приставали къ пирейской пристани, были его. Насъ подобно дурачество наше понуждаетъ думать, что вся тварь безъ изъятія создана для нашего употребленія, и когда спросишъ у нашихъ философовъ, на что такъ великое множество звѣздъ неподвижныхъ, изъ которыхъ часть нѣкая могла бы тожъ дѣлать, что теперь всѣ дѣлаютъ, спѣшно отвѣтствуютъ, что онѣ служатъ къ увеселенію очей нашихъ. На такомъ мнѣніи основавъ себя, вздумали себѣ, что надобно землѣ быть неподвижной въ средней точкѣ всего міра, а другимъ небеснымъ тѣлесамъ, которыя для нея сдѣланы, принимать трудъ

(1) Сочин. т. II, стр. 391. (2) Сочин. II, стр. 397.

ворочаться около ея, чтобъ свѣтить ей" ([1]).—Кромѣ того, Кантемиръ перевелъ 10-ть посланій Горація; нѣкоторыя пѣсни Анакреона; Персидскія письма Монтескье; Эпиктетово нравоученіе; Юстинову древнюю исторію; жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота.

СОЧИНЕНІЯ В. К. ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

Біографическія свѣдѣнія о Тредьяковскомъ. Кантемиръ занимался литературой только въ часы досуга отъ службы и могъ дать ей только одну форму сатиры. Преемникъ его, Тредьяковскій посвятилъ литературѣ всю жизнь, старался обогатить ее всѣми формами и вообще служилъ ей съ такимъ горячимъ усердіемъ, что если бы терпѣніе и трудолюбіе могли замѣнить талантъ, то Тредьяковскому принадлежало бы самое почетное мѣсто въ новой русской литературѣ ([2]). Василій Кирилловичъ Тредьяковскій былъ сынъ священника, родился въ Астрахани (въ 1703 г.) и первоначальное образованіе получилъ у жившихъ здѣсь римскихъ монаховъ (капуцинскаго ордена) миссіонеровъ, которые первые познакомили его съ словесными науками. Въ 1723 г., „желая большаго ученія", онъ ушелъ въ Москву и поступилъ здѣсь въ славяно-греко-латинскую академію, гдѣ также занимался преимущественно словесными науками и началъ писать силлабическіе стихи. Въ академіи однакожъ онъ не окончилъ курса. Спасаясь отъ наказанія за одинъ проступокъ ([3]), онъ убѣжалъ за границу, въ Голландію. Бывшій въ это время въ Гагѣ русскій посланникъ, Головкинъ

([1]) Отрывокъ перевода Разговоровъ напечатанъ во II-й части сочиненій Кантемира, стр. 392—421, откуда и заимствованы приведенныя мѣста.

([2]) Изданія сочиненій Тредьяковскаго: 1-е изданіе въ 1752 г., въ 2-хъ томахъ; 2-е изданіе Смирдина въ 1849 г. въ 3-хъ частяхъ; 3-е изданіе: Избранныя сочиненія, съ предисловіемъ Перевлѣсскаго и съ приложеніемъ критическихъ статей о Тредьяковскомъ. М. 1849 г.—Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Тредьяковскаго помѣщены: въ Словарѣ митр. Евгенія, II, 210—225; въ предисловіи Перевлѣсскаго къ изданію сочиненій Тредьяковскаго; въ статьѣ В. Варенцова: Тредьяковскій и характеръ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Моск. Вѣд. 1860, №№ 36—37; въ сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII в. А. Куника. Но самая полная біографія Тредьяковскаго напечатана во II томѣ Исторіи Академіи наукъ П. Пекарскаго, стр. 1—258. Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ В. К. Тредіаковскаго. Казань. 1890.

([3]) Говорятъ, впрочемъ безъ достаточныхъ основаній, будто онъ написалъ фальшивый видъ одному іеродіакону.

принялъ въ немъ участіе и отправилъ его въ Парижъ, снабдивъ рекомендательнымъ письмомъ къ парижскому посланнику, князю Куракину. Подъ покровительствомъ Куракина, Тредьяковскій поступилъ въ Парижскій Университетъ, въ которомъ тогда особенною славою пользовался историкъ Ролленъ. У Ролленя онъ слушалъ исторію и словесность, у другихъ профессоровъ богословіе, философію и математику. Вообще, находясь въ Парижскомъ Университетѣ, онъ пріобрѣлъ основательное образованіе, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, особенно въ латинской и французской словесности. По окончаніи курса, онъ выдержалъ публичный диспутъ и, получивъ аттестатъ, возвратился въ 1730 г. въ Россію съ самымъ горячимъ усердіемъ служить русской наукѣ и литературѣ ([1]). Прежде всего Тредьяковскій занялъ должность переводчика при Академіи наукъ, и проходя эту должность, перевелъ весьма много полезныхъ книгъ. Въ 1733 г. былъ опредѣленъ академическимъ секретаремъ. Въ 1735 г. при Академіи наукъ было учреждено „Россійское собраніе“ любителей русскаго слова, и Тредьяковскій открылъ его рѣчью „О чистотѣ россійскаго слова“. Въ этой рѣчи онъ первый указалъ Академіи на необходимость „доброй и исправной грамматики, полнаго и довольнаго лексикона, реторики и стихотворной науки“. Въ 1745 г. Тредьяковскій былъ сдѣланъ профессоромъ латинскаго и россійскаго краснорѣчія въ Академіи наукъ и профессоромъ россійскаго краснорѣчія при академическомъ университетѣ. Это званіе онъ получилъ, впрочемъ, противъ желанія конференціи Академіи наукъ, которая, по его словамъ, не хотѣла впустить русскаго „въ свою компанію“. Когда конференція отказала ему въ званіи профессора, онъ подалъ доношеніе въ сенатъ, съ объясненіемъ своихъ правъ на это званіе, и уже по представленію сената и просьбѣ покровителя его, графа Воронцова, импер. Елисавета даровала ему званіе профессора. Должность профессора Тредьяковскій проходилъ въ теченіе 18 лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ и въ числѣ многихъ другихъ воспиталъ Поповскаго и Барсова, которые были первыми профессорами русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Въ Академіи Тредьяковскій, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, ратовалъ за интересы русской науки и русскаго образованія. Когда академическій совѣтникъ, Таубертъ представилъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія свои предположенія объ улучшеніи Академіи, то Тредьяковскій сильно

([1]) Смотр. Автобіографическую Записку, составленную самимъ Тредьяковскимъ въ 1754 г. Сборн. матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII в. Куника, ч. I, стр. XIII—XIV.

возсталъ противъ одного ихъ параграфа (§ 7), которымъ утверждалось предпочтеніе въ Академіи иноземцевъ противъ русскихъ: „Противенъ онъ (т. е. 7 параграфъ), говорилъ Тредьяковскій, правотѣ натуральной, по коей каждый самого себя любитъ прежде, а потомъ уже другаго. Слѣдовательно природный, гдѣ бъ онъ ни служилъ въ сей имперіи, и буде заслужилъ, не долженствуетъ никогда быть понижаемъ предъ чужестраннымъ, ежели сей еще только что вступилъ въ службу... Обиденъ онъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ россійскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ, ибо россійскіе члены, сколько бъ ни служили, всегда имѣютъ быть молодшими, для того, что нѣтъ надежды, чтобъ выписывать перестали чужестранныхъ. Истребляетъ онъ охоту въ россіянахъ, чтобъ быть превосходными членами: ибо никогда имъ не можно будетъ старшинство себѣ получить, а честь питаетъ науки... Вводитъ худое и несправедливое употребленіе: ибо не выпишется членъ, который бы въ Германіи не былъ по какой-нибудь тетрадкѣ печатной славенъ; а сія тетрадка и будетъ прежектомъ къ произведенію его въ старшинство, такъ что хотя бы русскій и десять написалъ тетрадокъ, однако того выписаннаго члена и одна тетрадка всеконечно перевѣситъ. Совсѣмъ неосновательный резонъ, чтобъ для того такому члену отдавать старшинство, понеже онъ славенъ у себя въ своемъ искусствѣ, ибо хотя онъ и преизрядно плясалъ въ Родоссѣ, какъ то басенка говоритъ ([1]), однако здѣсь долженствуетъ быть для него Родоссъ: можетъ онъ и здѣсь также изрядно въ свое время поплясать и тѣмъ показаться“ ([2]). Въ 1759 г. Тредьяковскій, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы при Академіи.

Ученая и литературная дѣятельность Тредьяковскаго. Какъ во время службы на всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, такъ и по окончаніи ея, въ отставкѣ, Тредьяковскій постоянно и неутомимо занимался литературой, переводилъ разныя, ученыя и литературныя, книги и писалъ собственныя ученыя сочиненія и стихотворенія разнаго рода. Вотъ его главныя переводныя сочиненія: поэма Буало „L'art poétique“, переведенная стихами; посланіе Горація „De arte poëtica“, перев. прозой; 15-ть Эзоповыхъ басней, перев. силлабическими стихами; Тилемахида, или странствованіе Телемака, сына Улиссова, переводъ поэмы Фенелона (1651—1715) „Les aventures de Télémaque“; Ѣзда въ островъ любви—переводъ

([1]) Тредьяковскій указываетъ здѣсь на свою басню «Самохвалъ», въ которой онъ хотѣлъ осмѣять Ломоносова.

([2]) Истор. Акад. наукъ, II, 180—181.

французской повѣсти Voyage à l'île d' Amour, ou la Clef de coeurs par Paul Tallemant; Слово Фонтенеля (1657—1757) о терпѣніи и нетерпѣливости; Аргенида Барклая—переводъ съ латинскаго сатирико-аллегорическаго романа англійскаго писателя XVII в. [1]. Оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго по теоріи и исторіи словесности: мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще; письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи; способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ; рѣчь о чистотѣ россійскаго языка; разсужденіе о комедіи вообще; предъизъясненіе объ ироической поэмѣ, приложенное къ переводу Телемахиды; разсужденіе объ одѣ вообще, приложенное къ одѣ на сдачу города Гданска (Данцига); о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи россійскомъ; слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ, разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи. Сочиненія смѣшаннаго содержанія, по разнымъ предметамъ: слово о премудрости, благоразуміи и добродѣтели; о безпорочности и пріятности деревенской жизни; разсужденіе объ истинѣ сраженія Гораціевъ съ Куріаціями; три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ, о первоначаліи россовъ, о Варягахъ—руссахъ славянскаго званія, рода и языка. Стихотворныя сочиненія: ода торжественная о сдачѣ города Гданска; ода на коронованіе импер. Елисаветы въ 1742 г.; 6 одъ похвальныхъ; 10 одъ священныхъ изъ псалмовъ; 12 парафразовъ стихотворныхъ изъ библейскихъ пѣсней; стихотворный плачь о кончинѣ Петра В.; ода о пріятностяхъ весны; трагедія Деидамія; Идиллія Нисса и нѣсколько мелкихъ стихотвореній [2].

---

(1) Кромѣ этихъ сочиненій Тредьяковскій перевелъ: Сенъ-Реміевы артиллерійскія записки (1732); Военное состояніе Оттоманской имперіи графа Марсильи (1737); Древнюю исторію (10 частей 1744—1762) и Римскую исторію (16 томовъ 1761—1767) Роллена; Житіе канцлера Франциска Бэкона, съ присовокупленіемъ сокращенія Бэконовой философіи; Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ; 4 тома Кревіеровой исторіи о римскихъ императорахъ; 2 тома родословной татарской исторіи Абулгази Вагадуръ хана; опытъ исторіи о разгласіи церквей въ Польшѣ, Вольтера (съ франц. 1769 г.).

(2) Неизданныя сочиненія Тредьяковскаго: Язонъ и Титъ Веспасіанъ; книга подъ названіемъ Россійскій парнассъ, къ которой приложены правила о просодіи; математическія записки съ историческими наблюденіями о сыскиваніи пасхи по старому и новому стилю; разсужденіе объ окончаніяхъ собственныхъ и прилагательныхъ именъ; пять разсужденій о силѣ нравоучительной философіи и о натуральномъ правѣ; Ѳеопія, или Богозрѣніе въ шести эпистолахъ. Нѣкото-

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности Тредьяковскаго въ прежнее время обращали вниманіе главнымъ образомъ на его стихотворенія, которыя служили предметомъ насмѣшки. На основаніи его стихотвореній и составилось то одностороннее понятіе о немъ, какъ о смѣшномъ и бездарномъ писателѣ, которое перешло и въ исторію словесности и существовало въ ней до времени Пушкина. Правда встрѣчаются о Тредьяковскомъ хорошіе отзывы и у прежнихъ писателей, напр. у Татищева, Радищева и особенно у Новикова, который въ своемъ словарѣ замѣтилъ о немъ: „Сей мужъ былъ великаго разума, многаго ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія, весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ; также въ философіи, богословіи, краснорѣчіи и въ другихъ наукахъ. Полезными своими трудами пріобрѣлъ онъ себѣ безсмертную славу; и первый въ Россіи сочинилъ правилы новаго россійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобы одного человѣка достало къ тому столько силъ" ([1]). Но только отзывъ Пушкина измѣнилъ прежній взглядъ на Тредьяковскаго и заставилъ критику обратить вниманіе не на одно его стихотворство, но на всю его ученую и литературную дѣятельность. „Тредьяковскій, сказалъ Пушкинъ, былъ почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ..... Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ

рыя сочиненія были написаны Тредьяковскимъ по два раза. Такъ, огромную исторію Роллена онъ перевелъ въ другой разъ послѣ того, какъ переводъ ея сгорѣлъ въ пожарѣ; два же раза онъ перевелъ 'Аргениду Барклаеву, потому что первымъ переводомъ остался недоволенъ. Не довольствуясь изложеніемъ въ стихахъ многихъ псалмовъ отдѣльно, онъ перевелъ всю псалтирь стихами и многія мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Кромѣ того, онъ переводилъ всѣ оперы, комедіи и интермедіи, представлявшіяся при дворѣ, сочинялъ стихи на иллюминаціи по случаю разныхъ торжествъ (Словарь митр. Евгенія, II, 210—225).

(1) Матеріалы для ист. русск. лит. П. А. Ефремова. Спб. 1867; стр. 106—107.

Тредьяковскаго“ (1). Дѣйствительно, сколько смѣшны и незначительны оригинальныя стихотворенія Тредьяковскаго, столько же важны и интересны его переводы по исторіи и словесности и собственныя ученыя изслѣдованія по языку и словесности. Изъ переводныхъ сочиненій по словесности особенное значеніе въ то время имѣли Посланіе Горація De arte poëtica и Поэма Буало L'Art poétique, которыя считались тогда главными руководительными сочиненіями въ европейской классической поэзіи. Собственныя изслѣдованія Тредьяковскаго по языку и словесности находятся въ тѣсной связи съ стихотворною его дѣятельностію; большая часть изъ нихъ были написаны по поводу переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій и были приложены къ этимъ сочиненіямъ.

Сочиненія Тредьяковскаго по языку и словесности. Какъ Петръ В., вводя въ русскую жизнь новыя европейскія формы, долженъ былъ объяснять ихъ важность и значеніе, такъ и русскіе писатели, вводя въ русскую литературу новыя формы, должны были знакомить русскихъ читателей съ происхожденіемъ и характеромъ этихъ формъ, и съ образцовыми литературными произведеніями, написанными въ этихъ формахъ. Составляя свои сатиры, Кантемиръ, мы видѣли, объяснялъ ихъ характеръ и значеніе; точно также и при сочиненіяхъ Тредьяковскаго мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе обширныя предисловія или статьи, въ которыхъ объясняется ихъ форма и значеніе. Такъ, къ переводу Фенелоновой поэмы „Les aventures de Télémaque“ онъ присоединилъ, въ качествѣ предисловія, „Предъизъясненіе объ ироической пiимѣ“, взятое изъ сочиненія Рамсэ „Discours sur le poëme épique“ и заключающее въ себѣ полную теорію искуственнаго ложноклассическаго эпоса. Опредѣливъ, что такое эпическая или героическая поэма, Тредьяковскій указываетъ здѣсь на Иліаду и Одиссею Гомера, какъ на первые образцы этой поэмы, и, характеризуя ихъ, говоритъ: „Ни единъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ ничего потомъ не вымыслилъ подобнаго: всѣ почерпаютъ въ немъ (въ Гомерѣ) примѣръ, заемлютъ у него правила и пріемлютъ его себѣ въ учителя.... Колико ни было самыхъ великихъ и разумныхъ людей, отъ премногихъ вѣковъ, въ Елладѣ и въ Римѣ, коихъ писаніямъ по нынѣ дивимся, и которые научаютъ насъ мыслить, разсуждать, собесѣдовать, сочинять, всѣ сіи признаваютъ Омира за превеликаго пiита, а пiимы его за конечный верхъ добраго вкуса“ (2). Указавъ за тѣмъ на Энеиду Виргилія, онъ

(1) Сочин. Пушкина. Изд. Исакова 1859. V, 411—412.

(2) Сочин. II, стр. XIV—XV.

переходитъ къ поэмѣ Фенелона и говоритъ: „Не было съ тысячу съ седмь сотъ лѣтъ послѣ Марона кромѣ трехъ ироіческихъ піимъ..... но Фенелонъ, мужъ какъ просвѣщенный, такъ и преосвященный... снабдилъ общество ученое четвертою эпопіею.... по самой сущей правдѣ превосходнѣйшею несравненно и первыхъ двухъ и третіея послѣднія, а сіе истиною и твердостію нравоучительнаго христіанскаго наставленія, хотя и всемѣрно подражалъ всему прочему, по естеству великому, благородному и велелѣпному, находящемуся въ Омировой особливѣе Одиссіи, да въ Мароновой Енеидѣ, такъ что и раздѣлилъ всю свою піиму на двадцать на четыре книги, по числу книгъ въ Одиссіи“ ([1]). Далѣе подробно излагаются правила, какимъ должны подчиняться эпическія поэмы: 1) „исторія, служащая основаніемъ эпической піимѣ, долженствуетъ быть или истинная, или уже за истинную издревле преданная; 2) дѣйство эпическое долженствуетъ быть великое, единое, цѣлое, чудесное и продолжающееся нѣсколько времени; 3) добродѣтель препоручается примѣрами и наставленіями т. е. образомъ благонравія и преднаписаніемъ правилъ“; 4) что касается языка героической поэмы, то хотя ей стихъ есть и не существенъ, однакожъ стихотворное изложеніе болѣе ей свойственно. Развивая подробно эти положенія и прилагая ихъ къ Фенелоновой поэмѣ, Тредьяковскій сравниваетъ Телемахиду съ другими эпическими поэмами, какъ древними такъ и новыми, и, опредѣляя ея достоинство сравнительно съ ними, говоритъ о Фенелонѣ: „Соединилъ онъ вкупѣ въ характерѣ своего ироя мужество Ахиллеево, благоразуміе Одиссеево и Эніеву благочтивость. Тилемахъ есть гнѣвливъ, какъ первый, но безъ свирѣпства; политикъ какъ вторый, но безъ плутовства; чувствителенъ какъ третій, но безъ любострастія. Другій способъ нравоученія бываетъ преднаписаніемъ правилъ. Авторъ Тилемаха сочетаваетъ великія наставленія съ ироическими примѣрами; то есть нравоучительность Омирову съ добронравіемъ Мароновымъ. Однако нравоученіе его имѣетъ три качества, каковыхъ нѣтъ у древнихъ и піитовъ и философовъ. Оно есть у него высокое въ своихъ основаніяхъ, благородное въ поощреніяхъ, а повсемственное въ употребленіяхъ“ ([2]). Въ другомъ мѣстѣ о Телемахидѣ къ этому прибавлено: „Іліада имѣетъ себѣ въ цѣль, да покажетъ смертоносныя воспослѣдованія изъ несогласія между военачальниками. Одиссія предъявляетъ, колико есть сильно въ царѣ благоразуміе, сопряженное съ мужествомъ. Въ Енидѣ изображаются дѣйствія ироя

([1]) Сочин. II т., стр. XVI—XVII.
([2]) Тамъ же, стр. XXXVI—XXXVII.

благочтивнаго, набожнаго и храбраго. Но всѣ сіи частныя добродѣтели не содѣлываютъ благополучія всему роду человѣческому. Тилемахъ идетъ далѣе сихъ предначертаній великостію, множествомъ и пространствомъ нравственныхъ своихъ намѣреній, такъ что можно сказать преутвердительно нѣкоего смысленнаго мужа словами, что даръ самый полезный, каковымъ мусы возмогли обогатить человѣковъ, есть Тилемахъ; ибо, еслибъ блаженство рода человѣческаго могло произрасти отъ піимы, тобъ произрасло оно отъ сея Тилемахиды. Не чуждель по сему или паче дико, что нѣкоторыи у насъ, и не безъ нѣсколькихъ талантовъ люди, запрещали, порицая съ каѳедры, какъ говорятъ, чтеніе Тилемаха и Аргениды, обѣихъ же піимъ несравненныхъ? ([1]). Видно, не уразумѣли они, или уже не потщались уразумѣть, что первая книга есть ѳоическая философія самая совершенная, а другая философія-жъ политическая самая превосходная, какихъ не было по нынѣ въ ученомъ обществѣ" ([2]). Въ послѣдней части изслѣдованія Тредьяковскій разсуждаетъ о метрѣ, свойственномъ эпическимъ поэмамъ, и доказываетъ, что имъ всего болѣе приличенъ гекзаметръ, который превосходитъ всѣ другіе метры высокимъ и благороднымъ тономъ, что поэтому онъ и „Приключенія Телемака", написанныя въ подлинникѣ прозою, перевелъ гекзаметромъ, который также свойственъ русскому языку, какъ греческому и латинскому. Русскій языкъ совмѣщаетъ въ себѣ и богатство и сладость языка греческаго и важность и сановитость латинскаго. „Не почитая ничего болѣе и первенственнѣе, говоритъ онъ, въ должностяхъ моихъ согражданскихъ, ревности къ услуженію отечеству, и желая всесердечно оставить по себѣ живое засвидѣтельствованіе сея, пламенѣвшія во мнѣ всегда ревности, а въ памяти соотечественниковъ моихъ не умереть нѣкакъ и по смерти, отнюдь же не Иространа онаго Ефесскаго подобіемъ, принялся и я за сіе преложеніе Тилемаха" ([3]).—Къ торжественной одѣ о сдачѣ города Гданска (Данцига) Тредьяковскій приложилъ „Разсужденіе объ одѣ вообще", взятое изъ сочиненія Буало: „Discours sur l'ode". Это сочиненіе также было приложено Буало къ одѣ на взятіе Намура, которой Тредьяковскій подражалъ въ своей одѣ на сдачу Гданска. Въ разсужденіи онъ говоритъ о происхожденіи оды и, указывая на Пиндара и Горація, какъ на образцовыхъ лирическихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что торжественную оду всего лучше охарактеризовалъ Буало въ слѣ-

---

([1]) Разумѣется современный проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, который въ одной своей проповѣди коснулся Тилемахиды и Аргениды.

([2]) Сочин. т. II, стр. XLII—XLIII.—([3]) Сочин. т. II, стр. LX.

дующемъ стихѣ своей поэмы:

Son stile impetueux souvent marche au hasard,
Chez elle un beau desordre est un effet de l'art,

который онъ перевелъ такимъ образомъ:

«Быстра въ одѣ слога часто есть отваженъ ходъ,
Красный безпорядокъ точно въ ней искусства плодъ» (¹).

Въ двухъ предыдущихъ разсужденіяхъ изложены свѣдѣнія объ эпосѣ и лирической одѣ; свѣдѣнія же о драмѣ изложены въ „Разсужденіи о комедіи вообще", которое выбрано Тредьяковскимъ изъ сочиненій Брюмуа, Рапеня и Ролленя и было приложено къ переводу „Евнуха" Теренція. О происхожденіи комедіи здѣсь сказано: „Первоначаліе комедіи есть столько жъ темно и неизвѣстно, сколько и трагедіи. Вѣроятно, впрочемъ, что онѣ обѣ зачались въ одной утробѣ т. е. въ забавахъ, бывшихъ у грековъ во время собиранія винограда". Далѣе Тредьяковскій говоритъ о „діонисіяхъ", объясняя, какъ изъ нихъ образовались трагедія и комедія, объ основателѣ трагедіи, Тесписѣ, и главныхъ трагикахъ, Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ. Говоря о комедіи, онъ замѣчаетъ: „Комедія есть моложе трагедіи и есть меньшая сестра той драмѣ". Затѣмъ онъ указываетъ на три періода греческой комедіи — древній, средній и новый, говоритъ объ Аристофанѣ, какъ представителѣ древней комедіи, и Менандрѣ, какъ представителѣ новой комедіи. Греческая комедія была перенесена къ Римлянамъ Ливіемъ Андроникомъ. Разсказывая объ этомъ, Тредьяковскій излагаетъ разные виды римской комедіи: comoedia palliata, praetextata, togata. atellana. Въ заключеніи онъ приводитъ мнѣніе о характерѣ и цѣли комедіи французскаго іезуита Рапеня: „Комедія есть изображеніе общаго жительства. Намѣреніе, съ какимъ она дѣлается, состоитъ въ томъ, чтобъ представить на театрѣ пороки простыхъ людей, дабы тѣмъ исцѣлить всенародные недостатки и исправить бы весь народъ боязнію осмѣянія. Итакъ смѣшное есть самое существо комедіи. Впрочемъ, есть смѣшное въ словахъ и есть смѣшное въ вещахъ. Смѣшное есть честное, и смѣшное есть скоморошеское" (²).

Ученіе о поэзіи и стихотворствѣ вообще изложено Тредьяковскимъ въ слѣдующихъ статьяхъ: „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще"; „Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ граж-

(¹) Сочин. т. I, стр. 279—280.
(²) Тамъ же, стр. 411—430.

данству отъ поэзіи"; „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ"; „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи (стихосложеніи) россійскомъ". Въ первой статьѣ: Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще" Тредьяковскій говоритъ: „Иное быть піитомъ, а иное стихи слагать. Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Твореніе есть расположеніе вещей, послѣ оныхъ избранія: вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы; но стихъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами". Но изъ того, что поэтъ творитъ, вымышляетъ и подражаетъ, не слѣдуетъ однакожъ того, „чтобъ онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти;... піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть, или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровый человѣкъ; всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ піита. Творить по піитически есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. Возможность піитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется"... „Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе" (1). За тѣмъ представляются разныя сказанія и мнѣнія о происхожденіи поэзіи, начиная съ греческихъ миѳовъ объ Аполлонѣ и Бахусѣ; при изложеніи этихъ мнѣній Тредьяковскій говоритъ о поэзіи: „Праведно утверждается, что она влита въ человѣческіи разумы отъ Бога. Но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ такую способность и началъ творить, вымышлять и подражать естеству? Для сего надобно взойти до первыхъ человѣковъ. Священное писаніе (въ книгѣ Бытія 4,21) предъизъявляетъ, что Іувалъ, меньшій братъ Іовила, начавшаго жить въ кибиткахъ и упражняться въ пастушеской должности, прежде потопа, и не-

(1) Сочин. т. I, стр. 181—183.

много послѣ созданія свѣта, есть показатель пѣвницы и гуслей. Чего же больше? Сей есть точно первый изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ оное божеское движеніе въ разумѣ. Сей есть самый первый піитъ и первый музыкантъ.... Того ради праведно говоритъ господинъ де Фонтенель въ красной своей рѣчи о натурѣ эклоги: „Пастушеская поэзія есть древнѣйшая изъ всѣхъ поэзій, для того, что пастушеское состояніе есть старѣе всѣхъ состояній. Весьма вѣроятно, продолжаетъ онъ, что первыи пастухи вздумали, въ спокойствіи своемъ и праздности, пѣть увеселенія свои и любовь; да и вводили они по пристойности часто въ тѣ пѣсни стада свои, лѣса, источники и всѣ вещи, кои знакомѣе имъ были. Итакъ, распространеніе поэзіи сдѣлалось отъ пастуховъ разныхъ племенъ, а самое начало произошло отъ Іувала, Ламехова сына пастуха жъ“. — Объяснивъ начало поэзіи, Тредьяковскій высказываетъ предположеніе о началѣ стиховъ и приписываетъ выраженіе мыслей размѣреннымъ языкомъ жрецамъ. „Сіе равнымъ образомъ, дѣлаетъ онъ къ этому примѣчаніе, я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ стихахъ. Вѣроятно по всему, что и наши поганскіи жрецы были первыми у насъ стихотворцами. И хотя нѣтъ ни одного, оставшагося у насъ образчика языческія нашея поэзіи, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіе стихи наши, бывшіи въ употребленіи у жрецовъ нашихъ, состояли стопами, были безъ риѳмъ, и имѣли тоническое количество слоговъ, да и односложныя слова почитались по вольности общими“. Статья оканчивается разсужденіемъ о цѣли поэзіи. При этомъ Тредьяковскій приводитъ слѣдующее мѣсто изъ древней исторіи Ролленя: „Сія наука родилась посрединѣ празднованій, учрежденныхъ въ честь Высочайшему Существу... Моисей, вѣдомый намъ какъ первый законодавецъ въ свѣтѣ, есть совокупно и высочайшій изъ піитовъ. Въ писаніяхъ его начинающаяся поэзія является вдругъ совершенная для того, что самъ Богъ оную въ него вдыхаетъ... Пророки и псалмы представляютъ предъ насъ еще подобныи жъ образцы.... Когда же человѣки перенесли на твари почтеніе, должное токмо Творцу; тогда и поэзія слѣдовала за участію закона, однако всегда храня слѣды перваго своего начала. Употребили ее въ начатіи на возблагодареніе ложнымъ богамъ, за ихъ мнимыя благодѣянія, и на испрошеніе отъ нихъ новыхъ... Гезіодъ составилъ стихами родословіе боговъ; нѣкто изъ весьма древнихъ піитовъ сочинилъ гимны, кои обыкновенно приписываются Гомеру; Каллимахъ потомъ изложилъ подобные жъ... Едино изъ главныхъ намѣреній поэзіи... состояло также въ томъ, чтобъ исправлять нравы... Эпическая поэма намѣрилась съ самаго начала подавать намъ наставленія, прикрытыя аллегоріею

важнаго и героическаго дѣйствія. Ода прославлять дѣянія великихъ людей, и чрезъ то привлещи всѣхъ другихъ къ подражанію онымъ. Трагедія вдохнуть въ насъ ужасъ отъ злодѣянія смертоносными послѣдованіями, кои происходятъ отъ онаго, а почтеніе къ добродѣтели праведными ей похвалами и воздаяніями, которыя за нею слѣдуютъ. Комедія и сатира, исправить насъ забавляя, и воевать непримирительно на пороки и на все, что смѣха достойно. Элегія проливать слезы на гробѣ особъ, заслужившихъ сожалѣніе. Эклога воспѣвать беззлобіе и увеселенія поселянскаго и пастушескаго житія" (¹). „Письмо о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи" можетъ быть разсматриваемо какъ дополненіе къ этой статьѣ, такъ какъ въ немъ также излагаются мысли о значеніи, какое поэзія имѣла прежде и какое имѣетъ нынѣ. „Прежде стихи, говорится здѣсь, были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава, да къ тому жъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, которое есть нужно къ препровожденію жизни, но такова воздаянія, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава... Потолику между ученіями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ" (²). Въ „Способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ" изложена теорія тоническаго стихосложенія. Доказывая непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стихосложенія, Тредьяковскій говоритъ, что русскому языку свойственно стихосложеніе тоническое, основанное на тонѣ, или удареніи, и въ подкрѣпленіе своей мысли ссылается на народныя пѣсни, которыя изложены тоническимъ размѣромъ. Съ этой статьей имѣетъ связь статья „*О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ*". Подъ *древнимъ* стихотвореніемъ здѣсь разумѣется первоначальное стихотвореніе временъ еще языческихъ, когда главными слагателями стиховъ были, думаетъ Тредьяковскій, жрецы. „Количество его слоговъ было тоническое, или что тожъ въ одномъ удареніи силами слоговъ состоящее.. Простонародныя наши, и тѣ самыя древнія пѣсни, сіе точно свойство въ стихосложеніи своемъ имѣютъ.... Народный составъ стиховъ есть подлинный списокъ съ богослужительскаго... Простонародное стихосложеніе, *за подлость* стихотворцевъ и матерій, отъ честныхъ и саномъ знаменитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и понынѣ, но уже незнающіе и суетно строптивые люди.... зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо въ свидѣтельство на письмѣ"... Подъ среднимъ стихосложеніемъ Тредьяковскій разумѣетъ стихо-

(¹) Сочин. т. 1, стр. 187—190; 194; 196—201.
(²) Тамъ же, стр. 206—208.

сложеніе силлабическое, перешедшее къ намъ изъ Польши въ XVII в. При этомъ онъ упоминаетъ о Мелетіи Смотрицкомъ, который хотѣлъ ввести метрическое стихосложеніе. „Приступая къ описанію *новаго* нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ у насъ воспріятаго... принужденъ объявить, говоритъ Тредьяковскій, съ нѣкоторымъ по истинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что я въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю“. Это новое стихосложеніе есть тоническое, основанное на возвышеніи и пониженіи голоса въ складахъ просодіею ([1]). На возраженіе нѣкоторыхъ, что онъ новое стихосложеніе взялъ съ французскаго стихосложенія, Тредьяковскій отвѣчалъ: „Поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный, отъ неискусства слагающихъ; но слатчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латінскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ... Подлинно, почти всѣ званія, при стіхѣ употребляемыя, занялъ я у французской версіфікаціи; но самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи“.

О другой области литературы—о прозаическихъ сочиненіяхъ Тредьяковскій разсуждаетъ въ „*Словѣ о богатомъ, различномъ искусномъ и несходственномъ витійствѣ*“. Подъ витійствомъ разумѣется элоквенція, или краснорѣчіе, какъ тогда называлась вся область прозаической литературы. Тредьяковскій указываетъ здѣсь прежде всего на обширный объемъ краснорѣчія и значеніе его для всѣхъ наукъ, утверждая, что ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ него: „Въ толикомъ множествѣ наукъ и знаній,.. сколько безчисленныхъ числомъ вещей ни содержится, однако онѣ всѣ токмо что чрезъ элоквенцію говорятъ. Но, хотяжъ всѣ оныя вещи не могутъ безъ элоквенціи имѣть голоса, однако, понеже всѣ сіи знанія и науки особливыми состоятъ классами, то какъ со стороны нѣкоторымъ образомъ занимаютъ помощь у элоквенціи, но впрочемъ такъ они ту у нея занимаютъ, что не могутъ не занимать. Чего ради посмотримъ теперь на оныя ученія, которыя элоквенція раждаетъ, питаетъ, украшаетъ, производитъ, и которымъ она и предводительница, и сама съ ними совокупно идетъ, и за ними слѣдуетъ, то есть которыя всѣ не что иное какъ сама царица элоквенція, на разныхъ и разнымъ образомъ престолахъ сидящая и лучами величества своего повсюду сіяющая“ ([2]).

([1]) Сочин. т. I. стр. 783—784.
([2]) Сочин. т. III, стр. 560—561.

Далѣе перечисляются разныя науки: исторія, археологія, миѳологія, филологія и др. Краснорѣчіе весьма *разнообразно* (различно), такъ какъ существуетъ у разныхъ народовъ, на разнообразныхъ языкахъ. Всего болѣе, конечно, надобно стараться объ изученіи краснорѣчія отечественнаго. Никогда нельзя привыкнуть владѣть чужимъ языкомъ такъ свободно, какъ своимъ роднымъ: „въ природномъ языкѣ все само собою течетъ и какъ бы на концѣ языка или пера слова раждаются". А главнымъ образомъ, только на своемъ родномъ языкѣ можно принести всего больше пользы своему отечеству и своему народу. „Наиблагоразсуднѣйше жившіе прежде народы дѣлали, которые всѣ, ничего святяе сограждaнъ своихъ пользы не почитая, сочиненія свои, или наставленію, или повѣствованію, или увеселенію служащія, природнымъ языкомъ и написали, и предали, и потомкамъ своимъ оставили. Кто изъ древнихъ грековъ.. издалъ что-нибудь не погречески? кто изъ прежнихъ римлянъ?.... Никто, по истиннѣ никто изъ нихъ. Ибо всѣ римляны что ни писали, то все по латинѣ писали. Но для чего? Чтобъ отечества и сограждaнъ своихъ пользѣ дѣйствительнѣе услужить. А чего жъ ради не лучше по гречески, толь наипаче, что они всѣ въ греческомъ языкѣ весьма искусны были? Чтобъ, сверхъ пользы отечеству, собственныя имъ важности честь сохранить, для того, что по мнѣнію римскаго сатирика Ювенала, стыдняе латинамъ не знать полатинѣ. Всѣмъ ученымъ людямъ совершенно вѣдомо, что Тиберій цесарь римской и извиненія прежде просилъ у сенаторовъ, что одно токмо чужестранное слово ему, предъ ними говоря, употребить надлежало". Но, чтобы имѣть время заниматься своимъ языкомъ, прежде нужно перевести все лучшее съ чужихъ языковъ на свой языкъ. „Итакъ да переводятъ, которые цвѣтутъ изъ нашихъ искусствомъ языковъ. все что преизряднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ на нашъ россійской языкъ; да обогащаютъ Россію выборнѣйшими книгами.... Но однако да не вознерадятъ ученые наши также и собственнымъ своимъ трудомъ что-нибудь между тѣмъ сочиненное обществу подавать. Всегда удивляться чужому искусству, а собственныхъ силъ не отвѣдывать. и о собственномъ искусствѣ не стараться, знакъ есть незнанія и лѣности, или, по крайней мѣрѣ, ненадѣянія къ сдѣланію равнаго, хотя бы ужъ и такова, которое бы весьма мало не равнялось" ([1]). Подъ *искуснымъ* (искусственнымъ, художественнымъ) краснорѣчіемъ Тредьяковскій разумѣетъ украшенный слогъ и потому разсуждаетъ о разныхъ тропахъ. Подъ *несходственнымъ* краснорѣчіемъ

(¹) Сочин. т. III, стр. 575: 578—579; 584—585.

онъ разумѣетъ то, что хотя по предмету краснорѣчіе одно, но въ писателяхъ обнаруживается неодинаково, напр. въ Демосѳенѣ, Исократѣ, Цицеронѣ, слѣд. разумѣетъ то, что мы называемъ *различіемъ слога* у разныхъ писателей. Наконецъ, нужно упомянуть еще объ обширномъ *„Разговорѣ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой“*. Этотъ разговоръ составленъ Тредьяковскимъ по образцу разговора Эразма Роттердамскаго о произношеніи въ греческомъ и латинскомъ языкѣ и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части говорится о произношеніи вообще и въ частности буквы і; во второй части разбирается прежнее правописаніе и доказывается, что оно неправильно, заимствовано изъ греческаго языка и для нашего языка не пригодно; въ третьей части рекомендуется новое правописаніе, основаніемъ для котораго должно служить устное произношеніе словъ т. е. должно писать слова такъ, какъ они произносятся въ устномъ разговорѣ. Въ этомъ положеніи Тредьяковскій опирается на Квинтиліана, который говорилъ: „Sic scribendum quidque judico quomodo sonat; hic enim usus est litterarum, ut custodiant voces et velut depositum reddant legentibus“ [1]). Но произношеніе словъ разнообразно и чрезвычайно измѣняется; одни и тѣ же слова въ разныхъ областяхъ и въ разныхъ нарѣчіяхъ произносятся различно. Поэтому, на основаніи устнаго произношенія, никакъ нельзя установить однообразнаго правописанія. Оно должно быть основано на грамматическихъ правилахъ языка...

Такимъ образомъ, Тредьяковскій въ своихъ разсужденіяхъ касался почти всѣхъ существенныхъ пунктовъ въ области языка и словесности. Пользуясь при этомъ разными сочиненіями, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, преимущественно же латинскихъ и французскихъ, писателей, онъ познакомилъ русскихъ съ существовавшею въ то время въ европейскихъ литературахъ ложно-классическою теоріею поэзіи и перенесъ ее въ русскую литературу. Поэтому онъ можетъ быть названъ первымъ по времени теоретикомъ въ новой нашей словесности вообще; въ частности же въ области стихотворства онъ первый началъ доказывать непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стиха и стремился ввести стихосложеніе тоническое.

Стихотворенія Тредьяковскаго. Но, къ несчастію, Тредьяковскій былъ исключительно теоретикомъ; какъ только начиналъ прилагать свои свѣдѣнія къ дѣлу, на практикѣ, такъ и оказывался вполнѣ несостоятельнымъ: все у него выходило уродливо, безо-

---

(1) Сочин. т. III, стр. 126.

бразно. Правильно понимая характеръ и требованія поэтическаго искусства и стихосложенія, онъ не въ состояніи былъ написать ни одного хорошаго стихотворенія. Кто изъ не посвященныхъ въ дѣло можетъ подумать, что слѣдующіе напр. стихи, заимствованные изъ лучшей оды „*На сдачу города Гданска*“ (т. е. Данцига, взятаго Минихомъ, во время Польской войны въ 1734 г.), написаны тѣмъ же самымъ Тредьяковскимъ, который въ своихъ разсужденіяхъ высказалъ столько здравыхъ мыслей о поэзіи и стихосложеніи?....

«Кое стра́нное піа́нство
Къ пѣнію́ мой гла́съ бодри́тъ!
Вы́, парна́сское́ убра́нство,
Му́зы! у́мъ не ва́съ ли зри́тъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ возстаетъ.
О, народы всѣ внемлите;
Бурны вѣтры не шумите
Анну стіхъ мой воспоетъ.

Се брящаю въ ліру сладку
Велелѣпно торжество,
Къ вящшему враговъ упадку
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила!
Силѣ равнаго борца,
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

Самъ Нептунъ что ль строилъ стѣны?
Сіи при морѣ стоятъ.
Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны,
Что пустить внутрь не хотятъ
Русско воинство обильно,
И тому противясь сильно?
Віслою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандруль называютъ?
Не за Ідуль принимаютъ
Стольценбергъ, кой есть горой.

То не матерь басней Троя,
Не одинъ тутъ Ахіллесъ;

Каждый рядовой изъ строя
Мужествомъ есть Геркулесъ.
Чтожъ за Власть перуны мещетъ?
Не Мінерваль шлемомъ блещетъ?
Явно, что отъ горьнихъ лицъ,
Со всего богиня вида;
Безъ щита страшна эгіда,
Анна, верхъ Імператрицъ» (¹).

Эта ода составляетъ подражаніе одѣ Буало: „На взятіе Намура“. Она была написана Тредьяковскимъ сначала силлабическими стихами, а потомъ переложена на тоническій размѣръ. Характеризуя языкъ и складъ стиха Тредьяковскаго, она въ тоже время показываетъ, до какой степени онъ подражалъ классической одѣ. Въ стихотвореніе, изображающее побѣду русскихъ, онъ внесъ миѳическую обстановку. Здѣсь есть и музы, и сладкогласныя струны лиры, и Нептунъ, и Геркулесъ, и Минерва. Стѣны Данцига напоминаютъ ему Троянскія стѣны, Висла—рѣку Скамандръ, гора Стольценбергъ гору Иду; каждый воинъ напоминаетъ Ахиллеса или Геркулеса, а императрица Анна сравнивается съ Минервой, блещущей шлемомъ.

Пушкинъ, какъ замѣчено выше, похвалилъ Тредьяковскаго, между прочимъ, и за то, что онъ для перевода поэмы Фенелона выбралъ гексаметръ; но гексаметръ Тредьяковскаго былъ до того уродливъ, что послѣ него, въ продолженіе 50 лѣтъ, боясь осмѣянія, никто не осмѣливался писать имъ; только уже Гнѣдичъ, переводя Иліаду, рѣшился, какъ онъ выразился, „отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ“. Вотъ для образца два отрывка изъ Тилемахиды.

Начало поэмы, съ воззваніемъ къ музѣ самого Тредьяковскаго:

«Дре́вня размѣ́ра стіхо́мъ/пою́ отцелю́бнаго сы́на,
Ко́й, отъ приро́дныхъ брего́въ поплывъ, и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ видѣ.
Много жъ коль ни страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродіты
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзѣньми;
Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ избавляла,
И возвратившуся въ домъ даровала рождшаго видѣть.
Странно ль, быть добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
Муса! повѣждь и вину и конецъ путешествій сыновскихъ,
Купно въ премѣнѣ царствъ и людей приключенія разны»....

. . . .

(¹) Сочин. т. I, стр. 271—272.

«Въ крайней тоскѣ завсегда уже пребывала Калипса,
И не могла ничѣмъ своего внутрь сердца утѣшить,
Послѣ какъ прочь отъ нея отторгся Одѵссъ невозвратно.
Въ горести той себя пренесчастливу симъ почитала,
Что естества была нетлѣніемъ въ вѣки безсмертна.
Нѣдра пещеры ся ни пѣсньми къ тому не гласили:
Нѵмфы, служебницы ей, ни словажъ не смѣли промолвить.
Часто сама одна по лугамъ ходила цвѣтущимъ,
Коими островъ тотъ опушала весна вѣковѣчна.
Но такія прекрасны мѣста не токмо болѣзни
Въ ней утолять не могли, еще на печальную память
Болѣй Одѵсса, тольми созерцаннаго, ей приводили.
Многажды то на брегѣ морскомъ стояла недвижно,
Кой орошала, какъ дождь проливая, своими слезами,
И непрестанно смотря туда, гдѣ корабль Одѵссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся» (¹),

Такая неуклюжесть стиховъ, конечно, много зависѣла и отъ совершенной необработанности русскаго языка; на французскомъ языкѣ Тредьяковскій писалъ стихи гораздо лучше. Но главная причина ея заключалась въ отсутствіи у Тредьяковскаго поэтическаго таланта и художественнаго вкуса. Между тѣмъ, Тредьяковскій, не сознавая этого, считалъ себя первымъ русскимъ поэтомъ и потому еще болѣе смѣшнымъ казался своимъ современникамъ. Большинству современниковъ, разумѣется, и извѣстны были только его стихотворенія, но не были извѣстны, или по крайней мѣрѣ не были доступны для пониманія его ученыя сочиненія. Къ сожалѣнію, и нравственный характеръ Тредьяковскаго не могъ возбуждать къ нему симпатіи: онъ былъ мелоченъ, кстати и некстати похвалялся своими заслугами русской поэзіи, гордо держалъ себя съ нисшими и въ тоже время унижался предъ высшими и льстилъ имъ. Этимъ объясняютъ то, почему большинство смотрѣло на него почти какъ на шута, надъ которымъ можно смѣяться всячески и даже оскорблять безнаказанно; но этимъ нельзя объяснить того возмутительнаго поступка, какой позволилъ себѣ сдѣлать съ нимъ вельможа Волынскій. Въ 1740 г. для увеселенія скучавшей импер. Анны Іоанновны на Невѣ построили „Ледяной домъ", для того, чтобы въ немъ сдѣлать свадьбу одного придворнаго шута. Распоряжавшійся устроеніемъ этого праздника, Волынскій вздумалъ поручить Тредьяковскому сочинить стихи на праздникъ, и одному кадету, Криницыну, приказалъ привести его на слоновый дворъ, гдѣ дѣлались приготовленія для маскарада. Кадетъ обошелся съ Тредьяковскимъ такъ насмѣшливо и грубо, что Тредьяковскій пожаловался на него Волынскому. Волынскій, не разобравъ дѣла, вмѣсто того, чтобы

(¹) Соч. том. II, стр. 1—3.

сдѣлать выговоръ кадету, началъ бранить и бить самого Тредьяковскаго „предъ всѣми толь не милостиво по обѣимъ щекамъ, что правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема“, а потомъ велѣлъ бить его еще и кадету. Послѣ такихъ побоевъ Тредьяковскому дали тему для сочиненія стиховъ и отправили домой. Глубоко оскорбленный, Тредьяковскій, хотя и сочинилъ стихи, но рѣшился принести жалобу на Волынскаго врагу его, герцогу Бирону, и для того утромъ на другой день явился во дворецъ. Но здѣсь, прежде выхода Бирона, его увидѣлъ Волынскій и опять началъ бранить и бить: „велѣлъ, говоритъ Тредьяковскій, снять съ меня шпагу съ великой яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спинѣ такъ жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дали мнѣ съ семьдесятъ ударовъ“. Потомъ, Тредьяковскій, по приказанію Волынскаго, былъ отправленъ „подъ караулъ“, гдѣ и оставался цѣлыя сутки до праздника. Въ праздникъ въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ „подъ карауломъ“ привели его „въ потѣшную залу“ и заставили прочитать наизусть сочиненные имъ стихи. Затѣмъ Волынскій опять велѣлъ его отправить „подъ караулъ“, откуда выпустилъ его уже на другой день, предварительно еще побивъ его палкою. Все это Тредьяковскій самъ описалъ въ своемъ рапортѣ въ Академію наукъ (¹). Характеризуя дикую самоуправную натуру Волынскаго, этотъ возмутительный фактъ ясно свидѣтельствуетъ также и вообще о страшной грубости нравовъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, допускавшемъ такое беззаконное самоуправство съ поэтомъ и писателемъ. Особенно тяжелымъ положеніе Тредьяковскаго сдѣлалось въ то время, когда на литературномъ поприщѣ явились Ломоносовъ и Сумароковъ и своими произведеніями совершенно его заслонили. Тогда онъ совсѣмъ потерялъ равновѣсіе и ниже и ниже сталъ падать. Завидуя славѣ Ломоносова и Сумарокова, онъ постоянно ссорился съ ними и даже позволялъ себѣ дѣлать доносы на нихъ, стараясь заподозрить ихъ въ невѣріи. Враждебныя отношенія къ Ломоносову начались у него съ самаго перваго времени послѣ возвращенія Ломоносова изъ за границы въ 1740 г. и съ небольшими перерывами продолжались болѣе 20 лѣтъ. Вступленіе Ломоносова въ Академическую конференцію въ качествѣ адъюнкта въ 1742 возбудило въ немъ зависть и въ это время онъ составилъ на него эпиграмму „*Самохвалъ*“, которая была напечатана уже только въ 1752 г. (²). Умеръ Тредьяковскій въ 1769 г.; но и по смерти онъ долго былъ предметомъ насмѣшки. Извѣстно, что въ эрмитажѣ импер. Екатерины II

(¹) Сочин. т. I, стр. 796—801.

(²) Сборн. матер. Куника, стр. XL.

установлено было шуточное наказаніе—за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть страницу изъ Телемахиды, а за важнѣйшую вину—выучить изъ нея шесть строкъ наизусть. Думалъ ли Тредьяковскій, что его переводъ Телемахиды, которымъ онъ хотѣлъ оказать услугу отечеству, получитъ такое оскорбительное назначеніе? Но въ настоящее время исторія, оставляя въ сторонѣ стихотворство Тредьяковскаго, смотритъ на него уже какъ на замѣчательнаго ученаго, который своими переводными и оригинальными сочиненіями принесъ несомнѣнную пользу русской литературѣ.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Идеи Петра В. о русскомъ образованіи, о воспитаніи „изъ природныхъ россіянъ“ такихъ людей, которые бы повсюду—въ наукѣ, промышленности, въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, могли со временемъ замѣнить иностранцевъ, задержанныя въ своемъ развитіи борьбою придворныхъ партій при Екатеринѣ I и Петрѣ II, а потомъ продолжительнымъ господствомъ Бирона и вообще нѣмецкой партіи въ правленіе Анны Іоанновны, должны были возникнуть снова при Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ дочь Петра, явилась продолжательницей его плановъ и во всемъ хотѣла слѣдовать его правиламъ. „Съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы, говоритъ Соловьевъ, видно было, что національное движеніе будетъ состоять въ возвращеніи къ правиламъ Петра В., а правило Петра было всѣмъ извѣстно: должно пользоваться искусными иностранцами, принимать ихъ въ службу, но не давать имъ предпочтенія предъ русскими и важнѣйшія мѣста въ управленіи занимать исключительно послѣдними“ (1). При Елисаветѣ, дѣйствительно, вмѣсто иностранцевъ, занимавшихъ самыя важныя должности въ государствѣ, явились русскіе люди—Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовы, Разумовскіе, Шуваловы и др. Президентомъ Академіи наукъ былъ сдѣланъ въ 1746 г. братъ любимца Елисаветы, графъ К. Г. Разумовскій. Подъ его вліяніемъ, въ слѣдующемъ 1747 г. былъ составленъ новый регламентъ Академіи наукъ. Въ этомъ регламентѣ, между прочимъ, въ члены Академіи предлагалось избирать не однихъ иностранцевъ, но и русскихъ, въ адъюнкты же Академіи преимущественно русскихъ; оффиціальными языками для Академіи были признаны только латинскій и русскій; на этихъ же только двухъ языкахъ должны были читаться и лекціи по всѣмъ наукамъ въ академическомъ университетѣ. Наконецъ, при Разумовскомъ, между чле-

(1) Ист. Россіи XXI, 177.

нами Академіи, кромѣ Ломоносова и Тредьяковскаго, явилось еще нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были Крашенинниковъ, Поповъ, Котельниковъ, Румовскій, Козицкій и др. Къ сожалѣнію, Регламентъ Академіи былъ составленъ путемъ чисто административнымъ, только двумя членами академической конференціи, Шумахеромъ и Тепловымъ, безъ всякаго участія со стороны академиковъ. На первомъ мѣстѣ, выше всего была поставлена академическая канцелярія, которой были подчинены всѣ дѣла Академіи, не только экономическія, но и ученыя и учебныя. Это стѣсняло дѣятельность академиковъ и было вредно для науки. Дѣла въ Академіи пошли дурно, явились разные безпорядки, и нѣкоторые изъ иностранныхъ академиковъ, недовольные положеніемъ Академіи, уѣхали изъ Россіи ([1]). Послѣ Разумовскаго, самымъ вліятельнымъ лицомъ во вторую половину царствованія Елисаветы былъ И. И. Шуваловъ ([2]). Шуваловъ воспитывался за границей, во Франціи; не смотря на то, онъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ и глубокимъ патріотомъ. Познакомившись съ европейскимъ образованіемъ, наукой и искусствомъ, онъ стремился распространить ихъ въ Россіи. Это стремленіе сблизило его съ другимъ русскимъ патріотомъ, геніальнымъ Ломоносовымъ; оно побуждало его покровительствовать Сумарокову и другимъ поэтамъ, ученымъ и художникамъ и пріобрѣло ему у современниковъ названіе „Россійскаго Мецената“. Самымъ важнымъ фактомъ просвѣщенной дѣятельности Шувалова было основаніе перваго въ Россіи Московскаго университета и двухъ первыхъ гимназій въ Москвѣ. Академія наукъ, по мысли Петра В., должна была приготовлять ученыхъ и образованныхъ людей изъ русскихъ; для этой цѣли, при Академіи открыты были университетъ и гимназія. Но академическое начальство плохо заботилось объ этихъ заведеніяхъ, и русскихъ образованныхъ людей выходило изъ нихъ мало. Шувалову пришла мысль открыть отдѣльный и самостоятельный университетъ и отдѣльныя гимназіи ([3]). Въ 1754 г. онъ

([1]) Ист. Академіи наукъ Пекарскаго II, XXVII—XXXIII.

([2]) Жизнь Шувалова, описанная кн. Ѳ. Н. Голицынымъ. Москва 1853 г. № 5; Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ С. М. Соловьева 12 янв. 1855 г. И. И. Шуваловъ г. Бартенева, Русск. Бесѣда 1857 г. № 1. Письма Шувалова. Библ. Зап. 1861 г. № 12.

([3]) Соловьевъ думаетъ, что такая мысль могла быть прямо внушена Шувалову Ломоносовымъ, или поддержана имъ; по крайней мѣрѣ Ломоносовъ говоритъ, что онъ «первый причину подалъ къ основанію университета». Какъ видно, во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1754 г. было рѣшено дѣло объ основаніи университета въ этой столицѣ; Шуваловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, объявилъ объ этомъ Ломоносову, а въ слѣдъ затѣмъ прислалъ ему чер-

представилъ Сенату проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій; импер. Елисавета утвердила его 12 января 1755 г., а 25 апрѣля университетъ былъ открытъ. При открытіи университета, первый изъ русскихъ профессоровъ его, Барсовъ въ своей рѣчи сказалъ объ университетѣ: „въ немъ императрица самое ученіе всё своему народу даровала; ибо съ именемъ университета должно представлять всё собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія"; а на первомъ актѣ университетскомъ, чрезъ годъ послѣ открытія, другой русскій профессоръ, Поповскій изобразилъ его значеніе для Россіи въ такихъ словахъ: „Безчисленныя тысячи нашего потомства, прежде еще своего рожденія, симъ благодѣяніемъ уже обязаны.... Дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего, премудрою государынею учрежденнаго мѣста, произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы, на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе" (1). Московскій университетъ сдѣлался центромъ того высшаго образованія, къ которому начали стремиться русскіе люди со времени реформы (2). Богатыя и знатныя фамиліи приглашали къ себѣ для воспитанія дѣтей иностранцевъ; но, не въ состояніи будучи судить о достоинствѣ учителей, часто брали такихъ, которые на своей родинѣ были лакеями, парикмахерами, или какими-нибудь ремесленниками. Московскій университетъ долженъ былъ приготовлять русскихъ учителей и воспитателей, которые изъ Москвы распространяли бы свое вліяніе на всю Россію и дали бы возможность основать русскія училища. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что отецъ его „не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею его и брата его въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ". Такъ поступали и другіе. Между первыми воспитанниками университета, въ первые 10 лѣтъ, мы встрѣчаемъ, кромѣ Фонъ-Визина, имена Димитрія Аничкова, бывшаго потомъ профессоромъ философіи и математики въ университетѣ,

---

новое доношеніе въ сенатъ объ основаніи университета. Ломоносовъ послалъ ему свое мнѣніе объ устройствѣ будущаго университета, наскоро набросанное, приписавъ слѣдующее: «Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу непремѣнно». Истор. Россіи XXIII, 337.

(1) Ист. Москов. университета; стр. 18, 21.

(2) Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. И. Иконникова. Вѣст. Европы 1876; сентябрь.

Якова Булгакова, бывшаго посланникомъ въ Константинополѣ, Григорія Потемкина, будущаго князя Таврическаго, князя Лопухина, предсѣдателя государственнаго совѣта, Домашнева, вице-президента Академіи наукъ и др. Весьма сильнымъ побужденіемъ къ поступленію въ университетъ долженъ былъ служить и указъ императрицы, изданный 17 мая 1756 г., по которому ученіе въ университетѣ, составляя прямой путь къ высшимъ мѣстамъ государственной службы, само по себѣ ставилось наравнѣ съ первоначальною службою. По этому указу позволено было недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указанное время на смотрахъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, а по склонности къ наукамъ и до 20 лѣтъ; успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и тоже время учиться и числиться по службѣ съ производствомъ чиновъ; тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять правительствующему Сенату (¹). 3 іюля 1756 г. была открыта въ университетѣ „для любителей наукъ и охотниковъ до чтенія библіотека, состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ“ и съ тѣхъ поръ всегда была отворена по средамъ и субботамъ, отъ 2 до 5 часовъ по полудни. Съ 25 апрѣля того же 1756 года началось при университетѣ изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя стали издавать первые профессора словесности, Поповскій и Барсовъ, и которыя, сдѣлавшись прямымъ органомъ Московскаго университета, сообщали въ тоже время русской публикѣ о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и западной Европѣ.—Такое значеніе получилъ Московскій университетъ съ самаго начала основанія; въ послѣдствіи онъ послужилъ образцемъ при учрежденіи другихъ университетовъ. Московскія же гимназіи послужили образцемъ, при заведеніи другихъ гимназій. Первою изъ нихъ была Казанская гимназія, открытая въ 1760 г. Впрочемъ, Казанская гимназія была только первымъ опытомъ исполненія обширнаго учебнаго плана Шувалова. Въ 1760 г. онъ представилъ въ Сенатъ доношеніе, что „во всѣхъ знатныхъ городахъ необходимо учредить гимназіи, по маленькимъ же городамъ учредить школы, въ которыхъ обучать русской грамотѣ, ариѳметикѣ и прочимъ первымъ основаніямъ“. Изъ этихъ первоначальныхъ школъ ученики должны были выходить въ гимназіи, изъ гимназіи въ кадетскій корпусъ, въ академіи, университетъ, а изъ этихъ мѣстъ въ дѣйствитель-

---

(¹) Тамъ же, стр. 22.

ную службу. Проектъ этотъ былъ одобренъ, но исполненіе его послѣдовало только въ царствованіе Александра I.

Вмѣстѣ съ науками, Шуваловъ старался утвердить въ Россіи и искусство. Въ 1757 г. послѣдовалъ указъ императрицы объ учрежденіи Академіи художествъ. Какъ основаніемъ университета Шуваловъ хотѣлъ приготовить русскихъ ученыхъ и образованныхъ людей, такъ открытіемъ Академіи художествъ онъ хотѣлъ создать русское искусство. Академія поэтому и связана была съ университетомъ; въ нее и поступали воспитанники университета. Въ указѣ объ учрежденіи Академіи было объявлено, почему молодые русскіе люди, не смотря на великую склонность и природное дарованіе, не успѣваютъ въ искусствахъ; причина тому незнаніе иностранныхъ языковъ, необходимыхъ для уразумѣнія толкованій мастера, и наукъ, для художества необходимыхъ. А потому „можно нѣкоторое число взять способныхъ изъ университета учениковъ, которые уже и опредѣлены учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ къ художеству; ими можно скоро доброе начало и успѣхъ видѣть".

Основавъ университетъ, Шуваловъ постоянно слѣдилъ за его успѣхами и постоянно ему покровительствовалъ. До 1762 г. онъ состоялъ главнымъ его кураторомъ; другимъ его кураторомъ былъ лейбъ-медикъ и президентъ Академіи, Блюментростъ; ближайшее управленіе поручено было директору, которымъ сначала былъ А. М. Аргамаковъ, а потомъ И. И. Мелиссино. Мелиссино и Шаденъ, послѣ Шувалова, были самыми полезными дѣятелями въ исторіи образованія этого времени. Мелиссино (род. 1718 г.) былъ сынъ греческаго медика, пріѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи при Петрѣ В. Получивъ образованіе въ Кадетскомъ корпусѣ, онъ полюбилъ науки и литературу и въ продолженіе всей своей жизни заботился о нихъ и покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и поэтамъ. Шаденъ (Іоганнъ Матіасъ) былъ первымъ директоромъ московскихъ гимназій въ теченіе 20 лѣтъ. Родомъ венгерецъ, онъ получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ. Обладая обширными свѣдѣніями въ наукахъ, онъ особенно отличался любовію къ философіи и знаніемъ классическихъ языковъ, которые онъ преподавалъ въ высшихъ классахъ гимназій. Кромѣ преподаванія и управленія въ гимназіяхъ, Шаденъ содержалъ еще частный пансіонъ, для воспитанія юношества. Пансіонъ этотъ пріобрѣлъ большую популярность и получилъ важное значеніе для образованія, на ряду съ правительственными заведеніями; въ немъ воспиталось множество замѣчательныхъ дѣятелей въ наукѣ и литературѣ; въ немъ, между прочимъ, получилъ образованіе и Карамзинъ. Изъ другихъ учебныхъ заведеній весьма важное образовательное значеніе въ это время имѣли сухопутный и морской корпуса. Изъ

сухопутнаго Кадетскаго корпуса вышло много замѣчательныхъ дѣятелей. Наконецъ, въ царствованіе Елисаветы открытъ былъ первый русскій театръ и трудами Сумарокова положено было начало русской драматической литературѣ. Но самымъ важнымъ дѣятелемъ въ царствованіе Елисаветы, имя котораго связано также съ основаніемъ Московскаго университета, былъ Ломоносовъ, котораго самого Пушкинъ назвалъ „первымъ русскимъ университетомъ". Если идеи Петра В. о русской наукѣ и русскомъ образованіи стали приводиться въ исполненіе при Елисаветѣ Петровнѣ, то на Ломоносовѣ въ первый разъ исполнилось желаніе Петра, чтобы ученые въ Россіи выходили „изъ сыновъ россійскихъ". Ломоносовъ былъ первымъ такимъ ученымъ, какихъ желалъ видѣть въ Россіи Петръ В. Онъ первый началъ приводить въ исполненіе тѣ планы и задачи относительно образованія, какіе указаны были Петромъ. Какъ геній практическій, Петръ В. цѣнилъ преимущественно такія знанія, которыя тотчасъ же могли быть приложены къ дѣлу, къ потребностямъ и пользѣ Россіи. Такое же направленіе имѣла и дѣятельность Ломоносова. Онъ также всѣ науки изучалъ для блага Россіи и всѣ добытыя знанія старался употребить въ ея пользу. При этомъ и вообще въ характерѣ Ломоносова замѣчается много сходства съ характеромъ Петра; и въ Ломоносовѣ мы видимъ ту же необычайную энергію въ дѣятельности и ту же непоколебимую настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей, какія составляютъ отличительныя черты въ характерѣ Петра В.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Ломоносовѣ. Воспитаніе и образованіе въ Россіи и заграницей. Вся жизнь Михаила Васильевича Ломоносова, отъ начала до послѣднихъ дней, представляетъ въ высшей степени оригинальную и поучительную для русскаго человѣка исторію [1]. Достигшій высшихъ степеней въ уче-

---

[1] Литература о Ломоносовѣ весьма богата. Изъ сочиненій прежняго времени болѣе важныя для біографіи Ломоносова слѣдующія: Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятые изъ его собственныхъ словъ Штелинымъ въ 1 № Москвит. 1850 г.; Записки Штелина Москвит. 1851 г. № 2; Біографія Ломоносова въ Словарѣ митр. Евгенія, II. 12—32; Избранныя сочиненія Ломоносова, Перевлѣсскаго М. 1846; Портфель служебной дѣятельности Ломоносова въ Очеркахъ Россіи В. Пассека (кн. 2 и 5); О Смирдинскомъ изданіи сочиненій

номъ и литературномъ мірѣ, онъ вышелъ изъ самой нисшей и простой среды народа: онъ былъ сынъ крестьянина рыбака Василія Дороѳеева, жившаго въ Двинскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ деревнѣ Денисовкѣ (Болото), лежащей на островѣ, недалеко отъ Холмогоръ; мать же его была дочь дьякона изъ села Матигоръ, въ сосѣдней области. Первымъ учителемъ Ломоносова былъ его односелецъ крестьянинъ Иванъ Шубной, или Шубинъ. Выучившись грамотѣ, Ломоносовъ началъ читать въ церкви и здѣсь познакомился съ церковно-славянскомъ языкомъ и церковными книгами, которыя развили въ немъ глубокое религіозное чувство, послужившее для него источникомъ утѣшенія въ тяже-

---

Ломоносова Тихонравова въ Москов. Вѣдом. 1852 г. №№ 46, 47 и 71. Для біографіи Ломоносова. Его-же, Москв. 1853 г № 3; Учен. Зап. Акад. Н. т. 3 вып. 1 и 2; Воспоминаніе о Ломоносовѣ; Рѣчь Погодина. Москв. 1855 № 2; Briefe von Christ. Wolf. 1860 г.; Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета, М. И. Сухомлинова, Русск. Вѣстн. 1861 г. № 1 т. XXXI; Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. Н. 1862 г. т. I.—Но самые полные сборники матеріаловъ для біографіи и ученой и литературной дѣятельности Ломоносова сдѣланы къ его юбилею въ 1865 г. I) Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. В. Ламанскаго. Чтен. общ. ист. и древн. 1865, кн. I. Эти матеріалы собраны изъ рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ академическомъ и государственномъ архивахъ. II) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ. Спб. 1865 г. Здѣсь собрано все, что сохранилось о Ломоносовѣ въ оффиціальныхъ документахъ архивовъ конференціи Академіи Наукъ и что прежде было уже напечатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Матеріалы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что Ломоносовъ представляется при этомъ со всею обстановкою современной жизни, въ ежедневномъ ходѣ дѣлъ, среди разнообразныхъ его отношеній и обстоятельствъ. Здѣсь же помѣщены и разныя письма Ломоносова, въ которыхъ высказалось то, что не могло быть высказано вполнѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ и въ чемъ выражаются задушевныя его мысли и стремленія.—III) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ въ XVIII в. изд. А. Куникомъ. Спб. 1865 г. ч. I и II. Здѣсь помѣщены статьи: «Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредьяковскому по поводу Оды на взятіе Хотина; матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова съ 1736 по 1741 г. Ода А. П. Шувалова на смерть Ломоносова въ 1765 г.; Ода Фенелона 1681 г.—IV) Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ С. И. Пономарева. Сборн. II. Отдѣл. Акад. Н. т. VIII. Спб. 1872. Здѣсь помѣщены: 1) хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ Ломоносова и собраній его сочиненій; 2) Списокъ напечатанныхъ сочиненій его, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и не вошедшихъ въ изданіе Смирдина въ 1847 и 1850 г.; 4) списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки; 5) Указаніе портретовъ его и снимковъ съ почерка; 6) Указа-

лыхъ обстоятельствахъ жизни. До 16-лѣтняго возраста Ломоносовъ съ отцомъ своимъ занимался рыбнымъ промысломъ, ѣздилъ въ Бѣлое и Сѣверное море, на морскія соловарни, въ Соловецкій монастырь, въ Колу и далѣе, бывалъ въ Архангельскѣ и Пустозерскѣ. Суровая природа сѣвера, трудныя занятія рыбака и опасныя плаванія по морю должны были развить въ немъ ту необыкновенную смѣлость и силу воли, которыя составляли отличительную черту его характера; а постоянныя сношенія съ жителями Поморья познакомили его съ ихъ бытомъ, нравами и языкомъ и доставили ему много такихъ свѣдѣній о природѣ и народной жизни, которыя въ послѣдствіи послужили матеріаломъ для его разныхъ плановъ и проектовъ. Но Ломоносова сильно тяготило убожество домашняго его быта и невѣжество непосредственно окружавшей его среды. Вотъ какъ онъ самъ охарактеризовалъ этотъ первый періодъ своей жизни въ одномъ письмѣ къ Шувалову: „Я имѣючи (имѣлъ) отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачи-

---

тель статей о жизни его и матеріаловъ для его біографія; 7) указаніе статей о его сочиненіяхъ; 8) псевдонимы его и псевдонимы, подъ которыми выводили его другіе писатели; 9) поэтическія произведенія, говорящія о немъ, и эпиграммы на него; 10) ученые труды, посвященные его памяти; 11) столѣтній юбилей его (1765 — 1865).—V) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова Я. К. Грота. Зап. Ак. Н. 1865 г. т. VII.—VI) О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ Н. Лавровскаго. Харьковъ 1865 г.—VII) Къ столѣтней памяти Ломоносова. Н. Н. Булича 1865 г. VIII) Ломоносовъ и реформа Петра В. О. Ѳ. Миллера. Вѣстн. Евр. 1866. № I (По поводу сочиненій Билярскаго, Куника, Лавровскаго и Ламанскаго).—IX) Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. А. Будиловича. Сборн. II Отд. Акад. Н. т. VIII. Здѣсь помѣщены: 1) указатель хронологической послѣдовательности учено-литературныхъ работъ Ломоносова; 2) особенности его языка и стиля; 3) размѣръ и характеръ его научныхъ средствъ; 4) отрывки неизданныхъ сочиненій Ломоносова.—X) Самое полное жизнеописаніе Ломоносова, составленное на основаніи всѣхъ указанныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, напечатано Пекарскимъ въ Истор. Акад. Наукъ ч. II, стр. 259—892. Приложенія къ нему, стр. 893—963.—Изданія сочиненій Ломоносова: 1-е изданіе въ Спб. 1751 г. въ одной книгѣ; 2-е изданіе (по распоряженію Шувалова) въ двухъ книгахъ. Москва. 1757—59 г. и Спб. 1768 г.; Изданіе Дамаскина Руднева въ 3-хъ частяхъ М. 1778; Изданіе Н. Новикова въ пользу юношества М. 1787. Три академическихъ изданія въ 6 ч. въ Спб. 1784—87; 1795—97; 1803—1804. Изданіе Смирдина въ Полн. Собр. сочиненій русскихъ авторовъ 3 ч. Спб. 1847. Изданіе Перевлѣсскаго: Избранныя сочиненія Ломоносова. Москва 1846 г. Академическое изданіе подъ ред. М. И. Сухомлинова начато въ 1891 г. (т. I—IV).

ху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того я многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы" (1). Но сила воли помогла ему преодолѣть всѣ препятствія. Стремленіе къ ученію увлекло, было, его въ расколъ безпоповщинской секты; но, пробывъ въ немъ два года, онъ увидѣлъ заблужденія раскольниковъ и отсталъ отъ нихъ. У крестьянина своей деревни, Христофора Дудина, онъ нашелъ славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго, ариѳметику Магнитскаго и стихотворную псалтирь Симеона Полоцкаго и не только прочиталъ, но и выучилъ ихъ наизусть. Эти книги, которыя онъ въ послѣдствіи называлъ „вратами своей учености", пробудили въ немъ такую жажду учиться, что онъ, на 19—20 году жизни, тайно отъ отца и родныхъ, которые въ это время уже собирались женить его, рѣшился безъ всякихъ средствъ пробраться для ученья въ Москву. Тотъ же крестьянинъ Шубинъ, который первый научилъ его грамотѣ и который, можетъ быть, и посовѣтовалъ ему бѣжать въ Москву, далъ ему на дорогу китайчатое полукафтанье и три рубля денегъ. По дорогѣ въ Москву, Ломоносовъ прожилъ нѣсколько времени въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Изъ Сійскаго монастыря пѣшкомъ, съ обозомъ рыбы, онъ добрался до Москвы въ январѣ 1731 и первую ночь здѣсь провелъ въ рыбномъ ряду въ саняхъ, и первыми предметами, поразившими его, были звонъ колоколовъ и главы и кресты соборовъ, на которые онъ усердно молился, прося Бога призрѣть его въ неизвѣстномъ городѣ. По разсказамъ Штелина, одинъ московскій прикащикъ, Пятухинъ, покупая въ обозѣ рыбу и узнавъ въ Ломоносовѣ земляка, который желаетъ учиться, но не имѣетъ къ этому средствъ, взялъ его къ себѣ и вскорѣ представилъ одному своему знакомому іеромонаху Заиконоспасскаго монастыря. Монахъ съумѣлъ оцѣнить необыкновеннаго мальчика и помѣстилъ его сначала въ первую навигаціонную школу на Сухаревой башнѣ, а потомъ въ Московскую академію. Сохранилось преданіе, впрочемъ оспориваемое нѣкоторыми писателями (2), что Ломоносовъ для того, чтобы попасть въ эту академію, въ которую принимали только дѣтей дворянъ и духовныхъ, назвалъ себя сыномъ священника, но потомъ, испугавшись, признался въ своемъ обманѣ архіеп. Новгородскому, Ѳеофану Прокоповичу. Прокоповичъ успокоилъ

(1) Сочиненія Ломоносова. Издан. Смирдина. Т. I. стр. 666—667.

(2) Истор. Акад. наукъ Пекарскаго II, 282.

его, сказавши: „Не бойся ничего; хотя бы со звономъ въ большой соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ“. Подобно домашнему ученію, и образованіе въ московской академіи сопровождалось для Ломоносова также величайшими трудностями. „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ Шувалову, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришолъ латинѣ учиться“ ([1]). Но, не смотря на всѣ трудности, Ломоносовъ, при своихъ геніальныхъ способностяхъ, скоро превзошелъ въ успѣхахъ всѣхъ своихъ товарищей. Московская академія дала образованію Ломоносова классическую основу. Кромѣ разныхъ наукъ, онъ здѣсь основательно изучилъ латинскій языкъ, который тогда былъ общимъ языкомъ всей европейской науки, и латинскую литературу, которая также считалась въ это время образцовой. Въ 1734 г. для изученія философіи и естественныхъ наукъ онъ отправился въ кіевскую академію, но оставался тамъ недолго и возвратился въ Москву. Въ это время хотѣли посвятить его въ священники и послать въ Карелу; но вдругъ изъ Петербургской академіи наукъ пришло въ Московскую академію требованіе прислать 12 лучшихъ учениковъ для помѣщенія въ академическую гимназію; въ это число попалъ и Ломоносовъ, который учился тогда въ философскомъ классѣ. Такимъ образомъ, судьба Ломоносова неожиданно измѣнилась; онъ вышелъ на новый путь, который долженъ былъ дать ему обширнѣйшее образованіе и привести къ обширнѣйшей дѣятельности. Въ академической гимназіи ему привелось учиться недолго. Бывшій тогда президентъ Академіи наукъ, баронъ Корфъ вздумалъ послать нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за

([1]) Сочин. 1, 663—664.

границу, для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на Ломоносова, Виноградова, сына рязанскаго священника, и нѣмца Райзера, которые сначала должны были отправиться въ Марбургъ къ профессору Вольфу, съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи здѣсь университетскаго курса, перейти во Фрейбергъ и изучить металлургію у профессора Генкеля, и наконецъ сдѣлать путешествіе по Франціи, Англіи и Голландіи. Къ Вольфу Академія наукъ обратилась потому, что онъ съ начала ея основанія состоялъ ея членомъ, получалъ отъ русскаго правительства ежегодный пенсіонъ въ 300 талеровъ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей. Въ Марбургъ Ломоносовъ съ товарищами отправился 8-го сентября 1736 г. и пробылъ здѣсь до 28 іюля 1739. Въ Марбургѣ Ломоносовъ получилъ обширное и основательное образованіе. У Вольфа онъ слушалъ философію, физику и логику; отъ него онъ усвоилъ и тотъ взглядъ на науку вообще и въ частности на науку о природѣ, какой выражается въ его сочиненіяхъ. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ человѣка и какъ знаменитаго ученаго, называлъ его своимъ учителемъ и благодѣтелемъ, перевелъ его экспериментальную физику и долго переписывался съ нимъ изъ Россіи. Въ свою очередь Вольфъ въ своихъ письмахъ къ Академіи дѣлалъ самые похвальные отзывы о Ломоносовѣ, о его талантахъ и занятіяхъ, постоянно отличалъ его отъ товарищей, выражая надежду, что онъ будетъ знаменитымъ ученымъ. Но если Ломоносовъ былъ обязанъ Марбургу своимъ умственнымъ развитіемъ и своими обширными свѣдѣніями въ наукахъ, то здѣсь же преимущественно развились и слабыя стороны его характера и особенно наклонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу. Студенческая молодежь въ Марбургскомъ университетѣ въ эту эпоху еще не умѣла находить отдыха отъ ученыхъ занятій въ какихъ-либо благородныхъ развлеченіяхъ, а тратила свободное время и избытокъ молодыхъ силъ на чувственныя удовольствія и грубые подвиги физическихъ силъ; картежная игра, пьянство и буйство были въ ея кругу самыми обыкновенными явленіями. Попавъ въ этотъ кружокъ, русскіе студенты совершенно увлеклись свободною и веселою студенческою жизнію, неудержимо предались разгулу и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, впали въ большіе долги. Испуганный такимъ поведеніемъ студентовъ, а еще болѣе ихъ долгами, Вольфъ началъ совѣтовать Петербургской академіи отозвать ихъ въ Россію, „такъ какъ они, писалъ онъ, не умѣютъ пользоваться академическою свободою, и кромѣ того выполнили все, зачѣмъ были присланы въ Марбургъ“. Вслѣдствіе этого, Академія поскорѣе отправила Ломоносова съ его товарищами во Фрейбергъ (въ Саксо-

ніи), къ профессору Генкелю, для изученія металлургіи. При этомъ она нашла нужнымъ предупредить Генкеля о поведеніи студентовъ и просила держать ихъ строже и объявить въ городѣ, чтобы никто не вѣрилъ имъ въ долгъ. Исполняя эту просьбу, Генкель началъ во всемъ усчитывать студентовъ, и такъ какъ Академія не аккуратно высылала ему сумму, назначенную за ученіе студентовъ, то онъ сталъ удерживать за собою тѣ деньги, которыя присылались на ихъ содержаніе. Результатомъ этого были частыя ссоры между Ломоносовымъ и Генкелемъ, которые обвиняли другъ друга и жаловались Петербургской академіи. Генкель жаловался на поведеніе Ломоносова; Ломоносовъ жаловался, что Генкель учитъ ихъ небрежно, что многаго имъ не показываетъ и „самые обыкновенные процессы, находящіеся во всѣхъ химическихъ соединеніяхъ, держитъ въ секретѣ и сообщаетъ съ большой неохотой, какъ что-то таинственное". „Я не промѣняю, писалъ онъ, на его ученость свои, хотя небольшія, но основательныя знанія, и не вижу никакого побужденія считать его своею путеводною звѣздою". При такихъ отношеніяхъ къ Генкелю, Ломоносову, разумѣется, нельзя было оставаться во Фрейбергѣ, и онъ выѣхалъ отсюда въ Марбургъ въ половинѣ мая 1740 года. По свидѣтельству Штелина, Ломоносовъ посѣщалъ еще рудники въ Гарцѣ и познакомился съ знаменитымъ тогда ученымъ по химіи и металлургіи, Крамеромъ. Ко времени жизни Ломоносова въ Марбургѣ и Фрейбергѣ (1738—1740) относится начало его занятій поэзіей и первые его поэтическія произведенія. По инструкціи, данной студентамъ, при отправленіи ихъ за границу, они обязаны были, кромѣ наукъ, изучать языки—латинскій, французскій и нѣмецкій, и дѣлать упражненія въ русскомъ языкѣ. Согласно съ этой инструкціей, Ломоносовъ, какъ опытъ своего знакомства съ французскимъ языкомъ и упражненія въ русскомъ, въ 1738 г. представилъ въ Академію наукъ переводъ оды Фенелона „На уединеніе", сдѣланный четырехстопными хореями. За этимъ первымъ переводнымъ стихотворнымъ опытомъ послѣдовалъ подражательный стихотворный опытъ. Въ 1739 г. Ломоносовъ написалъ оду „На взятіе Хотина", по подражанію одѣ нѣмецкаго поэта Гюнтера (1695—1723), который тогда былъ любимымъ поэтомъ студенческой молодежи въ Германіи. Посылая эту оду въ Петербургъ, Ломоносовъ писалъ, что онъ „не что иное, какъ только превеликія радости оныя плодъ, которую непобѣдимѣйшія нашея монархини (импер. Анны Іоанновны) преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ его сердцѣ возбудила". Въ одѣ изображалась побѣда Миниха при Ставучанахъ (18 августа 1739 г.) и послѣдовавшее за нею взятіе Хотина. Форма этой оды снята съ оды упомянутаго Гюнтера, напи-

санной въ прославленіе принца Евгенія, послѣ мира, заключеннаго между Австріей и Турціей въ Пассаровицѣ въ 1718 г. Къ одѣ Ломоносовъ приложилъ „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства". Академія передала оду на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину, а письмо въ „Россійское собраніе". Ода была одобрена, письмо же вызвало возраженія и отвѣтное письмо со стороны Тредьяковскаго. Но письму Тредьяковскаго, какъ „исполненному учеными ссорами", не было дано никакого движенія (1). Имя Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, какъ имя новаго русскаго поэта. Между тѣмъ, самъ новый поэтъ въ это время находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. По возвращеніи изъ Фрейберга въ Марбургъ, Ломоносовъ женился (6 іюля 1740 г.) на Елисаветѣ Христинѣ Цильхъ, дочери портнаго, хозяина квартиры, на которой онъ жилъ въ Марбургѣ, бывшаго члена городской думы и церковнаго старосты. Новыя потребности семейной жизни, скудное содержаніе и несвоевременная высылка денегъ Академіей заставили Ломоносова войти въ долги, за которые хотѣли посадить его въ тюрьму. Въ этомъ положеніи онъ вздумалъ бѣжать изъ Марбурга. Сначала онъ обращался за помощью къ русскому посланнику при Саксонскомъ дворѣ, графу Кайзерлингу, а потомъ въ Голландію къ графу Головкину, но совершенно безуспѣшно. Во время этого странствованія, близь Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, записали въ рекруты и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Возвратившись въ Марбургъ, онъ обратился уже въ Петербургъ съ просьбою о позволеніи возвратиться въ Россію, и, получивъ это позволеніе и 100 рублей на дорогу и на уплату долговъ, отправился въ Россію и прибылъ въ Петербургъ 8 іюля 1741 г. Жену и дочь онъ оставилъ въ Марбургѣ и вызвалъ ихъ къ себѣ только уже чрезъ два года.

Профессорская и административная дѣятельность Ломоносова въ Академіи наукъ. Испытавъ столько лишеній и трудностей при образованіи и принеся столько тяжелыхъ жертвъ для науки, Ломоносовъ, по возвращеніи изъ-за границы, поставилъ для себя священною обязанностію приложить добытыя свѣдѣнія къ потребностямъ Россіи, усвоить ей пріобрѣтенную имъ европейскую науку; но на пути къ достиженію этой цѣли онъ встрѣтилъ сильныя препятствія со стороны администраціи въ Академіи на-

(1) Сборникъ матеріаловъ Куника, XVII—XLI.

укъ, или академической канцеляріи, въ которой тогда сосредоточивалось управленіе Академіей. Затрудненіями сопровождалось уже самое вступленіе его въ Академію. При отправленіи за границу, Академія обѣщала Ломоносову, какъ и его товарищамъ, въ случаѣ его успѣховъ, сдѣлать его, по возвращеніи, профессоромъ. Но академической администраціи не захотѣлось такъ скоро выполнить это обѣщаніе. Ломоносову сначала поручили привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ при Академіи. Исполнивъ это порученіе, Ломоносовъ нѣсколько разъ просилъ Академію о должности профессора, указывая на представленныя ей сочиненія; но она не обращала вниманія на его просьбы, такъ что Ломоносовъ самъ долженъ былъ подать на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ по пунктамъ объяснилъ слѣдующее: „Въ оныхъ городахъ (Марбургѣ и Фрейбергѣ) будучи, я чрезполпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной гисторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ Академіи наукъ специмины своего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1741 г. съ докладомъ подалъ“ ([1]). Вслѣдствіе этого прошенія, Ломоносовъ 8 янв. 1742 г. сдѣланъ былъ адъюнктомъ по физикѣ. Состоя въ этой должности, онъ „преподавалъ въ академической гимназіи физическую географію, по нѣмецкому учебнику Крафта, давалъ наставленія въ химіи и исторіи натуральной и обучалъ воспитанниковъ стихотворству и стилю россійскаго языка“. Въ тоже время въ академической конференціи онъ читалъ ученыя диссертаціи по химіи и физикѣ, разсматривалъ, по порученію Академіи, разныя соли, руды и минералы и проч. Въ 1745 г., по отъѣздѣ профессора Гмелина за границу, Ломоносовъ утвержденъ былъ профессоромъ химіи и въ этой должности оставался до конца жизни. Съ этого времени его дѣятельность приняла еще болѣе широкіе размѣры. Въ письмѣ къ Шувалову въ 1753 г. онъ самъ охарактеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ: „Ежели кто, по своей профессіи и должности, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего болѣе требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное роди-

---

([1]) Матеріалы для біографіи Ломоносова Билярскаго, стр. 7.

лось" ([1]). Въ 1757 г. онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и получилъ участіе въ управленіи академическими дѣлами. Въ 1759 г. ему было поручено управленіе академической гимназіей и университетомъ и географическимъ департаментомъ. Но какъ достиженіе этого положенія, такъ и дѣятельность во всѣхъ указанныхъ должностяхъ сопровождались для Ломоносова непрерывною борьбою съ академическою канцеляріей и вообще съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ Академіи, или, какъ онъ выражался, „съ непріятелями наукъ россійскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра В." Въ этой борьбѣ, во время которой Ломоносовъ, при своей горячей натурѣ, нерѣдко вдавался въ крайности и доходилъ до несправедливости, высказался со всею полнотою и весь характеръ Ломоносова съ его непомѣрнымъ трудолюбіемъ, глубокою любовію къ наукѣ, пламеннымъ патріотизмомъ и непреклонною твердостію воли, при достиженіи своихъ цѣлей.

Средоточіемъ дѣятельности Академіи наукъ была академическая канцелярія. Она завѣдывала не только экономическими, но и учеными и учебными дѣлами. Ни отдѣльный членъ Академіи, ни вся конференція не могли печатать сочиненій безъ вѣдома и разрѣшенія канцеляріи. Конференція доносила ей о своихъ занятіяхъ и выписками изъ протоколовъ засѣданій и особыми рапортами каждаго члена по третямъ года (предъ выдачей жалованья). Каждое ученое предпріятіе, кромѣ конференціи, обсуживалось и въ канцеляріи и здѣсь рѣшалось. Поэтому въ сенатскихъ бумагахъ ее называли „Академической командой". Во главѣ канцеляріи, при Ломоносовѣ стояли сначала одинъ, а потомъ два нѣмца, Шумахеръ и Таубертъ, тесть и зять, люди, не ознаменовавшіе себя никакими трудами и въ наукахъ, по выраженію Ломоносова, скудные, но практическою смѣтливостію и изворотливостію умѣвшіе привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и случайныхъ. Они мало обращали вниманія на интересы русскаго образованія и русской науки, а заботились главнымъ образомъ о соблюденіи порядка и внѣшней формы, чтобы, выставивъ на видъ приличный декорумъ, удобнѣе было соблюдать свои личныя выгоды. „Съ самаго начала Академіи, говоритъ Ломоносовъ, науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки" и проч. ([2]). Таубертъ распоряжался казеннымъ добромъ и денежными суммами самовластно и не хотѣлъ давать отчета по своему управленію. „Захвативши деньги отъ книжной лавки, говоритъ Ломоносовъ, онъ кому хочетъ, тому и даетъ жалованье.... Занявъ въ акаде-

([1]) Тамъ же, стр. 213 —([2]) Тамъ же, стр. 504.

мическомъ домѣ самъ лучшіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, раздалъ другія по своему усмотрѣнію квартиры. И переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ". Въ особенности Ломоносовъ упрекалъ Тауберта въ недобросовѣстности при подрядахъ по перестройкамъ академическихъ зданій, часто излишнимъ, жаловался на то, что Таубертъ, вмѣсто обогащенія библіотеки необходимыми книгами, заботился объ устройствѣ обсерваторіи и шкафовъ въ библіотекѣ и кунсткамерѣ, употребляя на это деньги изъ суммъ книжной лавки, которыя не на то назначены, но на покупку книгъ. Библіотека, замѣчалъ по этому случаю Ломоносовъ, не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша библіотека весьма недостаточна ([1]). Вслѣдствіе дурнаго управленія академической канцеляріи и особенно деспотизма и самоуправства Шумахера, нѣкоторые даже иностранные члены Академіи оставили ее ([2]). Очень понятно, что Ломоносовъ, глубоко преданный наукѣ и ревностно заботившійся о ея успѣхахъ въ Россіи, возсталъ противъ такого, вреднаго для науки, преобладанія академической канцеляріи. Сохранилась его „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ" ([3]). Она написана Ломоносовымъ въ концѣ жизни, въ 1764 г.; но содержаніе ея еще раньше было изложено въ обширной Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи вообще, написанной въ 1755 г. Въ этой Исторіи Ломоносовъ выставляетъ всѣ препятствія наукамъ отъ академической канцеляріи и представителей ея, Шумахера и Тауберта, и требуетъ преобразованія управленія Академіи, настаивая на томъ, чтобы ученая и учебная часть въ Академіи была совершенно отдѣлена отъ канцеляріи. На сколько важнымъ и необходимымъ для успѣха наукъ Ломоносовъ считалъ это преобразованіе, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ оканчиваетъ свою исторію академической канцеляріи: „Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть, разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе. Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи" ([4]).

([1]) Тамъ же, стр. 497.—([2]) Тамъ же, стр. 60.

([3]) Тамъ же, стр. 49—101.—([4]) Тамъ же, стр. 101.

По проекту Петра В., гимназія и университетъ при Академіи наукъ должны были служить разсадниками для воспитанія будущихъ ученыхъ академиковъ и профессоровъ изъ русскихъ; между тѣмъ академическая канцелярія весьма мало заботилась объ этихъ учрежденіяхъ. „Съ начала Академіи наукъ отъ 1725 г. по 1733 г., говоритъ Ломоносовъ въ Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи наукъ, ни единаго россійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ..... Въ гимназіи каково расположеніе было, изъ того видно, что ни единъ школьникъ въ студенты изъ ней не выпущенъ, кромѣ одного, или двухъ, которые прежде въ другихъ школахъ доброе положили основаніе“ (1). „Шумахеру, замѣчаетъ Ломоносовъ въ той же Запискѣ, опасно было происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія.... Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: Я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зять его (Таубертъ) отозвался въ разговорѣ о произведеніи россійскихъ студентовъ: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно. И одинъ-де намъ въ тягость“ (2). Между тѣмъ, самъ Ломоносовъ въ томъ фактѣ, что изъ академической гимназіи и университета мало выходило студентовъ, видѣлъ поношеніе для всего русскаго народа. „Иностранные, говоритъ онъ, видя сіе и не зная вышеобъявленнаго, приписывать должны его тупому и непонятному разуму, или великой лѣности и нерадѣнію. Каково читать и слышать истиннымъ сынамъ отечества, когда иностранные въ вѣдомостяхъ и сочиненіяхъ пишутъ о россіянахъ, что де Петръ В. для своихъ людей о наукахъ напрасно старался, и нынѣ-де дочь его Елисавета безъ пользы употребляетъ на тожъ великое иждивеніе“ (3). Поэтому Ломоносовъ, желая дать гимназіи и университету надлежащее значеніе, сочинилъ для нихъ новые „штаты и регламенты“; но это мало помогало дѣлу, потому что управленіе ими зависѣло отъ академической канцеляріи, которая давала деньги на ихъ содержаніе „съ великимъ затрудненіемъ“. Таубертъ, по поводу новыхъ штатовъ, говорилъ Ломоносову: „что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ? куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ, и хотя отвѣтствовано, замѣчаетъ Ломоносовъ, что у

---

(1) **Тамъ же, стр. 438.**—(2) **Тамъ же, стр. 443.**
(3) **Тамъ же, стр. 99.**

насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже самихъ профессоровъ въ самой академіи и другихъ мѣстахъ. Но, не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами" (1). Все это заставило Ломоносова просить президента Академіи, графа Разумовскаго, чтобы университетъ и гимназія „отданы были ему въ единственное смотрѣніе и чтобы сумму по новому стату на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо"... (2).

Но вредное для русскаго образованія и русской науки преобладаніе нѣмецкой партіи Ломоносовъ видѣлъ не въ одной только академической канцеляріи, но и во всей Академіи, которая почти вся состояла изъ иностранцевъ. „Ученые, приглашенные въ Петербургскую Академію наукъ Вольфомъ, говоритъ Пекарскій, какъ напр. Германъ, Николай и Даніилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были проникнуты тѣмъ же сознаніемъ важности назначенія Академіи, какимъ руководился Вольфъ, при избраніи ихъ въ члены ея.... Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Академіи, стали руководствоваться не тѣмъ взглядомъ.... но другими, посторонними для науки, соображеніями" (3). Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ хорошими людьми стали являться и люди посредственные и недостойные, которые однакожъ какъ иноземцы „пользовались разными льготами и преимуществами, въ ущербъ природнымъ русскимъ, выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ презрѣніе къ русскимъ и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія". Такое положеніе дѣлъ, конечно, не могло не оскорблять патріотическаго чувства Ломоносова, и онъ, какъ только сдѣлался членомъ академической конференціи, началъ стремиться къ преобразованію всей Академіи. Въ 1755 г., по поводу пересмотра академическаго регламента, онъ приготовилъ „Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Академіи наукъ". Это „Мнѣніе" онъ внесъ потомъ въ упомянутую выше обширную Записку о необходимости преобразованія Академіи, представленную имъ въ томъ же году Шувалову (4). Записка состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-й части Ло-

(1) Тамъ же, стр. 80.—(2) Тамъ же, стр. 78—79.
(3) Истор. Академіи наукъ. Ч. LXI—LXII; ч. II. 570.
(4) Сборн. матеріаловъ Билярскаго, стр. 438—455.

моносовъ говоритъ о печальномъ состояніи Академіи; здѣсь, между прочимъ, изложены тѣ мысли, которыя вошли въ упомянутую выше краткую исторію академической канцеляріи; во 2-й излагаетъ причины паденія Академіи; въ 3-й предлагаетъ способы къ исправленію и приведенію ея въ цвѣтущее состояніе. Существенный недостатокъ Академіи, по мнѣнію Ломоносова, заключается въ томъ, что прежній ея регламентъ препятствуетъ произведенію и размноженію ученыхъ людей въ Россіи; главныя причины ея жалкаго положенія — управленіе Академіей людьми неучеными и „недоброхотство къ учащимся россіянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи". Разбирая академическій Регламентъ 1747 г., онъ вредными и поносительными для русскаго народа называетъ узаконенія „быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и другихъ должностяхъ". „Что иное подумать можно, говоритъ онъ, читая о выписаніи высшаго математика, и другихъ профессоровъ, и о дачѣ имъ большаго жалованья, о бытіи адъюнктовъ переводчиками у иностранныхъ профессоровъ, о переводѣ книгъ профессорскихъ, о контрактахъ съ иностранными профессорами, о иностранныхъ канцеляристахъ и провизорѣ типографскомъ, какъ сіе, что Санктпетербургская Академія наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большой части изъ иностранныхъ т. е. что природные россіяне къ тому не способны" (¹). „Другія европейскія государства, прибавляетъ онъ въ той же запискѣ, наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ россійскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ въ годъ потеряетъ для полученія ученаго россіянина. Да пускай хотя бы и 40 алтынъ жаль было, а не жалѣть бы 1800 рублевъ, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ" (²). Любя и почитая науку вообще, Ломоносовъ всегда ставилъ ученую дѣятельность, направленную къ интересамъ національнымъ, выше общей учености; уважая ученыхъ вообще, онъ требовалъ, чтобы ученые, сдѣлавшіеся извѣстными своими трудами въ своихъ государствахъ, но ничего не сдѣлавшіе для Россіи, не пред-

(¹) Тамъ же. стр 447.—(²) Тамъ же, стр. 448.

почитались русскимъ ученымъ, которые приносятъ пользу своему отечеству. Поэтому, въ проектѣ новаго регламента Академіи наукъ, представленномъ графу Разумовскому въ 1764 г. (¹), онъ положилъ, что президентъ Академіи долженъ быть „природный россіянинъ“, вице-президентъ „изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ Академіи не малое время, и показавшихъ свое въ наукахъ отмѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями“, что и вообще академики постепенно должны набираться изъ русскихъ. Приготовлять же академиковъ изъ русскихъ онъ предлагалъ чрезъ посылку за границу студентовъ академическаго университета. 2-го іюня 1764 г. онъ сдѣлалъ представленіе въ академическую канцелярію „объ отправленіи студентовъ въ чужіе краи“, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „чрезъ многіе опыты извѣдано, сколько трудовъ и хлопотъ стоитъ Академіи выписываніе иностранныхъ членовъ, также и отпускъ оныхъ не всегда безъ досадъ и нареканія бываетъ. Сверхъ же того, много времени миновать еще должно, пока Академія своими природными профессорами наполнится, какъ то примѣръ минувшаго времени показываетъ“. Указавъ затѣмъ на семь человѣкъ изъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ академическомъ университетѣ, онъ говоритъ: „Представляю, чтобы помянутыхъ студентовъ послать для наученія разныхъ наукъ и чтобы видѣть въ разныхъ земляхъ академіи и знатныхъ ученыхъ людей.... А гдѣ и чему учиться и какъ должно въ чужихъ краяхъ, о томъ дать имъ указъ съ инструкціею. А въ сочиняющемся новомъ статѣ и регламентѣ положить, чтобы на академической суммѣ всегда содержать природныхъ россійскихъ студентовъ за моремъ не меньше десяти человѣкъ. И такъ сіе мое представленіе обще туда представляется, чтобы о выписываніи вновь и о пріемѣ иностранныхъ профессоровъ безпрочное почти стараніе вовсе оставить, но крайнее положить попеченіе о наученіи и произведеніи собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые бы служили, назадъ не оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшита. А паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно“ (²).

Въ основѣ всей этой реформаторской дѣятельности Ломоносова, всѣхъ этихъ стремленій, требованій, плановъ и проектовъ лежала пламенная любовь къ наукѣ и глубокое патріотическое чувство, побуждавшее его ратовать за утвержденіе наукъ въ Россіи. Извѣстно, какое горячее письмо онъ написалъ къ Шу-

(¹) Тамъ же, стр. 652—660.
(²) Тамъ же, стр. 641—642.

валову по случаю смерти профессора физики Рихмана, котораго убило громомъ во время производства опытовъ надъ электричествомъ. Страшно пораженный внезапною смертію Рихмана, онъ всего больше боится того, чтобы его смерть въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ не была перетолкована ко вреду науки въ Россіи. Поэтому сказавъ, что Рихманъ умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность, онъ проситъ Шувалова обезпечить вдову его въ содержаніи, чтобы она сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, „чтобы и онъ такой же былъ любитель наукъ, какъ его отецъ“ (1). Когда Шувалову пришла мысль основать въ Москвѣ университетъ, онъ привѣтствовалъ ее съ восторгомъ, предложилъ свои услуги при составленіи плана, просилъ назначить въ планѣ, сколько возможно, больше профессоровъ и студентовъ, совѣтовалъ немедленно основать при университетѣ гимназію, представляя, что „университетъ безъ гимназіи, какъ пашня безъ сѣмянъ“. Послѣ основанія московскаго университета, онъ началъ хлопотать объ основаніи такого же университета въ Петербургѣ, составилъ проектъ его устава и планъ его открытія. Представляя этотъ планъ Шувалову для поднесенія его импер. Елисаветѣ на утвержденіе, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ для Академіи наукъ, и съ просьбою о назначеніи его самого вице-президентомъ Академіи, онъ писалъ Шувалову: „Едва принимаю смѣлость послать Вамъ сіи строки. И ноньче бы не послалъ, если бы меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе университетъ, откуду могутъ произойти безчисленные Ломоносовы..... По окончаніи сего хочу только искать способа и мѣста, гдѣ бы, чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше, видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею природою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазѣ“ (2). Къ сожалѣнію, по причинѣ болѣзни и смерти императрицы, проектъ и планъ Ломоносова остались неутвержденными. — Опираясь на чистоту своихъ намѣреній и искренность своихъ убѣжденій, Ломоносовъ стремился къ достиженію своихъ цѣлей съ необыкновенною смѣлостію и твердостію, не отступая ни предъ какими препятствіями, и не стѣсняясь ни какими отношеніями къ лицамъ. „Ежели жъ, Ваше Высокографское сіятельство,—писалъ онъ къ графу Разумовскому, жалуясь на Тауберта и разные непорядки въ Академіи,—не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени, то принужденъ буду принять законную смѣ-

(1) Тамъ же, стр. 213—215.—(2) Тамъ же, стр. 432.

лость непремѣнно поступить по высокоупомянутому монаршему указу, для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія" т. е. обратиться съ жалобой къ самой императрицѣ ([1]). Съ особенною ясностію твердость характера Ломоносова выразилась въ письмѣ его къ Теплову, гдѣ онъ упрекаетъ Теплова за его покровительство Миллеру и Тауберту, представляя послѣднихъ „недоброхотами россійскимъ ученымъ". „Повѣрьте, Ваше Высокородіе, я пишу не изъ запальчивости: но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть, она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ; да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже..... Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего иного не ищу, какъ только, чтобы закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Буде жъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю..... Не употребляйте божьяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра В. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству. Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молоду, на старость не покину" ([2]). Съ такою прямотою и твердостію Ломоносовъ относился ко всѣмъ лицамъ, не исключая и тѣхъ знатныхъ особъ, которыя были его покровителями, напр. къ Воронцовымъ, Разумовскимъ и Шуваловымъ. Безъ покровительства Шувалова Ломоносовъ никакъ не могъ бы дѣйствовать такъ свободно и на половину не достигъ бы своихъ цѣлей; Шуваловъ постоянно защищалъ его отъ всѣхъ его враговъ, поддерживалъ всѣ его планы, по-

([1]) Тамъ же, стр. 552.
([2]) Тамъ же, стр. 499—503.

ощрялъ его труды. Сознавая это, Ломоносовъ любилъ и уважалъ Шувалова, но въ тоже время держалъ себя по отношенію къ нему съ такимъ достоинствомъ и независимостію, что въ угоду ему не хотѣлъ не только поступиться какими-нибудь убѣжденіями, но и просто смягчить напр. свои враждебныя отношенія къ Сумарокову. Извѣстно его рѣзкое письмо къ Шувалову, по поводу попытки Шувалова помирить его съ Сумароковымъ. „Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ..... Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и Вы сами не рады. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.... Не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ (1). Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ представляетъ собою типъ, совершенно противоположный тѣмъ поэтамъ, которые, унижаясь предъ знатными особами, унижали и искусство, которому служили. Ломоносовъ, напротивъ, значеніе науки и литературы хотѣлъ основать на значеніи въ обществѣ самихъ ученыхъ и писателей, и потому старался упрочить свое положеніе въ обществѣ. А такъ какъ въ то время особенное значеніе и вѣсъ въ обществѣ придавали чины, то онъ требовалъ награжденія своихъ заслугъ чинами, наравнѣ съ другими, и горячо протестовалъ, когда замѣчалъ, что его хотятъ обойти, заботился объ увеличеніи средствъ къ жизни, высоко цѣнилъ избраніе въ члены какого-нибудь ученаго заграничнаго общества и даже хлопоталъ объ этомъ, справедливо думая, что если правительство хочетъ возвысить въ Россіи науку и образованіе, то должно обезпечить матеріальныя средства людей, занимающихся наукой, и возвысить ихъ положеніе въ обществѣ.

Но, при своемъ раздражительномъ и страстномъ характерѣ, Ломоносовъ во время борьбы съ нѣмецкой партіей увлекался въ крайности и доходилъ иногда до явныхъ несправедливостей и грубыхъ поступковъ. Въ оффиціальныхъ документахъ Академіи сохранилось нѣсколько дѣлъ о такъ называемыхъ „продерзостяхъ“ Ломоносова. Изъ нихъ особенно рѣзко выдаются поступки Ломоносова

(1) Тамъ же, стр. 486—487.

въ академической конференціи и географическомъ департаментѣ, относящіеся къ первымъ годамъ его службы въ Академіи наукъ, а изъ позднѣйшаго времени обращають на себя вниманіе его враждебныя столкновенія съ двумя знаменитыми современными историками, Миллеромъ и Шлецеромъ. Въ 1742 г. 17 ноября и 31 декабря изъ конференціи Академіи наукъ были поданы въ слѣдственную коммиссію двѣ жалобы на Ломоносова, что Ломоносовъ, съ нѣкоторыми другими чиновниками „съ непозволительнымъ безстыдствомъ входилъ неоднократно въ палату профессорскаго собранія и мѣшалъ профессорамъ въ отправленіи ихъ дѣла и такія учинилъ своевольства, которыя чести всея императорскія Академіи противны". Коммиссія начала разслѣдованіе жалобъ, а между тѣмъ академическая конференція за указанныя „продерзости" исключила (21 февраля 1743 г.) Ломоносова изъ своихъ засѣданій. Раздраженный этимъ, Ломоносовъ произвелъ новую „продерзость", которая въ свою очередь еще болѣе раздражила нѣмецкихъ членовъ Академіи и заставила ихъ подать новую жалобу на него. Жалоба эта состояла въ томъ, что Ломоносовъ 26 апрѣля 1743 г. „въ противность всѣмъ честнымъ и разумнымъ поступкамъ, съ крайнею наглостію и безстыдствомъ" приходилъ въ конференціонную залу и географическій департаментъ, и, встрѣтивъ здѣсь профессора Винсгейма, занимавшагося въ архивѣ, началъ „поносить Винсгейма и всѣхъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами безчестя, чего и писать стыдно". Донося объ этомъ, академики требовали за обиду „знатной сатисфакціи", безъ чего отказывались продолжать свои занятія, указывая въ тоже время на опасность, что „безъ такой сатисфакціи никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ". Разсмотрѣвъ указанныя продерзости Ломоносова, коммиссія приговорила его „къ лишенію живота или по крайней мѣрѣ къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія". Этотъ приговоръ коммиссіи, разумѣется, обрадовалъ всю нѣмецкую партію, которая такимъ образомъ надѣялась освободиться на всегда отъ безпокоившаго ее русскаго человѣка; но ея надеждамъ не было суждено сбыться. Съ одной стороны, великія дарованія и ученая и литературная слава Ломоносова, а съ другой то, что нападенія его на Академію имѣли основаніе въ дѣйствительномъ неустройствѣ Академіи, въ разныхъ академическихъ безпорядкахъ, что учиненныя имъ продерзости, какъ ни грубыми онѣ представлялись, не были при тогдашнихъ нравахъ какимъ-нибудь небывалымъ и исключительнымъ явленіемъ въ ученой средѣ,—все это спасло Ломоносова отъ строгаго и уничтожающаго приговора коммиссіи. По указу императрицы онъ былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго на-

казанія „ради довольнаго его обученія“; положено было только просить ему у профессоровъ прощенія, а за учиненныя непристойности въ конференціи, яко судебномъ мѣстѣ, приказано давать ему жалованья въ годъ противъ положеннаго оклада только половину. На половинномъ окладѣ Ломоносовъ пробылъ полгода.—Однимъ изъ главныхъ дѣятелей и участниковъ въ этихъ жалобахъ на Ломоносова былъ профессоръ Миллеръ, который въ то время только что возвратился изъ сибирской экспедиціи ([1]). Очень понятно, что съ этого времени Ломоносовъ сталъ смотрѣть на Миллера, какъ на личнаго своего врага и врага всѣхъ русскихъ ученыхъ. Съ этого времени начались у Ломоносова и съ нѣкоторыми промежутками продолжались до его смерти враждебныя отношенія къ Миллеру. Такія отношенія, впрочемъ, были поддерживаемы и поведеніемъ самого Миллера, который, по отзывамъ современниковъ, не отличался мягкостью характера и гуманностью въ обращеніи съ русскими людьми ([2]). Но такъ какъ самыя важныя столкновенія Ломоносова съ Миллеромъ и Шлецеромъ происходили изъ за русской исторіи, то всего умѣстнѣе будетъ сказать о нихъ при разсмотрѣніи трудовъ Ломоносова по русской исторіи.

Напряженная, ученая и литературная, дѣятельность, продолжительная борьба съ враждебной партіей и въ тоже время частыя увлеченія въ крайности забвенія горя и непріятностей въ разгулѣ преждевременно разстроили здоровье Ломоносова. Узнавъ о его болѣзни, 7 іюня 1764 г. импер. Екатерина, съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми придворными, посѣтила его на дому и старалась ободрить и вызвать его къ прежней дѣятельности; но это ободреніе, ожививъ Ломоносова на время, не могло возстановить уже совершенно упавшихъ его физическихъ и нравственныхъ силъ. 4 апр. 1765 г. онъ скончался.

Значеніе Ломоносова въ русской наукѣ и литературѣ. Еще при жизни Ломоносова, къ портрету при его сочиненіяхъ, изданныхъ по распоряженію Шувалова въ 1757 г., были приложены слѣдующіе стихи Поповскаго ([3]):

«Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

([1]) Ист. Акад. наукъ, ч. 1, стр. 336.

([2]) Тамъ же, ч. 1, стр. 364.

([3]) Другіе, впрочемъ, эти стихи приписывали И. И. Шувалову. Опытъ Истор. Словаря Новикова. Изданіе Ефремова, стр. 121.

Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ».

А Сумароковъ, въ эпистолѣ о стихотворствѣ, сказалъ о немъ:

«Онъ нашихъ странъ Мальгербъ,
Онъ Пиндару подобенъ».

Въ этихъ громкихъ стихахъ высказался взглядъ современниковъ на Ломоносова: онъ представляется великимъ русскимъ поэтомъ и ораторомъ, подобнымъ древнимъ греческимъ и римскимъ поэтамъ и ораторамъ, но почти ничего не говорится объ ученыхъ его заслугахъ. Точно также односторонне долго смотрѣли на Ломоносова и писатели и критики послѣдующаго времени до Пушкина, продолжая видѣть въ немъ идеалъ поэта и оратора, и называя его то „россійскимъ Пиндаромъ", то „россійскимъ орломъ, ширяющимся въ облакахъ". Но со времени Пушкина взглядъ на Ломоносова совершенно измѣнился. „Ломоносовъ, сказалъ Пушкинъ, былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ элоквенціи и поэзіи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, и не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя онъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Оды его, написанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается.... Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи" (слѣдуютъ указанія на ученые труды Ломоносова) (1). „Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ" (2). Послѣ этого

(1) Сочин. изд. Исакова, т. 5, 403—404—(2) Тамъ же, стр. 141.

отзыва начали столько же унижать значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы, сколько прежде его преувеличивали, обращая при этомъ вниманіе на его оды и похвальныя слова, которыя такъ строго осудилъ Пушкинъ, но по прежнему совершенно забывая то высокое значеніе Ломоносова въ русской наукѣ, на которое указалъ Пушкинъ. Только уже въ наше время, послѣ столѣтняго юбилея въ 1865 г. сталъ выясняться настоящій образъ Ломоносова, какъ знаменитаго ревнителя и поборника русскаго просвѣщенія, и признано было, что на Ломоносова нельзя смотрѣть отдѣльно только какъ на поэта, или какъ на ученаго, что въ исторіи русскаго просвѣщенія одинаково важное значеніе имѣетъ и ученая и литературная его дѣятельность.

Ученая дѣятельность Ломоносова. Главнымъ предметомъ Ломоносова были естественныя науки, особенно химія и физика, металлургія и физическая географія. Этими науками онъ преимущественно занимался въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своей службы; съ 1749 г., со времени знакомства съ Шуваловымъ, въ немъ усиливается наклонность къ занятіямъ словесными науками—исторіей и словесностью. Но и въ это время, до конца жизни, онъ не оставлялъ своихъ занятій по химіи и физикѣ. „Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, писалъ онъ къ Шувалову вь 1755 г., чтобы ихъ вовсе покинуть; то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ препровожденія времени картами, шашками, и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ.... Итакъ уповаю, что мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собираніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярду употребить на физическіе опыты“.

Воспитанникъ Вольфа, Ломоносовъ вполнѣ усвоилъ его взглядъ на значеніе науки вообще и въ частности науки о природѣ. Всѣ изслѣдованія научныя въ то время обыкновенно и въ Европѣ начинались вопросами съ одной стороны объ отношеніи науки къ религіи, съ другой—о практическомъ примѣненіи науки къ жизни. Тѣмъ болѣе значенія имѣли эти вопросы у насъ въ Россіи, гдѣ наука только что начинала появляться и гдѣ всякое изслѣдованіе могло считаться ненужною новостью или даже опасною ересью. Поэтому необходимость и польза наукъ и согласіе знанія съ вѣрою были, какъ указано выше, почти постоянными темами Ѳеофана Прокоповича, Кантемира и Татищева. Эти же предметы прежде всего объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ и Ло-

моносовъ. Такъ, въ похвальномъ словѣ импер. Елисаветѣ онъ указываетъ на пользу астрономіи, физики, географіи, исторіи, философіи, медицины, химіи и механики ([1]). Въ программѣ публичныхъ лекцій по физикѣ онъ говоритъ: „Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и причину движенія: не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ“.... ([2]). Начиная лекціи по химіи, онъ сказалъ „Слово о пользѣ химіи“, въ которомъ провелъ параллель между человѣкомъ ученымъ и человѣкомъ ничего не знающимъ. „Представьте, говорилъ онъ, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды раждаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ..... Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею его соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу“ ([3]). Разъясняя при всякомъ случаѣ пользу всякой науки и всякаго знанія, Ломоносовъ особенно настаивалъ на необходимости изученія природы. Основную идею объ этомъ изученіи онъ выразилъ въ „Словѣ о происхожденіи свѣта“ въ слѣдующемъ положеніи: „Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно и свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія

(1) Сочин. 1, стр. 572—574.—(2) Сочин. 1, 803—804.
(3) Сочин. 2, 2—3.

Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ" (1). Такъ какъ многіе находили изслѣдованія природы опасными для вѣры, то Ломоносовъ долженъ былъ доказать, что „естествознаніе согласно съ религіею" и вообще объяснить, въ какомъ отношеніи находятся вѣра и знаніе, наука и религія. Въ Прибавленіи къ разсужденію: „Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное", онъ говоритъ: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на ихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какова способа къ объясненію мнимаго между ними междоусобія". Указавъ затѣмъ на Шестодневъ Василія В. и Богословіе Іоанна Дамаскина, въ которыхъ находится много разсужденій о разныхъ явленіяхъ природы, онъ продолжаетъ: „Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались, соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія, и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ, знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями; какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе.... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ нигахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные чители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что на Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи. Толко-

(1) Сочин. 2, 109.

ватели и проповѣдники свящ. Писанія показываютъ путь къ добродѣтели... и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изъискиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои еще удостовѣряютъ насъ не токмо о Бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры". ([1]). Главныя сочиненія Ломоносова по естествознанію слѣдующія: 1) Слово о пользѣ химіи; 2) Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; 3) Слово о происхожденіи свѣта; 4) Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 5) Разсужденіе о большей точности морскаго пути; 6) Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное 26 мая 1761 г.; 7) Первыя основанія металлургіи и 8) Два прибавленія къ нимъ: а) о вольномъ движеніи воздуха, въ рудникахъ примѣчаемомъ и б) о слояхъ земли. Сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ: 1) Размышленія о причинахъ теплоты и стужи; 2) Опытъ теоріи о упругости воздуха; 3) Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворяющихъ средствъ вообще; 4) О анемометрѣ, орудіи, показующемъ величайшую скорость какого-либо вѣтра и купно перемѣны его направленій. Кромѣ цѣльныхъ изслѣдованій сохранилось множество плановъ, проектовъ, небольшихъ записокъ и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о неутомимыхъ разнообразныхъ занятіяхъ Ломоносова. Въ дѣлахъ Академіи наукъ постоянно упоминается объ изобрѣтенныхъ Ломоносовымъ машинахъ и снарядахъ; о заказахъ, дѣлаемыхъ по его требованію то механику, то столяру, то оптику. Онъ касался всѣхъ вопросовъ, которые тогда возникали въ области естествознанія, и рѣшалъ ихъ самостоятельно и оригинально. Конечно, не всѣ его гипотезы были приняты наукой; его теоріи волнообразнаго теченія свѣта и образованія цвѣтовъ посредствомъ совмѣщенія частицъ не оправдались; за то сколько глубокихъ идей и свѣтлыхъ мыслей заключаютъ его изслѣдованія о происхожденіи электричества въ воздухѣ, о молніи и зарницѣ, о развитіи тепла посредствомъ вращательнаго движенія частицъ, о происхожденіи горъ отъ подъема земли силою огня, объ образованіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній, о возможности опредѣлять законы измѣненія погоды, о происхожденіи сѣвернаго сіянія отъ электричества. Когда, послѣ опредѣленія Ломоносова въ профессоры, Академія наукъ послала его диссертаціи въ Берлинъ къ знаменитому математику Эйлеру, Эйлеръ написалъ Академіи: „Всѣ записки Ломоносова

---

[1] Сочин. 2. 270. 273.

по части химии и физики не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій физическихъ и химическихъ феноменовъ; и желательно было бы, чтобы всѣ прочіе академики были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Ломоносовъ". Особенно замѣчательны были изслѣдованія Ломоносова объ электричествѣ, въ которыхъ онъ самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, до которыхъ въ это время дошелъ знаменитый Франклинъ. Въ 1753 г. было напечатано „Слово Ломоносова о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ". По этому поводу Эйлеръ писалъ къ Шумахеру: „Сочиненіе г. Ломоносова объ этомъ предметѣ я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Объясненія, данныя имъ относительно столь внезапнаго возникновенія стужи и происхожденія послѣдней отъ верхнихъ слоевъ воздуха въ атмосферѣ, я считаю совершенно основательными. Недавно я сдѣлалъ подобные же выводы изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія догадки столько же остроумны, сколько и вѣроподобны и выказываютъ въ г. авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго познанія естествовѣдѣнія, чему образцы, впрочемъ, и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ.... Въ 1754 г. тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи, Разумовскому: „Позвольте мнѣ приложить на ваше же имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики. Я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разъяснить такъ запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человѣкъ, который своими познаніями приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей націи" (1). Но не одинъ Эйлеръ такъ смотрѣлъ на Ломоносова; есть подобные о немъ отзывы и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени: Вольфа, Кандамина, Гейнзіуса, Крафта и др. Всесторонняя оцѣнка ученыхъ заслугъ Ломоносова въ области естествознанія русскими учеными сдѣлана въ нынѣшнемъ столѣтіи и особенно по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г. Указывая на разные недостатки въ сочиненіяхъ Ломоносова, объясняющіеся современнымъ ему состояніемъ естествознанія, они признали въ нихъ много глубокихъ и свѣтлыхъ идей, много такихъ воззрѣній, которыя въ то время были совер-

---

(1) Матеріалы Билярскаго стр. 77. Очеркъ ученой дѣятельности Ломоносова, Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ, т. VIII.

шенно новыми открытіями и которыя не потеряли значенія и въ настоящее время. Профессоръ физики Любимовъ, въ своей статьѣ: „Ломоносовъ, какъ физикъ", говоритъ: „Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки, и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ „Писемъ Франклина", которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть „Слова объ электричествѣ" была готова. Со свойственною ему воспріимчивостію, Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета и составилъ теорію, которая, можетъ быть, превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ... Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Ломоносовъ хотѣлъ найти связь между явленіемъ грозы и сѣвернымъ сіяніемъ, и пришелъ къ заключенію, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта, обильнаго грозами, чаще бываютъ сѣверныя сіянія, нежели въ другое время. Упомянемъ еще, что, по мнѣнію Ломоносова, зарница принадлежитъ къ одному роду явленій съ сѣвернымъ сіяніемъ. Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ „Письмахъ" (¹). Щуровскій въ своей рѣчи: „Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ", разсматривая Слово Ломоносова „о рожденіи металловъ отъ трясенія земли" и прибавленіе къ металлургіи „О слояхъ земныхъ", говоритъ: „Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени, но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что повидимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе

(¹) Сборникъ разсужденій «Въ воспоминаніе 12 января 1855 г.» Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Москов. Университета. Москва 1855 г.; стр. 20—25.

извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли де-Бомономъ, пока, наконецъ, сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣд. того же могучаго дѣятеля, который и по нынѣшней теоріи почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Мнѣніе Ломоносова относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое-либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній...... Поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу.... Теоріи Ломоносова, по сравненіи съ нынѣшнею, не доставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огнежидкою массою и только въ теченіи времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой; этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры“ (¹). Академикъ Д. М. Перевощиковъ, говоря о наблюденіяхъ Ломоносова и Румовскаго надъ „прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце 26 мая 1761 г.“, замѣчаетъ: „Оба наблюдателя видѣли одни и тѣже физическія явленія; но Румовскій ни слова не сказалъ о ихъ причинѣ, а Ломоносовъ весьма основательно объяснилъ существованіемъ атмосферы около Венеры. Спустя тридцать лѣтъ, послѣ небольшой полемики между Шретеромъ и В. Гершелемъ, эти знаменитые астрономы согласились въ существованіи атмосферы около Венеры, что еще позже подтвердилъ Араго. Итакъ Ломоносову принадлежитъ честь перваго открытія атмосферы около Венеры. По существованію атмосферы около всякой планеты, можно заключить, что она способна для жилища

(¹) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова Москов. Университетомъ. М. 1865 г.

органическихъ существъ, и потому Ломоносовъ объявляетъ себя послѣдователемъ Фонтенеля, и текстами изъ отцовъ церкви, Василія В. и Іоанна Дамаскина доказываетъ, что ученіе о множествѣ міровъ ни мало не противорѣчитъ св. Писанію" (¹). „О первыхъ основаніяхъ металлургіи Ломоносова" г. Борисякъ сдѣлалъ такой отзывъ. „Въ воззрѣніяхъ на минералы Ломоносовъ отличается стремленіемъ къ самостоятельности, и несмотря на нѣкоторые невѣрные взгляды—плодъ тогдашняго состоянія науки—онъ старается отрѣшиться отъ господствовавшихъ въ ней схоластическихъ предположительныхъ началъ.... Взглядъ Ломоносова на кристаллы соотвѣтствуетъ тому, какой установился въ нашемъ столѣтіи. Подмѣтивъ сходство кристалловъ съ кристаллами солей, Ломоносовъ за долго до знаменитаго врача первой французской революціи Леблана высказалъ вѣрную идею о способѣ ихъ происхожденія и какъ бы указываетъ на методъ наблюденія надъ ихъ образованіемъ. Сочиненіе Ломоносова о металлургіи вполнѣ доступно, популярно; номенклатура въ немъ русская. Появленіе подобнаго сочиненія въ то время, когда у насъ существовали горныя училища, а не было руководствъ...... нельзя считать иначе, какъ важною общественною заслугою Ломоносова" (²). О сочиненіяхъ Ломоносова по предмету геологіи г. Леваковскій въ рѣчи своей говоритъ: „Въ геологіи Ломоносовъ не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, передовымъ двигателемъ науки... къ чести Ломоносова нужно сказать, что онъ по взглядамъ и убѣжденіямъ стоялъ ни сколько не ниже, и во многихъ случаяхъ и выше своихъ современниковъ.... Ломоносовъ первый въ Россіи изложилъ въ систематическомъ видѣ ученіе геологіи; онъ перенесъ лучшія по тогдашнему времени свѣдѣнія на русскую почву и далъ возможность своимъ соотечественникамъ сразу стать въ этомъ отношеніи въ уровень съ Западной Европой" (³). Наконецъ г. Ласковскій, оцѣнивая Ломоносова, какъ химика, и указывая на тогдашнее слабое состояніе химіи, говоритъ: „химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать напр. его Meditationes de caloris et frigoris causa (размышленія

(¹) Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго. Ч. II, стр. 749—750.

(²) Тамъ же, стр. 816.

(³) Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865 г. Харьковъ 1865. Истор. Акад. наукъ Ч. II, стр. 817—818.

о причинѣ теплоты и холода) и Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere (разсужденіе о химически растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями точныхъ изслѣдованій, и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, не смотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ" (1).

Въ послѣдніе годы своей жизни Ломоносовъ съ увлеченіемъ занимался мозаикой, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на практическое примѣненіе химіи. Онъ хотѣлъ мозаикой замѣнить живопись и видѣлъ въ ней орудіе для украшенія монументальныхъ созданій зодчества вѣковѣчными изображеніями великихъ людей Россіи. Съ другой стороны, введеніемъ этого искусства Ломоносовъ хотѣлъ вызвать въ Россіи новую отрасль промышленности и торговли, новый важный источникъ государственныхъ доходовъ. Сохранились еще проекты Ломоносова „о россійской иконографіи"... для собранія россійской иконологіи бывшихъ въ Россіи государей обоего пола и всякаго возраста; „объ экономическомъ лексиконѣ", въ которомъ должны быть указаны экономическія богатства Россіи; проектъ „академическихъ вѣдомостей" на русскомъ языкѣ, которыя бы знакомили общество и съ трудами русскихъ академиковъ, и съ тѣмъ, что дѣлалось по наукѣ въ Европѣ; „проектъ внутреннихъ россійскихъ вѣдомостей", въ которыхъ сообщались бы свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи государства, на основаніи извѣстій изъ городовъ и губерній.

Литературная дѣятельность Ломоносова. Какъ ученый по призванію, считавшій главнымъ своимъ дѣломъ науку, Ломоносовъ сначала занимался литературой только въ свободное время, писалъ стихотворенія и ораторскія сочиненія только по какимъ нибудь особеннымъ случаямъ; серьезно же сталъ заниматься вообще „словесными науками" уже во вторую половину своей жизни; но, какъ человѣкъ геніальный и при страстной своей натурѣ любившій влагать въ каждое занятіе всю свою душу, онъ и на сочиненія въ области литературы положилъ такую печать си-

(1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 1865 г. въ Москов. университетѣ. Истор. Акад. наукъ ч. II, стр. 451—452.

лы и оригинальности, что они производили болѣе сильное вліяніе на современниковъ, принесли больше плодовъ и вообще получили гораздо большее значеніе въ послѣдствіи, чѣмъ его спеціальныя ученыя сочиненія, и поставили имя его во главѣ новой русской литературы, какъ ея творца, или преобразователя. Наука признала существенною заслугою Ломоносова въ области русской литературы то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный, прозаическій и стихотворный языкъ, написалъ грамматику русскаго языка и первую реторику на русскомъ языкѣ и далъ образцы краснорѣчія и поэзіи въ разныхъ родахъ и формахъ.

Сочиненія Ломоносова по языку и словесности. До Петра В. книжнымъ языкомъ былъ языкъ славянскій, или вѣрнѣе славяно-русскій, потому что съ самаго же начала славянской письменности, въ славянскій языкъ, образцами котораго были священныя и богослужебныя книги, входили постоянно русскія слова и формы рѣчи, какъ это показываютъ не только лѣтописныя и историческія сочиненія свѣтской литературы, но и такія духовныя сочиненія XVI—XVII в., какъ Стоглавъ, Домострой и Четь-минеи св. Дмитрія Ростовскаго, а сочиненія литературы свѣтской, какъ напр. повѣсти, писались разговорнымъ русскимъ языкомъ. Съ Петра В. литературнымъ языкомъ сдѣлался уже русскій языкъ, но вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ, такъ что книжная рѣчь представляла въ себѣ чрезвычайно странную пеструю смѣсь словъ и оборотовъ славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ, вошедшихъ съ реформою изъ разныхъ европейскихъ языковъ. Ломоносовъ въ сочиненіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“ (Сочин. I, 527—535) опредѣлилъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и значеніе его для русскаго, указалъ, въ какихъ сочиненіяхъ должно употреблять славянскій и въ какихъ русскій языкъ и на различномъ ихъ употребленіи основалъ, слѣдуя теоріи Аристотеля и Квинтиліана, различіе трехъ стилей въ литературѣ—„высокаго, средняго и низкаго“. „Церковно-славянскій языкъ, говоритъ онъ въ указанномъ сочиненіи, весьма много обогатился чрезъ переводъ книгъ священныхъ, богослужебныхъ и отеческихъ съ богатаго греческаго языка, на которомъ явилось столько превосходныхъ сочиненій духовнаго и свѣтскаго краснорѣчія. Поэтому изъ церковно-славянскаго языка мы можемъ умножать довольство россійскаго языка. Обогатившись отъ церковныхъ книгъ, русскій языкъ имѣетъ „разные степени“—высокой, посредственной (средній), и низкой, происходящія отъ трехъ родовъ реченій“. Къ первому роду относятся тѣ слова, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у русскихъ употребляются, каковы напр. „Богъ, слава, рука, почитаю“; ко второму роду принадлежатъ тѣ церковно-

славянскія слова, которыя хотя мало употребляются въ разговорахъ, однако всѣмъ понятны, напр. „отверзаю, Господень, насажденный“; къ третьему роду относятся русскія слова, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ, напр. „ручей, говорю, который, пока, лишь“. Отъ этихъ трехъ родовъ словъ происходятъ въ русскомъ языкѣ „три стиля—высокій, посредственный (средній) и низкій“. Первый стиль образуется изъ реченій славено-россійскихъ, употребляемыхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ—славянскомъ и русскомъ. Этимъ стилемъ должно писать поэмы, оды, прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ; этимъ стилемъ русскій языкъ преимуществуетъ предъ многими нынѣшними европейскими языками. „Средній стиль“ долженъ состоять изъ реченій русскаго языка, хотя въ немъ можно съ осторожностію употреблять и славянскія слова, только чтобы слогъ не казался надутымъ. Этимъ стилемъ должно писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово (впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно изобразить геройство и высокія мысли, можетъ быть употребляемъ и первый стиль), стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги, элегіи; въ прозѣ этимъ стилемъ составляютъ „описанія достопамятныхъ дѣлъ и ученій благородныхъ“. „Низкій стиль“ образуется изъ реченій третьяго рода; этотъ стиль употребляется въ комедіяхъ, увеселительныхъ эпиграммахъ и пѣсняхъ, въ прозѣ—въ дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ; въ этомъ стилѣ могутъ быть употребляемы и простонародныя слова. Но, кромѣ того, что изъ церковно-славянскаго языка мы заимствуемъ множество словъ для изображенія высокихъ и важныхъ идей, чрезъ этотъ языкъ мы соединяемся со всѣми славянскими народами, которые, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, но употребляютъ однѣ и тѣже церковныя книги. Благодаря также церковнымъ книгамъ, мы до сихъ поръ можемъ разумѣть языкъ старыхъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Владиміра.—Указавъ на такую пользу церковно-славянскаго языка, Ломоносовъ совѣтуетъ прилежно читать церковныя книги. Старательнымъ и искуснымъ употребленіемъ церковно-славянскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, можно „отвратить тѣ дикія и странныя слова, которыя входятъ къ намъ изъ чужихъ языковъ и искажаютъ красоту нашего языка“. Но послѣдователи Ломоносова, какъ справедливо замѣчаетъ при этомъ академикъ Гротъ, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностію въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ ([1]).

([1]) Филологическія разысканія Я. Грота. Спб. 1876, т. 1, 3.

Опредѣливъ отношеніе русскаго языка къ славянскому, Ломоносовъ позаботился установить основныя формы русскаго языка въ своей „Россійской грамматикѣ". Послѣ грамматики Адодурова, „весьма не совершенной", это была первая настоящая грамматика русскаго языка. Изданная въ 1755 г., она въ теченіе полувѣка была единственною русскою грамматикою, до изданія грамматики Академіей наукъ въ 1802 г. Въ посвященіи своей грамматики Павлу Петровичу, Ломоносовъ, изображая достоинства русскаго языка, замѣчаетъ: „Карлъ пятый, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣніе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка". (Сочин. 3, 250). Далѣе, объясняя необходимость изученія грамматики, онъ прибавляетъ: „Тупа ораторія, косноязычна поэзія, не основательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики. И хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ; однако правилами показываетъ путь самому употребленію". (Тамъ же, стр. 250—251). Вся грамматика Ломоносова состоитъ изъ 6-ти наставленій. Первое наставленіе имѣетъ значеніе общаго введенія въ грамматику. Грамматика по ученію Ломоносова раздѣляется „на общую и особливую". „Общая" грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а „особливая", какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ, по лучшему разсудительному его употребленію". Въ первомъ наставленіи кратко изложены нѣкоторыя понятія изъ общей грамматики о значеніи и происхожденіи частей рѣчи, которыя раздѣляются на главныя и служебныя. Въ слѣдующихъ затѣмъ пяти наставленіяхъ изложены законы и формы измѣненія частей рѣчи ([1]). „Надобно согласиться, говоритъ Гротъ, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и

([1]) Первое изданіе грамматики Ломоносова было сдѣлано въ 1755 году; послѣднее изданіе (всѣхъ изданій было 12, кромѣ вошедшаго въ новое академическое собраніе сочиненій) «въ воспоминаніе столѣтія русской грамматики» въ 1855 г. было напечатано въ Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Наукъ; въ предисловіи къ этому изданію помѣщенъ списокъ славянскихъ и русскихъ грамматикъ, издан. съ 1591 г. по 1755 и съ 1755 г. по 1855 г. Лучшая оцѣнка грамматики Ломоносова сдѣлана академикомъ Я. К. Гротомъ. Филологическія разысканія. Т. 2, стр. 48—69. Спб. 1876.

разуменъ... Главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ быть еще и другіе... Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣд. многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ, или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними... Не смотря, однакожъ, на нѣкоторыя черты сходства, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова... трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію и по самой разработкѣ законовъ языка... Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за тоже время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія“ (¹). Но еще прежде русской грамматики, изданіе которой было остановлено другими занятіями, Ломоносовъ издалъ „Риторику“, подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія т. е. ораторіи и поэзіи“. Руководство это должно было состоять изъ трехъ частей: „Общей риторики“, излагающей общія правила краснорѣчія, или словесности т. е. прозы и поэзіи; „Ораторіи“, въ которой излагаются правила составленія ораторскихъ рѣчей и другихъ формъ прозаическихъ сочиненій, и „Піитики“, въ которой содержатся правила стихотворства и составленія разныхъ формъ піитическихъ сочиненій. Ломоносовъ успѣлъ издать только первую часть т. е. „Общую риторику“, въ которой говорится: 1) объ источникахъ риторическаго изобрѣтенія, 2) объ украшеніи риторическаго содержанія, или изобрѣтенныхъ идей посредствомъ троповъ и фигуръ, и 3) о расположеніи риторическаго содержанія по формамъ хрій, силлогизмовъ въ разговорахъ, описаніяхъ, повѣствованіяхъ и рѣчахъ. Риторика Ломоносова составлена по образцу классическихъ риторикъ Каусссина, Помея и Годшеда, употреблявшихся въ то время во всѣхъ европейскихъ школахъ, и сама по себѣ не заключала ничего оригинальнаго; важное ея значеніе состояло въ томъ, что она написана была на русскомъ языкѣ (прежнія риторики писались на латинскомъ языкѣ, иногда съ славянскимъ переводомъ).

(¹) Филологическія разысканія, том. 2, стр. 48, 59, 60, 62, 66, 69.

и что каждое ея правило и каждая форма рѣчи, прозаической и стихотворной, были объяснены примѣрами на русскомъ языкѣ изъ разныхъ образцовыхъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, Гомера, Виргилія, Демосѳена, Цицерона, Плинія младшаго, Сенеки, Марціала, Василія В., Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Камоэнса (изъ Лузіады), Мосгейма, Эразма Роттердамскаго и др. „Замѣчательно, говоритъ Пекарскій, въ этой риторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо—Ломоносовъ" ([1]).

Ломоносовъ не ограничивался одной теоріей. Утверждая формы русскаго языка и русскаго краснорѣчія правилами грамматики и риторики, онъ въ тоже время давалъ образцы литературнаго языка и краснорѣчія. Къ нимъ, кромѣ указанныхъ примѣровъ въ риторикѣ, относятся разныя разсужденія и особенно похвальныя слова и рѣчи Ломоносова. Во всѣхъ риторикахъ лучшими образцами краснорѣчія всегда представлялись два похвальныхъ слова импер. Елисаветѣ Петровнѣ и Петру В. Похвальное слово Елисаветѣ Петровнѣ было сказано Ломоносовымъ сначала въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ въ день тезоименитства императрицы 6 сентября 1749 г. За это слово императрица подарила Ломоносову дачу Коровалдай на финскомъ берегу. Ломоносовъ принялъ этотъ подарокъ, какъ знакъ покровительства императрицы въ лицѣ его наукамъ; онъ повторилъ похвальное слово въ день восшествія императрицы на престолъ 26 ноября 1749 г., присоединивъ къ нему похвалу наукамъ, которымъ покровительствуетъ императрица. Подобно всѣмъ ораторскимъ рѣчамъ, Слово состоитъ изъ приступа, раздѣленія, изложенія и заключенія. Въ приступѣ изображается радость всей Россіи, празднующей восшествіе императрицы на престолъ. „Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ которой, подъ благословенною державою всемилостивѣйшія государыни нашея покоющіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ея на всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли обозрѣть обширность пространнаго ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось" ([2]). Въ раздѣленіи перечи-

([1]) Ист. Акад. наукъ, ч. II, стр. 389.
[2]) Сочин. 1, 551.

влены тѣ добродѣтели императрицы, которыя авторъ намѣренъ изобразить въ Словѣ; въ изложеніи, составляющемъ главную часть и содержаніе Слова, разсматривается отдѣльно каждая добродѣтель: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость. Прославляя покровительство императрицы наукамъ, Ломоносовъ изображаетъ пользу наукъ, и затѣмъ представляетъ саму императрицу говорящею учащемуся юношеству: „Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую академію, изъ сыновъ россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петра великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость" [1]. Въ заключеніи Слова Ломоносовъ дѣлаетъ обращеніе къ императрицѣ съ желаніемъ, чтобы она всегда украшалась своими добродѣтелями.—Похвальное слово Петру В. сказано Ломоносовымъ 26 апрѣля 1755 г. Въ этомъ Словѣ Ломоносовъ прославляетъ дѣла Петра В. и съ похвалою ему соединяетъ похвалу и его дочери, импер. Елисаветѣ Петровнѣ, которая явилась подражательницею его дѣламъ. Кромѣ приступа и заключенія, Слово состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части изображаются дѣла Петра В.: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска и флота, воинскіе подвиги и гражданскія учрежденія; во 2-й части—трудности, какія испыталъ Петръ при совершеніи этихъ дѣлъ: опасности во время путешествій по Европѣ, стрѣлецкія возмущенія, предательство ближнихъ, коварство внѣшнихъ враговъ; въ 3-й части—добродѣтели Петра: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе. При этомъ, изображая разнообразную дѣятельность Петра, Ломоносовъ говоритъ: „Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра В. вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ

---

(1) Тамъ же, стр. 575—576.

вездѣ Петръ, но не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Кому уподоблю нашего героя?... Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра В. не обрѣтаю" ([1]). Образцомъ при составленіи этого Слова служилъ для Ломоносова Панегирикъ Траяну Плинія младшаго, который въ немъ возвелъ Траяна въ божество; изъ этого панегирика Ломоносовъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста и между прочимъ приведенное сейчасъ языческое, совсѣмъ не свойственное христіанскому поэту, сравненіе Петра съ божествомъ.

Въ этихъ похвальныхъ словахъ, какъ и въ другихъ ораторскихъ произведеніяхъ, Ломоносовъ слѣдовалъ теоріи классическаго краснорѣчія, по которой ораторскія рѣчи должны были составляться высокимъ слогомъ, и въ строеніи рѣчи подражалъ латинскимъ и нѣмецкимъ образцамъ; отсюда въ нихъ длинные періоды съ глаголами на концѣ и со множествомъ вводныхъ, придаточныхъ и дополнительныхъ предложеній; отсюда въ нихъ вообще тотъ утомительный и тяжелый ходъ рѣчи, на который указалъ Пушкинъ. Но совершенно другой характеръ имѣютъ строй рѣчи и языкъ Ломоносова въ разныхъ его ученыхъ сочиненіяхъ, въ его письмахъ, запискахъ, въ разныхъ проектахъ и планахъ, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ слѣдовать теоріи и утвердившимся образцамъ, а писалъ по требованіямъ своего генія. Въ этихъ сочиненіяхъ, которыя собственно и нужно считать образцами языка и слога Ломоносова, русская рѣчь отличается краткостію, простотою, естественностію и близостію къ рѣчи разговорной. Языкъ въ нихъ богатъ сильными, мѣткими и оригинальными словами и оборотами. Видно, что Ломоносовъ обладалъ глубокимъ знаніемъ и русскаго народнаго, и церковно-славянскаго и книжнаго литературнаго языка. Языкъ въ этихъ сочиненіяхъ и составляетъ одну изъ существенныхъ заслугъ Ломоносова въ русской литературѣ.

Въ области поэзіи главная заслуга Ломоносова состоитъ также въ усовершенствованіи поэтическаго, или стихотворнаго языка. Въ „Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства", приложенномъ къ Одѣ на взятіе Хотина, онъ указалъ, что „россійскіе

([1]) Тамъ же. 614—615.

стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить; что силлабическое стихосложеніе, наблюдающее только то, чтобы стихъ состоялъ изъ одинакого количества слоговъ, не обращая вниманія на то, какіе будутъ эти слоги, долгіе или короткіе, противно русскому языку, что природа русскаго языка требуетъ размѣра тоническаго, основывающагося на различіи и равномѣрномъ употребленіи слоговъ долгихъ и короткихъ; что долгими въ русскомъ языкѣ слѣдуетъ назвать только тѣ слоги, надъ которыми стоитъ „сила“ т. е. удареніе; что въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ неисчерпаемое богатство долгихъ и краткихъ реченій, и потому можемъ употреблять въ своемъ стихосложеніи всѣ двухсложныя и трехсложныя стопы и всѣ роды стиховъ, употребляемыхъ у грековъ, римлянъ и нѣмцевъ: ямбическій, анапестическій, смѣшенный изъ анапестовъ и ямбовъ, хореическій, дактилическій, смѣшенный изъ хореевъ и дактилей; что русскому стихосложенію свойственны не однѣ женскія риѳмы, которыя до сихъ поръ употреблялись въ немъ, по образцу силлабическаго польскаго стихосложенія, но и мужскія и тригласныя; что для большей красоты и разнообразія мужскія, женскія и тригласныя риѳмы могутъ быть перемѣшиваемы между собою.

Поэтическія сочиненія Ломоносова. Но указать правила стихосложенія еще не много значило; почти тѣже самыя правила указывалъ и Тредьяковскій. Важно было то, что Ломоносовъ подтвердилъ и объяснилъ эти правила своими собственными стихотвореніями, въ которыхъ онъ представилъ образцы разныхъ формъ поэзіи. Онъ написалъ 11-ть одъ духовныхъ, 8-мь изъ нихъ составляютъ переложенія псалмовъ; содержаніе 9-й взято изъ книги Іова; 10-я утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ; 11-я вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія; 19-ть одъ похвальныхъ; Ода на счастіе, переводъ оды Руссо; 50-тъ похвальныхъ надписей, написанныхъ по разнымъ торжественнымъ случаямъ; 13-ть мелкихъ стихотвореній, заключающихъ въ себѣ экспромпты, посланія къ импер. Елисаветѣ и Екатеринѣ и вельможамъ; двѣ пѣсни эпической поэмы „Петръ В.“; двѣ трагедіи „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“ и посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла.

Такимъ образомъ Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи; но всего болѣе удалась ему ода, которая была болѣе сродна его лирическому таланту и болѣе сообразна съ обстоятельствами того времени. Онъ считался представителемъ русской классической оды, какъ Херасковъ — представителемъ эпической поэмы, а Сумароковъ — классической трагедіи. На одахъ Ломоносова вполнѣ отразились

какъ вообще указанныя выше свойства ложно-классическаго направленія, такъ и въ частности черты ложно-классической оды. Образцомъ оды для Ломоносова были оды Пиндара и Горація и французскихъ и нѣмецкихъ писателей, подражавшихъ этимъ поэтамъ. Первымъ его стихотворнымъ опытомъ, какъ выше указано, былъ переводъ оды Фенелона „На уединеніе"; первая подражательная ода „На взятіе Хотина" написана по подражанію современному нѣмецкому поэту, Гюнтеру. Чувство религіозное и патріотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками поэтическаго одушевленія Ломоносова. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишеній и страданій, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣніяхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова. Нѣкоторые его псалмы, какъ то: Псал. XIV: Господи, кто обитаетъ въ свѣтломъ домѣ, выше звѣздъ... и Псал. CXLV: Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися, духъ мой, возсылать... пріобрѣли особенную популярность, были переложены на ноты и долго распѣвались даже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ послѣдняго псалма:

«Хвалу́ Всевы́шнему́ Влады́кѣ
Потщи́ся, ду́хъ мой, во́зсыла́ть;
Я бу́ду пѣ́ть въ греня́щемъ ли́кѣ
О Не́мъ, пока́ могу́ вздыха́ть.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжь родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

. . . .
. . . .

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ».

Въ Одѣ изъ книги Іова (глав. XXXVIII—XLI) содержится свободное, съ нѣкоторыми пропусками, переложеніе рѣчи Божіей къ Іову, въ которой изображается съ одной стороны Божественное всемогущество, а съ другой—безсиліе и ничтожество человѣка. Въ началѣ оды прибавлено Ломоносовымъ обращеніе къ человѣку, ропщущему въ несчастіи на Бога:

«О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить».
. . . .

А въ концѣ оды присоединено наставленіе переносить несчастія съ терпѣніемъ и надеждою на Бога:

«Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть!
Онъ все на пользу нашу строитъ,

Казнитъ кого, или покоитъ;
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси!»

Какъ въ молодыхъ годахъ наблюденіе надъ явленіями природы, такъ и впослѣдствіи ученое ихъ изслѣдованіе возбуждали въ Ломоносовѣ глубокое чувство благоговѣнія и удивленія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ двухъ одахъ: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія“, которыя справедливо считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онѣ проникнуты неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы и написаны легкими, гармоническими ямбами. Вотъ въ какой картинѣ изображены восходъ солнца и озареніе имъ всей природы въ „Утреннемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ“:

«Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло;
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ»!

Особенно замѣчательно „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ по великолѣпному изображенію сѣвернаго сіянія, которое Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ наблюдалъ на Сѣверномъ океанѣ, и которое потомъ, какъ ученый, объяснялъ въ „Словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“.

«Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!
. . . .
Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?
. . . .
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!» [1]).

Другимъ источникомъ поэтическаго одушевленія Ломоносова было чувство патріотическое. Это чувство его въ первый разъ выразилось въ „Одѣ на взятіе Хотина 1739 г.“, потомъ въ „Одѣ на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны“, и выражалось въ продолженіе всего ея царствованія въ

(¹) Сочин. 1, 28—32.

похвальныхъ словахъ и одахъ, которыя и дали Ломоносову имя пѣвца Елисаветы. Вотъ начало оды на взятіе Хотина:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ горахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключь молчитъ,
Которой завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи».

Послѣ непомѣрно тяжкаго положенія во время гнета Бирона и господства нѣмецкой партіи вообще при Аннѣ Іоанновнѣ, кроткое царствованіе Елисаветы, возстановившей въ Россіи просвѣщеніе, начатое Петромъ В., и покровительствовавшей всѣмъ русскимъ людямъ, трудившимся на пользу Россіи, казалось современникамъ чуть не золотымъ вѣкомъ. Мы видѣли, что въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ Ломоносовъ представляетъ ее наслѣдницею и продолжательницею славныхъ дѣлъ Петра, покровительницею русской науки и русскаго просвѣщенія. Это же выражается и въ похвальныхъ его одахъ. Лучшею изъ этихъ одъ въ художественномъ отношеніи считается ода на восшествіе на престолъ императрицы, написанная въ 1747 г. Ода начинается прославленіемъ тишины, или мира, который Елисавета своимъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ доставила Россіи. Этотъ миръ служитъ источникомъ благоденствія народнаго вообще и въ частности причиною процвѣтанія наукъ.

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,

Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя».

Изображая пользу наукъ, Ломоносовъ и здѣсь, также какъ въ Похвальномъ Словѣ Елисаветѣ, обращается къ учащемуся русскому юношеству:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать».

Оканчивается ода извѣстными стихами въ похвалу наукъ, составляющими переводъ одного мѣста изъ рѣчи Цицерона pro Archia poëta:

«Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ»...

Но и въ этой лучшей похвальной одѣ Ломоносова отразилось, какъ въ построеніи ея по образцу одъ Пиндара и Горація,

такъ особенно въ употребленіи миѳологическихъ образовъ, греческихъ музъ, боговъ и богинь, то ложно-классическое направленіе, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

«Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
. . . .
Верьхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь просвѣтлый духъ...
. . . .
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ

Любовь къ наукѣ, замѣтилъ Пушкинъ, была главною страстію страстной души Ломоносова. Чувство любви къ ней, выражавшееся во всей его жизни и во всѣхъ его сочиненіяхъ, съ особенною силою обнаруживалось тогда, когда онъ видѣлъ неуваженіе къ наукѣ, или нападеніе на нее. Съ такимъ чувствомъ написано его посланіе о пользѣ стекла. По характеру своему, оно принадлежитъ къ такъ называемымъ дидактическимъ произведеніямъ, въ которыхъ поэты XVIII в. любили излагать стихами иногда совсѣмъ не поэтическіе предметы. Но Ломоносовъ, съ увлеченіемъ занимавшійся въ это время мозаикой, на которую другіе нападали, какъ на безполезное искусство, написалъ свое посланіе о стеклѣ съ истинно поэтическимъ одушевленіемъ. Ближайшимъ поводомъ къ нему былъ слѣдующій случай. На обѣдѣ у Шувалова, на которомъ Ломоносовъ былъ въ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, кто-то замѣтилъ ему, что стеклянныя пуговицы нынѣ уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носитъ такія пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ одушевленіемъ началъ ему объяснять пользу стекла въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ и наукахъ. Эти объясненія такъ понравились Шувалову, что онъ посовѣтовалъ Ломоносову изложить ихъ въ стихахъ. На этотъ случай и указываетъ начало „Посланія“, заключающее обращеніе къ Шувалову:

«Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено, огонь его родитель».

Затѣмъ Ломоносовъ указываетъ на тѣ предметы, которые приготовляются изъ стекла—на разные сосуды, употребляемые въ разныхъ случаяхъ, на стекла, зеркала, бисеръ, очки, зрительныя трубы, микроскопъ, барометръ, электрическія машины и проч.

«Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искуство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,

Что Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животни силы.
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно»(¹).

Такимъ образомъ Ломоносовъ проникался высокимъ поэтическимъ одушевленіемъ, когда приводилось ему писать о предметахъ, близкихъ его сердцу, хотя бы эти предметы для другихъ и не казались важными и поэтическими; но тамъ, гдѣ не было такихъ предметовъ, его совершенно покидало вдохновеніе. Пушкинъ, мы видѣли, назвалъ оды Ломоносова „утомительными и надутыми"; дѣйствительно, во многихъ его торжественныхъ одахъ поэтическое одушевленіе нерѣдко смѣшивается съ риторствомъ и отзывается напряженіемъ; рядомъ съ истиннымъ чувствомъ мы встрѣчаемъ въ нихъ и растянутыя мысли, преувеличенные образы, неестественныя сравненія. Но особенно такими недостатками наполнены его 50 похвальныхъ надписей, которыя были написаны большею частію по заказу, на разные торжественные случаи.

(¹) Сочин. т. 1, 507.

Тоже должно сказать и объ эпическихъ и драматическихъ его опытахъ. По подражанію древнимъ эпическимъ поэмамъ, Ломоносовъ хотѣлъ написать героическую поэму „Петръ В.“; но написалъ только двѣ пѣсни. Въ первой пѣсни изображается плаваніе Петра В. по Бѣлому морю, во время шведской войны, буря и спасеніе отъ нея въ Унской губѣ, посѣщеніе Соловецкаго монастыря и разговоръ Петра съ настоятелемъ этого монастыря о расколѣ и стрѣлецкихъ бунтахъ. Во второй пѣсни описывается осада и взятіе Шлиссельбурга. По желанію импер. Елисаветы, Ломоносовъ написалъ двѣ трагедіи: „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“. Дѣйствіе первой трагедіи происходитъ въ Крыму. Тамира—крымская царевна, дочь Мумета, царя крымскаго; Селимъ—багдадскій царевичъ. Дѣйствіе другой трагедіи „Демофонтъ“ происходитъ во Ѳракіи. Демофонтъ—сынъ Тезея, царя Аѳинскаго. Но эти опыты вышли неудачны; въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія страстей. Сохранилось еще нѣсколько сатирическихъ сочиненій, указывающихъ на сатирическій талантъ Ломоносова. Таковы: гимнъ бородѣ и сатиры на Тредьяковскаго и Сумарокова ([1]).

Но, при всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, стихотворенія Ломоносова въ тоже время заключаютъ въ себѣ столько достоинствъ, что они сдѣлались образцами подражанія для современныхъ и послѣдующихъ поэтовъ, дали начало новой школѣ и установили направленіе литературы на цѣлый періодъ, продолжавшійся до Карамзина. Конечно, это направленіе было ложно-классическое, долго вредившее самостоятельному развитію русской литературы; но мы не имѣемъ права обвинять за него Ломоносова, который не самъ создалъ это направленіе, а вмѣстѣ съ образцовыми произведеніями заимствовалъ изъ европейскихъ литературъ, въ которыхъ оно въ это время было господствующимъ направленіемъ. Современниковъ Ломоносова всего болѣе увлекалъ его сильный, звучный и гармоническій стихъ; созданіе такого стиха и составляетъ существенную его заслугу въ области русской поэзіи.

Труды Ломоносова по русской исторіи. Столкновенія его съ Миллеромъ и Шлецеромъ. Рядомъ съ литературой у Ломоносова шли занятія по русской исторіи. Русской исторіей Ломоносовъ началъ заниматься по убѣжденію Шувалова и самой импер. Елисаветы, которая выразила желаніе „видѣть россійскую

([1]) Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія, А. Аѳанасьева. Библіогр. Записки 1859. №№ 15. 17. Любопытные документы изъ портфелей Миллера. Москвит. 1854 г. №№ 1 и 2.

исторію, его штилемъ написанную". Но, начавъ заниматься по возбужденію другихъ, онъ такъ увлекся исторіей, что сталъ смотрѣть на нее, какъ на любимое свое дѣло, и занимался съ такою ревностію, что стремился устранить отъ нея даже настоящихъ историковъ, Миллера и Шлецера. Въ 1758 г. онъ написалъ первую часть „Древней россійской исторіи" (отъ начала россійскаго народа до кончины Ярослава), которая въ печати явилась уже послѣ его смерти, въ 1766 г.; при жизни же своей онъ успѣлъ издать въ 1760 г. только небольшое руководство, подъ названіемъ „Краткій россійскій лѣтописецъ", заключающее въ себѣ перечень великихъ князей и царей русскихъ, отъ Рюрика до Петра В. включительно, и „Родословіе россійскихъ государей", доведенное до послѣдняго времени.—Въ исторической наукѣ того времени, какъ и въ классической поэзіи, господствовало подражательное направленіе. Какъ въ эпосѣ образцами для поэтовъ служили Гомеръ и Виргилій, такъ въ исторіи образцами для историковъ были Геродотъ и Титъ Ливій. Какъ въ классической поэзіи главнымъ элементомъ считался элементъ дидактическій, такъ и на исторію смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ. „Она даетъ, говоритъ Ломоносовъ, государямъ примѣры правленія, подданнымъ повиновенія, воинамъ мужества, судіямъ правосудія, младымъ старыхъ разумъ, престарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ . . . Когда вымышленныя (поэтическія) повѣствованія производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то правдивая ли исторія побуждать къ похвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы, особливо жъ та, которая изображаетъ дѣла праотцевъ". Не только въ стилѣ и пріемахъ и вообще въ формѣ изложенія исторіи историки старались подражать греческимъ и римскимъ историкамъ, но и въ ходѣ и характерѣ самихъ событій историческихъ отыскивали сходство съ греческой и римской исторіей, и особенно любили начало своего государства и образованности производить отъ греческихъ и римскихъ героевъ или вообще отъ знаменитыхъ лицъ древности. Начало французскаго народа и государства приписывалось Франку, потомку Гектора Троянскаго; начало англійскаго государства приписывали также троянцу Бруту и исторію Англіи вели отъ временъ Трои чрезъ многія столѣтія. Исторія Славянъ въ книгѣ Мавра Урбини начинается съ сына Ноева, Іафета. Въ Синопсисѣ Гизеля помѣщены разныя сказанія о древности русскаго народа и извѣстія о князѣ Россѣ, Мосохѣ, который былъ внукъ Ноя. Крекшинъ, какъ выше замѣчено, въ своей исторіи предками славянъ также считаетъ князей Росса и Мосоха. Подобно тому, и Ломоносовъ въ своей исторіи старался открыть „древность и величество славянскаго народа" и говорилъ, что первый русскій князь, Рюрикъ, происхо-

дитъ отъ римскаго императора, Августа. Самую исторію русскую онъ сравнивалъ съ римской исторіей и находилъ между ними большое сходство. „Владѣніе первыхъ римскихъ царей, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству русскихъ князей; гражданское (т. е. республиканское) правленіе въ Римѣ подобно раздѣленію Россіи на удѣльныя княжества; единодержавіе римскихъ цезарей соотвѣтствуетъ самодержавству московскихъ государей. Одно примѣчаю несходство, прибавляетъ онъ при этомъ, что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Напротивъ, разномысленною вольностію Россія едва не дошла до крайняго разрушенія, а самодержавствомъ какъ сначала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась и прославилась“ (1). Весьма понятно, что при такомъ взглядѣ на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, Ломоносовъ враждебно отнесся къ рѣчи Миллера: „Происхожденіе народа и имени россійскаго“, въ которой первые русскіе князья, а вмѣстѣ съ ними и начало русскаго государственнаго устройства производились отъ Скандинавовъ. Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей въ первый разъ было высказано академикомъ Байеромъ; но высказанное на латинскомъ языкѣ, въ академическихъ Комментаріяхъ, оно не распространилось и не обратило на себя особеннаго вниманія. Совсѣмъ другая судьба постигла рѣчь Миллера. Рѣчь эта была приготовлена Миллеромъ ко дню торжественнаго собранія Академіи наукъ въ день тезоименитства импер. Елисаветы 5 сентября 1749 г.; но собраніе было отложено до дня восшествія на престолъ 25 ноября, а между тѣмъ, Крекшинъ, недовольный Миллеромъ за то, что онъ не одобрилъ его историческихъ сочиненій, распустилъ слухъ, что въ рѣчи Миллера находится много такого, что служитъ къ уменьшенію чести русскаго народа. Вслѣдствіе этого, для разсмотрѣнія рѣчи, была составлена коммиссія изъ Ломоносова, Тредьяковскаго, Попова и Крашенинникова. Тредьяковскій подалъ о рѣчи такой отзывъ, что „сочинитель ея по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе.... Я не вижу, говорилъ онъ, чтобы во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи; развѣ токмо сіе одно можетъ быть предосудительно, что въ Россіи о Россіи по россійски предъ Россіянами говорить будетъ чужестранецъ и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того по нынѣ не знали; но о семъ разсуждать не мое дѣло“. Но Ломоносову, съ его

---

(1) Сочиненія Ломоносова. Т. 3, 75—76.

патріотической точки зрѣнія, рѣчь Миллера представилась въ другомъ совершенно видѣ; онъ нашелъ, что она „весьма недостойна и россійскимъ слушателямъ и смѣшна и досадительна". Ломоносовъ обвинялъ Миллера прежде всего за то, что онъ опровергаетъ мнѣніе о происхожденіи россіянъ отъ Росса, Москвы отъ Мосоха, и весьма мало упоминаетъ о скиѳахъ, которыхъ почитать должно за первоначальныхъ жителей въ нашихъ нынѣшнихъ селеніяхъ, и тѣмъ опускаетъ самый лучшій случай къ похвалѣ славянскаго народа; ибо намъ извѣстно, говорилъ онъ, что скиѳы Дарія, персидскаго царя, Филиппа и Александра, царей македонскихъ, и самихъ римлянъ не устрашались, но великіе имъ отпоры чинили и побѣды надъ ними одерживали, посему легко заключить можно, что народъ словенскій былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ мужественныхъ скиѳовъ.... Правда, что г. Миллеръ говоритъ: прадѣды ваши отъ славныхъ дѣлъ назывались славянами, но сему во всей своей диссертаціи противное показывать старается, ибо на всякой почти страницѣ русскихъ бьютъ, грабятъ, благополучно скандинавы побѣждаютъ; гунны Кія берутъ съ собою на войну въ неволю. Сіе такъ чудно, что если бы г. Миллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ столь бѣднымъ народомъ, какимъ еще ни одинъ и самый подлый народъ ни отъ какого писателя представленъ не былъ". Далѣе Ломоносовъ опровергалъ мнѣніе Миллера, что Аскольдъ, Диръ и Ольга—имена скандинавскія. „О св. Несторѣ лѣтописцѣ, замѣчалъ онъ, Миллеръ говоритъ весьма продерзостно и хулительно, такъ: „ошибся Несторъ" и сіе неоднократно". Однимъ словомъ, Ломоносовъ представлялъ, что Миллеръ своею рѣчью сознательно и намѣренно оскорбилъ русскій народъ. Послѣ такого отзыва Ломоносова рѣчь Миллера была еще разсмотрѣна въ общемъ собраніи Академической конференціи и также признана „предосудительною Россіи". Съ этого времени Ломоносовъ постоянно смотрѣлъ подозрительно на сочиненія Миллера. Въ Сибирской исторіи Миллера онъ находилъ много вещей, печати недостойныхъ, и между прочимъ не одобрялъ того, что Миллеръ Ермака, покорителя Сибири, называлъ разбойникомъ; Ломоносову не нравилось также, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о смутныхъ временахъ Годунова и самозванцевъ—самой мрачной части россійской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. „Или нѣтъ, говорилъ онъ, другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было"? „Миллеръ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія" (¹). Такъ же

(¹) Истор. Акад. Наукъ. Ч. 1, 38; Ч. 2, 427—435.

враждебно относился Ломоносовъ и къ другому знаменитому историку, Шлецеру, и такъ же подозрительно смотрѣлъ на его занятія по русской исторіи. Прослуживъ въ Академіи наукъ четыре года адъюнктомъ, Шлецеръ началъ требовать себѣ должности профессора, указывая на то, что ему предлагаютъ каѳедру въ Геттингенскомъ университетѣ; при этомъ въ доказательство своихъ занятій представилъ въ Академію два плана: одинъ—„Мысли о способѣ разработки древней русской исторіи", предлагая написать исторію по собраніямъ и сочиненіямъ Ломоносова, Миллера и Татищева; другой планъ—составить популярныя руководства по исторіи, географіи и статистикѣ. Но эти планы не понравились ни Миллеру, которому не хотѣлось, чтобы Шлецеръ остался въ Академіи и занимался русской исторіей, особенно по русскимъ источникамъ, имъ самимъ издаваемымъ, ни Ломоносову. Ломоносовъ доносилъ Академіи, что Шлецеръ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній въ русской исторіи,—„свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о знаніи г. Шлецера въ россійскихъ древностяхъ почитать должно не дѣйствительными затѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ",—что для Шлецера въ Академіи нѣтъ мѣста профессора по этой каѳедрѣ, что онъ самъ пишетъ русскую исторію ([1]). Узнавъ, что Шлецеръ собирается ѣхать изъ Россіи, онъ сдѣлалъ донесеніе въ Сенатъ, что у Шлецера есть русскія рукописи, изданіе которыхъ за границею предосудительно для Россіи. Началось дѣло и продолжалось до восшествія на престолъ Екатерины II, которая, по ходатайству защитниковъ Шлецера, Теплова и Тауберта, указомъ своимъ опредѣлила Шлецера профессоромъ русской исторіи и въ тоже время разрѣшила ему доступъ ко всѣмъ рукописямъ во всѣхъ библіотекахъ.

Къ занятіямъ Ломоносова по исторіи примыкаютъ его планы, проекты и записки по политической экономіи. Вышедши изъ народа и хорошо понимая его нужды и страданія, онъ стремился по возможности къ улучшенію его быта. Этому стремленію обязана своимъ происхожденіемъ его Записка Шувалову, въ которой назначены для разсмотрѣнія слѣдующіе предметы: 1) о сохраненіи и размноженіи народа; 2) объ истребленіи праздности; 3) о исправленіи нравовъ и просвѣщенія; 4) о умноженіи внутренняго изобилія; 5) о купечествѣ, особливо со внѣшними народами; 6) о ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ; 7) о сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира и проч. Эти предметы напоминаютъ проекты Посошкова въ его сочиненіи „О скудости и богатствѣ народномъ". Къ сожалѣ-

([1]) Матеріалы Билярскаго, стр. 702—704.

нію, въ сохранившейся до насъ Запискѣ говорится только о первомъ предметѣ: „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа". Здѣсь, какъ на главныя причины умаленія народонаселенія въ Россіи, Ломоносовъ указываетъ: на браки крестьянъ въ слишкомъ молодые годы и безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на разные обычаи, происходящіе отъ суевѣрія, на слишкомъ крутые переходы отъ постной пищи къ скоромной и на оборотъ, на недостатокъ медиковъ въ народѣ и войскѣ, на общую безпечность русскаго народа, на побѣги людей помѣщичьихъ и раскольниковъ въ Польшу и другія мѣста. Средствомъ къ умноженію народонаселенія Ломоносовъ считаетъ: учрежденіе богадѣленныхъ домовъ для подкидываемыхъ младенцевъ, изданіе и продажу при всѣхъ церквахъ книжекъ съ наставленіями о народномъ здравіи и проч. Въ письмѣ къ Шувалову, при которомъ посланы были эти соображенія, Ломоносовъ говоритъ, что онъ предлагаетъ ихъ въ надеждѣ, что „найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному поправленію россійскаго свѣта". Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣръ вскорѣ были употреблены правительствомъ при Екатеринѣ II (1). Сохранилась еще Записка объ обязанностяхъ духовенства (2); но гдѣ находятся записки о другихъ, указанныхъ выше предметахъ, неизвѣстно.

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ (3). Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 1718, ум. 1777 г.) происходилъ изъ старой боярской фамиліи. Образованіе онъ получилъ въ Кадет-

(1) Записка о размноженіи народонаселенія напечатана не вполнѣ въ 1-мъ № Москв. 1842 г., въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова, т. 1, 631—654 и въ XI № Библіогр. Извѣстій за 1859 г.

(2) Напечатана въ Лѣтоп. русск. лит. т. 1, стр. 197.

(3) Очерки жизни и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова, изданныя Сергѣемъ Глинкою Спб. 1841. Сумароковъ. В. Стоюнина. 1856. Новые матеріалы для біографіи Сумарокова. Лебедева. Библ. Записки 1858. №№ 14 и 15. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ 1862; т. 1. Приложеніе 1. Но лучшимъ сочиненіемъ о Сумароковѣ до сихъ поръ остается книга Н. Н. Булича. Она и служила главнымъ пособіемъ для нашего изложенія.—Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, въ стихахъ и прозѣ, издано Н. И. Новиковымъ въ 10 частяхъ. Москва 1781—82; 2-е изданіе 1787.

скомъ корпусѣ, куда поступилъ 14 лѣтъ въ 1732 г. У воспитанниковъ корпуса было обыкновеніе въ свободное отъ учебныхъ занятій время дѣлать литературныя собранія и читать въ нихъ свои сочиненія. Въ этихъ собраніяхъ первоначально и развился въ Сумароковѣ вкусъ къ литературѣ. Воспитанники писали также поздравительные стихи импер. Аннѣ Іоанновнѣ на день восшествія ея на престолъ или въ новый годъ. Съ этихъ стиховъ и началась литературная дѣятельность Сумарокова; первыми его стихами были двѣ поздравительныя оды на день новаго 1740 года. Въ Кадетскомъ же корпусѣ Сумароковъ началъ писать пѣсни, изъ коихъ многія пріобрѣли такую популярность, что, по его словамъ, были переложены на ноты и распѣвались „знатными дамами и господами". Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ, которое всего болѣе возбудило его къ литературной дѣятельности и опредѣлило самый родъ и направленіе этой дѣятельности, были театральныя представленія при дворѣ Анны Іоанновны. Представленія эти давались труппою итальянскихъ актеровъ; но къ участію въ интерлюдіяхъ, представлявшихся разъ въ недѣлю, приглашались и кадеты. Представленія такъ сильно подѣйствовали на Сумарокова, что онъ самъ написалъ трагедію „Хоревъ", которая была представлена кадетами въ присутствіи императрицы. Одобреніе, какое встрѣтила эта трагедія, опредѣлило судьбу Сумарокова; онъ рѣшился сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Въ 1740 г. онъ кончилъ курсъ въ Кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ военную службу, въ которой дослужился до бригадирскаго чина. Но значеніе у современниковъ Сумароковъ пріобрѣлъ не службою, а своею неутомимою литературною дѣятельностію, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ перваго русскаго театра, какъ первый литераторъ, писавшій для публики и издававшій первый литературный журналъ.

Начало русскаго театра. Сумароковъ, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ русскаго театра. Русская драма, какъ и новоевропейская драма вообще, началась мистеріями, или духовными представленіями, еще до временъ Петра В. Мистеріи эти, появившіяся сначала въ Кіевѣ, и перенесенныя отсюда въ Москву, представлялись и при Петрѣ В., а въ духовныхъ школахъ существовали въ теченіе всего XVIII в., хотя, подвергшись вліянію реформы и новаго образованія, онѣ утратили свой первоначальный, исключительно религіозный, характеръ. Царевна Наталья Алексѣевна писала драматическія произведенія. Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ трагедо-комедію „Владиміръ", изображающую введеніе въ Россію

христіанства. При Петрѣ В. представлялись и чисто свѣтскія переводныя піесы. Таковы были: „Докторъ принужденный“ (Le médecin malgré lui) Мольера, „Сципіонъ Африканскій“ (съ нѣмецкаго), „Принцъ Пикель Гярингъ, или Жоделетъ“, „Дафнисъ“, „Дорогія смѣянныя“ (Les précieuses ridicules) Мольера, „Донъ-Жуанъ“. Изъ оригинальныхъ піесъ къ этому времени относятся, какъ выше указано, „интерлюдіи“.—При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны при дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная въ Петербургъ, на время коронаціи, изъ Дрездена польскимъ королемъ Августомъ. Эти представленія такъ понравились императрицѣ, что въ 1735 г. была выписана цѣлая труппа актеровъ и актрисъ, между которыми были пѣвцы и пѣвицы, дававшіе современныя оперы на придворномъ театрѣ. Во время коронаціи Елисаветы Петровны, французская труппа, приглашенная изъ Касселя, давала оперу Метастазіо: „Милосердіе Тита“; она и послѣ этого давала трагедіи и комедіи. Въ 1757 г. прибыла въ Петербургъ итальянская труппа Локателли для балета и оперы. Елисавета любила театръ. Она требовала, чтобы всѣ придворные и служащіе посѣщали его. Должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъ же вечеръ были разосланы ѣздовые къ болѣе значительнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафу (¹). Но до 1756 г. въ столицѣ не было отдѣльнаго театра для русскихъ представленій; представленія давались при Кадетскомъ корпусѣ, на придворномъ театрѣ, въ комнатахъ самаго дворца, и первый отдѣльный театръ явился не въ столицѣ, а въ провинціи—въ Ярославлѣ. Сынъ костромского купца Волковъ, разыгрывавшій сначала духовныя драмы въ Московской академіи, видѣвшій потомъ въ Петербургѣ итальянскую оперу и представленія трагедій Сумарокова кадетами, составилъ въ Ярославлѣ труппу изъ своихъ братьевъ и дѣтей купцовъ и подьячихъ и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима представилъ драму „Эсѳирь“. Представленіе такъ понравилось тогдашнему ярославскому воеводѣ, Мусину-Пушкину, и помѣщику Майкову, что

(¹) Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота, Зап. Акад. наукъ. 1862; т. I. Приложеніе 1.—Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774) М. Н. Лонгинова. Зап. Акад. наукъ т. XXIII и Сборн. 2-го Отд. Акад. наукъ т. XI.—О театральныхъ піесахъ, представлявшихся въ XVIII в. смотр. въ Хроникѣ русскаго театра И. Носова.

они убѣдили ярославскихъ купцовъ и дворянъ построить въ Ярославлѣ театръ. Театръ былъ построенъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ что могъ вмѣщать въ себѣ до 1000 зрителей. Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, то вытребовали сюда Волкова съ его труппой и заставили съиграть при дворѣ „Хорева“ Сумарокова, въ присутствіи императрицы. Игра ярославскихъ актеровъ понравилась; но, такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то лучшихъ изъ нихъ, Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и Попова, помѣстили въ Кадетскій корпусъ, для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Между тѣмъ, въ 1756 г. открытъ былъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ. Первымъ директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами два брата Волковы—Өедоръ и Григорій, трагикъ Дмитревскій и комикъ Шумскій.—Сумароковъ, еще до открытія театра, съ 1750 г. управлялъ театральными представленіями въ кадетскомъ корпусѣ и при дворѣ; въ это время, послѣ Хорева, онъ написалъ четыре трагедіи: „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Артистона“ и „Семира“. Послѣ назначенія директоромъ, онъ долженъ былъ усилить драматическую дѣятельность; должность директора театра въ первое время состояла не въ томъ только, чтобы управлять театромъ, но и въ томъ, чтобы поставлять на сценѣ піесы своего сочиненія. Сумароковъ написалъ еще четыре трагедіи: „Ярополкъ и Димиза“, „Вышеславъ“, „Димитрій Самозванецъ“ „Мстиславъ“. Всѣхъ комедій онъ написалъ 12: „Опекунъ“, „Лихоимецъ“, „Три брата совмѣстника“, „Ядовитый“, „Нарциссъ“, „Приданое обманомъ“, „Чудовищи“, „Трессотиніусъ“, „Пустая ссора“, „Рогоносецъ по воображенію“, „Мать, совмѣстница дочери“, „Вдорщица“. Директоромъ театра Сумароковъ состоялъ по 1761 г., когда онъ былъ уволенъ вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ графомъ Сиверсомъ, который исправлялъ должность прокурора при русскомъ театрѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ увольненія отъ должности директора, Сумароковъ переселился въ Москву и здѣсь до конца жизни продолжалъ заниматься литературой. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ самымъ несчастнымъ образомъ. Разсорившись со всѣми своими друзьями и знакомыми и даже съ своими домашними, онъ умеръ всѣми оставленный, въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Трагедіи Сумарокова. Лучшими трагедіями Сумарокова у современниковъ считались: „Хоревъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Семира“, „Димитрій Самозванецъ“ и „Мстиславъ“. Сюжетъ „Хорева“ взятъ изъ баснословныхъ временъ Кіева. Русскій князь Кій разбилъ кіевскаго князя, Завлоха, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха, Оснельду. Но спустя 16 лѣтъ, побѣжденный

Завлохъ, собравъ войско, подступилъ къ Кіеву и требуетъ выдачи Оснельды, Кій согласенъ выдать ему Оснельду; но Оснельда полюбила брата Кія, Хорева, который также любитъ ее взаимно. Мамка Астрада говоритъ Оснельдѣ:

«Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И воружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу».

На это Оснельда отвѣчаетъ Астрадѣ:

«О день, когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздная разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко щастью.
Астрада, мнѣ уже свободы не видать,
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать».

Оснельда объявляетъ ей, что она любитъ Хорева:

«Въ печальной сей странѣ,
О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало?
Но ахъ, вошло во грудь сіе змѣино жало!
Ты сказывала мнѣ отцово житіе,
И многажды при томъ плачевно бытіе,
Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.
Благополучный Кій побѣду одержалъ,
Родитель мой тогда въ пустыни убѣжалъ.
. . . .
А я, въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестьнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, отмщенье вопіетъ.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.
Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увы... а мнѣ, Астрада, милъ».

О любви Хорева доноситъ Кію бояринъ Стальверхъ, возбуждая въ Кіѣ подозрѣніе на счетъ вѣрности Хорева. Кій призываетъ Хорева и говоритъ ему:

«Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,

Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно».

Но Хоревъ старается отклонить Кія отъ сраженія, указывая на тѣ страшныя бѣдствія, какія производитъ война:

«Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я;
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ,
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ».

Но Кій не вѣритъ Хореву и говоритъ ему:

«Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешъ,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешъ.
Твою я вижу мысль и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешъ въ смятеніи своемъ:
Ты хочешъ, чтобъ княжна свободу воспріяла».

Кій заставляетъ Хорева сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду заключаетъ въ оковы. Но, когда Хоревъ и наперсникъ его, Велькаръ, взяли въ плѣнъ Завлоха, то Кій, убѣдившись въ невинности Хорева, приказалъ освободить Оснельду; но посланные нашли ее уже умершею; Хоревъ, узнавъ о ея смерти, закалывается; Стальверхъ также оканчиваетъ свою жизнь самоубій-

ствомъ [1].—Въ „Синавѣ и Труворѣ“ изображено соперничество въ любви двухъ братьевъ. Новгородскій бояринъ Гостомыслъ обѣщалъ выдать замужъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава; но Ильмена уже любитъ брата его, Трувора, и сама имъ любима. Труворъ объявляетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ; Синавъ и самъ сознаетъ нерасположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья съ мечами бросаются другъ на друга; но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомыслъ убѣждаетъ Ильмену преодолѣть свою страсть и выйти за Синава; она согласилась, но Труворъ не могъ пережить своего горя и закололъ себя мечемъ. Когда Ильмена узнала объ этомъ, то и сама закололась. Синавъ, считая себя виновникомъ ихъ смерти, хочетъ также умертвить себя. Онъ говоритъ:

«Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ, на мнѣ;
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ
И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града,
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ:
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,
Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу здѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки отлучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей....
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль пресчастливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часъ;
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о боги, я часа»!

Синавъ вынимаетъ шпагу и хочетъ заколоть себя; но Гостомыслъ и воины вырываютъ шпагу изъ рукъ его. Падая въ кресла, Синавъ говоритъ:

---

[1] Полное собраніе сочиненій Сумарокова. Москва. 1781. Ч. III, 1—57.

«О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечь: въ немъ вся моя отрада.
Жить больше не хочу, отставъ любезна взгляда.
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ,
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ, Ильмены нѣтъ!
Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ,
Или въ сей страшный часъ вселенна исчезаетъ!
. . . .
О солнце, для чево еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волховъ, на брега,
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага,
И шумнымъ стономъ водъ вѣщай вину Синава,
Которой навсегда его затмилась слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя небо, я погибель въ даръ пріемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю» [1].

Содержаніе „Семиры“ заимствовано изъ временъ Олега. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Олегъ взялъ Кіевъ; но прежній кіевскій князь, Оскольдъ никакъ не хочетъ ему покориться, и пользуясь тѣмъ, что Олегъ ему и всѣмъ плѣннымъ воинамъ далъ свободу, вздумалъ возстать противъ Олега и возвратить себѣ кіевскій престолъ. Онъ говоритъ своимъ воинамъ:

«Насталъ намъ день искать иль смерти, иль свободы:
Умремъ, иль побѣдимъ, о храбрые народы!
Надежда есть, когда остался въ насъ животъ,
Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не боится,
Пускай хотя на насъ природа ополчится;
Что можетъ больше намъ нещастье приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить?
О градъ родительскій, отечестве драгое,
Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покоѣ!
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ,
И что отъ твоего престола отчужденъ!
О вѣрныя раби, отвержемъ плѣна бремя!
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо должны мы вселенной показать,
Что намъ не сродственно подъ игомъ пребывать [2].

Планамъ Оскольда вполнѣ сочувствуетъ его сестра, Семира, не смотря на то, что она страстно любитъ сына Олега, Рости-

[1]) Тамъ же, стр. 121—181.—[2]) Тамъ же, стр. 260—261.

слава, который хочетъ жениться на ней. Свою любовь она съ полною готовностію приноситъ въ жертву отечеству:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали онѣ премѣны тѣ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ.
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горитъ; но бодрствуетъ мой умъ
И противляется отравѣ нѣжныхъ думъ.
Безсильствуетъ любовь: ей сердце покоренно:
Но силъ лишилося своихъ не совершенно:
И столько я еще во ономъ силъ брегу,
Что я противиться любви легко могу» (¹).

Но заговоръ былъ открытъ Олегу родственникомъ Оскольда, Возведомъ, которому Оскольдъ поручилъ устроить задуманное возстаніе. Олегъ заключилъ Оскольда въ темницу и приговорилъ его къ смерти, если онъ не покорится. Семира проситъ Ростислава, изъ любви къ ней, спасти Оскольда, давъ ему возможность бѣжать изъ темницы; но Ростиславъ не можетъ измѣнить своему отечеству. Тогда Семира, выхвативъ у него мечъ, хочетъ заколоться; Ростиславъ соглашается исполнить ея просьбу и освобождаетъ Оскольда. Когда Олегъ узналъ о бѣгствѣ Оскольда, то потребовалъ отъ Семиры, чтобы она открыла ему, кто освободилъ Оскольда, угрожая ей смертію; но Семира не боится смерти и говоритъ:

«Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешся мя къ трепету привлечь?
Нѣтъ робости во мнѣ; твоя безсильна рѣчь» (²).

Желая спасти Семиру, Ростиславъ самъ сознается, что освободилъ Оскольда. Пораженный этимъ открытіемъ, Олегъ впадаетъ въ сильнѣйшую скорбь, и, не смотря на всю свою любовь къ сыну, осуждаетъ его на смерть, какъ измѣнника. Семира обращается къ Олегу съ просьбою пощадить сына, указывая на то, что она виновата въ его измѣнѣ:

(¹) Тамъ же, стр. 263—264.—(²) Тамъ же, стр. 307.

«Будь правый судія, но будь и человѣкъ!
Представь себѣ ты, чей отъемлешъ нынѣ вѣкъ.
Кого даешъ на смерть! Сей смерти я достойна:
И мнсю толь твоя днесь участь безпокойна.
Когда бы Ростиславъ очей моихъ не зналъ,
По сей бы день невиненъ пребывалъ:
Отъ нихъ отъемли свѣтъ! прости любезна сына!
Прости, о государь! вины сей я причина» (¹).

Трагедія оканчивается разсказомъ о сраженіи между Олегомъ и Оскольдомъ, во время котораго Оскольдъ былъ раненъ смертельно. Умирая, онъ проситъ Олега простить Семиру и Ростислава и соединить ихъ брачными узами.—Содержаніе „Мстислава“ взято также изъ русской исторіи: Тмутарованскій князь Мстиславъ ищетъ руки псковской княжны Ольги; между тѣмъ Ольга тоскуетъ по кіевскомъ князѣ Ярославѣ, который считается погибшимъ на войнѣ. Въ тоже время первый бояринъ Мстислава, Бурновѣй стремится занять кіевскій престолъ и убѣждаетъ Ольгу выйти за него замужъ. Но вдругъ является считавшійся погибшимъ кіевскій князь Ярославъ. Между Мстиславомъ и Ярославомъ происходитъ споръ и борьба за Ольгу. Мстиславъ угрожаетъ Ярославу плѣномъ, если онъ не откажется отъ Ольги. Ольга, желая спасти Ярослава, соглашается выйти за Мстислава, но послѣ брака намѣрена лишить себя жизни. Въ это время является наперсникъ Мстислава, Осадъ со скипетромъ въ одной рукѣ и съ цѣпями въ другой, и предлагаетъ ихъ Ярославу на выборъ; Ярославъ выбираетъ цѣпи. Между тѣмъ разнесся слухъ, что противъ Мстислава возстали всѣ его подданные; думая, что возстаніе произведено Ярославомъ, Мстиславъ велѣлъ казнить его. Но когда открылось, что возстаніе произведено Бурновѣемъ, который ищетъ также руки Ольги и стремится занять кіевскій престолъ, то Мстиславъ отказывается отъ Ольги и возвращаетъ Ярославу свободу и кіевскій престолъ.

Въ драматическомъ словарѣ 1787 г. о Сумароковѣ сказано: „Сумароковъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ и вкусъ къ театру, конечно, отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались только одними театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіи г. Моліера и протчихъ, подражая онымъ“. Современники называли Сумарокова „Россійскимъ Расиномъ“. Да и самъ Сумароковъ говорилъ, что онъ „явилъ Россамъ Расиновъ театръ, что

(¹) Тамъ же, стр. 314.

славу Расина и Вольтера, пиша на малоизвѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему праху". Дѣйствительно, всѣ трагедіи Сумарокова составлены по образцу ложно-классическихъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера. Трагедіи этихъ трагиковъ, согласно съ господствовавшей въ то время ложно-классической теоріей драмы, отличаются однимъ общимъ характеромъ. Въ нихъ мы находимъ постоянно пять дѣйствій, подраздѣленныхъ на множество явленій; строгое соблюденіе правилъ единства времени, мѣста и дѣйствія, которыя были выведены французской теоріей изъ неправильно понятаго характера древне-греческой трагедіи, и соблюденіемъ которыхъ хотѣли придать театральнымъ представленіямъ болѣе вѣроятности и близости къ дѣйствительности; преобладаніе эпическаго и лирическаго элементовъ надъ элементомъ собственно драматическимъ т. е. длинные разсказы вѣстниковъ о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены, и разговоры наперсниковъ и наперсницъ, замѣнившіе собою хоры древней трагедіи; заимствованіе драматическихъ лицъ и событій изъ древнихъ эпохъ и навязываніе древнимъ лицамъ современныхъ воззрѣній и вообще несоблюденіе исторической вѣрности въ изображеніи историческихъ лицъ и событій; вмѣсто изображенія въ драматическихъ лицахъ полнаго характера или настоящаго человѣка—олицетвореніе одного какого-нибудь чувства или страсти (главное мѣсто между ними занимаетъ любовь), какой-нибудь добродѣтели, или порока; резонерство героевъ и героинь, обнаруживающееся въ томъ, что они свои чувства и страсти высказываютъ въ длинныхъ рѣчахъ и разсужденіяхъ и высокимъ слогомъ. Эти же самыя черты мы находимъ и во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова; только недостатки образцовъ въ нихъ отразились рѣзче и преувеличеннѣе. Дѣйствующія лица въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ во французскихъ трагедіяхъ, заимствованы большею частію изъ древнихъ временъ: Хоревъ, Кій, Оскольдъ изъ баснословныхъ временъ Кіева: Синавъ и Труворъ, Ярославъ и Мстиславъ, Ярополкъ и Димитрій Самозванецъ изъ русской исторіи; но въ этихъ лицахъ нѣтъ никакихъ отличительныхъ качествъ, свойственныхъ временамъ; они говорятъ и дѣйствуютъ, какъ современники Сумарокова. Примѣромъ того, до какой степени произвольно обращался Сумароковъ съ заимствованными откуда-нибудь драматическими сюжетами, можетъ служить, между прочимъ, его трагедія „Гамлетъ", о которой онъ самъ же замѣчаетъ: „Гамлетъ мой, говоритъ критикъ, переведенъ съ французской прозы аглинской Шекспировой трагедіи, вь чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ" (¹). Драматическія лица въ трагедіяхъ Сума-

(¹) Сочин. Москва 1787 г. ч X, 103.

рокова—не характеры и не живыя лица, а олицетворенія какого-нибудь чувства, или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п. Эти чувства или страсти до того овладѣваютъ дѣйствующими лицами, что въ нихъ уже не остается мѣста никакимъ другимъ стремленіямъ человѣческой природы; Димитрій Самозванецъ напр. представленъ такимъ неестественнымъ злодѣемъ, что наяву и во снѣ говоритъ и думаетъ только о злодѣяніяхъ. Въ 5-мъ явленіи 4-го дѣйствія онъ говоритъ:

«Блаженная душа идетъ въ объятья Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ».

Тоже самое онъ говоритъ въ 1-мъ явленіи 5-го дѣйствія:

«Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы:
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ вошумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны.
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Все, все противъ меня: и небо и земля.
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю».

А въ концѣ трагедіи, ударяя себя въ грудь кинжаломъ, восклицаетъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, естьли бы со мной погибла вся вселенна!» [1]

Русская публика не могла сознавать всѣхъ этихъ недостатковъ въ трагедіяхъ Сумарокова. Она видѣла въ нихъ тѣ же пріемы и формы, какъ и во французскихъ трагедіяхъ: Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Оснельда и Ксенія (въ Димитріи Самозванцѣ) напоминали Британника, Эдипа, Заиру и Роксану; Ильмена походила на Альзиру Вольтера; разсказъ вѣстника о смерти Трувора составленъ по примѣру разсказа Терамена о смерти Ипполита въ Федрѣ. Неудивительно, что русская публика подумала, будто Сумароковъ далъ ей такую же трагедію, какая была у французовъ, а въ немъ самомъ увидѣла русскаго Расина и Воль-

(1) Сочин. Москва, 1781; ч. IV, 112; 120—121; 126.

тера. — Съ другой стороны, при указанныхъ недостаткахъ, въ трагедіяхъ Сумарокова были и хорошія качества. Въ нихъ много живыхъ и горячихъ сценъ; монологи и разсказы дѣйствующихъ лицъ часто проникнуты возвышенными чувствами; въ ихъ уста Сумароковъ влагалъ не рѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ лучшихъ сочиненіяхъ европейскихъ литературъ. Наперсникъ Димитрія Самозванца, Парменъ о папской власти разсуждаетъ:

«Мнѣ мнится, человѣкъ себѣ подобнымъ братъ
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
. . . .
Сложила Англія, Голландія то бремя
И полгерманіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога величаетъ» (1).

Князь Галицкій, Георгій о фанатизмѣ папистовъ въ Америкѣ говоритъ:

«Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ,
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили;
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь.
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ» (2).

Мстиславъ въ разговорѣ съ Осадомъ развиваетъ мысль Монтескьё, что честь должна служить основой славы и всѣхъ геройскихъ подвиговъ:

«Мнѣ честь моя велитъ покорствовать судьбѣ;
Но сердце одному покорствуетъ себѣ.
О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скиптръ его есть мечь, возъятый на свободу» (3).

(1) Тамъ же, стр. 70.—(2) Тамъ же, стр. 84.—(3) Тамъ же, 164.

Въ Хоревѣ князь Кій представляетъ такой идеалъ князя правителя:

«Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь, и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь кормщикъ корабля, власть княжеская море,
Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препятствуютъ судамъ
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ, искуствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ, тамъ горы, мѣли тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо» (¹).

Самъ Хоревъ говоритъ:

«Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны» (²).

Ксенія въ Димитріи Самозванцѣ считаетъ „блаженнымъ на свѣтѣ того порфироноснаго мужа,

Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,
Страшатся коего злодѣи лишь одни» (³).

Князь Мстиславъ, выражая намѣреніе сдѣлаться добрымъ княземъ и благодѣтельнымъ правителемъ своего народа, говоритъ:

«А я перестаю быть горестей содѣтель.
Цвѣти подъ скипетромъ Мстислава добродѣтель!
Я должности одной хочу себя предать,
И безъ утѣхъ любви народомъ обладать,
Предписывать ему полезные уставы.
Ликуйте подданны во дни моей державы!
Я буду вамъ отецъ, вы будьте чада мнѣ,
Свободны, веселы живуще въ сей странѣ.
Никто не трепещи подъ областью моею!
Я милости къ однимъ злодѣямъ не имѣю» (⁴).

(¹) Тамъ же, ч. III, 16.—(²) Тамъ же, 30.
(³) Тамъ же, ч. IV, стр. 83.—(⁴) Тамъ же, ч. IV, 177.

Въ трагедіи „Синавъ и Труворъ“, Гостомыслъ поучаетъ:

«Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу,
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.
. . . .
Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ;
Страдая за нее, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна (¹).

Комедіи Сумарокова. О комедіяхъ Сумарокова въ драматическомъ словарѣ сказано, что „онъ далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Моліера и протчихъ“. Дѣйствительно. и въ комедіяхъ Сумароковъ также подражалъ французскимъ комикамъ и въ особенности Мольеру. Лучшими комедіями Сумарокова считаются „Опекунъ“ и „Лихоимецъ“; но главное лицо въ Опекунѣ—Чужехватъ списано съ Тартюфа, а Кащей въ Лихоимцѣ—съ Гарпагона Мольера. И другія комедіи составляютъ большею частію передѣлку комедій Мольера. Комедія „Приданое обманомъ“ передѣлана изъ комедіи Мольера „Le malade imaginaire“; комедія „Рогоносецъ по воображенію“ есть подражаніе комедіи „Le cocu imaginaire“; въ комедіяхъ „Пустая ссора“ и „Вдорщица“ есть черты Мольеровыхъ комедій „Les précieuses ridicules“, „Les facheux“ и др.—Но въ заимствованные сюжеты и формы, Сумароковъ, подобно Кантемиру, вставлялъ картины изъ русской жизни, осмѣивалъ пороки и недостатки, глупости и предразсудки русскаго общества, съ цѣлью исправить или очистить русскіе нравы. Въ комедіи „Чудовищи“ напр. изображается петиметръ того времени, подъ именемъ „Дюлижа“. Дюлижъ презираетъ все не французское. Когда Бармасъ, не имѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ вплетаетъ въ свою рѣчь, нѣмецкія, то Дюлижъ страшно оскорбляется: „Что? вы думаете, что я говорю по нѣмецки? Quelle pensée! quelle impertinence! чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ“! Услышавъ объ Уложеніи, онъ спрашиваетъ: „Уложенье! Что это за звѣрь?... я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго и языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился русскимъ? о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца“! О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: „Научиться этому, какъ

(¹) Тамъ же, ч. III, 149—150.

одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги; однако неблагодарное мое отечество все то презираетъ, что выше здѣшнява превосходитъ разсужденія". О своемъ соперникѣ, Валерѣ, который выставленъ въ комедіи въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: „Это будто человѣкъ! Кошелекъ носитъ такой большой какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носитъ коротенькую, платье дѣлаетъ ему нѣмчинъ, муфты у него и отъ роду не бывало, манжеты носитъ короткія, да онъ же еще и по нѣмецки умѣетъ". Арликинъ произноситъ такой приговоръ Дюлижу: „Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно это обезьяна, да не здѣшняя" (¹). Правда, какъ эта, такъ и многія другія картины въ комедіяхъ Сумарокова нарисованы аляповато, а иногда довольно грубо, и комизмъ въ нихъ очень не высокой пробы; но онѣ приходились по вкусу современникамъ и согласны были съ господствовавшей тогда теоріей комедіи, по которой цѣлію комедіи полагалось: „издѣвкой править нравъ, смѣшить прямой ея уставъ". Къ сожалѣнію, Сумароковъ часто вдавался въ такія преувеличенія, которыя едвали могли способствовать исправленію нравовъ; онъ часто изображалъ разные пороки и глупости въ такихъ неестественныхъ и совершенно невозможныхъ чертахъ, что комедія превращается въ фарсъ, а комическія лица становятся пародіями и каррикатурами. Такими пародіями-каррикатурами надобно назвать комедіи: „Нарциссъ", „Рогоносецъ по воображенію" и „Трессотиніусъ". Въ „Нарциссѣ" представленъ человѣкъ, влюбленный въ самого себя, который только и говоритъ о своей красотѣ и своей любви къ самому себѣ: „Я самъ стражду собою и часто цѣлыя насквозь ночи безъ сна препровождаю, воздыхая, что я сею моею красотою толико плѣненъ"...(²). Комедія „Трессотиніусъ" есть настоящій фарсъ, въ которомъ осмѣивается Тредьяковскій, выведенный подъ именемъ Трессотиніуса. Въ началѣ комедіи Клариса, за которую сватается Трессотиніусъ, говоритъ своему отцу: „Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Трессотиніусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ? Никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человѣкъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ". Трессотиніусъ является къ Кларисѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу

(¹) Тамъ же, ч. V, 286—287; 301—303.

(²) Тамъ же, ч. V, 204.

кланяюсь вамъ!“ Клариса: „И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученое ученіе!“ Трессотиніусъ: „Эта бумажка ясняе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше т. е. красота ваша мнѣ учинило т. е. сдѣлало“. На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Трессотиніусомъ:

«Кра́соту́ на ва́шу смо́тря, ра́спалился я́ ей е́й!
Извбль меня́ избавить ты́ отъ стра́сти тѣ́мъ мое́й!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ»....

Затѣмъ является другой педантъ, Бобембіусъ, и начинаетъ съ Трессотиніусомъ споръ о литерѣ „твердо“, „которое твердо правильняе, о трехъ ли ногахъ (т), или ободной ногѣ (т)“. Трессотиніусъ говоритъ: „Я содержу, что твердо ободной ногѣ правильняе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно ободной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ“. Бобембіусъ утверждаетъ: „Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ерго оно твердо; а твое твердо не твердое, ерго оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное“. Въ споръ вмѣшивается слуга Кимаръ, который самый предметъ спора представляетъ въ каррикатурномъ видѣ: „Твердо треножное тверду одноножному предпочитаю: у этого, ежели нога подломится, такъ ево и брось, а у тово, хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья остается“. „А я, говоритъ Трессотиніусъ, до послѣдней капли чернилъ свое твердо защищать буду“ (¹). Такія уродливыя сцены хотя и могутъ смѣшить необразованныхъ людей, но едва ли могутъ достигать указанной цѣли комедіи: „издѣвкой править нравъ“, потому что изъ ложныхъ и неестественныхъ изображеній нельзя вывести никакихъ полезныхъ наставленій. Главное достоинство комедій Сумарокова заключается въ ихъ бойкомъ, живомъ и разнообразномъ языкѣ.

Кромѣ трагедій и комедій, Сумароковъ написалъ еще лирическую драму „Цефалъ и Прокрисъ“, балетъ „Прибѣжище добродѣтели“ и драму „Пустынникъ“. Считая главнымъ своимъ призваніемъ драматическое поприще, онъ стремился въ тоже время проявить свою дѣятельность и въ другихъ родахъ литературы. Идеаломъ писателя въ европейскихъ литературахъ того времени былъ Вольтеръ, который писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи и прозы и былъ писателемъ универсальнымъ. Такимъ же универсальнымъ писателемъ хотѣлъ быть и Сумароковъ. Къ этому побуждало его также и соперничество съ Ломоносовымъ, который

(¹) Тамъ же, ч. V, 335; 337—338; 341—343.

въ то время одинъ только могъ оспаривать у него первенство въ русской литературѣ. Чтобы затмить литературную дѣятельность Ломоносова, Сумароковъ старался отличиться во всѣхъ тѣхъ родахъ литературы, за которые брался Ломоносовъ, и каждому роду его сочиненій старался противопоставить собственныя сочиненія. Торжественнымъ и похвальнымъ одамъ Ломоносова онъ противопоставилъ свои оды, которыхъ онъ написалъ около 80; его переложеніямъ псалмовъ свои переложенія псалмовъ; его похвальнымъ словамъ Петру В. и Елисаветѣ Петровнѣ свои похвальныя слова—одно Петру В. и три Екатеринѣ II; краткому россійскому лѣтописцу Ломоносова свою краткую московскую лѣтопись и исторію перваго и втораго стрѣлецкаго бунта; его изслѣдованіямъ и разсужденіямъ по русскому языку свои статьи по языку: „о правописаніи“, „о коренныхъ словахъ русскаго языка“, „о искорененіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“, „истолкованіе личныхъ мѣстоименій“, замѣчательное, по словамъ Вяземскаго, тѣмъ, что въ немъ можно видѣть идею „Придворной грамматики“ Фонъ-Визина. Кромѣ того, Сумароковъ написалъ множество идиллій и эклогъ, по подражанію европейской, пастушеской поэзіи, множество стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и разныхъ мелкихъ стихотвореній; но всѣ эти сочиненія не имѣютъ никакого художественнаго значенія и нисколько не интересны. Настоящій талантъ у Сумарокова былъ сатирическій, и потому лучше многихъ другихъ сочиненій являются его сатиры и нѣкоторыя басни и притчи. Эти сочиненія, какъ прямо и непосредственно отражающія и личный характеръ самого Сумарокова и характеръ нравовъ современнаго русскаго общества, вышли и сами характернѣе и содержательнѣе многихъ другихъ сочиненій Сумарокова.

Сатиры Сумарокова. По формѣ сатиры Сумарокова, какъ и сатиры Кантемира, составляютъ подражаніе французской сатирѣ Буало, но онѣ самостоятельнѣе сатиръ Кантемира. Хотя въ нихъ изображаются большею частію тѣ же пороки и недостатки русскаго общества, какъ и въ сатирахъ Кантемира, но изображеніе этихъ недостатковъ вышло у Сумарокова гораздо полнѣе, живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у Кантемира. Вообще сатиры Сумарокова содержатъ въ себѣ множество яркихъ красокъ современной жизни. Лучшими сатирами надобно признать слѣдующія: „Хоръ къ превратному свѣту“, „Кривой толкъ“, „О благородствѣ“, „Наставленіе сыну“, сатиры на подьячихъ и на подражаніе иностранцамъ.—„Хоръ къ превратному свѣту“ представляетъ сатиру на современное русское общество чрезъ противоположеніе его такому обществу, какимъ оно должно быть по идеѣ.

«Прилетала на берегъ синица,
Изъ за полночнова моря,
Изъ за холодна океана.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцовъ не просятъ,
За носъ тамъ судей писцы не водятъ.
. . . .
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
. . . .
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ,
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами училясь:
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ тово не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ;
Кои долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ;
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны:
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобой не дышетъ» (¹)

„Наставленіе сыну“—сатира на порочную жизнь свѣтскаго

(¹) Тамъ же, ч. VIII, стр. 359—361.

общества. Въ ней отецъ даетъ сыну слѣдующія правила, которыя нужно выполнять для того, чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ:

«Бога́тыхъ по́читай, чтобъ съ ни́хъ имѣ́ти да́нь,
Случайныхъ похвалять, ихъ выся, не устань!
Великимъ господамъ ты, ползая, покорствуй!
Со всѣми ты людьми будь скроменъ и притворствуй!
Коль сильный господинъ бранитъ ково,
И ты, съ бояриномъ, брани ево!
Хвали ты тѣхъ, кого бояря похваляютъ,
И умаляй, они которыхъ умаляютъ.
. . . .
И помни, свѣтъ каковъ:
Въ немъ мало мудрости и много дураковъ.
Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами;
Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами!
. . . .
Давай и взятки самъ, и самъ опять бери.
Коль нѣтъ свидѣтелей, воруй, плутуй, сколь можно,
А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно.
Добро другихъ людей во худо претвори
И ни о комъ добра другомъ не говори» (¹).

Въ сатирѣ „Кривой толкъ", заимствованной изъ одной сатиры Буало, представлены типы льстеца, глупца и невѣжды. О льстецѣ сказано:

«Коль нужда въ комарѣ, зоветъ его слономъ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
Сертитъ предъ мухою боярской безъ препоны,
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.
. . . .
Невѣжда говоритъ: я помню, чей я внукъ;
По дѣдовски живу, не надобно наукъ;
Пускай убытчатся, уча рабятокъ, моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣжъ пойдетъ вороты.
На прикладъ: о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ,
Иль знать, Ерусалимъ въ которой сторонѣ,
Иль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужія языки?
Какъ будто безъ тово ужъ мы и дураки.
. . . .
..... Какъ можетъ быть извѣстно,

(¹) Тамъ же, ч. VII. 369—373.

Живущимъ на земли, строеніе небесно?
Кто можетъ то сказать, что на небѣ бывалъ?
До солнца и соколъ еще не долеталъ» (¹).

Сатира „О благородствѣ“ по содержанію своему сходна со 2-й сатирой Кантемира. Она направлена противъ тѣхъ дворянъ, которые своими дѣлами не оправдываютъ своего дворянскаго происхожденія, что и выражено въ самомъ началѣ сатиры:

«Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу!
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то-ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И есть-ли не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ! Должно ли людьми скотинѣ обладать?»

Затѣмъ указывается, какъ древніе и новые знаменитые люди заботились объ образованіи.

«Периклъ, Алкивіадъ наукой не гнушались,
Начальники ихъ войскъ наукой украшались.
Великій Александръ и ею былъ великъ,
Науку храбрый чтитъ вѣнчанный Фридерикъ.
Петромъ она у насъ Петрополь услаждаетъ,
Екатерина вновь науку насаждаетъ» (²).

Особенно сильно и часто, или лучше сказать постоянно, Сумароковъ нападалъ на взяточничество и подьячихъ. Лучшія сатиры на нихъ: „Жалоба утѣсненной Истины Юпитеру“, „Письмо о нѣкоторой заразительной болѣзни“, гдѣ говорится о происхожденіи акциденціи, или взятокъ; „О копистахъ“, „О почтеніи къ приказному роду“ и „О худыхъ судьяхъ“. Въ первой сатирѣ „Жалоба утѣсненной Истины Юпитеру“ разсказывается, что Утѣс-

(¹) Тамъ же, стр. 352—355.—(²) Тамъ же, стр. 356—358.

ненная Истина пришла однажды къ Юпитеру и, жалуясь на подьячихъ, которые берутъ взятки, просила истребить ихъ. Юпитеръ сначала не соглашался, указывая на то, сколько, послѣ истребленія подьячихъ, останется вдовъ и сиротъ, сколько прибудетъ нищихъ, ходящихъ по міру; но, уступая неотступнымъ просьбамъ Истины, наконецъ согласился только однажды ударить громомъ на подьячихъ и сказалъ ей, что, избѣгая нареканія, онъ въ другой разъ этого не сдѣлаетъ: „беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большинству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ; но политика тебя еще почтеннѣе; безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея никакъ не возможно“. Ударилъ громомъ Юпитеръ—„повалилися подьячіе и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей, вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подьячіе: я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ, говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (въ котахъ), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ“ (1). Въ сатирѣ „О худыхъ судьяхъ“ Сумароковъ представляетъ взяточниковъ безчестнѣе и виновнѣе всѣхъ воровъ и бездѣльниковъ.

«О взяткахъ такъ иной стремится бредни плесть:
Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?
За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажу,
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда.
. . . .
Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ;
Поймаютъ и его и лошадь, коль заржетъ.
А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ пріѣзжаешь,
Гдѣ множество судя людей распоряжаешь.
Легко ли видѣти мнѣ хищныхъ сихъ звѣрей,
Съ приданымъ краденымъ, богатыхъ дочерей,
А тѣ, которыя бездѣльство ихъ поносятъ,
У нихъ же ластятся и милостины просятъ» (2).

---

(1) Сочин. ч. VI, 373—374.—(2) Тамъ же, ч. VII, 362.

Средствами для искорененія взяточничества, ябеды и всякаго рода обидъ и несправедливостей въ судахъ, Сумароковъ считалъ образованіе приказныхъ и изданіе полнаго по возможности собранія законовъ. „Невѣжество, говоритъ онъ въ Словѣ Екатеринѣ II, есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство созидаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣсившаяся со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе! Созижди великолѣпный храмъ ненарушаемаго правосудія; но прежде того, повели собирати потребныя ко зданію вещи и основати училища готовящимся исправити и наблюдати предпріятые премудростію твоею законы! Повели предъ писцами разогнути книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ! Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что написано; ибо безъ того и тѣ могутъ противузаконствовать, которые монаршу волю всею силою исполняти устремляются, не понимая того, чего сами писцы путаяся, хромая и на всякой строкѣ спотыкаяся, по многословесномъ колобродствѣ своемъ не понимали, читавъ сочиненія свои предъ судіями тѣмъ образомъ, которымъ дьячки предъ Богомъ псалтырь читаютъ, во скороспѣшномъ бѣгѣ цѣлыя рѣчи проглатывая.... Вотъ отъ чего иногда грѣшатъ и честные въ судіяхъ люди, подьячіе надежно грабятъ, невинные страждутъ, а бездѣльники торжествуютъ.... Я какъ сынъ и членъ отечества не того по разсудку моему желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новые установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился. Подался случай къ рѣшенію дѣла, и ежели нѣтъ обиженному по закону совершеннаго удовольствія, да удовольствуется обиженный и да исправится законъ“ (¹).

Будучи поклонникомъ французской литературы, Сумароковъ въ тоже время былъ патріотомъ, заботился о русскомъ образованіи и сильно возставалъ противъ неразумнаго подражанія всему иностранному. Въ запискахъ Порошина о немъ замѣчено: „Еще примолвилъ А. П. есть-де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое заведено недавно въ Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ А. П., и Бецкій и Таубертъ оба дураки;

(¹) Сочин. ч. II, стр. 235—237.

дѣтей въ Россіи должно воспитывать на россійскомъ языкѣ". На тоже неразумное пристрастіе къ французскому языку и ко всему иностранному Сумароковъ нападаетъ въ сатирѣ „О французскомъ языкѣ".

«Взрощенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина.
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничево они не разумѣютъ.
. . . .
И есть родители, желающи тово,
По русски бъ дѣти ихъ не знали ничево.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили.
Языкъ ихъ вычищенъ; но всякъ ли Моліеръ
Между французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ?
Во всѣхъ земляхъ умы великіе родятся,
А глупости всегда жъ и болѣе плодятся,
И мода странъ чужихъ Россіи не законъ:
Мнѣ мнится, все равно, присядка и поклонъ.
Объ этомъ инако Екатерина мыслитъ:
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ;
Стремится насъ она наукой озарить,
А не въ французовъ насъ не кстати претворить.
. . . .
Не въ формѣ истина на свѣтѣ состоитъ;
Насъ краситъ вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткутъ тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди тѣ—ткачи, не философы:
А истина нигдѣ еще не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишь народъ...
. . . .
Языки чужды намъ потребны для тово,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ нѣтъ чево» (¹).

Къ тому же роду сочиненій относятся статьи Сумарокова, подъ заглавіемъ: „Сонъ". Въ нихъ выражается жалоба на притѣсненія, дѣлаемыя иностранцами русскимъ писателямъ и русской литературѣ. „Вторично, говорится въ одной изъ этихъ статей, пригрезилася мнѣ Мельпомена, и объявила мнѣ, что она челобитную на иноплеменниковъ, утѣсняющихъ россійскихъ музъ, подала". Въ этой челобитной было изображено слѣдующее: „Вели-

(¹) Сочин. ч. VII, стр. 364—365.

кая и премудрая богиня! Бьетъ тебѣ челомъ россійская Мельпомена и всѣ съ нею россійскія музы, о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: 1) Призваны мы на россійской Парнассъ отцемъ твоимъ, великимъ Юпитеромъ, ради просвѣщенія сыновъ россійскихъ и отъ того времени просвѣщаемъ мы россіянъ по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ ко исполненію нашей должности способнѣйшій языкъ россійскій, отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада, часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, россійскія музы, въ нашемъ искуствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они учеными, а сыны россійскіе невѣжами почитались... 3) Властвуя они здѣшнимъ Парнассомъ, помоществуемы иноплеменниками, хамова колѣна, храмъ мой оскверняютъ, и весь Парнассъ россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство и, оставивъ парнасскія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на Парнассѣ ни малѣйшія нѣтъ нужды, и что парнасскому уставу совсѣмъ противно... 4) Россійскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе: да и работы своей авторамъ издавати едва возможно; ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію (?) недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы россіяня въ чужія вперялись языки, а свой бы позабывали, и не зная красоты онаго, имъ бы гнушалися, какъ имъ отъ ненависти они гнушаются, что отчасти нѣкоторыя безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго во словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старалися искусные писатели о чистотѣ россійскаго языка и о возрощеніи россійскаго краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая собственное прибыточество и вражду къ россійскому Парнассу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны; ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣть не могутъ. Да и подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ посреди своего отечества писатели отъ иноплеменниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣжъ; также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества. 6) Властвованіе иноплеменниковъ и храмомъ моимъ и всѣмъ россійскимъ Парнассомъ, къ неудобоносному нашему утѣсненію и къ непомѣрному нашему стыду, приводитъ насъ во крайнее отчаяніе. И дабы повелѣно было сіе мое прошеніе принять и насъ отъ ига иноплеменниковъ освободить.... Ноября 14 дня, 1760 года. Къ поданію надлежитъ россійской Палладѣ" (¹). Чтобы объяснить происхожденіе и самый

(¹) Сочин. Ч. IX, стр. 316—319.

характеръ этой „Челобитной“ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его постоянныя непріязненныя столкновенія съ графомъ Сиверсомъ и его канцеляріей по управленію театромъ, и съ Академіей наукъ, или вѣрнѣе съ академической типографіей, гдѣ печатались сочиненія Сумарокова. Въ сохранившихся до насъ письмахъ Сумарокова къ Шувалову также часто встрѣчаются его жалобы и на чиновниковъ графа Сиверса и на академическую типографію, что она задерживаетъ печатаніе его сочиненій, да и беретъ за печатаніе очень дорого.

Кромѣ такихъ произведеній, которыя имѣютъ форму сатиры, есть у Сумарокова много разныхъ статей, въ которыхъ также выражается его сатирическій взглядъ на жизнь, или такъ называемая критика нравовъ. Такъ въ статьѣ „О домостроительствѣ“ онъ изображаетъ дурныхъ помѣщиковъ, которые, заботясь только о своихъ выгодахъ, разоряютъ своихъ крестьянъ и жестоко обходятся съ ними. „Домостроительство, говоритъ онъ, состоитъ въ приумноженіи изобилія.... дабы тѣмъ обогащалося государство.... Почему жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе злата и сребра въ сундуки, здираютъ со крестьянъ своихъ кожи, и коихъ манифактуры и протчіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ невинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лошадей, противу права и моральнаго и политическаго, единственно ради своего излишняго изобилія, раздражая и Божество и человѣчество.... Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ. Такой извергъ природы—невѣжа и во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная, заставляющій поститься крестьянъ своихъ ради наполненія сундуковъ своихъ, разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вредняе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имѣя доброе сердце и чистую совѣсть, когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и проч? но я съ такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставитъ онъ дѣтямъ своимъ; но и у крестьянъ ево есть дѣти... Блаженство деревни не во единомъ изобиліи помѣщика состоитъ, но въ общемъ. Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ подданныхъ, такъ сохраняя голову, сохранитъ и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу состраждетъ. Но таковые гнусные домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отличаютъ крестьянъ отъ лошадей: на лошади такой человѣкъ ѣздя, питаетъ ее ради того только, чтобы она

ево возила; людей онъ содержитъ на кормѣ, единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянинъ не ради единаго помѣщика отъ Бога созданъ" ([1]).—Въ тѣсной связи съ этой статьей, по главной мысли, находится статья „О безбожіи и безчеловѣчіи". „Человѣкъ, не познавающій Бога, говоритъ Сумароковъ, не познаваетъ истины и не можетъ ни малѣйшія въ сердцѣ своемъ имѣти добродѣтели и презрѣнія достоинъ. Человѣкъ, познавающій Бога и противу совѣсти изгоняющій добродѣтель изъ сердца своего, достоинъ еще большаго презрѣнія. Безбожіе гадко, а безчеловѣчіе еще гаже. То происходитъ отъ ослѣпленнаго разума, а сіе отъ ожесточеннаго сердца. Тотъ нѣкотораго достоинъ сожалѣнія, а сей ни малѣйшаго. Безбожные вредоносны роду человѣческому, а безчеловѣчные пагубоносны ему" ([2]). Но всего ближе къ сатирическимъ и нравоописательнымъ сочиненіямъ подходятъ 6 книгъ басенъ и притчей Сумарокова. Многія басни не имѣютъ ничего общаго съ настоящими баснями ни по формѣ, ни по содержанію, а скорѣе представляютъ легкія насмѣшки, или маленькія сатиры на тѣ же пороки и недостатки, какъ и въ указанныхъ выше настоящихъ сатирахъ. Разсказъ въ этихъ басняхъ и притчахъ не отличается замысловатостью, но за то проводимыя въ нихъ идеи и нравственныя правила выражены съ такою силою и мѣткостію, что многія изъ нихъ перешли въ жизнь и стали употребляться какъ пословицы. Къ сожалѣнію, Сумарокову недоставало самообладанія и спокойнаго тона, какимъ долженъ отличаться истинный сатирикъ; его сатира часто походитъ на памфлетъ.

Сумароковъ, какъ издатель литературнаго журнала и какъ первый критикъ. До 1759 г. Сумароковъ помѣщалъ свои сочиненія большею частію въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Миллера; въ этомъ же году онъ началъ издавать свой ежемѣсячный литературный журналъ „Трудолюбивую Пчелу". Образцомъ при изданіи этого журнала служили для Сумарокова англійскіе нравоучительные журналы Стиля и Адиссона. Изъ этихъ журналовъ иногда и переводились или передѣлывались и статьи для Трудолюбивой Пчелы. Но сотрудниковъ при изданіи у Сумарокова было не много—Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Тредьяковскій; да и они помогали плохо, такъ что Сумароковъ часто одинъ былъ и издателемъ и писателемъ. Въ майской книжкѣ „Трудолюбивой Пчелы" было приложено такое примѣчаніе: „Весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова". Съ другой стороны, у Сума-

---

([1]) Сочин. ч. X, стр. 158—162.—([2]) Тамъ же, стр. 134—135.

рокова не было достаточно и денежныхъ средствъ на изданіе журнала. Поэтому Трудолюбивая Пчела издавалась только одинъ годъ.

Съ журнальною дѣятельностію Сумарокова соединяется его критическая дѣятельность. Сумарокова обыкновенно считаютъ первымъ по времени критикомъ въ новой русской литературѣ. Согласно съ этимъ и самая критика его представляетъ самую первоначальную ступень въ этой области; она имѣетъ еще чисто внѣшній, стилистическій характеръ т. е. направлена противъ недостатковъ правописанія, языка и слога сочиненій. Руководствомъ при критикѣ для Сумарокова, какъ и для другихъ писателей того времени, служили поэмы Горація и Буало. Подражая имъ, Сумароковъ и самъ написалъ „Эпистолу о русскомъ языкѣ“ и „Эпистолу о стихотворствѣ“, въ которыхъ изложилъ правила литературнаго языка и слога. Вотъ правила, изложенныя въ Эпистолѣ о русскомъ языкѣ:

«Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И помощію словъ пространна языка,
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока....
. . . .
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ (¹), послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой (²), не вучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь,
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.
. . . .
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ.
. . . .
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
Искуство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,

(¹) Разумѣется Ломоносовъ.—(²) Разумѣется Тредьяковскій.

Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ,
Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно.
Но кто не наученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышняе сложены,
И риторски бъ красы въ нихъ были включены,
Которыя въ простыхъ словахъ хоть не обычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны,
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей. . . .
Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ.
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся
И свойственно себѣ словами украшайся» (1).

Въ Эпистолѣ о стихотворствѣ Сумароковъ говоритъ:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ,
И правильно письма не смысля сочинить,
Захочетъ вдругъ творцемъ и стихотворцемъ быть.
Онъ только лишь слова на риему прибираетъ,
Но сплетенный вздоръ стихами называетъ. . . . .
Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
Незнающій одной и риемой утомится.
Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала,
Но чтобы нашею невольницей была.
Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
Она должна сама намъ въ разумѣ встрѣчаться,
И кстати приходивъ, ложиться, гдѣ велятъ;
Невольные стихи чтеца не веселятъ,
А оное не плодъ единыя охоты,
Но прилежанія и тяжкія работы.
Однако тщетно все, когда искуства нѣтъ,
Хотя творецъ, трудясь, струями потъ прольетъ.
. . . . . .
Когда искуства нѣтъ, иль ты не тѣмъ рожденъ,
Не строенъ будетъ гласъ, и слогъ твой принужденъ.

(1) Сочин. изд. 1787 г.; ч. 1 стр. 331—335.

А если естество тебя тѣмъ одарило,
Старайся, чтобъ сей даръ искуство украсило;
Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
И что начнешъ, ищи къ тому приличныхъ словъ,
Не раздражая Музъ худымъ своимъ успѣхомъ:
Слезами Талію, а Мельпомену смѣхомъ».

Далѣе указываютъ свойства, какими должны отличаться разныя поэтическія произведенія. Въ частности интересны замѣчанія о комедіи и сатирѣ.

«Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подьячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ.....
. . . .
Представь латынщика на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ Ergo ничево.
Представь мнѣ гордова, раздута какъ лягушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку....
. . . .
Въ сатирахъ должны мы пороки охуждать,
Безумство пышное въ смѣшное превращать,
Страстямъ и дуростямъ играючи ругаться,
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы въ страстныя сердца она втекла:
Сіе намъ зеркало сто разъ нужнѣй стекла» [1].

Эти правила литературнаго языка и слога Сумароковъ приложилъ преимущественно къ критикѣ сочиненій Тредьяковскаго и Ломоносова въ своихъ статьяхъ: „О правописаніи“ и „Стопосложеніи“. Виновниками всѣхъ неправильностей въ русскомъ правописаніи Сумароковъ считалъ преимущественно Тредьяковскаго и Ломоносова. „Г. Тредьяковскій и Ломоносовъ и многія и другія, говоритъ онъ, отходя отъ древняго употребленія, довольно и складъ нашъ и правописаніе портили: и нынѣ ежедневно портятъ, не меньше, какъ безграмотныя приказныя писцы: сіи отъ незнанія, тѣ отъ умствованія, не имѣя о складахъ языковъ разумнаго понятія“. Грамматика Ломоносова, по мнѣнію Сумарокова, только портитъ нашъ языкъ. „Грамматика г. Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ, вошло въ нее множе-

---

(1) Тамъ же, стр. 336—348.

ство порчи языка". „Ежели я не опорочу грамматики Ломоносова, такъ я о нечистотѣ нашего стопосложенія и ничего истолковать не могу; ибо главныя пороки онаго отъ того и произошли, чево г. Ломоносовъ самъ не зналъ, не будучи ни граматистомъ, ни знающимъ чистоту московскаго произношенія, и отъ того наше стопосложеніе стало толь безобразно". „Вся слава стихотворенія г. Ломоносова въ одних ъ ево одахъ состоитъ, а протчія ево стихотворныя сочиненія и посредственнаго въ немъ піита не показываютъ. Подражайте авторы красотѣ сего почтеннаго мужа въ красотѣ его лиричества и, презирая протчія піитическія ево сочиненія, не повинуйтеся его грамматикѣ, ища оныя во естествѣ языка, и помните, что стихи безъ чистаго стопосложенія есть трудъ легкій и самая скаредная проза" ([1]). Таковъ общій критическій отзывъ Сумарокова о Ломоносовѣ, какъ писателѣ. Разбирая же его сочиненія въ частности и указывая въ нихъ недостатки, онъ упрекаетъ Ломоносова за то, что онъ „возненавидѣвъ литеру *і* часто ее перемѣнялъ въ литеру *е*, напр. вмѣсто „достоинъ—достоенъ", вмѣсто „бывшій—бывшей" и проч., чему, прибавляетъ онъ, нынѣ многія безъ размышленія и безъ разбора слѣдуютъ". „Равномѣрно ввелъ г. Ломоносовъ и въ другихъ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ напр. вмѣсто „лѣта—лѣтà", вмѣсто „грáдовъ—градóвъ".... что г. Ломоносову, яко провинціальному уроженцу, простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но протчимъ, которыя рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ".... Сумароковъ осуждаетъ русскихъ писателей за то, что они ввели слова и выраженія: „обнародовать, преслѣдовать, предметъ, поборникъ, слышу запахъ, тѣсная дружба". „Слово „поборникъ", говоритъ онъ, не то знаменуетъ, каково оно, но совсѣмъ противное; поборникъ мой по естеству своему тотъ, который меня побораетъ, а по употребленію тотъ, который за меня другова побораетъ. Симъ образомъ вошло сіе: „слышу запахъ", хотя запахъ обонянію, а не слуху свойственъ... „Обнародовать" значитъ населить; „преслѣдовать"—изслѣдованное дѣло вновь изслѣдовать, или огнать ково, а не гнать; а „предметомъ" могла бы назваться цель, а не видъ моихъ стремленій, если бы такое слово и существовало. Вошло, было, въ моду слово „тѣсная дружба" вмѣсто „великая дружба"; но въ нашемъ языкѣ тѣсная дружба знаменуетъ принужденную дружбу, да и то неупотребительно". „Щотъ и мѣра степеней не имѣютъ, но многіе пишутъ: первѣйшій, послѣднѣйшій, главнѣйшій, краснѣйшій и проч.; такъ по сему можно писать и говорить „камень трехпуднѣйшій", „сукно шириною трехаршиннѣйшее" и проч.. Т вмѣсто Д и Д вмѣсто Т

([1]) Сочин. ч. X. стр. 38; 56—57; 77.

часто безъ разбора ставятся: „вотка, лотка“ вмѣсто „водка, лодка“... Какое правило приказало намъ писати прилагательныя во множественномъ Е и Я? Е въ мужескомъ выдумали также подьячія.... хотя многія и мучатся надъ различіемъ родовъ, мѣшаются и гадятъ языкъ еще болѣе.... Ломоносовъ и Тредьяковскій теряли корень нарѣчія, пиша: „ребята“ вмѣсто „рабята“ отъ слова „рабъ и работа“: „раззорять“, писали, а не „разорять“, „блиско“ вмѣсто „близко“ и множество такихъ словъ“.—Въ статьѣ „О стопосложеніи“ Сумароковъ разбираетъ недостатки стихотворнаго языка Ломоносова и старается доказать, что Ломоносовъ, вмѣсто исправленія русскаго стопосложенія, „ево болѣе и болѣе портилъ; и ставъ порчи сея образцемъ, не хуля того и въ другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь къ стихотворенію, но путь сей на парнасскую гору не возводитъ. У г. Ломоносова во строфахъ ево много еще достойнаго осталось, хотя что, или лутче сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ ево иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроворный стопослагатель, это я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу“... Раздѣливъ строфы въ одахъ Ломоносова на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, строфы изрядныя, строфы, требующія большова исправленія, и строфы, о которыхъ, прибавляетъ онъ, я ни чево не говорю, Сумароковъ указываетъ недостатки въ его стихотвореніяхъ—въ размѣрѣ, риѳмахъ и отдѣльныхъ словахъ. Напр. онъ говоритъ: „Шуми и веди“ не знаю почему риѳма; „чудится и вмѣститься“ не знаю жъ почему? „Зевса“ претворилъ г. Ломоносовъ въ „Зевеса“... „Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво“... не одно чисто стекло, ибо серебро чисто, а стекло прозрачно. „И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилыхъ завѣсу“... здѣсь нѣтъ, хотя стопы и исправны, ни складу, ни ладу; „въ печальнѣйшей нощи“... что это за печальнѣйшая ночь; иное бы дѣло было: „въ темнѣйшей“.... Такіе недостатки указаны въ посланіи Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла. Подобнымъ же образомъ Сумароковъ разбираетъ оду Ломоносова на восшествіе на престолъ Елисаветы. „Возлюбленная тишина, блаженство селъ, градовъ ограда“..... „Градовъ ограда“ сказать не можно. Можно молвить: „селенія ограда, а не ограда града“; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина? Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина... „На бисеръ, злато и порфиру“: съ бисеромъ и златомъ порфира весьма малое согласіе имѣетъ.... „Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ“.... лѣтитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль... „Молчите пламенные звуки“.... Пламенныхъ

звуковъ нѣтъ, а есть звуки, которые съ пламенемъ бываютъ..... „И грому трубъ ея мѣшаетъ плачевный побѣжденныхъ стонъ“: трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны; а ежели позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрипицы, и громъ флейты. „Сравнившись морю широтой“: надобно по грамматическимъ правиламъ сказать: „сравнившись съ моремъ широтой“ (1). Въ этой критикѣ, хотя мелочной и чисто внѣшней, конечно, есть и справедливыя замѣчанія, но въ ней непріятно поражаетъ читателя ея нетерпимость и рѣзкость, доходящая до неприличія. Еще рѣзче отзывался Сумароковъ о другихъ современныхъ стихотворцахъ. „Мы довольныя опыты имѣемъ на то, говоритъ онъ въ статьѣ о правописаніи, что можно сочиняти стихи во всѣхъ родахъ, и ни малѣйшаго не имѣя о грамматикѣ понятія, хотя и кажется, что стихотворство и риторство болѣе другихъ наукъ нужды во грамотѣ имѣютъ, и что они самый сильнѣйшій духъ оныя: однако нѣтъ ни портнова, ни сапожника, кто бы тому не учился; а стихотворцевъ довольно, которыя не только правилъ онаго, но и грамматики не знаютъ; ибо колико авторъ ни несмысленъ и колико сочиненіе ево ни глупо, но сыщутся и читатели и похвалители онаго изъ людей, которыя еще ево несмыслянные; безумцы отъ начала міра не переводилися, и никогда не переведутся“ (2). Отъ „Собранія россійской словесности“, учрежденнаго для усовершенствованія русскаго языка, онъ кромѣ вреда ничего не ожидалъ: „Сіе намѣреніе, замѣчаетъ онъ, произошло отъ усердія; но сіе усердіе языку въ пагубу превратится, ибо сіе общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ во словесности, а частію изъ неученыхъ; такъ ни медикъ, ни господичъ пользы языку принести не можетъ; хотя бы медикъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки; юристъ отъ разоренія невиннаго отвѣтчика; физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы отстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но ко словесности потребенъ Овидій, Виргилій, Горацій, а не Локкъ, Невтонъ и Бургавенъ. Частію же сіе общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ; а въ экипажахъ ихъ Парнассу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретѣ никто не возъѣзжалъ, а Пегасъ и въ одноколку никогда еще впрягаемъ не бывалъ. Опасно сіе Собраніе словесности россійской нашего вѣка, а особливо ради того, что худо видящія писцы, опираяся на цѣлое общество, и совсѣмъ ослѣпятся и въ неисходную упадутъ бездну. И можно ли, почти не имѣя еще авторовъ,

(1) Тамъ же, ч. X, стр. 77, 79, 82, 88, 90.
(2) Тамъ же, стр. 20—21.

и не авторамъ сочиняти уже къ ужасной погибели языка лексиконъ“ (1). Сумароковъ касался въ своихъ сочиненіяхъ и произведеній французской литературы; но его отзывы объ этихъ произведеніяхъ имѣютъ также чисто внѣшній характеръ. Какъ строфы въ одахъ Ломоносова онъ раздѣляетъ на прекраснѣйшія, прекрасныя, изрядныя, такъ и трагедіямъ Расина и Вольтера онъ изрекаетъ такія же общія и голословныя похвалы. Въ статьѣ: „Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ“ онъ говоритъ о Меропѣ Вольтера: „Первое явленіе изобразило уже совершенно Софокла Франціи; второе прекрасно; третіе несравненно. Послѣднее явленіе есть нѣкоторымъ образомъ прологъ трагедіи и весьма искусно вмѣщено въ концѣ дѣйствія. Первое явленіе втораго дѣйствія прекрасно; второе явленіе всякую похвалу превосходитъ“. Такіе же голословные отзывы онъ дѣлаетъ здѣсь объ Ифигеніи Расина: „Начало трагедіи прекрасно. Стихи великаго вкуса. Прологъ весь есть дѣло, достойное Расина. Второе явленіе прекрасно. Третіе прекрасно. Пятое явленіе достойно своего автора. Втораго дѣйствія первое явленіе меня не трогало.... Второе явленіе хорошо, но все сіе дѣйствіе почти не трогало сердца моево.... Четвертаго дѣйствія первое явленіе не стоитъ моево примѣчанія“ и т. д. О Федрѣ Расина Сумароковъ говоритъ: „Въ первомъ явленіи уже явился великій и преславный стихотворецъ. Второе явленіе очистило искуснѣйшимъ образомъ Федрѣ театръ. Въ третьемъ явленіи, подражая Еврипиду, превзошелъ онъ Еврипида“ и проч. (2).

Въ слогѣ выражается характеръ писателя; въ сочиненіяхъ Сумарокова выразился его характеръ. Поэтому, чтобы правильно судить о сочиненіяхъ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его характеръ. Основными чертами въ характерѣ Сумарокова были непомѣрное самолюбіе и тщеславіе. Они были причиною какъ его славы въ литературѣ и возвышенія въ обществѣ, такъ и тѣхъ несчастій и страданій, которыя ему привелось испытать въ жизни. Самолюбіе побуждало его искать славы первокласснаго писателя и заботиться объ успѣхахъ въ литературѣ; но самолюбіе же и тщеславіе постоянно вводили его въ самыя тяжелыя столкновенія съ разными людьми, пріобрѣтали ему множество враговъ и довели его до озлобленія. Избалованный общимъ вниманіемъ на первыхъ порахъ литературной дѣятельности, онъ такъ высоко началъ цѣнить свой талантъ и свои заслуги въ литературѣ, что не хотѣлъ признавать никого выше себя, и, встрѣтивъ соперника себѣ въ Ломоносовѣ, старался унизить его своими критиче-

(1) Тамъ же, стр. 59—60.
(2) Сочин. Ч. IV, стр. 327—356.

скими разборами его сочиненій. Оправдываясь отъ обвиненія, будто онъ въ своихъ сочиненіяхъ пишетъ пасквили, онъ говоритъ: „Шествуя по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео (Буало) и Вольтера, имѣлъ ли я нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе къ пользѣ публики, нежели пасквиль. Можетъ ли человѣкъ, снабденный оружіемъ, ухватиться, во время защиты, за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедіи, за пасквиль"? О своемъ значеніи въ русской литературѣ онъ замѣчаетъ: „Если бы Ломоносовъ не разстроивался со мною, не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути на долго. Я ему еще подпора". Выше указано, какъ придирчиво Сумароковъ разбиралъ сочиненія Ломоносова; чтобы доказать наконецъ вполнѣ свое превосходство надъ нимъ въ одахъ, онъ издалъ нѣкоторыя мѣста изъ своихъ одъ и одъ Ломоносова, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ", съ предисловіемъ, въ которомъ жалуется, что ему наскучило слышать всегдашнія о себѣ и о Ломоносовѣ разсужденія, и рекомендуя свои строфы, замѣчаетъ, что онъ распоряжалъ ихъ, какъ распоряжали Мальгербъ, Руссо и всѣ нынѣшніе лирики, а Ломоносовъ этого не дѣлалъ" ([1]). Въ 1755 г. во французскомъ журналѣ Mercure de France (за мѣсяцъ апрѣль) былъ напечатанъ подробный разборъ трагедіи „Синавъ и Труворъ" и сдѣланъ весьма лестный отзывъ о Сумароковѣ, оканчивавшійся слѣдующими словами: „Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи какіе слѣды приключеній, изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, а мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не сдѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ, введенныхъ Петромъ В. и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ августѣйшей его дщери". Сумароковъ перевелъ этотъ разборъ на русскій языкъ и напечаталъ. Признавая Вольтера идеаломъ драматическаго писателя, онъ посылалъ къ нему нѣкоторыя трагедіи и получилъ отъ него одобреніе съ просьбою продолжать столь полезную литературную дѣятельность. Эти отзывы такъ подѣйствовали на Сумарокова, что онъ, считая себя первокласснымъ писателемъ,

---

([1]) Сочин. Ч. IX, стр. 247—254.

началъ ставить себя наравнѣ съ Расиномъ и Вольтеромъ и стремился къ совершенной монополіи въ русской драмѣ, желая, чтобы только по его одобренію піесы и давались въ театрѣ. Вотъ какимъ негодованіемъ онъ разразился, когда одинъ, какъ онъ выражается, подьячій Николай Пушниковъ перевелъ слезную комедію Бомарше „Евгенію", и эта комедія была представлена на московскомъ театрѣ: „Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ (во Франціи); но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова, а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру; но онѣ въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканія, какъ скаредно ни переведена „Евгенія", и какъ нагло актриса, подъ именемъ Евгеніи, бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы какой-то подьячій до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подьячій сталъ судіею Парнасса и утвердителемъ вкуса московской публики!..... конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ! Но неужели Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ" (¹). Особенно рѣзко самолюбіе Сумарокова высказалось въ томъ, что онъ говоритъ о своихъ заслугахъ театру. „Мои упражненія, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Шувалову, ни съ придворными, ни со штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, и труды мои ничьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются". Сравнивая свое жалованье съ тѣмъ, какое получали въ тоже время бывшіе въ Петербургѣ иностранные артисты, онъ замѣчаетъ: „Я Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги, нежели французскіе актеры и итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю" (²).—„Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, говоритъ онъ въ статьѣ: „О копистахъ", то нынѣ Россія стараніями моими увидѣла: въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена; всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные сограждане, что ни сочиненія мои,

---

(¹) Сочин. Ч. IV, стр. 61—64. Здѣсь же напечатано письмо Вольтера къ Сумарокову, въ которомъ выражено мнѣніе Вольтера о новой мѣщанской драмѣ.

(²) Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Я. К. Грота. Записки Академіи наукъ 1862, томъ. I. Приложеніе 1.

ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ. Лейпцигское ученое Собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися, но скажу словами апостола Павла: дадеся ми пакостникъ ангелъ сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ, да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подьяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подьячего и самаго скареднаго крючкотворца" ([1]). Въ 1764 г. Сумароковъ представилъ проектъ своего путешествія для осмотра заграничныхъ театровъ въ продолженіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, съ жалованьемъ по семи тысячъ рублей, сверхъ получаемой имъ пенсіи. „Я опишу, говорилъ онъ въ этомъ проектѣ, одну Италію и, проѣхавъ оттолѣ въ Парижъ, опишу Парижъ, мѣста на пути до Италіи, и оттолѣ до Парижа, а изъ Парижа чрезъ Голландію до Петербурга... Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердилися... Если бы таковымъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стояло Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила". По увольненіи отъ должности директора театра, Сумароковъ переселился въ Москву и отсюда писалъ импер. Екатеринѣ: „Быть адвокатомъ Мельпомены и Таліи не только въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ... Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Моліеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно созидать, ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревскій къ совершенству театра еще недостаточны". Въ другомъ письмѣ о Москвѣ Сумароковъ говоритъ, что въ ней всѣ улицы невѣжествомъ вымощены аршина на три; ста Мольеровъ требуетъ Москва. Въ Москвѣ также, какъ въ Петербургѣ, Сумароковъ вошелъ въ непріятныя столкновенія съ разными лицами и между прочимъ съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ П. С. Салтыковымъ, на котораго онъ подавалъ жалобу

([1]) Сочин. Ч. IV. стр. 391—392.

импер. Екатеринѣ за то, что Салтыковъ безъ его вѣдома приказалъ представить на Московскомъ театрѣ „Синава и Трувора". „Отъ Салтыкова, писалъ онъ въ этой жалобѣ, по его въ наукахъ крайнему незнанiю, за что мнѣ безвинно терпѣть? Ибо онъ о томъ, что̀ науки, и понятiя не имѣетъ, а побѣды его, одержанныя по неисповѣдимымъ судьбамъ Божiимъ, во словесныя науки не входятъ". На этой жалобѣ Екатерина написала: „Сумароковъ безъ ума есть и будетъ". Но Сумароковъ не унимался и постоянно обращался къ Екатеринѣ съ разными жалобами на своихъ враговъ и просьбами о чинѣ, денежномъ пособiи, о малой подмосковной деревнишкѣ, о невзиманiи рекрутовъ съ его имѣнья, такъ что Екатерина наконецъ приказала передать ему, что она больше не будетъ читать его писемъ, что она желаетъ видѣть дѣйствiе страстей болѣе въ его комедiяхъ, чѣмъ въ его письмахъ.

Не надобно, впрочемъ, забывать, что много причинъ къ раздраженiю Сумарокова, его ссорамъ и жалобамъ заключалось и въ положенiи его, какъ директора театра, и въ состоянiи тогдашняго русскаго общества. Мало образованное русское общество еще не умѣло тогда цѣнить должнымъ образомъ ни литературы, ни писателей, особенно драматическихъ. Зрители въ театрѣ, во время представленiя, шумѣли и грызли орѣхи; ихъ интересовали болѣе костюмы актеровъ и актрисъ, чѣмъ самыя трагедiи и комедiи, представляемыя на сценѣ. Положенiе Сумарокова, какъ директора театра, было весьма трудное и тяжелое. Онъ долженъ былъ и сочинять пiесы для представленiя, и приготовлять ихъ представленiе т. е. учить актеровъ и актрисъ, дѣлать репетицiи, нанимать музыкантовъ, караулъ и проч. Между тѣмъ вознагражденiе за такiе труды было ничтожное. Жалованье онъ получалъ изъ той же суммы въ 5,000 рублей, которая ассигновалась на содержанiе театра вообще. Сборъ съ театральныхъ представленiй былъ незначительный и не только не приносилъ прибыли, но часто не окупалъ денегъ, затраченныхъ на представленiе. „Три представленiя, писалъ Сумароковъ въ маѣ 1758 г., не только не окупились, но еще принесли убытокъ". Часто не было средствъ забести нужные для актеровъ костюмы. Въ маѣ же и того же года Сумароковъ извѣщалъ графа Шувалова, что „въ четвергъ представленiя не будетъ, потому что у Трувора платья нѣтъ никакова". Кромѣ того, для русскихъ представленiй долго не было особаго театра; представленiя давались то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты; для каждаго представленiя нужно было просить особое разрѣшенiе отъ гофмаршала. Имѣя въ виду такое положенiе Сумарокова, мы должны снисходительно относиться къ его ссорамъ и жалобамъ. Нужно еще удивлять-

ся, что, не смотря на всѣ препятствія и непріятности, онъ такъ долго и неутомимо служилъ драматическому искусству. Да и вообще вся литературная дѣятельность Сумарокова вполнѣ заслуживаетъ самой благодарной памяти. Оцѣнивая произведенія Сумарокова главнымъ образомъ съ художественной точки зрѣнія, Пушкинъ осудилъ его слишкомъ строго ([1]); произведенія Сумарокова нужно оцѣнивать не съ одной художественной, но и съ исторической стороны, имѣя въ виду ихъ значеніе для того времени. Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ выше замѣчено, были первыми опытами русской драмы и, удовлетворяя потребностямъ своего времени, которое не имѣло въ этомъ родѣ ничего лучшаго, проложили путь для новыхъ произведеній. Въ комедіяхъ и сатирахъ, кромѣ того, было много живыхъ картинъ современныхъ нравовъ. Сумароковъ зорко слѣдилъ за всѣми пороками и недостатками и подвергалъ ихъ осмѣянію, и потому его совершенно справедливо называютъ общественнымъ писателемъ, или общественнымъ критикомъ. Эта критика нравовъ была основана на строго нравственныхъ началахъ: преслѣдуя все грубое и злое, онъ стремился водворить въ жизни все доброе и высокое. Вообще надобно сказать, что сочиненія Сумарокова, при неприглядной формѣ, часто не додѣланной, аляповатой, а иногда и грубой, содержатъ въ себѣ весьма много образовательныхъ элементовъ, которые должны были имѣть большое вліяніе на нравственное воспитаніе тогдашняго общества. Особенно сильно заботился Сумароковъ о распространеніи просвѣщенія, и потому страшно преслѣдовалъ невѣжество во всѣхъ его видахъ. Другимъ, равносильнымъ этому, стремленіемъ его было стремленіе къ правдѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на мѣсто усилившейся въ русской жизни неправды. Отсюда его постоянныя и самыя рѣзкія нападенія на подьячихъ, на неправосудіе и взяточничество. На этомъ основаніи Елагинъ и называлъ Сумарокова въ своей сатирѣ на петиметровъ „защитникомъ истины, гонителемъ и бичемъ пороковъ“.

Өедоръ Григорьевичъ Волковъ. Вмѣстѣ съ Сумароковымъ въ области драматическаго и театральнаго искусства трудились Волковъ и Дмитревскій. Өедоръ Григорьевичъ Волковъ (род. 1729, ум. 1763 г.) былъ сынъ костромскаго купца, Григорія Волкова; по смерти отца, вмѣстѣ съ матерью, которая вышла замужъ за ярославскаго купца, Өедора Полушкина, онъ переселился въ

([1]) Разумѣемъ извѣстные стихи Пушкина въ посланіи къ Жуковскому, написанные въ 1817 г.

Ярославль. Съ малыхъ лѣтъ въ немъ обнаруживалась наклонность и способность къ разнымъ художествамъ, и самоучкой онъ выучился рисованію, живописи и рѣзному искусству; но настоящимъ его призваніемъ было театральное искусство. Первыя свѣдѣнія въ этомъ искусствѣ онъ получилъ въ Москвѣ, гдѣ разыгрывалъ духовныя драмы съ воспитанниками московской академіи, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ познакомился съ итальянской оперой. Выше сказано, что стараніями Волкова въ Ярославлѣ былъ построенъ огромный театръ, вмѣщавшій въ себѣ до 1000 зрителей. При этомъ онъ самъ былъ архитекторомъ, живописцемъ и машинистомъ, а потомъ главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ. Въ 1752 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сначала помѣщенъ въ кадетскій корпусъ для обученія языкамъ и наукамъ, а въ 1756 г., по открытіи театра, назначенъ былъ первымъ актеромъ. Страстно любя театръ, онъ развилъ свой драматическій талантъ такъ, что явился великимъ художникомъ, достоинства котораго были признаны даже иностранцами. Главными его ролями были трагическія роли въ драмахъ Сумарокова, который, поэтому, очень много былъ обязанъ ему и Дмитревскому успѣхомъ своихъ трагедій на сценѣ. Въ 1759 г. Волковъ былъ отправленъ въ Москву для устройства перваго театра. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ о Волковѣ, что „онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ“. Но при всемъ томъ его занимали больше искусства, нежели литература. Изъ оригинальныхъ его театральныхъ произведеній извѣстенъ только публичный маскарадъ „Торжествующая Минерва“, напечатанный въ 1763 г. Этотъ маскарадъ сдѣлался для него роковымъ; приготовляя его къ представленію, Волковъ получилъ горячку и умеръ въ 1763 г. Новиковъ говоритъ, что Волковъ писалъ стихотворенія (народныя пѣсни) и между прочимъ началъ было сочинять оду Петру В., расположивъ ее на 40 строфъ, однакожъ успѣлъ сочинить только 15 строфъ; но какъ эта ода, такъ и другія его стихотворенія до насъ не сохранились. Сумароковъ написалъ на смерть Волкова элегію къ Дмитревскому, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный!
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой другъ. Прости, мой другъ любезный!
На вѣки Волкова пресѣклися часы!
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ.
Пегасовъ предо мной источникъ замираетъ.
Расиновъ я театръ явилъ, о Россы, вамъ!
Богиня! а тебѣ поставилъ пышный храмъ.

Въ небытіе теперь сей храмъ перенесется,
И основаніе его уже трясется» (¹).

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (род. 1736) воспитывался въ рязанской семинаріи и по страсти къ театру поступилъ въ труппу Волкова, въ которой игралъ обыкновенно женскія роли. Такія же роли онъ игралъ сначала и въ Петербургѣ, при дворѣ, когда былъ вызванъ сюда съ Волковымъ. Вмѣстѣ съ Волковымъ онъ былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ. Послѣ этого онъ былъ включенъ въ составъ актеровъ, а по смерти Волкова, назначенъ главнымъ актеромъ. Для усовершенствованія въ театральномъ искусствѣ, онъ въ 1765 г. былъ отправленъ за границу и пробылъ около двухъ лѣтъ въ главныхъ городахъ Голландіи, Франціи и Германіи, и кромѣ того въ 1767 г. еще отдѣльно ѣздилъ во Францію для составленія французской труппы. Послѣ Волкова Дмитревскій всего больше способствовалъ усовершенствованію театральнаго искусства въ Россіи и такъ возвысилъ званіе актера, что сдѣлалъ его вполнѣ почетнымъ. Онъ славился и вообще какъ ученый и образованный человѣкъ, былъ членомъ Россійской академіи, Вольнаго экономическаго общества и Бесѣды любителей россійскаго слова. Онъ не только представлялъ чужія піесы, но и самъ былъ писателемъ, сочинялъ стихотворенія, написалъ похвальное слово Сумарокову, переводилъ и передѣлывалъ иностранныя драматическія піесы. Изъ передѣлокъ его извѣстны комедіи: „Раздумчивый", „Демокритъ" и „Лунатикъ". Наконецъ онъ составилъ исторію русскаго театра, которая въ подлинникѣ до насъ не сохранилась, но которою воспользовался актеръ И. Носовъ и внесъ ее въ свою Лѣтопись русскаго театра (²).

Хроника русскаго театра И. Носова. Хроника или лѣтопись русскаго театра доведена Носовымъ до 1763 г., а потомъ неизвѣстно кѣмъ продолжена до 1784 г. „Историческая важность ея, говоритъ издатель ея Е. В. Барсовъ, состоитъ въ томъ, что Носовъ при составленіи ея пользовался оригиналомъ исторіи русскаго театра И. А. Дмитревскаго. Къ сожалѣнію, Носовъ не указываетъ, гдѣ именно онъ видѣлъ и какъ онъ пользовался оригиналомъ, который считался утраченнымъ. Самъ Носовъ недо-

---

(¹) Опытъ истор. словаря Новикова. Матеріалы для ист. русск. литер. изд. П. А. Ефремова; стр. 25.

(²) Хроника русскаго театра Носова съ предисловіемъ и новыми разысканіями о первой эпохѣ русскаго театра Е. В. Барсова. Изданіе Общества ист. и древн. рос. Москва. 1883.

статочно владѣлъ даже грамматическимъ строемъ рѣчи, и потому трудно предположить, чтобы онъ могъ что-либо выдумать отъ себя... Отсюда само собою выясняется значеніе „Хроники“: она воспроизводитъ для насъ сказанія „Нестора“ русскаго театра. Сообщаемые имъ факты имѣютъ первостепенную важность въ исторіи первоначальной его эпохи. Многое не выдерживаетъ критики, многое кажется сомнительнымъ и недостовѣрнымъ, но и далеко не все можетъ быть безусловно отрицаемо“. Въ Хроникѣ прежде всего замѣчательно то, что въ ней указывается на первоначальную эпоху театральныхъ представленій въ Москвѣ, еще до появленія нѣмецкаго театра Іоганна Готфрида Грегори. Въ числѣ театральныхъ піесъ, представлявшихся въ эту эпоху, по ея указанію, были и піесы, взятыя изъ народныхъ сказаній. Въ 1671 г. января 25 дня, по случаю бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кирилловною Нарышкиной, въ кремлевскомъ дворцѣ, боярами и боярынями была представлена „Яга-Баба“, комедія-сказка, съ пѣснями и плясками. Баба-Яга изображается страшною, сухощавою и огромною, съ костяными ногами, съ желѣзною въ рукѣ палицею, которой она дѣйствуетъ, понуждая катиться свою махину, въ которой она разъѣзжаетъ, предъ появленіемъ коей на сцену, подземные невидимые духи поютъ:

«Баба Яга,
Костяная нога,
Въ ступѣ къ намъ подъѣзжаетъ,
Пестомъ ее погоняетъ,
Слѣдъ помеломъ заметаетъ».

8-го іюня того же года, въ царскомъ селѣ Преображенскомъ на потѣшномъ дворѣ, въ день рожденія царевича Ѳедора Алексѣевича, боярами и боярынями былъ представленъ „Туръ“, комедія-сказка съ пѣснями, съ славянскими, уральскими, польскими танцами (Туръ древнее славянское божество, которому праздновали во время семика). 26-го августа, въ день тезоименитства царицы, Натальи Кирилловны, представленъ „Праздникъ Услада“, баснословная кіевская комедія, съ пѣснями и плясками. Въ 1672 г. 1-го сентября въ домашнемъ театрѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева была представлена „Коляда“, баснословная комедія съ пѣснями, славянскими и уральскими плясками и разными играми. Далѣе, въ Хроникѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, указываются разныя театральныя піесы, переводныя и оригинальныя, которыя представлялись при Петрѣ В., Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II нѣмецкими труппами Готфрида Грегори, Іоганна Кунштa и Франца Фирштa,[*] и русскими актерами.

Мемуары, или записки современниковъ. Къ замѣчательнымъ мемуарамъ времени Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны относятся Записки княгини Долгорукой, князя Шаховскаго, Нащокина и Данилова.

Записки княгини Н. Б. Долгорукой (1). Наталья Борисовна Долгорукая извѣстна въ исторіи своей удивительной судьбой, исполненной разныхъ превратностей, и своимъ высокимъ, самоотверженнымъ, героическимъ характеромъ. Почти изъ царской обстановки жизни ей суждено было перейти въ Березовскій острогъ, а потомъ, послѣ продолжительныхъ страданій, окончить жизнь въ монастырской кельѣ. Долгорукая была дочь знаменитаго фельдмаршала Петра В., Бориса Петровича Шереметева, воспитана и выросла въ полномъ довольствѣ и роскоши. Всѣ родные и знакомые пророчили ей веселую и счастливую жизнь, особенно, когда она сдѣлалась невѣстою любимца Петра II, кн. Ивана Алексѣевича Долгорукаго. „Думала я, замѣчаетъ и сама она въ своихъ Запискахъ, что я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ, имѣлъ знатные чины при дворѣ и гвардіи... Вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ... Обрученіе наше было (совершено) въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами: брилліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереею; мои бъ руки не могли всего забрать, когда бъ мнѣ не помогли принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ" (2). И вдругъ всё это смѣнилось нищенскою и страдальческою жизнію въ Березовскомъ острогѣ. Послѣ смерти Петра II Долгорукіе пали, и послѣ восшествія на престолъ Анны Іоанновны вся ихъ фамилія была сослана въ

(1) Записки эти были напечатаны первоначально въ «Другѣ юношества» 1810 г. (январь, стр. 8—69), потомъ въ книгѣ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб. 1840), но не въ полномъ видѣ, и съ выпусками и поправками въ слогѣ. Въ полномъ видѣ и съ подлинной рукописи княгини Долгорукой онѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ въ 1867 г. Къ Запискамъ княгини Долгорукой здѣсь еще присоединены письма ея къ брату С. В. Шереметеву и къ сыну М. И. Долгорукому и извлеченіе изъ путевыхъ записокъ внука ея И. М. Долгорукаго въ 1810 г.—Русскіе мемуары XVIII в. П. Пекарскаго. Соврем. 1855 года том. L. Княгиня Н. Б. Долгорукая Д. А. Корсакова. Истор. Вѣстн. 1886, февраль. (2) Русск. Архивъ. 1867 г. № 1, стр. 11—12.

самый отдаленный городъ Тобольской губерніи, Березовъ. „Это мое благополучіе и веселіе, говоритъ Долгорукая, продолжалось не болѣе какъ отъ декабря 24 дня по 18 января день... За двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать, радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались на вѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; не возможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда (бы) не свыше сила Господня подкрѣпляла“ (¹). Предвидя ссылку Долгорукихъ, родные Натальи Борисовны совѣтовали ей отказать своему жениху, представляя то, что могутъ найтись другіе женихи, которые не хуже его достоинствами, да и былъ уже одинъ женихъ, который предлагалъ ей свою руку; но Наталья Борисовна согласилась лучше испытать съ избраннымъ ею Долгорукимъ всѣ бѣдствія и страданія, чѣмъ измѣнить ему. „Войдите въ разсужденіе, говоритъ она, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостію за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ новѣйшій вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда ни раскаявалась, для чего я за него вышла, и не давала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила, сколько мнѣ можно было, еще и его подкрѣпляла“ (²). Вышедши замужъ за Долго-

(¹) Тамъ же, стр. 13—14.
(²) Тамъ же, стр. 15—16.

рукаго, она вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ ссылку и твердо переносила всѣ бѣдствія и лишенія. Чрезъ 8 лѣтъ (въ 1739 г.) Долгорукій, вмѣстѣ съ другими его родственниками, былъ увезенъ въ Новгородъ и здѣсь казненъ; объ этомъузнала Наталья Борисовна только уже спустя три года. Въ 1742 г. импер. Елисавета возвратила ее изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ она и жила въ домѣ брата своего до 1753 г. Въ этомъ году она переѣхала въ Кіевъ и во Фроловскомъ монастырѣ постриглась въ монахини, принявъ имя Нектаріи, а потомъ облеклась въ схиму. Наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное, она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое. Записки свои она писала уже въ монашеской кельѣ въ 1767 г., по желанію сына своего Михаила. Въ нихъ она сначала говоритъ, впрочемъ довольно кратко, о своемъ воспитаніи и жизни въ домѣ родителей, и потомъ описываетъ свое обрученіе съ княземъ И. А. Долгорукимъ, смерть и похороны Петра II, пріѣздъ въ Москву импер. Анны Іоанновны, паденіе и ссылку Долгорукихъ и наконецъ свое путешествіе съ мужемъ и его родными въ Березовъ. На извѣстіи о пріѣздѣ въ Березовъ записки останавливаются. Воспоминанія о жизни въ самой ссылкѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ, вѣроятно, были такъ тяжелы для нея, что она не въ состояніи была ихъ описывать. Описаніе упомянутыхъ событій отличается вообще мирнымъ и спокойнымъ тономъ и хотя по мѣстамъ проникнуто чувствомъ глубокой скорби, но нигдѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ горькихъ упрековъ, обвиненій, обличеній, или порицаній другихъ людей. Въ самомъ началѣ записокъ она замѣчаетъ, что „намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать". Описывая испытанныя ею бѣдствія и страданія уже въ концѣ своей жизни, въ монашеской кельѣ, совершенно отрекшись отъ міра, она все покрываетъ чувствомъ христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей. Но тѣмъ выше еще является ея самоотверженный героическій характеръ, какъ женщины-супруги, всѣ радости жизни принесшей въ жертву своему любимому, несчастному мужу. Имя княгини Долгорукой сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ литературахъ; ея судьба послужила предметомъ для многихъ литературныхъ произведеній; въ нашей литературѣ ее изобразилъ поэтъ Козловъ въ своей поэмѣ: „Н. Б. Долгорукая".

Записки В. А. Нащокина (¹). Василій Александровичъ Нащокинъ (род. 1707, ум. 1761 г.) былъ человѣкъ военный (умеръ

(¹) Записки Нащокина изданы Языковымъ.

въ чинѣ генералъ-лейтенанта) и потому въ своихъ запискахъ онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на то, чтò относится къ военной службѣ, на военные походы, маневры и проч. Такъ какъ измайловскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ, участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, подъ начальствомъ графа Миниха, то онъ описываетъ этотъ походъ. Затѣмъ всего чаще описываются торжественные обѣды, балы и т. п. Есть также въ Запискахъ нѣсколько свѣдѣній о смерти извѣстныхъ въ то время лицъ, съ краткими ихъ характеристиками, напр. Левенвольда, Кейта, графа Румянцева и другихъ. Но для насъ всего важнѣе въ Запискахъ Нащокина два извѣстія—о смерти профессора Рихмана и объ основаніи Московскаго университета. Мы видѣли выше, что Ломоносовъ опасался, чтобы смерть Рихмана не была перетолкована во вреду наукъ; опасенія его имѣли основаніе, смерть Рихмана, дѣйствительно, возбудила много толковъ въ Петербургѣ. Нащокинъ описалъ ее въ своихъ Запискахъ и своимъ описаніемъ представилъ образчикъ тогдашнихъ сужденій объ ученыхъ, жертвовавшихъ жизнію для науки. „Іюля 26 (1753 г.), говоритъ онъ, убило громомъ въ С.-Петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался объ удержаніи грома и молніи, дабо отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о семъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытный да чтетъ. Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о аѳинейскомъ стихотворцѣ, Евсхиліи".... И потомъ приводитъ извѣстный анекдотъ объ Эсхилѣ, будто онъ погибъ отъ того, что орелъ, пролетая надъ нимъ, во время его астрономическихъ наблюденій, и принявъ его лысую голову за каменную скалу, бросилъ на нее несенную имъ черепаху и убилъ его. „Итакъ, заключаетъ онъ, нечаянный конецъ вымыслъ и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи". На основанный недавно московскій университетъ и гимназію Нащокинъ смотритъ съ точки зрѣнія чисто служебной, какъ на самое выгодное средство для службы, и потому сына своего онъ тотчасъ же записалъ въ университетъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на упомянутый выше указъ 1756 г., по которому время ученія въ университетѣ зачиталось въ службу, и замѣчаетъ, что по этому указу обученіе въ наукахъ не можетъ помѣшать произвожденію въ чины тѣхъ изъ учащихся, которые записаны на службу (¹).

(¹) Русскіе мемуары XVIII в. Соврем. том. LII; стр. 65—66.

Записки князя Я. П. Шаховскаго ([1]). Князь Яковъ Петровичъ Шаховской (род. 1705, ум. 1772 г.) находился на службѣ 40 лѣтъ, служилъ при трехъ императрицахъ, Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II, занималъ разныя должности—сенатора, оберъ-прокурора синода, генералъ-кригсъ-коммисара, былъ въ сношеніяхъ со многими важными людьми, Бирономъ, Волынскимъ, Головкинымъ, Минихомъ, Шуваловымъ, видѣлъ возвышеніе и паденіе этихъ лицъ, и вмѣстѣ съ ними самъ падалъ. Однажды всемогущій Биронъ принялъ его особенно милостиво. Милость и ласковыя слова правителя сдѣлали Шаховскаго счастливымъ: всю ночь онъ плохо спалъ отъ волненія и заснулъ уже на разсвѣтѣ. Но ночью успѣли взять Бирона подъ арестъ, и Шаховской лишился своего счастія и значенія. Скоро, однако, Шаховской съумѣлъ попасть въ милость одного изъ вновь назначенныхъ кабинетъ—министровъ, графа Головкина, и благодаря ему получилъ мѣсто сенатора. Въ одинъ изъ вечеровъ, по возвращеніи съ праздника отъ новаго покровителя, Шаховской говорилъ про себя „въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ: я уже господинъ сенаторъ, между стариками, въ первѣйшихъ чинахъ находящимися, обращаюсь, и будучи такого многомочнаго министра любимецъ.... легъ спать. Но ночью сенатскій экзекуторъ разбудилъ его и объявилъ о восшествіи на престолъ импер. Елисаветы Петровны; графъ Головкинъ и его товарищи были взяты подъ арестъ, а князь Шаховской лишился сенаторства. Нѣсколько дней онъ оставался безъ мѣста; наконецъ его потребовали въ сенатъ, гдѣ объявили ему о назначеніи его оберъ-прокуроромъ синода. Но прежде, чѣмъ узналъ объ этомъ назначеніи, Шаховской размышлялъ о себѣ такимъ образомъ: „прежде на крыльцѣ встрѣчая по лѣстницамъ сквозь всѣ покои до присутственной палаты съ почтеніемъ меня провожали... а нынѣ экзекуторъ, который не долго предъ тѣмъ своимъ патрономъ называлъ и въ знакъ своего покорнаго учтивства не сидя, но стоя со мною разговаривалъ, какъ челобитчиковъ и прочихъ въ сенатъ приходящихъ меня принялъ“.... Но на слѣдующій день встрѣча въ синодѣ успокоила должностное самолюбіе Шаховскаго: „того мѣста, также какъ и при сенатѣ находящійся такого же ранга экзекуторъ, уже ожидая моего прибытія, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ, съ нѣсколькими секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскими служителями, кои всѣ должны быть, такъ какъ

([1]) Записки князя Я. П. Шаховскаго были изданы въ 2-хъ частяхъ въ 1810 г.; другое изданіе ихъ сдѣлано въ 1821 г. Смотр. Русск. мемуары XVIII в. Соврем. 1855 г. том. LII.

и въ сенатѣ у генералъ-прокурора, въ моей дирекціи, съ почтеніемъ рекомендовался, и, очищая дорогу, проводилъ меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе святѣйшаго синода".—Приведенныя правительственныя и чиновническія превращенія и чинолюбіе и чинопочитаніе Шаховскаго, составляя самыя характерныя мѣста въ его Запискахъ, составляютъ также и характеристическія черты того стараго времени, когда всѣмъ управляло колесо фортуны, быстро возвышавшее людей на высшія мѣста въ государствѣ и также быстро низвергавшее ихъ съ этихъ мѣстъ, когда высшимъ идеаломъ, къ которому были направлены всѣ помышленія людей, были чинъ и рангъ, которымъ поклонялись независимо отъ того или другаго характера людей, въ нихъ облеченныхъ, когда человѣкъ безъ извѣстнаго чина, при всѣхъ своихъ нравственныхъ качествахъ, не значилъ ничего, и когда, поэтому, всѣ искали чиновъ и ранговъ, не только чиновники, но и ученые и поэты (челобитная Фонъ-Визина къ Россійской Минервѣ). Такое направленіе, впрочемъ, не мѣшало являться на службѣ и людямъ истинно хорошимъ и честнымъ, доказательствомъ чего служитъ самъ авторъ Записокъ. При всѣхъ правительственныхъ превращеніяхъ и личныхъ служебныхъ перемѣнахъ, Шаховской никогда не измѣнялъ своему долгу и совѣсти, служилъ всегда честно, былъ строгимъ исполнителемъ закона и ревностнымъ поборникомъ справедливости. Въ одномъ мѣстѣ Записокъ онъ разсказываетъ, какъ ему предлагали подарокъ въ 25,000 рублей, чтобы онъ отказался отъ своего проекта снабжать армію суknами не изъ Англіи, какъ это было заведено, а съ русскихъ фабрикъ, не смотря на то, что за поставщика суконъ изъ Англіи, Вульфа, было много сильныхъ ходатаевъ, которые могли вредить Шаховскому. Образованію въ немъ такого честнаго и правдиваго характера способствовало, по его словамъ, то твердое нравственное воспитаніе, какое онъ получилъ въ домѣ дяди своего, А. И. Шаховскаго: „Главнѣйшія жъ и частыя, говоритъ онъ, мнѣ были отъ сего втораго отца поученія, чтобъ всякое дурно (дурное дѣло) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, при томъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сіи-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученія были при всѣхъ случаяхъ въ поведеніяхъ

моихъ первѣйшими правилами (1). Слогъ Записокъ Шаховскаго, какъ человѣка, всю жизнь проведшаго въ службѣ и въ чтеніи и составленіи дѣловыхъ бумагъ, отличается дѣловымъ характеромъ: нѣкоторыя слова употребляются имъ въ особенномъ смыслѣ: „воображеніе“ у него значитъ мысль, сужденіе; „заключеніе“—слѣдствіе; „аппробовать“—утвердить, согласиться; „персональное изъясненіе“—личное объясненіе и т. п.

Записки М. В. Данилова (2). Даниловъ (род. 1722, ум. 1790 г.) не занималъ, какъ Шаховской, никакой важной должности и не былъ участникомъ и свидѣтелемъ важныхъ событій. Сынъ бѣднаго дворянина, онъ дѣтство свое провелъ у разныхъ родственниковъ на воспитаніи; учился въ артиллерійскомъ училищѣ въ Москвѣ. Вышедши изъ этого училища на службу фурьеромъ, онъ занимался приготовленіемъ фейерверковъ и иллюминацій. Дослужившись до капитана, онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1790 г. Описывая въ Запискахъ свою жизнь, онъ разсказываетъ изъ нея множество интересныхъ подробностей, которыя весьма хорошо характеризуютъ бытъ тогдашнихъ небогатыхъ дворянъ и простыхъ помѣщиковъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ нерѣдко такія же сцены домашняго воспитанія и семейныхъ нравовъ, какія рисовала въ своихъ произведеніяхъ литература XVIII в. Въ этомъ отношеніи Записки Данилова могутъ служить съ одной стороны повѣркой а съ другой—дополненіемъ нѣкоторыхъ литературныхъ картинъ и характеровъ того времени. Такъ, разсказывая о первоначальномъ своемъ ученіи грамотѣ, онъ изображаетъ своего учителя, пономаря, Филиппа Брудастаго, который всю суть ученія поставлялъ, повидимому, въ наказаніи учениковъ. „Памятно мнѣ, говоритъ онъ, мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто сѣкли меня лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдаш-

---

(1) Русск. мемуары XVIII в. стр. 70—77.

(2) Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова изданы П. Строевымъ. Москва 1842 г.—Русск. мемуары XVIII в. стр. 77—85. Новое изданіе записокъ Данилова въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., кн. 3.

няго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ не понятнаго, сѣчь. Я помнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго, отвѣчалъ я во всемъ урокъ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно; изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣнѣніе и унылость". Изъ школы Брудастаго Даниловъ перешелъ въ школу тетки своей, вдовы Матрены Петровны, у которой жилъ и учился еще другой племянникъ ея, Епишковъ. „А какъ вдова, говоритъ онъ, своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: часослова и псалтыри". Племянникъ Епишковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недорослей, которыхъ изобразилъ Фонъ-Визинъ въ Митрофанушкѣ, а тетка Матрена своею жизнію и характеромъ весьма сильно напоминаетъ частію Простакову, частію Ханжахину Екатерины въ комедіи „О время". „Вдова, говоритъ Даниловъ, была великая богомольщица: рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ такой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ не хотя: „полно тебѣ шутить, Ванюша", и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и

станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать, это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетиту". Племянника своего баловала она также, какъ Простакова Митрофанушку. Когда нужно было наказать его, она наказывала, вмѣсто него, товарищей его, а потомъ давала ему только наставленія въ такомъ напр. видѣ: „что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего", а послѣ, поцѣловавъ его, говорила: чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя сѣчь не стану" (1).

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ученая литература въ началѣ новаго періода была не богата (2). Новое образованіе распространялось медленно и съ большими затрудненіями; не говоря о высшихъ,—среднихъ и нисшихъ образовательныхъ заведеній было весьма мало. Чтобы ускорить распространеніе образованія, Петръ В. положилъ, кромѣ перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ, еще составить на русскомъ языкѣ учебники и руководства по всѣмъ предметамъ знанія; но эта воля Петра плохо исполнялась при его преемникахъ. „Недостатокъ на россійскомъ языкѣ до наукъ касающихъ книгъ, говорилъ въ 1760 г. академикъ Румовскій, должно почитать за великое препятствіе распространенію ихъ въ Россіи. Вмѣсто того, чтобы съ молодыхъ лѣтъ упражняться въ наукахъ и острить разумъ, напередъ принуждены бываемъ самое лучшее время употреблять на изученіе какого-нибудь языка, къ чему ничего, кромѣ памяти, не требуется, а силы разума коснѣютъ и въ полномъ возрастѣ къ наукамъ и разнымъ употребленіямъ, гдѣ долговременное требуется разсужденіе, бываютъ неспособными" (3). При занятіяхъ науками нужно было „добывать изъ чужихъ краевъ

---

(1) Кромѣ Записокъ, изъ сочиненій Данилова напечатаны: «Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи» (1762); «Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи» (1779); «Письмо къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ» (1783); «Письмо о совѣсти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. В.» (1804).—(2) См. Русская наука въ XVIII в. А. Н. Пыпина въ Вѣстн. Европы 1884 г.

(3) Исторія Россійской Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. II, стр. 47—48.

всѣ выходящія новыя книги и періодическія изданія, чтобы слѣдить за открытіями, изобрѣтеніями и новостями, а все это доходило до Петербурга весьма поздно, по причинѣ прежней медленности въ сообщеніяхъ съ центрами европейской образованности, а иногда вовсе оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи по недостатку сношеній" ([1]). Возможныя или доступныя въ то время средства къ просвѣщенію заключались въ Академіи Наукъ и Московскомъ университетѣ; въ нихъ главнымъ образомъ сосредоточивалась и ученая дѣятельность. Въ Академіи Наукъ были ученые иностранцы по всѣмъ наукамъ, которые своими трудами были извѣстны во всей Европѣ, но, согласно съ направленіемъ того времени, всего болѣе въ ней процвѣтало, какъ уже замѣчено выше, отдѣленіе естественныхъ и физико-математическихъ наукъ. Къ этому отдѣленію принадлежали: братья Бернулли, Германъ, Эйлеръ, Николай Делиль, Бильфингеръ, Іоганнъ Гмелинъ ([2]). Подъ ихъ руководствомъ воспиталось и нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были, кромѣ Ломоносова, бывшаго профессоромъ химіи: Красильниковъ, который сдѣлалъ первый астрономическія наблюденія въ Камчаткѣ, Петропавловскомъ портѣ, на островѣ Даго, на мысѣ Дагерротъ; Крашенинниковъ, первый изъ русскихъ ботаникъ и зоологъ, составившій замѣчательное описаніе Камчатки; Адодуровъ, бывшій адъюнктомъ Академіи по математикѣ, и Котельниковъ, ординарный профессоръ-академикъ, написавшій нѣсколько сочиненій по математикѣ и переведшій съ латинскаго Первыя основанія математики Вольфа ([3]). Труды академиковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, печатались, какъ увидимъ, въ „Комментаріяхъ Академіи" на латинскомъ языкѣ; для ознакомленія же съ ними русской публики предположено было дѣлать извлеченіе изъ нихъ или сокращеніе нѣкоторыхъ статей въ русскомъ переводѣ, подъ названіемъ: „Краткое описаніе комментаріевъ Академіи наукъ". Къ сожалѣнію, это послѣднее изданіе вышло только въ одной части въ 1728 г.; встрѣтивши, какъ и слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ, мало читателей между русскими, еще не подготовленными къ чтенію ученыхъ сочиненій, оно тотчасъ же прекратилось и было возобновлено уже только въ 1748 г. Труды академиковъ, такимъ образомъ, оставались неизвѣстными или недоступными для большинства русскаго общества; а это, есте-

---

([1]) Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго. II, XLIX.

([2]) Свѣдѣнія о ихъ ученой дѣятельности тамъ же, томъ I.

([3]) Очеркъ дѣятельности Академіи наукъ по отношенію къ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія П. Пекарскаго. Записки Академіи наукъ т. V. 1864 г.

ственно, вскорѣ должно было повести къ тѣмъ жалобамъ на Академію наукъ, которыя мы часто встрѣчаемъ. Имѣя въ виду, между прочимъ, эти жалобы, Ломоносовъ въ 1761 году предлагалъ Академіи „всѣ диссертаціи переводить на россійскій языкъ и на ономъ печатать. Чрезъ сіе избѣжимъ, говорилъ онъ, роптаній, и общество россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того, студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертацій съ профессорскихъ примѣровъ“ (1). „Нельзя не пожалѣть искренно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій въ своей исторіи Академіи наукъ, что эта полезная мѣра Ломоносова осталась только на бумагѣ; съ осуществленіемъ ея русская научная литература обогатилась бы множествомъ замѣчательныхъ произведеній по разнымъ наукамъ, и они, сдѣлавшись доступными для большаго круга читателей, несомнѣнно распространяли бы мало по малу знанія и любовь къ нимъ въ Россіи. Сама Академія наукъ, какъ справедливо ожидалъ этого Ломоносовъ, выиграла бы отъ того въ мнѣніи русскаго общества, которое считаетъ дѣятельность ея чуждою Россіи именно потому, что большая часть и притомъ важнѣйшихъ изъ произведеній ея членовъ является въ свѣтъ не на родномъ языкѣ“ (2).

Сочиненія по русской географіи и исторіи. Въ обзорѣ русской ученой литературы прежде всего должны быть указаны тѣ ученые труды, которые касаются непосредственно Россіи—труды по русской географіи и исторіи. Во время реформы Петра В. Европа захотѣла ближе познакомиться съ Россіей; между тѣмъ сама Россія въ это время еще не имѣла ни географіи своей, ни исторіи. Поэтому ученые, чтобы удовлетворить желанію Европы и насущнымъ потребностямъ Россіи, должны были обратиться къ изученію Россіи въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи. Выше указано, что первый географъ и историкъ русскій, Татищевъ, составилъ обширный проектъ географическаго и историческаго описанія Россіи; но самъ онъ успѣлъ выполнить только начало этого проекта. Такъ какъ до сихъ поръ не было еще ни одной удовлетворительной карты Россіи, то прежде всего нужно было озаботиться составленіемъ подобной карты. По указу Петра, съ 1719 г. были разосланы по всей Россіи геодезисты, для снятія со всѣхъ провинцій ландкартъ

---

(1) Матеріалы Билярскаго, стр. 505.

(2) Исторія Акад. наукъ. Ч. II, 745.

съ описаніями, и приказано было немедленно присылать ихъ въ Сенатъ. Этими ландкартами и описаніями вздумалъ воспользоваться и составить изъ нихъ подробный русскій Атласъ тогдашній оберъ-секретарь Сената И. К. Кириловъ, по словамъ Миллера, великій патріотъ и любитель географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Занявшись этимъ дѣломъ, онъ до 1734 г. успѣлъ издать 14 картъ спеціальныхъ и одну генеральную карту Россіи. Въ тоже время и на основаніи тѣхъ же работъ геодезистовъ, по убѣжденію Кирилова, занимался составленіемъ картъ академикъ Николай Делиль; въ 1746 г. отъ Академіи былъ изданъ первый ученый атласъ Россіи, состоящій изъ 19 спеціальныхъ картъ и одной карты генеральной. Въ 1733 г. была снаряжена ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, подъ начальствомъ академиковъ Миллера, Гмелина и Людовика де-ла-Кройера, съ двумя русскими, данными въ пособіе имъ, студентами, Красильниковымъ и Крашенинниковымъ. Въ теченіе 10 лѣтъ Миллеръ и Гмелинъ, путешествуя по Россіи, отъ Новгорода до Якутска, собирали матеріалы для географіи и исторіи, описывая разные города и мѣстности, срисовывая древніе памятники, изучая племена разныхъ инородцевъ, ихъ языкъ, религію, нравы и обычаи, описывая животныхъ, растенія и минералогическія богатства Россіи. Плодами этой Сибирской экспедиціи были „Сибирская флора“ и „Описаніе путешествія“ Гмелина и „Сибирская исторія“ и „Сборникъ россійской исторіи“ Миллера. Въ одно время съ Сибирской экспедиціей въ 1734 г., подъ начальствомъ упомянутаго Кирилова, была учреждена Оренбургская коммиссія. Въ числѣ членовъ этой коммиссіи былъ П. И. Рычковъ, такой же любитель географіи и статистики, какъ Кириловъ; онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался географическимъ и этнографическимъ описаніемъ Оренбургскаго и Астраханскаго края и составилъ: 1) Оренбургскую топографію, напечат. въ 1762 г. Спб. и 2) Астраханскую топографію, напеч. въ 1774 г. Москва (¹).

Начало въ русской исторической наукѣ двухъ противоположныхъ теорій происхожденія Руси. Что касается исторіи, то Татищевъ, какъ указано выше, успѣлъ сдѣлать только сводъ русскихъ лѣтописей. Въ слѣдъ за тѣмъ начали заниматься собираніемъ разнаго рода историческихъ матеріаловъ, построеніемъ исторіи вообще и въ частности изслѣдованіями по разнымъ историческимъ вопросамъ. Первымъ изъ такихъ вопросовъ былъ са-

(¹) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, П. Пекарскаго. Спб. 1867.

мый естественный вопросъ о началѣ русскаго государства и о происхожденіи первыхъ русскихъ князей. Вопросъ этотъ рѣшался съ одной стороны подъ вліяніемъ существовавшаго тогда и уже указаннаго выше взгляда на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, а съ другой—подъ вліяніемъ происходившей тогда борьбы между русской и нѣмецкой партіями. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было появленіе съ самаго же начала въ русской исторической наукѣ двухъ противоположныхъ историческихъ теорій. Нѣмецкіе ученые начало русскаго государства и первыхъ князей производили отъ Скандинавскихъ Норманновъ; русскіе ученые—отъ древняго славянскаго рода. Творцомъ скандинавской теоріи происхожденія Руси былъ академикъ Байеръ (Теофилъ Зигфридъ, род. 1694, ум. 1738 г.), профессоръ исторіи и древностей, греческихъ и римскихъ [1], написавшій на латинскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій, объясняющихъ древнюю русскую исторію, каковы: 1) о происхожденіи и первоначальномъ мѣстопребываніи Скиѳовъ; 2) о мѣстоположеніи Скиѳовъ во времена Геродота; 3) о кавказской стѣнѣ; 4) о Варягахъ; 5) географія россійская изъ Константина Порфирогенета; 6) географія россійская и сосѣднихъ съ нею областей около 947 года изъ книгъ сѣверныхъ писателей выбранная; 7) о первомъ походѣ россіянъ подъ Константинополь; 8) Origines russicae. Байеръ первый высказалъ мнѣніе, что Варяги были норманскаго происхожденія. Это мнѣніе подробно было развито Миллеромъ въ указанной выше рѣчи „О происхожденіи имени и народа русскаго“. Опровергая прежнія мнѣнія о происхожденіи русскихъ отъ Мосоха, сына Іафетова, или отъ Росса, упоминаемаго у пророка Іезекіиля, или отъ роксоланъ, скиѳовъ и сарматовъ, Миллеръ старался доказать, что варяги и скандинавы были одинъ и тотъ же народъ, что они сначала владѣли русскою землею, потомъ изгнаны были изъ нея и наконецъ снова призваны туда самими новгородцами, что слѣд. отъ варяговъ или скандинавовъ русскіе получили свое названіе и первыхъ князей. Противъ такого мнѣнія возстали Ломоносовъ и Тредьяковскій и старались доказать, что варяго-руссы были не норманскаго, а славянскаго рода. Выше приведенъ разборъ рѣчи Миллера, сдѣланный Ломоносовымъ; въ дополненіе къ нему приведемъ здѣсь мнѣніе Ломоносова о древности славянскаго народа, высказанное имъ въ „Древней россійской

---

[1] Свѣдѣнія о Байерѣ въ Истор. Академіи наукъ Пекарскаго, том. 1, стр. 180—196.

исторіи". „Имя славянское, говоритъ Ломоносовъ, поздно достигло слуха внѣшнихъ писателей: однакоже самъ народъ простирается въ глубокую древность. Народы отъ именъ не начинаются; но имена народамъ даются. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ единымъ называются. Иные разумѣются у другихъ подъ названіемъ, самому народу необыкновеннымъ, или еще и неизвѣстнымъ. Не рѣдко новымъ проименованіемъ старинное помрачается, или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за новое почитается у чужестранныхъ. Посему имя славенское, по вѣроятности, много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію, или Римъ достигло и вошло въ обычай. О древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ величествѣ и могуществѣ славенскаго имени, которое больше полуторыхъ тысячь лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ; и для того помыслить невозможно, чтобы оное въ первомъ послѣ Христа столѣтіи вдругъ расплодилось до толь великаго многолюдства, что естественному бытія человѣческаго теченію и примѣрамъ возращенія великихъ народовъ противно... Правда, что славяне, отъ полунощной страны перешедъ за Дунай, въ Далмаціи и въ Иллирикѣ поселились въ началѣ шестаго вѣка; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ они, или ихъ единоплеменные тамъ прежде никогда не обитали?... Не могло ли быть, чтобы римскою силою утѣсненные иллирическіе славяне, во время войны, уклонились за Дунай къ полунощнымъ странамъ; потомъ, примѣтивъ римлянъ ослабѣніе, старались возвратиться на прежнія свои жилища... Несторъ утверждаетъ, что въ Иллирикѣ, когда училъ апостолъ Павелъ, жительствовали славяне, и что обитавшіе около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнія нашедшихъ и поселившихся между ними римлянъ, перешли къ сѣверу... Городы многіе издревле показываютъ славенскій голосъ, съ дѣломъ согласный, и возводятъ вѣроятность на высочайшій степень" (1).

Тредьяковскій, мы видѣли, не нашелъ въ рѣчи Миллера „никакого предосужденія Россіи"; однакожъ онъ не принималъ теоріи Байера о норманскомъ отечествѣ варяговъ, доказывалъ ея невѣрность и старался утвердить вмѣсто нея свою теорію о славянскомъ происхожденіи Руси. Эту теорію онъ развилъ въ „трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: 1) о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; 2) о первоначаліи россовъ и 3) о Варягахъ-Руссахъ славенскаго званія, рода и языка". Въ первомъ разсужденіи, указавъ на то, что славянскій языкъ называется двояко: „словенскимъ" отъ слова или словесности, и „славенскимъ" отъ славы, по славному военными

(1) Сочин. Ломоносова, изд. Смирдина; т. 3, стр. 87—93.

дѣйствіями народу, употреблявшему оный, онъ говоритъ, что „словенскій языкъ есть первенствующій между всѣми языками, происшедшими отъ племени Іафетова, а славенскій есть первородный словенскаго языка“. Одного корня съ словенскимъ и языкъ тевтоническій, но онъ моложе словенскаго. Въ древнія времена первоначально языкъ словенскій извѣстенъ былъ подъ именемъ скиѳскаго. Байеръ отвергаетъ древность скиѳскаго народа, замѣчая, что онъ является извѣстнымъ за 1514 лѣтъ до Р. Х., но всѣ писатели называютъ его древнѣйшимъ народомъ. А что Скиѳы и Цельты были народъ словенскій, это доказываютъ самыя первыя имена Скиѳовъ и Цельтовъ. „Знаю, замѣчаетъ онъ, что произведеніе именъ такой доводъ, который опасно и благоразумно приводить должно; ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведеніе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то едваль сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятнѣе“. Но, давъ обѣщаніе слѣдовать въ словопроизводствѣ правильнымъ законамъ, Тредьяковскій не исполняетъ его и вдается въ самыя произвольныя и смѣшныя толкованія именъ. „Чтожъ знаменуетъ Скитѳъ? Скитѳъ есть „Скитъ“; и слѣд. Скитѳы суть „Скиты“ отъ скитанія т. е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто; а слова „скитаніе“ и „скитаться“ суть точныя словенскія... Цельтъ есть по словенски „Желтъ“, Цельты (кельты) слѣдственно желты т. е. народъ свѣтлорусый“. Скиѳы назывались разными именами и всѣ скиѳскія имена объясняются изъ словенскаго языка. „Гелонъ есть Челонъ т. е. Челистый. Агатирсъ—Окодыржъ т. е. Окодержъ, отъ надсмотра или надзора. Геты суть Четы т. е. станицы или общества; Мессагеты—Мѣсточеты т. е. общества, преходящія по мѣстамъ; Іссседоны—Ищедомы;“ Сарматы--Зараматы (отъ Ра, Волга, народъ, живущій за Волгой) были также Скиѳы и по словенски говорили. Имена Цельтическихъ народовъ также словенскія. Гамериты отъ Гамера, сына Іафетова; Гіспанія есть Выспанія (Выспа-островъ); Лусітанія, нынѣ Португаллія—Лишеданія, или Лешеденія, по лишенію дня, какъ страна самая послѣдняя на Западѣ; Галлія—Цельтія—Желтая; Гельвеція, или правѣе Гелветіа, нынѣ Швейцарія, есть Голветія, или Головѣтія, отъ малаго земли сея плодоносія; Британія есть Братанія, отъ того, что Британскіе Цельты одного рода съ Галлическими, отъ ихъ братства, или Пристанія, такъ названная первыми, приставшими къ ней, пріѣхавшими съ моря поселенцами. Германію германцы производятъ отъ земли, населенной военными людьми: „Гверре и Манъ“; но намъ мнится, что ей должно происходить отъ словенскаго языка: она есть или отъ холмовъ „Холманія“ или „Ярманія“ отъ ярма, означающаго тру-

долюбивыхъ земледѣльцевъ, или „Корманія“, по обилію корма и паствы. Излишне и упоминать о Поруссіи и о Помераніи, ибо издревле словенское имѣютъ имя: Порусь и Поморіе. Данія или Денія отъ дня; Швеція—Свѣтія, отъ свѣта, свѣтлая; Норвегія —Наверхія т. е. страна, лежащая наверхъ къ сѣверу; Скандинавія—Шкодынавѣя т. е. отъ вреда вѣющаго въ ней съ близкаго сѣвера вѣтра; Италія, всеконечно, отъ словенскаго Удалія т. е. страна, удаленная отъ сѣвера; Сицилія—Сѣчелія, отсѣченная отъ Италіи. Читая всѣ эти объясненія въ настоящее время, можно подумать, что они составлены не для серьезной цѣли, а для шутки; до такой степени они смѣшны и наивны. Между тѣмъ самъ Тредьяковскій придавалъ имъ чрезвычайно важное значеніе, и оканчивая ихъ, онъ говоритъ: „Всѣ сіи произведенія именъ не токмо не восхищеніе за предѣлы умѣренности, но и не сомнительное и единственное показаніе или самое історическое доказательство, что древнѣйшій всего Запада и Сѣвера европейскаго языкъ былъ одинъ словенскій, отецъ по прямой чертѣ славенскому, славенороссійскому, польскому, чешскому, далматскому, сербскому, болгарскому, хорватскому, расціанскому и многимъ прочимъ, а вотчимъ, или лучше отецъ же, но только съ косвенныя стороны, всѣмъ тевтоническимъ и цімбрическимъ“ (¹). Впрочемъ, въ то время подобныя объясненія, дѣйствительно, не считались „восхищеніемъ за предѣлы умѣренности“; они встрѣчаются и у другихъ, не только русскихъ, но и нѣмецкихъ ученыхъ историковъ. Академикъ Байеръ производилъ Москву отъ Мосього т. е. мужскаго монастыря; Псковъ отъ псовъ, городъ псовый; въ имени Святослава видѣлъ скандинавскій корень „свен“; во Владимірѣ—Вольдемара, въ Всеволодѣ—Визавалидура (²). Миллеръ, по замѣчанію Ломоносова, имя города Холмогоръ производилъ отъ Голмгардіи, которымъ его скандинавцы называютъ. „Ежели бы я хотѣлъ, прибавляетъ при этомъ Ломоносовъ, по примѣру Байеро — Миллеровскому перебрасывать литеры какъ зернь, то бы я право сказалъ Шведамъ, что они столицу неправедно Стокгольмомъ называютъ, но должно имъ звать оную „Стіокольной“, для того, что она такъ слыветъ у русскихъ“ (³). Во второмъ разсужденіи „О первоначаліи Россовъ“ Тредьяковскій доказываетъ, что народъ „Руссъ, или Россъ былъ издревле

(¹) Сочин. т. 3, стр. 319—367.—(²) Писатели русской исторіи XVIII в. С. Соловьева. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи. Кн. 2, стр. 49.
(³) Пекарск. Истор. Акад. наукъ ч. 2, стр. 434.

сей самый, который нынѣ собственно именуется россійскимъ, и говорилъ онъ сперва словенскимъ языкомъ, а потомъ славенскимъ и славенороссійскимъ понынѣ". Праотцемъ Россовъ и Мосховъ, говоритъ онъ, былъ Россъ-Мосохъ, седмой сынъ Іафета, упоминаемый у пророка Іезекіиля (1). Россы и Мосхи одинъ народъ, но разныя поколѣнія. Онъ принимаетъ мнѣніе Синопсиса, что отъ Мосоха, славено-россійскаго праотца, произошла не только Москва, но и вся Русь или Россія, Россіане. Россіане имѣютъ разныя наименованія: по первородству они Скиѳы и Сарматы: по праотцу Россы: отъ сего и Россаны, и Россоланы, и Ругіи и Рушіи, и Рассы, и Руссіаны, и Русаны, и Рутены, и Рутсени, и Руцціи, и напослѣдокъ Россіане" (2). Въ третьемъ разсужденіи „О Варягахъ-Руссахъ славенскаго званія, рода и языка" Тредьяковскій опровергаетъ мнѣніе Байера, что варяго-русскіе князья прибыли въ Россію изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, Даніи или Норвегіи, что Варяги были Шведы или Датчане или Норвежцы, доказывая, что Варяги были славянскаго рода и племени. „Варягъ, говоритъ онъ, есть имя глагольное, происходящее отъ славянскаго глагола „варяю", значащаго „предваряю", „Варяги т. е. предварители". „Но такіе предварители въ востокъ, сѣверъ, западъ и югъ, были не изъ однихъ Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Скандинавцевъ, но изъ всѣхъ поколѣній какъ цельтическихъ, такъ и славянскихъ"... у Нестора Варягами называются всѣ безъ изъятія европейскіе поселенцы, первенствующіе обитатели всей Европы т. е. предварители. „И такъ Варяги— Руссы, отъ которыхъ призваны великіе князья въ Новгородскіи предѣлы державствовать, суть не что иное какъ токмо предварители на тѣ мѣста, на коихъ они обитали". Хотя въ такомъ смыслѣ Варягами предварителями разумѣются всѣ первѣйшіе пришельцы въ Азіи, предварившіе другихъ въ европейскомъ востокѣ, сѣверѣ, западѣ и полудни, но у насъ въ позднѣйшія времена Варягами предварителями назывались тѣ, которые обитали по берегамъ Балтическаго моря и по рѣкамъ, въ него впадающимъ.... Указавъ далѣе на то, что въ шестомъ вѣкѣ, въ царство кесаря Маврикія, славяне вошли въ Далматію, Иллирію и въ ближнія области, назвавши ихъ Славоніею, а пребывали они тогда въ Помераніи, въ Россіи, въ Польшѣ, въ Силезіи, въ Моравіи и въ Богеміи, словомъ во всей нынѣшней поперегъ нѣмецкой землѣ, отъ Балтическаго моря до Средиземнаго, Тредьяковскій говоритъ: но въ Поме-

(1) Іезек. 38, 2; 39, 1; здѣсь Росъ и Мосохъ упоминаются отдѣльно, но Тредьяковскій доказываетъ, что они составляютъ одно лице.

(2) Сочин. томъ 3, 370—476.

раніи „обитали вмѣстѣ съ прочими словенскими народами такъ называемые Ругіи, по нѣмецкому латинскихъ буквъ произношенію, а по римскому истинному Руджіи и Ружіи, слѣд. и Рушіи и Руссіи, и потому Руссы. Сіи точно суть Варяги, отъ которыхъ призваны великіе князья государствовать въ Новгородскую державу, прибывшіе въ полунощную Россію 862 г. т. е. во второй половинѣ девятаго вѣка, по Христовомъ Рождествѣ"…. „Рурікъ есть Ругрікъ т. е. мужъ Ругскія (Русскія) рѣчи…. Триворъ и Триборъ есть стиратель воровъ, и трехъ побораюшій. Сінавъ есть сынъ Навъ т. е. сынъ новый: а буде онъ Сенеусъ, или Сенаусъ, то значитъ сановный усъ… пишется сіе имя индѣ и Синеусъ, слово само по себѣ ясное, отъ синеты и уса, по примѣру бѣлоуса и черноуса"… Подобнымъ же образомъ далѣе изъ славянскаго языка объясняются имена Игоря, Святослава, Владиміра, Оскольда и Дира, Рогвольда и Рогнѣды, названія днѣпровскихъ пороговъ и опровергаются тѣ объясненія ихъ, какія сдѣланы Байеромъ (1). Такимъ образомъ, опровергая теорію Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Тредьяковскій устанавливаетъ новую теорію славянскую, которая съ тѣхъ поръ начала развиваться другими писателями и во многихъ пунктахъ держится еще до сихъ поръ. Особенное значеніе въ ней имѣетъ мнѣніе о происхожденіи Руси отъ померанскихъ Ружанъ и что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были Ругенскіе князья. Это мнѣніе и въ настоящее время поддерживается поборниками славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси.

Такого же воззрѣнія на происхожденіе Руси держался и Сумароковъ. Въ статьѣ „О происхожденіи россійскаго народа" онъ говоритъ: „Сердце Россіи называлося древнимъ обиталищемъ Иперборейцовъ; имена Словенска и на томъ же мѣстѣ Новаграда извѣстны стали послѣ, а прежде были тутъ жилища дикихъ сарматовъ. Мы и почти всѣ, по нынѣшнему времени, знатнѣйшіе европейцы суть цельты, а языкъ цельтской есть языкъ славенской, который отъ древняго почти единою долготою времени отмѣненъ… Цельты, сей древнѣйшій народъ, современный Коптамъ и Скиѳамъ, вышедъ изъ Азіи въ малолюдную тогда Европу, жителей ея частію выгнавъ на сѣверъ, частію покоривъ, присвоили себѣ почти всю Европу. Ѳракія, Македонія, Иллирикъ и прочія извѣстныя намъ нынѣ подъ именемъ славенскихъ провинцій земли населилися Цельтами. Цельты проникли въ Германію, Галлію и чрезъ Пиринейскія горы въ Гесперію, чрезъ проливъ морской въ Британію…. Гальскіе Цельты и словенскіе болѣе всѣхъ протчихъ

(1) Сочин. т. 3, стр. 477—540.

прославилися, усилився изгнаніемъ прежнихъ жителей, и нарѣклися первые „Галлами“ отъ цельтскаго слова „гуляю“, т. е. „гуляками“, или странниками, а славенскіе цельты нарѣклися славянами знаменуяся „славными“, какъ „Вандалы“ отъ того, что вышли „вонъ далѣ“, нарѣклися „Вондалями“, а изъ этого Вандалами отъ другихъ нарѣчены народовъ.... А отъ имени Вандала произошли нѣмецкія слова „вандереръ“ странникъ „вандернъ“ странствовать; а отъ глагола вандернъ нѣмцы дали имя Венды т. е. странники.... Британы назвались отъ „бритыхъ“ головъ.... Португальцы отъ пристани гальской“. Языки всѣхъ этихъ цельтическихъ народовъ измѣнялись отъ смѣшенія съ разными народами; только одни славяне остались при своемъ прежнемъ т. е. при цельтскомъ языкѣ, который нынѣ подъ именемъ словенскаго въ разныхъ нарѣчіяхъ пребываетъ. Для доказательства цельтическаго происхожденія славянскаго и европейскихъ языковъ, Сумароковъ сравниваетъ нѣсколько словъ русскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ; молитву Господню приводитъ „по карійски, по лузатически, по чешски, по польски, по словенски, по кроатски, по далматски, по болгарски, по сербски, по вандальски“ (1). Приведенныя выше мѣста показываютъ, что Сумароковъ объяснялъ слова или названія странъ, языковъ и народовъ также смѣшно и произвольно, какъ и Тредьяковскій. Въ другой статьѣ: „Приступленіе къ исторіи Петра В.“, онъ говоритъ: „Рѣка Волховъ называется симъ именемъ отъ того, что будто нѣкогда былъ въ Новѣгородѣ волхвъ, который превращался въ звѣря, бѣгалъ по водамъ симъ“... „Москва имѣетъ имя отъ худыхъ мостковъ, которые на семъ мѣстѣ по болотамъ положены были, и называлося тогда отъ проѣзжихъ: ѣхать къ сему мѣсту ѣхать къ мосткамъ, отъ чего по созданіи города не называли ѣхать въ Москву, какъ напр. въ Новгородъ, въ Казань и проч., но къ Москвѣ, какъ то и нынѣ прямою московскою рѣчью говорится“. Сумароковъ понималъ значеніе филологіи для исторіи: „языкъ, говоритъ онъ, есть ко сисканію исторической истины вѣрнѣйшій руководецъ“; но онъ ошибался, думая, что подобныя объясненія, основанныя на произвольномъ сопоставленіи и созвучіи словъ, могутъ быть признаны наукою филологическими и могутъ имѣть значеніе въ настоящей исторіи. Но ни Тредьяковскій, ни Ломоносовъ, ни Сумароковъ не были собственно историками, а писали указанныя историческія сочиненія по случаю; настоящими историками этого времени были Миллеръ и Шлецеръ.

---

(1) Сочин. т. X, стр. 106—119.

Историческіе труды Миллера ([1]). Миллеръ (Герардъ-Фридрихъ, русскіе звали его Θедоръ Ивановичъ, род. въ 1705, ум. въ 1783 г.) родомъ изъ Вестфаліи, воспитанникъ Лейпцигскаго университета, былъ вызванъ въ Россію въ 1725 г. при самомъ почти основаніи Академіи наукъ и служилъ въ ней въ продолженіе 58 лѣтъ. Сначала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ по историческому и географическому департаменту; потомъ въ 1728 году сдѣланъ былъ вице-секретаремъ Академіи, и, состоя въ этой должности, велъ переписку съ иностранными учеными, издавалъ „Академическіе комментаріи“ на латинскомъ языкѣ и „Сокращеніе Академическихъ комментаріевъ“ на русскомъ языкѣ; съ 1728 по 1730 г. издавалъ Петербургскія Вѣдомости и Примѣчанія къ нимъ. Въ 1730 г. Миллеръ сдѣланъ былъ профессоромъ исторіи и началъ издавать „Сборникъ статей, относящихся къ русской исторіи“ (Sammlung Russischer Geschichte). Этотъ сборникъ, въ которомъ помѣщались выдержки изъ русскихъ лѣтописей, предназначался для ознакомленія съ исторіей русской европейскихъ ученыхъ. Въ 1733 г. Миллеръ былъ назначенъ въ Сибирскую экспедицію и находился въ ней 10 лѣтъ. По возвращеніи изъ этой экспедиціи онъ началъ издавать на основаніи собранныхъ матеріаловъ „Сибирскую исторію“. Въ 1747 г. былъ сдѣланъ ректоромъ академическаго университета и россійскимъ исторіографомъ. Съ 1755 г. началъ издавать учено-литературный журналъ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“. Въ тоже время онъ продолжалъ издавать до 1765 г. Сборникъ россійской исторіи и издалъ 10 частей. При Екатеринѣ II, въ 1765 г. Миллеръ былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ, но такъ какъ эта должность мѣшала его ученымъ занятіямъ, то онъ былъ переведенъ оттуда въ инспекторы московскаго Архива иностранной коллегіи. Состоя въ этой должности, онъ въ тоже время составлялъ планы для учрежденія училищъ въ Россіи; въ качествѣ депутата отъ Академіи наукъ, участвовалъ въ Коммиссіи для сочиненія новаго Уложенія; приготовлялъ къ изданію собраніе договоровъ Россіи съ иностранными державами.—Эта разнообразная и изумительно трудолюбивая дѣятельность Миллера показываетъ, что онъ дале-

---

([1]) Свѣдѣнія о Миллерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ статьѣ Соловьева: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ. Современ. 1854 г. XLVII; въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго. Т. I, стр. 308—430.—О трудахъ по русской исторіи Миллера и Шлецера смотр. въ статьѣ А. С. Архангельскаго: Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи. Казань 1886. Отдѣльный оттискъ изъ Учен. Зап. Каз. Универс. за 1886 г.

ко возвышался надъ всѣми современными нѣмецкими учеными, служившими въ Россіи. Тогда какъ другіе занимались науками большею частію отвлеченно отъ Россіи, и живя въ Россіи, не считали обязанностію выучиться русскому языку, Миллеръ прежде всего позаботился познакомиться съ славянскимъ и русскимъ языкомъ и потомъ старался изучить Россію не для Европы только, но и для самой Россіи. Существенная заслуга Миллера состоитъ именно въ томъ, что онъ познакомилъ Россію съ ея исторіей и Европу съ Россіей. Почти всѣ историческія сочиненія Миллера помѣщены въ Сборникѣ россійской исторіи, въ Академическихъ Комментаріяхъ и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Изъ нихъ отмѣтимъ: 1) Описаніе Сибирскаго царства (на нѣмецкомъ языкѣ въ Сборникѣ россійской исторіи, въ русскомъ переводѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ); 2) Происхожденіе народа и имени россійскаго (1749 г. на латинскомъ и русскомъ языкахъ); 3) О происхожденіи козаковъ (въ Ежем. сочиненіяхъ); 4) Описаніе трехъ языческихъ народовъ въ Казанской губерніи (черемисъ, чувашъ и вотяковъ, напеч. въ Сборникѣ россійской исторіи, въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и отдѣльно; 5) О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ преп. Несторѣ (Ежем. соч. 1755); 6) О первыхъ россійскихъ путешествіяхъ въ Китай; 7) О началѣ Новгорода и о происхожденіи россійскаго народа (Ежем. соч. 1761); 8) Два разсужденія о древнихъ могилахъ въ Сибири и Новороссійскомъ краѣ (Ежем. соч. 1764); 9) Повѣствованіе объ обстоятельствахъ возведенія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича (1767 г. напечатано въ Магазинѣ Бюшинга); 10) О короновaніи в. к. Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича; 11) О бракосочетаніяхъ царя Іоанна Васильевича; 12) О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ Кромѣ своихъ Миллеръ издалъ много сочиненій другихъ писателей. Къ нимъ относятся: 1) Описаніе земли Камчатки Крашенинникова въ 1755 г.; 2) Собраніе нѣкоторыхъ проповѣдей Гавріила Бужинскаго въ 1768 г.; 3) Судебникъ царя и в. кн. Іоанна Васильевича и нѣкоторые его указы, собранные Татищевымъ, напеч. въ 1768 г.; 4) Ядро россійской исторіи А. Манкѣева въ 1770 г.; 5) Исторія Россійская Татищева; 3 части ея напечат. въ 1768—1774 г.; 7) Географическій лексиконъ россійскаго государства, составленный Полунинымъ, напечат. 1773 г.; 8) Письма Петра В. къ графу Б. П. Шереметеву, напечат. въ 1774 г. 9) Книга степенная царскаго родословія въ 1775 г. Въ теченіе своей продолжительной ученой службы Миллеръ собралъ множество матеріаловъ, которыми пользовались другіе писатели. Такъ, нѣкоторые изъ его матеріаловъ вошли въ Труды Вольнаго россійскаго собранія, издававшіеся при Московскомъ университетѣ въ 1774 г., въ Древнюю россійскую Вивліоѳику Новикова, въ

Дѣянія Петра В. Голикова. Щербатовъ въ Предисловіи къ своей исторіи замѣчаетъ, что при составленіи ея онъ пользовался совѣтами и наставленіями Миллера (1).

Историческіе труды Шлецера (2). Шлецеръ (Августъ-Людовикъ род. 1735, ум. 1809 г.), воспитанникъ Виттенбергскаго и Геттингенскаго университетовъ, былъ вызванъ въ Россію Миллеромъ въ 1762 г. Сначала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ Академіи, а потомъ въ 1765 былъ сдѣланъ профессоромъ русской исторіи и началъ собирать списки русскихъ лѣтописей и сличать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и съ величайшимъ терпѣніемъ. Результатомъ этихъ трудовъ былъ его знаменитый „Сводъ русскихъ лѣтописей", сдѣланный по 10 древнимъ спискамъ. Составленіемъ этого Свода онъ занимался посреди разныхъ другихъ занятій, до конца своей жизни въ теченіе 40 лѣтъ. Въ первый разъ образецъ этого Свода онъ напечаталъ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ уже по выѣздѣ изъ Россіи въ 1769 г. въ Геттингенѣ, подъ названіемъ: Annales russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex codicibus X usque ad annum 879. Полное изданіе Свода началось только съ 1802 г., когда были напечатаны 1 и 2 части его; въ 1805 г. напечатаны и 3 и 4 части, а 5 часть, содержавшая исторію княгини Ольги, князей Святослава и Ярополка, въ 1809 г. Шлецеръ предполагалъ довести свой Сводъ до 1054 г. и слѣд. объяснить княженіе Владиміра, Святополка и Ярослава; но не успѣлъ этого сдѣлать. Кромѣ этого главнаго труда, извѣстны и другіе труды Шлецера по русской исторіи. Еще въ 1764 г., вслѣдствіе запроса Академіи, какимъ образомъ можно составить древнюю русскую исторію, онъ представилъ планъ для ея составленія, а потомъ еще подробнѣе развилъ его въ Предисловіи къ Несторову лѣтописцу, изданному въ 1767 г. по Кенигсбергскому списку Таубертомъ и Барковымъ. Въ 1768 онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Опытъ русскихъ лѣтописей"; кромѣ того онъ издалъ „Русскую Правду", вмѣстѣ съ Башиловымъ Никоновскій списокъ лѣтописи и Судебникъ царя Іоанна Васильевича. Въ 1769 г. онъ издалъ на француз-

---

(1) О другихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ Миллера въ Словарѣ митр. Евгенія и въ Исторіи Академіи наукъ Пекарскаго том. I.

(2) Свѣдѣнія о Шлецерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ Сборникѣ 2-го Отд. Акад. наукъ 1875 г. том. XIII: Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи отъ 1761 до 1765 г. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича.

скомъ языкѣ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній, подъ названіемъ: „Картина россійской исторіи“ (переведенное дважды на русскій языкъ) и потомъ въ томъ же году одну часть русской исторіи до 1147 года. Въ 1769 г. Шлецеръ перешелъ въ Геттингенскій университетъ. Здѣсь онъ издавалъ „Всеобщую сѣверную исторію“, а въ 1773 напечаталъ статью „Объ Аскольдѣ и Дирѣ“. Но и по оставленіи Россіи, онъ не прерывалъ сношеній съ нею. Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ онъ нѣсколько времени помѣщалъ рецензіи на русскія книги; въ Геттингенскій университетъ Академія наукъ посылала къ нему русскихъ студентовъ изучать историческую науку; по предложенію Шлецера, въ 1804 г. было открыто при Московскомъ университетѣ знаменитое „Общество исторіи и древностей россійскихъ“.

Въ тѣсной связи съ дѣятельностію Шлецера находятся нѣкоторые труды по исторіи *Штриттера* (Іоганнъ Готтлибъ род. 1740, ум. 1801 г.). По порученію Шлецера, Штриттеръ составилъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ византійскихъ писателей, подъ заглавіемъ: „Записки о народахъ, древле при Дунаѣ, Черномъ и Азовскомъ морѣ, Кавказскихъ горахъ, Каспійскомъ морѣ и далѣе къ сѣверу обитавшихъ, выбранныя и въ порядокъ приведенныя изъ византійскихъ писателей“ (Memoriae populorum etc.). Изъ этого обширнаго сочиненія онъ сдѣлалъ сокращеніе на нѣмецкомъ языкѣ, относящееся преимущественно къ русской исторіи, переводъ котораго былъ сдѣланъ Свѣтовымъ и напечатанъ въ 1774 г. подъ заглавіемъ: „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію россійскую древнихъ временъ и переселенія народовъ“. Кромѣ того, Штриттеръ, по порученію Коммиссіи училищъ, составилъ, также на нѣмецкомъ языкѣ, „Исторію россійскую“, доведенную до 1594 г. и состоящую изъ 8 частей; на русскій языкъ были переведены и напечатаны только 3 части ([1]).— Адъюнктъ Академіи *Фишеръ* (Іоаннъ Эбергардъ род. 1697 г., ум. 1771), участвовавшій въ сибирской эспедиціи, написалъ по матеріаламъ Миллера Сибирскую исторію на нѣмецкомъ языкѣ (1768) ([2]).— Выше указано, что членъ Оренбургской коммиссіи *Рычковъ* занимался изученіемъ оренбургскаго и астраханскаго края; кромѣ упомянутыхъ сочиненій пе географіи, онъ составилъ нѣсколько историческихъ сочиненій, каковы: „Исторія Оренбургская“, „Опытъ

([1]) Свѣдѣнія о Штриттерѣ въ Словарѣ Евгенія, том. II. 182—184.

([2]) Свѣдѣнія о Фишерѣ въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго, т. I, стр. 617—636.

Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ“ (напеч. въ 1767 г.), „Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются“.

Сочиненія по философіи и другимъ наукамъ. Не такъ успѣшно шла разработка другихъ наукъ. Науки въ это время еще не были спеціализованы, какъ нынѣ; да и людей ученыхъ было такъ мало, что одно лицо не могло посвящать всѣ свои силы одной какой-либо наукѣ, а должно было заниматься нѣсколькими науками. Представители европейской науки въ первой половинѣ XVIII в. нѣмецкіе философы, Лейбницъ и Вольфъ, какъ выше указано, были учеными-энциклопедистами, были философами, математиками, историками и лингвистами; еще болѣе, разумѣется, представлялось необходимости быть энциклопедистами для русскихъ ученыхъ. Ученая и литературная дѣятельность ученика Вольфа, Ломоносова, была чрезвычайно разнообразна. Магистръ философіи, Поповскій, преподававшій философію въ Московскомъ университетѣ, переводилъ въ тоже время стихотворенія Анакреона, Горація и Попа. А. Барсовъ, занимавшійся съ любовью математикой и оказавшій въ ней „непостыдные успѣхи“, былъ сначала профессоромъ математики, а потомъ переведенъ былъ на каѳедру словесности. Профессоръ астрономіи Никита Поповъ переводилъ древнюю исторію Іустина; математикъ Адодуровъ писалъ русскую грамматику, правила русской орѳографіи и вообще занимался грамматическими вопросами. Не смотря, однакожъ, на существовавшее тогда смѣшеніе разныхъ областей знанія, можно указать на нѣкоторыя болѣе выдающіяся въ нихъ явленія. Первыми профессорами философіи въ Академіи наукъ были Мартини (Христіанъ род. 1699 г.) и Бильфингеръ (Георгъ Барнгардъ род. 1693, ум. 1750 г.), ученики Вольфа, который и рекомендовалъ ихъ Академіи; но въ Россіи они оставались не долго. Первыми преподавателями философіи въ Московскомъ университетѣ изъ русскихъ были Поповскій, Аничковъ и Брянцевъ.

Николай Никитичъ Поповскій (род. 1730, ум. 1760 г.) сначала воспитывался въ духовныхъ училищахъ, а потомъ слушалъ лекціи Тредьяковскаго и Ломоносова въ академическомъ университетѣ. Первыми опытами его литературной дѣятельности были: эклога въ стихахъ „Зима“ и переводъ съ французскаго „Опыта о человѣкѣ“ Попе, сдѣланный имъ въ 1754 г. Въ 1755 г. Поповскій былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ и началъ свои лекціи вступительной рѣчью „О пользѣ и важности теоретической философіи“. Въ этой рѣчи

онъ представляетъ философію, какъ науку наукъ, въ видѣ великолѣпнаго храма вселенной. „Отъ нея зависятъ, говоритъ онъ, всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ... Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависитъ. Подобно какъ архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самые искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ“. Опредѣливъ отношеніе философіи къ другимъ наукамъ, онъ указываетъ потомъ на нравственное ея значеніе для человѣка, поставляя ея главною обязанностію дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ къ Богопознанію путемъ изслѣдованія самихъ законовъ и явленій природы. Вслѣдствіе классическаго направленія во всей наукѣ того времени, философія преподавалась тогда на латинскомъ языкѣ. Поповскій сильно возстаетъ противъ этого обычая и доказываетъ, что она должна и удобно можетъ быть преподаваема у каждаго народа на народномъ языкѣ, а въ Россіи на русскомъ языкѣ. „Кто хочетъ научиться философіи, говоритъ онъ, тотъ долженъ искать стараго Рима, или яснѣе сказать, долженъ пять, или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелой доступъ. Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинской языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже римлянъ разговоръ довольно наскучилъ... Дѣти ея ариѳметика, геометрія, механика, астрономія и прочія съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ, который, можетъ быть, и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя ея подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны.... Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ; она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великой стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ греками, изъ Греціи переманили ее римлане; она римской языкъ переняла весьма въ короткое время и (съ) несмѣтною красотой разсуждала по римски, какъ не задолго прежде по гречески. Не можемъ ли и мы ожидать

подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?.... Что-жь касается до изобилія россійскаго языка, въ томъ передъ нами римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ такой мысли, кою бы по россійски изъяснить было невозможно. Что жъ до особливыхъ, надлежащихъ къ философіи, словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у коихъ взяли философію, переводили по римски, а коихъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ тожъ и мы учинить можемъ... Итакъ съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изъ всей Россіи, или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійской языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться" ([1]). Въ этомъ взглядѣ Поповскаго на значеніе философіи и въ стремленіи преподавать ее на русскомъ языкѣ, ясно сказывается ученикъ Ломоносова, вполнѣ усвоившій и научныя и патріотическія его убѣжденія. Въ 1756 г., на торжественномъ актѣ университета, онъ говорилъ рѣчь о значеніи Московскаго университета, на которую мы уже указали выше, и написалъ благодарственную оду импер. Елисаветѣ. Въ томъ же году, подражая посланію Ломоносова „О пользѣ стекла", написалъ стихами посланіе къ Шувалову „О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества", въ которомъ, доказывая необходимость для современнаго человѣка научнаго образованія, говоритъ:

«Прошли тѣ времена, прошли златые вѣки,
Какъ разумомъ простымъ водимы человѣки,
Не вѣдая наукъ, незлобіе блюли,
И отъ неправдъ себя, какъ яда, берегли».

Ученыя занятія тогда смѣшивались съ литературными. Преподавая философію, Поповскій въ тоже время и преимущественно занимался переводами и перевелъ нѣсколько одъ Горація и его эпистолу De arte poëtica, нѣсколько одъ Анакреона, книгу Локка „О воспитаніи" и большую часть „Исторіи Тита Ливія" ([2]). Наконецъ въ послѣдніе годы жизни онъ преподавалъ

([1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Москва 1855. Ч. II, стр. 308—310.

([2]) Переводъ исторія Тита Ливія не былъ изданъ; говорятъ, что Поповскій, за нѣсколько дней до своей смерти, сжегъ его вмѣстѣ со многими своими стихотвореніями, считая эти произведенія недовольно исправными въ слогѣ и опасаясь, чтобы по смерти его не напечатали ихъ. Біограф. словарь, ч II, стр. 318.

словесность.—*Д. С. Аничковъ* (ум. 1788 г.) былъ профессоромъ логики, метафизики и чистой математики. Для пріобрѣтенія степени профессора онъ написалъ на латинскомъ языкѣ „Разсужденіе о происхожденіи религіи у разныхъ народовъ". На латинскомъ же языкѣ онъ напечаталъ „Дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера". На русскомъ языкѣ въ разныя времена произнесъ нѣсколько рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ университета, о разныхъ предметахъ философскаго характера, каковы: „О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ"; „о томъ, что міръ сей есть явнымъ доказательствомъ премудрости Божіей и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю", „о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ различныхъ заблужденій"; „о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи человѣческаго познанія"; „о невещественности души и изъ оной происходящемъ ея безсмертіи"; „о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства"; „о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ объясняющихъ".—*А. М. Брянцевъ* былъ профессоромъ логики и метафизики. Для полученія степени магистра онъ написалъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе „О критеріи истины". Потомъ онъ перевелъ „Начальныя основанія нравственной философіи Адама Фергюссона" и произнесъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета двѣ рѣчи: „о связи вещей во вселенной" и „о законахъ природы" (¹).—Мы считаемъ необходимымъ указать на всѣ эти рѣчи Поповскаго, Аничкова и Брянцева потому, что онѣ представляютъ самыя первыя попытки въ области русской философской науки въ первой и началѣ второй половины XVIII вѣка. По нимъ мы можемъ судить, какое направленіе имѣли тогда философскія изслѣдованія, какіе вопросы интересовали ученыхъ, занимавшихся философіей. До XVIII в. главнымъ руководствомъ при преподаваніи философіи въ Кіевской и Московской академіяхъ была схоластическая философія, построенная на ложно понятыхъ началахъ философіи Аристотеля; но съ начала XVIII в. стали руководствоваться уже системами новой философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Тредьяковскій перевелъ съ французскаго языка жизнь Бэкона и присоединилъ къ ней сокращеніе Бэконовой философіи. Ломоносовъ, переведя съ латинскаго сокращеніе экспериментальной физики Вольфа, въ предисловіи къ этому переводу хвалитъ Декарта особенно за то, что онъ открылъ новую дорогу для сво-

(¹) Біограф. словарь, ч. 1, стр. 5—9; 109—112.

боднаго изслѣдованія природы и указалъ твердое основаніе для физики въ опытѣ. „Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій, говоритъ онъ, осмѣлился Аристотелеву философію отвергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что онъ тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящшему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не только за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки, физика, нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бываютъ изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ". При переводѣ физики, замѣчаетъ Пекарскій, Ломоносовъ оказалъ большую услугу научной терминологіи. Здѣсь въ иныхъ случаяхъ онъ былъ творцомъ и почти всегда преобразователемъ (1). Философія Вольфа употреблялась какъ въ Московскомъ университетѣ, такъ особенно въ духовныхъ академіяхъ въ передѣлкѣ или въ системѣ ученика Вольфова, Баумейстера. Мы выше замѣтили, что профессоръ Аничковъ сдѣлалъ дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера. Вся философія Баумейстера была издана въ Москвѣ въ 1777 г. Бантышъ-Каменскимъ (Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris). Въ философскихъ системахъ префектовъ Московской академіи, Іоанна Козловича и Владиміра Каллиграфа, преподававшихъ въ академіи въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ авторъ исторіи Московской академіи, видно вліяніе новой философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Козловичъ хорошо зналъ философію Лейбница и часто ссылался на нее. Его система представляетъ уже признаки перехода отъ схоластики къ ясному ученію Вольфіанской философіи, вскорѣ послѣ того принятой въ школы, въ лицѣ Баумейстера (2). Были попытки и популяризовать философскія знанія внѣ учебныхъ заведеній для образованнаго общества. Адъюнктъ Академіи наукъ Г. Н. Тепловъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Знанія, до философіи вообще касающіяся", о которой Ломоносовъ далъ такой отзывъ: „философскія ученія въ ней предлагаются понятнымъ образомъ для всякаго и весьма полезны будутъ россійскимъ читате-

---

(1) Истор. Акад. наукъ ч. II, стр, 365.

(2) Ист. моск. акад. стр. 169—170.

лямъ, которые, не зная другихъ языковъ, хотятъ имѣть понятіе или и знаніе о философіи вообще на всѣхъ ея частяхъ (sic), и для того за благо разсуждаю, чтобъ она была напечатана" ([1]). Надобно замѣтить, впрочемъ, что слова философія и философъ понимались тогда въ смыслѣ болѣе обширномъ, чѣмъ нынѣ. Все филологическое отдѣленіе, заключавшее въ себѣ, кромѣ философіи, словесность, исторію, языкознаніе, называлось тогда философскимъ, и званіе магистра и доктора философіи давалось долго и въ послѣдствіи не только философамъ, но и словесникамъ, историкамъ и даже математикамъ. Да и къ философіи въ частности въ XVIII вѣкѣ относились не одни изслѣдованія о сущности бытія и знанія, но и разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ, составлявшихъ содержаніе такъ называемой нравственной философіи, которая тогда была въ большой модѣ. Поэтому философами назывались какъ всѣ моралисты, разсуждавшіе о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, такъ и литераторы, писавшіе въ нравоучительномъ направленіи, сатирики и юмористы. Философскихъ сочиненій въ этомъ смыслѣ, какъ оригинальныхъ, такъ особенно переводныхъ, весьма много помѣщалось, какъ указано будетъ ниже, во всѣхъ ученыхъ и литературныхъ журналахъ XVIII в., начиная съ „Ежемѣсячныхъ сочиненій" Миллера и „Трудолюбивой Пчелы" Сумарокова.

Сочиненія по словесности и языкознанію. Выше указано, что съ господствующей въ то время теоріей словесности и вообще съ состояніемъ словесныхъ наукъ въ Европѣ, первые познакомили Россію Тредьяковскій и Ломоносовъ. Переводныя и оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго и реторика Ломоносова долго были главными руководствами при изученіи и преподаваніи словесности въ школахъ. Тредьяковскій же и Ломоносовъ воспитали и первыхъ преподавателей словесности въ Московскомъ университетѣ, Поповскаго и Барсова. Впрочемъ Поповскій преподавалъ словесность не долго, и занимаясь преимущественно переводами литературныхъ сочиненій, не оставилъ ни одного своего сочиненія по наукѣ словесности. Дѣятельность же Барсова была весьма замѣчательна и оставила важный слѣдъ въ тогдашней русской наукѣ ([2]).

([1]) Ист. Акад. наукъ Пекарскаго, II 464.

([2]) Изслѣдованіе о Барсовѣ въ Ист. росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV, 186—298, и въ Біограф. словарѣ профессоровъ Москов. Университета ч. I, стр. 50—62.

19*

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ. Сынъ бывшаго при Петрѣ В. директора московской синодальной типографіи, Барсовъ (1730—1791) воспитывался при Академіи наукъ. Какъ ревностно занимавшійся математикой, онъ при открытіи Московскаго университета былъ назначенъ профессоромъ математики и преподавалъ ее до 1761 г., а потомъ послѣ смерти Поповскаго, былъ переведенъ на каѳедру словесности. Свои чтенія по словесности онъ открылъ рѣчью 31 января 1761 г. „о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи". Словесность тогда состояла изъ реторики и піитики. Реторику Барсовъ читалъ по руководству лейпцигскаго профессора Эрнести (1707—1781), написавшаго Initia rhetorica, которыя на русскій языкъ были переведены Ивашковскимъ; при преподаваніи піитики онъ слѣдовалъ піитикѣ французскаго гуманиста, іезуита Жуванси (1643—1719), извѣстнаго нѣсколькими сочиненіями по словесности (Ratio discendi et docendi; Appendix de diis et heroibus poëticis, Institutiones rhetoricae и Institutiones poëticae). Но Барсовъ не ограничивался одною теоріей словесности, а присоединялъ къ ней разборъ и объясненіе писателей. Всего чаще онъ останавливался на произведеніяхъ древнихъ, преимущественно римскихъ писателей, Цицерона, Виргилія, Горація. Перлами русской литературы онъ считалъ произведенія Ломоносова и подробно разбиралъ его похвальныя слова и нѣкоторыя оды. Разборы эти онъ считалъ весьма важными и полезными. Самую теорію словесности онъ цѣнилъ только потому, что она представляетъ или должна представлять выводъ изъ разбора разнообразныхъ произведеній литературы. „Риторика, говоритъ онъ, есть собраніе правилъ, примѣровъ и долговременныхъ отъ начала вѣка наблюденій о разныхъ способахъ, пріемахъ и оборотахъ рѣчи, посредствомъ которыхъ ораторъ всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на умъ и волю слушателей; опыты и наблюденія сводятся къ общимъ началамъ, оправдываются путемъ умозрѣнія и становятся правилами, значеніе которыхъ опредѣляется уже тѣмъ, что они основаны на данныхъ опыта и на естественномъ ходѣ и связи вещей" (¹). Изъ собственныхъ литературныхъ произведеній Барсова интересны ученыя ораторскія рѣчи, которыя онъ говорилъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета по разнымъ случаямъ. Въ одной изъ такихъ рѣчей, говоренной 6 сентября 1760 г., онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, „съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ" (²). Прямой и короткій отвѣтъ на этотъ

(¹) Ист. росс. Акад. Вып. IV, 205.

(²) Рѣчь эта напечатана въ Ист. росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV, 497—509.

вопросъ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что „мы учимся наукамъ для наукъ, то есть, чтобъ разумъ нашъ наполнить потребными въ жизни знаніями“, но нельзя осуждать и тѣхъ, которые ищутъ въ наукахъ практической пользы, „если кто по бѣдности желаетъ, чтобъ чрезъ ученіе дѣти его наконецъ пропитаніе себѣ получить могли, осуждать не могу, ибо бѣдные, какъ во многихъ другихъ, такъ и въ семъ случаѣ, такое право имѣютъ, какъ покойные, что объ нихъ или въ добрую сторону разсуждать надлежитъ, или ничего говорить не должно“.... Указывая затѣмъ на значеніе наукъ, онъ говоритъ: „ученіе раждаетъ въ насъ справедливыя мысли и разсужденія; ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣромъ дѣлаются; ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей, въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы, когда благороднымъ ревнованіемъ побуждаясь, сравняться стараемся, то хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожъ тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше себя возносимся, распространяемъ свой разумъ, и больше знаній и понятій получаемъ; а чрезъ все то напослѣдокъ способнѣйшими становимся къ исправленію порученныхъ намъ по званію нашему дѣлъ и положеній“!... Это разсужденіе о благодѣтельныхъ результатахъ науки оканчивается слѣдующими словами: „Всѣ жъ оныя пользы могутъ въ одинъ родъ включены быть и однимъ именемъ назваться, а имянно знаніемъ. Итакъ то справедливо, что знаніе принадлежитъ къ концу и къ намѣренію ученія, и что мы для снисканія его должны обучаться... То только примѣчать надлежитъ, что знаніе подобно оружію, по изволенію употребляющаго, и праведно защищающему и неправедно убивающему, или огню согрѣвающему и сожигающему, т. е. что оно можетъ и вредить и пользовать, поелику къ добру или ко злу обращено и употреблено будетъ. Итакъ потребно къ оному еще нѣкое управленіе, котораго намъ въ сердцѣ нашемъ искать должно... добродѣтель, безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не токмо должно быть безплодно и безполезно, но еще и вредно....... Но сколько добродѣтель сія ни почтенна и ни изящна, однако на ней не можно намъ остановиться въ семъ шествіи къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго ни кое знаніе истинно полезно, ни кая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ“. Мы привели эти мѣста изъ рѣчи Барсова какъ для характеристики тогдашнихъ ученыхъ рѣчей, такъ и потому, что выраженная здѣсь мысль о необходи-

мости и даже преимуществѣ при ученіи нравственнаго воспитанія и христіанскаго закона благочестія, была одною изъ главныхъ идей педагогическихъ системъ, особенно во второй половинѣ XVIII в.—Барсовъ занимался изслѣдованіемъ о русскомъ языкѣ и составилъ азбуку, церковную и гражданскую, издан. въ 1768 г. съ краткими примѣчаніями о правописаніи. Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ, между прочимъ, считаетъ излишними букву ѳ, какъ ничѣмъ не отличающуюся въ выговорѣ отъ ф, и букву ъ, при согласныхъ. „Во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, говоритъ онъ, безчисленное множество словъ, оканчивающихся на согласныя, а знака ъ нѣтъ“. Впрочемъ, противъ буквы ъ еще ранѣе возставалъ академикъ Адодуровъ, написавшій „Краткую русскую грамматику“ (1731) и „Правила россійской орѳографіи“ (1). Въ 1771 г. Барсовъ составилъ „Правила русской грамматики, а потомъ, по порученію Коммиссіи училищъ, „Грамматику россійскую“. Сначала Коммиссія поручила составить грамматику переводчику В. П. Свѣтову (1744—1783), который уже былъ извѣстенъ своими грамматическими изслѣдованіями, каковы были „Опытъ о правописаніи“ (1773) и „Краткія правила къ изученію россійскаго языка“; но Свѣтовъ, по порученію Коммиссіи, успѣлъ составить только „Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи“ (1783) и вскорѣ умеръ. Продолженіемъ его труда и была грамматика Барсова. Какъ Свѣтовъ такъ и Барсовъ были послѣдователями Ломоносова и руководствовались его грамматикой; при всѣхъ недостаткахъ, ихъ грамматическіе опыты для насъ важны уже потому, что представляютъ весьма много данныхъ для исторіи русскаго языка въ XVIII в. (2).—Кромѣ того, Барсовъ былъ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей и цензоромъ книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи. Наконецъ, онъ первый сдѣлалъ „Собраніе пословицъ“, въ количествѣ 4291.

Въ 1735 г. при академіи наукъ было учреждено „Россійское собраніе для особыхъ занятій языкомъ и словесностью“. При открытіи этого собранія, Тредьяковскій, какъ выше замѣчено, предложилъ заняться составленіемъ грамматики и лексикона россійскаго языка. „Знаю, говорилъ онъ относительно лексикона, что трудно будетъ начало; но своя честь есть и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громкая сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаре-

---

(1) Свѣдѣнія объ Адодуровѣ въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго, том. I. 503—516.

(2) Грамматическіе труды Свѣтова и Барсова весьма подробно разсмотрѣны въ Истор. росс. Академіи Сухомлинова. Вып. IV, 186—298—327.

нія и коликія прославленія произойти могутъ?... Не противлюсь вамъ, великое и трудное дѣло есть лексиконъ, и лексиконъ такой, какому быть ему надлежитъ, а именно полному и совершенному. Однако, не сіе есть свойство лексикона, какъ повѣствуется объ истинномъ, или ложномъ лучше фениксѣ, чтобъ единожды въ пять сотъ лѣтъ былъ созерцаемъ; тысящи есть издавна разныхъ лексиконовъ, и на многихъ языкахъ. Сіе самое доказываетъ непреоборимо, что и лексиконъ не выше силъ человѣческихъ, а сего здѣсь и довольно.... Трудъ, господа, трудъ прилежный все препобѣждаетъ" ([1]). Но людей, способныхъ заняться этимъ дѣломъ, было мало, и словарь или лексиконъ россійскаго языка началъ составляться не ранѣе, какъ уже при Екатеринѣ II, когда открыта была Россійская Академія, для которой это дѣло назначено было главнымъ дѣломъ.—Необходимость изучать европейскіе языки вызвала нѣсколько руководствъ по языкамъ. Миллеръ въ 1731 г. издалъ нѣмецко-латинскій лексиконъ Вейсмана съ русскимъ переводомъ и присовокупленіемъ начальныхъ правилъ русскаго языка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Это былъ первый лексиконъ, изданный въ Россіи съ переводомъ, и служилъ первымъ руководствомъ для русскихъ въ нѣмецкомъ, а для иностранцевъ въ русскомъ языкѣ. Переводчикъ и секретарь Академіи наукъ С. Волчковъ издалъ въ 1755 г. подробный французскій лексиконъ съ нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ. Барсовъ въ 1762 г. перевелъ съ нѣмецкаго латинскую грамматику Целларія. Михаилъ Пермскій, состоя причетникомъ при русской посольской церкви въ Лондонѣ, изучилъ англійскій языкъ, и по возвращеніи въ Россію, для воспитанниковъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ былъ учителемъ англійскаго языка, написалъ первую на русскомъ языкѣ грамматику англійскаго языка. Академическій библіотекарь Андрей Богдановъ (род. 1707 г.), родившійся въ Сибири отъ отца японской націи, составилъ японскую грамматику на русскомъ языкѣ.

Первые опыты по исторіи русской литературы. Укажемъ на тѣ сочиненія, которыя были первыми началами въ разработкѣ исторіи русской литературы. Академикъ Коль (Іоганнъ-Петръ Kohl ум. 1778 г.), академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія и церковной исторіи, первый обратилъ вниманіе на рукописи московской патріаршей библіотеки и подавалъ въ Академію записки о началѣ русскаго языка, о составленіи славянскаго лексикона. По удаленіи изъ Россіи, онъ издалъ въ 1729 г. на латинскомъ языкѣ „Введеніе

([1]) Сочин. т. I. 264—267.

въ исторію и литературу славянскую, преимущественно церковную (Introductio in historiam et rem litterariam slavorum imprimis sacram) (1). Въ немъ описаны первыя изданія Библіи въ Острогѣ (1581) и Москвѣ (1663), доказывается, что переводили свящ. Писаніе на славянскій языкъ не Іеронимъ, а Кириллъ и Меѳодій и помѣщено ихъ жизнеописаніе. Другой академикъ Штелинъ (Яковъ Штелинъ род. 1709 г.), профессоръ поэзіи и краснорѣчія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ „Записку“ (краткую) о современныхъ ему русскихъ писателяхъ (2) и двѣ статьи о русскомъ театрѣ и музыкѣ, которыя въ русскомъ переводѣ были напечатаны въ С.-Петерб. Вѣстникѣ 1779 г. подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ, отъ начала ихъ до 1768 г.“ и „Сокращенныя извѣстія о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи балетахъ“ (3). Спеціальнымъ занятіемъ Штелина было составлять аллегорическія картины и надписи для иллюминацій и фейерверковъ и писать стихи на торжественные случаи. Русскимъ читателямъ, впрочемъ, онъ всего болѣе былъ извѣстенъ своими „Анекдотами о Петрѣ В.“, которые сначала были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ 1785 г., а потомъ переведены на русскій языкъ. Извѣстны также „Анекдоты“ и „Извѣстія“ Штелина о Ломоносовѣ, которые потомъ вошли въ біографію Ломоносова (4). Датчанинъ Адамъ Селлій, перешедшій въ православіе и въ монашествѣ принявшій имя Никодима (ум. 1746 г.), составилъ на латинскомъ языкѣ „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснившихъ гражданскую и церковную исторію“ (Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. 1736). Въ этомъ сочиненіи перечислены по алфавиту 164 писателя, писавшихъ что-нибудь о Россіи.—Знаменитый актеръ Ив. Аѳ. Дмитревскій составилъ „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ.“ Оно было напечатано сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ лейпцигской „Новой Библіотекѣ“ Христ. Ф. Вейсе въ 1768 г. Въ 1771 г. было

---

(1) Свѣдѣнія о Колѣ въ Истор. Академіи наукъ, том. I. стр. 77—81.

(2) Переводъ съ нѣмецкаго напечатанъ въ Москвитянинѣ за 1851 годъ № 2; потомъ она помѣщена въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы П. А. Ефремова, Спб. 1867; стр. 161—167.

(3) Ист. Ак. наукъ том. I, стр. 557.

(4) Напечатаны въ Москвитянинѣ 1850 г. № 1 и 1853 г. № 3. Матеріалы для исторіи русской литературы: конспектъ не оконченнаго похвальнаго слова Ломоносову, написанный Штелинымъ. Смотр. Сборн. матеріаловъ для Истор. Ак. наукъ А. Купика. II. 383—405.

переведено на французскій въ Ливорно, подъ заглавіемъ „Опытъ о русской литературѣ“, заключающій перечень замѣчательныхъ русскихъ писателей, съ царствованія Петра В. ([1]). „Извѣстіе“ Дмитревскаго можно назвать первымъ опытомъ по исторіи русской литературы; оно послужило основой для историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова, который взялъ изъ него значительную долю свѣдѣній о писателяхъ. — Директоръ Академіи наукъ, С. Г. Домашневъ въ 1762 г. напечаталъ въ „Полезномъ увеселеніи“ статью „О стихотворствѣ“. Это былъ первый опытъ по исторіи поэзіи на русскомъ языкѣ, хотя самъ авторъ не придавалъ ему такого значенія. Изложивъ происхожденіе и значеніе поэзіи, Домашневъ дѣлаетъ здѣсь „описаніе сего искуства у всѣхъ народовъ“, и прежде всего описываетъ „греческое стихотворство“, гдѣ говоритъ о Гомерѣ и его поэмахъ, о Гезіодѣ и его Ѳеогоніи, о Ѳесписѣ, какъ основателѣ греческой трагедіи, и главныхъ греческихъ трагикахъ, Эсхилѣ, Софоклѣ и Еврипидѣ, о Пиндарѣ, объ Аристофанѣ и другихъ комикахъ, потомъ „описываетъ латинское стихотворство“, гдѣ указываетъ на римскія комедіи и трагедіи, поэмы и сатиры и перечисляетъ главныхъ поэтовъ во всѣхъ этихъ формахъ, Виргилія, Горація, Овидія, Федра, Сенеку, Персія, Ювенала и др. За греческимъ и римскимъ „описывается“ стихотворство итальянское, французское, гишпанское, португальское, аглинское, нѣмецкое, россійское. При этомъ также помѣщается перечень главныхъ поэтовъ и образцовыхъ произведеній. Начало русской поэзіи производится отъ Симеона Полоцкаго; потомъ кратко говорится о заслугахъ русской поэзіи Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова. Наконецъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, упоминается о стихотворствѣ армянскомъ, индійскомъ, арабскомъ, китайскомъ. Въ заключеніе своего обзора Домашневъ говоритъ: „Я старался дать нѣкоторое понятіе о стихотворствѣ почти всѣхъ народовъ; а если что ни есть пропустилъ, то оправдаться могу тѣмъ, что не писалъ исторіи о семъ искусствѣ, да и намѣреніе мое къ тому не клонилось. Я изъяснилъ то, что могъ почерпнуть изъ чтенія, присовокупя къ тому свои разсужденія“ ([2]). Наконецъ, Сумароковъ написалъ небольшую статью

([1]) Русскій переводъ и нѣмецкій подлинникъ съ французскимъ переводомъ напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова. Спб. 1867, стр. 129—144. 145—160. О принадлежности «Извѣстій» Дмитревскому смотр. у М. И. Сухомлинова. Зап. Акад. наукъ. VI, стр. 252—257.

([2]) Эта статья Домашнева напечатана въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» Ефремова, стр. 168—195.

„О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи“, въ которой характеризуетъ современныхъ проповѣдниковъ. „Во проповѣдникахъ, говоритъ онъ, вижу собратій моихъ по единому ихъ риторству, а не по священству. Итакъ имѣю право говорити о нихъ толико же, колико и они о мнѣ, сколько разсмотрѣніе до нихъ, яко до почитателей словесности, принадлежитъ“. Указавъ, на какомъ основаніи и съ какой стороны онъ можетъ разсматривать проповѣдниковъ, Сумароковъ прежде всего перечисляетъ образцовыхъ французскихъ проповѣдниковъ, Боссюета, Бурдалу, Флешье и Массильона, и потомъ говоритъ, что и Россія имѣетъ у себя подобныхъ проповѣдниковъ, каковы Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гедеонъ Криновскій, Гавріилъ Петровъ, митр. Петербургскій, Платонъ, архіеп. Тверскій (въ послѣдствіи митр. Московскій) и Амвросій, префектъ Московской академіи (въ послѣдствіи архіеп. Московскій). Сдѣлавъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о проповѣдникахъ вообще, онъ наконецъ характеризуетъ каждаго изъ указанныхъ русскихъ проповѣдниковъ. Ѳеофана Прокоповича онъ называетъ россійскимъ Цицерономъ, Гедеона россійскимъ Флешье, Платона россійскимъ Бурдалу. „Вспомня, прибавляетъ онъ въ заключеніе своей характеристики, нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида и Есхила съ водными потоками, я скажу то, уподобляя сихъ великихъ мужей. Ѳеофанъ подобенъ гордо и быстро текущей рѣкѣ, разливающейся по лугамъ и орошающей горы и дубровы, отрывающей камни съ крутыхъ береговъ, шумящей во своихъ предѣлахъ и журчащей иногда, подъ тѣнію соплетенныхъ древесъ, наводняя гладкія во время разліянія долины. Гедеонъ подобенъ потокамъ, всегда журчащимъ и извивающимся по прекраснымъ паствамъ, протекающей по приличнымъ лугамъ (рѣкѣ) и питающейся благовонными цвѣтами, но иногда по неплоднымъ проходящей мѣстамъ, уменьшающей изобиліе водъ и едва дно покрывающей. Гавріилъ подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей брега свои и порядочнымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границъ своихъ. Платонъ подобенъ рѣкѣ быстро текущей и все, что ей ни встрѣтится, влекущей съ собою въ морскую пучину, преходящей прекрасныя долины, орошающей тучныя рощи и бѣгущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкія муравы“ (¹).

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Выше замѣчено, что въ 1735 г. было открыто при Академіи наукъ „Россійское собраніе“, цѣлью котораго, между прочимъ,

---

(¹) Сочиненія Сумарокова ч. VI, 295—302.

было также изданіе переводовъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ. Общество это существовало не долго и мѣсто его заступилъ „Переводческій Департаментъ“ при Академіи, скоро, впрочемъ, также разстроившійся и потомъ возобновленный уже по указу Екатерины II, въ 1790 г. Впрочемъ, независимо отъ этого, при Академіи наукъ всегда были переводчики. Они были необходимы здѣсь для того, чтобы переводить на русскій языкъ, когда окажется нужнымъ, сочиненія иностранныхъ академиковъ, не знавшихъ русскаго языка. Эту обязанность сначала исполняли даже русскіе профессора и адъюнкты Академіи: Адодуровъ, Тредьяковскій и Ломоносовъ. Другою обязанностію академическихъ переводчиковъ было переводить всѣ оперы, комедіи и интермедіи, которыя представлялись при дворѣ, всѣ латинскіе и нѣмецкіе стихи, какіе иностранные академики писали по случаю придворныхъ торжествъ. Кромѣ упомянутыхъ Адодурова и Тредьяковскаго, между академическими переводчиками всего болѣе извѣстны Ильинскій, Поповскій, Волчковъ, Кондратовичъ, Барковъ, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Свѣтовъ, Нартовъ и др. Рѣзче всѣхъ изъ нихъ выдавалась дѣятельность Тредьяковскаго, который былъ и секретаремъ перваго „Россійскаго Собранія“ и не только много книгъ переводилъ, но и старался объяснить, какъ должно переводить. Въ предисловіи къ переводу повѣсти Тальмана: „Voyage à l'île d'amour“ онъ объясняетъ, что свѣтскія книги надобно переводить не славянскимъ, а русскимъ языкомъ, выставляя причины, почему онъ поступилъ такъ при переводѣ упомянутой книги. „Сіе я учинилъ, говоритъ онъ, слѣдующихъ ради причинъ; первая: языкъ славенскій у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ и многіе его наши, читая, не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, т. е. что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать“ (1). Въ предисловіи къ переводу посланія Горація „De arte poëtica“ и поэмы Буало „L'art poétique“, доказывая возможность стихотворныхъ и прозаическихъ переводовъ съ одного языка на другой,

(1) Сочин. III, 649—650.

Тредьяковскій указываетъ правила, какимъ должны слѣдовать переводчики, и перечисляетъ качества хорошихъ переводовъ: „Я запотребно разсуждаю приложить здѣсь, говоритъ онъ, главнѣйшіе критеріи, т. е. не ложныи знаки добраго перевода стихами со стиховъ. И во первыхъ надобно, чтобы переводчикъ изобразилъ весь разумъ, содержащійся въ каждомъ стихѣ, чтобы не опустилъ силы, находящіяся въ каждомъ же, чтобы тоже самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ, чтобы сочинилъ оное въ полной ясности и способности; чтобы слова были свойственны мыслямъ; чтобы они не были барбаризмомъ опорочены: чтобы грамматическое сочиненіе было исправнѣе безъ соллецизмовъ, и какъ между идеями, такъ и между словами безъ прекословій, чтобы, наконецъ, составъ стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не было" (1). Между прочимъ, здѣсь приведено странное мнѣніе о переводахъ, бывшее тогда въ ходу у европейскихъ ученыхъ и писателей, будто переводъ можетъ быть лучше и совершеннѣе самаго подлинника. „А перевелъ онъ Вожласъ (Vaugelas, членъ французской Академіи наукъ, одинъ изъ главныхъ издателей французскаго академическаго словаря) на свой языкъ Квінта Курція о дѣлахъ, содѣланныхъ Александромъ Великимъ. Но какъ? такъ что и до днесь въ сомнѣніи находится дѣло между искусными людьми, лучшель Курцій латинскій французскаго Вожласова, или Вожласовъ французскій лучше Курція латинскаго, т. е. не могутъ прямо опредѣлить, подлинникъ ли совершеннѣе перевода, или переводъ подлинника" (2). Такое странное мнѣніе обьясняется съ одной стороны тѣмъ, что главнымъ достоинствомъ въ литературныхъ произведеніяхъ въ это время считалось качество языка и слога, а съ другой тѣмъ, что признавалось нужнымъ вычищать классическія произведенія, сообразно съ требованіями современнаго вкуса. Самъ Тредьяковскій, впрочемъ, считалъ необходимымъ строго держаться подлинника. Главное достоинство его переводовъ именно въ томъ и состоитъ, что онъ старался вѣрно и точно передать въ нихъ смыслъ подлинника. На этомъ основаніи его переводы считались лучшими въ то время. „По отбытіи профессора Тредьяковскаго, писали въ 1745 г. въ сенатъ академики, если какія книги о наукахъ съ иностранныхъ европейскихъ языковъ переводить надобно будетъ, то трудно сыскать, чтобы кто имѣлъ довольную способность оныя безъ погрѣшности перевести и такъ, чтобы ихъ безъ дальняго свидѣтельства

(1) Сочин. I, XIII.—(2) Сочин. I, XII.

въ печать выдать“ (1). Послѣ Тредьяковскаго, какъ переводчикъ славился Поповскій, который, какъ указано выше, переводилъ Горація, Попе и Локка. Его переводы обращали на себя вниманіе современниковъ ясностію, чистотою и правильностію языка. Новиковъ въ своемъ словарѣ сдѣлалъ о немъ, какъ переводчикѣ, такой отзывъ: „Опытъ о человѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Попія перевелъ онъ съ французскаго языка на россійскій съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей гораздо ближе подошелъ къ подлиннику, и не знавъ аглинскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и проницаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ... Также перевелъ прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Локка: сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва не превосходитъ ли и подлинникъ“ (2).

При Петрѣ В., который стремился познакомить Россію съ результатами тогдашней науки и промышленности въ видахъ практическихъ, и самъ заправлялъ переводомъ книгъ, переводились книги преимущественно научнаго характера, по разнымъ отдѣламъ знанія и промышленности; при Елисаветѣ практически-дѣловое направленіе смѣнилось литературнымъ и художественнымъ, и потому при ней стали переводиться книги преимущественно литературныя. Въ 1748 г. графъ Разумовскій объявилъ Академіи имянной указъ императрицы: „стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“. Вслѣдствіе этого указа академическая канцелярія объявила, чтобы „ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго, или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ бъ явились въ канцелярію Академіи наукъ“ (3). Переводились главнымъ образомъ книги, назначавшіяся для легкаго чтенія, какъ то романы, повѣсти и сказки; а не ученаго содержанія. Число подобныхъ книгъ такъ умножилось въ послѣдствіи, что при Академіи наукъ заведена была отдѣльная типографія, называвшаяся „новой“, въ отличіе отъ первоначальной, изъ

---

(1) Истор. Акад. наукъ Пекарскаго. II, 22.
(2) Матеріалы для Исторіи русск. литературы. II. А. Ефремова, стр. 84.
(3) Ист. Акад. наукъ II, LII.

которой выходили преимущественно книги ученаго содержанія. Любовь Елисаветы къ театральнымъ представленіямъ, учрежденіе особаго русскаго театра были причиною того, что всего болѣе переводилось драматическихъ произведеній. Переводами произведеній такого рода занимались преимущественно Дмитревскій, Ельчаниновъ, Елагинъ и Олсуфьевъ. При Петрѣ В. и Аннѣ Іоанновнѣ господствовало нѣмецкое направленіе; при Елисаветѣ нѣмецкое вліяніе смѣнилось французскимъ: французскіе нравы, французскій языкъ и французская литература пользовались особеннымъ уваженіемъ, и потому переводились преимущественно французскія сочиненія. Даже произведенія другихъ литературъ, греческой, латинской, нѣмецкой и англійской, часто переводились не съ подлинниковъ, а съ французскихъ переводовъ; больше было людей, знающихъ французскій языкъ, чѣмъ другіе языки.—Переводовъ изъ греческой литературы было немного; только Кантемиръ и Поповскій переводили оды Анакреона, Кондратовичъ поэмы Гомера, Иліаду и Одиссею, Нартовъ исторію Геродота. Изъ римской литературы были переведены: записки Юлія Цезаря (Волковымъ съ франц.); исторія Тита Ливія и нѣсколько одъ Горація (Поповскимъ); избранныя рѣчи Цицерона (Кондратовичемъ); біографіи знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота (Кантемиромъ); превращенія Овидія (Козицкимъ); сатиры Горація и басни Федра (Барковымъ); Посланіе Горація de arte poëtica (Тредьяковскимъ и Поповскимъ). Съ произведеніями французскихъ драматическихъ писателей, Корнеля, Расина, Мольера и Вольтера, старался познакомить русскую публику Сумароковъ, который передѣлывалъ ихъ произведенія. Кромѣ того, были переведены комедіи Мольера: „Скупой", „Школа мужей" и „Школа женъ" (Кропотовымъ) и „Мизантропъ" (Елагинымъ); комедіи Дидро: „Чадолюбивый отецъ" и „Побочный сынъ" (Ельчаниновымъ); „Евгенія" Бомарше (Пушниковымъ); „Опыты" Монтеня (Волчковымъ); „Персидскія письма" и „О духѣ законовъ" Монтескье (А. Мятлевымъ); „Разговоры о множествѣ міровъ" Фонтенеля; „Микромегасъ", „Задигъ", „Вавилонская принцесса" Вольтера (Полунинымъ); „Исторія Манонъ Леско" аббата Прево (Елагинымъ); „Нравоучительныя повѣсти" Мармонтеля (Домашневымъ); оперы: „Евдоксія вѣнчанная", „Селевкъ", „Митридатъ" и „Беллерофонтъ" (Олсуфьевымъ). Изъ итальянской литературы: „Титово милосердіе" Метастазіо (Волковымъ); „Влюбленный Орландъ" Аріосто (Булгаковымъ). Изъ англійской литературы: „Книга о воспитаніи" Локка и „Опытъ о человѣкѣ" Попа (съ французскаго Поповскимъ); „Георгъ Барнвелль" Лилло (Нартовымъ); „Потерянный рай" Мильтона (архіеп. Амвросіемъ Серебренниковымъ). Изъ нѣмецкой литературы: комедія Лессинга: „Молодой ученый" (Нартовымъ). Съ нѣмецкаго же переведены были Гольберговы комедіи: „Генрихъ и Пернилла" и „Превращенный мужикъ".

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ древнемъ періодѣ, при преобладаніи религіозно-церковныхъ интересовъ, развивалась духовная литература, а литературы свѣтской, какъ отдѣльной и самостоятельной отрасли, и не существовало; въ новомъ періодѣ, напротивъ, при преобладаніи во всемъ строѣ русской жизни гражданскихъ и государственныхъ интересовъ, развитіе свѣтской, ученой и художественной литературы должно было отодвинуть духовную литературу на задній планъ. Въ Петровскую эпоху, мы видѣли, лучшія образованныя силы изъ духовенства были вызваны служить дѣлу реформы. Когда же реформа утвердилась, новое образованіе и новый центръ государственной жизни, естественно, должны были привлекать къ себѣ людей изъ всѣхъ сословій и въ томъ числѣ изъ духовнаго сословія. Какъ при Петрѣ В., такъ и долго послѣ него, въ теченіе всего XVIII в., лучшіе воспитанники изъ духовныхъ учебныхъ заведеній постоянно вызывались правительствомъ для разныхъ потребностей новаго образованія, для отправленія за границу, въ Петербургскую Академію наукъ, въ Московскій университетъ и т. п. А съ другой стороны, выгодное положеніе служащихъ на всѣхъ мѣстахъ государственной службы располагало духовныхъ воспитанниковъ и добровольно уходить въ свѣтскія учебныя заведенія и потомъ оставлять духовное званіе и службу въ духовномъ сословіи. Такимъ образомъ, духовная наука и литература должны были постоянно лишаться многихъ дѣятелей. Но, при этихъ лишеніяхъ, они получали отъ новаго образованія новыя средства, какихъ не имѣли прежде. Новое европейское образованіе оживило старое схоластическое образованіе и сообщило ему новыя силы. Въ систему духовнаго образованія въ семинаріяхъ вошли такія науки, какія тамъ прежде не преподавались; между начальниками и наставниками этихъ семинарій стали появляться такія лица, которыя получали образованіе или въ Московскомъ университетѣ, или за границей, обладали многостороннею ученостью и отличались разнообразными свѣдѣніями не только по духовнымъ, но и свѣтскимъ наукамъ. Архіеп. псковскій, Симонъ Тодорскій (ум. 1754 г.) для своего образованія десять лѣтъ провелъ въ университетахъ за границей, былъ замѣчательнымъ филологомъ—оріенталистомъ; епископъ смоленскій Гедеонъ Вишневскій (ум. 1761 г.), бывшій воспитанникъ Кіевской академіи, докончилъ свое образованіе также за границей и получилъ здѣсь дипломъ доктора философіи; нижегородскій епископъ Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ (1737—1795), бывшій членомъ россійской Академіи, учился въ Геттингенскомъ университетѣ и написалъ сочиненіе по исторіи литературы: „библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ на-

чала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“; архіеп. екатеринославскій, Амвросій Серебрениковъ (ум. 1792) составилъ руководство по ораторіи или реторикѣ, и перевелъ поэму Мильтона „Потерянный рай“; архіеп. архангельскій Аполлосъ Байбаковъ (1745—1801) составилъ „Піитику“ и написалъ нѣсколько назидательныхъ повѣстей въ аллегорической формѣ. Кромѣ того, славились образованіемъ и ученостью: архіеп. московскій Платонъ Малиновскій (ум. 1754), еп. крутицкій Иларіонъ Григоровичъ (ум. 1760 г.); архіеп. петерб. Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.); архіеп. новгор. Амвросій Юшкевичъ (ум. 1745 г.); архіеп. новг. Дмитрій Сѣченовъ (1767 г.); архіеп. московскій, Амвросій Зертисъ-Каменскій, занимавшійся переводомъ разныхъ духовныхъ сочиненій; ректоръ Московской академіи Варлаамъ Лящевскій (ум. 1774), замѣчательный филологъ, написавшій „греческую грамматику“, которая долго была руководствомъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ лицъ сдѣлались извѣстными уже при Екатеринѣ II, но начало ихъ дѣятельности и особенно образованіе принадлежитъ царствованію Елисаветы. Въ царствованіе Елисаветы вообще въ духовенствѣ образовалось много такихъ людей, которые явились замѣчательными дѣятелями при Екатеринѣ II. Когда открыта была Екатериною Россійская академія, то четвертая часть ея членовъ съ самаго же начала составилась изъ духовныхъ—11 монашествующихъ и 8 лицъ бѣлаго духовенства, а первенствующимъ членомъ и вмѣстѣ вице-президентомъ академіи былъ назначенъ митр. новгородскій, Гавріилъ Петровъ (1730—1801). Гавріилъ славился такимъ глубокимъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, что Екатерина въ знакъ уваженія къ нему посвятила ему переводъ Велисарія Мармонтеля. Онъ былъ назначенъ послѣ Дмитрія Сѣченова депутатомъ отъ Синода и духовенства въ Коммиссію для сочиненія новаго Уложенія.

Проповѣдь въ Елисаветинскую эпоху. Главною формою въ духовной литературѣ была проповѣдь. Царствованіе Елисаветы, которая отличалась набожностью, часто посѣщала церкви и любила слушать поученія, было самымъ благопріятнымъ временемъ для ея развитія. При дворѣ были особенные и лучшіе проповѣдники, которые постоянно говорили проповѣди [1]. „Прошло уже, слышателіе, говорилъ митр. новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, въ словѣ 8 іюля 1742 г., тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и слово Бо-

---

(1) Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны Н. А. Попова. Лѣтоп. русск. литер. и древн. Тихонравова, том. II.

жіе вязалося.... пастыріе молчали, проповѣдницы боялися. А нынѣ златыя времена, времена Константина В., времена Ѳеодосія благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины царицъ, защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, великая государыня Елисавета Петровна.... Только пріиде къ намъ, и съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе—уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди—всюду истинна глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама всепресвѣтлѣйшая монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утруждена, всегда слово Божіе слышати желаетъ и слушая не скучаетъ". Другой современный проповѣдникъ, Гедеонъ Криновскій, въ своемъ словѣ въ недѣлю женъ мѵроносицъ, обращается къ современнымъ пастырямъ и проповѣдникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Почто о вѣрѣ святой и непорочной умолчимъ, когда корона у насъ императорская не такъ камней драгихъ блескомъ украшается, какъ лучами православія во свѣтѣ блистаетъ?... А особливо вы, Божія слова слуги, вѣдаете, что такую у васъ имѣете монархиню, которая не единожды иногда въ одинъ день бесѣдамъ вашимъ присутствуетъ; и въ такіе ль благополучные дни уныете? Вѣдаете, что имѣете монархиню, которая о расширеніи слова Божія и въ самихъ язычникахъ, наипаче подъ державою ея сущихъ, матерьски печется: и тутъ ли чего опасаться вамъ? Вѣдаете наконецъ, что имѣете монархиню, которая сама въ примѣръ всякой, проповѣдуемой вами, добродѣтели быть можетъ: и здѣсь ли страхъ добродѣтели насаждать, а пороки истреблять?" (¹)—Проповѣдь при Петрѣ В., мы видѣли, служила дѣлу реформы, прославляла дѣла Петра и имѣла политическій характеръ; политическій же характеръ должно было сообщить и проповѣди Елисаветинской эпохи то счастливое время, какое съ воцареніемъ Елисаветы настало для русскихъ послѣ предыдущихъ царствованій. Господство нѣмецкой партіи при дворѣ во время Бирона, тяжелое вообще для всей Россіи, особенно тяжело было для церкви и духовенства. Съ воцареніемъ Елисаветы бѣдствія кончились и настали благопріятныя времена. При Елисаветѣ было издано множество указовъ, показывающихъ особенную заботливость правительства о церкви и духовенствѣ, о распространеніи православ-

---

(¹) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ, при дворѣ ея величества сказанныхъ придворнымъ проповѣдникомъ, архимандритомъ Гедеономъ. Москва, 1760 г. Ч. 1, листъ 227.

ной вѣры среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири; таковы указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоя дворовъ тѣхъ священнослужителей, которые находились на службѣ при церквахъ; о томъ, чтобы судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ епархіальными властями; объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государево. Поэтому церковныя проповѣди въ первые годы царствованія Елисаветы наполнены похвалами Елисаветѣ и порицаніями нѣмецкаго владычества въ предыдущія царствованія. Онѣ весьма интересны и имѣютъ историческое значеніе. Но не лишены интереса и значенія и проповѣди послѣдующаго времени. Онѣ вообще отличаются характеромъ современности. Проповѣдники внимательно слѣдили за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и въ своихъ проповѣдяхъ изображали невѣріе, вольнодумство и распущенность нравовъ, которыя начали тогда въ немъ распространяться. Поэтому во всѣхъ проповѣдяхъ Елисаветинской эпохи мы находимъ весьма много такихъ чертъ, которыя хорошо характеризуютъ тогдашнюю жизнь. Что касается художественнаго значенія и въ частности проповѣдническаго стиля, то въ этомъ отношеніи проповѣдь Елисаветинской эпохи не представляетъ ничего новаго и особеннаго. Въ ней продолжалъ еще господствовать прежній юго-западный стиль, яркимъ представителемъ котораго въ Петровскую эпоху былъ Стефанъ Яворскій. Проповѣди Яворскаго и Прокоповича и были главными образцами для проповѣдниковъ Елисаветинской эпохи. Нѣкоторые проповѣдники подражали еще поученіямъ знаменитаго тогда греческаго богослова и проповѣдника Иліи Миніата, или Минятія (1669—1714). Его поученія во святую и великую четыредесятницу были переведены переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Стефаномъ Писаревымъ. Самыми замѣчательными проповѣдниками въ Елисаветинскую эпоху были: Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Димитрій Сѣченовъ и Гедеонъ Криновскій.

Проповѣди Амвросія Юшкевича и Кирилла Флоринскаго. Амвросій Юшкевичъ, воспитанникъ и учитель Кіевской академіи, съ 1736 г. епископъ Вологодскій, въ 1740 г. занялъ новгородскую епископскую каѳедру, которая послѣ смерти Ѳеофана Прокоповича оставалась свободною. Подобно Прокоповичу, прославлявшему дѣла Петра В., Юшкевичъ сдѣлался первымъ хвалите-

лемъ его дочери, Елисаветы. Въ день воспоминанія ея рожденія, 18 декабря 1741 г., спустя три недѣли по восшествіи ея на престолъ, онъ говорилъ проповѣдь, въ которой, разсказавъ исторію воцаренія Елисаветы, яркими красками изобразилъ положеніе Россіи подъ нѣмецкимъ владычествомъ въ предыдущія царствованія. „Преславная побѣдительница, говорилъ онъ, избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тягчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше разоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили: но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спроси жъ за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему не годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовсе въ Россіи истребить священство православное, и завесть свою новомышленную безпоповщину.... Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напр. художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра В., тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра В. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о, коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!.. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то во истину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранный незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ

своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они умотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотя бъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что онъ ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штабы, и жалованья опредѣлить многія тысячи... Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи, пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали"([1]). Изъ другихъ проповѣдей Амвросія([2]) замѣчательна еще проповѣдь въ день коронаціи Елисаветы 28 февраля 1742 г. Въ этой проповѣди, сказанной въ московскомъ успенскомъ соборѣ, между другими заслугами Елисаветы, Амвросій указываетъ на то, что она „книгу, Камень вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, повелѣла на свѣтъ произвесть и освободить", которая также необходима была для духовнаго чина, „какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабельнику на морѣ кормило"; а до тѣхъ поръ „не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли... готовыя во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили"([3]).

Еще рѣзче были проповѣди другого проповѣдника, Кирилла Флоринскаго, который былъ съ 1741 г. ректоромъ Московской академіи, а съ 1768 по 1778 Сѣвскимъ епископомъ и умеръ въ 1795 г. Амвросій въ своихъ проповѣдяхъ представилъ общую картину тяжелаго положенія Россіи и русскаго духовенства, во время владычества нѣмецкой партіи при дворѣ; Кириллъ Флоринскій указываетъ прямо на лица, притѣснявшія и угнетавшія русскихъ людей, преимущественно на Миниха и Остермана, назы-

---

(1) Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны Н. А. Попова. Лѣт. русск. литер. том. II, отд. III, стр. 5—6.

(2) Эти проповѣди были сказаны: 8 ноября 1742 г., 25 апрѣля и 25 ноября 1743 г., 15 іюля 1744 г. Смотр. тамъ же, стр. 6.

(3) Тамъ же, стр. 12.

вая ихъ „человѣкоядными птицами, эмиссаріями діавольскими“ и т. п. Такова его проповѣдь въ день рожденія Елисаветы 18 декабря 1741 г. Положивъ въ основу этой проповѣди слова: сильно на земли будетъ сѣмя его, и, примѣнивъ ихъ къ Петру В., онъ представляетъ въ ней Петра сѣятелемъ, а Россію почвою, принявшею брошенныя имъ сѣмена: „Егда вопросите мя, говоритъ онъ, да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи, тако отвѣщаю: сѣявый въ насъ доброе сѣмя есть самъ Петръ В., село есть Россія, доброе сѣмя сынове россійскаго отечества, вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска, Елисаветъ, наслѣдница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вещію же порожденія ехиднина, изгрызающія утробу матери своея Россіи, да чужестранцы пришельцы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія, вкорененнаго въ Россіи отъ многихъ лѣтъ, растлители и истлители, подъ ухищренною политикою всего счастія россійскаго губители.... а жатели, плевелы и плевелосѣятелей враговъ собирающіе, сыновъ же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пшеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе—лейбъ-гвардія и вся воя“. Сѣмя Петрово возрасло, наконецъ, въ великое древо, которое начали терзать иностранцы. „Древо сіе не всяко плотоядные, но человѣкояды птицы, Остерманъ и Минихъ съ своимъ стадищемъ начали было, чрезъ двонадесятолѣтіе обезпокоивавшіе, сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, донелѣ же само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?... Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ“(1).

Проповѣди Стефана Калиновскаго и Димитрія Сѣченова Такой же взглядъ на Елисавету и на предшествовавшее ея воцаренію нѣмецкое владычество выражается въ проповѣдяхъ Стефана Калиновскаго, Димитрія Сѣченова и Сильвестра Кулябки. Стефанъ Калиновскій, изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,

---

(1) Тамъ же, стр. 7—9. Кромѣ этого, еще извѣстны слова Флоринскаго 11 апрѣля и 15 іюля 1742 г.

былъ ректоромъ Московской академіи, а потомъ епископомъ псковскимъ и новгородскимъ (ум. 1753 г.). Въ проповѣди 1 января 1742 г. онъ называетъ импер. Елисавету русской Іудиѳью, Есѳирью и Пульхеріей и съ особенною силою изображаетъ тѣ притѣсненія, какимъ она подвергалась при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. „Еще тогда, говоритъ онъ, какъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство переселилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно претерпѣла; еще тогда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была; что ѣстъ, что піетъ, что дѣлаетъ, куда ѣздитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными неусыпными шпіонами назираема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала" (1).—Димитрій Сѣченовъ, сначала архимандритъ Свіяжскаго монастыря и первый членъ коммиссіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, былъ потомъ архіепископомъ новгородскимъ (ум. 1767 г.). Онъ отличался необыкновенною смѣлостію въ обличеніи современныхъ пороковъ. 25 марта 1742 г. онъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи императрицы на текстъ: Благовѣствуй, земле, радость велію! Назвавъ время предыдущихъ царствованій лютой зимой нечестія, послѣ котораго возсіяло ведро благочестія, онъ такъ характеризуетъ прежнее бѣдственное время: со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемѣны, „и видя то противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали.... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста Христова, его же бѣси трепещутъ, гнушалися... А которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужиками, грубіянами нарицали. Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою

(1) Тамъ же, стр. 11.

съ Богомъ бесѣдуетъ – пустосвятъ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостыню неоскудно подаетъ—простъ, не умѣетъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталося. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ-де пути не будетъ. А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ—куды, зачѣмъ? монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе городы, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти.“ Насилія развратили слабыхъ; „поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку вина, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть“ (1).

Архіеп. петербургскій Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.) въ проповѣди 25 ноября 1750 г., характеризуя правленіе Анны Леопольдовны, говоритъ: „Вмѣсто императорства, правительство государствовало, взошло на россійскій престолъ безгластво, а за нужду тую иновѣрство царствовати стало, хваталось за скипетръ россійской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперіею рука младенческая покусилась, и къ своему послуженію недовольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій; въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутовъ искало.... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плинѳахъ томились“ (2).

Во всѣхъ указанныхъ проповѣдяхъ господствуютъ двѣ темы: жалоба на притѣсненія и угнетенія отъ иностранцевъ и прославленіе импер. Елисаветы, которая спасла Россію отъ этихъ угнетеній. Съ прославленіемъ Елисаветы постоянно соединяется прославленіе Петра В., продолжательницею дѣлъ котораго была Елисавета. Эти же темы, мы видѣли, служили главными темами и торжественныхъ одъ и ораторскихъ похвальныхъ рѣчей Ломоносова. Поэтому, совершенно справедливо церковную проповѣдь Ели-

(1) Тамъ же, стр. 12—14—(2) Тамъ же, стр. 26.

саветинской эпохи сближаютъ съ похвальною одой и ораторской рѣчью этой эпохи; различіе между ними заключается только въ томъ, что проповѣдники прославляютъ Елисавету преимущественно за ея благочестіе, за ея покровительство церкви и духовенству, а Ломоносовъ прославляетъ ее за любовь къ наукѣ и просвѣщенію и покровительство русскимъ ученымъ. Въ похвальныхъ одахъ и рѣчахъ Ломоносова замѣчаютъ преувеличенія; нельзя не видѣть также преувеличеній и въ приведенныхъ проповѣдяхъ. Представленныя въ нихъ картины угнетенія русскихъ людей иностранцами нарисованы слишкомъ густыми красками и потому вышли рѣзки и преувеличенны; въ нихъ много выраженій грубыхъ и даже неприличныхъ церковной каѳедрѣ; но эти картины не были вымысломъ фантазіи; въ основѣ ихъ лежали дѣйствительныя притѣсненія, на которыя, кромѣ проповѣдниковъ, жаловались и другіе люди, жившіе во время господства иностранцевъ. Силою этихъ притѣсненій и объясняются указанныя рѣзкость картинъ и грубость выраженій; въ нихъ невольно высказались долго сдерживаемыя и накипѣвшія раздраженіе и негодованіе людей глубоко оскорбленныхъ и долго страдавшихъ.

Изъ политическихъ событій проповѣдники обращали вниманіе въ своихъ проповѣдяхъ на войну и миръ съ Швеціей, на льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію сербовъ и хорватовъ. При Елисаветѣ, мы замѣтили, стали распространяться въ русскомъ обществѣ вольнодумство и распущенность нравовъ. Проповѣдники возставали въ своихъ проповѣдяхъ противъ безбожія атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ, противъ „нрава и ума епикурейскаго и фреймассонскаго“. Превосходную картину современной роскоши и распущенности нравовъ мы находимъ въ словѣ Димитрія Сѣченова, сказанномъ 8 іюля 1742 года. „Осмотримся же, говоритъ онъ въ этомъ словѣ, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы Тайны крашенинныиъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда и волошскаго галенка не посылалъ [1]. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселить-

[1] Волошское вино. Галенокъ (gallon)—англійская мѣра вина.

ся, забавляться день и нощь—легко, не скучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церкви со умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять—право въ суетахъ и помолиться некогда.... Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? три дни и нощи веселюся; а пріидетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главныя спасенія нашего вины,—за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церкви не былъ.... А о любви ближняго и спрашивать нечего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближняго, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защитить правду; сего и не мыслитъ и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ. Правосудіе ли тамъ присмотрится? въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра приди, больше не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы обдерутъ, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь "(1). При чтеніи этой проповѣди живо представляется воображенію бытъ тогдашнихъ богатыхъ и знатныхъ вельможъ, которые въ обстановкѣ своей жизни старались подражать роскоши и блеску жизни придворной, бытъ тогдашнихъ помѣщиковъ, которые въ своихъ селахъ устроивали дома на подобіе дворцовъ съ театрами, хорами пѣвцовъ и музыкантовъ, и изъ своихъ имѣній вообще стремились дѣлать подобіе маленькихъ государствъ, въ которыхъ они жили и вели себя какъ настоящія владѣтельныя, или царственныя особы, окруживъ себя, какъ придворнымъ штатомъ, толпою многочисленныхъ слугъ; поведеніе богатыхъ и властныхъ господъ, которые, добившись высокаго положенія или важной должности, гордо, презрительно и жестоко обходились съ бѣдными, нисшими и подчиненными: „аки фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, крутитъ, вертитъ"...

Проповѣди Гедеона Криновскаго. Гедеонъ Криновскій родился въ Казани (1726 г. ум. 1763) и воспитывался въ казанской семинаріи, а потомъ въ московской академіи. Обративъ на

(1) Придворныя проповѣди, стр. 29—30.

себя вниманіе своими проповѣдями, онъ былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ и въ этой должности оставался до 1761 г., когда былъ посвященъ въ епископа псковскаго. Гедеонъ считался образцовымъ проповѣдникомъ въ Елисаветинскую эпоху и занималъ такое же мѣсто между современными проповѣдниками, какое Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Петровскую эпоху. Вотъ какъ отзывается о немъ современникъ его, Сумароковъ: „Гедеонъ есть россійскій Флешіеръ; цвѣтности онъ имѣетъ еще болѣе, нежели Ѳеофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало въ немъ было силы и огня, и что онъ, по недостатку пылкости, часто наполнялъ проповѣди свои исторіями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчія. Пріятность, нѣжность, тонкость были ему свойственны и послѣ Ѳеофана опустошенной россійской парнассъ, или Церковь, лишенная риторскія сладости смертію великаго архіепископа, обрадовала Россію симъ Гедеономъ, мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства“.... „Критики упрекали Гедеона, говоритъ митр. Евгеній, въ томъ, что у него много приводовъ изъ исторіи языческой и языческихъ писателей; но въ семъ прежде надобно винить Илію Минятія, котораго Гедеонъ избралъ себѣ для подражанія почти единственнымъ образцомъ. Впрочемъ, примѣтно, что, подражая образцу своему, онъ въ изобрѣтеніи доводовъ, въ оборотахъ изъясненія и въ изображеніи движеній сердца, вездѣ съ нимъ равнялся своимъ дарованіемъ, такъ что можно справедливо его наименовать россійскимъ Минятіемъ. Проповѣди его имѣютъ то преимущество, что онѣ не затемнены никакими безполезными умозрѣніями и всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ ясными и разительными изображеніями, а въ дарѣ сказывать долго послѣ его никто не могъ съ нимъ сравниться и онъ доселѣ еще почитается первымъ и превосходнѣйшимъ россійскимъ проповѣдникомъ“. Нѣкоторыя слова Гедеона, какъ извѣстно, вошли въ сборникъ словъ и поученій, составленный по распоряженію синода. въ царствованіе Екатерины.

Гедеонъ внимательно слѣдилъ за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго образованнаго общества и изображалъ его въ своихъ проповѣдяхъ, указывая въ религіозномъ отношеніи на слѣды невѣрія и вольнодумства, а въ нравственномъ— на распущенность жизни. Такъ, въ словѣ во 2-ю недѣлю великаго поста, упрекая пастырей, не учащихъ народъ, онъ говоритъ: „Столько народа съ нами едва имя Христово знающихъ; столько грѣшниковъ, о спасеніи своемъ ни мало не радящихъ; столько натуралистовъ, фармазоновъ и ожесточенныхъ безбожниковъ со дня на день прозябаетъ, а мы спимъ и не чувствуемъ, какъ сіе

вражіе сѣмя, какъ плевелы сатанинскіе въ земли корени свои распущаютъ, а пшеница, терніемъ толь многоименныхъ ересей подавляема, мало по малу истребляема бываетъ"(1). Все слово въ недѣлю пятидесятницы направлено противъ тѣхъ, которые „не хотятъ ничего допустить, развѣ что бъ разумомъ своимъ постигнуть имъ было можно. Для того подлинно, какъ прежде было, такъ и нынѣ есть еще многобожіе во многихъ мѣстахъ вселенной: для того имя святыя Троицы магометанамъ всѣмъ тяжестно; оттуда и натуралисты, аѳеисты и другія богомерзкія и душамъ благочестивыхъ людей нестерпимыя имена произошли въ свѣтѣ и происходятъ. Оттуду, говорю, то есть, что иной хочетъ, чтобъ показалъ ему кто нибудь Бога очевидно; иной думаетъ, что одному Богу всю вселенную управить нельзя; иной говоритъ, какъ можно не имѣющему жены родить сына; иной иныя, симъ подобныя воображаетъ въ головѣ своей непристойныя мысли". Въ словѣ доказывается необходимость тайнъ въ вѣрѣ: „Ежели бъ вмѣстилъ нашъ умъ Бога, то бы не былъ Онъ и Богъ; понеже имѣлъ бы въ умѣ нашемъ предѣлы, что естеству Божію противно. А понеже, что есть въ Бозѣ, то оно есть самъ Богъ; такъ уже слѣдуетъ, что ни силы, ни премудрости, ни разума его постигнуть никакой твари вовсе невозможно. И сего ради заключить надобно, что разумъ нашъ и вся вѣка сего премудрость въ познаніи таинъ царствія Божія есть ничто"(2). Въ 1-мъ словѣ въ недѣлю 15-ю по Пятидесятницѣ, объясняя слова: крѣпка, яко смерть, любы, Гедеонъ говоритъ: „Гдѣ нынѣ такой найти любви, когда уже многіе все натурѣ и случаю нѣкоему начинаютъ приписывать, царствіе Божіе за вымыслъ, геенну за намалеванный огнь почитаютъ, и что всего тяжестнѣе слышать иные самое воплощеніе Сына Божія, вольное его страданіе, лютая оная мученія, крестъ и поносную смерть, ради спасенія человѣческаго воспріятую, за ненужную ставятъ и всеконечно отвергаютъ "(3).—Во 2-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ, по поводу кощунства, которое обнаруживается особенно во время веселыхъ пировъ, онъ говоритъ: „Мы хотя и не касаемся на нашихъ пирахъ сосудовъ Божіихъ (какъ это сдѣлалъ Валтасаръ во время своего пира), однакожъ напротивъ того уже не щадимъ рабовъ Божіихъ. Боже нашъ! сколько мы за однимъ столомъ людей словами нашими перекусаемъ! Да пусть уже то: часто при томъ достается у насъ и самому Богу, наипаче какъ на ту пору прилучится какой разумный человѣкъ, которой хотя нѣсколько можетъ доказывать,

(1) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ.... Москва 1760. Ч. 1, лист. 115.—(2) Тамъ же, лист. 291—294.—(3) Тамъ же, л. 412.

будто Бога нѣтъ, или смотрѣнія его въ мірѣ".—Въ 3-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ, разсуждая о вѣчныхъ мукахъ въ будущей жизни, онъ говоритъ: „Но сумнюсь я при семъ, нѣтъ ли между ними такихъ, которые, хотя Епикуровыми учениками не зовутся, однакожъ съ ними едино мудрствуя, какъ блаженной жизни святымъ, такъ и вѣчной муки грѣшникомъ, по смерти быть не чаютъ. И затѣмъ, любопытствуя, вопрошаютъ, гдѣ имѣется адъ, и какимъ образомъ въ немъ вещественный огнь невещественный духъ палить можетъ, и гдѣ столько дровъ на всегдашнее поджженіе огня того возмется? Чего ради, хотя бъ не были достойны отвѣта такія бездѣльныя въ дѣлахъ куріозности; однакожъ я, слѣдуя увѣщанію премудраго Соломона, чтобъ не похвалились таковые вопросители въ суемысліи своемъ, отвѣщать на всѣ тѣ вопросы хочу теперь порядкомъ" (¹).—Въ 1755 г. случилось страшное Лиссабонское землетрясеніе, которое поразило всѣхъ ужасомъ и вызвало множество разсужденій въ литературѣ и поученій съ церковной каѳедры. Вольтеръ написалъ дидактическую поэму „Разрушеніе Лиссабона", въ которой представилъ это событіе, какъ сильнѣйшее опроверженіе оптимизма. Французскіе энциклопедисты утверждали, что это событіе, какъ и всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой, имѣетъ источникомъ причины естественныя, а не что либо другое. Гедеонъ, по поводу землетрясенія въ Лиссабонѣ и другихъ мѣстахъ, сказалъ слово, въ которомъ доказывалъ, что вмѣстѣ съ естественными причинами такихъ событій необходимо признать волю божественнаго Промысла, допускающаго эти событія. „Пусть такъ будетъ, говорилъ онъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, ни въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура? Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли... Но гдѣ жъ будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца Небеснаго не погибаетъ (Матѳ. 10, 30; Лук. 12, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели, не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло по писанію (Исаіи 45, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и сдѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный

(¹) Тамъ же, лист. 503.

видъ на себя приняло; Онъ, говорю, то есть, Который призираетъ на землю и творитъ ю трястися, по Псаломнику (Псал. 103. 32), и Котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матө. VIII, 20), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи". Но Богъ ничего не допускаетъ безъ причины. Гдѣ же причина настоящихъ бѣдствій? „Грѣхи наши, говоритъ Гедеонъ, подали причину, чтобъ такія зла Богъ навелъ на землю", и для доказательства этого указываетъ, что грѣхи людей вызвали всеобщій потопъ при Ноѣ, грѣхи погубили Содомъ и Гоморру, за грѣхи пожрала земля Даөана и Авирона, за грѣхи іудеевъ разрушенъ былъ Іерусалимъ. Но, наказывая людей за грѣхи, Богъ хочетъ въ тоже время подобными бѣдствіями обратить ихъ на путь покаянія и указать въ этихъ бѣдствіяхъ знаменіе или предвѣстіе будущей кончины міра и послѣдняго суда.

Но съ особенною силою Гедеонъ Криновскій нападалъ на современную распущенность нравовъ. Подобно Кантемиру (сатира VII о воспитаніи), корень этой распущенности онъ находилъ въ совершенной небрежности о правильномъ воспитаніи дѣтей. „Многіе нынѣ родители, говоритъ онъ въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, не только дѣтей своихъ отъ праздности, дающей поводъ ко грѣхамъ, также и отъ непотребныхъ забавъ всякихъ не отвращаютъ, но еще и совѣтуютъ имъ то, чтобы цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. А другіе хотя и въ науки отдаютъ ихъ, да въ какія? въ такія, что стыдно въ семъ святомъ мѣстѣ и поминать о нихъ! А къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того-жъ почтенію надлежащаго искуства завесть въ нихъ отнюдъ не стараются, и не только не стараются, но еще противное сему вкореняютъ, когда не Евангеліе Христово, не законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ: не правдѣ и благочестію, но ябедамъ и обманамъ учатъ и всякихъ пороковъ въ себѣ самихъ подаютъ образъ! И чего жъ изъ такихъ ожидать дѣтей, кромѣ что волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, мсковъ невоздержныхъ, либо другихъ какихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ? Удивляемся мы, когда того ненасытнаго сребролюбца, того безмѣрнаго тщеславца, того плотиугодника великаго видимъ, а не помышляемъ, что нельзя имъ такими и не быть, понеже родители ихъ таковы были; да какіе сами были, такихъ и дѣтей учить старались" ([1]). Въ словѣ въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ, Гедеонъ, объяснивъ недѣйствительность слова Божія лѣностію и невнимательностію слушателей, говоритъ: „Какъ сѣмя, на пути поверженное, легко

(1) Тамъ же, л. 144—165.

ногами мимоходящихъ бываетъ попираемо, такъ и лѣнивый слышатель ничего столько, сколько слово Божіе, не презираетъ. Охотнѣе ему читать Аргениду или Телемака, нежели Христово Евангеліе; пріятнѣе всегда онъ слушаетъ, гдѣ о псовыхъ ловляхъ, о конныхъ заводахъ и подобныхъ вещахъ разговоръ имѣютъ, нежели гдѣ христіанскому житію наставляютъ, по подобію безумныхъ оныхъ Демосѳеновыхъ слушателей". И приведя далѣе анекдотъ о Демосѳенѣ, пристыдившемъ своихъ невнимательныхъ слушателей разсказомъ о тѣни ослиной: „какіе вы люди! о тѣни ослиной слушать желаете, а о спасеніи всея Греціи не слушаете", Гедеонъ прибавляетъ: „такимъ же, говорю я, образомъ, и лѣнивые христіане, когда комедія, хотя чрезъ цѣлую продолжается ночь, ни мало не скучаютъ; а когда проповѣдь, хотя черезъ часъ одинъ, или часа менѣе предлагается, описать нельзя какая имъ скука. Переминаютъ ногами, потираютъ руками, повертываются на всѣ стороны, другъ на друга взглядываютъ и другъ съ другомъ перешептываютъ... Пристали къ симъ лѣнивымъ и празднолюбивымъ слушателямъ и тѣ, которые будто и со вниманіемъ стоятъ во время проповѣди, но ничего болѣе притомъ, развѣ слогъ проповѣдническій примѣчаютъ; наприм. выборны ли его слова, красно ли сочиненіе, не отстаетъ ли отъ матеріи, наблюдаетъ ли риторическія правила и подобная; а не разсуждаютъ того, что пришли они не въ Демосѳенову или Ціцеронову школу, но въ Христову, гдѣ не учатъ словамъ, а дѣламъ" (1).—Въ словѣ въ недѣлю 3-ю великаго поста, обличая слушателей въ беззаботности о спасеніи души, Гедеонъ говоритъ: „Есть ли у насъ домъ, огораживаемъ, покрываемъ и всевозможными образы отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть ли хорошіе сосуды, перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть ли въ саду красныя и плодовитыя деревья, поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще сторожей приставляемъ, чтобъ не поломали птицы вѣтвей ихъ. Что много; мы и о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ, или въ садахъ, не забываемъ, чтобъ ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ, чтобъ вѣтръ не поломалъ, различныя укрѣпленія желѣзныя отвнѣ дѣлаемъ, чтобъ отъ древности вида своего онѣ не могли измѣнить, на всякой годъ ихъ починиваемъ, покрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакова на то иждивенія. А о души ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: цѣла ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, спросить никогда и на умъ не придетъ" (2).

---

(1) Тамъ же, л. 465—467.
(2) Тамъ же, л. 134.

Такой нравоописательный характеръ имѣетъ большая часть проповѣдей Гедеона Криновскаго. Въ этомъ отношеніи его проповѣди весьма сходны съ произведеніями тогдашней нравоописательной дидактической литературы. Объясняя заповѣди Божіи, Гедеонъ не столько учитъ тому, какъ ту или другую заповѣдь можно исполнить на дѣлѣ всякому христіанину въ той обстановкѣ жизни, въ какой онъ поставленъ, сколько изображаетъ отступленія отъ этой заповѣди въ современной жизни, рисуетъ картины современныхъ нравовъ, разныхъ недостатковъ и пороковъ. Отсюда его проповѣди, какъ и проповѣди нѣкоторыхъ другихъ современныхъ проповѣдниковъ, часто получаютъ сатирическое направленіе и, изображая типы разныхъ порочныхъ людей, напоминаютъ собою нравоописательныя сатиры Кантемира и Сумарокова. Такъ, въ словѣ въ недѣлю 15-ю по Пятидесятницѣ, представляя, какъ въ современномъ обществѣ исполняется заповѣдь о любви къ ближнимъ, онъ рисуетъ типы современныхъ любителей ближнихъ: „Многіе суть, которые на словахъ золотыя своему ближнему обѣщаютъ горы, а на дѣлѣ и глиняныхъ не даютъ. Когда попроситъ ихъ кто о чемъ, тотчасъ отвѣтствуютъ: слуга вамъ, слуга покорный, числяйте меня за работника вашего; вещію же самою никакой никому милости не дѣлаютъ.... Есть еще другой въ мірѣ родъ любителей, называемыхъ лицемѣровъ. У нихъ обычай такой: на всякъ день другъ друга посѣщаютъ, а посѣщая ничего болѣе не дѣлаютъ, только, чтобъ поимать кого въ чемъ, проискиваютъ. Когда съ тобою говорятъ, кажутся всѣ твои, когда отъидутъ отъ тебя, съ минуту спустя, явятся во всѣмъ враги: устнами чтутъ, сердцами кленутъ, наявѣ лобызаютъ, а отай продаютъ. Нельзя отнюдь тутъ бѣдному человѣку разсмотрѣть, его ли кто, или отъ супостатъ его? Полипы тутъ да хамелеоны, во всѣ виды премѣняющіися.... Есть еще третій родъ любителей, называемый ласкательный. Они правда, что всякія услуги и вѣрности показываютъ человѣку, но по то только время, покамѣстъ ему счастіе служитъ, и надѣются нѣчто себѣ отъ его исполненія почерпнуть.... Они съ другими поступаютъ, какъ мы съ мѣшками. Покамѣстъ мѣшокъ денегъ полонъ, любимъ и хранимъ мы его; когда же истощаваются деньги, то и мѣшокъ намъ бываетъ непріятенъ“ (¹).— Такой нравоописательный характеръ сообщаетъ проповѣдямъ Гедеона особенную простоту, естественность и наглядность, такъ что онѣ, по справедливому замѣчанію митр. Евгенія, „всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ“. Надобно замѣтить, впрочемъ, что, гоняясь за простотою

(¹) Тамъ же, л. 417—418.

и наглядностію изображеній, Гедеонъ впадаетъ часто въ вульгарность, рисуетъ такія смѣшныя или тривіальныя картины, которыя неумѣстны на церковной каѳедрѣ и не согласны съ высокимъ ея предметомъ и серьезнымъ тономъ, ей свойственнымъ. Такъ напр., приведя въ словѣ въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ изреченіе Спасителя: царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ è (Матѳ. II. 12), онъ говоритъ: „Ахъ се уже непріятно намъ; се уже очень не по нраву нашему! Мы думали, что къ такому прекрасному граду пространный лежитъ путь, чтобы и цугомъ проѣхать можно было; анъ, вопреки, тѣсенъ. Мы думали, что цвѣтами и мягкою травою онъ поросъ, чтобъ иногда, караваномъ сѣдше, водочкою или другимъ чѣмъ подвеселиться могли; анъ прискорбенъ есть. Мы думали, что врата у царствія небеснаго широкія и высокія; анъ, столько ко вхожденію недовольныя, что нуждою продираются въ него: нуждницы восхищаютъ его. И затѣмъ самъ паки Христосъ иглинымъ на другомъ мѣстѣ уподобляетъ ушамъ.... Сицевой убо ради трудности пути, слышатели, многіе изъ насъ, уже перемѣнивъ прежнее намѣреніе, мыслятъ прочее оставить Христа и покушаются идти въ слѣдъ діавола, который пространнымъ и всякихъ роскошей исполненнымъ ведетъ всякаго до ада путемъ.... Правда, путь его сей столько широкъ, что берлиномъ, или коляской захочетъ кто поѣхать, удобно по немъ проѣдетъ. Симъ путемъ проѣхалъ Маркъ Аврелій, на слоновой колесницѣ сѣдящъ; симъ путемъ Антоній пролетѣлъ, еленями везомъ, симъ путемъ и Сосестръ египетскій, запрягши четырехъ побѣжденныхъ царей подъ коляску, торжественный свой изволилъ отправлять маршъ“ (1).— Въ другомъ словѣ (5-мъ въ недѣлю великаго поста), разсуждая о судѣ Пилата, осудившаго Спасителя, Гедеонъ говоритъ: „Но Пилатъ, вижу, и отъ своихъ язычниковъ правдою далеко отсталъ. Однако не тужи, Пилатъ! найдутся тебѣ товарищи, когда не язычники, то христіане, которые, ревнуя твоему суду, почитать станутъ свою пользу паче правды, паче закона Божія и паче самого Христа.... Они, какъ предатели удовъ Христовыхъ, въ твое жъ несумнѣнно притти имѣютъ мѣсто. А тамъ, какъ вамъ уже угодно будетъ, послѣднюю вашу корысть, огнь геенскій, между собою раздѣлять станете“ (2). Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пятидесятницѣ, разсказавъ анекдотъ объ Александрѣ В., который, обходя ряды своего войска и увидѣвъ воина, который назывался его именемъ, но былъ лѣнивъ и небреженъ въ службѣ, сказалъ ему, чтобъ онъ или имя измѣнилъ, или самъ измѣ-

(1) Тамъ же, л. 302; 305—(2) Тамъ же, л. 159.

нился, говоритъ: „Что. когда бы и Христосъ, небесный нашъ царь, восхотѣлъ насъ, воиновъ своихъ, при крещеніи въ гвардію его записавшихся, чувствительно экзаменовать, и увидѣлъ бы многихъ, которые отъ имени его Христіане зовутся, а путемъ его, показаннымъ въ Евангеліи, отнюдь не ходятъ: не такой ли же бы репремантъ отъ него всякому таковому былъ? По истинѣ бы сказалъ ему Христосъ: или имя, беззаконникъ, отложи, или нравы, а не порочь добраго моего имени злымъ житіемъ твоимъ" (1). Другой недостатокъ, въ которомъ, какъ выше замѣчено, упрекали Гедеона критики, составляетъ постоянное употребленіе примѣровъ изъ исторіи, преимущественно греческой и римской, разныхъ историческихъ анекдотовъ, басней, апологовъ и притчей. Они встрѣчаются у него постоянно, въ каждомъ Словѣ, почти на каждой страницѣ. Блага міра, по словамъ Гедеона, діаволъ прикрашиваетъ также искусно и привлекательно, какъ искусно Зевксисъ нарисовалъ виноградную вѣтвь, которую птицы принимали за настоящую, природную вѣтвь. Вредъ, происходящій отъ человѣческаго злословія, онъ сравниваетъ съ пожаромъ Герострата, отъ котораго сгорѣлъ храмъ Діаны въ Ефесѣ. Доказывая, что врага всего легче примирить любовію и милостію, онъ приводитъ древній апологъ о вѣтрѣ и солнцѣ. Обличая тѣхъ, которые, будучи недовольны своимъ состояніемъ, гоняются за большими, иногда мнимыми благами, онъ говоритъ, что такіе люди „не лучше Езопова пса, который, какъ идучи по водѣ, несъ нѣкоторую снѣдную часть и увидавъ тѣнь ея на верху воды, то бросилъ истинную часть и ухватился за мнимую, которую чаялъ большую быть паче тоя". Говоря о томъ, что молитва нечестиваго человѣка можетъ быть оскорбительна и непріятна для Бога, онъ разсказываетъ анекдотъ о греческомъ философѣ Віасѣ, который, когда всѣ находившіеся на кораблѣ, во время бури на морѣ, начали призывать боговъ на помощь, закричалъ: „молчите, молчите, да не како услышатъ боги, что вы беззаконники здѣсь плаваете, и погрузятъ корабль нашъ" (2). Доказывая, что слава и счастіе міра кратковременны, онъ обращается къ слушателямъ съ такими вопросами: „Гдѣ теперь пространнымъ путемъ шествовавшіи: гдѣ Александръ, вселенныя побѣдитель? гдѣ Сціпіонъ, страхъ африканскій? гдѣ Навуходоносоръ, древо сѣннолиственное, коренія своя во всю землю распростершее? гдѣ Крезъ, богатствомъ равнаго себѣ во свѣтѣ не чаявый?" (3). Очень часто, рядомъ съ словами Свящ. Писанія, ставится изреченіе греческаго философа или какого нибудь миѳическаго и леген-

(1) Тамъ же, л. 317.—(2) Тамъ же, л. 166.—(3) Тамъ же, л. 306.

дарнаго героя древности; рядомъ съ библейскимъ событіемъ, какой нибудь анекдотъ или разсказъ изъ миѳологіи или какой нибудь басни. „Идти по Христѣ, говоритъ онъ въ одномъ словѣ, есть жить по образу житія его. Ибо какъ нѣкоторый философъ, отходя отъ міра сего, вопрошающимъ другомъ: что имъ въ поминокъ онъ оставляетъ? отвѣчалъ: образъ житія моего; такъ и Христосъ, возносяся отъ насъ на небо, такъ сказалъ: образъ дахъ вамъ, да, яко же азъ сотворихъ, и вы творите. (Іоанн. 13, 15)“ (1). Въ языкѣ Гедеона точно также часто попадаются выраженія, взятыя изъ области, чуждой духовной жизни, и не совсѣмъ свойственныя церковной каѳедрѣ. Пророка Моисея онъ называетъ „преисполненнымъ вѣры генераломъ“, христіанъ „воинами царя небеснаго, при крещеніи записанными въ его гвардію“; день послѣдняго страшнаго суда „генеральнымъ для всѣхъ человѣкъ экзаменомъ“; приговоръ Спасителя осужденнымъ на мученія грѣшникамъ называетъ „сентенціей“: „сентенція оная у судіи праведнаго приуготована на тѣхъ, которые алчныхъ не кормятъ, нагихъ не одѣваютъ“.... Для изгнанія укоренившагося въ человѣкѣ грѣха нужна „экстраординарная благодать“ и т. п. Все это, конечно, сообщало проповѣди больше разнообразія и занимательности, но въ тоже время лишало ее свойственной ей важности и серьезности, отвлекало вниманіе слушателей отъ высокихъ предметовъ проповѣди къ мелкимъ анекдотическимъ подробностямъ и вмѣсто назиданія доставляло пріятное, но безплодное для духовной жизни развлеченіе. Такое направленіе въ проповѣди Гедеона митр. Евгеній, какъ замѣчено выше, объяснялъ тѣмъ, что Гедеонъ подражалъ проповѣдямъ греческаго проповѣдника, Иліи Минятія; но это направленіе было общимъ и господствующимъ во всей католической проповѣди на западѣ, откуда оно перешло чрезъ польскихъ проповѣдниковъ и къ намъ, сначала на югозападную Русь, а потомъ вмѣстѣ съ югозападными учеными и проповѣдниками и въ Москву и вообще въ Россію. На западѣ же это направленіе образовалось подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда классическаго направленія во всей наукѣ и литературѣ и въ частности подъ вліяніемъ классической теоріи литературы, основнымъ положеніемъ которой, какъ мы указали выше, было—„учить или наставлять, забавляя“. Omne tulit punctum, говорилъ Горацій, qui miscuit utile dulci, lectorem delectando, pariterque monendo (2).

---

(1) Тамъ же, л. 302.

(2) Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ въ царствованіе Елисаветы было много другихъ, каковы: Арсеній Могилянскій, архимандритъ Троицкой лавры, бывшій потомъ кіевскимъ митрополитомъ (ум. 1770 г.); Платонъ Ма-

Разныя богословскія сочиненія, оригинальныя и переводныя. Послѣ проповѣдей, между всѣми замѣчательными трудами духовныхъ ученыхъ этого времени прежде всего должно быть упомянуто изданіе такъ называемой Елисаветинской Библіи (1759 г.). Исправленіе этой Библіи было начато еще при Петрѣ В. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, и потомъ продолжалось разными лицами и между прочимъ Варлаамомъ Лащевскимъ и іером. Іаковомъ Блонницкимъ. Въ исторіи литературы Елисаветинская Библія имѣетъ особенное значеніе потому, что она, какъ замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, „представляетъ послѣднюю редакцію славянскаго перевода библейскихъ книгъ, въ которой церковно-славянскій языкъ является въ самомъ позднемъ его періодѣ, когда всего ярче обозначилось вліяніе на него языка русскаго. Взаимнымъ отношеніемъ двухъ началъ—славянскаго и русскаго опредѣляется характеръ книжнаго русскаго языка, и потому внимательное изученіе славянскаго перевода Библіи было бы весьма хорошею школою для знакомства со многими особенностями языка и слога, общепринятаго тогда въ нашей литературѣ“ (¹). Въ 1744 г. было сдѣлано новое изданіе „Камня вѣры“ Яворскаго; вскорѣ потомъ было издано опроверженіе упомянутаго „Молотка на Камень вѣры“, написаннаго Арсеніемъ Мацѣевичемъ. Въ 1756—57 г. были пересмотрѣны, исправлены и потомъ изданы Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1759 г. было сдѣлано исправленное изданіе „Печерскаго Патерика“. Адамъ Селлій написалъ сочиненіе о церковной россійской іерархіи въ 5 книгахъ, которое впослѣдствіи вошло частію въ мѣсяцесловъ Рубана на 1776 г., въ статью о кіевскихъ митрополитахъ, а главнымъ образомъ въ „Исторію россійской іерархіи“ Амвросія. Смоленскій епископъ, Гедеонъ Вишневскій (ум. 1761 г.) сочинилъ „историческое описаніе города Смоленска“. Андрей Богдановъ (ум. 1752 г.) составилъ симфонію на посланія апостоловъ и Апокалипсисъ. Ректоръ Кіевской академіи, Манассія Максимовичъ написалъ трактатъ на латинскомъ языкѣ „О различіи между греческой и латинской церковью“, изданный въ Бреславлѣ въ 1754 г.

линовскій, архіепископъ московскій (ум. 1754 г.); Арсеній Мацѣевичъ, митр. ростовскій и ярославскій (ум. 1772 г.); придворный проповѣдникъ, діаконъ Стефанъ Савицкій, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ краснорѣчіи; священникъ Евстафій Могилянскій; священникъ Михаилъ Красильниковъ; Симонъ Тодорскій, бывшій потомъ епископомъ псковскимъ (1754 г.) Кириллъ Лящевецкій, въ послѣдствіи епископъ воронежскій и черниговскій (ум. 1770 г.).—Проповѣди этихъ проповѣдниковъ указаны въ Обзорѣ русск. дух. лит Филарета кн. 2 и въ статьѣ Н. А. Попова: Придворные проповѣдники въ царствованіе Елисаветы Петровны.

(¹) Истор. росс. Академіи, Вып. I, стр. 58.

Путешествіе Василія Григоровича Барскаго. Въ древнемъ періодѣ, при религіозномъ направленіи русской жизни, очень видное въ литературѣ мѣсто занимали путешествія по святымъ мѣстамъ. Въ новомъ періодѣ, какъ мы видѣли, стали появляться описанія путешествій по Европѣ съ политическими, учеными и промышленными цѣлями. Впрочемъ, въ первой половинѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ и два путешествія по святымъ мѣстамъ: „Путешествіе въ Іерусалимъ и Царь-градъ" московскаго священника покровской церкви, Іоанна Лукьянова (въ 1711 г.) (¹) и „Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ" Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Альбова (²). Изъ нихъ особенно замѣчательно путешествіе Григоровича-Барскаго. Василій Григоровичъ (род. 1702, ум. 1747 г.) былъ кіевлянинъ; Барскимъ онъ называется потому, что предки его происходили изъ Волынскаго города Бара, Плакою (по гречески) и Альбовымъ (по латынѣ) отъ фамиліи Бѣляевъ. Онъ учился сначала въ кіевской, а потомъ въ львовской академіи. Изъ Львова онъ въ 1724 г. отправился въ путешествіе по святымъ мѣстамъ и провелъ въ этомъ путешествіи 24 года. Прежде всего онъ посѣтилъ Италію, былъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи и Венеціи. Отсюда отправился въ Грецію, Палестину, Египетъ. Два раза ходилъ въ Іерусалимъ, на Синай и на Аѳонскую гору. Въ 1734 г. былъ въ Дамаскѣ и здѣсь антіохійскимъ патріархомъ, Сильвестромъ, былъ постриженъ въ монашество. Шесть лѣтъ прожилъ на островѣ Патмосѣ, посѣтилъ знатнѣйшія греческія области—Эпиръ, Критъ и Ливадію; два раза былъ въ Царьградѣ, откуда возвратился въ Кіевъ въ 1747 г. и въ этомъ же году скончался. Записки Григоровича, заключающія подробное описаніе этого путешествія, были изданы въ первый разъ Рубаномъ въ 1778 г. на средства князя Потемкина. „Тридцать лѣтъ уже прошло, сказано въ предисловіи къ этому ихъ изданію, какъ сію книгу, двадцать четыре года пѣше-

(¹) Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

(²) Пѣшехода Василія Григоровича—Барскаго—Плаки—Альбова, уроженца кіевскаго «монаха антіохійскаго путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніе его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина изданное подъ смотрѣніемъ В. Г. Рубана, Спб. 1778 г. Обзоръ жизни и путешествій Барскаго — въ изслѣдованіи Гиляревскаго: Русскій паломникъ Барскій. Русск. Архивъ 1881; кн. 1.—Странствованіе Василія Григоровича—Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока. Спб. 1884 г. Изданіе Палестинскаго Общества, по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. Барсукова.

ходнаго путешествія содержащую, по кончинѣ сочинителя ея, съ превеликою жадностію списывають всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали, благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній за великія деньги доставали оную". Къ особеннымъ достоинствамъ путешествія Григоровича издатель относитъ то, что оно „написано россіяниномъ, безъ всякаго пристрастія, такъ, что онъ и собственныя свои слабости безъ закрытія вездѣ открываетъ и добродѣтели чужестранцевъ хвалитъ, безъ малѣйшія зависти, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ не помрачаетъ своей повѣсти, и изъявляетъ образъ гостепріимства, по всѣмъ землямъ, пройденнымъ отъ него въ видѣ убогаго странника, съ подробнымъ собственныхъ приключеній и видѣнныхъ имъ вещей описаніемъ". Дѣйствительно, Записки Григоровича отличаются точностію въ описаніяхъ, безпристрастіемъ въ сужденіяхъ, занимательностію въ изложеніи и повсюду проникнуты искреннимъ благочестивымъ чувствомъ. Григоровичъ былъ глубоко-религіозный и вполнѣ православный человѣкъ и въ тоже время великій патріотъ; но ни православіе, ни патріотизмъ не препятствовали ему внимательно и безпристрастно разсматривать и описывать все, что встрѣчалось ему важнаго и интереснаго въ разныхъ странахъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Его Записки наполнены самыми разнообразными свѣдѣніями по географіи, исторіи и археологіи. Особенно чрезвычайно подробно и обстоятельно описана въ нихъ Аѳонская гора, гдѣ Григоровичъ былъ два раза, тщательно изучилъ жизнь аѳонскихъ монастырей, осмотрѣлъ ихъ библіотеки, перечиталъ большую часть находящихся въ нихъ книгъ и рукописей. Очень понятно, что въ Запискахъ Григоровича находили интересъ и лица духовныя, для которыхъ было дорого состояніе христіанскаго просвѣщенія и православной вѣры на Востокѣ, и лица государственныя, которыя особенно были заняты восточнымъ вопросомъ, сдѣлавшимся со временъ Петра В. основнымъ въ русской политикѣ. Неудивительно поэтому, что Потемкинъ, увлекавшійся этимъ вопросомъ до страсти, первый обратилъ вниманіе на Записки и побудилъ Рубана издать ихъ. Григоровичъ въ нихъ съ искреннимъ сочувствіемъ относится къ бѣдствіямъ восточныхъ христіанъ и яркими красками изображаетъ ихъ страданія подъ игомъ мусульманъ. Наконецъ, въ нихъ находили и до сихъ поръ находятъ для себя обильную пищу и всѣ любители благочестиваго и назидательнаго чтенія.

Бѣдность оригинальныхъ сочиненій въ духовной литературѣ восполнялась нѣсколько переводами. Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывшій архіепископъ московскій (1768—1771) перевелъ: Посланія Игнатія Богоносца. М. 1772; Огласительныя поученія Кирилла Іерусалимскаго. М. 1772; Изложеніе вѣры, или Богословіе Іоанна Дамаскина. М. 1765 г. Іеромонахъ Іаковъ Блонницкій. учитель греческаго языка въ Московской академіи (ум. 1771 г.) перевелъ: сочиненія Діонисія Ареопагита о небесной и церковной іерархіи; книгу Златоуста о священствѣ; Енхиридіонъ Епиктета и составилъ греческую и славянскую грамматику и два лексикона: еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій (они остались неизданными). Симономъ Тодорскимъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, была переведена съ нѣмецкаго языка извѣстная книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ"; но при Елисаветѣ она подверглась запрещенію. Переводчикъ и оберъ-секретарь синода, С. И. Писаревъ (ум. 1773 г.) перевелъ: Бесѣды Златоуста на Псалмы. М. 1773 и книгу о священствѣ. Спб. 1775; О воспитаніи дѣтей Плутарха. Спб. 1771; Поученія Иліи Минятія въ 3 ч. Спб. 1765, и его же Камень соблазна. М. 1783 г. Впрочемъ, Камень соблазна еще прежде былъ переведенъ Козицкимъ и Мотонисомъ и напечатанъ въ Бреславлѣ въ 1752 г. Это сочиненіе имѣло очень важное значеніе. Въ греческой богословской литературѣ оно было тѣмъ же, чѣмъ въ русской Камень вѣры Яворскаго. Въ Камнѣ соблазна были подробно изложены главныя различія между восточною церковью и западною и выяснены причины ихъ раздѣленія.

Духовныя драматическія піесы. Выше замѣчено, что въ духовныхъ училищахъ еще продолжался обычай писать силлабическія стихотворенія и представлять разнаго рода духовныя драмы. Особенно это надобно сказать о Кіевской академіи, гдѣ подобныя произведенія являлись довольно часто въ формѣ трагедокомедій и интерлюдій, которыя къ нимъ присоединялись (¹). Образцомъ для трагедокомедій служила трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ", а для интерлюдій—два его діалога: „Разглагольствіе тектона, си есть древодѣла съ купцемъ" и „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ, или дьячкомъ церковнымъ". По времени, въ которое представлялись эти піесы, онѣ назывались рождественскими, пасхальными и рекреаціонными. Какъ и прежде, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставля-

(¹) Смотр. изслѣдованіе Н. И. Петрова: Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Труды Кіевской академіи 1879; апрѣль, іюнь, октябрь; 1880 г. іюнь.

лись въ нихъ шуточныя сцены изъ современной дѣйствительной жизни, и иногда дѣлались указанія политическаго характера. Написаны всѣ эти піесы силлабическими стихами. Къ царствованію Петра II и Анны Іоанновны относятся піесы: „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая... репрезентованная въ школахъ кіевскихъ 1728 лѣта" (¹); трагедо-комедія съ такимъ же названіемъ „Милость Божія" учителя піитики кіевской академіи іеромонаха Сильвестра Ляскоронскаго (1729); двѣ піесы также учителя піитики іером. Митрофана Довгалевскаго: „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово" съ пятью интерлюдіями (1736 г.) и пасхальная піеса: „Властотворный образъ человѣколюбія Божія" (1737 г.); „Брань честнихъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертними" іером. Іоасафа Горленка и „Образъ страстей міра сего" (1739 г.).

Трагедокомедія Ляскоронскаго „Милость Божія" (²) состоитъ изъ трехъ дѣйствій: въ первомъ излагается исторія искушенія человѣка въ раю, паденія и изгнанія его оттуда; во второмъ выведены пророки Моисей и Іона, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ представлены страданія, смерть, погребеніе и воскресеніе Спасителя и освобожденіе человѣческаго рода. Можно думать, что піеса была написана въ день тезоименитства Петра II (29 іюня 1729 года) и, какъ показываютъ нѣкоторые стихи въ 8-мъ явленіи 3-го дѣйствія, имѣла въ виду прославить Петра и Верховный Совѣтъ.— „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово" Довгалевскаго (³) состоитъ изъ пролога, въ которомъ выведенъ Валаамъ, предсказывающій о пришествіи Спасителя, и 5-ти явленій, въ которыхъ изображаются: поклоненіе родившемуся Спасителю восточныхъ царей, внуковъ Валаама, гнѣвъ и страхъ Ирода и его повелѣніе избить дѣтей въ Виѳлеемѣ, человѣколюбіе Божіе, возвѣщающее о спасеніи рода человѣческаго. Вся піеса заключается пѣніемъ ангеловъ, поющихъ благодарственный кантъ. Къ пяти явленіямъ присоединены пять интерлюдій, въ которыхъ выведены на сцену поляки, мужики, литвины, цыгане, козаки, москали, жиды и проч. Каждый изъ нихъ говоритъ своимъ нарѣчіемъ и на разные лады коверкаетъ русскія слова, въ чемъ, главнымъ образомъ, и заключается комизмъ этихъ сценъ.—Пасхальная трагедокомедія „Властотворный образъ человѣколюбія Божія" (⁴) раздѣляется на

(¹) Напечатана въ Чтен. Общ. ист. и древн. 1858 г. кн. 1.
(²) Издана въ Трудахъ Кіевск. академіи 1877 г.; сентябрь.
(³) Смотр. Труды Кіевской академіи 1865 г.; февраль.
(⁴) Тамъ же, 1866 г.; ноябрь.

пять явленій или дѣйствій, къ которымъ присоединено столько же комическихъ интерлюдій. Въ первомъ дѣйствіи Совѣтъ Божій, Правосудіе и Милость Божія намѣреваются сотворить человѣка; во второмъ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но прелесть склонила его нарушить эту заповѣдь: въ третьемъ—Правосудіе Божіе отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ смерти и діаволу"; въ четвертомъ—торжество діавола и смерти надъ родомъ человѣческимъ; въ пятомъ—Милость Божія выводитъ человѣка изъ ада и возвращаетъ его къ первобытной свободѣ.—Въ аллегорической піесѣ „Брань честнихъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертними" представляется, какъ человѣкъ, уязвленный грѣхами, призвалъ на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и благочестіе, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами—гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжорствомъ, гнѣвомъ и лѣностью.

Къ царствованію импер. Елисаветы относятся: Трагедокомедія учителя піитики Варлаама Лащевскаго „О награжденіи... дѣлъ... въ будущей жизни вѣчной" (1742 г.); „Панегирикъ импер. Елисаветѣ", „Благоутробіе Марка Аврелія" префекта Кіевской академіи Михаила Козачинскаго и „Діалогъ двухъ студентовъ предъ Елисаветою, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 г.; трагедокомедія Григорія Савича Сковороды; трагедокомедія „Воскресеніе мертвыхъ" Георгія Конисскаго (1746) и трагедокомедія „Фотій" Георгія Щербацкаго (1749 г.). Въ трагедокомедіи Лащевскаго „О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни" [1] съ одной стороны доказывается безсмертіе человѣка и необходимость возмездія за дѣла въ будущей жизни, а съ другой—обличается распущенность современныхъ нравовъ, подобно тому, какъ это мы видѣли въ проповѣдяхъ Димитрія Сѣченова и Гедеона Криновскаго. Въ первомъ явленіи Церковь, жалуясь на испытанныя ею прежде бѣдствія, говоритъ:

«Слава Спасу моему, яко въ щитъ мя нынѣ
Благовѣрной россійской вручи монархинѣ!
И отецъ ея, Петръ, бысть въ щитъ мнѣ непостидній,
И внукъ его тожъ будетъ по ней Петръ наслѣдній.
Оби за благовѣрной токмо ихъ державы
Въ благочестіи обще всѣ пожили правѣ.
Но то бѣда, что нынѣ множайшіи бывше
Отъ числа христіановъ мене оставивше:

[1] Напечатана въ Лѣтоп. русск. литературы и древн. 1859; том. I отд. III, стр. 7—16.

Овъ на куплю, овъ въ село, овъ же за женою—
Вси пошли въ слѣдъ міра, вси за суетою!
Иныхъ въ слѣдъ себѣ злато, иныхъ водятъ сласти,
Иныхъ неутолимо желаніе власти,
Иныхъ ума своего мнѣніе высоко,
Иныхъ гордость и лѣность и лукаво око».

Въ 1744 г. импер. Елисавета была въ Кіевѣ для поклоненія кіевскимъ святынямъ. По этому случаю префектъ Кіевской академіи, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій сочинилъ панегирикъ и піесу „Благоутробіе Марка Аврелія", а студенты произнесли предъ императрицей діалогъ. Въ панегирикѣ силлабическими стихами описывается тяжелое состояніе Россіи послѣ Петра В. и благоденствіе по восшествіи на престолъ Елисаветы. Въ піесѣ „Благоутробіе Марка Аврелія" въ прологѣ представленъ споръ Гнѣва съ Благоутробіемъ, гдѣ олицетворяются также прежнія тяжелыя времена Россіи. Благоутробіе одолѣваетъ; являются пять добродѣтелей ея величества: „Милость и Истина срѣтаются", потомъ „Правда и Миръ облобызаются", наконецъ Мужество приходитъ и обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью, которой изображается восшествіе на престолъ Елисаветы и характеръ ея царствованія:

«Почто аки смятени? Что вси суть унылы,
Аки бы потеряли чувства и вся силы?
Милость ускаржается, истина рыдаетъ,
Будьто ихъ съ предѣлъ россиихъ неправда згоняетъ,
Правда такожде скорбитъ, а миръ печалуетъ,
Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,
Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ
Имѣетъ Елисаветъ. О россійска Мати!
Кій языкъ, кое слово сильно показати,
Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
И во всемъ подобишся первому Петровѣ.
Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тоже твориши.
Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый.
Въ сердцы Богъ почиваетъ въ милости богатый:
Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
Елисаветъ страхъ творитъ и надъ агаряни».

Затѣмъ слѣдуютъ три дѣйствія, представляющія исторію Марка Аврелія, въ примѣненіи ея къ импер. Елисаветѣ.

«Во правду Аврелій толь монархъ былъ велій,
Что равна нѣту на цѣломъ свѣту.

Только ему точна едина восточна
Імператріца, росска денница,
Ей неложно.
Елисаветъ мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты,
Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна,
Всѣмъ своя щедроты
Обильно являетъ.
Былъ Риму даръ велій Тітусъ и Аврелій,
Августъ въ покою, Тіверіушъ въ бою
И до днесь славятся; но съ ними сравняться
Можетъ Елисаветъ, златъ Россіи свѣтъ,
Безпримѣрно».

Тѣ же самыя мысли выражены и въ діалогѣ, произнесенномъ студентами предъ императрицей, на торжественномъ актѣ академіи, на которомъ она присутствовала.

Георгій Кониссшй въ трагедокомедіи „Воскресеніе мертвыхъ" порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе мертвыхъ, называя ихъ „стократъ безумными" и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, силой и неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и не думающихъ о судѣ Божіемъ. Въ прологѣ къ піесѣ сказано:

«Многимъ до злыхъ дѣлъ тое подаетъ причину,
Что не хотятъ помишлять на свою кончину
Паче же, что по смерти имущи согнити
Сумнятся, какъ то можетъ гной на судъ ожити.
А комѣковъ свойственна должность сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.
Тѣмъ въ предлежащемъ дѣлѣ хочемъ изъявити
Воскресеніе мертвыхъ, имѣющее быти
Всѣмъ убо безъизъятно, однакъ не всѣмъ (равно):
Единымъ погибельно, а другымъ преславно».

Самая піеса начинается тѣмъ, что земледѣлецъ, возвращаясь съ поля, куда онъ ходилъ смотрѣть, какъ взошла засѣянная имъ нива, встрѣчается съ священникомъ, и припомнивъ его поученіе въ церкви, говоритъ:

«Слово твое я спомнѣлъ, ходя коло нивы:
Что, якъ зерно согнивши, и ми встанемъ живи.
Но скажи, честній отче, что послѣжди буде,
Чи, якъ единъ человѣкъ, встанутъ такъ вси люде?»

Священникъ ему отвѣчаетъ, что всѣ несомнѣнно воскреснутъ въ будущей жизни, но участь воскресшихъ будетъ не одинакова:

«Здѣ въ мірѣ всяко живутъ и вмираютъ всяко.
И на судъ убо Божій встанутъ неоднако.
Иній здѣ, какъ Богъ велѣлъ, животъ свой проводитъ.
Другій противно тому въ слѣдъ похотей бродитъ.
. . . .
Людіе, живущіи въ семъ свѣтѣ сугубо,
Сугубо и встать имутъ на судъ тотъ всемірній—
Инъ какъ птица, инъ какъ плевелъ бездѣльній».

Потомъ, въ пяти дѣйствіяхъ, изображается участь добрыхъ людей въ будущей жизни въ лицѣ Гипомена, и участь злыхъ притѣснителей — въ лицѣ Діоктита. Въ эпилогѣ піесы о нихъ сказано:

«Два лица жива по смерти въ дѣйствіи явленны,
По примѣру тому весь міръ будетъ оживленній.
Единъ Діоктитъ злобній принялъ муки люты,
Но, примѣромъ тѣмъ, всѣмъ злимъ мукъ не избѣгнути.
Единъ Гипоменъ дойшолъ блаженнія славы,
Но, примѣромъ тѣмъ, дойдутъ блаженства вси правы».

Къ пяти дѣйствіямъ трагедокомедіи присоединено пять комическихъ интерлюдій, написанныхъ или самимъ Конисскимъ, или извѣстнымъ въ то время стихотворцемъ Танскимъ (¹).

Въ трагедокомедіи Георгія Щербацкаго „Фотій“ изображено отступленіе западной церкви отъ восточной (²). При постоянной борьбѣ православныхъ съ католиками и уніатами, этотъ предметъ на югѣ Россіи былъ самымъ близкимъ и можно сказать національнымъ предметомъ, и потому піеса принята была, конечно, съ полнымъ сочувствіемъ. Особенный интересъ въ зрителяхъ должно было возбуждать пятое ея дѣйствіе, въ которомъ патріархъ Фотій говоритъ, что на мѣсто отпадшихъ отъ церкви римлянъ „Богъ изыщетъ люди“, и указываетъ на первопрестольный городъ русской земли, Кіевъ:

«Повѣствуютъ, что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ, той славенъ вещію такою
Быть чтемъ: Апостолъ святый Андрей возвѣщая
Тамо евангеліе, и духомъ предзная

(¹) Трагедокомедія напечатана въ Лѣтоп. русск. литер. и древн. том. 3; отд. III, стр. 39—58; а интерлюдіи—въ Древней и Новой Россіи 1878 г.; ноябрь.
(²) Напечатана въ Трудахъ Кіевск. академія 1877; декабрь.

Будущая, верхъ холма коегось большаго
Водрузылъ знаменіе Христа всесвятаго
Крестъ съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ сими горами
Божія. Ктоже вѣсть? може, тотъ награду
Вмѣсто рымлянъ готуетъ Богъ своему стаду».

При этихъ словахъ, является „Предувидѣніе Божіе“ и говоритъ:

«Угадалъ ты, Фотіе! тамо Богъ избранны
Готуетъ себѣ люди; тамъ жатвы пространны
Благочестію будутъ; тамъ отъ Михаила
Владиміръ крещается и его всецѣла
Фамилія и Русь вся».

И затѣмъ послѣ Владиміра перечисляются князья, цари и императоры русскіе до импер. Елисаветы и нѣкоторые знаменитые пастыри русской церкви. О Елисаветѣ сказано:

«Таже правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однымъ естествомъ жена, а мужъ въ словѣ, въ дѣлѣ,
Одна что Ромулъ въ брани, Нума въ мирѣ были».

Такимъ образомъ, и въ драматическихъ піесахъ Елисаветинской эпохи мы встрѣчаемъ такія же постоянныя похвалы Елисаветѣ, какими наполнены торжественныя оды поэтовъ и проповѣди проповѣдниковъ.

Духовныя драмы представлялись не только въ Кіевѣ, но распространены были воспитанниками кіевской академіи повсюду, гдѣ только имъ приводилось служить въ епархіяхъ и семинаріяхъ, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Щукинъ, разсказывая о вертепѣ въ Иркутскѣ въ прошломъ столѣтіи, замѣчаетъ: „Безошибочно можно полагать, что онъ занесенъ изъ Малороссіи. Первые иркутскіе архіереи были малороссіяне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и вѣроятно они первые завезли вертепъ въ Иркутскъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, а отъ нихъ перешелъ вертепъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой-нибудь мѣщанинъ нанималъ въ большомъ домѣ, среди города, квартиру, сооружалъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ зрителей по пяти, по десяти копѣекъ за входъ; надъ воротами дома горѣлъ фонарь. Иногда послѣ вертепа разыгрывалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или поль-

скаго быта" ([1]). Введеніе театральныхъ школьныхъ представленій въ Тобольскѣ приписывается митр. Филоѳею Лещинскому (1704—1727), воспитаннику кіевской академіи. Въ рукописной сибирской лѣтописи сохранилось о немъ такое свидѣтельство: „Филоѳей былъ охотникъ до театральныхъ представленій; славныя и богатыя комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собиратца, тогда онъ, владыка, въ соборные колокола на сборъ благовѣстъ производилъ; а театры были между соборною и сергіевскою церквами, къ взвозу, куда народъ собирался". Приводя это свидѣтельство, Сулоцкій, въ своей статьѣ о старомъ тобольскомъ театрѣ, замѣчаетъ: „Посѣянное митр. Филоѳеемъ не заглохло... При преемникѣ его, воспитанникѣ, какъ и онъ, кіевской академіи, митр. Антоніи Стаховскомъ, съ єго дозволенія, ученики и учители тобольской архіерейской школы въ святки представляли піесы духовнаго содержанія по домамъ, получали за то вознагражденіе, и собранныя деньги шли частію на содержаніе учившихся, частію на жалованье учившихъ" ([2]).

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ([3]).

Въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 1621 г. сохранились такъ называемые „Столбцы", заключающіе въ себѣ переводы и выписки изъ современныхъ европейскихъ вѣдо-

---

([1]) Статья объ Иркутскомъ вертепѣ Н. Щукина въ Вѣст. русск. геогр. общества ч. 29 (1860), отд. V; стр. 25—35.

([2]) Чтен. общ. ист. и древн. 1870, кн. 2. Семинарскій театръ въ старину въ Тобольскѣ. Таже статья была напечатана въ Тобольскихъ Губ. Вѣд. 1858; № 12, подъ заглавіемъ: «Начало театра въ Сибири».

([3]) Очерки русской журналистики, преимущественно старой В. А. Милютина. Соврем. 1851; том. XXV—XXVI. Сумароковъ и современная ему критика Н. Н. Булича. Спб. 1854. Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 г. М. И. Лонгинова. Москов. Вѣд.. 1857; № 36. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. А. Н. Аѳанасьева. М. 1859. Введеніе объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ импер. Академіи наукъ съ 1726 по 1825 г. А. А. Куника. Учен. Зап. Акад. наукъ т. I. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. П. Пекарскаго. Зап. Акад. наукъ 1868; т. XII. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Неустроева. Спб. 1874. (Указатель: Спб. 1898). Въ этой книгѣ содержится подробное описаніе всѣхъ повременныхъ изданій XVIII в. При этомъ указаны: полное заглавіе

мостей „о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ“. Это самая первая форма русскихъ вѣдомостей, извѣстная подъ именемъ „Курантовъ“. Куранты составлялись въ Посольскомъ приказѣ изъ донесеній русскихъ агентовъ и посланниковъ, жившихъ въ чужихъ краяхъ, и изъ печатныхъ иностранныхъ вѣдомостей, когда онѣ стали появляться въ Россіи; они назначались для чтенія царю и ближайшимъ къ нему лицамъ, но въ публику не пускались. Первыми вѣдомостями, назначавшимися для всей русской публики, были „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“, которыя начали издаваться съ 1703 г. Мысль объ изданіи этихъ первыхъ русскихъ вѣдомостей принадлежитъ самому Петру В.; его даже можно назвать первымъ ихъ редакторомъ. Читая голландскія газеты, онъ самъ отмѣчалъ въ нихъ карандашемъ мѣста для перевода и помѣщенія въ русскихъ вѣдомостяхъ, самъ иногда занимался ихъ корректурой. Въ синодальной библіотекѣ хранится нѣсколько номеровъ русскихъ вѣдомостей съ корректурными замѣтками самого Петра. Какъ русскія вѣдомости возникли изъ иностранныхъ вѣдомостей, такъ и русскіе журналы начали издаваться по образцу иностранныхъ журналовъ.

Всѣ вѣдомости и журналы въ теченіе первой половины XVIII вѣка издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Петербургскія вѣдомости, которыя въ 1728 г. смѣнили первыя русскія Вѣдомости, издавались при Академіи наукъ; при Академіи же наукъ издавались Ученые Комментаріи Академіи и Ежемѣсячныя сочиненія;. Московскія Вѣдомости начали издаваться съ 1756 г. при Московскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ его открытія; при Московскомъ же университетѣ издавалось въ 1760 г. „Полезное увеселеніе“, при шляхетскомъ корпусѣ въ 1759—1760 г. издавалось „Праздное время, въ пользу употребленное“—первый опытъ чисто литературнаго журнала. Единственное исключеніе изъ этого, какъ журналъ, издававшійся по инціативѣ и на средства частнаго лица, составляетъ „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова (1759 г.).

каждаго изданія, подробный перечень всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ каждой книжкѣ журнала, замѣтки о характерѣ и направленіи журнала. По поводу этой книги: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики Л. Н. Майкова. Спб., 1876. (Дополненія Н. Петровскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 1). Общій обзоръ всей русской журналистики отъ Петра В. до 40-хъ годовъ сдѣланъ А. П. Пятковскимъ въ статьяхъ: Очерки изъ исторіи русской журналистики. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Том. II. Спб. 1876.

Редакторами газетъ и журналовъ были лица, принадлежавшія къ тѣмъ учрежденіямъ, отъ которыхъ издавались журналы. Петербургскія Вѣдомости съ Примѣчаніями къ нимъ и Ежемѣсячныя сочиненія издавались академикомъ Миллеромъ; первыми редакторами Московскихъ Вѣдомостей были профессора Московскаго университета, Поповскій и Барсовъ; редакторомъ „Полезнаго увеселенія" былъ профессоръ и потомъ кураторъ Московскаго университета, Херасковъ. Сотрудниками были и постороннія лица. Платить журнальнымъ сотрудникамъ за статьи не было обыкновенія. Большимъ почетомъ въ тѣ времена писатели считали для себя уже одно то, чтобы видѣть въ печати свои сочиненія. Впрочемъ постороннимъ сотрудникамъ журналовъ выдавалось въ вознагражденіе по нѣскольку экземпляровъ ихъ сочиненій. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. доносилъ въ академическую канцелярію, что за доставленное для журнала сочиненіе г. Полетика требуетъ.... „обыкновенное вознагражденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо.... А по моему мнѣнію, прибавляетъ при этомъ Миллеръ, надобно тѣмъ наибольше удовлетворить г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія" ([1]). Другаго, денежнаго вознагражденія сотрудникамъ и взять было не откуда: запросъ на газеты и журналы былъ еще не большой; плата за нихъ была незначительная. Первыя Русскія Вѣдомости печатались сначала въ числѣ 1000 экземпляровъ; Примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ выходили въ числѣ 2000 экземпляровъ; Ежемѣсячныя сочиненія расходились въ первый годъ отъ 600 до 700 экз., Московскія Вѣдомости въ числѣ не болѣе 600 экз., Трудолюбивая Пчела въ 1200 экз. За Петербургскія Вѣдомости подписчики платили 2 р. 50 к., а за Примѣчанія по 2 р.; за Московскія Вѣдомости 4 р. въ годъ; за Праздное время на бѣлой бумагѣ 2 р. 50 к., а на сѣрой 2 р.; за Трудолюбивую Пчелу 2 р. 50 к. ([2]). Отдѣльной цензуры, въ настоящемъ видѣ, сначала не было; наблюденіе надъ изданіемъ журналовъ и разсмотрѣніе сочиненій поручалось тѣмъ учрежденіямъ, при которыхъ они издавались. Въ Предувѣдомленіи въ изданію Ежемѣсячныхъ сочиненій было сказано: „Всѣ сочиненія, сюда вносимыя, должны прежде напечатанія разсматриваны быть особливымъ собраніемъ. Мы справедливо надѣемся, что никто не потребуетъ, чтобъ выключенъ онъ былъ отъ такого разсмотрѣнія. Ибо сіе собраніе

([1]) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. П. Пекарскаго. Зап. Акад. наукъ 1868; т. XII, стр. 13—14.

([2]) Тамъ же, стр. 6.

разсматривать будетъ не слова и не слогъ, хотя бы и нашлось что требующее поправленія, но только самое дѣло т. е. чтобъ ничего закону, государству и благонравію противнаго... не входило въ наши сочиненія. Впрочемъ, всякому сочинителю оставляется самому отвѣтствовать въ томъ, что иногда читателямъ сумнительно, или недовольно доказано показаться можетъ" ([1]). Сумароковъ, собираясь издавать „Трудолюбивую Пчелу", обратился съ прошеніемъ въ Академическую канцелярію, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Чтожъ касается до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ-ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся" ([2]). Высшій надзоръ за академическими изданіями былъ предоставленъ президенту Академіи, который въ важныхъ случаяхъ или случаяхъ „сомнительства" разрѣшалъ самъ возникавшія недоразумѣнія, или поручалъ разсматривать дѣло академической канцеляріи. Такъ въ 1756 г. Синодъ подалъ докладъ и прошеніе импер. Елисаветѣ о томъ, чтобы во первыхъ запретить во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во вторыхъ конфисковать какъ Ежемѣсячныя сочиненія (гдѣ была издана ода Сумарокова, въ которой говорилось о множествѣ міровъ), такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенеля „О множествѣ міровъ"; но докладъ этотъ, по представленію и ходатайству президента Академіи, Разумовскаго, былъ оставленъ безъ послѣдствій. Въ другой разъ, по приказанію Разумовскаго, вслѣдствіе жалобы Ломоносова, академическая канцелярія разсматривала статью Григорія Полетики, печатавшуюся въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи". Статья была признана наполненною „многими непристойностями" и отъ академической канцеляріи было сдѣлано распоряженіе, чтобы Миллеръ представлялъ ей заблаговременно списокъ авторовъ и статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки Ежемѣсячныхъ сочиненій. Но такъ какъ Миллеръ, затрудняясь выполнить это распоряженіе, доставлялъ требуемыя свѣдѣнія уже по выходѣ книжки журнала, то академическая канцелярія сдѣлала ему за это выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 г.—Въ февральской книжкѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій 1759 г. были напечатаны стихи въ честь актрисы итальянскаго театра, Сакко, которые весьма не понравились во дворѣ. По этому случаю академиче-

([1]) Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ Неустроева, стр. 49.—([2]) Тамъ же, стр. 78.

ская канцелярія составила слѣдующее опредѣленіе: „Понеже въ Академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличные, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бы о чемъ матерія ни была, первые листы, или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію“ (1).

Образцомъ при изданіи журналовъ служили иностранные журналы. Господствующимъ направленіемъ въ европейской журналистикѣ XVIII в. было направленіе дидактическое. Возникнувъ въ самомъ началѣ этого вѣка въ Англіи, оно быстро распространилось во всѣхъ литературахъ. Основателями журналовъ съ такимъ направленіемъ были знаменитые англійскіе писатели Ричардъ Стиль (1679—1729) и Джозефъ Адиссонъ (1672—1719), издававшіе такъ называемые нравственные еженедѣльные журналы, подъ названіями: „Болтунъ“ (Tattler, 1709), „Зритель“ (Spectator, 1711), и „Опекунъ“ (Guardian, 1713). Главною цѣлью ихъ было дѣйствовать на улучшеніе нравовъ, осмѣивая пороки и смѣшныя стороны жизни современнаго общества. Картины свѣта и людей, обычаевъ, глупостей и предразсудковъ, добродѣтелей и пороковъ были преимущественными предметами всѣхъ статей, разсказовъ и повѣстей, помѣщавшихся въ этихъ журналахъ. Такимъ образомъ, орудіемъ дидактики, средствомъ къ наученію была сатира, и потому основной тонъ въ журналахъ былъ сатирическій. Благодаря полезному, нравственному направленію, разнообразію и занимательности въ содержаніи, журналы Стиля и Адиссона пріобрѣли такую популярность, что сдѣлались извѣстными во всѣхъ европейскихъ литературахъ и вызвали множество подражаній, особенно въ нѣмецкой и французской литературѣ. По примѣру ихъ явились въ нѣмецкой литературѣ: „Живописецъ нравовъ“ (Der Maler der Sitten), „Патріотъ“, „Разумныя обличительницы“, „Честный человѣкъ“; во французской литературѣ разныя „Обозрѣнія“, „Новый Менторъ“ „Мизантропъ“ и др. Этимъ журналамъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, подражали и всѣ русскіе литературные журналы XVIII в. и во главѣ ихъ Ежемѣсячныя сочиненія Миллера, Трудолюбивая Пчела Сумарокова, Полезное увеселеніе Хераскова; изъ этихъ журналовъ они заимствовали не только направленіе, основные пріемы и формы, но часто и самыя статьи переводили изъ нихъ, или передѣлывали. Ученые журналы составлялись по образцу иностранныхъ ученыхъ журналовъ, ка-

(1) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ, стр. 44—50.

ковы были Лейпцигскія ученыя Извѣстія, Гамбургскій магазинъ, Нѣмецкая библіотека и др. Для характеристики же вообще тогдашнихъ воззрѣній на значеніе и основные принципы журнальной дѣятельности, весьма важна и интересна статья Ломоносова: „О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій, назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія". Статья эта была написана Ломоносовымъ по поводу возраженій противъ его диссертацій о физическихъ предметахъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ журналахъ (1). Оскорбленный несправедливостью и рѣзкостью этихъ возраженій, Ломоносовъ написалъ на нихъ на латинскомъ языкѣ антикритику, въ которой изложилъ обязанности журналистовъ, и послалъ ее къ Эйлеру, а Эйлеръ передалъ берлинскому академику. Формею, который и напечаталъ ее во французскомъ переводѣ въ Нѣмецкой библіотекѣ" (2). „Всякій знаетъ, говоритъ здѣсь Ломоносовъ, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожъ далеко не было бы такъ велико, еслибы большая часть пишущихъ не смотрѣла на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины. Отъ того-то происходитъ столько излишне смѣлыхъ выводовъ, столько странныхъ системъ, столько противорѣчивыхъ мнѣній, столько заблужденій и нелѣпостей, что науки были бы давно подавлены грудою хлама, если бы ученыя общества не старались соединенными силами противодѣйствовать такому бѣдствію". Указавъ затѣмъ на значеніе въ этомъ случаѣ ученыхъ обществъ, издающихъ журналы, онъ объясняетъ истинную цѣль ученыхъ журналовъ и обязанности журналистовъ. „Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль

---

(1) Въ Лейпцигскомъ критическомъ журналѣ естественныхъ наукъ, Медицинской Библіотекѣ Фогеля и Гамбургскомъ Магазинѣ—противъ диссертацій: о причинѣ теплоты и стужи; о упругости воздуха; о химическихъ растворахъ; о движеніи воздуха въ рудокопныхъ ямахъ, напечатанныхъ въ «Новыхъ Комментаріяхъ Академія наукъ» 1747—1748 г.

(2) Русскій текстъ статьи и французскій переводъ Формея напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ А. А. Куника, Ч. II. стр 501—530.

и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобы быстрѣе распространить въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами... Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бы издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей... Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой-нибудь ничего не знающій, или несправедливый критикъ... Журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса". Выставивъ потомъ несправедливыя сужденія журнальныхъ критиковъ о его сочиненіяхъ, Ломоносовъ говоритъ: „Отдавая такимъ образомъ отчетъ о сочиненіяхъ ученыхъ, критикъ не только вредитъ ихъ репутаціи, на которую онъ не имѣетъ никакого права, но и уничтожаетъ истину, предлагая читателямъ мысли, не имѣющія съ нею ничего общаго: поэтому естественно противодѣйствовать всѣми силами столь несправедливымъ продѣлкамъ. Продолжая такъ поступать съ тѣми, которые стараются быть полезными ученому міру, можно было лишить ихъ всякой охоты къ труду, и успѣхи въ наукахъ потерпѣли бы отъ того значительный ущербъ. Это въ особенности погубило бы свободу разсужденія". Изложивъ назначеніе журналовъ и обязанности журналистовъ вообще, онъ предписываетъ имъ въ частности слѣдующія правила, при разборѣ ученыхъ сочиненій. 1) „Кто берется сообщить публикѣ содержаніе новыхъ сочиненій, долженъ напередъ взвѣсить свои силы, ибо онъ предпринимаетъ трудъ тяжелый и весьма сложный, котораго цѣль не въ томъ, чтобы передавать вещи извѣстныя и истины общія, но чтобы умѣть схватить новое и существенное въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ иногда людямъ самымъ геніальнымъ.... 2) Чтобы быть въ состояніи произнести приговоръ искренній и справедливый, надобно освободитъ свой умъ отъ всякаго предразсудка, отъ всякаго предупрежденія, и не требовать, чтобы авторы, которыхъ мы беремся судить, рабски подчинялись идеямъ, господствующимъ надъ нами, считая и безъ того этихъ писателей нашими истинными врагами, съ которыми мы призваны вести открытую войну.... 3) Нѣтъ такого сочиненія, которое бы не требовало соблюденія естественныхъ законовъ справедливости и приличія. Нельзя однакожъ не согласиться, что нужно вдвое больше осторожности, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ, уже носящихъ на себѣ печать уважительнаго одобренія.... 4) Журналистъ не долженъ торопиться порицать ипотезы. Онѣ позволительны въ предметахъ философскихъ, и это даже единственный путь, кото-

рымъ величайшіе люди успѣли открыть истины самыя важныя. Это какъ бы порывы, доставляющіе имъ возможность достигнуть знаній, до которыхъ умы низкіе и пресмыкающіеся въ пыли никогда добраться не могутъ. 5) Особенно же журналистъ пусть запомнитъ, что всего безчестнѣе для него красть у кого-либо изъ своихъ собратій высказываемыя имъ мысли и сужденія и присвоивать ихъ себѣ, какъ будто бы онъ самъ придумалъ ихъ, тогда какъ ему едва извѣстны заглавія книгъ, которыя онъ уничтожаетъ... 6) Журналисту позволяется опровергать то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это вовсе не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе. Но кто уже разъ берется за то, долженъ вполнѣ ознакомиться съ мыслями автора, разобрать всѣ его доказательства и противопоставить имъ дѣйствительныя возраженія и основательные доводы, прежде нежели онъ присвоитъ себѣ право осуждать другаго. Одни сомнѣнія и произвольные вопросы не даютъ этого права, ибо нѣтъ такого невѣжды, который не могъ бы предложить гораздо болѣе вопросовъ, нежели сколько самый свѣдущій человѣкъ въ состояніи разрѣшить. 7) Наконецъ, онъ никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, о своемъ авторитетѣ и достоинствѣ своихъ сужденій. Выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ: было бы съ его стороны очень неблагоразумно оскорблять ихъ намѣренно и вынуждать къ обнаруженію его безсилія".

Въ теченіе первой и въ началѣ второй половины XVIII в. издавались слѣдующіе газеты и журналы.

Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ (1703—1727). Эти первыя Русскія Вѣдомости начали издаваться въ 1703 г. въ Москвѣ, церковнымъ шрифтомъ, и выходили сначала въ неопредѣленные сроки отъ 2-хъ до 7 листовъ въ числѣ 1000 экземпляровъ. Въ началѣ Вѣдомостей помѣщались свѣдѣнія, касающіяся Россіи, и извѣстія изъ разныхъ русскихъ городовъ, напр.: „На Москвѣ вновь пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400"; „повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили"; „въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ"; „изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды"; „изъ Сибири пишутъ: въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены". Послѣ русскихъ

извѣстій слѣдують выписки изъ голландскихъ и другихъ иностранныхъ газетъ (¹). Въ 1710 г. явился номеръ Вѣдомостей, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ; потомъ выходили номера то гражданскимъ, то церковнымъ шрифтомъ, а съ 1717 уже исключительно однимъ гражданскимъ шрифтомъ. Съ 11 мая 1711 года номера Вѣдомостей стали выходить иногда въ Москвѣ, иногда въ Петербургѣ, но выходившіе въ Петербургѣ перепечатывались въ Москвѣ. Въ 1727 г. изданіе этихъ первоначальныхъ Вѣдомостей прекратилось. Редакція ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи наукъ, которая съ 1728 г. стала издавать Петербургскія Вѣдомости; изданіе же особыхъ Вѣдомостей въ Москвѣ началось только съ 1756 г.

Санктпетербургскія Вѣдомости (съ 1728) **и Примѣчанія къ нимъ** (1728—1742). Петербургскія Вѣдомости издавались при Академіи наукъ, подъ редакціей академика Миллера. Онѣ выходили два раза въ недѣлю и содержали разныя придворныя извѣстія и выписки изъ иностранныхъ газетъ. Для большаго разнообразія интереса къ политическимъ извѣстіямъ въ Вѣдомостяхъ Миллеръ вздумалъ присоединять прибавленія ученолитературнаго характера. Сначала въ 1728 г. они выходили однажды въ мѣсяцъ и потому назывались „Мѣсячныя історическія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ слѣдующемъ 1729 г. они стали прилагаться при каждомъ нумерѣ Петербургскихъ Вѣдомостей, два раза въ недѣлю, по листу изъ 4-хъ, а иногда и болѣе страницъ, и назывались „Историческія, генеалогическія и географическія Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ изданіи ихъ, кромѣ Миллера, принимали участіе нѣкоторые другіе академики—Эйлеръ, Гмелинъ, Бекенштейнъ; статьи ихъ на русскій языкъ переводили Адодуровъ и Тредьяковскій. Такъ какъ Примѣчанія составляли прибавленіе къ Вѣдомостямъ, то въ нихъ прежде всего помѣщались такія статьи, которыя могли служить объясненіемъ извѣстій, сообщенныхъ въ Вѣдомостяхъ. Такъ, по случаю извѣстія о найденныхъ въ Сибири мамонтовыхъ костяхъ, была помѣщена статья о происхожденіи такихъ остатковъ естественныхъ древностей, по тогдашнему состоянію науки. По тому случаю, что одинъ купецъ пріобрѣлъ египетскую мумію, была напечатана статья о муміяхъ древняго Египта и египетскихъ іероглифахъ. Подъ 1-мъ января 1730 г. было помѣщено описаніе обычаевъ разныхъ народовъ, какъ и съ котораго числа у оныхъ новый годъ начинался. Подъ 1-мъ апрѣля 1729 г. помѣ-

---

(¹) Историч. розысканіе... стр. 1—3.

щена статья „О карневальныхъ увеселеніяхъ въ Венеціи или о венеціанскихъ карневалахъ“. Всего болѣе статей напечатано по географіи и исторіи разныхъ странъ и народовъ; эти статьи должны были служить для объясненія тѣхъ событій въ разныхъ странахъ, о которыхъ сообщалось въ Вѣдомостяхъ. Наконецъ въ Примѣчаніяхъ помѣщались иногда легкія беллетристическія статьи и стихотворенія ([1]).

Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи наукъ на 1726 годъ. Въ 1727 г. Академія наукъ начала издавать на латинскомъ языкѣ свои Мемуары, подъ заглавіемъ: „Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae“, состоящіе изъ трудовъ академиковъ: Германа, Бильфингера, братьевъ Бернулли, Мейера, Байера, Делиля и др. Для русской публики въ тоже время вздумали сдѣлать сокращеніе или извлеченіе изъ этихъ Комментаріевъ въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи наукъ“, которое было издано въ 1728 г. въ одной части. Вполнѣ переводились на русскій языкъ только историческія сочиненія Байера: „О началкѣ и древнихъ пребывалищахъ скиѳовъ“; „О мѣстоположеніи Скиѳіи въ лѣта Геродота“; „О стѣнѣ кавказской“; математическіе же мемуары и по естественнымъ наукамъ сообщались въ извлеченіяхъ, которыя составляли сами академики и снабжали особыми введеніями, или поясненіями. Переводомъ ихъ на русскій языкъ занимались Адодуровъ, Сатаровъ, Горлицкій, Ильинскій и Коровинъ. Въ началѣ „Описанія“ было помѣщено предисловіе, объясняющее происхожденіе и цѣль изданія: „Доброхотному россійскому читателю радоватися! Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ профессоры здѣшнія Академіи наукъ потрудилися 1726 года“. Далѣе говорится, что академики, кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, два раза въ недѣлю имѣютъ особливое собраніе, въ которомъ предлагаютъ на общее разсужденіе „то, что всякъ въ домѣ испытывалъ“. Изъ этихъ разсужденій составилась недавно изданная на латинскомъ языкѣ книга Комментаріевъ, изъ которой и сокращено предлагаемое „Описаніе“. Послѣ этого объясненія присоединено обѣщаніе „въ будущій годъ, аще Богъ и Всемилостивѣйшій нашъ Іmператоръ на сіе благоволитъ, изготовить 2 части Комментаріевъ“, но этого не послѣдовало. „Книгу, говоритъ Миллеръ, никто не хотѣлъ похвалить, не умѣли понять, что читали, и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода; вслѣдствіе чего изданіе не

([1]) Тамъ же, стр. 3—8.

продолжалось". Нельзя не пожалѣть, что эта холодность, совершенно объясняющаяся неподготовленностію тогдашней русской публики къ чтенію такихъ книгъ, заставила Академію наукъ тотчасъ же прекратить изданіе; нѣтъ сомнѣнія, что публика скоро оцѣнила бы его, когда бы больше познакомилась съ нимъ (1).

Содержаніе ученыхъ разсужденій импер. Академіи наукъ (четыре тома 1748—1754 г.). Это изданіе явилось вслѣдствіе новаго регламента, даннаго Академіи въ 1747 г., въ которомъ (параграфъ 32) было сказано: „въ концѣ ноября мѣсяца конференцъ-секретарь долженъ публиковать съ переводомъ русскимъ содержаніе всѣхъ диссертацій, которыя въ цѣлый годъ учинены, и при томъ прикладывать свои ученыя о всемъ помянутомъ разсужденія". Содержаніе ученыхъ разсужденій служило, такимъ образомъ, продолженіемъ „Краткаго описанія Комментаріевъ".

Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія. Это былъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи, издававшійся въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1755 по 1764 г. академикомъ Миллеромъ. Названіе его, вѣроятно, взято съ тогдашнихъ нѣмецкихъ журналовъ, каковы были: „Бременскія сочиненія, къ увеселенію разума служащія"; „Гамбургскія сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія" и др. Впрочемъ, подъ указаннымъ заглавіемъ онъ издавался только въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1755 по 1758; съ 1758 по 1763 г. онъ издавался подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія"; въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ—подъ заглавіемъ: „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ". Но, не смотря на эти перемѣны названія, программа журнала существенно не измѣнялась. Статьи помѣщались въ журналѣ одна подлѣ другой безъ системы и порядка и не раздѣлялись правильно на отдѣлы, какъ въ настоящихъ журналахъ; но всѣ онѣ, согласно съ названіемъ и назначеніемъ журнала, могутъ быть раздѣлены, главнымъ образомъ, на два разряда: 1) статьи, которыя должны были служить „къ пользѣ" читателей—ученый отдѣлъ журнала, и 2) статьи, назначавшіяся „къ увеселенію" читателей—отдѣлъ литературный. Статьи перваго разряда, по намѣренію издателя, должны были составлять существенную часть журнала. Эти статьи Миллеръ старался сдѣлать, по возможности, доступными для всѣхъ читателей, общезанимательными по содержанію, популярными по изложенію.

---

(1) Тамъ же, стр. 8—11.

Особенное вниманіе было обращено на русскую исторію, географію и статистику. Здѣсь помѣщены многія главы изъ Сибирской исторіи и другія историческія сочиненія Миллера; оренбургская исторія и оренбургская топографія Рычкова; описаніе Сибирскаго края (Сибирь—золотое дно) Соймонова. По астрономіи, философіи и естественнымъ наукамъ помѣщались только статьи популярныя, которыя могли быть понятны безъ спеціальныхъ опытовъ и математическихъ выкладокъ. Больше всего въ ученомъ отдѣлѣ встрѣчается разнаго рода разсужденій философскаго, или лучше сказать, дидактическаго характера, напр. „ученія семи мудрецовъ, до исправленія нравовъ человѣческихъ касающіяся"; разсужденія „о самопознаніи, о благополучіи, о зависти, нравоучительныя разсужденія изъ Гольберга". Къ чисто философскимъ статьямъ изъ этого отдѣла можно отнести не многія, напр. Обстоятельное объясненіе знаній человѣческихъ изъ Даламбера; Письмо о Бытіи Божіемъ (переводъ съ нѣмецкаго); О преимуществѣ христіанскаго нравоученія надъ теоріями древнихъ стоиковъ и епикурейцевъ (изъ французскаго журнала „Зритель"); О пользѣ теоретической философіи въ обществѣ; О важности и пользѣ философіи—рѣчь Поповскаго. Литературный отдѣлъ или разрядъ статей литературнаго характера въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ состоялъ изъ стихотвореній и разнаго рода статей беллетристическаго свойства. „Стихотворческія сочиненія, сказано было въ „Предувѣдомленіи" къ изданію журнала, принимаемъ мы наипаче для того, что въ нихъ многое весьма сильняе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогомъ; къ тому жъ мы за должность свою признаваемъ писать не только для пользы, но и для увеселенія читателей. Такіе стихотворцы, какихъ нынѣ Россія имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ представлены были; а особливо не должны мы умалчивать о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ содержатся достодолжныя похвалы величайшей въ свѣтѣ монархинѣ и всемилостивѣйшей наукъ питательницѣ и покровительницѣ". Подъ этими стихотворцами разумѣлись преимущественно Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ; ихъ сочиненія, дѣйствительно, и помѣщались въ первые четыре года изданія Ежемѣсячныхъ сочиненій. Стихотворенія въ то время цѣнились весьма высоко; по новости самаго дѣла и по необработанности языка стихотворнаго, стихотворство дѣйствительно было весьма трудное дѣло, и потому естественно имѣло больше важности и значенія, чѣмъ въ настоящее время. Отдѣлъ такъ называемой изящной прозы составляли повѣсти и разсказы. Чисто литературныхъ повѣстей встрѣчается, впрочемъ, немного и то переводныя, каковы напр. повѣсти Вольтера: Микромегасъ и Задигъ. Преимущественно же этотъ отдѣлъ состоялъ изъ разныхъ нравоучи-

тельныхъ притчей и разсказовъ въ аллегорической формѣ. Аллегорическая форма была самою употребительною формою въ дидактической литературѣ XVIII в. Въ формѣ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, между богами и героями древности, въ формѣ сновъ и видѣній излагались нравственно-философскія идеи и размышленія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны: „Разговоры по подобію Лукіановыхъ“ (съ нѣмецкаго): 1) Юпитеръ, Момъ; 2) Меркурій, солдатъ, философъ Клиній, молодой аѳинянинъ; 3) Епафродитъ, Епиктетъ; 4) Тимонъ; Алкивіадъ...... 8) Александръ, Діогенъ.... Нѣкоторые разговоры боговъ изъ сочиненій Раймунда Сенъ-Марда († 1754); разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Фонтенеля: Артемизій и Раймундъ Луллій. Всѣ подобныя сочиненія заимствовались изъ иностранныхъ журналовъ: изъ Грейсфвальдскихъ извѣстій, Гамбургскаго Магазина, Гамбургскаго патріота, Англійскаго зрителя, Англійскаго магазина. Встрѣчаются, впрочемъ, и русскіе разговоры. Такъ, знаменитый Суворовъ помѣстилъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ два разговора. Въ первомъ изъ нихъ выведены Кортецъ и Монтезума. Монтезума доказываетъ Кортецу, что „благость и милосердіе потребны героямъ“. Второй разговоръ происходитъ между Александромъ В. и Геростратомъ. Авторъ разговора уподобляетъ военные подвиги Александра варварскому поступку Герострата и старается показать, какое великое различіе находится между истинною любовью къ славѣ и простою жаждою извѣстности. Изъ статей въ формѣ „сновъ“ помѣщены: сонъ о роскоши (перев. съ франц.), сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ (перев. съ англійскаго); сонъ о правосудіи (съ англійскаго); сонъ— храмъ натуры и счастія, храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный. Нѣкоторыя статьи подобнаго рода прямо называются аллегоріями, какъ напр. Гигія, аллегорическая повѣсть; аллегорія о противорѣчіяхъ любви (Елагина); аллегорія Гордость.

Для характеристики аллегорическихъ сочиненій вообще предлагаемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе аллегоріи „Гордость“ (¹). „Предъ нѣсколькими днями, — такъ начинается аллегорія,—получена здѣсь вѣдомость, что Гордость нечаянно умерла опухолью. Честнымъ людямъ сіе извѣстіе было пріятно; напротивъ того, другіе пришли въ превеликую печаль, увидѣвъ мнимую свою богиню мертвую. Они тужили, что не велѣли давно написать ея портрета. Побуждаемый ихъ желаніемъ, говоритъ авторъ, я учинилъ описаніе Гордости, при помощи одного изъ

(¹) Кому принадлежитъ эта аллегорія, неизвѣстно. Вѣроятно, она переведена или передѣлана изъ какого нибудь иностраннаго журнала.

моихъ пріятелей, которому Гордость съ молодыхъ лѣтъ была знакома".—„Гордость родилась отъ Упрямства и Презорства; отъ такого супружества, конечно, инаго и ожидать не надлежало, кромѣ дѣтей злонравныхъ. Ненависть и Зависть были дѣдъ и бабка съ отцовской, а Безуміе и Самолюбіе съ материной стороны.... Вскорѣ, по рожденіи, Гордость была отдана для воспитанія въ домъ къ бабкѣ ея, Самолюбію... Лишь только она изъ пеленокъ выползла, то нарядили ее въ драгоцѣнное платье... Пока ходить способно еще не умѣла, то приказано было носить ее на рукахъ нянькѣ, Ласкательству... Съ умножающимися лѣтами возрасло желаніе ея къ суетному щегольству, такъ велико, что не возможно было выдумать столько модъ и манеровъ въ убранствѣ, сколько ей имѣть хотѣлось. Надзирательницей къ Гордости было приставлено Тщеславіе. Вмѣсто того, чтобы по полезнымъ книгамъ давать ей наставленія, эта надзирательница всегда приводила молодую Гордость къ зеркаламъ, коихъ въ дому было великое множество. На всякій часъ осматривала Гордость въ нихъ на себѣ уборъ, перелѣпливала на день двадцать разъ на лицѣ своемъ съ мѣста на мѣсто мушки. Выросши, Гордость ничего такъ не желала, какъ того, чтобы имѣть пребываніе при дворѣ и весьма была рада, какъ отъ родителей своихъ получила позволеніе ѣхать туда. Лишь только пріѣхала она туда въ великолѣпныхъ убранствахъ, съ приставницей своей, Тщеславіемъ, то нашла безчисленное множество себѣ прислужниковъ. но пристала она только къ высокоумнѣйшимъ... Тогда при дворѣ были два брата, Смиреніе и Слава, изъ коихъ первый, будучи еще очень молодъ и, ослѣпившись прелестной ея красотой, тщался войти въ любовь у ней своей искренностію; но онъ услышалъ отказъ съ презрѣніемъ; и Гордость еще разсердившись и согласясь съ подругою своей Клеветою, и съ братомъ ея, Честолюбіемъ, дѣло довели до того, что Смиреніе само съ братомъ своимъ, Славою, принуждены были отъ двора сего удалиться. Но Честолюбіе снискало у Гордости болѣе снисходительства... Гордость склонилась на желаніе честолюбиваго своего любителя, чтобъ выйти за него замужъ. Свадьба ихъ совершилась съ преславнымъ великолѣпіемъ, но радость продолжалась не долго. У Честолюбія по несчастію отецъ былъ Гнѣвъ, а мать Сребролюбіе. Они велѣли сыну своему и съ женою изъ дворца выѣхать и жить въ ихъ деревнѣ. Коль великую печаль нанесъ такой нечаянный отъѣздъ новобрачной Гордости! Коль дико ей казалось уединенное житіе въ деревнѣ, гдѣ не было для ней никакого случая удивлять другихъ убранною своею красотою и тѣмъ смѣшною радостію наслаждаться!.. Но неисцѣльная болѣзнь переселила родителей Честолюбія почти въ одно время въ царство мертвыхъ. Какъ рада была сему Гордость! Лишь только отправила она похороны, то поѣхала

опять во дворецъ съ своимъ мужемъ". При дворѣ Гордость жила такъ безумно роскошно, что скоро растратила все свое состояніе; мужъ ея умеръ. „Итакъ Гордость овдовѣла... Друзья ихъ еще прежде этого, увидѣвъ истощившееся у нихъ имѣніе, а отъ того и оскудѣніе богатаго ихъ стола. ходить къ нимъ перестали. Но всего было болѣзненнѣе для Гордости слышать, что называли ее нищею Спесью. Она ходила къ своимъ родителямъ, но напрасно—Своеправіе и Презорство уже позабыли, что она дочь ихъ... Она должна была у Нищеты наняться въ служанки. Въ семъ состояніи отъ малодушія она желала себѣ смерти и хотѣла лучше десятью умереть, нежели покориться Смиренію, которое обѣщало ей сыскать лучшее счастіе... Послѣдующее по семъ рвеніе съ скрежетаніемъ зубовъ причиною было, что жолчъ изъ мѣста своего выступила и въ малое время тѣло ея пожелтѣло съ черныю и надулось такъ, что пригожей Гордости во всемъ уже не стало. Милосердое Смиреніе хотѣло еще и при семъ случаѣ подать ей помощь: но только лишь взглянула Гордость на столь любезное и пріятное лице, то вдругъ ушибъ ее обморокъ, а послѣ сего тотчасъ и смерть послѣдовала".

Ежемѣсячныя сочиненія совершенно удовлетворяли вкусу и потребностямъ тогдашняго русскаго общества и потому пользовались большою популярностью. „Вся Россія, говоритъ митр. Евгеній, съ жадностью и удовольствіемъ читала сей первый русскій Ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ" (¹). „Успѣхъ Ежемѣсячныхъ сочиненій, прибавляетъ къ этому Милютинъ, побудилъ и многихъ другихъ писателей приняться также за изданіе журналовъ, число которыхъ съ 1759 г. стало увеличиваться замѣтно и постоянно. Такимъ образомъ Ежемѣсячныя сочиненія не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній... но и положили прочное начало русской журналистикѣ" (²).

Московскія Вѣдомости. Послѣ того, какъ изданіе первыхъ русскихъ Вѣдомостей въ 1728 г. было перенесено въ Петербургъ, Москва оставалась безъ своей газеты до 1756 г. Вскорѣ послѣ открытія университета, положено было издавать при немъ Московскія Вѣдомости. Первыми редакторами были профессора университета, Поповскій и Барсовъ. Сначала Московскія Вѣдомости

(¹) Словарь русск. писателей Ч. II, стр. 6—7.

(²) Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Ежемѣсячныя сочиненія Миллера. Соврем. 1851. том. XXV—XXVI.

имѣли чисто оффиціальный характеръ. Въ составъ ихъ входили высочайшіе приказы, придворныя извѣстія и разныя объявленія; литературныхъ статей въ первые годы почти не было. Вѣдомости получили болѣе обширный объемъ и болѣе разнообразный и интересный характеръ по содержанію съ того времени, какъ, по предложенію куратора университета. Хераскова, въ 1779 г. ихъ взялъ въ аренду на 10 лѣтъ, вмѣстѣ съ университетской типографіей, знаменитый Н. И. Новиковъ. Новиковъ сталъ прилагать къ Вѣдомостямъ разныя прибавленія, каковы были: „Экономическій магазинъ" (1780—1789), „Городская и деревенская библіотека" (1782—1786), „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ", содержащія въ себѣ статьи историческія, физическія и нравоучительныя (1783—1784), „Дѣтское чтеніе" (1785—1789), „Магазинъ натуральной исторіи" (1788—1790).

Праздное время, въ пользу употребленное (1759 — 1760). Оно издавалось при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ еженедѣльно по листу изъ 16 страницъ. Журналъ этотъ имѣлъ характеръ чисто литературный и составлялся по образцу литературнаго отдѣла Ежемѣсячныхъ сочиненій Миллера. Въ немъ помѣщались также стихотворенія и разныя статьи или разсужденія въ формѣ посланій, разговоровъ, сновъ и проч. Напр. Разговоры боговъ: 1) какимъ образомъ побѣждать сердца; 2) о премудрости; 3) сравненіе любви со скупостію; 4) о краснорѣчіи. Разговоры Лукіановы (перев. съ нѣмецкаго): 1) Мениппъ, циническій философъ и Меркурій; 2) Плутонъ, подземный богъ, Прозерпина, его супруга, и Протезилай умершій; 3) Миносъ адскій судья и Сострать разбойникъ. Епиктетовы краткія разсужденія о нравахъ. Письма изъ царства мертвыхъ: 1) отца къ безпутному своему сыну; 2) сына къ своей матери; 3) слуги къ своему господину (перев. съ нѣмецкаго). Разсужденія о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіяхъ добраго и худаго воспитанія; о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни слѣдуетъ (перев. съ французскаго); о счастіи и несчастіи и т. п. Журналъ издавался только два года.

Трудолюбивая Пчела 1759 г., изд. А. П. Сумарокова. Это былъ первый журналъ, издававшійся по инціативѣ частнаго лица и на собственныя средства. Приступая къ его изданію, Сумароковъ обратился въ канцелярію Академіи наукъ съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Вознамѣрился я издавать помѣсячно журналъ, для услуги народной; того ради покорно прошу, чтобы повелѣно было въ академической типографіи оный мой журналъ безъ остановки на чистой бумагѣ въ осьмуху печатать, по двѣнадцати

сотъ экземпляровъ, а деньги съ меня по прошествіи всякой трети взыскивать... Только нижайше прошу, чтобы канцелярія благоволила меня избавить отъ помѣшательства и затрудненій въ печатаніи". Сотрудниками Сумарокова были: Тредьяковскій, Дмитревскій, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Нартовъ и др., которые помѣщали въ немъ мелкія стихотворенія и беллетристическія статьи дидактическаго характера, заимствованныя изъ указанныхъ выше иностранныхъ журналовъ: но большая часть сочиненій, вошедшихъ въ Трудолюбивую Пчелу, принадлежала самому Сумарокову. Здѣсь печатались его сатиры, эпистолы, элегіи, притчи и басни и нѣкоторыя статьи по языкознанію и исторіи. Вотъ, для примѣра, содержаніе первой генварской книжки: „Государынѣ Вел. княг. Екатеринѣ Алексѣевнѣ" (стихи) А. Сумарокова. I) О пользѣ миѳологіи, Козицкаго. II) Разсужденіе о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т. е. объ искренности и несуевѣрномъ богопочитаніи, Николая Мотониса. III) О первоначаліи и созиданіи Москвы. А. Сумарокова. IV) О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка. А. Сумарокова. V) О стихотворствѣ камчадаловъ. А. Сумарокова. Въ другихъ книжкахъ изъ переводныхъ статей были помѣщены: Десидерія Ерасма Ротердамскаго разговоръ (перев. Мотониса); Лукіана разговоры мертвыхъ (перев. Козицкаго); О разумѣніи человѣческомъ, по мнѣнію Локка; Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаса изъ сочиненій г. Вольтера (перев. Сумарокова); О естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ, изъ книги Свифта (перев. Козицкаго). Къ сожалѣнію, Трудолюбивая Пчела издавалась только одинъ годъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ у Сумарокова, вслѣдствіе чего у него постоянно происходили неудовольствія съ академической типографіей, и частыя столкновенія съ академической канцеляріей, разсматривавшей его статьи, заставили его прекратить изданіе журнала. Прекращая его, онъ выразилъ свою скорбь и негодованіе въ слѣдующемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: Разставаніе съ Музами:

«Для множества причинъ,
Противно имя мнѣ писателя и чинъ.
Съ Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара моево,
И не взойду, по смерть, я больше на нево:
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я болѣе писать не буду никогда».

Трудолюбивая Пчела пользовалась большимъ расположеніемъ читателей, такъ что, по смерти Сумарокова, Академія наукъ издала ее во второй разъ.

Полезное увеселеніе 1760—1762 г. Подобно Трудолюбивой Пчелѣ, оно имѣло также чисто литературный характеръ и состояло изъ стихотвореній и статей беллетристическихъ. Издателемъ этого журнала былъ М. М. Херасковъ, бывшій въ то время ассессоромъ конференціи при Московскомъ университетѣ; участіе въ изданіи принимала и жена его, Елисавета Васильевна; но главными вкладчиками статей въ журналѣ были студенты Московскаго университета; подъ статьями встрѣчаются, между прочимъ, фамиліи Фонъ-Визина, Домашнева, Нартова, Ипполита Богдановича и В. Рубана.

Собраніе лучшихъ сочиненій, къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ, 1762 г. Это былъ сборникъ разныхъ статей изъ иностранныхъ сочиненій; издателемъ его былъ профессоръ Московскаго университета Рейхель, а переводчиками также студенты университета. Издавался сборникъ съ тою цѣлію, чтобы доставить полезное чтеніе тѣмъ людямъ, которые сами не имѣютъ времени ни для чтенія большихъ книгъ, ни для выбора изъ нихъ того, что въ этихъ книгахъ есть лучшаго и полезнаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Начало новаго образованія и новой литературы при Петрѣ В.

Стран.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е

(съ изданія 1886 г. безъ измѣненій).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е

(съ изданія 1888 г. безъ измѣненій).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

От Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. Іюля 15 дня 1898 г.

Членъ Комитета и. д. ординарнаго профессора

Андрей Волковъ.

НАПРАВЛЕНІЕ И ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Внесеніе въ русскую литературу философскихъ идей XVIII в. Не смотря на то, что литературное направленіе въ продолженіе всей Екатерининской эпохи было еще старое, ложноклассическое, въ литературѣ ея мы находимъ необыкновенное оживленіе и замѣчательное богатство и разнообразіе, въ слѣдствіе съ одной стороны появленія такихъ сильныхъ литературныхъ талантовъ, каковы были Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Херасковъ, Княжнинъ и др.; съ другой—вліянія новыхъ идей современной европейской науки и литературы. Ода Державина по формѣ была ложно-классической одой; но содержаніе въ ней было современное и русское, и надъ торжественнымъ и хвалебнымъ тономъ въ ней часто преобладалъ элементъ сатирическій. Поэмы Хераскова по формѣ были подражаніями классическимъ эпопеямъ, а трагедіи Княжнина подражаніями французскимъ классическимъ трагедіямъ; но въ тѣхъ и другихъ постоянно встрѣчаются гуманныя идеи и стремленія современной эпохи. Комедіи и сатиры Фонъ-Визина и самой Екатерины написаны прямо на современныя темы о воспитаніи, образованіи и управленіи, въ духѣ новыхъ философскихъ идей. Царствованіе Екатерины II составляетъ второй періодъ въ исторіи усвоенія Россіей европейскаго просвѣщенія. При Петрѣ В. Россія стремилась приложить къ своимъ потребностямъ всѣ результаты, добытые Европою въ области ремеслъ, искусствъ и дѣла военнаго. При Екатеринѣ II она стремилась усвоить идеи современной философіи и также приложить ихъ къ устроенію своего государственнаго и частнаго быта. Первое знакомство русскихъ людей съ этими идеями началось, впрочемъ, еще въ прежнее царствованіе. Въ трагедіяхъ Сумарокова мы уже встрѣчаемъ гуманныя идеи о вѣротерпимости, объ управленіи, объ отношеніяхъ правителей къ управляемымъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы осо-

бенно много переходило въ Россію новыхъ французскихъ книгъ. Екатеринѣ, которая въ то время была великой княгиней, и княгинѣ Дашковой доставлялъ такія книги Шуваловъ, бывшій поклонникомъ французской литературы. Но настоящее знакомство съ новыми идеями французской философіи и литературы началось съ того времени, какъ Екатерина сама вступила на русскій престолъ и стала во главѣ не только управленія, но и всего умственнаго и литературнаго движенія эпохи ([1]).

Характеръ и значеніе философіи XVIII вѣка. Извѣстна судьба философіи XVIII вѣка. Появленіе и первые успѣхи ея были привѣтствованы съ восторгомъ, какъ начало новаго золотаго вѣка, а впослѣдствіи она подверглась гоненіямъ, какъ источникъ и виновница той умственной и нравственной разнузданности, которая привела Францію къ революціи и потрясла всю Европу; тѣ же самые люди, которые сначала страстно увлекались ея идеями, потомъ дѣлались ея преслѣдователями. Чтобы понятна была такая судьба философіи XVIII в., надобно имѣть въ виду ея происхожденіе и характеръ ([2]). Отличительный характеръ, или лучше сказать, сущность этой философіи составляютъ отрицаніе всего тогдашняго европейскаго строя, религіозно-церковнаго, государственно-политическаго и общественнаго, и стремленіе замѣнить его новымъ строемъ, вызванныя съ одной стороны накопившимися въ прежнемъ строѣ разными злоупотребленіями и недостатками, а съ другой—новыми научными идеями, рѣзко обличавшими эти недостатки. Такими отрицательными и вмѣстѣ реформаторскими стремленіями проникнуты какъ философія, такъ и литература XVIII в., которыя, въ слѣдствіе одинаковости ихъ цѣли и задачъ, совершенно смѣшиваются между собою. Философія и наука вообще принимаетъ литературную форму и характеръ, для распространенія научныхъ идей въ обществѣ, а литература получаетъ философское направленіе и становится орудіемъ и органомъ философіи и науки вообще. Въ сущности же это не была ни философія ни литература въ

([1]) Смотр. Французы въ Россіи П. П. По поводу книги Л. Пэнго: Les Français en Russie et les Russes en France. Истор. Вѣстн. 1886, октябрь.

([2]) Исторія развитія и характеръ этой философіи изображены въ Исторіи XVIII и XIX стол. Ф. К. Шлоссера, Спб. 1858—1860, и въ Исторіи всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера (въ переводѣ А. Н. Пыпина): томъ I. Англійская литература. 1-е изд. Спб. 1863; томъ II. Французская литература. 1-е изд. Спб. 1866.

собственномъ смыслѣ, а было смѣшеніе той и другой, особая энциклопедическая форма науки и литературы; названіе „энциклопедической“, данное этой умственной и литературной дѣятельности по главному ея органу „Энциклопедіи“, кажется, всего лучше и можетъ характеризовать ее. Эта философія-литература обыкновенно называется французской философіей; но Франція была не столько изобрѣтательницей, сколько распространительницей ея. Корни идей философіи XVIII в. лежатъ глубже, въ томъ умственномъ движеніи Европы, которое началось еще со времени реформаціи и прежде всего развилось въ Англіи и Голландіи. Въ Англіи, послѣ философской реформы Бэкона и великихъ открытій Ньютона и другихъ ученыхъ, при быстромъ развитіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ и особенно опытной философіи Локка, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности явились новыя идеи, религіозныя, ученыя, государственныя и общественныя. Въ сферѣ религіозно-нравственной здѣсь развился деизмъ (естественная религія разума) и тѣсно связанное съ нимъ ученіе нравственной философіи, или ученіе моралистовъ, выразившіеся въ сочиненіяхъ Коллинза (род. 1676 г.; Разсужденіе о свободномъ мышленіи), Лайонза (О непогрѣшимости человѣческаго разума), Толанда (1670—1722; Христіанство безъ тайнъ, Пантеистиконъ), Шафтсбери (1670—1713; Изслѣдованіе о добродѣтели, Моралистъ), Болинброка (ум. 1751), Гютчисона (ум. 1747), Фергюсона (ум. 1816) и др.; въ философіи и наукѣ вообще изъ сочиненій Локка (1632—1704; Опытъ о познавательной способности человѣка, Письма о религіозной терпимости, Книга о воспитаніи) развился сенсуализмъ, перешедшій потомъ въ матеріализмъ и съ особенною полнотою выразившійся въ сочиненіяхъ французскаго философа Кондильяка (ум. 1780), который въ своемъ трактатѣ о чувствованіяхъ источникомъ всѣхъ идей и познаній поставилъ чувственное ощущеніе (juger est sentir); въ области политической явились новыя идеи о государствѣ и государственномъ устройствѣ, о законодательствѣ и управленіи; въ области педагогической, въ наукѣ о воспитаніи и образованіи, новая теорія воспитательная, основанная на указанныхъ Локкомъ (книга о воспитаніи) началъ природной простоты и свободы. Голландія и Швейцарія, какъ самыя свободныя страны, сдѣлались первымъ и главнымъ пристанищемъ этихъ новыхъ идей. Въ Нидерландахъ поселился скептикъ Бэйль († 1706) и въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“ первый началъ указывать разные недостатки въ области религіи, науки и государства. Потомъ, будучи перенесены во Францію, новыя идеи, чрезъ посредство французскаго языка и французской литературы, стали распространяться по всей Европѣ. Первымъ

распространителемъ этихъ идей во Франціи и другихъ странахъ былъ Вольтеръ (1694—1778) ([1]). Познакомившись съ ученіемъ англійскихъ деистовъ и моралистовъ, онъ распространялъ это ученіе во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и, проповѣдуя естественную религію разума, вмѣстѣ съ тѣмъ съ ожесточеніемъ нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Въ тоже время Монтескье (1689—1755) въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ новыя общественныя и политико-государственныя идеи; въ „Духѣ законовъ“ онъ разсмотрѣлъ всѣ существующія формы государственнаго управленія и особенное вниманіе Европы обратилъ на конституціонныя формы этого управленія въ Англіи. Это первый періодъ французской философіи и литературы. Второй, дальнѣйшій періодъ ея составляетъ ученіе энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Дидро и Даламберъ ([2]). Въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ „Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers“ (первые два тома вышли въ 1751 и 1752 г.) они стремились всѣ новыя идеи религіозныя, научныя и политическія перевести изъ книгъ и круга ученыхъ людей во всѣ классы общества, и распространивъ такимъ образомъ повсюду, способствовать практическому ихъ примѣненію въ жизни. Самыми характерными сочиненіями Дидро (1713—1784), послѣдовательно представляющими сначала скептическое, а потомъ матеріалистическое и атеистическое его ученіе, надобно признать „Философскія мысли“, „Письма о слѣпыхъ“, „Письма о глухихъ и нѣмыхъ“, „О матеріи и движеніи“, „Размышленія о книгѣ о Духѣ“ и наконецъ „Разговоръ между Даламберомъ и Дидро“ и „Сонъ Даламбера“. самое обширное и самое смѣлое изложеніе его чистаго матеріализма и атеизма. Даламберъ (1717—1783) былъ математикъ и въ тоже время занимался философіей. Какъ математикъ, онъ извѣстенъ преимущественно „трактатомъ о динамикѣ“; какъ издатель Энциклопедіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ знаменитымъ „Предисловіемъ къ Энциклопедіи“ (Discours préliminaire), въ которомъ онъ представилъ новую систему человѣческихъ познаній или новую классификацію наукъ, на основаніи ихъ современнаго развитія, опредѣливъ мѣсто и значеніе каждой науки, ея предѣлы и отношеніе къ другимъ наукамъ. Къ Дидро и Даламберу примыкало множество ученыхъ и писа-

---

([1]) Вольтеръ. Его жизнь и сочиненія. В. Ѳ. Корша. Вѣст. Европы. 1880; ноябрь и декабрь.

([2]) Дидро и энциклопедисты Дж. Морлея. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.—Екатерина II и энциклопедисты О. Ѳ. Миллера. Новь 1884.

телей того времени. Одни изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ Энциклопедіи и помѣщали въ ней свои статьи; другіе же, хотя не помѣщали въ ней своихъ статей, но, вполнѣ принимая идеи и вообще ученіе ея издателей, содѣйствовали ихъ распространенію своими отдѣльными книгами и сочиненіями. Изъ нихъ особенную извѣстность пріобрѣли: Гольбахъ (1723—1789) своимъ сочиненіемъ „Система природы" (Système de la Nature), въ которой излагается система чистаго матеріализма; Гельвеціусъ (1715—1771) своей книгой „О духѣ" (Sur l'Esprit), которая заключаетъ ученіе объ эгоизмѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ всѣхъ побужденій, стремленій и дѣйствій человѣческихъ; Ламетри (1709—1751) своими сочиненіями: „Естественная исторія души" (Histoire naturelle de l'Ame) и „Человѣкъ машина" (L'homme machine), въ которыхъ проповѣдуется, что настоящее счастіе человѣка заключается въ чувственномъ наслажденіи; Морелли своей книгой „Основной законъ или уставъ природы" (Code de la nature), въ которой излагается ученіе, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортили его только превратныя ученія и учрежденія; что улучшеніе и совершенное блаженство могутъ быть достигнуты только устраненіемъ собственности и государственной морали, основанной на себялюбіи; что основу новаго общества должны составлять общность имущества, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безграничное равенство всѣхъ (сочиненіе это долго, но несправедливо приписывалось Дидро). Но въ то время, какъ Вольтеръ, Дидро и энциклопедисты, раскрывая всѣ недостатки и злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности и полагая главный ихъ источникъ въ невѣжествѣ, громко и настойчиво требовали полнаго и повсюднаго господства разума и просвѣщенія, Руссо [1] началъ доказывать, что современное просвѣщеніе, современныя науки и цивилизація имѣютъ такое превратное и гибельное направленіе, что могутъ подавать только поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи, что вообще, чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло, или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, ни богатства, ни роскоши, но не было и испорченности нравовъ. Такія

---

(1) Руссо. Дж. Морлея. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е

(съ изданія 1888 г. безъ измѣненій)

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е

(съ изданія 1888 г. безъ измѣненій).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

отрицанія всего государственнаго строя. Возставъ противъ роскоши и распущенности нравовъ, онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ дикимъ временамъ, когда не было ни науки, ни искусства, ни цивилизаціи. „Состояніе общественности и государственности между людьми неестественно, развитіе духовныхъ даровъ и способностей вредно, и состояніе физическаго довольства, не нарушаемаго даже мыслію о какихъ нибудь духовныхъ потребностяхъ, есть самое нормальное состояніе, и всякое удаленіе отъ такого состоянія портитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ"—вотъ какіе выводы дѣлало изъ первыхъ сочиненій Руссо тогдашнее недовольное и озлобленное на существующій порядокъ поколѣніе; а парадоксальныя идеи Руссо въ „Общественномъ договорѣ" объ абсолютной свободѣ и верховномъ правѣ народа производили еще болѣе разрушительное дѣйствіе въ умахъ и сдѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ революціи.

Такимъ образомъ, философія XVIII в., начавъ съ искорененія злоупотребленій и недостатковъ въ разныхъ сферахъ жизни, не остановилась на этомъ, но скоро перешла къ отрицанію самихъ, издавна установившихся, формъ жизни. Но если въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, религіозно-нравственной, ученой, государственной, накопилось въ теченіе многихъ вѣковъ множество злоупотребленій и недостатковъ, то отсюда слѣдовало только то, что необходимо очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, но никакъ не слѣдовало необходимости уничтожить самыя эти сферы, отвергнуть религію, науку и государство. И религія, и наука, и государство произошли изъ необходимыхъ существенныхъ потребностей природы человѣка; онѣ не навязаны насильно человѣку, а созданы имъ же самимъ. Философія просвѣщенія не ограничилась одною просвѣтительною ролью. Философы не захотѣли быть просто свободными мыслителями, а стали деспотически распространять свое ученіе. Начавъ свою философскую миссію проповѣдью о вѣротерпимости и протестомъ противъ фанатизма, они доходили въ нихъ также до сильнаго фанатизма и нетерпимости. Вольтеръ и энциклопедисты преслѣдовали христіанское ученіе съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостію, съ какими въ средніе вѣка преслѣдовали разныя ереси. Упрекая католичество за то, что оно хочетъ властвовать во всемъ мірѣ, философія сама захотѣла занять его мѣсто и стремилась такъ же сдѣлаться всемірной религіей. Философія, конечно, оказала великую услугу тѣмъ, что раскрыла множество злоупотребленій и недостатковъ; но, преслѣдуя эти злоупотребленія и недостатки, она не щадила ничего важнаго и священнаго и одинаково нападала на истины и авторитеты на томъ только основаніи, что это старыя истины и старые авторитеты. Особенно такой раз-

рушительный характеръ имѣла дѣятельность Вольтера, который безпощадно преслѣдовалъ все, что не подходило подъ его воззрѣнія. Въ сочиненіяхъ всѣхъ великихъ дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и политикѣ, которымъ человѣчество до сихъ поръ приписывало авторитетъ, было много ошибокъ, которыя въ послѣдствіи, естественно, и открылись; но Вольтеръ, раскрывая эти ошибки, всегда старался поставить вопросъ такъ, что уничтожалъ всякій авторитетъ, возбуждалъ недовѣріе ко всякому авторитету. „Имѣя дѣло только съ фактами, говоритъ Шлоссеръ, оцѣнивая такую дѣятельность Вольтера, мы не станемъ здѣсь доказывать, что возбужденіе недовѣрія къ наставникамъ человѣчества не можетъ совершаться безъ величайшей опасности для нравственности цѣлой націи, что хотя скептическое воззрѣніе Вольтера на жизнь всегда и во всякое время составляетъ необходимую принадлежность высшихъ сословій, однако, перейдя изъ книгъ и салоновъ въ гражданскую жизнь и народную массу, оно немедленно обращается въ страшную язву, которая отравляетъ всѣ элементы жизни“ (1).

Такимъ образомъ вполнѣ понятною становится та судьба философіи XVIII в., на которую мы указали выше. Гуманныя идеи и протестъ противъ современныхъ заблужденій, которыми эта философія заявила себя съ самаго начала, вызвали всеобщее къ ней сочувствіе; но отрицаніе всѣхъ основныхъ началъ жизни, на которыхъ зиждутся всѣ упованія, счастіе и спокойствіе человѣка, отрицаніе, къ которому она пришла въ послѣдствіи, естественно, должно было возбудить противъ нея гоненіе. Совершенно понятно, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, тѣ же самыя лица, которыя сначала увлекались идеями этой философіи и старались распространять ихъ въ обществѣ, потомъ не только отрекались отъ нея, но и дѣлались ея гонителями, что импер. Екатерина, почти первая въ Россіи познакомившаяся съ ученіемъ энциклопедистовъ, совершенно перемѣнила взглядъ на нихъ, что многіе русскіе писатели, сначала увлекавшіеся этимъ ученіемъ, объявляли противъ него громкій протестъ. Это началось особенно тогда, когда событія французской революціи показали, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ разрушающее всѣ основы жизни ученіе новой философіи. „Ничто такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человѣческихъ обществъ, — говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, противополагая разрушительной дѣятельности Вольтера и другихъ писателей отрицательнаго направленія умѣренность и сдержанность требованій Монтескьё въ „Ду-

(1) Истор. XVIII и XIX стол. Спб. 1858. II, 332.

хѣ законовъ", — какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ и свободнымъ воздухомъ; но испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты" ([1]).

Народность и другіе элементы въ литературѣ Екатерининской эпохи. При стремленіи къ усвоенію современныхъ идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ тоже время эпохою развитія національнаго сознанія. Національное сознаніе русскихъ людей довольно рѣзко заявило себя уже въ царствованіе импер. Елисаветы, какъ въ политикѣ самой императрицы, такъ и въ патріотическихъ стремленіяхъ Ломоносова, Шувалова, Сумарокова и другихъ русскихъ дѣятелей; но, будучи вызвано ближайшимъ образомъ внѣшними обстоятельствами и преимущественно преобладаніемъ нѣмецкой партіи при дворѣ и притѣсненіями русскихъ со стороны иностранцевъ въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, оно и выражалось, за немногими исключеніями, больше такъ же внѣшнимъ образомъ, въ борьбѣ съ иностранцами за русскіе интересы. Въ царствованіе же Екатерины національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Болѣе близкое знакомство съ европейскою цивилизаціей показало, что изъ нея нельзя брать все безъ разбора, что весьма многое въ учрежденіяхъ, правахъ и обычаяхъ каждаго европейскаго народа образовалось изъ чисто національныхъ потребностей и развилось путемъ историческимъ и слѣдовательно не можетъ быть свойственно вполнѣ русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ и историческихъ условіяхъ, что и въ Европѣ есть также много сторонъ нехорошихъ, заблужденій и пороковъ и вообще много такого, отъ чего хотѣли бы освободиться сами европейцы. Между тѣмъ, большинство русскихъ людей, понявъ европейскую цивилизацію чисто внѣшнимъ образомъ, на эти стороны и обратило свое вниманіе и вмѣсто хорошихъ качествъ усвоивало одни пороки и заблужденія; вмѣсто желаемаго просвѣщенія въ Россіи усиливалось лжепросвѣщеніе, которое, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, казалось хуже древняго русскаго невѣжества. Вредныя послѣдствія такого иноземнаго вліянія должны были возбудить въ русскихъ людяхъ вопросъ о правильномъ и разумномъ усвоеніи европейскаго про-

---

([1]) Истор. Россіи XXVI, 212.

свѣщенія, сообразно съ народнымъ характеромъ и народными потребностями. Сознали необходимость основательно изучить какъ современную жизнь русскаго народа, такъ и его прошлую исторію. Это сознаніе въ наукѣ выразилось: въ ученыхъ путешествіяхъ по разнымъ областямъ Россіи, съ цѣлію всесторонняго ихъ изученія; въ изданіи лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ; въ сборникахъ произведеній народной словесности; въ учрежденіи отдѣльной россійской академіи, съ цѣлію составленія полнаго словаря русскаго языка и грамматики; въ литературѣ—во множествѣ литературныхъ произведеній въ народномъ духѣ и съ народнымъ содержаніемъ. Въ этихъ трудахъ народнаго самопознанія принимали участіе, начиная съ самой Екатерины, всѣ ученые и писатели этой эпохи. Но, какъ въ прежнее время увлеченіе европейской цивилизаціей сопровождалось оставленіемъ древнихъ благочестивыхъ русскихъ обычаевъ, а у нѣкоторыхъ неразумныхъ доходило даже до презрѣнія ко всему отечественному, такъ теперь многіе, возставая противъ лжепросвѣщенія и дурныхъ послѣдствій иностраннаго вліянія, начали возставать вообще противъ европейской цивилизаціи и пожалуй готовы были возвратиться къ прежней допетровской жизни. Явилось отраженіе, или продолженіе, съ необходимыми измѣненіями, борьбы тѣхъ двухъ партій сторонниковъ и противниковъ европейской цивилизаціи, которыя были вызваны реформой. Какъ въ петровскую эпоху, для того, чтобы доказать необходимость реформы, и защитить всѣ нововведенія, старались, не щадя народнаго чувства, какъ можно рельефнѣе выставить всѣ темныя стороны древней русской жизни и не хотѣли признавать въ ней ничего хорошаго, такъ теперь, для того, чтобы возбудить въ русскомъ обществѣ національное сознаніе и возстановить въ немъ совершенно упавшее уваженіе къ русской жизни и русской исторіи, начали уже слишкомъ идеализировать ихъ, и, восхваляя все русское, порицать иноземное, европейское вліяніе до того, что несправедливо считали его единственнымъ источникомъ и виною всѣхъ золъ и нестроеній въ новой русской жизни, забывая, что многіе пороки и заблужденія въ новой Россіи были унаслѣдованы еще отъ стараго допетровскаго періода. Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ временъ реформы, образовались тѣ два противоположныя теченія въ русской жизни, наукѣ и литературѣ, которыя еще до сихъ поръ не могутъ слиться въ одно русло, и которыя извѣстны подъ именемъ двухъ направленій—западно-европейскаго и восточно-русскаго, народно-русскаго, или славянофильскаго. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ эти направленія такъ рѣзко обозначились и доходили до такихъ крайностей, что Фонъ-Визинъ въ числѣ извѣстныхъ вопросовъ, предложенныхъ Екате-

ринѣ, нашелъ нужнымъ сдѣлать и слѣдующій вопросъ: „Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй— будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо"—вопросъ, который и до сихъ поръ остается открытымъ. Борьба между этими направленіями должна была обостриться особенно въ концѣ царствованія Екатерины, когда событія французской революціи бросили такую мрачную тѣнь на Францію и вообще на все европейское просвѣщеніе, что всѣхъ заставили бояться его и въ вопросѣ объ образованіи естественно наклоняли всѣхъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей на сторону народнаго развитія, согласно съ потребностями русскаго народа.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ элементовъ—западно-европейскаго и народно-русскаго, мы встрѣчаемъ въ литературѣ Екатерининской эпохи и другіе элементы, переходившіе въ нее изъ европейскихъ литературъ. Во второй половинѣ XVIII в. по всей Европѣ распространились такъ называемыя „Пѣсни Оссіана", изданныя англійскимъ поэтомъ Макферсономъ; эти пѣсни скоро явились въ русскомъ переводѣ и имѣли вліяніе на русскую поэзію. Въ тоже время была перенесена къ намъ изъ Европы мѣщанская драма, явившаяся на смѣну старой классической драмы; по образцу ея были написаны комедіи Лукина, Веревкина, Аблесимова и др. Наконецъ въ Европѣ, противъ философіи энциклопедистовъ возстало масонство. Это масонство перешло и къ намъ и также объявило противъ нея оппозицію, выразившуюся въ дѣятельности Шварца, въ журналахъ Новикова, въ сочиненіяхъ Лопухина и др. Таковы главные элементы въ литературѣ Екатерининской эпохи (1).

Просвѣтительная и литературная дѣятельность Екатерины II.

Высокій умъ и мощный характеръ Екатерины II такъ поражали современниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ (принцъ де-Линь и Вольтеръ) называли ее: Екатерина Великій (Catherine le Grand). И сама она говорила: „Привычка ли это, или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мущинами". При высокомъ природномъ умѣ, Екатерина обладала и обширнымъ серьезнымъ образованіемъ (2). Въ самыхъ молодыхъ годахъ (род.

(1) Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху А. И. Незеленова. Истор. Вѣстн. 1884; №№ 5, 6 и 7; 1886; №№ 9 и 10; 1887; № 6.

(2) Воспитаніе Екатерины II. Я. Грота. Древняя и Новая Россія 1875 г., томъ I.

1729, ум. 1796 г.), будучи еще княжной Ангальтъ-Цербстской, она, не удовлетворяясь уроками своихъ учителей, сама начала знакомиться съ лучшими произведеніями французской и итальянской литературы; но особенно серьезно она занялась самообразованіемъ съ того времени, какъ сдѣлалась княжной русской. Съ этого времени, до вступленія на русскій престолъ, въ продолженіе 18 лѣтъ, чтеніе книгъ и выписки изъ нихъ по разнымъ политическимъ, ученымъ и литературнымъ вопросамъ были ея постояннымъ занятіемъ. Въ ея библіотекѣ въ это время находились такія разнообразныя и серьезныя книги, какъ Жизнь Генриха IV Перификса, Исторія Германіи Барри, Лѣтописи Тацита, Діалоги Платона (во французскомъ переводѣ), церковная исторія Баронія, словарь Бэйля, сочиненія Монтескьё и Вольтера. Изъ современныхъ писателей Екатерина прежде всего обратила вниманіе на Монтескьё; особенно ее увлекалъ „Духъ законовъ“, изъ котораго она очень рано начала дѣлать выписки, вошедшія потомъ въ „Наказъ коммиссіи“. „Духъ законовъ, писала она г-жѣ Жоффрэнъ, долженъ быть требникомъ для всѣхъ государей, если только они не лишены здраваго смысла“. Но вообще въ своемъ развитіи всего больше значенія она приписывала Вольтеру. „Вольтеръ мой учитель, писала она къ Гримму; онъ, или лучше сказать, его произведенія развили мой умъ и мою голову; я его ученица“ ([1]). По вступленіи на престолъ, она тотчасъ начала съ нимъ переписку и продолжала ее до его смерти ([2]). „Ни о какомъ другомъ писателѣ,—замѣчаетъ Гротъ, внимательно прослѣдившій отношенія Екатерины къ Вольтеру по ея письмамъ къ Гримму,—она не говоритъ съ такою любовію и съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ. Въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчала его недостатковъ; до конца его жизни и послѣ она не переставала смотрѣть на него, какъ на идеалъ писателя и простирала свое уваженіе къ его памяти до какого-то обожанія“ ([3]). Совсѣмъ иначе Екатерина смотрѣла на Руссо и не только не любила его, но и посмѣивалась надъ его сочиненіями и

([1]) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота. Зап. Ак. наукъ. Приложеніе къ XXXIV тому № 1, стр. 67.

([2]) «Философическая и политическая переписка импер. Екатерины II съ г. Вольтеромъ». Подъ такимъ заглавіемъ она издавалась прежде нѣсколько разъ. Новое болѣе полное ея изданіе сдѣлано В. В. Чуйко. Европейскіе писатели и мыслители. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882.

([3]) Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму, Я. К. Грота, стр. 4—5.

самого его называла новымъ Бернардомъ, проповѣдующимъ противъ нея крестовый походъ, который, по ея словамъ, такъ же не удался, какъ и первый. Кромѣ крайней непослѣдовательности и парадоксальности, въ Руссо возмущали Екатерину его демократическія идеи, выраженныя особенно въ его Contrat social, и неизбѣжно приводившія къ революціи и анархіи, а также враждебныя его выходки противъ Россіи. Воспитательная теорія Руссо, изложенная въ Эмилѣ, также противорѣчила всѣмъ основнымъ понятіямъ Екатерины. Поэтому она въ самомъ началѣ своего царствованія сдѣлала запрещеніе противъ Эмиля въ собственноручной запискѣ: „Слышно, что въ Академіи наукъ продаются такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр. Эмиль Руссо.... Надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ Академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили" ([1]).—Но за то въ такихъ же дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ Вольтеромъ, Екатерина долго находилась съ энциклопедистами Даламберомъ и Дидро. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ въ 1762 г., она предложила Даламберу занять должность воспитателя наслѣдника в. к. Павла Петровича, и когда онъ отказался отъ этой должности, она писала ему: „Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлой націи; отказываться въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, значитъ отказываться дѣлать добро, къ которому вы стремитесь. Ваша философія основана на человѣколюбіи; позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человѣчеству, насколько это возможно для васъ". Не смотря на отказъ Даламбера, она продолжала съ нимъ сношенія и часто обращалась къ нему за совѣтами по разнымъ вопросамъ.—Узнавъ, что Дидро бѣденъ и такъ нуждается въ деньгахъ, что на приданое дочери готовъ продать свою библіотеку, она купила у него эту библіотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее въ его пользованіи до его смерти, и кромѣ того еще назначила ему постоянное жалованіе въ годъ по 1000 франковъ, какъ хранителю ея библіотеки, и приказала выдать это жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Когда же Дидро, чтобы отблагодарить Екатерину за такую милость, вздумалъ пріѣхать въ Петербургъ, она выслала къ нему на встрѣчу камергера Нарышкина и приняла его, какъ представителя европейскаго просвѣщенія. Пять мѣсяцевъ Дидро прожилъ въ Петербургѣ, и каждый день она приглашала его къ себѣ,

---

([1]) Тамъ же стр. 7—8.

разговаривала съ нимъ по нѣскольку часовъ и послѣ всѣхъ подарковъ предложила ему 200,000 рублей для новаго изданія „Энциклопедіи“.—Познакомившись съ сочиненіями итальянскаго писателя Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, она хотѣла также вызвать его въ Петербургъ на службу и приказывала выдать ему впередъ 1000 червонцевъ, въ случаѣ, если бы онъ согласился пріѣхать. Бомарше она предлагала издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ. Кромѣ того, Екатерина переписывалась съ г-жею Жоффрэнъ, нѣмецкимъ докторомъ Циммерманомъ (¹) и особенно долго съ барономъ Гриммомъ. Гримму она также предлагала навсегда переселиться въ Россію и хотѣла поручить ему главное управленіе народнымъ образованіемъ и народными школами. Въ постоянной перепискѣ своей (²) она сообщала Гримму всѣ свои планы и намѣренія и требовала отъ него совѣтовъ въ разныхъ случаяхъ; чрезъ него она знакомилась со всѣми новостями въ европейской политикѣ, наукѣ и искусствахъ, получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ и проч. Наконецъ при дворѣ, въ ея кругу, было всегда нѣсколько европейскихъ знаменитостей, каковы французскій посланникъ графъ Сегюръ, бельгійскій принцъ де-Линь и др. (³).

Но, при всемъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію и представителямъ его, философамъ энциклопедистамъ и разнымъ ученымъ и писателямъ, Екатерина всегда помнила, что она русская императрица, призванная для управленія русскимъ царствомъ, для блага русскаго народа. Рядомъ съ изученіемъ Европы и европейской науки у нея шло внимательное изученіе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Россію, учителями ея были назначены для наставленія въ православной вѣрѣ

(¹) Переписка Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ. А. Брикнера. Русск. Старина 1887; іюнь.

(²) Письма Екатерины II къ барону Гримму напечатаны Я. К. Гротомъ въ Сборникѣ русскаго историческаго общества (т. XXIII) съ подлинниковъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Они писаны по французски и очень изрѣдка по нѣмецки. Въ Русскомъ Архивѣ 1878 г. №№ 9—10 напечатаны выдержки изъ этихъ писемъ въ русскомъ переводѣ. Баронъ Гриммъ (1723—1807) жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха В. находились подъ вліяніемъ французской литературы. Онъ былъ въ, дружбѣ съ Дидро и Вольтеромъ. Въ 1773 г. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и жилъ здѣсь полгода.

(³) Импер. Екатерина II въ перепискѣ съ иностранцами. А. Рамбо. Русск. Архивъ 1877; кн. 2. (Извлечено изъ Revue de deux Mondes 1877).

Симонъ Тодорскій, бывшій послѣ архіеписк. Псковскій († 1754), для обученія русскому языку академикъ Ададуровъ. Она внимательно занялась изученіемъ русскаго языка и если не изучила его до такой степени, чтобы писать на немъ совершенно правильно, безъ грамматическихъ ошибокъ, то въ этомъ виновата была императрица Елисавета, которая не давала ей много заниматься, говоря, что она и такъ слишкомъ умна. Екатерина сознавала въ послѣдствіи свои недостаточныя свѣдѣнія въ русской грамматикѣ, но не смотря на то любила писать по русски, нисколько не стѣсняясь ошибками. „Надѣяться можно, замѣчала она при этомъ, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ".—„Ты не смѣйся, говорила она своему секретарю Грибовскому, надъ моей русской орѳографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла хорошенько ее узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе". Впрочемъ, замѣчаетъ Грибовскій, государыня говорила по русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она знала множество".—Познакомившись съ русскимъ и славянскимъ языкомъ настолько, чтобы читать книги, она стала знакомиться съ русской исторіей и начала читать лѣтописи; отъ литературы книжной она перешла къ народной словесности и изучала духъ и нравы русскаго народа въ его пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Чрезъ Ададурова Екатерина иногда требовала книгъ изъ академіи наукъ; библіотекарь Шумахеръ доставлялъ ей каталоги академической библіотеки и ея книжнаго магазина.—Это изученіе Россіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ состояніи было весьма важно для Екатерины. Оно спасло ее отъ многихъ ошибокъ, въ которыя неизбѣжно впадаютъ иностранцы въ Россіи, и послужило къ тому, что нѣмка по происхожденію, ученица Вольтера и поклонница энциклопедистовъ, она явилась на престолѣ вполнѣ русской и съумѣла быть русской императрицей. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ она подняла знамя русской народности, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и во внѣшней политикѣ, и твердо держала это знамя до конца жизни. Въ періодъ самаго страстнаго увлеченія философіей энциклопедистовъ, она не доходила до такихъ крайностей, чтобы въ пользу ихъ ученія пожертвовать какими-нибудь народными или государственными интересами. Народные и государственные интересы были неизмѣнными границами, за которыя она не позволяла себѣ переступать при сво-

ихъ сношеніяхъ съ иностранцами и симпатіяхъ къ нѣкоторымъ иностраннымъ учрежденіямъ. О томъ же самомъ Дидро, которому она оказывала такое уваженіе, она въ послѣдствіи говорила графу Сегюру: „Я много и часто бесѣдовала съ нимъ, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я его словамъ повѣрила, то пришлось бы все поставить вверхъ ногами въ моемъ царствѣ. Законодательство, административная часть, все должно было бы перевернуться, чтобы дать мѣсто его непрактическимъ теоріямъ. Видя, что ни одно изъ тѣхъ великихъ нововведеній, которыя онъ проповѣдывалъ, не было приведено въ исполненіе, онъ высказалъ нѣкоторое удивленіе и даже высшую степень неудовольствія. Тогда, говоря откровенно, я сказала ему: г. Дидро, я прислушивалась съ величайшимъ удовольствіемъ ко всему тому, что вашъ блестящій умъ внушилъ вамъ высказать мнѣ. Всѣ ваши великіе принципы, которые я очень хорошо понимаю, могутъ составить очень хорошее сочиненіе, но для дѣла они не годятся. Во всѣхъ вашихъ предложеніяхъ относительно введенія реформъ, вы забываете только одно, именно разницу, которая существуетъ между вашимъ положеніемъ и моимъ; вы работаете только на бумагѣ, которая все терпитъ и никакихъ препятствій не представляетъ ни вашему воображенію, ни вашему перу; но я, бѣдная императрица, я работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительна и щекотлива въ высшей степени“. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру она писала: „Мой девизъ пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное“. И она хотѣла быть, дѣйствительно, пчелой, собирающей въ современной европейской наукѣ и литературѣ только то, что считала полезнымъ для своего народа и государства. „Я должна отдать справедливость своему народу,—писала она въ другомъ письмѣ къ тому же Вольтеру,—это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены“. И когда Вольтеръ слишкомъ началъ торопить, чтобы она составила новые законы, Екатерина написала ему изъ Казани: „Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и Азіи; какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азіи и вижу все своими глазами. Здѣсь двадцать различныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общія начала; но частности? Вѣдь это цѣлый особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять“.—Увлекаясь гуманными идеями французской

философіи относительно воспитанія, образованія и управленія, Екатерина стремилась провести эти идеи въ русское законодательство и администрацію, въ литературу и жизнь русскую; но она всегда возставала противъ тѣхъ идей этой философіи, которыя были направлены противъ власти и государственнаго порядка. Когда же французская революція на самомъ дѣлѣ показала, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводятъ эти идеи, она измѣнила свой взглядъ какъ вообще на просвѣщеніе XVIII в., такъ и на тѣхъ его представителей, къ которымъ относилась прежде съ такимъ уваженіемъ. „Я вчера вспомнила, писала она Гримму въ 1794 г., что вы мнѣ говорили не разъ: этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобы приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производили, производятъ и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество несчастныхъ" (¹). Въ 1795 г. она къ тому же Гримму писала о Даламберѣ и энциклопедистахъ: „Я безропотно буду ждать благопріятной минуты, когда вамъ угодно будетъ оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ энциклопедіи; ибо Гельвецій и Даламберъ оба сознавались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую—уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть" (²). Этой перемѣной взглядовъ на философію энциклопедистовъ, кромѣ, разумѣется, другихъ обстоятельствъ, объясняется и тотъ крутой поворотъ въ дѣятельности Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, когда она, испуганная ужасами французской революціи, изъ поклонницы и проповѣдницы гуманныхъ идей сдѣлалась почти ихъ гонительницей, когда она подозрительно стала относиться къ тѣмъ самымъ явленіямъ умственнымъ и литературнымъ, которыя сама вызвала, или которыя прежде вполнѣ одобряла, когда она начала видѣть вредныя и разрушительныя стремленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Извѣстно, что она сильно разгнѣвалась на Державина за его оду „Властителямъ и судіямъ", которая прежде не возбуждала въ ней никакого подозрѣнія; запретила трагедію Княжнина „Вадимъ"; подвергла преслѣдованію, а потомъ и заключила въ крѣпость того самаго Новикова, просвѣтительную дѣятельность котораго она вполнѣ одобряла, осудила на сосланіе въ Сибирь Радищева за его „Путешествіе въ Москву".

(¹) **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ, т. XL, 231.** (²) **Тамъ же 274—275.**

Но такая перемѣна во взглядахъ и дѣятельности Екатерины обнаружилась преимущественно въ послѣдніе годы ея царствованія, въ первыя же времена, особенно въ первыя десять лѣтъ, она, какъ мы замѣтили, глубоко сочувствовала всѣмъ лучшимъ идеямъ о воспитаніи, образованіи и управленіи, и старалась проводить ихъ въ русскую жизнь разными мѣрами и всѣми путями: педагогическимъ, законодательнымъ и литературнымъ.

Воспитательныя и образовательныя заведенія въ Екатерининскую эпоху. Вопросъ о воспитаніи и образованіи былъ, какъ мы видѣли, основнымъ вопросомъ въ XVIII в. Путемъ воспитанія, которое считалось главною причиною добра и зла, счастія и несчастія въ жизни человѣческой, хотѣли создать новую породу людей, свободную отъ удручающихъ человѣка предразсудковъ, заблужденій и пороковъ. Поэтому на воспитаніе и образованіе прежде всего обратила вниманіе и Екатерина, какъ только вступила на престолъ.—Прежнее образованіе, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, было односторонне и имѣло характеръ преимущественно профессіональный: все вниманіе обращено было на развитіе умственное, на изученіе разныхъ предметовъ, но при этомъ въ сторонѣ или въ совершенномъ небреженіи было оставлено воспитаніе физическое, развитіе и укрѣпленіе тѣла; во всѣхъ школахъ главною заботою было только ученіе, сообщеніе разнообразныхъ свѣдѣній, согласно съ будущимъ назначеніемъ учащихся, но не было и мысли о гармоническомъ развитіи и направленіи всѣхъ душевныхъ способностей, объ образованіи нравственнаго характера, однимъ словомъ, было ученіе, но не было воспитанія; во всѣхъ училищахъ главною цѣлію было—приготовить разныхъ чиновниковъ, способныхъ занять тѣ или другія должности на государственной службѣ, разнаго рода ученыхъ художниковъ, ремесленниковъ; но при этомъ нисколько не заботились о томъ, чтобы въ этихъ будущихъ чиновникахъ воспитать хорошихъ людей, честныхъ и полезныхъ гражданъ. Всѣ эти односторонности и недостатки прежняго образованія предположено было устранить въ новыхъ заведеніяхъ, которыя должны были сообщать новому поколѣнію учащихся правильное всестороннее воспитаніе—физическое, умственное и нравственное. Понятно, что принятыя Екатериною мѣры для устройства такого воспитанія были встрѣчены съ радостію, какъ залогъ возрожденія, или новаго преобразованія Россіи. „Петръ В., говорилъ Бецкій, обращаясь къ Екатеринѣ въ составленномъ имъ „Планѣ воспитательнаго дома", создалъ въ Россіи людей; Ваше величество влагаете въ нихъ души"; Сумароковъ въ „Надписи въ статуѣ Петра I" сказалъ:

«Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу»;

а Херасковъ туже мысль выразилъ въ повѣсти „Нума“ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу».

Иванъ Ивановичъ Бецкій. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ новаго воспитанія былъ Бецкій, который въ исторіи образованія въ Екатерининскую эпоху имѣетъ такое же важное значеніе, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую эпоху. Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795), побочный сынъ князя Трубецкаго, родился въ Стокгольмѣ и тамъ же получилъ свое первое образованіе. Онъ долго путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, познакомился съ новой философіей и литературой, но съ особеннымъ любопытствомъ и усердіемъ занимался изученіемъ разныхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, основанныхъ на новыхъ просвѣтительныхъ началахъ. Въ 1763 г. Екатерина назначила его президентомъ академіи художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и поручила ему устроить при нихъ воспитательныя заведенія, по образцу европейскихъ. Вслѣдствіе этого Бецкій составилъ извѣстный „Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ и „Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ“ [1]. Въ 1764 г. было основано при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ общество для благородныхъ дѣвицъ, а въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при академіи художествъ въ 1764 г. учреждено воспитательное училище для мѣщанъ, затѣмъ такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища Екатерининское (въ 1764 г.) и коммерческое (въ 1772 г.) и воспитательный домъ для приносныхъ дѣтей (въ 1763); такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ (въ 1770 г.). Помощникомъ Бецкаго при учрежденіи этихъ училищъ былъ профессоръ Барсовъ, который, между прочимъ, написалъ и упомянутый выше планъ воспитательнаго дома. Въ этомъ планѣ и особенно въ „Докладѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ выражены были и всѣ основныя начала и правила воспитанія и образованія во всѣхъ заведенныхъ училищахъ. Указавъ въ „Докладѣ“ на то, что хотя образованіе въ Россіи началось давно и съ давняго времени существуютъ разныя училища,

---

[1] Полн. собр. законовъ т. XVI №№ 11,908; 12,103.

но „существительныхъ плодовъ отъ нихъ собрано мало, буде не совсѣмъ ничего“, Бецкій указываетъ причину этого въ томъ, что при ученіи до сихъ поръ нисколько не заботились о воспитаніи, и потому находитъ необходимымъ учредить воспитательныя заведенія. „Искуство доказало, говоритъ онъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныя юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены... При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и „третьяго чина“ людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способомъ воспитанія такъ сказать „новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей“, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ. и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести „воспитательныя училища для обоего пола дѣтей“. Существенную черту этихъ училищъ составляло то, что они должны быть училища закрытыя. Учащіеся отъ пятаго и шестаго года и до 18 и 20 лѣтъ должны безвыходно оставаться въ нихъ. „Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно“. Такимъ путемъ хотѣли создать въ училищахъ новую породу людей, свободную отъ прежнихъ предразсудковъ и пороковъ. Другую черту этихъ училищъ составляло то, что въ нихъ надъ ученіемъ должно было преобладать нравственное наставленіе. Тѣже начала высказываются и въ „Планѣ воспитательнаго дома для приносныхъ младенцевъ“. „Монархиня чрезъ сіи учрежденія, говоритъ Бецкій въ докладѣ объ учрежденіи этого дома, предпріяла самые пороки перемѣнить въ источникъ добродѣтели и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердецъ счастливые и похвальные плоды произвесть“... Цѣлью воспитательнаго дома было приготовлять людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ

«Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу»;

а Херасковъ туже мысль выразилъ въ повѣсти „Нума“ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу».

Иванъ Ивановичъ Бецкій. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ новаго воспитанія былъ Бецкій, который въ исторіи образованія въ Екатерининскую эпоху имѣетъ такое же важное значеніе, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую эпоху. Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795), побочный сынъ князя Трубецкаго, родился въ Стокгольмѣ и тамъ же получилъ свое первое образованіе. Онъ долго путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, познакомился съ новой философіей и литературой, но съ особеннымъ любопытствомъ и усердіемъ занимался изученіемъ разныхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, основанныхъ на новыхъ просвѣтительныхъ началахъ. Въ 1763 г. Екатерина назначила его президентомъ академіи художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и поручила ему устроить при нихъ воспитательныя заведенія, по образцу европейскихъ. Вслѣдствіе этого Бецкій составилъ извѣстный „Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ и „Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ“ (1). Въ 1764 г. было основано при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ общество для благородныхъ дѣвицъ, а въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при академіи художествъ въ 1764 г. учреждено воспитательное училище для мѣщанъ, затѣмъ такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища Екатерининское (въ 1764 г.) и коммерческое (въ 1772 г.) и воспитательный домъ для приносныхъ дѣтей (въ 1763); такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ (въ 1770 г.). Помощникомъ Бецкаго при учрежденіи этихъ училищъ былъ профессоръ Барсовъ, который, между прочимъ, написалъ и упомянутый выше планъ воспитательнаго дома. Въ этомъ планѣ и особенно въ „Докладѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ выражены были и всѣ основныя начала и правила воспитанія и образованія во всѣхъ заведенныхъ училищахъ. Указавъ въ „Докладѣ“ на то, что хотя образованіе въ Россіи началось давно и съ давняго времени существуютъ разныя училища,

---

(1) Полн. собр. законовъ т. XVI №№ 11,908; 12,103.

но „существительныхъ плодовъ отъ нихъ собрано мало, буде не совсѣмъ ничего“, Бецкій указываетъ причину этого въ томъ, что при ученіи до сихъ поръ нисколько не заботились о воспитаніи, и потому находитъ необходимымъ учредить воспитательныя заведенія. „Искуство доказало, говоритъ онъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныя юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены... При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и „третьяго чина“ людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способомъ воспитанія такъ сказать „новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей“, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ. и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести „воспитательныя училища для обоего пола дѣтей“. Существенную черту этихъ училищъ составляло то, что они должны быть училища закрытыя. Учащіеся отъ пятаго и шестаго года и до 18 и 20 лѣтъ должны безвыходно оставаться въ нихъ. „Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно“. Такимъ путемъ хотѣли создать въ училищахъ новую породу людей, свободную отъ прежнихъ предразсудковъ и пороковъ. Другую черту этихъ училищъ составляло то, что въ нихъ надъ ученіемъ должно было преобладать нравственное наставленіе. Тѣже начала высказываются и въ „Планѣ воспитательнаго дома для приносныхъ младенцевъ“. „Монархиня чрезъ сіи учрежденія, говоритъ Бецкій въ докладѣ объ учрежденіи этого дома, предпріяла самые пороки перемѣнить въ источникъ добродѣтели и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердецъ счастливые и похвальные плоды произвесть“... Цѣлью воспитательнаго дома было приготовлять людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ

учителей православныхъ школъ въ Сербіи. Онъ явился главнымъ дѣятелемъ въ училищной коммиссіи; имъ составленъ былъ планъ устройства народныхъ училищъ; ему принадлежалъ выборъ и переводъ нѣкоторыхъ иностранныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. „Благополучнымъ быть, сказано было въ заявленіи коммиссіи, есть предметъ каждаго человѣка; отъ добраго воспитанія и руководства еще съ младыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ. Государство обязано доставить каждому безъ изъятія гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судебъ относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе; но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностію своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе". Училища, учрежденныя коммиссіею, назывались „народными", потому что доступъ въ нихъ былъ открытъ „для всего народа", безъ различія званія и происхожденія. По плану коммиссіи, предположено было учредить училища трехъ родовъ: малыя, или „нижнія", изъ двухъ классовъ; „среднія"—изъ трехъ и „вышнія"—изъ четырехъ. Въ нижнихъ училищахъ обучали грамотѣ и ариѳметикѣ, въ среднихъ преподавались: свящ. исторія, русская грамматика, краткая всеобщая исторія, краткая географія; въ высшихъ: геометрія, архитектура, механика, физика, естественная исторія. Въ послѣдствіи удержались только училища перваго и послѣдняго разряда; заведенныя кое-гдѣ среднія училища обращены были въ нисшія. Въ первые два года возникли нисшія народныя училища въ Петербургѣ и другихъ городахъ петерб. губерніи; въ Петербургѣ же явились два главныя народныя училища: одно русское, другое—нѣмецкое. Эти два заведенія должны были служить нормальными т. е. образцовыми для всѣхъ прочихъ. Въ 1786 г. послѣдовало открытіе главныхъ училищъ во многихъ губернскихъ городахъ Россіи. Наконецъ въ этомъ же 1786 г. былъ составленъ и планъ основанія трехъ университетовъ—въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; но время университетовъ наступило только уже въ царствованіе Александра I; при Екатеринѣ же изъ высшихъ ученыхъ заведеній было учреждено только одно—россійская академія, которая стараніями княгини Дашковой была открыта въ 1783 г. для составленія россійской грамматики, россійскаго словаря, риторики и правилъ стихотворенія, и для обогащенія русской литературы произведеніями краснорѣчія и поэзіи, посредствомъ переводовъ на русскій языкъ древнихъ и новыхъ писателей.

НАКАЗЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Наказъ Екатерины II ([1]) имѣлъ такое же значеніе въ Екатерининскую эпоху, какое Духовный Регламентъ въ Петровскую эпоху. И потому, какъ Регламентъ мы поставили во главѣ Петровской литературы, такъ Наказъ долженъ быть поставленъ во главѣ всей Екатерининской литературы. Въ Наказѣ въ первый разъ были выражены тѣ идеи о законодательствѣ и управленіи, воспитаніи и образованіи, которыя составили основу и главное содержаніе всей русской литературы во вторую половину XVIII в..

Наказъ есть не что иное, какъ инструкція, данная Екатериной въ руководство коммиссіи, учрежденной въ 1766 г. для составленія новаго уложенія. Въ манифестѣ о созваніи депутатовъ для этой коммиссіи (14 декабря 1766 г.) Екатерина говорила: „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться"; а въ концѣ Наказа, осуждая ласкателей, которые земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены, она объявила: „Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ и слѣд. больше процвѣтающъ на землѣ: намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю". И дѣйствительно, Екатерина приняла въ пособіе при составленіи Наказа все, что могла доставить современная наука о правѣ и законодательствѣ, такія сочиненія европейскихъ ученыхъ, которыя тогда считались послѣднимъ словомъ въ этой наукѣ. Въ отдѣлѣ о воспитаніи она руководствовалась сочиненіями Локка; въ отдѣлѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ сочиненіемъ итальянскаго ученаго Беккаріи; но главнымъ источ-

---

([1]) Наказъ императр. Екатерины о сочиненіи проекта новаго уложенія Г. Елисеева. Отеч. Зап. 1868 г, январь, т. CLXXVI.—Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія Д. В. Полѣнова. Сборн. русск. истор. общества т. X.—Екатерининская коммиссія 1767—69 г. П. Б. Бланка. Русск. Вѣстн. 1876.—Большая коммиссія А. Брикнера. Журн. Мин. Нар. Просв. 1881. ч. CCXVII.—Ист. Россіи Соловьева томъ XXVII.—Коммиссія уложенія П. К. Щебальскаго. Сборн. Истор. Общ. 1869, кн. X.—Подробное перечисленіе сочиненій о коммиссіи уложенія сдѣлано М. А. Липинскимъ въ статьѣ: Новыя данныя для исторіи Екатерининской коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія. Журн. М. Н. Пр. 1887; іюнь; ч. CCLI.

никомъ для нея служилъ „Духъ законовъ“ Монтескьё, изъ котораго она брала такія большія заимствованія, что сама называла ихъ воровствомъ: „Вы увидите, писала она Даламберу, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескьё, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ мнѣ этотъ литературный грабежъ для блага 20 милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать; его книга—это мой молитвенникъ“. Но, заимствуя все лучшее изъ лучшихъ сочиненій, она имѣла въ виду приспособить все заимствованное къ установившейся въ Россіи формѣ государственнаго правленія, къ потребностямъ страны, къ духу и характеру русскаго народа.

Екатерина составляла Наказъ два года и сначала составляла тайно, года полтора никому не говоря, а потомъ стала показывать его по частямъ своимъ приближеннымъ, князю Орлову, графу Н. И. Панину и другимъ лицамъ. Изъ писателей она дала просмотрѣть Наказъ Сумарокову, который, однакожъ, оказался въ этомъ случаѣ ниже той репутаціи, какую онъ пріобрѣлъ своими литературными сочиненіями. Онъ придирчиво и мелочно возражалъ противъ разныхъ положеній Наказа и даже противъ составленія законовъ чрезъ выбранныхъ депутатовъ. „Большинство голосовъ, пишетъ онъ, истины не утверждаетъ, утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе“. Екатерина на это замѣтила: „большинство истины не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства“. Сумароковъ замѣтилъ: „вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя, но своевольство еще неволи вреднѣе“. Екатерина на это отвѣтила, что о пользѣ вольности много у ней говорится въ Наказѣ, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволію. Сумароковъ замѣтилъ: „законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимъ истину“. Екатерина отвѣчала: „Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія“. Особенно Сумароковъ возсталъ противъ мысли о свободѣ крѣпостныхъ людей. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, говорилъ онъ; скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ“, замѣтила Екатерина),

вотчины ихъ обратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ" („и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи", замѣтила Екатерина). Вѣроятно, послѣ подобныхъ возраженій, Екатерина къ Даламберу писала о своемъ Наказѣ: „Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины; и Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ". Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица предварительно назначила нѣсколько лицъ „весьма разномыслящихъ", дабы выслушать приготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ поднялись пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано ею, помарали и остался Наказъ „яко оный напечатанъ". Особенно много было вымарано изъ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ это показываетъ дошедшій до насъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа ([1]). Вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ и въ самой коммиссіи произвелъ всего больше шуму. Въ коммиссіи не только не отказались отъ права владѣть крестьянами дворяне, но даже желали оставить это право исключительно за собою; кромѣ того потребовали этого права и другія сословія, потребовали купцы, казаки и наконецъ духовенство. Освобожденія крестьянъ, какъ сейчасъ указано, не могъ переварить даже такой либеральный по тому времени писатель, какъ Сумароковъ, проводившій въ своихъ сочиненіяхъ разныя гуманныя идеи XVIII в. и громко возстававшій противъ всякаго рода обидъ и несправедливостей.

Въ сокращенномъ видѣ Наказъ былъ напечатанъ въ 1767 г. При появленіи своемъ и въ этомъ видѣ онъ вызвалъ всеобщее одобреніе. Въ Европѣ его называли торжествомъ разсудка и человѣколюбія. Фридрихъ II, по полученіи его, писалъ Екатеринѣ: „Древніе греки, которые были хорошими цѣнителями заслугъ, обоготворяли великихъ людей, предоставляя первое мѣсто законодателямъ, которыхъ считали истинными благодѣтелями рода человѣческаго: они помѣстили бы Ваше Величество между Ликургомъ и Солономъ. Признаюсь, я былъ восхищенъ не только правилами человѣколюбія и кротости, о чемъ вѣщаютъ эти законы, но также порядкомъ, связностію мыслей, великою ясностью и точностью въ выраженіяхъ, господствующими въ этомъ твореніи, и обширными свѣдѣніями, содержащимися въ немъ".

([1]) Ист. Россіи Соловьева XXVII, 37—39; 79—83.

Наказъ состоитъ изъ XX главъ, къ которымъ Екатерина присоединила еще двѣ главы XXI и XXII и начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія ([1]). Основными идеями современныхъ законодательныхъ и политическихъ сочиненій въ Европѣ были идеи равенства, братства и свободы. Поэтому въ Наказѣ Екатерина прежде всего опредѣляетъ, въ чемъ должна состоять „свобода“ въ государствѣ самодержавномъ, и какъ надобно понимать „равенство между людьми“. Въ V главѣ: „о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ“, говорится: „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства (§ 35). Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно (§ 36). Въ государствѣ т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно (§ 37). Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть (§ 38). Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися бы всѣ однихъ законовъ (§ 39). Въ VI главѣ „о законахъ вообще“ опредѣляется назначеніе законовъ и основной ихъ характеръ, сообразно съ ихъ назначеніемъ, и обязанности и цѣль законодателя. „Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу (§ 41). Всѣ дѣйствія, ничего въ себѣ такого не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими

([1]) Въ началѣ Наказа обыкновенно печатаются манифестъ и указъ сенату о составленіи коммиссіи и особое положеніе, какъ должна составиться, открыться и дѣйствовать коммиссія.

законами живущимъ (§ 42). Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности (§ 57). Законы суть особенныя и точныя постановленія законоположника, а нравы и обычаи суть установленія всего вообще народа (§ 59). Итакъ, когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую, къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣняти обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями" (§ 60). Чтобы установленные законы сохранялись и исполнялись, нужны наказанія для нарушителей. Поэтому въ VI, VII, VIII, IX и X главахъ говорится „О наказаніяхъ". Всѣ правила, въ нихъ излагаемыя, отличаются духомъ особенной гуманности. „Не столько потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя; и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями (§ 83). Искуство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько-же поражается, какъ во другихъ мѣстахъ жестокими (§ 85). Не надобно вести людей путями самыми крайними, надлежитъ съ бережливостію употребляти средства, естествомъ намъ подаваемыя, для препровожденія оныхъ къ намѣреваемому концу (§ 87). Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій; увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся (§ 88). Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена (§ 123)". Самые законы о наказаніяхъ изложены подробно и съ особенною внимательностію. При этомъ указаны нравственныя и соціальныя основанія для наказаній. Вопросъ напр., на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей, рѣшается такимъ образомъ: „Законы можно назвати способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось (§ 145). Но не довольно было установить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ; надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей (§ 146). Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости его залога" (§ 147). О смертной казни сказано: „смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности,

имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство (§ 210). Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ (§ 222). Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися (§ 244). Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми (§ 245). Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія" (§ 248). О воспитаніи говорится въ XIV главѣ. „Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами (§ 348). Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми во свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ" (§ 356). Въ другихъ главахъ Наказа интересны правила въ XVI главѣ „О среднемъ родѣ людей", который, по примѣру Европы, Екатерина захотѣла создать въ Россіи. „Къ сему роду людей причесть должно всѣхъ тѣхъ, кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ (§ 380). Сверхъ того всѣхъ тѣхъ, кои выходить будутъ, не бывъ дворянами, изо всѣхъ нами и предками нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія (§ 381). Такъ же приказныхъ людей дѣтей" (§ 382). Въ XX главѣ „о вѣротерпимости": „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (§ 494). Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, уту-

шая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ (§ 496). Наконецъ „о признакахъ близкаго паденія государства“. „Поврежденіе всякаго правленія начинается почти всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній (§ 502). Начальное основаніе правленія не только тогда повреждается, когда погасаетъ то умоначертаніе государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, которое можно назвать равенствомъ, предписаннымъ законами, но и тогда еще, когда вкоренится умствованіе равенства до самой крайности дошедшаго и когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ (§ 503). Ежели не оказуютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ, если не почитаютъ старыхъ, не станутъ почитать ни отцовъ, ни матерей, ни господъ; и государство нечувствительно низриновенно падетъ“ (§ 504).

Какъ предварительныя, приведенныя нами выше сужденія о Наказѣ избранныхъ Екатериною лицъ, такъ и отношенія къ его положеніямъ русскихъ выборныхъ людей въ коммиссіи и судьба самой коммиссіи показываютъ, что для высокихъ идей Наказа вообще почва въ Россіи въ это время была еще не готова. „Должно признаться чистосердечно, говоритъ въ своихъ запискахъ А. И. Бибиковъ о коммиссіи уложенія, предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далёки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которыя требовались къ столь важному ихъ дѣлу“. При всемъ томъ идеи Наказа не уничтожились, а сдѣлались навсегда достояніемъ русской мысли. Наказъ не получилъ силы закона; но имъ стали руководствоваться при разныхъ вопросахъ. „Я запретила, говоритъ Екатерина, на оный инако взирать, какъ единственно онъ есть т. е. правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено“. Нѣкоторыя положенія Наказа, впрочемъ, вошли въ отдѣльныя учрежденія, какъ напр. воспитательныя. Но всего важнѣе было то, что идеи Наказа стали выражаться въ произведеніяхъ литературы и прежде всего въ сочиненіяхъ самой императрицы.

СОЧИНЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Постоянное съ малыхъ лѣтъ чтеніе книгъ развило въ Екатеринѣ страсть къ книжнымъ занятіямъ и наклонность къ авторству. Въ теченіе всей своей жизни, не смотря на всѣ трудности и заботы государственнаго управленія, она сохранила обыкнове-

ніе каждый день утромъ отъ 7 до 9 часовъ и вечеромъ по нѣскольку часовъ заниматься въ своей библіотекѣ чтеніемъ и письмомъ. „Я не могу видѣть чистаго пера, писала она однажды къ Гримму, безъ того, чтобы не пришла мнѣ охота обмакнуть оноаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на этой бумагѣ". Обычаи вѣка и потребности ея положенія должны были усилить эту наклонность и дать ей опредѣленное направленіе. Философскій вѣкъ такъ высоко поднялъ просвѣщеніе, что имя человѣка просвѣщеннаго, философа и писателя ставилось выше славы завоевателя и политическаго реформатора. Литература сдѣлалась главнымъ органомъ для проведенія новыхъ идей въ общество и получила могущественное значеніе и въ области государственной, стала необходимымъ орудіемъ разныхъ преобразованій. Къ ней обращались всѣ современные европейскіе правители и реформаторы; къ ней же, естественно, должна была обратиться и Екатерина, чтобы познакомить русское общество съ европейскимъ просвѣщеніемъ и произвести въ духѣ этого просвѣщенія разныя реформы.

Участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось во „Всякой Всячинѣ", журналѣ, который издавалъ, подъ ея руководствомъ ея кабинетъ-секретарь Григорій Васильевичъ Козицкій въ 1769—1770. Со времени прекращенія Всякой Всячины Екатерина писала преимущественно комедіи и оперы. Къ 1782—84 г. относятся ея педагогическія сочиненія. Въ 1783 г. она печатала сатирическія статьи „Были и Небылицы" въ Собесѣдникѣ Россійскаго слова. Участіе въ научной дѣятельности выразилось въ ея занятіяхъ по языкознанію и русской исторіи. Кромѣ того, она вела постоянно обширную переписку съ разными лицами; большая часть этой переписки имѣетъ также литературный характеръ (1).

Педагогическія сочиненія Екатерины. Педагогическія сочиненія написаны Екатериной для руководства при воспитаніи внуковъ, великихъ князей, Александра и Константина Павловичей; поэтому она и называла ихъ александро-константиновской библіотекой. Но, написанныя съ такою частною цѣлію, они получили общее педагогическое значеніе для всего народа. Извѣстно, что Екатерина сама съ особенною заботливостію воспитывала своихъ внуковъ; она написала для нихъ: „Начальную

(1) Екатерина II, какъ писательница. П. К. Щебальскаго. Заря 1869; кн. 2—3, 5—6, 8—9; 1870; кн. 3, 6—7.

азбуку съ гражданскимъ ученіемъ"; „Выборныя россійскія пословицы"; „Записки", содержащія въ себѣ разные разговоры и разсказы и двѣ сказки—„О царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Февеѣ". Когда же настало время передать внуковъ съ своихъ рукъ подъ руководство учителей, то она составила „Инструкцію", для главнаго воспитателя ихъ, Н. И. Салтыкова. Въ этой инструкціи выразились какъ общая педагогическая система, образовавшаяся въ Екатеринѣ подъ вліяніемъ сочиненій Монтеня, Локка, Руссо и Базедова, такъ и тѣ начала, которыми она руководилась при составленіи указанныхъ педагогическихъ сочиненій. Поэтому она должна быть поставлена во главѣ этихъ сочиненій.

Инструкція Екатерины Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Основными положеніями „Инструкціи" служатъ: свобода развитія, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, и самостоятельное образованіе, посредствомъ упражненія, или самодѣятельность. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ для него эту самодѣятельность.—„Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру, говоритъ Екатерина въ своемъ указѣ, приложенномъ къ „Инструкціи", составляютъ все воспитаніе". Поэтому всѣ правила и наставленія въ „Инструкціи" касаются 1) сохраненія и укрѣпленія здоровья воспитанниковъ и 2) ихъ нравственнаго развитія. Для сохраненія и укрѣпленія здоровья предписывается соблюдать простоту и умѣренность во всемъ—въ одеждѣ, пищѣ, снѣ, играхъ и проч., „чтобы платье было какъ можно простѣе и легче": „пища и питіе да будутъ простыя и просто приготовленныя, безъ пряныхъ зелій и такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли"; чтобы спали не мягко, но на тюфякахъ, а отнюдь не на перинахъ; поощрять нужно ко всякому движенію и игрѣ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье. Что касается „умонаклоненія къ добру", или нравственнаго воспитанія, то идеаломъ этого воспитанія представляется доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи, снисхожденіе ко всѣмъ людямъ. „Главное достоинство наставленія дѣтей, говоритъ она, должно состоять въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ.... чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размышленіи, въ здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбі-

емъ“.—„Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіи добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно“ ([1]). Такое „умонаклоненіе къ добру“, согласно съ идеями вѣка, ставится прежде и выше ученія. „Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличные, должны составлять главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее пріидетъ ко времени“. Что касается самаго ученія, то здѣсь интересны слѣдующія наставленія: „Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; искуство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобы всякую науку и ученіе облегчать ученикамъ, колико возможно“; между предметами ученія указаны: „географія (начавъ съ Россіи). астрономія, хронологія, математика, потомъ исторія, правовѣденіе, правила закона гражданскаго, древность, миѳологія, генеалогія, о Россіи и ея производствахъ, физика и исторія художествъ“.... виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искуства“. Замѣчательно, что Екатерина настаиваетъ съ особенною силою на русскомъ образованіи. „Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ можно лучше“: „предписывается отъ 11 до 15 лѣтъ употреблять по нѣскольку часовъ для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно“.... „Исторію россійскую имъ знать нужно, и для нихъ она сочиняется“ ([2]).

Гражданское начальное ученіе. Въ маѣ (14) 1780 г. Екатерина писала Гримму изъ Пскова: „Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять для забавы и въ пользу г. Александра маленькую азбучку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ“. Въ іюнѣ (25) слѣдующаго 1781 г. она

([1]) Сочин. Екатерины. Изд. Смирдина. Спб. 1849. 1, 208—209; 215—216.

([2]) Тамъ же, 223—232.

писала: „Изъ александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно во всеобщему употребленію и теперь—это русская азбука. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ 20,000 экземпляровъ; она сдѣлается бабкой повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ“ ([1]). Екатерина не напрасно придавала такую важность этой книгѣ. Гражданское начальное ученіе должно было получить такое же значеніе, какое имѣло „Ученіе отрокомъ“ въ Петровскую эпоху. Ученіе отрокомъ давало первоначальное религіозно-нравственное образованіе человѣку, какъ христіанину; гражданское начальное ученіе должно было служить руководствомъ и учебникомъ къ воспитанію честныхъ и полезныхъ гражданъ, какими они должны быть по идеямъ „Наказа“. Въ него и внесено много правилъ прямо изъ „Наказа“. Таковы напр.: „Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ“; „добрые законы направляютъ дѣйствія гражданъ къ добру“; „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“; „вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ“; „законы можно назвать способами, какими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось“. Въ 88 правилѣ находится вопросъ: „что есть гражданинъ?“ съ отвѣтомъ: „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностію всѣ гражданскія обязательства, домашнія яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя, яко въ обществѣ живущій, и дружескія, яко другъ и добрый сосѣдъ“. Такимъ обр., еще въ дѣтяхъ, съ младыхъ лѣтъ, Екатерина хотѣла вкоренить въ подданныхъ своихъ чувство законности и долга. Къ управленію дома служитъ радѣніе и умѣренность. Къ соблюденію рода хорошее воспитаніе. Къ житію въ домѣ миръ и согласіе. Къ возвышенію житіе добродѣтельное. Въ 98 правилѣ указываются качества и обязанности доброй хозяйки: „Доброй хозяйки должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; къ Богу усердной; къ свекру и свекрови почтительной; съ мужемъ обходиться любовно и благочинно, малыхъ дѣтей пріучать къ справедливости и любви къ ближнему; слугъ и служанокъ содержать милостиво; предъ родственниками и свойственниками быть учтивой, добрыя рѣчи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздной, но радѣтельной на всякое издѣліе и бережливой въ расходахъ.... Искусенъ человѣкъ

([1]) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота, стр. 96. 98.

тотъ, у котораго въ домѣ всѣ живутъ хорошо и спокойно безъ ябедъ и наговоровъ, но въ приличномъ надзираніи“. Таковы основныя правила Екатерининскаго Домостроя. Далѣе опредѣляются разныя добрыя качества человѣка, а равно и пороки. При этомъ приводятся пословицы, замѣчательныя изреченія людей древности, наставленія философовъ, поэтовъ и ораторовъ, помѣщаются историческіе примѣры и анекдоты. Больше и настойчивѣе всего внушаются ученіе и трудолюбіе. „Естественно человѣкъ съ человѣкомъ разнится мало; по ученію человѣкъ съ человѣкомъ разнится много. Всякое дитя родится неученымъ. Долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе. Ученіе въ щастіи человѣка украшаетъ, въ нещастіи служитъ прибѣжищемъ. Книги суть зерцало: хотя и не говорятъ, всякому вину и порокъ объявляютъ. Лучше весь вѣкъ учиться, нежели пребыть незнающимъ. Трудъ преодолѣвается трудомъ. Пословица говоритъ: на Бога надѣйся, но самъ не плошай. Здравый разсудокъ и добрая воля много добрыхъ дѣлъ производятъ. Главными добродѣтелями, всего болѣе необходимыми въ обществѣ, считаются честность и прямота, снисходительность, дружелюбіе и учтивое обхожденіе“.

Выборныя россійскія пословицы. Это небольшой сборникъ пословицъ, подобранныхъ съ тою же цѣлію и на тѣ же темы объ обязанностяхъ человѣка-гражданина, о необходимости ученія и труда, какія развиваются въ „Начальномъ гражданскомъ ученіи“: „Аще царство раздѣлится, скоро раззорится. Всегда новизна, да рѣдко правизна. Всуе законы писать, когда ихъ не исполнять. Въ немъ же призванъ, въ немъ и пребывай. Красна пава перьемъ, а человѣкъ ученьемъ. Кто безчинно поступаетъ, тотъ многимъ досаждаетъ. Кто собою не управитъ, тотъ и другихъ на разумъ не наставитъ. Невѣжа и Бога прогнѣвляетъ. Тому будетъ всегда счастливо, кто пашетъ не лѣниво. Труды человѣка кормятъ, а лѣнь портитъ. Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить. Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье въ счастьѣ красота, а въ несчастьѣ прибѣжище“. Екатерина очень хорошо понимала въ дѣлѣ воспитанія важность пословицъ, какъ лучшаго выраженія характера и мудрости народа. Кромѣ этого сборника, она поручила Богдановичу собрать и напечатать всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она послала въ переводѣ къ Гримму: „Увѣряю васъ, писала она ему, что не только эти пословицы, для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены изъ книги, написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ“. Въ своихъ письмахъ

она очень часто, желая доказать какую нибудь истину, опирается на русскія пословицы. „Если бы покойный Санхо, замѣчаетъ она, зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ Кихота и его конюшаго, Санхо-Пансы (1). Такой же характеръ педагогическаго сборника имѣютъ и записки Екатерины, содержащія разные краткіе разсказы и разговоры.

Аллегорическія сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Февей,—разсказывается въ первой сказкѣ,—прозванный за красоту „краснымъ солнышкомъ", былъ сынъ одного умнаго и добродѣтельнаго сибирскаго царя Тао-ау, который „подданныхъ своихъ любилъ, какъ отецъ дѣтей любитъ". Въ сказкѣ изображается воспитаніе этого Февея, по началамъ простоты, естественности и благоразумія. Февея „не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда". Забавляли его „игрушками отборными, которыя давали ему познаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ и его понятію дѣтскому сходственно было". Въ болѣзни его пріучали быть терпѣливымъ. „Самъ собою онъ безъ принужденія выучился читать, писать и цыфири. Любимыя его игрушки были тѣ, чрезъ кои онъ получалъ умноженіе знанія. Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не сварливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался; даже и въ шуткахъ не употреблялъ". Особенно Февей не любилъ „ласкательствъ". „Не дайте, говорилъ онъ своимъ приставникамъ, душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробужусь отъ сна ночнова, скажите вы мнѣ рѣчь сію: Февей, вставай съ одра и помни во весь день, что ты еси человѣкъ такой же, какъ и мы". Плодомъ такого благоразумнаго воспитанія была добродѣтельная и счастливая жизнь. Выросши, царевичъ женился и нажилъ дѣтокъ весьма похожихъ на него, ѣздилъ въ разныя мѣста и земли, прожилъ до глубокой старости и нынѣ славенъ въ народѣ томъ, гдѣ онъ былъ" (2).—Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Хлоръ, сынъ одного кіевскаго царя, жившаго еще до времени Кія, былъ похищенъ какимъ-то Киргизскимъ Ханомъ.

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота, 250—251.—(2) Сочин. I, 261—278.

Желая испытать умъ Хлора, которымъ онъ славился, Ханъ заставилъ его найти „розу безъ шиповъ“. Царевичъ отправился на поиски. На дорогѣ встрѣтила его дочь Хана, Фелица, которая дала ему нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ: „встрѣтишься съ людьми, сказала она ему, весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить итти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество,.... не вѣрь имъ, лгутъ, веселья ихъ мнимыя и сопряжены съ множествомъ скукъ... Потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ, розу безъ шиповъ, искать надлежитъ“. Наконецъ она обѣщалась послать къ нему на помощь своего сына. Дѣйствительно, во время отыскиванія розы, Хлоръ подвергается разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазываетъ въ избу свою Мурза Лентягъ, чтобы соблазнами отвратить его отъ цѣли; во время пути онъ увидѣлъ предъ собой множество дорогъ, „иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя“, и не зналъ, куда идти,—но вдругъ явился передъ нимъ юноша. Это и былъ сынъ Фелицы, посланный къ нему на помощь. Съ помощью его Хлоръ преодолѣлъ всѣ трудности и нашелъ гору, на которой росла роза безъ шиповъ. Подъемъ на гору по узкой и каменистой тропинкѣ былъ труденъ. Но Хлору помогли взобраться и достать розу встрѣтившіеся ему старикъ и старуха, въ бѣломъ платьѣ. Смыслъ сказки такой. Подъ Фелицей разумѣется счастіе, подъ сыномъ ея, юношей—разсудокъ, подъ старикомъ и старухой—честность и правда, а подъ розой безъ шиповъ—добродѣтель. „Слыхалъ я, сказалъ юноша Хлору, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значитъ, какъ добродѣтель; иные думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнетъ окромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостію преодолѣваетъ всѣ трудности того пути“. Когда Хлоръ принесъ Хану розу безъ шиповъ, Ханъ возвратилъ его къ родителямъ (¹).

Драматическія сочиненія Екатерины (²) составляютъ самую выдающуюся сторону въ ея литературной дѣятельности. Екатерина любила писать особенно комедіи и оперы и съ 1782 до 1790 г. написала до 30 пьесъ, изъ коихъ однакоже дошли до насъ толь-

---

(¹) Соч. т. I, стр. 281—296.—(²) **Драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II. П. К. Щебальскаго. Русск. Вѣстн. 1871; кн. 5—6.**

ко 11 комедій, 7 оперъ и 5 пословицъ. Въ сочиненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ принимали участіе разныя приближенныя придворныя лица, составлявшія ея избранный кружокъ. Это особенно надобно сказать о піесахъ, содержащихъ въ себѣ стихи, писать которые Екатерина не умѣла, да и не любила. Большую часть стиховъ, арій и хоровъ къ операмъ и комедіямъ составлялъ ея кабинетъ-секретарь А. В. Храповицкій, который и вообще занимался перепиской и даже исправленіемъ ея драматическихъ сочиненій. Нѣкоторыя пьесы сначала были написаны Екатериною на французскомъ языкѣ, а потомъ уже были переведены на русскій.—Какъ педагогическія сочиненія Екатерины написаны были прежде съ частною цѣлію, для наставленія внуковъ, а потомъ получили общее воспитательное значеніе для всего народа, такъ и драматическія сочиненія писались сначала для представленія при дворѣ, и давались на эрмитажномъ театрѣ, а отсюда были уже перенесены на публичную сцену въ общественныхъ театрахъ. Вотъ какъ Екатерина сама объясняетъ цѣль и назначеніе своихъ драмъ, комедій и оперъ въ своихъ письмахъ къ Гримму: „Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pincé): по многимъ причинамъ. Во первыхъ потому, что это меня забавляетъ; во вторыхъ потому, что я желала бы поднять національный театръ, который, за неимѣніемъ новыхъ піесъ, находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ третьихъ потому, что слѣдовало хорошенько потормошить духовидцевъ (т. е. масоновъ), которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули, покрытые стыдомъ“.—„Я утверждаю, говоритъ она въ другомъ письмѣ о своихъ комедіяхъ, что онѣ все таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ онѣ пріостановили сектаторское возбужденіе,—значитъ это такія піесы, которыя, не смотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его піесами“ (1).—Екатерина проводитъ въ комедіяхъ свои гуманныя идеи, объясняетъ и защищаетъ свои реформы, осмѣиваетъ какъ старыя грубыя суевѣрія и пороки, такъ и новую грубость и невѣжество, прикрываемыя лоскомъ французской образованности, пристрастное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ, съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Не имѣя серьезнаго художественнаго значенія, онѣ отличаются веселостію, составлявшею отли-

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ, т. XL, 252—253; 256.

чительную черту въ характерѣ царственной писательницы, и легкостію языка, приближающагося къ простой разговорной рѣчи. Лучшими комедіями Екатерины считаются комедіи „О время“ и „Имянины г-жи Ворчалкиной“.

Въ комедіи „О время“ (1772 г.) изображаются современные нравы русскіе. Рамкою, въ которую вставлено это изображеніе, служитъ женитьба Молокососова на Христинѣ, которую устроиваетъ Непустовъ. Интересъ піесы сосредоточивается на трехъ лицахъ, изображающихъ современные недостатки—Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Какъ прозвищемъ, такъ и характеромъ, Ханжахина напоминаетъ ханжу Критона Кантемира и служитъ продолженіемъ этого типа, а съ другой стороны она является предшественницей г-жи Простаковой Фонъ-Визина. Ханжахина заражена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, молится и показываетъ притворное наружное благочестіе, но о добродѣтеляхъ ея никто не слыхалъ. „Иногда у насъ, говоритъ ея служанка Мавра, обыкновенныя службы, иногда чтеніе Миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ... О постѣ и воздержаніи она твердитъ всѣмъ людямъ весьма часто, а особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда приходя къ ней должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ однажды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестьнадцати со ста. Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты какъ сатана искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены.... Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало“.... „Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также

миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить... Послѣ заутрени она читаетъ какія то особенныя молитвы отъ соблазна... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже кромѣ кошки никто къ ней въ образную войти не можетъ. По окончаніи отъ соблазна молитвъ изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ... Потомъ она одѣнется, т. е. чулки на ноги да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей" (¹). Внучку свою Ханжахина держитъ въ совершенномъ невѣжествѣ, опасаясь, чтобы она, научившись грамотѣ, не стала писать любовныя письма (²). Въ домѣ этой лицемѣрной богомолки каждый день „собирается множество подобныхъ ей барынь, которыя забавляются вѣстями, изо всѣхъ угловъ города собранными, переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ наперечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилагая, примышляя, однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили" (³). Изъ такихъ барынь въ комедіи выведены сестра Ханжахиной, Вѣстникова, и Чудихина. Вѣстникова—жеманная, высокомѣрная злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды. „Она любитъ, говоритъ о ней служанка Мавра, деньги и подар-

---

(¹) Сочиненія Екатерины. II. 7—9; 12; 18—19.
(²) Тамъ же стр.29. (³) Стр. 10.

ки: словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже сватьбу сложила и не только сватьбы умѣетъ сводить, но и прочее и прочее". Чудихина отъ всего обмираетъ, суевѣрна до безконечности. Боясь порчи и колдовства, она постоянно носитъ съ собою въ узелкахъ четверговую соль, росной ладанъ и разные корешки, на которыхъ нашептано. Кромѣ того, она любитъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла. „Я грѣшна, говоритъ она. Что мнѣ дѣлать, люблю разбивать сватьбы... Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу; какъ таки не промолвить словца, а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась" (¹).

Изображая эти черты невѣжества, грубости и суевѣрій, Екатерина стремится провести въ общество здравыя понятія о вѣрѣ и благочестіи и вообще разумный и гуманный взглядъ на жизнь. Этотъ взглядъ она высказываетъ устами Непустова и служанки Мавры, которые и вообще служатъ заправителями комедіи. „Вы почитаете, сударыня, говоритъ Непустовъ Ханжахиной, молитву должностію, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе и любовь къ ближнему есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя". Суевѣрной Ханжахиной Молокососовъ старается доказать „что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить баснямъ" (²). Противъ сплетничества служанка Мавра въ заключеніе комедіи говоритъ: „Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того и не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ—и бревна не видимъ".—Несомнѣнно, что комедія „О время" вызвана жалобами на новое время той партіи, которая была недовольна разными нововведеніями Екатерины, людей, которымъ вообще не нравилась веселая свободная жизнь новаго времени, понятія и нравы людей образованныхъ, во главѣ которыхъ стояла сама императрица. Поэтому по всей комедіи проходитъ противоположеніе стараго времени, когда женщина сидѣла дома и ничему не училась, новому времени, когда ее стали учить и выпускать на свѣтъ. Новыя развлеченія, оперы и комедіи противополагаются катаньямъ на саняхъ зимой и гуляньямъ подъ Марьиной рощей и въ подмосковномъ весной. И вообще старыя и новыя понятія, старые и новые нравы постоянно другъ другу противополагаются. Передавая слухи о сильномъ наводненіи въ Петербур-

(¹) Стр. 26. 46. 48. (²) Стр. 15—16; 36.

тѣ, Вѣстникова говоритъ: „Такъ, сударь, ваша братья ничему не хотятъ вѣрить; однакожъ это такъ, какъ я сказываю: да пусть и не потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамъ люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція и никто не думаетъ. Я и еще кое что знаю похуже этого; много оттуда вѣстей: хорошихъ-то только нѣтъ; да не все сказывать надобно" (1). Чудихина говоритъ: „На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что? нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру!" Ханжахина называетъ Мавру бусурманкой за то, что она иногда читаетъ „Ежемѣсячныя сочиненія", а иногда „Клевеланда". Ханжахина вообще любитъ и хвалитъ только старину, а нынѣшнихъ обычаевъ терпѣть не можетъ. „Вы ничему нынѣ не вѣрите, говоритъ она; у васъ все натура... все натура". Чудихина говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно и время то безтолково" (2). Противъ тѣхъ людей, которые недовольны правительствомъ и распространяютъ о немъ разныя сплетни, Непустовъ замѣчаетъ: „Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычекъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, еслибъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбыточныхъ затѣй и новостей воздерживали". Но, защищая новое время, Екатерина не скрываетъ его недостатковъ. Она вооружается напр. противъ тѣхъ новосвѣтскихъ госпожъ, которыя „свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы и глаза свои" (3). Она порицаетъ современную роскошь и распущенную жизнь. „Что касается до нынѣшней роскоши, говоритъ Непустовъ, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею (т. е. съ Ханжахиной) весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются" (4).

Съ комедіей „О время", по основной мысли, находится въ тѣсной связи комедія „Имянины г-жи Ворчалкиной" (1772 г.)

(1) Стр. 23—24. (2) Стр. 50—52. (3) Стр. 24—30. (4) Стр. 11.

Дѣйствующія лица въ этой комедіи взяты изъ того же круга, какой изображенъ въ комедіи „О время“. Особенно Ворчалкина прямо заявляетъ себя родственницей съ Ханжахиной и Чудихиной и считаетъ себя наравнѣ съ ними обиженной въ комедіи. Вотъ какой разговоръ прежде всего идетъ у Ворчалкиной между гостями:

Ворчалкина. А! здравствуйте, государи мои. Добро пожаловать. Я рада, отъ сердца рада гостямъ; да и больше бы еще радовалась, еслибъ злые люди въ покоѣ насъ оставляли.

Дремовъ. Какіе злые люди, и что вамъ они сдѣлали, сударыня?

Ворчалкина. О, батька мой! житья намъ, бѣднымъ старухамъ, нѣтъ, а ужъ о почтеніи и говорить нечего. Вотъ сказываютъ, сдѣлана камедь намъ въ ругательство; да играютъ ее. Что дѣлать!

Дремовъ. Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ.

Ворчалкина. Да какъ не возмешь. Сказываютъ, что сватья моя, да кума тутъ представлены; да таки точнёшенько тутъ описаны.

Фирлюфюшковъ. Очень живо, parbleu, очень живо. Я видѣлъ комедію, и точь въ точь онѣ описаны. Какая была хохотня.

Ворчалкина (Дремову). Вотъ, батька, я не солгала: всѣ видѣли, какъ насъ потчуютъ.

Таларикинъ. Если вы о новой комедіи говорите, то и я могу васъ объ ней увѣдомить. Я былъ, какъ ее представляли. Смѣялись очень много, для того, что смѣшные изображены въ ней характеры. Но я не знаю, на кого бы тутъ мѣчено было. Сочинитель этой комедіи хотѣлъ вывесть на театръ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая— взбалмочная вѣстовщица, а третья— суевѣрка.

Ворчалкина. Знаю, батька мой, знаю, что и ты намъ много посмѣялся.

Таларикинъ. Я смѣялся, такъ какъ и всѣ, порокамъ, а отнюдь не приходило мнѣ на умъ, чтобъ тутъ съ кѣмъ нибудь было сходство; это донесено вамъ неправильно.

Фирлюфюшковъ. А я такъ по именамъ всѣхъ узналъ. (Ворчалкиной). И точно тѣ, о коихъ вы говорите.

Ворчалкина. Такъ, мой свѣтъ, всѣ такъ сказываютъ.

Таларикинъ (иронически). Всякой судитъ по своему сердцу и чувствованіямъ. А я не ищу тутъ злаго, гдѣ его нѣтъ.

Дремовъ. Мнѣ кажется, что когда бъ тутъ были такія рѣчи, которыя кого нибудь трогаютъ, то бъ и играть не дозволили. Вѣдь за тѣмъ смотрятъ.

Ворчалкина. И... батюшка! свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, кому бъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда ругань другимъ слышатъ.

Фирлюфюшковъ. Я того и смотрю, какъ и меня на театръ выведутъ... Но если это сбудется, то morbleu! ma foi (ногой топчетъ) достанется всѣмъ... Я... я (принимаясь за шпагу), я формально просить стану!

Некопѣйковъ. А я вамъ и проектъ челобитной составлю, если изволишъ; да напишу и приложеніе, какимъ образомъ таковые и симъ подобные непорядки исправить.

Дремовъ. Ну, какъ вздумается кому представить на театрѣ безчотнаго дурака, кто тогда станетъ въ этомъ зеркалѣ находить себя? Я думаю, что тотъ напередъ будетъ долженъ признаться, что онъ сходенъ образцу.... Однако жъ я объ закладъ ударюсь, что хоть въ свѣтѣ и есть дураки, но, по самолюбію, никто на свой счетъ не возьметъ, а будетъ находить кого нибудь другаго.

Таларикинъ. Что объ этомъ говорить. Комедія представляетъ дурные нравы и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредитъ никого. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представленна и узналъ бы чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бъ я старался исправиться и побѣдить мои пороки; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ.

Ворчалкина. Хорошо вамъ такъ говорить для того, что васъ не трогаютъ; а намъ, бѣднымъ, спасибо! довольно достается. Что дѣлать, вступиться не кому, и...." (¹).

Этой сценой Екатерина, очевидно, хотѣла отвѣтить на тѣ толки, какіе слышались по поводу первой комедіи, которую многіе приняли за личную себѣ обиду, и указать ея истинное значеніе. Ворчалкина, какъ показываетъ ея фамилія, представляетъ собою типъ людей брюзгливыхъ и недовольныхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ, на которыхъ указано и въ комедіи „О время". „Она, разсказываетъ слуга ея Антипъ, имѣетъ склонность поправлять нынѣшніе обычаи. Все, что гдѣ дѣлается, ей извѣстно, все у ней на памяти; знаетъ твердо и прошедшее и настоящее время, и своими разговорами можетъ много помогать намъ ко охуленію того, что намъ не нравится, и къ возвышенію того, что мы придумать похотимъ". У нея всегда собирается множество такихъ людей, „кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состоя-

(¹) Соч. II, стр. 183—186.

ніи". Впрочемъ, ближайшимъ поводомъ къ собраніямъ у Ворчалкиной служитъ то, что у нея есть двѣ дочери, Олимпіада и Христина, за которыхъ сватаются нѣсколько жениховъ: Фирлюфюшковъ, Спесовъ, Геркуловъ, Гремухинъ, Таларикинъ. Фирлюфюшковъ—фатъ и враль, находящій особенное удовольствіе въ разговорахъ смѣшивать русскій языкъ съ французскимъ, зародышъ того типа, который въ послѣдствіи изображенъ въ Репетиловѣ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ является въ самой первой сценѣ, въ разговорѣ съ служанкой Прасковьей:

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Нѣтъ еще. Только скоро за столъ сядутъ.

Фирлюфюшковъ. Сударушка этотъ домъ! Сокровище, право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ma foi, какъ онъ милъ! Какъ ни пріѣдешь.... все еще во-время.

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ. A ma toilette... голубка, à ma toilette.... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть.—Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь.... чтобъ отъ слабости не упасть.... Поддержите меня....

Антипъ. Не изволите ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья. Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канапе или кровать.

Фирлюфюшковъ. Это бы и не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue; здѣсь и обмереть съ благопристойностью нельзя, ah! mon Dieu, quel temps et quelles gens! (¹).

За неплатежъ долговъ Геркуловъ бьетъ Фирлюфюшкова палкой.

Геркуловъ и Спесовъ постоянно хвалятся своей знатной породой, но оба они промотались и хотятъ поправить свое состояніе женитьбой. Не надѣясь, что Ворчалкина добровольно согласится отдать за нихъ своихъ дочерей, они распускаютъ слухъ, что въ скоромъ времени на десять лѣтъ будетъ запрещено вступать въ бракъ; но обманъ ихъ открывается, и Ворчалкина от-

(¹) Стр. 176—177.

даетъ младшую дочь Христину за Таларикина. Это дѣло устраиваетъ дядя Таларикина, Дремовъ, который въ комедіи играетъ ту роль, какую Фонъ-Визинъ далъ Стародуму. Дремовъ заправляетъ ходомъ піесы, даетъ наставленія, разрѣшаетъ разные вопросы и вообще служитъ выразителемъ мыслей самого автора. Когда Ворчалкина сказала: „Видишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ: подкидышковъ... что ужъ этого больше?.. подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли уже въ чемъ сомнѣваться?" Дремовъ замѣчаетъ: „Перестанемъ, сударыня, о подкидышкахъ говорить. Сколько чрезъ сіе благое постановленіе почти погибшихъ душъ въ живыхъ остается!" (¹) Обо всѣхъ гостяхъ Ворчалкиной онъ говоритъ: „Какая пропасть наѣхала гостей! полна горница, такъ что и мѣста инымъ нѣтъ. Всѣ болтаютъ, никто не слушаетъ; а разума и не спрашивай, такъ что если бъ всѣхъ ихъ можно было скласть въ котелъ и сварить, то бы не выварилось и золотника здраваго разсудка." (²) Изъ другихъ лицъ комедіи болѣе удачно очерчены Фирлюфюшковъ и Некопѣйковъ. Фирлюфюшковъ, мы видѣли, представляетъ черты Иванушки Фонъ-Визина и въ тоже время зародышъ Грибоѣдовскаго Репетилова. На него походитъ и старшая дочь Ворчалкиной, Олимпіада, которая отказывается отъ замужества и проситъ у матери только позволенія постоянно ѣздить на балы и въ театръ. Некопѣйковъ—раззорившійся купецъ, думающій поправить свои дѣла разными проектами, напр. объ учрежденіи почты посредствомъ голубей; объ употребленіи крысьихъ хвостовъ на корабляхъ, вмѣсто тонкихъ веревокъ; объ извозѣ зимою въ степныхъ мѣстахъ на куропаткахъ; о построеніи секретнаго флота.

Посылая обѣ эти комедіи къ Вольтеру во французскомъ переводѣ, Екатерина писала къ нему: „у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, и ему хорошо извѣстенъ народъ"... Русскимъ обществомъ онѣ были приняты съ восторгомъ, а литературная критика комедію „О время" признала началомъ русской общественной комедіи и критики общественныхъ нравовъ. Новиковъ въ своемъ „Живописцѣ" сдѣлалъ ея автору посвященіе съ такимъ обращеніемъ: „Вы первый съ такимъ удовольствіемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію на-

(¹) Стр. 199. (²) Стр. 206.

пали на пороки, въ Россіи господствовавшіе". Авторъ на это посвященіе отвѣтилъ: „При сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи), слѣд. не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю".

Другія комедіи Екатерины: „Недоразумѣнія"; „Госпожа Вѣстникова съ семьею"; „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями"; „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье"; „Смутникъ"; „Глупое пристрастіе къ пословицамъ"; „Льстецъ и обольщенный"; „Не можетъ быть зла безъ добра"; „Путешествіе Промотаева" не имѣютъ особеннаго значенія. Въ нихъ часто повторяются тѣ же темы и тѣ же характеры, какъ и въ первыхъ двухъ комедіяхъ. Въ комедіи „Недоразумѣнія" выведена госпожа Гостякова, помѣшанная на разныхъ проектахъ, для улучшенія хозяйства; всѣ ея проекты оказываются совершенно непрактичными и ведутъ къ раззоренію. Она устроила „Румянный заводъ", но румяны ея нейдутъ съ рукъ; по деревнямъ ихъ не разбираютъ, говорятъ дороги... по городамъ не покупаютъ для того, что не заморскія. Полотняная фабрика ея не дѣйствуетъ, потому что не достаетъ пряжи; дворовыя дѣвки день и ночь прядутъ, но всетаки пряжи мало, а купить ее денегъ нѣтъ. Гостякова хочетъ развести на своихъ поляхъ ревень и хлопчатникъ; но ихъ побиваютъ русскіе морозы. Чтобы спасти ихъ отъ мороза, она приказываетъ отобрать у крестьянъ старыя шубы и покрыть отростки. Дворецкій Гостяковой характеризуетъ свою госпожу такимъ образомъ: „Затѣи новыя всякій часъ.... запросто судить... онѣ не прочнаго основанія.... вчерась приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь.... а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь... кто слыхалъ подобное!.... потомъ будетъ дивиться неурожаю... Ея бы дѣло принимать гостей... въ хозяйствѣ разумѣніе у насъ еще скудно... въ городѣ, сидя съ гостями, выучишься ли знать, что и когда сѣять, и какъ пахать, и гдѣ выгоднѣе!" (1). Въ комедіи „Вѣстникова съ семьей" Екатерина осмѣиваетъ страсть къ пересудамъ и сплетнямъ, изображая происхожденіе и распространеніе разныхъ нелѣпыхъ слуховъ въ слѣдующей смѣшной формѣ. Вѣстникова спрашиваетъ торговку Терентьевну: „Не слыхала-ли ты еще какихъ нибудь вѣстей"? Терентьевна. „Какъ не слыхать, матушка! По городу-та шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ полонъ ушатъ

(1) Сочин. II, 78—82.

всегда вѣстей. Вотъ-таки сказываютъ, что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть". Вѣстникова. „Да отъ кого ты это слышала"? Терентьевна. „Отъ кого? отъ человѣка, правда, не знакомаго: онъ пьяной проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шелъ и слышалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ, что пьяный, какъ протрезвился, такъ сталъ запираться, говоря, что онъ не знаетъ, съ пьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слышалъ. Только это не спроста". Вѣстникова. „И сомнѣнія нѣтъ: сколько людей говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи? Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ"? (¹). Кромѣ того, въ этой комедіи Екатерина касается недостатковъ домашняго воспитанія. Дочь Вѣстниковой вышла совсѣмъ „полоумною", потому что мать „бывало, за дѣло и не за дѣло безпрестанно ее тузила въ голову". А учителемъ у внучки Вѣстниковой былъ одинъ изъ такихъ учителей, каковы были у Митрофанушки Фонъ-Визина. Сама Вѣстникова говоритъ о немъ: „Ужасть, какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому (указываетъ на учителя). Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какова-то другова учителя, который гдѣ то былъ прежде скороходомъ; а этотъ пусть себѣ попрежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь". (²).—Комедія „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье" составляетъ передѣлку комедіи Шекспира: „Виндзорскія кумушки". Герой ея Фальстафъ названъ Полкадовымъ. Полкадовъ—гуляка и повѣса, который промотался во время путешествія по Европѣ и хочетъ поправить свое состояніе волокитствомъ; но это ему не удается; за волокитство свое онъ платится своими боками и попадаетъ въ самыя обидныя положенія. Въ піесѣ „Путешествіе Промотаева" также изображается вредъ, какой приносятъ путешествія по Европѣ людямъ, которые отправляются туда не съ тѣмъ, чтобы поучиться всему хорошему, но чтобы весело пожить и покутить.—Всѣ эти комедіи Екатерины не имѣютъ художественнаго значенія, не отличаются ни полнотою и оконченностію идеи, ни цѣлостностью и выдержанностью характеровъ, но во всѣхъ ихъ есть интересныя отдѣльныя мѣста или сцены, рѣзкія характерныя черты, мѣткія выраженія; въ нихъ тѣ же темы и сюжеты, которые только въ болѣе художественныхъ формахъ развиваются у Фонъ-Визина и другихъ писателей.

Историческія драмы Екатерины. Двѣ историческія драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и „Начальное

(¹) Тамъ же стр. 263.
(²) Тамъ же стр. 281.

управленіе Олега“ Екатерина написала въ то время, когда занималась русской исторіей. Въ нихъ она хотѣла наглядно, въ лицахъ и событіяхъ, взятыхъ изъ русской исторіи, изобразить свои идеи о власти и управленіи. Она называетъ эти драмы подражаніемъ Шекспиру, котораго она, вмѣстѣ съ своими сотрудниками по эрмитажному театру, читала по нѣмецки, въ переводѣ Эшенбурга. „Эти подражанія Шекспиру, говоритъ она, очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями, и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства, сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими“ (1).

Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Подражаніе Шекспиру. Содержаніе этой драмы взято изъ первыхъ страницъ русской лѣтописи. Въ ней изображается начало русскаго государства, или призваніе на Русь Варяжскихъ князей. Дѣйствіе 1-е. Глубоко скорбя о несогласіи и раздорахъ между славянами, Новгородскій славянскій князь Гостомыслъ, предъ своею смертію, завѣщаетъ призвать, для управленія Русью, трехъ сыновей зятя своего, Финскаго короля, Людбрата, Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки, родившіеся отъ дочери, Умилы. Вадимъ и нѣкоторые изъ старѣйшинъ, послѣ смерти Гостомысла, возражали противъ его завѣщанія, говоря: „Варяги не знаютъ ни нашего языка, ни нашихъ законовъ и обычаевъ; намъ морскіе начальники не столько нужны, какъ добрые предводители, кои бы ратное наше дѣло знали“; по большинство старѣйшинъ однако же постановило исполнить волю Гостомысла. Во 2-мъ дѣйствіи изображается прибытіе пословъ отъ славянъ къ Финскому королю Людбрату. Обращаясь къ его сыновьямъ, послы говорятъ: „Князь Рюрикъ Варягорусскій, и вы, князи Синеусъ и Труворъ, единоутробные братья, внуки Гостомысла! земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; придите владѣти нами, установите согласіе, правосудіе; избавьте великій Новгородъ отъ разоренья; вы разумомъ и храбростію славны“ (2). Съ согласія Людбрата князья принимаютъ приглашеніе; вмѣстѣ съ ними въ Русь отправляются Олегъ, князь Урманскій, Оскольдъ, пасынокъ Рюрика, и Рохвольдъ, вельможа Варяжскій. Дѣйствія 3-е и 4-е. Прибывъ въ Русь, Рюрикъ, по совѣту Новгородскаго посадника, Добрынина, отправляетъ брата своего Синеуса править на Бѣлоозеро, а Трувора въ Изборскъ, князя же Урман-

---

(1) Переписка импер. Екатерины II съ Гриммомъ Я. К. Грота стр. 255.

(2) Сочин. I, 314—315.

скаго Олега въ Ижору или Ингрію; Оскольда съ войскомъ отправляетъ въ Кіевъ, чтобы избавить этотъ городъ отъ угнетающихъ его казаръ; Рохвольду поручаетъ начальство въ Полоцкѣ. Дѣйствіе 5-е. Между тѣмъ младшій внукъ Гостомысла, Новгородскій князь Вадимъ, не хочетъ подчиниться пришельцамъ Варягамъ и производитъ возстаніе противъ Рюрика. Это возстаніе, впрочемъ, тотчасъ же было подавлено; Вадимъ былъ схваченъ и приведенъ на судъ къ Рюрику. Рюрикъ является государемъ мудрымъ и въ высшей степени гуманнымъ; онъ произноситъ судъ надъ Вадимомъ самый милостивый, по началамъ Наказа. „Но пусть Рюрикъ, говоритъ онъ, въ сей день окажется, каковъ онъ есть: онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, винной изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію (вынимаетъ мечъ изъ ноженъ), тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріателей (уронитъ мечъ), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка. Теперь судите сами, отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго, князя Вадима. Бодрость духа его, предпріимчивость, неустрашимость и прочія изъ того истекающія качества могутъ быть полезны государству впередъ. Вадимъ (становясь на колѣни). О Государь! ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь.... Я вѣрный твой подданный вѣчно“ (1).

Начальное управленіе Олега. Подражаніе Шекспиру. Князь Олегъ, управляющій Русью во время малолѣтства Игоря, объѣзжаетъ русскія области и при этомъ закладываетъ города въ разныхъ мѣстахъ. Піеса начинается описаніемъ закладки города Москвы на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Смородина или Москва, Яуза и Неглинная соединяются. При закладкѣ происходятъ гаданія жрецовъ.

Второй жрецъ: „По всѣмъ примѣтамъ сей градъ будетъ нѣкогда обширенъ и знаменитъ. Олегъ. Не всегда вѣру подавать можно примѣтамъ, онѣ обманчивы. Первый жрецъ. Однако дождь шелъ отъ заката солнечнаго во всю нощь, при восходѣ же видны были стаи разныхъ птицъ, кои слетѣлись отовсюду и сѣли на луга, гдѣ клевали непрестанно насѣкомыхъ, выходящихъ отъ мокроты изъ подземныхъ своихъ жилищъ. Олегъ. Что же это зна-

(1) Тамъ же, стр. 337—338.

чить? Второй жрецъ. Дождь значитъ богатство, изобиліе, но великое разлитіе оказываетъ затрудненіе; стаи птицъ родовъ разныхъ знаменуютъ, что сіе мѣсто служить имѣетъ народнымъ убѣжищемъ и соединеніемъ во времена опасныя. Олегъ. Хорошо.... въ добрый часъ приступимъ къ начальному созиданію".

Въ то время, какъ жрецы клали первый камень въ основаніе города, надъ ними пролетѣлъ орелъ.

Первый жрецъ. Орелъ летитъ чрезъ градъ сей не понапрасну.

Стемидъ. О, коль пріятно видѣть, что здѣсь держатся древняго обычая!

Добрынинъ (Стемиду). Развѣ у васъ оный перемѣняютъ? Лидулъ. Не безъ того.

Стемидъ. Отъ того возстало народное роптаніе" (1).

Въ это время являются къ Олегу послы изъ Кіева и приносятъ отъ кіевлянъ жалобу, что князь Оскольдъ перемѣняетъ у нихъ древніе обычаи, что во время похода въ Царь-градъ онъ едва ли не присталъ къ тамошнему закону. Олегъ отправляется въ Кіевъ, и, узнавъ отъ самого Оскольда, что онъ, дѣйствительно, находится въ такомъ „умоположеніи", лишаетъ его власти. Оскольдъ однакожъ находитъ пріютъ у угровъ, которые въ это время проходили мимо Кіева.—Между тѣмъ въ Кіевъ привозятъ изъ Изборска невѣсту Игоря, Прекрасу, правнучку Гостомысла. Происходитъ свадьба Игоря. При этомъ Прекраса, по ея желанію, называется, въ честь Олега, Ольгою. Послѣ свадьбы Игоря, Олегъ отправляется въ походъ къ Царь-граду. Одержавъ побѣду и заключивъ миръ, онъ посѣщаетъ Царь-градъ, гдѣ послѣ всякаго рода угощеній, въ честь его даны были игры въ Иподромѣ. По окончаніи игръ, Олегъ прибиваетъ щитъ Игоря къ столбу Иподрома.—Сочиненіе этой драмы относится къ тому времени, когда Екатерина и Потемкинъ были заняты такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ, или греческимъ проектомъ. Всѣ слышавшіе объ этомъ проектѣ, конечно, не могли не интересоваться этой драмой, гдѣ изображался побѣдоносный походъ Олега въ Царь-градъ; а при представленіи драмы въ театрѣ публику особенно увлекало 3-е дѣйствіе, гдѣ представлена свадьба Игоря и Ольги по древнимъ русскимъ обычаямъ, съ русскими народными пѣснями.

Оперы Екатерины (2). Екатерина составила нѣсколько комическихъ оперъ для своего эрмитажнаго театра: „Новгородскій бо-

---

(1) Сочин. I, 348—349.

(2) О вліяніи народнаго творчества на драмы импер. Екатерины II и о русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ. П. Безсонова. Заря 1870. № 4.

гатырь Боеславичъ“ (1786), „Февей“ (1786), „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ“ (1786), „Федулъ съ дѣтьми“ (1790), „Горе богатырь Косометовичъ“ (1788). Содержаніе первой оперы „Новгородскій богатырь Боеславичъ“ заимствовано было изъ былины о Василіи Буслаевѣ, которая въ ней и изложена, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Основа оперы „Февей“ взята изъ сказки о царевичѣ Февеѣ; въ оперѣ изображена женитьба Февея на Лійской царевнѣ, Даннѣ. Опера „Смѣлый витязь Архидѣевичъ“ составлена изъ разныхъ сказокъ объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ. Опера „Федулъ съ дѣтьми“ вся состоитъ изъ пѣсенъ и отличается особенною веселостію. Нѣкоторыя изъ ея пѣсенъ, какъ-то дуэтъ: „Слушай, радость, одно слово, гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь“.... и пѣсня Дуняши: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой, разъигралась, расплясалась красна дѣвица душа“... долго пѣли еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Особенный характеръ и смыслъ имѣетъ опера „Горе богатырь Косометовичъ“. Думаютъ, что она написана во время войны Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 г. и составляетъ сатиру на шведскаго короля Густава III ([1]). Она составлена по подражанію Донъ-Кихоту Сервантеса; Горе-богатырь—пародія Донъ-Кихота. Подобно Донъ-Кихоту, Горе-богатырь говоритъ о себѣ: „Я нынѣ много наслышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ, я самъ хочу таковыя же предпринять“.

«Геройствомъ надуваясь
И славою прельщаясь,
Лобъ спрячу подъ шишакъ,
Надѣну рыцарски доспѣхи,
И сильный мой кулакъ
Въ бою доставитъ мнѣ успѣхи.
Для богатырскихъ дѣлъ
Я много думалъ и потѣлъ;
Хотя же сталъ я храбръ недавно,
Но будетъ имя славно;
Пойду я бодръ теперь и гордъ,
На вестъ, на зюйдъ, на остъ и нордъ».

Не въ состояніи будучи сладить съ вооруженіемъ прежнихъ богатырей, онъ надѣваетъ на себя латы изъ картонной бумаги и въ этомъ видѣ, съ своими оруженосцами, Кривомозгомъ и Торопомъ, выѣзжаетъ на подвиги. Въ одной деревенской избѣ

([1]) Смотр. Журн. Мин. Народ. Просв. 1870; декабрь. Комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь». А. Брикнера.

безрукій старикъ побиваетъ ихъ ухватомъ и спускаетъ на нихъ цѣпную собаку. Испугавшись звуковъ медвѣжьей травли, Горе-богатырь взлѣзаетъ на дерево. Послѣ такихъ подвиговъ всѣ трое—богатырь и оруженосцы—возвращаются домой въ вѣнцахъ, какъ побѣдители. Горе-богатырь поетъ:

«Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать:
Низринулъ множество оплотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыпалъ и побилъ
Медвѣдей, Костоглотовъ,
И лѣшихъ съ колдунами».

Наконецъ, Горе-богатырь женится на красавицѣ, Гремилѣ Шумиловнѣ. Хоръ при этомъ поетъ:

«Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму много сдѣлала довольно!» (1).

Сочиненія Екатерины противъ масонства: „Тайна противо-нелѣпаго общества (anti-absurde), открытая непричастнымъ оному"; „Шаманъ Сибирскій"; „Обманщикъ" и „Обольщенный". Какъ замкнутое и тайное общество, масонство казалось Екатеринѣ опаснымъ для спокойствія государства и вообще вреднымъ въ политическомъ отношеніи; а по своимъ страннымъ и нелѣпымъ обрядамъ—нелѣпымъ шарлатанствомъ, имѣющимъ цѣлію морочить людей и посредствомъ обмана, прикрываемаго разными фокусъ—покусами, выманивать у людей деньги. Такой именно взглядъ на него и выражается въ указанныхъ сочиненіяхъ. Игнорируя гуманную и нравственную сторону масонства, которая привлекала къ нему всѣхъ лучшихъ людей, Екатерина изображаетъ только дурныя стороны масонства, на основаніи тѣхъ разсказовъ, которые ходили о немъ въ обществѣ. Она представляетъ масоновъ обманутыми и обманщиками, людьми, дѣлающими золото и продающими жизненный элексиръ, алхимиками, теософами, духовидцами.

---

(1) Сочин. I, 431—459.

Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному. Противо-нелѣпымъ называется общество, противоположное масонству, которое признается нелѣпымъ. Въ противоположность тому, что масонство начало свое относило къ временамъ построенія храма Соломонова, о новомъ обществѣ говорится: „Оно начало свое воспріяло въ то время, въ которое общій разсудокъ въ свѣтъ вошелъ".... Начальствующая ложа его находится въ горѣ истины, лежащей къ сѣверу отъ горы шутокъ". Далѣе описывается обрядъ принятія въ члены этого общества, противоположный масонскимъ обрядамъ и составляющій сатиру на эти обряды. Въ противоположность тому, что при посвященіи въ масоны новопосвящаемому завязывали глаза, поступающій въ новое общество „входитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ. Его подводятъ потомъ къ начальнику общества, который, указывая на корзину съ тетрадями, приказываетъ ему вынимать одну тетрадь за другою и прочитывать ихъ заглавія. Принимаемый членъ беретъ одну тетрадь и читаетъ: „Орвіентатъ". Что вы объ этомъ думаете, спрашиваетъ начальникъ. Это такая нелѣпость, отвѣчаетъ онъ, которую должно бросить.—Ну, такъ бросьте же ее, говоритъ начальникъ, указывая на каминъ, и возьмите другую. Послѣ пересмотра всѣхъ масонскихъ тетрадей, заключающихся въ корзинѣ, принимаемому члену объясняются эмблемы противо-нелѣпаго общества. Эти эмблемы: 1) Вѣникъ, орудіе, какимъ исправляютъ дѣтей. Сіе орудіе, говоритъ авторъ, напоминаетъ новопринятому, что всѣ тѣ, кои, не слѣдуя по стезямъ здраваго разсудка, совращаютъ его съ пути прямаго разума, подобны дѣтямъ. 2) Родъ широкой и длинной простыни для качанія, посрединѣ которой написано № 1-й non plus ultra (предѣлъ, его же не прейдеши). Сіе новопринятымъ напоминаетъ, что тотъ, кто дозволяетъ себя тѣлеснымъ или душевнымъ образомъ качать, подаетъ худое мнѣніе о своемъ благоразуміи. 3) Ротъ зѣвающій. Сіе значитъ, что таже сказка, а особливо, если она нелѣпа, скучна и безъ вкуса, конечно произведетъ зѣвоту. Наконецъ излагается краткій катихизисъ общества, состоящій изъ нѣсколькихъ вопросовъ начальника и отвѣтовъ принимаемаго члена. „В. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ? О. Въ жмурки. В. Надобно ли имѣть завязанныя глаза или помраченное зрѣніе, чтобы видѣть яснѣе дневное и ночное свѣтило, или чтобы пріобрѣсти какое человѣческое познаніе? О. Какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ ничего лишняго ни въ самихъ глазахъ, ни въ разумѣніи человѣческомъ".—Подъ дѣтьми, играющими въ жмурки съ завязанными глазами,

разумѣются масоны. Они раздѣляются на большихъ и малыхъ дѣтей. Малыя дѣти тѣ, которыхъ обманываютъ, большія дѣти тѣ, которыя, безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются. Ученіе масоновъ похоже на сказки кормилицы о домовыхъ дѣдушкахъ, кикиморахъ и химерахъ привидѣнія и изступленія; а всѣ масонскіе обряды, „необычайныя и странныя тѣлодвиженія“ походятъ на обезьянство.—Исповѣдавшему все это новому члену общества начальникъ говоритъ, а за нимъ все собраніе повторяетъ: dignus es intrare in nostram societatem (достоинъ внити въ наше общество) ([1]).

Шаманъ Сибирскій. Содержаніе этой піесы состоитъ въ слѣдующемъ. Семейство Бобиныхъ (отецъ, мать и дочь) пріѣхало изъ Сибири въ Петербургъ и привезло съ собою, въ качествѣ лѣкаря, шамана Амбанъ-Лая, о которомъ вскорѣ распространился „шумъ великій.... будто по лицу узнаетъ умоначертаніе человѣка“. Между тѣмъ, это былъ хитрый шарлатанъ, который „умѣлъ ослѣплять и обманывать тѣхъ, которые сами хотятъ обманываться, которыхъ глупость и невѣжество видитъ колдовство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится“. Репутація его, какъ искуснаго лѣкаря, объясняется въ комедіи слѣдующимъ случаемъ: „Барыня, говоритъ служанка Бобина, Мавра, занемогла.... запросто перезябла. Онъ принесъ къ ней какую-то травную воду. Но склянка съ водою разбилась, а прислуга, не смѣя сказать объ этомъ, подмѣнила ее другой склянкой съ простой водой. Барыня, не зная подмѣны, начала пить эту воду поминутно маленькою ложечкой и выздоровѣла. И слухъ пошелъ повсюду, что она выздоровѣла отъ Амбанскихъ дорогихъ составовъ“. Шаманъ въ Петербургѣ принялся за разныя штуки: „купеческую жену обманулъ, показывалъ ей мертваго мужа и для того живыхъ людей нарядилъ, завелъ маленькую школу; своими финты—фантами не только привлекъ народу много, но и предсказаніями и угадками выманилъ у всѣхъ денегъ, колико могъ“. Но полиція, узнавъ объ этихъ его продѣлкахъ, взяла его подъ караулъ. Шаманъ однакожъ успѣлъ устроить свадьбу дочери Бобина, Прелесты съ Пернатовымъ ([2]). Объясняя смыслъ этой комедіи, Екатерина писала Гримму: „Шаманъ—это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Посмотрите на статью „Теозофъ“ въ энциклопедіи, и вы получите секретъ нашихъ комедій масонства и модныхъ сектъ ([3]).

([1]) Сочин. III, 169—181. ([2]) Сочин. II, 437—513.
([3]) Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 254.

Обманщикъ и Обольщенный. Въ комедіи „Обманщикъ“, въ лицѣ Калифалкжерстона, изображенъ извѣстный Каліостро, который былъ въ Петербургѣ и Москвѣ и оставилъ послѣ себя многихъ послѣдователей. Калифалкжерстонъ говоритъ, что онъ малые алмазы передѣлываетъ въ большіе и можетъ дѣлать золото, что онъ знаетъ средства противъ всѣхъ болѣзней, что онъ имѣетъ силу вызывать духовъ, что еще недавно съ того свѣта являлся къ нему Александръ Македонскій. Вкравшись въ довѣренность простака Самблина, онъ выманилъ у него для алхимическихъ производствъ 4000 червонцевъ и нѣсколько алмазовъ и хотѣлъ убѣжать съ ними, но былъ пойманъ (1). Въ комедіи „Обольщенный“ изображается отецъ семейства Радотовъ, попавшій въ общество обманщиковъ, которыхъ зовутъ мартышками (т. е. мартинистами), которые находятся въ сношеніяхъ съ духами, дѣлаютъ золото и алмазы и проч. „Сначала, говоритъ онъ, я былъ влекомъ любопытствомъ... Стремленіе двухъ трехъ знакомыхъ меня убѣдило... Потомъ самолюбіе мое находило удовольствіе отличиться, инако думать, какъ домашніе, какъ знакомые, притомъ легковѣріе льстило!.. авось либо увижу, услышу то, что почитаютъ за невозможное; только по истинѣ внутренно терпѣлъ я—несказанную скуку“! (2) Такъ разсказывалъ онъ о себѣ, когда обманъ открылся и когда увлекшіе его обманщики обокрали его; но сначала онъ вѣрилъ всему, что они ему говорили, и распространялъ ихъ ученіе въ своемъ семействѣ. Вотъ что говоритъ мать Радотова о своей внучкѣ: „пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя Таисія, увидала на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ цвѣтами; она начала цѣловать листочки; я спросила на что? она, на то, сказала, что на каждомъ листѣ душокъ обитаетъ!... и будто на булавошномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается“!... Въ комедіи всего интереснѣе разсужденія нѣкоторыхъ лицъ, и особенно Бритягина, устами котораго Екатерина высказываетъ свой взглядъ на масонство. Бритягинъ о Радотовѣ говоритъ: „я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ суемудрія!... Онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ ни вѣсь что; домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сущихъ ребячествъ, коимъ разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется“. Но въ масонствѣ была привлекательная сторона; оно стремилось къ всеобщей благотворительности и просвѣ-

---

(1) Сочин. I, 549—600. (2) Сочин. I, 663.

щенію массъ народныхъ. Екатерина заподозривала эти стремленія на томъ основаніи, что масоны хотятъ достигнуть своихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей своимъ особеннымъ ученіемъ, своими особенными путями, а не тѣми, которые уже всѣми признаны и указаны правительствомъ. Когда Брагинъ указалъ на то, что масоны „въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ“, Бритягинъ возражаетъ: „Дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ таковымъ установленіямъ удобства?.. Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію, выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки! Но почему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодательствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ“.... „Неужто, прибавляетъ онъ потомъ Радотову, есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ и неужто развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели“? И наконецъ, въ заключеніе всей комедіи, Бритягинъ говоритъ, что масонство отнюдь не можетъ принести чести или похвалы нашему вѣку: „По умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ... Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались... Надзираніе безспорно въ рукахъ начальства.... благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію“ (1). Можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе должны были производить эти комедіи съ такими животрепещущими сюжетами, съ такими горячими и такъ прямо и неопровержимо рѣшаемыми вопросами. „Обманщикъ“ и „Обольщенный“, писала Екатерина къ Гримму, имѣли громадный успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ піесъ, и когда объявили другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызывали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, не смотря на свой огромный успѣхъ! Каждая изъ этихъ піесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю 10,000 въ три представленія“ (2).

(1) Сочин. I, 607; 624—625; 651; 659; 663; 666.

(2) Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 253.

Сатирическія статьи Екатерины во Всякой Всячинѣ и Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. Выше замѣчено, что участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось въ журналѣ „Всякая Всячина", который, подъ ея руководствомъ, издавался въ 1769 году кабинетъ-секретаремъ Козицкимъ. Между мелкими статьями и отрывками, писанными Екатериной, сохранилось нѣсколько отрывковъ, приготовленныхъ для Всякой Всячины, но почему-то не напечатанныхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ въ формѣ письма, обращеннаго ко Всякой Всячинѣ: „Госпожа, бумагомарательница Всякая Всячина! По милости вашей нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣлибы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ; вѣдь и профессора Рихмана бы громъ не убилъ, еслибы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ.. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже и намъ старикамъ спуска нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку—она ея сосѣдъ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы не попадетесь за городомъ, гдѣ ни наесть на встрѣчу". Во Всякой Всячинѣ помѣщено письмо Екатерины, подписанное Патрикѣемъ Правдомысловымъ, въ которомъ защищается существующій порядокъ и опровергаются толки, что въ Россіи нѣтъ правосудія. „Мы всѣ, говоритъ Патрикѣй Правдомысловъ, сомнѣваться не можемъ, что нашей великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива".... Ниже будетъ показано, что Всякая Всячина, вызвавъ своимъ примѣромъ множество сатирическихъ журналовъ, впослѣдствіи восстала на нихъ, когда они начали писать сатиры не на пороки только, но и на лица дѣйствительныя, описывая знатныхъ господъ, и въ свою очередь возбудила противъ себя со стороны ихъ сильныя нападенія. Особенно нападалъ на Всякую Всячину „Трутень" Новикова. Противъ него „Всякая Всячина" помѣстила отъ имени одного придворнаго господчика такое замѣчаніе: „Не въ свои-де этотъ авторъ (авторъ статьи въ Трутнѣ) сани садится. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость есть ничто иное, какъ дерзновеніе. Полно-де его отпряла Всякая Всячина очень хорошо; да это еще ничего; въ старыя времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія (намекъ на

Сибирь), но ныньче-де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ“ (1).

Были и Небылицы (2). Всѣ сочиненія Екатерины написаны въ веселомъ и шутливомъ тонѣ или, какъ она сама выражается, „въ улыбательномъ духѣ“. Этотъ стиль, согласный съ тогдашними воззрѣніями на сатиру, по которому она ridendo castigat mores, былъ въ тоже время и выраженіемъ личнаго характера Екатерины, живаго, веселаго и остроумнаго. Екатерина не любила, замѣчаетъ принцъ-де-Линь, ни слишкомъ печальнаго, ни слишкомъ ученаго, ни чувствительнаго. Ей нравились романы Лесажа, Мольеръ и Корнель. Самое увлеченіе Екатерины сочиненіями Вольтера объясняется также ея природнымъ расположеніемъ къ веселости и остроумію. „Мой дѣдушка, говоритъ Екатерина въ Быляхъ и Небылицахъ, ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить кого, и если не удастся ему возбудить смѣха, то онъ старается произвести по крайней мѣрѣ легкую улыбку, подобно, какъ искусный врачъ производитъ испарину“.... „Дѣдушка говоритъ, прибавляетъ она въ другомъ мѣстѣ, что прекрасно писанное, полезное, нравоучительное, однимъ словомъ преумное теряетъ цѣну, буде лишено пріятства. Онъ требуетъ, чтобы у понятія во всякомъ сочиненіи украдено было все то, что ему скуку приключить можетъ, а прибавлено было все то, что оную можетъ убавить“ (3). Такимъ стилемъ особенно отличаются „Были и Небылицы“. „Изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и плачъ разогрѣвающія драмы“ (4). ||Были и Небылицы представляютъ рядъ самыхъ легкихъ и веселыхъ размышленій и очерковъ, въ которые заносилось все, что „приходило въ голову“, все, что „попадало на языкъ“. „Начавши писать, говоритъ авторъ, не знаю никогда, что напишу, а какъ рукою поведу по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее“ (5). Начатое размышленіе иногда вдругъ прерывается безъ всякой причины: „NB. Здѣсь мнѣ муха сѣла на носъ и перервала мои мысли, такъ что письма окончать не могъ; съ другой стороны признаться должно, что она во времени присѣла, ибо

---

(1) Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложеніе къ III тому Записокъ Академіи наукъ. Спб. 1863 г. (2) Были и небылицы импер. Екатерины II. А. Д. Галахова. Отеч. Зап. 1856; № XI. (3) Сочинен. Екатер. ч. III. 9—10; 39. (4) Тамъ же стр. 57. (5) Стр. 23.

страница ужъ приходила къ концу" (1). А иногда наскоро набросанный разсказъ разростается, и чѣмъ дальше идетъ мысль, тѣмъ становится серьезнѣе. „Когда начинаю писать, говоритъ авторъ, обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ, слово къ слову приставливая, мало по малу строки наполняю; иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница исписана и очутится на бумагѣ мысль кратколинная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ ихъ умахъ, а не въ моихъ строкахъ кроется; ибо неумные въ нихъ ни ума, ни всего вышеписаннаго не находятъ. Да чему тутъ и быть? всякъ вѣдаетъ или не вѣдаетъ (хотя то часто было объявлено), что я первоначальныхъ правилъ грамматики отнюдь не знаю, а еще менѣе (не бывъ ни чему ученъ) возмогу порядочно мысли и умъ настроить, аки клавикорды либо скрипицу" (2).

Содержаніе Былей и Небылицъ заимствовано изъ современной жизни. По поводу разнесшейся молвы о томъ, что въ нихъ описываются извѣстныя лица, авторъ пишетъ Угадаеву: „Буде вы и семья ваша, между знакомыми вашими, нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытащены изъ обширнаго моря естества. Хотя не имѣю чести знать ни васъ, ни семьи, ниже знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равномѣрно какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи, то статься можетъ, что попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ. Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ" (3). Не смотря на то, современники въ нѣкоторыхъ типахъ угадывали извѣстныя лица: въ типѣ человѣка самолюбиваго, который „любитъ только себя и никого болѣе и хвалитъ только то, что ему принадлежитъ", видѣли Чоглокова, мужа бывшей гофмейстерши Екатерины, когда она была еще великой княгиней; въ лицѣ человѣка нерѣшительнаго, который, сдѣлавъ два шага направо, одумавшись пойдетъ на лѣво, который пяти словъ не выговаривалъ безъ раскаянія потомъ, который вообще счастливъ не бываетъ, потому что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другой, видѣли Шувалова; въ лицѣ человѣка, который „такъ плохо выражается порусски, что его сочиненіе похоже на плохой переводъ съ иностраннаго", графа Н. П. Румянцева, который тогда только что возвратился изъ за границы. Само

(1) Стр. 92. (2) Стр. 121—122. (3) Стр. 27.

собою разумѣется, что Екатерина не сама является въ Быляхъ и Небылицахъ своею личностію, но высказываетъ свои мысли чрезъ разныя вымышленныя лица. Это во 1-хъ дѣдушка, человѣкъ „глубокомыслящій" и „словоохотный"; двоюродный братъ автора, человѣкъ „веселый и проказливый"; дѣдушкина кума, дочь архангельскаго купца, воспитанная на иностранный манеръ въ пансіонѣ, гдѣ она „обвертки съ двѣ ума получила"; другъ И. И. И., который болѣе плачетъ, нежели смѣется, и другъ А. А. А., который болѣе смѣется, нежели плачетъ. Отъ имени этихъ лицъ авторъ осмѣиваетъ современные недостатки—самолюбіе, чванство, тщеславіе и безвкусное щегольство, пристрастіе къ французскимъ нравамъ и языку и проч. Особенно часто въ Быляхъ и Небылицахъ выводится дѣдушка, который играетъ въ нихъ ту же роль, какую Фонъ-Визинъ далъ Стародуму въ „Недорослѣ". Устами дѣдушки Екатерина высказываетъ свои задушевныя мысли. Въ этомъ отношеніи весьма интересно сравненіе прежняго времени съ современной эпохой. Какъ ни любитъ дѣдушка похвалить свое прежнее время, однакожъ не можетъ не отдать предпочтенія предъ нимъ современной эпохѣ. „Понеже казалось, что въ свѣтѣ кое что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣд. громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можемъ, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, и накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе, вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе... Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ объ общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго... Примѣчаніе. Дѣдушка посредствомъ

совѣстнаго суда въ семи намѣстничествахъ помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе 30“. При этомъ Екатерина разумѣетъ совѣстные суды, явившіеся вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ, которыми она особенно гордилась. Отъ лица дѣдушки также помѣщены въ Быляхъ и Небылицахъ замѣчанія на извѣстные вопросы Фонъ-Визина. „Молокососы! не знаете вы, что я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся не умѣстны, шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Особенно разсердилъ дѣдушку 14-й вопросъ: отъ чего въ прежнія времена шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? Отъ чего?... отъ чего?... Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно безъ.... хемъ, хемъ, хемъ, (дѣдушка сильно кашлялъ) опасенія... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои даются въ обществѣ живущимъ, или обществу служащимъ. Всѣ сіи, такъ же какъ и первыя произнесенія перемѣшаны были хемъ-хемами; потомъ дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, Мареміаны плачущія и о всемъ мірѣ криво и косо пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго“ ([1]).—Затѣмъ, изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ Быляхъ и Небылицахъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ „Общества незнающихъ ежедневная записка“, подписанная: „скрѣпилъ извѣстный каноникъ“. Въ этой статьѣ осмѣиваются засѣданія россійской академіи, которая разумѣется подъ обществомъ незнающихъ. Общество раздѣляется на двѣ палаты: первая палата съ чутьемъ, вторая палата безъ чутья. Палатѣ безъ чутья дана привилегія чинить предложенія, палатѣ же съ чутьемъ предоставлены рѣшенія. Въ засѣданіяхъ дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ, или въ молчаніи, а рѣшенія обыкновенно заключаются въ одномъ словѣ: „мимо“ ([2]).

([1]) Стр. 44—46. ([2]) Стр. 98—101.

Были и Небылицы печатались въ Собесѣдникѣ въ теченіе полутора года. Прекращая ихъ изданіе, Екатерина, подъ предлогомъ передачи его другимъ, написала „Завѣщаніе“, въ которомъ изображенъ идеалъ писателя, какъ онъ ей представлялся и которому она старалась слѣдовать. Изъ 19 пунктовъ этого Завѣщанія указываемъ на слѣдующіе, какъ на особенно интересные. 4) Кто писать будетъ, тому думать по русски. Всякая вещь имѣетъ свое названіе. 5) Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ. 6) Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится. 7) Слова класть ясныя и буде можно самотеки. 8) Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ. 9) Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ. 11) Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ. 12) Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха. 13) Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять. 14) Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку... 15) Глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ сносными учиниться. 18) Стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи. 19) Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ бы было его сочиненіе, а его самого не видно было“....

Современники, зная, кѣмъ писались Были и Небылицы, съ нетерпѣніемъ ожидали каждаго новаго ихъ листа. Сама Екатерина признавала ихъ весьма полезными. Подъ 30 іюля 1783 г. было замѣчено: „отъ самаго дня изданія Собесѣдника примѣчена повсюду великая перемѣна и поправленіе во нравахъ. Да и какъ тому и быть иначе. Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубля на полтора шутки, проповѣди, нравоученія“. „Веселыя въ оныхъ повѣствованія, сказано о Быляхъ и Небылицахъ въ другомъ мѣстѣ, возбуждающія въ читателѣ желаніе найти истину, скрывающуюся подъ замысловатыми разсказами, изощряютъ разумъ; однако не говорятъ въ нихъ ни птицы, ни скоты, ни другія безумныя твари. Цѣль ихъ, кажется, забавою исправлять нравы, castigat ridendo mores, за то нѣтъ въ нихъ ученыхъ и мудреныхъ разсужденій; словомъ, всѣ тонкія, острыя, иногда и глубокія мысли, разсыпанныя въ Быляхъ и Небылицахъ, ни мало не украшены

слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ, каковымъ, слѣдуя правиламъ реторическимъ, изъяснить ихъ долженствовало" (1).

Главные литературные дѣятели въ Екатерининскую эпоху. Примѣръ Екатерины, которая не только поощряла всякую ученую и литературную дѣятельность, но и сама принимала живое участіе въ литературѣ, имѣлъ весьма сильное и благодѣтельное вліяніе. Императрицѣ стремились подражать ея приближенныя лица, богатые и знатные вельможи, которые если сами ничего не писали, то старались заявить себя любителями и покровителями литературы, наукъ и искусствъ, заводили у себя библіотеки, устраивали театры, содержали хоры музыки и пѣнія. Въ 1765 г. въ Петербургѣ открылся даже народный театръ. Это былъ родъ амфитеатра изъ досокъ, въ которомъ могло помѣститься довольно много народу и въ которомъ представленія открылись со втораго дня Пасхи. Разсказывая объ этомъ театрѣ, Лукинъ замѣчаетъ: „Нашъ низкія степени народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что, оставя другія свои забавы, ежедневно на оное зрѣлище сбирался. Играютъ тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между оными есть два три довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и не удачны будутъ, но впослѣдствіи исправятся" (2). Что дѣлалось въ столицахъ, тоже хотѣли дѣлать и въ провинціяхъ; и здѣсь, вмѣсто кулачныхъ боевъ, травли зайцевъ и медвѣдей, драки шутовъ и скомороховъ, начали появляться театральныя представленія, концерты, клубы и проч. Весьма интересное извѣстіе объ этомъ мы находимъ въ „Драматическомъ Словарѣ 1787 г"., гдѣ, между прочимъ, сказано: „Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше, начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенные и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія; и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели гоняніемъ голубей, конскими рысканіями, или травлей зайцевъ, и входятъ въ разсужденіе о піесахъ, чему

---

(1) Стр. 18, 80

(2) Сочиненія Лукина. Изд. 1868. Спб. стр. 184.

я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель". Указавъ затѣмъ, что въ прежнія времена всѣ удовольствія состояли въ травлѣ звѣрей и въ кулачныхъ бояхъ, которые пріучали сердце только къ ожесточенію съ малыхъ лѣтъ, авторъ замѣчаетъ, что въ послѣдней четверти XVIII в. все это исчезло: „Благородное россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, находитъ свою забаву, вмѣсто отдохновенія, въ зрѣніи театра и въ протчихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ". Если это извѣстіе автора словаря, такъ сильно восхищающагося успѣхами просвѣщенія своего времени, и преувеличено, то всеже оно сдѣлано не безъ основанія; были по крайней мѣрѣ начатки и стремленія, подававшія хорошія надежды. Указомъ 15 января 1783 г. повелѣвалось „типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій" и въ слѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи каждому, по своей собственной волѣ, заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія. Что же касается въ частности литературы, то значеніе ея несомнѣнно значительно возвысилось. Поэзія признается уже не только какъ хорошій декорумъ, нужный для украшенія придворныхъ и торжественныхъ праздниковъ, но и какъ необходимый органъ для проведенія въ общество разныхъ просвѣтительныхъ идей. Если она и продолжаетъ еще по прежнему воскурять лестный ѳиміамъ и не сняла еще съ себя придворнаго костюма; то она и въ этомъ костюмѣ, хотя въ „шуткахъ" стремится „возвѣщать правду и говорить истину царямъ", хотя „съ улыбкой". Фонъ-Визинъ вступаетъ въ совопросничество съ самой императрицей и хотя за свою смѣлость и прямоту получаетъ упрекъ „въ свободоязычіи", но всетаки, какъ писатель, онъ сознаетъ свое общественное значеніе и считаетъ обязанностію въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ возвышать свой голосъ. „Я думаю, говоритъ Стародумъ, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества" ([1]). Если опять

([1]) Сочиненія Фонъ-Визина. Изд. 1866 г.; стр. 230.

такая свобода мысли и слова изображается въ преувеличенномъ видѣ и продолжалась не долго, потому что Екатерина и ея правительство, испуганныя ужасами начинавшейся во Франціи революціи, стали строго относиться ко всякому свободному проявленію мысли и слова, что привелось испытать и самому Фонъ-Визину; то все-же хотя не долго и въ извѣстной степени она была и несомнѣнно принесла большую пользу литературѣ и обществу.

Главными представителями литературы въ Екатерининскую эпоху служатъ Державинъ и Фонъ-Визинъ. Впрочемъ, пѣснь Державина, прославлявшая подвиги Екатерины и Екатерининскихъ орловъ, начала раздаваться уже спустя много времени по вступленіи ея на престолъ; первыми по времени литературными явленіями въ царствованіе Екатерины были сатирическіе журналы, начавшіе выходить съ 1769 г. Какъ реформа Петра В., раскрывъ множество темныхъ сторонъ въ русской жизни, вызвала сатиру Кантемира, такъ при свѣтѣ Наказа и вообще философскихъ идей XVIII в. прежде и сильнѣе всего поражали современниковъ разныя суевѣрія и пороки и послужили предметомъ журнальной сатиры Новикова, комедій Фонъ-Визина и самой Екатерины. Изображая разные недостатки и пороки, сатира и комедія проводили при этомъ въ общество здравыя начала жизни, новыя гуманныя идеи въ сферахъ воспитанія, образованія и управленія. Затѣмъ Державинъ, Костровъ, Петровъ и Капнистъ въ одѣ рисовали идеалъ честнаго и правдиваго мужа, истинно полезнаго слуги отечества на всѣхъ поприщахъ службы; Херасковъ въ поэмахъ, Княжнинъ въ трагедіяхъ выводили типы „великихъ душъ", проникнутыхъ стремленіями къ высокимъ подвигамъ самоотверженія и патріотизма.

Д. И. ФОНЪ-ФИЗИНЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Фонъ-Визинѣ [1]. Родъ Фонъ-Визиныхъ происходилъ отъ нѣмецкихъ рыцарей ордена меченос-

---

[1] Послѣднее полное изданіе сочиненій Фонъ-Визина сдѣлано И. И. Глазуновымъ, подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1866 г. При этомъ изданіи приложена обширная біографія и характеристика литературной дѣятельности Фонъ-Визина А. П. Пятковскаго, указаны всѣ прежнія изданія сочиненій Фонъ-Визина и перечислены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи и изслѣдованія о Фонъ-Визинѣ и его сочиненіяхъ. Изъ прежнихъ изданій сочиненій Фонъ-Визина здѣсь достаточно указать: Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина. 4 части, Москва въ ти-

цевъ. Въ царствованіе Грознаго, во время войны съ Ливоніей, былъ взятъ въ плѣнъ баронъ Петръ Володиміровъ сынъ Фонъ-Визинъ съ сыномъ его Денисомъ. Потомки этого барона Петра Фонъ-Визина при Алексѣѣ Михайловичѣ приняли православіе и совершенно обрусѣли. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ ревизіонной коллегіи и жилъ въ Москвѣ. Здѣсь и родился Денисъ Ивановичъ въ 1744 г. Свѣдѣнія о воспитаніи, образованіи и первой порѣ литературной дѣятельности Фонъ-Визина мы находимъ въ его автобіографіи, къ сожалѣнію не оконченной ([1]). Въ четыре года, говоритъ онъ здѣсь, начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнымъ... Родители мои были люди набожные, но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣднихъ недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро выучился я читать, такъ отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ котораго россійскаго языка и знать невозможно". Еще въ дѣтствѣ стала обнаруживаться въ Фонъ-Визинѣ особенная впечатлительность. Однажды отецъ его разсказывалъ дѣтямъ исторію Іосифа прекраснаго; она такъ сильно подѣйствовала на Фонъ-Визина, что онъ началъ рыдать неутѣшно. „Странно, замѣчаетъ онъ, разсказывая объ этомъ, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая „Іосифа", мною переведеннаго, проливали слезы". Переводъ поэмы Битобе

пографіи С. Селивановскаго, 1830 г.; второе изданіе, совершенный снимокъ съ этого, въ 1838 г.; два изданія Смирдина въ 1846 и 1852 г. Спб.; изданіе П. М. Перевлѣсскаго въ IV выпускѣ собранія сочиненій русскихъ писателей. Спб. 1858 г. Лучшія изъ статей и изслѣдованій о сочиненіяхъ Фонъ-Визина: Статьи С. С. Дудышкина въ Отеч. Зап. 1847 г. №№ 8 и 9; Фонъ-Визинъ, монографія П. А. Вяземскаго. Спб. 1848 г. и въ полномъ собраніи сочиненій Вяземскаго томъ V, Спб. 1880 г. Замѣтки по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій Фонъ Визина Н. Тихонравова. Моск. Вѣд. 1853 г. № 6; жизнь Д. И. Фонъ-Визина и значеніе его сочиненій при изданіи Перевлѣсскаго; А. Д. Галахова: Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка, по понятіямъ Фонъ-Визина. Библ. Зап. 1858. № 13; избранныя сочиненія Фонъ-Визина изд. П. Перевлѣсскаго. Атеней 1858 г. № 47.

([1]) Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ. Сочиненія изд. Ефремова, стр. 527—552.

„Іосифъ“, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ раннихъ литературныхъ трудовъ Фонъ-Визина. Не въ состояніи будучи нанимать учителей для иностранныхъ языковъ, отецъ тотчасъ отдалъ Дениса, вмѣстѣ съ братомъ, въ московскій университетъ (т. е. сначала въ гимназію при московскомъ университетѣ), какъ только онъ открылся. Такимъ образомъ, Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ въ московскомъ университетѣ. Хотя на первыхъ порахъ ученіе въ гимназіи и университетѣ имѣло въ себѣ много недостатковъ, которые Фонъ-Визинъ и осмѣиваетъ въ своей автобіографіи, однакожъ все таки онъ вспоминаетъ объ университетѣ съ благодарностію: „въ немъ, говоритъ онъ, обучаясь по латыни, я положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ“ (1). Литературныя дарованія начали обнаруживаться въ Фонъ-Визинѣ очень рано и въ той самой сатирической формѣ, въ какой выразилась вся его послѣдующая литературная дѣятельность.. „Острыя слова мои, говоритъ онъ, носились по Москвѣ, а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные огласили меня злымъ и опаснымъ мальчишкой; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ“. Между товарищами-соучениками онъ прослылъ великимъ критикомъ. Директоръ университета И. И. Мелиссино вздумалъ представить университетскихъ питомцевъ императрицѣ и съ этою цѣлью десять изъ нихъ, въ томъ числѣ и Фонъ-Визина, привезъ въ Петербургъ. Пребываніе въ Петербургѣ имѣло для Фонъ-Визина чрезвычайно важное значеніе; здѣсь онъ былъ представленъ Ломоносову, который похвалилъ его за изученіе латинскаго языка; здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ театръ и познакомился съ Волковымъ, Дмитревскимъ и Шумскимъ. „Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, говоритъ онъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе“ (2). Замѣчательно, что эта комедія была „Генрихъ и Пернилла“ Гольберга, басни котораго Фонъ-Визинъ вскорѣ перевелъ на русскій языкъ и драматическія сочиненія котораго имѣли потомъ значительное вліяніе на его собственныя комедіи.— По возвращеніи въ Москву, Фонъ-Визинъ продолжалъ ученіе въ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, съ особеннымъ вниманіемъ и успѣхомъ слушалъ логику у профессора Шадена, занимался

(1) Чистосердечное признаніе стр. 530—534. (2) Тамъ же 539.

переводами съ нѣмецкаго языка и перевелъ „Сиѳа, царя Египетскаго“; при помощи латинскаго языка изучилъ языкъ французскій и началъ переводить стихами „Альзиру“ Вольтера. Къ этому времени, вѣроятно, относится тотъ случай, о которомъ Фонъ-Визинъ разсказываетъ въ своей автобіографіи и которому онъ приписываетъ роковое вліяніе на всю свою жизнь. „Въ университетѣ, говоритъ онъ, былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили мою душу. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду“ (1)? Въ 1762 г., въ годъ возшествія Екатерины на престолъ, Фонъ-Визинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но онъ не долго оставался въ военной службѣ и вскорѣ поступилъ въ иностранную коллегію переводчикомъ, подъ начальство канцлера графа Воронцова, а въ слѣдующемъ 1763 г. сдѣлался секретаремъ у кабинетъ-министра И. П. Елагина. Здѣсь онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Лукинымъ, который, по его словамъ, былъ „безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно“. Въ тоже самое время онъ познакомился съ однимъ молодымъ княземъ и писателемъ (Ѳ. А. Козловскимъ), который ввелъ его въ общество тогдашнихъ русскихъ вольнодумцевъ. „Лучшее препровожденіе времени этого общества, говоритъ онъ, состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ, а въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ (2).—Въ 1766 году Фонъ-Визинъ написалъ „Бригадира“. Комедія эта произвела такое впечатлѣніе, что Фонъ-Визина наперерывъ приглашали читать ее къ разнымъ вельможамъ: къ Бибикову, Орлову, Н. И. и П. И. Панинымъ, Строганову, наконецъ къ самой императрицѣ и къ великому князю. Весь Петер-

(1) Тамъ же 535. (2) Тамъ же 542.

бургъ заговорилъ о Бригадирѣ и Фонъ-Визинѣ. Особенно нравилась комедія графу Н. И. Панину. „Поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей, говорилъ онъ ему; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петербургѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ“ (¹). Но сдѣлавъ имя Фонъ-Визина извѣстнымъ императрицѣ и познакомивъ его съ первыми сановниками государства, комедія познакомила его и съ разными вольнодумцами и безбожниками въ этихъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. Такимъ былъ между прочимъ одинъ старый графъ, у котораго Фонъ-Визину привелось быть однажды на обѣдѣ и о которомъ онъ говоритъ въ своей исповѣди: „сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Всевышняго Существа. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою“ (²). Здѣсь же Фонъ-Визинъ упоминаетъ о другомъ подобномъ атеистѣ, о которомъ разсказывалъ ему Г. Н. Тепловъ. Это былъ тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода, Чебышевъ, который до того былъ погруженъ въ безбожіе, что не стыдился проповѣдывать его открыто, на гостинномъ дворѣ, попавшемуся ему на встрѣчу унтеръ-офицеру гвардіи. Узнавъ о религіозныхъ колебаніяхъ Фонъ-Визина, Тепловъ посовѣтовалъ ему прочитать сочиненіе англійскаго писателя, Самуэля Кларка (1675—1729), который писалъ противъ Гоббеса, Спинозы и ихъ послѣдователей. Фонъ-Визину такъ понравились „Доказательства бытія Божія и истины Христіанской вѣры“ Кларка, что лучшія мѣста изъ этого сочиненія онъ перевелъ на русскій языкъ. Это сочиненіе Кларка и религіозныя впечатлѣнія дѣтства, вынесенныя изъ домашняго религіознаго воспитанія, спасли Фонъ-Визина отъ невѣрія.

Въ 1769 г. Фонъ-Визинъ поступилъ на службу подъ начальство графа Н. И. Панина, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и воспитателемъ наслѣдника в. к. Павла Петровича. Съ этого времени, началось настоящее политическое поприще Фонъ-Визина. Всѣ письменныя дѣла, сосредоточивавшіяся въ министерствѣ Панина, переходили чрезъ его руки; несомнѣнно также, что Фонъ-Визинъ принималъ и непосредственное участіе въ дѣлахъ. Переписка его со многими лицами тогдашней дипломатіи показываетъ, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Вращаясь въ этой средѣ, Фонъ-Визинъ пріобрѣлъ то знаніе придворной жизни и высшаго свѣта, которое выразилось въ его сочине-

---

(¹) Тамъ же 544. (²) 547.

ніяхъ. Наконецъ служба подъ начальствомъ Панина сдѣлалась для Фонъ-Визина и источникомъ внѣшняго благосостоянія. Въ 1773 г., по случаю окончанія воспитанія и совершеннолѣтія князя наслѣдника, Екатерина подарила въ награду Панину 9,000 душъ крестьянъ. Панинъ оставилъ себѣ изъ нихъ только 5,000, а остальныя 4000 раздѣлилъ между своими секретарями, Фонъ-Визинымъ, Бакунинымъ и Убри; на долю Фонъ-Визина досталось 1,180 душъ. Это обстоятельство и женитьба на одной богатой вдовѣ давали ему возможность устроить свою жизнь самымъ довольнымъ и спокойнымъ образомъ. Но начавшіяся вскорѣ болѣзни, разстроившія его здоровье, разстроили и все его довольство и благосостояніе. Фонъ-Визинъ четыре раза былъ за границей. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда по порученію начальства; во второй разъ въ 1778 г. по случаю нездоровья своей жены. Плодомъ этого путешествія были его письма къ П. И. Панину изъ Лейпцига, Ліона и Монпелье, гдѣ онъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, и изъ Парижа, гдѣ онъ также жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими учеными людьми и писателями, особенно съ Мармонтелемъ и членомъ французской академіи, Томасомъ. Онъ видѣлъ и описалъ, въ письмахъ къ графу Панину, тріумфъ, сдѣланный въ Парижѣ Вольтеру, встрѣчу его на улицахъ города, пріемъ его въ академіи наукъ и въ театрѣ и торжественные проводы его изъ театра въ домъ съ факелами.—Въ 1782 г. 24 сентября дана была въ первый разъ въ театрѣ комедія „Недоросль“, поставившая Фонъ-Визина выше всѣхъ современныхъ литературныхъ знаменитостей. „При представленіи сей комедіи, по свидѣтельству Драматическаго Словаря, театръ былъ несравненно наполненъ и публика апплодировала сію піесу метаніемъ кошельковъ“, а князь Потемкинъ, по разсказамъ современниковъ, послѣ ея представленія, сказалъ Фонъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши“. Въ этомъ же году были напечатаны въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ знаменитые „Вопросы“ Фонъ-Визина къ сочинителю Былей и Небылицъ.—Смерть графа Панина въ 1783 г., котораго онъ любилъ и почиталъ искренно, какъ перваго своего благодѣтеля, вредно подѣйствовала на его здоровье, которое уже давно было разстроено разными увлеченіями, излишествами въ наслажденіяхъ и вообще неумѣренною жизнію. Онъ вышелъ въ отставку и для леченія отправился въ Италію и прожилъ здѣсь около 8 мѣсяцевъ. Это путешествіе описано имъ въ письмахъ изъ Рима. Но здоровье его не поправилось; въ 1785 г. съ нимъ сдѣлался параличъ, который лишилъ его свободнаго употребленія языка, лѣвой руки и ноги. Для леченія онъ опять въ 1786 г. отправился въ Европу, былъ въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ и Тренцинѣ (въ Венгріи).

Хотя и это путешествіе не поправило его здоровья, однакожъ онъ въ 1788 г. собирался издавать журналъ, подъ названіемъ „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ“, и приготовилъ для него нѣсколько статей; но цензура не разрѣшила его изданія. Послѣдніе годы его жизни были постояннымъ страданіемъ. Умеръ Фонъ-Визинъ въ 1792 г.—„Всѣ преданія о Фонъ-Визинѣ, говоритъ Вяземскій, удостовѣряютъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный... Онъ много имѣлъ дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ или собирался играть роль Стародума въ своемъ „Недорослѣ“... Онъ былъ очень общителенъ, любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ... Литературное общество его составляли всѣ лучшіе писатели и образованные люди того времени: Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Козодавлевъ, Дмитревскій... Болѣзненное состояніе, особенно въ послѣдніе годы жизни, и тяжелыя страданія развили въ немъ религіозное настроеніе, которое располагало его къ духовнымъ размышленіямъ, смиренію духомъ и раскаянію въ прежнихъ заблужденіяхъ“. Въ разсужденіи о суетной жизни человѣческой, на случай смерти князя Потемкина, онъ между прочимъ говоритъ: „Всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я стражду самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе, какъ въ теченіе года, поразили меня четыре таковыхъ удара, но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти; Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“ (1). Разсказываютъ, что, сидя однажды въ университетской церкви, онъ говорилъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: „Дѣти! возьмите меня въ примѣръ! Я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію“. Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора (2).

(1) Стр. 263—64. (2) Сочин. Вяземскаго V, 165—168.

Сочиненія Фонъ-Визина. Значеніе Фонъ-Визина въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ передоваго мыслителя въ Екатерининскую эпоху, и въ исторіи русской литературы, какъ образцоваго писателя, выразившаго основныя идеи и стремленія этой эпохи, основывается главнымъ образомъ на двухъ комедіяхъ— „Бригадирѣ и „Недорослѣ“.

Содержаніе и значеніе „Бригадира“. Основная мысль „Бригадира“—мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ ложнаго иностраннаго образованія, получаемаго чрезъ французскихъ гувернеровъ и посредствомъ путешествій за границей. Для выраженія этой мысли представлено нѣсколько сценъ изъ жизни помѣщиковъ XVIII в. стараго поколѣнія, которое не хотѣло знать никакого образованія и жило по старымъ русскимъ привычкамъ, и новаго поколѣнія, которое также не знало никакого образованія, но, отвергая все русское, хотѣло жить по новому французскому образцу. Идеаломъ для перваго служилъ большой крупный чинъ, который можетъ дать помѣстье въ нѣсколько тысячъ душъ и хорошую т. е. выгодную должность, съ хорошими доходами, дозволявшими жить въ свою волю; идеаломъ для послѣдняго—распущенная жизнь, свободная отъ всякихъ правилъ, законовъ и приличій. Представителями перваго поколѣнія въ комедіи служатъ Бригадиръ, Бригадирша и Совѣтникъ; представителями послѣдняго—сынъ Бригадира, Иванушка, и Совѣтница. Тѣ и другія лица—чисто отрицательнаго, сатирическаго характера; идеальныя лица, долженствующія явиться на смѣну этихъ лицъ, выставлены только въ Софьѣ и Добролюбовѣ. Завязка комедіи, согласно съ обычаями тогдашней французской комедіи, основана на любви. Заслуженный отставной Бригадиръ, на пути изъ Петербурга въ свои деревни, заѣхалъ съ своей женой и сыномъ въ деревню живущаго также въ отставкѣ совѣтника коллегіи. У этого Совѣтника была дочь Софья. У Софьи былъ уже женихъ Добролюбовъ; но Бригадиръ посваталъ ее за сына своего, Иванушку, и Совѣтникъ и Совѣтница согласились войти въ такую знатную родню, тѣмъ болѣе, что Добролюбовъ, какъ человѣкъ бѣдный, представлялся имъ плохой партіей для Софьи. Вотъ какою сценой открывается комедія:

Совѣтникъ (смотря въ календарь). Такъ, ежели Богъ благословитъ, то 26-е число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть

другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (указывая на Совѣтника) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ. А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то дайте вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія? (¹)

Свадьба, однакожъ, не состоялась. Ей помѣшали любовныя интриги, въ которыя запутались Бригадиръ и сынъ его съ Совѣтницей, а Совѣтникъ съ Бригадиршей. Вслѣдствіе чего и Софья вышла за прежняго жениха, Добролюбова, который притомъ вдругъ получилъ богатое имѣніе. Въ комедіи нѣтъ настоящаго драматическаго дѣйствія; весь интересъ ея заключается въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ смѣшныхъ положеніяхъ и забавныхъ разговорахъ

Въ лицѣ Бригадира изображенъ отставной военный—человѣкъ властный. Дослужившись до высокаго чина на военной службѣ, онъ ничего не цѣнитъ, кромѣ этого чина и военной службы. Онъ никогда не читалъ и не хочетъ читать ничего, кромѣ военнаго артикула, военнаго устава и межевой инструкціи. Обходится онъ со всѣми также по военному. Совѣтникъ говоритъ о немъ: „военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ не столько иногда любитъ жену свою, сколько лошадь“. Дѣйствительно жена его, Бригадирша, жалуется, что онъ всегда „вымещалъ на ней вину каждаго рядоваго“.—„Жена, замѣчаетъ ей Бригадиръ, по поводу этой жалобы, не все ври, что знаешь“.—„Ай, жена! я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ“, говоритъ онъ Бригадиршѣ, въ спорѣ о табели о рангахъ Точно также онъ обращается и съ сыномъ: „Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я“?

Бригадирша, по представленію мужа, пабитая дура, внѣ хозяйства и скопидомства не понимающая никакихъ, самыхъ простыхъ, вещей. Скопидомство и скупость—основныя черты въ ея характерѣ, составляющія главные мотивы всѣхъ ея дѣйствій. Бригадиршѣ „скучны всѣ тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша“. Она можетъ говорить только объ овсѣ, о сѣнѣ, о кормѣ людей и лошадей. Книгъ она также не любитъ. Заслы-

---

(¹) Сочин. Фонъ-Визина, изд. Ефремова. Спб. 1866 г. стр. 1.

шавъ разговоръ о грамматикѣ, она замѣчаетъ: „конечно, грамматика не надобна; прежде нежели учить ее станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ". Вообще она такъ скупа, что, по выраженію ея сына, Иванушки, „за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами". Въ обращеніи она была сварлива и неуживчива. Ея характеръ въ этомъ отношеніи очень мѣтко опредѣляетъ тотъ же Иванушка, когда говоритъ, „что отецъ его, Бригадиръ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однакоже, женяся на матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ" (1).

Совѣтникъ — типъ стараго взяточника и лихоимца и въ тоже время страшнаго ханжи. Съ безцеремонною наглостію, не ожидающею никакихъ осужденій и возраженій, онъ говоритъ о своей службѣ: „Я самъ бывалъ судьей: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.... Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ" (2). „Я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой"... И говоря такимъ образомъ, онъ прибавляетъ, что всѣ „грѣшны человѣцы" и является настоящимъ ханжей, со смиреннымъ вздохомъ оправдывающимъ свои грѣхи. Но ханжество Совѣтника, составляющее, дѣйствительно, основную черту въ его характерѣ, вполнѣ выражается въ разговорѣ его съ Бригадиршей (3), который напоминаетъ сцену Тартюфа съ Эльмирой и, можетъ быть, написанъ Фонъ-Визинымъ по подражанію этой сценѣ. Раскрывая тайну своего грязнаго волокитства, Совѣтникъ цитуетъ тексты священ. писанія, кощунствуетъ и такимъ образомъ играетъ роль русскаго Тартюфа самаго грубаго вида. Сцена эта, непріятная и въ простомъ чтеніи, особенно оскорбительною для нравственнаго чувства выходитъ на театрѣ. Конечно, она представлена авторомъ для характеристики нравственной распущенности того вѣка; но, къ сожалѣнію, рисуя ее, авторъ отнесся къ ней слишкомъ легко, въ такомъ веселомъ и шутливомъ тонѣ, который скорѣе можетъ потворствовать грубому вку-

(1) Сочин. стр. 6. 8. (2) Сочин. стр. 13. (3) Стр. 15—17.

су, чѣмъ исправлять нравы. Вообще надобно сказать, что въ комедіи „Бригадиръ“, по справедливому замѣчанію Вяземскаго, нѣтъ настоящей vis comica, являющейся слѣдствіемъ глубокаго сатирическаго негодованія на порокъ, а повсюду преобладаетъ веселая насмѣшка, какъ выраженіе шутливаго настроенія духа автора, который рисуетъ сцены распущенности, по видимому, съ удовольствіемъ.

Сынъ Бригадира Иванушка—образчикъ новомоднаго французскаго воспитанія. „Дура мать его, а моя жена, говоритъ Бригадиръ, причиною тому, что сдѣлался онъ повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже“. До отъѣзда въ Парижъ онъ былъ въ пансіонѣ какого-то бывшаго французскаго кучера. Въ Парижѣ онъ не пріобрѣлъ ничего, кромѣ глупаго либеральничанья, нѣсколькихъ французскихъ фразъ, которыя онъ вставляетъ въ русскій разговоръ, и презрѣнія ко всему русскому. „Все мое несчастіе, говоритъ онъ Совѣтницѣ, состоитъ только въ томъ, что ты русская. Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя“... „Тѣло мое родилось въ Россіи—это правда, однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской“. Объ образованіи Иванушка говоритъ: „педанты думаютъ, что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ“. Нахватавшись матеріалистическихъ воззрѣній во Франціи, онъ ко всему относится съ нахальнымъ кощунствомъ. Услышавъ замѣчаніе Совѣтника о разводѣ: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ, онъ говоритъ: „Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться“.—Объ отцѣ своемъ и матери онъ выражается Совѣтницѣ: „Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными“. Узнавъ о любви отца къ Совѣтницѣ, онъ хочетъ вызвать его на дуэль. „Я читалъ, говоритъ онъ, въ прекрасной книгѣ, какъ бишъ ее зовутъ... le nom m'est echappé, да... въ книгѣ les sottises du temps, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызвалъ отца своего на дуэль.... а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилося въ Парижѣ“? Наконецъ въ одной ссорѣ съ отцемъ онъ говоритъ ему, что „какъ щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то и онъ не долженъ ему хотя малѣйшимъ респектомъ“ (1).

(1) Сочин. стр. 20; 22—23; 37.

Совѣтница—глупая кокетка щеголиха, воспитанная на французскихъ романахъ—типъ тѣхъ русскихъ женщинъ моднаго иностраннаго воспитанія въ XVIII в., которыя усвоивали отъ иностранцевъ только одну внѣшность, страсть къ нарядамъ, къ щегольству и мотовству, а изъ книгъ вычитывали не гуманныя идеи о правахъ и обязанностяхъ человѣка, а примѣры чувственной распущенности, по которымъ вольное поведеніе и развратъ считались признаками образованности, а супружеская вѣрность предразсудкомъ. Естественно, что она увлеклась такимъ образчикомъ французскаго воспитанія, каковъ былъ Иванушка. „Боже тебя сохрани, говоритъ она ему, чтобъ голова твоя была наполнена инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ. Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурою". „Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты". Къ французскому языку она питаетъ благоговѣніе и постоянно въ свой разговоръ вставляетъ французскія слова. „Я капабельна развестись съ тобою, говоритъ она своему мужу, ежели ты меня такъ шпетить станешь". „Мой мужъ, говоритъ она Иванушкѣ, думаетъ, что будто Богъ столько комплезанъ, что за всенощную проститъ ему то, что наворовано днемъ". „Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы". И когда Иванушка сказалъ ей, что „осторожность, постоянство, терпѣливость (въ любви) похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы, конечно, были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы", она съ радостію восклицаетъ: „Вотъ прямыя правила жизни! душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ и въ Россіи, оно обмануть не можетъ". По поводу приведенныхъ выше глупыхъ и грубыхъ выходокъ Иванушки противъ отца, она говоритъ ему: „Ахъ, радость моя! мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!" (1)

Причиной всѣхъ пороковъ выведенныхъ лицъ служатъ невѣжество и дурное воспитаніе. На смѣну этихъ лицъ должны явиться люди образованные и нравственно воспитанные. Зачатки такихъ лицъ указываются въ Добролюбовѣ и Софьѣ. Добролюбовъ—лице совершенно противоположное Иванушкѣ. Уважая

---

(1) Сочин. стр. 3. 6. 19.

иностранное просвѣщеніе, онъ однакожъ хочетъ быть русскимъ и заступается за все русское. Во всемъ онъ хочетъ поступать благоразумно и честно. Онъ находитъ невозможнымъ начинать дѣло въ судѣ, если оно не справедливо. Софья—лицо противоположное Совѣтницѣ; она также честная и благоразумная дѣвушка. Она покорная дочь и почитаетъ своего отца, хотя и видитъ и знаетъ его пороки; она искренно любитъ своего жениха и остается вѣрна ему, не смотря на всѣ препятствія. Но эти идеальныя лица только выставлены, намѣчены, но нисколько не обрисованы. Съ болѣе опредѣленной физіономіей они выведены Фонъ-Визинымъ въ „Недорослѣ". Здѣсь рѣшается и вопросъ о воспитаніи, на которое въ „Бригадирѣ" только сдѣлано указаніе. Добролюбовъ только указываетъ, что причиною дурныхъ дѣтей, составляющихъ безчестіе для родителей, служитъ воспитаніе; но онъ не объясняетъ, каково должно быть воспитаніе, и каковы должны быть люди истинно образованные. Это указываютъ Стародумъ, Милонъ и Софья въ „Недорослѣ".

Основной недостатокъ „Бригадира" составляетъ преувеличеніе, доходящее до каррикатуры. На этомъ основаніи Вяземскій справедливо сказалъ, что „Бригадиръ" болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина, хотя здѣсь, по его словамъ, каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго. „Портретный живописецъ, говоритъ онъ, нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящнаго; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но и тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ" (1). Дѣйствительно, въ основѣ каррикатуры у Фонъ-Визина лежатъ черты, глубоко вѣрныя. Особенно типичнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности современники находили характеръ Бригадирши. „Я вижу, сказалъ Фонъ-Визину графъ Н. И. Панинъ, выслушавъ въ первый разъ „Бригадира", что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ рѡдня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку или тетушку, или какую нибудь свойственницу. Это въ нашихъ нравахъ первая комедія, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха" (2). „Въ Бригадирѣ, говоритъ Вяземскій, въ первый разъ услышали на нашей сценѣ языкъ натуральный, остроумный. Въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣ-

(1) Сочин. Вязем. V, 133. (2) Сочин. Фонъ-Визина. Автобіогр. стр. 545.

сколько эпиграммъ слишкомъ увѣсистыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперекъ его самимъ авторомъ. Коегдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать, слишкомъ заряженныя: шутка, слишкомъ туго набитая, какъ орудіе, не попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ сторону“ (1).

„Недоросль“. Комедія „Недоросль“ написана Фонъ-Визинымъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ „Бригадира“, въ 1782 г., слѣд. въ эпоху полной зрѣлости литературнаго таланта Фонъ-Визина и во время наибольшаго распространенія въ обществѣ просвѣтительныхъ идей Наказа о воспитаніи, образованіи и управленіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей составлена вся комедія, нѣкоторыя же сцены ея почти буквально повторяютъ правила Наказа.—И въ „Недорослѣ“ точно также, какъ въ „Бригадирѣ“, противопоставляются другъ другу два поколѣнія, старое и новое, изображаются съ одной стороны примѣры домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей, а съ другой—образцы новаго воспитанія, но только уже не съ отрицательной стороны, какъ въ „Бригадирѣ“, а со стороны идеальной. Сюжетъ комедіи не сложенъ. Въ семействѣ помѣщиковъ Простаковыхъ воспитывается ихъ родственница, сиротка Софья, у которой, однакожъ, есть свое недвижимое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень. Чтобы не упустить на сторону этого имѣнія, Простакова сначала хотѣла выдать Софью насильно за роднаго брата своего, Тараса Скотинина, котораго она съ этою цѣлью и вызвала къ себѣ въ деревню, а потомъ, когда узнала, что дядя Софьи, Стародумъ, считавшійся погибшимъ, живъ и возвратился изъ Сибири съ большимъ состояніемъ, которое отдаетъ въ приданое за племянницей, измѣнила свое намѣреніе и вздумала женить на Софьѣ сына своего, недоросля Митрофанушку. Но сдѣлать это ей не удалось. Возвратившійся изъ Сибири Стародумъ, увидѣвъ грубую, невѣжественную жизнь Простаковыхъ и глупость Недоросля, тотчасъ же рѣшился увезти племянницу изъ ихъ дома и выдать ее за-мужъ за умнаго и добраго офицера, Милона, который и прежде былъ извѣстенъ Софьѣ. Простакова не только не пріобрѣла новыхъ деревень, но и лишилась своего собственнаго имѣнія, потому что чиновникъ Правдинъ, наблюдающій за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, узнавъ о грубыхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ ея съ людьми, отдалъ имѣніе ея въ опеку, а сына ея, Недоросля, отправилъ на службу. Комедія названа по имени Недоросля потому, что въ Недорослѣ выражена

(1) Сочин. Вязем. V, 134.

основная ея идея и представленъ образчикъ невѣжественнаго домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ невѣжественныхъ родителей. Главными же дѣйствующими лицами въ ней служатъ Простакова и Стародумъ.

Въ лицѣ Простаковой представлена взбалмошная женщина-самодуръ. Простакова хвалится тѣмъ, что она происходитъ изъ рода Скотининыхъ, въ которомъ ничему не учили. „Бывало, говоритъ она, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобы хоть братца отдать въ школу,—кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ" (1). „Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ, бывало, всегда сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ" (2). Въ семействѣ, какъ мать и хозяйка, Простакова была, по словамъ Правдина, „презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома". Жалуясь на неспособность мужа, она говоритъ Правдину: „Все сама управляюсь, батюшка! Съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!" (3). Самоуправный, бѣшеный характеръ ея особенно рельефно изображается въ сценахъ съ портнымъ Тришкой, который, по ея мнѣнію, обузилъ кафтанъ Митрофанушкѣ; съ няней Еремѣевной, не защитившей Митрофанушку отъ Скотинина, и самимъ Скотининымъ: „Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера; а кабы не онъ, то бъ ты отъ меня не заслонился" (4). Съ какимъ также бѣшенымъ негодованіемъ Простакова накидывается на Софью, когда та сказала, что получила письмо отъ дяди Стародума, котораго считали умершимъ, но который оказался живъ и не умиралъ: „Не умиралъ! а развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы.... Какъ же умиралъ? Развѣ ты не знаешь, говоритъ она мужу, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Не ужъ-то таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили?... Да которая бестія, говоритъ она, обращаясь къ Софьѣ, безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма?... Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пи-

(1) Стр. 78. (2) Стр. 98. (3) Стр. 38. 64. (4) Стр. 49—50. 67. 73—74.

шутъ. Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!... Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана! Я могу письма получать, а читать ихъ велю всегда другому" (1).—Какъ помѣщица, Простакова—„госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ" (2). Своихъ людей или прислугу она и не называетъ иначе, какъ „скотъ", „бестія", „воровская твоя харя" и проч. Когда ей сказали, что ея горничная, Палашка, захворала и лежитъ, она закричала: „Лежитъ!... Ахъ, она бестія! Лежитъ, какъ будто она благородная!". Она даже не понимаетъ другаго, человѣческаго обращенія съ своими людьми, и бить и тиранить ихъ считаетъ своимъ дворянскимъ правомъ. На вопросъ Правдина „за что вы хотите наказывать людей вашихъ", она отвѣчаетъ рядомъ вопросовъ, вполнѣ характеризующихъ ея деспотическія воззрѣнія: „Ахъ, батюшка! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна въ своихъ людяхъ?... Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить своего слугу, когда захочетъ?... Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства"? Грубая и дерзкая, когда сознаетъ свою силу, она прибѣгаетъ къ лести и униженію въ случаѣ нужды, неудачи или несчастія. Узнавъ, что Стародумъ дѣлаетъ Софью своей наслѣдницей, оставляя ей десять тысячъ, она вдругъ перемѣняетъ съ ней обращеніе, начинаетъ хвалить ея дядю и вообще изъ грубой и бранчивой дѣлается ласковой и льстивой. Но какъ неожиданны у ней переходы отъ грубости къ лести, отъ дерзости къ униженію, такъ же быстро она переходитъ отъ крайняго униженія къ бѣшеной дерзости и самодурству. Она на колѣняхъ умаливаетъ Софью и Стародума простить ея вину—намѣреніе похитить Софью и насильно обвѣнчать ее на Митрофанушкѣ. „Мой грѣхъ! Не погубите меня!... Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною!... Батюшка! Прости и ты меня, грѣшную! Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ"! Но когда Софья сказала, что она забываетъ сдѣланное ей оскорбленіе, и Стародумъ прощаетъ ее, она быстро вскакиваетъ и съ радостію предается бѣшеному гнѣву: „Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то я дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ! Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ! Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки" (3). Обращеніе Простаковой съ своими людьми возмутительно. Но не много лучше обращается она и съ мужемъ. Мужъ ея безхарактерный дуракъ и находится совершенно во власти ея. На вопросъ Стародума „кто онъ такой"? онъ рекомендуетъ себя: „я женинъ мужъ". Онъ одинъ самъ собою ничего не можетъ ни разсудить,

(1) Стр. 54. (2) Стр. 103. (3) Стр. 105.

ни разобрать... „При твоихъ глазахъ, говоритъ онъ женѣ, мои ничего не видятъ". „Ужъ такъ рохлей уродился, говоритъ она Милону. На него, мой батюшка, находитъ, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда выпуча глаза стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала, чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка" ([1]).

Можно представить, какой сынъ могъ воспитаться подъ вліяніемъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей. Митрофанушка—„матушкинъ сынокъ": избалованный матерью, которая любитъ его чисто животною любовью, заботясь только о томъ, чтобы онъ былъ сыто накормленъ, онъ вышелъ такимъ глупымъ и лѣнивымъ животнымъ, что „не умѣетъ трехъ перечесть", хотя ему уже 16 лѣтъ; читать онъ можетъ только по складамъ, а между тѣмъ уже собирается жениться. „Грѣхъ сказать, говоритъ Простакова Скотинину, чтобы мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ... Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, потѣ его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится" ([2]). Все невѣжество этихъ учителей и вся глупость ученика весьма хорошо изображены въ извѣстной, хотя каррикатурной, но въ тоже время весьма характерной сценѣ ученія, которую устроила Простакова для того, чтобы зарекомендовать Митрофанушку предъ Стародумомъ. Вотъ эта сцена.

Простакова. Пока онъ (т. е. Стародумъ) отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

([1]) Стр. 63 ([2]) Стр. 55.

Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Простакова (работая). Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался.

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ) Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (пишетъ) Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Единожды три—три, единожды нуль—нуль.

Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (пишетъ) Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Нуль да нуль—нуль, одинъ да одинъ.... (задумался).

Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю, да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (учебнымъ голосомъ) А не человѣкъ.

Митрофанъ (также) А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...(1).

Что могло выйти изъ Митрофанушки при такомъ воспитаніи, какихъ плодовъ можно было ожидать не только чужимъ людямъ, но и самой матери, которая для него готова была рѣшиться на всякое несправедливое дѣло, показываетъ заключительная сцена комедіи. Когда осужденная и лишенная всего, особенно деспотической власти дѣлать зло, Простакова бросается къ нему и, обнимая его, говоритъ: „одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка“, онъ отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка, какъ навязалась“. Болѣе сильнаго удара не могло быть для Простаковой. Очнувшись отъ обморока, она въ отчаяніи говоритъ: „Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!“ (2).

Характеристику грубыхъ невѣжественныхъ людей стараго воспитанія дополняетъ собою братъ Простаковой, Тарасъ Скотининъ. Онъ такой же деспотъ и самодуръ, какъ Простакова. „Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою“ (3). О своемъ обращеніи съ людьми онъ замѣчаетъ: „я ни на кого не билъ че-

(1) Стр. 80—82. (2) Стр. 110. (3) Стр. 50.

ломъ, а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ крестьянъ, и концы въ воду". Правдинъ не безъ основанія говоритъ ему: „я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, чѣмъ съ людьми" (¹). Скотининъ и къ сестрѣ своей обращается съ такой угрозой: „Отвяжись, сестра; дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь". Скотининъ ни къ чему не имѣетъ расположенія. Единственная у него привязанность—любовь къ свиньямъ. Онъ и на Софьѣ вздумалъ жениться потому, что въ деревенькахъ ея водятся свиньи, до которыхъ у него „смертная охота": „Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою" (²).

Основныя идеи и идеалы въ „Недорослѣ". Простаковымъ, Скотинину и Митрофанушкѣ противопоставляются Милонъ и Софья—образцы новаго воспитанія. О Милонѣ Стародумъ говоритъ: „Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ". Софья — дѣвушка умная и истинно образованная. Она любитъ читать хорошія книги и между прочимъ читаетъ книгу Фенелона о воспитаніи. „Мое сердце, говоритъ ей Стародумъ, восхищается, видя твою чувствительность... Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты... соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства" (³). Однимъ словомъ, Милонъ и Софья—образцовые люди, представляющіе идеалы Фонъ-Визина. Впрочемъ, для полнаго представленія идей и идеаловъ Фонъ-Визина и въ тоже время идей или „умоположенія" тогдашняго правительства и общества служатъ въ комедіи спеціально два особыя лица, Правдинъ и Стародумъ. Правдинъ — лице правительственное, членъ отъ намѣстничества, наблюдающій за обращеніемъ номѣщиковъ съ крестьянами. Названіе Стародума, повидимому, противорѣчитъ той роли, какая ему дана. Стародумъ означаетъ человѣка, думающаго по старому. Авторъ относитъ его воспитаніе и службу къ эпохѣ Петра В., но въ ту эпоху не было тѣхъ воззрѣній, которыя высказываетъ Стародумъ; эти воззрѣнія принадлежатъ Екатерининской эпохѣ. Стародумъ, очевидно, такъ названъ не потому, будто выражаетъ старыя или уже устарѣвшія думы, но потому, что въ его рѣчахъ, съ выраженіемъ новыхъ идей правительства и общества, заключается и оппозиція или протестъ противъ тѣхъ новомодныхъ идей, которыя хотя вышли изъ современ-

(¹) Стр. 106. (²) Стр. 53. (³) Стр. 90.

наго же „умоположенія“ правительства и общества, но приняли крайнее—одностороннее и ложное направленіе, и которыя, слѣд., не могутъ уже быть одобрены ни правительствомъ, ни обществомъ. По отношенію къ этимъ новомоднымъ идеямъ и къ людямъ, ихъ проповѣдующимъ, онъ и представляется Стародумомъ.

Въ настоящее время, при представленіи „Недоросля“ въ театрѣ, длинные разговоры Стародума съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей иногда выпускаются, или сокращаются, какъ скучные и неинтересные; но въ то время они считались самыми интересными, какъ выражавшіе идеи и стремленія вѣка Самъ Фонъ-Визинъ говоритъ, что его „Недоросль“ своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ всего больше былъ обязанъ именно рѣчамъ Стародума. Въ разговорахъ Стародума выражаются идеи о воспитаніи и образованіи, о должности и службѣ, и рисуется идеалъ человѣка истинно образованнаго, любящаго свое отечество и стремящагося всѣми мѣрами быть ему полезнымъ. Въ вопросѣ о воспитаніи и образованіи Стародумъ прежде всего указываетъ на плоды ложнаго образованія, на вредное вліяніе философіи энциклопедистовъ. Узнавъ, что Софья читаетъ книгу Фенелона о воспитаніи) Стародумъ говоритъ: „Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“ (¹). „Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце“. „Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно“ (²). Въ основу воспитанія и образованія должно быть положено нравственное развитіе или „благонравіе“, безъ котораго развитіе ума и обогащеніе однимъ познаніемъ приносятъ больше вреда, нежели пользы.

Стародумъ. Отецъ мой непрестанно твердилъ мнѣ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человѣкъ во всякое

(¹) Стр. 85—86. (²) Стр. 86.

время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (Съ чувствомъ) Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ (1)..

Стародумъ. Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ - учителямъ! Сколько дворянъ - отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дадька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ....

Стародумъ. Такъ, мой другъ, да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напр., чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе (2).

Идеалъ нравственнаго достоинства заимствованъ Фонъ-Визинымъ у Монтескьё и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и не отличается ни особенною высотой, ни твердостію и опредѣленностію. Основой нравственнаго характера, по мнѣнію Фонъ-Визина, служитъ честность, честь, которая у него не только смѣшивается съ добродѣтелью вообще, но и ставится выше всякой добродѣтели и нравственной чистоты: самый лучшій человѣкъ есть человѣкъ честный. Стародумъ, желая объяснить свой характеръ, называетъ себя другомъ честныхъ людей. Въ Софьѣ

(1) Стр. 68—69. (2) Стр. 102—103.

и Милонѣ ему всего болѣе нравится ихъ честность; восхваляя графа Н. И. Панина (въ его біографіи), лучшимъ титломъ его Фонъ-Визинъ считаетъ титло честнаго человѣка; говоря о Екатеринѣ, онъ выражается: „имѣя монархиню честнаго человѣка“... Однимъ словомъ, честность Фонъ-Визинъ внушаетъ всѣмъ и каждому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ; но особенно существенно-необходимою чертою честность ставится для дворянскаго сословія, которое, какъ высшее и передовое сословіе въ государствѣ, должно быть образцемъ честности.... Честность, совмѣщающая въ себѣ всѣ хорошія качества и особенно исполненіе долга и всѣхъ своихъ обязанностей, и составляетъ и истинную знатность и истинное достоинство человѣка. Объясняя Софьѣ, въ чемъ заключаются знатность и богатство, Стародумъ говоритъ: „Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему разсчету не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго“. Указывая причины разныхъ несчастій въ семейной жизни, Фонъ-Визинъ говоритъ, что эти несчастія происходятъ „отъ того, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большаго чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ“ (1). Главная обязанность честнаго человѣка состоитъ въ исполненіи своего долга, той обязанности или должности, въ которой онъ поставленъ. Исполняя свою должность, каждый человѣкъ служитъ и отечеству и всему человѣчеству. „Подумай, говоритъ Стародумъ, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ та-

---

(1) Стр. 90.

жихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ— подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!“.... „У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напр., большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротилъ съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери, уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?“ ([1]).—Наконецъ, въ разговорѣ Стародума съ Правдинымъ, изображается идеалъ государя правителя съ ясными намеками на Екатерину.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастія и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

([1]) Стр. 89—90.

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается, обыкновенно, пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ" (1). Изображая характеръ службы и людей истинно полезныхъ на службѣ, Фонъ-Визинъ касается большаго свѣта и придворной жизни. Разсказывая о своемъ пребываніи при дворѣ и высшемъ свѣтѣ, Стародумъ говоритъ: „Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду".... „Въ этой сторонѣ (при дворѣ) по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земи" (2).

Комедія „Недоросль" была принята современной публикой съ восторгомъ. Выше мы уже привели изъ Драматическаго Словаря свидѣтельство, что при первомъ представленіи ея въ Петербургѣ въ бенефисъ Дмитревскаго „театръ былъ несравненно наполненъ и публика апплодировала піесу метаніемъ кошельковъ", и преданіе, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля", сказалъ Фонъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше ничего не пиши". Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и стали употребляться въ народномъ обращеніи. И по содержанію и по изложенію „Недоросль" гораздо выше и серьезнѣе „Бригадира". Основной тонъ его, конечно, также смѣшной, какъ и „Бригадира"; но смѣшное здѣсь не только не закрываетъ собою гнуснаго и ненавистнаго, но еще рѣзче его

(1) Стр. 101—102. (2) Стр. 70—71.

оттѣняетъ; комическія сцены не только смѣшатъ, но и производятъ глубокія и прискорбныя впечатлѣнія: сквозь смѣхъ автора слышится сильное негодованіе на порокъ и часто раздаются звуки истинно трагическіе. Это особенно надобно сказать о послѣднихъ сценахъ комедіи, гдѣ вполнѣ обнаруживаются гибельные плоды невѣжества, дурнаго воспитанія, и домашней и помѣщичьей тиранніи Простаковой. „Въ семействахъ Простаковыхъ, говоритъ Вяземскій, трагическія развязки нерѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, его одушевляющая, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло“ (¹). Лучше всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изображена госпожа Простакова, которая въ комедіи служитъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ; на ней преимущественно сосредоточивается интересъ піесы. „Всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, и неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности равно гнусной къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ котораго, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Особенно великое искусство и глубокое знаніе человѣческой природы показалъ авторъ въ послѣднихъ сценахъ, изображающихъ плоды дурнаго воспитанія, напр., въ той сценѣ, когда Митрофанушка, отталкивая отъ себя свою мать, бросившуюся обнимать его, какъ единственную надежду свою и утѣшеніе, говоритъ: „Да отвяжись, матушка, какъ навязалась“. Признаюсь, говоритъ Вяземскій, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что, по невольному движенію, точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго“ (²). Другія лица комедіи далеко не такъ полно очерчены; но нѣкоторыя черты въ нихъ отличаются удивительною мѣткостію и вѣрностію жизни. Таково напр. изображеніе мамы Митрофанушки, Еремѣевны. „Передаютъ со словъ самого автора, что, приступая къ описанію сцены ея схватки за Митрофанушку со Скотининымъ, онъ пошелъ гулять, чтобъ въ прогулкѣ обдумать ее. У мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ

(¹) Сочин. Вяземскаго V, 135—136. (²) Тамъ же стр. 137—141.

сторожить природу. Возвратившись домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и помѣстилъ въ него слово „зацѣпы“, подслушанное имъ на полѣ битвы“.—Нѣкоторыя лица изображены слабо, блѣдно; таковы лица Софьи и Милона. Наконецъ въ „Недорослѣ“ точно такъ же, какъ въ „Бригадирѣ“, есть много преувеличеній и каррикатуръ. Особенно каррикатурны изображенія учителей Митрофанушки — Кутейкина, Цыфиркина и Вральмана. Изъ другихъ лицъ въ этомъ отношеніи больше всего страдаетъ этимъ недостаткомъ характеръ Скотинина. „Скотининъ, говоритъ Вяземскій, каррикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ“. Выше замѣчено, что нѣкоторыя сцены въ „Недорослѣ“ повторяютъ идеи и правила „Наказа“; но кромѣ „Наказа“, въ разговорахъ Стародума съ Софьей о воспитаніи и истинномъ достоинствѣ человѣка, съ Милономъ и Правдинымъ объ управленіи, объ обязанностяхъ, долгѣ и службѣ, въ характеристикѣ придворной жизни есть заимствованія и подражанія сочиненіямъ Дюфрени, Лабрюйера (Характеры) и Жирара (Словарь синонимовъ). Отзывъ Простаковой о безполезности географіи взятъ изъ одной повѣсти Вольтера ([1]).

Другія сочиненія Фонъ-Визина. „Бригадиръ“ и „Недоросль“ были полнымъ выраженіемъ какъ авторскаго таланта, такъ и міросозерцанія Фонъ-Визина. Тотъ кругъ идей и образовъ, какой возникъ въ его воображеніи, при составленіи этихъ комедій, остался навсегда его неизмѣннымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ постоянно, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и изъ котораго онъ не дѣлалъ дальше ни одного шагу. Во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ повторяются, съ нѣкоторыми варіантами, тѣже идеи и тѣже лица. Въ неоконченномъ отрывкѣ комедіи, въ типѣ жены Простосерда, Ненилы, повторяется госпожа Простакова. Ненила недовольна, что мужъ ея переводитъ деньги на книги: „Купилъ бы себѣ книжку другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати... Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то бы, пожалуй, плуты и меня обманули“.

([1]) Всѣ подражанія и заимствованія какъ въ Недорослѣ, такъ и другихъ сочиненіяхъ Фонъ-Визина указаны: въ монографіи Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ; въ статьѣ Галахова: «Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка, по понятію Фонъ-Визина». Библіогр. Записки 1858. № 13; въ книгѣ г. А. Веселовскаго: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». М. 1883, стр. 71—76.

Въ дочери ея, Юліи, представлена любительница чтенія французскихъ книгъ, подобная Совѣтницѣ въ „Бригадирѣ“ (1). Въ другомъ отрывкѣ „Добрый наставникъ“, въ княгинѣ слышится та же Простакова, упоминается умный Праводумъ, который, очевидно, тотъ же Стародумъ (2). Въ письмѣ помѣщика Дурыкина къ Стародуму изображается, какія требованія тогда помѣщики предъявляли отъ домашнихъ учителей и какъ они смотрѣли на воспитаніе. Взгляды на учителей и на воспитаніе тѣ же самые, какъ у Простаковой: „Кто возьметъ дешевле, того я и беру“, говоритъ Дурыкинъ; онъ не хочетъ взять нѣмца, ибо боится напасть на Вральмана, но, желая взять русскаго, даже изъ студентовъ университета, онъ однакожъ смотритъ на учителя не выше Простаковой. Въ своихъ кондиціяхъ съ учителемъ онъ требуетъ, чтобы учитель обѣдалъ не съ нимъ, а съ его камердинеромъ, чтобы въ присутствіи его при гостяхъ онъ не садился; чтобы въ разговорахъ съ нимъ и его женой чаще употреблялъ титулъ его превосходительства; чтобы онъ велъ его приходорасходныя книги, поправлялъ ему парикъ, причесывалъ ребятамъ волосы. Кандидаты въ учители, представленные Дурыкину московскимъ профессоромъ, также не далеко ушли отъ учителей Митрофанушки: Кераксинъ, хотя и хвалится, что знаетъ по еврейски и по гречески, не знаетъ по русски; піита Цезуркинъ обѣщаетъ каждый разъ для имянинъ его превосходительства и каждаго изъ чадъ его, въ стихахъ своихъ, сводить всѣхъ боговъ съ Олимпа, и проситъ по копѣйкѣ за стихъ; щеголеватый Красоткинъ думаетъ, какъ кукла, и во всемъ походитъ на куклу, берется причесывать волосы, умѣетъ выводить пятна изъ платья и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры (3). Въ разговорѣ у княгини Халдиной, въ лицѣ княгини, изображена одна изъ модныхъ великосвѣтскихъ госпожъ, хвалящаяся тѣмъ, что она всегда одѣвается при мущинахъ; судья Сорванцовъ — образчикъ тогдашняго воспитанія, подъ руководствомъ пустоголоваго француза, шевалье Какаду, и напоминаетъ тѣхъ судей, о которыхъ говоритъ Совѣтникъ въ „Бригадирѣ“; Здравомыслъ играетъ роль Стародума (4). Почти всѣ эти статьи и неоконченные отрывки были приготовлены Фонъ-Визинымъ для журнала „Стародумъ“, который онъ хотѣлъ издавать въ 1788 г., но который былъ остановленъ цензурою (5). Оконченный видъ

---

(1) Сочин. 124—125. (2) Тамъ же 125—127.

(3) Тамъ же 230—233. (4) Тамъ же 249—258.

(5) Другъ честныхъ людей или Стародумъ. Періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ. Кромѣ объявленія объ изданіи и упомянутыхъ статей Стародума, были еще приготовлены: «Наставленіе дяди своему

имѣютъ только двѣ комедіи: „Коріонъ“ и „Выборъ гувернера“. „Коріонъ“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и стихахъ, составляетъ передѣлку одной французской піесы Грессе (1709—1777). Дворянинъ Коріонъ, мучимый совѣстью, что онъ обманулъ свою возлюбленную, Зиновію, уѣзжаетъ въ деревню и въ тоскѣ хочетъ лишить себя жизни; но его спасаютъ другъ его Менандръ и сама Зиновія, которая, забывъ оскорбленіе Коріона, пріѣхала къ нему въ деревню. Коріонъ уже выпилъ ядъ, но оказалось, что слуга Андрей замѣнилъ ядъ въ стаканѣ простой водой (1). „Выборъ гувернера“ есть подражаніе Фонъ-Визина своей собственной комедіи „Недоросль“. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Князь и княгиня Слабоумовы, непомѣрно зараженные княжеской спесью, ищутъ гувернера для своего сына князь-Василья, и обратились съ просьбой объ этомъ къ дворянскому предводителю Сеуму. Сеумъ не очень высоко смотритъ „на породу“, считая ее самымъ меньшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. „Родиться княземъ, говоритъ онъ, не мудрено и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ-то ревностію быть полезнымъ отечеству. Онъ рекомендуетъ въ учители русскаго штабъ-офицера, Нельстецова, который не думаетъ набивать голову молодаго князя однимъ „сіятельствомъ“, а хочетъ поселить въ его голову и сердце, чтобы онъ, „будучи благороднымъ, имѣлъ и благородную душу“. Но Нельстецовъ не нравится княгинѣ своей прямотою и смѣлыми сужденіями. Одна графиня порекомендовала ей француза Пеликана: „сей французъ, говорила графиня, наполненъ достоинствами, рветъ зубы мастерски и вырѣзываетъ мозоли, цѣну возьметъ умѣренную, и васъ, княгиня, такъ какъ и князя, звать будетъ: votre altesse!“ Но когда Сеумъ увидѣлъ Пеликана, то узналъ въ немъ извѣстнаго ему „пустоголоваго“ француза, который во Франціи былъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ подлекаремъ, умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше не знаетъ ничего. Въ комедіи есть рѣзкія сужденія о современномъ состояніи Франціи, вложенныя въ уста Сеума и Нельстецова: „Равенство состояній, говоритъ Нельстецовъ, есть вымыслъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленія власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со

племяннику»; «Письма Софьи къ Стародуму и Стародума къ Софьѣ»; «Письма Тараса Скотинина къ Простаковой»; «Всеобщая придворная грамматика».

(1) Сочин. 128—160.

всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоить будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали"... ([1])—„Читая эту комедію, говоритъ Вяземскій, можно подумать, что она служила основаніемъ „Недорослю", но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо" ([2]).

Кромѣ этихъ сочиненій, которыя почти всѣ (кромѣ Коріона) имѣютъ, по своему содержанію, непосредственную связь съ „Бригадиромъ" и „Недорослемъ", Фонъ-Визинъ написалъ нѣсколько другихъ сочиненій, касающихся разныхъ предметовъ. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ — также или краткія статьи или неоконченные отрывки. Полныя сочиненія, кромѣ писемъ и переводовъ, о которыхъ будетъ сказано отдѣльно, составляютъ только жизнь графа Н. И. Панина и слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича. Изъ критическихъ статей и неоконченныхъ отрывковъ особенно замѣчательны слѣдующіе.

Челобитная россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей. Челобитная написана въ защиту писателей отъ нареканій тѣхъ русскихъ вельможъ, которые считали ихъ неспособными ни къ какой службѣ. Такими нареканіями особенно извѣстенъ былъ князь. А. А. Вяземскій, который не жаловалъ Державина за то, что онъ писалъ стихи, и вообще о поэтахъ говорилъ: „когда имъ заниматься дѣломъ, когда у нихъ риѳмы на умѣ". Челобитная составлена въ приказной формѣ и начинается словами: „Бьютъ челомъ россійскіе писатели... на людей, которые высочайшею милостію достигли знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ знамениты. Сіи знаменитые невѣжды, возвышаясь на степени, забыли совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди. Реченные невѣжды вообразили, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія... Они употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо

([1]) Сочин. 120. ([2]) Сочин. V, 173.

словесныя науки, почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ... Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе: 1) всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать". Протестуя противъ такого обиднаго положенія въ обществѣ науки и литературы, писатели говорятъ: „и дабы вашего божественнаго величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы именованные, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы вашего величества... Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ любителей россійскаго слова" ([1]). Характеризуя взглядъ тогдашняго общества на писателей, сочиненіе это показываетъ, что и писатели свои занятія литературою ставили ниже занятій по службѣ, и думали, что заниматься ими прилично только „на досугѣ". Впрочемъ, въ другомъ сочиненіи Фонъ-Визинъ высказываетъ мысль, что писатель, сидя въ своемъ кабинетѣ, своимъ перомъ можетъ приносить великую пользу отечеству.

Вопросы къ сочинителю Былей и Небылицъ. Вопросы были написаны Фонъ-Визинымъ, вѣроятно, вслѣдствіе вызова на критику, съ какимъ редакція Собесѣдника любителей россійскаго слова обратилась къ публикѣ въ самомъ началѣ его изданія. Екатерина, прочитавъ ихъ въ рукописи, представленной княгиней Дашковой, сильно разсердилась, думая, что они написаны И. И. Шуваловымъ въ отмщеніе лично ей за портретъ Нерѣшительнаго, написанный во 2-й части Собесѣдника, но потомъ разрѣшила отпечатать ихъ въ 3-й части этого журнала, вмѣстѣ съ своими отвѣтами. Всѣхъ вопросовъ 21. Самыми интересными, возбудившими множество толковъ въ современномъ обществѣ, были слѣдующіе вопросы. Вопр. 1. Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? Отв. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится, или не понятно. Вопр. 2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отв. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ. Вопр. 5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Отв. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

([1]) Сочин. 207—208.

Вопр. 8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего? Отв. Отъ того, что говорятъ небылицу. Вопр. 9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми? Отв. Отъ того, что на судѣ не изобличены. Вопр. 12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? Отв. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего. Вопр. 14. Имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отв. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ, и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится. Вопр. 15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а ныньче имѣютъ и весьма большіе? Отв. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде-бывшихъ. Вопр. 19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются? Отв. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется. Вопр. 20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо, второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо? Отв. Временемъ и знаніемъ. Вопр. 21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ? Отв. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ (1). На всѣ вопросы, кромѣ 15, Екатерина отвѣчаетъ сдержанно и уклончиво; но 15-й вопросъ о шпыняхъ и балагурахъ не могъ не оскорбить ее, потому что въ этомъ вопросѣ прямо ей было высказано, что она приближаетъ къ себѣ и награждаетъ людей недостойныхъ (разумѣлся извѣстный тогда при дворѣ шутникъ, князь Нарышкинъ). За этотъ вопросъ Екатерина обвинила автора въ неприличномъ свободоязычіи. Но всѣ отвѣты были сдѣланы, очевидно, на скоро, чтобы не задерживать на-долго печатанія самихъ вопросовъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ она остановилась на нихъ, какъ мы видѣли, въ Быляхъ и Небылицахъ. Здѣсь она не разбираетъ вопросы отдѣльно каждый, но устами дѣдушки выразила грозное или угрожающее негодованіе противъ свободоязычія вообще и рѣзко осудила самую наклонность возражать и дѣлать вопросы, которые, по ея словамъ, въ старину не любили дѣлать, „ибо съ оными и мыслен-

---

(1) Сочин. 203—206.

но соединены были непріятныя обстоятельства, и каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ". Чтобы утишить негодованіе императрицы, Фонъ-Визинъ написалъ „Объясненіе", въ которомъ, признавая себя виновнымъ, онъ говоритъ, что дѣлая вопросы, имѣлъ доброе намѣреніе, но не умѣлъ его выполнить, „не могъ внятно поставить вопросы и дать имъ приличный оборотъ. Это принуждаетъ меня, прибавляетъ онъ, заготовленные еще вопросы отмѣнить не столько для того, чтобы невиннымъ образомъ не быть обвиняемымъ въ свободоязычіи, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не дать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всею душею ненавижу". Но, отказываясь отъ вопросовъ на будущее время, онъ позволяетъ себѣ выразить государынѣ, съ надеждою на лучшее будущее, благодарность за отвѣтъ на 5-й вопросъ: Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? „Отвѣтъ вашъ, говоритъ онъ, подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія... Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ." ([1]).

Опытъ россійскаго сословника. При составленіи этого опыта Фонъ-Визинъ руководствовался французскимъ словаремъ Жирара (Dictionnaire universel de synonymes de la langue française). Объясненія словъ очень умныя и точныя и указываютъ большею частію на настоящій смыслъ словъ. Нѣкоторыя объясненія представляютъ собою хотя краткія, но довольно мѣткія литературныя характеристики разныхъ свойствъ, достоинствъ и недостатковъ разныхъ людей, какъ напр. объясненія словъ „добродѣтельный и честный, лѣнивый и праздный, ханжа, пустосвятъ и суевѣръ" и друг. ([2]).

Всеобщая придворная грамматика. Хотя Фонъ-Визинъ говоритъ, что идея этого сочиненія совсѣмъ новая, но первую мысль о немъ можно находить, по словамъ Вяземскаго, еще въ „Истолкованіи личныхъ мѣстоименій" Сумарокова. Въ граммати-

([1]) Сочин. 203—206; 209—211. ([2]) Тамъ же 187—199.

кѣ, къ сожалѣнію, далеко не оконченной, много веселости и остроумія; много характернаго; но есть также преувеличенія, доходящія до каррикатуры ([1]).

Поученіе въ Духовъ день, говоренное іереемъ Василіемъ. Въ предисловіи къ этому поученію Фонъ-Визинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ въ немъ указать образчикъ того, какъ сельскіе священники должны учить простой народъ. Поученіе, дѣйствительно, отличается простотою, которая должна составлять существенную принадлежность сельской проповѣди; но эта простота, къ сожалѣнію, доходитъ до шутовства, которое противно важности церковной проповѣди и лишаетъ ее серьезнаго значенія. Авторъ опустилъ изъ вниманія различіе между театральной сценой и проповѣдью, и написалъ не проповѣдь противъ пьянства, а въ формѣ проповѣди комическую сцену, изображающую, какъ крестьяне упиваются въ праздники. Какъ комическая картинка, поученіе очень характерно, хотя мѣстами каррикатурно и грубо ([2]).

Посланіе къ слугамъ. Оно написано, по сознанію самого Фонъ-Визина, въ молодости, когда онъ попалъ въ среду вольнодумцевъ и самъ увлекался вольнодумствомъ. Въ немъ выражается скептическій взглядъ на міръ, по которому все въ мірѣ представляется не дѣломъ премудраго промысла, а дѣломъ простаго случая, и весь міръ исполненнымъ глупости и неразумія. Кучеръ Ванька, разсматривающій все въ мірѣ съ козелъ кареты, говоритъ:

«Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя.
. . . .
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.

Другой слуга лакей Петрушка говоритъ:

Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка;

([1]) Сочин. 238. ([2]) Тамъ же 212—215.

Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти.
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!

. . . .

Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ, а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ» (1).

Къ уму моему. Этотъ отрывокъ составляетъ, повидимому, подражаніе первой сатирѣ Кантемира. Подобно Кантемиру, Фонъ-Визинъ здѣсь также обращается къ уму своему съ упреками, что онъ нападаетъ на людскія глупости и хочетъ ихъ исправить.

«Но льзя ль успѣху быть въ намѣреньи такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ.

. . . .

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта» (2).

Письма Фонъ-Визина изъ за границы. Фонъ-Визинъ, какъ указано выше, нѣсколько разъ былъ за границей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жилъ по долгу. Памятникомъ этой жизни за границей служатъ письма къ роднымъ и графу П. И. Панину. Особенно замѣчательны письма изъ Монпелье, Парижа и Рима въ 1777—1778 годахъ. Въ нихъ чрезвычайно много интересныхъ описаній, замѣтокъ, разсужденій и характеристикъ, показывающихъ въ авторѣ глубокую наблюдательность и тонкій критическій умъ. Особенную черту Фонъ-Визина, какъ путешественника, составляетъ то, что онъ не увлекается безотчетно, подобно другимъ русскимъ путешественникамъ, заранѣе рѣшившимъ, что за границей непремѣнно все хорошо, но строго, хотя и не всегда справедливо, разбираетъ хорошую и дурную сторону. Въ Монпелье, напр., Фонъ-Визина поразило то, что „при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко, что оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ... Впрочемъ тѣ, прибавляетъ

(1) Тамъ же 164—167. (2) Тамъ же 168—169.

онъ, кои предуспѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей: или рабство, или наглость разума". Похваливъ систему французскихъ законовъ, какъ зданіе премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами, онъ въ другомъ письмѣ изъ того же Монпелье говоритъ: „Наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана... Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ ни мало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что таковая отличность была бы contre la politesse française" (1). Въ письмахъ изъ Парижа онъ говоритъ: „надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же или и больше совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то и другое, осмѣлюсь... чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ" (2). „Пребываніе мое въ семъ государствѣ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ о Франціи, убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ" (3). „Много пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія, говоритъ онъ въ письмѣ къ сестрѣ. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскор-

(1) Сочин. стр. 325—328. (2) Сочин. 331. (3) Тамъ же 342.

бляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ" (1). Но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, къ сожалѣнію, что въ описаніи французской жизни Фонъ-Визинъ многое представляетъ уже въ слишкомъ черномъ видѣ и увлекается во многія преувеличенія. Совершенно справедливо, что въ это время Франція находилась въ страшномъ разстройствѣ, и въ этомъ отношеніи рѣзкія обвиненія французскихъ пороковъ и вообще страшной распущенности нравовъ оправдываются страшными фактами послѣдовавшей вскорѣ революціи; но трудно оправдать тѣ рѣзкіе и часто грубые отзывы, какіе Фонъ-Визинъ дѣлаетъ о характерѣ французовъ вообще и особенно о Дидро, Даламберѣ и другихъ французскихъ ученыхъ и писателяхъ. Въ ревнителѣ науки и просвѣщенія, какимъ былъ Фонъ-Визинъ, они могутъ быть объяснены только глубокимъ негодованіемъ противъ того ложнаго просвѣщенія, со всѣми его, уже такъ ясно обнаружившимися тогда, гибельными послѣдствіями, какое распространила философія энциклопедистовъ. Съ нимъ, очевидно, произошло то же самое, что, какъ мы замѣтили, случилось съ императрицей Екатериной, которая послѣ французской революціи также рѣзко стала отзываться о Даламберѣ и Дидро, къ которымъ она сначала выражала глубокое уваженіе. Весьма интересны письма Фонъ-Визина изъ Рима въ 1785 году. Въ нихъ, между прочимъ, весьма характеристично изображеніе папскаго богослуженія. Фонъ-Визина, привыкшаго дома видѣть простое и скромное служеніе православной церкви, чрезвычайно непріятно поразила пышная театральная обстановка католическаго, особенно папскаго, служенія (2).

Переводныя сочиненія Фонъ-Визина: Басни Гольберга, перев. въ 1761 г.; Альзира или Американцы Вольтера, перев. въ 1762 г.; Господина Менандра изысканіе о зеркалахъ древнихъ въ 1762 г.; Торгъ семи музъ, изъ Кригеровыхъ сновъ; Разсужденіе Ретштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго; Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства — изъ книги Magazin français; Овидіевы превращенія, переводъ, сдѣланный въ 1761—62 гг., не сохранился, указанъ у Рейхеля;

(1) Тамъ же 444. (2) Стр. 489—490.

Геройская добродѣтель или жизнь Сиѳа, царя Египетскаго, аббата Террасона; Любовь Кариты и Полидора, Бартелеми (1716—1795); Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному, аббата Куайэ; Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность, английская повѣсть въ 1769 году; Іосифъ, поэма въ девяти пѣсняхъ, Битобе въ 1769 г.; Каллисѳенъ, греческая повѣсть, написана, вѣроятно, въ 70-хъ годахъ; Та-гіо, или великая наука. заключающая въ себѣ высокую китайскую философію, напечат. въ 1801 г.; Обманчивая наружность, или человѣкъ нынѣшняго свѣта, франц. Буасси; О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина, не издано; Слово похвальное Марку Аврелію, Томаса въ 1777 г.; отрывокъ перевода изъ Иліады; отрывокъ перевода изъ поэмы Геснера „Смерть Авеля“.

Обзоръ сочиненій Фонъ-Визина показываетъ, что, стоя по своему образованію и развитію на уровнѣ своего вѣка, Фонъ-Визинъ глубоко сочувствовалъ всѣмъ лучшимъ его стремленіямъ, не только подавалъ свой голосъ на всѣ возникавшіе въ то время вопросы, но и самъ поднималъ новые вопросы. Онъ всегда ратовалъ за свободу мысли и слова. „Вѣкъ Екатерины II, говоритъ онъ въ письмѣ къ Стародуму, ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за 30 ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана?.. Благодареніе Богу, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно... Екатерина, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, россійскіе писатели, какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ!.. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“ (1). Но Фонъ-Визинъ

(1) Стр. 228—230.

не довольствуется свободой слова литературной, но и поднимаетъ вопросъ о свободѣ мысли и слова въ области политической и административной. Объясняя слабое развитіе краснорѣчія, онъ говоритъ: „мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но претурою, архонціями и консульствами награждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина". Фонъ-Визинъ говоритъ, что и мы могли бы видѣть такихъ же знаменитыхъ ораторовъ, „если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ" (1). Объясняя неправосудіе и мздоимство въ судахъ сколько безсовѣстностію, столько же невѣжествомъ судей, онъ требуетъ для чиновниковъ основательнаго образованія въ университетахъ. „Я хотѣлъ бы, говоритъ онъ, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно политическая наука.. Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ" (2). Въ вопросахъ Фонъ-Визина Екатеринѣ, какъ указано выше, также есть нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ общественнаго характера, напр. вопросъ: отъ чего тяжущіеся не печатаютъ своихъ тяжбъ и рѣшеній правительства?... Наконецъ, всѣ стремленія Фонъ-Визина отличались разумнымъ патріотизмомъ, въ силу котораго онъ, ратуя за свободу и истинное просвѣщеніе Россіи, старался отклонить ее отъ лжепросвѣщенія, рабской подражательности иноземному, и всего, что могло быть вредно для ея благосостоянія.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Значеніе Державина въ исторіи русской литературы. Не только у современниковъ, но и у потомковъ, Державинъ, и какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель, пользовался безуслов-

(1) Стр. 248—249. (2) Разговоръ у княгини Халдиной стр. 254.

нымъ уваженіемъ. Только въ началѣ 40-хъ годовъ Бѣлинскій первый осмѣлился указать на нѣкоторыя слабыя стороны въ его сочиненіяхъ: на невыдержанность въ цѣломъ ихъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ и примѣсь реторики. Но, указывая на эти слабыя стороны, Бѣлинскій въ тоже время говорилъ: „Нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по своему преобладающему элементу, поэзія этого могучаго таланта..... Талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи..... Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи“ (¹). Взглядъ на Державина измѣнился въ концѣ 50-хъ годовъ, когда появились въ печати его Записки о своей жизни (²). Въ этихъ запискахъ Державинъ съ удивительною откровенностію и наивностію разсказываетъ о всѣхъ фактахъ своей жизни, не исключая и такихъ, которые прямо служатъ къ его осужденію. Развившаяся въ это время съ особенною силою обличительная критика воспользовались нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ, и начала его развѣнчивать. Въ немъ стали отрицать всякое достоинство и находить всякіе недостатки. Но недавно академикъ Я. К. Гротъ въ своемъ превосходномъ классическомъ трудѣ (³) совершенно возстано-

---

(¹) Сочиненія Бѣлинскаго, ч. VII, стр. 79—80; 88, 93, 150.

(²) Напечатаны въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. кн. 1—V.

(³) Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ. Изданіе императорской Академіи наукъ. Спб. 1880. Это составляетъ VIII-й томъ (съ дополненіями къ нему въ IX-мъ томѣ Спб. 1883) великолѣпнаго академическаго изданія сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, въ девяти огромныхъ томахъ, Санктпетербургъ 1864—1883. Здѣсь указаны и прежнія изданія сочиненій Державина и всѣ замѣчательныя біографіи, изслѣдованія и статьи о немъ. Прежнихъ изданій было восемь; первая часть собранія сочиненій сдѣлана Карамзинымъ въ Москвѣ въ 1797; второе изданіе въ 1808 г.; 4-ре изданія сдѣланы (1831, 1833—34, 1847, 1851) Смирдинымъ, другія Глазуновымъ (1843 г.) съ біографіею Савельева-Ростиславича, Штукинымъ (1845 г.) съ біографіей Полеваго. О жизни и сочиненіяхъ Державина

вилъ въ исторіи прежнюю репутацію Державина и какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля. „Въ ряду русскихъ людей всѣхъ вѣковъ, говоритъ Гротъ, онъ всегда останется знаменитымъ историческимъ лицомъ. По силѣ и самобытности таланта онъ былъ, конечно, первымъ русскимъ поэтомъ XVIII в. и однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей поэзіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.... Очаровывая читателей, онъ пробуждалъ въ нихъ возвышенныя чувства и ставилъ передъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины, вѣчные законы добра и чести... Онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ, можетъ быть, заключалась одна изъ главныхъ причинъ его необычайнаго успѣха... Конечно, для насъ поэзія Державина утратила значительную долю своего обаянія; но съ исторической точки зрѣнія мы должны цѣнить ее тѣмъ выше, что школьное его образованіе было крайне плохо, что вся обстановка его, съ самаго вступленія въ свѣтъ, была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его наклонностями и могла бы подавить ихъ, если бы онѣ были слабѣе.... Какъ государственный человѣкъ, онъ, конечно, не пріобрѣлъ особеннаго значенія для потомства, оставилъ менѣе слѣдовъ своего существованія; но и на этомъ поприщѣ онъ памятенъ по своей энергіи, честности, человѣчности и гражданскому мужеству“ (1).

писали: митр. Евгеній въ 1-й части Словаря свѣтскихъ писателей, Мерзляковъ въ Трудахъ общ. люб. росс. словесности 1818 г.; Кн. Цертелевъ о нравственно-философическихъ одахъ Державина въ Благонамѣренномъ 1823 г.; Н. Полевой въ Очеркахъ русск. литер. ч. 1; Шевыревъ въ Москов. Вѣдом. 1838 г. № 16; Бѣлинскій въ VII томѣ сочиненій; К. Фойхтъ: Рѣчь при открытіи въ Казани памятника Державину. Кромѣ того, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и критическія замѣчанія есть въ Запискахъ Дмитріева и Храповицкаго, въ Семейной Хроникѣ Аксакова и др. Академикъ Я. К. Гротъ еще съ 1860 г. началъ печатать матеріалы для біографіи Державина (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 № 7 и 8 и въ Учен. Зап. Академіи наукъ т. 2), которые и вошли въ указанную монографію о Державинѣ. Изслѣдованія Я. К. Грота, обнимающія не только Екатерининскую, но и Александровскую эпохи, и наполненныя множествомъ богатыхъ матеріаловъ для исторіи образованія, науки и литературы въ эти эпохи, служили источникомъ и руководствомъ для нашего изложенія не только о Державинѣ, но и о другихъ писателяхъ.

(1) Жизнь Державина стр. 9—10.

Біографическія свѣдѣнія о Державинѣ. Его воспитаніе, образованіе и служебная дѣятельность. Державинъ называетъ себя въ своихъ сочиненіяхъ потомкомъ татарскаго мурзы, Багрима, который въ XV в., въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, выѣхалъ изъ Золотой Орды въ Россію. Внукъ этого мурзы, Держава, далъ начало роду и фамиліи Державиныхъ. Уже въ половинѣ XVII в. Державины являются владѣльцами помѣстьевъ на берегахъ рѣки Мѣши, по ногайской дорогѣ, верстахъ въ 35 или 40 отъ Казани. Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился 3 іюля 1743 г. въ Кармачахъ или Сокурахъ, верстахъ въ 40 отъ Казани. Читать онъ выучился на пятомъ году у матери своей, Θеклы Андреевны, и у одного церковника. Съ малыхъ лѣтъ ему, вмѣстѣ съ отцемъ, привелось странствовать по разнымъ мѣстамъ Россіи, когда отецъ его былъ на службѣ въ Яранскѣ (Вятской губ.), Ставрополѣ (нынѣ Сам. губ.) и Оренбургѣ. Въ Оренбургѣ, въ школѣ ссыльнаго нѣмца Розе, Державинъ получилъ свое первое образованіе. Розе былъ своего рода Вральманъ Фонъ-Визина, человѣкъ развратный и жестокій и въ тоже время круглый невѣжда. Не зная грамматики, онъ заставлялъ своихъ учениковъ только затверживать нѣмецкіе вокабулы; но всетаки Державинъ здѣсь научился читать, писать и говорить нѣсколько по нѣмецки. Въ это же время у Державина обнаружилась особенная любовь къ черченію и рисованію перомъ, которая въ послѣдствіи больше всего обратила на него вниманіе учителей и наставниковъ и выдвинула его изъ ряда другихъ учениковъ. Всѣ стѣны его комнаты были оклеены и увѣшаны лубочными картинками, купленными у ходебщиковъ, и его собственными рисунками. По смерти отца, часть родовой собственности Державина была захвачена сосѣдними помѣщиками; мать его должна была вести съ ними продолжительную тяжбу, во время которой испытала много тяжелыхъ хлопотъ и нравственныхъ страданій, посѣщая судей съ своими малолѣтними сыновьями. Простоявъ напрасно по нѣскольку часовъ сряду въ ихъ переднихъ, она часто не могла ничего отъ нихъ добиться и возвращалась домой въ слезахъ. Впечатлѣнія эти глубоко запали въ душу Державина, и онъ въ послѣдствіи выразилъ ихъ въ извѣстныхъ стихахъ въ одѣ „Вельможа“:

«А тамъ вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ грудныцъ младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ».... [1]

---

[1] Сочиненія Державина, 1, 631.

Въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, подобно Руссо, онъ никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ.—Для обученія ариѳметикѣ и геометріи Державина мать наняла сначала гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкера Полетаева; но они сами не знали этихъ наукъ и конечно не могли ничему научить и своего ученика. Въ 1759 г. была открыта первая гимназія въ Казани; Державинъ тотчасъ же былъ отданъ въ эту гимназію. Разсказывая о своемъ ученіи въ гимназіи въ своихъ Запискахъ, Державинъ говоритъ: „Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, куда и когда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Насъ учили тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ и тому подобное". Изъ учителей онъ называетъ, между прочимъ, пастора Гельтергофа, который училъ нѣмецкому языку. Изученіе нѣмецкаго языка, начатое еще въ школѣ Розе, дало въ послѣдствіи Державину возможность познакомиться въ подлинникѣ съ сочиненіями Геллерта, Гагедорна, Галлера, Клейста, Гердера и Клопштока. Особенные успѣхи Державинъ оказывалъ въ рисованіи; его чертежи и рисунки перомъ до того нравились директору, что онъ вздумалъ представить ихъ въ 1759—60 г. Шувалову, вмѣстѣ съ чертежами и картами Казанской губерніи отличнѣйшихъ изъ учениковъ своихъ. Въ гимназіи Державинъ познакомился съ одами Ломоносова, трагедіями Сумарокова, съ переводомъ „Телемака" и „Аргениды" Тредьяковскаго, и, подражая имъ, началъ самъ пробовать писать стихи.

Но въ гимназіи Державинъ учился только три года. Въ 1762 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на службу въ преображенскій полкъ. Двѣнадцатилѣтняя военная служба въ полку была самымъ печальнымъ и тяжелымъ временемъ во всей жизни Державина, когда ему привелось жить въ грубой и невѣжественной средѣ и испытать тяжкіе тѣлесные труды и нравственное паденіе. Не имѣя другаго пристанища, онъ долженъ былъ жить въ казармахъ, вмѣстѣ съ другими солдатами. При тѣснотѣ и неудобствахъ такого помѣщенія, ему только по ночамъ удавалось читать случайно добываемыя книги и писать стихи. Узнавъ въ немъ человѣка грамотнаго, его товарищи по казармѣ и жены ихъ заставляли его писать письма къ ихъ роднымъ и за это вмѣсто него соглашались отправлять тяжелую очередную работу и службу. Это давало ему нѣсколько свободнаго времени и возможности заниматься чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ. Но

Бѣлоруссію; Къ первому сосѣду; застольная пѣснь „Кружка“. Сказка Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанная въ 1781 г., подала Державину мысль написать знаменитую „Фелицу“, гдѣ онъ изобразилъ Екатерину и ея приближенныхъ вельможъ. Екатерина наградила его за эту оду золотой табакеркой, въ которую было вложено 500 червонцевъ. Въ благодарность за этотъ подарокъ Державинъ еще написалъ два стихотворенія въ похвалу Екатерины: „Изображеніе Фелицы“ и „Видѣніе мурзы“. Эти оды прославили Державина, но также и вызвали противъ него много завистниковъ и враговъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и князь Вяземскій, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ сенатѣ. Вяземскій вообще не любилъ поэтовъ и говорилъ, что они не способны заниматься дѣлами; послѣ же Фелицы, гдѣ задѣтъ былъ и его характеръ, онъ еще больше не взлюбилъ Державина, какъ выскочку, своими стихами, безъ его помощи, пробравшагося въ милость къ императрицѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ между ними служило личное поведеніе Державина. Во время службы въ сенатѣ, въ Державинѣ вполнѣ стала раскрываться та черта въ его характерѣ, которая была причиной всѣхъ непріятностей и несчастій въ его жизни и которую онъ самъ очень мѣтко выразилъ въ своихъ Запискахъ, сказавши, что онъ „горячъ и въ правдѣ чортъ“. Человѣкъ по своимъ стремленіямъ въ высшей степени честный и справедливый, онъ, при своей горячности, часто не могъ разглядѣть справедливую сторону дѣла, не всегда могъ отличить правду отъ неправды и, стремясь къ правдѣ, нерѣдко поступалъ несправедливо; въ справедливомъ же дѣлѣ не зналъ никакой мѣры, и, дѣйствуя рѣзко и запальчиво, вооружалъ противъ себя и противъ дѣла не только своихъ враговъ, но и друзей. Въ 1784 г. онъ долженъ былъ оставить службу въ сенатѣ.

Но Екатерина въ то время была еще не знакома съ этой чертой характера Державина, а знала его только какъ поэта, и хотя сама не любила и не могла писать стиховъ, не считала, однакожъ, поэзію и стихотворство помѣхой къ отправленію должности. Въ томъ же 1784 г. она назначила Державина губернаторомъ въ Петрозаводскъ. Но Державинъ не пробылъ и году въ должности губернатора. Онъ не поладилъ съ намѣстникомъ Олонецкимъ, Тутолминымъ, котораго онъ называетъ въ своихъ Запискахъ надменнымъ, но низкимъ человѣкомъ, угодникомъ случая. Главная же вина заключалась въ томъ, что предѣлы власти намѣстника и губернатора и ихъ взаимныя отношенія не были опредѣлены ясно, а это должно было служить поводомъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и раздорамъ двухъ властей. Впрочемъ, въ краткое время губернаторства, Державинъ успѣлъ обо-

зрѣть нѣкоторыя части губерніи, посѣтилъ кончезерскіе заводы, видѣлъ водопадъ Кивачъ при впаденіи рѣки Суны въ Онежское озеро, который онъ потомъ изобразилъ въ одѣ „Водопадъ", на смерть Потемкина. На пути къ Соловецкому монастырю, Державина застала страшная буря съ грозою, во время которой онъ чуть не потонулъ; страшныя впечатлѣнія отъ этого случая онъ изобразилъ въ стихотвореніи „Буря" (1). 15 декабря 1785 г. Державинъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ. Въ Тамбовѣ онъ также оставался не долго, около трехъ лѣтъ, но въ это время онъ успѣлъ сдѣлать весьма много для устройства города и губерніи, для распространенія образованія и развитія общественной жизни. Онъ открылъ у себя въ домѣ уроки для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, нанявъ учителей для обученья грамотѣ, ариѳметикѣ и танцованію. Для развитія общественной жизни Державинъ устраивалъ у себя въ домѣ два раза въ недѣлю вечернія собранія съ танцами и концертами. Потомъ въ его же домѣ открылись любительскіе спектакли. По примѣру губернатора, и другіе дворяне стали давать у себя подобные спектакли, на которыхъ представлялись, между прочимъ, трагедіи Сумарокова и Недоросль Фонъ-Визина. Въ 1787 г. Державинъ испросилъ у намѣстника разрѣшеніе построить въ Тамбовѣ особый театръ. Въ 1788 г. въ Тамбовѣ было открыто первое народное училище; при этомъ Державинъ сочинилъ рѣчь, сказанную однодворцемъ Захарьинымъ. Чрезъ два мѣсяца, въ память открытія этого училища 24 ноября (въ день ангела императрицы) былъ устроенъ въ домѣ Державина (такъ какъ театръ еще не былъ готовъ) спектакль, на которомъ дана была комедія Веревкина: „Такъ и должно". Но интересъ заключался не въ этой комедіи, а въ томъ прологѣ, представленномъ предъ комедіей, который аллегорически изображалъ главную идею торжества. Въ видѣ дремучаго лѣса было представлено малообразованное тамбовское общество; чтобы разогнать мракъ въ этомъ лѣсу, является просвѣщеніе въ видѣ генія; орудіемъ просвѣщенія долженъ служить театръ, который олицетворяли Мельпомена и Талія. Геній, приглашая на помощь себѣ Мельпомену и Талію, говоритъ:

«Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы,
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь».

---

(1) Соч. I, 561.

При этихъ словахъ онъ подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ, а Таліи маску. Принимая маску, Талія отвѣчаетъ:

«Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скаредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю
И буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ...
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ» (1).

Но особенно много заботливости показалъ Державинъ въ управленіи Тамбовомъ и губерніей. Въ тамбовскихъ архивахъ еще до сихъ поръ сохранилась масса бумагъ, писанныхъ рукою самого Державина; во всемъ онъ показывалъ свое личное непосредственное участіе; вездѣ отражается его заботливость о всѣхъ сторонахъ управленія. Между прочимъ, для сокращенія переписки въ дѣлахъ, онъ учредилъ типографію, которая и была первой типографіей въ Тамбовѣ.—При такой административной дѣятельности, Державину, очевидно, мало оставалось времени заниматься поэзіей; ко времени тамбовскаго губернаторства относятся только три оды: „На смерть графа Румянцева"; „Осень во время осады Очакова" и „Властителямъ и судіямъ". Но не столько служебныя дѣла въ Тамбовѣ отнимали у Державина время заниматься литературой, сколько разныя служебныя непріятности, которыхъ здѣсь ему привелось испытать еще гораздо больше, чѣмъ въ Петрозаводскѣ. Въ Тамбовѣ онъ также вошелъ въ столкновеніе съ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Гудовичъ, частію по своему легкомыслію и распущенности, частію въ противорѣчіе Державину, защищалъ всѣхъ чиновниковъ, которыхъ преслѣдовалъ Державинъ за взяточничество и другіе противозаконные поступки, принималъ ихъ доносы на Державина и отсылалъ ихъ въ Петербургъ и при своихъ обширныхъ связяхъ въ сенатѣ и при дворѣ успѣлъ довести дѣло до того, что Державинъ въ 1788 г. былъ удаленъ отъ должности губернатора и отданъ подъ судъ, подъ предлогомъ различныхъ будто бы опущеній по службѣ. Дѣло разсматривалось въ сенатѣ въ Москвѣ, куда и Державинъ долженъ былъ явиться для представленія нужныхъ объясненій. Благодаря защитѣ знатныхъ покровителей и въ томъ числѣ Потемкина, Державинъ не былъ осужденъ и по окончаніи суда, чтобы доказать свою невинность предъ

(1) Жизнеописаніе Державина, 460—461.

самой императрицей подробнымъ объясненіемъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій, отправился въ Петербургъ. Екатерина, при представленіи ей дѣла Державина сказала, что она не можетъ обвинить автора „Фелицы“ и даже не стала разсматривать дѣла; но на аудіенціи, которую Державинъ, испросилъ себѣ у нея по этому случаю, она спросила его: „Не имѣете ли вы въ нравѣ чего нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?“ — „Я началъ службу свою, отвѣчалъ Державинъ, простымъ солдатомъ и самъ собою возвысился до почетнаго чина и губернаторства; никто не жаловался на мое управленіе“.—„Но отъ чего же вы не поладили съ Тутолминымъ“?—„Онъ издавалъ свои законы, а я привыкъ исполнять только ваши“.—„Отъ чего вы разошлись съ Вяземскимъ“?—„Ему не понравилась моя ода Фелицѣ; онъ началъ осмѣивать и притѣснять меня“.—„А какая была причина ссоры вашей съ Гудовичемъ?“ —„Онъ не соблюдалъ вашихъ интересовъ; въ доказательство могу представить цѣлую книгу, которая со мною“.—„Хорошо, сказала она, послѣ“.—Послѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина такъ отзывалась объ этомъ разговорѣ: „Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причины въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи“ ([1]).—Приказано было выдать Державину неполученное во время суда жалованье и выдавать его впредь до назначенія на новое мѣсто. Но новаго мѣста ему не давали два года съ половиной, такъ что, соскучившись ждать, онъ рѣшился обратиться къ Зубову. Написавъ стихотворную оду Екатеринѣ „Изображеніе Фелицы“, онъ представилъ ее Зубову. Екатеринѣ понравилась ода, и Державину былъ открытъ доступъ ко двору. Еще болѣе имѣла успѣха ода „На взятіе Измаила“. Императрица пожаловала ему за нее осыпанную брильянтами табакерку въ 2000 рублей, и увидѣвъ его во дворцѣ, сказала ему: „Я по сіе время не знала, что труба ваша такъ же громка, какъ и лира пріятна“. Въ 1791 г. Потемкинъ далъ Екатеринѣ въ своемъ дворцѣ великолѣпный праздникъ. Державинъ написалъ для этого праздника знаменитую пѣснь:

«Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ»!

которую пѣли во время самаго праздника, а потомъ, по просьбѣ Потемкина, описалъ самый праздникъ. Все это возвратило Державину прежнее расположеніе Екатерины, и она въ 1791 г.

---

[1]) Тамъ же 580—581.

назначила его своимъ кабинетъ-секретаремъ. Это была такая должность, на которой, повидимому, никто не могъ повредить Державину; но и на этой должности онъ не могъ долго удержаться; при своей прямотѣ и горячности онъ не могъ угодить Екатеринѣ. „Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ"... „Онъ такъ новъ, что ходитъ съ дѣлами, до меня не принадлежащими", жаловалась она Храповицкому. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ дѣламъ Державинъ для доклада привозилъ съ собою въ комнаты императрицы огромныя кипы бумагъ и обременялъ ее чтенiемъ ихъ. Особенно онъ наскучилъ Екатеринѣ своими докладами по двумъ дѣламъ—о бывшемъ генералъ-губернаторѣ Якоби, обвинявшемся въ возбужденiи китайцевъ къ войнѣ съ Россiей, и о злоупотребленiяхъ придворнаго банкира Сутерланда. Оба эти дѣла были весьма щекотливы, такъ какъ въ нихъ были замѣшаны многiя знатныя и придворныя лица, особенно дѣло Сутерланда. Поэтому всѣ уклонялись въ сенатѣ отъ разбора этихъ дѣлъ, зная, что и сама Екатерина не желаетъ ихъ строгаго разслѣдованiя. Одинъ Державинъ, не боясь никакихъ непрiятностей, взялся за нихъ съ обычною своею ревностiю. На разсмотрѣнiе дѣла Якоби онъ употребилъ цѣлый годъ и явился для доклада о немъ къ императрицѣ съ такими большими кипами бумагъ, что она пришла въ ужасъ. Для чтенiя дѣла она приказала ему являться во дворецъ каждый день послѣ обѣда часа на два. Потерявъ терпѣнiе заниматься съ нимъ, она нерѣдко отсылала его и однажды, когда онъ прiѣхалъ въ глухую осень, не смотря на страшную погоду, велѣла сказать ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватила".—Во время доклада о дѣлѣ Сутерланда онъ также привозилъ множество бумагъ и такъ горячился при объясненiи своихъ мнѣнiй, что однажды въ забывчивости схватилъ императрицу за конецъ мантильи. Императрица велѣла позвать дожидавшагося въ сосѣдней комнатѣ Попова и сказала ему: „побудь здѣсь, Василiй Степановичъ; а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ". Однакоже, какъ всегда великодушная и незлопамятная, Екатерина приказала Державину быть на другой день, приняла его милостиво и даже извинилась, что вчера горячо поступила, промолвя: „ты и самъ горячъ, все споришь со мною". Державинъ указывалъ Екатеринѣ на законъ и говорилъ, что онъ долженъ исполняться неизмѣнно, а Екатерина часто сообразовалась въ нѣкоторыхъ дѣлахъ съ политикой. Она, замѣчаетъ Державинъ, управляла государствомъ и даже правосудiемъ политически, поблажая своимъ вельможамъ, снисходя ихъ слабостямъ. Она часто говаривала: „живи и жить давай другимъ". При такихъ отношенiяхъ, Державинъ, конечно, не могъ долго оставаться кабинетъ-секретаремъ. Онъ скоро наскучилъ Екатеринѣ какъ своей

горячностью и грубой прямотой, такъ и строгою и неуклонною правдой. Да и ему самому, при его воззрѣніяхъ, было тяжело и неловко жить въ придворной средѣ. „По догадкамъ Державина, замѣчаетъ Гротъ, неблаговоленіе къ нему Екатерины происходило отъ того, что онъ не могъ болѣе хвалить ее въ стихахъ, хотя она часто выражала ему намеками желаніе, чтобы онъ писалъ оды въ родѣ Фелицы. Онъ сознается, что высокій идеалъ, который прежде издали представлялся ему въ Екатеринѣ, помрачился, когда онъ вблизи увидѣлъ ея человѣческія слабости, и не было никакихъ особенныхъ дѣлъ, которыя бы воспламенили его. Много разъ онъ брался за перо, запирался по недѣлѣ дома, но не былъ въ состояніи ничего произвести, чѣмъ бы и самъ могъ быть доволенъ: все выходило слабо, холодно, натянуто, какъ у цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ слышны только слова, а не мысли“ (1). Въ должности кабинетъ-секретаря Державинъ пробылъ менѣе двухъ лѣтъ. Къ этому времени относятся слѣдующія его стихотворенія: „Моя ласточка“ (памяти первой жены); „Мой истуканъ“; „Вельможа“ (ода, передѣланная изъ оды на знатность); „На взятіе Варшавы“; „Приглашеніе къ обѣду“; „На рожденіе царицы Гремиславы“ (Л. А. Нарышкину); „На кончину графа Орлова“ (Ѳедора); „Аѳинскому вождю“ (А. Орлову); „Памятникъ“. Пользуясь близостію къ императрицѣ, Державинъ горячо заступался за подвергавшихся опалѣ поэтовъ и писателей, Хераскова, Веревкина, Коцебу и др. Въ 1793 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ. „Въ Запискахъ своихъ онъ говоритъ, что во все время служенія въ Сенатѣ, онъ, не взирая ни па какія лица и обстоятельства, строго стоялъ за соблюденіе закона и велъ постоянную борьбу со всѣми. Онъ ѣздилъ въ Сенатъ даже по воскресеньямъ и праздникамъ и тамъ наединѣ прочитывалъ кипы бумагъ... Къ сожалѣнію, и здѣсь правдолюбіе и усердіе его выражались въ самыхъ рѣзкихъ, а иногда и грубыхъ формахъ и подавали поводъ къ бурнымъ сценамъ“ (2).

По кончинѣ Екатерины въ 1796 г. импер. Павелъ сдѣлалъ Державина правителемъ канцеляріи государственнаго совѣта, но вскорѣ „за необузданность языка“ отослалъ его опять въ сенатъ. Въ 1800 г. Державинъ былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и въ томъ же году государственнымъ казначеемъ. При импер. Александрѣ I, во время учрежденія министерствъ, въ 1802 г., онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это, конечно, былъ самый высшій постъ, какого только могъ достигнуть Державинъ; но этотъ постъ оказался уже совершенно ему не по си-

(1) Жизнь Державина, 617—626. (2) Тамъ же, 649.

ламъ. Тогда Державину было уже 60 лѣтъ. Да и время въ политикѣ настало другое, съ такими новыми идеями и стремленіями, съ которыми никакъ не могъ помириться Державинъ. Разсказывая объ этомъ времени въ своихъ Запискахъ, онъ сознается, что смѣло противорѣча и возражая даже на своихъ докладахъ, „сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду, а у министровъ во вражду". Завадовскій говорилъ о Державинѣ: „вовсе голова министра не по мѣсту; школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Ѳемиды держатся здравымъ разсудкомъ". „Въ здравомъ разсудкѣ, замѣчаетъ при этомъ Гротъ, у Державина не было недостатка, но бѣда была въ томъ, что въ критическія минуты онъ легко уступалъ страстнымъ порывамъ своего пылкаго нрава". Не соглашаясь во многихъ случаяхъ не только съ министрами, но и съ государемъ, Державинъ особенно сильно возсталъ противъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, былъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Узнавъ о немъ, Державинъ немедленно отправился во дворецъ для объясненія съ государемъ. Возраженія его противъ освобожденія крестьянъ были почти тѣ же самыя, какія дѣлали и другіе его современники, какъ напр. княгиня Дашкова, И. В. Лопухинъ и др. и какіе слышались и въ наше время, при окончательной отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Это, конечно, при обвиненіи его можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ; но все же „нельзя не скорбѣть, что пѣвецъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій человѣколюбивыя стремленія Екатерины, ея кроткіе законы и учрежденія, не умѣлъ стать выше понятій своего времени, и вмѣсто того, чтобы всѣми средствами своего характера и положенія поддерживать одинъ изъ самыхъ великодушныхъ плановъ Александра, настойчиво противодѣйствовалъ его намѣренію „освободить народъ отъ рабства" и называлъ эту мысль „предразсудкомъ" (1). По этому поводу онъ написалъ стихотвореніе „Голубка", гдѣ проводится та мысль, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властію помѣщиковъ, нежели можетъ быть на волѣ (2). При постоянныхъ столкновеніяхъ не только съ господствовавшей правительственной партіей, но и съ самимъ императоромъ, Державинъ, конечно, не могъ оставаться на службѣ; въ 1803 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра. На аудіенціи по этому случаю государь знаменательно замѣтилъ ему, что онъ „слишкомъ ревностно служитъ". Дѣйствительно, Державинъ въ продолженіе всей своей

---

(1) Жизнеописаніе Державина, стр. 822—826.

(2) Сочиненія, II, 391—394.

службы, на всѣхъ мѣстахъ отличался необыкновенною ревностію, смѣлой откровенностію, неуклонной прямотой и стремленіемъ къ тому, что считалъ справедливымъ. Поэтому напрасно называли его придворнымъ стихотворцемъ. Настоящимъ придворнымъ стихотворцемъ онъ не могъ быть по самой натурѣ своей. „Еслибы, по словамъ Грота, онъ болѣе дорожилъ внѣшними выгодами, то, конечно, съумѣлъ бы удержаться по крайней мѣрѣ въ милости Екатерины II и императора Александра, къ которымъ былъ близокъ“ (1).—„Прославляя славныхъ людей своего времени, говоритъ Добролюбовъ, Державинъ дѣлалъ это съ величайшимъ благородствомъ, слѣдуя только влеченію своего сердца, умѣвшаго цѣнить добро“... Если при этомъ въ похвалахъ своихъ Державинъ вдавался часто въ преувеличеніе, льстивыя слова и громкія фразы, то это было совершенно во вкусѣ и обычаѣ того времени, и такой гиперболическій пріемъ въ поэзіи не считался предосудительнымъ; слова въ поэзіи отдѣлялись отъ дѣла въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно посланіе Державина къ Храповицкому. Оно написано въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ Храповицкій, между прочимъ, говорилъ ему:

«Люблю твои и стихотворства:
Въ нихъ мало лести и притворства,
Но иногда—полы лощишь....
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ по истинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь»....

Отвѣчая на этотъ упрекъ, Державинъ въ своемъ посланіи сказалъ:

«Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого здѣсь воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ».

Извѣстно, что по поводу послѣднихъ стиховъ Пушкинъ замѣтилъ: „слова поэта суть тѣже дѣла“. Гоголь подтвердилъ это замѣчаніе. Жуковскій же прибавилъ, что „ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями“. Но Державинъ

(1) Жизнеописаніе Державина, стр. 1023.

отдѣляетъ стихотворное слово отъ дѣла и, сознаваясь, что въ своихъ стихахъ иногда допускалъ лесть и тѣмъ заслужилъ упрекъ сатирика, говоритъ, что въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ т. е. не кривилъ душой изъ угодливости и не измѣнялъ своимъ обязанностямъ и убѣжденіямъ. Вотъ какъ самъ онъ характеризуетъ себя въ своемъ „Признаніи“:

«Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ.
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ;
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ.

. . . .

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ,
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ»—(1).

Послѣдніе 13 лѣтъ своей жизни Державинъ провелъ въ отставкѣ, въ своемъ имѣніи, Званкѣ (Новгор. губ.). Привыкнувъ къ трудамъ съ малыхъ лѣтъ, онъ и въ это время постоянно занимался. Въ 1809—1810 г. онъ составилъ комментарій къ своимъ стихотвореніямъ въ томъ порядкѣ, какъ они были напечатаны. На этотъ комментарій онъ смотрѣлъ какъ на нѣкоторый отчетъ въ своей литературной дѣятельности (2). Отчетъ же въ своей служебной дѣятельности онъ представилъ въ своихъ „Запискахъ“, которыя онъ, по совѣту Капниста, написалъ въ 1812 г. Эти „Записки“, говоритъ Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при спѣшной черновой редакціи, со всѣми погрѣшностями и неисправностями горячей первоначальной работы. Вотъ что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его Записокъ и что не было принято въ соображеніе нашей критикой, при появленіи ихъ въ 1859 г. въ мос-

---

(1) Сочиненія II, 646—647.

(2) Въ 1821 г. Остолоповъ сдѣлалъ въ этомъ Комментаріи разныя измѣненія и издалъ его отъ своего имени подъ заглавіемъ: «Ключъ къ сочиненіямъ Державина». Вторая редакція Комментарія, названная «Объясненія къ сочиненіямъ Державина» и писанная г-жею Львовой, была издана также съ измѣненіями въ 1834 г. Во всей точности Комментарій возстановленъ въ III томѣ изданія Грота.

ковскомъ журналѣ „Русская Бесѣда“ ([1]). Въ 1805 г. Державинъ познакомился съ преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, который въ это время, будучи старорусскимъ епископомъ викаріемъ Новгородскимъ, жилъ въ Хутынскомъ монастырѣ, не далеко отъ имѣнія Державина, Званки. Зная греческій языкъ, Евгеній переводилъ для Державина Пиндара, напечаталъ въ словарѣ автобіографическую записку Державина, а Державинъ посвятилъ Евгенію нѣсколько стихотвореній и между прочимъ обширное стихотвореніе „Жизнь званская“, въ которомъ описалъ свою жизнь въ деревнѣ. Въ 1811 г. Державинъ вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ учредилъ въ Петербургѣ литературное общество, подъ названіемъ „Бесѣда любителей русскаго слова“, и участвовалъ въ изданіи трудовъ этого общества, которые печатались въ журналѣ „Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Сочувствуя Шишкову, онъ однакоже не былъ заклятымъ врагомъ реформы Карамзина; уважая его и находясь издавна въ дружбѣ съ Дмитріевымъ, не оставался вполнѣ чуждъ и новому направленію современной литературы. Продолжая писать разныя стихотворенія до своей смерти, Державинъ въ послѣднее десятилѣтіе особенно пристрастился къ драматической формѣ и написалъ много трагедій, драмъ, оперъ и легкихъ піесъ. За годъ до смерти, въ 1815 г. присутствуя на экзаменѣ въ царскосельскомъ лицеѣ, Державинъ увидѣлъ Пушкина, который прочиталъ предъ нимъ приготовленное къ экзамену стихотвореніе: „Воспоминаніе о Царскомъ селѣ“. Это стихотвореніе Пушкина такъ поразило Державина, что, познакомившись вскорѣ съ С. Т. Аксаковымъ, онъ откровенно сказалъ ему: „Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ—это Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей“. Въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ разсказываетъ, что Державинъ часто заставлялъ его читать свои стихотворенія, особенно драматическія, и дѣлаетъ о немъ такой отзывъ за это послѣднее время: „Волканъ потухалъ, но между грудами камней, угля и пепла мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ; у него не было разговора; все была пѣснь; но увы! онъ думалъ, что имѣетъ; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще

([1]) Жизнеописаніе, стр. 899—900.

драмѣ". За три дня до кончины Державинъ началъ стихотвореніе „На тлѣнность", которое внушила ему висѣвшая въ его кабинетѣ карта „Рѣка временъ", но успѣлъ написать на аспидной доскѣ только слѣдующіе стихи, которые и были его послѣдними стихами:

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы».

9 іюня 1816 г. Державинъ скончался. Въ Казани ему поставленъ памятникъ.

Общій характеръ и направленіе поэзіи Державина. Поэтическую дѣятельность Державина можно раздѣлить на два періода. Къ первому періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя до „Фелицы", съ которой началась настоящая громкая слава Державина; лучшія изъ нихъ, подготовившія его славу, были: Пѣснь Петру В. (1776), на памятникъ, сдѣланный Фальконетомъ; На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (Александра I); На смерть князя Мещерскаго (1779); Къ первому сосѣду (1780) и Властителямъ (1780). Ко второму періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя для прославленія Екатерины и ея сподвижниковъ, и послѣ Екатерины при Павлѣ и Александрѣ I. Въ началѣ перваго періода направленіе поэзіи Державина было строго классическое въ томъ видѣ, какъ оно было утверждено въ русской литературѣ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ. „Правила поэзіи, говоритъ самъ Державинъ, почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову; но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 г. изобрѣлъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Баттё и совѣтами друзей моихъ Н. А. Львова, В. В. Капниста и Хемницера, причемъ наиболѣе

подражалъ Горацію" ([1]). Почти всѣ эти писатели (кромѣ ровесника Хемницера) были моложе Державина и не имѣли равныхъ ему талантовъ; но за то всѣ они получили гораздо лучшее образованіе и потому могли быть его руководителями. Изъ рукописей Державина видно, что они часто исправляли его сочиненія. Особенно постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ его долго былъ Львовъ, которому Державинъ показывалъ прежде выпуска большую часть своихъ стихотвореній. Къ этимъ совѣтникамъ и руководителямъ въ послѣдствіи присоединился еще Дмитріевъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, что Державинъ былъ очень самоувѣренъ и самостоятеленъ, и потому не всегда слушалъ своихъ руководителей, а часто настаивалъ на своемъ: руководство не могло вредить его оригинальности. Всего осязательнѣе вліяніе ихъ обнаружилось въ томъ, что они содѣйствовали къ развитію въ его поэзіи простоты и естественности, которыя составляютъ отличительную черту его произведеній особенно втораго періода. Съ начала 90-хъ годовъ въ одахъ Державина встрѣчаются черты оссіановской поэзіи. Таковы оды: „Водопадъ", на взятіе Измаила и Варшавы; оды на побѣды Суворова въ Италіи и на переходъ альпійскихъ горъ. Какъ въ молодые годы и въ пору зрѣлости образцомъ для Державина были Ломоносовъ и Горацій, такъ въ старые годы сталъ привлекать его къ себѣ преимущественно Анакреонъ. Подражая Анакреону, Державинъ написалъ весьма много эротическихъ стихотвореній. Наконецъ, на послѣднихъ стихотвореніяхъ Державина отразилось новое литературное направленіе Карамзина. Но, при всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, въ поэзіи Державина постоянно и рѣзко выражаются народные элементы, черты народнаго языка, народной поэзіи и народной жизни. Въ послѣдніе же годы онъ писалъ почти исключительно въ народномъ духѣ.

Общія начала своей поэзіи Державинъ высказалъ въ своемъ разсужденіи о лирической поэзіи. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Величіе, блескъ и слава міра сего проходятъ; но правда, гремящая въ псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки. По сему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ—при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіе чего, нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но

([1]) Жизнеописаніе Державина Грота, стр. 275—276.

даже ихъ и украшаетъ“ (1). „Эти слова, замѣчаетъ Гротъ, объясняютъ намъ тотъ съ одной стороны возвышенный, а съ другой сатирическій характеръ, которымъ отличается поэзія Державина. Торжество вѣчнаго и духовнаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ—вотъ главная тема ея. Мысль о поученіи какъ одномъ изъ элементовъ поэзіи, конечно, согласовалась съ природнымъ настроеніемъ ума нашего лирика и могла развиться особенно подъ вліяніемъ Горація; другое же требованіе піитики Державина — блестящія, живыя картины—какъ нельзя болѣе отвѣчали его богатому воображенію, и мы не можемъ не признать справедливымъ замѣчанія, давно сдѣланнаго нашею критикой, что онъ въ своихъ одахъ является по преимуществу поэтомъ-философомъ и живописцемъ. У него избранная тема служитъ по большей части только поводомъ къ развитію тѣхъ мыслей и картинъ, въ которыхъ заключается настоящее содержаніе его одъ; такъ напр. въ одѣ на смерть князя Мещерскаго лишь нѣсколько стиховъ относятся къ умершему, сущность же стихотворенія составляютъ остальныя девять строфъ“ (2).

Такимъ образомъ, дидактизмъ, нравоученіе составляетъ основной элементъ поэзіи Державина; но въ тотъ вѣкъ нравоученіе не могло явиться въ чистомъ своемъ видѣ: его не стали бы слушать. Оно могло быть принято только въ какой-нибудь веселой, забавной или шутливой формѣ. Выше замѣчено, что Екатерина и сама любила писать только въ „улыбательномъ“ духѣ, да и другимъ рекомендовала также веселый стиль; согласно съ этимъ направленіемъ и вообще „умоначертаніемъ“ того вѣка, любившаго жить и говорить весело, и Державинъ самыя высокія и серьезныя истины облекалъ въ шуточную форму, надѣвая на себя шапку татарскаго мурзы или какую-нибудь аллегорическую одежду, напр. въ Фелицѣ, въ Одѣ на счастіе и др. Впрочемъ, начало такого направленія лежитъ гораздо дальше, не въ русской и даже не въ европейской поэзіи, подъ вліяніемъ которой развилась русская поэзія, но въ древней римской поэзіи. Только въ Греціи высокій и комическій элементы поэзіи строго отдѣлялись другъ отъ друга, и ода и драма считались совершенно противоположными сатирѣ и комедіи. Въ Римѣ мы видимъ уже соединеніе того и другаго элемента и той и другой формы. Высокій элементъ, явившійся здѣсь въ видѣ дидактики, соединился съ комическимъ въ формѣ сатиры, о которой поэтому и говори-

(1) Сочин. VII, 569.

(2) Жизнеописаніе Державина, стр. 202.

лось, что она ridendo castigat mores. Это понятіе въ послѣдствіи перенесено было и на другія формы поэзіи, особенно лирической.

У Державина былъ талантъ лирическій, и главною формою его поэзіи была ода. Вслѣдствіе указаннаго направленія облекать важное поученіе въ шутливую, забавную форму, въ одѣ Державина рядомъ съ высокими мыслями является элементъ комическій или сатирическій; она представляетъ въ себѣ смѣшеніе важнаго съ шутливымъ: она не просто ода, но ода-сатира, соединеніе оды и сатиры. Это составляетъ отличительную черту, отличающую оду Державина отъ оды Ломоносова и его послѣдователей. Фелица, въ которой особенно выразилось это свойство, сдѣлалась образцомъ новой оды и положила начало новому ея направленію, по которому она, спустившись съ классическихъ и миѳологическихъ высотъ на обыкновенную земную почву, стала сближаться съ настоящею человѣческою жизнію, сдѣлалась проще и естественнѣе. — Но самою удобною формою для развитія поученія, для выраженія разныхъ высокихъ и важныхъ истинъ, было „посланіе", заимствованное также изъ римской поэзіи. Поэтому, послѣ оды Державинъ чаще всего писалъ посланія и написалъ ихъ очень много. Кромѣ того, онъ писалъ и въ другихъ родахъ; подъ старость же онъ пристрастился къ драматической формѣ.—Сначала Державинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, издав. Брайко, а потомъ въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова, издав. кн. Дашковой; со времени же знакомства съ Карамзинымъ—въ „Московскомъ журналѣ".

Ода „Богъ" и другія духовныя стихотворенія Державина. Писать гимны и духовныя оды было въ обыкновеніи у всѣхъ европейскихъ поэтовъ XVIII в. Даже Вольтеръ въ молодости написалъ оду: „Истинный Богъ". Послѣдуя имъ, и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова, писали гимны и оды для прославленія Бога. Но ни одно изъ множества замѣчательныхъ, какъ европейскихъ, такъ и русскихъ подобнаго рода сочиненій не пріобрѣло такой славы, какъ ода „Богъ" Державина. У Державина еще изъ самаго ранняго дѣтства его сохранилось одно воспоминаніе, по которому онъ считалъ себя особенно призваннымъ къ прославленію Бога; мать ему разсказывала, что на другой годъ послѣ его рожденія была комета, и что, глядя на нее, онъ произнесъ первое слово „Богъ". Самая же идея оды, какъ онъ разсказываетъ, возникла у него въ головѣ во время заутрени въ свѣтлое Христово воскресеніе въ 1780 г. Пришедши домой, онъ тотчасъ же написалъ первыя строфы оды; но служба и разныя дѣла долго не давали ему времени окончить ее. Уже вышедши въ отставку въ 1784 г., онъ уѣхалъ въ Нарву, и здѣсь, нанявъ

на время у одной старухи нѣмки маленькую комнату, въ продолженіе нѣсколькихъ дней писалъ оду. Доказательствомъ, какъ сильно въ это время было возбуждено его воображеніе, можетъ служить разсказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней строфы, уже ночью, онъ заснулъ передъ зарею; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; слезы ручьями полились у него изъ глазъ; онъ всталъ и при свѣтѣ лампады написалъ послѣднюю строфу:

«Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить».

Ода была напечатана въ XIII книжкѣ Собесѣдника любителей россійскаго слова и произвела всеобщій восторгъ. Ее нѣсколько разъ перепечатывали, выучивали наизустъ, переводили на всѣ почти языки, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Въ новое время, какъ извѣстно, стали оспаривать оригинальность оды „Богъ“ и указывая на то, что въ ней есть мысли, встрѣчаемыя въ стихотвореніяхъ Юнга, Галлера и Клопштока, называли ее подражаніемъ. Но, послѣ тщательнаго изслѣдованія Грота, сличившаго оду „Богъ“ со всѣми подобными стихотвореніями, это мнѣніе оказывается совершенно несправедливымъ. „Сравненіе оды Державина, говоритъ онъ, съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это—созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разработывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться на однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того, въ частностяхъ ода „Богъ“ представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особенно нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя такъ называемыя реминисценціи, большею частію безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованіями“ (1). Сущность и достоинство произведенія заключается въ

(1) Въ примѣчаніяхъ къ одѣ «Богъ» Гротъ указалъ тѣ мѣста

основной его идеѣ, въ общемъ содержаніи, въ главныхъ мысляхъ и образахъ, а не въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отдѣльныхъ чертахъ.

Послѣ воззванія къ Богу, составляющаго первую строфу оды:

«О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества»!

Державинъ изображаетъ безконечность, всемогущество, премудрость, благость и другія свойства божественныя. Весь міръ и самъ человѣкъ являются ничтожествомъ предъ безконечнымъ совершенствомъ Божіимъ:

«Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто».

Но какъ въ каплѣ воды отражается солнце, такъ въ человѣкѣ отразился образъ Божества. Будучи образомъ Божества, человѣкъ перестаетъ быть ничтожествомъ: онъ сознаетъ свое происхожденіе отъ Бога и родство со всѣмъ божественнымъ, свое высокое положеніе въ мірѣ между другими тварями и увѣренность въ безсмертіи и загробной жизни:

«Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

ея, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліяніе другихъ поэтовъ. Сочин. Державина. I, 189—194.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое».

Глубокое лирическое одушевленіе и искренность религіознаго чувства, возвышенныя мысли и блестящія картины природы составляютъ неотъемлемое достоинство оды „Богъ".

Но высочайшимъ образцомъ духовной поэзіи во всѣ времена считались псалмы царя и пророка Давида. Всѣ поэты писали подражанія псалмамъ, заимствуя изъ нихъ мысли и образы, или же прямо дѣлая переложеніе ихъ въ стихи. Державинъ также любилъ писать такія подражанія и переложенія. Къ нимъ относятся: „Величество Божіе", стихотвореніе, заимствованное изъ 103 псалма: Благослови, душе моя, Господа; „Доказательство творческаго бытія", заимствованное изъ 18-го псалма: Небеса повѣдаютъ славу Божію; „Умиленіе", подражаніе 70-му псалму; „Благодарность", подражаніе 137 псалму: „Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ"; „Проповѣдь", подражаніе 91 псалму: Благо есть исповѣдатися Господеви; „Сѣтованіе", подражаніе 101 псалму; „Надежда на Бога", подражаніе 45 псалму: Богъ намъ прибѣжище и сила; „Громъ", стихотвореніе противъ безбожниковъ; „Желаніе въ горняя", подражаніе 83-му псалму: О коль возлюбленна селенія твоя, Боже; „Утѣшеніе добрымъ", заимствовано изъ 36 псалма: Не ревнуй лукавнующимъ; „Покаяніе", переложеніе 50 псалма: Помилуй мя, Боже; „На тщету земной славы" (1796), заимствовано изъ 48 псалма; „Властителямъ и судіямъ", заимствовано изъ 81 псалма. Послѣднее стихотвореніе (написанное въ 1780 г.), какъ извѣстно, послужило въ 1795 г. поводомъ къ

осужденію Державина въ якобинствѣ и негодованію на него Екатерины, такъ что Державинъ долженъ былъ объяснять его смыслъ и оправдывать его сочиненіе. „Проповѣдь священнаго писанія, говоритъ онъ въ своемъ объясненіи, въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали" (1). Державинъ не только не сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ, но и прямо и рѣзко осуждалъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ: „Колесница" (написан. въ 1793 г. по полученіи въ Петербургѣ извѣстія объ убійствѣ Людовика XVI) и „На панихиду Людовика XVI".—Къ религіознымъ стихотвореніямъ Державина еще относятся: „Безсмертіе души" (1785—96); „Молитва"; „Успокоенное невѣріе", внушенное Державину произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, направленными противъ вольнодумства, и „Гимнъ Богу", переводъ греческаго гимна, приписываемаго Клеанѳу. Подъ старость религіозное настроеніе у Державина получило мистическій характеръ. Такимъ характеромъ отличаются: „лироэпическій гимнъ на прогнаніе французовъ", гдѣ Наполеонъ называется люциферомъ и апокалипсическимъ звѣремъ, а императоръ Александръ—агнцемъ бѣлорунньмъ, и стихотвореніе „Христосъ", гдѣ къ Кутузову примѣнены слова пророка Даніила: „Возстанетъ Михаилъ, князь великій"....

„Фелица" и другія оды въ честь Екатерины. Въ „Памятникѣ" и піесѣ „Приношеніе Монархинѣ", составляющей дополненіе къ „Памятнику", Державинъ приписываетъ своей поэзіи значеніе потому, что, прославляя Бога и поучая царей, онъ въ ней изображаетъ дѣла Екатерины, говоритъ, что его поэзія будетъ почитаться до тѣхъ поръ и настолько, пока и насколько будутъ почитаться дѣла Екатерины.

«Всякъ бу́детъ по́мнить то́ въ наро́дахъ неисче́тныхъ,
Какъ и́зъ безвѣстности́ я тѣмъ извѣ́стенъ ста́лъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,

(1) Сочин. I. 115.

Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить» (1).

«Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить» (2).

Позднѣйшая литературная критика признала эту оцѣнку Державина своей поэзіи совершенно справедливою. Бѣлинскій говоритъ, что „поэзія Державина есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины“.—„Когда началась литературная извѣстность Державина, говоритъ Гротъ, прошло уже около 20 лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея Наказъ; учреждены были банки и воспитательные дома; присоединена Бѣлоруссія; заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи; устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную похвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое и игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить“. Идея „Фелицы“, какъ выше замѣчено, была внушена Державину сказкой Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанной въ 1780 г. Въ этой сказкѣ киргизская царевна Фелица помогаетъ царевичу Хлору отыскать розу безъ шиповъ. Державину пришло на мысль изобразить Екатерину подъ именемъ Фелицы, а себя и всѣхъ окружавшихъ ее вельможъ представить татарскими мурзами. Такъ образовалось начало или первая строфа оды:

«Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору

---

(1) Сочин. I, 785—788. (2) Сочин. I, 715—717.

Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
    Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть»...

Затѣмъ поэтъ изображаетъ качества Фелицы — Екатерины, ея простоту въ образѣ жизни, ея постоянныя занятія въ тишинѣ кабинета, удаленіе отъ всего страннаго и непохвальнаго:

«Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь».

Въ противоположность такой простой, но въ высшей степени плодотворной жизни Екатерины, Державинъ изображаетъ, описывая будто себя самого, изнѣженную и полную разныхъ причудъ и странностей, разныхъ глупостей и пороковъ жизнь ея придворныхъ вельможъ.

«А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою»...
. . . .

Далѣе обрисовываются сибаритъ и мечтатель-чудакъ князь Г. А. Потемкинъ; графъ А. Г. Орловъ, охотникъ до конскихъ скачекъ, любитель русскихъ пѣсенъ, кулачныхъ боевъ и вообще всякаго молодечества; графъ П. И. Панинъ, любитель псовой охоты; С. К. Нарышкинъ, бывшій тогда оберъ-егермейстеръ, который первый завелъ роговую музыку и любилъ съ этой музыкой кататься по Невѣ; князь Вяземскій, любившій читать сказки и романы (онъ же разумѣется подъ Брюзгой, какъ подъ Лѣнтягомъ разумѣется Потемкинъ).

Обрисовавъ въ краткихъ чертахъ роскошную, но лѣнивую и распущенную жизнь вельможъ, Державинъ изображаетъ дѣятельную жизнь Екатерины, ея любовь къ литературѣ, ея кро-

тость, человѣколюбіе, правосудіе и вообще гуманный и кроткій характеръ ея царствованія, противополагая его прежнимъ царствованіямъ Анны и Елисаветы.

«Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
. . . .
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
. . . .
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
. . . .
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прясть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить» (1).

Прочитавъ Фелицу, Екатерина послала, какъ указано выше, богатый подарокъ Державину и, принявъ его въ Зимнемъ дворцѣ, лично бесѣдовала съ нимъ. Въ благодарность за такое вниманіе Державинъ написалъ оду: „Благодарность Фелицѣ", замѣчательную поэтическими картинами природы. Онъ обѣщается въ этой одѣ воспѣвать всегда Екатерину: „Когда отъ бремя дѣлъ случится.... свободный часъ имѣть". Но, приблизивъ Державина къ императрицѣ, Фелица произвела ему много враговъ. Одни вельможи оскорбились намеками, сдѣланными на нихъ въ Фелицѣ; другіе просто завидовали возвышенію Державина; сама Екатерина говорила, что онъ ей льститъ или ужъ черезчуръ хвалитъ. Для оправданія отъ всѣхъ такихъ обвиненій Державинъ написалъ оду: „Видѣніе Мурзы" (1783 г.). Въ этомъ „Видѣніи" Екатерина представлена въ томъ видѣ, въ какомъ она была изображена на портретѣ Левицкимъ для графа Безбородко. Какъ богиня, Фелица сошла съ облаковъ и говоритъ поэту:

. . . . «Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда

(1) Соч. I, 129—149.

Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы»?

Оправдываясь отъ обвиненія въ лести, поэтъ говоритъ:

«Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
. . . .
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту!
. . . .
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ» (1).

По рѣзкости нѣкоторыхъ выходокъ противъ сильныхъ людей, „Видѣніе Мурзы" не могло быть напечатано тогда же; притомъ оно оставалось долго неоконченнымъ.

„Изображеніе Фелицы" Державинъ написалъ въ 1789 г., когда, какъ выше замѣчено, онъ находился въ удаленіи отъ двора, послѣ дѣла съ тамбовскимъ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Она на-

(1) Сочин. I, 157—168.

писана по подражанію извѣстной одѣ Ломоносова, который также въ своей одѣ подражалъ 28-й одѣ Анакреона. Анакреонъ проситъ живописца написать ему портретъ его возлюбленной; подражая ему, Ломоносовъ также проситъ живописца изобразить ему Россію, разумѣя подъ нею императрицу Елисавету. Державинъ, обращаясь къ Рафаэлю, проситъ начертать образъ богоподобной царевны Фелицы:

«Представь въ лицѣ ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердно, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей!
. . . .
Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала—
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.
«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.
«Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить:
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать.
«Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить».

Въ концѣ оды онъ представляетъ Екатерину молящеюся къ Богу:

«Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скипетръ желѣзный
Моей щедротой позлащу» ([1])!

Надежды, возбужденныя началомъ царствованія Павла I, выразились въ одахъ: „На новый годъ; Къ музѣ; На мальтійскій орденъ". Возшествіе на престолъ импер. Александра I въ 1801 г. Державинъ встрѣтилъ особенной одой: „Вѣкъ новый, царь младой, прекрасный"... ([2]). Въ слѣдующемъ году онъ, по подражанію Фелицѣ, написалъ оду „Къ царевичу Хлору", гдѣ изобразилъ новыя стремленія Александра ([3]).

Оды и другія стихотворенія Державина, изображающія главныхъ дѣятелей и сотрудниковъ Екатерины. Вмѣстѣ съ дѣлами Екатерины, Державинъ изображалъ въ своихъ стихотвореніяхъ и дѣла ея сотрудниковъ на всѣхъ поприщахъ—военномъ, гражданскомъ, просвѣтительномъ и др. Почти во все царствованіе Екатерины „раздавался громъ побѣды" и славныхъ завоеваній, вызвавшій въ Державинѣ множество торжественныхъ одъ. Изъ этихъ одъ особенно замѣчательны: ода Рѣшемыслу (Потемкину въ 1783); ода На пріобрѣтеніе Крыма (1784), написанная вскорѣ по полученіи извѣстія о заключеніи трактата по этому предмету съ Турціею ([4]); Осень во время осады Очакова (1788); Побѣдителю (1789, Потемкину); На взятіе Измаила (1790); Памятникъ герою (Репнину 1791 г.); Водопадъ (1791); Вельможа (1794 г. Румянцеву); На взятіе Варшавы (1794); На кончину графа Орлова (1796); На покореніе Дербента (1796 г. графу В. А. Зубову); На побѣды въ Италіи Суворова (1799); На переходъ Альпійскихъ горъ Суворовымъ (1799); „Снигирь" на кончину Суворова (1800). Въ нихъ изображаются Потемкинъ, Орловъ, Репнинъ, Румянцевъ, Суворовъ. Потемкинъ изображается въ одѣ: „Рѣшемыслу", одахъ на взятіе Очакова и Измаила и въ Водопадѣ. Какъ сказка о царевичѣ Хлорѣ подала мысль Державину изобразить Екатерину въ образѣ

([1]) Сочин. I, 270—299. ([2]) Тамъ же II, 355. ([3]) Тамъ же II, 405.
([4]) Тамъ же I, 181—186.

киргизской царевны, Фелицы, такъ сказка о царевичѣ Февеѣ, гдѣ подъ именемъ китайскаго воеводы, Рѣшемысла, выведенъ Потемкинъ, послужила поводомъ Державину назвать его Рѣшемысломъ. Обращаясь къ музѣ, Державинъ проситъ ее воспѣть

«Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла.
. . . .
Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшилися близъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.
А онъ хоть выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Но всюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ» (¹).

По случаю осады Очакова и взятія его 6 декабря 1788 г. Потемкинымъ Державинъ написалъ двѣ оды: „Побѣдителю" (²) и „Осень во время осады Очакова". Послѣдняя ода начинается описаніемъ осени, за которымъ слѣдуетъ превосходная картина наступленія зимы:

«Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крылѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Давнулъ—и облака разсѣлись,
Пустился дождь и восшумѣлъ.
. . . .
Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ и мразъ и иней сыплетъ
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,

(¹) Сочин. I, 170—177. (²) Тамъ же I, 231.

А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ».

Потемкинъ вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ изображается въ видѣ „россійскаго Марса“:

«Россійскій только Марсъ, Потемкинъ,
Не ужасается зимы:
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимымъ имъ, Орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнитъ луну» (1).

При штурмѣ Очакова русское войско оказало чрезвычайное мужество и храбрость; но подвиги при взятіи Измаила затмили собою славу очаковскаго штурма. Крѣпость стояла упорно и защищалась отчаянно. Вотъ въ какой страшной картинѣ описывается взятіе Измаила Суворовымъ, по приказанію Потемкина:

«Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!
. . . .
Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,
. . . .
Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвилися за облака,
. . . .»

Ни о Потемкинѣ, ни о Суворовѣ въ одѣ не говорится, но въ концѣ оды упоминается объ извѣстномъ проектѣ, главнымъ

(1) Сочин. I, 222—229.

виновникомъ и ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Россіи суждено, говоритъ поэтъ,

«Отмстить крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Афету водворить» (¹).

По случаю взятія Измаила, Потемкинъ далъ великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ (28 апрѣля 1791), описаніе котораго потомъ было сдѣлано Державинымъ. Существенную часть праздника составляли четыре хора, написанные также Державинымъ для концерта, кадрили, польскаго и балета. Одинъ изъ этихъ хоровъ получилъ особенную популярность и долго послѣ этого распѣвался по всей Россіи при разныхъ праздникахъ и торжественныхъ случаяхъ. Это извѣстный хоръ, воспѣвающій покореніе Крыма:

«Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Екатерина.
Славься, нѣжная къ намъ мать» (²)!

Но особенно хорошо изображенъ Державинымъ въ этомъ описаніи ужинъ послѣ бала въ слѣдующей картинѣ:

«Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчавна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина» (³).

Казалось, говоритъ поэтъ, вся Россія со всѣми своими богатствами, собралась на праздникъ, для угощенія своей государыни.

(¹) Сочин. I, 341—357. (²) Тамъ же I, 396. (³) Тамъ же I, 417.

Но одну изъ самыхъ оригинальныхъ одъ Державинъ написалъ на смерть Потемкина; она называется „Водопадомъ“, потому что начинается величественною картиною водопада, изображающаго жизнь человѣческую. Черты для этого водопада сняты Державинымъ съ водопада Кивачъ, видѣннаго имъ въ Олонецкой губерніи (на рѣкѣ Сунѣ, впадающей въ Онежское озеро) въ 1785 г., когда онъ былъ олонецкимъ губернаторомъ.

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ».

У водопада „на утломъ пнѣ, который свисъ съ утеса горъ на яры воды“, сидитъ престарѣлый воинъ и разсуждаетъ:

«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрипъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ»?

Самымъ поразительнымъ свидѣтельствомъ непрочности всякаго земнаго величія служитъ судьба Потемкина, который умеръ одинокимъ въ степи на дорогѣ.

«Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи;
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля; кровъ—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,

Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?
Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ:
Во храмѣ музъ другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
. . . .
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!»

Эта поразительная картина произвела въ поэтѣ глубокую скорбь, которая стихаетъ только при мысли о дѣлахъ героевъ, которыя не умираютъ:

«Героевъ нѣтъ. Но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ» (1).

Водопадъ, замѣтилъ Бѣлинскій, столько же благородный, какъ и поэтическій подвигъ. Но никто не опредѣлилъ такъ оригинально и мѣтко отличительнаго характера этой оригинальной оды, какъ Гоголь, сказавъ: „въ Водопадѣ, кажется, цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Здѣсь предъ Державинымъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримой природы; люди могучѣе намъ знакомыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь, предъ величественною жизнію, тамъ изображенною, только муравейникъ, который гдѣ-то далеко копошится

(1) Сочин. I, 457—488.

внизу" (1). Изображеніе октябрьской ночи (на 5-е октября), въ которую скончался Потемкинъ, напоминаетъ картину октябрьской ночи въ Шотландіи въ пѣсняхъ Оссіана.

Ода „Памятникъ герою" написана князю Н. В. Репнину, по случаю его блистательной побѣды надъ турками при Мачинѣ, 28 іюня 1791 г. Прославляя Репнина, Державинъ изображаетъ здѣсь идеалъ истиннаго героя:

«Прямой герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ,
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть» (2).

Ода „Вельможа" написана въ честь Румянцева. Она передѣлана изъ прежде написанной оды „На знатность" и изображаетъ свойства истиннаго величія, въ противоположность ложной знатности.

Въ одѣ „На взятіе Варшавы" (въ 1794 г.) изображены подвиги Суворова въ слѣдующихъ чертахъ:

«Пошелъ— и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ!
. . . .
Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ.
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

Ода написана подъ вліяніемъ пѣсенъ Оссіана. Подобно тому какъ Оссіанъ изображаетъ своихъ героевъ въ облакахъ, и Дер-

(1) Сочин. и письма III, 411. (2) Сочин. I, 433—434.

жавинъ говоритъ:

«И се—въ небесномъ вертоградѣ
На злачныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей,—
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ
Сидитъ и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ,
Поетъ безсмертныя дѣла» ([1]).

Точно также подъ вліяніемъ Оссіана написаны и двѣ другія оды Суворову: „На побѣды въ Италіи“ (1799 г.) и „На переходъ альпійскихъ горъ“ (1799 г.). Первая изъ нихъ начинается слѣдующими стихами:

«Ударь во сребряный, священный,
Далеко звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ восшумитъ» ([2]).

Во второй одѣ упоминается Оссіанъ, „пѣвецъ тумановъ и морей“ ([3]). Въ одѣ „Снигирь“, написанной на кончину Суворова, Державинъ кратко и мѣтко очертилъ оригинальный характеръ героя:

«Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?» ([4]).
. . . .

Не одними громкими побѣдами и завоеваніями былъ славенъ вѣкъ Екатерины; онъ столько же былъ славенъ дѣлами просвѣщенія. Бецкій, Строгановъ и Безбородко были такими же славными меценатами науки и искусства въ Екатерининскую эпоху, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую. Впрочемъ, Шуваловъ хотя съ начала царствованія Екатерины долго жилъ за границей и по возвращеніи оттуда въ 1777 г. не имѣлъ прежняго значенія, однакожъ до конца своей продолжительной жизни былъ другомъ просвѣщенія. Державинъ, воспитанный въ казанской гимназіи въ то время, какъ Шуваловъ былъ ея кураторомъ, считалъ его своимъ благодѣтелемъ. На возвращеніе его изъ-за границы онъ написалъ эпи-

([1]) Сочин. I, 636—650. ([2]) Тамъ же II, 270—275.
([3]) Тамъ же II, 287. ([4]) Тамъ же II, 344—348.

столу. По случаю выздоровленія его отъ сильной болѣзни въ 1781 г. онъ написалъ оду, въ которой прославлялъ его за покровительство наукамъ:

«Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь ввѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна Музами она!
Безсмертны Музами Периклы,
И меценаты ввѣкъ живутъ:
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Иліадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ;
Равно безсмертенъ въ Петріадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ» (1).

Когда Шуваловъ умеръ въ 1797 г., Державинъ написалъ стихотвореніе „Урна", въ которомъ представляетъ, какъ „въ лазурныхъ высотахъ полки блаженныхъ душъ", встрѣчая душу мецената, прославляютъ его заслуги просвѣщенію.

Подобно Шувалову, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ отличался любовію къ наукамъ и искусствамъ и также заслужилъ названіе русскаго мецената. Въ домѣ его, открытомъ для всѣхъ писателей, была картинная галлерея. Въ саду его загородной дачи была устроена библіотека; всѣ посѣтители сада имѣли право пользоваться ею. При импер. Павлѣ онъ былъ назначенъ президентомъ академіи художествъ. Покровительство Строганова наукамъ и искусствамъ Державинъ изобразилъ въ одѣ „Любителю Художествъ":

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славѣ ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ природы
Искусствомъ могутъ подражать,
Какъ пчелы, медъ съ цвѣтовъ сбирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,

(1) Сочин. I, 120—125.

Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградитъ его обратно
Онѣ безсмертіемъ своимъ» (¹).

Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795) въ теченіе всего царствованія Екатерины былъ главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ. По его идеѣ и плану, какъ выше указано, были устроены воспитательные и сиротскіе дома въ Москвѣ и Петербургѣ; онъ былъ шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и президентомъ академіи художествъ. Державинъ изобразилъ его благотворную дѣятельность въ одѣ „На кончину благотворителя".

«Воззримъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!
Но коль живые монументы,
Красвѣйши памятниковъ сихъ,
Которыхъ сгладить элементы
Не могутъ дланью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ человѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ,
Ты сколько обязалъ сердецъ!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

. . . .

Лучъ милости былъ, Бецкой, ты!
Кто въ брайяхъ лилъ потоки крови,
Кто грады въ прахъ преобращалъ,—
Ты, милосердья полнъ, любови,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ,—ты устранялся;
Кто богатѣлъ,—ты ущедрялся;
Кто расточалъ,—ты жизнь берегъ;
Кто для себя,—ты жилъ для всѣхъ.

. . . .

Почій покойно, персть почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
«О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ» (²).

(¹) Сочин. I, 369. (²) Тамъ же I, 701—708.

Въ ряду стихотвореній, прославляющихъ сподвижниковъ Екатерины, замѣчательны еще піеса „Монументъ Милосердію" (1805), написанная на память генералъ-майора Наумова, который посовѣтовалъ Екатеринѣ отмѣнить пытки ([1]).

Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы. Фортуна была главнымъ божествомъ, которому покланялись и служили образованные люди всѣхъ классовъ второй половины XVIII в. Стремленія ухватиться за ея колесо и подняться, сколько возможно, выше, добиться крупнаго чина, высокаго и богатаго положенія, которое давало бы возможность проводить все время въ пирахъ и наслажденіяхъ, и удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ, были главными стремленіями, для которыхъ жертвовали всѣми высшими, умственными и нравственными интересами. Общую характеристику этой эпохи Державинъ сдѣлалъ въ одѣ „На счастіе", составляющей по формѣ подражаніе частію одѣ Горація Ad fortunam, частію одѣ Жанъ-Батиста Руссо A la fortune, но по содержанію отличающейся глубокою національностію. Обращаясь здѣсь къ богинѣ счастія, онъ говоритъ, что взываетъ къ ней во дни ея полнаго и всесильнаго господства,

«Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;
Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари;
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари» ([2]).

Сама Екатерина любила жить широко, весело и свободно. Любимымъ ея изреченіемъ было: „Живи и жить давай другимъ".

([1]) Сочин. II, 521. ([2]) I, 243—249.

Но широкая и роскошная жизнь не только не давала жить другимъ, но и неизбѣжно происходила на счетъ другихъ, сопровождалась притѣсненіями и раззореніями слабыхъ и бѣдныхъ со стороны сильныхъ и богатыхъ. Поэтому Державинъ въ посланіи къ Л. А. Нарышкину „На рожденіе царицы Гремиславы" т. е. Екатерины говоритъ:

«Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ» (1).

Пышной придворной жизни подражалъ каждый богатый и знатный вельможа, который въ столицѣ или въ своемъ помѣстьѣ устроивалъ своего рода дворецъ, окружалъ его всѣмъ великолѣпіемъ и роскошью, заводилъ театръ, хоры пѣвчихъ, устраивалъ праздники и пиры. Пріемамъ и церемоніямъ столичныхъ властей подражали намѣстники и губернаторы въ провинціяхъ, а намѣстникамъ и губернаторамъ другія власти. Особенно и въ столицѣ и въ провинціяхъ богатые и знатные люди любили щеголять гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. О Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ разсказываютъ, что каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ ему и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. „Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара, обѣдаетъ ли Л. А. дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему... Ежедневно столъ накрывался на 50 и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ". Тоже самое разсказываютъ и о графѣ А. С. Строгановѣ. Любили задавать роскошные пиры и угощенія князь Мещерскій и другъ его Перфильевъ, графъ Безбородко и др. (2). Картины этой жизни нарисованы во многихъ стихотвореніяхъ, но преимущественно въ одахъ: „На счастье", „На знатность", „Вельможа", „Приглашеніе къ обѣду", „Къ пер-

(1) Сочин. I, 729. (2) Тамъ же I, 730—732, примѣч.

вому и второму сосѣду". Вотъ одна изъ такихъ картинъ въ одѣ „Вельможа".

«А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ» (1)?

Въ противоположность такой изнѣженной, роскошной и суетливой жизни, посреди праздниковъ, пировъ, обѣдовъ и ужиновъ, Державинъ рисуетъ плѣнительный идеалъ благочестивой семейной жизни въ одѣ „Счастливое семейство", составляющей подражаніе 127 псалму.

«Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствіѣ поживетъ.
Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами—жена.
Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ» (2).

(1) Сочин. I, 629—630. (2) Тамъ же I, 107—108.

Въ одѣ „Похвала сельской жизни", по подражанію Горацію, онъ рисуетъ идеалъ простой семейной жизни (1), или въ одѣ „На умѣренность", идеалъ вообще скромной умѣренности и золотой средины во всякомъ состояніи:

«Завидень тотъ лишь состояньемъ,
Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхищенъ мечтаньемъ,
Ни тмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ;
Собрать не алчетъ милліоновъ,
Не скалится на жирный столъ,
Не требуетъ ни чьихъ поклоновъ
И не лощитъ ни чей самъ полъ;
Не вьется въ душу къ царску другу,
Не ловитъ таинствъ и не льститъ,
Готовъ на трудъ и на услугу
И добродѣтель токмо чтитъ.
Хотя и царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ» (2).

Но чаще всего Державинъ, при изображеніи современной жизни, любилъ указывать на тлѣнность земныхъ благъ, на скоропреходимость и обманъ земныхъ наслажденій и удовольствій, на краткость жизни и неизбѣжность смерти, вообще отъ временнаго и тлѣннаго міра переносить мысль современниковъ къ вѣчной жизни, указывая, что̀ можетъ приготовить человѣка къ этой жизни. Мы видѣли, какую поразительную картину противоположности между великолѣпіемъ и пышностію человѣка при жизни, и его бѣдностію и ничтожествомъ по смерти онъ нарисовалъ въ Водопадѣ, по случаю внезапной смерти Потемкина.

«Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое....
Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ» (3).

(1) Сочин. II, 165—171. (2) Тамъ же I, 489—499.
(3) Тамъ же I, 482—483.

Въ одѣ на смерть князя Мещерскаго, который любилъ давать роскошные пиры и скончался также неожиданно, онъ говоритъ:

«Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?

. . . .

Утѣхи радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стои́тъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...,
Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точитъ лезвее косы» (1).

Нажившій огромное состояніе, управитель Потемкина, Гарновскій, подлѣ дома Державина, построилъ великолѣпный домъ, похожій на дворецъ. Державинъ, въ одѣ „Ко второму сосѣду", указываетъ ему на непрочность земнаго счастья и человѣческихъ замысловъ.

«Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ.

. . . .

Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отверстъ и бѣднымъ,
И царь и рабъ въ него придетъ;
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ?

. . . .

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они, подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.

(1) Сочин. I, 87—94.

Зри, хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ!» (1).

Изображая непрочность всего пышнаго, шумнаго, Державинъ указываетъ на то, что составляетъ прочную славу человѣка, на тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, возвышаютъ человѣка, и рисуетъ идеалъ истиннаго величія и достоинства человѣческаго. Изображая въ указанной выше одѣ „Памятникъ герою" достоинства князя Репнина, онъ рисуетъ образъ истиннаго героя вообще, на какомъ бы поприщѣ онъ ни дѣйствовалъ:

«Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его царь—долгъ, его богъ—правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою» (2).

Въ одѣ „Вельможа", въ противоположность гордости, чванству, лѣности, изнѣженности вельможъ, онъ рисуетъ идеалъ истиннаго величія и истинной знатности:

«Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

. . . .

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

. . . .

Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;

(1) Сочин. I, 440—443. (2) I, 434.

Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.
Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь» (¹).

Отъ этого идеала истинной знатности поэтъ обращается къ современнымъ вельможамъ и изображаетъ ихъ гордость, чванство, лѣность, изнѣженную и распущенную жизнь, ихъ жестокость и грубость къ окружающимъ ихъ людямъ. Вельможѣ, который нѣжится на постели, онъ говоритъ:

«А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!
А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.
А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ—гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами» (²).

(¹) Сочин. I, 622. (²) Тамъ же I, 630—632.

Такимъ образомъ, какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ въ обществѣ, какого бы чина, званія и состоянія ни былъ, онъ прежде всего долженъ быть истиннымъ человѣкомъ, всегда и вездѣ блюсти человѣческое достоинство и быть поборникомъ истины и правды. Въ піесѣ „На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока“ (1779 г.), т. е. в. к. Александра Павловича, онъ говоритъ:

«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!» (1)

По случаю введенія въ сенатъ Александра Павловича въ 1799 г. онъ переложилъ въ стихи 71 псаломъ: Боже, судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву (2).... Идея правды— основная идея, которую Державинъ постоянно проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ и которой онъ хотѣлъ слѣдовать въ своей жизни. Въ піесѣ „Мой истуканъ“, перебирая разные роды славы, онъ отказывается отъ всякой громкой славы и говоритъ:

«Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной» (3).

Посланія Державина. Почти всѣ оды Державина имѣютъ дидактическій или поучительный характеръ. Изображаемыя въ нихъ лица и событія служатъ часто только внѣшнимъ поводомъ къ развитію разныхъ философскихъ и нравственныхъ истинъ. Поэтому большую часть его одъ и называли въ реторикахъ нравствеино-философскими, или дидактическими. Но особенно такимъ характеромъ отличаются его посланія къ разнымъ лицамъ. Таковы посланія къ Шувалову, Нарышкину, Храповицкому, Капнисту, Львову, Тончію, Оленину, преосв. Евгенію, атаману Платову. Кромѣ характеристики тѣхъ лицъ, къ которымъ они написаны, и общаго настроенія той эпохи, они содержатъ въ себѣ и много чертъ для характеристики самого Державина.

---

(1) Сочин. I, 84. (2) II, 311—315. (3) I, 611—612.

Анакреонтическія стихотворенія. Особый большой отдѣлъ составляютъ такъ называемыя анакреонтическія стихотворенія Державина. Державинъ самъ не зналъ древнихъ языковъ; какъ Горацію въ одахъ и посланіяхъ онъ подражалъ по переводамъ Капниста, такъ и съ пѣснями Анакреона онъ познакомился по переводамъ и изданіямъ Львова, Эмина и Мартынова. Впрочемъ подъ анакреонтическими стихотвореніями у Державина разумѣются не тѣ только, которыя внушены Анакреономъ, или составляютъ подражаніе пѣснямъ Анакреона, или пѣснямъ другихъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ, написаннымъ по подражанію Анакреону, но стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія, веселаго и легкаго и преимущественно эротическаго характера. Между ними помѣщались подражанія Пѣсни пѣсней Соломона, Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ и народнымъ пѣснямъ. Во всѣхъ такихъ стихотвореніяхъ господствуетъ эпикурейскій взглядъ на жизнь, который былъ преобладающимъ въ тогдашнемъ богатомъ и знатномъ обществѣ и противъ котораго въ другихъ стихотвореніяхъ, какъ мы видѣли, сильно возставалъ самъ Державинъ. Полнѣе, чѣмъ въ другихъ, этотъ взглядъ выраженъ въ піесѣ „Аристиппова баня“, гдѣ рисуется идеалъ счастливаго человѣка, полагающаго высшее благо въ пріятностяхъ жизни:

«Жизнь мудраго—жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ (1) и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно,
Жить съ беззаконными законно,
Чтить доблесть, не любить порокъ,
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ»!

Многія изъ анакреонтическихъ стихотвореній отличаются легкостію стиха и простымъ, отчасти народнымъ языкомъ; но въ нѣкоторыхъ содержаніе слишкомъ тривіально, легкомысленно и даже имѣетъ циническій характеръ. Какъ на лучшія изъ множества можно указать на слѣдующія: „Горячій ключъ“, „Геркулесъ“, „Стрѣлокъ“, „Птицеловъ“, „Мальчикъ“, „Разлука“, „Хариты“, „Пчелка“, „Цѣпи“, „Рожденіе красоты“, „Кружка“, „Русскія дѣвушки“. По замѣчанію Бѣлинскаго, Державинъ является въ нихъ

(1) Сочин. III, 86—87. По первоначальной редакціи стиха въ рукописи: Не вѣшать рукъ...

тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ, человѣкомъ, одареннымъ большими поэтическими силами, но не умѣвшимъ управляться съ ними, по недостатку вкуса и художественнаго такта. Указавъ на лучшую піесу „Рожденіе красоты", замѣчательную по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами, онъ прибавляетъ: „Вотъ ужъ подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго самороднаго золота. И таковы-то всѣ анакреонтическія сочиненія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ" (¹). Какъ выраженіе современнаго веселаго взгляда на жизнь и вообще того легкомысленнаго эпикурейскаго вѣка, они приходились по вкусу современникамъ и весьма нравились. Нѣкоторыя изъ нихъ были положены на музыку и распѣвались не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ вѣкѣ; таковы піесы: „Кружка" (Краса пирующихъ друзей, забавъ и радостей подружка), „Стрѣлокъ" (Я охотникъ былъ измлада за дичиною гулять), „Пчелка" (Пчелка златая, что ты жужжишь), „Малороссійская пѣсня" (На бережку у станка, на дощечкѣ у млинка). Изъ анакреонтическихъ піесъ съ русскимъ народнымъ содержаніемъ рѣзко отличается піеса „Русскія дѣвушки", замѣчательная по граціозному описанію русской пляски:

«Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка» (²).
. . . .

Драматическія сочиненія Державина. Талантъ Державина былъ лирическій и главными формами его поэзіи были ода и посланіе; но онъ писалъ и въ другихъ родахъ. Выше замѣчено, что онъ дѣлалъ попытки написать эпическую поэму въ честь Михельсона и поэму „Пожарскій"; писалъ басни, эпиграммы, сатирическія стихотворенія; но особенно много написалъ драматическихъ сочиненій. Первыми опытами его въ этомъ родѣ были прологи, написанные во время губернаторства въ Тамбовѣ (Торжество восшествія импер. Екатерины II; Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища). Въ 1790-хъ годахъ онъ написалъ оперу „Батмендій"; въ 1804 г. оперу „Добрыня"; въ 1806 г. ироическое представленіе „Пожарскій"; въ слѣдующемъ— трагедію „Иродъ и Маріамна". Съ тѣхъ поръ, въ послѣдніе 10 лѣтъ

(¹) Сочин. Бѣлинскаго IV, 469—471. (²) Сочин. Державина II, 245.

жизни, онъ не переставалъ сочинять и переводить трагедіи, оперы, комедіи. Изъ нихъ извѣстны трагедіи: „Темный", „Евпраксія", опера „Грозный, или покореніе Казани"; „Аталибо или разрушеніе перуанской имперіи", трагедія съ хорами; опера „Рудокопы"; „Дурочка умнѣе умныхъ", комическая народная опера. Драматическаго дарованія у Державина не было. Піесы имѣютъ только форму драматическую; дѣйствующія лица ведутъ разговоры; но эти разговоры не имѣютъ драматическаго характера; это тѣ же пѣсни, думы, размышленія, изъ коихъ состоятъ его оды и посланія. Въ этомъ лирическомъ родѣ въ нихъ не рѣдко попадаются сильные стихи и мѣткіе поэтическіе образы. Онѣ интересны, какъ выраженіе міросозерцанія поэта и въ частности его взглядовъ на значеніе и характеръ драматическихъ произведеній. Драматическую форму, и особенно форму оперы, которая была тогда въ модѣ, Державинъ считалъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы дѣйствовать на общество въ воспитательномъ смыслѣ. „Она, мнѣ кажется, замѣчено въ его разсужденіи „о лирической поэзіи", перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое царство поэзіи; касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была греческая трагедія? Извѣстно, что въ Аѳинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія.... Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія и сильныя оды, препровожденныя арфою въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ оперѣ на театрѣ".

Въ предисловіи къ трагедіи „Темный" Державинъ говоритъ: „Напоминать исторію, а особливо отечественную, думаю, не безполезно. Выводить изъ ея мрака на зрѣлище порокъ и добродѣтель — первый для возбужденія ужаса и отвращенія отъ него; а вторую для подражанія ей и состраданія о ея злополучіяхъ,— главная, кажется, обязанность драматическихъ писателей. Забавы однѣ, а паче примѣры развратовъ не достойны Мельпомены" [1]. Подобнымъ образомъ, въ предисловіи къ трагедіи „Пожарскій", онъ говоритъ... „Когда Пожарскій, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска.... не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ се на наслѣдника по крови царской, учредя монархическое правленіе: то

(1) Сочин. IV, 383.

не былъ ли онъ герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало исторія представляетъ и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ никто великимъ почитаться не можетъ“ (¹). Содержаніе трагедіи „Евпраксія“ взято изъ исторіи татарскаго нашествія во время Батыя и относится къ 1237 г.. Евпраксія—супруга князя Ѳеодора Рязанскаго, умерщвленнаго Батыемъ за то, что онъ на предложеніе Батыя: отдать ему жену, Евпраксію, отвѣчалъ: „побѣди прежде Россію, умертви всѣхъ насъ, и тогда возьмешь женъ нашихъ“. Узнавъ о смерти супруга, Евпраксія бросилась изъ окна терема, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, младенцемъ Іоанномъ, чтобы не достаться живою въ плѣнъ Батыю. „Зрѣлищемъ симъ, говоритъ Державинъ въ предисловіи къ этой трагедіи, желалъ я напомянуть доблесть и непорочность нравовъ предковъ нашихъ обоего пола. Ежели они и были побѣждены, то не инымъ чѣмъ, какъ своимъ несогласіемъ. Поучительный примѣръ для потомства! Но поелику не измѣнили они ни вѣрѣ, ни отечеству, то симъ бѣдствіемъ своимъ дали намъ образъ, достойный подражанія.... Но если бы предки наши отступились отъ вѣры, охладѣли въ любви къ отечеству и вѣрности къ государямъ, тогда уже Россія давно бы не была Россіею“ (²).

Произведенія въ народномъ духѣ. Такимъ образомъ, Державинъ хотѣлъ придать драмѣ такое же высокое воспитательное и образовательное значеніе, какое она имѣла у грековъ, а для этого требовалъ, чтобы она, подобно греческой трагедіи, имѣла національное содержаніе; сюжеты свои заимствовала изъ народной исторіи и народной поэзіи. Державинъ былъ глубокимъ патріотомъ, и народный элементъ въ поэзіи всегда признавалъ самымъ важнымъ и существеннымъ элементомъ и употреблялъ его въ своихъ произведеніяхъ особенно въ послѣдній періодъ своей поэтической дѣятельности. Изданіе Ключаревымъ въ 1804 г. древнихъ былинъ возбудило въ немъ желаніе написать „театральное представленіе Добрыня“. Четвертое дѣйствіе этого представленія начинается извѣстнымъ хоромъ дѣвушекъ:

«Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ....» (³)
. . . .

(¹) Сочин. IV, 131—132. (²) Тамъ же IV, 297—298.
(³) Тамъ же IV, 98.

Въ 1807 г. онъ написалъ характерное произведеніе „Крестьянскій праздникъ“ (1). Въ 1812 г. онъ составилъ, подражая балладамъ Жуковскаго, Людмилѣ и Свѣтланѣ, родъ баллады „Царь-дѣвица“, совокупивъ въ этой сказочной личности черты характера и образа жизни императрицы Елисаветы Петровны. Піеса начинается граціознымъ описаніемъ „Царь-дѣвицы“:

«Ца́рь жила́-была́ дѣви́ца,
Ше́пчетъ ру́сска стари́на:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна» (2).
. . . .

Въ 1813 г. Державинъ написалъ піесу „Новгородскій волхвъ Злогоръ“, содержаніе которой заимствовано также изъ народной поэзіи и народныхъ преданій. Къ сожалѣнію, разработка народной поэзіи и вообще народной старины тогда только еще начиналась и взглядъ на нихъ еще не установился. Сознавали важность народной поэзіи, но еще не понимали, въ чемъ заключается ея надлежащее достоинство. Признавали народный элементъ необходимымъ элементомъ литературы, но еще не знали, въ какомъ видѣ онъ долженъ въ ней употребляться. Еще продолжалъ господствовать пуристическій взглядъ, перешедшій изъ французской литературы, что народныя произведенія въ чистомъ своемъ необработанномъ видѣ не могутъ явиться въ литературѣ образованной, что они должны быть очищены и измѣнены, согласно съ образованнымъ вкусомъ. Поэтому, къ народнымъ былинамъ Ключарева Державинъ отнесся неодобрительно. Его непріятно поразилъ въ нихъ „гигантескъ, богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ выраженіяхъ безъ всякаго вкуса, что они выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая“ (3). Въ своихъ, указанныхъ выше, піесахъ изъ народной старины, Державинъ измѣняетъ народныя сказанія или смѣшиваетъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями. У него богатырь Добрыня изображается въ видѣ рыцаря; даже на самой сценѣ принимаетъ рыцарское посвященіе. Героиня піесы Прелѣпа, по примѣру французской комедіи, имѣетъ наперсницу Способу, за которой ухаживаетъ плутоватый слуга, Торопъ (4).

---

(1) Сочин. III, 398. (2) Тамъ же III, 122—130. (3) Тамъ же VII, 607.
(4) Тамъ же IV, 47—128.

Въ піесѣ „Волхвъ Злогоръ“, рядомъ съ славянскими Велесомъ и Баяномъ, являются скандинавскіе Одинъ и Скальдъ. Впрочемъ, народность Державина выражается не въ томъ только, что онъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ народной поэзіи, но во всемъ его міросозерцаніи, которое сложилось подъ вліяніемъ народной жизни и народной поэзіи. Во всѣхъ произведеніяхъ, не только шуточныхъ, но и серьезныхъ одахъ, постоянно встрѣчаются сцены, образы и выраженія, взятыя изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ и сказокъ, напр. въ одахъ Фелица, На счастіе, Вельможа, Похвала сельской жизни, Кружка, Хоръ русскихъ дѣвушекъ. Лучшимъ стихотвореніемъ въ народномъ духѣ надобно признать піесу „Атаману и войску Донскому на подвиги Платова въ 1807 г.“ по чисто народному тону, складу и языку ([1]).

Дѣлая обзоръ сочиненій Державина, мы указывали на хорошія и слабыя ихъ стороны. Въ заключеніе укажемъ еще вообще на достоинство его поэзіи и значеніе всей его авторской дѣятельности въ исторіи русскаго образованія и русской литературы. При этомъ мы не можемъ оставить безъ вниманія извѣстный отзывъ Пушкина, какой онъ сдѣлалъ въ 1825 г. въ одномъ письмѣ къ Дельвигу. „По твоемъ отъѣздѣ, говоритъ онъ здѣсь, перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія.

([1]) О языкѣ и слогѣ въ сочиненіяхъ Державина смотр. отдѣльное изслѣдованіе Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина стр. 333—444. «При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина, говоритъ Гротъ, сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія.... Не успѣвъ пріобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ, и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если-бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ, при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи. Еще при первомъ появленіи стиховъ Державина, Дмитріевъ, не зная, кто ихъ авторъ, былъ пораженъ его «благородною смѣлостью и рѣзкостью въ выраженіяхъ».... Затѣмъ въ изслѣдованіи Грота указаны всѣ отличительныя свойства и народныя черты въ языкѣ и слогѣ Державина и наконецъ приложенъ «Словарь словъ и выраженій къ стихотвореніямъ Державина».

Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ)"... ([1]). Этотъ отзывъ, касающійся главнымъ образомъ внѣшней художественной стороны стихотвореній Державина, рѣзокъ и преувеличенъ, но очень характеренъ. Пушкинъ осуждаетъ внѣшнюю форму стихотвореній Державина, но восхищается достоинствомъ ихъ содержанія. Дѣйствительно, у Державина былъ могучій талантъ, но онъ не получилъ ни научнаго, ни художественнаго образованія: это былъ самоучка и самородокъ, поражающій блескомъ, цѣнностію своей природы и грубостію внѣшней формы. Отсюда въ его сочиненіяхъ совершенно объясняются невыдержанность, даже противорѣчіе и постоянное смѣшеніе высокаго и превосходнаго не только съ посредственнымъ, но и дурнымъ. Природное чутье часто помогало Державину глубоко проникать въ сущность вещей, это были откровенія генія; но недостатокъ образованія былъ причиною того, что онъ не могъ иногда разобраться въ разныхъ недоумѣніяхъ и впадалъ въ противорѣчія. Глубоко религіозный и вѣрующій человѣкъ, онъ иногда невѣдомо для себя высказывалъ скептическія мысли (наприм. въ одѣ на смерть князя Мещерскаго); строгій моралистъ, онъ рисовалъ часто эпикурейскія картины жизни. Особенно поражаетъ въ сочиненіяхъ Державина невыдержанность языка и слога. Подлѣ величественныхъ образовъ встрѣчаются картины вульгарныя, рядомъ съ пластическими выраженіями, плавными, мягкими и звучными стихами, тяжелыя, запутанныя и неуклюжія выраженія. Всего же рѣзче обнаруживается въ сочиненіяхъ Державина наклонность къ гиперболизму, къ преувеличеніямъ; его изображенія часто до того преувеличены, что теряютъ всякую мѣру дѣйствительности и переходятъ въ область невѣроятнаго, небывалаго, сказочнаго. Таково напр. въ одѣ „На взятіе Варшавы" изображеніе подвиговъ Суворова:

«Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ»....

([1]) Соврем. 1863 г. XCVII, 371: Гаевскаго. Пушкинъ въ лицеѣ.

Часто также встрѣчаются картины грубоватыя и мѣста слишкомъ растянутыя. Но эти недостатки художественной стороны, бросая такую сильную тѣнь на сочиненія Державина, не уничтожаютъ однакожъ высокихъ достоинствъ содержанія его поэзіи. Державинъ является въ своихъ сочиненіяхъ съ одной стороны проповѣдникомъ высшихъ общечеловѣческихъ идей, каковы идеи Бога, безсмертія души, идеи правды, закона и долга, а съ другой—выразителемъ внѣшней силы и внутренняго величія Россіи въ царствованіе Екатерины. „Какъ ни полонъ онъ противорѣчіями, говоритъ Гротъ, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго кореннаго русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву.... Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было еще одно замѣчательное свойство: это какая-то насмѣшливость, или, какъ ее тогда называли, какая-то издѣвка, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалъ онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться (брякнуть въ слухъ) какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины. Этимъ Державинъ особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія.... Но что еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій, нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставлять предъ своими согражданами.... Силою своего пламеннаго воображенія, своей здравой мысли и рѣзкаго слова, онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина. Не смотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія“ (1).

Около Державина, какъ мы видѣли, постоянно сосредоточивался большой кружокъ поэтовъ и писателей. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Херасковъ, были старше его лѣтами и раньше его выступили на литературное поприще, другіе же были большею

---

(1) Жизнь Державина Грота, стр. 1022—1043.

частію его современниками и вмѣстѣ съ нимъ прославляли Екатерину и ея сотрудниковъ. Таковы были Костровъ, Капнистъ, Петровъ, Богдановичъ, Майковъ, Княжнинъ и др.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (ум. 1796 г.) происходилъ изъ крестьянъ вятской губерніи, учился въ вятской семинаріи, московской академіи и московскомъ университетѣ ([1]). Онъ еще раньше Державина началъ писать оды и подражалъ въ нихъ Ломоносову; но когда явилась Фелица, онъ понялъ, что время высокой и торжественной оды прошло и, отнесясь къ ней сатирически, призналъ законность направленія Державина. Обращаясь къ Державину, Костровъ говорилъ:

«Скажи пожалуй, какъ безъ лиры, безъ скрипицы,
И не сѣдлавъ при томъ парнасска бѣгунца,
Воспѣлъ ты сладостно дѣянія Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?
. . . .
Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.
Обрѣлъ и въ бѣгъ по немъ пускаешься удачно;
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ,
Тебѣ явилось все какъ будто поле злачно,
Нигдѣ кафтаномъ ты за тернъ не зацѣпилъ.
Царевнѣ похвалы вѣщая,
Пашей затѣи исчисляя,
Ты на гудкѣ гулилъ...
. . . .
Нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Летя съ высотъ, и рукъ и ногъ не изломать
. . . .
Признаться видно, что изъ моды
Ужъ вывелись парящи оды.
Ты простотой умѣлъ себя средь насъ вознесть» ([2]).

Кромѣ одъ въ похвалу Екатерины, изъ которыхъ лучшею надо признать оду На открытіе губерніи въ Москвѣ въ 1782 г., Костровъ написалъ оды въ честь Шувалова, Суворова (на взятіе

([1]) Сочиненія Кострова и Аблесимова. Изд. Смирдина 1849 г. О сочиненіяхъ Кострова и Аблесимова, Галахова въ Отеч. Зап. 1851, № 9. Жизнь и литературная дѣятельность Е. И. Кострова, П. О. Морозова. Филол. Зап. 1875 г. Вып. III и VI; 1876 г. Вып. II и III.

([2]) Сочин. 107—109.

Измаила), митр. Платона, графа А. Гр. Орлова; но всѣ эти оды не интересны и не имѣютъ художественнаго значенія. Гораздо важнѣе переводы Кострова: Девять пѣсенъ Иліады (конецъ 9-й пѣсни и слѣдующія не отысканы) александрійскими стихами; Превращеніе, или Золотой оселъ Апулея; Пѣсни Оссіана, сына Фингалова, барда III в.

Василій Петровичъ Петровъ [1] (ум. 1800 г.) изъ московскихъ духовныхъ, воспитывался въ московской академіи и потомъ былъ здѣсь учителемъ. Благодаря знакомству съ Потемкинымъ, онъ получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца при Екатеринѣ. Для окончательнаго образованія онъ былъ отправленъ на пять лѣтъ въ Англію, по возвращеніи откуда былъ сдѣланъ придворнымъ библіотекаремъ. Ода „На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ при Чесмѣ въ 1770 г.“ прославила его, какъ поэта, но другія его оды На взятіе Очакова въ 1788 г., На взятіе Измаила въ 1790 г., Плачъ на кончину Потемкина, На коронацію импер. Павла I не пользовались особеннымъ уваженіемъ у современной критики. Въ „Опытѣ истор. словаря“ о сочиненіяхъ Петрова было сказано: „Въ сочиненіяхъ своихъ Петровъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова), и хотя нѣкоторые и называютъ его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ, и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. Болѣе интересны нѣкоторыя посланія и сатиры Петрова, написанныя уже подъ вліяніемъ англійскихъ писателей и особенно Адиссона. Пятилѣтнее пребываніе Петрова въ Англіи познакомило его съ англійской литературой; онъ хорошо изучилъ англійскій языкъ, такъ что могъ перевести поэму Мильтона „Потерянный рай“. Въ Русской Старинѣ за 1878 г. напечатано еще сатирическое стихотвореніе Петрова: „Приключеніе Густава, короля Шведскаго“, написанное по случаю войны со шведами въ 1788 г.

Василій Васильевичъ Капнистъ (1757—1823) извѣстенъ въ исторіи литературы главнымъ образомъ какъ авторъ знаменитой въ свое время комедіи „Ябеда“. Онъ былъ, какъ выше указано, другомъ Державина и подобно ему писалъ при Екате-

---

[1] В. П. Петровъ, карманный стихотворецъ Екатерины II. И. Я. Шляпкина. Истор. Вѣст. 1885; ноябрь.

ринѣ оды, сатиры и эпиграммы. Изъ одъ его болѣе другихъ извѣстны были: ода по случаю Кайнарджійскаго мира съ турками въ 1774 г.; ода на уничтоженіе въ Россіи Екатериною званія раба въ 1786 г. Капнистъ былъ знакомъ съ римскою литературою, особенно любилъ Горація и въ подражаніе ему и Анакреону писалъ гораціанскія и анакреонтическія стихотворенія.

„Ябеда“ Капниста. Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію „Ябеды“ послужила для Капниста его личная тяжба съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Тарновскимъ ([1]). Важность содержанія, касающагося самыхъ вредныхъ и въ тоже время самыхъ распространенныхъ во всемъ обществѣ пороковъ, ябеды и взяточничества, и рѣзкое изображеніе этихъ пороковъ поставили эту комедію въ разрядъ такъ называемыхъ общественныхъ комедій, изображающихъ общественныя язвы, каковы Недоросль Фонъ-Визина, Горе отъ ума Грибоѣдова и Ревизоръ Гоголя. Вотъ ея содержаніе. Злой сутяга и ябедникъ Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у честнаго помѣщика, Прямикова. Прямиковъ является въ гражданскую палату искать противъ него защиты. Но повытчикъ палаты Добровъ не подаетъ ему никакой надежды на хорошій исходъ дѣла во 1-хъ потому, что Праволовъ извѣстный и опытный во всѣхъ черныхъ дѣлахъ сутяга, а во 2-хъ потому, что всѣ члены гражданской палаты страшные взяточники. Вотъ какъ онъ характеризуетъ всѣхъ ихъ. О Праволовѣ онъ говоритъ:

«Онъ ябедникъ: вотъ всё ужъ этимъ вамъ сказали,
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ гражданской ужъ давно веду я протоколы;
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
. . . .
Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестіорку проиграть, четвіорку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло».

([1]) Жизнь Державина. Я. К. Грота, стр. 278.

О предсѣдателѣ палаты, Кривосудовѣ, Добровъ говоритъ:

«Извольте-жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель;
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ;
(Показывая, будто считаетъ деньги)
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо, предъ нею нѣтъ чужаго;
И только что твердитъ: даянье всяко благо.....
А прокуроръ? Ужъ-ли и онъ...
О! Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ даліоко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздной въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.
А о секретарѣ?...
Дуракъ, кто слово тратитъ,
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцовъ пять своихъ.
Екстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,
Иль стибрить документъ, его все это дѣло».

Чтобы не проиграть дѣла, Добровъ совѣтуетъ Прямикову задарить всѣхъ членовъ палаты и на слова Прямикова, что его правое дѣло защититъ законъ, замѣчаетъ:

«Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты» [1].

Но Праволовъ уже успѣлъ сдѣлать то, что совѣтовалъ Прямикову Добровъ. Воспользовавшись именинами жены предсѣдателя Кривосудова, онъ отправилъ къ нему множество разныхъ подарковъ, винъ, припасовъ, матерій на платье и наконецъ далъ ему

[1] Ябеда. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798. Стр. 1—10.

денегъ 3000 рублей на покупку имѣнія. Послалъ также подарки и другимъ членамъ палаты. На именинномъ праздникѣ у Кривосудова и обнаруживается вся безсовѣстность, низость и подлость этихъ продажныхъ представителей правосудія и предателей закона, когда они, задаренные и подгулявшіе, сговариваются рѣшить дѣло Прямикова въ пользу Праволова. Пиръ оканчивается карточной игрой, во время которой прокуроръ Хватайко, по просьбѣ Кривосудова, поетъ слѣдующую характерную пѣсню:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Всѣ повторяютъ: брать, брать, брать...

. . . .

Вѣдь безъ указа намъ не стать
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!

Всѣ повторяютъ: то свято!...

Кривосудовъ поетъ:

Но нада, чтобъ уйти прижимки,
И чтобъ не оплошать;
Перчатки невидимки
На мигъ не скидавать».

Хватайко опять поетъ и всѣ акомпанируютъ:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки» (¹)...

Судейскій пиръ наконецъ превратился „въ бахусовъ кагалъ“. Предсѣдательская зала, бывшая въ тоже время присутственной залой, на другой день представляла изъ себя настоящую „трактирную стойку“. Когда служанка стала уничтожать слѣды судейскаго безобразія и поливать залу водой, Добровъ сказалъ:

«Напрасные труды! Не токмо что простыя,
Но цѣлой хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай; окрещонъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черенъ останется, хоть мой во Іорданѣ» (²).

(¹) Тамъ же 84—85. (²) Тамъ же 110.

Но едва только чиновники опредѣлили отобрать у Прямикова имѣнье и отдать Праволову, какъ получается указъ изъ сената. Узнавъ о ябедахъ и разныхъ беззаконныхъ дѣлахъ Праволова, сенатъ приказалъ посадить его въ острогъ, а чиновниковъ за взяточничество и несправедливое рѣшенье дѣлъ предать уголовному суду. Добровъ, впрочемъ, не вѣритъ, чтобы чиновники за свои преступленія понесли, дѣйствительно, заслуженную кару. На замѣчанье служанки:

«Авось либо и все намъ съ рукъ сойдетъ съ легка.

онъ говоритъ:

Впрямь: моетъ, говорятъ вѣдь, руку де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частіохонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ» (1).

По тогдашнимъ обычаямъ, по которымъ ни одна піеса не могла обходиться безъ любви, и въ Ябеду введена любовная интрига. У предсѣдателя Кривосудова есть дочь Софья, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ отдать за Праволова; но когда Праволова посадили въ острогъ, то Софья выходитъ за Прямикова.

Ябеда въ современномъ обществѣ производила такой же фуроръ, какъ Недоросль Фонъ-Визина. Нарисованные въ ней судейскіе типы сдѣлались нарицательными именами; многія мѣста выучивались наизусть, а нѣкоторые отдѣльные стихи превратились въ пословицы. Комедію долго не соглашались представить на сценѣ; она была дана только по приказанію импер. Павла I. Не смотря на такую защиту комедіи, жизни ея автора, однакожъ, говорятъ, долго угрожала опасность отъ осмѣянныхъ имъ ябедниковъ и взяточниковъ, такъ что онъ долго боялся по вечерамъ выходить изъ своего дома.

„Неслыханное диво или честный секретарь“ Судовщикова. По подражанію Ябедѣ Капниста, Судовщиковъ написалъ комедію: „Неслыханное диво, или честный секретарь“. Въ ней также осмѣивается взяточничество. Нѣкоторыя дѣйствующія лица носятъ тѣже названія, напр. предсѣдатель Кривосудовъ и Прямиковъ; другія лица напоминаютъ лица Капниста: мѣсто Праволова занимаетъ квартальный Крючкострой; мѣсто повытчика

(1) Тамъ же 135.

Доброва секретарь Правдинъ. У Кривосудова также есть дочь Милена, напоминающая Софью Капниста. Комедія написана легко, богата мѣткими и сильными выраженіями и потому часто давалась на сценѣ. Вотъ какъ изображаетъ себя предсѣдатель Кривосудовъ, въ лицѣ котораго представляется типъ самаго безсовѣстнаго взяточника:

«Пятьсотъ рублевиковъ!—и все серебрецомъ!
Не ложно говорятъ: продать товаръ лицомъ;
А дѣльцо смастерилъ я подлинно что чисто.
Душой радъ помогать, гдѣ только серебристо,
И быть защитой всѣхъ, кто бъ деньги ни давалъ»....

«Пусть разсуждаютъ то другіе, а не я,
Ума кто въ головѣ имѣетъ слишкомъ,
А я сужу своимъ посредственнымъ умишкомъ,
Что совѣсть лишь нужна монахамъ да попамъ,
А прочимъ лишнее, а особливо намъ».

Любуясь серебряной стопой, которую онъ получилъ отъ одного просителя какъ взятку, онъ говоритъ:

«Ага! голубушка, попалась ты сюда.
Давно зубки я грызъ на сей сосудъ скудельной;
Однакожъ зацѣпилъ.—Судья, коль рукодѣльной
И знаетъ всѣ крючки—не надо жить въ раю.
Я грѣшенъ въ томъ, и самъ не потаю;
Живу точнехонько, какъ искони ведется:
Проситель ежели погуще завернется,
Такъ правой за перо, а лѣвой за него;
Хоть онъ и попищитъ,—что нужды до того!
Давай лишь все, а тамъ болтай себѣ, что хочешь.
Не дастъ, такъ лѣтъ патокъ, забывшись, проволочишь..
Какой смѣшной запросъ: на что де ты берешь?—
Придавятъ, такъ и самъ бараномъ заблеёшь.
Бываютъ и на насъ нерѣдко передряги;
Лишь только успѣвай отсчитывать сотняги.
Вѣдь правду вымолвить, кто бабушкинъ не внукъ?
Такъ нечего сказать, зѣвать тутъ недосугъ».

Противоположный Кривосудову типъ честнаго чиновника представленъ въ секретарѣ Правдинѣ. Одинъ подрядчикъ, ходившій къ нему по дѣламъ, такъ разсказываетъ о немъ:

«Я самъ себѣ не вѣрю и боюсь,
Не въ навожденьѣ ль я бѣсовскомъ состою́сь?
Какъ!... можно ль быть сему, со мною что явилось?
Ну!... съ роду впервые такъ дивно приключилось.
Пришелъ къ секретарю, по формѣ, на поклонъ;
Иной такъ вѣдь сидитъ распыщась, какъ баронъ,

Или привяжется вотъ властно какъ заноза;
А этотъ, Господи, предивная курьеза!
Предостохвальнѣйшій, пресмирный господинъ!
. . . . Гостинчекъ было знатной
Съ почтеніемъ къ нему съ великимъ подносилъ,
Но какъ ни кланялся и сколько ни просилъ,
Поволилъ чтобъ принять; не надо!—да и полно.
Я думалъ, что даю ему не такъ довольно,
Еще въ добавь отчелъ монеты дорогой,
Ну, не взялъ ничего.—Указъ де выйдетъ твой.—
Въ подрядахъ и торгахъ лѣтъ тридцать обрѣтаюсь,
Къ приказнымъ всякой день, къ несчастію, таскаюсь;
Но сей диковинки не видывалъ во вѣкъ.
О, чудо изъ чудесъ!» [1]

И. И. Хемницеръ. Вмѣстѣ съ Капнистомъ, къ кружку Державина принадлежалъ Хемницеръ. Съ Хемницера началась въ нашей литературѣ настоящая басня. Правда, подражая европейскимъ писателямъ и пробуя разныя литературныя формы, и русскіе писатели, начиная съ Кантемира, пытались писать басни. Кантемиръ написалъ 6 басенъ; Тредьяковскій перевелъ 16 Езоповыхъ басенъ, а Сумароковъ написалъ 6 книгъ басенъ и притчъ. Но, не говоря о другихъ писателяхъ, и Сумароковъ не можетъ быть названъ баснописцемъ; его басни и притчи проникнуты тѣмъ же сатирическимъ элементомъ, который былъ существеннымъ элементомъ въ талантѣ Сумарокова; его басни и притчи также небольшія сатиры и не походятъ на настоящія басни. Образецъ настоящей басни первый далъ Хемницеръ.

Отецъ Хемницера при Петрѣ В. пріѣхалъ въ Россію изъ Саксоніи, изъ города Хемница (Chemnitz, отъ котораго и происходитъ его фамилія) и занималъ должность военнаго штабъ-лѣкаря въ энотаевской крѣпости (нынѣ городъ Энотаевскъ въ астраханской губерніи). Здѣсь и родился Иванъ Ивановичъ въ 1745 г. Сынъ медика, онъ и самъ, по желанію отца, готовился сначала къ медицинской службѣ, но потомъ, почувствовавъ нерасположеніе къ анатомическимъ занятіямъ, вздумалъ поступить въ военную службу. Въ военной службѣ онъ находился 12 лѣтъ, былъ въ походахъ въ семилѣтнюю войну, но въ сраженіяхъ не участвовалъ. Любя заниматься минералогіей, онъ изъ военнаго вѣдомства перешелъ въ горное и вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, Соймоновымъ, и другомъ Львовымъ, ѣздилъ за границу, былъ въ Германіи, Голландіи и Франціи. Состоя на службѣ при горномъ училищѣ и занимаясь минералогіей, онъ перевелъ сочиненіе Лемана „Кобальтословіе, или описаніе красильнаго кобальта". На-

[1] Сочиненія Судовщикова. Изд. А. Смирдина 1849. Стр. 11, 26, 58—59, 62—63.

конецъ онъ получилъ мѣсто русскаго консула въ Смирнѣ; но здѣсь онъ пробылъ только полтора года. Перемѣна климата, тяжелые труды и разныя непріятности скоро совершенно изнурили его, и онъ въ 1784 г. скончался.—Судьба Хемницера напоминаетъ нѣсколько судьбу Кантемира. Иностранецъ по происхожденію, онъ такъ же какъ Кантемиръ любилъ Россію и стремился къ ея просвѣщенію; такъ же какъ Кантемиръ заявилъ себя замѣчательнымъ писателемъ, но такъ же преждевременно умеръ на службѣ, вдали отъ Россіи. Хемницеръ началъ заниматься литературой по возбужденію и подъ руководствомъ друзей своихъ, Львова и Капниста. Сначала онъ писалъ нѣмецкіе стихи, но потомъ принялся за изученіе русскаго языка и изучилъ его такъ хорошо, что могъ писать на немъ, какъ природный русскій. Первымъ стихотвореніемъ Хемницера была ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи (въ 1770 г.); но у него способность была не къ одѣ, а къ баснѣ, на которую обратилъ его вниманіе другъ его Львовъ. Первое изданіе басенъ Хемницера вышло безъ означенія года (1779) и имени автора; въ 1782 г. было сдѣлано другое изданіе, но также безъ имени автора. Кромѣ басенъ (въ количествѣ 104), отъ Хемницера сохранились еще двѣ сатиры (въ неоконченномъ видѣ) „на худыхъ судей“ и „на худое состояніе службы“, „ода на подъячихъ“, мелкія стихотворенія, письма къ разнымъ лицамъ и памятная книжка, заключающая разныя замѣтки и между прочимъ о путешествіи по Европѣ [1].

Басни Хемницера. Образцами для басенъ Хемницеру служили басни Лафонтена и Геллерта, у которыхъ онъ часто бралъ и сюжеты и фабулу [2]. Басни Хемницера отличаются особенною простотою и безъискуственностію какъ въ составѣ, такъ и въ изложеніи и языкѣ; но при этой простотѣ онѣ въ тоже время проникнуты тонкой ироніей, легкой и веселой насмѣшкой и заключаютъ въ себѣ столько ума, здраваго смысла и знанія жизни, что невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателя. Въ басняхъ можно находить нѣкоторыя указанія и на обстоятельства жизни Хемницера и на современныя событія; но всего лучше отразился въ нихъ симпатичный характеръ автора, простой и скромный, но добрый, честный и правдивый.

---

(1) Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ съ приложеніемъ «Біографическихъ извѣстій объ И. И. Хемницерѣ по новымъ рукописнымъ источникамъ», Я. К. Грота. Изд. И. А. наукъ. Спб. 1873. Сюда вошли и матеріалы, ранѣе напечатанные въ Русск. Старинѣ 1872 г.; апрѣль.

(2) Впрочемъ у Лафонтена Хемницеръ заимствовалъ только 5 басенъ, изъ Геллерта 18; всего заимствованныхъ или переводныхъ до 30 басенъ; остальныя оригинальны.

При простотѣ и скромности, доходившей до робости, Хемницеръ не могъ пріобрѣсти выгоднаго положенія въ свѣтѣ, гдѣ имѣютъ успѣхъ только богатые и знатные, но гдѣ трудно жить умнымъ, но скромнымъ и бѣднымъ людямъ. Испытавъ эту истину на себѣ, онъ выразилъ ее и въ своихъ басняхъ. Въ баснѣ „Гадатель“, старикъ гадатель, на вопросъ молодаго человѣка, какова будетъ его жизнь, печально отвѣчаетъ:

«Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты-жъ уменъ».

Не смотря, однакоже, на такое грустное сознаніе, что въ свѣтѣ имѣютъ успѣхъ больше богатство и знатность, нежели умъ и честность, Хемницеръ въ своихъ басняхъ восхваляетъ умъ, знаніе, трудъ, честность и правду, какъ лучшія достоинства и украшенія человѣка. Въ баснѣ „Совѣтъ старика“, на вопросъ дѣтины, что нужно для того, чтобы сдѣлаться знатнымъ, старикъ отвѣчаетъ:

«Будь храбръ, дружокъ! Иной
Прославился войной;
Все отложивъ тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу....
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличилъ:
Въ судахъ и при дворѣ великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтаютъ»....

Во время путешествія по Европѣ Хемницеру особенно понравилась ученая и трудолюбивая Германія, и онъ сравнивалъ ее съ ульемъ, въ которомъ живутъ трудолюбивыя пчелы. Точно такъ же въ баснѣ „Пчела и Курица“ онъ изобразилъ науку въ образѣ пчелы, которая скромно, но неутомимо трудится для общей пользы. Въ отвѣтъ Курицѣ, громко объявляющей каждый разъ, какъ только удается ей снести яйцо, и изображающей въ баснѣ хвастливаго невѣжду, Пчела говоритъ:

«Мы нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ.
Себѣ уютный стро́имъ домъ
И пищу со цвѣтовъ сбираемъ.
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тьмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ». (1)

Въ баснѣ „Баронъ“, разсказывающей о баронѣ, котораго всѣ почитали только до тѣхъ поръ, пока онъ не прожилъ оставлен-

(1) Текстъ этой басни передѣланъ Капнистомъ.

наго ему отцемъ милліона, показывается,

«Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ».

Но восхваляя знаніе, умъ, Хемницеръ возстаетъ противъ умствованія, или хитраго умничанья, и въ баснѣ „Метафизикъ" осмѣиваетъ скучное и безплодное резонерство „школьныхъ тѣхъ вралей",

«Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ».

Точно такъ же въ баснѣ „Буквы" онъ осмѣиваетъ тѣхъ ученыхъ, которые любятъ „въ словахъ смыслъ тайный находить", толкуя ихъ хитрымъ и насильственнымъ способомъ.

Въ баснѣ „Лисица и Сорока", гдѣ Сорока доказываетъ Лисицѣ, что у нея надобно считать пять ногъ (прибавляя хвостъ), а не четыре, какъ обыкновенно считаютъ, онъ нападаетъ на тѣхъ педантовъ, которые, какъ важную и несомнѣнную истину, доказываютъ разные софизмы и парадоксы.

Скромный и осторожный, Хемницеръ не любилъ ни спускаться въ какія-нибудь глубины, ни заноситься въ высоту. Положительная сторона предмета, прямая осязательная сущность дѣла служатъ для него главнымъ девизомъ и единственною цѣлью. Умѣренность, осторожность и разсудительность онъ совѣтуетъ соблюдать во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Въ баснѣ „Дворовая собака" онъ говоритъ:

«Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ».

Въ баснѣ „Ребята своевольные", онъ показываетъ, какими несчастіями сопровождается неразсудительность и увлеченіе молодости, не слушающей совѣтовъ опытной старости:

«Кто пожилыхъ людей совѣтъ пренебрегаетъ
И пылкой юности страстямъ однимъ внимаетъ,
Тотъ часто со вредомъ и поздно узнаётъ,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ».

Не смотря на простоту формы, въ басняхъ Хемницера встрѣчаются важныя истины и наставленія, касающіяся общественнаго или государственнаго быта. И на этихъ наставленіяхъ лежитъ тотъ же характеръ осторожности и разсудительности. Въ баснѣ „Привязанная собака" онъ говоритъ:

«Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить».

Въ баснѣ „Лѣстница“, указывая на то, что лѣстницу метутъ не снизу, а сверху, онъ говоритъ:

«Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься;
А если иначе, все будетъ безъ пути.
. . . .
На что бы походило,
Когда-бъ въ правленіи, въ какомъ-бы то ни было,
Не съ высшихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать».

Общественный же характеръ и значеніе имѣютъ басни: „Паукъ и Мухи“, „Волчье разсужденье“, „Поборъ львиный“, „Дѣлежъ львиный“, „Орлы“, „Левъ, учредившій совѣтъ“, „Лѣнивые и ретивые кони“.—Въ баснѣ „Паукъ и Мухи“ показывается, какъ большая муха свободно прорываетъ ту паутину, въ которой запутываются маленькія мухи:

«Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькій наказанъ остается»!

Въ баснѣ „Поборъ львиный“ говорится:

«Гдѣ сборы,
Тамъ и воры;
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство».

Въ баснѣ „Волчье разсужденье“ Слонъ Волку говоритъ:

«Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ, наконецъ, съ кого и шерсть снимать».

Существенное достоинство басенъ Хемницера составляютъ простота и естественность и замѣчательный по своей чистотѣ и народному складу языкъ. Какъ на лучшій образецъ этихъ качествъ у Хемницера можно указать на басни: „Богачъ и Бѣднякъ“, „Друзья“, „Дворовая собака“, „Лисица и Сорока“, „Метафизикъ“, „Поборъ львиный“.

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Русская литература была богата лирическими поэтами. Въ лицѣ Державина она считала уже втораго, послѣ Ломоносова, Пиндара и Горація, какъ въ лицѣ Сумарокова видѣла Расина; но у нея до сихъ поръ еще не было ни Гомера, ни Виргилія, ни даже Тасса, хотя попытки произвести русскій эпосъ начались еще со временъ Кантемира и Ломоносова, изъ коихъ каждый написалъ по нѣскольку пѣсенъ „Петріады". Создать русскій эпосъ, по мнѣнію современниковъ, суждено было Хераскову, который сочинилъ двѣ эпическія поэмы „Россіаду" и „Владиміра", пользовавшіяся у современниковъ большою славою. Извѣстно, что Дмитріевъ къ портрету Хераскова сдѣлалъ такую надпись:

«Пускай отъ зависти сердца зоиловъ ноютъ!
Хераскову они вреда не принесутъ;
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ».

Хотя это предсказаніе относительно безсмертія не вполнѣ оправдалось, однакожъ поэмы Хераскова, какъ и вообще вся его литературная дѣятельность, заслуживаютъ глубокаго уваженія.

Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ (1). Предки Хераскова происходили отъ Валахскихъ бояръ Хереско. Отецъ его, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, переселился въ Россію при Петрѣ В. Михаилъ Матвѣевичъ родился въ Переяславлѣ (въ Полтавской губ.) въ 1733 г. Онъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и еще здѣсь началъ писать стихи. Послѣ окончанія курса въ корпусѣ и послѣ непродолжительной службы въ арміи, онъ поступилъ ассессоромъ въ московскій университетъ, при самомъ открытіи его въ 1755 г. Здѣсь онъ и провелъ почти всю свою жизнь въ литературныхъ занятіяхъ и въ служеніи университету въ разныхъ должностяхъ. Сначала онъ управлялъ университетскою типографіей, потомъ въ 1763 г. былъ назначенъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 г. былъ его кураторомъ. У Хераскова не было большаго поэтическаго таланта; но у него были просвѣщенный умъ, благородный характеръ и глубокая симпатія къ наукѣ и литературѣ. Еще находясь при типографіи, онъ привлекалъ къ себѣ образованныхъ

---

(1) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ слѣдующихъ статей: Очеркъ жизни и дѣятельности Хераскова въ словарѣ митр. Евгенія; Черты частной жизни Хераскова. Москвит. 1850, № 4; Краткая біографія Хераскова и списокъ его сочиненій М. Лонгинова. Русск. Архивъ 1873 г. Разсказы о Херасковѣ Ю. Бартенева. Русск. Арх. 1879. кн. 3.

людей изъ университетской молодежи, и около него составился своего рода литературный кружокъ, къ которому принадлежали: Богдановичъ, бывшіе тогда студентами братья Фонъ-Визины, Домашневъ, Булгаковъ, И. С. Потемкинъ, Санковскій и др. Въ началѣ 60-хъ годовъ Херасковъ издавалъ два журнала: „Полезное увеселеніе“ (1760—1761) и „Свободные часы“, въ которыхъ участвовали упомянутые писатели. Подъ его же, вѣроятно, руководствомъ выходили сначала и „Невинное Упражненіе“ Богдановича (1763 г.) и „Доброе Намѣреніе“ Санковскаго (1764 г., тогда Санковскій былъ студентомъ). Въ 1775 г. Херасковъ вступилъ въ масонское общество и тогда же познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ, котораго онъ принялъ въ профессоры университета. Будучи назначенъ въ 1778 г. кураторомъ университета, онъ открылъ „Благородный Пансіонъ“, отдалъ Новикову на 10 лѣтъ въ аренду университетскую типографію и изданіе Московскихъ Вѣдомостей; разрѣшилъ Шварцу открыть при университетѣ съ 1779 г. „Педагогическую Семинарію“, а въ 1781 г. „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, изъ которыхъ въ 1782 г. образовалось „Дружеское ученое общество“, преобразованное потомъ въ „Типографическую Компанію“. Благодаря такой благотворной дѣятельности и многочисленнымъ своимъ сочиненіямъ, Херасковъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Россійская Академія при самомъ открытіи своемъ въ 1783 г. сдѣлала его своимъ членомъ и одну изъ его трагедій „Зореида и Ростиславъ“ увѣнчала своей преміей (уже послѣ его смерти, въ 1807 г.). Въ кругу ученыхъ и писателей онъ имѣлъ такой авторитетъ, что рѣдкій изъ нихъ не обращался къ нему за совѣтами въ своихъ литературныхъ трудахъ; его обыкновенно называли старостой россійской литературы. Въ такомъ видѣ, въ видѣ совѣтника и руководителя, онъ и самъ изображаетъ себя въ VII книгѣ Полидора, гдѣ, перечисливъ и похваливъ „достославныхъ своихъ современниковъ“, Д(ержави)на, К(арамзи)на, Д(митр)іева, Б(огданови)ча, Н(елединскаго-Мелецк)аго и П(етр)ова, онъ обращается къ молодымъ писателямъ съ наставленіемъ, въ которомъ выразились начала его собственной дѣятельности: „Памятуйте, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе музамъ неприличны суть; онѣ дѣвы и любятъ непорочность нравовъ, любятъ нѣжное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Не имѣющіе правилъ добродѣтели главнымъ своимъ видомъ, вольнодумцы, горделивые стопослагатели, блага общаго нарушители—друзьями ихъ наречься не могутъ“ (1). Умеръ Херасковъ въ 1807 г. на 74 году.

(1) Сочин. XI, 2—3.

Поэмы Хераскова. Литературная дѣятельность Хераскова продолжалась очень долго, и онъ написалъ очень много сочиненій во всѣхъ родахъ—эпическомъ, лирическомъ и драматическомъ; но славу у современниковъ, какъ выше указано, онъ пріобрѣлъ себѣ преимущественно двумя эпическими поэмами: „Россіадой“ и „Владиміромъ“.

Россіада. Предметъ „Россіады“ составляетъ покореніе Казани. Объясняя, почему поэму, изображающую такое частное событіе, какъ покореніе Казани, онъ назвалъ „Россіадой“, Херасковъ указываетъ на то великое значеніе, какое, по его мнѣнію, имѣло это событіе для всей Россіи. „Воспѣвая разрушеніе царства Казанскаго со властію державцевъ Ордынскихъ, говорить онъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но и всего россійскаго воинства и возвращенное благоденствіе, почему сіе твореніе и „Россіядою“ названо.... Важно ли сіе приключеніе въ россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно епопеи... а моя поема сіе оправдать обязана“ (1). Если это объясненіе съ строгой исторической точки зрѣнія является одностороннимъ, то оно вполнѣ согласно съ народными воззрѣніями какъ вообще на татарскую эпоху, такъ и въ частности на покореніе Казани. Народныя былины показываютъ, что татарское иго заслонило въ памяти русскаго народа всѣ прежнія бѣдствія и всѣхъ прежнихъ враговъ Россіи и сдѣлало татаръ символомъ всякой враждебной силы, а покореніе Казани, какъ окончательное уничтоженіе татарскаго царства, представлялось народу началомъ славы царя и послѣдующаго благоденствія московскаго царства.

«И въ то врéмя князь воцарился,
И насѣлъ въ москóвское цáрство,
Что тогдá-де Москвá основáлася,
И съ тѣхъ пóръ велúкая слáва» (2).

И Херасковъ, защищая свою поэму, говоритъ: „Горе тому россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства. Надобно перейти въ тѣ страшныя времена, когда Россія была порабощена татарскому игу, надобно вообразить набѣги и наглости ордынцовъ, внутрь нашего государства чинимые, представить себѣ князей россійскихъ

---

(1) Сочин. I, Москва. 1807, стр. XII. (2) Сборн. Кирши Данилова, стр. 284.

раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія царей казанскихъ, видѣть правителей татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ князей обладающихъ—надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабощенія ордынцамъ, и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное...—читатель, ежели, преходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и въ сладостный восторгъ не пріидетъ — не читай мою Россіяду, она не для тебя писана; писана она для людей умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ“ (¹). Такимъ образомъ, предметъ Россіады, взятый изъ исторіи борьбы съ татарами и представляющій послѣдній славный актъ ея, былъ самый національный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ предметъ былъ и самый близкій къ интересамъ того времени. Въ то время все вниманіе русскаго общества было поглощено турецкими войнами, на которыя истинно русскіе люди смотрѣли какъ на продолженіе борьбы съ татарами. Магометане турки такъ же какъ татары были врагами христіанства и христіанскаго просвѣщенія. Во власти турокъ находилась колыбель христіанской вѣры, Святая земля, Іерусалимъ и гробъ Господень; въ ихъ рукахъ былъ Константинополь, откуда возсіялъ въ Россіи свѣтъ вѣры православной; подъ ихъ игомъ страдали единовѣрныя и единоплеменныя намъ славянскія страны, Болгарія и Сербія, сообщившія намъ первыя начала христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности. Все это придавало особенное значеніе турецкимъ войнамъ и вызвало тогда извѣстный „Восточный проектъ“, по которому предназначалось изгнать турокъ изъ Европ и возстановить греческую имперію. Восточному проекту сочу-ствовали всѣ истинные патріоты и православные русскіе люди, къ которымъ принадлежалъ и Херасковъ. Еще въ 1771 г. по случаю уничтоженія турецкаго флота при Чесмѣ, онъ написалъ поэму „Чесменскій бой“, въ которой, изображая страданія грековъ отъ турокъ, онъ говоритъ:

«Во славѣ гдѣ сіялъ божественный законъ
И вѣра на столпахъ воздвигла свѣтлый тронъ,
Гдѣ храмы вознесли главы свои златыя,
Курился ѳиміамъ и съ нимъ мольбы святыя;

(¹) Сочин. I, XVII—XVIII.

Гдѣ музъ божественныхъ былъ слышанъ прежде гласъ,
Гдѣ зрѣлся Геликонъ, гдѣ древній цвѣлъ Парнасъ.....
Не пѣсни сладкія воспѣваютъ музы днесь

. . . .

На грекахъ тяжкія оковы тамъ звучатъ;
Святыя зданія въ пустыни превращенны;
Изъ материныхъ рукъ ихъ дщери похищенны.
Въ чужихъ рукахъ теперь ахейскій славный градъ;
Гдѣ зрѣли греки рай, тамъ видятъ нынѣ адъ».

. . . .

Изобразивъ страданія грековъ, Херасковъ оканчиваетъ поэму такими словами:

«Но близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
И греки изъ своихъ исторгнутся оковъ» ([1]).

Въ композиціи и стилѣ Россіады Херасковъ слѣдовалъ извѣстной ложноклассической теоріи эпопеи и подражалъ всѣмъ эпическимъ поэмамъ, составленнымъ по этой теоріи, на что онъ и указываетъ въ концѣ предисловія къ поэмѣ: „Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани.... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣеписаніяхъ поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ-ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливыя намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“ ([2]). Изъ этихъ словъ Хераскова объясняются какъ общій характеръ, такъ и всѣ недостатки его поэмы, которые сколько зависѣли отъ его таланта, столько же были и недостатками теоріи и образцовъ, которымъ онъ подражалъ. Правила теоріи эпической, какъ указано выше, были изложены еще Тредьяковскимъ въ предисловіи къ переводу „Приключеній Телемака“ ([3]); Херасковъ не повторяетъ этихъ правилъ, а дѣлаетъ только общій обзоръ образцовыхъ эпическихъ поэмъ.

([1]) Сочин. III, 96—97; 155. ([2]) Сочин. I, XIII.

([3]) См. Ист. Русск. Словесности. Новый періодъ. Отд. I, стр. 150—152.

Подобно другимъ поэмамъ, Херасковъ и свою поэму начинаетъ словами „пою“ и обращеніемъ, вмѣсто Аполлона и музъ, къ духу стихотворенія и къ вѣчности:

«Пою́ отъ ва́рваро́въ Россію свобожде́нну,
Попра́нну власть тата́ръ и го́рдость низложе́нну;
Движе́нье дре́внихъ си́лъ, труды́, крова́ву бра́нь,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло».

Первая пѣснь начинается описаніемъ бѣдственнаго положенія Москвы, послѣ большаго московскаго пожара. Всевышній обращаетъ взоры на страдающую Россію и посылаетъ съ неба князя Александра Тверскаго возвѣстить во снѣ царю Іоанну волю Божію спасти Россію. Получивъ видѣніе во снѣ, въ которомъ ему были показаны всѣ князья-предки, пострадавшіе отъ татаръ, Іоаннъ разсказываетъ объ этомъ видѣніи Адашеву, а потомъ, подобно Димитрію Донскому, отправляется за благословеніемъ на войну противъ Казани въ Лавру преп. Сергія:

. . . «Мужъ святый! Ты Димитрію помогъ
Тата́рскія луны́ сломи́ть кичли́вый ро́гъ.
И мнѣ́ ты по́моги́, дерзну́въ проти́въ Каза́ни
Россію оправлять во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергій, и твое....
Возноситъ предъ тебя моленіе сіе»!

Это составляетъ содержаніе 1-й пѣсни.

Во 2-й пѣсни изображается собраніе царской думы. Царь Іоаннъ говоритъ рѣчь, на которую отвѣчаютъ своими рѣчами, бояре Кубенскій, Глинскій, Курбскій, Адашевъ, Хилковъ. Царь рѣшается отправиться въ походъ противъ Казани. Услышавъ объ этомъ рѣшеніи, является царица съ младенцемъ на рукахъ и подобно княгинѣ Евдокіи, провожающей плачемъ своего супруга Димитрія на войну противъ Мамая, плачетъ и проситъ Іоанна или отмѣнить свое рѣшеніе, или взять ее вмѣстѣ съ собою въ походъ.

Начиная съ 3-й пѣсни и до 6-й описывается страшно разстроенное придворными интригами и внутренними смутами состояніе казанскаго царства предъ началомъ войны. Царицей въ Казани въ это время была Сумбека, вышедшая во второй разъ замужъ за царевича Алея. Чтобы узнать о будущей судьбѣ своего царствованія, Сумбека отправляется въ очарованный казанскій лѣсъ на могилу прежняго своего супруга, Сафагирея. Опи-

саніе очарованнаго казанскаго лѣса сдѣлано по образцу очарованнаго лѣса въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса:

«Подъ тѣнью горъ крутыхъ казанскихъ видѣнъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ....

. . . .

Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ» (¹).

Въ долинѣ этого очарованнаго лѣса находятся могилы прежнихъ татарскихъ царей. Нашедши могилу Сафагирея, Сумбека, какъ волшебница, вызываетъ тѣнь его и спрашиваетъ о будущей судьбѣ Казанскаго царства. Тѣнь Сафагирея предсказываетъ разрушеніе Казани и паденіе магометанства:

«Увы!.... Ордынску власть Россія изтребитъ.
Меча ея ничто отъ насъ не отвратитъ.

. . . .

Ахъ, вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ» (²).

Съ 6-й пѣсни начинается описаніе похода Іоанна Грознаго противъ Казани. Когда всѣ войска, назначенныя въ походъ, собрались въ Коломнѣ, явился и самъ Іоаннъ, чтобы вести ихъ. Въ качествѣ вождя посреди русскихъ войскъ, онъ сравнивается съ Агамемнономъ въ Иліадѣ, когда онъ явился съ греческимъ войскомъ подъ стѣнами Трои. Между тѣмъ, когда уже все было готово къ походу, приходитъ извѣстіе о набѣгѣ крымскихъ татаръ на Рязань. Грозный отправляетъ противъ нихъ князя Курбскаго, говоря:

«Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;

(¹) Пѣснь IV; сочин. I, 53. (²) Стр. 70.

Грабителей казнить, на крымцовъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай и побѣди» ([1]).

На помощь Курбскому противъ крымцевъ Богъ посылаетъ св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, которые, по Сказанію о Мамаевомъ побоищѣ, сражались противъ татаръ и во время Куликовской битвы.

Описаніе похода русскаго войска противъ Казани довольно живописно:

«Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но, въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отважность, кроясь среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженью ихъ внизъ волжскихъ береговъ» ([2]).

Какъ въ поэмѣ Тасса магометанамъ въ борьбѣ съ крестоносцами помогаютъ адскія силы, такъ и въ Россіадѣ изображается „Олицетворенное Безбожіе“, источникъ всѣхъ золъ, для котораго ненавистны успѣхи русскихъ войскъ и которое, боясь потерять свою власть въ странѣ казанской, поднимаетъ противъ нихъ всѣ силы ада. Между прочимъ оно возмущаетъ противъ русскихъ черемисъ и обращается съ мольбою къ ихъ владыкѣ, Кереметю:

«А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ изреченъ, о грозный Кереметъ,
Который устрашалъ полночные народы!
И нынѣ устраши, взбунтуй огонь и воды....
Свирѣпостью дыша и пагубу творя,
Я въ сѣти уловлю россійскаго царя» ([3]).

Кереметь волнуетъ Волгу и возбуждаетъ ее разбить русскія суда. Затѣмъ описываются разныя другія препятствія, какія русскія войска встрѣчаютъ на пути своемъ къ Казани.

Въ Энеидѣ Виргилія (VI пѣснь) описывается схожденіе Энея въ адъ, гдѣ ему отецъ его Анхизъ предсказываетъ будущую судьбу его потомковъ до импер. Августа; подобно этому въ Генріадѣ Вольтера св. Людовикъ Генриху IV въ сновидѣніи показываетъ всѣхъ будущихъ королей Франціи; точно также и въ Россіадѣ пустынникъ Вассіанъ возводитъ Іоанна Грознаго на какую-то „Гору пророчествъ“ и указавъ на „Градъ Божій“ въ видѣніи по-

([1]) Сочин. I, 104. ([2]) 118. ([3]) 134.

казываетъ ему сначала его славныхъ предковъ св. князя Владиміра, на третьемъ небѣ, мудрую Ольгу, Бориса и Глѣба, храбраго Александра Невскаго, дѣда Іоанна, мать Грознаго, которую Грозный хотѣлъ „облобызать, но тѣла не возмогъ устами осязать", а потомъ показываетъ послѣдующія событія его царствованія и наконецъ будущую судьбу Россіи при его преемникахъ.

«Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И царь на книгу зритъ.
Крестообразно вкругъ нее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались.
Какъ чистою брега наполнены водой
Являютъ небеса свѣтящи надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время сбыться».

Грозный смотритъ и говоритъ:

«Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный царь у ногъ моихъ лежитъ.
Приноситъ Волга дань, Кавказъ отъ стрѣлъ дрожитъ;
Смущенна Астрахань упала на колѣни;
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни».

Перечисляя преемниковъ Грознаго, Вассіанъ съ великимъ восхищеніемъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

. . . . . «Се твой потомокъ Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть великимъ.

. . . .

Се! лучшая времянъ, пустынникъ рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди Екатерина;
Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ея взведетъ.

. . . .

Екатерина вѣкъ Астреинъ возвратитъ,
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ» (1).

Въ 10-й пѣсни, приступая къ изображенію осады Казани, авторъ дѣлаетъ перечисленіе главныхъ вождей русскаго войска, напоминающее перечисленіе въ Иліадѣ греческихъ кораблей, приплывшихъ подъ Трою. Затѣмъ изображаются битвы русскихъ съ татарами:

«Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ;
Такъ гонятъ Россы ихъ, въ толпу соединясь»...

---

(1) Стр. 162—171.

Въ 11-й пѣсни описывается приготовленіе Розмысломъ подкоповъ подъ стѣны крѣпости казанской. Въ поэмѣ Тасса, при осадѣ Іерусалима, весьма сильно вредитъ крестоносцамъ своими чарами волшебникъ Исменъ; въ Россіадѣ такую же роль играетъ волхвъ Нигринъ, который наводитъ на русское войско страшную зиму. Въ 12-й пѣсни поэтъ помѣщаетъ очень живописное описаніе царства зимы:

«Въ пещерахъ внутреннихъ кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ,
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ;
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времянъ сестра,
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны и осени и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ.

. . . .

Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ,
Гуляютъ иніи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ.
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ.

. . . .

Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ....
На хладныхъ крылiяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ» (¹).

Наконецъ, послѣ взрыва подкоповъ, описывается самое взятіе Казани.

(¹) Стр. 247—248.

Изъ представленнаго обзора содержанія Россіады видно, что, за немногими счастливыми исключеніями, почти всѣ сцены въ ней составляютъ подражаніе разнымъ сценамъ Иліады, Энеиды, Освобожденнаго Іерусалима и Генріады. Русскій міръ освѣщенъ чужимъ свѣтомъ; русскія лица и событія изображаются или въ древне-классической или въ средневѣковой, рыцарской обстановкѣ. При описаніи „обвороженнаго казанскаго лѣса" упоминаются „вѣющіе зефиры, подъ тѣнью пляшущи дріады, гесперидскіе сады", гдѣ „тысящи пріятствъ для флоры и помоны"; „наяды, вынырнывъ, руками восплескали", „граціи токъ слезный проливали". Да и вообще въ поэмѣ часто встрѣчаются разныя языческія Божества, разные духи и волшебники, аллегорическія изображенія стихій и явленій природы, человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ. Русскій царь и русскіе воеводы и бояре изображаются то въ видѣ троянскихъ героевъ, то въ видѣ средневѣковыхъ рыцарей. Въ характерѣ Іоанна Грознаго совмѣщены черты Агамемнона, Готфрида; Курбскій напоминаетъ собою рыцаря Ринальда Тасса и даже говоритъ о храненіи рыцарскаго чина; Троекуровъ походитъ на Танкреда; татарскій витязь Гидромиръ также наблюдаетъ рыцарскій уставъ; казанская царица Сумбека, „красотой Киприда, а хитростью Цирцея", изображается въ видѣ Дидоны, Цирцеи и Армиды. Такія несообразности, такъ сильно поражающія въ настоящее время, нисколько однакоже не поражали современниковъ Хераскова, которые потому именно и признавали Россіаду настоящей эпопеей, что находили въ ней то же самое, что видѣли во всѣхъ образцовыхъ эпическихъ поэмахъ, находили тѣ же пріемы и формы и такія же сцены и лица. Всѣми было признано, что поэма должна имѣть народный характеръ; но еще не было уяснено, въ чемъ должна состоять народность и какъ должны быть изображаемы заимствованныя изъ народной исторіи лица и событія. Національное чувство вполнѣ удовлетворялось тѣми патріотическими стремленіями, какими проникнута вся Россіада; событія русской исторіи изображены въ достойномъ русскаго народа свѣтѣ; русскіе люди представлены съ такими же высокими качествами, съ какими являются герои и рыцари въ другихъ поэмахъ. Что же касается требованій исторической вѣрности, строгаго согласія изображеній съ древними воззрѣніями, нравами и обычаями, то это требованіе тогда еще не входило въ число правилъ литературной теоріи. Мы уже указали выше, какое относительно этого замѣчаніе Херасковъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своей Россіадѣ: „Да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣеписаніяхъ поэмы искать не должно".

Поэма „Владиміръ“. Тѣ же недостатки и еще въ большей степени мы встрѣчаемъ и въ другой поэмѣ Хераскова „Владиміръ“, хотя эта поэма имѣетъ другой характеръ. Преобладающимъ въ ней элементомъ является не эпическій, а лирическій, или вѣрнѣе, дидактическій элементъ. Херасковъ написалъ „Владиміра“ уже послѣ того, какъ поступилъ въ общество масоновъ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ развилось мистическое направленіе. Этимъ направленіемъ и проникнута вся поэма. „Совѣтую, говоритъ онъ, читать оную (поэму) не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается“ (1).

Предметомъ поэмы служитъ принятіе христіанской вѣры св. Владиміромъ. Послѣ обращенія къ музѣ, къ Богу и къ самому Владиміру, въ поэмѣ сначала изображается въ краткихъ чертахъ славное побѣдами царствованіе князя Владиміра.

«Но, славой окруживъ и пышностію тронъ,
Владиміръ подъ вѣнцомъ былъ падшій Соломонъ».

Въ Кіевѣ, посреди языческой чувственной жизни, „какъ будто посреди дремучія дубровы“, жили два христіанина варяга, сынъ и отецъ, славившіеся благочестивою жизнію. Къ нимъ прилетаетъ съ неба херувимъ и приказываетъ старцу отцу идти къ князю Владиміру съ проповѣдью и просвѣтить его свѣтомъ христіанской вѣры. Владиміръ выслушалъ проповѣдь, но отъ принятія вѣры уклонился, сказавъ, что для этого еще не настало время. Между тѣмъ, „Духъ безбожія“, жившій въ Перунѣ, противъ варяговъ возбудилъ жрецовъ, и они потребовали отъ народа принесенія ихъ въ жертву Перуну. Мученическая смерть варяговъ страшно поразила Владиміра, который присутствовалъ при принесеніи ихъ въ жертву, и привела его къ раскаянію. Въ это время на небесахъ св. апостолъ Андрей, „полночный сей пророкъ, исполненный любви къ россіянамъ“, обратился къ Богу съ молитвою о просвѣщеніи Россіи свѣтомъ истинной вѣры,—и благодать Божія коснулась души Владиміра; Владиміръ сознапъ заблужденіе язычества. Но онъ не вдругъ и не скоро могъ принять

(1) Сочин. II, II.

крещеніе, а долженъ былъ перенести множество искушеній и преодолѣть множество препятствій. Изъ описанія этихъ искушеній и препятствій, которыя занимаютъ мѣсто приключеній, испытываемыхъ героями и рыцарями въ эпическихъ поэмахъ, и состоитъ поэма „Владиміръ“.

Главнымъ врагомъ Владиміра былъ представитель адскихъ силъ, волхвъ Зломиръ, устроявшій всѣ искушенія и препятствія; главнымъ помощникомъ, покровителемъ и защитникомъ—св. апостолъ Андрей, дѣйствовавшій черезъ одного греческаго старца, Кира (¹). Волхвъ Зломиръ, живущій въ кремнистой пещерѣ на берегу Днѣпра, приходитъ къ главному жрецу Перуна, Пламиду, и ведетъ его въ храмъ Перуна вопросить боговъ, что нужно дѣлать, чтобы удержать Владиміра отъ принятія новой вѣры. Кромѣ Перуна, въ храмѣ были Чернобогъ, Кій, Хорсъ. Купало, Усладъ, Лада, Зничъ, Посвистъ, Волосъ, Дажьбогъ. Разные боги предлагаютъ разныя мѣры для удержанія князя въ прежней вѣрѣ; но верхъ между ними одерживаетъ совѣтъ Услада (бога пріятствъ и любви)—„связать Владиміра путами женской любви“. Согласно съ этимъ совѣтомъ, Пламидъ на праздникъ Лады приводитъ въ храмъ Перуна дочь одной жрицы, красавицу Версону. Владиміръ плѣнился Версоной; но оказывается, что Версона уже невѣста Законеста, и оба они христіане. Владиміръ пришелъ въ страшное затрудненіе; но къ нему явилась „Благочестивая вѣра“ и убѣдила его сдѣлаться христіаниномъ (²). Въ это время приходятъ къ Владиміру послы отъ разныхъ вѣръ; Владиміръ выслушиваетъ ихъ предложенія и рѣшается самъ отправиться въ Херсонъ, чтобы увидѣть христіанскую вѣру. Между тѣмъ, жрецъ Пламидъ, узнавъ, что Законестъ христіанинъ, назначилъ принести его въ жертву Перуну; но Версона, услышавъ объ этомъ, явилась въ храмъ и защитила Законеста своею грудью (исторія Законеста и Версоны напоминаетъ собою исторію Олинда и Софроніи въ поэмѣ Тасса). При этомъ выходитъ изъ толпы народа старецъ Идолемъ и объявляетъ, что Законестъ сынъ Пламида; не смотря на это, однакожъ, Пламидъ хочетъ заколоть Законеста. Но Владиміръ беретъ его и Версону подъ свою защиту и дѣлается ученикомъ Идолема, который былъ христіанинъ и воспиталъ въ христіанской вѣрѣ Законеста и Версону (³).

Въ это время „отъ Византійскихъ стѣнъ“ идетъ къ Кіеву старецъ Киръ—„пастырь вѣрныхъ душъ и древній философъ“. Діаволъ всячески ему мѣшаетъ и хочетъ погубить; но Кира защи-

(¹) Пѣсни 1 и 2. (²) Пѣснь 3-я. (³) Пѣснь 5.

щаетъ и спасаетъ св. апостолъ славянскій, Андрей Первозванный. Онъ приводитъ Кира къ дому Законеста. Туда же приходитъ и Владиміръ ([1]). Киръ излагаетъ Владиміру исторію домостроительства спасенія людей отъ начала міра, показываетъ два пути, какими идутъ въ мірѣ люди, и наконецъ развертываетъ предъ нимъ картину страшнаго суда, изображающую блаженство праведниковъ и мученія грѣшниковъ ([2]) Въ 10-й пѣсни олицетворяется „Сомнѣніе", которое, по дѣйствію діавола, овладѣваетъ душою Владиміра. Рогдай, главный полководецъ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ, познакомившись съ христіанами, впалъ въ разслабленіе и забылъ военныя дѣла, и совѣтуетъ ему идти на Херсонъ противъ грековъ ([3]). Этотъ совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ внутреннимъ желаніемъ самого Владиміра, и онъ отправляется съ войскомъ въ Херсонъ. Но волхвъ Зломиръ увлекаетъ изъ его войска полководца Рогдая и вмѣстѣ съ нимъ четырехъ лучшихъ рыцарей, подобно тому, какъ волшебница Армида въ поэмѣ Тасса увлекаетъ изъ стана крестоносцевъ Ринальда и другихъ рыцарей ([4]). „Раздоръ" возбуждаетъ печенеговъ напасть на русское войско. Происходитъ битва, оканчивающаяся пораженіемъ печенеговъ. Затѣмъ описываются приключенія Рогдая, по подобію приключеній рыцаря Ринальда въ поэмѣ Тасса ([5]). Пришедши къ Херсону, Владиміръ требуетъ, чтобы ему выдали русскихъ плѣнныхъ и сдали городъ. Киръ совѣтуетъ херсонскому правителю Ферекиду отправить къ Владиміру царевну Анну. Чрезъ нее въ Совѣтѣ Божіемъ опредѣлено совершить просвѣщеніе Россіи христіанской вѣрою и заключить вѣчный союзъ грековъ съ русскими ([6]).

Начиная съ 16-й и до конца 18-й пѣсни описываются битвы подъ Херсономъ, взятіе его, прибытіе царевны Анны и крещеніе Владиміра. Описывая битвы подъ Херсономъ, Херасковъ обращается къ полночному пѣвцу Оссіану, древнему Бояну:

«О древнихъ лѣтъ пѣвецъ, полночный Осіянъ!
Въ развалинахъ вѣковъ погребшійся Баянъ!
Тебя намъ возвѣстилъ незнаемый писатель ([7]);
Когда онъ былъ твоихъ напѣвовъ подражатель;
Такъ Игорева пѣснь изображаетъ намъ,
Что душу подавалъ Гомеръ твоимъ стихамъ;
Въ нихъ слышны, кажется мнѣ, пѣсни соловьины,

([1]) Пѣснь 6. ([2]) Пѣсни 7, 8 и 9. ([3]) Пѣснь 10. ([4]) Пѣснь 11.

([5]) Пѣсни 12, 13 и 14. ([6]) Пѣснь 15.

([7]) Разумѣется авторъ Слова о полку Игоревѣ, которое тогда было только что открыто.

Отважный львиный ходъ, паренія орлины;
Ты, можетъ быть, Баянъ, тому свидѣтель былъ,
Когда Владиміръ въ Тавръ законъ пріять ходилъ
Твой духъ еще когда витаетъ въ здѣшнемъ мірѣ,
Води моимъ перомъ, учи играть на лирѣ»!...

Послѣ битвы и разныхъ искушеній, Владиміръ овладѣваетъ Херсономъ и, получивъ руку греческой царевны Анны, принимаетъ крещеніе отъ старца Кира.

«Владиміръ жизнь водой дающею омылся,
Очистился, воскресъ, Владиміръ возродился.
. . . .
Отпала твердая отъ глазъ его кора,
Сіонская ему отверзлася гора,
На коей, какъ Мойсей, онъ видитъ Бога въ славѣ;
Восторги чувствуетъ всей сущности въ составѣ».

Разсказывая затѣмъ о бракѣ Владиміра съ царевною Анною, Херасковъ заключаетъ свою поэму о немъ слѣдующими словами:

«Онъ солнцемъ подлинно явился Россамъ вскорѣ,
Простерлась благодать по сѣверу какъ море.
Все воинство его, вельможи и сыны,
И духомъ и водой въ Херсонѣ крещены....
Изчезъ въ Россіи мракъ, разрушились кумиры,
Побѣдоносцу пѣснь взыграли райски лиры,
Владиміръ, въ вѣчности вѣнцами покровенъ,
Доколѣ свѣтъ стоитъ, не можетъ быть забвенъ;
Онъ подвигомъ святымъ во вѣки будетъ славенъ;
Россію просвѣтилъ, апостоламъ онъ равенъ» (¹).

Повѣсти Хераскова. Въ „Россіадѣ" и „Владимірѣ" Херасковъ воспѣлъ самыя знаменитыя событія изъ древней русской исторіи; въ повѣстяхъ „Нума Помпилій или Процвѣтающій Римъ", „Кадмъ и Гармонія" и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи" онъ изображаетъ характеръ новаго времени въ царствованіе Екатерины, которая въ законодательствѣ и управленіи, въ воспитаніи и образованіи народа стремилась распространить гуманныя начала новой философіи и сама на престолѣ явилась государемъ философомъ. Всѣ названныя повѣсти относятся, по своему характеру, къ тому роду литературныхъ произведеній, въ которыхъ писатели XVIII вѣка, подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей

(¹) Сочин. II, 292—294.

древности, любили изображать современныхъ государственныхъ дѣятелей, или отъ лица древнихъ мужей предлагать имъ уроки новой политической мудрости, рисовать новые идеалы и планы государственнаго управленія. Таковы были: „Приключенія Телемака“ Фенелона (Спб. 1747) и „Аргенида“ Іоанна Барклая, переведенная на русскій языкъ еще Тредьяковскимъ (1751); „Жизнь Сифа, царя Египетскаго“ аббата Террасона, переведенная Фонъ-Визинымъ (1762—1768); „Велисарій“ Мармонтеля и „Нума Помпилій“ Флоріана. Херасковъ въ своихъ повѣстяхъ подражалъ всѣмъ этимъ сочиненіямъ. Повѣсть „Нума Помпилій“ передѣлана изъ повѣсти Флоріана. Въ предисловіи къ ней онъ говоритъ: „Сладкорѣчивый Цицеронъ, удивляясь Нумѣ, почиталъ его великимъ потому, что онъ произвелъ въ дѣйство науку царствовать, когда еще греки никакого понятія о томъ не имѣли“. Съ этой именно стороны —какъ государственный правитель, и изображается въ повѣсти Нума, который, пользуясь совѣтами нимфы Эгеріи, сдѣлалъ римлянъ счастливыми, буйный хищническій народъ преобразовавъ своими законами въ честный и трудолюбивый, и такимъ образомъ положилъ твердую основу для будущаго могущества и величія римскаго государства. Въ Нумѣ представленъ идеалъ государя (подъ нимъ разумѣется Екатерина), стремящагося сдѣлать свой народъ счастливымъ, по философскимъ воззрѣніямъ XVIII в. Потому и самъ Нума въ началѣ повѣсти называется философомъ, а въ концѣ, послѣ изображенія его счастливаго и благодѣтельнаго царствованія, замѣчено: „Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ дѣлается! И можно увѣриться, что слава не однимъ оружіемъ и не однѣми войнами пріобрѣтена бываетъ“ (1). Вотъ въ какихъ чертахъ изображается философскій идеалъ государя. „Помню, говоритъ Нума, что я современникамъ и потомству, а паче всего богамъ за правленіе мое отвѣчать обязанъ; помню, что мое благополучіе соединено съ благополучіемъ общимъ. Не ради единой роскоши, чести и нѣги цари на престолы восходятъ; царскій вѣнецъ тогда служитъ украшеніемъ, когда подданные его добродѣтелями украшаются, и престолы только тѣ спокойны и тверды, гдѣ народъ, огражденный безопасностію, въ сладкой тишинѣ и благоденствіи покоится“.... „Должно-ли тебѣ опасаться частныхъ погрѣшностей, когда цѣлое общество къ добру преклонить намѣреваешься? Встрѣчающіеся камни, мели и пропасти не препятствуютъ рѣкѣ простирать быстраго вдаль теченія; дѣлай бла-

(1) Сочин. XII, 162.

гополучными достойныхъ быть таковыми, оставь пороки собственному ихъ наказанію и злыя совѣсти внутреннему ихъ угрызенію. Когда ты дѣлаешь общее добро, то можешь ли сожалѣть, ежели кто отъ своихъ беззаконій погибнетъ и не имѣетъ участи въ общей пользѣ“? „Ты безпокоишься, опасаясь обмановъ отъ своихъ вельможей; есть удобныя средства узнавать сокровенныя ихъ склонности: изъ домовой и частной жизни усматривай способности начальниковъ и правителей; ибо тотъ, кто съ ближними жить не умѣетъ, благоразумно начальствовать не можетъ; а тотъ еще меньше, кто свое отечество ненавидитъ“. „Касательно твоихъ законовъ, они всуе будутъ отъ тебя даны народу, какъ бы благоразумны ни были, ежели напередъ не привлечешь римлянъ къ любви своего отечества, къ любви своего ближняго, и къ любви боговъ, главнѣйшей добродѣтели человѣческой; безъ того строгость законовъ будетъ ужасать ихъ, но не приведетъ къ точному исправленію: щедроты не могутъ умягчать сердецъ ихъ. Ни ясное толкованіе законовъ, ни видимая польза, ни общее спокойствіе не содѣлаютъ ихъ лучшими, ежели умы ихъ не будутъ пріуготовлены къ познанію истины, ни души богопочитаніемъ воспламенены не будутъ“... Сдѣлать людей счастливыми „инако не можно, какъ отнять у нихъ всѣ вредные предразсудки и злоупотребленія. На сихъ столпахъ должны законы основаться, ежели желать, чтобы они впечатлѣлись въ сердца человѣческія и содѣлали ихъ полезными самимъ себѣ, отечеству и государю“... „Человѣкъ не знающій Бога, или не чувствующій его существованія въ сердцѣ своемъ, лютѣе хищнаго звѣря. Сей извергъ природы недостоинъ въ обществѣ участія имѣть; ибо не зная Бога, и правилъ добродѣтели знать не можетъ. Онъ возмутитъ общее спокойство, и на подобіе смертоноснаго яда, все, до чего ни коснется, заражаетъ“ (1).... „Мудрый государь, который умѣетъ самъ подавать совѣты, не постыдится принять оныхъ отъ другаго. Для справедливаго монарха нѣтъ стыда, по своимъ ли мнѣніямъ, или по чужимъ онъ законы учреждаетъ, только бы они полезны были общему добру“... „Истинное блаженство человѣческаго рода отъ благоразумныхъ законовъ проистекаетъ. Но законы суть одно начертаніе, на которомъ щастіе и благополучіе общества утверждается; они требуютъ исполненія, а исполненіе зависитъ отъ людей просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ; ибо законы сами собою дѣйствовать не могутъ“.... „Не страшилища и не казни чистую совѣсть въ насъ производятъ, но производятъ ее добрые примѣры и награждаемыя добродѣтели“.... „Любовь къ

(1) Сочин. XII, 36—39; 40; 42; 45; 79—80.

Богу главнѣйшая должность человѣческая, и безъ сего чувства никакіе законы сильны быть не могутъ".... „Не великолѣпіемъ, не расточеніемъ злата и сребра, не сильными войсками пріобрѣлъ сію славу, сіе удивленіе, почтеніе и любовь Нума отъ своихъ подданныхъ и отъ сосѣдей; пріобрѣлъ онъ все сіе своимъ благоразуміемъ, мудрымъ попеченіемъ о своемъ отечествѣ, соблюденіемъ свято дружества съ своими сосѣдами и союзниками и цѣломудренною жизнію".—Отыскивая въ исторіи государей, подобныхъ изображенному въ „Нумѣ", авторъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

«Но въ поздны времена восходитъ, будто кедръ,
Превыше всѣхъ царей законодатель Петръ.
Трудится, бодрствуетъ, Россію оживляетъ,
И новы небеса и новый міръ являетъ;
Разсудкамъ свѣтъ даетъ, чувствительность сердцамъ;
Прославилъ подданныхъ и сталъ безсмертенъ самъ.
По немъ является, краснѣе райска крина,
Цвѣтущая въ очахъ у насъ Екатерина.
Не нужны нимфы ей, не нужны чудеса;
Нѣтъ празднаго для ней въ правленіи часа;
Россіянъ милуетъ, покоитъ, просвѣщаетъ;
То пишетъ имъ въ законъ, что истина вѣщаетъ;
Не гордость намъ вдохнуть, не къ злату приманить,
Она спокойными насъ хочетъ учинить....
. . . .
Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу» (1)....

Съ повѣстью „Нума Помпилій" находится въ тѣсной связи повѣсть „Кадмъ и Гармонія". Въ первой изображены плоды истинной философіи; въ послѣдней—послѣдствія ложной философіи. Показывая отношеніе этой повѣсти къ „Нумѣ Помпилію", Херасковъ въ предисловіи къ ней говоритъ: „Тамъ изображенъ истинный философъ, изъ уединенныя и пріятныя сельскія жизни извлеченный, на римскій престолъ возведенный и благоденствію своихъ подданныхъ поспѣшествующій. Здѣсь описывается сынъ царскій, самъ государствующій въ Беотіи, не по нѣкоему злому року, а паче по его собственнымъ душевнымъ развлеченіямъ, престола отчужденный и бѣдственную жизнь въ мірѣ влекущій". Изгнанный изъ Беотіи, Кадмъ странствуетъ по разнымъ странамъ, испытывая самыя разнообразныя приключенія, описаніе которыхъ и составляетъ предметъ повѣсти. Главный интересъ ея, впрочемъ, заклю-

(1) Сочин. XII, 94; 135; 153—154; 157; 165.

чается не въ самыхъ приключеніяхъ, взятыхъ изъ античныхъ, миѳическихъ и легендарныхъ сказаній, а въ тѣхъ идеяхъ, которыя при этомъ высказываются относительно воспитанія, законодательства и управленія. Подобно предыдущей повѣсти, и повѣсть „Кадмъ и Гармонія“ имѣетъ характеръ политическій и написана по подражанію „Телемаку“ Фенелона. Какъ при описаніи путешествія Телемака рѣшаются важнѣйшіе государственные вопросы, такъ и въ „Кадмѣ“, при изображеніи нравовъ и обычаевъ разныхъ странъ, постоянно помѣщаются размышленія о томъ, какъ лучше можно устроить счастіе людей въ обществѣ и государствѣ. Кадмъ учитъ государей и правителей, какъ нужно управлять подданными, какъ заставить ихъ трудиться съ пользою для себя и для другихъ. Есть много размышленій о томъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведутъ невѣріе и своеволіе, размышленій, вызванныхъ современнымъ революціоннымъ состояніемъ Франціи. Такъ, во 2-й книгѣ повѣсти старецъ Гифанъ разсказываетъ Кадму: „Видѣлъ я безумцевъ, совсѣмъ боговъ уничтожающихъ, но философами нарицающихся и послѣдователей имѣющихъ: то были слѣпцы, другихъ слѣпцовъ провождающіе и во мракѣ душевной нечувствительности засыпающіе. Камни вопіяли имъ, небеса вѣщали, бури гласили, воды, земля, громы и молніи повторяли, сердце говорило: есть Богъ, есть Богъ всемогущій! оглушенны и слѣпы, они ничему не внимали; сонъ ихъ заблужденій былъ крѣпокъ, и наконецъ или самоубійствомъ, или умоизступленіемъ жизнь они оканчивали. Таковы слѣдствія суть упомянутаго невѣрія“.... „Всѣ лжефилософы суть несчастны; они сами бытіемъ своимъ наслаждаться не умѣютъ, ни въ обществѣ съ сомышленниками своими ужиться не могутъ. Вольнодумство есть родъ пьянственнаго состоянія: они, заимствуя образъ понятій другъ у друга, въ неистовомъ восторгѣ объемлются; но гордостію упоенны, за отличныя малѣйшія мнѣнія, за несходственныя правила, какъ въ буйственномъ пиршествѣ, другъ друга порицаютъ, язвятъ, убиваютъ и торжествуютъ“ (¹).... Но особенно въ мрачныхъ чертахъ описывается состояніе Франціи во время революціи въ другой повѣсти „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“, составляющей продолженіе „Кадма и Гармоніи“. Въ повѣсти изображаются приключенія Полидора, сына Кадмова, между которыми, въ указанномъ отношеніи, особенно замѣчательно пребываніе его на островѣ Терзитянъ. Подъ этимъ островомъ разумѣется современная Франція. Во время плаванія по атлантическому океану, Полидоръ увидѣлъ островъ Терзитъ, и приставъ къ нему,

---

(¹) Сочин. VIII, 62—64.

встрѣтилъ на берегу нѣсколько старцевъ, которые плакали и умоляли его посѣтить ихъ землю и спасти ее отъ страшнаго междоусобія. Взошедши на одну изъ береговыхъ скалъ, Полидоръ увидѣлъ „села и веси дымящіяся, грады пылающіе, поля кровію обагренныя; страшные вопли въ слухъ его ударяютъ; народъ повсюду какъ стадо безъ пастыря толпящійся, въ нагломъ буйствѣ вопіетъ: вольность, вольность!“ На вопросъ: кто сіи изверги, отечество ваше опустошающіе, старцы отвѣчали: „Увы, не тартаръ породилъ нашего отечества грабителей и злодѣевъ; земля наша сихъ враговъ, сихъ мучителей воспитала; жены и дщери наши сихъ лютыхъ губителей млекомъ своимъ воздоили; въ нѣдрахъ нашего отечества сіи драконы, терзающіе носившую ихъ утробу, зачалися; словомъ, они братія наши суть, сыны, родственники наши — они терзитяне.... Буйствомъ водимые, не уважаютъ они ни родствомъ, ни дружествомъ, ни благомъ общимъ; попрали святыню, пренебрегли боговъ, поругались престоломъ; дивно ли, что дрожащему гласу родителей они не внемлютъ, слезами рыдающихъ сестеръ и братій не трогаются, увѣщаніями друзей ругаются и самою добродѣтелію возгнушались? О, государь! люди, утратившіе уваженіе къ божествамъ, могутъ ли что ни есть признавать священнымъ“ ([1])? Затѣмъ старцы разсказываютъ о началѣ и причинахъ этихъ страшныхъ бѣдствій. „Дерзновенные вольнодумцы, говорили они, издавна начали подрывать основаніе священныхъ преданій, терзитянами возпріятыхъ и чтимыхъ; кощунство ихъ нравилось наглой юности и празднолюбцамъ; оно обольстило строптивую младость, къ новостямъ преклонную, обольстило острыми изреченіями; дерзновенные духи восторжествовали, и удачею упоенны, простерли буйство свое на всѣ состоянія, на всякое установленіе, на связи общежитія... Неразсудительные человѣки къ развратамъ всегда преклонны суть. Появились тысячи послѣдователей наглому лжетолкователей ученію, — тогда искры воспаленнаго на всесозженіе пламенника посыпались надъ капищами боговъ, надъ самою святостію и наконецъ надъ царскимъ престоломъ.... Мятежники простерли темную ночь надъ отечествомъ; они стали подобны хищнымъ звѣрямъ, или кровожаждущимъ убійцамъ, во мракѣ пресмыкающимся; древніе законы потрясшіе изверги всякую власть попрали, но сами самовластными содѣлались; они сбросили съ себя личину любомудрія, любви, кротости и явились намъ въ адскомъ своемъ образѣ, явились люты, хищны, кровожаждущи. Первое ихъ разглашеніе возвѣстило безначальство и бѣшеное равенство людей, ни съ кѣмъ

([1]) Сочин. X, 91—92.

равенства недостойныхъ. Новость сія, или чародѣйное ослѣпленіе соблазнили неразумную толпу народа, собственнаго ея блага, ни естественныхъ правилъ непонимающую, и — повиновеніе исчезло" ([1])! Полидоръ усмиряетъ Терзитянъ, водворяетъ въ странѣ порядокъ, вводитъ мудрые законы и твердое управленіе.

Такой же характеръ и направленіе имѣетъ и повѣсть или поэма Хераскова „Царь, или спасенный Новгородъ" (1800 г.). Въ ней съ одной стороны, какъ въ Полидорѣ, изображены „ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства", а съ другой, какъ въ „Нумѣ Помпиліи" — счастіе государствъ и народовъ. Какъ Полидоръ усмиряетъ Терзитянъ и даетъ имъ новое государственное устройство, такъ Рюрикъ усмиряетъ новгородцевъ, возставшихъ противъ его власти, и устрояетъ порядокъ, спокойствіе и благоденствіе въ Новгородѣ.

Къ драматическимъ произведеніямъ Хераскова относятся 1) трагедіи: „Мартезія и Фалестра". Дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ славянскомъ градѣ, въ чертогахъ Амазонской царицы, Мартезіи. „Пламена": главныя лица въ ней князья Мстиславъ и Позвиздъ—дѣти князя Владиміра. „Горислава": въ ней изображается судьба Полоцкой княжны Рогнѣды; „Бориславъ, царь Богемскій", дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ городѣ Богеміи; „Цидъ", трагедія, передѣланная изъ трагедіи Корнеля; „Юліанъ отступникъ"; „Венеціанская монахиня" и „Освобожденная Москва". Послѣдняя трагедія, изображающая освобожденіе Москвы отъ поляковъ во время междуцарствія, какъ проникнутая глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, пользовалась у современниковъ особеннымъ уваженіемъ и весьма часто давалась на сценѣ. 2) Слезныя драмы: „Другъ несчастныхъ"; „Гонимые"; „Милана, драма съ пѣснями"; „Школа добродѣтели"; „Извинительная ревность"; комедія „Ненавистникъ".

Наконецъ у Хераскова есть цѣлый томъ (VII) мелкихъ, лирическихъ или лучше дидактическихъ стихотвореній. Это оды духовнаго содержанія, между которыми есть ода Богъ, явно написанная по подражанію Державину, оды торжественныя и похвальныя въ честь Екатерины и Павла I; оды поучительныя и оды анакреонтическія, подъ которыми, впрочемъ, разумѣются не любовныя или веселыя стихотворенія, но дидактическія или назидательныя размышленія въ стихахъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. По страсти къ стихотворству и по обычаю вѣка, Херасковъ любилъ излагать въ стихахъ всякую болѣе или менѣе замѣчательную мысль, какая только приходила ему въ голову. Для характеристики дидактическаго стихотворства Хераскова

(1) Тамъ же, 134—136.

вообще можно указать на его дидактическую поэму: „Плоды наукъ“, въ которой проводится параллель между древними временами невѣжества и современнымъ вѣкомъ просвѣщенія.

«Но что науки суть? Разсудковъ нашихъ свѣтъ.
Тамъ тма безденная, наукъ гдѣ свѣта нѣтъ;
Какъ быліе въ поляхъ, такъ вянутъ человѣки,
И гибли какъ трава въ непросвѣщенны вѣки.
Безъ пользы въ мірѣ жить, безъ пользы изчезать,
Возможно-ль жизнію такую жизнь назвать?»

И. Ѳ. Богдановичъ. Къ обществу Хераскова, мы замѣтили, принадлежало много поэтовъ и литераторовъ; однимъ изъ болѣе близкихъ къ нему и болѣе даровитыхъ былъ Богдановичъ (1). Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ (1743 — 1803) родился въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Переволочнѣ); но еще мальчикомъ (10 лѣтъ) былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь, посѣщая театръ, онъ такъ пристрастился къ нему, что явился просить себѣ мѣсто актера къ Хераскову, который тогда былъ директоромъ театра; но Херасковъ, замѣтивъ способности въ мальчикѣ, вмѣсто театра записалъ его вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, принялъ къ себѣ въ домъ и сталъ руководить его въ образованіи, а потомъ опредѣлилъ его надзирателемъ при университетскихъ классахъ. Въ 1760 г. Богдановичъ уже участвовалъ въ издававшихся Херасковымъ журналахъ „Полезное увеселеніе“ и „Свободные Часы“. Въ 1763 г. онъ самъ издавалъ „Невинное Упражненіе“, гдѣ помѣщалъ свои стихотворенія. Княгиня Дашкова, узнавъ о литературныхъ трудахъ Богдановича, помѣстила его переводчикомъ въ иностранную коллегію. Потомъ онъ занималъ разныя должности и между прочимъ нѣсколько времени былъ секретаремъ при посольствѣ въ Дрезденѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ участвовалъ въ „Собесѣдникѣ“ кн. Дашковой, въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ Брайко, въ изданіи „Сочиненій и переводовъ Россійской Академіи“. Богдановичъ писалъ оды (ода на новый 1763 годъ, гимнъ на бракосочетаніе В. К. Павла Петровича), поэмы („Душенька“, „Сугубое блаженство“), драмы и комедіи (драма „Славяне“, комедія „Радость Душеньки“); переводилъ статьи изъ французской Энциклопедіи, французскіе стихи, писанные въ честь Екатерины Вольтеромъ и Мармонтелемъ, перевелъ поэму Вольтера на разрушеніе Лиссабона и проч., по порученію Екатерины, сдѣлалъ небольшой сборникъ русскихъ

(1) Краткая автобіографія Богдановича напечатана Геннади въ Отеч. Зап. 1853; № 4. Объ изданіи сочиненій Богдановича смотр. также у Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ въ XVIII и XIX ст. О сочиненіяхъ Богдановича Галахова Отеч. Зап. 1849 № 4.

пословицъ, переложивъ нѣкоторыя изъ нихъ въ стихи. Но всего болѣе онъ былъ извѣстенъ между современниками, какъ авторъ „Душеньки“.

Въ началѣ поэмы Богдановичъ говоритъ:

«Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька, на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю!
. . . .
Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъименъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
Перомъ ихъ кажется что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни.
Но естьли подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно,
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ» [1].

„Душенька, дѣйствительно, составляетъ передѣлку повѣсти Лафонтена „Les Amours de Psyché et de Cupidon“, который содержаніе для нея заимствовалъ изъ романа Апулея „Превращенія или Золотой Оселъ“. Самый миѳъ о Психеѣ явился еще на Востокѣ и имѣетъ глубокій религіозный смыслъ. Подъ Психеей разумѣется душа человѣка; въ ея странствованіяхъ и приключеніяхъ изображаются стремленія души къ высочайшему благу — Любви, Эросу. Съ Востока миѳъ о Психеѣ перешелъ въ Грецію и далъ содержаніе греческимъ мистеріямъ, которыя изображали его въ разныхъ таинственныхъ обрядахъ. Платоническій философъ Апулей, жившій въ Римѣ во II вѣкѣ по Р. Х., изложилъ его въ своемъ романѣ: „Превращенія, или Золотой Оселъ“. Въ основѣ всѣхъ превращеній „Золотаго Осла“ выражается идея души, погрязшей въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ таинства очищенной и преображенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторіи Психеи изображается душа женщины, которая, утративъ свою невинность, должна была, какъ невольница любви (Венеры), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы сдѣлаться достойной невѣстой Эрота или Купидона. — У одного царя было

[1] Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Новое исправленное изданіе. Спб. 1794; стр. 1—3.

три дочери. Старшія двѣ дочери не отличались красотою, но младшая Психея была такъ прекрасна, что всѣхъ привлекала къ себѣ и повсюду прославилась. Ей какъ Венерѣ воздавали божескія почести, приносили жертвы. Такое почтеніе, воздаваемое смертной, страшно разгнѣвало настоящую богиню красоты, Венеру, и она приказала сыну своему, Купидону, наказать Психею; но, увидѣвъ Психею, Купидонъ самъ почувствовалъ къ ней любовь. Между тѣмъ, отецъ и мать Психеи, по повелѣнію оракула, отвозятъ ее на вершину одной высокой горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому Психея судьбою назначена въ супруги. Но лишь только Психею оставили на горѣ, какъ Зефиръ, по приказанію Купидона, немедленно переноситъ ее въ богатый чертогъ. Здѣсь каждую ночь посѣщаетъ ее самъ Купидонъ, не открывая ей ни своего имени, ни своего вида. Живя въ великолѣпномъ чертогѣ, въ полномъ довольствѣ, царевна глубоко сожалѣла о своихъ сестрахъ, которыя, ничего не зная о такой ея судьбѣ, оплакивали ее, какъ погибшую, и чрезъ Зефира извѣстила ихъ о своемъ мѣстопребываніи и пригласила къ себѣ. Сестры позавидовали ея счастію и внушили ей, что супругъ ея, не открывающій ей своего вида и прилетающій къ ней только ночью, есть не кто другой, какъ страшный драконъ, и посовѣтовали ей убить его. Но, намѣреваясь совершить это убійство, Психея, вмѣсто дракона, при свѣтѣ лампады, увидѣла спящаго Купидона и такъ была поражена этимъ, что въ волненіи пролила на него горячее масло изъ лампады. Пробужденный Купидонъ такъ сильно разсердился на Психею, что совершенно оставилъ ее. И вотъ Психея отправляется странствовать и отыскивать Купидона. Послѣ разныхъ приключеній, она является наконецъ къ самой Венерѣ. Оскорбленная богиня осуждаетъ Психею на разныя испытанія, которыя она преодолѣваетъ всѣ благополучно, кромѣ послѣдняго. Послѣднее испытаніе состояло въ томъ, что Психея должна была сходить въ аидъ къ Прозерпинѣ и принести отъ нея ящикъ съ благоуханіемъ красоты, не открывая этого ящика, во время путешествія. Психея не могла воздержаться отъ любопытства и открыла ящикъ; изъ ящика тотчасъ вылетѣло смертоносное испареніе и умертвило Психею. Но Купидонъ однимъ прикосновеніемъ стрѣлы оживилъ Психею, а Юпитеръ, за всѣ ея страданія, возвелъ на Олимпъ и сдѣлалъ безсмертною. Послѣ этого Купидонъ и Психея вступаютъ въ брачный союзъ на вѣки. Французскій поэтъ Лафонтенъ (1627—1695), оставивъ въ сторонѣ внутренній смыслъ миѳа, взялъ только внѣшнія событія и приключенія и изложилъ ихъ въ веселомъ и игривомъ стилѣ, согласно съ современнымъ вкусомъ, который стремился къ шуткѣ и любезничанью, который требовалъ отъ писателей, чтобы они въ

своихъ сочиненіяхъ смѣшивали „полезное съ пріятнымъ", поучали, забавляя, чтобы всѣ сюжеты, заимствованные изъ области древней миѳологіи и исторіи, были освѣщаемы современнымъ свѣтомъ, приспособлялись къ современнымъ нравамъ. Точно также поступилъ и Богдановичъ. Если въ повѣсти Лафонтена греческая царевна Психея сдѣлалась современною поэту француженкой, то въ поэмѣ Богдановича Душенька явилась чисто русской дѣвицей, въ обстановкѣ русскихъ нравовъ, и ея приключенія разсказываются на манеръ русскихъ сказокъ, съ соблюденіемъ разныхъ сказочныхъ мотивовъ и пріемовъ. Описывая отправленіе Душеньки къ назначенному оракуломъ супругу, Богдановичъ говоритъ

. . . . «Амуръ, Судьбы и Боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь
Велѣли сухари готовить для дороги» (1).

Какъ въ сказкахъ дѣйствіе происходитъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, такъ и Душеньку везутъ „за тридевять земель", на вершину невѣдомой горы (2). Затѣмъ, какъ въ сказкахъ же, упоминаются летающій змѣй, змѣй Горыничъ, Чюдо-Юдо, Кощей безсмертный и Кощеевъ арсеналъ, гдѣ хранится мечъ Геркулеса „самосѣкъ", которымъ онъ поразилъ гидру (3), упоминаются „шелковы луга, сытовая вода, кисельны берега" (4). Въ храмъ Венеры Душенька приходитъ подъ длинною фатой и въ длинномъ сарафанѣ (5), Венера заставляетъ Душеньку принести чрезъ три часа „воды живой и мертвой" (6). Отправившись по приказанію Венеры къ Прозерпинѣ, Душенька встрѣчаетъ въ лѣсу избушку, а въ избушкѣ той старушку, напоминающую Бабу-Ягу (7). Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Душенька прислуживавшему ей амуру изъ своихъ рукъ „пол-рюмки нектару изволила поднесть"; въ другомъ замѣчается, что Душенькѣ „пѣли многа лѣта" (8). Если Лафонтенъ, изъ желанія сдѣлать повѣсть болѣе веселой и интересной, многія простыя и строгія черты древняго миѳа прикрасилъ и преувеличилъ, то Богдановичъ, по тѣмъ же побужденіямъ, такихъ прикрасъ и преувеличеній допустилъ еще больше. Въ этихъ случаяхъ, то, что у Лафонтена имѣетъ видъ граціозный или забавный, у Богдановича не рѣдко получаетъ тяжелый и грубоватый характеръ. Вотъ напр. какъ, изображая поѣздъ Венеры въ раковинѣ на двухъ дельфинахъ, онъ описываетъ сопровождавшихъ ее тритоновъ и другихъ морскихъ чудовищъ:

«Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.

---

(1) Тамъ же стр 24. (2) Стр. 21. (3) Стр. 68 (4) Стр. 100. (5) Стр. 103—104. (6) Стр. 108. (7) Стр. 113. (8) Стр. 38—39.

Тритóновъ вóдяной нарóдъ
Выхóдитъ къ нéй изъ бéздны вóдъ:
Инóй вокрýгъ ея́ выряéтъ,
И дéрзски вóлны ýсмиряéтъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ.

. . . .

Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Вожжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ въ переди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.

. . . .

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльмы небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею плящутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ на струяхъ несясь
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь (1)....

Такимъ образомъ, миѳъ о Психеѣ, имѣвшій въ древнія времена религіозное значеніе, превратился въ сказку и сталъ служить забавой и развлеченіемъ. Его глубокая идея въ передѣлкахъ совсѣмъ исчезла; въ нихъ остался только рядъ веселыхъ картинъ. Ни Лафонтенъ, ни Богдановичъ, конечно, не имѣли намѣренія написать пародію на древній миѳъ, но, изложивъ его въ веселомъ тонѣ, въ шутливой формѣ, они написали пародію. Не смотря, однакоже, на такое искаженіе миѳа, Душенька чрезвычайно нра-

(1) Стр. 13—16.

вилась русскимъ читателямъ. Большинство ихъ, конечно, и не догадывалось объ этомъ искаженіи, потому что подлиннаго миѳа совсѣмъ не знало (да подлинный миѳъ безъ приспособленія къ современнымъ нравамъ едвали и могъ нравиться имъ). Повѣсть еще въ рукописи распространилась повсюду. Первую ея книгу сначала напечаталъ графъ Каменскій на свой счетъ, а Карамзинъ, сравнивая ее съ повѣстью Лафонтена, поставилъ ее выше послѣдней ([1]). Что же было причиною такого вниманія? „Непринужденность стиля, говоритъ издатель ея, другъ Богдановича, Ржевскій, чистота стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній мнѣ столько понравились, что я просилъ сочинителя отдать сію поэму въ мою волю.... а я разсудилъ издать и въ печать. Я думаю, что многимъ она понравится тѣмъ, что нѣтъ на нашемъ языкѣ подобнаго рода стихотвореній, но и щастливымъ успѣхомъ сочинителя“ ([2]). Дѣйствительно, это былъ у насъ первый хорошій опытъ въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тяжелому складу классическихъ поэмъ; но издатель опустилъ еще одну черту, которою повѣсть, можетъ быть, гораздо болѣе нравилась читателямъ, чѣмъ указанными имъ свойствами: это множество вольныхъ и нескромныхъ картинъ, которыя были написаны совершенно во вкусѣ XVIII вѣка, любившаго услаждаться подобными картинами.

Настоящую пародію, или оборотную сторону героической поэмы или эпопеи составляетъ комическая или героикомическая поэма. Предметомъ ея служитъ или представленіе важныхъ героическихъ событій, дѣйствій и рѣчей героевъ въ смѣшномъ и забавномъ стилѣ, въ прозаической обстановкѣ обыденной жизни и простонароднаго быта, или же наоборотъ въ громкомъ и высокомъ тонѣ, съ соблюденіемъ правилъ, пріемовъ и формъ, употреблявшихся въ героическихъ поэмахъ, изображеніе самыхъ простыхъ, нисшихъ и смѣшныхъ явленій, взятыхъ изъ жизни нисшаго сословія. Примѣръ первой формы комическаго эпоса, или такъ называемой „перелицевки“, „переворачиванія на изнанку“ представляютъ: „Энеида, вывороченная на изнанку“ Осипова (1751—1799) и Котельницкаго ([3]); „Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ Котляревскимъ“ (пародія первыхъ трехъ

---

(1) Въ Вѣсти Европы 1803. № 10.

(2) Смотр. у Губерти: Хронологическое обозрѣніе книгъ, стр. 128.

(3) Энеида Н. П. Осипова напеч. въ 1791 и вторично съ продолженіемъ Котельницкаго въ 1808 г.

пѣсенъ Энеиды, 1798); „Похищеніе Прозерпины“ Котельницкаго (1795). Примѣръ второй формы—поэмы Майкова: „Игрокъ Ломбера“ (1763) и „Елисей, или раздраженный Вакхъ“ (1771).

В. И. Майковъ (¹). Василій Ивановичъ Майковъ (1728—1778) былъ сынъ одного ярославскаго помѣщика. Послѣ домашняго воспитанія, онъ прямо вышелъ на службу и служилъ сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Онъ не получилъ никакого училищнаго образованія и всѣмъ своимъ развитіемъ литературнымъ былъ обязанъ тому кружку писателей, съ которымъ сталкивали его жизнь и служба. Очень рано онъ познакомился съ Волковымъ и Дмитревскимъ, потомъ подружился съ Сумароковымъ, и наконецъ вступилъ въ кружокъ Хераскова. Первые стихи его и появились въ журналахъ Хераскова „Полезное увеселеніе “ и „Свободные часы“. Настоящая же литературная извѣстность его началась съ поэмы „Игрокъ Ломбера“, которая имѣла необыкновенный успѣхъ между прочимъ потому, что содержаніе ея было взято изъ области, близко знакомой тогдашнему обществу. Майковъ былъ членъ „Вольнаго россійскаго собранія“, существовавшаго при московскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ Мелиссино. Есть извѣстіе, что въ 1755 г. Майковъ былъ секретаремъ Великой провинціальной масонской ложи; начиная съ 1777 г. его стихотворенія, дѣйствительно, выражаютъ въ себѣ основныя идеи масонскаго ученія и печатаются въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ Новикова.

Майковъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и могъ читать только сочиненія на русскомъ языкѣ. Поэтому, говорятъ, Дидро, бывши въ Петербургѣ, особенно интересовался его сочиненіями, ибо они, по его словамъ, „должны быть чисто творческія“. Не зная иностранныхъ языковъ, Майковъ, однакоже, любилъ перелагать иностранныя сочиненія въ стихи съ русскихъ переводовъ. Такъ онъ переложилъ „съ россійской прозы“ въ стихи Вольтерову Меропу, и вѣроятно подобнымъ же образомъ перевелъ стихами „Овидіевы превращенія“ и „Военную науку“ Фридриха II. Самъ Майковъ писалъ въ разныхъ родахъ: оды (импер. Екатеринѣ, в. к. Павлу Петровичу, гр. Чернышеву, на рожденіе в. к. Александра Павловича), трагедіи и драмы („Агріопа“, „Ѳемистъ и Іеронима“, „Деревенскій праздникъ, или увѣнчанная добродѣтель“, пастушеская драма съ музыкой; „Пиг-

---

(¹) Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Съ портретомъ, со статьею о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе Глазунова 1867 г.

маліонъ, или сила любви“), басни и сказки и разныя стихотворенія. Но лучше всѣхъ его произведеній были двѣ комическія поэмы: „Игрокъ Ломбера“ и „Елисей, или раздраженный Вакхъ“. Содержаніе „Игрока“ взято изъ области карточной игры; интересъ поэмы: заключается въ олицетвореніи главныхъ или старшихъ картъ. Герой поэмы „Елисей“—ямщикъ изъ Зимогорья: содержаніе ея составляютъ самыя нисшія явленія простонароднаго быта; но оно изложено высокимъ тономъ, по образцу героическихъ поэмъ, Иліады, Одиссеи и Энеиды. Подобно этимъ поэмамъ, „Елисей“ начинается словомъ пою и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону, который своею „Энеидой“, вывороченной на изнанку, далъ образецъ для комическихъ поэмъ. Какъ въ Иліадѣ причиною всѣхъ несчастій, постигшихъ грековъ во время троянской войны, былъ гнѣвъ Ахиллеса; такъ въ „Елисеѣ“ исходнымъ пунктомъ всѣхъ приключеній служитъ гнѣвъ Бахуса. Раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина и пива, Бахусъ избираетъ орудіемъ своего мщенія ямщика Елисея и вводитъ его въ домъ одного откупщика. Елисей здѣсь начинаетъ всячески безобразничать, оскорбляетъ честь жены откупщика, опустошаетъ его погребъ и потомъ принимается за разореніе другихъ откупщиковъ. Эти безобразія приводятъ въ гнѣвъ Зевеса, который собираетъ боговъ на совѣтъ. Боги на совѣтѣ положили отдать Елисея въ солдаты. Поэма оканчивается исполненіемъ этого приговора боговъ. Какъ въ Иліадѣ описываются битвы грековъ съ троянами, такъ въ „Елисеѣ“ изображаются драки и бой зимогорцевъ съ валдайцами за сѣнокосъ. Какъ въ поэмѣ Виргилія Эней разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ карѳагенской царицѣ, Дидонѣ, такъ Елисей о битвахъ зимогорцевъ съ валдайцами разсказываетъ начальницѣ прядильнаго дома. Вообще во всей поэмѣ проводится постоянная пародія на героическія поэмы. Въ поэмѣ много сценъ грубыхъ и грязныхъ.—Басни и сказки Майкова написаны по образцу притчей Сумарокова и подобно притчамъ имѣютъ сатирическій характеръ; въ нихъ, въ формѣ аллегорическаго разсказа, проводятся разныя нравственныя наставленія.

Я. Б. КНЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ считается представителемъ трагедіи въ Екатерининскую эпоху. Онъ родился въ Псковѣ въ 1742 г. До 15-ти лѣтъ воспитывался дома, подъ руководствомъ своего отца, который обращалъ особенное вниманіе на нравственное его развитіе. Потомъ онъ былъ отданъ въ ученіе въ

Петербургъ, къ профессору академіи наукъ, Модераху. У Модераха Княжнинъ учился математикѣ, исторіи, географіи, но особенно хорошо познакомился съ языками итальянскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Изученіе языковъ дало ему возможность тотчасъ, по окончаніи образованія, поступить переводчикомъ въ иностранную коллегію, изъ которой онъ потомъ перешелъ въ военную службу, подъ начальство графа К. Г. Разумовскаго. Литературные труды, оригинальные и переводные, обратили на него вниманіе И. И. Бецкаго, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и въ тоже время поручилъ ему преподаваніе русской словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Состоя въ должности секретаря Бецкаго, Княжнинъ помогалъ ему при устройствѣ воспитательныхъ заведеній.

На литературномъ поприщѣ Княжнинъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Сумарокова и подобно Сумарокову держался французской драматической системы Первымъ его произведеніемъ была трагедія „Дидона", которая сначала была представлена въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ, въ присутствіи самой импер. Екатерины. Вниманіе императрицы, а особенно одобреніе перваго тогдашняго авторитета драматическаго, Сумарокова, побудили его сосредоточить свою литературную дѣятельность преимущественно въ области драмы. Принятый благосклонно Сумароковымъ, Княжнинъ искренно подружился съ нимъ, женился на его дочери, которая сама также занималась литературой, и сдѣлался его истиннымъ почитателемъ и послѣдователемъ. Но будучи другомъ и подражателемъ Сумарокова, Княжнинъ, по характеру своему, составлялъ совершенную противоположность Сумарокову. Онъ совсѣмъ не имѣлъ того непомѣрнаго самолюбія и тщеславія, которыя составляли самыя рѣзкія черты въ характерѣ Сумарокова. Напротивъ, онъ отличался необыкновенною скромностію и застѣнчивостью. Когда, послѣ перваго представленія Дидоны, кто-то, по обыкновенію, сказалъ ему: „Вы нашъ Расинъ", Княжнинъ отвѣчалъ: „ради Бога, тише говорите; кто-нибудь услышитъ ваши слова и впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ". Во время перваго представленія „Росслава" аплодисменты не прекращались, а по окончаніи его, публика неистово вызывала автора трагедіи; но Княжнинъ, по застѣнчивости, не рѣшился явиться передъ нею, и вмѣсто него долженъ былъ выйти благодарить ее игравшій Росслава актеръ Дмитревскій. Этому знаменитому актеру Княжнинъ и въ послѣдствіи приписывалъ большую часть успѣха своихъ трагедій на сценѣ, особенно „Тита". Въ посвященіи своемъ „Росслава" княгинѣ Дашковой, отклоняя отъ себя всякое подозрѣніе въ низкой

лести, онъ замѣчаетъ:

«Однѣ заслуги чтя, моя неподла муза,
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда».

Скромный характеръ, дружелюбное со всѣми обращеніе, многостороннее образованіе и симпатія къ наукамъ и искусствамъ Княжнина столько же благотворно дѣйствовали на окружавшее его современное общество, какъ и самыя его сочиненія. Домъ его былъ всегда мѣстомъ собранія для всѣхъ ученыхъ и писателей. Любители искусства и молодые поэты находили здѣсь самый теплый пріютъ. Уважая заслуги Княжнина, россійская академія сдѣлала его своимъ членомъ, и онъ участвовалъ въ составленіи академическаго лексикона русскаго языка, а также въ издававшемся при академіи „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова". Умеръ Княжнинъ въ 1791 г. (1).

Трагедіи Княжнина. Въ надписи къ портрету Княжнина было сказано о немъ:

«Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его своимъ Росславомъ и Дидоной».

Дѣйствительно, „Дидоной", какъ замѣчено выше, Княжнинъ обратилъ на себя первое вниманіе, а „Росславъ" считался лучшей его трагедіей и всего больше утвердилъ его репутацію какъ трагика. Изъ другихъ трагедій особенно часто представлялось на сценѣ еще „Титово милосердіе".

„Дидона" написана по подражанію „Дидонѣ" итальянскаго поэта Метастазіо и во многихъ мѣстахъ составляетъ ея передѣлку. Согласно съ античной легендой, въ Дидонѣ изображена неистовая страсть любви къ Энею, приведшая ее къ самосож-

(1) При обзорѣ сочиненій Княжнина мы пользовались третьимъ ихъ изданіемъ. Спб. 1817—1818 г. Ч. I—V. Лучшія изслѣдованія о Княжнинѣ: В. Я. Стоюнина Я. Б. Княжнинъ. Библ. для чтен. 1850; №№ 5, 6 и 7; Еще о Княжнинѣ и трагедіи его «Вадимъ», Русск. Вѣстн. 1860, № 10; Княжнинъ—писатель, Историч. Вѣстн. 1881, іюнь; Галахова: «О сочиненіяхъ Княжнина, Отеч. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12; М. Лонгинова: Княжнинъ и трагедія его «Вадимъ», Русск. Вѣстн. 1860, № 4. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Княжнина. Русск. Архивъ 1866, №№ 11 и 12.

женію. Трагическое положеніе Энея заключается въ борьбѣ между любовью къ Дидонѣ и чувствомъ долга и обязанности повиноваться богамъ, которые повелѣваютъ ему оставить Дидону и отправиться въ Лаціумъ, для основанія новаго государства во славу Трои и народа троянскаго. Сопутнику своему Антенору Эней говоритъ:

«Не чувствовалъ бы я, не знавъ Дидоны въ вѣкъ,
Какъ можетъ счастливъ быть на свѣтѣ человѣкъ!
. . . .
Увы! какой любви я долженъ отрицаться!
Антеноръ. Сильна сія любовь, но честь велитъ разстаться.
Рѣши, рѣши судьбу отечества въ сей часъ.
Эней. О должность! о любовь! о, Трои жалкій гласъ!
Терпѣлъ-ли кто когда подобное мученье?
Антеноръ. Еще-ли чувствуешь о Троѣ сожалѣнье?
Та страсть великихъ душъ, къ отечеству любовь,
Днесь можетъ-ли еще твою тревожить кровь?
. . . .
Тотъ счастливъ, кто любви отравы не вкушаетъ;
Но тотъ великъ, ея кто узы разрушаетъ:
И оставляючи Эней страну сію,
Любовью славу днесь величишь ты свою» (1).

Это величіе души, торжествующей надъ страстью, и проповѣдуетъ Княжнинъ въ трагедіи (достойная великихъ душъ страсть — къ отечеству любовь). Въ жертву любви къ отечеству, состоящей въ томъ, чтобы прославить имя Трои и троянцевъ и, основавъ новое государство, навсегда утвердить его въ памяти народовъ, Эней приноситъ свою страсть къ Дидонѣ и свое счастіе. Въ такомъ представленіи Энея выразились какъ глубокое патріотическое чувство поэта, такъ и господствовавшее тогда воззрѣніе на патріотизмъ, по которому любовь къ отечеству должна состоять именно въ ревности о славѣ своего народа, въ заботахъ о силѣ и величіи своего государства. На этой мысли и чувствѣ утверждается и любовь Дидоны къ Энею, о которомъ она говоритъ:

«Постыдно-ль мнѣ горѣть къ великому герою,
Который защищалъ съ толикой славой Трою,
Который Гектору геройствомъ равенъ былъ,
Который грековъ всѣхъ мечемъ своимъ страшилъ»? (2).

(1) Сочиненія Княжнина I, 6—7. (2) Сочин. I, 19.

Кромѣ страсти Энея и Дидоны, въ трагедіи изображена мстительная ревность соперника Энеева, гетульскаго царя, Ярба. Но какъ любовь такъ и ревность представлены крайне искуственно и преувеличенно. Въ пріемахъ и стилѣ трагическомъ, Княжнинъ подражалъ Сумарокову. Это подражаніе замѣчается даже въ мелкихъ подробностяхъ. Какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова умирая желаетъ, чтобы Москва досталась послѣ него такому же, какъ онъ, злодѣю, такъ Дидона, бросаясь въ огонь, говоритъ:

«Весь градъ кончаяся падетъ съ своей царицей.
Да будетъ Карѳагенъ Дидониной гробницей!» (1).

Княжнинъ былъ умный и образованный писатель, но не такъ талантливъ, какъ Сумароковъ. Картины въ трагедіяхъ Сумарокова часто аляповаты и недодѣланы, но въ нихъ много жара и одушевленія, драматическаго движенія и бойкости; картины Княжнина правильнѣе и болѣе отдѣланы, но зато онѣ холоднѣе и напыщеннѣе, и страсти въ нихъ изображаются еще въ болѣе преувеличенномъ и неестественномъ видѣ. Не смотря, однакоже, на такіе недостатки, Дидона, благодаря указанному патріотическому направленію, въ продолженіе 40 лѣтъ почти постоянно давалась на сценѣ.

На ту же тему о любви къ отечеству написана и трагедія „Росславъ". Посвящая эту трагедію княгинѣ Дашковой, Княжнинъ говоритъ, что въ ней изображена „не обыкновенная страсть любви, которая на россійскихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству". Выразителемъ этой страсти въ трагедіи представляется россійскій полководецъ Росславъ, находящійся въ плѣну у датскаго и шведскаго короля Христіерна. Находясь въ плѣну, Росславъ подружился съ Кедаромъ, главнымъ полководцемъ Христіерна, и возбудилъ къ себѣ любовь княжны Зафиры, происходящей изъ рода прежнихъ шведскихъ владѣтелей. И самого его увлекаютъ красота и добродѣтель Зафиры; но онъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы поддаться этому влеченію. Когда указалъ ему на это Кедаръ и предостерегалъ его, что Зафиру уже любитъ самъ Христіернъ, онъ говоритъ ему:

«Спокоенъ будь! Кедаръ Росслава мало чтитъ,
Коль страстію его лишенна мнитъ покоя.
Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,

(1) Тамъ же I, 60.

Тогда порочень тоть, кто хочеть счастливъ быть.
Се добродѣтели единые законы,
Неодолимыя межъ нами суть препоны:
Я помню честь и долгъ; хоть смертно я горю,
Въ Зафирѣ я княжну враговъ россійскихъ зрю,
И еслибъ днесь ея и было сердце вольно,
Чтобъ пламень погасить—я Россъ, сего довольно» (1).

Вотъ что онъ отвѣчаетъ самой Зафирѣ, когда она, открывшись ему въ своей любви, предлагаетъ возвести его съ собой на шведскій престолъ:

«Чтобъ я забылъ въ себѣ россійска гражданина,
Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
Отечество мое чтя выше и тебя,
Могу-ль его забыть я, троны возлюбя?
Пускай престола блескъ гордыню обольщаетъ;
Безъ добродѣтели корона помрачаетъ.
Росславу царскій тронъ безславье навлечетъ.
Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
Се царь, любовію на чуждый тронъ взнесенный,
Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,
Ни Готѳъ, ни Россъ, любви не могши одолѣть,
И столько твердости души не могъ имѣть,
Чтобы, презря вѣнецъ, быть обществу полезнымъ» (2).

Желая спасти Росслава, русскій князь присылаетъ къ Христіерну своего посла Любомира, съ предложеніемъ ему, въ выкупъ за Росслава, нѣсколькихъ русскихъ городовъ; но Росславъ приходитъ въ негодованіе отъ такого предложенія, считая его со стороны русскаго князя измѣной отечеству. Онъ говоритъ Любомиру:

«Ты Россъ, а ты тогожъ не можешь ощущать,
Ты Россъ, а князю ты сего не могъ представить,
Колико можетъ тѣмъ онъ тронъ свой обезславить.
О стыдъ отечества! Монархъ, свой долгъ забывъ
И санъ величія пристрастьемъ помрачивъ,
Блаженству общества меня предпочитаетъ
И вредъ Россіи всей въ очахъ вельможъ свершаетъ.
. . . .
Но князь за что меня, за что такъ мало чтитъ,
Что въ даръ отечеству мнѣ жизнь отдать претитъ?
Иль мыслитъ онъ, что такъ мой духъ ослабъ въ плѣненьи,
Что дни мои могу влачить въ уничиженьи;

(1) Сочин. I, 141—142. (2) Тамъ же I, 146—147.

Что жизнь могу сносить, отечество предавъ?
Росславъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Росславъ.
. . . .
Не можетъ повелѣть мой князь мнѣ подлымъ быти.
Жалѣетъ друга онъ, ввергая друга въ стыдъ,
Онъ жизнь даетъ.... Почто умрети не велитъ!
Тогда бы я, сіе услыша повелѣнье,
Къ Росславу бы его познати могъ почтенье,
Когда бъ мой князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ;
Тогда бъ онъ мнѣ, тогда бъ по царски другомъ былъ» [1].

Впрочемъ, Христіернъ не хочетъ принимать предлагаемыхъ отъ русскаго князя городовъ; онъ соглашается освободить Росслава изъ плѣна только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ откроетъ тайну, только ему извѣстную, гдѣ скрывается противникъ его, шведскій герой Густавъ. Съ этимъ условіемъ онъ сначала посылаетъ къ нему Зафиру, а потомъ приходитъ къ нему самъ, угрожая ему смертію въ случаѣ отказа. Зафирѣ Росславъ говоритъ:

«Когда бы знала ты, что въ тайнѣ страшной сей
Спасеніе страны заключено моей;
Тогда ты, жизни честь мою предпочитая
И добродѣтелью любовь превозмогая,
Велѣла бъ мнѣ сама позорну жизнь презрѣть,
И, въ гробѣ тайну скрывъ, со славой умереть.
. . . .
Сомнѣніемъ твоимъ я только отягчаюсь;
Люблю тебя, люблю.... но я не ослѣпляюсь.
По долгу, счастія противникъ моего
Достоинъ жалости, не гнѣва твоего.
Жалѣй несчастнаго, кто все съ тобою тратитъ,
Но выше кто любви отечеству долгъ платитъ;
Жалѣй несчастнаго, но подражай ему;
Отважься въ слѣдъ идти Росславу твоему» [2].

На предложеніе Христіерна и его угрозы онъ отвѣчаетъ:

«Оставь твое сребро, сіи тирановъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца,
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель;
Возьми и жизнь, но мнѣ оставь добродѣтель» [3].

---

(1) Тамъ же I, 152—153. (2) Тамъ же I, 169—170.
(3) Тамъ же I, 171.

Раздраженный такимъ сопротивленіемъ, Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы въ темницѣ. Сидя въ темницѣ, Росславъ утѣшаетъ себя:

«Съ какимъ спокойствомъ тотъ, о смерть, тебя встрѣчаетъ,
Кого гласъ совѣсти ни въ чемъ не уличаетъ....
О добродѣтель! Все заключено въ тебѣ,
Что праведна душа въ награду ждетъ себѣ;
Отрадъ предвѣчныхъ тѣхъ еще не постигая,
Тобой предчувствуетъ она блаженство рая;
Надежды чистыя лучемъ себя плѣняя,
Смерть тихій вечеръ ей прошедша свѣтла дня» (1).

Онъ отвергаетъ предложеніе Зафиры и Любомира спастись бѣгствомъ изъ темницы, считая это постыднымъ:

«Мнѣ бѣжать. . . . .
Какой я гнусный даръ Зафирѣ принесу,
Когда безчестьемъ жизнь и робостью спасу;
Когда, позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу
Плѣненнымъ Россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать.
. . . .
Предатель низкій благъ отечества драгаго,
Преступникъ долга я, толико мнѣ святаго,
Ты хочешь, чтобъ я все у ногъ твоихъ забылъ
И цѣлой жизни честь въ минуту погубилъ» (2).

Собираясь идти на смерть, онъ обращается къ послу русскаго князя, Любомиру, съ слѣдующими словами:

«А ты, отеческа, мой другъ, достигнувъ града,
Вѣщай мою, вѣщай къ отечеству любовь.
. . . .
Напомни Россамъ, какъ я долгъ хранить умѣлъ;
Что польза ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
Блаженъ и всѣхъ моихъ желаній тѣмъ достигну,
Коль смертію моей ихъ къ ревности подвигну
Стремиться доступать безсмертія вѣнца» (3).

Но въ то самое время, какъ готова была совершиться казнь надъ Росславомъ, является въ Стокгольмъ съ своимъ войскомъ Густавъ, свергаетъ съ престола Христіерна и освобождаетъ Рос-

---

(1) Тамъ же I, 180. (2) Тамъ же I, 183. (3) Тамъ же I, 190.

слава. Освобожденный Росславъ соединяется съ Зафирой узами брака, а Кедаръ, бывшій главнымъ врагомъ Росслава, былъ растерзанъ народомъ.

Такимъ образомъ, отъ начала до конца трагедіи преобладающею страстію въ Росславѣ служитъ любовь къ отечеству; но вслѣдствіе этого преобладанія самъ Росславъ становится не живымъ лицемъ, а чисто отвлеченной идеей. Въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій; онъ такъ же постоянно говоритъ о любви къ отечеству, какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова о своихъ злодѣяніяхъ.

«Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя»...

„Довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался", отвѣчаетъ онъ Зафирѣ, когда она напоминаетъ ему о его любви къ ней. Есть въ трагедіи и прямое подражаніе „Самозванцу" Сумарокова. Какъ Самозванецъ, погибая, выражаетъ желаніе, чтобы съ нимъ „погибла вся вселенна", такъ, подобно этому, Христіернъ, въ минуту сверженія его съ престола, восклицаетъ:

«Почто не возмогу въ сей часъ во гнѣвѣ яромъ
Весь городъ истребить однимъ моимъ ударомъ» (1)?

Величіе духа въ Росславѣ изображается съ крайнимъ преувеличеніемъ. Когда Кедаръ проситъ его умѣрить отчаяніе, онъ говоритъ:

«Кто? Я отчаянъ? Я?.. кто честенъ, тотъ спокоенъ.
Одинъ порочный духъ растерзанъ и разстроенъ,
Не могши въ совѣсти убѣжища сыскать,
Не смѣетъ самъ къ себѣ въ несчастьи прибѣгать» (2).

Любомиру, предложившему спастись бѣгствомъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не сдѣлайте того, явилъ чтобъ слабость я;
Чтобы тиранъ, меня со свѣтомъ разлучая,
Утѣшился, во мнѣ унынье примѣчая;
Чтобъ въ ярости своей хвалиться онъ возмогъ,
Что Росса онъ своимъ терзаніемъ содрогъ» (3).

Надобно замѣтить, впрочемъ, что такой идеалъ величія и доблести, изображенный въ Росславѣ, не русскаго происхожде-

---

(1) Тамъ же I, 201. (2) Тамъ же I, 179. (3) Тамъ же I, 187.

нія, а взятъ Княжнинымъ изъ римскаго классическаго міра, герои котораго въ то время считались идеалами для всего міра, и притомъ взятъ не прямо изъ римскихъ сочиненій, а чрезъ посредство классическихъ трагедій Корнеля, Расина, Вольтера и Метастазіо, въ которыхъ онъ представляется. Какъ въ монологахъ Росслава, такъ и въ трагедіяхъ этихъ авторовъ, рѣзко слышится тотъ же декламаторско-стоическій тонъ, на который настроены были и трагедія Сеневи и дидактическая лирика Горація, изобразившаго идеалъ великаго мужа и героя въ извѣстной одѣ:

Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida...
Horatii Od. lib. III. 3.

Если уже въ Дидонѣ этотъ идеалъ, въ лицѣ чуждаго русскому слуху Энея, такъ сильно увлекалъ русскую публику, то еще сильнѣе, конечно, онъ долженъ былъ восхищать ее въ лицѣ русскаго героя Росслава, хотя русскаго въ немъ, кромѣ имени, ничего не было.

Трагедія „Титово милосердіе“ составляетъ передѣлку оперы Метастазіо, доходящую во многихъ мѣстахъ до буквальнаго заимствованія. Она была написана по желанію Екатерины. Призванный Екатериной изобразить „Тита“, Княжнинъ, при его изображеніи, имѣлъ въ виду саму Екатерину и характеръ ея гуманнаго царствованія и, говоря о Титѣ, разумѣлъ Екатерину, которая, подобно Титу, отказавшемуся отъ предложеннаго ему сенатомъ храма въ честь его, отказалась отъ поднесеннаго ей титла „Великой“, и подобно Титу, отличалась благостію и милосердіемъ.

Въ Титѣ представленъ образецъ гуманнаго государя, по философскимъ идеямъ XVIII в. Сенаторъ Публій, отъ лица сената и народа римскаго говоритъ Титу:

«Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человѣкъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.
Римъ чувствовать сіе удобенъ;
И въ Титѣ хощетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобою хощетъ ихъ снискать къ себѣ щедроты,
И образъ ихъ въ тебѣ явятъ твои доброты.
Во всемъ ты имъ стремишься подражать:
Стремишься смертныхъ ты счастливить и покоить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ;
За бездну благостей твоихъ
Римъ хочетъ храмъ тебѣ устроить».

Но Титъ отказывается отъ храма и говоритъ, что храмомъ для него долженъ быть Римъ, а алтаремъ—сердца гражданъ:

«Народъ! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградой почитаетъ;
. . . .
Отечества отца
Дражайше нареченье
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье.
. . . .
Оставимъ гордости и рабской лести
Одной примать,
Другой давать
Неподлежащи чести.
Пріятнѣй мнѣ стократъ
На тронѣ имя человѣка;
Оно меня творитъ не такъ далеко
Отъ васъ, которыхъ я люблю какъ чадъ.
И если я любимъ подобно вами,
Престаньте друга вы равнять съ богами,
И удалять его отъ васъ до горнихъ странъ.
Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ»! [1].

Чтобы сильнѣе соединить себя съ народомъ, Титъ жертвуетъ своей любовью къ Беренисѣ и хочетъ жениться и возвести на римскій тронъ римлянку Сервиллію, сестру сенатора и друга своего, Секста.

«Названье заслуживъ я подданныхъ отца,
Надѣюся, Сервиллія прекрасна,
Вспомоществуючи мнѣ иго власти несть,
И должности всегда подвластна,
Названье матери потщится пріобрѣсть.
Властители такіе-жъ человѣки;
Что должно видѣть имъ, не могутъ зрѣть всего.
Старайся просвѣщать супруга твоего;
Вѣщай примѣтивъ, гдѣ слезъ бѣдныхъ льются рѣки;
Гдѣ правосудіе, затмѣнное сребромъ,
Наклонъ своихъ вѣсовъ корысти уступаетъ;
Гдѣ, лютой пышности подъ тягостнымъ жезломъ,
Стѣсненно робкое достоинство страдаетъ,
Спомоществуй ты мнѣ, чтобъ счастливыхъ число
Подъ властью нашею надежды превзошло,
Чтобъ Титъ съ тобою на престолѣ,
Зря человѣчество богамъ въ завидной долѣ,
Вселенной счастіемъ въ коронѣ упоенъ,
Забылъ весь тяжкій трудъ, которымъ отягченъ» [2].

---

[1] Сочин. 1, 64—66. [2] Тамъ же 1, 82.

Между тѣмъ, Вителлія, по зависти къ Сервилліи и въ тоже время желая отмстить за смерть своего отца, бывшаго императора Вителлія, убитаго отцемъ Тита, составила заговоръ съ цѣлію умертвить Тита, и склонила къ этому перваго друга его, сенатора Секста. Къ счастію, заговоръ былъ открытъ. Страшно поразило Тита это событіе. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы его подданные, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ добра, и во главѣ ихъ его другъ Секстъ, рѣшились посягнуть на его жизнь. Онъ призвалъ Секста къ себѣ и спрашивалъ, что заставило его сдѣлаться врагомъ ему:

«Такъ правда то, что Секстъ возненавидѣлъ Тита?
. . . .
. . . . О юный Секстъ! какою ты судьбой
Хотѣлъ, чтобъ я погибъ, благотворитель твой?
Блаженства твоего усерднѣйшій рачитель,
Я чѣмъ возмогъ тебѣ несносенъ быть?
И если позабытъ тобой во мнѣ властитель,
Какъ друга ты во мнѣ возмогъ забыть?»

Но какъ ни велика была неблагодарность Секста и его соучастниковъ, она не поколебала доброй души Тита и не побѣдила его милосердія. Онъ простилъ всѣхъ заговорщиковъ, а Секста, когда Вителлія сама открыла причину его измѣны, принялъ снова въ свое дружество.

«Судьбы, стремясь меня со всѣхъ сторонъ разить,
Хотятъ принудити меня жестокимъ быть?
  Стремитесь боги
  Еще ко мнѣ быть долѣ строги!
Но чтобы Титовъ духъ немилосердымъ зрѣть,
Не можете сея побѣды вы имѣть
  Или, когда того хотите,
  Чтобъ кровь лилася въ сей странѣ,
  Иное сердце дайте мнѣ,
  Или мою корону отнимите.
Но нѣтъ; я лучше смерть хочу вкусить,
Какъ сердце лютое въ себѣ носить.
Въ единомъ лишь благотвореньѣ
Я славу зрю себѣ и честь и утѣшенье.
  Живи, о Секстъ! и вамъ, врагамъ моимъ,
  И жизнь и вольность возвращаю,
  Да вѣдаетъ то Римъ,
Что Титъ всегда здѣсь Титомъ будетъ зримъ;
Что я все вѣдаю и все прощаю
И оскорбленія мои позабываю» ([1]).

([1]) Тамъ же 1, 120—121.

Трагедія „Вадимъ Новгородскій“. Не смотря на такой возвышенный строй и патріотическое направленіе изложенныхъ трагедій Княжнина, память его вскорѣ послѣ смерти подверглась осужденію. Виной этого была его трагедія „Вадимъ Новгородскій“ (1), которая была написана еще въ 1783 г., но до 1793 г. не была напечатана. Въ ней признано было республиканское направленіе. Содержаніе трагедіи составляетъ возстаніе новгородскаго посадника и полководца Вадима противъ князя Рюрика. Въ то время, какъ Вадимъ былъ на войнѣ, новгородцы, по совѣту старѣйшины Гостомысла, призвали на княженіе къ себѣ Рюрика. Возвратившись съ войны, Вадимъ составилъ заговоръ и возсталъ противъ Рюрика. Въ рѣчахъ этого Вадима и его соучастниковъ, посадниковъ Пренеста и Вигора, есть, дѣйствительно, нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ, выражающихъ республиканскія идеи, такъ какъ эти лица представляются противниками власти Рюрика, глубоко проникнутыми духомъ прежней новгородской вольности.

Но сила и значеніе этихъ мѣстъ если не уничтожается, то совершенно ослабляется какъ рѣчами другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и основной идеей и всѣмъ строемъ піесы. Основная идея піесы чисто монархическая. Піеса рѣзко выставляетъ гибельныя слѣдствія прежней новгородской вольности и прославляетъ монархическое правленіе Рюрика, который представляется спасителемъ Новгорода, возстановившимъ въ немъ своею властію порядокъ и спокойствіе, правителемъ мудрымъ, украшеннымъ всѣми возможными добродѣтелями. Вотъ что говоритъ Вадиму одинъ изъ соучастниковъ возстанія, Пренестъ, указывая на трудность свергнуть Рюрика съ престола:

«Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рюрикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа:
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властію его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена».

А другой соучастникъ возстанія Вадима, Вигоръ, объясняетъ ему обстоятельства призванія Рюрика на княженіе слѣдующимъ образомъ:

«Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,

---

(1) Напечатана въ Русск. Старинѣ 1871; іюнь, 723—781.

Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ,
Жилище тишины преобратилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
. . . .
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ, о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рюрика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ» (¹).

Призванный на княженіе самимъ народомъ, Рюрикъ и пользуется властію для блага народа. Развязкой трагедіи служитъ полное торжество Рюрика. Усмиривъ возстаніе, онъ обращается къ народу и говоритъ, что онъ возвращаетъ ему свой вѣнецъ, и что новгородцы могутъ его надѣть на Вадима. Но Вадимъ отвергаетъ вѣнецъ, а народъ на колѣнахъ проситъ Рюрика управлять Новгородомъ по прежнему.

За шесть лѣтъ до изданія „Вадима", въ 1786 г. явилась трагедія Николева „Сорена и Замиръ", въ которой были болѣе рѣзкія республиканскія мѣста, такъ что московскій главнокомандующій графъ Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ Екатеринѣ; но Екатерина замѣтила ему, что этого дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ, сказала она, возстаетъ противъ самовластія тиранновъ, а Екатерину вы называете матерью", и велѣла княгинѣ Дашковой напечатать трагедію Николева въ „Россійскомъ ѳеатрѣ" (ч. V). Дашкова же напечатала и „Вадима" Княжнина, сначала отдѣльно, а потомъ также въ „Россійскомъ ѳеатрѣ" (ч. XXXIX); но это было уже въ 1793 г. т. е. въ самый разгаръ французской революціи, и Екатерина, испуганная ея ужасами, приказала конфисковать трагедію, какъ опасную для власти и порядка.

Кромѣ этихъ трагедій, Княжнинъ написалъ еще трагедіи: „Владиміръ и Ярополкъ" (1772), „Софонисба" (1786), „Владисанъ" (1786) и перевелъ бѣлыми стихами трагедіи Расина: „Сидъ", „Смерть Помпея" и „Цинна". Всѣ эти трагедіи, подобно изложеннымъ выше, составляютъ передѣлки и подражанія французскимъ трагедіямъ—„Владиміръ и Ярополкъ"—„Андромахѣ" Расина, „Софонисба" и „Владисанъ" — трагедіямъ Вольтера. Въ нихъ много

(¹) Тамъ же стр. 736—737.

недостатковъ, между которыми особенно поражаютъ читателя непомѣрная длиннота діалоговъ, напыщенность и реторичность монологовъ и разныя преувеличенія, доходящія до каррикатуры; но въ нихъ въ тоже время постоянно представляются образцы величія души, патріотизма и разныхъ добродѣтелей; высказываются идеи человѣколюбія и милосердія, долга и правды, одушевлявшія какъ самого поэта, такъ и лучшихъ людей его времени. Поэтому, не смотря на всѣ недостатки, онѣ съ удовольствіемъ слушались публикой и имѣли на нее благотворное образовательное вліяніе.

Комедіи и оперы Княжнина. Комедіи Княжнина, подобно трагедіямъ, не отличаются большою оригинальностію ни по сюжетамъ, ни по выведеннымъ въ нихъ лицамъ и характерамъ; но заимствованные сюжеты въ нихъ передѣланы на русскіе нравы. И потому онѣ весьма интересны для характеристики современной русской жизни. Княжнинъ написалъ нѣсколько комедій: „Хвастунъ", „Чудаки", „Неудачный примиритель", „Трауръ" и нѣсколько комическихъ оперъ: „Несчастіе отъ кареты", „Сбитеньщикъ", „Притворно сумасшедшая", „Мужья, женихи своихъ женъ", „Мелодрама Орфей". Изъ комедій лучшими считались „Хвастунъ" и „Чудаки", а изъ оперъ—„Несчастіе отъ кареты" и „Сбитеньщикъ".

Комедія „Хвастунъ" написана по образцу комедіи де-Брюйе L'important de Cour. Главное лице въ ней хвастунъ Верхолетъ, изъ породы тѣхъ вралей и обманщиковъ, которыхъ въ послѣдствіи Гоголь такъ превосходно изобразилъ въ типѣ Хлестакова. Ничтожный человѣкъ, Верхолетъ выдаетъ себя за графа, хвалится тѣмъ, что ѣздитъ ко двору и находится въ перепискѣ съ разными дворами и королями, обѣщаетъ возвести въ сенаторы всякаго, кого только захочетъ, раздаетъ всѣмъ губернаторства, „какъ щепки", представляетъ себя владѣльцемъ такихъ огромныхъ селъ, которыя больше большихъ городовъ. О такомъ важномъ значеніи Верхолета твердитъ всѣмъ слуга его Полистъ. Совершенный невѣжда, не знающій даже грамоты, Полистъ выдаетъ себя за секретаря самозваннаго графа и также хвалится, что и онъ можетъ раздавать „мелкіе чины".

Явленіе и успѣхи такихъ вралей и обманщиковъ совершенно понятны въ томъ обществѣ, которое, при страшномъ невѣжествѣ и лѣни, выше всего на свѣтѣ ставило чины, служившіе для него источникомъ власти и богатства. Полистъ говоритъ:

....«Люди всѣ рѣхнулись на чинахъ.
Портные, столяры, всѣ одинакой вѣры;
Купцы, сапожники, всѣ мѣтятъ въ офицеры;

И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.
Портной, что былъ теперь, стараніемъ Полиста
Желаетъ чинъ достать себѣ протоколиста» (1).

На обманъ Верхолета попадаетъ его дядя, сельскій дворянинъ, Простодумъ, который пріѣхалъ изъ деревни въ столицу также поискать чиновъ. Онъ узнаетъ отъ Полиста, что племянникъ его Верхолетъ, получивъ графское достоинство, сдѣлался такимъ сильнымъ при дворѣ, что можетъ возвести своего дядю въ сенаторы. Что за личность Простодумъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ его разсужденій. Предлагая Верхолету свои деньги, онъ говоритъ:

«Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.
Сіятельнѣйшій графъ! пожалуй все возьми,
Я послѣ получу».

А получить эти деньги онъ надѣется тогда, когда самъ сдѣлается сенаторомъ и будетъ имѣть возможность такъ же величаться надъ деревенскими сосѣдями, властвовать и прижимать другихъ, какъ до сихъ поръ его прижимали.

«А у меня весь умъ о сенаторствѣ бредитъ.
Когда у насъ о томъ услышатъ въ деревняхъ.
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ.
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи
. . . .
Я сердцемъ лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня равно какъ скотъ мой жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства,
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ,
И какъ на собственныхъ на ихъ косить лугахъ» (2).

Такимъ же честолюбіемъ и стремленіемъ къ вельможеству и знатности страдаетъ Чванкина, пріѣхавшая изъ деревни богатая дворянка. Она хочетъ выдать за самозваннаго графа Верхо-

(1) Сочин. III, 15. (2) Сочин. III, 21. 25. 81.

лета свою дочь Милену, не смотря на то, что Милена любитъ Замира и говоритъ, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ выйти за Верхолета. Чванкина говоритъ Миленѣ:

«Что ты ни говори, а графство твой удѣлъ.
Ты слышишь-ли, хочу, чтобъ ты была графиней......
Милена. Я умру.
Чванкина. Пожалуй ты умри,
Да только лишь умри графиней» (1).

Чванкину поддерживаетъ въ ея планахъ служанка ея Марина, которая, сама также желая и надѣясь быть дворянкой, хочетъ выйти за Полиста, и обѣ онѣ вмѣстѣ интригуютъ противъ Милены и Замира.

Но обманъ Верхолета и козни слуги и служанки обнаруживаетъ отецъ Замира, Честонъ. Честонъ составляетъ подражаніе Стародуму и въ комедіи Княжнина играетъ такую же роль, какъ Стародумъ въ Недорослѣ. Вотъ какъ онъ рекомендуетъ себя Верхолету:

«А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно,
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать....
Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ око.
А впрочемъ онъ во всемъ походитъ на меня.
Но чтобы все сказать, Честонъ, сударь, самъ я» (2).

Подобно Стародуму, Честонъ всѣхъ поучаетъ и объясняетъ Замиру, въ чемъ заключается истинная знатность и дворянство:

«И всякій человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ, заслугами отмѣнный;
А впрочемъ родъ мечта, и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь:
Чтобъ должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай въ свой полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ.
. . . .
Чтобы намъ съ честію во власти показаться,
Такъ надо напередъ умѣть повиноваться» (3).

---

(1) Сочин. III, 39. (2) Тамъ же III, 74. (3) Тамъ же III, 64—65.

Честонъ открываетъ всѣмъ, кто такой Верхолетъ:

«Не знатный баринъ онъ: нѣтъ, нѣтъ! а онъ притворщикъ
И наглый съ глупостей людскихъ онъ пошлинъ сборщикъ,
Какихъ и много есть, которы тѣмъ живутъ» (1).

И чтобы спасти отъ Верхолета Милену и Замира, Честонъ призываетъ чиновника отъ управы благочинія, который объявляетъ, что Верхолетъ

. . . . «не графъ, дворянчикъ плутоватый
И только хвастовствомъ, обманами богатый,
Который здѣсь давно живетъ на счетъ другихъ,
Сбираючи всегда оброкъ съ головъ плохихъ» (2).

Въ комедіи очень многое подмѣчено вѣрно и изображено характерно, напр. страсть къ чинамъ и свойства деревенскаго вельможества и знатности; но многое вышло и преувеличенно. Нѣкоторыя сцены напоминаютъ Фонъ-визиновскія каррикатуры, хотя въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже ихъ. Напр. на замѣчаніе Полиста о Миленѣ: „какъ видно, то съ пути ее романы сбили“, Чванкина съ сердцемъ говоритъ:

«Романы!.. Я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась»,

Верхолетъ, упрекая Милену въ ея нелюбви къ нему, говоритъ, что онъ оставилъ для нея

. . . . . . «различныхъ здѣсь госпожъ,
Блестящихъ знатностью и красотою рожъ.
. . . .
Я вашей нелюбви ни мало не боюся,
И не смотря на васъ, на васъ тотчасъ женюся» (3).

Нѣкоторыя мѣста и выраженія хотя и грубоваты, но довольно характерны. Напр.

«Кто прежде звался плутъ,
Того уже теперь искусникомъ зовутъ».

(1) Тамъ же III, 77. (2) Тамъ же III, 130. (3) Тамъ же III, 52.

Замѣчаніе Верхолета о просьбѣ танцора на мѣсто судьи:

«Вотъ на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи; нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами».

Просьба стихотворца:

«Я разными стихами
Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу, вельможей тѣшу, дворъ.
Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ;
А старшинство мое другіе отнимаютъ
И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ.
Нельзя-ли, государь, мнѣ выходить указъ,
Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнассъ» (¹).

Комедія „Чудаки“. Чудаками Княжнинъ называетъ въ комедіи такихъ людей, которыхъ литература нашего времени охарактеризовала именемъ самодуровъ. Почти всѣ чудаки заимствованы изъ комедіи Детуша: L'homme singulier. Главныя лица въ комедіи Лентягины—мужъ и жена. Лентягинъ—разбогатѣвшій кузнецъ, вышедшій въ люди чрезъ женитьбу на дворянкѣ. Наслушавшись современныхъ разсужденій о свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей и о чести, какъ основѣ человѣческихъ дѣйствій, онъ самъ хочетъ быть философомъ, возстаетъ противъ всѣхъ людскихъ правилъ и обычаевъ и во всемъ поступаетъ „иначе отъ другихъ“. Своему слугѣ, Пролазу, онъ такъ себя рекомендуетъ:

«Я чудный господинъ,
Я странный человѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ болтаетъ;
Но философія тѣ враки презираетъ.
Кажуся страннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно быть. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу».

Главнымъ достоинствомъ въ человѣкѣ онъ считаетъ честь:

«Кто честный человѣкъ, тотъ равенъ мнѣ во всемъ» (²).

Этого принципа Лентягинъ держится въ обращеніи со всѣми людьми, во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, и простираетъ его до того, что хочетъ выдать за слугу своего Пролаза, съ которымъ онъ также обращается, какъ съ равнымъ себѣ, свою собственную дочь.

(¹) Сочин. III, 41. (²) Тамъ же III, 135—138.

Совершенно противоположныхъ воззрѣній на все держится его жена. Лентягина по происхожденію дворянка. Хотя она такъ же постоянно твердитъ о чести; но подъ честію она разумѣетъ знатность рода, значеніе въ большомъ свѣтѣ и конечно и слышать не хочетъ о какомъ нибудь равенствѣ съ другими:

«Я будто всѣмъ равна? Какъ можно то сказать?
Я дочь, племянница князей и генераловъ,
Могу-ль я быть равна съ женами всѣхъ капраловъ»?

Упрекая своего мужа въ низкой породѣ, она говоритъ ему:

«А я всегда была въ надеждѣ,
Что сдѣлала я честь, унизясь до тебя» (1).

Можно судить поэтому, въ какое негодованіе Лентягина приходитъ, когда Пролазъ, слѣдуя философіи своего барина, началъ вести себя и съ нею, какъ съ равною. Такое поведеніе Пролаза она сочла оскорбленіемъ для себя и готова была „ударовъ тысячу велѣть влѣпить ему". И когда мужъ замѣтилъ ей, что такія жестокости и незаконны и неприличны и упомянулъ о философѣ Сенекѣ, она разразилась бранью:

«Плюю я на всѣхъ твоихъ Сенекъ» (2).

Лентягина пріѣхала въ столицу затѣмъ, чтобы выдать замужъ дочь свою, Улиньку. Улинька воспитана своей мамашей, которая о воспитаніи ея говоритъ:

«Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду
. . . .
Отъ низостей, сударь, она весьма далека;
И крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плесть,
То все для чернаго оставя человѣка;
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ;
И какъ француженка умѣя по французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ;
Проводитъ два часа всегда у туалета».

За Улиньку сватаются два жениха, Пріятъ и Вѣтромахъ. Въ Пріятѣ представленъ образчикъ тѣхъ сентиментальныхъ ге-

(1) III, 146—148. (2) III, 144.

роевъ, которые въ это время начали появляться въ нашей литературѣ. Пріятъ, по описанію Улиньки, именно сантиментальный герой,

«Который все изподтишка вздыхаетъ,
Который робкими шагами подступаетъ;
Котораго любовь, какъ будто хочетъ красть.
Онъ сердца не беретъ, а щиплетъ все по точкѣ.
Во фракѣ мердоа (verdoie ?) и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ,
Такъ томенъ и унылъ, какъ будто Селадонъ,
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ;
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ».

Вѣтромахъ совершенно другаго характера. Онъ модный кавалеръ, воспитанный во французскомъ вкусѣ:

«И ловокъ и остеръ, и веселъ и пригожъ,
Что былъ вчера, на то сегодня не похожъ».

Своимъ пристрастіемъ къ французскому языку и презрѣніемъ къ русскому онъ напоминаетъ Иванушку Фонъ-Визина.

«Щитаю нашъ языкъ за подлинной jargon.
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знавъ французскаго, я былъ бы дуракомъ».

На вопросъ Лентягина, кто онъ такой, „русской иль французъ“, онъ отвѣчаетъ:

«Helas! я не французъ!
Я русской!—у меня на сердцѣ это грузъ» (¹).

Само собою разумѣется, что Улинька и мать предпочитаютъ Вѣтромаха, а самъ Лентягинъ Пріята, а потомъ слугу своего Пролаза. Происходитъ сильное разногласіе и борьба. Впрочемъ главными заправителями и рѣшителями дѣла въ этой борьбѣ являются не отецъ и мать, или дочь, а опять такъ же, какъ въ предыдущей комедіи, слуги—Пролазъ и Высоносъ и служанка Марина. Пролазъ, подобно своему барину, также хочетъ быть философомъ; но онъ понимаетъ только философію практическую и

(¹) Сочин. III, 161, 161, 165, 169—170.

не довѣряетъ никакой теоріи, умѣетъ вездѣ пролѣзть, всѣхъ обойти и все обратить въ свою пользу. Нанимаясь въ слуги Лентягина, онъ говоритъ:

«Доселѣ я служилъ профессору морали;
Хотя профессоръ онъ, предъ вами—ничего:
Предъ вашею, сударь, его мораль пустая;
На языкѣ была лишь у него,
Ребятамъ казанья сухія сплетая,
На дѣлѣ точно такъ жила, какъ всѣ живутъ;
Твердила всѣмъ одно, а дѣлала другое.
Безъ практики, сударь, теорія пустое.
Чтобъ словомъ то сказать, мораль его преплутъ.
Она себѣ одной на пользу все клонила
И жалованья мнѣ мораль не доплатила» (¹).

Свою собственную философію Пролазъ выражаетъ очень прямо и рельефно въ слѣдующемъ монологѣ:

«Вотъ такъ то надобно ловить людей на уду.
Хвали ихъ мнѣнія, ихъ вкусы принимай;
И сколько бъ ни были дѣла ихъ плохи, странны,
Гляди ты барамъ въ ротъ и только потакай;
И будешь человѣкъ и лучшій и избранный.
Вотъ все достоинство нерѣдко тѣхъ людей,
Которы, вышедъ въ свѣтъ чрезъ грязныя дороги,
Надъ нижними себѣ величатся какъ боги» (²).

Подчинившись совершенно вліянію Пролаза, Лентягинъ хочетъ выдать за него свою дочь, но встрѣчаетъ неодолимое сопротивленіе въ женѣ, которая рѣшилась выдать ее за Вѣтромаха. Кромѣ того всемірный услужникъ Трусимъ, охотникъ всѣмъ услуживать безъ просьбы, приводитъ къ Лентягину еще нѣсколько жениховъ. Эти женихи: отставной майоръ, который, не узнавъ еще, кто такая невѣста, говоритъ Лентягиной:

«И я и сердце ужъ мое давно безъ мѣста,
То есть безъ службы я и безъ жены
. . . .
И я совсѣмъ готовъ сей день, сей часъ, коль хошь».

Другой женихъ также отставной судья.

«Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье,
Изъ одного въ другой переходя приказъ.

(¹) III, 141—142. (²) III, 177.

Иной даетъ ему хлѣбъ, масо, соль, указъ,
Иной вино, его нужнѣйше пропитанье».

Онъ о себѣ говоритъ:

«Чтобъ я дрался, того въ судахъ вы не найдете,
А многажды былъ битъ и бралъ съ того доходъ» (1).

Наконецъ два стихотворца—Тромпетинъ одописецъ, въ громкихъ одахъ котораго „и молнія и громъ", другой идиллическій писатель Свирѣлкинъ, въ элегіяхъ котораго „плачевнѣйшій содомъ". Но Пролазъ своими хитростями и проворствомъ отстраняетъ всѣхъ жениховъ и достигаетъ того, что Лентягины соглашаются выдать свою дочь за Пріята.

Въ комедіи, какъ видно изъ представленнаго ея изложенія, есть много сценъ интересныхъ, характеризующихъ тогдашніе нравы и воззрѣнія, много мѣткихъ выраженій, показывающихъ въ авторѣ наблюдательнаго и остроумнаго человѣка; но въ ней много и несообразностей, какъ въ общемъ ходѣ дѣйствія, такъ и въ характерахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, напр. Лентягина и его жены, Вѣтромаха и др. Особенно несообразна роль слугъ: Пролаза, Высоноса и служанки Марины, которые вертятъ всѣми другими лицами, какъ пѣшками, въ продолженіе цѣлыхъ актовъ бранятся между собою и даютъ другъ другу оплеухи. Авторъ, кажется, самъ сознавалъ эти несообразности и хотѣлъ, повидимому, указать оправданіе для нихъ въ томъ, что всѣ дѣйствующія лица въ его комедіи чудаки, и заключилъ ее замѣчаніемъ,

«Что всякой много ли, иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоя при каждаго рожденьи,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье» (2).

Комическая опера „Несчастіе отъ кареты". Сюжетъ оперы взятъ изъ помѣщичьяго крѣпостнаго быта. Помѣщики Фирюлины, мужъ и жена, побывавши во Франціи, вывезли оттуда только глупое пристрастіе къ французскому языку и презрѣніе къ Россіи и всему русскому. Вотъ какъ они разсуждаютъ о Россіи.

Фирюлинъ. Варварскій народъ! дикая сторона! Какое невѣжество! какія грубыя имена! какъ ими деликатесъ моего слуха повреждается! Видно, что мнѣ самому приняться за экономію и перемѣнить всѣ названія, которыя портятъ уши; это первое мое дѣло будетъ.

---

(1) Сочин. III, 216. 219. (2) III. 274.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя, наша деревня такъ близко отъ столицы, а никто здѣсь по французски не умѣетъ; а во Франціи, отъ столицы верстъ за сто, всѣ по французски говорятъ (¹).

Вотъ содержаніе и ходъ всей піесы. Помѣщику Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, и онъ пишетъ въ деревню къ прикащику своему Клементію: „О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особливой къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ, и впредь повелѣваю всѣмъ не офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ.... Между тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ надобна необходимо новая карета. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, господинъ Клеманъ, какое безчестіе не только мнѣ, да и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ себѣ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился; это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньіорской милости платье французскаго бальи, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало-ли есть способовъ достать денегъ. Напр. нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты. И такъ нахватай ихъ и продай“ (²). Пользуясь такимъ приказаніемъ, приказчикъ схватываетъ одного молодаго крестьянина, Лукьяна, чтобы отдать его въ солдаты и отнять у него невѣсту, на которой онъ собирается жениться. Такое насиліе привело Лукьяна, Анюту и отца ея Трофима въ страшное негодованіе. „Боже мой, говоритъ Лукьянъ, какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ (³). Въ этихъ словахъ, выражающихъ горькій протестъ противъ крѣпостнаго права, заключается смыслъ всей піесы, который и придавалъ ей весьма важное значеніе въ то время.

Не зная, какъ помочь своему горю, Лукьянъ и Анюта обращаются за совѣтомъ къ шуту помѣщика и, задаривая его разными подарками, просятъ заступиться за нихъ предъ господами. Шуту пришло на мысль воспользоваться пристрастіемъ гос-

---

(¹) Сочин. IV, 121. (²) Сочин. IV, 110—111. (³) IV, 108.

подъ къ французскому языку. Когда они пріѣхали въ деревню на охоту, то онъ, указывая на Лукьяна, который былъ скованъ, какъ назначенный для продажи въ солдаты, сказалъ помѣщику, что этотъ молодецъ назначенъ въ солдаты, а между тѣмъ онъ знаетъ по французски (Лукьянъ и Анюта, живя при старомъ баринѣ, запомнили нѣсколько французскихъ словъ).

Фирюлинъ. И по французски? Mon Dieu? что я слышу?

Фирюлина. Ахъ, mon coeur, онъ по французски знаетъ, а скованъ! Это никакъ нейдетъ.

Фирюлинъ. Это ужасно, horrible! Снимите съ него цѣпи. Mon ami! я предъ тобою виноватъ.

Увидавъ потомъ Анюту и узнавъ, что она невѣста Лукьяна и сильно любитъ его, Фирюлинъ удивляется:

„Parbleu! Я этому бъ не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я внѣ себя отъ удивленія! Да не во Франціи ль я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь; онъ говоритъ по французски; а ты дѣвченочка, а ты?

Шутъ. И она разумѣетъ.

Фирюлинъ. И она. Теперь меньше дивлюсь.

Лукьянъ (на колѣнахъ). Monseigneur! сжальтесь надъ нами.

Анюта (на колѣнахъ). Madame! Вступитесь за насъ!

Фирюлинъ. Monseigneur! Madame! встаньте, вы меня этими словами въ такую жалость привели, что я отъ слезъ удержаться не могу.

Фирюлина. Mon cher! соединимъ ихъ; они достойны другъ друга, и достойны жить при насъ".

Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ быту отъ одной прихоти или извѣстнаго пристрастія помѣщиковъ зависѣло все счастіе и несчастіе крестьянъ. Эта мысль, составляющая основную идею піесы, и выражена въ заключительныхъ ея словахъ, которыя поютъ дѣйствующія лица:

«Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла» (1).

Очень долго держалась на сценѣ также опера Княжнина „Сбитеньщикъ". Она нравилась всѣмъ простотою, веселостью и разными пѣснями. Нѣкоторыя изъ нихъ изъ театра перешли въ жизнь и распѣвались въ домашнихъ собраніяхъ. Таковы напр.

«Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать,

(1) Сочин. IV, 123—125. 128.

Только должно
Осторожно
Поступать».

И другая арія:

«Щастье строить все на свѣтѣ,
Безъ него куды съ умомъ.
Ѣздитъ щастіе въ каретѣ;
А съ умомъ идешь пѣшкомъ» (1).

Разныя мелкія сочиненія Княжнина. Княжнинъ былъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей екатерининской эпохи. Въ его сочиненіяхъ отражаются всѣ гуманныя стремленія этой эпохи и проводятся основныя ея начала о воспитаніи, образованіи и управленія. Какъ секретаря Бецкаго и ближайшаго его сотрудника по воспитательнымъ учрежденіямъ, Княжнина особенно занимали постоянно вопросы о правильномъ воспитаніи и образованіи. Въ этомъ отношеніи преимущественно замѣчательны: „Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ", „Рѣчь въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ въ 1779 г." и „Рѣчь къ кадетамъ". Въ Посланіи къ россійскимъ питомцамъ онъ такъ разсуждаетъ о необходимости образованія талантовъ:

«Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеньемъ.
. . . .
Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ.
Не видѣнъ въ грубости небесный оный пламень;
И самъ алмазъ въ корѣ есть тотъ же дикій камень.
. . . .
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье:
Скульптура кукольство, а живопись маранье.
И чтобъ достигнуть вамъ до славной высоты,
Искусства видны гдѣ безсмертны красоты,
И гдѣ духъ творческій натурою владѣетъ,
Гдѣ марморъ говоритъ и душу холстъ имѣетъ,
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей.
А безъ того иныхъ къ успѣху нѣтъ путей.
Художникъ завсегда останется безславенъ;
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ» (2).

Въ публичной рѣчи въ Академіи Художествъ онъ говоритъ: „Вольность, почтеннѣйшіе слушатели, подобна тѣмъ крѣпкимъ питіямъ, которыя съ умѣренностію употребляемыя привык-

(1) IV, 9 и 34. (2) Сочин. V, 35—36.

шимъ къ тому сильнымъ и добрымъ сложеніямъ тѣлъ служатъ укрѣпленіемъ, а слабыхъ и непривычныхъ обуяютъ разумъ, приводятъ въ истощеніе и разрушаютъ; итакъ, чтобы дать вкусить свободу, сію небесную пищу, укрѣпляющую душу, надлежитъ, чтобы душа была достойна наслаждаться оною. Чтожъ удобнѣе можетъ ее возвысить на сію чреду человѣчества? Безъ сомнѣнія единое воспитаніе. Оно отъ самыхъ нѣжныхъ отроческихъ лѣтъ упоеніемъ добродѣтели приводитъ въ созрѣніе духъ, и сильными начертаніями на сердцѣ, умягченномъ благонравіемъ, изображая все, чѣмъ человѣкъ обязанъ монархамъ и отечеству, производитъ въ немъ, если онъ и не имѣетъ отличныхъ дарованій, хотя не великаго, но конечно полезнаго гражданина, и дѣлаетъ его въ занимаемомъ по мѣрѣ силъ его округѣ достойнымъ членомъ общества.... Благонравіе съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть.... Славолюбіе, поддерживаемое добродѣтелью, есть та лѣствица, по которой человѣкъ, одаренный способностями, превышаетъ и само человѣчество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благонравіемъ, производила смертныхъ, коихъ имена, вписанныя въ храмѣ вѣчности, осталися безсмертными; она даровала вселенной Апеллесовъ и Праксителевъ въ древнія и новѣйшія времена; она оныхъ и Россіи даруетъ" ([1]). Та же необходимость нравственнаго образованія доказывается и въ рѣчи къ кадетамъ: „Остроумный и развращенный человѣкъ, когда сіе можетъ быть совмѣстно, говоритъ здѣсь Княжнинъ, пагубнѣе невѣжи простодушнаго. И для того нравоученіе, священное и свѣтское, спѣшитъ вознести и сердце столь же высоко, какъ умъ; въ чемъ ему исторія великими примѣрами спомоществуетъ" ([2]).

Изъ другихъ мелкихъ сочиненій Княжнина нужно упомянуть еще: нѣсколько басенъ и сказокъ; „Письмо къ княгинѣ Дашковой, на случай открытія Академіи Россійской"; „Отрывокъ толковаго (сатирическаго) словаря"; „Исповѣданіе Жеманихи, посланіе къ сочинителю Былей и небылицъ"; „Отъ дяди стихотворца Риѳмоскрыпа". Всѣ они сатирическаго характера. Въ послѣднемъ стихотвореніи заключается сатира на плохихъ стихотворцевъ. Дядя совѣтуетъ стихотворцу Риѳмоскрыпу „не срамить" себя своими бездарными стихами:

«Не лучше ли, скажи, честному человѣку
Поденщикомъ копать каналъ, иль чистить рѣку?
Не лучшель улицу каменьями мостить?
Не лучшель агурцы или морковь садить,

([1]) Сочин. V, 120—121. ([2]) Тамъ же 127.

**Чѣмъ глупой стихъ точа, какъ деревянну пѣшку,
Разсудку здравому его казать въ насмѣшку»?**

Но Риѳмоскрыпъ на этотъ совѣтъ отвѣчаетъ:

**«Узнай же, что на то я только и родился,
Дабы вселенную въ стихи переложить.
Кто можетъ такъ легко, какъ я, производить»?** (1).

Мѣщанская драма. Оды Державина, поэмы Хераскова и трагедіи Княжнина были написаны по формамъ прежняго ложно-классическаго направленія. Между тѣмъ, въ европейскихъ литературахъ еще въ началѣ XVIII в. явились зачатки уже новаго литературнаго направленія, которое стало формироваться вслѣдствіе новыхъ условій жизни европейскихъ народовъ. Съ паденіемъ феодализма, на мѣсто дворянства и аристократіи, возвысилось среднее сословіе и естественно обратило на себя вниманіе литературы. Въ прежнія времена, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ литературѣ, на первомъ планѣ стояли всегда лица придворныя и аристократическія или миѳическія и героическія лица древняго греко-римскаго міра, который во многихъ отношеніяхъ служилъ идеаломъ для двора и аристократіи; лица же изъ средняго и нисшаго сословія могли играть только служебныя роли и выводились на сцену большею частію для посмѣянія. Теперь самые сюжеты для литературныхъ произведеній стали брать изъ жизни этихъ сословій, изображать нравы и обычаи мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Новое содержаніе литературы неизбѣжно должно было сообщить ей и новое направленіе и измѣнить ея формы. Жизнь мѣщанства сначала совсѣмъ не имѣла того высокаго тона, той роскоши и пышности, какими отличалась жизнь двора и аристократіи; естественно, что литературныя изображенія этой жизни выходили несравненно проще прежнихъ классическихъ картинъ. Недостатокъ громкихъ и важныхъ событій въ этой жизни замѣняли явленія внутренней жизни, жизни сердца, разныя чувствованія и ощущенія. Изображеніе такихъ ощущеній и чувствованій составляющихъ главный интересъ въ жизни простыхъ людей, сдѣлалось главнымъ предметомъ литературы, которая поэтому въ послѣдствіи и получила названіе „сантиментальной“. Въ противоположность и въ обличеніе испорченности великосвѣтской аристократической жизни, литература стала рисовать картины честнаго и степеннаго образа жизни простыхъ, еще неиспорченныхъ роскошью и изнѣ-

(1) Тамъ же 62. 64.

женностію людей, и нравственное поучительное направленіе сдѣлалось въ ней господствующимъ. Всѣ эти особенности новаго литературнаго направленія, развившагося вслѣдствіе новыхъ элементовъ, внесенныхъ въ литературу, сначала обнаружились въ англійской литературѣ въ еженедѣльныхъ нравственныхъ изданіяхъ Стиля (1671—1729) и Адиссона (1672—1719), а потомъ въ семейныхъ и нравоучительныхъ романахъ Ричардсона (1689—1761). Но всего ощутительнѣе онѣ выразились въ драмѣ. Здѣсь новое направленіе сказалось прежде всего въ смѣшеніи элементовъ трагическаго и комическаго, которые прежде такъ рѣзко раздѣлялись, что ни въ области трагедіи не могло быть ничего комическаго, ни въ области комедіи ничего печальнаго или трагическаго. Какъ въ дѣйствительной жизни важное и смѣшное, печальное и веселое идутъ вмѣстѣ и рядомъ, такъ и драма, долженствующая быть вѣрнымъ отраженіемъ жизни, стала допускать смѣшеніе того и другаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ она освободилась отъ строгихъ и стѣснительныхъ правилъ классицизма, отъ такъ называемыхъ трехъ единствъ времени, мѣста и дѣйствія, высокаго слога и витіеватаго языка и стала употреблять вмѣсто стихотворнаго языка прозаическій. Заимствуя сюжеты преимущественно изъ мѣщанской жизни, она сама получила названіе „мѣщанской“ (bourgeoise) драмы, или „слезной“ (larmoyante) комедіи, такъ какъ содержаніе ея производило трогательныя, или какъ говорили тогда, „жалостныя впечатлѣнія“.

Первые образцы мѣщанской драмы представили въ Англіи Лилло въ своей драмѣ „Георгъ Барнвель, или лондонскій купецъ“ (1731) и Муръ въ драмѣ „Игрокъ“ (1753); во Франціи Дидро—въ драмахъ „Побочный сынъ“ (1757) и „Отецъ семейства“ (1758); Бомарше—въ драмахъ „Евгенія“ (1767) и „Мать преступница“, Мариво, Детушъ и др.; въ Германіи Лессингъ—въ драмахъ „Сара „Сампсонъ“, „Минна фонъ-Барнгельмъ“ (1767) и „Эмилія Галотти“ (1772). Дидро составилъ и теорію новой драмы; онъ назначилъ ей среднее мѣсто между трагедіей и комедіей и раздѣлилъ ее на два вида—слезную комедію и мѣщанскую трагедію; а Бомарше въ предисловіи къ „Евгеніи“ слезную комедію назвалъ драмой, каковое названіе перешло въ теорію словесности и стало означать третій видъ драматической поэзіи, занимающій средину между героической трагедіей и шутливой комедіей. Всѣ указанныя драмы Лилло, Мура, Дидро и Лессинга скоро появились и у насъ въ русскомъ переводѣ и вызвали много передѣлокъ и подражаній. У насъ, конечно, не было тѣхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ въ Европѣ развилась мѣщанская драма; дворянство и при Екатеринѣ занимало такое же положеніе, какъ и прежде; средняго сословія, или такъ называемаго „третьяго чина“,

у насъ также не образовалось, хотя о созданіи его и говорилось въ „Наказѣ“ Екатерины и „Докладахъ“ Бецкаго; но самыя драмы, изображающія жизнь средняго сословія, не могли не нравиться русскому обществу какъ простотою и естественностію своей формы, такъ особенно новостію, разнообразіемъ и занимательностію сюжетовъ, изображающихъ нравы настоящихъ людей, а не вымышленныхъ героевъ. „Несчастія близкихъ къ намъ людей, говоритъ Лессингъ, сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія“. Переводчикъ „Побочнаго сына“ Дидро, въ своемъ предисловіи къ переводу, говоритъ читателю: „неужели несчастіе однихъ только знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ нравами; но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оные“. Поэтому переводомъ и передѣлкой указанныхъ выше мѣщанскихъ драмъ занимались многіе и лучшіе писатели, а нѣкоторыя драмы были переводимы по два, по три раза. „Игрокъ“ Мура, во французской передѣлкѣ, подъ заглавіемъ „Беверлей“ былъ переведенъ извѣстнымъ актеромъ Дмитревскимъ, а одинъ изъ переводовъ „Эмиліи Галотти“ Лессинга (1788) былъ сдѣланъ Карамзинымъ. Были переведены также и другія мѣщанскія драмы: „Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля“ Лилло (1764); „Притворная Агнеса“ Детуша (1764); „Чадолюбивый отецъ“ (1765) и „Побочный сынъ“ Дидро; „Игра любви и случая“ (1769) и „Вторично вкравшаяся любовь“ (1773) Мариво; „Женневаль, или французскій Барневель“ (1778) Мерсье. За переводами начались передѣлки и подражанія. Между драмами Хераскова мы уже указали на двѣ слезныя драмы: „Другъ несчастныхъ“ и „Гонимые“; піесы Княжнина: „Несчастіе отъ кареты“ и „Сбитеньщикъ“ были написаны также по подражанію новымъ драмамъ. Вообще мѣщанская драма произвела значительное оживленіе въ русской драмѣ. Отрывая постепенно отъ стѣснительныхъ правилъ и формъ ложноклассической теоріи, она повела къ попыткамъ создать новую русскую драму и комедію на національныхъ началахъ. Къ такимъ попыткамъ прежде всего относятся комедіи Лукина.

Комедіи Лукина. Въ исторіи русской драмы Лукинъ извѣстенъ главнымъ образомъ тѣми воззрѣніями и требованіями, какія онъ высказывалъ относительно русской комедіи и русскаго театра вообще. Онъ первый возсталъ противъ перенесенія на рус-

скую сцену иностранныхъ піесъ и чужихъ нравовъ и вообще противъ рабскаго подражательнаго направленія драмы и указалъ на необходимость своего національнаго театра (¹). Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794) происходилъ изъ небогатаго и незнатнаго состоянія. Своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ извѣстному кабинетъ-министру Екатерины И. П. Елагину, у котораго онъ состоялъ въ должности секретаря. Подъ руководствомъ Елагина и вмѣстѣ съ нимъ, Лукинъ началъ и свою литературную дѣятельность переводомъ „Приключеній Маркиза Г.“ Елагинъ ввелъ Лукина въ высшее придворное общество, такъ что онъ могъ бывать даже у наслѣдника престола. Свѣдѣнія о характерѣ Лукина мы получаемъ изъ „Признаній“ Фонъ-Визина, который служилъ также у Елагина вмѣстѣ съ Лукинымъ и кажется въ качествѣ помощника Лукина. Фонъ-Визинъ представляетъ Лукина человѣкомъ безпримѣрнаго высокомѣрія и тяжелаго нрава. „Сей человѣкъ, имѣющій, впрочемъ, разумъ, говоритъ онъ о Лукинѣ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно“. Этотъ высокомѣрный и тяжелый характеръ Лукина и его рѣзкіе отзывы о современныхъ писателяхъ, которые онъ высказывалъ, не стѣсняясь никакими авторитетами (даже такимъ авторитетомъ, какимъ тогда былъ Сумароковъ, на котораго есть ясные намеки въ сочиненіяхъ Лукина), и были, конечно, причиною той вражды къ нему, которую онъ испытывалъ и на которую постоянно жаловался въ своихъ сочиненіяхъ. Сумароковъ не могъ равнодушно слышать одного имени Лукина. Въ современныхъ журналахъ Лукинъ и его сочиненія подвергались такимъ же обиднымъ насмѣшкамъ, какимъ прежде подвергались только Тредьяковскій и его стихотворенія (²). Во „Всякой Всячинѣ“ комедіи Лукина и сравнивались съ „Телемахидой“ Тредьяковскаго. Изъ всѣхъ современниковъ Лукинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ только съ однимъ молодымъ писателемъ, Ельчаниновымъ. Затѣмъ, изъ жизни Лукина извѣстно еще то, что онъ нѣсколько времени былъ страстнымъ игрокомъ въ карты, о чемъ онъ сообщилъ въ предисловіи къ своей комедіи „Мотъ, любовію исправ-

---

(¹) Владиміръ Лукинъ. А. Н. Пыпина. Отеч. Зап. 1853 т. LXXXIX и XC. Эта статья, передѣланная и дополненная, помѣщена при новомъ изданіи сочиненій Лукина: Сочиненія и переводы Владиміра Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. Редакція П. А. Ефремова. Спб. 1868.

(²) Журнальная полемика противъ Лукина весьма подробно изложена въ указанной статьѣ о Лукинѣ А. Н. Пыпина, стр. XVII—XLV.

ленный.“ Наконецъ, есть указаніе, что онъ принадлежалъ къ масонскому обществу и въ 70-хъ годахъ былъ великимъ мастеромъ въ ложѣ „Ураніи“.

Послѣ перевода, вмѣстѣ съ Елагинымъ, „Приключеній Маркиза Г.“ (въ этомъ переводѣ Лукину принадлежатъ 5 и 6 части), Лукинъ перевелъ комедію Реньяра „Менехмы, или Близнецы“, комедію Кампистрона „Ревнивый, изъ заблужденія выведенный“, передѣлалъ изъ комедіи Буасси „Babillard“ комедію „Пустомеля“, изъ комедіи Кампистрона „L'amante amant“ комедію „Награжденное постоянство“, изъ французской піесы „Boutique de bijoutier“ комедію „Щепетильникъ“, изъ комедіи Колле „Depuis et Deronnais“ комедію „Тесть и зять“, изъ комедіи Буасси „Le sage etourdi“ комедію „Разумный вертопрахъ“, изъ комедіи Реньяра „Le distrait“ комедію „Задумчивый“, изъ комедіи Мариво „La seconde surprise de l'amour“ комедію „Вторично вкравшаяся любовь“. Оригинальнымъ же произведеніемъ Лукина была только одна комедія „Мотъ, любовію исправленный“.

Герой комедіи „Мотъ“—Добросердовъ. Это легкомысленный молодой человѣкъ, по неопытности страстно увлекшійся карточной игрой и готовый совершенно погибнуть; но его спасаетъ добродѣтельная его любовница, Клеопатра. Въ предисловіи къ комедіи Лукинъ говоритъ, что онъ самъ былъ страстно преданъ карточной игрѣ и освободившись отъ этого порока, для назиданія другихъ, вздумалъ написать комедію. При этомъ онъ изображаетъ то общество игроковъ, въ которомъ онъ обращался. „Вообрази читатель, говоритъ онъ, но такой, который никогда самъ не игрывалъ, вообрази толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую. Обычайно собираются оные художники въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатѣ, но всѣ сооружаютъ разные, достойные наказанія, вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ. Хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся. Но можно общественно объ нихъ сказать, что всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самыя чести. Вотъ причины ихъ собранія!... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу или Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя изъ иждивенія несчастныхъ ихъ противуборниковъ, или лучше сказать изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся и имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами—ужас-

нымъ фуріямъ; иные унылостію духа — преступникамъ, на казнь ведущимся; иные необычайнымъ румянцемъ—ягодѣ клюквѣ; а съ иныхъ течетъ потъ ручьями, будто бы они претрудное и полезное дѣло съ поспѣшностію исполняютъ. Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты, какъ гибельныя несчастія своего орудія.... Все вышеписанное принуждало меня сдѣлать „Мота", потому что у насъ карточная игра главное мотовство составляетъ.... Герой мой Добросердовъ, какъ мнѣ кажется, вподлинну имѣетъ доброе сердце и съ нимъ соединенное легковѣріе, что и погибель его составило.... Я показалъ въ немъ большую часть молодыхъ людей. и желаю, чтобы большая часть ежели не лучшими, такъ... хотя бы такими же средствами исправлялись" (1).... Комедія обратила на себя вниманіе публики. „Она принята была, говоритъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, изрядно; но сочинитель сей комедіи весьма много одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняется. Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ зрителей весьма много смѣшили" (2). А Порошинъ разсказываетъ, что Павелъ Петровичъ, послѣ представленія комедіи на придворномъ театрѣ, изволилъ автора приглашать къ себѣ въ ложу, пожаловалъ его къ рукѣ и похвалилъ его за труды.

Всѣ другія комедіи Лукина, какъ переводы и передѣлки чужихъ комедій, сами по себѣ мало интересны, но весьма интересны и важны тѣ предисловія, которыя къ нимъ приложены. Въ этихъ предисловіяхъ, особенно къ комедіямъ „Мотъ", Награжденное постоянство" и „Щепетильникъ", и выражены какъ критика Лукина на современную русскую комедію, такъ и его собственныя воззрѣнія и требованія относительно русскаго театра. Новость въ комедіяхъ Лукина, которою онѣ отличались отъ прежней комедіи Сумарокова и причислялись къ новой мѣщанской драмѣ, составляло уже то, что въ нихъ введены были „жалостныя вещи", чего въ прежнихъ комедіяхъ не допускалось. Извѣстно, что Сумароковъ сильно возсталъ противъ „Евгеніи" Бомарше, когда она въ первый разъ была представлена на московскомъ театрѣ, и весь родъ мѣщан-

---

(1) Сочин. стр. 8—11.

(2) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. Ефремова, стр. 67.

ской комедіи называлъ „пакостнымъ родомъ". Но главною заслугою Лукина стало то, что онъ объявилъ протестъ противъ подражательнаго направленія русской комедіи и требовалъ для нея національнаго содержанія. Онъ возмущался тѣмъ, что на русской сценѣ, для русскихъ людей представляются піесы съ иностранными именами и нравами и вообще піесы, „не наше поведеніе знаменующія". „Мнѣ всегда несвойственно казалось, говоритъ онъ, слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не столько общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лицы, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Циталидою и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наши поведеніи знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ и всегда съ онымъ былъ согласенъ; но вдругъ на передѣлываніе комедіи не смѣлъ я пуститься. И если говорить истину, то всякій невычищенный, то есть на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется не склоненный въ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсь — иногда русскій, иногда французскій, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій".... (1) „Кажется, что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющемъ, къ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русскій подъячій, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: здѣсь ли имѣется квартира господина Оронта? Здѣсь, скажутъ ему, да чего жъ ты отъ него хочешь? Свадебный написать контрактъ, скажетъ въ отвѣтъ подъячій. Сіе вскрутитъ у знающаго зрителя голову (2). Въ подлинной россійской комедіи имя Оронтово, старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему вовсе не свойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе имъ не противно. Я же чрезмѣрно дивлюсь, какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлинную комедію, придти въ мысли включить въ нее нотаріуса или подъячаго для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго. Первый у насъ только векселя протестуетъ, а другой только по должности своей дѣла въ

(1) Предисловіе къ «Награжденному постоянству» стр. 112.

(2) Разумѣется комедія Сумарокова «Трессотиніусъ», гдѣ дѣйствительно выводится подъячій съ свадебною записью и спрашиваетъ: «Кто здѣсь имѣется господинъ Оронтъ»?

томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье" ([1]). Но возставая противъ такого подражанія иностраннымъ комедіямъ, которое цѣликомъ переносило на русскую сцену иностранные нравы, Лукинъ совѣтовалъ передѣлывать чужія піесы или, какъ онъ выражался, „склонять на русскіе нравы". „Подражать и передѣлывать, говоритъ онъ, великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее т. е. главное оставить и склонять на свои нравы.... Слышали вы, читатели, что за передѣлываніе комедіи многіе бранятся, но не слышали вы правильнаго опроверженія, что̀ можетъ быть и никогда въ слуху вашему не достигнетъ. Но я, не взирая на сихъ ненавистниковъ, буду всѣ шуточныя театральныя сочиненіи всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюльлеріи и прочія, для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды.... Есть много и такихъ комедій, которыя только общественные осмѣиваютъ пороки, какъ то гордость, клевету, неблагодарность и прочее, и казалось бы, что въ оныхъ ничего отмѣнять не должно; такъ думалъ и я, не входя прямо въ свойство театра; а какъ скоро вошелъ, то много противнаго прежнему моему мнѣнію увидѣлъ. И въ оныхъ комедіяхъ есть много шутокъ и острыхъ словъ, которыя душею и украшеніемъ сего рода сочиненій называются и которыя не только не остры, но и вздорны будутъ, если ихъ переведешь словесно, а не замѣнишь своими; а если замѣнишь, то уже будетъ тогда вольный переводъ, отъ котораго къ преложенію одинъ шагъ ступить надлежитъ, а ступивши, украсить цѣлое сочиненіе и онымъ пользу сдѣлать" ([2]). Такимъ образомъ Лукинъ желалъ, чтобы русская комедія получила національный характеръ. Когда въ 1765 г. открылся народный театръ, онъ съ радостію писалъ къ другу своему Ельчанинову: „Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, что сіе для народа упражненіе весьма полезно, и потому великія похвалы

([1]) Тамъ же, 118—119. ([2]) Тамъ же, стр. 115—116.

достойно“ (1). Народности Лукинъ желалъ не только въ содержаніи, сюжетѣ комедіи, но и въ языкѣ. Онъ не считалъ простой народный языкъ, какъ Сумароковъ, подлымъ и недостойнымъ вкуса образованныхъ людей. Въ предисловіи къ комедіи, передѣланной изъ піесы „La boutique de bijoutier“ онъ говоритъ: „Издавая сію комедію на русскомъ языкѣ, не захотѣлось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что подвергнуся хулѣ, несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово „Щепетильника“, потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, назывались и нынѣ называются щепетильниками“ (2). Въ эту комедію Лукинъ ввелъ два новыя лица, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и заставилъ ихъ говорить мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Такія замѣчательныя воззрѣнія на театръ и въ частности на комедію высказалъ Лукинъ; къ сожалѣнію, у него не было необходимаго драматическаго таланта, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что онъ представлялъ теоретически. Его судьба въ этомъ отношеніи была очень сходна съ судьбой Тредьяковскаго, который также въ своихъ стихотвореніяхъ не могъ выполнить тѣхъ требованій, которыя ясно сознавалъ и высказывалъ въ теоріи. Но важно было уже и то, что онъ другимъ указалъ на фальшивыя стороны тогдашней русской комедіи и на необходимость въ ней національнаго направленія.

По примѣру Лукина, и другіе писатели стали иностранныя піесы „склонять на русскіе нравы“ или изображать прямо русскія сцены изъ народной жизни. Особенно въ большую моду вошли комическія оперы въ народномъ духѣ, которыя служили переходомъ отъ подражаній и передѣлокъ къ оригинальнымъ русскимъ піесамъ. Выше указано на оперы импер. Екатерины: „Февей“, „Новгородскій богатырь Боеславичъ“, „Ѳедулъ съ дѣтьми“ и др. Очень часто давались на сценѣ: „Анюта“ (1772) Михайлы Попова; „Любовникъ колдунъ“ (1774); піесы Матинскаго (бывшаго крѣпостнаго человѣка гр. Ягужинскаго): „Перерожденіе“ (1777) и „Гостинный дворъ“ (напеч. въ 1792 г.); „Мельникъ“ Аблесимова (1779); „Розана и Любимъ“ (1781) Николева; „Судьба деревенская“ (1779) Прокудина-Горскаго; „Колдунъ, ворожея и сваха“ (1786) Юкина; „Счастливая тоня“ (1786), „Баба-Яга“ (1788) и „Калифъ на часъ“ (1786) кн. Д. Горчакова. Но какъ лучшія во всей этой области новой русской драмы отдѣльно должны быть указаны только нѣкоторыя піесы Аблесимова, Веревкина, Ефимьева, Клушина и Плавильщикова.

(1) Тамъ же, 184. (2) Тамъ же, стр. 190.

Комедіи и оперы Аблесимова, Веревкина, Клушина, Ефимьева и Плавильщикова. Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ (1742—1783) былъ сынъ одного галичскаго помѣщика. Состоя на службѣ въ лейбъ-компанской канцеляріи при Сумароковѣ и часто переписывая на бѣло его стихотворенія, онъ и самъ получилъ наклонность къ стихотворству. Первымъ стихотворнымъ опытомъ его были сказки въ стихахъ, напеч. въ 1769 г. Затѣмъ онъ написалъ двѣ оперы: „Мельникъ“ и „Счастіе по жеребью“; двѣ комедіи: „Подъяческая пирушка“ и „Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ“, діалогъ „Странники“, на открытіе петровскаго театра, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Особенную извѣстность доставила Аблесимову его небольшая комическая опера „Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ“. Вотъ ея содержаніе. Мельникъ Фаддей, подобно другимъ мельникамъ, слыветъ въ народѣ колдуномъ и пользуется этой славой для своихъ выгодъ. Онъ говоритъ: „Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже де мельникъ всякой не простъ: они де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ.. ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелютъ. А я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домовова съ-роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ.... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь колдунъ угадкой.
И колдовки колотовки
Тѣже дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ міррянамъ
И живутъ такимъ обманомъ» (1).

Къ этому мельнику приходитъ однодворецъ Филимонъ и проситъ его помочь ему въ бѣдѣ: у него есть невѣста Анюта, но онъ не надѣется жениться на ней, потому что отецъ и мать ея несогласны между собою на счетъ жениха: отецъ хочетъ выдать свою дочь за крестьянина, а мать, сама „дворянскаго отродья“—

(1) Сочиненія Аблесимова. Изд. Смирдина. Спб. 1849 стр. 4.

за дворянина. Мельникъ обѣщаетъ устроить дѣло и устроиваетъ его тѣмъ, что доказываетъ отцу и матери Анюты, что его женихъ Филимонъ и дворянинъ и крестьянинъ, что онъ „однодворецъ“.

«Еще вотъ да что оно
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.
Это знайте,
Это знайте,
Не вступайте
Больше въ спорецъ;
Ево знаютъ,
Называютъ
Однодворецъ» (1).

Въ первый разъ опера была представлена на московскомъ театрѣ въ 1779 г. и весьма понравилась. „Сія піеса, сказано о ней въ Драматическомъ словарѣ 1787 г., столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся, а потомъ въ Петербургѣ была представлена много разъ у двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едвали не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектатеровъ и плесканія“. Опера нравилась всѣмъ простотою сюжета въ чисто народномъ духѣ и особенно народными пѣснями.

Михаилъ Ивановичъ Верешкинъ (ум. 1795 г.), бывшій первымъ директоромъ первой русской гимназіи въ Казани, извѣстенъ какъ одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей во 2-й половинѣ XVIII в. Исполняя разныя должности на разныхъ мѣстахъ службы, онъ въ то же время любилъ заниматься переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ (нѣсколько времени онъ былъ переводчикомъ книгъ при Кабинетѣ) и писалъ свои сочиненія. Изъ сочиненій его всего извѣстнѣе комедіи: „Такъ и должно“ (1773), „Имениникъ“ (1774) и „Точь въ точь“ (1785). Дѣйствіе комедіи „Такъ и должно“ про-

(1) Тамъ же, стр. 50.

исходитъ, по словамъ автора, „въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ“. Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, внучку уѣздной дворянки, Афросиньи Сысоевны, которая походитъ на Ханжахину въ комедіи Екатерины, и подобно Ханжахиной такъ же недовольна своимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ и фармазоновъ. Софья также любитъ Доблестина, и свадьба должна была состояться. Но вотъ является изъ турецкаго плѣна, какъ Стародумъ изъ Сибири, дядя жениха, старый Доблестинъ, но только совсѣмъ не такимъ богатымъ, какъ Стародумъ, а въ самомъ нищенскомъ видѣ, такъ что его приняли за бродягу и посадили въ тюрьму. Чтобы устроить своего дядю, молодой Доблестинъ хочетъ уступить ему половину своего имѣнія. Это обстоятельство едва совсѣмъ не разстроило свадьбы. Скупая Афросинья Сысоевна, узнавъ о пожертвованіи жениха въ пользу дяди, не хотѣла отдать за него свою внучку и согласилась на это только тогда, когда самъ Доблестинъ отказался отъ приданаго Софьи. Въ комедіи отразился живой и острый умъ, которымъ отличался Веревкинъ въ современномъ образованномъ обществѣ; нѣкоторыя лица, какъ старуха Афросинья, воевода Протазанъ Безчастный, Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій изображены характерно и доказываютъ въ авторѣ несомнѣнный драматическій талантъ. Сцены, въ которыхъ молодой Доблестинъ встрѣчаетъ своего дядю въ видѣ нищаго колодника и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, написаны трогательно и должны были производить сильное впечатлѣніе. По этимъ сценамъ комедія и была причислена къ слезнымъ комедіямъ.

Дмитрій Владиміровичъ Ефимьевъ (1768—1804), воспитанникъ кадетскаго корпуса, сочинилъ три трагедіи: „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра“; „Слѣдствіе братомъ проданной сестры“; „Вояжоръ, или воспитаніе безъ успѣха“. Первая комедія часто давалась съ успѣхомъ на театрахъ. Она написана подъ вліяніемъ „Игрока“ Мура. Содержаніе ея слѣдующее. Молодой офицеръ Безразсудовъ, страстный игрокъ, проигравъ въ карты все свое имущество, рѣшился продать сестру свою Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку, которую будто мать его любила, какъ родную, и по смерти своей поручила его надзору. Къ счастію, покупщикомъ явился знакомый Безразсудова, Честонъ, который былъ влюбленъ въ Прелесту; онъ заплатилъ долгъ Безразсудова и женился на Прелестѣ. Другія двѣ піесы Ефимьева также давались на сценѣ, но не были напечатаны.

Александръ Ивановичъ Клушинъ (1780—1804), издатель сатирическаго журнала „С.-Петербургскій Меркурій", напечаталъ нѣсколько піесъ, изъ коихъ лучшею считалась піеса „Смѣхъ и Горе", такъ названная потому, что въ ней дѣйствующими лицами являются Хохоталкинъ, который на все въ мірѣ смотритъ глазами Демокрита, и Плаксинъ, который обо всемъ сокрушается и плачетъ, подобно Гераклиту.

Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (1760—1812) (¹) извѣстенъ какъ знаменитый драматическій артистъ и какъ образованный писатель. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ актеромъ въ петербургскій театръ, гдѣ славились въ это время Волковъ, Дмитревскій и Шумскій, потомъ онъ перешелъ въ московскій театръ и здѣсь игралъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ. Состоя въ должности драматическаго артиста въ театрѣ, онъ въ тоже время занимался литературой. Онъ помѣщалъ разныя статьи въ стихахъ и прозѣ въ журналѣ „Зритель" и писалъ трагедіи, драмы и комедіи, изъ которыхъ большою извѣстностію пользовались: „Бобыль", „Мельникъ и сбитенщикъ соперники" и „Сговоръ Кутейкина". На послѣдней комедіи видно сильное вліяніе „Недоросля" Фонъ-Визина". Няня Митрофанушки, Еремѣевна сватаетъ за Кутейкина купеческую дочь Прасковью, у которой есть другой женихъ, молодой купецъ, Эрастъ. Отецъ невѣсты, Власъ, на сторонѣ Кутейкина; мать же ея, Соломанида, на сторонѣ Эраста. Эрастъ одерживаетъ верхъ надъ Кутейкинымъ тѣмъ, что у него есть вексель Власа, по которому Власъ заплатить ему не въ состояніи, и потому долженъ согласиться выдать свою дочь за Эраста.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ представленнаго обзора русской литературы въ Екатерининскую эпоху видно, что литература эта развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ литературъ европейскихъ. Это вліяніе мы замѣтили на произведеніяхъ не только второстепенныхъ, но и образцовыхъ писателей; въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина, Державина, Княжнина, Хераскова встрѣчаются постоянно не только подражаніе въ формѣ, но и заимствованіе сюжетовъ, передѣлки и буквальныя отдѣльныя мѣста. Съ произведеніями иностранныхъ литературъ наши писатели и читающая публика знакомились частію по подлинникамъ, но всего больше по переводамъ. Сознавая важность и необходимость переводовъ для успѣховъ образо-

(¹) «Воспоминаніе о П. А. Плавильщиковѣ» П. Побѣдоносцева. Пантеонъ отеч. и иностр. слов., ч. IV.

ванія и литературы, импер. Екатерина, чтобы поощрить къ этому дѣлу, въ 1768 г. назначила ежегодно выдавать по пяти тысячъ рублей „изъ собственной шкатулки“. Составившаяся по этому случаю при академіи наукъ переводческая коммиссія, называемая переводческимъ департаментомъ, придавала особенную цѣну переводамъ сочиненій греческихъ и римскихъ писателей и предлагала вновь переводить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Коммиссія эта, впрочемъ, перевела не особенно много книгъ и существовала только 11 лѣтъ ([1]). Съ учрежденіемъ россійской академіи, она была закрыта, и всѣ суммы, принадлежавшія ей, были переданы академіи. Княгиня Дашкова при россійской академіи въ 1790 г. снова открыла „Переводческій департаментъ“, который замѣнилъ собою „Собраніе переводчиковъ“, или „Россійское собраніе при академіи наукъ“. При московскомъ университетѣ въ 1771 г. составилось учено-литературное общество, подъ названіемъ „Вольнаго Россійскаго Собранія“. Главною цѣлію этого общества поставлено было исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли признано было изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Труды этого общества печатались въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: „Опытъ переводовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“. — Занимались переводами разные писатели, которые обыкновенно и начинали свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Фонъ-Визинъ, какъ мы видѣли, началъ съ переводовъ басней Гольберга и Сиѳа, царя Египетскаго аббата Террасона; Державинъ принимался переводить Телемака, Мессіаду Клопштока, Федру Расина; Княжнинъ переводилъ Генріаду Вольтера, трагедіи Расина; Костровъ — Иліаду, Золотаго осла, пѣсни Оссіана; Львовъ и Мартыновъ—пѣсни Анакреона; съ англійскаго языка переводили Петровъ и Муравьевъ. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, переводы помѣщались въ журналахъ. Большая часть издателей журналовъ были и сами извѣстны, какъ переводчики. Та-

---

([1]) Вотъ, между прочимъ, какія книги были переведены въ это время: Омирова Ватрахоміомахія т. е. брань лягушекъ и мышей; Діодора Сицилійскаго Историческая Вивліоѳика ч. I—VI; Виргиліевой Энеиды три книги; Размышленія о великости и упадкѣ Римлянъ Монтескье; Кандидъ Вольтера; Торквата Тасса Освобожденный Іерусалимъ; Свифта Гулливеровы Путешествія; изъ романовъ Фильдинга: Приключеніе Іосифа Андревса и Авраама Адамса, Дѣянія Вильда великаго и Амелія; Корнелія печальное зрѣлище: Смерть Помпеева; его же позорище: Цидъ; Омирова Иліада; Вольтерова Генріада; Твореній велемудраго Платона часть I. Смотр. Истор. Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. I. 346—349.

ковы были: издатель „Невиннаго Увеселенія“ Богдановичъ; издатель „Добраго Намѣренія“ и другихъ журналовъ, Санковскій; издатель „Адской Почты“ Эминъ, который зналъ нѣсколько азіатскихъ и европейскихъ языковъ и состоялъ переводчикомъ при кабинетѣ и министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; издатель „Трудолюбиваго Муравья“ Рубанъ. Какъ переводчики извѣстны также Елагинъ и Лукинъ. Но особенно важное значеніе въ переводной и издательской дѣятельности имѣло „Дружеское Ученое Общество“ Новикова; при этомъ обществѣ существовала „Переводческая Семинарія“, главнымъ занятіемъ которой было переводить лучшія сочиненія съ иностранныхъ языковъ. Изъ литературныхъ сочиненій здѣсь были переведены, между прочимъ, „Юлій Цезарь“ Шекспира и „Эмилія Галотти“ Лессинга (Карамзинымъ), „Потерянный рай“ Мильтона и „Мессіада“ Клопштока. — При развитіи вкуса къ театру, особенный запросъ былъ въ обществѣ на драматическія сочиненія, которыхъ, какъ показываетъ „Драматическій Словарь“ 1787 г., было переведено весьма много (1). Переводилось много и произведеній другихъ родовъ изъ древнихъ и новыхъ литературъ (2).

(1) Въ Драматическомъ Словарѣ, между прочимъ, указаны слѣдующія сочиненія. Изъ древней литературы: комедіи Теренція (которыя, впрочемъ, были только переведены, но не игрались на сценѣ): Адельфы; Андріянка; Еавтонтиморуменосъ, или человѣкъ самъ себя наказывающій; Евнухъ; Екира, или Свекровь; Форміонъ; изъ сочиненій Мольера: Амфитріонъ, Жоржъ Дандинъ, Мизантропъ, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Принужденная женитьба, Сициліанецъ, Скапиновы обманы, Тартюфъ, Школа женъ, Школа мужей; изъ сочиненій Корнеля: Сидъ, Смерть Помпея, Цинна; Расина: Аѳалія, Есѳирь; Вольтера: Брутъ, Меропа, Альзира, Заира, Магометъ; Бомарше: Евгенія, Севильскій цырульникъ; Шекспира: Виндзорскія кумушки (Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье), Гамлетъ, Жизнь и смерть Ричарда III, Юлій Цезарь; Лессинга: Эмилія Галотти, Миссъ Сара Сампсонъ, Молодой ученый, Минна фонъ - Барнгельмъ. Изъ другихъ переводныхъ піесъ указаны комедіи Гольдони, Детуша, Мариво, Реньяра, Мармонтеля, Гольберга. Кромѣ того въ Драматическомъ Словарѣ указано много разныхъ оперъ, которыя тогда были въ большой модѣ и постоянно давались на сценѣ.

(2) Изъ древнихъ переводились сочиненія Демосѳена, Діодора Сицилійскаго, Ксенофонта, Павзанія, Тацита, Плинія младшаго, Саллюстія, Светонія, Сенеки, Овидія, Теренція, Цицерона; изъ новыхъ сочиненія Бернардена де сенъ-Пьера, аббата Прево, Фенелона, Лесажа, Мармонтеля, Реньяра, Флоріана, Гольдсмита, Джонсона, Свифта, Стерна, Юма, Юнга, Геснера, Гольберга, Крамера, Циммермана, Боккачіо, Сервантеса (Донъ-Кихотъ въ переводѣ Осипова) и др.

Нѣкоторыя книги были переведены по повелѣнію самой императрицы. Къ такимъ книгамъ принадлежали: „Политическія наставленія“ Бильфельда (1768 — 1775), „Истолкованія англійскихъ законовъ“ Блакстона, „Письма“ Эйлера о различныхъ предметахъ физики и философіи, „Естественная исторія человѣка и животныхъ“ Бюффона. Нѣкоторыя переводныя сочиненія пользовались особенною популярностію. Таковы были: Велисарій Мармонтеля, Путешествія Анахарсиса по Греціи Бартелеми, Нума Помпилій Флоріана, нѣкоторыя сочиненія аббата Прево. Указывая выше на повѣсть „Нума Помпилій“ Флоріана, передѣланную Херасковымъ, мы замѣтили, что въ XVIII в. особенною популярностію пользовался тотъ родъ сочиненій, въ которыхъ подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей древности изображали современныхъ государственныхъ дѣятелей, или отъ лица древнихъ мужей предлагались уроки политической мудрости, изображались новые идеалы и планы государственнаго управленія. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежала и повѣсть „Велисарій“. Это сочиненіе считалось въ то время смѣлымъ протестомъ противъ фанатизма и религіозной нетерпимости и во Франціи подверглось запрещенію и преслѣдованію католическаго духовенства. Но Екатерина, увлекавшаяся тогда гуманною стороною новыхъ либеральныхъ сочиненій, получивъ „Велисарія“ отъ Мармонтеля, вздумала перевести его на русскій языкъ, во время своего путешествія по Волгѣ въ 1766 г. вмѣстѣ со своими спутниками. Переводомъ занимались 11 человѣкъ; 12-му поручено было написать посвященіе перевода петерб. митрополиту Гавріилу, отличавшемуся особенною терпимостію и гуманностію взглядовъ. Сама Екатерина перевела 9-ю главу, небольшую по объему, но замѣчательную по содержанію. „Нравоученіе, сказано было въ посвященіи, нужно всѣмъ народамъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни. Блаженство общества зависитъ отъ добраго поведенія членовъ онаго; итакъ полезно имъ напоминать о долгѣ человѣка и гражданина, и представляя примѣры добродѣтели, воспламенять сердца ихъ ревностію подражать достойнымъ лицамъ, кои прежде ихъ жили. Велизаръ такого рода сочиненіе. Герой, гонимый Юстиніаномъ, окруженный всѣми возможными злополучіями, непоколебимое мужество и безпримѣрное великодушіе оказываетъ. Изъ устъ его исходящія слова столь премудры, сколь поведеніе его славно. Наставленія Тиверію можно именовать наставленіями всѣмъ государямъ и всему роду человѣческому“ (¹). Въ Путешествіи Анахарсиса, въ формѣ ученолитературной повѣсти, изображается бытъ древней Греціи. Скиѳъ

(¹) Ист. Росс. Акад. Вып. I, 117—125.

Анахарсисъ, поселившійся въ Аѳинахъ, весьма часто отправлялся изъ Аѳинъ въ различныя мѣста Греціи для изученія быта тамошнихъ жителей, ихъ понятій и вѣрованій, образа правленія, степени умственнаго развитія и т. д. Анахарсисъ бесѣдовалъ и переписывался съ Платономъ, Аристотелемъ, Демосѳеномъ, Эпаминондомъ и проч. При описаніи всего этого постоянно имѣется въ виду современное состояніе Франціи и обличеніе современныхъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ (1). Въ большомъ ходу были сочиненія аббата Прево: „Приключенія Маркиза Г.... или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ" (въ переводѣ Елагина и Лукина 1756—1765); „Философъ англинскій, или житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля, имъ самимъ писанное" (1760—1767); „Настоятель Килеринской" (1765—1787). Всѣ эти сочиненія, наполненныя разнообразными, запутанными приключеніями и картинами, проникнуты нравственнымъ направленіемъ. Содержаніе приключеній Маркиза Г. составляетъ исторія его жизни. Маркизъ Г. странствуетъ и испытываетъ разнаго рода несчастія, потерю родныхъ, неволю и проч., но и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ остается добродѣтельнымъ. Весь романъ наполненъ нравоучительными размышленіями.

По подражанію сочиненіямъ Прево и особенно Приключеніямъ маркиза Г. или Глаголя, какъ его у насъ называли, явились и въ нашей литературѣ романы и повѣсти: „Непостоянная фортуна, или Похожденія Мирамонда" (1763) Эмина, который описалъ здѣсь разнообразныя приключенія своей собственной жизни, въ лицѣ Феридата, товарища Мирамонда, который представляется сыномъ министра турецкаго султана, отправленнымъ въ разныя государства, для ихъ изученія; „Несчастный Никаноръ, или Приключеніе жизни россійскаго дворянина Н.", „Странныя приключенія Могушкина, россійскаго дворянина" (1796). Значительно также были распространены у насъ въ переводѣ „Приключенія Фоблаза" Луве-де-Куврэ, вызвавшія также нѣсколько подражаній, каковы: „Пригожая повариха", повѣсть М. Чулкова (1770); „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества" (1799—1801) А. Измайлова.

Сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Но во второй половинѣ XVIII в., когда повсюду господствовала французская философія, и у насъ особенно были распространены сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Сочувствіе къ французской философіи и литературѣ, какъ замѣчено

(1) Тамъ же. Вып. IV, 124—128.

выше, началось еще въ царствованіе Елисаветы. Въ одно время съ Сумароковымъ, переводившимъ и передѣлывавшимъ трагедіи Вольтера, увлекался его талантомъ И. И. Шуваловъ, который нѣсколько разъ писалъ къ нему, а потомъ ѣздилъ къ нему въ Ферней, для личнаго свиданія Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы стали появляться сочиненія Вольтера въ русскомъ переводѣ. Но усиленное знакомство съ сочиненіями французскихъ философовъ и энциклопедистовъ началось въ царствованіе Екатерины, которая подала примѣръ въ этомъ отношеніи своими сношеніями съ Вольтеромъ, Дидро и Даламберомъ. Княгиня Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ, что чтеніе энциклопедистовъ съ раннихъ лѣтъ составляло ея любимое занятіе и что книгу Гельвеція „О духѣ“ она прочитала два раза, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ его философіи. И. В. Лопухинъ также разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ охотно читалъ „Вольтеровы насмѣшки, Руссовы опровerженія“, Систему природы Гольбаха и что даже перевелъ приложенное къ ней сочиненіе Морелли „Уставъ природы“ (Code de la nature). Русскіе вельможи, путешествовавшіе по Европѣ или жившіе тамъ по обязанностямъ службы, считали долгомъ знакомиться съ философами и энциклопедистами. Князь Д. Н. Голицынъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, напечаталъ въ Гагѣ книгу Гельвеція и посвятилъ ее Екатеринѣ. Графъ Григорій Орловъ былъ почитателемъ Руссо и Гельвеція; онъ переписывался съ Руссо и предлагалъ ему любезное гостепріимство въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Точно также братъ его, Владиміръ Орловъ, приглашалъ Руссо жить въ свои помѣстья въ Россіи. Графъ К. Г. Разумовскій имѣлъ намѣреніе предложить Руссо въ подарокъ свою огромную библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопребываніе въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ помѣстій въ Малороссіи. Въ сношеніяхъ съ Руссо находился князь А. М. Бѣлосельскій, который, живя во Франціи, ѣздилъ также и къ Вольтеру въ Ферней. Но всего сильнѣе подвергались вліянію философіи энциклопедистовъ молодые люди, отправлявшіеся для ученія въ заграничные университеты. Какъ на печальную жертву этого вліянія и какъ вообще на примѣръ сильнаго увлеченія русскихъ юношей всѣмъ заграничнымъ, при этомъ можно указать на тѣхъ 12-ть студентовъ, которые въ 1766 г. были отправлены Екатериной въ Лейпцигскій университетъ, для изученія науки правовѣдѣнія, и въ числѣ которыхъ находились извѣстные Ушаковъ, Радищевъ и Кутузовъ. Они до того увлекались всѣмъ иностраннымъ, что совсѣмъ забывали свой русскій языкъ. Они и мало говорили по русски и даже письма домой писали по нѣмецки. Одинъ изъ сыновей Радищева передаетъ, что когда студенты вернулись въ Россію, они постоянно въ русскомъ раз-

говорѣ вставляли латинскія, нѣмецкія, французскія слова. По разсказу того же сына Радищева плохое знаніе русскаго языка мѣшало даже службѣ Радищева и Кутузова въ сенатѣ. Радищевъ старался восполнить усердными занятіями свое знаніе русскаго языка и пользовался уроками А. В. Храповицкаго. Когда императрица узнала по возвратившимся студентамъ о томъ небреженіи, въ какомъ находится у нихъ въ Лейпцигѣ русскій языкъ, то къ оставшимся еще за границей русскимъ дворянамъ былъ отправленъ, въ качествѣ учителя русскаго языка, нѣкій Сергѣй Подобѣдовъ (1). Но не одни знатные вельможи въ столицахъ или жившіе за границей увлекались сочиненіями французской философіи и литературы, но и люди, жившіе въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ. Тамбовскій помѣщикъ Рахманиновъ переводилъ и печаталъ сочиненія Вольтера въ своей типографіи. Директоръ казанской гимназіи Веревкинъ, сдѣлавшій много переводовъ съ иностранныхъ языковъ, собирался перевести и напечатать всю Энциклопедію Дидро. Порошинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что „Задига" Вольтера, вмѣстѣ съ Генріадой, читали наслѣднику Павлу Петровичу, при его обученіи, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Вольтера читали и воспитанники въ кадетскомъ корпусѣ. Всего болѣе читались и переводились сочиненія Вольтера (2), Дидро, Даламбера, Руссо, Гельвеція, Рейналя, Даржанса, Волнея. Изъ переводчиковъ, кромѣ уже упомянутыхъ выше, извѣстны еще Харламовъ, Башиловъ, Тузовъ, Козельскій. Нѣкоторыя сочиненія указанныхъ писателей печатались отдѣльно, другія помѣщались въ журналахъ. Изъ сочиненій болѣе знаменитыхъ дѣлались извлеченія и сборники, подъ заглавіемъ: Духъ Вольтера, Духъ Руссо, Духъ Гельвеція.— Какъ же понимались и какое вліяніе производили эти сочиненія на русскихъ читателей?—Характеризуя это вліяніе, историкъ Соловьевъ говоритъ: „Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ литературою служило имъ для внѣшнихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертые съ

---

(1) Сборн. истор. общ. X. 114 и 126.

(2) О переводахъ сочиненій Вольтера на русскій языкъ смотр. статью Д. Д. Языкова: «Вольтеръ въ русской литературѣ. Историко-библіограф. этюдъ». Древн. и Нов. Россія. 1878, № 9.

наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды и успокоивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частію въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю; такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующіе напр. Гельвецію съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлаютъ выходку вообще противъ просвѣщенія“ (¹). Выше замѣчено, что при сужденіи о характерѣ и значеніи философіи и литературы XVIII в. надобно различать въ нихъ двѣ стороны— положительную, гуманную, и отрицательную, скептическую и революціонную. Гуманная сторона философіи и литературы, какъ мы видѣли, увлекала Екатерину и всѣхъ лучшихъ людей ея вѣка; въ сочиненіяхъ Екатерины, Фонъ-Визина, Державина, Хераскова, Княжнина и др. постоянно встрѣчаются новыя гуманныя идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти и разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры и нравственной дѣятельности, новыя человѣколюбивыя начала въ воспитаніи, образованіи, законодательствѣ и управленіи. Но проводимыя въ литературѣ, составлявшія предметъ разговоровъ въ обществѣ, бывшія темой разсужденій и рѣчей въ ученыхъ и другихъ собраніяхъ, эти идеи, однакоже, плохо усвоивались умомъ и сердцемъ и туго проникали въ жизнь практическую. Какъ въ древнія времена русскій народъ и по принятіи христіанства долго не могъ забыть старыхъ своихъ боговъ, Перуна, Хорса и Волоса, такъ и въ новыя времена поклоненіе новымъ просвѣтительнымъ идеямъ не только не уничтожало господства стараго невѣжества, старыхъ предразсудковъ и пороковъ, но и легко мирилось и уживалось съ ними. Тѣ же самыя лица, которыя читали либеральныя сочиненія и въ разсужденіяхъ и разговорахъ произносили громкія фразы о равенствѣ, братствѣ и свободѣ, въ практической жизни обнаруживали грубый произволъ, самовластіе и всякаго рода притѣсненія и несправедливости къ своимъ ближнимъ. Особенно рѣзко это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ сказывалось въ области крѣпостнаго права. Тѣ же лица, которыя ѣздили на поклонъ къ Воль-

---

(¹) Истор. Россіи XXVI, 222—223.

теру и предлагали Руссо и Гельвецію любезное гостепріимство въ своихъ помѣстьяхъ, не могли отказаться отъ рабовладѣнія и допускали въ этихъ помѣстьяхъ разныя притѣсненія. Извѣстно, что въ Коммиссіи Новаго Уложенія два члена, Коробьинъ и Протасьевъ, сдѣлали предложеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, но это предложеніе, не смотря на то, что оно было согласно съ намѣреніями самой императрицы, было отвергнуто. И послѣ Наказа, какъ и прежде, люди, читавшіе либеральныя сочиненія, продолжали покупать и продавать крѣпостныхъ крестьянъ. Селивановскій въ своихъ Запискахъ говоритъ о своемъ отцѣ: „Отецъ мой былъ купецъ и слѣд. не имѣлъ права владѣть себѣ подобными: но, не смотря на свободный образъ мыслей отца, любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера, не смотря на пріязнь съ извѣстнымъ либераломъ и минералогомъ, Ситниковымъ, духъ времени или понятія были таковы, что стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ. Пріобрѣтеніе было дешево. Дворянство ежедневно продавало людей“ (1).—Гораздо сильнѣе дѣйствовала на русскихъ читателей отрицательная, скептическая сторона французской философіи и литературы. Въ сочиненіяхъ Вольтера и энциклопедистовъ они вычитывали то вольнодумство, которымъ отличалось полуобразованное русское общество 2-й половины XVIII в. Изъ двухъ видовъ господствовавшаго тогда въ Европѣ вольнодумства, вольнодумство религіозное, по замѣчанію Вяземскаго, у насъ скорѣе должно было имѣть послѣдователей, нежели политическое; оно отвлеченнѣе политическаго и не требовало ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній (2). Это вольнодумство у насъ состояло въ кощунствѣ надъ предметами вѣры и церкви и христіанскаго благочестія и было до того распространено, что сдѣлалось настоящею модою, слѣдовать которой считалось обязанностью для каждаго, желающаго прослыть образованнымъ человѣкомъ. Въ разговорѣ Фонъ-Визина съ Тепловымъ указаны два рода тогдашнихъ вольнодумцевъ, или „безбожниковъ“: „одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.... Другой родъ безбожниковъ составляютъ тѣ, кои умствуютъ и думаютъ доказать дово-

(1) Библ. Записки 1858, № 17, стр. 526—527.

(2) Вязем. Сочин. V, стр. 27—28. Русское вольнодумство при Екатеринѣ II. Ф. А. Терновскаго. Труд. Кіев. Акад. 1868 г. кн. I.

дами, что Богъ не существуетъ". Такое невѣріе или вольнодумство совершенно справедливо у насъ называлось „вольтерьянствомъ", потому что сочиненія Вольтера всего больше читались и даже списывались въ рукописи. „Письменный Вольтеръ, замѣчаетъ митр. Евгеній, распространенъ у насъ еще больше, чѣмъ печатный". Фривольный и кощунственный скептицизмъ Вольтера всего больше приходился по плечу большинству полуобразованнаго русскаго общества. Особенно увлекали его такія повѣсти Вольтера, какъ Вавилонская принцесса, Задигъ, Кандидъ, Человѣкъ въ 40 талеровъ, которыя наполнены разными картинами, льстившими чувственнымъ страстямъ и поощрявшими распущенность нравовъ.—Наконецъ ученіемъ Вольтера и энциклопедистовъ, какъ мы видѣли, увлекались и серьезные люди и писатели; но одни изъ нихъ скоро раскаявались въ своихъ увлеченіяхъ, а нѣкоторые, какъ напр. Новиковъ и Лопухинъ, переходили въ противоположный лагерь, въ общество масоновъ, и объявляли борьбу противъ энциклопедистовъ. Всего полнѣе и рѣзче вліяніе ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ отразилось на Радищевѣ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ (¹) былъ сынъ одного помѣщика и родился въ 1749 г. Отличительными чертами въ его характерѣ, которыми весьма много объясняется его жизнь и литературная дѣятельность, были необыкновенная впечатлитель-

(¹) Свѣдѣнія о Радищевѣ и его сочиненіяхъ: въ статьѣ Пушкина: Александръ Радищевъ (Сочин. изд. Исакова том. V); въ Русск. Вѣстникѣ 1858, № 23: А. Н. Радищевъ, статья сына Радищева Павла; въ Чтен. общ. истор. и древн. 1865 кн. 3: Подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Радищева, именно: Замѣчанія импер. Екатерины на «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», вопросные пункты Радищеву и его отвѣты на эти вопросы и нѣкоторыя признанія Радищева; эти документы напечатаны также въ Архивѣ князя Воронцова кн. V и XII; въ Библ. Зап. 1859 № 17: Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ проектѣ Радищева, Лонгинова; въ Вѣстн. Европы 1868 № 5: «Крыловъ и Радищевъ» и № 7: Объ изданіи Путешествія Радищева въ 1868 г. А. Н. Пыпина; въ Русской Старинѣ 1882, сентябрь: «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в.». Къ біографіи Радищева В. Е. Якушкина въ Историч. Вѣстн. 1883, Апрѣль; «А. Н. Радищевъ. Литературная характеристика» А. И. Незеленова. Послѣднее изслѣдованіе, въ которомъ самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ разсмотрѣна вся литература о Радищевѣ и разобраны всѣ свѣдѣнія и сужденія о немъ и его сочиненіяхъ, принадлежитъ академику М. И. Сухомлинову: «А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву», въ Сборникѣ отд. русск. языка и словесности Акад. Наукъ т. XXXII № .6, Спб. 1883 г. По поводу этого изслѣдованія—статья А. И. Незеленова въ Истор. Вѣстн. 1883; Декабрь.

ность и воспріимчивость. Поэтому на него несравненно сильнѣе, чѣмъ на другихъ, подѣйствовала та среда, въ которой онъ воспитывался, и рѣзче, не на словахъ только, а въ самыхъ дѣйствіяхъ, выразились тѣ идеи, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился вмѣстѣ со многими другими. Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, а окончательное за границей, въ лейпцигскомъ университетѣ, куда онъ былъ отправленъ въ 1766 г. для изученія науки правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Кутузовымъ, Яновымъ и др. Въ Лейпцигѣ онъ пробылъ четыре года и слушалъ здѣсь словесныя науки у Геллерта, философію и физіологію у Платнера. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели. Платнеръ настаивалъ на общеніи науки съ жизнію, съ ея насущными потребностями и въ своихъ лекціяхъ затрогивалъ соціальные вопросы. Но усерднѣе, чѣмъ слушаніемъ лекцій въ университетѣ, русскіе студенты въ Лейпцигѣ занимались чтеніемъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, Вольтера, Гельвеція, Мабли, Руссо, Рейналя и др. „Мы учились мыслить, говоритъ Радищевъ въ „Житіи Ушакова“, по книгѣ Гельвеція о разумѣ“ (De l' Esprit); а исторію они изучали по сочиненіямъ Мабли (Droit publique de l' Europe; Observations sur l' histoire de France), который въ исторіи искалъ не исторической истины, а идей и мотивовъ для переустройства современнаго общества (¹). Мабли говорилъ, что главнѣйшая обязанность человѣка состоитъ въ стремленіи къ свободѣ и для доказательства своихъ либеральныхъ идей не стѣснялся извращеніями историческихъ фактовъ. Переводъ сочиненія Мабли Observations sur l' histoire de la Grèce (Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ) былъ однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева.

По возвращеніи въ Россію въ 1771 г. Радищевъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ получилъ должность совѣтника въ петербургской таможнѣ. Состоя на службѣ, онъ продолжалъ читать сочиненія энциклопедистовъ и между прочимъ изучалъ „Исторію о Индіяхъ“ аббата Рейналя (²). Эта книга въ то время пользовалась особенною популярностію и производила сильное вліяніе. Она была наполнена рѣзкими обличеніями жестокаго обращенія европейцевъ съ черными людьми, горячими изобра-

---

(¹) **Ученіе о нравственности и соціальная утопія Мабли. Герье. Русская Мысль. 1885. №№ 1 и 2.**

(²) **На русскій языкъ она была переведена Г. Н. Городчаниновымъ, проф. словесности Казан. Унив: «Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ». Спб. 1805—1811.**

женіями несправедливости монополіи и ея враждебныхъ для человѣчества послѣдствій; всѣ разсказы и разсужденія автора были направлены къ освобожденію торговли, промышленности и рабочихъ людей, которымъ достается только трудъ, а не прибыль. „Сію-то книгу, говоритъ Радищевъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросные пункты слѣдственной коммиссіи, могу я почитать началомъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію.... Слогъ его (Рейналя) мнѣ понравился. Я высокопарный его штиль почиталъ краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истиннымъ вкусомъ, и видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать его слогу... Для упражненія въ слогѣ я въ сіе время (въ 1785 г.) началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торга. Въ слѣдующій годъ (1786), читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ; началъ повѣсть Систербецкую; но все не было окончено. А какъ случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Іорикова Путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать“ (¹). Итакъ идею сочиненія подала Радищеву Исторія Индіи Рейналя, а форму— Путешествіе Стерна: такъ образовалось „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Внутреннее же побужденіе къ написанію его Радищевъ излагаетъ въ посвященіи его другу своему А. М. Кутузову, въ слѣдующихъ словахъ: „Я взглянулъ окрестъ меня— душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину на вѣки. Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буди“. Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь“. Радищева, какъ показываетъ потомъ самая книга, глубоко поражали страшныя бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ, злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни Россіи, и онъ вздумалъ изобра-

(¹) Документы, касающіеся дѣла Радищева. Чтен. Общ. истор. и древн. 1865; кн. 3. стр. 39.

зить ихъ въ своемъ „Путешествіи“, будучи побужденъ къ этому, съ одной стороны глубокимъ противъ нихъ негодованіемъ, а съ другой состраданіемъ и любовію къ угнетеннымъ и страдающимъ.

Все „Путешествіе“ Радищева ([1]) состоитъ изъ 25 главъ, изъ коихъ первая называется „Выѣздъ“, а всѣ другія имѣютъ названія разныхъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву: Софія, Тосна, Любани, Чудово, Спасская Полѣсть, Подберезье, Новгородъ, Бронницы, Зайцево, Крестьцы и др. Изображеніе ужасовъ крѣпостнаго права, бѣдствій и страданій помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ большую часть книги. Въ главѣ „Любани“ (стр. 14—20) описывается положеніе крестьянина, который на себя можетъ работать только въ воскресенье, потому что во всѣ другіе дни онъ долженъ работать на помѣщика. Въ главѣ „Зайцево“ (стр. 119—153), отъ лица чиновника, вышедшаго изъ крестьянъ, рисуется картина самовластія, жестокостей, распутства и другихъ пороковъ одного помѣщика. Это былъ „ассессоръ, который самъ вышелъ изъ низкаго состоянія и сдѣлался повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ“. Вотъ какъ онъ обходился съ купленными крестьянами: „они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю.... заставилъ всю недѣлю работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плѣтьми, батожьемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности.... Его сожительница, сыновья и дочери поступали съ крестьянами такъ же варварски и позволяли себѣ дѣлать всякія насилія“. Въ главѣ „Мѣдное“ (стр. 341—349) представлена возмутительная сцена продажи съ аукціона дворовыхъ крѣпостныхъ людей. Это были: „старикъ лѣтъ 75; съ отцомъ господина своего онъ былъ въ крымскомъ походѣ при Минихѣ; во франкфурт-

([1]) Послѣ заглавія «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» помѣщенъ эпиграфъ: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй». Тилемахида. Томъ II. кн. XVIII, стр. 514. 1790. Въ Санктпетербургѣ. На послѣдней 453-й страницѣ книги внизу напечатано: «съ дозволенія Управы Благочинія».—Второе изданіе «Путешествія» было сдѣлано въ Лондонѣ въ 1858 г.—Въ 1868 г. было сдѣлано изданіе «Путешествія» купцомъ Шигинымъ, но съ разными измѣненіями и большими пропусками и сокращеніями. Оба эти изданія, равно какъ и изданіе, приготовленное въ 1872 г. Ефремовымъ, но не выпущенное въ свѣтъ, указаны въ упомянутомъ выше изслѣдованіи М. И. Сухомлинова. Въ 1876 г. «Путешествіе» было издано въ Лейпцигѣ (Международная Библіотека, т. XVII), а въ 1888 году «Путешествіе» перепечатано Суворинымъ въ СПБ. въ количествѣ 99 экземпляровъ.

скую компанію раненаго унесъ его съ поля сраженія; потомъ былъ дядькой молодаго барина и такъ же нѣсколько разъ спасалъ его отъ разныхъ несчастій. Старуха 80 лѣтъ, его жена, была кормилицею матери своего молодаго барина, была его нянькою Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодаго своего барина. Молодица 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковъ". Въ главѣ „Городня" (стр. 370—394), изобразивъ разныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ, авторъ излагаетъ исторію одного крѣпостнаго двороваго человѣка, который „былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ барина, былъ отправленъ вмѣстѣ съ нимъ заграницу и получилъ тамъ отличное образованіе; но по смерти барина, когда владѣльцемъ имѣнія сдѣлался его совоспитанникъ и женился на одной злой женщинѣ,—эта женщина стала его преслѣдовать и довела наконецъ до того, что его отдали въ солдаты. Въ главѣ „Черная грязь" (стр. 417) изображается насильственный крестьянскій бракъ, по принужденію помѣщика: „они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь къ олтарю Отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ"!.. Вмѣстѣ съ такими картинами бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ, Радищевъ представилъ и проектъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Проектъ этотъ изложенъ въ главѣ „Хотиловъ" (стр. 236—267). Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, со всею силою разума и краснорѣчія, онъ прежде всего доказываетъ здѣсь незаконность рабства между людьми и гибельность его для государства, указывая на голосъ, раздающійся въ храмахъ Живаго Бога и на право естественное и гражданское: „Опомнитесь, говоритъ онъ, заблудшіе, смягчитеся жестокосердые: разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же Всещедрымъ уготованы, якоже и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково.... Но кто же между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада, тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?".. Затѣмъ Радищевъ указываетъ путь постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, развивая свои мысли объ этомъ освобожденіи въ двухъ положеніяхъ о крестьянахъ. „Первое положеніе, говоритъ онъ, от-

носится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ домы. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно! Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда" (стр. 265—267). Этотъ умный проектъ и приведенныя выше изображенія бѣдственнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, проникнутыя глубокимъ негодованіемъ противъ рабства и горячею любовію къ угнетеннымъ и страдающимъ, тѣмъ болѣе замѣчательны и тѣмъ болѣе возвышаютъ значеніе Радищева, что въ это время освобожденіе крестьянъ не только образованные русскіе люди, но и европейскіе философы считали одни дѣломъ невозможнымъ, другіе труднымъ и опаснымъ. Вольтеръ говорилъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію крестьянъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю. Даже Руссо говорилъ, что хотя освобожденіе крестьянъ есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное, и что прежде нужно приготовить крестьянъ къ принятію вольности посредствомъ образованія. „Позаботьтесь прежде всего объ этомъ, говорилъ онъ, не освобождайте ихъ тѣла прежде, нежели освободите ихъ душу. Безъ этого предварительнаго акта ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ".

Но бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ составляютъ хотя и главный, но не единственный предметъ „Путешествія" Радищева; рядомъ съ картинами этихъ бѣдствій, въ немъ указываются разныя злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни Россіи. Въ главѣ „Чудово" (стр. 21—40) разсказывается о жестокосердіи чиновника, который не подалъ помощи 20-ти утопавшимъ человѣкамъ; въ главѣ „Спасская Полѣсть" (стр. 43—48)—о государевомъ намѣстникѣ, который посылалъ въ Петербургъ „за устерсами" казеннаго курьера, подъ предлогомъ отправки нужныхъ казен-

ныхъ бумагъ; въ главѣ „Едрово“ (стр. 210—235) изображаются послѣдствія неровныхъ браковъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ съ 20-лѣтними дѣвушками; въ главѣ „Выдропускъ“ (стр. 278—288)—картины распущенной жизни придворныхъ и другихъ чиновниковъ; въ главѣ „Городня“ (стр. 370—394) — возмутительныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ; въ главѣ „Завидово“ (стр. 395—400)—грубое самоуправство гренадера на почтовой станціи, съ плетью требующаго, чтобы немедленно были приготовлены для него лошади; въ главѣ „Пешки“ (стр. 410—416) нарисованы картины крестьянской бѣдности въ пищѣ, одеждѣ и во всей обстановкѣ въ параллель съ роскошной жизнію помѣщиковъ. Но особенно рѣзкими картинами разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ наполнена обширная глава „Спасская Полѣсть“ (стр. 41—85). Здѣсь изображенъ „Сонъ“ царя, во время котораго ему является истина, въ видѣ убогой странницы, и раскрываетъ предъ нимъ страшное разстройство во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія.

Оправдывая свое „Путешествіе“, Радищевъ въ послѣдствіи говорилъ, что если бы его книга вышла лѣтъ за десять, или за пятнадцать до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы разсчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству. Дѣйствительно, французская революція, несомнѣнно, имѣла вліяніе на осужденіе Радищева и его книги. Мы указали выше, что Екатерина разрѣшила къ печати трагедію Николева „Сорену“, но трагедію Княжнина „Вадимъ“, написанную въ томъ же духѣ, но напечатанную послѣ французской революціи, подвергла запрещенію, что испуганная ужасами революціи, она вообще стала строго относиться ко всѣмъ свободнымъ проявленіямъ мысли и слова; но не въ одномъ этомъ заключалась причина осужденія „Путешествія“. Радищевъ забывалъ, что, кромѣ безспорно полезныхъ указаній на злоупотребленія, въ его книгѣ заключалось много такихъ мѣстъ, которыя были направлены не только противъ злоупотребленій власти, но и вообще противъ власти и противъ царской власти, и наполнены разными оскорбительными выраженіями, много такихъ мѣстъ, какія прежде никогда не появлялись въ печати и не могли разсчитывать на одобреніе и до французской революціи. Упомянутый выше „Сонъ“ въ главѣ „Спасская Полѣсть“, изображая разныя злоупотребленія, содержитъ въ тоже время осужденіе всего государственнаго строя въ государствахъ монархическихъ; а въ главѣ „Тверь“ (стр. 356—369) помѣщена ода „Вольность“, наполненная оскорбительнымиэ выражніями для царской власти и выражающая

сочувствіе автора къ революціи. Прочитавъ эту оду, Екатерина замѣтила: „сіи страницы суть криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскіи". Эти и подобныя имъ страницы, конечно, и были причиною того, что, испуганная небывалою смѣлостію обличеній и оскорбленная грубымъ вызывающимъ тономъ книги, она осудила ее чрезвычайно строго, гораздо строже, чѣмъ можно было ожидать отъ государыни, написавшей гуманныя правила Наказа, признала Радищева „мартинистомъ, бунтовщикомъ не хуже Пугачева" и отдала его подъ судъ. „Намѣреніе сей книги, говоритъ она въ началѣ своего разбора „Путешествія", на кождомъ листѣ видно. Сочинитель оной исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ; ищетъ всячески и выищиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едвали не мартинистъ"; а въ концѣ разбора, указывая на подчеркнутыя въ книгѣ мѣста, она замѣчаетъ объ авторѣ: „видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ, что давно мысль его готовилась во взятому пути, а французская революція рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ [1]"... Чтобы понятны были какъ этотъ приговоръ о книгѣ Радищева, такъ и послѣдующая судьба его самого и его книги, надобно принять во вниманіе, кромѣ указанныхъ выше отдѣльныхъ мѣстъ, и все содержаніе книги въ цѣломъ ея составѣ, со всѣми ея идеями и стремленіями. Всѣ приведенныя выше картины бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ и злоупотребленій въ судахъ и администраціи постоянно сопровождаются въ книгѣ разными „дерзновенными разсужденіями неприличной смѣлости", заимствованными изъ разныхъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Видно, что авторъ такъ сильно былъ увлеченъ и проникнутъ ихъ идеями, что не могъ воздержаться, чтобы не выразить ихъ въ своемъ сочиненіи, не смотря на то, что онѣ противорѣчили всѣмъ воззрѣніямъ русскаго народа, всему строю русской жизни и даже его собственному характеру. Въ слѣдствіе чего книга представила удивительную смѣсь благородныхъ стремленій и ложныхъ и „дерзновенныхъ" мыслей, нѣжныхъ чувствованій и грубыхъ циническихъ картинъ. Человѣкъ кроткій и мирный, необыкновенно честный и образцовый чиновникъ, онъ въ тоже время, изображая состояніе крѣпостныхъ крестьянъ въ

(1) Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева. Чтен. общ. ист. и древн. 1865, кн. 3.

главѣ „Зайцево“ (стр. 119—153), высказываетъ тѣ же парадоксальныя идеи Руссо объ абсолютной свободѣ и равенствѣ, которы.. во Франціи послужили однимъ изъ сильнѣйшихъ возбужденій къ революціи. „Если законъ не въ силахъ заступить человѣка, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное ..ъ предс. ояшей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется граждани. ъ природнымъ правомъ защищенія. сохранности, благосостоянія“... (стр. 145—146). Считая себя христіаниномъ, онъ въ тоже врем.. въ главѣ „Бронницы“, по поводу преданія о стоявшемъ здѣсь на одной горѣ храмѣ Перуна, пускается въ разсужденіе, что во всѣхъ религіяхъ почитается одинъ и тотъ же Богъ, и при этомъ въ сказываетъ мнѣнія, составляющія сущность ученія деистовъ (стр. 13—118). Человѣкъ православный и ставящій православіе выш. католичества и протестанства, онъ въ главѣ „Торжокъ“ во стаетъ противъ вселенскихъ соборовъ и говоритъ: „Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе ере ики быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы все енскіе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ де ать столѣтій прежде? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и н вѣжеству“! (стр. 312—313). Почтительный къ родителямъ сынъ и чадолюбивый отецъ, онъ въ главѣ „Крестьцы“, слѣдуя ученію матеріалистовъ, возстаетъ противъ обязанностей дѣтей къ родителямъ. Выведенный здѣсь отецъ, прощаясь съ дѣтьми, при отправленіи ихъ на службу, говоритъ имъ: „Не должны вы мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, ни меньше всего за рожденіе.—За рожденіе? — Участники ли вы были въ немъ? Вопрошаемы были ли, да рождени будете“?... И объясняя по системѣ Гельвеція, что источникомъ всѣхъ побужденій и дѣйствій человѣческихъ служитъ чувственное удовольствіе и себялюбіе, онъ изъ этого же источника производитъ и любовь отца къ дѣтямъ и заботу о ихъ воспитаніи. Наконецъ, преподавая разные совѣты дѣтямъ, отецъ разрѣшаетъ имъ, въ трудныхъ и несчастныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ самоубійству. „Если ненавистное щастіе (несчастіе?) истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда спомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри. — Въ наслѣдіе вамъ оставляю слова умирающаго Катона. Но если въ добродѣтели умрети возможешъ, умѣй умереть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ“ (стр. 162—193). Видно, что Радищевъ былъ воспитанъ на сочиненіяхъ энциклопедистовъ. Выражая такія идеи, которыя въ то время

считались виною умственной и нравственной разнузданности, приведшей Францію къ революціи, онъ естественно и самъ могъ быть заподозрѣнъ въ революціонныхъ намѣреніяхъ и стремленіяхъ, хотя совсѣмъ и не имѣлъ такихъ намѣреній, и вся жизнь его отличалась характеромъ, противоположнымъ указаннымъ идеямъ.

Изложеннымъ содержаніемъ „Путешествія" Радищева объясняются какъ сочувственныя отношенія къ судьбѣ Радищева, такъ и строгія сужденія и приговоры о его книгѣ, и между ними самый строгій приговоръ Пушкина. Пушкина, какъ извѣстно, увлекала въ молодости гуманная сторона книги Радищева; онъ цѣнилъ въ Радищевѣ стремленіе къ свободѣ, признавалъ въ немъ искренность и честность убѣжденій, и дѣлая выписки изъ „Путешествія" о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, во многомъ соглашался съ нимъ. Но Пушкина отталкивала другая сторона книги — ложныя и дерзновенныя мысли и разсужденія, заимствованныя изъ энциклопедистовъ, и оскорбительный, вызывающій тонъ книги, и потому онъ впослѣдствіи сдѣлалъ о Радищевѣ и его книгѣ слѣдующій приговоръ: „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Рейналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, на обумъ приноровленныя ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ... Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви". Въ другихъ мѣстахъ Пушкинъ не одобряетъ слогъ книги, называя его варварскимъ, порицаетъ растянутость изложенія, излишнюю чувствительность, высокопарность и надутость. При всей строгости этого приговора Пушкина, и критика новаго времени не находитъ возможности отвергнуть его. Статья „Александръ Радищевъ", говоритъ Анненковъ, принадлежитъ,

по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здоровому и проницательному критическому такту, которымъ отличались сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ не задолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбѣжныя въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля любви и пребыванія въ границахъ закона,—и это составляетъ высокую нравственную мысль его дѣльной и строгой статьи (1).

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву главное, но не единственное сочиненіе Радищева. Въ томъ же году, когда написано было Путешествіе, Радищевъ напечаталъ „Житіе Ѳ. В. Ушакова“. Находясь въ крѣпости, онъ въ поученіе своимъ дѣтямъ написалъ „Повѣсть о Филаретѣ милостивомъ“ (2). Во время ссылки въ Сибири онъ написалъ Разсужденіе о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи; письмо о китайской торговлѣ въ Кяхтѣ; отрывокъ изъ сокращеннаго повѣствованія о пріобрѣтеніи Сибири; нѣсколько мелкихъ стихотвореній; сказку въ стихахъ о Бовѣ, составленную по подражанію Орлеанской дѣвственницѣ Вольтера; отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ „Ермакъ“. Но эти сочиненія не имѣютъ особеннаго интереса и значенія, кромѣ трехъ первыхъ, въ которыхъ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія и факты, могущіе служить къ объясненію характера и судьбы Радищева и его Путешествія. Въ первомъ сочиненіи изображается жизнь товарища Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ, Ѳ. В. Ушакова. Ушаковъ былъ даровитый и любознательный человѣкъ и въ Лейпцигѣ готовилъ диссертацію „о смертной казни“, но не успѣлъ ее окончить и умеръ на 21 году жизни отъ слѣдствій невоздержной жизни. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; но вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей (Кутузова), но Радищевъ тому воспротивился! Думаютъ, что это обстоятельство сильно подѣйствовало на Радищева и имѣло вліяніе на его разсужденія о самоубійствѣ и на самую его кончину. Повѣсть о Филаретѣ милостивомъ служитъ къ объясненію чувствительнаго и сострадательнаго характера Радищева. Разсужденіе о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи составлено на

---

(1) Сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова 1857; т. VII, часть II, стр. 3—4.

(2) Она напечатана въ изслѣдованіи Сухомлинова стр. 63—77.

основаніи разныхъ философскихъ сочиненій Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Гельвеція и др. „Радищевъ, замѣчаетъ Пушкинъ объ этомъ сочиненіи, хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма".

За Путешествіе изъ Петербурга въ Москву Екатерина опредѣлила сослать Радищева въ Сибирь, въ илимскій острогъ на 10 лѣтъ. Импер. Павелъ въ 1796 г., вскорѣ по возшествіи на престолъ, освободилъ его изъ ссылки и позволилъ ему жить въ его деревняхъ; а импер. Александръ I въ 1801 г. вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ членомъ законодательной коммиссіи. Находясь въ коммиссіи, Радищевъ, по словамъ младшаго его сына Павла Александровича, составилъ будто бы „Проектъ гражданскаго уложенія" (1), который потомъ затерялся; но старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, который лучше могъ знать обо всемъ происходившемъ въ коммиссіи, не упоминаетъ о проектѣ, хотя и указываетъ на всѣ другіе труды своего отца. Въ архивѣ законодательной коммиссіи сохранились только два мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ эту коммиссію: одно—по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другой—по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи (2). Въ коммиссіи Радищевъ находился до своей смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1802 г. Говорятъ, что однажды президентъ коммиссіи Завадовскій, по поводу какого-то вопроса или разсужденія Радищева, дружески замѣтилъ ему: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?" Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой; вспомнилъ о другѣ своей молодости, лейпцигскомъ студентѣ Ушаковѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ, и отравился.

П. И. Челищевъ и его Путешествіе по Сѣверу Россіи. Изъ товарищей Радищева по лейпцигскому университету недавно сдѣлался извѣстенъ, какъ писатель, Петръ Ивановичъ Челищевъ—изъ дворянъ Смоленской губерніи (род въ 1745 г.), сынъ секундъ-маіора воронежскаго гарнизона, служившій въ военной службѣ и также дослужившійся до секундъ-маіора. Подобно Радищеву, онъ

---

(1) Основныя положенія этого Проекта изложены въ изслѣдованіи Сухомлинова, стр. 84—85.

(2) Эти мнѣнія напечатаны и разобраны такъ же въ изслѣдованіи Сухомлинова, стр. 90—102.

написалъ „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г.“ (¹), которое до послѣдняго времени не только не было напечатано, но и было совершенно неизвѣстно. Извѣстно было только имя Челищева, по слѣдственному дѣлу о Радищевѣ. Импер. Екатерина подозрѣвала Челищева въ соучастіи съ Радищевымъ при сочиненіи Путешествія изъ Петербурга въ Москву, но это подозрѣніе оказалось несправедливымъ; поводомъ къ нему, вѣроятно, и было Путешествіе Челищева по Сѣверу Россіи въ 1791 г.

Путешествіе Челищева отличается отъ Путешествія Радищева и своимъ содержаніемъ и своимъ внутреннимъ характеромъ. Путешествіе Радищева имѣетъ форму и характеръ литературнаго произведенія; описываемыя явленія въ немъ, какъ въ литературномъ произведеніи, назначены служить тѣмъ идеямъ, которыя проводятся во всемъ сочиненіи. Путешествіе Челищева есть географическое и этнографическое описаніе реальной дѣйствительности и имѣетъ форму простаго дневника, веденнаго авторомъ во время его дѣйствительнаго путешествія въ 1791 г. отъ Петербурга чрезъ Олонецкій край до Бѣлаго моря и Соловецкаго монастыря, и обратно чрезъ города Онегу, Архангельскъ, Холмогоры, Великій Устюгъ, Тотьму, Вологду, Кириловъ, Бѣлозерскъ, Тихвинъ и Шлиссельбургъ. Не смотря на воспитаніе за границей, и въ томъ-же кружкѣ, изъ котораго вышелъ Радищевъ, Челищевъ остался не только русскимъ патріотомъ, но и глубоко-религіознымъ и вполнѣ православнымъ человѣкомъ. Религіозный характеръ Челищева высказывается почти на каждой страницѣ его Путешествія; пріѣхавъ въ извѣстное мѣсто, онъ прежде всего отправляется въ церковь, въ соборъ или монастырь, слушаетъ всенощную, а на другой день литургію, служитъ молебенъ, перечисляетъ, сколько въ городѣ церквей, какія въ нихъ есть замѣчательныя украшенія, древности или рѣдкости, чудотворные кресты или иконы или другія какія нибудь святыни. Изъ монастырей онъ съ особенными подробностями описываетъ монастыри Соловецкій, Кирилло-бѣлозерскій, Тихвинскій. Столь же постоянно и настойчиво выражаются въ Путешествіи Челищева и его патріотическія чувства и стремленія. Таковы прежде всего тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о Петрѣ В. и Ломоносовѣ. При разсказѣ объ одной крѣпости, въ 18 верстахъ отъ Архан-

(¹) **Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886. По поводу этого изданія напечатана статья А. Н. Пыпина, Вѣстн. Европы 1886 г. октябрь: «Вновь открытый писатель прошлаго вѣка»...—О Челищевѣ смотр. еще въ Исторіи Росс. Академіи М. И. Сухомлинова VII, 399—415.**

гельска, построенной Петромъ В., онъ замѣчаетъ, что видѣлъ развалины деревяннаго дворца Петра В.: „Сколь глубоко я былъ пронзенъ жалостію, видя, что сіе святилище было предано совсѣмъ паденію! Углы его отвалились, стѣны осѣли, крышка обломилася, окны расхищены, полы покрадены, вмѣсто печей груды глины, а въ почивальной, гдѣ великій сей мужъ отъ своихъ трудовъ опочить изволилъ и стези къ блаженству своего народа выдумывалъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ-бы трофеямъ стоять надлежало, нынѣ неблагодарными его подданными пускаются въ забытую сію кумирницу несмысленныя четвероногія животныя, и гдѣ коснулася его нога, влекущая за собою блаженство Россіи, тамъ видны были груды мерзости... О, суетное человѣчество! Я не нашелъ за краткостію времени способу, какъ доказать мое высокопочитаніе сему капищу, и для того взялъ кусокъ гнилаго дерева вмѣсто мощей" ([1]). Въ Холмогорахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ на берегъ Петръ В., Челищевъ поставилъ большой деревянный крестъ, съ надписью: „Изуй сапогъ твой, мѣсто бо, идѣже стоиши, коснулася нога Петра Великаго, отца отечества, и потому свято" ([2]).—„Еще, прибавляетъ онъ далѣе, славится оный городъ произведеніемъ въ 1711 годѣ противъ самаго города на двинскомъ, облегающимъ съ одной стороны Двиною, а съ другой отъ города рѣчкою Куропалкою, Куръ-островѣ, въ погостѣ и деревнѣ того жь названія, на свѣтъ славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, статскаго совѣтника, императорской Санктъ-Петербургской академіи наукъ профессора, Стокгольмской и Бононской члена, Михаила Васильевича Ломоносова" ([3]). На мѣстѣ, гдѣ родился Ломоносовъ, Челищевъ просилъ Холмогорскаго городничаго поставить сдѣланный имъ деревянный памятникъ, высотою въ 4 аршина съ соотвѣтственными символическими изображеніями и похвальными надписями ([4]).

Описывая разныя мѣстности сѣвернаго края, города, села и де... ревни, Челищевъ вездѣ указываетъ, въ чемъ состоятъ народные пр... омыслы, въ какой мѣрѣ крестьяне занимаются хозяйствомъ, какіе гдѣ ... промыслы, рыбные, лѣсные, звѣроловные, ремесленныя производств... , гдѣ какіе заводы и фабрики. Встрѣчая повсюду матеріальныя ... богатства, онъ глубоко сожалѣетъ, что эти богатства остаются ... неразработанными и мало приносятъ пользы: „Не могу воздержаться, ... чтобы не воскликнуть: „Любезное отечество!

([1]) Путешествіе по Сѣверу ... Россіи стр. 105—106.—([2]) Тамъ же стр. 121. ([3]) Путешествіе стр. 122.—([4]) Къ Путешествію приложены планъ мѣстъ, прилежащихъ къ Куростр... овской волости, гдѣ родился Ломоносовъ, портретъ Ломоносова и изобра... женіе памятника Ломоносову.

сколько въ тебѣ сокрыто сокровищей, а мы, погрязши въ пустыхъ замыслахъ и роскоши, забываемъ отыскивать и пользоваться оными" ([1]). При этомъ онъ иногда подаетъ нѣкоторые совѣты, строитъ планы и проекты. Такъ, разсказывая о прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ Архангельскѣ, онъ поднимаетъ вопросъ о значеніи женскаго труда и объ участіи женщины въ фабричныхъ и промышленныхъ дѣлахъ. „Обращаюся къ тебѣ, говоритъ онъ, драгоцѣннѣйшая половина земнородныхъ жителей! вы, безъ которыхъ ничто въ человѣческихъ обществахъ не можетъ прійти въ совершенство, ежели не пособіемъ вашимъ, то по крайности одобреніемъ, вы, обремененныя узами рабства владыки господъ вашихъ, возжигая однимъ взоромъ огнь мщенія, ненависти и кровавыхъ браней между несправедливыхъ вашихъ утѣснителей, возращаете тѣмъ же взоромъ сладостные плоды блаженнаго мира и общественнаго блага. . . . Удостойте оставить на часъ склонность вашу къ уборамъ и къ ненадобнымъ украшеніямъ наружныхъ прелестей вашихъ; вѣрьте мнѣ: онѣ вамъ не надолго нужны! Украсьте ваши души, займитеся полезнымъ и основательнымъ разумомъ, устыдите осудителей вашея вѣтренности, которую они одну только вамъ въ удѣлъ и оставили". . . . Затѣмъ онъ рисуетъ воображаемую картину ремесленнаго заведенія, устроеннаго вліятельною женщиною (въ лицѣ генералъ-губернаторши Архангельска). „Съ восторгомъ взираю я въ мысляхъ моихъ, какъ все строится хорошо, поспѣшно, выгодно; работы не тянутся, а кипятъ; рукодѣльцы дѣло свое отправляютъ на перехватъ другъ передъ другомъ, не только изъ корысти, но и изъ честолюбія и во угожденіе прелестной ихъ начальницы. Матери повсюду, вмѣсто того, чтобъ отводить и отсовѣтовать своимъ дѣтямъ, ослѣпясь симъ благоустройствомъ, ѣдутъ и везутъ изъ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ, съ благодарностью и радостью поручаютъ дѣвицъ своихъ подъ покровъ общественной сей благодѣтельницы; а которыя уже не застали мѣста за многочисленностью, или за какимъ-либо недостаткомъ, отъѣзжаютъ въ свои предѣлы съ сожалѣніемъ и съ ропотомъ". . . . „Не дивись, читатель, и не считай за сумасбродство мои положенія; они мудрены, новы, но непротивны возможности. Доколѣ всякая небывалость безпечностію нашею порицаться станетъ небылицею? Чтó бы вы сказали, любезные соотчичи, еслибъ свободный духъ какого-нибудь мечтателя, подобнаго мнѣ, при нашемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вздумалъ бы прорещи великія дѣла побѣдителя сѣвернаго Александра, Карла XII? Вы бы, конечно, сказали: „этотъ сумасбродъ бредитъ, онъ хочетъ писать о человѣкѣ, а говоритъ о Богѣ". Безъ мала не толь же положеніе и теперь?" ([2]).

([1]) Путешествіе стр. 175. ([2]) Тамъ же стр. 92—96.

Подобно Радищеву, Челищевъ пускается и въ разсужденія о причинахъ упадка, бѣдности и запустѣнія разныхъ мѣстностей и находитъ эти причины въ невѣжествѣ и безчестности мѣстныхъ властей, въ отсутствіи чувства долга и сознанія гражданскихъ обязанностей. При этомъ онъ высказываетъ сильныя жалобы на людей, поставленныхъ заботиться о народѣ. Таковы жалобы въ концѣ Путешествія, по поводу разсказа объ одной упраздненной пустыни, сдѣлавшейся притономъ разбойнической шайки, жалобы, по силѣ и одушевленію напоминающія картины Радищева, только безъ тѣхъ „дерзновенныхъ мыслей и оскорбительныхъ выраженій“, которыя навлекли запрещеніе на книгу Радищева. „Почто не доискиваетесь вы, говоритъ онъ, до источника разнообразныхъ пороковъ, бѣдствій и злодѣйствъ? Отрите мракъ очей вашихъ, войдите подробно въ хижины поселянъ всѣхъ степеней; вы найдете ихъ источникъ, болѣзнь, лѣкарство, блаженство ихъ и ваше. Смотрите: повсюду бѣдность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайшій трудъ. Сколько жъ долженъ человѣкъ скорѣе наклониться къ злу, нежели къ добру. Самый и климатъ зоветъ народъ нашъ къ праздности; а праздность, извѣстно, мать пороковъ. Въ чужихъ краяхъ даетъ крестьянину щедрая природа девять мѣсяцевъ на работы, а три на отдыхновеніе; у насъ же четыре мѣсяца на работы, а восемь на обременительную праздность. . . . Чтобъ отвесть отъ зимняго недѣлія, почто не заведете вы фабрикъ по всѣмъ глухимъ краямъ? Экономія губернской казны и самопроизвольное подаяніе откупщиковъ и подрядчиковъ довольную уже на то вамъ дастъ сумму. А ежели вы еще да пресѣчете на время сребролюбивую вашу склонность и покажете истинную наклонность къ общественному благу и выиграете довѣренность, то васъ засыплютъ деньгами дворяне, купцы и всѣ степени. Какъ можно подумать, что губерніи, которыя снабжаютъ всю Европу льномъ и пенькою, не имѣютъ еще общественныхъ конторъ, которыя бъ могли укрощать разорительную хищность сребролюбивыхъ иноземцевъ? Какъ можно думать, говорю я, чтобъ мы столько платили за свои матеріалы, за ихъ переработку, выдумку и руку мастера? Увы, надменные ушельцы въ кабинеты ваши! Почто вы просыпаете въ нихъ жизнь, толиками способами снабденную къ славѣ отечества, къ пользѣ государя и къ блаженству народному?.. Почто не обработываете сокровищь, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земныхъ; у насъ ихъ такъ много, а мы платимъ Агличанамъ за ихъ милліоны, Нирыберцамъ (Нюренбергцамъ) за иглы даже тысячи, что платимъ и Голландцамъ за сельдей, а сами имѣвши стерлядей, бѣлую рыбицу, осетровъ, бѣлугу, семгу и прочія сокровища водъ. Астрахань и

Крымъ не могутъ ли насъ снабдить виномъ, шелкомъ и шерстью? Уралъ и обширныя губерніи любезнаго нашего отечества могутъ ли когда исчерпнуться въ рудныхъ своихъ жилахъ? Твердый, проницательный и созидательный разумъ Россіянъ требуетъ только ободренія, чтобъ затьмить въ наукахъ, художествахъ и въ рукодѣліяхъ всѣ народы европейскіе"! (1).

МАСОНСТВО.

Противъ ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ возставали не только Екатерина и ея правительство, но и многіе изъ тѣхъ писателей, которые сначала сами увлекались имъ; возставали противъ него и лица духовныя, пастыри церкви, которые говорили о немъ съ церковной каѳедры, писали сочиненія, или переводили сочиненія, написанныя противъ него въ Европѣ; но съ особенною силою и ревностію, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, возстало противъ ученія энциклопедистовъ масонство.

Происхожденіе, общій характеръ и разные виды масонства въ Европѣ. Масонство (2), какъ тайное общество людей, преслѣдующихъ религіозно-нравственныя и филантропическія цѣли, появилось въ Европѣ въ началѣ XVIII в. Первой масонской ложей была англійская ложа, открытая въ Лондонѣ въ 1717 г; во Франціи масонство явилось въ 1725 г., а въ Германіи въ 1740 г. Въ книгахъ же самихъ масоновъ начало масонства возво-

---

(1) Путешествіе стр. 271—274.

(2) Изслѣдованія о масонствѣ и масонскихъ дѣятеляхъ въ русской литературѣ: Русскіе масоны 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Ешевскаго. Русск. Вѣстн. 1864—1865; Новиковъ и московскіе мартинисты М. Лонгинова 1867 г. Русское масонство въ XVIII в. А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1867 №№ 2—4; Русское масонство до Новикова. Елагинская система А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1868. №№ 6—7; Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII в: П. Пекарскаго Сборн. 2 го Отд. Академіи наукъ т. VII. 1870. Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II. Секретно вскрытая переписка нѣкоторыхъ масоновъ, Новикова, Кутузова, Тургенева и др. въ 1790—1795 г. Русская Старина 1874; январь, февраль и мартъ. Принятіе въ масоны. Разсказъ А. П. Степанова. Русск. Старина 1870; т. I; Любопытное сообщеніе Н. Н. Селифонтова о проклятомъ сборищѣ франкмасонскомъ, Чтен. общ. ист. и древн. 1871; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. Воспоминаніе Батенкова Вѣстн. Евр. 1872; № 7.

дится къ древнѣйшимъ временамъ, за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х., и при этомъ указывается на связь масонства съ построеніемъ храма Соломонова Хирамомъ, съ элевзинскими таинствами, съ тайными ученіями пиѳагорейцевъ и эссеевъ, съ орденомъ тампліеровъ, или рыцарей храма. Но всѣ эти сказанія очевидно относятся къ области басни, а исторически вѣрнымъ остается только то, что масонскія общества въ XVIII в. выродились изъ цѣховыхъ строительныхъ обществъ, которыя существовали въ средніе вѣка для построенія храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій во всѣхъ странахъ Европы. На это указываетъ какъ самое ихъ названіе, такъ и внутреннее ихъ устройство и внѣшніе символы и обряды. Члены средневѣковыхъ строительныхъ обществъ имѣли свои уставы и право собственнаго суда, и потому назывались свободными каменьщиками, free masons, francs-maçons, Freimaurer; мѣсто, гдѣ они собирались, называлось у англичанъ lodge, у французовъ logis, у итальянцевъ loggia. Ложами свободныхъ каменьщиковъ стали называться и собранія или общества масоновъ. Изъ строительныхъ же обществъ были заимствованы и символическіе знаки масонства: молотокъ, кожаный передникъ, циркуль, угломѣръ, или наугольникъ, ватерпасъ. Только то, что первоначально въ строительныхъ обществахъ имѣло прямо вещественный смыслъ, въ масонствѣ получило смыслъ духовный: ремесленный союзъ архитекторовъ, плотниковъ и каменьщиковъ превратился въ духовный союзъ образованныхъ людей разныхъ сословій, явились общества духовныхъ свободныхъ каменьщиковъ, трудящихся для созданія духовнаго храма Всевышнему, храма добродѣтели; орудія, употреблявшіяся при работѣ въ строительныхъ обществахъ, сдѣлались символическими знаками разныхъ свойствъ масоновъ и вообще характера масонской дѣятельности. Угломѣръ или наугольникъ училъ масона, что его дѣйствія должны быть соразмѣрены съ справедливостію; ватерпасъ показывалъ, что всѣ люди равны и между братьями должно быть полное согласіе; отвѣсъ обозначалъ твердость общества, основаннаго на добродѣтели; Евангеліе обозначало истину, циркуль — справедливость, а молотокъ, которымъ сохранялся порядокъ въ ложахъ, показывалъ, что члены общества должны слѣдовать ученію мудрости. Составъ членовъ масонскихъ обществъ также указываетъ на происхожденіе ихъ изъ строительныхъ обществъ. Въ нихъ также находились три степени или три класса членовъ—ученика, товарища и мастера. Символомъ первой степени ученика былъ грубый камень булыжникъ, который указывалъ члену, что главное его упражненіе должно состоять въ укрѣпленіи себя для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ камнемъ для зданія храма Всевышнему; символомъ товарища былъ обтесанный кубическій камень

для обозначенія того, что занятія членовъ этой второй степени должны состоять въ провѣркѣ пріобрѣтаемыхъ познаній и критикѣ собственныхъ дѣйствій. Третью, высшую степень членовъ въ масонствѣ составляли мастеры; имъ предписывалось заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ членовъ; на ихъ обязанности лежало храненіе тайны или таинствъ масонства и передача ихъ отъ одного поколѣнія другому. Впрочемъ, о храненіи тайнъ общества должны были заботиться всѣ члены. При принятіи каждаго члена въ масонство брали страшную клятву въ сохраненіи тайны ученія, символовъ и обрядовъ; при посвященіи въ новую высшую степень клятва эта повторялась; посвящаемый въ мастера давалъ особый обѣтъ молчанія и обязывался помогать всѣмъ мастерамъ противъ возстающихъ товарищей. Каждая степень членовъ должна была оберегать свои знанія отъ низшихъ степеней. Отъ всѣхъ членовъ во всѣхъ степеняхъ требовалось безпрекословное повиновеніе своимъ начальникамъ. Чтобы внушить членамъ уваженіе вообще къ обществу, заставить ихъ быть вѣрными ему и свято хранить его тайны, масонство прибѣгало, особенно при принятіи новыхъ членовъ, къ разнымъ страшнымъ и ужасающимъ обрядамъ. Принимаемаго или посвящаемаго вводили въ ложу съ завязанными глазами; въ минуту снятія повязки съ глазъ, братья приставляли къ груди его острія мечей, требуя страшной клятвы о храненіи тайны ордена; неожиданно сильно ударяли — младшій надзиратель масштабомъ по шеѣ, старшій надзиратель — наугольникомъ въ лѣвую грудь, а мастеръ молоткомъ по головѣ. Въ позднѣйшія времена эти обряды въ нѣкоторыхъ ложахъ приняли характеръ настоящихъ трагическихъ представленій. Комната обивалась чернымъ сукномъ; вмѣсто стола устроялся жертвенникъ, на которомъ ставились человѣческіе скелеты съ надписью: „memento mori“; показывались раскаленное желѣзо, разные провалы и пропасти и другіе ужасы. Вотъ какъ описывается обрядъ пріема въ ученическую степень въ Елагинскихъ ритуалахъ, напечатанныхъ Пекарскимъ: „Когда открывается требующему свѣтъ т. е. внезапно снимаютъ съ глазъ его повязку, тогда всѣ предстоящіе братья держатъ противъ него устремленныя шпаги, а одинъ изъ братьевъ стоитъ въ окровавленной сорочкѣ. Великій мастеръ объявляетъ принимаемому, что направленные на него мечи устремятся противъ него, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ великій мастеръ объясняетъ ему, что если онъ зашелъ уже такъ далеко, что не во власти его съ честью и безъ опасности оставить ложу, то пусть онъ, „подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣетъ клятву свою смѣшеніемъ крови своей съ кровью братьевъ“. Посвящаемаго ставятъ на одно

колѣно у жертвенника и велятъ ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ груди своей циркуль. „Братъ ужасный, говоритъ великій мастеръ, гдѣ кровавая чаша? исполни свою должность“! Братъ ужасный подходитъ съ кровавою чашей, и мастеръ ударяетъ трижды по приставленному къ груди принимаемаго циркулю; текущая въ чашу кровь соединяетъ новаго масона съ прежними братьями. Еще въ болѣе страшномъ видѣ описывается обрядъ пріема въ мастера ложи. Вся ложа обита чернымъ сукномъ, полъ покрытъ чернымъ покрываломъ, на которомъ разсѣянно нашиты золотыя слезы; на покрывалѣ поставляется черный гробъ... въ головахъ гроба къ западу находится циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ поставляются три скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣчами; жертвенникъ также одѣтъ чернымъ сукномъ съ золотыми слезами и вышитою мертвою головою; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ на немъ стоятъ три серебряныя мертвыя головы на крестообразно сложенныхъ костяхъ. Всѣ чиновники и всѣ братья одѣты въ черныхъ эпанчахъ. Посвящаемаго брата вводятъ въ ложу спиною и ставятъ его лицемъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и нечаяннымъ воззрѣніемъ“. Затѣмъ начинаютъ его водить по комнатѣ; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причемъ проситъ его размышлять о смерти. „Во время путешествія братья стоятъ окрестъ и близь гроба, наклонивъ голову на руку. Въ гробѣ лежитъ подъ окровавленною плащаницею единый изъ младшихъ мастеровъ“.... У жертвенника принимаемый приноситъ обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ, съ произнесеніемъ словъ принятія. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть“, принимаемый повергается во гробъ и прикрывается окровавленною плащаницею. Посемъ происходитъ великая тишина. Тогда „великій мастеръ дѣлаетъ по эфесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ тоже время стремительно бѣгутъ къ гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ“.

Какъ внѣшняя организація масонства происходила по образцу строительныхъ обществъ, такъ внутренній характеръ его ученія, его цѣлей и стремленій образовался подъ вліяніемъ современныхъ деистическихъ и филантропическихъ идей XVIII в. Въ основу масонскаго ученія вошелъ деизмъ, или естественная религія разума, изложенная въ сочиненіяхъ англійскихъ деистовъ Шефтсбери, Коллинза и Толанда. Для противодѣйствія религіознымъ распрямъ, такъ долго угнетавшимъ Европу и приводив-

шимъ къ кровавымъ религіознымъ войнамъ, масонство, подобно деизму, выставило идею самой широкой вѣротерпимости, и на началахъ этой вѣротерпимости хотѣло создать одну общую религію, одно братство между людьми, основанное на ученіи о свободѣ совѣсти, братской любви и равенствѣ между людьми. Въ сторонѣ были оставлены всѣ догматическія и вѣроисповѣдныя разности какъ въ христіанской, такъ и другихъ религіяхъ; отъ поступающихъ въ масонство требовались только основныя начала всякаго религіознаго ученія — вѣра въ Бога, безсмертіе души, воздаяніе за гробомъ и начала нравственнаго закона. Требованія нравственнаго закона ставились выше всего въ масонскомъ ученіи, или лучше сказать они и составляли главнымъ образомъ религіозное ученіе масоновъ; само христіанство если и ставилось выше другихъ религій, то также главнымъ образомъ за чистоту и высоту нравственнаго ученія. Такъ какъ основу нравственнаго закона составляетъ любовь къ ближнимъ, выражающаяся въ дѣлахъ благотворительности, то вся религіозно-нравственная дѣятельность масонская получила характеръ филантропическій и самыя общества масонскія часто имѣли видъ филантропическихъ обществъ. Съ религіознымъ индифферентизмомъ, легшимъ въ основу масонскаго ученія, естественно, соединялся и совершенный индифферентизмъ въ національностяхъ и политическихъ учрежденіяхъ; въ масонскія общества могли быть принимаемы члены изъ всѣхъ странъ, безъ различія національностей и политическихъ доктринъ. Первоначальное масонство даже требовало отъ своихъ членовъ совершеннаго невмѣшательства въ политическія и соціальныя дѣла государства.

Такой организаціей масонства и основными началами его ученія объясняется вся последующая судьба его, какъ быстрое его возвышеніе, такъ и паденіе, какъ возбужденная сначала къ нему симпатія повсюду, такъ и возникшія вскорѣ его преслѣдованія. Нравственная основа масонства и его человѣколюбивыя стремленія привлекали къ нему всѣхъ лучшихъ людей не только мірскихъ, но и духовныхъ; но масонская нравственность была не чисто христіанской; она вытекала не изъ откровеннаго христіанскаго ученія, а изъ естественныхъ свойствъ самого человѣка и слѣдовательно имѣла естественную человѣческую почву; кромѣ того, масонство безразлично относилось къ догматическому и церковно-обрядовому ученію христіанства, если не совсѣмъ отвергало его. Очень естественно, что съ теченіемъ времени оно встрѣтило сильную оппозицію противъ себя въ церкви и духовенствѣ. Религіозный, національный и политическій индифферентизмъ помогъ масонству быстро распространиться во всѣхъ странахъ; но, проповѣдуя совершенное невмѣшательство въ дѣла ре-

лигіозныя и государственныя, масонство съ своимъ замкнутымъ характеромъ, съ своими странными тайными знаками и обрядами, составляло своего рода отдѣльное тайное государство (status in statu), которое въ правительствахъ, естественно, должно было возбуждать разныя подозрѣнія и опасенія, и потому подверглось со стороны ихъ запрещеніямъ и преслѣдованіямъ. Эти преслѣдованія начались повсюду особенно съ того времени, когда масонство стало терять свой первоначальный характеръ, когда къ его возвышеннымъ нравственнымъ цѣлямъ начали присоединяться другія, не совсѣмъ чистыя побужденія, когда въ немъ явилось множество разныхъ орденовъ, получившихъ разное устройство, формы и названія. Къ первоначальнымъ цѣлямъ заботиться о нравственномъ воспитаніи людей и ихъ внѣшнемъ благосостояніи, счастіи и довольствѣ, съ теченіемъ времени, присоединились разныя стремленія и занятія, перешедшія изъ прежнихъ средневѣковыхъ обществъ, какъ-то „испытаніе натуры вещей“ и чрезъ то пріобрѣтеніе силы и власти къ исправленію людей; занятія алхиміей, или искусствомъ превращать разные металлы въ золото и драгоцѣнные камни; занятія магіей, или искусствомъ вызывать духовъ для того, чтобы узнавать будущее; стремленія отыскать философскій камень, или средство продолжить жизнь человѣка, на нѣсколько сотъ лѣтъ; разнаго рода хитрости и обманы для выманиванія денегъ и пріобрѣтенія богатствъ, и наконецъ политическія интриги, внесенныя въ масонство іезуитами. Ко всему этому присоединялось „сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства, будто бы отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго (таинства), можетъ быть, судьба цѣлаго человѣческаго рода зависитъ, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру; но чтобы открыть это таинство, надобно заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя“. По мѣсту происхожденія различалось масонство „аглицкое“, которое было первоначальною и вмѣсто самою простою формою, „шведское“, „берлинское“ и проч.; по характеру и цѣлямъ въ масонствѣ различались: „тампліерство“, или система строгаго наблюденія, „циннендорфство“, система слабаго наблюденія, „розенкрейцерство“, „мартинизмъ“, „иллюминатство“. Два послѣднія названія указываютъ на связь масонскихъ обществъ съ мистицизмомъ. Масонскія общества получили особенный характеръ съ того времени, когда приняли въ себя ученіе мистиковъ и теософовъ XVIII в., каковы были Я. Бемъ, Пордечъ и Сенъ-Мартенъ. Ученіе мистиковъ было совершенно противоположно деизму, отъ котораго первоначально вышло масонство; деизмъ отвергалъ откровеніе и ставилъ на мѣсто его разумъ; а отличительную черту

мистицизма составляло то, что въ дѣлѣ познанія истины мистики хотѣли руководствоваться не разумомъ и наукой, а внутреннимъ чувствомъ, непосредственнымъ вдохновеніемъ, или внутреннимъ откровеніемъ. Главнымъ предметомъ и цѣлію всѣхъ изысканій для человѣка они поставляли познаніе самого себя, творенія и Творца, познаніе сущности всѣхъ вещей, божескихъ и человѣческихъ; но при этомъ къ научнымъ изслѣдованіямъ природы и жизни и къ выводамъ разума относились пренебрежительно и говорили, что нужно погружаться въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять сущность и всѣ высшія тайны бытія. Герлицкій башмачникъ Яковъ Бемъ (ум. въ 1625 г.), извѣстный подъ именемъ перваго тевтоническаго философа, былъ главнымъ представителемъ мистическаго ученія и написалъ множество мистическихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ странную смѣсь богословія, метафизики, алхиміи и астрологіи. Послѣдователь Бема, англійскій докторъ Пордечъ старался привести въ возможную систему его ученіе и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій. Ученіе Сенъ-Мартена также было сходно съ ученіемъ Бема и произвело секту мартинистовъ (около 1768 г.), основателемъ которой, впрочемъ, былъ не самъ Сенъ-Мартенъ, а одинъ португальскій еврей Мартинецъ Паскалисъ. Секта эта проповѣдывала чудеса и таинства теургіи т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ силъ и духовъ. Члены масонскихъ обществъ, принявшихъ ученіе этихъ мистиковъ, и сами назывались мистиками и въ частности мартинистами. Выше замѣчено, что въ масонскія общества проникали и политическія интриги. Таково было общество иллюминатовъ, которое было основано въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи) профессоромъ каноническаго права Вейсгауптомъ (ум. въ 1822 г.). Возникнувъ на общихъ началахъ мистическаго ученія о внутреннемъ просвѣщеніи человѣка свыше (illuminatio) и подобно другимъ масонскимъ обществамъ первоначально имѣвшее филантропическія цѣли, иллюминатство стало стремиться къ вліянію на политическія дѣла въ Европѣ, вступило въ сношенія съ іезуитами и, усвоивъ ихъ начала, заводило повсюду политическія интриги, и потому, естественно, возбудило скоро противъ себя сильныя преслѣдованія.

Начало масонства въ Россіи. Въ Россіи масонство появилось еще въ царствованіе Елисаветы. Первыя извѣстія о немъ относятся къ началу 30-хъ годовъ XVIII ст. Въ 1747 г. къ масонству принадлежали графъ Головинъ, два брата графы Чернышевы, Иванъ и Захаръ: въ 1756 г. между масонами счи-

тались князь Михаилъ Щербатовъ, Иванъ Болтинъ и Мелиссино, а графъ Р. И. Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой, занималъ гроссмейстерскій стулъ. Въ 1772 г. была открыта въ Петербургѣ первая русская „Великая ложа“, гроссмейстеромъ которой былъ И. П. Елагинъ; по имени его и самая система этой ложи получила названіе Елагинской.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (1725—1796) можетъ быть названъ представителемъ петербургскаго масонства въ первую его эпоху, какъ Новиковъ и Лопухинъ были представителями московскаго масонства. Въ своей Запискѣ о масонствѣ (1) Елагинъ разсказываетъ, что онъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ вступилъ въ масонство; но ни въ ученіи его, ни въ обществѣ членовъ, его составляющихъ, не нашелъ ничего интереснаго, и потому оставилъ это общество. Но избѣжавъ одной опасности, онъ попалъ въ другую, „прилѣпился къ сочиненіямъ лестнымъ и заманчивымъ, къ писателямъ безбожнымъ“. „Симъ душепагубнымъ чтеніемъ, говоритъ онъ, спознался я со всѣми аѳеистами и деистами.... Буланже, Даржансъ, Вольтеръ, Руссо, Гельвецій и всѣ словаря Белева, какъ французскіе и аглицкіе, такъ латинскіе, нѣмецкіе и итальянскіе лжезаконники, плѣнивъ сердце мое сладкимъ краснорѣчія ядомъ, пагубнаго ада горькую вліяли въ него отраву“.... Но онъ не долго увлекался ученіемъ энциклопедистовъ, и опять вспомнивъ о масонствѣ, старался узнать, нѣтъ ли въ немъ чего нибудь „притягательнаго“, почему въ него вступаетъ множество людей умныхъ и хорошихъ. Одинъ англичанинъ указывалъ Елагину на старую аглицкую ложу, въ которой будто сохраняются настоящія масонскія таинства. Другой масонъ объяснилъ ему, что „масонство есть древнѣйшая таинственная наука, святой премудростію называемая, что она всѣ прочія науки и художества въ себѣ содержитъ.... что она та самая премудрость, которая отъ начала міра у патріарховъ и отъ нихъ преданная, въ тайнѣ священной хранилась въ храмахъ халдейскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, греческихъ и римскихъ и во всѣхъ мистеріяхъ или посвященіяхъ еллинскихъ; въ училищахъ соломоновыхъ, елейскомъ, синайскомъ, іоанновомъ въ пустынѣ и въ Іерусалимѣ, новою благодатію въ откровеніи Спа-

(1) «Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменьщиковъ, изъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ 5-ти частяхъ предложенная И. Е.,—великимъ россійскія провинціальныя ложи мастеромъ. Начато въ MDCCLXXXVI г. Напечатано въ Русск. Архивѣ 1864 г. № 1.

сителя преподавалась“.... Узнавъ, какъ ему казалось, истинное масонство (это было аглицкое масонство), Елагинъ сдѣлался его ревностнымъ послѣдователемъ, былъ мастеромъ „Великой провинціальной ложи“, переводилъ на русскій языкъ масонскія сочиненія и до конца жизни не оставлялъ масонства. Затѣмъ въ Москвѣ появилось нѣсколько масонскихъ ложъ, именно ложи „Латоны“, „Блистающей Звѣзды“, „Свѣтоноснаго Треугольника“, „Св. Моисея“ и „Девкаліона“. Изъ другихъ провинціальныхъ ложъ были извѣстны еще ложи въ Ярославлѣ и въ Казани, подъ именемъ „Восходящаго Солнца“. По показанію Новикова, у насъ было четыре вида масонства: аглицкое, подъ управленіемъ Елагина, шведское, подъ управленіемъ князя Куракина и Гагарина, рейхельское, подъ управленіемъ барона Рейхеля; но всего больше распространено было масонство берлинское или „розенкрейцерство“, принесенное изъ Берлина въ Москву профессоромъ Шварцемъ. Къ масонству принадлежали лучшіе русскіе люди высшихъ сословій. Оно привлекало всѣхъ своимъ религіозно-нравственнымъ характеромъ, человѣколюбивыми стремленіями, заботами о народномъ образованіи и благосостояніи. Но, сходясь въ общихъ чертахъ съ западными масонами, русскіе масоны во многомъ отличались отъ нихъ. Правда, въ бумагахъ московскихъ масоновъ есть такъ же предположенія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ работахъ. Кутузовъ былъ посланъ въ Берлинъ изучать алхимію; студенты Невзоровъ и Колокольниковъ въ 1788 г. также были отправлены заграницу, между прочимъ, для изученіи химіи; но собственно всѣхъ этихъ работъ наши масоны сами, кажется, не производили и не знали, равно какъ въ магіи и кабалѣ сами они не упражнялись, ибо были еще въ нисшихъ градусахъ. Вообще русскому масонству всего болѣе была извѣстна нравственная и филантропическая сторона масонства; какъ ученіе его, такъ и дѣятельность отличались христіанскимъ характеромъ. Большая часть его лучшихъ дѣятелей также едвали и догадывалась о первоначальной деистической основѣ масонства и принимая масонское ученіе и его разныя тайны и исполняя странные обряды, они думали, что все это вполнѣ согласно съ христіанскимъ ученіемъ, считали себя истинными христіанами и дѣйствительно безпрекословно принимали всѣ догматы и обряды православной церкви. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, стараясь показать различіе между западными тайными обществами и философскими системами и своимъ обществомъ и его ученіемъ, говоритъ: „тѣ общества и системы были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе исправляя себя достигать совершенства,

при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ — начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философіи система—отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія". Русское масонство требовало отъ своихъ послѣдователей истинно христіанской любви и благотворительности, сближало людей различныхъ сословій, положеній и мнѣній, во имя высшихъ цѣлей, религіозно - нравственнаго идеала, призывая всѣхъ къ самопознанію и нравственному усовершенствованію. Оно воспитало въ своей средѣ много благородныхъ людей, которые явились въ высшей степени полезными дѣятелями на различныхъ поприщахъ служенія Россіи; оно объявило наконецъ борьбу съ философіей энциклопедистовъ и той нравственною распущенностью, которую производила эта философія въ русскомъ обществѣ. Таковымъ масонство русское мы встрѣчаемъ въ эпоху наибольшаго его развитія и процвѣтанія, когда во главѣ его стояли Новиковъ и Шварцъ и главными дѣятелями въ немъ были такія замѣчательныя лица, какъ И. В. Лопухинъ, С. П. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ и князья Ю. Н. и П. Н. Трубецкіе.

Николай Ивановичъ Новиковъ [1] былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, литературныхъ и общественныхъ, дѣятелей въ екатерининскую эпоху. Онъ происходилъ изъ дворянъ московской губерніи и родился въ 1744 г. въ селѣ Тихвинскомъ (Авдотьино тожъ) Бронницкаго уѣзда. Образованіе свое онъ получилъ въ московской университетской гимназіи, гдѣ, впрочемъ, учился не усердно и по неуспѣшности въ иностранныхъ языкахъ долженъ былъ даже оставить гимназію до окончанія курса. Недостатки училищнаго образованія Новиковъ старался потомъ восполнить самообразованіемъ, чтеніемъ книгъ и знакомствомъ съ образованными людьми. Изъ всѣхъ предметовъ онъ особенно любилъ и изучалъ русскую исторію и русскую литературу; къ этимъ наукамъ и относится его литературная дѣятельность. Изъ всѣхъ современныхъ образованныхъ людей особенное вліяніе на него имѣли послѣдователи масонства И. П. Елагинъ и И. Е. Шварцъ,

---

[1] Изслѣдованія о Новиковѣ: Н. И. Новиковъ. Біографическій очеркъ А. Аѳанасьева. Библіографъ. Записки 1858; № 5; Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г. А. Незеленова. Спб. 1875; Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (по новымъ документамъ) А. И. Незеленова. Историч. Вѣстн. 1882; декабрь.

которые и сообщили особое направленіе его просвѣтительной и общественной дѣятельности. Время принятія масонства Новиковымъ раздѣляетъ всю его дѣятельность на два періода — петербургскій до 1779 г., когда онъ занимался литературой вообще, какъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей, и московскій съ 1779 г., когда онъ, принявши въ 1774 г. масонство, переселился въ Москву, гдѣ къ его литературной дѣятельности присоединилась широкая образовательная и филантропическая дѣятельность.

Сначала по выходѣ изъ гимназіи, Новиковъ поступилъ на службу въ гвардейскій измайловскій полкъ въ Петербургѣ и въ тоже время прикомандированъ былъ къ коммиссіи народныхъ депутатовъ, образованной Екатериной для составленія проекта новаго уложенія. Въ качествѣ секретаря коммиссіи, обязаннаго вести записки обо всемъ, что дѣлалось въ ея засѣданіяхъ, онъ находился въ 1767—68 г. Это было весьма важнымъ обстоятельствомъ для его развитія. Въ коммиссіи онъ обращался въ обществѣ лучшихъ выборныхъ людей со всей Россіи; здѣсь онъ могъ узнать состояніе, нужды и потребности всего государства; здѣсь онъ слышалъ самыя разнообразныя сужденія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которыя дали ему подготовку и матеріалъ для его будущей дѣятельности. По выходѣ изъ коммиссіи, послѣ ея закрытія въ 1768 г., онъ оставилъ и военную службу, которая мѣшала ему заниматься науками, и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась съ изданія журналовъ. Свобода мысли и слова въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины и примѣръ самой Екатерины, печатавшей свои комедіи и Были и Небылицы, вызвали множество сатирическихъ журналовъ, въ которыхъ съ одной стороны осмѣивались невѣжество, разныя суевѣрія, предразсудки и пороки, а съ другой проводились просвѣтительныя идеи Наказа. Лучшіе люди принялись за изданіе журналовъ, которые считались лучшими органами для проведенія въ общество всякаго рода идей. Но между всѣми издателями журналовъ Новиковъ отличался особеннымъ усердіемъ, талантливостію и добросовѣстностію. Первымъ его журналомъ былъ „Трутень", издававшійся въ 1769—1770 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе правительства и общества своей прямотою и смѣлостію своей сатиры, а въ литературѣ возбудилъ сильную полемику. Новиковъ не довольствовался обличеніемъ пороковъ только въ общихъ чертахъ, не указывая на опредѣленныя лица, а требовалъ, чтобы сатира была сатирой на лицо, если она не хочетъ быть безплодною. Противъ этого требованія возстала „Всякая Всячина" и повела нападенія свои съ такою строгостію, что Но-

виковъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли о личной сатирѣ и сдѣлался осторожнѣе и умѣреннѣе въ своихъ обличеніяхъ. Основною темою большей части статей „Трутня“ служитъ порицаніе подражательности русскихъ всему иностранному, особенно французскому. „Отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ нравовъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, мы, говорилъ Новиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ мы промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло“.... Но, нападая на подражательность французамъ и напоминая о забытыхъ добродѣтеляхъ предковъ, Новиковъ, конечно, вовсе не думалъ проповѣдывать совершенное отчужденіе отъ Европы, или національную исключительность. Напротивъ, вполнѣ уважая европейское просвѣщеніе, онъ совѣтовалъ усвоить отъ Европы все лучшее и сильно нападалъ на русское суевѣріе и невѣжество, грубость, жестокость и другіе пороки. Такое направленіе мы находимъ особенно въ другомъ журналѣ Новикова, въ „Живописцѣ“, который онъ издавалъ въ 1772—73 г. Глубоко сожалѣя, что добрыя начала и свойства русской народности заглушаются, или обезображиваются невѣжествомъ, онъ всячески старается возбудить любовь къ наукамъ, и укоряя русскихъ людей за то, что они перенимаютъ у иностранцевъ только ихъ недостатки и пороки, онъ въ тоже время не только совѣтуетъ путешествовать по чужимъ землямъ, но и заимствовать изъ нихъ науки и художества. При такомъ направленіи „Живописецъ“ пользовался особеннымъ сочувствіемъ русскаго общества; требованія на этотъ журналъ были такъ велики, что Новиковъ сдѣлалъ пять изданій „Живописца“; въ послѣднія три изданія были включены лучшія сатирическіе очерки изъ „Трутня“. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать третій сатирическій журналъ „Кошелекъ“. Въ этомъ журналѣ онъ преслѣдовалъ тѣ же цѣли, какъ и въ „Живописцѣ“, изображая разные русскіе пороки и недостатки; но этотъ журналъ по сатирѣ и по художественности былъ значительно слабѣе не только „Живописца“, но и „Трутня“. Во всѣхъ указанныхъ журналахъ Новиковъ касался разныхъ общественныхъ вопросовъ, возставалъ противъ крѣпостнаго права, противъ неправосудія и взяточничества судей, противъ недостатковъ домашняго воспитанія и школьнаго образованія.

Какъ глубокій патріотъ, возбуждая русскихъ людей къ образованію на началахъ національныхъ, Новиковъ стремился познакомить ихъ съ русской исторіей и съ этою цѣлію издалъ нѣсколько весьма важныхъ сочиненій, которыми онъ весьма много содѣйствовалъ разработкѣ русской исторіи вообще и исторіи рус-

ской литературы. Въ 1772 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, въ которомъ были собраны извѣстія о русскихъ писателяхъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій“. Съ 1773 г. начала выходить въ свѣтъ его „Древняя россійская Вивліоѳика“, содержащая описаніе россійскихъ посольствъ въ другія государства, свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, рѣдкія грамоты и многія сочиненія древнихъ россійскихъ стихотворцевъ. Цѣлію изданія этой Вивліоѳики было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ читателю, „начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою“.... „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными“. Въ первый годъ изданія русской Вивліоѳики вышло старинное русское сочиненіе „Древняя россійская идрографія, содержащая описаніе московскаго государства рѣкъ, озеръ, протоковъ, кладязей, и какіе по нихъ городы и урочища, и на какомъ оныя разстояніи“. Сочиненіе это было издано какъ памятникъ старины и какъ матеріалъ для изученія древней русской исторіи, а паче всего, какъ говорится въ предисловіи къ нему, для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра В. Россія не имѣла ни какихъ книгъ, окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ. Кромѣ того Новиковъ издалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина, Артемона Сергіевича Матвѣева“, „Скиѳскую исторію стольника Андрея Лызлова“ и „Повѣствователь древностей россійскихъ“ (ч. 1). Послѣднее изданіе, составляющее продолженіе Вивліоѳики, заключаетъ въ себѣ „собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи“. При всѣхъ этихъ изданіяхъ Новиковъ руководился глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, стараясь возбудить въ русскихъ людяхъ любовь къ родной странѣ, которая начинала ослабѣвать отъ иностраннаго воспитанія, иностранныхъ нравовъ и обычаевъ.

Въ 1779 г. Новиковъ переселился въ Москву. Здѣсь его просвѣтительная дѣятельность получила болѣе широкіе размѣры и особенный филантропическій характеръ подъ вліяніемъ масонства. Въ масонство Новиковъ вступилъ еще въ 1775 г. (есть извѣстіе, что для него и друзей его была открыта ложа „Немезида“), когда онъ, какъ самъ говорилъ въ послѣдствіи, „находился на распутіи между вольтерьянствомъ и религіей и не имѣлъ

точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе". Сначала онъ вступилъ въ англійское масонство на такихъ условіяхъ, чтобы не давать ему никакой присяги и обязательства, но потомъ скоро перешелъ въ ложу барона Рейхеля, гдѣ все вниманіе членовъ, по его словамъ, было обращено на самопознаніе и нравственное усовершенствованіе. Но истиннымъ масономъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Новиковъ сдѣлался тогда, когда познакомился съ Шварцемъ. „Въ одно утро, говоритъ Новиковъ, пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ" (1).

Иванъ Егоровичъ Шварцъ (ум. 1784 г.) былъ нѣмецъ-мистикъ и масонъ, воспитанный на сочиненіяхъ Бема. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1776 г., подобно другимъ иностранцамъ, съ педагогическими цѣлями и поселился въ Москвѣ. Научившись русскому языку, онъ съ такою ревностію началъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей, что вскорѣ возбудилъ къ себѣ глубокое сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. Указывая на это сочувствіе, онъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ: „Все это исполнило меня райскими ощущеніями: я желалъ выразить благодарность свою народу столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддержало-бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были-бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ" (2). Но такое общество удалось устроить ему только тогда, когда онъ лично познакомился съ Новиковымъ. Шварцу уже давно была извѣстна литературная дѣятельность Новикова и особенно нравилась его ревность къ просвѣщенію и горячая любовь къ народу; въ свою

---

(1) Н. И. Новиковъ. А. Аѳанасьева. Библіогр. Записки. 1858; № 6.

(2) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета II, 576.

очередь и Новиковъ, узнавъ Шварца, увлекся его высокими просвѣтительными идеями и вполнѣ усвоилъ ихъ, и оба они, сдѣлавшись друзьями, начали стремиться къ образованію народа на религіозно-нравственныхъ началахъ и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія путемъ благотворительности. Открытіе училищъ для распространенія грамотности въ народѣ, изданіе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, заведеніе типографій и книжныхъ лавокъ, приготовленіе учителей для училищъ, поощреніе вообще молодыхъ даровитыхъ людей къ образованію и отправленіе лучшихъ изъ нихъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, наконецъ устройство больницъ и аптекъ для бѣдныхъ—вотъ тѣ предметы, которые входили въ обширную программу просвѣтительной и филантропической дѣятельности Новикова и Шварца. Начало этой дѣятельности относится къ 1779 г., когда Новиковъ, переселившись въ Москву, взялъ въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію ([1]). Въ этой типографіи онъ въ короткое время напечаталъ множество книгъ религіозно-нравственнаго и мистическаго содержанія и нѣсколько учебниковъ по разнымъ наукамъ; большую часть изъ этихъ книгъ онъ роздалъ безденежно духовнымъ семинаріямъ и другимъ училищамъ (всѣхъ книгъ было роздано почти на 3000 р.). Затѣмъ онъ открылъ нѣсколько книжныхъ лавокъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Глуховѣ, Кіевѣ и др., а въ Москвѣ, кромѣ того, основалъ первую публичную библіотеку, гдѣ бѣдные люди могли читать книги безплатно. Вообще, какъ типографъ и книгопродавецъ, издатель и распространитель книгъ, Новиковъ обнаружилъ изумительную, небывалую до того времени дѣятельность. Въ первые три года въ университетской типографіи было напечатано гораздо болѣе книгъ, нежели сколько въ прежніе 24 года ея существованія. Вмѣстѣ съ университетской типографіей находилось въ завѣдываніи Новикова и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ такъ улучшилъ ихъ, что число подписчиковъ на нихъ, доходившее до 600, возвысилось до 4,000 человѣкъ. Между прочимъ, такому возвышенію и распространенію Московскихъ Вѣдомостей весьма много способствовало то, что при нихъ Новиковъ издавалъ съ 1783 по 1789 г. какъ прибавленіе „Дѣтское Чтеніе“, которое у насъ было первымъ дѣтскимъ журналомъ. Между тѣмъ, Шварцъ дѣйствовалъ на педагогиче-

---

([1]) Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи. Вольныя типографіи и издательская дѣятельность явныхъ и тайныхъ дружествъ. А. П. Мальшинскаго. Истор. Вѣст. 1887; іюнь.

скомъ поприщѣ. Въ 1779 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ университетѣ. Преподавая нѣмецкій языкъ, онъ знакомилъ въ тоже время студентовъ съ лучшими произведеніями нѣмецкой литературы. Въ томъ же 1779 г. была основана при университетѣ „Педагогическая семинарія" и Шварцъ былъ назначенъ ея директоромъ. Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; на проценты этой суммы положено было приготовлять въ университетѣ шестерыхъ студентовъ къ учительскому и профессорскому званію, подъ руководствомъ Шварца. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для этой цѣли 5000 рублей. Труды Шварца обратили на себя вниманіе. Онъ былъ сдѣланъ профессоромъ философіи и началъ преподавать исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи; кромѣ того, у себя на дому по воскреснымъ днямъ онъ читалъ „для людей всякаго рода и званія" лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. „Любопытнымъ познаніемъ здѣсь, говоритъ онъ въ началѣ своего курса, названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни, или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать напр. отчего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и прочее сему подобное.... Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ. Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ" (1). Эта программа лекцій Шварца показываетъ, что общій строй его міросозерцанія былъ религіозно-мистическій или масонскій; но его масонство не доходило однакожъ до такихъ крайностей, въ какія вдавались другіе масоны. Рѣшая всѣ вопросы, оцѣнивая все въ мірѣ съ точки зрѣнія религіозно-нравственной и подчиняя знаніе вѣрѣ, онъ однакожъ не отвергалъ значенія наукъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего.... я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иначе что есть, какъ отвращеніе себя отъ

(1) Біографич. словарь московскаго университета II, 594—595.

содѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя..... Проходя исторію жизни человѣческой можно примѣтить, что преподаваемыя науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются" ([1]). Какъ человѣка истинно религіознаго, Шварца глубоко возмущало скептическое и матеріалистическое ученіе энциклопедистовъ, которые хотѣли обойтись безъ вѣры въ Бога и всю жизнь, дѣятельность и счастіе человѣка поставляли въ удовлетвореніи его физическимъ потребностямъ; Шварцъ поставилъ для себя задачею противодѣйствовать распространенію такого ученія въ русскомъ обществѣ путемъ основательнаго религіозно-нравственнаго образованія русскаго юношества. Въ такомъ направленіи онъ преподавалъ исторію философіи и читалъ свои частныя лекціи. Его лекціи чрезвычайно благотворно дѣйствовали на слушателей и спасали многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Одинъ изъ учениковъ Шварца, Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ „въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное и для того времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію". Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичъ говоритъ: „Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить — исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ премудрѣйшаго Строителя вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіямъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца, и словъ священ-

([1]) Біографич. словарь московскаго университета II, 595—596.

наго писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго“ ([1]). Въ 1781 г. подъ руководствомъ Шварца было открыто при университетѣ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, а въ 1782 г. „Филологическая или Переводческая семинарія“. Въ „Собраніи“ студенты университета читали разныя свои сочиненія и подвергали ихъ критическому разбору; въ „Филологической семинаріи“ занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. Сочиненія и переводы студентовъ Новиковъ печаталъ въ своихъ журналахъ: „Московскомъ Изданіи“ (1781 г.), „Вечерней Зарѣ“ (1782 г.) и „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (1784 г.).

Такая высокая дѣятельность Новикова и Шварца, естественно, привлекла къ нимъ множество послѣдователей, въ числѣ которыхъ были вліятельные и богатые люди, жертвовавшіе для просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣлей значительныя суммы денегъ. Изъ этихъ людей и на ихъ средства въ 1782 г. было основано „Дружеское ученое общество“. Открытіе „Общества“ происходило торжественно въ присутствіи самого главнокомандующаго московскаго, графа З. Г. Чернышева, и московскаго митрополита, Платона, которые и приняли его подъ свое покровительство. Общество быстро увеличивалось и считало между своими членами лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, каковы были И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, князья Трубецкіе, и др. Задачею общества было: печатаніе разнаго рода книгъ, преимущественно учебныхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; распространеніе въ обществѣ разныхъ полезныхъ знаній и особенно содѣйствіе успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, свѣдѣній о природѣ; занятія филологическою или переводческою семинаріей и вообще поощреніе къ образованію молодыхъ даровитыхъ людей. Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что на счетъ „Дружескаго общества“ воспитывалось болѣе 50 семинаристовъ, отданныхъ отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ въ филологическую семинарію; по окончаніи ученія предписаннымъ наукамъ, они, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, поступали въ учительское званіе. Въ общество поступали и получали въ немъ образованіе и такія лица, которыя въ послѣдствіи заняли важныя мѣста на службѣ въ администраціи и въ наукѣ и литературѣ; здѣсь между прочимъ воспитались и начали литературную дѣятельность А. М. Кутузовъ, Подшиваловъ, Страховъ, другъ Карамзина Петровъ, Дмитріевъ и самъ

([1]) Біографич. словарь московскаго университета II, 592.

Карамзинъ. Въ 1784 г., чрезъ два года по открытіи, „Дружеское ученое общество“ было преобразовано въ „Типографическую компанію“. Цѣли и задачи преобразованнаго общества остались тѣже самыя; только его дѣятельность, вытекавшая и прежде изъ масонскихъ началъ, получила еще болѣе, чѣмъ прежде, масонскій характеръ. Въ видахъ большаго распространенія масонскаго ученія и въ тоже время противодѣйствія матеріалистическому ученію энциклопедистовъ, общество стало издавать преимущественно мистическія и масонскія книги и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій“, говоритъ Невзоровъ объ этомъ времени „Общества“. Усиленіе масонской дѣятельности началось еще съ 1782 г., когда въ Россію принесена была изъ Пруссіи новая система масонства, въ формѣ такъ называемаго розенкрейцерства. Шварцъ, котораго всѣ его ученики называли „истиннымъ орудіемъ Божіимъ исправленія въ Россіи ордена каменьщиковъ“, частію для поправленія разстроеннаго непомѣрными трудами здоровья, а главнымъ образомъ для „снисканія истиннаго масонства“ былъ отправленъ въ 1781 г. за границу. Въ Вильгелмсбаденѣ въ 1782 г. онъ присутствовалъ на масонскомъ конвентѣ, гдѣ, стараніемъ его, Россія была признана самостоятельной провинціей (осьмой) масонскаго ордена; въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ ученіемъ розенкрейцеровъ и привезши его въ Москву, сдѣлался жаркимъ его распространителемъ. Но ему недолго суждено было распространять это ученіе. Начавшіяся въ университетѣ его столкновенія съ кураторомъ Мелиссино и нѣкоторыми профессорами заставили его вскорѣ оставить университетъ. Въ наукѣ и литературѣ университетской преобладало французское направленіе; Шварцъ же не любилъ французской литературы, за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія, и старался распространить между студентами знакомство съ нѣмецкой литературой и особенно мистической. По выходѣ изъ университета онъ почти постоянно хворалъ и въ 1784 г. скончался.

По смерти Шварца, Новиковъ сталъ во главѣ Дружескаго общества, которое и называлось Новиковскимъ обществомъ. Со времени указаннаго его преобразованія въ Типографическую компанію, въ немъ началось особенное развитіе филантропической дѣятельности; оно повсюду заводило безплатныя школы для народа, учреждало больницы и аптеки, оказывало помощь бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая. Средства для этого доставляли Обществу его богатые и вліятельные члены. Во время неурожая и голода въ Москвѣ въ 1787 г. Новиковъ говорилъ въ собраніи Общества рѣчь и просилъ присутствующихъ ока-

зать помощь страдающимъ. Богатый московскій купецъ Г. М. Походяшинъ такъ былъ тронутъ рѣчью Новикова, что тотчасъ же отдалъ въ распоряженіе Общества все свое милліонное состояніе, съ котораго одного годоваго дохода получалось 60,000 рублей. На суммы Походяшина была произведена безденежная раздача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Другой членъ Дружескаго общества, Лопухинъ, также почти все свое состояніе употребилъ на дѣла благотворительности и помощь бѣднымъ. Князь Репнинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губерній. Лопухинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ объ одномъ священникѣ въ Орлѣ, который „стараніями своей христіанской любви завелъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцовъ и училище“ (1). Не смотря на такую, въ высшей степени благотворную, дѣятельность, Новиковъ и его общество возбуждали неудовольствіе во многихъ людяхъ и вскорѣ подверглись преслѣдованіямъ. Причины этихъ преслѣдованій, окончившихся уничтоженіемъ всего общества, весьма обстоятельно изложены въ запискѣ Карамзина, поданной имъ въ защиту семейства Новикова, послѣ его смерти, императору Александру Павловичу и въ Запискахъ Лопухина. Какъ тайное общество, составлявшее своего рода status in statu, съ своими странными символическими знаками, обрядами и языкомъ, съ своими тайными собраніями и мистическими непонятными книгами, Общество Новикова, естественно, представлялось правительству всегда подозрительнымъ. „Порочили особливо, говоритъ Лопухинъ, тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее?“... Эта „тайность“ масонства и странные его обычаи, какъ выше указано, всего сильнѣе возмущали и пугали импер. Екатерину, которая, преслѣдуя его въ своихъ комедіяхъ, называла его нелѣпымъ обществомъ, а членовъ его „мартышками“. По замѣчанію Лопухина, особенно вредило обществу то, что его смѣшивали съ сектой иллюминатовъ, „подлинно вредной и противной христіанству и властямъ“; въ народѣ же тайныя собранія масоновъ подавали поводъ къ самымъ нелѣпымъ о нихъ слухамъ; на русскихъ масоновъ, которыхъ называли мартинистами, были перенесены всѣ и смѣшныя и ужасныя исторіи, какія разсказывались о разныхъ заграничныхъ масонскихъ обществахъ. „Одни представляли насъ, говоритъ Лопухинъ, совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить

(1) Записки, стр. 53.

вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню“ ([1]). Державинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что тетка его, Блудова считала масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни. Просвѣтительныя стремленія общества привлекали къ нему любителей просвѣщенія; но заботясь о распространеніи просвѣщенія, масоны въ тоже время холодно и часто пренебрежительно относились къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; стремясь проникнуть „во всѣ таинства натуры“, они не хотѣли однакоже изучать „натуры“ серьезнымъ образомъ, путемъ научныхъ опытовъ. Извѣстно, что даже Новиковъ возставалъ (въ письмахъ къ Карамзину) противъ современныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, физики и астрономіи, называя напр. новое ученіе о газахъ, воздухѣ и водѣ пустыми словами, а открытіе неподвижныхъ звѣздъ бреднями. Но, не уважая научной физики и химіи, масоны въ тоже время вѣрили въ разныя тайныя науки, въ теософическія мечтанія, герметическую философію, въ алхимію, магію и каббалу. Все это, конечно, не могло нравиться настоящимъ ученымъ людямъ; а приверженцы философіи энциклопедистовъ, на которыхъ они нападали въ своихъ сочиненіяхъ, естественно, смотрѣли на нихъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ. „Много также дѣйствовали, говоритъ Лопухинъ, предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги“ ([2]). Филантропическіе подвиги и вообще религіозно-нравственное направленіе всей дѣятельности общества всего больше, конечно, могло находить одобренія и защиты въ церкви и духовенствѣ, и мы, дѣйствительно, видимъ въ немъ это одобреніе и защиту; но, поставляя вѣру выше науки и считая священное Писаніе единственнымъ источникомъ всякаго знанія, масоны объясняли свящ. Писаніе по своему, отыскивая въ разныхъ его мѣстахъ особый смыслъ и къ чистому христіанскому ученію примѣшивали множество мистическихъ и кабалистическихъ бредней, представлявшихъ смѣсь стараго язычества и новаго іудейства. Если этого искаженія чистаго христіанскаго ученія въ масонствѣ разными мечтаніями не замѣчали простые православные люди, какъ не сознавали его, можетъ быть, многіе и изъ поступавшихъ въ ма-

---

([1]) Записки, стр. 20. ([2]) Стр. 21.

сонство или же просто расположенныхъ къ нему, то не могли не понимать этого образованные духовные и особенно представители церкви. Если митр. Платонъ, какъ увидимъ ниже, далъ Екатеринѣ такой прекрасный отзывъ о Новиковѣ, что представилъ его образцемъ истиннаго христіанина; то онъ же съ Лопухинымъ всегда спорилъ о масонствѣ и возставалъ противъ него. И самъ Лопухинъ, какъ увидимъ ниже, разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что за его книгу „О внутренней церкви" нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе. Высокая репутація Новикова и покровительство знатныхъ лицъ спасали „Дружеское общество" отъ преслѣдованія, пока не разразилась французская революція. Начало этой революціи, говоритъ Лопухинъ, приписывали тогда вліянію тайныхъ обществъ, а однимъ изъ такихъ обществъ, на взглядъ Екатерины, было и общество Новикова. Тогда, естественно, всѣ странности въ масонствѣ стали выставляться рѣзче и получили особенный враждебный смыслъ. Лопухинъ, разсказывая о подозрѣніяхъ противъ Дружескаго общества московскаго генералъ-губернатора Прозоровскаго, прибавляетъ: „особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни; обо мнѣ отзывался между прочимъ, что я такъ много ея раздаю, что едвали не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій" ([1]). Ближайшимъ поводомъ къ началу преслѣдованій Дружескаго общества послужили незначительныя обстоятельства. Въ 1784 г. Новиковъ самовольно перепечаталъ въ своей типографіи нѣкоторыя изданія Коммиссіи о народныхъ училищахъ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ" въ томъ же году началъ издавать „ругательную" исторію ордена іезуитовъ. Екатерина, покровительствовавшая іезуитамъ, тотчасъ же запретила это изданіе, приказавъ отобрать и уничтожить отпечатанные листы. Въ 1785 г. она предписала московскому генералъ-губернатору, графу Брюсу, составить роспись книгамъ, вышедшимъ изъ типографіи Новикова, „наполненнымъ, по ея выраженію, новымъ расколомъ, для обмана и уловленія невѣждъ", и самого Новикова, вмѣстѣ съ этими книгами, отослать къ московскому митрополиту Платону, для испытанія его въ вѣрѣ. Платонъ, испытавъ Новикова въ вѣрѣ, далъ о немъ такой отзывъ Екатеринѣ: „Какъ предъ престоломъ Божіимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ". Книги

([1]) Стр. 34.

же, напечатанныя въ типографіи Новикова, Платонъ раздѣлилъ на три разряда: литературныя, мистическія и сочиненія энциклопедистовъ. О литературныхъ онъ сказалъ: желательно, чтобы онѣ болѣе и болѣе были распространяемы и содѣйствовали бы образованію; о мистическихъ книгахъ замѣтилъ, что онъ ихъ не понимаетъ и потому не можетъ судить о нихъ; сочиненія же энциклопедистовъ призналъ за вредныя. Послѣ такого отзыва Платона, Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ и снова принялся за свою издательскую и книгопродавческую дѣятельность. Но вскорѣ случились обстоятельства, которыя болѣе прежняго усилили въ Екатеринѣ подозрѣніе противъ Новикова и возбудили противъ него уже такое преслѣдованіе, которое окончилось закрытіемъ общества и осужденіемъ и наказаніемъ Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Обстоятельства эти изложены въ упомянутой выше Запискѣ Карамзина. 1) Одинъ изъ членовъ общества, архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ Петербурга своимъ друзьямъ въ Москвѣ, что онъ, говоря о масонахъ съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Екатерина, когда ей передали это письмо, подумала, что масоны хотятъ привлечь къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, какъ выше замѣчено, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ людямъ; не зная, что на покупку хлѣба давалъ деньги Походяшинъ, удивлялись богатству Новикова и такую щедрость приписывали его желанію привлечь на свою сторону простой народъ. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя не политическую, но въ то время, когда русскій дворъ находился въ явной непріязни съ берлинскимъ. 4) Наконецъ, было еще обстоятельство, неизвѣстное Карамзину. Одинъ изъ членовъ Новиковскаго общества, какой-то баронъ Шредеръ, поссорившись съ Новиковымъ, уѣхалъ за границу и сталъ оттуда писать къ нему такія письма (письма эти были перехвачены на почтѣ), которыя содержаніемъ своимъ должны были убѣдить правительство въ основательности его подозрѣнія противъ Новикова. Но всѣ эти обстоятельства не получили бы такого важнаго значенія въ глазахъ Екатерины и не повели бы къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, если бы сама Екатерина въ это время уже не измѣнила своихъ прежнихъ взглядовъ на литературу и писателей и въ частности на Новикова. Въ просвѣтительной дѣятельности Новикова, которую она сначала такъ громко одобряла, она видѣла въ это время уже гораздо болѣе, чѣмъ „свободомысліе и свободоязычіе“, которыя осудила въ Фонъ-Визинѣ за его „Вопросы“. Ей уже не нравилась та смѣлая и подъ часъ очень рѣзкая борьба, какую Новиковъ велъ въ своихъ журналахъ противъ разныхъ злоупотребленій въ русской

жизни, и то негодованіе, съ какимъ онъ возставалъ противъ крѣпостнаго права и вступался за угнетенный и страдающій простой народъ. Такимъ негодованіемъ, какъ мы увидимъ ниже, были проникнуты многія статьи, особенно въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ за 1784 г. Съ запрещенія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и начались преслѣдованія Новикова. Когда, по истеченіи 10-лѣтняго срока, Новиковъ захотѣлъ возобновить контрактъ на дальнѣйшее содержаніе университетской типографіи и изданіе Московскихъ Вѣдомостей, Екатерина приказала: „Новикову не отдавать типографіи: c'est un fanatique“; въ другой разъ она отозвалась о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но опасномъ. При такомъ положеніи дѣлъ, „Типографическая Компанія“ не могла существовать и въ 1791 г. закрылась. За закрытіемъ „Компаніи“ послѣдовало вскорѣ и совершенное уничтоженіе всего Новиковскаго общества. Объ этомъ уничтоженіи Лопухинъ такъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ: „Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 г. рѣшилось много разъ... предпріемлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію, книжные магазины Новикова, и домы его наполнили солдатами, и онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы“ (1). Три недѣли Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вмѣстѣ съ Новиковымъ подвергнуты были допросу и его товарищи по нарочно составленнымъ и просмотрѣннымъ самой Екатериной пунктамъ; И. П. Тургеневъ и князь Н. И. Трубецкой были сосланы на житье въ деревни, а Лопухинъ, представившій въ своихъ отвѣтахъ самое правдивое описаніе дѣйствій своего общества и самую смѣлую его защиту, оставленъ былъ въ Москвѣ, „ради дряхлаго и больнаго своего отца“. Все имѣніе Новикова и его Общества, дома, аптеки и типографіи были проданы съ публичнаго торга, а мистическія книги сожжены. Новиковъ находился въ крѣпости четыре года. По смерти Екатерины, въ 1796 г. импер. Павелъ Петровичъ въ первый же день своего царствованія освободилъ Новикова. Желая загладить обиды матери, онъ, по разсказу Витберга, просилъ у Новикова прощенія за нее и при этомъ будто бы всталъ даже на колѣни. Во время несчастнаго положенія Новикова вполнѣ обнаружились съ одной стороны всѣ его обширныя связи и значеніе въ обществѣ, а съ другой благоговѣйное уваженіе и

---

(1) Зап. стр. 38.

самоотверженная любовь къ нему людей близкихъ и знавшихъ его. Другъ и домашній докторъ, Багрянскій испросилъ дозволеніе раздѣлить съ нимъ все время заключенія въ крѣпости; другой другъ его, Гамалѣя провелъ около него въ селѣ Тихвинскомъ послѣдніе годы его жизни. Разсказывая о возвращеніи Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, Гамалѣя, между прочимъ, говоритъ: „Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего.... Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленные чужихъ селеній“.... Послѣдніе годы жизни Новиковъ провелъ въ бѣдности и страдая отъ разныхъ болѣзней, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его заключенія въ крѣпости; но при физическихъ страданіяхъ онъ всегда сохранялъ свою бодрость духа и до смерти оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. „Помните, говорилъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ незадолго до своей кончины, слова хоть и глупаго но старика: всѣ науки сходятся въ религіи; лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблеммы; безъ нея никогда не доучитесь, а при томъ и не будете спокойны“. Новиковъ скончался 31 іюля 1818 года.

Такова была судьба одного изъ лучшихъ людей просвѣтительнаго вѣка Екатерины, всѣхъ больше заботившагося объ истинномъ просвѣщеніи русскаго народа. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ Новиковъ былъ горячимъ ревнителемъ просвѣщенія, такъ и въ Москвѣ, сдѣлавшись масономъ, онъ не измѣнилъ своихъ убѣжденій и ратовалъ главнымъ образомъ не за интересы масонства, съ его тайными обрядами и мистическими мечтаніями, но за интересы просвѣщенія; только это просвѣщеніе во первыхъ основывалось уже не на общихъ, какъ прежде, раціоналистическихъ началахъ, но на религіозно-нравственныхъ началахъ масонскаго ученія, и во вторыхъ происходило не только въ народномъ духѣ, но и относилось непосредственно къ народу, имѣло въ виду духовныя и матеріальныя потребности народныхъ массъ. Этою чертою дѣятельность Новикова отличается отъ дѣятельности другихъ просвѣтителей этой эпохи. Всѣ эти просвѣтители имѣли въ виду просвѣщеніе аристократическое, выработанное въ Европѣ въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ и философскихъ и литературныхъ салонахъ, съ аристократическими стремленіями, совершенно противоположными интересамъ народа. Новиковъ заботился собственно о просвѣщеніи и улучшеніи быта народныхъ массъ. Искорененіе народнаго невѣжества, народныхъ суевѣрій и пороковъ,

распространеніе народныхъ школъ, книгъ для народнаго чтенія, народныхъ больницъ, аптекъ и другихъ благотворительныхъ заведеній—вотъ что, какъ мы видѣли, составляло программу просвѣтительной дѣятельности Новикова. Правда, народное направленіе стало выражаться въ литературѣ съ самаго начала царствованія Екатерины; но оно выражалось въ стремленіи изучить прошлую исторію народа, воскресить, въ поученіе и примѣръ современному русскому обществу, его подвиги, его добрыя качества. Въ такомъ общемъ направленіи народномъ сначала дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ и Новиковъ, когда онъ въ Петербургѣ издавалъ „Древнюю россійскую вивліоѳику“, „Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ“, „Повѣствователь о россійскихъ древностяхъ“ и проч.; но онъ не остановился на этомъ. Во второй періодъ своей дѣятельности въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на русскую народность и русскій народъ въ настоящемъ его положеніи, на современныя нужды и потребности народа. Такимъ образомъ въ вопросѣ о народности, поднятомъ въ вѣкъ Екатерины, Новиковъ первый указалъ на то, что недостаточно заботиться объ изученіи древней народной исторіи, о сохраненіи народнаго духа и народныхъ преданій, но надобно имѣть въ виду и настоящее состояніе народныхъ массъ, ихъ просвѣщеніе, ихъ нужды и потребности.

Масонскіе журналы Новикова. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ, проводя въ своихъ журналахъ общія образовательныя идеи вѣка, Новиковъ, подобно другимъ журналистамъ, боролся съ разными предразсудками и пороками, препятствовавшими просвѣщенію, и потому преобладающимъ направленіемъ въ его журналахъ было направленіе сатирическое; такъ и во второй періодъ, проводя въ общество и народъ религіозно-нравственное ученіе, онъ боролся съ ученіемъ энциклопедистовъ, которое совершенно уничтожало религію и нравственность, и его дѣятельность имѣла полемическое направленіе. Это полемическое направленіе, смѣнившее собою сатирическое направленіе перваго періода, выразилось въ извѣстныхъ его журналахъ: „Утреннемъ Свѣтѣ“, „Московскомъ изданіи“, „Вечерней Зарѣ“ и „Покоющемся Трудолюбцѣ“. Большая часть статей во всѣхъ этихъ журналахъ дидактическаго, или, какъ тогда говорили, нравственно-философскаго характера; но во всѣхъ ихъ помѣщались статьи объ энциклопедистахъ и о масонствѣ. „Когда бывало болѣе въ употребленіи, говоритъ одна статья въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, осмѣивать законъ учредителей и блаженныя учрежденія онаго, какъ не въ сіе время? Въ которое время равнодушіе къ вѣрѣ было всеобщее? Когда имѣли менѣе вѣры о Провидѣніи,

вѣчности и Судіѣ? Никогда, развѣ только во времена Ноя, когда уже духъ человѣковъ весь учинился плотію, и проповѣдникъ правосудія былъ осмѣянъ" (1). Главными виновниками такого упадка вѣры и нравственности Утренній Свѣтъ считаетъ философовъ XVIII в. „Все, что человѣкъ до сего времени писалъ въ пользу души своея, все то множествомъ чувственныхъ нравоучителей сихъ днесь опровергается" (2). Въ сочиненіи „Путешествіе добродѣтели" перечислены писатели, достойные порицанія и между ними названы: „Свифтъ, унижающій природу человѣческую предъ конскою; Рошефукольтъ, учащій, что нравы человѣческіе составлены изъ страстей, какъ тѣло изъ стихій; Руссо, Вольтеръ, Бэйль, Ламетри и Гельвецій". Опровергая матеріалистическое ученіе этихъ писателей, Утренній Свѣтъ повсюду старается показать духовность и безсмертіе души человѣческой. Въ предисловіи къ „Московскому ежемѣсячному изданію" издатель говоритъ: „Причиною, побудившею насъ къ такому предпріятію, было состраданіе, которое всякой человѣкъ мыслящій человѣчески чувствуетъ, когда слышитъ, что люди, отъ природы великими способностями одаренные, въ воспитаніи ученостію украшенные и между людьми почтенные, говорятъ и хулятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ... законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный и намъ преданіемъ доставленный, и когда взираетъ на простодушныхъ людей, внимающихъ прилежно умствованію оныхъ вольномысленныхъ мудрецовъ, почитающихъ себя побѣдившими всѣ народные предразсудки и низское суевѣріе искоренившими". Подъ этими мудрецами разумѣются энциклопедисты. Возставая противъ этихъ ученыхъ, издатель не думаетъ винить ни науку, ни знаніе и указываетъ только на злоупотребленіе ими, на ложное ихъ направленіе. „Причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ есть невѣжество, а совершенства—знаніе. Но, можетъ быть, скажутъ покровители и защитники необдѣланной грубости, что мы видимъ весьма многихъ ученыхъ, которые болѣе предаются порокамъ и заблужденію, нежели самые грубые невѣжды, и что вся мерзость, какая только находится на земномъ шарѣ, да и самое невѣріе или безбожіе суть плоды учености. Такъ, конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ. Хотя многіе между людьми прославилися въ нѣкоторыхъ частяхъ учености и имена свои предали безсмертію; однако они при всей своей славѣ могутъ быть сущіе невѣжды. Всѣхъ познаній и наукъ предметъ есть троякой: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Ежели ученый не

---

(1) Утренній Свѣтъ ч. III, 324. (2) Ч. IV, 218—219.

соединить оныхъ трехъ предметовъ во едино и всѣ свои познанія не устремитъ къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце, то достоинъ сожалѣнія и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу". Авторъ жалуется далѣе, что „многіе нынѣшняго вѣка высокіе и купно низскіе любомудрцы или философы", вмѣсто истинной философіи, „прославляютъ систему, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ своимъ, каковы-бы онѣ ни были, и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладости" ([1]). Въ „Вечерней Зарѣ" почти всѣ статьи философскаго или дидактическаго характера направлены къ опровerженію ученія энциклопедистовъ. Но особенно такимъ свойствомъ отличается „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ" Жака Сореца ([2]). „До какой неумѣренности, говоритъ авторъ этого слова, надобно дойти, чтобъ опровергать вѣру, безъ которой ничего инаго ожидать не можно, какъ злосчастія! Кто изъ самыхъ счастливѣйшихъ людей не имѣетъ нужды въ пособіи вѣры? Колико превратовъ въ политикѣ! колико досадъ въ военнослуженіи! колико приключеній въ торговлѣ! колико неизвѣстностей въ наукахъ!... Невѣрующій есть возмутитель общаго спокойствія, который тѣмъ самымъ, что предпріемлетъ разрушить основанія вѣры, предпринимаетъ разрушить и основанія общества. Общество не можетъ существовать безъ вѣры. Объяснить сіе предложеніе значитъ рѣшить предварительно хитросплетенія, оному противополагаемыя. Первое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы въ семъ нашемъ предложеніи не включаемъ всѣхъ въ мірѣ вѣръ. Мы подъ тѣмъ разумѣемъ тѣ только первѣйшія вѣры начала, которыя суть основаніемъ добродѣтели, какъ-то созданіе и искупленіе міра, провидѣніе, безсмертіе души и будущій судъ. Но какъ вольнодумцы и невѣрующіе противуполагаютъ намъ изъ языческаго богослуженія послѣдовавшій обществу вредъ: то сіе ничего противу насъ не заключаетъ, но паче къ нашей пользѣ служитъ. Второе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ су-

([1]) Москов. Ежемѣсяч. Изданіе 1781. Ч. I. Предисловіе, стр. V, VI, X, XI, XV.

([2]) Жакъ Сорентъ былъ протестантскій проповѣдникъ въ Голландіи (изгнанный изъ Франціи вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта). Его слово о вольнодумцахъ было переведено на русскій языкъ архимандритомъ Троицкаго Колязинскаго монастыря. Θеоктистомъ.

ществовать безъ вѣры: то мы не разумѣемъ, что спасительныя правила вѣры изъяты суть отъ всѣхъ злоупотребленій и несчастныхъ случаевъ, обществу вредныхъ. Итакъ противуполагаемыя намъ войны, крестные походы, гоненія суевѣріемъ причиненныя, къ нашему предложенію не касаются. Третіе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не утверждаемъ, что въ обществѣ вѣрныхъ не могутъ произойти непорядки; но мы только сказываемъ, что сіи безпорядки, каковы бы они ни были, не могутъ быть соразмѣрны съ тѣми пользами, какія вѣра оному доставляетъ. И потому всѣ, противуполагаемыя намъ возмущенія, какія произвела въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ревность, предложенія нашего не потрясаютъ. Четвертое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не сказываемъ, что одна только вѣра производитъ добродѣтели, въ обществѣ сіяющія, а побужденія человѣческія въ нашихъ сердцахъ не дѣйствительны; но полагаемъ только то, что вѣра сама въ себѣ есть безконечно способнѣе, нежели побужденія человѣческія ко благоустроенію общества. И потому изчисленіе добродѣтелей, происходящихъ единственно отъ воспитанія, или отъ сложенія, не наноситъ никакого вреда основаніямъ, кои мы утвердить тщимся. Послѣднее изъясненіе. Когда мы говоримъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры, то мы не говоримъ, что всякой атеистъ и всякой деистъ долженъ по сему самому предаться всѣмъ родамъ пороковъ, и что впадшіе въ невѣріе изъ всѣхъ человѣковъ наиразвратнѣйшіе суть; мы признаемъ, что многіе изъ такихъ людей жили порядочнымъ образомъ: но мы говоримъ токмо то, что невѣріе само въ себѣ отворяетъ дверь всѣмъ порокамъ, и что судя по образу, какимъ люди составлены, ежели бы они не вѣровали въ Бога, ежели бы не вѣрили никакому суду, никакому провидѣнію, то увидѣли бы мы, что безпорядки ихъ весьма бы умножилися.... Ибо, ежели бы не было вѣры, то каждый членъ общества могъ бы дѣлать, что ему угодно; и тогда всякъ подалъ бы поводъ своимъ страстямъ, всякъ употреблялъ бы свою силу, чтобъ угнѣтать безсильнаго, свою хитрость, чтобъ обмануть простодушнаго, свое краснорѣчіе, чтобъ прельстить имовѣрнаго; свою довѣренность, чтобъ разорить торговлю; свою власть, чтобъ нанесть вездѣ страхъ, ужасъ, мучительство, кровопролитіе. Непорядки ужасные по ихъ свойству, но необходимые по началамъ невѣрія! Ибо ежели вы предполагаете, что безъ помощи вѣры сіи безпорядки предупреждены быть могутъ: то должны вы приписать сіе дѣйствіе или пользѣ личной, или честности свѣтской, или законамъ человѣческимъ"? Затѣмъ авторъ объясняетъ, что ни польза, ни честность, ни законы вѣры замѣнить не мо-

гуть, потому что и существовать сами они могутъ только при вѣрѣ (1). Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ издатель, возставая противъ фанатизма всякаго рода, говоритъ: „Этой неосновательной ревностію, этимъ духомъ лжесвятости и суевѣрія заражены и атеисты, ибо ихъ ученіе есть тоже фанатическая вѣра. Атеисты отвергаютъ все, въ чемъ есть только малѣйшее затрудненіе для пониманія; они отвергаютъ даже согласное съ здравымъ разсудкомъ и основывающееся на понятіи вѣковъ и народовъ; въ слѣдствіе этого ихъ системы требуютъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ“. „Пріемля всѣ главнѣйшія положенія атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленность вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, движимость матеріи и тому подобное, и составивъ изъ нихъ особливый символъ вѣры главнѣйшихъ атеистовъ, я охотно бы спросилъ ихъ, гдѣ больше требуется вѣры: къ принятію ихъ ли символа, или символа вѣры? Ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждый догматъ и каждое слово религіи?“. „Неувѣрившись по истинѣ, замѣнять ее еще меньше вѣроятія достойными выдумками не значитъ объяснять вещь“. Рядомъ съ статьями противъ энциклопедистовъ, во всѣхъ указанныхъ журналахъ помѣщаются и статьи масонскаго характера. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: въ Утреннемъ Свѣтѣ двѣ статьи о терапевтахъ и ессеяхъ, которыхъ масоны считали своими предшественниками; статьи подъ заглавіемъ: „Списокъ съ одного весьма рѣдкаго манускрипта“, содержащія подробное описаніе мистическаго рисунка „храма природы и премудрости“; письмо къ издателямъ Утренняго Свѣта—о таинствахъ масонства и связи ихъ съ мистеріями древнихъ. Въ Московскомъ изданіи, въ статьяхъ „Празднаго времени упражненіе“ и „Состояніе человѣка предъ грѣхопаденіемъ“ изложены основныя начала масонства. Въ послѣдней изъ нихъ говорится о преемственной передачѣ таинственныхъ знаній со временъ Адама. „Адамъ понималъ сущность всѣхъ вещей, что для насъ недоступно. Съ паденіемъ и изгнаніемъ изъ рая умъ его затмился, у него явилась подозрительность къ очевидной истинѣ, и заключенія его стали основываться на наружности вещей. Но у Адама сохранилась память. Посредствомъ ея онъ и наставлялъ своихъ потомковъ въ наукахъ, почерпнутыхъ изъ Едема. Съ уменьшеніемъ продолжительности человѣческой жизни, съ размноженіемъ и населеніемъ людей, эти наставленія перестали переходить въ прежней чистотѣ; человѣчество пришло къ заблужденіямъ и почти совершенной погибели едемскихъ

(1) Вечер. Заря 1782 ч. III, стр. 113—151.

познаній, которыя и сохраняются теперь лишь у немногихъ въ прежней силѣ и совершенствѣ. Одно изъ такихъ познаній состоитъ въ умѣньи приготовлять универсальное или всеобщее лѣкарство... „Есть на землѣ, говорится въ статьѣ „Празднаго времени упражненіе“, нѣкоторые Богомъ избранные альхимистскіе адепты, могущіе внутреннія наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ или всеобщимъ лѣкарствомъ. Но то нещастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится“ (¹). Въ „Вечерней Зарѣ“ масонское направленіе выразилось въ „Предувѣдомленіи къ читателямъ“ и въ статьяхъ „о египетскомъ богословіи или египетскомъ ученіи“. Въ предувѣдомленіи къ читателямъ, указывая на то, что „Вечерняя Заря“ служитъ продолженіемъ „Утренняго Свѣта“, издатель говоритъ: „Сколько справедливо начало сего изданія, въ разсужденіи несовершенства человѣческихъ познаній, получило названіе „Утренняго Свѣта“, столько правильно приличествуетъ ему и имя „Вечерней Зари“. Ибо, сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ нашъ праотецъ до паденія блисталъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно уподобить и вечернему свѣту. Почему кажется, что прежнее утро согласно съ симъ вечеромъ. Имя же „Зари“ дали мы для того, что во время сіянія ея надъ нашимъ горизонтомъ мы обыкновенно отправляемъ наши работы, и притомъ служитъ оно намъ нравоучительнымъ и прекраснымъ „гіероглифомъ“. Премудрый Зиждитель вселенныя, сооруживъ сей видимый міръ, утвердилъ для освѣщенія онаго на тверди небесной безчисленное множество блистающихъ свѣтилъ; въ маломъ же мірѣ т. е. человѣкѣ, для освѣщенія его путей, возжегъ свѣтъ разума, который сначала такъ былъ великъ, что не было такой глубокой тайны, которой бы онъ не проникалъ. Но симъ свѣтомъ не долго пользовался нашъ праотецъ... Человѣческій разумъ нещастнымъ паденіемъ нашего праотца весьма потемнился, и сіе-то изображаетъ нашъ смутной и блѣдной свѣтъ „Вечернія Зари“. Но онъ гораздо умноженъ и почти въ прежнее состояніе приведенъ быть можетъ, когда воля наша въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подражая „Вечерней Зарѣ“, которая непрестанно послѣдуетъ за солнцемъ, будетъ теченіе свое править за великимъ свѣтомъ Божества“ (²). Статьи: „Изъ таинственныя египетскія Богословіи нѣчто о Богѣ“; „Изъ египетской Богословіи: для чего Богъ называется свѣтомъ и о связи міровъ“; „Египетское ученіе о познаніи душевнаго безобразія и красоты“; „Египетское ученіе:

(¹) Москов. Изданіе 1781 ч. I стр 136.
(²) Вечер. Заря 1782 г. ч. I.

что душа, будучи погружена въ чувственномъ, не старается о мысленномъ; когда же возвысится къ мысленному, тогда презираетъ чувственное“ (1) не заключаютъ въ себѣ ничего особенно характернаго; египетскимъ же называется излагаемое въ нихъ ученіе потому, что масоны начало своихъ обществъ и своего таинственнаго ученія полагали въ древнихъ египетскихъ мистеріяхъ.

Масонская литература, переводная и оригинальная. Кромѣ статей въ указанныхъ журналахъ, о масонствѣ существовали въ литературѣ нашей и отдѣльныя сочиненіи, не только переводныя, но и оригинальныя. Переводы сочиненій западныхъ мистиковъ, сообщившихъ особенную силу и движеніе масонскимъ обществамъ вообще, Якова Бема, Пордетча, Іоанна Арндта, Шведенборга, Сенъ-Мартена, Эккартсгаузена, Юнга Штиллинга и др. стали появляться у насъ очень рано. Лабзинъ видѣлъ русскій переводъ сочиненій Бема въ рукописи XVII в., въ заглавіи которой даже было написано: „Иже во святыхъ отца нашего Іакова Бемена“. Причиною такого уваженія къ Бему, по которому его сочиненія ставили на ряду съ писаніями святыхъ отецъ, было, конечно, то, что въ нихъ находится очень много назидательныхъ размышленій и трогательныхъ молитвъ. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ были напечатаны Новиковымъ отдѣльно для практическаго употребленія въ масонскихъ обществахъ. Девять отдѣльныхъ сочиненій Бема заграницей были совокуплены въ одну книгу, подъ именемъ: „Путь ко Христу“. Эта книга была переведена на русскій языкъ и издана Лабзинымъ, подъ заглавіемъ: „Christosophia, или путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, переводъ съ нѣмецкаго Спб. 1815“. Въ предисловіи къ этой книгѣ изложена біографія Бема и перечислены всѣ его сочиненія. Изъ рукописныхъ переводовъ сочиненій Бема извѣстны были: „О тройственной жизни“, „О благодатномъ избраніи“ и „Mysterium magnum“. Изъ сочиненій другаго мистика Сенъ-Мартена особенною извѣстностію пользовалась у насъ книга „О заблужденіяхъ и истинѣ, или возваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія“. Въ книгѣ указывается путь, по которому должно шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и худо-

---

(1) Вечер. Заря 1782 г. Ч. I., стр. 79—80. 167—168. 261—263.

жествахъ. Философа неизвѣстнаго. Перев. съ французскаго П. И. Страхова (студента, въ послѣдствіи профессора физики въ москов. унив.) М. 1785. Книга съ самаго начала своего появленія обратила на себя вниманіе и вызвала сочиненіе: „Ключь къ заблужденію и истинѣ или возваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу разсудка", 1789 г. Противъ нея также вооружился и подвергъ строгой критикѣ Мерсьё, въ своей книгѣ „Картина Парижа", гдѣ между прочимъ послѣдователи Сенъ-Мартена и Бема въ первый разъ были названы мартинистами. Въ 1790 г. въ Тулѣ было напечатано „Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ", заключающее очень серьезный разборъ мечтательныхъ мнѣній Сенъ-Мартена. Въ 1787 г. была переведена и напечатана книга англійскаго мистика, доктора Пордетча „Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей", заключающая въ себѣ систематическое изложеніе ученія Бема ([1]). Въ большомъ также употребленіи была книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ", переведенная И. Тургеневымъ. М. 1784 г. Лопухинъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что книги Арндта и Сенъ-Мартена были первыми книгами, которыя родили въ немъ охоту къ чтенію духовныхъ сочиненій и отвлекли его отъ книгъ энциклопедистовъ, которыми онъ сначала увлекался. Изъ сочиненій собственно масонскихъ были переведены на русскій языкъ въ разныя времена: Духъ масонства. Нравоучительныя и изтолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона. 1783. Въ этомъ сочиненіи говорится „о происхожденіи вольнаго каменьщичества, начало котораго относится ко времени Адама; объ обрядахъ, обыкновеніяхъ и учрежденіяхъ древнихъ; о ложахъ и клейнодахъ каменьщиковъ; о таинствахъ, о любви братской и проч.—Карманная книжка для В... К.. и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ". Переводъ съ нѣм. Оболдуева. Спб. 1779. Не смотря на общій смыслъ философскихъ мыслей и нравственныхъ правилъ, содержащихся въ этой книжкѣ, она, видимо, была переведена и напечатана для того, чтобы служить проводникомъ масонства въ Россіи, что и подтверждается особенно нѣкоторыми разсужденіями, написанными въ мистическомъ направленіи. „Хризомандеръ—аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія". Съ нѣмецкаго перев. А. А. Петрова. М. 1783. Въ этой повѣсти,

---

([1]) Книга эта подробно описана у Губерти: «Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800». Чт. Общ. истор. и древн. 1879. Кн. 4. Стр. 230.

подъ видомъ приключеній и чудныхъ превращеній, совершающихся съ описываемыми лицами, открывается тайна алхиміи, состоящая въ процессѣ такъ называемаго великаго дѣла т. е. составленія философскаго камня. „Химическая псалтырь о камнѣ мудрыхъ, Ѳеофраста Парацельса.“ Перев. съ нѣм. А. М. Кутузова. М. 1784. Книжка состоитъ изъ 157 пріемовъ, служащихъ къ добыванію философскаго камня. „Апологія“, или защищеніе ордена вольныхъ каменьщиковъ. Перев. съ нѣм. М. 1784. Таинство Креста Іисуса Христа и членовъ его. М. 1784. Книгу эту съ нѣмецкаго переводили Кутузовъ и докторъ Багрянскій. Она состоитъ изъ XV главъ, содержащихъ въ себѣ мистическое объясненіе таинства креста ([1]). Переводомъ масонскихъ и вообще мистическихъ сочиненій занимались студенты педагогической семинаріи и многіе члены Новиковскаго общества: Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ и др.—Кромѣ того, какъ изъ сочиненій энциклопедистовъ, Дидро, Даламбера и др. дѣлались сборники лучшихъ мѣстъ, такъ подобные же сборники составлялись и изъ масонскихъ сочиненій. Изъ нихъ извѣстны: „Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ сочиненій Іакова Бема, собранный (въ 1794 г. подъ руководствомъ Новикова) въ весьма полезную ручную книжку, могущую въ разсужденіи великаго таинства въ завѣтѣ соединенія души съ Богомъ возжигать сердце и умъ къ молитвѣ, воздыханію, благоговѣнію и возбуждать къ горячности посредствомъ непрестаннаго воспоминанія, поощренія и упражненія въ новомъ рожденіи“ ([2]). „Избранная Библіотека для христіанскаго чтенія. М. 1784. Вышло четыре книжки или части. Въ первой части былъ помѣщенъ переводъ съ латинскаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Іисусу Христу“. „Магазинъ свободно-каменьщическій“, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою. М. 1784. Вышло три части. Два послѣдніе сборника издавались въ типографіи Лопухина ([3]). Подъ вліяніемъ переводныхъ, писались и оригинальныя масонскія сочиненія; но такихъ сочиненій вообще появлялось не много. Въ нихъ упражнялись главнымъ образомъ

([1]) Подробное описаніе этихъ и другихъ масонскихъ книгъ, бывшихъ у насъ въ употребленіи, смотр. также въ книгѣ Губерти.

([2]) Русскіе переводы Я. Бема, С. П — ва. Библіогр. Записки 1858 т. I, 131—132.

([3]) Описаніе ихъ смотр. у Неустроева: Историч. разысканіе о повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, стр. 357—359.

тѣ же дѣятели въ масонскомъ обществѣ, на которыхъ уже указано выше: Тургеневъ, написавшій, по наставленію Лопухина, книжку подъ заглавіемъ: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ“, для оправданія масонства отъ того обвиненія, что оно, какъ тайное общество, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ; Гамалѣя (1743—1822), славившійся своими поучительными письмами къ масонскимъ братьямъ (М. 1832) и особенно Лопухинъ, написавшій нѣсколько сочиненій по масонству.

И. В. Лопухинъ (1756—1816). Послѣ Новикова и Шварца, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ въ масонскомъ обществѣ и можетъ быть названъ даже настоящимъ типомъ русскаго масона въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Какъ въ сочиненіяхъ его полнѣе, чѣмъ у другихъ, изложенъ характеръ масонскаго ученія, такъ и въ его жизни и общественной дѣятельности весьма ясно выразились лучшія стороны нашего масонства, которое могло воспитывать въ своей средѣ замѣчательныя личности. Подобно многимъ другимъ русскимъ историческимъ дѣятелямъ, Лопухинъ былъ самоучка и не получилъ правильнаго образованія. „Воспитанъ я, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи... Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга; по французски училъ савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка; по нѣмецки—берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и, сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію“ (1). Съ такимъ образованіемъ, окончившимся на 17 году, Лопухинъ выступилъ въ жизнь и подвергся вліянію сначала энциклопедистовъ, а потомъ масонства. Подъ 1785 г. въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ: „Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную

(1) Записки Лопухина. Чтен. Общ. истор. и древ. 1860; кн. 2 и 3, стр. 1—2. Другое изданіе Записокъ въ Русск. Архивѣ 1884, кн. 1: Записки московскаго мартиниста, сенатора И. В. Лопухина, съ примѣчаніями и портретомъ.

книгу, Système de la Nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ „Уставъ натуры" (Code de la Nature). Я перевелъ „Уставъ" этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 г. Сіе происходило за два года до вступленія моего въ общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная „О заблужденіяхъ и истинѣ" и Арндта „О истинномъ христіанствѣ" (1). Чтеніе духовныхъ или мистическихъ книгъ, знакомство и дружба съ Новиковымъ и обращеніе въ его „Дружескомъ Обществѣ" утвердили и развили въ Лопухинѣ тотъ духъ человѣколюбія, который присущь былъ ему, какъ онъ говоритъ, отъ природы, и воспитали въ немъ ту непоколебимую честность, прямоту и неподкупную правду, тѣ высокія и благородныя стремленія, какими отличалась вся его дѣятельность какъ въ масонскомъ обществѣ, такъ и на службѣ. Послѣ непродолжительной военной службы, къ которой онъ по слабости здоровья оказался неспособнымъ, онъ былъ назначенъ въ 1782 г. совѣтникомъ московской уголовной палаты, а потомъ ея предсѣдателемъ. Находясь въ этихъ должностяхъ, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу—самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать каждое дѣло, чтобы не осудить невиннаго, или не наказать виновнаго выше мѣры; при опредѣленіи наказанія виновнымъ держаться умѣренности и смягчать жестокость наказаній. „Въ должности сей, говоритъ онъ, я принялъ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ. Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго... Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно.

(1) Записки, тамъ же, стр. 14—15.

Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо безспорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что́ прежде я долженъ былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими. Неохотники до меня и стольножъ, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастію моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ уголовной палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ... Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одно́ю каплію не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютости... Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ... Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія" ([1]). Такія человѣколюбивыя начала и дѣйствія Лопухина возбудили, однако-же, сначала неудовольствіе противъ него, а потомъ и преслѣдованіе со стороны главнокомандующаго московскаго, графа Брюса, такъ что Лопухинъ долженъ былъ оставить службу въ палатѣ. Въ 1785 г. онъ, какъ членъ Новиковскаго общества, подвергся суду, вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими лицами, и избѣжалъ ссылки только благодаря своему смѣлому объясненію предъ Екатериной своей дѣятельности въ обществѣ и вообще характера и стремленій всего общества. По кончинѣ Екатерины, Лопухинъ былъ вызванъ импер. Павломъ въ Петербургъ и опредѣленъ статсъ-секретаремъ, но вскорѣ былъ уволенъ и назначенъ въ московскій сенатъ. Во время службы въ сенатѣ, онъ руководился тѣми же человѣколюбивыми правилами, какъ и въ палатѣ. Въ 1780 г. онъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, былъ посланъ обревизовать казанскую, вятскую и оренбургскую губерніи. При этихъ ревизіяхъ Лопухинъ старался всячески узнать настоящее положеніе каждой губерніи, особенно нужды и потребности крестьянъ, открыть обиды и притѣсне-

---

(1) Тамъ же, стр. 3—8.

нія ихъ со стороны судей и разныхъ чиновниковъ, и при этомъ стремился не только къ тому, чтобы отдать подъ судъ и наказать виновныхъ, сколько къ тому, чтобы изыскать средства предупреждать обиды и притѣсненія. Вотъ что онъ говоритъ о ревизіяхъ въ своихъ Запискахъ: „Осмотры сіи, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій; хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ. Сіе особливо въ разсужденіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его. Кажется, справедливо сказать можно, что едва-ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, естьли можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно или весьма ненадежно“... „Опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства... Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что или сколько можно меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, естьли бъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лицы“ ([1]). Особенное вниманіе Лопухинъ обратилъ на себя ревизіей въ харьковской губерніи, гдѣ онъ, по порученію импер. Александра, разбиралъ дѣло о сектѣ духоборцевъ, къ которой онъ отнесся чрезвычайно человѣколюбиво, въ духѣ истинной вѣротерпимости. Вообще во всѣхъ дѣлахъ, какія ему поручались, онъ руководился чувствомъ правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что Лопухинъ, такъ высоко

([1]) Тамъ же, стр. 73—74.

стоявшій по своимъ человѣколюбивымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ, возставалъ противъ самаго человѣколюбиваго дѣла, освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, находя его преждевременнымъ и опаснымъ. Впрочемъ, вотъ что онъ говоритъ по этому предмету въ своихъ Запискахъ . . . . „Я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьлибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ... И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить“ (¹). Совершившееся въ недавнее время необыкновенно спокойное освобожденіе крестьянъ показало, что эти опасенія Лопухина, какъ и другихъ многихъ лицъ, желавшихъ, но боявшихся освобожденія, были совершенно напрасны.—Во время образованія милиціи (1807 г.) Лопухинъ былъ посланъ для надзора въ нѣкоторыя губерніи (Тул. Кал. Ряз. Влад.). Въ 1812 г. онъ уѣхалъ въ свое имѣніе Савинское, гдѣ и скончался въ 1816 г.

Въ исторіи литературы особенное значеніе, какъ уже замѣчено выше, имѣетъ масонская дѣятельность Лопухина, какъ лучшаго представителя русскаго масонства, одной изъ задачъ своихъ поставлявшаго борьбу съ философіей энциклопедистовъ и вольнодумствомъ и нравственною распущенностію, распространенными въ русскомъ обществѣ матеріалистическимъ ученіемъ этой философіи. Лопухинъ былъ великимъ мастеромъ въ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ. Познакомившись съ Новиковымъ и сдѣлавшись членомъ Дружескаго общества, онъ велъ дирекцію и обширную переписку по всѣмъ дѣламъ общества; жертвовалъ большею частію своего состоянія для филантропическихъ его цѣлей; на свой счетъ онъ открылъ типографію въ Москвѣ; на свой счетъ отправлялъ заграницу студентовъ, для усовершенствованія въ наукахъ (изъ нихъ извѣстны Колокольниковъ и Невзоровъ); на дому у себя онъ постоянно раздавалъ деньги бѣднымъ. Но преимущественно выдвигаютъ Лопухина на первый

(¹) Записки, тамъ же стр. 158—159.

шланъ въ ряду другихъ масонскихъ дѣятелей его литературные труды въ пользу масонства. Онъ переводилъ и издавалъ масонскія книги и самъ писалъ сочиненія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался объяснить стремленія и цѣли масонскаго общества, характеръ его ученія и защитить его отъ разныхъ нареканій и обвиненій, которымъ оно подвергалось. Первымъ сочиненіемъ Лопухина было уже упомянутое выше „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ“ (сочин. Россіяниномъ М. 1780 и 1787), написанное имъ для очищенія совѣсти, при переходѣ отъ вольтерьянства въ масонство. Другимъ сочиненіемъ былъ „Нравоучительный катехизисъ истинныхъ Франкъ- Масоновъ“, составленный для ознакомленія общества съ основными началами масонскаго ученія. „Сіе мнѣ случилось, говоритъ Лопухинъ, нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона, митр. московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ, такъ что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ“. Вотъ главные вопросы и отвѣты масонскаго катихизиса.

1) Истинный ли ты Ф. М?—Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной, при ея сотвореніи.

2) Чѣмъ найпаче отличается истинный Ф. М?—Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3) Какая цѣль ордена истинныхъ Ф. М?—Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго христіанства.

4) Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?—Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX, 3.

5) Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?—Послѣдованіе Іисусу Христу.

6) Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?—Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?—Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какіе суть самые вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?—Чистая любовь, преданность и крестъ.

17) Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?—Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. I Петр. II, 17. 18. Еф. VI, 5. 7.

20) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?—Найболѣе онъ долженъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Еф. VI, 4. 9. Колос. IV, 1.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?—Всѣхъ долженъ любить для Бога; желать имъ всѣмъ всякаго въ немъ блага, и вспомоществовать имъ, сколько ему возможно.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?—Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?—Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?—Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?—Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца" ([1]).

Этотъ катихизисъ Лопухинъ въ послѣдствіи присоединилъ къ двумъ своимъ сочиненіямъ: „Духовный рыцарь" и „О внутренней церкви". Въ первомъ сочиненіи „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости" (М. 1791) представлены, по словамъ его, въ краткихъ чертахъ, главные пункты герметиче-

([1]) Записки, стр. 24—30.

ской науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самосознанія и глубокой морали". Подъ герметической наукой (такъ названной потому, что изобрѣтеніе ея приписывалось Гермесу Трисмегисту, египетскому Меркурію) разумѣется алхимія, которая учила претворять одни металлы въ другіе и всѣ естественныя явленія въ природѣ объясняла тремя веществами—солью, сѣрой и ртутью. Другое сочиненіе: „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о разныхъ путяхъ заблужденія и гибели" было написано Лопухинымъ въ 1798 г. послѣ жестокой болѣзни. „Оно, говоритъ Лопухинъ, навлекло мнѣ много непріятностей; нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, да время къ тому было неблагопріятно"; за то сочиненіе это получило особенное одобреніе Эккартсгаузена, что доставило Лопухину величайшее удовольствіе. Изъ другихъ сочиненій Лопухина самое важное—его Записки о своей жизни, на которыя мы уже нѣсколько разъ ссылались. Въ нихъ описана исторія всей его жизни и въ частности исторія масонскаго общества Новикова въ періодъ его преслѣдованія и уничтоженія. Къ тѣмъ выпискамъ, которыя приведены выше, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь изъ нихъ еще слѣдующія строки, въ которыхъ Лопухинъ указываетъ основной характеръ и существенныя цѣли и стремленія масонскаго общества: „Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости VII, 17—22, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ".... „Вотъ какое наше было упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица „Вѣкъ живи, вѣкъ учись" гораздо умнѣе такого смѣха.... Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально перероdиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна.. Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ

даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка" ([1]).

Закрытыя при импер. Екатеринѣ, масонскія ложи снова стали появляться при Александрѣ I. Во главѣ тогдашняго масонства стояли ученики Новикова и Шварца—Лабзинъ и Невзоровъ; но ихъ масонство, какъ будетъ показано ниже, имѣло уже другой характеръ.

Литературные журналы въ екатерининскую эпоху.

При Петрѣ В. и импер. Елисаветѣ всѣ газеты и журналы, какъ указано выше, издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, академіи наукъ, московскомъ университетѣ, кадетскомъ корпусѣ; единственнымъ журналомъ, который издавался на частныя средства и по иниціативѣ частнаго лица, была „Трудолюбивая Пчела" Сумарокова; въ эпоху Екатерины является множество журналовъ, издаваемыхъ разными лицами самостоятельно, независимо ни отъ какихъ учрежденій ([2]). Преобладающимъ элементомъ въ прежнихъ журналахъ были элементы научные, за исключеніемъ только опять той же Трудолюбивой Пчелы, которая только одна была чисто литературнымъ журналомъ; при Екатеринѣ мы встрѣчаемъ всего болѣе журналовъ литературнаго характера. Въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины выходило около 20 журналовъ, изъ коихъ 8 явилось въ одинъ 1769 годъ. Вотъ эти журналы: „Полезное увеселеніе" въ 1762 г. и продолженіе его въ 1763 г.; „Свободные часы", издававшіеся Херасковымъ; „Невинное упражненіе" 1763 г., изданіе Богдановича; „Доброе намѣреніе" 1764 г., изд. Санковскаго; сатирическіе журналы: „Всякая Всячина" (1769—1770) Козицкаго; „И то и сіо" (1769) Чулкова; „Ни то ни сіо" (1769) Рубана; „Поденьщина" (1769) Тузова; „Смѣсь" (1769) неизвѣстнаго издателя; „Трутень" (1769—1770) Новикова; „Адская Почта"

([1]) Записки, стр. 15—17. Другія сочиненія Лопухина, переводныя и оригинальныя указаны у Геннади: Справоч. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ XVIII и XIX в. Берлинъ 1880 том. 2, 257—259; и у Губерти: Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII ст. Чт. Об. истор. и древ. 1879. кн. 4.

([2]) Исторія русской журналистики въ екатерининскую эпоху изложена въ слѣдующихъ сочиненіяхъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. А. Аѳанасьева. Москва 1859 г. Очерки изъ исторіи русской журналистики А. П. Пятковскаго. Спб. 1876 томъ II, стр. 1—74. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Неустроева. Спб. 1874 (Дополненія Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7, Н. Петровскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898, № 1); Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Зап. Акад. Наукъ 1863. т. III, приложеніе № 6; О Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. Лайбова (Добролюбова), Современникъ 1856, № 7 и 8.

(1769) Эмина; „Полезное съ пріятнымъ“ (1769); „Парнасскій Щепетильникъ“ (1770) Чулкова; „Пустомеля“ (1770); Трудолюбивый муравей“ (1771) Рубана; „Старина и Новизна“ Рубана (1772—1773); „Вечера“ (1772); „Живописецъ“ (1772) Новикова; „Мѣшанина“ (1773); „Кошелекъ“ (1774) Новикова.—Свобода мысли и слова, дарованная литературѣ импер. Екатериной въ началѣ царствованія, и примѣръ самой Екатерины, разумѣется, были главною причиною такого сильнаго развитія журналистики. Первый по времени сатирическій журналъ „Всякая Всячина“ Козицкаго издавался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Екатерины; въ ней помѣщались и ея собственныя статьи. Новиковъ, посвящая своего „Живописца“ автору комедіи „О время“, прямо говоритъ, что эта комедія подала ему мысль и смѣлость издавать журналъ въ сатирическомъ направленіи: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай, Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если же буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи и если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены, ибо безъ вашего примѣра я не отважился бы напасть на пороки“. Послѣ 1774 г. журналы стали являться рѣже, но все же въ значительномъ количествѣ. Изъ нихъ были извѣстны: „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1778—1781); „Разсказчикъ забавныхъ басенъ“ (1781) Аблесимова; „Утро“, еженедѣльное изданіе 1782; „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ (1783—1784); „Дѣтское чтеніе для сердца и ума“ (1785—1789), издававшееся при Московскихъ Вѣдомостяхъ Новиковымъ; „Уединенный Пошехонецъ“ (1786)—первый въ Россіи провинціальный журналъ, издававшійся въ Ярославлѣ Санковскимъ; „Ежемѣсячное сочиненіе“ (1787)—продолженіе Пошехонца въ Ярославлѣ, издававшееся тѣмъ же Санковскимъ; „Зеркало свѣта“ (1786—87) И. Богдановича и Туманскаго; „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786—87) Ф. Туманскаго; „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1786) П. Богдановича; „Почта духовъ“ (1789) И. Крылова; „Сатирическій Вѣстникъ“ (1790—92) Страхова, „Московскій журналъ“ (1791—1792) Н. М. Карамзина, „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798) Подшивалова и Сохацкаго; „Аглая“ (1794—95) Карамзина; „Муза“ (1796) И. Мартынова.

По своей формѣ и характеру всѣ указанные журналы находятся въ тѣсной связи съ журналами предыдущей эпохи. „Трудолюбивый Муравей“ былъ подражаніемъ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова; „Смѣсь“ и „Полезное съ пріятнымъ“—„Ежемѣсяч-

нымъ сочиненіямъ“ Миллера. Но всего больше, разумѣется, на нихъ отражается вліяніе иностранныхъ журналовъ, подъ которымъ, какъ выше указано, и возникла русская журналистика. Въ нихъ то же нравственное или дидактическое направленіе, внесенное въ англійскую журналистику журналами Стиля и Адиссона, и потомъ распространившееся въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ; въ нихъ тѣ же общіе пріемы и формы, въ которыхъ проводится это направленіе. Дидактическое содержаніе журнала излагается обыкновенно въ формѣ аллегорической повѣсти, волшебной сказки, сна, разговора въ царствѣ мертвыхъ, въ формѣ сатирическихъ вѣдомостей, сатирическихъ лечебниковъ, сатирическихъ словарей, въ цѣломъ рядѣ картинъ и портретовъ, вопросовъ и отвѣтовъ. Подобныя сочиненія нерѣдко прямо переводились изъ иностранныхъ журналовъ, или же передѣлывались на русскіе нравы. Наконецъ самыя названія журналовъ указываютъ на связь ихъ съ англійскими, нѣмецкими и французскими журналами. Названіе „Зрителя“ есть переводъ англійскаго Spectator; названіе „Пустомеля“ дано, очевидно, въ подражаніе другому англійскому журналу Tattler, Болтунъ; названіе „Живописецъ“ взято съ нѣмецкаго журнала Der Maler der Sitten. Извѣстно, что издатели прежняго времени любили часто мѣнять названіе и форму своихъ журналовъ, боясь наскучить однообразіемъ, или желая привлечь новостію названія и формы журнала. Стиль и Адиссонъ въ непродолжительное время издавали одинъ за другимъ нѣсколько журналовъ; точно также Новиковъ издавалъ Трутня, Кошелекъ, Живописца, а потомъ еще три масонскихъ журнала, когда сдѣлался масономъ: Чулковъ издавалъ въ 1769 г. „И то и сіо“, а въ 1770 г. „Парнасскаго Щепетильника“; Рубанъ въ 1769 г. „Ни то, ни сіо“, а въ 1771 г. „Трудолюбиваго Муравья“. Одинъ и тотъ же журналъ рѣдко издавался больше одного года; этимъ объясняется большое количество журналовъ: журналовъ выходило много и отъ того, что они существовали не долго въ одной и той же формѣ, съ однимъ и тѣмъ же именемъ. Если журналъ хорошо расходился и нравился читателямъ, то издатель, по окончаніи года, не продолжая его изданія въ слѣдующемъ году, дѣлалъ второе изданіе журнала, съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями, а иногда и безъ всякихъ измѣненій. Издатели нѣкоторыхъ журналовъ остаются неизвѣстными; но особенно любили скрывать свои имена авторы. Повѣсти, разсказы, сатиры предлагались отъ имени какого нибудь дѣдушки, пишущаго письма къ своимъ внукамъ, или дядюшки къ племяннику. Это были своего рода литературныя маски, въ родѣ англійскихъ Бикерштафа, Опекуна, Наблюдателя и проч. Первой статьей Московскаго ежемѣсячнаго изданія 1781 г. былъ разго-

воръ англійскаго господина Бикерштафа съ своимъ духомъ хранителемъ, переведенный изъ Спектатора (глав. XXIII). Большая часть статей подписывалась псевдонимами, въ которыхъ иногда прямо указывалось направленіе авторовъ и характеръ ихъ сочиненій, каковы напр. псевдонимы: Неспускаловъ, Аристархъ Примирителевъ, Люборуссовъ, Правдолюбовъ, Правомысловъ, Чистосердовъ, Добросовѣтовъ, Тарабаровъ; или же замысловатые, напр. Остроперовъ, Сердцекрадъ, Людоглотъ, Агаѳія Хрипунова; имя мое съ аза, прозвищемъ проказа и проч. Лучшими журналами первой эпохи, до 1774 года, были: Всякая Всячина, Трутень, Живописецъ, Смѣсь, Кошелекъ и Адская Почта. Изъ журналовъ послѣдующей эпохи особенною извѣстностію пользовались Собесѣдникъ любителей россійскаго слова Дашковой, С.-Петербургскій Вѣстникъ Брайко, Пріятное и полезное препровожденіе времени Сохацкаго и Подшивалова, Петербургскій журналъ Пнина и А. Бестужева.

Дидактическое направленіе, и прежде соединявшееся съ сатирой, въ журналахъ екатерининской эпохи получило чисто сатирическій характеръ. Этотъ характеръ является особенно преобладающимъ въ журналахъ 1769—1774 г. Всѣ журналы этого пятилѣтія по ихъ характеру надобно раздѣлить на два разряда. Одни стремились исправлять нравы современнаго общества, подвергая осмѣянію его пороки и недостатки; другіе требовали открытой и строгой сатиры не только на пороки, но и на самыя лица порочныя. Во главѣ первыхъ стояла Всякая Всячина; во главѣ послѣднихъ Трутень Новикова. Отрекаясь отъ всего, что можетъ затронуть чужое самолюбіе, Всякая Всячина въ одной статьѣ своей объявила, что она поставила себѣ за правило: „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки“; при исправленіи пороковъ руководиться снисхожденіемъ и человѣколюбіемъ; „а кто только видитъ пороки, не имѣя любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому“. Въ другой статьѣ, осмѣивая человѣка, который вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе на силу приглядѣть могли слабости, она говоритъ, что всѣ разумные люди признать должны, что одинъ Богъ только совершенъ, люди же смертные никогда безъ слабостей не были, не суть и не будутъ. И потому надобно поставить слѣдующія правила: а) не называть слабостей пороками; б) хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и в) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было и для того г) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія (1). Другихъ воззрѣній на характеръ сатиры держался „Трутень“. „Я того мнѣнія, говоритъ въ немъ

(1) Всякая Всячина 140—143.

Правдолюбовъ, разбирая указанныя положенія Всякой Всячины, что слабости человѣческія достойны сожалѣнія, однакожъ не похвалъ, и никогда того не думаю, чтобы на сей разъ не покривила своею мыслію и душою госпожа ваша прабабка (Всячина), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ, слѣд. они порокамъ сшили изъ человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ, или (сказать по русски) потакаетъ . . . Любить деньги есть такъ же слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать такъ же слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ". Въ такомъ видѣ происходила полемика между двумя направленіями. Сторону „Трутня", требовавшаго строгой и открытой сатиры, приняли „Смѣсь" и „Адская Почта", а сторону „Всякой Всячины" журналъ „И то и сіо". Смѣсь напечатала противъ Всякой Всячины нѣсколько довольно рѣзкихъ статей, въ которыхъ осмѣивала этотъ журналъ за то, что онъ даетъ послабленіе порокамъ и при этомъ впадаетъ въ противорѣчіе: „Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе (или уже она выжила изъ ума). Она говоритъ, что подъячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки; а это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое". Адская Почта, защищая Трутня отъ обвиненій въ ругательствахъ, говоритъ: „Ругательства нигдѣ не годятся, но прямо описывать пороки и называть вора воромъ, разбойника разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое". Сатира, по мнѣнію Почты, всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ граненыхъ нравоученій? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія,— но пусть они посовѣтуются прежде съ древними классическими писателями. Если бы когда-нибудь они потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что нравоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ. Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія.—Нѣтъ

сомнѣнія, что та и другая сторона для своихъ воззрѣній имѣла основанія; но въ тоже время справедливо, что обѣ стороны въ развитіи этихъ основаній выходили изъ границъ и вдавались въ крайности. Совершенно уважительно было стремленіе Всякой Всячины „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки"; но едвали было возможно нападать на пороки и не задѣвать (хотя безъ всякаго умысла) лицъ, подверженныхъ этимъ порокамъ. Если же при этомъ избѣгать всего, что можетъ возбудить раздраженіе въ лицахъ виновныхъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ всякаго примѣненія къ современной дѣйствительной жизни. Едва-ли также безъ основанія былъ упрекъ Трутня, что Всякая Всячина потакаетъ пороку; въ болѣе чѣмъ снисходительномъ взглядѣ ея на слабости слышится нравственная распущенность того вѣка, котораго любимымъ правиломъ была поговорка: „живи и жить давай другимъ". Но если взглядъ Всякой Всячины съ идеальной точки зрѣнія былъ далеко не безукоризненъ, то и Трутень былъ не правъ, потому что, держась строго нравственныхъ основаній, въ своей сатирѣ переходилъ въ крайности; онъ уже слишкомъ расширялъ предѣлы сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества, требовалъ, чтобы въ сатирическихъ картинахъ были допускаемы и намеки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно критиковать порочнаго на лицо, а не вообще порокъ; надобно только, чтобъ сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но „критика на лицо—безъ имени, удаленная, сколько возможно и потребно, производитъ въ порочномъ раскаяніе". Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ; литература не должна допускать ни намековъ на лица, ни брани (1).

Предметами журнальной сатиры служили 1) пороки и недостатки, унаслѣдованные еще отъ древней допетровской эпохи, и 2) недостатки и пороки, нажитые вновь, въ слѣдствіе неправильнаго усвоенія европейской цивилизаціи, со временъ реформы Петра. Слѣдовательно, это были тѣ же предметы, какіе изображала сатира Кантемира и Сумарокова; только екатерининская журнальная сатира во 1-хъ строже относится къ порокамъ, глубже раскрываетъ осмѣиваемые недостатки, а во 2-хъ, она руководится при этомъ не общими соображеніями разума, а новыми гуманными идеями XVIII вѣка и, преслѣдуя пороки, ста-

(1) Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ А. Аѳанасьева, стр. 26—31; 37; 45—46.

рается провести эти идеи во всѣ сферы жизни, воспитанія, образованія, законодательства и управленія и во всѣ отношенія между людьми. Корнемъ всѣхъ пороковъ древне-русской жизни было невѣжество, какъ слѣдствіе отсутствія правильнаго воспитанія и образованія. На это невѣжество, упорно державшееся при всѣхъ противъ него правительственныхъ мѣрахъ Петра и Екатерины, прежде всего и нападали журналы. Между всѣми статьями, направленными противъ него, особенно выдаются своею силою „Письма къ уѣздному дворянину Ѳалалею Трифоновичу", отъ его отца, матери и дяди, напечатанныя въ Живописцѣ Новикова. Въ этихъ письмахъ, изображающихъ бытъ деревенскихъ помѣщиковъ и простыхъ людей, живущихъ по старымъ обычаямъ, самыми мрачными красками рисуются грубые пороки, унаслѣдованные еще отъ древняго періода: суевѣріе и ханжество, отвращеніе отъ всякаго ученія, уклоненіе отъ службы и праздная жизнь въ деревнѣ; жадность къ деньгамъ, къ наживѣ и дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями младшихъ членовъ отъ главы семейства и старшихъ членовъ, въ службѣ неправосудіемъ, казнокрадствомъ и взяточничествомъ, въ отношеніи къ сосѣдямъ наглымъ захватомъ сосѣдскихъ земель и угодій; въ отношеніяхъ къ крестьянамъ безчеловѣчною жестокостію (1).

Съ особенною силою сатирическіе журналы нападали на лихоимство и ябеду, на беззаконныхъ судей и подъячихъ. Всякая Всячина напечатала 10 нравоучительныхъ заповѣдей подъячимъ: 1) не бери взятокъ; 2) не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго; 3) не сотвори крючковъ; 4) не обходися грубо съ людьми; 5) не говори челобитчикамъ: завтра; 6) не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей; 7) не давай наставленій въ ябедѣ; 8) не напивайся пьянъ; 9) чеши всякой день голову, ходи чисто; 10) покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ" (2). Въ „Барышкѣ", составлявшемъ прибавленіе ко „Всякой Всячинѣ" была помѣщена исторія „акциденціи", или „барашка въ бумажкѣ". Въ ней авторъ объясняетъ, что значитъ на языкѣ судей и подъячихъ: „приходи завтра".— „Офицеръ сказалъ мнѣ, что подъячіе имѣютъ два „завтра": одно денежное, а другое безденежное; денежное „завтра", содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятель-

(1) Живописецъ 1772 №№ XV, XXIII, XXIV.

(2) Русскіе сатирич. журналы Аѳанасьева, стр. 222—223.

ствамъ и по деньгамъ, а безденежное „завтра“ не ограничено временемъ.—Какъ же мнѣ сдѣлать, чтобы подъячій по моему дѣлу употреблялъ денежное „завтра“?—„Принести ему барашка въ бумажкѣ“.. „Подъячіе со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою, благопристойности ради... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подъячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: „принеси мнѣ барашка въ бумажкѣ“ (¹). Трутень представилъ сатирическое описаніе обѣда, которымъ одинъ купецъ угощалъ въ трактирѣ „Правосудіе“ въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и подъячихъ. Адская Почта нарисовала злую характеристику „таможенной крысы“. Но самою сильною язвою въ Россіи было крѣпостное право, которое также унаслѣдовано было отъ древняго періода, но въ новомъ періодѣ со временъ реформы достигло крайнихъ предѣловъ развитія. Самыя смѣлыя и рѣзкія сатиры на него представили Трутень и Живописецъ Новикова. Въ Трутнѣ были напечатаны двѣ Копіи съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику и Копія съ помѣщичья указа крестьянамъ. Въ предисловіи къ нимъ авторъ говоритъ издателю Трутня: „Я къ вамъ сообщаю отписки одного старосты къ его помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ; вы изъ того усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики надъ крестьянами данную власть употребляютъ во зло, и что такіе господа едва-ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами“. Въ отпискахъ крестьянъ изображаются страшныя жестокости, съ какими староста собираетъ съ нихъ оброкъ для помѣщика, отнимая у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба и заставляя ихъ ходить по міру, а въ „помѣщичьемъ указѣ“ гнѣвъ помѣщика на этого самаго старосту, наказаніе и смѣна его за то, что „за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку“, и выборъ новаго старосты, которому онъ предписываетъ, не смотря ни на какія просьбы и жалобы, собирать оброкъ и недоимку „нещадно“ (²). Еще въ болѣе мрачной картинѣ бѣдственное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ изображается въ статьѣ Живописца, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ путешествія въ *** И. Т., глава XIV“. Описывая села и деревни помѣщиковъ“, путешественникъ говоритъ: „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай

(¹) **Тамъ же стр. 228—231.**

(²) **Трутень изд. Ефремова, стр. 158—162; 180—186.**

хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, не большія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не распрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ"! Изображая затѣмъ деревню „Разворенную", онъ между другими ужасами описываетъ страданія и плачъ дѣтей, которыхъ ушедшіе на барскую работу родители оставили однихъ въ лукошкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ, гдѣ они лежали безъ всякаго призрѣнія и плакали. Смотря на сихъ младенцевъ, говоритъ авторъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! Посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари: сказалъ я, проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ въ младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ" [1]! Напечатавъ „Отрывокъ изъ путешествія", издатель Новиковъ замѣчаетъ: „блюдо это приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе

---

[1] Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 25—30.

сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истинну любящихъ". Сатира этого „Отрывка" нисколько не мягче сатиры на крѣпостное право въ Путешествіи Радищева, но „отрывокъ" былъ напечатанъ въ 1772 г., задолго до начала французской революціи и потому Екатерина въ то время, естественно, не обратила на него вниманія, но она припомнила его, вѣроятно, тогда, когда въ 1792 г. Новиковъ подвергся преслѣдованію, какъ членъ масонскаго общества. Въ противоположность картинѣ „Раззоренной деревни" авторъ обѣщалъ въ послѣдствіи изобразить бытъ жителей „Благополучныя деревни"; но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Изображая подобныя картины бѣдствій народа, страдавшаго отъ лихоимства и ябеды, несправедливости людей, жестокостей крѣпостнаго права, журналы старались пробудить въ русскомъ обществѣ чувство справедливости и человѣколюбія къ народу и вообще къ низшимъ классамъ, которые были въ такомъ униженіи, что на обыкновенномъ языкѣ назывались „подлыми людьми". „Подлыми людьми, говоритъ Живописецъ, по справедливости должны называться тѣ, которые худыя дѣла дѣлаютъ; но у насъ не вѣдаю — по какому предразсужденію — вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи". Трутень убѣждаетъ, что не порода, а добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человѣка подлымъ за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худые поступки равно встрѣчаются и между благорожденными и между простолюдинами (1).

Причиною новыхъ пороковъ было иноземное вліяніе. При этомъ зло заключалось, конечно, не въ самой европейской цивилизаціи, но въ неправильномъ, одностороннемъ ея усвоеніи, въ неумѣньи отличить въ ней хорошее отъ худаго, въ рабскомъ и глупомъ увлеченіи всѣмъ европейскимъ, особенно французскимъ, соединенномъ съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Иноземное вліяніе происходило преимущественно двумя путями: путемъ воспитанія дѣтей чрезъ иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, и путемъ путешествій русскихъ по Европѣ. Воспитаніе дѣтей поручалось французскимъ гувернерамъ и мадамамъ. Но если немногіе богатые и знатные люди могли выписывать изъ за границы хорошихъ и образованныхъ учителей и учительницъ, то большинство, люди простые и необразованные, этого не могли

(1) Сатирич. журналы Аѳанасьева, стр. 251.

дѣлать Подражая модѣ, они принимали въ учители своихъ дѣтей всѣхъ иностранцевъ, безъ всякаго разбора ихъ знаній и нравственныхъ качествъ. „По какому то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ галловъ, сказано въ журналѣ „Вечера“, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся... Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ безбожно“ ([1]). Толпы иностранцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, являлись въ Россію въ качествѣ учителей и учительницъ, съ цѣлью устроить себѣ карьеру. Указывая на это, Трутень Новикова, въ своихъ сатирическихъ Вѣдомостяхъ, публиковалъ: „Кронштадтъ. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо (Бордо) корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что, для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природные французы, упражнявшіяся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она, по ненависти своей къ нимъ, здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе, хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя сограждане, спешите нанимать сихъ чужестранцовъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія“ ([2]). Что дѣйствительно подобныя

([1]) Аѳанасьева сатирич. журналы, стр. 184.

([2]) Трутень Новикова, изд. П. А. Ефремова. Спб. 1865, стр. 100—101.

лица попадали въ учители русскихъ дѣтей, объ этомъ засвидѣтельствовалъ еще указъ 1755 г. объ открытіи московскаго университета, въ которомъ сказано было, что „иные родители, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“. „Въ Россію, говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ (французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II), пріѣзжало множество негодныхъ французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, камеръюнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правительство. Скорѣе можно было винить самихъ русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностію принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ никто не ручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи“. — „Къ одному московскому дворянину, говоритъ Порошинъ, нанялся въ учители чухонецъ, назвавъ себя французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ“. До такого безобразія доводила русскаго человѣка его страсть подражать всему иностранному. Нисколько, поэтому, не удивительно, что журналы осмѣивали ее въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. „Всякая Всячина“ разсказывала напр., что въ одномъ домѣ былъ нанятъ въ учители французъ, изгнанный изъ своего отечества „съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ“ и не знавшій грамотѣ. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между нимъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово „воровалъ“ крайнимъ невѣжествомъ выдумано. Когда этотъ учитель попалъ въ тюрьму, мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, утѣшилась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егерь французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества. Можно-ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, разсчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? Умѣнье одѣваться, любезность, ловкость въ танцахъ—вотъ все, на что обращали вниманіе французскіе гувернеры. Такое воспитаніе съ особенною силою осмѣивалъ „Кошелекъ“. Здѣсь, между прочимъ, было напечатано письмо одного марсельскаго ремесленника къ

сыну: „Ты требовалъ, чтобы я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу". По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марселецъ, на границахъ россійской имперіи, произвелъ себя въ шевалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С.-Петербургъ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету (¹).

Воспитаніе богатыхъ и знатныхъ дѣтей обыкновенно оканчивалось путешествіемъ по Европѣ, гдѣ они наглядно могли познакомиться со всѣми плодами науки, искусства и цивилизаціи. И литература и правительство поощряли путешествія. „Всякая Всячина" настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. И. И. Бецкій, по порученію Екатерины, составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но чему могли научиться и что могли привозить изъ за границы русскіе недоросли, воспитанные такими невѣжественными гувернерами, на какихъ указано выше? Они со страстію предавались праздной и распущенной жизни, усвоивая отъ европейцевъ только одни пороки, проматывали цѣлыя состоянія, вовсе не думали ни о какихъ наукахъ и искусствахъ и возвращались въ Россію совершенно испорченными. На подобныя путешествія Трутень напечаталъ такую злую сатиру: „Молодаго россійскаго поросенка, которой ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города" (²). Такая сатира была вызвана именно дурными послѣдствіями путешествій. „Я примѣтилъ, говоритъ Трутень, что всѣ наши молодые дворяне, путешествующіе въ чужія земли, привозятъ только извѣстіи, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позори-

---

(¹) Аѳанасьева сатирическіе журналы, стр. 185, 188—190.
(²) Трутень, изд. Ефремова, стр. 38.

щамъ того народа: но рѣдкой изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчаніи на нравы того народа, или на узаконеніи, на полезныя учрежденіи и протч. дѣлающее путешествіе толико нужнымъ. Мнѣ ето совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества" (1). „Мы привыкли, говоритъ Живописецъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но, по несчастію нашему, по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напр. когда были въ модѣ у насъ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы, благоразуміемъ учрежденныя, и многіе другіе пороки. Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мущины въ запуски стараются перенимать что-нибудь отъ англичанъ: все англиское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы по несчастію столь пристрастны къ чужестранному, что и самые пороки ихъ нерѣдко почитаемъ добродѣтелію" (2).

Вмѣсто просвѣщенія русскіе путешественники привозили изъ за границы поклоненіе модѣ и всему модному. „Нынѣ, жалуются журналы, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже бранятся по модѣ". „Мы прежде, говоритъ Смѣсь, походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками" (3). Журналы нападаютъ на чрезвычайную роскошь въ костюмахъ, доходившую до того, что бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета; на странные головные уборы—завиваніе волосъ, пудру и парики; на румяны, бѣлила и мушки. Особенно рѣзкій типъ современнаго петиметра, щеголя и вертопраха нарисовалъ Живописецъ. Онъ же напечаталъ и „Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія", изъ котораго видно, до какого искаженія доводила мода и самый языкъ русскій, который въ разговорѣ современныхъ петиметровъ являлся безобразною смѣсью иностранныхъ и русскихъ словъ и оборотовъ (4). Вотъ напр. образ-

(1) Тамъ же стр. 272.
(2) Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 81—82.
(3) Сатирич. журналы Аѳанасьева, стр. 211.
(4) Смотр. Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 59.

чикъ моднаго нарѣчія: „Mon coeur, Живописецъ! пишетъ щеголиха. Ты, радость, безпримѣрный авторъ! По чести говорю, ужесть, какъ ты славенъ. Читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи" (¹).

Рабское подражаніе иностранцамъ соединялось съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Поэтому журналы, осмѣивая подражательность, старались возбудить въ русскомъ обществѣ чувство патріотизма, указывали на необходимость изучать свою страну и ея свойства и потребности, свою отечественную исторію, свою народную поэзію и свой языкъ. Журналъ Чулкова „И то и сіо" имѣлъ чисто народное направленіе; всѣ номера его наполнены народными пословицами и поговорками; въ своихъ статьяхъ онъ описывалъ народные праздники и обряды, печаталъ народныя сказки и пѣсни. Издавая „Кошелекъ", Новиковъ объявилъ, что онъ посвящаетъ его отечеству, что онъ своею цѣлію при его изданіи поставляетъ защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей, „кои обольщены будучи нѣкоторыми, снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, къ стыду цѣлой Россіи, и гнушаются соотечественниками, и думаютъ, что россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, никакому народу не свойственный характеръ". Указывая на искаженіе русскаго языка иностранными словами и оборотами, Новиковъ призывалъ все русское общество заботиться объ исправленіи русскаго языка. „Неоспоримая есть истина, говоритъ онъ, что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти" (²). Въ Покоющемся Трудолюбцѣ также Новиковъ старался внушить, что „нелѣпо посылать за границу молодыхъ людей, только что вышедшихъ изъ училища... Надо прежде узнать свое отечество. Россіянинъ долженъ вник-

(¹) Аѳанасьева сатирич. журн. стр. 204—205.
(²) Тамъ же стр. 202—203.

нуть въ древній вкусъ многихъ старинныхъ кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станетъ луврскую колоннаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа, нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на тюильерійскія статуи. Не должно спрашивать у иностранцевъ о ихъ достопамятностяхъ, если не можемъ разсказать имъ о своей землѣ".

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Ученая дѣятельность въ Екатерининскую эпоху, какъ и прежде, сосредоточивалась въ академіи наукъ, московскомъ университетѣ и россійской академіи, которая была открыта въ 1783 г. Въ академіи наукъ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху уже гораздо болѣе дѣятелей изъ русскихъ ученыхъ—однихъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ академіи по разнымъ наукамъ, каковы были Румовскій по астрономіи, физикѣ и математикѣ, Лепехинъ, Озерецковскій, Никита Соколовъ и Зуевъ по естественной исторіи, Протасовъ по астрономіи, Иноходцевъ и Кононовъ по физикѣ и математикѣ, Севергинъ по минералогіи; другихъ при разныхъ занятіяхъ въ академіи, каковы были Барсовъ и Свѣтовъ, преподававшіе исторію въ академической гимназіи. Большая часть этихъ ученыхъ получили образованіе сначала въ академическомъ университетѣ, а потомъ въ заграничныхъ университетахъ; нѣкоторые изъ нихъ учились не въ одномъ, а въ двухъ, даже трехъ университетахъ. Такъ Никита Соколовъ и Зуевъ учились въ лейденскомъ и страсбургскомъ; Озерецковскій и Протасовъ учились въ лейденскомъ, а диссертацію на степень доктора медицины защищали въ страсбургскомъ университетѣ; Зыбелинъ учился въ лейденскомъ, кенигсбергскомъ и берлинскомъ университетахъ. Въ московскомъ университетѣ въ эту эпоху также было больше профессоровъ изъ русскихъ, чѣмъ прежде. Кромѣ упомянутыхъ выше Аничкова, Брянцева и Барсова, профессорами въ немъ были его собственные воспитанники Аѳонинъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Нѣкоторые изъ нихъ славились какъ знаменитые ученые и преподаватели, какъ напр. Десницкій, получившій образованіе въ глазговскомъ университетѣ и тамъ же возведенный сначала въ магистры и потомъ въ докторы гражданскихъ и церковныхъ правъ. Онъ перевелъ на русскій языкъ знаменитую въ то время книгу Блакстона „Истолкованія англійскихъ законовъ" и въ 1767 г. первый началъ преподавать юридическія науки на русскомъ языкѣ. Стараясь о

распространеніи высшаго образованія чрезъ умноженіе способныхъ слушателей, московскій университетъ въ 1771 г. издалъ „Способъ ученія“ для того, чтобы согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ воспитанниковъ къ университету. Но одного московскаго университета, конечно, было мало для распространенія высшаго образованія въ Россіи. Поэтому въ царствованіе Екатерины мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ къ заведенію университетовъ. Въ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, вмѣстѣ съ проектомъ нисшихъ и среднихъ школъ, подвергалось обсужденію и устройство университетовъ и приступлено было къ составленію университетскаго устава; но такъ какъ это случилось предъ самымъ закрытіемъ коммиссіи, то проектъ не былъ оконченъ.—Въ 1775 г. Дидро, по просьбѣ Екатерины, составилъ для Россіи планъ университета. По этому плану университетъ заключалъ въ себѣ начальную школу, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ или переходный къ университету курсъ, и собственно университетъ. Въ планѣ интересенъ не столько самый университетъ, похожій на всѣ европейскіе университеты, сколько постановка средняго, подготовительнаго къ университету заведенія, соотвѣтствующаго гимназіи. Согласно съ характеромъ времени, для этого заведенія назначалось направленіе реальное, математическое. Первые пять лѣтъ ученія посвящались исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсъ этихъ классовъ. Развитіе воспитанниковъ направлялось ко внѣшнимъ формамъ и вещественной сторонѣ предметовъ; воображеніе, вкусъ, чувство изящнаго, воля, однимъ словомъ всѣ нравственныя качества человѣка, составляющія его нравственную природу, какъ бы не признавались, и не получали ни пищи, ни удовлетворенія. Словесныя науки допускались только съ 6-го класса и только въ формѣ логики, критики и общей грамматики; русскій и славянскій языки, не смотря на то, что планъ назначенъ былъ для образованія русскихъ людей, были отложены только на 7-й годъ, а греческій и латинскій языки—на 8-й послѣдній годъ ученія. Въ дополнительномъ или второмъ курсѣ предположено было въ первый годъ преподавать главныя основанія метафизики и религіи. Самъ Дидро, впрочемъ, былъ противъ того, чтобы изученіе религіи допускать въ систему образованія; онъ допускаетъ его въ проектѣ только по снисхожденію къ императрицѣ, уступая ся взглядамъ и желаніямъ. „Ваше Величество, писалъ онъ, не раздѣляете взгляда Бейля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ... Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ бо-

лѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей... Вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами... Итакъ остается только сообразоваться съ вашимъ взглядомъ, при обученіи вашихъ подданныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ Іисусѣ Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку о нравственности". При преподаваніи исторіи во второмъ классѣ, или во второй годъ подготовительнаго курса, Дидро совѣтуетъ начинать съ ближайшаго къ намъ времени, потомъ переходить постепенно „къ вѣкамъ побасенокъ и миѳологіи" ([1]). Екатерина, разумѣется, не могла согласиться на такой односторонній и странный проектъ. Въ 80-хъ годахъ, какъ мы уже указали выше, предположено было открыть три университета: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; однимъ изъ членовъ коммиссіи народныхъ училищъ, О. П. Козодавлевымъ, составленъ былъ даже проектъ университета и устава въ 1787 г. ([2]). Проектъ не былъ утвержденъ и университеты не были открыты; но нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ началъ и цѣлей, которыя были положены въ основу университетскаго устава, и которыя имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ идеи Дидро. Университеты положено было устроить по образцу иностранныхъ университетовъ, но заимствовать изъ нихъ только то, что примѣнимо къ потребностямъ Россіи, согласно съ условіями ея государственной и общественной жизни. „Польза россійскаго государства, сказано было въ проектѣ, несомнѣнно требуетъ, чтобы науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чужаго и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но если они науки преподавать будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то про-

---

([1]) Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. графа Д. А. Толстаго. Спб. 1883 г. Особый оттискъ изъ XLVII тома Записокъ импер. академіи наукъ, стр. 73—74; 76—84.

([2]) Проектъ этотъ напечатанъ въ Исторіи россійской академіи Сухомлинова, том. VI, гдѣ помѣщена обширная біографія Козодавлева.

свѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ". Какъ академическій университетъ, при академіи наукъ, по мысли Петра В. долженъ былъ служить разсадникомъ русскихъ ученыхъ, и вызовъ иностранцевъ былъ только временною мѣрою, и притомъ иностранные ученые обязывались приготовить русскихъ студентовъ и учителей, такъ и въ новомъ проектѣ университетскаго устава допускались въ университеты на первыхъ порахъ иноземные профессора, но съ неизбѣжнымъ условіемъ приготовлять русскихъ ученыхъ. И впослѣдствіи могли быть профессорами иноземцы; но лекціи свои они должны были читать на русскомъ языкѣ. Главною цѣлью университетовъ полагалось образованіе человѣка и гражданина. Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ для всѣхъ сословій. Такъ называемые „несвободные люди" становятся свободными предъ лицемъ науки. Науки называются свободными не потому, что предназначаются только для свободныхъ людей, а потому, что свѣтъ знанія долженъ свободно изливаться на всѣхъ желающихъ и каждому должна быть предоставлена полная свобода пользоваться его благотворными лучами... ([1]).

Основаніе россійской академіи. Но самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи русскаго образованія и русской науки во второй половинѣ XVIII в. было, конечно, основаніе россійской академіи. „Россійская академія Екатерининскаго періода, говоритъ ея историкъ М. И. Сухомлиновъ, призвала къ участію въ трудахъ своихъ лучшія научныя силы тогдашней Россіи; мы смотримъ на исторію россійской академіи, какъ на обширную главу изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX в..... Вчитываясь и вдумываясь въ то, что высказано русскими учеными XVIII в., все болѣе и болѣе убѣждаешься, что ихъ дѣятельность не прошла безслѣдно" ([2]). Учреж-

---

([1]) Истор. росс. академіи VI, 44—57.

([2]) Исторія россійской академіи. Вып. I. 9—10. — Исторія россійской академіи М. И. Сухомлинова. Спб. Вып. I, 1874 г.; Вып. II, 1875; Вып. III, 1876; Вып. IV, 1878; Вып. V, 1880; Вып. VI, 1882; Вып. VII 1885; Вып. VIII 1887; во множествѣ изслѣдованій, очерковъ, біографій, характеристикъ эпохъ, лицъ и событій, во множествѣ обширныхъ выписокъ изъ рѣдкихъ старыхъ книгъ и цѣлыхъ документовъ, взятыхъ прямо изъ малодоступныхъ еще архивовъ, представляетъ богатѣйшій матеріалъ и источникъ вообще для исторіи образованія, науки и литературы XVIII и начала XIX столѣтій. Помѣщенный здѣсь краткій обзоръ ученой литературы составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи этого источника.

деніе россійской академіи тѣсно связано съ дѣятельностію ея основательницы, княгини Дашковой, которая въ тоже время была директоромъ академіи наукъ.

Княгиня Е. Р. Дашкова. Послѣ императрицы Екатерины, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) была самой образованной и замѣчательной женщиной въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. ([1]). Въ Дашковой такъ же, какъ въ императрицѣ Екатеринѣ, современники находили не женскую силу воли и характера, прославляли ея умъ и обширное образованіе, любовь къ наукамъ и литературѣ, поэты и ученые посвящали ей свои сочиненія, писали въ честь ея стихи. Княжнинъ, посвящая ей свою трагедію „Росславъ“, въ своемъ посвященіи написалъ:

«....Та, которая бесѣдуетъ съ Невтономъ,
Возвышена достоинствомъ своимъ
Быть средствомъ межъ наукъ и трономъ
И быть красою имъ,
Умѣетъ и сама прельщать насъ лирнымъ тономъ».

Нынѣшняя критика, разбирая дѣятельность Дашковой, на основаніи новыхъ данныхъ, находитъ въ ней много тщеславія, суетности и другихъ недостатковъ ([2]); но и при этихъ недостаткахъ, она также не можетъ не признать ее, среди множества замѣчательныхъ лицъ въ Екатерининскую эпоху, выдающейся личностію. Дашкова первая изъ русскихъ женщинъ является въ ряду общественныхъ дѣятелей, и ея дѣятельность была весьма благотворна для русскаго образованія, науки и литературы.

Съ малыхъ лѣтъ въ Дашковой начали обнаруживаться двѣ главныя ея страсти—къ политикѣ и литературѣ. Дочь генералъ-аншефа, графа Р. И. Воронцова, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, государственнаго канцлера М. И. Воронцова. Здѣсь она имѣла возможность постоянно видѣть разныхъ государствен-

---

([1]) Екатерина Романовна Дашкова, Д. И. Иловайскаго. Отеч. Зап. 1859, том. CXXVI—CXXVII. Литературные труды Е. Р. Дашковой. Аѳанасьева Отеч Зап. 1860; том. CXXIX. Директоръ академіи наукъ, Е. Р. Дашкова. Чтен. общ. истор. и древн. 1867, 1. Исторія росс. академіи М. И. Сухомлинова. Вып. I, 20—58.

([2]) Смотр. Архивъ князя Воронцова. Книга XXI. Бумаги княгини Е. Р. Дашковой, урожденной графини Воронцовой. 1881. — Письма княгини Е. Р. Дашковой къ князю Г. А. Потемкину. Древняя и новая Россія 1879, № 7.

ныхъ людей, иностранныхъ пословъ, слышать разговоры о политикѣ и пріобрѣсть къ ней вкусъ. При связяхъ дяди съ дворомъ и придворными лицами, она познакомилась и подружилась съ импер. Екатериной еще въ то время, когда она была великой княгиней, и потомъ содѣйствовала ей при вступленіи на престолъ. Бывшій въ то время англійскій посолъ лордъ Макартней такъ характеризуетъ Дашкову: Будучи 22 лѣтъ отъ роду, она уже участвовала въ полдюжинѣ заговоровъ. Эта женщина обладаетъ рѣдкой силой ума, смѣлостью, превосходящею храбрость любаго мущины, и энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя для удовлетворенія преобладающей страсти". Занявъ послѣ переворота видное мѣсто при дворѣ, Дашкова, однакоже, при своемъ горячемъ и независимомъ характерѣ, не могла долго здѣсь оставаться, а должна была удалиться. Удалившись отъ двора, она предалась другой своей страсти — литературѣ. Чтеніе литературныхъ сочиненій было съ малыхъ лѣтъ постояннымъ ея занятіемъ; любимыми писателями ея были Бэйль, Вольтеръ, Монтескье. Удалившись отъ двора, она ѣздила нѣсколько разъ за границу и проводила тамъ цѣлые годы въ кругу ученыхъ и писателей разныхъ странъ, нѣсколько разъ была у Дидро во Франціи, у Вольтера въ Швейцаріи. Особенно долго она жила въ Англіи и Шотландіи, когда сынъ ея учился въ Эдинбургскомъ университетѣ; здѣсь она познакомилась съ Робертсономъ и Адамомъ Смитомъ. Но, воспитавшись на сочиненіяхъ французскихъ и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и увлекаясь ими въ молодости, она впослѣдствіи, подобно Екатеринѣ, разочаровалась въ нихъ, и въ своей литературной дѣятельности стала на сторонѣ тѣхъ русскихъ писателей, которые, подобно Новикову, Щербатову, Болтину и др., стремились къ распространенію воспитанія и образованія въ Россіи на національныхъ началахъ, и вообще громко заявляла сочувствіе къ древне-русской жизни и исторіи. „Недовольство настоящимъ, говоритъ Сухомлиновъ, естественно, ведетъ къ сочувствію къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ... И у Дашковой сочувствіе къ доброму старому времени находилось въ живой связи съ сознаніемъ недостатковъ настоящаго и съ разумнымъ стремленіемъ къ лучшему... Не представляя прошлаго исключительно въ розовомъ свѣтѣ, Дашкова отдаетъ преимущество старинному быту въ томъ отношеніи, что главнымъ врагомъ добра и истины было тогда одно невѣжество, а теперь — нравственная испорченность: „а неуча, говорила она, научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить". Степень умственнаго и нравственнаго развитія общества особенно ясно опредѣляется господствующими понятіями о воспитаніи. Въ этомъ отношеніи, въ исторіи нашего

общественнаго развитія, Дашкова указываетъ четыре періода... „Прадѣды наши, замѣчаетъ она, называли воспитаніемъ то, когда научатъ дѣтей своихъ псалтыри и считать по счетамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они научали ихъ повиноваться закону и свято хранить данное слово или обѣщаніе. Нельзя, однакоже, назвать этого воспитаніемъ, потому что они не имѣли понятія о естественномъ правѣ и въ невѣдѣніи своемъ могли быть суровыми отцами и мужьями и жестокими въ отношеніи рабовъ. Дѣды наши понимали воспитаніе нѣсколько иначе. Жалкое состояніе правосудія заставило ихъ учить дѣтей своихъ Уложенію, за которымъ слѣдовало чтеніе воинскаго артикула и сказки о Бовѣ королевичѣ; иные не брезгали и ариѳметикой. Само собою разумѣется, что все это не заслуживаетъ названія воспитанія; но хорошая, хотя и отрицательная, сторона тогдашнихъ нравовъ заключалась въ томъ, что русскіе еще не стыдились быть русскими. Отцы наши старались насъ воспитывать именно такимъ образомъ, чтобы мы перестали быть русскими. Орудіемъ къ этому служили французы и француженки, учителя, бывшіе лакеями, и мадамы сомнительной нравственности... Такое воспитаніе не только безполезно, но положительно вредно, подрывая любовь къ отечеству и нравственныя основы семейной и общественной жизни. Воспитаніе, которое мы даемъ своимъ дѣтямъ, еще болѣе удаляется отъ истиннаго смысла слова „воспитаніе". Къ учителямъ-французамъ прибавилось еще новое зло—путешествіе за границей безъ всякой разумной цѣли. Предаваясь праздности, роскоши и разнымъ порокамъ въ Парижѣ или Страсбургѣ, путешественники возвращаются на родину съ истощеннымъ тѣломъ и кошелькомъ... Воспитаніе раньше начинается и позднѣе оканчивается, нежели обыкновенно думаютъ. Оно состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное совершенное воспитаніе заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одно цѣлое, начала: воспитаніе физическое, нравственное и наконецъ школьное, или классическое" (1). Проникнутая чувствомъ недовольства современнымъ воспитаніемъ и современною распущенностію нравовъ, Дашкова въ своихъ воззрѣніяхъ вдавалась и въ крайности, доводившія ее до несправедливыхъ сужденій и вообще о новомъ періодѣ русской исторіи и до рѣзкихъ отзывовъ о самомъ Петрѣ В. и его реформахъ. Разумѣемъ извѣстный ея разговоръ съ кня-

(1) Ист. Росс. Академіи I, 24—26.

земъ Кауницемъ, въ которомъ она упрекаетъ Петра В. за тѣ мѣры, какія онъ употребилъ при введеніи реформъ въ Россіи. Въ важнѣйшемъ современномъ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Дашкова стояла на сторонѣ тѣхъ писателей, которые, хотя сочувствовали освобожденію, но находили его преждевременнымъ, утверждая, что крестьянъ нужно прежде приготовить къ свободѣ образованіемъ. „Просвѣщеніе, говорила она въ бесѣдахъ съ Дидро по этому случаю, производитъ свободу; напротивъ свобода безъ просвѣщенія можетъ породить только анархію и замѣшательство. Когда нисшій классъ моихъ согражданъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы, ибо съумѣетъ пользоваться ею безъ ущерба для своихъ собратій, безъ разрушенія порядка и повиновенія, необходимыхъ при всякомъ управленіи“.

Литературная дѣятельность Дашковой выразилась въ разныхъ, переводныхъ и оригинальныхъ, сочиненіяхъ, которыя она помѣщала въ разныхъ современныхъ журналахъ. Первымъ ея литературнымъ опытомъ былъ переводъ сочиненія Вольтера: „Опытъ объ эпической поэзіи“. Затѣмъ она писала въ стихахъ и прозѣ разныя статьи и разсужденія, комедіи и мелкія стихотворенія. Изъ комедій ея замѣчательна комедія „Тоисіоковъ“, написанная по желанію Екатерины для эрмитажнаго театра. Названіе комедія получила отъ фамиліи главнаго дѣйствующаго въ ней лица, Тоисіокова. Тоисіоковъ — такой безхарактерный человѣкъ, который „и то и сё“ желаетъ, „и то и сё“ приказываетъ. У него нѣтъ ни своего образа мыслей, ни воли, ни характера; это не человѣкъ, а никуда негодная тряпка. Въ противоположность Тоисіокову въ комедіи выведена „Рѣшимова“, самая фамилія которой указываетъ на совершенно противоположныя въ ней свойства. Рѣшимову всего болѣе возмущаетъ въ человѣкѣ отсутствіе характера. „По моему, говоритъ она, какой нибудь да нравъ лучше, нежели не имѣть никакого; какъ бы крутъ ни былъ, захочешъ, такъ подладишъ, а вертушка жестяная да деревянная хороша, а не съ руками и ногами“. Изстари Рѣшимова слыла женщиной съ характеромъ: баба съ головой, говорили про нее всѣ знавшіе ее; и сама она сознавала, что имѣетъ волю и умѣетъ ею пользоваться. Думаютъ, что черты Тоисіокова сняты съ Нарышкина, отличавшагося безхарактерностію, а въ Рѣшимовой отразились черты собственной личности автора, черты ума и характера самой Дашковой.

Въ 1783 г. Екатерина назначила Дашкову директоромъ академіи наукъ. Въ этой должности она находилась 11 лѣтъ и принесла академіи большую пользу. Она оживила академію, направивъ дѣятельность ея членовъ непосредственно на пользу

Россіи и русскаго просвѣщенія. При отсутствіи высшихъ учебныхъ заведеній, Дашкова находила весьма полезнымъ открыть при академіи высшіе публичные курсы на русскомъ языкѣ, и пригласила русскихъ академиковъ и адъюнктовъ избрать предметы для публичныхъ лекцій; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ такія лекціи и читались по нѣсколькимъ предметамъ — физикѣ, математикѣ и естественнымъ наукамъ. Для изученія Россіи Дашкова заботилась о снаряженіи въ разные края ученыхъ экспедицій. Изъ академическихъ учрежденій она особенное вниманіе обращала на академическую гимназію, въ которой, по мысли Петра В., должны были приготовляться воспитанники для академическаго университета и будущіе русскіе члены академіи и вообще ученые изъ русскихъ. Изъ воспитанниковъ этой гимназіи и университета Дашкова избрала нѣсколько даровитыхъ людей и отправила въ геттингенскій университетъ для окончательнаго образованія. Съ цѣлью доставить русскому обществу возможность читать на родномъ языкѣ произведенія иностранныхъ литературъ, она учредила при академіи, какъ уже указано выше, такъ называемый „Переводческій Департаментъ". Наконецъ, кромѣ прежде существовавшихъ повременныхъ изданій, она открыла при академіи новый русскій литературный журналъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова". Этотъ журналъ издавался Козодавлевымъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самой Дашковой; въ немъ помѣщали свои сочиненія сама Екатерина, Фонъ-Визинъ, Державинъ и всѣ лучшіе писатели того времени. Для того, чтобы соединить въ одинъ сборникъ всѣ, какъ печатныя такъ и рукописныя, театральныя сочиненія, она предложила академіи издавать „Россійскій Ѳеатръ или полное собраніе всѣхъ ѳеатральныхъ россійскихъ сочиненій". Собесѣдникъ, въ которомъ помѣщались литературныя сочиненія, подалъ Дашковой поводъ предложить импер. Екатеринѣ учредить, для усовершенствованія русскаго языка и словесности, отдѣльную „Россійскую Академію", которая и была открыта въ 1783 г. Цѣлью академіи, какъ сказано въ ея уставѣ, было назначено — очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ, свойственное русскому языку, витійство и стихотворство. Для достиженія этой цѣли положено было составить русскую грамматику, русскій словарь, реторику и правила стихотворства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, академики должны были, какъ Дашкова заявила въ рѣчи своей при открытіи академіи, заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Президентомъ россійской академіи была назначена сама Дашкова. Въ члены академіи были избраны

всѣ лучшіе русскіе писатели того времени, извѣстнѣйшіе ученые и преимущественно члены петербургской академіи наукъ, представители высшаго образованнаго общества, такъ или иначе заявившіе свое сочувствіе къ наукѣ и литературѣ, и наконецъ нѣкоторыя лица изъ высшаго образованнаго духовенства. Кромѣ настоящихъ членовъ, Дашкова положила выбрать еще 8 „приобщниковъ академіи" изъ даровитыхъ молодыхъ людей, уже оказавшихъ успѣхи въ отечественномъ языкѣ. Эти приобщники, не имѣя правъ настоящихъ членовъ, участвовали въ собраніяхъ и трудахъ академіи: изъ нихъ должны были потомъ избираться новые члены, на мѣсто убывавшихъ членовъ.—Въ 1795 г. Дашкова навлекла на себя неудовольствіе Екатерины тѣмъ, что при академіи была напечатана трагедія Княжнина „Вадимъ", и должна была оставить должность при академіи. По смерти Екатерины, при импер. Павлѣ она принуждена была удалиться въ свою деревню. Живя въ деревнѣ, въ уединеніи, а потомъ въ Москвѣ, она написала „Записки о своей жизни", для своей компаньонки, англичанки миссъ Вильмотъ, съ которою она подружилась, во время своего пребыванія въ Эдинбургѣ (1).

Ученая дѣятельность членовъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи. Для распространенія образованія и наукъ въ Россіи русскіе академики и другіе ученые переводили съ иностранныхъ языковъ разныя ученыя книги, составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя и общедоступныя статьи въ повременныхъ изданіяхъ. „Членамъ академіи наукъ и россійской академіи, говоритъ Сухомлиновъ, принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ, наука впервые заговорила у насъ на родномъ языкѣ—событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе роднаго языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ" (2).—Что касается вообще характера, содержанія и направленія ученыхъ

(1) Эти записки на англійскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ 1840, на русскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ Лондонѣ въ 1859 г. Новый переводъ записокъ Дашковой въ Русской Старинѣ 1874 г. Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова. Подлинныя записки княгини Дашковой. М. Шугурова. Русск. Архивъ 1880; кн. 3.

(2) Истор. Росс. Академ. Вып. IV, 4—5.

сочиненій, то мы уже выше замѣтили, что русскимъ ученымъ XVIII в., начиная съ Ломоносова, нужно было останавливаться на самыхъ общихъ и чисто элементарныхъ вопросахъ о значеніи науки и ея практическомъ примѣненіи къ жизни. Важное значеніе той или другой науки, напр. изъ области естествознанія, доказывалось во 1-хъ тѣмъ, что изученіе этой науки приноситъ несомнѣнную пользу въ матеріальномъ отношеніи; во 2-хъ тѣмъ, что она возвышаетъ духъ, приводя къ единству стремленія разума и религіи, посредствомъ познаніи Творца въ его твореніяхъ.—Отдѣльныхъ ученыхъ книгъ и большихъ сочиненій въ XVIII в. мы встрѣчаемъ не много. Ученая дѣятельность членовъ академій, профессоровъ университета и другихъ учрежденій выражалась, какъ уже прежде замѣчено, преимущественно въ рѣчахъ, которыя они произносили въ торжественныхъ собраніяхъ по разнымъ случаямъ. „Рѣчи эти, говоритъ Сухомлиновъ, представляли несомнѣнный интересъ для современнаго общества, отличаясь дѣльностію содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами". Такими рѣчами, между прочимъ, славились юристъ Десницкій и докторъ медицины Зыбелинъ.

Ученыя рѣчи, ученыя статьи и разныя изслѣдованія рѣдко выходили отдѣльными изданіями, а большею частію печатались въ разныхъ ученыхъ журналахъ, которые издавались при ученыхъ учрежденіяхъ и были органами этихъ учрежденій. При академіи наукъ во 2-й половинѣ XVIII в. издавались: Nova Acta Academiae scientiarum petropolitanae; Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія объ ученыхъ дѣлахъ въ 1763—1764 г.; Собраніе разныхъ сочиненій и новостей въ 1775 — 1776 г., ежемѣсячное изданіе, содержащее въ себѣ новыя на россійскомъ языкѣ сочиненія и переводы, новые успѣхи въ наукахъ и художествахъ; Академическія Извѣстія, содержащія въ себѣ исторію наукъ и новѣйшія открытія оныхъ въ 1779—1781 г. — продолженіе предыдущаго изданія; завѣдывали имъ члены академіи Румовскій, Крафтъ, Озерецковскій; Новыя ежемѣсячныя сочиненія въ 1786 — 1796 г. При московскомъ университетѣ въ 1774—1783 г. издавался журналъ „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія", учрежденнаго въ 1771 г. „для исправленія и обогащенія россійскаго языка; изданіемъ журнала руководилъ кураторъ университета, Мелиссино. Изъ другихъ указанныхъ выше литературныхъ журналовъ ученыя изслѣдованія и статьи помѣщались: въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ Брайко, издав. въ 1778—1781 г.; въ Чтеніи для вкуса, разума и чувствованія, Сохацкаго въ 1791 — 1793; въ Пріятномъ и полез-

номъ препровожденіи времени Сохацкаго и Подшивалова въ 1794—1798; въ Петербургскомъ журналѣ Пнина и А. Бестужева.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о характерѣ ученой литературы во 2-й половинѣ XVIII в., укажемъ на нѣкоторыя, болѣе выдающіяся, явленія въ области русской исторіи, языкознанія и словесности.

Ученыя путешествія и описанія Россіи. Важнѣйшими трудами ученыхъ членовъ академіи наукъ были ученыя экспедиціи, или путешествія по Россіи, начавшіяся еще въ прежнее царствованіе. Путешествія эти предпринимались преимущественно для изслѣдованія и описанія Россіи по предметамъ, входящимъ въ кругъ наукъ естественныхъ, но этимъ не ограничивались задачи путешественниковъ. Они обязаны были производить подробныя и обстоятельныя изслѣдованія обозрѣваемыхъ странъ и мѣстностей во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно собирать все, касающееся нравовъ, обычаевъ, древностей, языковъ, преданій, все, что знакомитъ съ внѣшнимъ бытомъ и внутреннимъ характеромъ и воззрѣніями народа. Въ Екатерининскую эпоху были снаряжены четыре ученыхъ экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Астраханскія экспедиціи происходили подъ начальствомъ академиковъ Самуила Гмелина и Гильденштедта; оренбургскія — подъ начальствомъ Палласа и состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова и Озерецковскаго; астраханскія экспедиціи были назначены для обозрѣнія южной части Россіи, кавказскихъ и грузинскихъ странъ до персидскихъ областей; оренбургскія — для изслѣдованія сѣверной, восточной и западной частей Россіи. Составленныя членами этихъ экспедицій записки наполнены самыми разнообразными и интересными свѣдѣніями и до сихъ поръ еще служатъ необходимыми пособіями для ученыхъ изслѣдователей о разныхъ мѣстностяхъ ([1]).

Историческія сочиненія. Особенное вниманіе въ эпоху Екатерины было обращено на разработку русской исторіи. Во главѣ дѣятелей въ этой области стояла сама Екатерина, кото-

---

([1]) Записки Лепехина были изданы Озерецковскимъ въ 4-хъ частяхъ въ 1771—1785 г.; записки Палласа напечатаны въ 1773—1788 г.; записки Георги, Гмелина и Гильденштедта послѣ ихъ смерти были изданы также Палласомъ.

рая и сама занималась русской исторіей и побуждала къ этому другихъ. Въ 1767 г. она поручила Миллеру завѣдываніе и описаніе архива иностранной коллегіи, и приказала выдать ему 6000 руб. на покупку дома въ Москвѣ; ему же даны были средства на печатаніе лѣтописей, сочиненій Татищева и другихъ историческихъ сочиненій. Екатерина вообще поощряла описаніе и изданіе историческихъ памятниковъ. Подъ ея покровительствомъ явились Россійская Вивліоѳика Новикова, изданіе памятниковъ древней письменности графа Мусина Пушкина, историческія сочиненія Елагина, Эмина, Голикова, Щербатова и Болтина. Характеризуя историческія сочиненія первой половины XVIII вѣка, мы указали, что господствующими элементами въ этихъ сочиненіяхъ были дидактическій и ораторскій, выражавшіеся во множествѣ украшенныхъ описаній и витіеватыхъ рѣчей отъ имени разныхъ историческихъ лицъ. На исторію тогда смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ, для прославленія предковъ и назиданія потомковъ. Во второй половинѣ XVIII в. это направленіе должно было еще усилиться вслѣдствіе патріотическихъ стремленій, вызванныхъ съ одной стороны вредными крайностями неразумнаго подражанія всему иностранному, а съ другой—нападками иностранныхъ писателей на русскую жизнь и русскую исторію. Для защиты отъ нареканій иностранцевъ и для укрѣпленія патріотическихъ стремленій нужно было изучить русскую исторію и указать на хорошія стороны древней русской жизни и народнаго характера. Къ прежнимъ элементамъ въ исторіи присоединился еще элементъ полемическій. Въ Екатерининскую эпоху въ такомъ направленіи писали исторію сама Екатерина, Елагинъ, Эминъ, Щербатовъ и Болтинъ.

Историческія сочиненія импер. Екатерины, Елагина и Эмина. Въ 1761 г. членъ парижской академіи аббатъ Шаппъ былъ въ Сибири, для наблюденія прохожденія венеры предъ солнцемъ. Возвратившись во Францію. онъ издалъ записки о своемъ путешествіи, въ которыхъ самымъ невѣрнымъ и пристрастнымъ образомъ описалъ нравы, обычаи и образъ правленія въ Россіи. Екатерина написала опроверженіе на эти записки, подъ заглавіемъ: Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie. Опровергая разныя клеветы Шаппа, она защищаетъ Россію и доказываетъ, что Россія не хуже другихъ странъ. Таже самая мысль проводится и въ ея „Запискахъ касательно россійской исторіи". Эти записки составлены Екатериной изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей

и доведены до 1276 г. ([1]). Сводъ этотъ былъ сдѣланъ для Екатерины разными лицами и между прочимъ профессорами московскаго университета, Барсовымъ и Чеботаревымъ. Въ Антидотѣ Екатерина защищаетъ современное состояніе Россіи; въ Запискахъ она защищаетъ ея прошедшую исторію. Она также и здѣсь старается показать, что русская исторія не хуже исторіи другихъ народовъ. „Если сравнить, говоритъ она, какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными событіями въ Европѣ, то безпристрастный писатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинаковыя имѣетъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинаковые способы". Для большаго удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя, приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Весьма искусно Екатерина обходитъ многія неправедныя дѣянія князей, или старается придать имъ видъ законности, нѣкоторыя темныя явленія древней русской жизни представляетъ въ болѣе свѣтломъ видѣ. Когда Стриттеръ сдѣлалъ на Записки Екатерины нѣкоторыя замѣчанія, то она написала на нихъ свои замѣчанія: „я нашла, говоритъ она, во многомъ здравую критику „Записокъ касательно Россійской исторіи"; но что написано, то написано; по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ нихъ не унижены". Эти слова показываютъ, какое значеніе Екатерина придавала своей исторіи. Въ такомъ же направленіи написаны историческія сочиненія Елагина, Эмина и Голикова. И. П. Елагинъ (1721—1796) написалъ „Опытъ повѣствованія о Россіи" (1789). Въ немъ онъ сначала имѣлъ намѣреніе только докончить исторію Татищева и потому началъ писать съ 1462 г., съ кончины князя Василія Васильевича III, на которой Татищевъ остановился; написавъ три царствованія, онъ нашелъ лучше вновь написать всю исторію до половины царствованія Елисаветы, но успѣлъ написать только до 1389 г., до кончины Донскаго ([2]).—Ѳ. А. Эминъ написалъ исторію россійскую, содержащую только первый періодъ, простирающійся до Всеволода III или до 1213 г. (Спб. 1767—1769). И. И. Голиковъ (1735—1801), самоучка изъ кур-

---

([1]) Записки сначала печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», а потомъ были изданы отдѣльно въ 6-ти частяхъ. Спб. 1787—1795.

([2]) Изъ этого сочиненія напечатана только первая часть въ 3-хъ книгахъ, заключающая русскую исторію до кончины князя Владиміра I.

скихъ купцовъ, написалъ „Дѣянія Петра В., мудраго преобразителя Россіи“ XII томовъ или частей и потомъ XVIII частей дополненій къ нимъ. Это не историческое, а ораторское и панегирическое сочиненіе, въ которомъ собрано много посторонняго и не нужнаго для исторіи Петра В. Кромѣ того, Голиковъ издалъ еще „Анекдоты о Петрѣ В. и Жизнь Лефорта и Гордона“. Но Елагинъ, Эминъ и Голиковъ были диллетантами въ исторіи, а не настоящими историками; настоящими историками при Екатеринѣ были Щербатовъ и Болтинъ.

Историческія сочиненія Щербатова. Князь Михаилъ Михаиловичъ Щербатовъ (1733—1790) съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ наклонность къ исторіи и занимался собираніемъ историческихъ матеріаловъ. Когда узнала объ этихъ его занятіяхъ Екатерина, то поручила ему въ 1768 г. разобрать кабинетный архивъ Петра В. и приказала открыть ему доступъ во всѣ государственные архивы и библіотеки для сочиненія россійской исторіи. Первый томъ этой исторіи Щербатовъ напечаталъ въ 1770 г. (1); потомъ онъ издалъ еще пять томовъ, въ которыхъ исторія была доведена до царя Михаила Ѳеодоровича. Щербатовъ былъ умный и добросовѣстный писатель; онъ обладалъ огромною эрудиціей вообще и въ частности былъ знакомъ съ историческою литературою другихъ народовъ. Прежніе русскіе историки заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы, какъ можно, краснорѣчивѣе и назидательнѣе передать историческія событія; Щербатовъ старается открыть причины событій, сравниваетъ событія русской исторіи съ исторіей другихъ народовъ, и, замѣчая ея особенности, стремится объяснить ихъ, хотя и не всегда успѣваетъ въ этомъ. Такъ онъ обращаетъ вниманіе на то, почему въ русскихъ лѣтописяхъ мало сохранилось миѳологическихъ сказаній; почему кіевляне такъ скоро приняли христіанство; почему Іоаннъ Грозный явился съ такимъ жестокимъ характеромъ; на чемъ основывалась высокая роль древняго русскаго духовенства при такъ называемомъ печалованіи? Самою главною обязанностію историка Щербатовъ считалъ—слѣдить въ исторіи за связью причинъ и дѣйствій. Поэтому въ предисловіи къ своей исторіи онъ приводитъ слѣдующія слова англійскаго историка Юма: „Обыкновеннѣйшая связь въ повѣствованіяхъ есть та, которая происходитъ

---

(1) **Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ, сочинена князь Михайломъ Щербатовымъ. Томъ I отъ начала до кончины великаго князя Ярослава Владиміровича. Спб. 1770.**

отъ причинъ и дѣйствій. Съ сею помощію намъ историкъ изображаетъ послѣдствіе дѣяній въ ихъ естественномъ порядкѣ, восходитъ до тайныхъ пружинъ и до причинъ сокровенныхъ и выводитъ наиотдаленнѣйшія слѣдствіи. Взявъ сёбѣ 'въ притчину часть сей великой цѣпи, которая сочиняетъ исторію рода человѣческаго, главное его попеченіе должно состоять—коснуться до каждаго звена оныя. Но часто непреодолимое невѣдѣніе сопротивляется всѣмъ его усиліямъ; также часто догадки наполняютъ пустоту его свѣденій; но онъ чувствуетъ, что его трудъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣйшую цѣпь читателю представляетъ. Наука притчинъ есть приключающая наиболѣе удовольствія разуму: она основана на твердѣйшихъ и на тѣснѣйшихъ изъ всѣхъ сношеній: она же обильнѣйшая есть въ полезныхъ наставленіяхъ, понеже она единая чинитъ насъ властелинами приключеній и даетъ намъ нѣкоторую власть надъ будущими временами" ([1]). При всѣхъ указанныхъ стараніяхъ Щербатова, исторія его, однакоже, не пользовалась большою извѣстностію у современниковъ. Она написана была тяжелымъ слогомъ и неправильнымъ языкомъ и съ этой стороны весьма много проигрывала предъ гладкимъ и краснорѣчивымъ „Опытомъ повѣствованія" Елагина. Съ другой стороны, Щербатовъ встрѣтилъ сильнаго соперника себѣ и безпощаднаго критика въ лицѣ Болтина, который написалъ на его исторію два огромныхъ тома „Примѣчаній", гдѣ выставилъ всѣ ошибки Щербатова, обвинилъ его въ незнаніи историческихъ пріемовъ, въ неумѣньи разбираться въ фактахъ, распредѣлять ихъ по степени важности и проч. Гораздо болѣе исторіи цѣнились изданія Щербатова разныхъ историческихъ памятниковъ, каковы: Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774), Царственная книга (1769), Царственный лѣтописецъ (1772), Лѣтопись о мятежахъ (1771), Житіе Петра В. (1770—1772).

Но Щербатовъ былъ не только историкомъ, но и публицистомъ. Отъ него осталось нѣсколько историческихъ записокъ, изображающихъ современную эпоху. Взглядъ Щербатова на современную эпоху очень оригиналенъ и отличается отъ взгляда другихъ писателей; его сужденія и выводы часто односторонни; но въ его сочиненіяхъ весьма много интересныхъ подробностей о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; встрѣчается не рѣдко объясненіе скрытыхъ причинъ того и другаго явленія. Во всемъ этомъ высказались основныя

([1]) Издан. 1770 г. стр. XV—XVI.

идеи и идеалы Щербатова, какъ человѣка замѣчательнаго по своему нравственному характеру, и на основаніи своихъ нравственныхъ началъ не побоявшагося произнести самый строгій приговоръ надъ громкимъ вѣкомъ Екатерины. Какъ человѣка несомнѣнно честнаго и строго нравственнаго, Щербатова глубоко возмущали современная роскошь и распущенность нравовъ. Свое негодованіе противъ нихъ онъ выразилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" и „Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства". Въ первомъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" [1] Щербатовъ старается показать, когда и отъ чего началась современная „развратность". Она началась, по его мнѣнію, со временъ реформы Петра, когда русскіе люди простую и скромную жизнь стали перемѣнять на свободную и широкую жизнь, по подражанію европейскимъ народамъ. „Воистину могу сказать, говоритъ онъ, что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ; мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей: но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали". Щербатовъ прямо не отвергаетъ ни необходимости, ни пользы реформы; онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше крутыхъ мѣръ при ея введеніи и больше снисходительности и вниманія къ народнымъ нравамъ и народнымъ преданіямъ. Не отвергая реформы, онъ хочетъ только показать ея оборотную сторону, именно то, какими вредными послѣдствіями для русскихъ нравовъ сопровождалось введеніе новыхъ порядковъ. Съ этою цѣлію онъ прежде всего описываетъ простоту жизни и строгость нравовъ до Петра, показывая, что эту простоту и строгость со временъ реформы замѣнили сластолюбіе и роскошь (въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ), которыя онъ и считаетъ главными причинами современной развратности. „Воззримъ же теперь, говоритъ онъ, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но

---

[1] Въ первый разъ оно было напечатано въ 1858 г.; въ томъ же году былъ напечатанъ обстоятельный разборъ его Ешевскимъ въ 3 № Атенея. Новое изданіе его сдѣлано въ Русской Старинѣ 1870 г. том. II, 1871 том. III.

можетъ быть излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, царствованіе отъ царствованія, они часъ отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Петръ В., подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую люцкость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить“. Но, не отвергая того, что обыкновенно ставится въ заслугу Петру В., въ чемъ видятъ первыя начала гуманности, смягченія нравовъ и общественнаго развитія, онъ во всемъ этомъ видитъ въ тоже время и начало порчи и упадка нравовъ въ Россіи. Первымъ шагомъ къ смягченію нравовъ было учрежденіе ассамблей, „гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали“; но этотъ шагъ, по мнѣнію Щербатова, былъ въ тоже время и первымъ шагомъ къ порчѣ нравовъ. „Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножить ее пристойными одѣяніями и болѣе предѣловъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи“.... Табель о рангахъ, по которой являлась возможность самымъ нисшимъ людямъ восходить до высшихъ степеней въ государствѣ, была началомъ возвышенія личности и личныхъ заслугъ; но она въ тоже время повела къ паденію знаменитыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ, на мѣсто которыхъ стали выдвигаться, по выраженію Щербатова, „люди изъ подлости и холопи“. Кровный аристократъ, Щербатовъ защищаетъ старое родовое дворянство и упадокъ его считаетъ одною изъ главныхъ причинъ современнаго упадка нравовъ. „Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, говоритъ Щербатовъ, истребило мысли благородной гордости во дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ В. введенная регулярная служба, въ которую, вмѣстѣ

съ холопями ихъ, писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инако какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ могущій преданъ быть въ руки сильнаго?“ Уничтоженіе разныхъ древнихъ суевѣрій, долженствовавшее очистить вѣру отъ разныхъ наростовъ, мѣшавшихъ истинному пониманію вѣры и благочестія, повело, по мнѣнію Щербатова, къ результатамъ противоположнымъ, къ умаленію вѣры, а потомъ и къ невѣрію. „Похвально есть, говоритъ онъ, что Петръ В. хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суєвѣріе, но паче руганіе: ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ.... Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ не просвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево; отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; а нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить“. „И тако, заключаетъ Щербатовъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя пріобрѣла знаемость въ Европѣ... науки и художества и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ длиннополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинилось. Но тогда же

искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ В. для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя". Замѣтимъ, что, изображая это состояніе, Щербатовъ уже слишкомъ преувеличиваетъ строгость и простоту древнихъ нравовъ, что многіе пороки и недостатки новаго времени были унаслѣдованы еще отъ древняго періода, что корыстолюбіе и взяточничество уже въ XVI—XVII в. были до того сильны, что вызывали самое рѣзкое порицаніе во всѣхъ писателяхъ, особенно въ Максимѣ Грекѣ, Котошихинѣ и Посошковѣ, что обоюду острыя слова о суевѣріи могутъ подавать неразумнымъ людямъ поводъ къ защитѣ суевѣрія.—Затѣмъ Щербатовъ показываетъ, какъ распущенность и поврежденіе нравовъ, сластолюбіе, роскошь, и другіе пороки усиливались все больше и больше при преемникахъ Петра В., въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и особенно Елизаветы Петровны. Отъ двора роскошь переходила къ вельможамъ, къ богатымъ и знатнымъ людямъ, а отъ богатыхъ и знатныхъ къ нисшимъ сословіямъ. „Всякій роскошь говоритъ онъ, оканчивая описаніе царствованія Анны Іоанновны, приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствовать свои хотѣніи". Но самыми мрачными чертами Щербатовъ изображаетъ состояніе нравовъ при Екатеринѣ. Неумолимо строго онъ разбираетъ ея личныя свойства и жизнь; безпощадно и безусловно порицаетъ жизнь и дѣянія ея приближенныхъ вельможъ и сотрудниковъ. За такое суровое отношеніе къ екатерининской эпохѣ Щербатовъ заслужилъ названіе строгаго цензора общественной нравственности.

Дѣйствительно, какъ строгій цензоръ, оцѣнивая все исключительно съ своей нравственной точки зрѣнія, онъ въ своихъ осужденіяхъ и порицаніяхъ впадаетъ въ такія крайности, что за темными и конечно крупными пятнами, не хочетъ видѣть никакихъ свѣтлыхъ сторонъ и забываетъ о всѣхъ великихъ заслугахъ государыни и ея сотрудниковъ.—Письмо Щербатова къ вельможамъ, правителямъ государства ([1]) представляетъ также рѣзкую сатиру на современные нравы. Указавъ на недостатки и пороки вельможъ и правителей, Щербатовъ, подобно Державину („Фелица“, „Видѣніе Мурзы“, „На счастіе“, „Вельможа“, „На знатность“) хочетъ объяснить имъ ихъ обязанности изъ самыхъ словъ и понятій „вельможа и правитель“. „Вельможа, говоритъ онъ, есть не иной кто, какъ человѣкъ, по роду ли своему, по достоинству ли, или по случаю возвышенный превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей“... Но одно внѣшнее возвышеніе ничего не значитъ, когда вельможа не будетъ возвышаться добродѣтелями... „Приближены вы къ царскому престолу, но для чего? Не для того ли, чтобы вѣрно ему служить и чтобы его милосердія чрезъ васъ къ нижайшей части подданныхъ отражались? А могутъ ли они имѣть такое отраженіе, когда сему отраженію гордость, лѣность, своехотѣніе и прочее сопротивляется?... Вы обогащены щедродаровитостью монарха отъ сокровищъ народныхъ. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему“?... Далѣе такимъ же образомъ Щербатовъ объясняетъ слово „правитель“. „Самое именованіе „правитель“, говоритъ онъ, являетъ, что онъ долженъ быть тотъ, кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему благоустройству... Вы опредѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы прилежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ, вникнуть въ причины сочиненія каждаго изъ нихъ?... Оставляете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или для собственныхъ своихъ пользъ васъ обманываютъ, или вы сами, не справяся и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ законахъ, самопроизвольно судите“.... Указывая вельможамъ и правителямъ на ихъ жизнь, Щербатовъ говоритъ: „Что можетъ сказать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскоши, превосходящія ваши доходы? что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ, видя похлѣбствы ваши ко зловреднымъ откупщикамъ“? Далѣе Щербатовъ осмѣиваетъ тѣхъ правителей, которые вездѣ суются и бѣгаютъ, но все безъ толку, сравнивая ихъ съ тѣми лошадьми, которыя на фабрикахъ ходятъ въ ко-

---

([1]) Напечатано въ Русск. Старинѣ 1872; том. V, январь.

лесѣ: „хотя кажется ей, что великое пространство пути прошла, но она все на одномъ мѣстѣ пребываетъ". Наконецъ Щербатовъ указываетъ на вельможескую надменность, съ какою правители принимаютъ приходящихъ и заставляютъ долго ждать себя просителей. Картина нравовъ, нарисованная Щербатовымъ, поражаетъ своими рѣзкими и мрачными чертами. Конечно, тѣже пороки и недостатки вельможъ и правителей, тѣже черты ложной знатности рисуются и въ одахъ Державина, но тамъ они рисуются большею частію въ шутливой формѣ и прикрыты покровомъ смѣха и потому не производятъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ сочиненіяхъ Щербатова, гдѣ они выставлены прямо безъ всякаго прикрытія и съ глубокимъ, ничѣмъ не смягченнымъ, негодованіемъ.

Историческія сочиненія Болтина. Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—1792) является предъ нами такимъ же замѣчательнымъ представителемъ русской науки и образованности во второй половинѣ XVIII в., какимъ въ первой половинѣ этого вѣка былъ Татищевъ (¹). Въ самомъ характерѣ дѣятельности Болтина и Татищева замѣчается большое сходство. Тотъ и другой были воспитаны на современныхъ европейскихъ писателяхъ, но не смотря на то, тотъ и другой остались чисто русскими людьми: тотъ и другой всю жизнь свою посвятили изученію Россіи и ея исторіи.—Болтинъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, предки котораго считались выходцами изъ золотой орды. Почти 18 лѣтъ онъ прослужилъ въ военной гвардіи и здѣсь сблизился съ своимъ товарищемъ по службѣ, Потемкинымъ. Потемкинъ на всегда сохранилъ къ нему расположеніе; онъ цѣнилъ умъ Болтина, пользовался его совѣтами, давалъ ему разныя порученія. По ходатайству Потемкина, Болтинъ былъ опредѣленъ на службу по таможенной части, а потомъ прокуроромъ въ военную коллегію, гдѣ онъ и служилъ до своей смерти въ 1792 г.

Послѣ смерти Болтина, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны двѣ эпитафіи, характеризующія его заслуги въ русской наукѣ и литературѣ. Въ одной эпитафіи было сказано:

«Здѣсь погребенъ Болтинъ. Любя россійско слово,
Онъ силу далъ ему и превосходство ново.
Со древности покровъ сняла его рука,
Ища сокровищей на пользу языка.
Онъ нашу лѣтопись, ревнуя многи лѣта,
Изъ мрака исторгалъ для пользы и для свѣта».

(¹) Біографія и подробный разборъ сочиненій Болтина въ Исторіи Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. V.

Въ другой эпитафіи было сказано:

«Сей ложь ле-клеркову на россовъ обличилъ,
И духъ защитника отечества явилъ;
Сарептски описалъ цѣлительныя воды;
Россійскихъ областей и земли и народы
Описывать начавъ, но смертно занемогъ,
Ко окончанію привесть ужъ не возмогъ.
Полезный трудъ его россійски славятъ музы,
Порочатъ злобные невѣжды и... французы».

Съ малыхъ лѣтъ Болтинъ отличался любознательностію. Чтеніе книгъ и изученіе окружавшей жизни составляли необходимую его потребность; но любимымъ предметомъ его занятій была русская исторія. Судьба сблизила его съ знаменитымъ въ то время собирателемъ русскихъ древностей, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, у котораго было замѣчательное собраніе древнихъ рукописей. При участіи Пушкина и Елагина, Болтинъ издалъ „Русскую Правду“ по самому полному и древнѣйшему списку. Рядомъ съ подлинникомъ, напечатаннымъ церковно-славянскими буквами, онъ помѣстилъ переводъ на современный русскій языкъ и къ каждой статьѣ текста приложилъ весьма важныя примѣчанія. Онъ участвовалъ также своими примѣчаніями въ изданіи Пушкинымъ „Поученія Владиміра Мономаха“. Импер. Екатерина, при своихъ занятіяхъ русской исторіей, часто обращалась къ Болтину за объясненіями темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ, показывала ему свои сочиненія и между прочимъ отдала на критику свою драму „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“. Прочитавъ драму, Болтинъ написалъ обширныя примѣчанія къ ней и въ нихъ подробно изложилъ тѣ черты древне-русскаго быта, которыя только слегка были затронуты въ драмѣ.

Въ 1783 г. начала выходить Исторія Россіи французскаго медика Леклерка (1), наполненная ложью и клеветою на Россію, безчисленными и грубыми ошибками. Леклеркъ былъ принятъ на службу въ Россіи еще при Елисаветѣ; въ царствованіе Екатерины онъ былъ лейбъ-медикомъ при в. к. Павлѣ Петровичѣ, директоромъ въ кадетскомъ корпусѣ и занималъ много другихъ должностей. Проживъ долго въ Россіи, онъ, однакоже, не узналъ Россіи, и возвратившись во Францію недовольнымъ, написалъ невѣрную и пристрастную исторію. Есть преданіе, что По-

---

(1) **Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne 1783—1792. Исторія издана въ 6-ти томахъ; первые три содержатъ исторію древней, а остальные три—исторію новой Россіи.**

темкинъ первый подалъ Болтину мысль написать возраженіе на исторію Леклерка; но и самъ Болтинъ, горячо любившій Россію и ревнивый къ ея славѣ, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія такой книги, въ которой искажалась русская исторія и сообщались невѣрныя свѣдѣнія о Россіи и русскомъ народѣ. Прочитавъ исторію Леклерка, Болтинъ написалъ обширныя въ двухъ огромныхъ томахъ „Примѣчанія" на нее (1), въ которыхъ онъ обличилъ все невѣжество и недобросовѣстность иностранца, всѣ ошибки и намѣренныя искаженія Такъ какъ Леклеркъ въ своей исторіи ссылался на Щербатова, то Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ часто нападаетъ и на сочиненія Щербатова. Это заставило Щербатова написать отвѣтъ Болтину, подъ названіемъ „Письмо къ пріятелю". Болтинъ на это письмо написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ строго осудилъ всѣ недостатки Щербатова (2). Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, онъ еще снова пересмотрѣлъ всю исторію Щербатова и написалъ на нее два тома Критическихъ примѣчаній. Примѣчанія на исторію Леклерка и исторію Щербатова и составляютъ самыя важныя историческія сочиненія Болтина. Они далеко возвышаются надъ обыкновенными историческими примѣчаніями и опроверженіями и содержатъ въ себѣ множество положительныхъ историческихъ данныхъ, объясняющихъ взглядъ автора на всю русскую исторію. „Слѣдя за Леклеркомъ, говоритъ Соловьевъ, Болтинъ изучилъ всецѣло русскую исторію съ тѣмъ, чтобы защитить ее, произнести надъ нею благопріятный приговоръ, слѣд. книга Болтина есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которомъ есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у него у перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самосознанія, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ старины къ новому, уяснить ходъ русской исторіи, непохожей ни на какія другія" (3). Отъ историка Болтинъ требовалъ прежде всего правды, фактической достовѣрности; историкъ не то долженъ писать, что могло бы быть, но то, что дѣйствительно было, не могущее статься, но сбывшееся. Съ этой точки зрѣнія, книга Леклерка ему, естественно, представилась не исторіей, а смѣсью всякой всячины.

---

(1) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-майоромъ Иваномъ Болтинымъ. Спб. 1788 г.

(2) Отвѣтъ на Письмо князя Щербатова, сочинителя россійской исторіи 1793—94.

(3) Писатели русской исторіи XVIII в. Архивъ историко юридическихъ свѣдѣній о Россіи кн. 2 стр. 65.

Во второмъ томѣ Примѣчаній (II, 193) онъ сравниваетъ ее съ мелочной лавочкой, видѣнной имъ въ Сарептѣ: „Есть тамъ бархатъ и штофъ, крашенина и посконный холстъ; астролябіи и микроскопы, сѣнокосныя косы и сошники; душистыя воды и помады, вакса и деготь... Въ жизнь мою я не видалъ такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первомъ томѣ нынѣшней исторіи о Россіи г. Леклерка найдетъ читатель пріятное и скучное, смѣшное и важное, веселое и печальное, грубое и ласкательное, истинное и ложное, великолѣпное и низкое, дѣльное и пустое, даже до сущаго вздора и нелѣпости. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится“ (том. II, 193.). Господствующій тонъ примѣчаній Болтина—полемическій. Строго разбираетъ онъ всю исторію Леклерка и особенно долго останавливается на тѣхъ пунктахъ, гдѣ требовалось защитить русскую исторію и русскій народъ отъ разныхъ нареканій. При этомъ, для защиты онъ употребляетъ тотъ же пріемъ, какой употребляли Екатерина, Фонъ-Визинъ, Новиковъ и другіе писатели XVIII в.—сравненіе или сопоставленіе русской исторіи съ исторіей другихъ народовъ. Онъ такъ же старается показать, что все, надъ чѣмъ глумятся иностранцы, водилось и водится и у нихъ и порою достигало у нихъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели у насъ. Въ примѣчаніяхъ къ Русской Правдѣ онъ повсюду старается доказать, что предки наши не были варварами, что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе и что темныя стороны въ ихъ общественной и частной жизни находятъ себѣ если не оправданіе, то объясненіе въ бытѣ и разныхъ учрежденіяхъ другихъ европейскихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ законовъ, по мнѣнію Болтина, сдѣлали бы честь и вѣкамъ просвѣщеннымъ, какъ напр. за жизнь женщины (рабы) полагалось болѣе строгое наказаніе, нежели за жизнь мущины (смерда, холопа). Такое полемическое направленіе въ нашей исторіи вызывалось, кромѣ клеветъ Леклерка, и вообще тѣми оскорбительными сужденіями Европы, по которымъ русскіе считались варварами, не принадлежащими даже къ европейскимъ народамъ. „Русскіе не такъ устроены и политичны, говорилъ Пуффендорфъ въ своей исторіи, какъ европейцы; они и невѣжественны и малодушны, и свирѣпы и кровожадны, они рабы по самой природѣ своей, по своимъ врожденнымъ наклонностямъ“. Извѣстно, что эти слова такъ сильно оскорбляли переводчика исторіи Пуффендорфа, Гавріила Бужинскаго, что онъ сначала совсѣмъ исключилъ ихъ въ своемъ переводѣ и помѣстилъ ихъ только по приказанію Петра В. Между тѣмъ это мнѣніе о варварствѣ русскихъ и о природномъ ихъ

отличіи отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ было возведено въ принципъ и высказывалось и другими европейскими писателями, которые нерѣдко ставили русскихъ наравнѣ съ дикарями. Такое мнѣніе, естественно, должно было оскорблять всѣхъ истинно-русскихъ людей, и Болтинъ, подобно другимъ писателямъ, долженъ былъ возвысить свой голосъ въ пользу русской народности. Леклерку и другимъ противникамъ, порицающимъ Россію, онъ говоритъ: „Вы называете насъ варварами, но вотъ вамъ примѣры изъ собственной вашей исторіи и быта, что прозвище это пристало вамъ гораздо болѣе, нежели намъ. Не смотря на то, мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы, и русскій народъ и его западные братья, одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы и мы европейцы по крови и по духу". Но, чтобы европейцы не называли русскихъ варварами и рабами, нужно было, конечно, прежде всего и самимъ русскимъ не быть рабами, освободиться отъ того рабскаго подражанія всему иностранному, которое необходимо началось со временъ реформы Петра и которое составляло истинную болѣзнь русскаго общества, мѣшавшую его правильному развитію, правильному усвоенію европейскаго просвѣщенія. Въ этомъ подражаніи, какъ мы видѣли, укоряли русскихъ всѣ писатели; въ этомъ укоряетъ ихъ и Болтинъ. Объясняя и характеризуя эти укоры, Сухомлиновъ говоритъ: „Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа. Не говорите съ чужаго голоса, а работайте собственною мыслію; дорожите своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и не жертвуйте имъ изъ подражанія иностраннымъ образцамъ—вотъ сущность проповѣди Новикова и Болтина, обращенной ими къ современному русскому обществу. И Новиковъ и Болтинъ, осуждая и осмѣивая слѣпое и жалкое подчиненіе чужеземному игу, ратовали за умственную и нравственную самостоятельность русскаго народа, за сохраненіе въ немъ добрыхъ началъ, потеря которыхъ была бы для него великимъ несчастіемъ. Дорожа лучшими преданіями народной жизни, они не могли помириться съ ихъ утратою и истребленіемъ подъ наплывомъ иностранныхъ обычаевъ, безсознательно усвоиваемыхъ нашимъ обществомъ" (¹). Болтина, какъ Щербатова, Новикова и другихъ, особенно возмущали та нравственная распущенность и то непростительное легкомысліе, которыя обнару-

(¹) Исторія россійской академіи V, 194—195.

живались при замѣнѣ всего русскаго французскимъ. Въ одномъ изъ примѣчаній къ Поученію Владиміра Мономаха такъ говорится о русскихъ людяхъ, получившихъ французское воспитаніе: „Будучи утверждены во мнѣніи отъ учителей, что все французское хорошо и все русское дурно, при всякомъ случаѣ не оставляютъ изъявлять своего къ первому уваженія, а къ послѣднему презрѣнія, не выключая изъ того и вѣры, хотя ея и не знаютъ; смѣются всему тому, что предки наши за священное почитали, и что, не по внушенію невѣжества и суевѣрія, но по наставленію здраваго разсудка, должно чтить и уважать, то они считаютъ за басни, за игрушки, недостойныя вниманія людей просвѣщенныхъ, каковыми они сами себя признаютъ и величаютъ. Вотъ плоды французскаго воспитанія" (1).

Кромѣ вопросовъ, непосредственно относящихся къ русской исторіи, въ примѣчаніяхъ Болтина находится множество разсужденій о разныхъ предметахъ, показывающихъ обширную эрудицію автора и характеризующихъ его міросозерцаніе. Болтинъ былъ знакомъ съ сочиненіями какъ древнихъ классическихъ, такъ и новыхъ, преимущественно французскихъ писателей. Онъ цитуетъ въ своихъ примѣчаніяхъ сочиненія Бэйля (Dictionnaire historique et critique), Вольтера (Essai sur les meurs et l'esprit des nations), Мерсье (Картина Парижа), Рейналя (Исторія Индій), Монтескье и другихъ. Въ сужденіяхъ и взглядахъ Болтина отражаются идеи всѣхъ этихъ писателей; но въ основѣ всего слышится здравый смыслъ русскаго человѣка, разумно взвѣшивающаго доводы сторонъ и не желающаго быть отголоскомъ чужихъ понятій и воззрѣній. Онъ принадлежитъ, какъ мы замѣтили выше, къ числу тѣхъ русскихъ людей XVIII в., которые, усвоивъ современное европейское просвѣщеніе, остались русскими людьми и самостоятельными учеными, каковы были Татищевъ, Ломоносовъ и Новиковъ. Укажемъ основные взгляды Болтина на нѣкоторые важнѣйшіе предметы (2). Какъ для историка, такъ и для всякаго государственнаго дѣятеля, по мнѣнію Болтина, прежде всего необходимо знаніе существенныхъ особенностей своего народа. Совокупность причинъ, физическихъ и нравственныхъ, создаетъ народности и образуетъ между ними болѣе или менѣе рѣзкое различіе. Въ числѣ этихъ причинъ особенное значеніе Болтинъ приписываетъ климату... Различіе между народностями должны постоянно имѣть въ виду руководители государственной жизни народа: иначе труды ихъ не достигнутъ

---

(1) Тамъ же стр. 196.

(2) Основныя мысли и воззрѣнія Болтина подробно изложены въ Исторіи россійской академіи Сухомлинова V, 207—242.

желаемой цѣли, и будутъ только безплодною тратою времени и силъ. „Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Обычай одной деревни не годится для другой; законъ одного государства неудобенъ для другаго; для того, что недостаетъ въ послѣднемъ тѣхъ обстоятельствъ, тѣхъ причинъ, для коихъ онъ въ первомъ сдѣланъ. Дѣлая перемѣны, или вводя новости, нужно наблюдать, чтобы оныя соотвѣтственны были нравамъ, обычаямъ, времени, мѣстоположенію, обстоятельствамъ, а паче климату; владычество его есть главнѣйшее изъ всѣхъ: всякое предписаніе, узаконеніе, устраняющееся его законовъ, будетъ безполезно, тщетно, вредно“ (1). Бытовыя измѣненія не могутъ совершаться скоропостижно, и всякое насиліе при замѣнѣ стараго быта новымъ влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія. „Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе края, и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предъубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч.; итакъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія; захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ“ (2). Низкій уровень общественной нравственности особенно ярко обнаруживается въ высшихъ слояхъ нашего общества. Пороки и слабости пустили тамъ глубокіе корни, расшатали основы домашняго счастья, извратили семейныя отношенія. Не имѣя ни богатства, ни торговли, мы превзошли въ сластолюбіи и роскоши самыхъ богатѣйшихъ народовъ. Нравы высшаго общества—сколокъ съ ино-

(1) Примѣч. на исторію Леклерка т. II. стр. 338—339.

(2) Тамъ же, стр. 252—253.

страннаго образца. Приведя описаніе распущенности семейныхъ и общественныхъ нравовъ парижскаго общества изъ „Персидскихъ писемъ“ Монтескье и „Картины Парижа“ Мерсье, онъ говоритъ: „Прочтя сіе, подумаешь, что Монтескю и Мерсье говорятъ о насъ; толь великое сходство находится въ изображенныхъ ими нравахъ французскихъ съ нравами нашими: не одни свои моды къ намъ они привозятъ, но нравы, мнѣнія и даже злоупотребленія и глупости“ (¹). Такимъ образомъ, взгляды Болтина на вліяніе европейскаго просвѣщенія на русскіе нравы въ сущности одинаковы съ воззрѣніями Щербатова; только они проводятся не съ такою односторонностію и крайностію, какъ у Щербатова, и излагаются основательнѣе и не въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

Изъ другихъ мнѣній Болтина интересны его мнѣнія о вѣрѣ, церкви и духовенствѣ, о формѣ государственнаго правленія и крѣпостномъ правѣ. Въ сужденіяхъ Болтина о вѣрѣ и церкви и особенно о духовенствѣ замѣчается сходство съ сужденіями Татищева, объясняющееся тѣмъ, что тотъ и другой, начитавшись протестантскихъ писателей и французскихъ энциклопедистовъ, и усвоивъ отъ нихъ взглядъ на католическую церковь и католическое духовенство, перенесли его во многихъ отношеніяхъ и на русскую церковь и русское духовенство. Вѣру вообще Болтинъ признаетъ великою не только нравственною, но и государственною силою. Крѣпость и могущество царствъ и народовъ неразрывно связаны съ сохраненіемъ вѣры отцовъ. Измѣна вѣрѣ, по мнѣнію Болтина, должна быть преслѣдуема, какъ тяжкое преступленіе, и неминуемо навлекать на виновнаго строгую кару закона. Впрочемъ, это относится только къ христіанской вѣрѣ вообще, а не къ различію между вѣроисповѣданіями, православнымъ, католическимъ, лютеранскимъ, кальвинскимъ. Въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ Болтинъ видитъ только различіе мнѣній, перемѣна которыхъ не должна подлежать такой же карѣ, какъ отступничество отъ христіанской. Изъ христіанскихъ исповѣданій Болтинъ отдаетъ преимущество православію предъ католичествомъ на томъ основаніи, что православіе во всей подлинности сохранило христіанскіе догматы и обряды, а въ католичество вошло много нововведеній, исказившихъ древнее христіанское ученіе. Виной этого искаженія было католическое духовенство. Характеризуя по этому случаю католическое духовенство, Болтинъ произноситъ рѣзкія сужденія и о русскомъ духовен-

(¹) **Тамъ же том. I стр. 471—472.**

ствѣ ([1]). Признавая русское духовенство древняго періода необразованнымъ, онъ считаетъ это счастіемъ для Россіи и указываетъ на вредъ, какой всегда приносило государству образованное католическое духовенство, забывая, что это происходило не отъ того, что католическое духовенство было образовано, а отъ того, что оно было католическое.—Самою лучшею формою государственнаго правленія Болтинъ признавалъ единодержавіе. Въ этомъ онъ сходился со всѣми предшествовавшими русскими писателями, Татищевымъ, Ломоносовымъ, Прокоповичемъ и др. Раздробленіе на части и разновластіе, замѣчаетъ онъ, едва не погубили Россіи: соединеніе частей въ одно государственное цѣлое и единодержавіе спасли ее. Для доказательства того, что правленіе аристократическое гораздо хуже монархическаго, Болтинъ приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи, во времена Гизовъ, изъ исторіи Россіи, во времена междуцарствія и дворцовыхъ переворотовъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Болтинъ сходится съ Дашковой, Лопухинымъ и другими писателями, которые стояли за постепенное освобожденіе и находили нужнымъ приготовить крестьянъ къ свободѣ образованіемъ. „При дачѣ рабамъ свободы, говоритъ Болтинъ, все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ научa ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ имъ будетъ вредъ, зло или гибель... Бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а по немногу; въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣніемъ вожделѣнныя свѣтлости... Всѣ проповѣдники вольности говорятъ: человѣкъ родится свободенъ, и слѣд. всякая неволя есть нарушеніе его права, природою ему даннаго. Не спорю я въ томъ, хотя бы и могъ нѣчто предложить на разсмотрѣніе къ ограниченію сея природныя свободы; но желаю, чтобы меня вразумили, во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время, и всякому ли народу одинакая приличествуетъ свобода; или по различенію оныхъ съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами... Прежде должно учинить сво-

---

([1]) Сужденія Болтина о церкви и духовенствѣ подробно разобраны въ статьѣ П. В. Знаменскаго: «Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи». Труд. Кіев. Акад. 1862; том. II.

бодными души рабовъ, говоритъ Руссо, а потомъ уже тѣла. Мудрому сему правилу послѣдуетъ Великая Екатерина: желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинаетъ сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устрояются, по высочайшей ея волѣ, по всему государству училища для нижнихъ чиносостояній, дабы пріуготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара; дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея" ([1]).

Мемуары, или записки современниковъ. Къ эпохѣ Екатерины II относится много мемуаровъ, или записокъ современниковъ. Изъ нихъ особенно интересны и важны, для характеристики этой эпохи, записки Дашковой, Державина, Лопухина, Храповицкаго, Грибовскаго, Порошина, Болотова и Добрынина ([2]). Записки Дашковой содержатъ въ себѣ весьма много интересныхъ свѣдѣній какъ о самой Дашковой, такъ и объ импер. Екатеринѣ и окружающихъ ее лицахъ; только надобно замѣтить, что къ этимъ свѣдѣніямъ критика совѣтуетъ относиться съ осторожностію, указывая на то, что „безпристрастіе не было въ числѣ достоинствъ кн. Екатерины Романовны". Съ осторожностію также нужно пользоваться еще болѣе интересными во многихъ отношеніяхъ записками Державина. „Эти записки, говоритъ Я. К. Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при поспѣшной черновой редакціи, со всѣми погрѣшностями и неисправностями горячей первоначальной работы . . . Писавъ ихъ (въ 1802—1812 г.) подъ впечатлѣніемъ еще довольно свѣжихъ воспоминаній объ испытанныхъ имъ неудачахъ и непріятностяхъ, Державинъ часто пристрастенъ въ оцѣнкѣ людей и событій и не только не хвалитъ почти никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но напротивъ произноситъ имъ весьма строгіе и не всегда справед[...]ые приговоры. Но за то онъ передаетъ съ большою искренн[...]

([1]) Примѣчанія на исторію Леклерка П, 234, 236

([2]) На изданія записокъ Дашковой, Держав[...] зано выше. Записки Храповицкаго напечатаны [...] 1828; въ Атенеѣ 1858, № 5, и 1859, № [...] изданы въ 1864 г.; Записки Порошина въ [...] ніе М. Семевскаго въ Русской Старинѣ [...] това въ Отеч. Зап. 1850—51 г.; [...] 1870—73 г., Записки Добрынина [...]

откровенностію все, что припоминаетъ. Правда, что у него пропущены нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ желательно было бы имѣть разъясненія, но этого нельзя приписывать его намѣренію. Онъ писалъ свои воспоминанія прямо на бѣло, безъ всякихъ приготовленій и справокъ, и потому касался только того, что оставило въ немъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія. Но, ошибаясь въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и дѣлахъ, онъ замѣчательно правдивъ въ изложеніи фактовъ, и съ этой стороны записки его составляютъ весьма важный и цѣнный матеріалъ для исторіи его времени. Повѣрка по архивнымъ документамъ множества упоминаемыхъ имъ случаевъ вполнѣ убѣдила насъ въ достовѣрности его разсказовъ". Записки Лопухина интересны и важны потому, что въ нихъ, кромѣ характеристики этой замѣчательной личности, находится много свѣдѣній по исторіи масонства въ Россіи. Записки А. Т. Болотова (1738—1833), обнимая все XVIII-е столѣтіе, съ Петра В. по 1793 г., касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни—домашняго и общественнаго воспитанія, домашняго и общественнаго быта, военной и гражданской службы, состоянія русской науки, литературы и книжной торговли, содержатъ много свѣдѣній о русскомъ дворѣ при Елисаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II, множество интересныхъ подробностей для біографіи государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей XVIII в. Искренность, честность, любовь къ правдѣ и глубокое чувство патріотизма составляютъ отличительныя черты записокъ Болотова, одного изъ лучшихъ русскихъ людей XVIII вѣка. Александръ Васильевичъ Храповицкій (1749—1801) съ 1782 по 1793 г. былъ статсъ-секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и въ тоже время ея приватнымъ секретаремъ, редакторомъ, корректоромъ, переплетчикомъ бумагъ, писемъ и сочиненій ея и вообще исполнялъ самыя разнообразныя ея порученія. Это былъ человѣкъ весьма образованный; онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими писателями, Державинымъ, Капнистомъ, Дмитріевымъ и др. и самъ занимался литературой, переводилъ и писалъ оригинальныя, стихотворныя и прозаическія, піесы. Состоя секретаремъ Екатерины, Храповицкій велъ дневникъ, въ который вносилъ въ краткомъ видѣ все интересное и замѣчательное.—Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій (1766—1833) былъ также секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и составилъ записки, въ которыхъ находится много данныхъ для исторіи ея царствованія. Семенъ Андреевичъ Порошинъ (1741—1769), изъ московскихъ дворянъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса, былъ учителемъ в. кн. Павла Петровича по математикѣ. Весьма умный и честный человѣкъ, онъ былъ горячимъ патріотомъ.

Записывая каждый вечеръ, для памяти, все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этихъ записокъ, составить полную біографію своего государя. Къ сожалѣнію, онъ только два года 1764—1765 могъ вести свои записки. Нашлись люди, которые постарались поселить холодность между нимъ и великимъ княземъ. Въ началѣ 1766 г. Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ военную службу. Въ 1769 г., во время похода противъ турокъ, онъ заболѣлъ и скончался. Записки Порошина весьма важны и для исторіи нравовъ XVIII в. и особенно для объясненія многихъ чертъ въ характерѣ Павла I. Главною заботою Порошина, при воспитаніи великаго князя, было то, чтобы внушить ему любовь къ Россіи, уваженіе къ русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. Но при этомъ онъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя разговоры о томъ, какъ Россія отстала отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о Россіи и русскихъ людяхъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ свою обязанностію уничтожать впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. По случаю одного отзыва о русскомъ человѣкѣ, Порошинъ замѣчаетъ: „Я желалъ бы, чтобы въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда, по остротѣ своей, конечно, самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи оныхъ слабостей такъ, какъ чадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели, напротивъ того, отъ неосторожныхъ рѣчей, или ненавистныхъ внушеній, получитъ отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять оныя и гнушаться именемъ россіянина. А отъ сего какія для отечества и для него самого произойтить могутъ слѣдствія, всякъ, подумавъ назадъ кое-о чемъ (т. е. о Петрѣ III), легко разсудитъ“.—По случаю одного неблагопріятнаго отзыва о Петрѣ В. онъ замѣчаетъ: „Если бы не было никогда на россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, то бъ полезно было и вымыслить такого, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго ге-

роя, и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ В. совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ"? Порошинъ читалъ великому князю Вольтерову исторію Петра В. и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ разсказывалъ о Петрѣ, что зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили о немъ съ должными похвалами.—Послѣ Петра В. Порошинъ старался внушить великому князю особенное уваженіе къ Ломоносову и другимъ русскимъ ученымъ и писателямъ. „Разговорились мы, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, о г. Ломоносовѣ и г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ, и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства". Упоминая о чтеніи оды Ломоносова на взятіе Хотина, онъ прибавляетъ: „Говорилъ я его высочеству, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его Елисаветы Петровны. Дай Боже, продолжалъ я, чтобы въ вѣкъ вашего высочества такіе были... Эдакіе люди не растутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, ободреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какова Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько". Но противъ Ломоносова въ великомъ князѣ постарались возбудить предубѣжденіе (вѣроятно Панинъ и ему подобные). „Пришло мнѣ, говоритъ Порошинъ, не знаю какъ то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова государынѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя" (слова, кои прибѣгнувшая Россія говоритъ государынѣ). И какъ я оное выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: „это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова". Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: „желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ... Вы великій князь россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ, или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается"?—Но не смотря на такое нравоученіе Порошина, великій князь, когда услышалъ о смерти Ломоносова, повторилъ свою шутку: „что о дуракѣ жалѣть, казну только раззорялъ и ничего не сдѣлалъ". Конечно, онъ не самъ дошелъ до такого отзыва, а отъ кого нибудь слышалъ, что Ломоносовъ много перебралъ денегъ у казны и ни-

чего не сдѣлалъ (т. е. относительно мозаики) [1].—Можно привести и еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ Порошинъ выставляется ревнителемъ русскаго просвѣщенія и защитникомъ русскихъ ученыхъ. Такъ, по поводу разсказа графа Строганова о томъ, что Крашенинникова камчатская исторія переведена на французскій языкъ, онъ замѣчаетъ: „Тутъ доносилъ я его высочеству о заслугахъ покойнаго профессора Крашенинникова и о достоинствѣ оной исторіи, также, что его дѣти теперь въ великой бѣдности, что и А. П. Сумароковъ въ новой сочиняемой имъ комедіи ихъ представилъ, говоря, что „отецъ ѣздилъ въ камчатное и въ китайское государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ, и потому Крашенинниковыми называются"... Не малое внутреннее удовольствіе чувствовалъ я, услышавъ, что на французскій языкъ переведена оная господина Крашенинникова исторія. Желалъ бы я, чтобъ болѣе такихъ оригинальныхъ книгъ у насъ было, для коихъ бы чужестранные, учась языку нашему, на свой ихъ переводили". Разсказывая о похвалахъ графа историку Миллеру и вполнѣ соглашаясь съ ними, онъ замѣчаетъ: „Но весьма я сожалѣю, продолжалъ я, что достоинство и старанія покойнаго Василья Никитича Татищева остались совсѣмъ почти въ забвеніи. Государь великій князь спросить меня тутъ изволилъ: что за человѣкъ былъ Татищевъ, и о какихъ я его стараніяхъ упоминаю? Я доносилъ его высочеству о покойномъ Татищевѣ, изъясняя, что онъ человѣкъ былъ великаго ума, твердаго и проницательнаго, человѣкъ весьма знающій и любопытный, что собралъ и сочинилъ основательную россійскую исторію, что оная исторія и теперь таскается въ манускриптахъ; что весьма жаль, что ее не напечатаютъ, и такое сокровище пропадаетъ. Потомъ заговорили мы, что нынѣ при Академіи кое какъ собрались печатать лѣтописецъ Несторовъ. Его высочество изволилъ спрашивать меня: что это за Несторъ? Я доносилъ о немъ и о его лѣтописи. Наконецъ, какъ я сказалъ, что не худо напечатать и Степенную книгу и Ядро россійской исторіи, то опять великій князь спросить изволилъ: что это за книги? и я ему доносилъ о нихъ" [2].

Сочиненія по языкознанію. Извѣстно, что въ XVIII в. ученыхъ занималъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ въ человѣ-

---

(1) Записки Порошина. Изданіе Русской Старины 1881 г., стр. 47. 98, 178—180, 190—192.

(2) Тамъ же стр. 81—82.

ческомъ родѣ. Для рѣшенія этого вопроса они составляли сравнительные словари всѣхъ извѣстныхъ языковъ. Импер. Екатерина, еще будучи великой княгиней, также заинтересовалась этимъ вопросомъ и поручила пастору британской факторіи въ Петербургѣ, Дюмареску, составить общесравнительный словарь языковъ, и онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ издалъ сравнительный словарь восточныхъ языковъ. Въ 1784 г., прочитавъ сочиненіе французскаго филолога Куръ-де-Жобелена о томъ, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного кореннаго, Екатерина сама стала приготовлять матеріалы для сравнительнаго словаря. „Я составила, писала она въ 1775 г. доктору Циммерману, списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать, и число которыхъ переходитъ теперь уже за вторую сотню. Каждый день я брала и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ небо, на другомъ обозначаетъ облако, туманъ, сводъ; что слово Богъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: всевышній или добрый, въ другихъ солнце или огонь“. Для приведенія въ порядокъ собранныхъ такимъ образомъ словъ, она пригласила академика Палласа. Во всѣ мѣста Россіи и ко всѣмъ русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ были посланы отпечатанные образцы сборника словъ, съ просьбою доставить сколько возможно болѣе переводовъ на мало извѣстные языки. Къ собраннымъ такимъ образомъ матеріаламъ были присоединены еще „Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра“ берлинскаго книгопродавца и писателя Николаи и „образцы разныхъ языковъ и малоизвѣстныхъ нарѣчій Бакмейстера. Въ 1787 г. вышелъ 1-й, а въ 1789 г. 2-й томъ словаря, подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею высочайшей особы“. Переводы словъ были помѣщены на 200 языковъ. Съ точки зрѣнія нынѣшней науки языкознанія, словарь Екатерины, разумѣется, не можетъ выдержать критики, но какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и притомъ съ громкимъ именемъ императрицы, онъ тогда обратилъ на себя вниманіе въ Европѣ. По замѣчанію Я. Гримма, онъ содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкознанія. Въ 1790—1791 г. было сдѣлано, подъ редакціей Янковича де-Миріево, новое изданіе словаря, въ которомъ слова были изложены въ азбучномъ порядкѣ и дополнены африканскими и американскими словами (1).

(1) Филологическія занятія Екатерины II. Я. К. Грота. Русскій Архивъ 1877: кн. I. Великая мысль Екатерины II. А. В. Старчевскаго. Ист. Вѣстн. 1885, іюль.

Говоря выше объ учрежденіи россійской академіи, мы замѣтили, что цѣлію ея учрежденія было усовершенствованіе русскаго языка чрезъ составленіе полнаго словаря и грамматики. Дѣйствительно, чрезъ мѣсяцъ послѣ открытія академіи, было приступлено къ составленію словаря русскаго языка. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе всѣ члены академіи. Чтобы лучше вести его, они составили изъ себя три отдѣла: грамматикальный для грамматическихъ поясненій, объяснительный для опредѣленія значенія словъ и распорядительный для веденія самаго печатанія словаря. Прежде всего составленъ былъ планъ словаря: при обсужденіи его явилось множество разныхъ замѣчаній, возраженій и вопросовъ, способствовавшихъ къ уясненію характера языка, его разныхъ свойствъ и особенностей. Болтинъ представилъ примѣчанія на начертаніе для составленія словено-россійскаго толковаго словаря [1], гдѣ, объясняя значеніе разныхъ древнихъ словъ, между прочимъ доказываетъ, что въ размѣщеніи словъ надобно держаться не аналогическаго, или предметнаго порядка, а алфавитнаго. Фонъ-Визинъ написалъ къ Козодавлеву „Письмо о планѣ россійскаго словаря", гдѣ онъ разсуждаетъ о собственныхъ и уменьшительныхъ именахъ, объ именахъ географическихъ и техническихъ словахъ и наконецъ о сословныхъ, или синонимическихъ. Вообще составленіе словаря вызвало интересъ къ изученію русскаго языка и содѣйствовало развитію русской филологіи. Словарь составлялся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ напечатанъ въ 6-ти томахъ 1789—1796.— По церковно-славянскому языку въ это время явился весьма замѣчательный словарь бывшаго члена россійской академіи, протоіерея московскаго архангельскаго собора П. А. Алексѣева (1727—1801). Заглавіе его „Церковный словарь, или истолкованіе рѣченій словенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Св. Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ" (1794) напоминаетъ древніе Азбуковники или Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Онъ, дѣйствительно, и составленъ по образцу древнихъ Азбуковниковъ. Какъ Азбуковники не ограничивались объясненіемъ непонятныхъ словъ въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, но объясняли, иногда довольно обширно, и самые предметы, называемые этими словами, такъ и Алексѣевъ въ своемъ словарѣ, при объясненіи смысла и значенія словъ, говоритъ и о самыхъ предметахъ, лицахъ и событіяхъ, къ которымъ относятся эти слова. При этомъ словарь его такъ же,

---

[1] Напечатанъ Я. К. Гротомъ въ V томѣ сочиненій Державина, стр. 396—404.

подобно древнимъ Азбуковникамъ, получаетъ характеръ энциклопедическаго сборника разныхъ свѣдѣній; онъ знакомитъ съ особенностями природы и жизни людей, описываемыхъ въ священныхъ книгахъ, также съ древнимъ греко-римскимъ классическимъ міромъ, византійской исторіей и древне-русскимъ бытомъ. Масса указаній на разныя сочиненія свидѣтельствуетъ о томъ, что Алексѣевъ обладалъ обширной эрудиціей. Имѣя въ виду, конечно, такое богатство и разнообразіе словаря Алексѣева, современникъ его, профессоръ Баузе называлъ словарь liber doctissimus et utilissimus. Такое же значеніе приписывали ему и послѣдующіе славянскіе филологи. „Словарь Алексѣева, говоритъ Срезневскій, и въ первоначальномъ своемъ видѣ представилъ отвѣты на всѣ вопросы, которыхъ рѣшенія можно было отъ него ожидать. Исправляемый и дополняемый, онъ дожилъ до четвертаго изданія, служилъ источникомъ для самыхъ лучшихъ словарей послѣдующаго времени и до сихъ поръ не потерялъ своего достоинства, не какъ памятникъ литературно-историческій, а какъ пособіе, полезное для справокъ“ ([1])

Литературныя теоріи и руководительныя книги по словесности. Образцовымъ руководительнымъ сочиненіемъ въ области эстетики и теоріи словесности въ XVIII в. считалась книга нѣмецкаго эстетика Зульцера (1720—1779): „Всеобщая теорія изящныхъ искусствъ“. Основное начало художественности, по ученію Зульцера, одно и тоже съ нравственнымъ началомъ: поэтому каждое произведеніе искусства оцѣнивается по степени его нравственнаго характера; только такое произведеніе и можетъ быть признано художественнымъ, которое одинаково сильно и благотворно дѣйствуетъ на чувство, на умъ и на сердце. Человѣкъ, говоритъ Зульцеръ, обладаетъ двумя независимыми одна отъ другой силами, на которыхъ зиждется прочность общественнаго союза и народное благо. Эти двѣ силы—разумъ и нравственное чувство. Разумъ привелъ людей къ образованію обществъ, далъ имъ законы и просвѣтилъ ихъ науками; но только развитіе нравственнаго чувства дѣлаетъ общественную жизнь дѣйствительнымъ благомъ. Высокое призваніе изящныхъ искусствъ заключается въ томъ, чтобы питать и развивать нравственное чувство, поселяя въ сердца любовь къ добру и ненависть къ злу. Теорія Зульцера господствовала въ литературѣ и школахъ. Нравственное направленіе, мы видѣли, составляетъ отличительную

([1]) Цитовано въ Истор. росс. Акад. I, 335—336.

черту всѣхъ литературныхъ произведеній екатерининской эпохи. Профессора московскаго университета П. А. Сохацкій († 1809) и университетскаго пансіона Подшиваловъ проводили это направленіе въ своихъ журналахъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793) и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, гдѣ они, между прочимъ, печатали нѣкоторыя статьи по исторіи и теоріи словесности. Сохацкій, для руководства своимъ слушателямъ, при изученіи эстетики, издалъ еще въ 1803 г. „Мейнерсово начертаніе и исторію изящныхъ наукъ“ въ русскомъ переводѣ. Къ этому переводному сочиненію онъ присоединилъ отъ себя „Чертежъ системы эстетики“ и самъ занимался сочиненіемъ эстетики, подъ названіемъ: „Изъясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ“, но успѣлъ напечатать только общую или теоретическую часть ([1]).—Въ частности, въ области эпической поэзіи, руководствомъ для писателей и преподавателей служилъ „Опытъ объ эпической поэзіи“ Вольтера, переведенный княгиней Дашковой. По теоріи лирики замѣчательно „Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ“ Державина, напечатанное первоначально въ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова ([2]). Будучи самъ лирикомъ и писавшій преимущественно оды, Державинъ вздумалъ объяснить происхожденіе, характеръ и значеніе этой формы поэзіи. При составленіи своего сочиненія онъ всего болѣе руководствовался исторіей поэзіи англійскаго священника Броуна (1715—1766) подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки“. Книга эта въ XVIII в. пользовалась большимъ значеніемъ и была переведена по нѣмецки и по французски. Много также помогли Державину совѣты и замѣчанія его друзей и особенно замѣчанія епископа (въ послѣдствіи митрополита) Евгенія Болховитинова, которыя вошли въ самое сочиненіе Державина ([3]). Разсужденіе Державина начинается объясненіемъ начала лирической поэзіи, о которой онъ говоритъ: „Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ первыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе или изліяніе востор-

---

([1]) О Сохацкомъ въ Біографическомъ словарѣ московскаго университета. Ч. II, 435—440.

([2]) Сочин. Державина. Изд. Грота VII. 516—611.

([3]) Замѣтки Евгенія, доставленныя Державину для его Разсужденія, приложены Гротомъ къ самому Разсужденію, том. VII. 612—626.

женнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ воскликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки наполняли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды". Въ доказательство этого положенія, Державинъ указываетъ на Іувала, сына Ламехова, и разныхъ пѣвцовъ у древнихъ народовъ. Опредѣливъ затѣмъ общій характеръ лирическаго вдохновенія, онъ указываетъ разные его виды, приводя примѣры вдохновенія „грознаго, гнѣвнаго, торжественнаго, радостнаго, спокойнаго, тихаго, страстнаго, нѣжнаго, пріятнаго, умилительнаго, унылаго, печальнаго, утѣшительнаго, забавнаго, шутливаго". Потомъ онъ излагаетъ тоже въ примѣрахъ разныя свойства лирической поэзіи: „смѣлый приступъ, высокость, или выспренность, лирическій безпорядокъ, единство страсти, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость"... Эти свойства, которыя Державинъ считаетъ свойствами лирической поэзіи, были, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, общими свойствами всей поэзіи. Объясняя эти свойства, Державинъ высказываетъ свой взглядъ и на поэзію вообще. Согласно съ указанной выше теоріей, существенною принадлежностью поэзіи онъ считаетъ нравоученіе: „Во всѣхъ народахъ, говоритъ онъ, и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства". Такимъ направленіемъ, мы видѣли, проникнуты всѣ оды и другія стихотворенія самого Державина. Говоря о вкусѣ, Державинъ замѣчаетъ: „Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувствъ красоты, а въ разсужденіи разума истины... Безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, никакія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ.. Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвысить, гдѣ понизить, гдѣ остановиться и гдѣ продолжать. На вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся, времени, обычаевъ, религіи и проч. Онъ умѣетъ распредѣлять тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе... Безъ вдохновенія на струнахъ лиры нѣтъ жизни, а безъ вкуса—пріятности". Такой взглядъ на вкусъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Мармонтелю, который именно считалъ вкусъ чувствомъ приличія. Далѣе Державинъ говоритъ о разныхъ фор-

махъ лирической поэзіи у разныхъ народовъ въ разныя времена: гимнѣ, пэанѣ, диѳирамбѣ, сколіи, о формахъ средневѣковой, романской поэзіи—канцонахъ, сонетахъ, мадригалахъ, балладахъ, наконецъ объ оперѣ и русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ какъ въ то время опера была любимою драматическою формою, то на ней Державинъ особенно останавливается. „Опера, говоритъ онъ, не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не что иное есть, какъ подражаніе древней греческой трагедіи. Тамъ такъ же разговоры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами; равно лирическіе стихи пѣлись хорами, но тоже уставными . . . Долгое время опера была только забавою дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною" (1).—Такое же значеніе, какое имѣли въ области поэзіи оды, въ области прозы имѣли ораторскія рѣчи и похвальныя слова. Форма ораторской рѣчи, выработанная еще въ классическихъ литературахъ, была главною формою, и ораторскій элементъ былъ преобладающимъ даже въ историческихъ и научныхъ сочиненіяхъ. Особенно въ большой модѣ въ XVIII в. были такъ называемыя похвальныя слова. Въ этихъ словахъ, кромѣ военныхъ героевъ и политическихъ дѣятелей, прославляли и героевъ и дѣятелей въ области наукъ и словесности. У насъ, рядомъ съ похвальными словами Димитрію Донскому и Суворову, писались похвальныя слова Ломоносову, Сумарокову, Лепехину и др. Въ 1804 г. россійская академія назначила премію за похвальное слово Минину и Пожарскому. Академикъ Севергинъ написалъ два похвальныхъ слова—Ломоносову и Минину и Пожарскому. Теоретическимъ руководствомъ при составленіи подобнаго рода похвальныхъ словъ служилъ между прочимъ „Опытъ о похвальныхъ словахъ" (Essai sur les éloges) французскаго писателя Томаса (1732—1785), который былъ переведенъ на русскій языкъ, какъ твореніе въ своемъ родѣ классическое (2). Подъ вліяніемъ указанныхъ сочиненій по теоріи словесности, у насъ въ XVIII в. составлены были: „Руководство къ ораторіи" архіеписк. екатеринославскаго, Амвросія Серебрякова (или Серебренникова), „Піитика" архангельскаго архіепископа, Аполлоса Байбакова, и „Реторика" Княжнина, написанная при преподаваніи словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Всѣ эти книги были руководствами въ тогдашнихъ школахъ.

---

(1) Сочин. Державина VII, 517—518; 568—569; 572—573; 598—602.
(2) Ист. росс. академіи Сухомлинова IV, 147.

Направленіе въ наукѣ словесности въ XVIII в. было теоретическое; исторіи литературы еще не было; но съ половины XVIII в. начались подготовительныя работы для этой исторіи, стали появляться собранія и библіографическія описанія древнихъ русскихъ рукописей и книгъ русскихъ, словаря русскихъ писателей. Профессоръ москов. университета Хр. Фр. Маттеи (1744—1811) обратилъ вниманіе на библіотеки св. синода и синодальной типографіи и приступилъ къ описанію рукописей и древнихъ сочиненій, для которыхъ прежде, по приказанію Петра В., былъ составленъ краткій каталогъ проф. Аѳанасіемъ Скіадою въ 1723 г. По образу Монфоконова описанія Коаленевой библіотеки, Маттеи описалъ обѣ библіотеки и издалъ это описаніе въ Лейпцигѣ въ 1805 г. (1). Въ числѣ греческихъ рукописей оказалось очень много важныхъ, или по своему содержанію, или по своей древности. По этимъ рукописямъ Маттеи издавалъ свящ. книги Новаго Завѣта и сочиненія отцовъ церкви и составлялъ сборники или хрестоматіи по древней классической литературѣ для употребленія въ школахъ (2). Другой профессоръ московскаго университета, Баузе (1752—1812) занимался собираніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, купилъ много книгъ старинныхъ у тогдашняго собирателя древностей, Ѳерапонтова, и такимъ образомъ составилъ замѣчательное и даже единственное, по замѣчанію Калайдовича, собраніе древностей, которое сгорѣло во время французскаго нашествія въ 1812 г. Страсть Баузе къ древностямъ имѣла вліяніе на Калайдовича, который былъ слушателемъ Баузе во время его профессорства. Въ одной изъ своихъ академическихъ рѣчей Баузе выбралъ предметомъ состояніе просвѣщенія въ Россіи до Петра В. Исторію этого просвѣщенія онъ раздѣляетъ на три періода. Въ первомъ (до Ярослава) замѣчательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій: во второмъ (до Іоанна III)—заботы Ярослава о наукахъ, заведеніе имъ школы для 300 дѣтей, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ и проч.; третій періодъ обнимаетъ время до Петра В.— Но самымъ знаменитымъ собирателемъ памятниковъ древней письменности и вообще памятниковъ древности былъ графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Онъ начинаетъ собою рядъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей, покровителей и издателей русскихъ древностей, которымъ преимущественно и обязана исторія ихъ разработки; въ XVIII в.

(1) Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitio et recensio.

(2) Біографич. словарь профессоровъ московскаго университета ч. II.

онъ имѣетъ такое же значеніе въ этой исторіи, какое въ нашемъ XIX в. графы Н. П. Румянцевъ, Ѳ. А. Толстой и А. С. Уваровъ. Мусинъ-Пушкинъ (1744—1817) собралъ богатую библіотеку древнихъ рукописей, въ которую между прочимъ вошли, по свидѣтельству митр. Евгенія, многія книги и записки св. Димитрія Ростовскаго, Крекшина, Татищева, Болтина, Барсова и Елагина. Къ сожалѣнію, большая часть его рѣдкихъ книгъ, записокъ и вещей погибла въ Москвѣ, во время французскаго нашествія въ 1812 г. По собраннымъ рукописямъ онъ издалъ въ 1799 г. Русскую Правду (вмѣстѣ съ Болтинымъ), Духовное Завѣщаніе Владиміра Мономаха въ 1795; въ томъ же году онъ открылъ въ одномъ сборникѣ XIV или XV в. знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

Исторія русской словесности начинается библіографическими сочиненіями о прежнихъ книгахъ и словарями о прежнихъ писателяхъ. Первый опытъ русской библіографіи сдѣлалъ членъ россійской академіи, епископъ нижегородскій, Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ 1737—1795). Онъ составилъ описаніе книгъ подъ заглавіемъ: „Библіотека россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена". Библіотека эта содержитъ въ себѣ обзоръ литературной производительности въ Россіи отъ начала книгопечатанія до исхода XVIII вѣка. Въ началѣ обзора Дамаскинъ излагаетъ исторію литературы или письменности, соединяя ее вмѣстѣ съ исторіей просвѣщенія. Исторію же просвѣщенія въ Россіи онъ раздѣляетъ на три періода: первый—отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія, или отъ Владиміра Святаго до Іоанна Грознаго; второй—отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или отъ временъ Грознаго до Петра В.; и третій—отъ введенія гражданской печати до 1785 года. „Библіографическій очеркъ Дамаскина, говоритъ Сухомлиновъ, по своему содержанію и основной мысли, представляетъ до того выдающееся явленіе въ нашей литературѣ XVIII в., что мы считаемъ нужнымъ привести вполнѣ это произведеніе одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ библіографовъ (¹). Библіотекарь академіи наукъ I. Бакмейстеръ († 1794) составилъ „Опытъ о библіотекѣ" (²). Въ началѣ Опыта сдѣланъ предварительный обзоръ русскаго книжнаго просвѣщенія (³).—Составленіе словарей и раз-

(¹) Обзоръ напечатанъ Сухомлиновымъ въ Исторіи Россійской Академіи. Вып 1, 170—181.

(²) Essai sur la bibliothèque de l' Académie des sciences 1776; русскій переводъ 1779.

(³) О Бауѣ и Бакмейстерѣ смотр. Библіографическій опытъ о древней русской письменности. А. Котляревскаго. Воронежъ 1881.

ныхъ извѣстій о разныхъ писателяхъ началось еще въ первой половинѣ XVIII в. Выше указано на „Краткую записку о современныхъ писателяхъ“ Штелина и „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“ Дмитревскаго. Извѣстіе Дмитревскаго послужило основой для „Опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова (1). Словарь Новикова важенъ, какъ первый полный и связный матеріалъ для біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и вообще для исторіи русской литературы XVIII в. Въ немъ особенно интересны тѣ взгляды современниковъ на тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, которые Новиковъ занесъ въ свою книгу. Сначала онъ обыкновенно говоритъ объ образованіи писателей, объ ихъ свѣдѣніяхъ въ той или другой наукѣ, потомъ перечисляетъ ихъ сочиненія и наконецъ дѣлаетъ отзывы, или произноситъ сужденія объ этихъ сочиненіяхъ. Въ сужденіяхъ о достоинствѣ сочиненій Новиковъ цѣнитъ вѣрность изображенія нравовъ, выдержанность характеровъ, простоту и естественность завязки и дѣйствія; но въ тоже время требуетъ, чтобы все это было украшено искусствомъ. Языку и слогу и вообще внѣшней сторонѣ произведенія, согласно съ требованіями и вкусомъ своего времени, онъ придаетъ такое же значеніе, какъ и содержанію. За внѣшнюю сторону онъ хвалитъ иногда сочиненія, мало интересныя по внутреннему достоинству и наоборотъ; онъ хвалитъ напр. Елагина и Козицкаго, но холодно отзывается о Кантемирѣ. Впрочемъ, это относится преимущественно къ литературнымъ сочиненіямъ. Въ ученыхъ же сочиненіяхъ онъ главное вниманіе обращалъ на знаніе и трудолюбіе. Онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ обширнымъ знаніямъ Тредьяковскаго, къ его ученымъ и переводнымъ трудамъ; хвалитъ Щербатова, какъ просвѣщеннаго и достойнаго великаго почтенія мужа, какъ знаменитаго любителя и изыскателя древностей россійскихъ и писателя исторіи своего отечества.—Въ 1787 г. былъ напечатанъ „Драматическій словарь“ (2). Имя со-

---

(1) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій собралъ Николай Новиковъ. Спб. 1772 г. Новое изданіе П. А. Ефремова: Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867. Подробныя свѣдѣнія о словарѣ Новикова въ статьѣ М. И. Сухомлинова: Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ. Зап. Акад. наукъ 1865 том. VI.

(2) Драмматической словарь или показанія по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. Новое изданіе Драматическаго словаря было сдѣ- книжнымъ магазиномъ Новаго Времени въ 1881 г.

ставителя этого словаря неизвѣстно; въ предисловіи къ нему авторъ замѣчаетъ, что онъ составилъ его для дѣтей одного своего пріятеля, желавшихъ знать о драматическихъ піесахъ, какія даются въ Москвѣ и Петербургѣ, но, собравъ свою книгу, не убоялся напечатать оную, почитая услугой публикѣ. Интересный въ свое время, какъ справочная книга, для насъ словарь имѣетъ значеніе потому, что изъ него мы можемъ видѣть состояніе драматической литературы въ послѣдней четверти XVIII в. Къ различнымъ сочиненіямъ въ немъ присоединены интересныя примѣчанія о томъ, какой успѣхъ имѣло то или другое сочиненіе, кто изъ актеровъ въ немъ особенно отличался. Вообще онъ представляетъ довольно матеріаловъ для исторіи русской драматической литературы, много анекдотическихъ подробностей изъ исторіи русскаго театра, отзывовъ о разныхъ піесахъ.—Но самымъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русской литературы, разумѣется, были два словаря о русскихъ писателяхъ знаменитаго митр. Евгенія Болховитинова (1767—1837): 1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви Спб. 1818 г.; 2) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи М. 1845, которые, впрочемъ, только начали приготовляться въ разсматриваемую эпоху, но изданы были уже въ слѣдующемъ столѣтіи (1).

Начало разработки памятниковъ народной старины и словесности (2). Мы выше замѣтили, что при стремленіи къ усвоенію идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ то же время эпохою національнаго сознанія и народныхъ патріотическихъ стремленій. Писатели часто брали сюжеты для своихъ произведеній изъ народнаго быта, вставляли въ эти произведенія народныя пѣсни, народныя преданія и сказки передѣлывали на современный ладъ, вводили въ свои произведенія народную рѣчь. Рядомъ съ этимъ происходило собираніе, изданіе и изученіе памятниковъ народной поэзіи, миѳологіи и народныхъ преданій. Сама императрица Екатерина, какъ мы видѣли, пер-

---

(1) Начало словаря свѣтскихъ писателей было напечатано въ журналахъ «Другъ Просвѣщенія» 1805—1806 г. и Сынъ Отечества 1821—1822; полное же изданіе словаря сдѣлано только въ 1845 г. Погодинымъ.

(2) Исторія разработки народной старины и народной словесности вообще изложена въ изслѣдованіи А. Н. Пыпина: Исторія русской этнографіи. 4 тома. Спб. 1890—1892.

вая напечатала „Выборныя россійскія пословицы"; потомъ поручила Богдановичу составить сборникъ пословицъ; часть ихъ приказала перевести на французскій языкъ и послала ихъ въ Гримму, чтобы познакомить съ ними Европу. Изъ современныхъ ученыхъ и писателей, какъ собиратели и издатели произведеній народной словесности, сдѣлались извѣстны Чулковъ, Поповъ, Львовъ и Ключаревъ. Михаилъ Дмитріевичъ Чулковъ († 1793), московскій студентъ, а потомъ секретарь сената, издавалъ въ народномъ духѣ, какъ выше указано, два журнала: „И то и се" и „Парнасскій Щепетильникъ", въ которыхъ помѣщалъ статьи по народной старинѣ и народной словесности. Въ 1770—74 г. онъ издалъ въ Спб. собраніе разныхъ народныхъ пѣсенъ (4 части), заключающее 1) пѣсни или романсы разныхъ тогдашнихъ авторовъ, по преимуществу любовные, и 2) пѣсни чисто народныя, которыя были напечатаны въ первый разъ (¹). Въ 1780 г. онъ напечаталъ „Русскія народныя сказки о богатыряхъ" (10 частей); въ 1787 г. „Древнія сказки славянъ древлянскихъ" (6 частей). Въ предисловіи къ первому собранію сказокъ, указывая на парижскую и берлинскую Вивліоѳику романовъ и повѣстей, онъ говоритъ: „Россія имѣетъ такъ же свои (т. е. романы и повѣсти), и оныя хранятся только въ памяти; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки русскія, съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей, имѣющихъ время собрать все оныхъ множество, чтобы составить вивліоѳику русскихъ романовъ... Наконецъ во удовольствіе любителямъ сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ никто еще не слыхивалъ, и которыя вышли въ свѣтъ во первыхъ (т. е. впервые) въ сей книгѣ". Въ 1782 г. Чулковъ издалъ „Словарь русскихъ суевѣрій", который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ: „Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шаманства и проч." (М. 1786). Это была первая замѣчательная книга по народной миѳологіи и этнографіи. Чулкову помогалъ въ собраніи народныхъ произведеній *Михайло Поповъ* († 1790), воспитанникъ шляхетскаго корпуса, бывшій секретарь коммиссіи новаго уложенія, человѣкъ изъ народа и отличавшійся любовію къ народной поэзіи. Въ 1765 г. онъ издалъ собраніе пѣсенъ, а въ 1768 г. словарь, или описаніе древняго языческаго славянскаго баснословія; написалъ романъ „Славянскія древности" и нѣсколь-

---

(¹) Смотр. о старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ Л. Н. Майкова. Журн. М. Н. Пр. 1880; ноябрь.

ко оперъ и комедій въ народномъ духѣ.—Н. А. Львовъ былъ душею того кружка, литературнаго и художественнаго, который сосредоточивался около Державина, и былъ руководителемъ и другомъ послѣдняго. Въ 1795 г. онъ написалъ богатырскую пѣснь „Добрыня Никитичъ“. Онъ помогъ капельмейстеру И. Прачу (ум. 1819) сдѣлать собраніе народныхъ пѣсенъ съ голосами (1790) и написалъ къ этому изданію предисловіе. Всѣ народныя пѣсни въ этомъ собраніи раздѣлены на 6 классовъ: протяжныя, плясовыя, хороводныя, свадебныя, святочныя и малороссійскія. Въ предисловіи къ изданію, между прочимъ, замѣчено, что „особое раченіе было употреблено на то, чтобы съ возможною точностію записать народную мелодію... Сохранивъ, такимъ образомъ, все свойство народнаго россійскаго пѣнія, собраніе сіе имѣетъ и все достоинство подлинника; простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками иногда странной мелодіи нигдѣ не нарушены“.—Ѳ. П. Ключаревъ, воспитанникъ московскаго университета, бывшій товарищъ. Новикова по Дружескому ученому обществу, въ 1804 г. издалъ, подъ заглавіемъ: „Древнія россійскія стихотворенія“, собраніе былинъ, дополненное въ послѣдствіи Калайдовичемъ. Такъ начались собираніе и разработка произведеній народной словесности. Необходимо замѣтить впрочемъ, что этимъ произведеніямъ тогда совсѣмъ не приписывали такого значенія, какъ нынѣ, и во всякомъ случаѣ ставили ихъ гораздо ниже произведеній древней письменной литературы. Изображеніе быта и нравовъ минувшаго времени, говоритъ Болтинъ, надо искать въ литературныхъ т. е. письменныхъ памятникахъ, а отнюдь не въ такъ называемыхъ народныхъ пѣсняхъ. „Изображаютъ вкусъ и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи Несторова, Іоакимова, законы Изяславовы и Ярославовы, договоры мирные, грамоты, изложенія духовныя и политическія и подобные имъ уцѣлѣвшіе отъ древности письменные остатки“. Старинныя же пѣсни, каковы объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра и проч. пѣсни „подлыя, безъ всякаго складу и ладу. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и можетъ быть бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что, слагая такія пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ, ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается“ (1). Державинъ, какъ уже выше замѣчено, также не очень высоко цѣнилъ произведенія народной словес-

(1) Прим. на ист. Леклерка II, 60.

ности. Говоря о былинахъ, изданныхъ Якубовичемъ, онъ почти не находитъ въ нихъ ни поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ немногихъ: „онѣ одноцвѣтны и однотонны“. На томъ основаніи, что въ нихъ постоянно говорится о татарахъ, онъ думалъ, что всѣ онѣ сочинены уже по освобожденіи отъ ига ихъ, „какимъ нибудь однимъ человѣкомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается не вкусъ цѣлаго народа“ (1). Такимъ образомъ вообще старинѣ и народной словесности въ это время приписывалось значеніе только поэтическое и баснословное, а не этнографически-историческое. Такъ смотрѣли на нихъ и сами ихъ собиратели и изслѣдователи. Печатая „Описаніе славянскаго баснословія“ (въ 1768), Поповъ говорилъ: „Сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ“. Памятники старины только что стали приводиться въ извѣстность; никакой критики, ни филологической, ни исторической, еще не существовало. Чисто народные элементы въ нихъ еще не были отдѣлены отъ разныхъ постороннихъ наростовъ. Въ Абевегѣ русскихъ суевѣрій Чулкова, между русскими суевѣріями, мы встрѣчаемъ много вѣрованій и обычаевъ всякихъ русскихъ инородцевъ, татаръ, мордвы, чувашъ и проч., о какихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія. Не придавая памятникамъ народной старины и старинной народной поэзіи историческаго значенія, обращались съ ними, какъ съ поэтическимъ матеріаломъ; въ случаѣ пробѣловъ или пропусковъ народной памяти, не стѣснялись дѣлать разныя дополненія и украшенія и создавали иногда даже вновь. Это дѣлали и въ послѣдствіи; въ 1804 г. Глинка, издавая свою книгу „Древняя религія славянъ“, прямо заявляетъ: „описывая произведенія фантазіи или мечтательности (такъ онъ понималъ древнюю миѳологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ, буду дополнять свойственною подъ древнюю стать фантазіею“... Онъ помѣстилъ гимнъ Перуну, отсутствующій у историковъ и сочиненный имъ самимъ „подъ древнюю стать“. Извѣстно, что одинъ не очень хитрый поддѣльщикъ тѣхъ временъ сочинилъ на мнимо старинномъ языкѣ гимнъ Бояна, найденный „въ свиткѣ перваго вѣка, вмѣстѣ съ нѣсколькими произреченіями пятаго столѣтія новгородскихъ жрецовъ“. Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи. Съ точки зрѣнія псевдоклассической аристократической теоріи, эти произве-

(1) **Разсужденіе о лирич. поэзіи, Сочиненія VII, 607—608.**

денія, какъ произведенія подлаго народа, считались въ подлинномъ ихъ видѣ недостойными вкуса образованныхъ людей, и потому при изданіи ихъ признавали необходимымъ очищать ихъ отъ грубости, украшать и вообще приспособлять къ современному вкусу. Богдановичъ въ своемъ сборникѣ нѣкоторыя пословицы переложилъ въ стихи и вообще измѣнялъ и передѣлывалъ. Поповъ въ предисловіи къ изданію русскихъ пѣсенъ говоритъ: „Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не только разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлялъ оные съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало“ ([1]). Выше указано, какъ Державинъ, въ своихъ драматическихъ піесахъ изъ народной исторіи, измѣнялъ народныя сказанія, или смѣшивалъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями.—Не смотря однакожъ на такія искаженія и вообще ошибки и неправильности въ пониманіи истиннаго характера и значенія памятниковъ народной старины и народной словесности, всѣ указанные выше труды ихъ собирателей и изслѣдователей имѣли весьма важное значеніе; они положили начало для ихъ разработки и приготовили много матеріаловъ для будущихъ дѣятелей въ этой области.

Изъ литературныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, составлялись хрестоматическіе сборники для популярнаго чтенія и общаго употребленія. Таковы были „Товарищъ разумный и замысловатый“ Семенова, „Письмовникъ“ Курганова и „Старичекъ весельчакъ“ неизвѣстнаго автора. Первый сборникъ вышелъ въ 1764 г. подъ заглавіемъ: „Товарищъ разумной и замысловатой, или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ, переведенной съ французскаго и умноженной изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества“. Съ эпиграфомъ изъ Горація: Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci, то есть: „тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ“. Въ предисловіи къ Товарищу было сказано: „Мнѣнія, скорые отвѣты и замысловатыя рѣчи были всегда у всѣхъ политическихъ народовъ въ почтеніи. Греки и римляне оказались въ томъ первые чрезъ стараніе, которое они имѣли въ собираніи и употребленіи оныхъ. Юлій Кесарь собралъ довольное число замысло-

([1]) Сказанія Р. Н. Сахарова I, 28.

ватыхъ рѣчей отъ своихъ современниковъ. Славный историкъ Плутархъ съ немалымъ тщаніемъ старался собирать замысловатыя рѣчи, сказанныя знатными людьми, коихъ онъ описывалъ жизни; въ чемъ такъ же Діогенъ Лаэрцій не преминулъ ему послѣдовать, описывая жизни философовъ; а изъ нынѣшнихъ милордъ Баконъ Гишарденъ и многіе другіе оными набогатили свои писанія". Сопоставляя свой сборникъ замысловатыхъ рѣчей съ древними апофѳегмами, составитель указываетъ и различіе между ними: „Апофѳегматъ отличествуетъ отъ замысловатой рѣчи, или отъ скораго отвѣта тѣмъ, что первый бываетъ обыкновенно важенъ и подавающъ наставленіе, а замысловатыя рѣчи и скорые отвѣты насъ наставляютъ и увеселяютъ въ одно время; иногда такъже бываютъ совсѣмъ увеселительныя, а иногда язвительныя и сатирическія" ([1]). Но гораздо разнообразнѣе по предметамъ и серьезнѣе и важнѣе по характеру былъ „Письмовникъ" Курганова. *Николай Гавриловичъ Кургановъ* (1726—1796) былъ профессоромъ математики и навигаціи въ морскомъ корпусѣ. Онъ извѣстенъ, какъ составитель руководствъ по ариѳметикѣ, геометріи, навигаціи; но особенную извѣстность онъ пріобрѣлъ своимъ хрестоматическимъ сборникомъ, подъ заглавіемъ: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія" (1777 г.). Это была энциклопедія того времени, обнимавшая сумму тогдашнихъ знаній по разнымъ частямъ науки и содержавшая сборникъ разныхъ сочиненій литературнаго характера, для наставленія и увеселенія читателей. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ началѣ помѣщена россійская грамматика, а потомъ, въ формѣ хрестоматіи къ ней, приложено восемь „присовокупленій". Въ предисловіи авторъ разсказываетъ, что онъ, вздумавъ поучить дѣтей своихъ правиламъ русскаго языка по прежде изданной русской грамматикѣ, нашелъ ее для нихъ „многотрудною" и потому принужденъ былъ ее „преобразить". Сверхъ того, обогатилъ онъ ее присовокупленіемъ разныхъ благопристойныхъ вещей, вѣдая, что „различность веселитъ, обогощаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ... Станется, въ семьѣ не безъ урода; нѣкоторыя рѣчи въ пословицахъ и повѣстцахъ найдутся простоваты и ошибки въ словотолкѣ; причиною тому новое сіе дѣло, могущее исправиться еще въ будущихъ изданіяхъ. Впрочемъ, должно взирать на хитрость пчелъ, и внимать

([1]) Историч. христ. новаго періода русской словесности А. Галахова.

ученію: будите мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе. Подобаетъ вамъ и ереси знати, да искуснѣйшіе явитеся. Критики избѣжать трудно и всѣмъ управить невозможно. Человѣкъ есть животное, подверженное смѣху и надъ другими издѣваться любящее; легче судить и цѣнить, нежели что либо сочинять и издавать. Въ книгу сію занятая мѣстами чужденка не порокъ, ибо и творцы нынѣшніе походятъ на списщиковъ или бытописцевъ" ([1]). Присовокупленія, составляющія хрестоматію книги, слѣдующія: 1) Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Пословицы расположены по алфавиту; изложеніе ихъ мѣстами отзывается книжнымъ складомъ. 2) Краткія замысловатыя повѣсти. Онѣ заимствованы изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ и имѣютъ характеръ краткихъ анекдотовъ поучительнаго, забавнаго, а иногда и вольнаго, соблазнительнаго содержанія. 3) Древнія апофѳегмы и Эпиктетово нравоученіе. Апофѳегмы взяты изъ переводной книги, напечатанной въ 1711 г. и потомъ издававшейся нѣсколько разъ; онѣ содержатъ краткія изреченія разныхъ знаменитыхъ мужей древности. Эпиктетово нравоученіе взято изъ Бельгардова французскаго перевода. — Разсужденіе Сенеки о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ: благоразуміи, мужествѣ, воздержности, правосудіи.—Перечень человѣческихъ знаній: краткія свѣдѣнія о Богѣ, человѣкѣ, вѣрѣ, законахъ. 4) Разные учебные разговоры. Изъ 8-ми разговоровъ особенное значеніе имѣютъ 7-й о миѳологіи, гдѣ кратко изложена греко-римская миѳологія, и 8-й, гдѣ помѣщенъ отдѣлъ изъ теоріи словесности—„о поэзіи и прозѣ" и разныхъ формахъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній. 5) Сборникъ разныхъ стихотвореній—образцы эпитафіи, оды, эклоги, идилліи, элегіи, притчи, басни, эпиграммы, загадки, сатиры и проч.—6) Всеобщій чертежъ наукъ—обширная и очень дѣльная статья, въ которой объясняется происхожденіе разныхъ наукъ и художествъ, ихъ предметъ, взаимное отношеніе, ихъ достоинство и значеніе.—Краткій повѣстной лѣтописецъ. Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ и иностранныхъ великихъ мужей и проч. особъ.—7) Словарь разноязычный, или толкованіе еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ

([1]) Заимствованія и источники книги Курганова указаны въ статьѣ А. И. Кирпичникова: «Былыя знаменитости русской литературы. Кургановъ и его Письмовникъ». Истор. Вѣстн. 1887, сентябрь, 473—503. Главныя заимствованія въ отдѣлѣ повѣстей и анекдотовъ сдѣланы изъ Roger Bontems en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis et aux joyeux le secret de vivre toujours contens. 1670.

словъ. Очень понятно, что при такомъ разнообразномъ содержаніи, Письмовникъ Курганова не только въ концѣ прошлаго, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи пользовался большой популярностью и имѣлъ множество изданій; при новыхъ изданіяхъ дѣлались еще новыя прибавленія. Далеко не имѣетъ такого значенія третій сборникъ, несравненно нисшаго достоинства, хотя такъ же долго служившій народною книгою, „Старичекъ весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были", напечатанный въ первый разъ въ 1789—90 г. Неизвѣстный его составитель переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями. Наконецъ писались въ это время книги и прямо для простаго народа. Изъ писателей такихъ книгъ извѣстенъ Матвѣй Комаровъ, называющій себя жителемъ Москвы. Онъ издалъ: Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго россійскаго славнаго вора... Ваньки Каина; втораго французскаго мошенника Картуша (1779); Повѣсть о приключеніи англинскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевны, Терезіи (1782); Невидимка, исторія о Фецкомъ королевичѣ, Аридесѣ, и о братѣ его, Полумедесѣ; Сборникъ стиховъ и прозы и разныя письменныя матеріи (1791). Исторія Ваньки Каина и Повѣсть о милордѣ Георгѣ до сихъ поръ обращаются въ народномъ чтеніи, какъ любимыя книги, и выдержали множество изданій съ картинками и портретомъ англинскаго милорда (1).

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Состояніе духовнаго образованія въ екатерининскую эпоху. Въ духовномъ образованіи и духовной литературѣ въ екатерининскую эпоху мы встрѣчаемъ также замѣтное оживленіе, въ слѣдствіе какъ общаго вліянія просвѣтительныхъ стремленій XVIII в., такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ. Духовныя училища, какъ и прежде, продолжали быть разсадниками, изъ которыхъ набирали воспитанниковъ въ академическую гимназію и университетъ и для отправленія въ ученіе заграницу. Академики Румовскій, Озерецковскій и Никита Соколовъ были изъ духовнаго сословія и учились сначала въ московской академіи; поэтъ Костровъ былъ вятскій семинаристъ, докончившій образованіе въ московской академіи; нѣкоторые литераторы и журналисты, напр. Рубанъ, образованіе свое получили также

(1) О сочиненіяхъ Комарова смотр. у Бѣлинскаго том. III, 251—257.

въ духовныхъ школахъ. Но заботясь о распространеніи образованія въ Россіи по современнымъ идеямъ, Екатерина хотѣла поднять и духовныя школы также до современнаго уровня. Образованная съ этою цѣлію духовная коммиссія изъ Гавріила еп. тверскаго, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона (впослѣдствіи митр. московскаго), сверхъ преобразованія духовныхъ семинарій расширеніемъ курса наукъ и улучшеніемъ экономическихъ средствъ, предполагала учредить въ Москвѣ даже духовный университетъ, или по крайней мѣрѣ богословскій факультетъ при московской академіи. Предположеніе это стояло въ связи съ посылкой воспитанниковъ семинарій для высшаго образованія въ заграничные университеты (1). Въ 1765 г. св. синоду была объявлена высочайшая воля, чтобы изъ учениковъ семинарій избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. Для надзора за ними положено было послать двухъ инспекторовъ. Изъ выбранныхъ учениковъ одни были отправлены въ Оксфордъ, другіе въ Геттингенъ, третьи въ Лейденъ. По инструкціи, данной посланнымъ въ Англію, предписывалось: обучаться греческому, еврейскому и французскому языкамъ, моральной философіи, гисторіи наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, также и непространной богословіи... Всѣмъ вообще ходить на публичные диспуты и другія ученыя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго стиля. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случиться догматы, нашей церкви противные; инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ лекціи разсмотрѣть и ежелибъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями" (2). Посланные ученики учились съ полнымъ усердіемъ и заслужили отъ профессоровъ, которыхъ слушали, самые лестные отзывы; но многіе изъ нихъ, по молодости лѣтъ, не выдержали трудности ученія и захворали, нѣкоторые даже умерли, а нѣкоторые должны были возвратиться прежде окончанія курса. Прежде всѣхъ возвратились въ Россію студенты, учившіеся въ Оксфордѣ и Лейденѣ и послѣ экзамена

---

(1) **Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года П. В. Знаменскаго, стр. 469—480.**

(2) **Истор. Россіи Соловьева XXVI, 318—319.**

были размѣщены по разнымъ семинаріямъ. Самые отличные успѣхи изъ нихъ на экзаменѣ оказалъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, въ послѣдствіи Дамаскинъ, епископъ нижегородскій, который сначала учился въ московской академіи и былъ отправленъ въ Англію уже изъ учителей крутицкой семинаріи, въ качествѣ инспектора надъ студентами. Духовная коммиссія, представляя императрицѣ отчетъ объ экзаменѣ студентовъ, представила вмѣстѣ съ нимъ еще докладъ объ основаніи въ Москвѣ богословскаго факультета. Указавъ на то, что, по примѣру европейскихъ университетовъ, въ которыхъ, кромѣ другихъ факультетовъ, есть еще факультетъ богословскій, слѣдовало учредить богословскій факультетъ и при московскомъ университетѣ, при его основаніи; но этотъ факультетъ не былъ учрежденъ, потому что тогда учителей и профессоровъ для него своихъ не было, а надобно было ихъ выбирать изъ чужестранцевъ. Коммиссія представляла, что для образованія духовенства полезно было бы учредить этотъ факультетъ подъ особеннымъ управленіемъ синода и собственнымъ покровительствомъ государыни. Всего удобнѣе было бы открыть этотъ факультетъ въ Москвѣ, какъ городѣ многолюдномъ; профессорами и учителями этого факультета могутъ быть какъ уже возвратившіеся изъ заграницы студенты, какъ напр. Семеновъ съ товарищами, такъ и тѣ, которые еще возвратятся изъ Лейдена и Оксфорда. Для приготовленія къ этому факультету можно бы устроить отдѣленіе въ Спасскомъ монастырѣ, или даже особую при факультетѣ гимназію... Изъ богословскаго факультета всѣ должны были бы поступать или въ учителя семинарій, или въ духовное и монашеское званіе. Такимъ образомъ, въ духовенствѣ оказалось бы современемъ много просвѣщенныхъ людей... Такъ какъ въ Спасскомъ монастырѣ академія заведена еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ то для сохраненія сего древняго учрежденія можно бы и богословскій факультетъ причислить къ ней же, такъ чтобы оба эти училища, учрежденныя для духовенства, назывались одною академіею. Прочитавъ этотъ докладъ, Екатерина велѣла коммиссіи подать ей проектъ плана, на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ можетъ быть учрежденъ въ Москвѣ богословскій факультетъ. Въ слѣдствіе этого въ синодѣ въ 1777 г. были составлены и поданы императрицѣ уставъ и штатъ академіи и предполагаемаго при ней богословскаго факультета; но они остались почему-то безъ послѣдствій (1).

---

(1) Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II. Z. Вѣстникъ Европы 1873; ноябрь.

Въ духовенствѣ екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ много образованныхъ людей, которые были замѣчательными дѣятелями какъ въ наукѣ, такъ и дѣлахъ общественныхъ. При Петрѣ В. духовенство помогало дѣлу реформы своимъ словомъ; во 2-й половинѣ XVIII в., когда литература достигла уже такого развитія, что могла быть лучшимъ орудіемъ для проведенія всякаго рода идей въ общество, Екатерина не имѣла такой нужды въ помощи церковнаго слова; но для того, чтобы своимъ учрежденіямъ придать санкцію церкви и духовенства, она нерѣдко обращалась къ духовенству съ разными порученіями. Еще до обнародованія Наказа она поручила разсмотрѣть его епископу Гавріилу, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, епископомъ псковскимъ, и іеромонахомъ Платономъ. Разсмотрѣвъ Наказъ, они написали, что во всемъ Наказѣ „святая блистаетъ мысль, чтобъ доставить всякому любезную естественную вольность, соединяя оную съ ненарушеніемъ общаго покоя, и чтобъ наказаніе зла было совокупно съ исправленіемъ злыхъ“, и прибавляли, что почтутъ счастливѣйшимъ въ своей жизни то время, когда вступитъ въ дѣйствіе „божественное законодательство“, составленное по идеямъ Наказа. Но, выражая такое сочувствіе къ Наказу вообще, Гавріилъ и его сотрудники въ тоже время указали, хотя въ самой мягкой формѣ, и тѣ крайности, въ какія, по ихъ мнѣнію, впадаетъ иногда Наказъ ([1]). Въ коммиссію для составленія новаго уложенія былъ назначенъ депутатомъ отъ Синода сначала архіеп. Дмитрій Сѣченовъ, а потомъ, послѣ его смерти, преемникъ его по каѳедрѣ, Гавріилъ Петровъ. При открытіи коммиссіи, предъ принесеніемъ депутатами присяги, Гавріилъ говорилъ рѣчь о томъ, что основаніе общественныхъ законовъ лежитъ въ самомъ существѣ общества, подобно тому, какъ основаніе нравственнаго закона таится въ глубинѣ души человѣка. „Законъ общества . . . есть изъясненіе того закона, который во всѣхъ насъ вліянъ отъ Бога. Итакъ соглашать законъ общества съ закономъ Божіимъ есть возставлять человѣчество, приводить его въ полное благополучіе и прославлять самого законодавца . . . Счастлива Россія, что премудрую и попечительную монархиню имѣетъ; счастливы вы, которые удостоены предлагать ей свои изобрѣтенія. Ваша, почтенные господа, честь и избраніе на великое сіе дѣло суть тѣ превосходныя качества, которыя въ васъ находитъ монархиня, почитаетъ общество, и которыми одарилъ васъ Богъ . . . Выведите любовь вашу изъ тѣсныхъ ва-

---

([1]) **Истор. росс. академіи 1. 61—62. Здѣсь приложены и самыя замѣчанія на Наказъ, какія сдѣланы Гавріиломъ и его сотрудниками.**

шихъ границъ и распространите ко всѣмъ; пріимите чувство, и возымѣйте состраданіе бѣдности другихъ; почтите благополучіе всякаго въ обществѣ благополучіемъ своимъ, и признайте, что несчастіе и послѣдняго въ обществѣ должно почитать несчастіемъ всего общества; устремите силы ваши на такія изобрѣтенія, чтобъ вкоренить во всѣхъ человѣколюбіе и благонравіе, отвратить ихъ отъ пороковъ и удержать отъ продерзости на законъ; такъ добродѣтель и вѣра останутся въ покоѣ, такъ процвѣтетъ благополучіе Россіи . . . Господи! открой завѣсу, которая преграждаетъ насъ отъ Тебя, чтобы мы могли яснѣе увидѣть величество Твое, воодушевить себя чувствомъ Твоего правосудія, и при исполненіи сихъ нашихъ клятвъ насладиться Твоею благостію" (1). Послѣ открытія коммиссіи, при представленіи депутатовъ, архіеп. Димитрій также говорилъ рѣчь, въ которой законодательное право императрицы связывалъ съ древнимъ законодательствомъ: „Прославлялася иногда древняя Греція, прославлялся Римъ своими законодателями; но къ полной ихъ славѣ не доставало того, что не просвѣщены были евангельскимъ ученіемъ, которое есть всякаго нравоученія претвердымъ основаніемъ; но ты, симъ свѣтомъ путеводима, изъ источниковъ истины христіанскія почерпаеши воду животную. Были и въ христіанскихъ греческихъ государяхъ, кои славу законодателей получили; но теченію вещей, по неизвѣстнымъ Божіимъ судьбамъ, премѣнившуся (вслѣдствіе турецкаго нашествія) сила законовъ сама собою перестала. Но въ сихъ судьбахъ печальныхъ усматриваемъ мы судьбу для насъ благопріятную, ибо по перенесеніи съ Востока къ намъ вѣры, и право законодательства яко наслѣдственно тебѣ препоручено отъ Того, Который и настоящая потребно правитъ и будущая полезно устрояетъ" (2).—22 ноября 1768 г., сенатъ и коммиссія уложенія поздравляли Екатерину съ выздоровленіемъ послѣ привитія оспы; при этомъ епископъ Гавріилъ, какъ депутатъ коммиссіи, говорилъ: „Ваше намѣреніе, чтобы законодательствомъ привести Россію къ такому совершенству, дабы россійскій народъ, сколько возможно по человѣчеству, въ свѣтѣ благополучнѣйшимъ и паче всѣхъ справедливостію процвѣтающимъ былъ. Ваши премудрыя предписанія, руководящія насъ къ тому, наполняютъ насъ отмѣннымъ къ Вашему императорскому Величеству усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ. Ваше умножающееся благополучіе жизнь Вашу дѣлаетъ намъ драгоцѣнною; но при всемъ томъ едино еще оставалось, что насъ смущало, опасность той язвы,

(1) Истор. росс. академіи 1, 95—100. (2) Исторія Россіи Соловьева XXVII, 85—86.

которую климатъ сей дѣлаетъ всѣмъ общею. Ваше императорское Величество, желая совершить и утвердить наше блаженство, наше смущеніе своимъ великодушіемъ утишили, и принявъ на себя опытъ опасный, опасность нашу отвратили" (1). При открытіи воспитательныхъ заведеній, учрежденіи въ разныхъ мѣстахъ намѣстничествъ, вообще при всѣхъ важныхъ событіяхъ, проповѣдники старались объяснить важность и смыслъ этихъ событій.

Несомнѣнно, что образованное духовенство и особенно его представители сочувствовали гуманнымъ учрежденіямъ Екатерины, равно какъ и тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, изъ которыхъ выходили эти учрежденія. Въ словахъ и рѣчахъ Гавріила мы часто встрѣчаемъ мысли, сходныя съ мыслями, выраженными въ Наказѣ. Нравственное ученіе Гавріила отзывается современными идеями естественнаго права: въ вопросахъ догматическихъ онъ, согласно съ требованіями современной философіи, предписываетъ разсудительность и разумность. Митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ весьма часто обращался къ современному вопросу о воспитаніи и выражаетъ тѣ же идеи, какія выражаются въ сочиненіяхъ Екатерины и современныхъ писателей. Въ „Увѣщанія къ раскольникамъ" онъ является проповѣдникомъ вѣротерпимости и убѣждаетъ всѣхъ обходиться съ раскольниками, какъ съ братьями. Въ повѣстяхъ архіеп. Аполлоса мы такъ же находимъ современныя просвѣтительныя идеи. По вопросу о воспитаніи, онъ написалъ „Общій способъ ученія для всякаго состоянія свободныхъ людей". Въ проповѣдяхъ Анастасія Братановскаго о безсмертіи души много мыслей, сходныхъ съ мыслями Эйлера, знаменитыя письма котораго въ это время пользовались особенною популярностію. Но, сочувствуя гуманнымъ идеямъ современной науки и литературы, духовенство не могло, разумѣется, сочувствовать ихъ отрицательной сторонѣ и особенно скептическимъ и революціоннымъ идеямъ энциклопедистовъ. Всегда отвергая подобныя идеи, оно съ особенною силою и ревностію начало возставать противъ нихъ тогда, когда французская революція показала, къ какимъ послѣдствіямъ онѣ приводятъ общество. Противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, увлекавшихся ученіемъ энциклопедистовъ, духовенство писало сочиненія, или переводило на русскій языкъ сочиненія, написанныя въ Европѣ; проповѣдники и особенно Платонъ и Анастасій говорили противъ нихъ съ церковной каѳедры. Въ этомъ оппозиціонномъ движеніи духовенство сначала примыкало къ масонству, которое, какъ мы видѣли, пер-

---

(1) Тамъ же XXVIII стр. 7—8.

вое начало борьбу съ философіей энциклопедистовъ; но потомъ, когда оказалось, что само масонство заключаетъ въ себѣ множество страннаго и даже противнаго чисто христіанскому ученію, оно отдѣлилось отъ масонства и начало ратовать противъ него.

Замѣчательные духовные писатели и разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія (1). Мы сказали, что въ духовенствѣ въ екатерининскую эпоху было много образованныхъ людей, которые заявили свою дѣятельность въ наукѣ и литературѣ. Когда Вольное Россійское Собраніе стало собирать областныя слова и письменные памятники древности и старины, духовныя лица разныхъ епархій оказали ему въ этомъ большое содѣйствіе, доставивши множество областныхъ словъ и особенностей въ рѣчи разныхъ мѣстностей. При учрежденіи россійской академіи, въ составъ 78 ея членовъ вошло 19 духовныхъ лицъ—11 монашествующихъ и 8 лицъ изъ бѣлаго духовенства, и всѣ эти лица явились дѣятельными участниками въ трудахъ академіи, особенно при составленіи словаря русскаго языка (2). Многія духовныя лица, сверхъ обширныхъ богословскихъ знаній, сдѣлались извѣстны научными и литературными трудами, каковы были уже упомянутые выше нижегор. архіеп. Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, екатерин. архіеп. Амвросій Серебренниковъ, арханг. архіеп. Аполлосъ Байбаковъ и протоіерей моск. собора Петръ Алексѣевъ.—Дамаскинъ былъ человѣкъ замѣчательно-даровитый и любознательный. Въ теченіе шести лѣтъ (1766—1772) онъ слушалъ лекціи въ геттингенскомъ университетѣ по разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ наукамъ, и обращалъ на себя вниманіе всѣхъ профессоровъ; особенно же усердно онъ занимался исторіей и за историческіе труды былъ избранъ въ члены геттингенскаго историческаго института; въ собраніи этого института онъ читалъ свое сочиненіе: „о слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“. Когда онъ возвратился въ Россію, его хотѣли, какъ выше замѣчено, сдѣлать профессоромъ предполагавшагося богословскаго факультета; но такъ какъ открытіе этого факультета не состоялось, то онъ былъ сдѣланъ профессоромъ, а потомъ и ректоромъ московской акаде-

---

(1) Кромѣ словарей митр. Евгенія и архіеп. Филарета, свѣдѣнія о духовныхъ писателяхъ екатерининской эпохи въ исторіяхъ—кіевской академіи Макарія, московской академіи С. Смирнова. М. 1856, петербургской академіи И. Чистовича Спб. 1857 г. и въ Исторіи россійской академіи М. И. Сухомлинова. Вып. I.

(2) Истор. росс. академіи. Вып. I.

міи и наконецъ орловскимъ и спустя нѣкоторое время нижегородскимъ епископомъ. Кромѣ указанной выше „Библіотеки россійской“, Дамаскинъ извѣстенъ своими проповѣдями и изданіемъ сочиненій Ломоносова, Өеофана Прокоповича (Объ исхожденіи Св. Духа) и митр. Платона. Онъ былъ членомъ россійской академіи и участвовалъ въ изданіи словаря русскаго языка.—Архіеп. Амвросій также былъ членомъ академіи, пользовался большою извѣстностію, какъ переводчикъ „Потеряннаго рая“ Мильтона и какъ авторъ упомянутаго выше руководства къ „Ораторіи“, долго употреблявшагося въ школахъ. Ораторія эта была написана подъ вліяніемъ реторики Ломоносова и разныхъ школьныхъ реторикъ XVIII в. Примѣры, приведенные въ ней, заимствованы большею частію изъ поучительныхъ словъ Платона, стихотвореній и рѣчей Ломоносова, изъ трагедій и одъ Сумарокова. Какъ проповѣдникъ, Амвросій славился надгробнымъ словомъ Потемкину, произнесеннымъ при его погребеніи въ Яссахъ (въ 1791 г.).—Архіепископъ Аполлосъ былъ воспитанникъ московской академіи, но докончилъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ.—Подобно Дамаскину, онъ такъ же отличался любознательностію и всю жизнь занимался учеными трудами. Во время пребыванія въ москов. университетѣ, онъ составилъ курсъ статистики, по лекціямъ профессора Рейхеля; состоя преподавателемъ словесности въ москов. академіи, написалъ указанную выше „Піитику“, которая вмѣстѣ съ „Ораторіей“ Амвросія сдѣлалась такъ же руководствомъ въ школахъ. Піитика написана подъ вліяніемъ сочиненій Тредьяковскаго и старинныхъ піитикъ, употреблявшихся въ духовныхъ школахъ. Примѣры въ піитикѣ приводятся также изъ сочиненій Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и другихъ писателей. Къ піитикѣ приложенъ краткій „словарь піитико-историческихъ примѣчаній“, въ которомъ лица и событія, принадлежащія къ области миөологіи, объясняются какъ иносказанія, имѣющія назидательный смыслъ. Въ санѣ епископа Аполлосъ писалъ толкованія на книги Свящ. Писанія и другія сочиненія богословскаго содержанія. Но что особенно замѣчательно, Аполлосъ писалъ и литературныя сочиненія, въ формѣ повѣстей, и переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ. „Повѣсти Аполлоса, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, по своему аллегорическому содержанію, отчасти напоминаютъ произведенія масонской литературы. Съ другой стороны, въ нихъ замѣчаются до нѣкоторой степени тѣ же просвѣтительныя стремленія, то же признаніе правъ науки и изслѣдованія силъ природы, которое съ такою яркостію обнаруживается во многихъ сочиненіяхъ Ломоносова. Въ одной изъ по-

вѣстей олицетворены два начала въ человѣческомъ существѣ, духовное и физическое, неразрывно связанныя между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденныя на постоянную борьбу. Другая повѣсть, подъ видомъ лишеннаго зрѣнія Уранія, изображаетъ судьбу человѣка—существа слѣпаго въ дѣлѣ своего спасенія и обрѣтающаго свѣтъ въ предвѣчномъ Отцѣ и т. д. Въ повѣсти Евгеонитъ т. е. рожденный для блага раскрывается та мысль, что истинное благо проистекаетъ изъ созерцанія Божіихъ дѣлъ, или другими словами, что Творца должно изучать въ его твореніяхъ . . . Подавляемый разнообразіемъ и непостижимостію силъ и явленій природы, Евгеонитъ падаетъ духомъ, но на помощь ему является Діакрисъ и своими разумными рѣчами разрѣшаетъ сомнѣнія и недоумѣнія своего собесѣдника. Въ Діакрисѣ (διάκρισις) олицетворена сила человѣческаго разума и науки; онъ называетъ себя небеснымъ посланникомъ самого Бога, другомъ смертныхъ. Такое названіе Цицеронъ и Сенека даютъ философіи. Довѣрься мнѣ, говоритъ Діакрисъ, и я разгоню мракъ твоего невѣдѣнія; я докажу тебѣ, что въ природѣ нѣтъ слѣпаго случая, а существуютъ разумныя причины, и что при всемъ разнообразіи созданнаго ты можешь познавать его, изслѣдовать его законы и наслаждаться имъ . . . Въ книгѣ Аполлоса затрогиваются различные вопросы физики, астрономіи, геологіи и т. д., говорится о планетахъ и кометахъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о свѣтѣ и звукѣ, объ атмосферѣ, о слояхъ земли, о физическомъ составѣ человѣка и т. п. Вся книга раздѣлена на семь дней и на семь вечеровъ, въ теченіе которыхъ Діакрисъ бесѣдуетъ съ Евгеонитомъ, подобно тому, какъ Фонтенель раздѣлилъ свою книгу на шесть вечеровъ: разговоры его съ маркизою о множествѣ міровъ происходили по вечерамъ. Въ заключеніе каждаго вечера и дня, составляющихъ особыя главы, помѣщены Аполлосомъ нравственные выводы въ стихахъ, представляющихъ въ формѣ элегіи, сонета, мадригала и т. д. образцы различныхъ размѣровъ".—Выше замѣчено, что Аполлосъ составилъ „Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный". При составленіи этого способа онъ руководствовался книгою французскаго писателя, маркиза Карачіоли „Истинный манторъ, или воспитаніе дворянства", которая была переведена на русскій языкъ Ѳ. Полунинымъ въ 1769 г. По книгѣ Карачіоли Аполлосъ предлагаетъ въ своемъ „способѣ" нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ вести воспитаніе съ первыхъ лѣтъ жизни питомца до вступленія его на поприще общественной дѣятельности ([1]). Изъ бѣлаго духовенства въ екатерининскую эпоху рѣзко выдѣляется между другими своимъ образованіемъ и учеными тру-

---

([1]) Истор. росс. акад. 1, 211—217.

дами протоіерей московскаго архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ (1727—1801), бывшій членъ россійской академіи. Памятниками его образованности и ученаго трудолюбія, кромѣ уже указаннаго выше замѣчательнаго церковнаго словаря, служатъ его сочиненія: исторія греко-россійской церкви, словарь еретиковъ и раскольниковъ, изданіе „Православнаго исповѣданія“ Петра Могилы, съ разными примѣчаніями, переводъ сочиненія Гуго Гроція de veritate religionis, поучительныя слова и рѣчи, произнесенныя при разныхъ случаяхъ (1).

Въ области собственно богословской науки пользовались извѣстностію: митр. кіев. Самуилъ Миславскій (+1796), дополнившій и издавшій въ Лейпцигѣ Богословіе Ѳеофана Прокоповича; митр. Гавріилъ и Ѳеофилактъ Горскій (+1778), написавшіе богословскія системы; митр. моск. Платонъ (+1812), составившій православное ученіе вѣры (Спб. 1765), катихизисъ для священно-церковно-служителей (Спб. 1775) и еще два катихизиса, бывшіе руководствами въ школахъ; архіеп. Бѣлорусскій Георгій Конисскій (+1795), написавшій догматическое богословіе на латинскомъ языкѣ; еп. смолен. Парѳеній Сопковскій (+1795), составившій книгу о должностяхъ приходскихъ священниковъ, имѣвшую нѣсколько изданій и переведенную на англійскій языкъ докторомъ Пальмеромъ, который призналъ ее классическимъ сочиненіемъ въ своемъ родѣ; митр. Гавріилъ, архіеп. Аполлосъ и архіеп. твер. Ириней Клементьевскій, занимавшіеся толкованіемъ книгъ свящ. Писанія; законоучитель смольнаго института, священникъ Іоаннъ Сидоровскій (+1795), написавшій двѣ книги: Наставленіе юношества въ христіанской жизни (Спб. 1783) и Извлеченіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (Спб. 1784), которыя долго служили классическими руководствами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; архіеп. казанскій и потомъ митр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+1818), издавшій Руководство къ чтенію Свящ. Писанія. Но самымъ вліятельнымъ и плодотворнымъ учителемъ вѣры и нравственности въ эту эпоху былъ св. Тихонъ Воронежскій. Его сочиненіе „Объ истинномъ христіанствѣ“ составляетъ образецъ русскаго православнаго богословія. Его „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и другія нравственныя сочиненія отличаются глубокою назидательностію, такъ что синодъ повелѣлъ составить изъ нихъ, для чтенія въ церквахъ, „Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ“ (1789).—По церковной исторіи и археологіи извѣстны своими сочиненіями: митр. Платонъ, написавшій Крат-

(1) Тамъ же стр. 300 и дал.

кую церковную россійскую исторію въ 2 ч. (М. 1805); Платонъ Любарскій (+1811), префектъ вятской семинаріи, ректоръ казанской, архіеп. астрах. и потомъ екатерин., составилъ исторію вятской, казанской и астраханской іерархіи ([1]); Георгій Кониссскій написалъ „Исторію Малой Россіи" и „Историческое извѣстіе о бѣло-русской епархіи; придворный протоіерей Михаилъ Самуиловъ перевелъ Іудейскія древности Іосифа Флавія; единовѣрческій петербургскій протоіерей Андрей Іоанновичъ Журавлевъ (+1813) составилъ историческое извѣстіе о раскольникахъ въ 3-хъ частяхъ (1794—1799); Іоаннъ Дмитревскій—Изъясненіе на литургію; архіеп. нижег. Веніаминъ Румовскій—Новую скрижаль (литургич. содержанія, 1803); колязинскій помѣщикъ С. Соковнинъ—Словарь всѣхъ святыхъ, прославившихся въ греко-россійской церкви.—Изученіе классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго, составляло, какъ извѣстно, замѣтную черту въ прежнемъ духовномъ образованіи: между духовными учеными и писателями XVIII в. мы встрѣчаемъ много переводчиковъ духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій. Архіеп. твер.Ириней и архіеп. псков. Меѳодій Смирновъ переводили съ греческаго разныя отеческія сочиненія; еп. ѳеодос. Моисей Гумилевскій (1792) переводилъ Гомерову Одиссею; священникъ Сидоровскій переводилъ сочиненія Платона, Павзанія и Лукіана; архим. нѣмецкаго молдавскаго монастыря Паисій Величковскій (+1794), переводчикъ разныхъ духовныхъ сочиненій, перевелъ Добротолюбіе (М. 1793, составлено изъ сочиненій отцовъ и иноковъ греческой церкви, мистическаго направленія); кіевскій іеромонахъ Іаковъ Блонницкій (+1771), отличный филологъ, занимался переводомъ Библіи и отеческихъ сочиненій и составилъ два лексикона—еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій; протоіерей Алексѣевъ перевелъ съ латинскаго книгу „О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола" Корнелія Генриха Агриппы де Неттесгеймъ (М. 1784); прот. моск. покров. собора Иванъ Харламовъ переводилъ даже статьи Даламбера изъ французской энциклопедіи.—Но когда началась реакція противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, явилось въ переводѣ и нѣсколько сочиненій, написанныхъ противъ французской философіи въ Европѣ. Переводомъ занимались какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Архіеп. моск. Амвросій Зертисъ-Каменскій (+1771) перевелъ съ латинскаго Гроціево разсужденіе противъ атеистовъ и натуралистовъ (М. 1765); учитель новгор. семинаріи Митрофанъ—сочиненіе „Посрамленный безбожникъ" (М. 1787); Фонъ-Визинъ—сочиненіе Самуила Кларка—Доказательства бытія Божія; архіеп. астрах. Анастасій Бра-

([1]) Напечат. въ Чтен. Общ. истор. и древн. 1848, № 7 и въ Прав. Собес. 1868. II, III.

тановскій—„Предохраненіе отъ невѣрія и нечестія“ (Спб. 1794); архим. коляз. монастыря Ѳеоктистъ перевелъ съ французскаго „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ“ Жака Сорена, помѣщенное въ „Вечерней Зарѣ“ Новикова.

Проповѣдь въ екатерининскую эпоху. Но главною формою духовной литературы по прежнему была проповѣдь. Теоретическія понятія о проповѣди въ эту эпоху выразились въ сочиненіи Анастасія Братановскаго: Tractatus de concionum dispositionibus formandis, составленномъ, впрочемъ, на основаніи прежнихъ схоластическихъ руководствъ по словесности и не заключающемъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго. Практическимъ же руководствомъ, или образцами проповѣди служили для проповѣдниковъ, кромѣ проповѣдей Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Гедеона Криновскаго, преимущественно поученія греческаго проповѣдника, Иліи Миніата. Илія Миніатъ (1669—1714), или какъ онъ былъ названъ у насъ, Минятій, родомъ изъ Кефалоніи, сначала учитель по философіи и филологіи, потомъ проповѣдникъ и наконецъ епископъ, занималъ самое почетное мѣсто въ греческой духовной литературѣ конца XVII и начала XVIII в. Мы указали выше, что его догматико-полемическое сочиненіе „Камень соблазна“ въ греческой церкви имѣло такое же важное значеніе, какъ у насъ въ Россіи „Камень вѣры“ Яворскаго. Но любимымъ чтеніемъ для грековъ были глубоко назидательныя поученія Минятія. Эти поученія еще при импер. Елисаветѣ были переведены на русскій языкъ и сдѣлались образцами для русскихъ проповѣдниковъ. Кромѣ того, русскіе проповѣдники руководствовались и проповѣдями знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ, Массильона, Бурдалу, Мосгейма, Геснера и др.—При дворѣ Екатерины, какъ и прежде при дворѣ Елисаветы, были знаменитые проповѣдники и проповѣдь также имѣла не только церковное, но и общественно-политическое значеніе. Екатерина очень хорошо понимала, что сила и крѣпость государства весьма много зависятъ отъ силы вѣры и благочестія его членовъ, что гражданскіе законы свою опору имѣютъ въ законѣ Божіемъ, что тамъ не можетъ исполняться и законъ гражданскій, гдѣ не исполняется законъ Божій. Въ 1772 г. она повелѣла синоду составить сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году, чтобы по этому сборнику священники повсюду могли поучать народъ вѣрѣ и благочестію въ столицахъ, городахъ и селахъ. Для составленія сборника была образована коммиссія изъ трехъ лицъ—Гавріила, Платона и Гедеона. Въ сборникъ вошло 104 поученія; изъ нихъ 9 принадлежатъ Іоанну Златоусту, 12—Иліи Миніату, 5—Сорену, 5—Мосгейму, 1—Бурдалу, 37—митр. Платону, 19—архіеп. Гедеону, 8—митр. Гавріилу

и 5—разнымъ авторамъ. Въ предисловіи къ сборнику, отъ лица синода, было сказано: „Хотя каждый священникъ обязанъ учить свою паству закону Божію, но еще мы не благословлены толико отъ Бога, чтобы вездѣ были священники просвѣщенные и учительные... Того ради за полезное и нужное разсуждено новыми церковь Божію снабдить поученіями, которыя содержали бы въ себѣ ученіе всѣхъ должностей, какими обязанъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ, и оное ученіе изъясняемо было бы слогомъ яснымъ и потому каждому вразумительнымъ, порядочно расположеннымъ и потому долго въ памяти содержатися могущимъ, притомъ пріятнымъ и пристойнаго святости церкви сладкорѣчія исполненнымъ, и потому не скучнымъ, но усладительнымъ и побудительнымъ“ (Спб. 1775). Дѣйствительно, поученія отличаются ясностію, краткостію, свободны отъ схоластическихъ хитросплетеній и риторскихъ словоизвитій и всегда стараются объяснить только главныя и существенныя стороны въ предметѣ. Всѣ поученія раздѣлены на три части. Первая часть, начиная съ новаго года, простирается до недѣли всѣхъ святыхъ; вторая часть—до недѣли праотецъ; третью часть составляютъ поученія на праздники Господніе, богородичные и святыхъ. Въ концѣ приложено нѣсколько поученій на особые случаи: при освященіи храма, во время засухи, при погребеніи, крещеніи, бракосочетаніи. Послѣ всего помѣщенъ краткій катихизисъ. Въ связи съ этимъ сборникомъ находится другой сборникъ, изданный синодомъ: „Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ, и о должностяхъ, изъ разныхъ святыхъ отецъ и учителей собранная“ (М. 1781). Въ предисловіи къ сборнику сказано, что еще Петръ В. повелѣлъ издать такую книгу, но воля его до сихъ поръ не была исполнена. „Синодъ, издавъ поученія на воскресные и праздничные дни и имѣя попеченіе, дабы и въ прочіе дни сынове православныя Христовы церкви поучаемы были, посвящаетъ пользѣ общей книгу сію, въ которой правила вѣры и нравоученія, почерпнутыя изъ книги святыхъ отецъ и лучшихъ поученій, расположены порядкомъ богословіи съ тѣмъ, дабы всякій священникъ, отецъ и хозяинъ имѣлъ что и въ каждый день къ наставленію ввѣренныхъ имъ прочесть“. Поученія взяты преимущественно изъ Златоуста, Измарагда, Василія В., св. Макарія, св. Амвросія и др. Они расположены по мѣсяцамъ, начиная съ сентября, и раздѣлены на 30 главъ, по предметамъ, напр.: глава 1—о священномъ Писаніи, глава 2—о Богѣ, глава 3—о созданіи и т. д.

Знаменитѣйшими проповѣдниками въ эпоху Екатерины были петерб. митр. Гавріилъ, москов. митр. Платонъ, астрах. архіеп.

Анастасій, воронеж. еп. св. Тихонъ, кіевск. протоіерей Іоаннъ Леванда и архіеп. бѣлорусскій Георгій Конисскій.

Проповѣди митр. Гавріила. ([1]). Гавріилъ Петровъ (1730—1801) воспитанникъ московск. академіи, сначала ректоръ московск. семинаріи и академіи, потомъ епископъ тверскій и наконецъ архіепископъ и митрополитъ петербургскій, былъ образованнѣйшимъ пастыремъ въ эпоху Екатерины. Въ исторіи русск. церкви онъ памятенъ потому, что испросилъ у импер. Павла освобожденіе духовенства отъ тѣлеснаго наказанія. Его умъ и образованіе Екатерина почтила тѣмъ, что назначила его членомъ коммиссіи новаго уложенія и посвятила ему переводъ „Велисарія“ Мармонтеля, россійская академія тѣмъ, что сдѣлала своимъ первенствующимъ членомъ. Состоя въ должности члена коммиссіи уложенія, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ коммиссіи; будучи членомъ россійской академіи, онъ занимался составленіемъ словаря русскаго языка. Онъ написалъ много разныхъ сочиненій; но особенную услугу онъ оказалъ дѣлу проповѣдничества изданіемъ указанныхъ выше двухъ синодальныхъ сборниковъ поученій. Какъ первенствующій членъ синода, онъ былъ главнымъ ихъ редакторомъ. Въ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни вошло 8 его собственныхъ поученій, а именно: въ недѣлю 13-ю о правосудіи, въ недѣлю св. Пасхи о плодахъ воскресенія Христова, въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ о согласіи и единодушіи, въ недѣлю 3-ю по 50-цѣ о промыслѣ, въ недѣлю 5-ю по 50-цѣ—о піанствѣ, въ недѣлю 23-ю по 50-ницѣ о злобныхъ, въ день воздвиженія креста Христова—о страстяхъ Христовыхъ, въ день восшествія на престолъ импер. Екатерины о должности подданныхъ государю. Современники замѣчали въ поученіяхъ Гавріила преобладаніе философской стихіи своего вѣка и цѣнили въ нихъ умственныя качества: стремленіе указать для всего разумное основаніе, строгость и послѣдовательность въ выводахъ, ясность и отчетливость въ изложеніи: „Гавріилъ архіепископъ петербургскій, говоритъ Сумароковъ, есть больше сочинитель разумнѣйшихъ философскихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ, а потому что стремленіе его больше въ диссертаціи, нежели въ фигуры риторскія. Такъ его сравнить съ другими проповѣд-

---

([1]) Наиболѣе полная и подробная біографія Гавріила составлена архим. Макаріемъ, подъ заглавіемъ: Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила, митр. Новг. и Петерб. О трудахъ Гавріила въ Истор. Росс. Академіи 1, 58—137.

никами никакъ не можно. То только скажу я о немъ, что красота плавнаго и важнаго его склада приноситъ ему предъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ достойную любезнаго имени его похвалу и что будетъ онъ всегда честію нашего вѣка и въ потомствѣ. Гавріилъ подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей брега свои и порядочнымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границъ своихъ". Проповѣдническія произведенія Гавріила можно раздѣлить на три рода:—собственно церковныя слова, произнесенныя въ разныя времена; указанныя выше поученія, изданныя въ синодальномъ сборникѣ, и панегирики, или похвальныя слова и рѣчи. Панегирики не отличаются ничѣмъ особеннымъ и походятъ на всѣ панегирики того времени. Лучшими же церковными словами митр. Гавріила считались слова—въ день восшествія на престолъ импер. Екатерины и въ недѣлю 13-ю по 50-ницѣ. Въ первомъ словѣ, въ день восшествія, на текстъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога (Римл. 13, 1), Гавріилъ доказываетъ, что ни въ чемъ такъ ясно не обнаруживается промыслъ Божій, какъ въ устроеніи обществъ и государствъ для счастія людей, и въ избраніи, возведеніи и утвержденія государей, управляющихъ государствами. Второе слово сказано на текстъ: злыхъ злѣ погубитъ и виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ (Матѳ. 21, 41), о правосудіи при наказаніи преступленій. Разсказавъ притчу о виноградарѣ, Гавріилъ говоритъ: „Сей поступокъ онаго господина научаетъ всякаго господина дома и судію, какъ имъ должно взирать на преступленія другихъ, и какую умѣренность хранить при самой строгости, дабы ни излишнимъ снисхожденіемъ не подвергнуть ихъ послабленію, ни жестокостію не превысить мѣры заслуженнаго наказанія". Дѣйствительно, величайшую трудность для судіи составляетъ то, чтобы согласить правосудіе съ милосердіемъ, которыя могутъ представляться противорѣчащими другъ другу до такой степени, что, сохраняя одну добродѣтель, повидимому, нельзя не нарушить другую. „Ибо правосудіе предписываетъ строгость, а милосердіе какъ бы опущеніе оныя. Правосудіе хранитъ всякому свое право, а милосердіе смотритъ на осуждаемаго, какъ на предметъ бѣдности, влагаетъ въ судящаго состраданіе и удерживаетъ руку, подписывающую опредѣленіе строгое. Правосудіе затворяетъ глаза, чтобы не видѣть, и не разсуждаетъ о семъ; но милосердіе, напоминая долгъ человѣколюбія, принуждаетъ вникнуть и разсуждать о слабостяхъ человѣческихъ; одно производитъ отвращеніе отъ порока и заставляетъ гнушаться и не терпѣть зла, другое, проникая далѣе, обнадеживаетъ и наполняетъ его ожиданіемъ исправленія. Правосудіе, истре-

бляя зло, стремится истребить виновныхъ: но милосердіе обнадеживаетъ, что виновникъ злу можетъ приведенъ быть къ раскаянію и исправленію, и чтобъ сохранивъ его, сохранить и возбудить въ немъ склонности добрыя и отнятіемъ бѣдности, въ которую онъ ввергъ себя порокомъ, утѣшить огорченное общество ожидаемыми отъ него плодами добродѣтели. Чтобы избѣжать этихъ противорѣчій, судія, при наказаніи преступленій, долженъ постоянно имѣть въ виду „важность преступленія, нужду наказанія, и намѣреніе, съ какимъ оно предпринимается". Всякое преступленіе есть нарушеніе закона и какъ нарушеніе закона, требуетъ наказанія для того, „чтобы истребить зло, чтобъ терпящимъ нещастіе возвратить щастіе, чтобъ тѣмъ уврачевать общество, пресѣчь худые примѣры, привесть въ должное почтеніе законъ, избавить его отъ презрѣнія, чтобъ соблюсти отвращеніе отъ порока и любовь къ добродѣтели, доказать Богу, что мы не свергли съ себя человѣчества, что почитаемъ его законъ, что наказывая повинность, представляемъ себя Ему защитниками невинности". Но какъ одинъ порокъ отличается отъ другаго, такъ должны быть различны и наказанія за пороки. При этомъ непремѣнно надобно имѣть въ виду намѣреніе, съ какимъ наказаніе предпринимается. „Всякое преступленіе не можно не почесть вредомъ общества: а когда оно вредъ, то и должно судіи вникнуть, что онъ излечимый, или неизлечимый. Не излечимый есть зараза, которую надобно истреблять, дабы не повредилъ другихъ, а излечимый требуетъ лекарства. Искусный лекарь, примѣняясь къ болѣзни, изыскиваетъ такіе способы, которые-бъ по усиливанію болѣзни, имѣли силу оную врачевать: отвратительна болѣзнь, но вожделѣннѣе есть здравіе. Итакъ человѣкъ, въ которомъ нѣтъ никакой надежды по всѣмъ изслѣдованіямъ, какія судящему употребить должно, чтобъ онъ совершенно исправился, заслуживаетъ жребій строгости. А который или раскаевается совершенно о своемъ преступленіи, или его еще и не желалъ, то судія долженъ на него взирать, яко отецъ. Подлинно отвратителенъ порокъ, но вожделѣннѣе есть его исправленіе. Опасно порокъ презирать, но не меньше бѣдственно врачевать его истребленіемъ человѣка... Уврачуй болѣзнь, но не истребляй человѣка. Богъ, ожидаяй раскаянія грѣшныхъ, даетъ примѣръ твоему правосудію. Его сей гласъ: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему (Іезек. 33, 11); послѣдуй ты сему, ты симъ исполнишь намѣреніе законодателя.. Намѣреніе законодателя показываетъ намъ, какое намѣреніе имѣть должно хранителю закона. Законъ предписатъ и вложенъ въ человѣчество, чтобы соблюсти человѣка: умѣряй твои опредѣленія съ намѣреніемъ законодавца. Довольно наказанъ чело-

вѣкъ, когда приведенъ въ чувство и находитъ въ себѣ отвращеніе отъ порока. Не думай, что Богъ, производя людей въ свѣтъ, и начертывая въ души ихъ законъ, тебѣ одному оставилъ изыскивать способы, какъ наказывать порокъ: Онъ вложилъ въ человѣка совѣсть и мстителя за преступленіе, средство предовольное ко удержанію человѣка отъ порока. Но какъ по многимъ обстоятельствамъ, мщенія ея дѣлаются для него слабы, то ты сыщи степень его ожесточенія и наложи такое наказаніе, которое бы довольно было умножить силу совѣсти такъ, чтобъ внутреннее чувствованіе закона и отвращеніе отъ зла изобрѣтеннымъ тобою способомъ возбуждено было. Ты исполнишь правосудіе, когда сдѣлаешь такое помилованіе бѣдному человѣку; тогда твои наказанія успокоятъ и ободрятъ обиженнаго, возбудятъ любовь къ добродѣтели и въ повинномъ. Ты тѣмъ самымъ, хотя нѣкогда вреднаго человѣка сдѣлаешь полезнымъ обществу, и опечалившаго нѣкоторыхъ расположишь къ утѣшенію многихъ". Наконецъ, проповѣдникъ означаетъ существенныя обязанности судей и подчиненныхъ. Между обязанностями судей онъ особенное вниманіе обращаетъ на то, чтобы „исполненіе законовъ дѣлать благоразумно и безпристрастно. . . Ибо кто не столько просвѣщенъ, чтобъ ясно понять намѣреніе законодателя, или кто слова законовъ принимаетъ, не вникая въ намѣреніе законодателя, или кто по лѣности, не входя въ обстоятельства дѣлъ, хощетъ только себя очистить словами закона, тѣ, при всемъ своемъ безпристрастіи вредны". Выраженныя въ этомъ словѣ мысли о преступленіяхъ и наказаніяхъ составляютъ развитіе тѣхъ положеній, которыя изложены Екатериной въ VI—X главахъ Наказа. Онѣ были самыми современными мыслями и составляли, можно сказать, послѣднее слово въ наукѣ о правѣ и законодательствѣ. Гавріилъ и въ другихъ проповѣдяхъ любилъ проводить современныя гуманныя идеи о законѣ и долгѣ и управленіи, о правахъ и обязанностяхъ человѣка, личныхъ и общественныхъ. Это и пріобрѣло ему репутацію мудраго и просвѣщеннаго учителя.

Проповѣди митр. Платона (1). Но настоящею духовною знаменитостью эпохи былъ московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812). Въ духовной литературѣ онъ былъ такимъ же свѣтиломъ, какимъ въ свѣтской былъ Державинъ; ученые и лите-

(1) Жизнь московскаго митрополита Платона. И. М. Снегирева. Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ. А. Надеждина. Отдѣльный оттискъ изъ Прав. Собесѣдника 1882 г.

раторы превозносили его блестящія дарованія; поэты писали въ честь его стихи. Слава его не ограничивалась предѣлами Россіи, но переходила заграницу. Вольтеръ упоминаетъ о немъ, какъ о знаменитомъ проповѣдникѣ, замѣчая, что Россія обладаетъ въ Платонѣ такимъ проповѣдникомъ, творенія котораго достойны имени древняго Платона.—Платонъ (Петръ Левшинъ) учился въ московской академіи. Кромѣ разныхъ богословскихъ наукъ, онъ любилъ заниматься географіей и исторіей. Изъ отцевъ церкви онъ питалъ особенное уваженіе къ Златоусту и говорилъ, что для одного этого святителя стоитъ учиться греческому языку. Сочувствіемъ Платона къ Златоусту объясняется преобладаніе нравственно практическаго направленія какъ въ проповѣднической, такъ и во всей его литературной дѣятельности. Изъ свѣтскихъ писателей ему всего больше нравились Цицеронъ и Квинтъ Курцій. Изученіе Златоуста и этихъ писателей и способствовало къ образованію въ Платонѣ прекраснаго оратора. Еще во время ученія въ академіи Платонъ былъ опредѣленъ учителемъ піитики и вмѣстѣ катихизаторомъ въ академіи. Его катихизическія бесѣды въ академической аудиторіи были первыми опытами его проповѣдничества; въ этихъ бесѣдахъ въ первый разъ и выразились тѣ свойства, которыя развились съ большею силою впослѣдствіи и составили отличительныя свойства его проповѣди: необыкновенная ясность и краткость въ объясненіи самыхъ трудныхъ предметовъ, естественность и примѣнительность къ состоянію и потребностямъ слушателей, живая рѣчь, наполненная мѣткими образами и сравненіями и при всемъ этомъ глубокая назидательность. За эти златоустовскія свойства и самого Платона современники стали называть русскимъ Златоустомъ. Узнавъ о дарованіяхъ Платона, Шуваловъ хотѣлъ отправить его заграницу для усовершенствованія въ наукахъ; но покровительствовавшій Платону архіеп. Гедеонъ Криновскій не отпустилъ его, а назначилъ учителемъ, а потомъ префектомъ и ректоромъ троицкой семинаріи и наконецъ намѣстникомъ троицкой лавры. Здѣсь въ 1762 г. въ первый разъ увидѣла его Екатерина; Платонъ встрѣтилъ ее въ лаврѣ прекрасною рѣчью, въ которой назвалъ ее матерью отечества. Въ слѣдующемъ 1763 г., во второе посѣщеніе лавры императрицею, онъ сказалъ въ ея присутствіи замѣчательное слово „О пользѣ благочестія“. Въ этомъ словѣ Платонъ указалъ на тѣсную связь съ благочестіемъ всякой дѣятельности въ гражданскомъ обществѣ, на необходимость благочестія во всякой службѣ, во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. „Дѣла гражданскія, говорилъ онъ, суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла ко всякаго удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, ста-

раться о всякаго благополучіи. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить который имѣетъ душу благочестіемъ и страхомъ Божіимъ не обузданну. . . А наипаче благочестіе и страхъ Божій превосходную силу и премногую пользу имѣетъ въ многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи, гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію всякой просьбы, гдѣ тысяща неудобьрѣшимыхъ узловъ, тьмы едва преодолѣемыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? какъ всѣ оные труды. безъ отягченія снести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели онъ самъ невидимо не подкрѣпляетъ и не умудряетъ? никакъ не возможно... Соломонъ когда съ благочестіемъ почиталъ Бога, всѣ дѣла его текли по его желанію; но какъ только совратился съ его святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. Понеже, сказалъ ему Богъ, не сохранилъ еси заповѣдей моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ: раздирая раздеру царство твое изъ рукъ твоихъ“ (1). Екатерина тотчасъ же приказала напечатать это слово, а Платона назначила законоучителемъ наслѣдника, в. к. Павла Петровича, и вскорѣ придворнымъ проповѣдникомъ. Находясь въ этихъ должностяхъ (1763—1773) въ теченіе десяти лѣтъ, Платонъ постоянно говорилъ проповѣди и пріобрѣлъ ими такую славу, что его ставили наравнѣ съ образцовыми европейскими проповѣдниками. 20 сентября 1764 г., въ день рожденія великаго князя, разсказываетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Сею проповѣдію ея величество приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи ея величества въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, и успѣхахъ его высочества въ преподаваемыхъ наукахъ, и о послѣдующей оттуда надеждѣ россійской. Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: будите милосерды, якоже Отецъ вашъ небесный милосердъ есть. Порошинъ слышалъ такой отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: „Отецъ Платонъ сердитъ сегодня былъ, однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ“. Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины: „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобы мы смѣялись, мы смѣемся“. Въ это время Екатерина постоянно дѣлала Платону важныя порученія. Въ 1766 г. онъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ занимался проектомъ усовершенствованія духовныхъ школъ; вмѣстѣ

---

(1) Поучительныя слова Платона. Москва 1779; том. I, стр. 15—19.

съ нимъ разсматривалъ Наказъ; составилъ пастырское увѣщаніе къ раскольникамъ, по поводу произведеннаго ими возмущенія въ новгородской губерніи. Въ 1770 г. Платонъ былъ назначенъ тверскимъ епископомъ; въ 1775 г. архіеп. московскимъ, а въ 1787 г. московскимъ митрополитомъ. Въ санѣ московскаго архипастыря Платонъ ревностно заботился объ устройствѣ московской епархіи и образованіи московскаго духовенства. Особенно много обязана ему московская академія, которую онъ преобразовалъ и возвысилъ какъ въ ученомъ, такъ и экономическомъ отношеніи. Съ 1782 г. Платонъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ удаленіи отъ столичныхъ дѣлъ и даже въ нѣкоторой опалѣ отъ двора и Екатерины. Въ 1783 г. въ окрестностяхъ лавры онъ устроилъ монастырь, подъ именемъ Виѳаніи, и открылъ здѣсь духовную семинарію. Въ Виѳаніи онъ жилъ постоянно съ 1792 г.; здѣсь же онъ и скончался въ 1812 г.

Какъ въ поэзіи и художественной литературѣ состояніе нравовъ въ екатерининскую эпоху усилило развитіе сатиры; такъ недостатки религіозно-нравственнаго состоянія должны были вызвать въ духовной литературѣ полемическое направленіе. Не вступая въ открытую борьбу съ современными заблужденіями и пороками, Платонъ однакожъ постоянно касался ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ тоже время онъ зорко слѣдилъ за всѣми разнообразными теченіями въ современной русской жизни и на всѣ возникавшіе въ обществѣ вопросы подавалъ свой голосъ.—Рабское подражаніе всему иностранному, соединенное съ презрѣніемъ ко всему отечественному, вызывало во многихъ, какъ мы видѣли, сожалѣніе о старинѣ, доходившее даже до осужденія всего новаго и иностраннаго. Платонъ нашелъ нужнымъ коснуться этихъ крайнихъ воззрѣній и старался примирить ихъ въ словѣ на день св. апостоловъ, Петра и Павла. Объясняя слова Спасителя: Блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ, онъ говоритъ: „Явленіе плоти и крови, во первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многіе тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что съ млекомъ младенчества приняли, или что видятъ у большей части во употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но едвали не больше и къ худому; для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, больше животнымъ, нежели разумной твари приличествуетъ. Отсюда раждается невѣжество и суевѣрства. Понеже мысль, привычкою, какъ оковами, связанная, къ изслѣдованію новыхъ истинъ сама у себя вольность отнимаетъ, и въ скудости своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благо-

честивою... Подлинно, не надобно и обычаевъ перемѣнять, но добрыхъ; а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное есть дѣйствіе разума, Духомъ святымъ просвѣщеннаго. Чтобъ кто худой привычки не зараженъ былъ порокомъ, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи... До худой же привычки можетъ принадлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истинны, но не есть всегда сіе доказательство неоспоримо. Ибо въ древности какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худова. И потому нужно дать свободность просвѣщенному разуму, чтобъ изслѣдывать и самую древность и въ ней разобрать, что подражанія и что отвращенія достойно. Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новость. Какъ помянутый порокъ есть чаще старыхъ людей, такъ сей по большей части молодыхъ. Ихъ горячая мысль поражается, когда что-нибудь остро, хотя не основательно, выдумано или написано, когда что прелестно, хотя слабо, сдѣлано. Они тогда становятся надмѣнны, думая, что было бъ сіе нѣкоторый родъ порабощенія. естьлибъ старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ пощастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которое на все новое свои отдаютъ глаза, и самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, въ руки свои брать не боятся, почему и ожигаются. Естьлибъ новость была истинны основаніемъ, то надобно бъ сей истиннѣ перемѣниться въ ложь, когда бъ новость состарѣлася. Но истинна ни старѣетъ, ни обновляется; ибо она есть вѣчна" (1). Это слово было сказано въ 1766 г.; въ немъ Платонъ совѣтуетъ относиться съ благоразумною критикою одинаково какъ къ старому, такъ и къ новому; но въ послѣдствіи, когда политическія событія во Франціи бросили такую мрачную тѣнь вообще на новое воспитаніе и образованіе, Платонъ нерѣдко указывалъ слушателямъ на старыя времена, какъ на такія, когда нравы были строже и проще. „Предки наши, говоритъ онъ въ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1794 г., можетъ быть не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ быть не знали они измѣреній земли, теченій звѣздъ, выкладокъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали, въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность и что есть порокъ и постыдность (2). Но и въ это время онъ не хвалилъ древность безусловно, за одно то, что она древность. Такъ въ

(1) Поученія Платона II, 52—55. (2) Тамъ же XVI, 381.

другомъ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1800 г., похваляя древне-русскую набожность, онъ говоритъ: „Удивительно вамъ покажется, ежели мы покажемъ, что самое просвѣщеніе бываетъ иногда причиною ослабленія въ вѣрѣ и разврата, а еще болѣе покажется удивительно, ежели самая любовь къ древности, которую мы похвалили, тоже самое иногда причиняетъ". При этомъ онъ указываетъ на раскольниковъ, которые, изъ безразсудной любви къ древности, отлучили себя отъ церкви (¹). Корнемъ всѣхъ заблужденій и пороковъ считалось дурное воспитаніе, и потому вопросъ о правильномъ воспитаніи былъ, какъ мы видѣли, однимъ изъ главныхъ вопросовъ XVIII в. Платонъ также нѣсколько разъ поднималъ его въ своихъ проповѣдяхъ. Преимущественно же въ этомъ отношеніи замѣчательны слова при заложеніи импер. академіи художествъ (1765) и въ 4-ю недѣлю великаго поста. Въ первомъ словѣ Платонъ сначала опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять воспитаніе. „Воспитаніе, говоритъ онъ, есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли. . . А состоитъ оно въ томъ, чтобы войти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего. На семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ пріуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежному, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ щастіи невозносливу, въ нещастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всѣхъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну". Перечисляя эти свойства, Платонъ, очевидно, имѣлъ въ виду правила о воспитаніи, изложенныя Екатериной въ XIV главѣ Наказа и въ педагогической инструкціи кн. Салтыкову. Указавъ свойства воспитанія, онъ указываетъ потомъ на лучшій способъ воспитанія. Первый и наилучшій способъ есть добрый примѣръ. „Не хочешь, чтобы младенецъ развращенъ былъ? Не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно. Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего . . . Сіе принявъ

(¹) Тамъ же XIX, 229—232.

основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія; а вмѣсто того, приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при томъ бы имѣли и духъ патріотическій“ (1).— Въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, онъ также объясняетъ, что воспитаніе надобно начинать съ малыхъ лѣтъ, удалять дѣтей отъ сообщества съ дурными людьми и наконецъ „сыскивать благоразумныхъ и честныхъ учителей, которое бы дѣтямъ открыли истинное отъ наукъ просвѣщеніе: да и добрымъ примѣромъ то бы утвердили. Но въ семъ случаѣ два встрѣчаются затрудненія. Первое: на все, что только къ роскошѣ служитъ и мотовству . . . бываемъ мы щедры; но гдѣ дѣло идетъ о награжденіи того, который дѣтямъ нашимъ имѣетъ открыть безцѣнное ученія сокровище, скупость сжимаетъ руки и сердце... Одинъ просилъ разумнаго учителя, чтобъ онъ сына его принялъ обучать; тотъ просилъ отъ него за обученіе платы больше, нежели сколько отцу дать хотѣлось. Сказалъ на то неразсудный отецъ: я бы за таковую плату могъ себѣ купить работника. На сіе учитель возразилъ: на что одного работника? будешь имѣть двухъ: т. е. и самый сынъ твой, въ невѣжествѣ возрастшій, ничѣмъ не будетъ различествовать отъ купленнаго раба . . . Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что еще и истинное просвѣщеніе не всѣ умѣютъ различать отъ наружнаго и притворнаго. Не въ томъ истинное просвѣщеніе состоитъ, чтобъ разными языками знать говорить, чтобъ тѣло умѣть поставить въ правильномъ положеніи, чтобъ ноги изучить плясанію: но чтобъ узнать Бога и себя; знать, что есть общество и связь его, какими дѣлами славу получить, и въ чемъ состоитъ истинная слава, что есть честность и какъ ее къ себѣ привадить, чтобъ корысть оную не преодолѣла?“ (2). Въ словѣ на день Св. Іоанна Златоуста Платонъ порицаетъ обычай отдавать дѣтей въ ученіе иностранцамъ часто сомнительнаго или прямо дурнаго поведенія. „Повѣряемъ, говоритъ онъ, любезный свой залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, никакихъ въ себѣ слѣдовъ честности неимѣющимъ, которые сами или избѣжали наказанія, или исправляемы быть долженствуютъ. Но пусть бы они были и честные люди: но чему обучаемъ? говорить иностранными языки, плясанію, какъ обращать мечъ, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара могъ его употребить на пронзеніе другаго.

(1) Поученія Платона I, 343—347.

(2) Поученія Платона IV, 298—305.

А обученіе закона гдѣ? а изъясненіе существенныхъ понятій добра и зла гдѣ? а выразумѣніе настоящаго человѣческаго благополучія и нещастія гдѣ? Сіе предоставляемъ судьбѣ"... Обращаясь затѣмъ къ домашнему воспитанію въ семействѣ, онъ говоритъ: „Что мы здѣсь увидимъ? что услышимъ? видимъ роскошь безпредѣльную, праздность всегдашнюю, ревнованіе, какъ одному другаго превзойти въ мотовствѣ: видимъ домъ всегдашними молитвами не освящаемый, призываніемъ имени Божія не благословляемый. Слышимъ разговоры, безбожіемъ смердящіе... И такъ порча переходитъ изъ рода въ родъ безъудержнымъ теченіемъ" ([1]).

Русскіе вольнодумцы, начитавшись Вольтера и энциклопедистовъ, прежде всего нападали на церковь, выставляя ее помѣхою просвѣщенія и всякаго свободнаго развитія, поборницею невѣжества. Платонъ 21 апрѣля 1772 г. въ день рожденія императрицы, сказалъ слово „о согласіи церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго, христіанина и гражданина", въ которомъ доказывалъ, что ни церковь безъ общества, ни общество безъ церкви существовать не могутъ, что законы гражданскіе утверждаются на основаніи закона Божія, что если въ обществѣ не будетъ истинныхъ христіанъ и хорошихъ членовъ церкви, то въ немъ не будетъ и хорошихъ и честныхъ граждааъ. „Церковь и общество, говоритъ онъ, столь между собою суть соединенны, что одно отъ другаго раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей едиными законами и единымъ образомъ правленія соединенное: но тоже самое общество, поелику соединено и храненіемъ единаго образа богопочтенія и едиными и тѣми же связано священными обрядами, есть церковь. Гражданинъ есть членъ того общества: но тотъ же самый гражданинъ, поелику есть вѣрнымъ держимаго обществомъ евангельскаго богопочтенія хранителемъ, есть и именуется христіанинъ. Одно безъ другова быть не можетъ: не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи богопочтенія: не можетъ быть гражданинъ, что бъ не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія: не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсти и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отчетъ дать не человѣку токмо, но и Богу, испытующему сердца и утробы... Какая была причина побудительная людямъ собраться въ общества?... Человѣка естьли вообразить внѣ общества всякаго, представится

(1) Тамъ же стр. 165—167.

онъ намъ одинъ, самъ себѣ оставленный, ни отъ кого въ нуждахъ своихъ помощи не ожидающій, а напротивъ опасности отъ всего всегда подверженный... И такъ одна всѣхъ польза произвела во всѣхъ одно намѣреніе, чтобъ соединиться въ общества, дабы взаимное вспомоществованіе дополняло недостатки каждаго. Сіе есть основаніе общества. А какъ общества такимъ образомъ составились, то тотчасъ богопочтеніе или вѣра и открыла силу свою... Понеже въ союзѣ общества потребно, чтобъ всѣ члены сего тѣла почитали себя одолженными другъ другу помогать: надобно, чтобъ одни къ другимъ были искренны, надобно, чтобъ ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобъ хранимы были правила совершенной справедливости; надобно, чтобъ въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была и общему благу всякъ бы преданъ былъ съ искренностію и ревностію. Но дабы сіе исполняемо было не по наружности токмо, но и въ глубинѣ совѣсти: то можетъ ли дѣйствительнѣе какое быть средство кромѣ вѣры? Ибо здѣсь потребно обязательство совѣсти, обитающія во внутреннихъ изгибахъ человѣческаго сердца; потребно обязательство отъ того, отъ котораго совѣсть законопреступная нигдѣ не могла бъ укрыться и не мнила бы избѣгнуть наказанія, хотя бъ въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ совершала свое преступленіе... Знаю, что и законы гражданскіе, запрещающіе всякое злодѣяніе и обиду и опредѣляющіе по мѣрѣ всякаго преступленія наказаніе, содѣйствуютъ и нужны суть къ сохраненію обществъ въ надлежащемъ порядкѣ: но гражданскіе законы потому обязываютъ человѣка въ совѣсти, что они утверждены на священномъ основаніи закона Божія, что законодатель есть провозгласитель своимъ подданнымъ тѣхъ небесныхъ законовъ, которые верховный Судія свѣта хранить всякому для своего и другихъ благополучія повелѣваетъ" [1].

Глубоко пораженный невѣріемъ современнаго русскаго общества, Платонъ въ словѣ въ недѣлю православія разсматриваетъ, какія причины могутъ приводить человѣка „въ заблужденіе вѣры"?... Такими причинами, по его мнѣнію, служатъ невѣжество, ложное просвѣщеніе и развратная жизнь. Разбирая затѣмъ каждую изъ нихъ отдѣльно, онъ между прочимъ о ложномъ просвѣщеніи, какъ основѣ невѣрія, говоритъ: „Кажется, никоторой вѣкъ столько не былъ нещастливъ самомнительною и дерзостною ученостію, сколько нынѣшній... Никогда столь смѣло не было разсуждаемо и говорено о вещахъ вѣры святѣйшихъ. Таинственныя истины кладут-

---

[1] Поученія Платона II. 363—367.

ся на слабѣйшіе вѣсы разсудка человѣческаго. Едвали какой разговоръ почитается сноснѣе, или еще пріятнѣе, какъ тотъ, въ которомъ съ посмѣяніемъ перетолковываются установленія церкви, преданія древнѣйшихъ вѣковъ, дражайшій залогъ нашихъ почтеннѣйшихъ предковъ... Оставляю доказывать, сколько таковыя разсужденія суть неосновательны и ложны: да и не имѣю нужды доказывать... Всякой въ церковномъ обществѣ христіанинъ есть членъ, такъ какъ и въ гражданскомъ: но во обществѣ гражданскомъ никакой членъ никакова узаконенія, хотябъ оно и неосновательнымъ казалось, пересуждать или отвергать права не имѣетъ; и еслибъ такое своевольство попущено было, надобно бъ во всемъ произойти вреднѣйшему разстройству. Кольми паче во обществѣ христіанскомъ никакой одинъ членъ никаковаго установленія, хотябъ оно и сумнительнымъ казалось, предосуждать и опровергать права имѣть не можетъ: и еслибъ такое своевольство было попущено; надобно разорваться той священной вѣры связи, которая всѣхъ тѣснѣе насъ другъ съ другомъ соединяетъ". На послѣдней изъ указанныхъ причинъ невѣрія, „на развратности нравовъ", Платонъ останавливается съ особенною силою, потому что у русскихъ вольнодумцевъ она именно была главною причиною невѣрія. Русское вольнодумство не имѣло своей почвы и никакого болѣе или менѣе глубокаго корня; для однихъ оно было своего рода ученой модой, подражаніемъ западному вольнодумству; для другихъ, и для большинства, служило предлогомъ къ оправданію распущенной жизни; въ немъ хотѣли найти свободу отъ всякихъ обязательствъ закона и стѣсненій совѣсти. На это именно и указываетъ Платонъ. „Извѣстно, говоритъ онъ, что развратности нравовъ ничто не есть столь противно, какъ вѣра. Ибо она препятствуетъ прихотямъ, постыждаетъ страсть, у склонностей плотскихъ отнимаетъ волю. Развращенная душа на таковое свѣтило смотритъ со отвращеніемъ: болѣзненнымъ ея очамъ свѣтъ ея противенъ: истинна ея прободаетъ нѣжное страсти мѣсто. Почему, дабы себя изъ сихъ затрудненій извлечь, старается отовсюду себя заградить, чтобъ спасительное ея напоминаніе къ ней не доходило: а когда бъ и дошло, но меньше бъ дѣйствовало; то выдумываетъ разныя сумнѣнія, противорѣчія, смѣшныя заключенія, и оныя присвояетъ святости вѣры, дабы она тѣмъ отвратительнѣе ей казалась, и слѣд. тѣмъ бы меньше препятствовала поступать по своимъ прихотямъ" (1).

(1) Поученія Платона III. 323—327.

Возраженія французскихъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ были направлены главнымъ образомъ противъ разныхъ таинствъ христіанскаго ученія, а затѣмъ противъ промысла Божія въ мірѣ, безсмертія души и загробной жизни, противъ разныхъ церковныхъ обрядовъ. Имѣя въ виду возраженіе противъ таинства воплощенія, что оно не постижимо для разума и не согласно съ нимъ, Платонъ въ словѣ въ день Благовѣщенія объясняетъ, что христіанская вѣра, какъ откровеніе Существа высочайшаго и безконечнаго, и должна быть выше человѣческаго разума и неизбѣжно должна содержать въ себѣ тайны, не понятныя для разума. „Я де не могу понять. Подлинно такъ: вѣра еслибъ ума твоего сосудцемъ была измѣряема, величество ея было бъ унижено. Она есть та, которая составляетъ превосходнѣйшее дѣйствіе самыя премудрости Божія. Почему не только не удивительно, что ты ее совершенно не понимаешь, но еще тѣмъ болѣе она почтенна и священна. Я де не понимаю. Но по крайней мѣрѣ понимаешь то, что ни къ чему худому она не руководствуетъ: по крайней мѣрѣ все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему, и хранить честность нравовъ. Нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть непостижимо; но по крайней мѣрѣ то понятно, что доказываетъ оно любовь Божію къ намъ, что толико снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что толико печется о спасеніи нашемъ“ (¹). Въ другихъ словахъ Платонъ старается показать необходимость и значеніе каждаго таинства и каждаго догмата въ христіанскомъ ученіи. Христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ изложено въ словахъ на Воздвиженіе, гдѣ Платонъ указываетъ ясные и повсюдные слѣды творческаго разума въ мірѣ, и въ словѣ въ день Казанской иконы Божіей Матери. Въ послѣднемъ словѣ онъ говоритъ: „Нѣкоторые надменные, но неосновательные умы думаютъ, что когда Богъ создалъ міръ и всѣмъ въ немъ содержимымъ вещамъ положилъ свои законы, по коимъ онѣ свои теченія и дѣйствія совершать должны, то уже, по ихъ мнѣнію, болѣе въ дѣла и устроеніе міра Богъ не входитъ, а предоставилъ міръ самому себѣ, дабы онъ единственно текъ по даннымъ ему единожды отъ него законамъ; но... если бъ на одну минуту не было воли Божіей тварямъ дѣйствія свои продолжать, тотчасъ всѣ ихъ дѣйствія остановились бы; да и сами твари въ ничто бы обратились . . . Отвращшу тебѣ лице, вся возмятутся и въ персть свою обратятся“ (²). Защитѣ и объясненію ученія о без-

(¹) Тамъ же V, 199—200.
(²) Тамъ же XI, 61.

смертіи души и загробной жизни Платонъ посвятилъ нѣсколько словъ, изъ коихъ въ этомъ отношеніи особенно важно слово въ день Вознесенія, сказанное въ 1803 г. Во многихъ также словахъ онъ говорилъ о современной холодности къ церковному богослуженію, о несоблюденіи постовъ и разныхъ церковныхъ обрядовъ. Наконецъ весьма часто возставалъ противъ современной роскоши и распущенности нравовъ, выражавшихся въ разныхъ порокахъ, на которые, какъ мы видѣли, сильно нападала литература и особенно сатирическіе журналы. Кромѣ проповѣдей, Платонъ часто говорилъ рѣчи по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Изъ нихъ образцовою считается рѣчь на коронованіе импер. Александра I. „Итакъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійстіи сынове“?

Такимъ образомъ, будучи учителемъ христіанской вѣры и благочестія, митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ касался всѣхъ явленій современной жизни и былъ самымъ современнымъ проповѣдникомъ. Эта современность, отзывчивость на всѣ современные вопросы, при необыкновенной ясности и широтѣ взгляда, при разнообразіи и глубинѣ мыслей, излагаемыхъ живою одушевленною рѣчью, и была главною причиною той славы, какою онъ пользовался. Много значила, конечно, и особенная выразительность въ произношеніи проповѣди. Платонъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и умѣньемъ произносить проповѣди. „Мысли избранныя, изображенія сильны и поражающи, замѣчаетъ о немъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, сказываетъ проповѣди съ такимъ плѣняющимъ искусствомъ, что всегда и всѣхъ слушателей преклоняетъ къ своему намѣренію“. Въ предисловіи къ изданію своихъ проповѣдей, Платонъ говоритъ: „Признаюсь, что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надмѣнный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишенъ, разсуждая, что слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. При томъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ“. При всемъ томъ, однакожъ, Платонъ не пренебрегалъ и

краснорѣчіемъ, особенно въ первые молодые годы и въ то время, когда проповѣдывалъ при дворѣ. Въ это время онъ любилъ употреблять для оживленія слова и возбужденія слушателей внезапные переходы, смѣлыя и необыкновенныя ораторскія движенія. Такъ, во время произношенія проповѣди въ Петропавловскомъ соборѣ, по случаю побѣды надъ турецкимъ флотомъ въ 1770 г., исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, онъ неожиданно сошелъ съ каѳедры, приблизился къ гробницѣ Петра В., и коснувшись покрова ея, какъ бы вдохновенный воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отечества отецъ! Возстань и воззри на любимое изобрѣтеніе твое! . . . Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ“ и проч. ([1]). Такое движеніе проповѣдника изумило слушателей, а нѣкоторыхъ даже поразило невольнымъ страхомъ. Стоявшій близъ гробницы наслѣдникъ в. к. Павелъ Петровичъ испугался при мысли что прадѣдушка встанетъ. Государыня была восхищена словомъ и ораторскимъ движеніемъ Платона; а извѣстный своей добродушной остротой графъ К. Гр. Разумовскій, услышавъ воззваніе Платона къ Петру В., тихонько сказалъ окружавшимъ его: „чего винъ его кличе? якъ встане, то всѣмъ намъ достанется“. Не удивительно, что слава о Платонѣ, какъ знаменитомъ проповѣдникѣ, распространилась повсюду, не только въ Россіи, но и за границей. Екатерина гордилась своимъ проповѣдникомъ и часто писала о немъ Вольтеру, Дидро, Гримму и другимъ своимъ европейскимъ друзьямъ. Другіе иностранцы, посѣщавшіе въ это время Россію, надолго сохраняли самое пріятное воспоминаніе о Платонѣ.

Проповѣди архіеп. Анастасія Братановскаго. Послѣ митр. Платона знаменитымъ также проповѣдникомъ, хотя не въ такой степени, какъ Платонъ, считался бывшій членъ россійской академіи, еп. могилевскій и архіеп. астраханскій, Анастасій Романенко-Братановскій (1761—1806). Полтавскій уроженецъ и воспитанникъ переяславской семинаріи, бывшій потомъ учителемъ сѣвской и вологодской семинаріи, онъ былъ вызванъ въ 1790 г. митр. Гавріиломъ въ Петербургъ. Занявъ здѣсь должность учителя александроневской семинаріи и преподавателя закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе даромъ проповѣдничества и часто проповѣдывалъ при дворѣ. Въ 1797 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ могилевскимъ послѣ Георгія Конисскаго и здѣсь оставался до 1806 г.; въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ Астрахань и вскорѣ скончался.—

([1]) Тамъ же II, 282. . .

Лучшими проповѣдями Анастасія считаются проповѣди, говоренныя въ Петербургѣ и Могилевѣ. Подобно Платону, Анастасій въ своихъ проповѣдяхъ, особенно петербургскихъ, весьма часто говорилъ противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, и говорилъ о тѣхъ же заблужденіяхъ, которыхъ касался Платонъ; только его проповѣди, сравнительно съ проповѣдями Платона, отличаются болѣе рѣзкимъ полемическимъ направленіемъ. Эти проповѣди падаютъ на то время, когда въ самомъ обществѣ русскомъ, испуганномъ французской революціей, началась реакція противъ вольнодумства. Понятно, что проповѣди Анастасія, вызванныя потребностями времени, слушались съ особеннымъ вниманіемъ и должны были имѣть большой успѣхъ. Эти проповѣди въ тоже время отличались умомъ, силою чувства и блестящимъ краснорѣчіемъ.—Ратуя противъ французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, онъ называлъ ихъ новыми творцами природы, созидающими новый вавилонскій столпъ . . . „Явились, говоритъ онъ, новые творцы природы; они создали оную, созидаютъ новый вавилонскій столпъ, а потому въ зданіи сего безбожнаго велемудрія ни зиждущіе что зиждутъ, ни кто изъ нихъ зодчій, другъ друга не понимаютъ“. Въ словѣ въ Великій Пятокъ, Братановскій подобно Платону (въ словѣ въ недѣлю Православія), изслѣдуетъ, гдѣ заключается основаніе „безвѣрія и нечестія“, и находитъ, что оно заключается въ развращенномъ сердцѣ человѣка и дурномъ воспитаніи. „Вникнемъ нынѣ, говоритъ онъ, во основаніе, на коемъ безвѣріе сооружаетъ свой нечестивый столпъ, возшедъ на которой, ополчается противу неба и Божества, и попираетъ на земли вѣру, благочестіе и законъ. Начало и основаніе всему нравственному злу есть развращенное человѣческое сердце: отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы (Матѳ. 15, 19)“... Но природная наклонность къ злу развивается и усиливается отъ дурнаго воспитанія и отъ дурнаго сообщества. „Како бо можетъ тотъ быть истиннымъ богопочитателемъ, кто съ млекомъ матернимъ не воздоенъ страхомъ Господнимъ? како любить будетъ тотъ добродѣтель, кто отъ колыбели навыкнулъ порокомъ? како будетъ тотъ воздержнымъ и цѣломудреннымъ, кто отъ младыхъ ногтей не видѣлъ ничего, кромѣ или невоздержныхъ родителей, или развратныхъ наставниковъ, или распутныхъ сверстниковъ и товарищей? како можетъ быти тотъ истиннымъ христіаниномъ, кто съ самаго отрочества наученъ презирать святыя таинства и обряды благочестія, отвращаться отъ книгъ евангельскихъ, не благоговѣть во храмѣ и не знать, кто есть сей Христосъ. Такимъ образомъ безвѣріе и нечестіе утверждаетъ свое основаніе на ху-

домъ воспитаніи". Но особенно усиливаетъ невѣріе то, что оно обѣщаетъ человѣку полную свободу, которую будто бы связываетъ вѣра. „... Безвѣрный небоязненно проповѣдуетъ, будто вѣра, Евангеліе и законъ связываютъ человѣческую свободу и дѣлаютъ его невольникомъ и рабомъ. Кому свобода не драгоцѣнна? По сему предлогу, оставляя благочестіе, перебѣгаютъ къ нечестію, дабы то есть быть свободными. Но быть плѣнникомъ чувствъ и страстей: се ли свобода? Быть жертвою суеты, распутства: се ли свобода? Быть служителемъ роскоши и сладострастія: се ли свобода? Быть игралищемъ пороковъ и разврата: се ли свобода? Быть слѣпымъ и вмѣстѣ постыднымъ подражателемъ нечестивыхъ примѣровъ: се ли свобода? Нѣтъ: вѣра и Евангеліе никогда не дѣлаютъ рабомъ человѣка. Естьли вѣра связываетъ мысль: то связываетъ вольнодумство. Естьли Евангеліе обуздываетъ страсти; то обуздываетъ страсти порочныя. Естьли вѣра запрещаетъ удовольствія, то удовольствія беззаконныя и забавы безчестныя. Естьли Евангеліе не велитъ любить міра сего; то не велитъ любить міра безчиннаго и слѣпою любовію ... Безвѣріе, подъ видомъ соблюденія свободы, прибѣгаетъ къ своевольному употребленію чувственныхъ пріятностей, дабы, сколь можно, усыпить обличающую его совѣсть и разогнать страхъ суда Божія и смерти".

Но какъ лучшіе образцы церковнаго краснорѣчія и въ частности какъ образцы проповѣдей Анастасія всегда во всѣхъ сборникахъ и христоматіяхъ (1) представлялись и до сихъ поръ представляются его слова на погребеніе Бецкаго и Шувалова. Просвѣтительная и человѣколюбивая дѣятельность Бецкаго и Шувалова, бывшая предметомъ восторженныхъ похвалъ поэтовъ и литераторовъ, не осталась безъ вниманія и со стороны церковнаго слова. Въ смерти этихъ знаменитыхъ дѣятелей проповѣдники въ тоже время видѣли лучшій поводъ указать невѣрующимъ современникамъ на необходимость вѣры въ безсмертіе и воздаяніе за гробомъ. Земное счастіе не можетъ вознаградить достойнымъ образомъ людей добродѣтельныхъ. Добродѣтель не получаетъ на землѣ должнаго воздаянія, а порокъ должнаго наказанія. Да и разумъ не можетъ допустить, чтобы съ разрушеніемъ тѣла уничтожился и духъ человѣка. „Итакъ мужъ, исполненный долготою дней,—такъ начинаетъ Анастасій свое слово на погребеніе Бецкаго,—скончался вмалѣ. Рука приближенныхъ закрыла

---

(1) Истор. христоматія новаго періода русской словесности А. Галахова том. I. Историч. христоматія для изученія исторіи русской церковной проповѣди М. А. Поторжинскаго. Кіевъ. 1879.

хладными вѣждями померкшій на вѣки взоръ его. Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертаетъ на камени имя его. Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его. . . И симъ ли совершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, свѣту? Потомство сплетаетъ ему вѣнецъ хвалы? Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь и мраморъ? Но подъ тяжестію сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ приклонила въ мирѣ уснуть и почить . . . Боже великій! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцовъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ, или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго! Богоподобная добродѣтель! Для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверзстія гроба? Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.—Свѣтъ есть для добродѣтели подвигъ, но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами, ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ, самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности! . . . Ужели мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Превѣчнаго, созерцающая совершенства Его и на землѣ для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Ужели тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня погаснетъ, подобно смертному фавелу? Ужели то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ! Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя изчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? . . . Гдѣ же тѣ обѣщанія евангельскія: вѣруяй въ мя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 6, 47). Гдѣ та отра-

да, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность не по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ"?—Переходя отъ этихъ мыслей о жизни и смерти, о судьбѣ живущихъ и умирающихъ, къ предлежащему усопшему, Анастасій говоритъ: „Кто сидящаго на престолѣ человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутіи?—Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ея, соблюдалъ свято ея уставы?—Онъ. Кого великая монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ? Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая?—Ему. Нева, гордясь красотою береговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній монаршихъ. Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній, не болящимъ только подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія"! Тѣ же самыя мысли о необходимости признать безсмертіе души и загробную жизнь развиваются и въ словѣ при погребеніи Шувалова. Настоящая жизнь человѣка необходимо предполагаетъ жизнь будущую; добрыя и злыя дѣла человѣка требуютъ воздаянія; иначе человѣкъ представляется самымъ жалкимъ существомъ; разумъ, при вопросахъ о его судьбѣ, впадаетъ въ неразрѣшимыя недоумѣнія и противорѣчія. Припоминая жизнь и просвѣтительную дѣятельность Шувалова, проповѣдникъ говоритъ: „Сей избранный мужъ, коего душа переселилась въ непремѣняемое блаженство, прожилъ на землѣ странствованія человѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастія многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобы благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ. О, сколько оплакиваютъ свою судьбу которые лишились плодовъ его человѣколюбія. Вы, которые ввѣрены были его попеченію и правленію, можете ли воспомянуть безъ скорби о добродѣтеляхъ его? Свидѣтели достоинствъ его суть вниманіе монарховъ, которые его отличали . . . Свидѣтели академія художествъ и университетъ. О, если образуемое юношество можно нарещи обновляющеюся юностію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся па-

мять той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ".—Проповѣдямъ Анастасія долго подражали, какъ образцамъ, другіе проповѣдники, да и вообще всѣ не только духовные, но и свѣтскіе писатели высоко цѣнили умъ и краснорѣчіе Анастасія и называли его русскимъ Массильономъ.

Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды и архіеп. Георгія Конисскаго. Представителями проповѣди на югозападѣ были: въ Кіевѣ—кіевскій прот. І. Леванда, въ Бѣлоруссіи—архіеп. Георгій Конисскій. Сынъ кіевскаго сапожника, І. Леванда (1734—1814) воспитывался въ кіевской академіи. Еще въ академіи онъ обратилъ на себя вниманіе способностію сочинять проповѣди и рѣчи; но особенно ревностнымъ проповѣдникомъ явился на священнической должности; во время моровой язвы въ Кіевѣ въ 1770, онъ былъ истиннымъ утѣшителемъ народа въ его страшныхъ бѣдствіяхъ. Потомъ обыкновенно онъ сказывалъ слова и рѣчи на разные торжественные случаи, церковные и гражданскіе праздники, по случаю посѣщенія или смерти знаменитыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ (1). Всѣ такія проповѣди, поученія и рѣчи, не выдаваясь ни особенною силой, ни глубиною мыслей, отличаются краснорѣчивымъ изложеніемъ, яркими образами, живыми и богатыми картинами, хотя часто страдаютъ излишнею витіеватостію и искуственностію и вообще носятъ на себѣ печать югозападнаго схоластическаго образованія и югозападной теоріи искуственной проповѣди. Современниковъ Леванды поражали преимущественно его ораторскія достоинства; его искусство произносить проповѣди, звучный голосъ, величавая наружность, сила одушевленія производили необыкновенное впечатлѣніе. Лучшими проповѣдями Леванды признаются слово въ великій пятокъ на текстъ: Тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со мною (Матѳ. 26, 40)? и слово во время моровой язвы въ 1770 г. Въ послѣднемъ словѣ Леванда сначала въ поразительной картинѣ описываетъ бѣдствія, испытываемыя жителями Кіева. „Тамъ лежитъ мертвый отецъ, и дѣти не могутъ отдать ему послѣдняго цѣлованія; боятся прикоснуться къ нему, бѣжатъ отъ него, чтобы не заразиться отъ трупа его. Тутъ лежитъ мертвая мать, близъ нея рыдаетъ младенецъ, простираетъ руки къ мертвой благодѣтельницѣ своей . . . Тамъ лежатъ мертвыя сироты, и нѣтъ благодѣтеля, который бы отдалъ имъ послѣдній долгъ христіанства и человѣчества . . . Бѣдственно положеніе наше, ужасно состояніе града нашего! На стогнахъ его ужасъ, въ домахъ плачъ, храмы Божіи заперты, богослуженіе умолкаетъ.

(1) Слова и рѣчи Іоанна Леванды ч. I—III. Спб. 1821.

Градъ, посѣщаемый прежде отдаленными народами, нынѣ оставляется своими; градъ богоспасаемый сдѣлался нынѣ градомъ богоразоряемымъ; градъ, изобиловавшій благословеніями Божіими, нынѣ мѣсто плача, театръ гнѣва небесъ“. Причину такого бѣдствія проповѣдникъ указываетъ въ грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій. Великія бѣдствія обыдоша насъ; но они несравненно меньше грѣховъ, которыми мы наполнили градъ сей, домы наши, наполнили тѣло и душу нашу. Беззаконія наша превзыдоша главу нашу, яко бремя тяжкое отяготѣша на насъ . . . Къ комужъ обратимся мы въ столь страшную годину искушенія нашего, гдѣ найдемъ избавленіе свое, кто спасетъ насъ отъ бѣдъ адовыхъ. Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло“... Обращаясь къ Богу съ молитвою, проповѣдникъ въ концѣ слова взываетъ: „Сотвори убо съ нами знаменіе во благо; и да видятъ ненавидящіи насъ и постыдятся, яко Ты, Господи, помоглъ намъ и утѣшилъ насъ еси. Да не рекутъ: гдѣ есть Богъ ихъ,—да не рекутъ: нѣсть имъ спасенія въ Бозѣ ихъ; Богъ оставилъ есть ихъ. Боже нашъ, не удалися отъ насъ; Боже въ помощь нашу вонми! Помяни, кій есть составъ нашъ; мы и такъ слабые смертные; зачѣмъ же насъ умерщвлять лютѣйшею смертію?... Ты нѣкогда реклъ еси, Господи, Ниневіи: не пощажу ли града Ниневіи, въ немъ же живутъ множайшіи, иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея? Есть таковые и въ семъ градѣ; пощади убо съ ними насъ“!

Георгій Конисскій (1717—1795), изъ нѣжинскихъ дворянъ, воспитанникъ кіевской академіи, съ 1755 г. былъ епископомъ могилевскимъ, а съ 1775 г. архіеп. бѣлорусскимъ. Въ исторіи русской церкви онъ знаменитъ, какъ ревностный защитникъ православія отъ іезуитовъ и католическихъ проповѣдниковъ и какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Будучи могилевскимъ епископомъ, онъ заботился объ образованіи духовенства, заводилъ школы, писалъ къ священникамъ окружныя посланія, убѣждая ихъ учить народъ вѣрѣ и благочестію. Какъ духовный ораторъ, онъ славился своими проповѣдями и рѣчами. Рѣчи Конисскаго, дѣйствительно, отличаются блестящимъ краснорѣчіемъ, силою образовъ и выразительностію языка. Современники высоко цѣнили ихъ, какъ образцы церковнаго ораторства. Извѣстно, что Сумароковъ за рѣчи преимущественно ставилъ Конисскаго выше знаменитыхъ французскихъ ораторовъ и проповѣдниковъ, Бурдалу, Флешье, Боссюэта. Такой взглядъ на краснорѣчіе Конисскаго, конечно, слишкомъ преувеличенъ; но все таки нельзя не признать его блестящимъ русскимъ ораторомъ. Въ образецъ такого ораторства обыкновенно

приводятъ рѣчь импер. Екатеринѣ, при ея коронованіи, сказанную отъ лица бѣлорусскаго народа въ 1762 г. и рѣчь на прибытіе Екатерины въ Мстиславль, начинающуюся извѣстнымъ классическимъ сравненіемъ Екатерины съ солнцемъ: „Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается; наше солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ (1)“... Проповѣди Конисскаго гораздо проще его рѣчей и далеко не отличаются такимъ краснорѣчіемъ. Назначая ихъ большѐю частію для простаго бѣлорусскаго народа, онъ старался говорить въ нихъ какъ можно вразумительнѣе и популярнѣе; но, увлекаясь стремленіемъ къ популярности, онъ, подобно прежнимъ югозападнымъ проповѣдникамъ, впадалъ иногда въ крайности въ этомъ отношеніи: библейскія лица и событія изображалъ нерѣдко чертами современныхъ нравовъ, въ проповѣдническую рѣчь вставлялъ выраженія свѣтскія, употреблялъ шутки и каламбуры, вульгарныя выраженія. Лучшими проповѣдями Конисскаго считаются слова—въ день пророка Иліи, о причинахъ голода, язвы и другихъ общественныхъ бѣдствій (2), и въ день рожденія императрицы—о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православною церковью въ Бѣлоруссіи отъ католиковъ. Въ послѣднемъ словѣ, указавъ на малочисленность и страшную бѣдность православныхъ церквей въ Бѣлоруссіи, которыя „сараямъ паче и хлѣвникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ христіанскимъ“, Конисскій говоритъ: „Таково церквей внѣшнихъ и рукотворенныхъ состояніе — плача достойное, но еще гораздо плачевнѣйшее внутреннихъ, нерукотворенныхъ, самаго, говорю, сословія правовѣрныхъ христіанъ. Отнятъ отъ нихъ свѣтъ ученія: школамъ и семинаріямъ быть не допускаютъ; а потому не только низкаго состоянія люди, но и самое дворянство въ крайней простотѣ и невѣжествѣ принуждено жить. Тому же дворянству прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго исключены; податьми и излишними и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ всѣ обще до послѣдней нищеты пришли. Дворянина отъ крестьянина трудно отличить. Утѣсняются, правда, подобными озлобленіями и единовѣрные наши греки въ турецкомъ государствѣ: но тамъ агаряне, Христовы противники, а здѣсь христіане христіанъ агарянскимъ средствомъ утѣсняютъ. Тамъ побѣдитель утѣсняетъ побѣжденныхъ: а здѣсь

(1) **Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Кіевъ 1835. Ч. 1, стр. 278—279; 286—289.** (2) **Тамъ же стр. 238—251.**

свободные свободныхъ, и равные равныхъ, единыя матере братія братію и тогожде тѣла одни члены другихъ членовъ ([1])“.

Проповѣди св. Тихона Воронежскаго. Особо отъ другихъ проповѣдниковъ, по характеру проповѣднической дѣятельности, стоитъ святитель воронежскій и задонскій Тихонъ (1724—1783). Его поученія мало походятъ на обыкновенныя проповѣди. Это скорѣе простыя, сердечныя и трогательныя наставленія отца своимъ дѣтямъ. Сынъ бѣднаго дьячка въ новгородской губерніи валдайскаго уѣзда, св. Тихонъ (въ мірѣ Тимоѳей Соколовъ) воспитывался въ новгородской семинаріи и сначала былъ учителемъ этой семинаріи, а потомъ ректоромъ тверской семинаріи, наконецъ епископомъ ладожскимъ и съ 1763 г. воронежскимъ. Человѣкъ высокой, святой жизни, онъ съ апостольскою ревностію заботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи своей паствы. Для приготовленія достойныхъ священниковъ и учителей народа, онъ старался устроить воронежскую семинарію; при своемъ каѳедральномъ соборѣ, онъ учредилъ катехизическія поученія и самъ постоянно училъ народъ. Особенно заботили Тихона разныя суевѣрія въ народѣ и остатки старыхъ языческихъ праздниковъ, народныхъ игръ и обрядовъ, какъ напр. праздникъ Ярилы и встрѣча и проводы масляницы на сырной недѣлѣ. Не довольствуясь поученіями въ опредѣленное время въ Воронежѣ, онъ писалъ и посылалъ наставленія священникамъ всей епархіи, для того, чтобы они читали ихъ своимъ прихожанамъ. Поученія Тихона отличаются необыкновенною теплотою, искренностію и задушевностію и въ слѣдствіе этого производятъ глубокое и неотразимо сильное дѣйствіе на душу. Ближе всего они подходятъ къ нѣкоторымъ поученіямъ святителя ростовскаго Димитрія, а изъ древнихъ русскихъ пастырей всего больше напоминаютъ такія же задушевныя поученія св. Серапіона Владимірскаго. Только нѣсколько поученій Тихона имѣютъ настоящую форму проповѣдей ([2]); большая же часть изъ нихъ имѣютъ форму простыхъ бесѣдъ и краткихъ наставленій, особенно тѣ, которыя онъ писалъ или говорилъ въ Задонскѣ, когда жилъ здѣсь на покоѣ. Здѣсь онъ особенно заботился о просвѣщеніи простаго народа, и его наставленія отличаются простотою, краткостію и примѣнительностію къ понятіямъ и потреб-

---

([1]) Тамъ же стр. 149—169.

([2]) Эти проповѣди и краткія нравственныя слова помѣщены въ III томѣ сочиненій св. Тихона. Москва 1836.

ностямъ народа. Св. Тихонъ былъ не только церковнымъ проповѣдникомъ, но вообще народнымъ учителемъ вѣры и нравственности. Мы уже указали выше, какое высокое значеніе въ русской богословской наукѣ имѣютъ сочиненія Тихона „Объ истинномъ христіанствѣ“ и „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и др.; для характеристики же его поученій могутъ служить поученія „о сырной седмицѣ“ и „о праздникѣ Ярилы“.

Въ поученіи или словѣ „о сырной седмицѣ“ св. Тихонъ показываетъ, что масляница — не христіанскій, а языческій праздникъ, и по характеру своему противорѣчитъ намѣреніямъ церкви, которая въ это время воспоминаетъ паденіе и изгнаніе изъ рая Адама и Евы, и, приготовляя всѣхъ христіанъ къ посту и покаянію, напоминаетъ имъ о будущемъ страшномъ судѣ. Изобразивъ всѣ безчинія, какимъ во время масляницы предается народъ, онъ говоритъ: „Стыдъ лице мое покрываетъ, когда я празднованіе сіе на средину привожу, а притомъ и тое думаю, что тако празднующіи суть христіане, отрожденніи водою и духомъ, чающіи воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Болѣзнь и жалость сердце сокрушаетъ, что симъ празднованіемъ вѣра святая и благочестивая порочится. Страхъ и трепетъ содрогаетъ члены мои, когда предъ умные глаза мои представляю праведный и страшный судъ Божій. Я уповаю, что и вы, слышатели, тоежде на себѣ чувствуете: но какъ еще увидите, что то есть масляница, или седмица сырная, то уповаю, что праздникъ сей и омерзѣетъ вамъ... Былъ у язычниковъ ложный богъ, изобрѣтатель всякаго пьянаго питія, погречески называемый Вакхосъ, или Діонисій, по римски Ливеръ, по египетски Озерисъ. Сему скверному божку язычники учредили особливые въ году праздники, которые и донынѣ по ихъ наименованію называются баханалія: они сіи праздники во всякихъ безчиніяхъ, играхъ, пьянствахъ и скверностяхъ провождали. Смотрите, не такъ ли и христіане масляницу провождаютъ, да и прочіе празднуютъ праздники? Не для чего въ полудни свѣта показывать, сами видите. А еще тоежде подтверждаю, что кто масляницу въ вышереченныхъ безчиніяхъ провождаетъ, тотъ явнымъ ослушникомъ церкве бываетъ, какъ бы упорно противъ нея стоитъ, и показываетъ себе недостойна и имени христіанскаго. Знаете вы, слышатели, какими масляница или сырная седмица ограждена днями, какое ея начало и какой конецъ? Начинается она въ первый день послѣ недѣли мясопустной, въ которую церковь святая воспоминаніе творитъ страшнаго суда Христова, чтобъ тѣмъ въ страхъ и чувство насъ привести. Тогда Евангеліе святое проповѣдуетъ, что пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ своей, и вси святіи ангели съ Нимъ; пріидетъ Тотъ Судія страшный, который сердца и утробы испытуетъ, отъ котораго гнѣва и яро-

сти вся тварь вострепещетъ, небо потрясется, солнце во тьму преложится, и луна не дастъ свѣта своего, звѣзды небесныя спадутъ, горы растаютъ и самый адъ поколеблется; тогда рекутъ горамъ: падите на ны, и холмамъ: покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнча" и т. д. изображается страшный судъ по Евангелію... „А чѣмъ кончится сырная седмица? Знаете вы сами, что недѣля сыропустная заключаетъ, въ которой воспоминаетъ намъ церковь святая паденіе и изгнаніе изъ рая праотца нашего Адама, а съ нимъ и насъ самихъ. Такъ мы поэтому въ тотъ день оплакиваемъ крайнее наше несчастіе, оплакиваемъ мы тогда тотъ день и часъ, въ который родъ нашъ началъ быть отступникомъ заповѣди Божія и Бога преблагаго прогнѣвлять"... Послѣ этого св. Тихонъ убѣждаетъ всѣхъ проводить сырную недѣлю, какъ совѣтуетъ церковь, въ приготовленіи къ посту и покаянію, „отложить всѣ вкрадшіяся непристойныя забавы, памятуя страшный судъ Христовъ и праотеческое паденіе (¹)".

Подобнымъ образомъ, и въ „Увѣщаніи жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося Ярило", св. Тихонъ объясняетъ языческое происхожденіе этого праздника и все противорѣчіе его духу церкви. „Въ прошлый понедѣльникъ, то есть, первый сего поста день, говоритъ онъ, извѣстился я уже къ вечеру чрезъ нѣкотораго добраго человѣка, что на полѣ, близъ московскихъ воротъ, праздникъ какой-то совершается со всякимъ безчиніемъ, который праздникъ здѣшніе жители называютъ Ярило. Я, желая лучше удостовѣриться, подлинно ли такъ, какъ мнѣ донесено, самъ на то мѣсто поѣхалъ, и увидѣлъ, что точно множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей изъ всего города на то мѣсто собралося. Между симъ множествомъ народа, иныхъ увидѣлъ я почти безчувственно піяныхъ, между иными ссоры, между иными драки; увидѣлъ иныхъ раненыхъ, иныхъ окровавленныхъ; примѣтилъ и плясанія женъ піяныхъ со скверными пѣснями, а посреди всего беззаконнаго безумныхъ людей торжества стоитъ кабакъ въ палаткѣ, отъ котораго безпрестанно выносятъ вино и другъ друга потчуютъ и упиваются. Неподалеку отъ того продаются и всякія снѣдныя вещи". Описавъ праздникъ, онъ продолжаетъ: „Изъ всѣхъ обстоятельствъ праздника сего видно, что древній нѣкакій былъ идолъ, прозываемый именемъ Ярило, которой въ сихъ странахъ за Бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія. А иные праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ странъ людей слышу, на-

---

(¹) Сочиненія св. Тихона III, 31—41.

зываютъ игрищемъ. А давноль праздникъ сей начался, спрашивалъ я у тѣхъ стариковъ? Они мнѣ на то объявили, что онъ еще издавна, а потомъ примолвили, что отъ года въ годъ умножается, и такъ-де люди его ожидаютъ, какъ годоваго торжества; и какъ онъ приспѣетъ, убираются празднующіе его въ самое лучшее платье и по малу въ немъ начинаютъ бѣситися; куда и малыя дѣти съ великимъ усиліемъ у своихъ отцевъ и матерей испрашиваются. Начинается онъ, какъ тѣже мнѣ люди объявляютъ, въ среду или четвертокъ по сошествіи св. Духа и умножается чрезъ слѣдующіе дни; а въ понедѣльникъ, первый поста сего день, и окончается только съ великимъ безчиніемъ и умноженіемъ нечестія, какъ я самъ примѣтилъ съ сожалѣніемъ. Но какъ бы праздникъ ни назывался, или когда бы ни начинался, или сколько бы дней ни продолжался, однакожъ точно я объявляю, что сей праздникъ бѣсовскій, смердящій, издаетъ запахъ идолопоклонства. Понеже праздникъ христіанскій состоитъ въ томъ, чтобъ въ церковь Божію входить и имя Божіе славословить, размышлять о содѣянныхъ Божіихъ благодѣяніяхъ и за тыя сердцемъ и усты Богу благодѣтелю благодарити"... Въ концѣ увѣщанія онъ обращается ко всѣмъ жителямъ города—къ священникамъ, начальникамъ, господамъ, отцамъ и матерямъ, съ глубокою горестію и болѣзнію сердца проситъ уничтожить нечестивый праздникъ: „Разрушите, прошу и молю, разрушите сонмище его, не попускайте впредь быть беззаконному сему собранію; загладите въ памяти своей варварское сіе и мерзкое именованіе Ярило, предайте забвенію и праздники сіи, а празднуйте единому Тріипостасному Богу Отцу и Сыну и Св. Духу, въ Него же креститеся, и на всякомъ мѣстѣ прославляйте величествіе Его (1)".

Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ, въ екатерининскую эпоху были извѣстны какъ проповѣдники еще и другіе, какъ напр., архіеп. твер. Іоасафъ Заболотскій (+1788); еп. ворон. Иннокентій Полянскій (+1794); архіеп. тверск. Иннокентій Нечаевъ (+1799, членъ росс. академіи); архіеп. казан. Антоній Зыбелинъ (+1797); архіеп. твер. и яросл. Павелъ Пономаревъ (+1805, членъ росс. академіи); нижег. еп. Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ; екатериносл. еп. Амвросій Серебренниковъ; архіеп. казан. и потомъ митр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+1818).

(1) Сочиненія св. Тихона III, 238—248.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Направленіе и общій характеръ литературы въ екатерининскую эпоху.

Главные литературные дѣятели въ екатерининскую эпоху.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 3.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Изданіе 3-е

(безъ перемѣнъ).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 3.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Изданіе 3-е

(безъ перемѣнъ).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго университета.
1904.

Дозволено цензурою. Г. Казань. 26 августа 1903 года.

Покойный Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ намѣренъ былъ довести настоящій, заключительный отдѣлъ Исторіи Русской Словесности до литературной дѣятельности Пушкина; но приготовить къ печати весь этотъ отдѣлъ, сообразно съ намѣченной имъ программой, онъ не успѣлъ. Смерть застигла его за изложеніемъ главъ о Крыловѣ, Грибоѣдовѣ и мистической литературѣ Александровскаго времени. Эти статьи, какъ неоконченныя, не могли войти въ настоящее изданіе.

Казань.
Ноябрь 1891 года.

А. Поповъ.

ХАРАКТЕРЪ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ [1]).

Вступая на престолъ, императоръ Александръ I объявилъ, что онъ будетъ слѣдовать по стопамъ своей великой бабки, Екатерины II. Дѣйствительно: царствованіе Александра во многихъ отношеніяхъ представляется продолженіемъ царствованія Екатерины, съ разными, конечно, измѣненіями, которыя всегда неизбѣжно приноситъ съ собою прогрессивное движеніе времени. При Александрѣ созрѣли и принесли плоды тѣ сѣмена, которыя были посѣяны при Екатеринѣ. Тѣ же высокія цѣли и стремленія къ образованію народа и водворенію въ Россіи правды и гуманности, которыя преслѣдовала во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ Екатерина, были главными и руководительными идеями и цѣлями при всѣхъ реформахъ Александра. Усвоеніе просвѣтительныхъ идей философіи и литературы XVIII в., задержанное въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и при имп. Павлѣ, при Александрѣ продолжалось съ новою силою. Въ литературѣ на смѣну уже устарѣвшаго ложноклассическаго направленія развилось новое сантиментальное направленіе; но въ то же время еще продолжали существовать, хотя въ измѣненномъ видѣ, и прежнія направленія—энциклопедистическое—съ классическимъ стилемъ и характеромъ, мистико-масонское и народно-русское.

---

[1]) О характерѣ образованія при Александрѣ I смотр.: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе импер. Александра I. Журн. Мин. Нар. Пр. 1865—1866.—Рѣчь на столѣтнемъ юбилеѣ импер. Александра I, академика М. И. Сухомлинова (Спб. 1877—Зап. Имп. Ак. Н. т. XXXI).—Очеркъ личности и дѣятельности Карамзина, академика Я. К. Грота (Сборн. 2-го Отд. Ак. Н. т. I).—Общественное движеніе при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, 1885.—Сочиненія К. Н. Батюшкова со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ, т. I—III Спб. 1887.—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, ч. 1—3. Спб. 1885.—Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго, изд. гр. Шереметевымъ. Спб. 1879, т. I—XI.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки, искусствъ и литературы были главными предметами заботъ и попеченій импер. Екатерины; то же самое мы встрѣчаемъ и въ дѣятельности импер. Александра, съ первыхъ дней его царствованія. Еще при Екатеринѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ открытіи университетовъ: объ этомъ разсуждали въ Коммиссіи Уложенія, объ этомъ Екатерина разсуждала съ Дидро, который, какъ выше указано, начерталъ для нея и планъ университетовъ; въ Коммиссіи народныхъ училищъ Завадовскимъ былъ составленъ планъ, въ которомъ предположено было открыть три университета—въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но университетамъ суждено было явиться только въ царствованіе Александра; въ самомъ началѣ царствованія, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, были открыты университеты въ Казани, Харьковѣ, позднѣе въ Петербургѣ; преобразованы были университеты московскій, виленскій и дерптскій; основано нѣсколько лицеевъ: Демидовскій въ Ярославлѣ, царскосельскій, одесскій, нѣжинскій; по всей Россіи предположено было открыть гимназіи, уѣздныя училища и приходскія школы; составлены новые уставы для Академіи Наукъ и Академіи Художествъ; возвращены средства къ существованію Россійской Академіи, которыя были отняты у нея Павломъ I [1]).

При основаніи университетовъ неизбѣжно должна была повториться та же исторія, какъ и при открытіи Академіи Наукъ: и для университетовъ, какъ для Академіи, оказалось нужнымъ на первыхъ порахъ выписывать иностранныхъ профессоровъ, потому что своихъ было еще мало. Открывая Академію Наукъ, Петръ В. для приготовленія ученыхъ изъ русскихъ людей учредилъ при Академіи гимназію и университетъ; но эти учрежденія, находившіяся большею частію въ завѣдываніи иностранцевъ, содержались очень небрежно и ученыхъ изъ русскихъ доставляли сравнительно немного [2]); единственный университетъ, Московскій, также мало

---

[1]) Извѣстно, что имп Павелъ I, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, президента Россійской Академіи, княгиню Дашкову, сослалъ въ ссылку и лишилъ Академію денежныхъ средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія ея, передавъ принадлежавшіе ей дома въ другое вѣдомство; Академіи предоставлялось содержаться собственными средствами. Имп. Александръ повелѣлъ снова отпускать на содержаніе Россійской Академіи сумму, назначенную ей Екатериной, и далъ средства для перестройки зданія, въ которомъ помѣщалась Академія. Дашкова также была возвращена на прежнее мѣсто. См. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I, академика М. И. Сухомлинова Зап. Ак. Н. т. XXXI. 1877 г.

[2]) Смотр. письмо академиковъ Озерецковскаго, Гурьева и Севастьянова, поданное имп. Александру въ 1801 г. съ просьбою о поддержаніи академическаго

могъ дать ихъ; въ немъ и самомъ лекціи по многимъ предметамъ читались по латыни и по нѣмецки, за неимѣніемъ русскихъ профессоровъ. Какъ и при основаніи Академіи—поднимался также вопросъ, не преждевременно ли открывать высшіе разсадники наукъ, когда еще нѣтъ самаго главнаго; но онъ самъ собою и падалъ, потому что, вмѣстѣ съ университетами, открывались разныя среднія и низшія школы. Какъ бы то ни было,—„Новый планъ народнаго просвѣщенія въ Россіи", напечатанный въ 1803 г., былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Въ 5-мъ № Вѣстника Европы Карамзинъ восторженно привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Петръ В. учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ. Новая великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Не одно народное славолюбіе . . . . терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и однимъ словомъ не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго т. е. добродѣтельнаго монарха". Особенно Карамзинъ указываетъ на важность и необходимость сельскихъ школъ. „Учрежденіе сельскихъ школъ, говоритъ онъ, несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія . . . . Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ". Въ обществѣ начались богатыя пожертвованія на дѣла народнаго просвѣщенія. Прочитавъ „Планъ", богачъ Демидовъ пожертвовалъ въ 1803 г. до милліона рублей деньгами, имѣніемъ (въ 450 тысячъ рублей), библіотекой и нѣсколькими кабинетами для Московскаго университета, для будущихъ университетовъ и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей); другой богачъ, Шереметевъ, въ томъ же году пожертвовалъ до $2^1/_2$ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ на раз-

---

университета и о преобразованіи Академіи Наукъ, въ Исторіи Россійской Академіи М. И. Сухомлинова, II, 361—367.

ныя благотворительныя цѣли; дворянство Харьковской губерніи, по призыву Каразина, сдѣлало пожертвованіе въ 400 тысячъ рублей на заведеніе Харьковскаго университета. Было много и другихъ пожертвованій въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, каковы пожертвованія Безбородка, Голицына, княгини Дашковой и графа Н. П. Румянцева (пожертвованія изданій по древней русской исторіи и драгоцѣннаго Музея, вмѣстѣ съ домомъ для него) [1]).

Учреждая повсюду высшія и низшія училища, импер. Александръ постоянно покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и писателямъ, поощрялъ ихъ ученую и литературную дѣятельность, награждая ихъ труды, помогая имъ издавать ихъ сочиненія и даже нѣкоторыхъ приближалъ къ себѣ и пользовался ихъ совѣтами. Карамзинъ, первый и лучшій писатель Александровской эпохи, былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ и истымъ другомъ импер. Александра.

Иниціатива просвѣтительной дѣятельности выходила отъ самого государя, самая же дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Кромѣ ближайшаго къ государю кружка, который составляли нѣсколько извѣстныхъ лицъ: Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей и Чарторыжскій, и въ которомъ зачинались и приводились въ исполненіе планы всѣхъ реформъ, ознаменовавшихъ начало царствованія, извѣстно много другихъ лицъ, которыя были также передовыми и знаменитыми дѣятелями въ области просвѣщенія, какъ-то: Завадовскій, первый министръ народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьевъ, попечитель Московскаго университета, Мордвиновъ, Воронцовъ, Северинъ-Потоцкій, Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, графъ С. П. Румянцевъ; извѣстно нѣсколько домовъ или цѣлыхъ семействъ, которыя были центрами, притягивавшими къ себѣ всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ наука, искусство и литература находили для себя постоянный теплый пріютъ и всегдашнее покровительство. Таковы были семейства Тургеневыхъ, Муравьевыхъ и Олениныхъ.

И. П. Тургеневъ (1752—1807) принадлежалъ къ масонскому обществу и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Новиковскаго кружка. Его имя прежде всего упоминается въ біографіи Карамзина, котораго онъ увезъ изъ разсѣяннаго свѣтскаго общества въ Симбирскѣ въ Москву, убѣдилъ заняться литературой и ввелъ его въ общество Новикова. Состоя нѣсколько лѣтъ директоромъ Московскаго университета (1797—1803), онъ воспиталъ мно-

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Алекс. I., Пыпина.

жество полезныхъ дѣятелей, которые всю жизнь почитали его какъ роднаго отца. У И. П. Тургенева было четыре сына, изъ коихъ особенную извѣстность пріобрѣлъ, какъ меценатъ наукъ и искусствъ, *Александръ Ивановичъ Тургеневъ* (род. 1784). Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ Ивановичемъ онъ воспитывался въ Геттингенскомъ университетѣ, получилъ обширное образованіе и долго путешествовалъ по Европѣ, для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи въ иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ. Во время своей службы въ разныхъ должностяхъ (онъ служилъ при статсъ-секретарѣ Новосильцевѣ и въ коммиссіи по составленію законовъ, былъ членомъ и секретаремъ Библейскаго общества, а также былъ членомъ общества Арзамасскаго), онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ почти со всѣми лучшими писателями первой половины XIX в. и всѣмъ имъ оказывалъ помощь. Карамзину онъ помогалъ при собираніи источниковъ для Исторіи Государства Россійскаго; Жуковскій былъ много обязанъ ему въ упроченіи своего внѣшняго положенія. Участіемъ и покровительствомъ Тургенева пользовались Батюшковъ, Воейковъ, Козловъ, Милоновъ и А. С. Пушкинъ, котораго онъ опредѣлилъ въ царскосельскій лицей и котораго потомъ похоронилъ въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Тургеневу находился еще П. А. Плетневъ, который высоко цѣнилъ его заслуги по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1757—1807), отецъ извѣстныхъ декабристовъ, Никиты и Александра Муравьевыхъ, былъ наставникомъ импер. Александра и великаго князя Константина, попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Благодаря его заботливости, при Московскомъ университетѣ было открыто нѣсколько обществъ: общество исторіи и древностей россійскихъ, общество испытателей природы, общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей, которымъ онъ оказывалъ всякую помощь; въ его домѣ и подъ его ближайшимъ руководствомъ воспитывался Батюшковъ; онъ испросилъ у государя званіе россійскаго исторіографа Карамзину, который впослѣдствіи, въ благодарную память о немъ, издалъ его сочиненіе подъ заглавіемъ „Опыты исторіи, словесности и нравоученія“ (въ двухъ частяхъ). Двоюродный братъ М. Н. Муравьева, *Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ* (1768—1851) первое образованіе получилъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ, а закончилъ его въ Германіи, гдѣ онъ познакомился съ Кантомъ и Клопштокомъ, потомъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ, при миссіяхъ и посольствахъ за границей, наконецъ былъ сенаторомъ и членомъ главнаго пра-

вленія училищъ. Будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, онъ занимался литературой, перевелъ „Облака“ Аристофана, „Школу злословія“ Шеридана, написалъ „Путешествіе по Тавридѣ“ и „Письма изъ Москвы въ Новгородъ“, напечатанныя въ Сынѣ Отечества (1813—1815) [1]), весьма интересныя для характеристики московскаго образованнаго общества, убѣжавшаго отъ Наполеона изъ Москвы въ Нижній. Замѣтимъ еще, что сынъ Ивана Матвѣевича оказался въ числѣ декабристовъ и былъ казненъ [2]). *Алексѣй Николаевичъ Оленинъ* былъ археологъ, любитель художествъ и самъ занимался рисованіемъ и гравированіемъ. Онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ русскихъ художниковъ; въ его гостепріимномъ домѣ собирались всѣ русскіе таланты того времени: Озеровъ, Гнѣдичъ, Муравьевъ-Апостолъ, Уваровъ, Востоковъ и др. Сюда обыкновенно приносились всѣ новости, ученыя и литературныя, извѣстія о новыхъ книгахъ, новыхъ стихотвореніяхъ, театральныхъ представленіяхъ и проч. Здѣсь Озеровъ въ 1804 г. въ первый разъ читалъ своего „Эдипа“, здѣсь же положено было ознаменовать торжество Озерова, по случаю перваго представленія его трагедіи, выбитіемъ медали [3]). Эти собранія въ домѣ Оленина весьма много оживляла его умная и образованная супруга, урожденная Полтарацкая.

Были и женскіе литературные салоны, составлявшіеся вѣроятно по подражанію французскимъ женскимъ салонамъ второй половины XVIII в.; таковы напр. были гостинныя Прасковьи Михайловны Ниловой и Анны Петровны Квашниной-Самариной; подъ ихъ вліяніемъ, между прочимъ, воспитывался Батюшковъ. Кромѣ упомянутыхъ лицъ были конечно и другія лица, способствовавшія распространенію образованія въ эту эпоху. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ указываетъ на Ѳедора Васильевича Козлятева, у котораго была большая французская библіотека старыхъ и новыхъ писателей, на домъ Плещеевыхъ (Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны), въ которомъ находили особенное покровительство онъ и Карамзинъ, написавшій къ нимъ свои „Письма Русскаго Путешественника“, и на домъ князя А. И. Вяземскаго, гдѣ сходились образованные молодые люди, изъ которыхъ потомъ образовалось Арзамасское общество [4]).

Направленіе въ образованіи было либеральное. Самъ государь,

---

[1]) Перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1876, кн. 3. Содержаніе ихъ изложено въ Ист. русск. слов. Галахова, II, 276—282.

[2]) Смотр. у Майкова: Сочиненія Батюшкова, II, 411—417; у Галахова въ Ист. русск. словесности, II, 276—281.

[3]) Смотр. у Майкова: Сочиненія Батюшкова, I, 48—54.

[4]) Взглядъ на мою жизнь И. И. Дмитріева 47—51; 78.

любимый внукъ поклонницы Вольтера, импер. Екатерины, былъ воспитанникомъ республиканца, швейцарца Лагарпа, который познакомилъ еще въ молодости своего ученика со всѣми идеями философіи и литературы XVIII в. Упомянутые выше люди, окружавшіе государя и стоявшіе во главѣ государственнаго управленія, были воспитаны еще при Екатеринѣ и также на сочиненіяхъ той же философіи и литературы. Графъ П. А. Строгановъ былъ воспитанникомъ француза Ромма, одного изъ якобинцевъ [1]; графъ Кочубей воспитывался въ Женевѣ и Лондонѣ, гдѣ познакомился съ политическими науками; графъ Новосильцевъ четыре года жилъ въ Англіи и изучалъ также англійскія политическія учрежденія. Въ домѣ Муравьевыхъ воспитателемъ дѣтей былъ швейцарецъ, якобинецъ Петрѣ. Въ домѣ Салтыковыхъ гувернеромъ былъ родной братъ Марата, который былъ извѣстенъ потомъ подъ именемъ Будри и съ этимъ именемъ сдѣлался преподавателемъ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ и былъ учителемъ Пушкина [2]). Вообще отцы и дѣды общественныхъ дѣятелей и писателей Александровской эпохи получали иностранное образованіе и любили у себя дома составлять библіотеки иностранныхъ, преимущественно французскихъ, писателей, которыя потомъ служили источникомъ образованія для ихъ дѣтей и внуковъ. Такъ, у отца Батюшкова, поклонника философіи XVIII в., была большая библіотека, которая и послужила образованію его сына. Ужасы французской революціи, напугавшіе всю Европу, бросили мрачную тѣнь на иностранное образованіе, на французскую философію и литературу; многіе не только перестали увлекаться ими, но и дѣлались ихъ преслѣдователями. Книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, какъ самый осязательный примѣръ того сильнаго вліянія, какое производила на русскихъ образованныхъ людей французская философія, подверглась осужденію, вмѣстѣ съ ея авторомъ, была запрещена и изъята изъ употребленія. Но когда прошла революціонная гроза, уваженіе къ французской философіи и иностранной литературѣ явилось снова и особенно усилилось въ началѣ царствованія Александра. Въ собраніяхъ „Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, основаннаго въ 1801 г. для распространенія новаго, Карамзинскаго литературнаго направленія, читались переводы изъ Беккаріи, Филанжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ историковъ и публицистовъ XVIII в., на которыхъ воспитался Радищевъ и которые дали содержаніе его книгѣ. Въ сборникѣ этого общества, въ „Свиткѣ музъ“ 1803 г., издателями его было заявлено горячее сочувствіе къ Радищеву, а въ

---

[1]) Объ этомъ Роммѣ см. статью въ Русскомъ Архивѣ 1887 г., кн. 1.
[2]) См у Пыпина: Общ. движ. при Александрѣ I, 2-е изд., стр. 75.

Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г. была даже напечатана цѣлая глава изъ его „Путешествія", „Клинъ", подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ бумагъ одного россіянина"; при этомъ издателями присовокуплено было слѣдующее примѣчаніе: „Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что тѣни усопшаго автора первое будетъ прощено ради послѣдняго" [1]). Чтобы распространить въ русскомъ обществѣ господствовавшія въ это время въ Европѣ идеи объ устройствѣ государства и государственномъ управленіи, нашли нужнымъ перевести на русскій языкъ вполнѣ главныя политическія и политико-экономическія сочиненія, каковы: „Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ" Беккаріи (перев. въ 1803), „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи" Бентама (1805—1811), „О существѣ законовъ" Монтескье (1814 г.), „Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ" Адама Смита (1803—1806), „Политическая экономія, или о государственномъ хозяйствѣ" Верри (въ 1810). Самимъ правительствомъ опять поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и явилось нѣсколько сочиненій объ этомъ предметѣ (Разсужденіе Андрея Кайсарова—Dissertatio... de manumittendis per Russiam servis. Gottingae. 1806). Наконецъ въ 1809 г. начались разныя реформы по части внутренняго государственнаго управленія, главнымъ дѣятелемъ которыхъ былъ Сперанскій

Такимъ образомъ въ царствованіе Александра продолжалось усвоеніе идей философіи и литературы XVIII в., но надобно замѣтить, что это усвоеніе имѣло другой характеръ, чѣмъ въ царствованіе Екатерины. При Екатеринѣ оно имѣло характеръ консервативно эклектическій. „Мой девизъ, говорила она, пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное". Примѣняя въ русской жизни идеи новой науки и литературы, она выбирала только существенно-необходимое и не касалась ни основы существующаго государственнаго строя, ни издавна установившихся формъ народной жизни, и сама, рядомъ съ изученіемъ европейской науки и литературы, изучала и другихъ возбуждала къ изученію русской исторіи и народной поэзіи. Образецъ такого отношенія ея къ европейской наукѣ и русской народности представляетъ и ея „Наказъ". Такихъ же воззрѣній держалась и вся литература Екатерининской эпохи, проводившая въ своихъ сочиненіяхъ идеи „Наказа". Но въ другомъ совсѣмъ направленіи дѣйствовали Александръ и его сподвижники; вводя разныя реформы, они уже не хотѣли держаться указаннаго консервативнаго направленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранное воспитаніе подъ руковод-

[1]) См. у Майкова: Сочиненія Батюшкова, I, 39—40.

ствомъ иностранныхъ учителей, по сочиненіямъ европейской науки и литературы, приносилю большую пользу для общаго развитія русскихъ людей, но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что оно было и вредно,—потому что совершенно отдаляло ихъ отъ русской жизни и содѣйствовало развитію того космополитизма, который, начавшись прежде, особенно усилился въ царствованіе Александра. Извѣстно, что самого Александра современники, а потомъ и потомки упрекали „въ недостаткѣ народнаго чувства и любви къ Россіи, живого сознанія нуждъ и потребностей русскаго народа", и указывали на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства часто одерживали верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу. Изъ русскихъ людей выходили люди съ высокими стремленіями и обширными познаніями, которыми они часто удивляли иностранцевъ; но эти люди до того благоговѣли предъ западной наукой и культурой, что холодно и съ пренебреженіемъ относились къ своей народности, къ родному языку и отечественной исторіи. Мы указали выше на семейства Тургеневыхъ и Муравьевыхъ, какъ на главные центры образованія въ Александровскую эпоху, но изъ этихъ же семействъ выходили и декабристы. Можно сказать, что почти всѣ образованные люди конца XVIII и начала XIX в., даже тѣ, которые сдѣлались извѣстными въ исторіи какъ горячіе патріоты и защитники русской народности, сначала увлекались космополитическими чувствами. „Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи суть не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи . . . . . Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ", писалъ въ 1790 г. изъ Парижа въ Россію Карамзинъ, тотъ самый Карамзинъ, который вскорѣ явился самымъ горячимъ народнымъ патріотомъ, который создалъ „Исторію Государства Россійскаго" и этой исторіей пробудилъ въ русскомъ обществѣ чувство народности. Въ страстномъ, юношескомъ увлеченіи поразившей его европейской цивилизаціей, Карамзинъ (ему было тогда только 23 года) еще не замѣчалъ, что народность есть не что иное, какъ только индивидуальная форма общечеловѣческаго духа, что человѣческое не можетъ существовать безъ народнаго, какъ необходимой формы, въ которой оно выражается; что само человѣчество существуетъ только въ идеѣ, а въ

дѣйствительности живутъ народы, а потому, чтобы быть человѣкомъ и служить человѣчеству, непремѣнно надобно принадлежать къ какому-нибудь народу, и конечно къ тому народу, обществу, средѣ, которымъ мы обязаны своимъ бытіемъ и съ которымъ мы тѣсно связаны вѣрою, законами, нравами и обычаями.

Графъ Завадовскій въ 1800 г. писалъ къ А. Р. Воронцову: „Ежели не всѣ, то однакоже многія пробѣжалъ я наши исторіи: хаосъ не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоятъ одни имена и числа, а прочее все завалено грубымъ слоемъ... Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны, а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли намъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россъ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть in loca imaginaria, каковы полагались, прежде чѣмъ знали физику, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣшана подобнымъ мракомъ, каковымъ объяты широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, если черпать оную хочемъ глубже, а не отъ временъ Петра В. . Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. — Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, только та исторія и пріятна и полезна, которую или философы, или политики писали. *Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигнули до того, что и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною.* Когда пріѣдешь въ Москву, пришли мнѣ каталогъ продажныхъ французскихъ книгъ“. Соглашаясь, что и въ древнемъ періодѣ нашей исторіи были важныя происшествія, какъ напр. въ царствованіе Іоанна Грознаго, онъ однако же, по поводу Исторіи Щербатова, говоритъ, что всю эту древнюю исторію можно помѣстить на одной страницѣ: „Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, *чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра I вмѣстить въ оную.* Но еще не перевелись и не такъ скоро прейдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторіею“ [1]). Такія выходки

---

[1]) Семейная хроника Воронцовыхъ А. Г. Брикнера. Вѣстн. Евр. 1887, сентябрь.

противъ древней отечественной исторіи и древне-русскаго и славянскаго языковъ, выходки совершенно непонятныя нынѣ, могутъ быть объяснены именно только тѣмъ космополитизмомъ высшаго образованнаго общества, который развился подъ вліяніемъ иностраннаго воспитанія и который заставляетъ оставлять въ пренебреженіи все отечественное. Отечественное казалось ниже потому, что оно издавна было заброшено, не разработано и превратилось въ сухари со ржавчиной. Завадовскій самъ говоритъ, что начатки исторіи и просвѣщенія у каждаго народа бываютъ скудны, что и самые блестящіе и драгоцѣнные камни бываютъ покрыты корой и смѣшаны съ грязью и только очищенные и обдѣланные являются въ настоящемъ своемъ видѣ.

Такія же воззрѣнія на русскую старину и древнюю русскую исторію вскорѣ высказаны были поэтомъ Батюшковымъ. Въ 1809 г. онъ писалъ къ другу своему Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все равно. Она дѣлается интересной только со временъ Петра В. . Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли: читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, Литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ; нѣтъ середины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. . . . Отъ одного слова русскіе, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ. . . Глинка называетъ свой *Вѣстникъ русскимъ*, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ, или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское. . . . а я потерялъ вовсе терпѣніе“. Въ 1816 г., по поводу разсужденія Каченовскаго о славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ, Батюшковъ къ тому же Гнѣдичу писалъ: „Нѣтъ, никогда я не имѣлъ такой ненависти къ этому мандаринскому, рабскому, татарско-славенскому языку, какъ теперь. Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славянизмовъ. Когда переведутъ св. Писаніе на языкъ человѣческій? Дай, Боже! желаю этого“!. . . Въ 1811 г. онъ писалъ къ Гнѣдичу: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? на что? на русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то самъ по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за *ы*, что за *щ*? что за *ш*, *шій*, *щій*, *при*, *тры*? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ

чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что слово, то блаженство". По поводу своей элегіи Батюшковъ говоритъ: „Я смѣшонъ по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ задумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори".

Не всѣ, конечно, образованные люди конца XVIII и начала XIX в. доходили до такихъ крайностей космополитизма, но всѣ болѣе или менѣе были напитаны имъ, особенно богатые и знатные. Они владѣли иногда обширными свѣдѣніями по разнымъ предметамъ науки и литературы, но изъ этихъ свѣдѣній не дѣлали никакихъ употребленій и приложеній не только вообще для Россіи, но и для своей жизни. Они иногда гораздо лучше знали, что было и что дѣлается въ Италіи, чѣмъ въ Россіи и даже въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Замѣчательный типъ такихъ людей представляетъ сенаторъ и библіофилъ графъ Димитрій Петровичъ Бутурлинъ (1763—1829), у котораго была огромная библіотека и музеумъ, сгорѣвшіе въ 1812 г. Онъ не выѣзжалъ изъ Россіи, и зналъ твердо разнообразныя мѣстныя нарѣчія итальянскаго языка и французскаго народонаселенія, зналъ наизусть до малѣйшихъ подробностей топографію Рима, Неаполя, Парижа. Онъ удивлялъ иностранцевъ своимъ энциклопедическимъ всевѣдѣніемъ; слушая его, они думали, что онъ много времени прожилъ въ той или другой мѣстности и едва вѣрили, когда графъ признавался имъ, что еще не выѣзжалъ изъ Россіи [1]).

Космополитизмъ, страсть ко всему иностранному имѣли вредныя послѣдствія и для религіозныхъ убѣжденій русскихъ людей, развивая въ нихъ сначала религіозный индифферентизмъ и потомъ отступничество отъ православной вѣры и церкви. Это отступничество особенно обнаруживалось въ женскомъ аристократическомъ обществѣ, которое, получивъ иностранное воспитаніе и живя постоянно за границей, совершенно забывало свою вѣру и въ случаѣ запросовъ совѣсти и разныхъ религіозныхъ и нравственныхъ потребностей обращалось не къ православной церкви, которой оно съ дѣтства чуждалось, потому что совершенно ея не знало, но къ европейской вѣрѣ и преимущественно къ католической церкви, духовенство которой и всего болѣе іезуиты умѣли пользоваться религіознымъ невѣжествомъ русскихъ женщинъ. Это особенно обна-

---

[1]) Сочин. кн. Вяземскаго. VIII, 166.

ружилось въ эпоху отечественной войны, когда вслѣдствіе сильныхъ потрясеній, потерь и вообще разныхъ несчастій понадобились религіозныя утѣшенія,— за этими утѣшеніями тогда обращались не къ православной церкви и ея духовенству, а къ разнымъ мистическимъ сектамъ, другіе переходили въ католичество. Супруга Ѳ. В. Растопчина, графиня Екатерина Петровна, урожденная Протасова, еще въ 1812 г. обратилась въ католичество, подъ вліяніемъ одной французской книги, данной ей іезуитомъ, аббатомъ Сюррюгъ. Сестры графини Растопчиной, княгиня А. П. Голицына (ум. 1842), графиня В. П. Протасова (ум. 1852) и В. П. Васильчикова (ум. 1814), С. П. Свѣчина, графиня М. А Воронцова и многія другія также перешли въ католичество, при содѣйствіи бывшаго сардинскаго посланника при русскомъ дворѣ, графа Іосифа де Местра [1]). Въ Одессѣ въ лицеѣ директоромъ былъ іезуитъ Николь и ввелъ въ лицей іезуитскую систему воспитанія. Въ самомъ Петербургѣ при Александрѣ существовалъ іезуитскій пансіонъ; воспитывавшіяся здѣсь русскія дѣти иногда наизусть знали католическую обѣдню, но не понимали православнаго богослуженія. Очень много также распространяли католичество послѣ революціи явившіеся въ Россію эмигранты и эмигрантки. Между послѣдними была извѣстна въ высшихъ петербургскихъ кругахъ эмигрантка княгиня де-Тарантъ [2]). Но и независимо отъ иностранной и иновѣрной пропаганды иностранное, преимущественно французское, воспитаніе отдаляло русскихъ образованныхъ людей и особенно женщинъ отъ вѣры православной, отъ обрядовъ и языка своей церкви. „До какой степени такъ называемая галломанія, говоритъ Майковъ, содѣйствовала къ сближенію съ католичествомъ, видно изъ примѣра В. П. Тургеневой, матери знаменитаго романиста, которая даже не будучи католичкой читала молитвы на французскомъ языкѣ“ [3]).

Вредныя послѣдствія такого воспитанія были неизбѣжны. „Съ нравственностію, говоритъ Шишковъ, не то дѣлается, что съ естественностію. Курица, высиженная и вскормленная уткою, останется курицею и не пойдетъ за нею въ воду; но русскій, воспитанный французами, всегда будетъ больше французъ, нежели русскій“. Сколько въ образованномъ обществѣ можно было встрѣтить такихъ людей, которые чисто говорили по-французски, но не могли правильно написать двухъ-трехъ строкъ по-русски. Были даже

[1]) См. А. Н. Попова—Москва въ 1812 г., въ Рус. Архивѣ 1875, кн. II, стр. 278—279.

[2]) См. Русс. Арх. 1866 г.

[3]) Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева. В. П. Житовой. Вѣстн. Евр. 1884, ноябрь, стр. 86. См. у Майкова Сочин. Батюшкова, II, 388—389.

градоначальники, затруднявшіеся въ объясненіяхъ съ подчиненными, которые не говорили по французски.

Война съ французами въ 1812 году, сопровождавшаяся страшными бѣдствіями, пробудила въ русскомъ обществѣ чувства патріотизма и народности. Тѣ же самыя лица, которыя прежде такъ громко высказывали свои космополитическія воззрѣнія, прониклись негодованіемъ и ненавистью къ французамъ. „Я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя моему отечеству, писалъ тотъ же поэтъ Батюшковъ къ Гнѣдичу въ октябрѣ двѣнадцатаго года, чтобы минуту быть спокойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ, или французовъ, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ“.... Какъ прежде ужасы французской революціи поколебали гуманныя убѣжденія Карамзина и заставили его воскликнуть: „Вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя; въ крови и пламени не узнаю тебя; среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя“, такъ теперь Батюшковъ высказываетъ негодованіе противъ той самой образованности, подъ вліяніемъ которой онъ воспитывался и предъ которой благоговѣлъ. „Варвары, вандалы, прибавляетъ онъ. И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ и философіи, о человѣколюбіи. И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ какъ обезьяны“ [1]. Карамзинъ въ своемъ Предисловіи къ Исторіи Государства Россійскаго говорилъ: „Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его“... „Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими страданіями изготовили наше величіе; а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ. Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному“.

Литература приняла народно-патріотическое направленіе. Это направленіе выражается въ одахъ и другихъ стихотвореніяхъ Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго, въ драмахъ Озерова (Димитрій Донской, 1807 г.), Крюковскаго (Пожарскій, 1807), въ афишахъ графа Ѳ. В. Растопчина, въ разсужденіяхъ, манифестахъ, грамотахъ, рескриптахъ, приказахъ по арміямъ и другихъ извѣщеніяхъ, выходившихъ изъ-подъ пера А. С. Шишкова. Въ 1808 г. С. Глин-

---

[1]) См. у Майкова, въ Біографіи Батюшкова. Сочин. Батюшкова, I, 160—161.

ка основалъ „Русскій Вѣстникъ“ съ цѣлію возбуждать народный духъ въ борьбѣ съ французами. Вліяніе этого журнала было такъ сильно, что оно встревожило Наполеона, и французскій посолъ Коленкуръ жаловался русскому правительству на непріязненный духъ Вѣстника; а самого Глинку, по его энергіи и патріотическому энтузіазму, современники сравнивали съ Жанной д'Аркъ. Съ также патріотическою цѣлью въ 1812 году былъ основанъ Н. И. Гречемъ „Сынъ Отечества“. Но самымъ неутомимымъ органомъ патріотизма была „Бесѣда любителей русскаго слова“ (1811—1819), издававшаяся подъ управленіемъ А. С. Шишкова. Шишковъ первый, еще въ 1803 г. въ своемъ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“, возставая противъ порчи русскаго языка внесеніемъ въ него иностранныхъ словъ и оборотовъ, ставилъ въ связи эту порчу съ иностраннымъ воспитаніемъ русскаго общества. „Начало онаго (зла), говорилъ онъ, происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются“ (стр. 5—6). „Французы прилежаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить и писаніями своими прославиться наономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобъ подобно имъ трудиться въ созданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобъ найденныя ими въ ихъ языкѣ ни мало намъ не сродныя красоты перетаскивать въ свой языкъ“ (стр. 11—12).

Но чувство народности и патріотизма, такъ сильно заявившее себя во время отечественной войны, быстро прошло съ окончаніемъ этой войны, и снова явилась галломанія, отъ которой не могли совершенно освободиться даже во время войны, такъ какъ подъ вліяніемъ ея воспитывались еще съ дѣтства. Мы указали выше на письма въ Нижній изъ Москвы И. М. Муравьева, весьма интересныя для характеристики русскаго общества въ эпоху отечественной войны. Въ этихъ письмахъ изображается, какъ москвичи, пострадавшіе отъ Наполеона и французовъ, не могли однакоже отдѣлаться отъ французской цивилизаціи, усвоенной ими съ малыхъ лѣтъ, такъ что продолжали жить по-французски, собирались во французскіе

клубы, читали французскіе романы, танцовали французскія кадрили и даже проклинали французовъ на французскомъ языкѣ. Въ 1815 г. послѣ возвращенія русскихъ войскъ изъ-за границы начали распространяться политическія либеральныя общества; русскіе офицеры, во время пребыванія въ Парижѣ, подчинились французскимъ воззрѣніямъ. Въ это время по всей Европѣ и особенно во Франціи повсюду разсѣяны были разныя тайныя политическія общества, которыя перенесены были и въ Россію. Н. Н. Муравьевъ-Карскій разсказываетъ о томъ, какъ изъ знакомыхъ ему молодыхъ людей составился тѣсный дружескій кружокъ, нѣчто въ родѣ тайнаго общества. „Какъ водится въ молодыя лѣта, говоритъ онъ объ этомъ кружкѣ, мы судили о многомъ, и я, не ставя преграды воображенію своему, возбужденному чтеніемъ Contrat social Руссо, мысленно начертывалъ себѣ великія предположенія въ будущемъ. Думалъ и выдумалъ слѣдующее: удалиться на какой-нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, образовать жителей острова и составить республику. У общества были свои условленные знаки для узнаванія другъ друга при встрѣчѣ. Ребяческій этотъ бредъ прошелъ, когда наступили событія 12-го года; но потомъ нѣкоторые изъ членовъ кружка стали декабристами, другіе видными государственными дѣятелями“ [1]).

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII в. весьма важную роль играли масонскія ложи; Екатерина не любила ихъ и, испуганная французской революціей, закрыла ихъ. Но въ началѣ царствованія Александра масонскія ложи возобновились, и распространились разныя мистическія ученія. Возстановлены были нѣкоторыя прежнія ложи и открыты новыя, не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ многолюдныхъ городахъ. Отличительную черту новыхъ масонскихъ обществъ составляло то, что они стояли болѣе на теоретической почвѣ, чѣмъ на практической, какъ это было при Новиковѣ, Лопухинѣ и Тургеневѣ, и имѣли болѣе мистическій, внутренній характеръ, чѣмъ внѣшній, ритуальный. Изъ дѣятелей такихъ мистико-масонскихъ ложъ особенно выдавались *Лабзинъ*, издававшій „Сіонскій Вѣстникъ“ (въ 1806 и 1817—1818 г.), гдѣ излагалось мистическое ученіе Бэма, Эккартсгаузена и другихъ мистиковъ и переводились ихъ сочиненія, и *Невзоровъ*, издававшій другой мистическій журналъ „Другъ юношества“. Мистическое направленіе впрочемъ, можно сказать, существовало во всемъ современномъ обществѣ и независимо отъ масонства. Многіе держались масонскаго ученія и не будучи масонами, напр. Сперанскій, кн. А. Н. Голицынъ и многія изъ духовныхъ лицъ. Самъ импер.

---

[1]) Новые мемуары объ Александровской эпохѣ. А. Н. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1887, декабрь, стр. 673—674.

Александръ любилъ посѣщать собранія, гдѣ проповѣдывалось мистическое ученіе, былъ въ сношеніяхъ съ г-жею Крюднеръ, принималъ къ себѣ квакеровъ и бесѣдовалъ съ ними. Нѣкоторыя мистико-масонскія общества имѣли политическія тенденціи, вслѣдствіе чего въ 1822 г. всѣ масонскія ложи были закрыты. Политическій элементъ, впрочемъ, проникалъ и въ такія общества, которыя имѣли религіозно-нравственныя цѣли, или вообще образовательныя стремленія, напр. Библейское общество, основанное въ концѣ 1812 г. для распространенія въ народѣ свящ. Писанія, въ переводахъ на народные языки (существовало до начала 20-хъ годовъ), ланкастерскія школы, открытыя въ 1819 г. въ Петербургѣ, гдѣ составилось общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія. Наконецъ стали составляться и настоящія тайныя политическія общества, по образцу западныхъ политическихъ обществъ, и особенно по образцу нѣмецкаго политическаго общества „Тугендбундъ“. Все это броженіе, навѣянное разными западными вліяніями, религіозными и политическими, вызвало дикія нападенія вообще на просвѣщеніе архимандрита Фотія, министерство просвѣщенія князя Голицына, названное министерствомъ потемнѣнія, грубую аракчеевщину и привело къ катастрофѣ 14 декабря, слѣдствіемъ которой явилась уже другая система въ образованіи и управленіи, совершенно противоположная Александровской системѣ.

На смѣну ложно-классическаго направленія явилось новое, *сантиментальное*. Въ европейскихъ литературахъ оно было протестомъ противъ искусственности и сухости классической школы, противъ искусственности и испорченности жизни въ высшихъ сословіяхъ, протестомъ природы противъ неправильно развившейся цивилизаціи. Впрочемъ аналогичныя явленія сказавшемуся въ сантиментальномъ направленіи были извѣстны и въ древнемъ мірѣ. Извѣстно, что въ Греціи, въ эпоху александрійскую, когда слишкомъ усилилась роскошь и нравы испортились, явилось желаніе возвратиться къ природѣ и простой жизни: развилась идиллическая поэзія, Θеокритъ и его школа начали рисовать сцены изъ жизни простыхъ людей, пастуховъ, землевладѣльцевъ, рыбаковъ и пр. Подобнымъ образомъ и въ Римѣ, въ эпоху Августа, когда римская аристократія, пресыщенная богатою и роскошною жизнію и ея удовольствіями, томилась отъ скуки и пресыщенія и не знала, что съ собою дѣлать, энтузіастъ полей и лѣсовъ, Виргилій погналъ всѣхъ римскихъ богачей изъ города въ деревню, на свѣжій воздухъ природы, рисуя въ своихъ эклогахъ и Георгикахъ разные виды сельскаго хозяйства и прелести деревенской жизни. Тоже самое повторилось и въ Европѣ во второй половинѣ XVIII в., когда въ средѣ искусственной жизни, какъ въ душной комнатѣ,

человѣкъ задыхался отъ множества накопившихся въ ней міазмовъ цивилизаціи, явилась потребность освѣжиться чистымъ воздухомъ природы и жизни простыхъ людей; явилось обожаніе природы, мечты о небываломъ золотомъ вѣкѣ; развилась пастушеская поэзія; явился Руссо съ своими пламенными рѣчами противъ цивилизаціи. Съ другой стороны, сантиментальное направленіе было протестомъ противъ односторонности науки и философіи энциклопедистовъ. Философія энциклопедистовъ заботилась только о развитіи ума, обогащая его разными свѣдѣніями по разнымъ наукамъ, но нисколько не старалась о развитіи чувства, о воспитаніи нравственнаго характера; выходили люди съ образованіемъ, люди знающіе, но безъ сердца, безъ нравственнаго чувства. Сантиментальная литература, напротивъ, все вниманіе обращала на развитіе чувства, развивала чувство гуманности, гуманныя отношенія ко всѣмъ людямъ, воспитывала въ человѣкѣ нравственный характеръ. Но имѣя такой чистый источникъ и такія чистыя побужденія и намѣренія, сантиментальное направленіе само явилось на практикѣ одностороннимъ: преслѣдуя интересы чувства и нравственности, оно совершенно игнорировало интересы ума и образованія, и естественно скоро выродилось. Чувство превратилось въ ложную чувствительность, не управляемую и не просвѣщаемую здравымъ разсудкомъ. Истинная чувствительность обращается къ такимъ предметамъ, которые достойны сочувствія, выражается въ такихъ чувствахъ и ощущеніяхъ, которыя важны и интересны для всѣхъ людей; ложная чувствительность обратилась къ мелочамъ, не стоющимъ никакого вниманія; развилась наклонность казаться нѣжнымъ, добрымъ и чувствительнымъ, совершенно не имѣя этихъ качествъ, наклонность рисоваться своимъ чувствомъ, все преувеличивать, воздыхать или восторгаться по каждому ничтожному случаю.

Сантиментальное направленіе явилось прежде всего въ англійской литературѣ, вмѣстѣ съ романами Ричардсона и „Чувствительнымъ путешествіемъ" Стерна, откуда и взято самое слово сантиментальный (sentimental), давшее имя цѣлому направленію. Изъ Англіи оно вскорѣ перешло во Францію. По подражанію Клариссѣ Ричардсона (1748) Руссо написалъ „Новую Элоизу", Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ романъ „Павелъ и Виргинія". Новая Элоиза произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе; въ ней самымъ краснорѣчивымъ образомъ изображалась вся искусственность городской жизни, весь вредъ цивилизаціи, и дѣлались самыя пламенныя воззванія къ природѣ или къ жизни въ природѣ. Новая Элоиза произвела множество подражаній во всѣхъ литературахъ. „Путешествіе" Стерна (1768) названо чувствительнымъ потому, что оно содержитъ въ себѣ не описаніе внѣшняго міра или тѣхъ предметовъ, которые путешественникъ встрѣчалъ на своемъ пути, а

изображеніе внутренняго міра его души, тѣхъ идей, ощущеній, чувствъ, которыя возникали въ его душѣ при встрѣчѣ съ этими предметами. Въ Англіи Стерну подражалъ Макензи, написавшій „Чувствительнаго человѣка", въ Германіи Георгъ Якоби, извѣстный своими „Лѣтними и зимними странствованіями", во Франціи Вернъ, написавшій два путешествія: „Чувствительный путешественникъ, или моя прогулка въ Ивердюнъ" и „Чувствительный путешественникъ во времена Робеспьера", котораго французы называютъ своимъ Стерномъ. Въ предисловіи ко второму путешествію онъ объясняетъ свою главную мысль такимъ образомъ: „Такъ какъ мнѣнія выказываютъ слабость и несовершенство нашего ума, то я стараюсь доказать, что добрыя и благородныя чувства сердца должны господствовать надъ мнѣніями, должны быть выслушиваемы какъ единственный голосъ, не обманывающій человѣчества, какъ единственный законъ, на которомъ природа основываетъ счастіе своихъ тварей. Послѣ злополучныхъ и кровавыхъ дней, пережитыхъ нами, послѣ того, какъ мы видѣли человѣческую природу, обезображенную звѣрскими страстями, оскверненную всѣми пороками, чувствуешь потребность успокоить душу созерцаніемъ этой природы въ ея первобытной красотѣ, въ сіяніи простыхъ добродѣтелей и слѣдующаго за нимъ счастія, въ томъ идеальномъ образцѣ, въ какомъ она должна была существовать по волѣ Творца.... Доброе сердце необходимѣе великихъ знаній, пускай же не ожидаютъ отъ меня поученій или описаній, представляемыхъ большинствомъ путешествій: первое и самое важное поученіе—люби своихъ ближнихъ" (¹). Романы Ричардсона скоро явились и въ Россіи, въ переводѣ на русскій языкъ: Памела въ 1787 г., Кларисса въ 1791—92 г. и Грандисонъ въ 1793—94 г., въ 1794 г. явилось подражаніе Памелѣ: „Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки" Львова, который за нее былъ названъ Антирихардсономъ. Изъ сочиненій Стерна были переведены въ 1789 г. „Письма Іорика", а въ 1793 г. его „Путешествіе". Первая часть Новой Элоизы была напечатана въ переводѣ еще въ 1769 г., а вся Элоиза была переведена два раза: въ 1792—93 и 1804 г. Переводы романовъ де-Сенъ-Пьера печатались въ журналахъ „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія" и „Пріятное и полезное препровожденіе времени", а потомъ вышли отдѣльно „Павелъ и Виргинія" въ 1793 г., „Индѣйская хижина" въ 1794 г. Такимъ путемъ было внесено сентиментальное направленіе въ русскую литературу. Но оригинальнымъ и самостоятельнымъ представителемъ его суждено было быть Карамзину.

(¹) Галахова Ист. Русс. Слов. II. 122.

Карамзинъ является центральною личностію въ александровскую эпоху. Всѣхъ писателей этой эпохи можно раздѣлить на двѣ стороны; на одной сторонѣ стоялъ Карамзинъ и его послѣдователи и защитники его направленія; на другой сторонѣ, съ Шишковымъ во главѣ—противники Карамзина и защитники прежняго направленія. Борьба между этими двумя направленіями наполняетъ собою всю эту эпоху, составляя главное ея содержаніе, главный ея интересъ. Начавшись споромъ о старомъ и новомъ слогѣ въ литературѣ, возбужденномъ первыми сочиненіями Карамзина, она, вслѣдствіе соціально-политическихъ обстоятельствъ, вскорѣ осложняется, отъ слога и языка переходитъ на самое содержаніе литературы и изъ области литературной переходитъ на почву общественную, поднимая множество разныхъ вопросовъ, которые наконецъ всѣ сливаются въ одинъ коренной вопросъ объ отношеніи русской народности къ европейской культурѣ, вопросъ, зародившійся вмѣстѣ съ реформой Петра, но до сихъ поръ не рѣшенный и составляющій больное мѣсто въ русской жизни и литературѣ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ (1).

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1 декабря 1766 г., въ Казанской губерніи, Симбирской провинціи, Самарскаго уѣзда, въ селѣ Михайловкѣ (Преображенское тожъ). Фамилія Карамзина объясняется

(1) Изданія сочиненій Карамзина: 1-е изданіе, Москва 1803—1804; 2-е М. 1814. 3-е М. 1820; 4-е 1834; 5-е Смирдинское 3 ч. 1848. Неизданныя сочиненія Карамзина и переписка, 1862. Біографическія статьи и изслѣдованія: Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина, М. Погодина. Утро, 1866, стр. 1—50. Воззрѣнія Карамзина въ первую половину его литературной дѣятельности, А. Галахова. Спб. Вѣдомости 1886, № 322 и 325. Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Карамзина, А. Галахова. Соврем. 1853, № 1 и 2. Карамзинъ, какъ оптимистъ, А. Галахова. Отеч. Зап. 1858. № 1. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ, Погодина, 2 ч. М. 1866. Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа, въ Лѣт. русск. литер. и древ. 1859 г. II. Торжественное собраніе Импер. Акад. Наукъ 1 декабря 1866, въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина, съ приложеніемъ портрета и изображеній памятника, воздвигнутаго въ Симбирскѣ. Спб. 1867. Статьи, написанныя для произнесенія въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета въ столѣтній юбилей Карамзина: Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности, Н. Н. Булича. Мысли Карамзина о воспитаніи, П. Д. Шестакова. Карамзинъ объ исторіи сѣверовосточной Россіи, Н. А. Ѳирсова. Исторія государства россійскаго въ отношеніи къ исторіи русскаго права, С. М. Шпилевскаго. Два слова въ память Карамзину, М. П. Петровскаго. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, академика Я. К. Грота. Сборн. 2-го отд. Ак. Н. т. I, 1867. Болѣе подробное указаніе изданій сочиненій Карамзина и

изъ происхожденія его рода. Родъ Карамзина происходитъ отъ татарскаго мурзы, Кара-мурзы (Черный мурза). Предки Карамзина были помѣщиками въ Нижегородскомъ уѣздѣ, но его дѣдъ уже владѣлъ двумя помѣстьями въ Симбирской губерніи; однимъ изъ нихъ, Михайловкой владѣлъ отецъ Карамзина, отставной комендантъ Михаилъ Егоровичъ; здѣсь и родился Н. М. Карамзинъ. Карамзинъ былъ такимъ образомъ уроженецъ и воспитанникъ великой русской рѣки, какъ Державинъ, Дмитріевъ и многіе другіе писатели; Волга и ея окрестности окружали Карамзина съ дѣтства и навсегда остались въ его воображеніи. Дѣтство Карамзина описано имъ самимъ, подъ именемъ Леона, въ неоконченной повѣсти „Рыцарь нашего времени" (1799-1802). „Отъ колыбели до малой кроватки, отъ жестяной гремушки до маленькаго раскрашеннаго конька, отъ первыхъ нестройныхъ звуковъ голоса до внятнаго произношенія словъ Леонъ (Карамзинъ) не зналъ неволи, принужденія, горя и сердца. Любовь питала и согрѣвала, тѣшила, веселила его, была первымъ впечатлѣніемъ его души". Подъ этою любовью разумѣется любовь матери, которая умерла чрезъ три года. Въ 1795 г. въ „Посланіи къ женщинамъ" онъ вспоминаетъ о ней въ слѣдующихъ стихахъ:

Ахъ, я не зналъ тебя!.... Ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ, ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!

. . . .

Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей запечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство:
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
Ты совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю!....

изслѣдованій о немъ см. у Межова, Геннади и въ матеріалахъ для біографіи Карамзина Пономарева. Сборн. 2-го отд. Ак. Н. т. XXXII, № 8.

Исторія Государства Россійскаго, 8 ч. Спб. 1816—1818. 2-е изд. 12 ч. Спб. 1818—1829 (Изданіе Сленина и къ нему ключъ Строева, М. 1836). 3-е и 4-е Смирдинскія изданія. Полное компактное изданіе Эйнерлинга, съ приложеніемъ отрывковъ изъ Записки о древней и новой Россіи. Спб. 1842—1844.—Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытіи ему памятника 23 августа 1845 г., М. П. Погодина. М. 1845 г. Н. М. Карамзинъ, А. Старчевскаго. 1849. Карамзинъ какъ историкъ, К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр. 1867, № 7. Статья о Карамзинѣ Соловьева, Отеч. Зап. 1856 г. № 4.

Въ половинѣ октября 1773 г. въ Михайловкѣ была шайка Пугачева, но семейство Карамзина было ранѣе извѣщено о приближеніи ея и успѣло скрыться. Читать Карамзина училъ сельскій дьячекъ, удивлявшійся быстротѣ пониманія ученика; чрезъ мѣсяцъ онъ могъ читать всѣ церковныя книги. Первою свѣтскою книгою, которую Карамзинъ постоянно читалъ и выучилъ наизусть, были басни Эзопа. „Скоро отдали Леону ключъ отъ желтаго шкапа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ". Здѣсь, между прочимъ, были переведенныя съ французскаго Восточныя повѣсти Даира, Селимъ и Дамасина, Похожденія Мирамонда (Ѳ. Эмина, 1763), Исторія лорда N (вѣроятно Приключенія Милорда, переведенныя съ французскаго въ 1771 г.). Чтеніе этихъ романовъ не только не повредило юной душѣ Леона, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства. Въ этихъ романахъ герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: „итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ". Но приписывая романамъ такое вліяніе, Карамзинъ однакожъ сознавалъ ихъ вредное дѣйствіе, говоря, что ихъ можно назвать теплицею для юной души, которая отъ такого чтенія зрѣетъ преждевременно. Этимъ онъ объяснялъ въ себѣ излишество юношеской мечтательности.—Читать книги Леонъ убѣгалъ на Волгу. Съ 6—7 часовъ онъ уже находился тамъ, сидя въ орѣховыхъ кустахъ подъ тѣнью древняго дуба. Иногда, оставивъ книгу, онъ смотрѣлъ на Волгу, на бѣлые паруса судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ.... Эта картина такъ сильно запечатлѣлась въ душѣ его, что онъ и послѣ, чрезъ 20 лѣтъ, не могъ вспомнить ее равнодушно. „Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы". Мысль о Божествѣ была одною изъ первыхъ мыслей Леона. Однажды онъ сидѣлъ и читалъ по обыкновенію подъ тѣнію древняго дуба. Вдругъ нашла туча и ударилъ громъ, и онъ началъ собираться домой, какъ внезапно изъ густаго лѣса выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона.... но грянулъ опять страшный громъ и убилъ медвѣдя. Богъ спасъ Леона; Леонъ устремилъ глаза на небо и „не смотря на черныя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога-Спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился въ глубинѣ души своей, и молитва его была.... благодарность. Леонъ не будетъ уже

никогда атеистомъ, если прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и Систему натуры".—Чтеніе романовъ развивало въ Карамзинѣ сильное воображеніе и мечтательность. Въ письмѣ изъ Женевы (XCI) онъ пишетъ: „Вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ фей, укрылся отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго, дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною,— схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя, по мѣрѣ удаленія моего отъ дому, умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ". Такъ еще въ дѣтствѣ началъ складываться романтическій характеръ, основой котораго была глубокая чувствительность. Образованіе должно было еще усилить его въ этомъ направленіи. Образованіе свое онъ получилъ въ московскомъ пансіонѣ Шадена.

Іоганнъ Матіасъ Шаденъ, родившійся въ Пресбургѣ, воспитанникъ Тюбингенскаго университета, былъ приглашенъ въ Московскій университетъ въ 1756 г. на должность ректора гимназій, открываемыхъ при университетѣ; кромѣ того, у Шадена былъ домашній пансіонъ, въ которомъ и учился Карамзинъ. Послѣдователь Лейбнице-Вольфіанской философіи, Шаденъ былъ деистъ по религіознымъ воззрѣніямъ; своимъ воспитанникамъ онъ преподавалъ нравственное ученіе по лекціямъ Геллерта, въ которыхъ образованіе соединялось съ религіознымъ направленіемъ и чистою нравственностью. Карамзинъ вспомнилъ о Геллертѣ съ глубокимъ чувствомъ благодарности, когда, во время своего путешествія по Европѣ, въ Лейпцигѣ онъ увидѣлъ памятникъ Геллерта. „Смотря на сей памятникъ..... вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку..... когда профессоръ, преподавая намъ, маленькимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ, съ жаромъ говаривалъ: друзья мои, будьте таковы, какими учитъ быть васъ Геллертъ, и вы будете щастливы".

Въ пансіонѣ Шадена Карамзинъ выслушалъ реторику, піитику, миѳологію и классическіе языки, читалъ лучшихъ французскихъ классиковъ и учился также англійскому языку. Изъ пансіона Шадена Карамзинъ вышелъ 15-ти лѣтъ и думалъ довершить образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, но это желаніе его не исполнилось, и онъ вмѣсто университета поступилъ въ военную службу, въ которой также оставался недолго. Первымъ опытомъ переводовъ Карамзина былъ переводъ съ нѣмецкаго „Разговоровъ австрійской императрицы Маріи Терезіи съ нашей императрицей Елисаветой

въ елисейскихъ поляхъ“, за который онъ получилъ отъ книгопродавца Миллера Фильдинговъ романъ „Томъ Джонсъ“; но переводъ этотъ до насъ не сохранился. Первымъ печатнымъ опытомъ былъ переводъ Геснеровой идилліи „Деревянная нога“ (1783 г.) По кончинѣ своего отца въ 1774 году онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ для устройства дѣлъ. Здѣсь онъ встрѣтился и познакомился съ поэтомъ масономъ И. П. Тургеневымъ. Тургеневъ, замѣтивъ дарованіе Карамзина, увезъ его въ Москву и ввелъ въ общество Новикова. Четырехлѣтнее пребываніе въ этомъ обществѣ было для Карамзина чрезвычайно полезно. Оно не сдѣлало его масономъ: ясный умъ его не принималъ ничего мистическаго; но онъ усвоилъ себѣ все хорошее, чѣмъ крѣпко было масонство—строго религіозно-нравственное направленіе, гуманное отношеніе къ людямъ и любовь къ труду. Здѣсь онъ подружился съ Петровымъ, характеръ котораго онъ изобразилъ въ „Цвѣткѣ на гробъ моего Агатова“ (1793) и въ статьѣ „Чувствительный и холодный“ (1803) подъ названіемъ Леонида, и съ Алексѣемъ Михайловичемъ Кутузовымъ. Съ Петровымъ онъ сталъ заниматься литературой, читалъ Оссіана и Шекспира и изучалъ Батте, который былъ въ то время главнымъ авторитетомъ въ эстетикѣ и теоріи литературы. Наконецъ, общество Новикова имѣло вліяніе на выборъ его дѣятельности; именно вслѣдъ за Новиковымъ Карамзинъ исключительно посвящаетъ себя литературѣ, дѣлая ее призваніемъ своей жизни, тогда какъ прежніе писатели, преданные исключительно государственной службѣ, смотрѣли на литературныя занятія какъ на дѣло постороннее. Въ обществѣ Новикова Карамзинъ перевелъ Галлерову поэму „О происхожденіи зла“ и дѣлалъ другіе переводы для „Дѣтскаго чтенія“, издаваемаго при Московскихъ Вѣдомостяхъ,—изъ Жанлисъ и Томсоновыхъ „Временъ года“; перевелъ „Юлія Цезаря“ Шекспира (1787) съ французскаго перевода Летурнера и „Эмилію Галотти“ Лессинга (1788) съ нѣмецкаго. Чтобы докончить свое образованіе, въ 1789 г. Карамзинъ отправился за границу; онъ лично хотѣлъ видѣть тѣхъ знаменитыхъ писателей, съ которыми былъ знакомъ по ихъ сочиненіямъ, видѣть произведенія искусства и высокое вліятельное положеніе въ обществѣ, какое писатели имѣютъ въ Европѣ, поставляя литературную дѣятельность выше всякой другой службы, на которой бы можно было принести пользу своему отечеству. Въ полтора года онъ объѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію; свои впечатлѣнія отъ видѣнныхъ имъ странъ и городовъ, свои посѣщенія библіотекъ и музеевъ, свои бесѣды съ разными знаменитостями европейской науки и искусства онъ описалъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“, которыя первоначально назначались для родныхъ его, Плещеевыхъ, а потомъ сдѣлались

общимъ достояніемъ всего русскаго общества. По возвращеніи изъ за границы Карамзинъ вздумалъ посвятить себя литературѣ; онъ началъ издавать „Московскій журналъ“ и издавалъ его два года сряду (1791—92). Журналъ нравился публикѣ; въ числѣ сотрудниковъ его были Державинъ и Херасковъ; изъ собственныхъ сочиненій Карамзина здѣсь были помѣщены „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. Кромѣ того въ Московскомъ журналѣ помѣщались критическія статьи Карамзина, въ которыхъ разобраны: „Кадмъ и Гармонія“ Хераскова, „Энеида, вывороченная на изнанку“ Осипова, „Генріада“ Вольтера, „Неистовый Орландъ“ Аріоста, „Путешествія Анахарсиса“ Бартелеми, „Кларисса“ Ричардсона, „Эмилія Галлоти“ Лессинга и „Ненависть къ людямъ“ Коцебу. Но срочная журнальная работа утомляла Карамзина; онъ вздумалъ замѣнить журналъ сборникомъ; въ 1794 году вышелъ первый сборникъ „Аглая“. Здѣсь были напечатаны „Цвѣтокъ на гробъ Агатона“, „Нѣчто о наукахъ и искусствахъ“, „Островъ Борнгольмъ“, „Аѳинская жизнь“, „Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору“, „Илья Муромецъ“ и др. Одновременно съ первой книжкой „Аглаи“ Карамзинъ снова издалъ свои сочиненія изъ Московскаго журнала въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки“ (1794). Въ 1795 г. Карамзинъ издавалъ Московскія вѣдомости. Въ 1796—97 г. онъ напечаталъ другой сборникъ: „Аониды или собраніе новыхъ стихотвореній“ (3 части); стихотворенія эти принадлежали Державину, Дмитріеву, Хераскову, Капнисту, Кострову и самому Карамзину. Въ 1798 г. Карамзинъ издалъ сборникъ переводовъ съ французскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ, подъ заглавіемъ: „Пантеонъ иностранныхъ писателей“; въ 1801 г. напечаталъ другой сборникъ: „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“, гдѣ были помѣщены краткія характеристики нѣкоторыхъ русскихъ писателей

Такая литературная дѣятельность Карамзина доставила ему не только славу, но любовь и уваженіе общества; его имя произносилось повсюду, какъ имя самаго „любезнаго“ писателя, доставляющаго своими сочиненіями истинное наслажденіе; въ кругу литературномъ, гдѣ живъ былъ еще староста русской литературы, Херасковъ, его называли десятникомъ литературы; сочиненія его переводились на иностранные языки.

Въ 1801 г. Карамзинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Протасовой, сестрѣ жены Плещеева, къ семейству котораго были написаны его письма изъ за границы.

Въ томъ же 1801 г. вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Карамзинъ восторженно привѣтствовалъ его слѣдующими стихами:

...... Какъ Ангелъ Божій ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой.—
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой щастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.

Возбужденный такими надеждами, онъ началъ въ 1802 г. издавать новый журналъ, „Вѣстникъ Европы“, цѣлью котораго поставилъ содѣйствовать „нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать новыя лучшія идеи, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей“. Чрезъ посредство его русскіе должны были знакомиться съ европейской литературой и политикой. Сообразно съ этимъ въ журналѣ были два отдѣла: литературный и политическій. Въ статьяхъ политическаго отдѣла Карамзинъ часто излагалъ собственныя соображенія о тогдашнихъ событіяхъ, основанныя на внимательномъ изученіи современной политики. Въ литературномъ отдѣлѣ Карамзинъ является горячимъ просвѣщеннымъ патріотомъ и затрогиваетъ важнѣйшіе общественные вопросы, задачи внутренней и внѣшней политики, преобразованія Александра и отношенія Россіи къ Наполеону. Предметами особенно обращавшими его вниманіе были воспитаніе юношества и вообще просвѣщеніе русскаго народа, возвышеніе національной гордости, пробужденіе самостоятельности въ общественной жизни. Но Карамзинъ издавалъ этотъ журналъ недолго. Онъ уже рѣшился посвятить свои силы исключительно русской исторіи. Съ этого времени уже прекращается его литературная дѣятельность и появляются статьи историческаго содержанія. Историческое похвальное слово Екатеринѣ, написанная въ 1804 г. повѣсть Мареа Посадница, Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ, Лица и событія историческія, которыя могутъ служить предметомъ искусствъ, Изображеніе событій важнѣйшихъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи въ XVII в., описаніе окрестностей Москвы, О происхожденіи тайной канцеляріи—составляютъ подготовленіе къ исторіи. Въ 1803 г. Карамзинъ писалъ къ министру народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьеву: „Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы,—однимъ словомъ сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю мою душу. Теперь слабые глаза мои не

дозволяютъ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы,—но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 рублей доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія" (1). Вслѣдствіе ходатайства Муравьева Карамзинъ въ томъ же году получилъ званіе исторіографа и 2000 рублей пенсіи ежегодно. Муравьевъ испросилъ Карамзину дозволеніе пользоваться рукописями монастырскихъ библіотекъ и архива иностранной коллегіи, доставлялъ ему книги, какихъ нельзя было найти въ Москвѣ. Весьма много также помогалъ ему А. И. Тургеневъ, сынъ того И. П. Тургенева, который ввелъ его нѣкогда въ Новиковскій кружокъ. Онъ познакомилъ Карамзина съ академиками Кругомъ и Лербергомъ и пріобрѣталъ для него новыя историческія сочиненія, выходившія за границей. Карамзинъ весь погрузился въ русскую исторію. „Сплю и вижу Никона съ Несторомъ", писалъ онъ; находка Волынской или Ипатьевской лѣтописи, по собственному его признанію, лишила его сна на нѣсколько ночей. Чтобы не развлекаться въ историческихъ занятіяхъ, онъ не только отказался отъ журнала и литературы, но и не принялъ предложеній занять каѳедру исторіи, предложенную ему отъ Дерптскаго и Харьковскаго университетовъ, находя профессорскую дѣятельность несовмѣстимою съ разработкой исторіи, которая теперь стала главнымъ дѣломъ его жизни.

Первая супруга Карамзина жила съ нимъ недолго—не болѣе года; въ 1804 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ Екатериной Андреевной Вяземской, сестрой извѣстнаго поэта Вяземскаго. Подмосковная деревня Вяземскихъ, Остафьево сдѣлалось постояннымъ лѣтнимъ жилищемъ Карамзина въ теченіе 12-лѣтъ и здѣсь главнымъ образомъ создалась русская исторія. Въ 1810 г. онъ познакомился съ великой княгиней Екатериной Павловной въ Твери, гдѣ жилъ ея супругъ принцъ Ольденбургскій. Здѣсь княгиня представила Карамзина государю, который уже зналъ его по сочиненіямъ. Здѣсь Карамзинъ читалъ нѣкоторыя мѣста изъ своей исторіи и представилъ императору Александру „Записку о древней и новой Россіи (2)". Записка сначала не понравилась государю, такъ

(1) Соч. III, 680—681.

(2) Издана неоднократно за границей и въ Русскомъ Архивѣ 1870 г.

какъ она представляла критику на реформы, совершенныя въ его царствованіе, но вскорѣ онъ вполнѣ оцѣнилъ ея искренность и полюбилъ Карамзина. Между тѣмъ эпоха 12-го года не только прервала занятія Карамзина, но и отразилась въ его жизни многими потерями и бѣдствіями. Его библіотека, которую онъ собиралъ четверть вѣка, сгорѣла въ общемъ московскомъ пожарѣ и онъ едва успѣлъ спасти рукопись своей исторіи; самъ онъ съ своимъ семействомъ долженъ былъ спасаться частью въ Ярославлѣ, частью въ Нижнемъ. Когда Москва освободилась отъ непріятелей, онъ возвратился въ Москву и усилилъ занятія своей исторіей, такъ что въ 1815 г. у него уже было готово восемь томовъ, которые онъ рѣшился представить государю. Съ этою цѣлью онъ въ слѣдующемъ году отправился въ Петербургъ. Государь принялъ его милостиво, долго бесѣдовалъ съ нимъ, наградилъ его чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 1 степени и приказалъ выдать ему изъ кабинета 60000 рублей на печатаніе исторіи. Чрезъ полтора года вышло 8 томовъ „Исторіи государства Россійскаго" (1816—1818). Впечатлѣніе было необычайное, въ 25 дней было продано 3000 экземпляровъ. „Появленіе этой книги, говоритъ Пушкинъ, надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили", хотя многіе толки были такого свойства, что „могли отучить всякаго отъ охоты къ славѣ". Вскорѣ понадобилось второе изданіе, и оно продано было книгопродавцу Сленину за 50000 рублей. Царская фамилія оказывала Карамзину постоянныя милости и ласки. Благоволеніе Александра было безпримѣрно; онъ былъ его искреннимъ другомъ. Лѣтомъ онъ часто призывалъ Карамзина къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ въ большой аллеѣ Царско-сельскаго сада, которую прозвалъ своимъ зеленымъ кабинетомъ. Онъ самъ былъ цензоромъ его исторіи и читалъ ее еще въ рукописи, которую посылали ему и въ то время, когда онъ былъ за границей. Не смотря на такое благоволеніе къ нему государя, Карамзинъ ничего не хотѣлъ брать отъ него; нѣсколько разъ государь предлагалъ ему мѣсто министра народнаго просвѣщенія, не однажды предлагалъ также мѣсто губернатора, и Карамзинъ всегда отказывался. Онъ пользовался своимъ положеніемъ только тогда, когда его ходатайство было полезно другимъ. Такъ онъ подалъ записку государю о Новиковѣ, чтобы обратить вниманіе на бѣдственное положеніе семейства его. „Новиковъ, какъ гражданинъ, полезной своею дѣятельностію, заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслуживалъ

темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастіе его дѣтей подаютъ случай государю милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему" (¹). Такъ онъ ходатайствовалъ о Тургеневѣ, который былъ ему обязанъ тѣмъ, что остался на службѣ послѣ увольненія своего отъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ и получалъ полное жалованье. Въ отношеніи къ государю Карамзинъ отличался полною искренностью, смѣлостью и прямотою и всегда говорилъ правду, не боясь потерять благоволеніе, или даже возбудить гнѣвъ и негодованіе. Доказательствомъ этого можетъ служить его записка о Польшѣ, подъ названіемъ „Мнѣніе русскаго гражданина", поданная Александру въ 1819 г., когда онъ намѣренъ былъ возстановить Польшу въ ея предѣлахъ до перваго раздѣла. Онъ зналъ, что записка не понравится Александру и могъ предполагать даже, что она возбудитъ въ немъ негодованіе; не смотря на это, проникнутый глубокимъ чувствомъ патріотизма, онъ рѣшился представить ее государю. „Вы думаете, государь, писалъ онъ въ этой запискѣ, возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ законами государственнаго блага Россіи? согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости?.... Можете ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручилъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія и Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смо-

(¹) Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. 1862 г. Часть I 225—226 стр.

ленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите"? (¹)

По поводу замѣчаній имп. Александра о томъ, чтобы уничтожить въ исторіи всѣ рѣзкія выраженія о полякахъ при описаніи междуцарствія, Карамзинъ писалъ: „Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о полякахъ, союзникахъ Лжедимитрія: нѣтъ, кажется, ни слова, обиднаго для народа; описываются только худыя дѣла лицъ и такъ, какъ сами польскіе историки ихъ описывали или судили... Я не щадилъ и русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя ляховъ для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха и въ сіе время (т. е. въ XVI и XVII в.) обыкновенно употреблялось въ Россіи (стр. 29).

Первыя три главы XII тома государь читалъ на возвратномъ пути изъ Варшавы въ 1825 г., а другія главы уже въ Таганрогѣ. Смерть государя глубоко потрясла Карамзина и поколебала его и безъ того разстроенное неимовѣрными трудами здоровье. „Я любилъ его искренно и нѣжно, любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели." Окончивъ XII томъ своей исторіи, Карамзинъ хотѣлъ уѣхать въ Москву и тамъ заняться воспитаніемъ своихъ сыновей, но здоровье оказалось такъ разстроеннымъ, что доктора настоятельно требовали перемѣнить климатъ, ѣхать въ Италію.... Не имѣя средствъ жить внѣ Россіи безъ должности, онъ просилъ себѣ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ тамъ, гдѣ онъ будетъ жить. Новый государь, Николай Павловичъ, принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ его и велѣлъ приготовить особый фрегатъ, который долженъ былъ отвезти его въ Марсель. Дальнѣйшая его воля и заботливость о Карамзинѣ была выражена въ слѣдующемъ рескриптѣ на его имя: „Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ тоже время и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ

(¹) Неиздан. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина ч. I. Спб. 1862. Мнѣніе русскаго гражданина (1819) стр. 1—8.

нему привязанность, и за себя самого, и за Россію изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа.— Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которое, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня священное завѣщаніе императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни". При рескриптѣ былъ указъ, которымъ повелѣвалось производить Карамзину по 50 тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сія сумма, обращаемая ему въ пенсію, послѣ него была производима его женѣ, а по смерти ея и дѣтямъ—сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до замужества.

Но Карамзинъ лично самъ уже не могъ воспользоваться такимъ благодѣяніемъ; 22 мая 1826 г. онъ умеръ и похороненъ въ Александроневской лаврѣ. Въ Симбирскѣ въ 1845 г. ему поставленъ памятникъ.

Сочиненія Карамзина, написанныя до путешествія за границу, почти всѣ переводныя и представляютъ его подготовительные опыты въ его литературной дѣятельности. Сочиненія, написанныя по возвращеніи изъ за границы въ 1790 г., до назначенія его исторіографомъ въ 1803 г., представляютъ періодъ самостоятельной его литературной дѣятельности и имѣютъ особенно важное значеніе, по тому дѣйствію, какое они произвели на современниковъ. Послѣдній періодъ отъ 1804 по 1826 годъ обнимаетъ его труды по Исторіи государства россійскаго.

Переводныя сочиненія Карамзина весьма много объясняютъ характеръ его собственныхъ сочиненій. Эти сочиненія почти всѣ относятся къ господствовавшему тогда въ европейской литературѣ сантиментальному направленію, находившемуся въ тѣсной связи съ англійскимъ деизмомъ и оптимизмомъ Лейбница. Первыми переводными опытами были „Разговоръ Маріи Терезіи съ русскою императрицею Елисаветою въ елисейскихъ поляхъ" и „Деревянная нога", идиллія Геснера. Содержаніе идилліи слѣдующее. Молодой пастухъ, пасшій козъ въ долинѣ, встрѣчаетъ стараго, сѣдинами украшеннаго старика на деревянной ногѣ. Старикъ разсказываетъ ему, что онъ потерялъ ногу въ сраженіи за свободу отечества, во время котораго и самъ могъ бы погибнуть, если бы одинъ, сражавшійся подлѣ него, товарищъ не вынесъ его раненаго съ поля

битвы; но къ сожалѣнію онъ не знаетъ до сихъ поръ, кто онъ былъ и живъ ли онъ теперь. Изъ разговора старика съ пастухомъ оказывается, что этимъ товарищемъ, спасшимъ старика, былъ отецъ пастуха, умершій уже два года тому назадъ. Старикъ пригласилъ пастуха къ себѣ въ домъ и познакомилъ его со своею дочерью. Молодые люди такъ понравились другъ другу, что соединились бракомъ.—Дальнѣйшими переводами были поэма Галлера „О происхожденіи зла“ (1786 г.), переведенная по порученію Дружескаго общества; переводы, помѣщенные въ Дѣтскомъ чтеніи: Деревенскіе вечера Жанлисъ, нѣсколько статей изъ Contemplation de la Nature Боннета, Весна, Лѣто, Осень и Зима изъ поэмы Томсона—Времена года. Всѣ эти писатели были оптимистическаго направленія, представителями котораго были Шефтсбери и другіе англійскіе деисты и Лейбницъ. Главное положеніе Шефтсбери состояло въ томъ, что природа никогда не заблуждается; красота въ ней состоитъ изъ противоположностей; самыя разнообразныя явленія сливаются въ ней въ общую гармонію; отдѣльныя существа, претерпѣвая вредъ и погибая, служатъ тѣмъ не менѣе прекраснѣйшей природѣ, которая существуетъ вѣчно и не подвергается гибели. Главнымъ основаніемъ „Теодицеи“ Лейбница было положеніе, что существующій міръ—наилучшій изъ міровъ; міровой порядокъ предопредѣленъ Богомъ и потому являетъ предуставленную гармонію; нарушеніе порядка касается только частей, а не цѣлаго; самое зло въ мірѣ есть средство къ добру. Идеи оптимизма были особенно распространены англійскимъ поэтомъ Попомъ въ его „Опытѣ о человѣкѣ“ (1733—1734). Происхожденіе зла въ мірѣ онъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ: Богъ по своей премудрости создалъ наилучшій міръ, въ которомъ видимые недостатки и явленія зла въ цѣломъ составляютъ все-же красоту; диссонансы разрѣшаются въ гармонію; совершенство добродѣтели и счастія заключается въ согласіи съ божественнымъ устройствомъ. Боннетъ былъ послѣдователь Попа; подъ вліяніемъ Попа находился также и Томсонъ, сантиментальный поэтъ и оптимистъ. Галлеръ былъ послѣдователь Лейбница и въ своей поэмѣ „О происхожденіи зла“ доказывалъ, что міръ управляется божественнымъ Промысломъ, не смотря на существующее въ немъ зло. Въ Московскомъ журналѣ Карамзинымъ печатались переводы изъ Оссіана и сантиментальныхъ поэтовъ XVIII вѣка—Стерна, Мармонтеля, Флоріана, Коцебу. Еще во время пребыванія въ Новиковскомъ обществѣ и вѣроятно подъ вліяніемъ Петрова, занимавшагося изученіемъ англійской литературы, былъ сдѣланъ Карамзинымъ переводъ трагедіи Шекспира: „Юлій Цезарь“ (1786 г.). Переводъ сдѣланъ съ французскаго перевода Летурнёра, но въ предисловіи къ переводу взглядъ на Шекспира выражается совсѣмъ не французскій. Карамзина не могли увлечь неправиль-

ливыя сужденія о Шекспирѣ Дидро и Вольтера. Указавъ на эти сужденія, именно, что Шекспиръ писалъ будто бы безъ всякихъ правилъ, что творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ и безъ единства, непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшного, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; что они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; что они исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ и самъ Скарронъ постыдился бы,—онъ говоритъ: „что Шекспиръ не держался правилъ театральныхъ, это правда; истинною причиною сего, я думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія свои измѣрять, какъ измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ трехъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши авторы драматическіе такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ Запада къ Востоку, отъ конца области монгольской къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображаетъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; всѣ-же вмѣстѣ составляютъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей. Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходнѣйшихъ его твореній; характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманія читателей; характеръ Брутовъ есть наилучшій“. Почти въ одно время съ Юліемъ Цеваремъ Шекспира была переведена „Эмилія Галотти“ Лессинга, который глубоко изучилъ Шекспира и своей критикой научилъ европейскую литературу правильно понимать Шекспира. Эти двѣ трагедіи—Юлій Цезарь и Эмилія Галотти заставили и Карамзина перемѣнить свой взглядъ на французскую драматическую литературу, на ея ложно-классическое направленіе.

Оригинальныя сочиненія Карамзина. Представленный выше біографическій очеркъ Карамзина и разсмотрѣнные сейчасъ переводные труды его показываютъ, что онъ воспитался и писалъ подъ разными вліяніями. Эти вліянія неизбѣжно должны были отразиться на его оригинальныхъ сочиненіяхъ различіемъ какъ вообще въ его міросозерцаніи, такъ и въ частности въ его взглядахъ на разные

научные и общественные вопросы. Онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный; но его религіозность, вынесенная изъ пансіона Шадена и вообще полученная изъ литературы XVIII в., сначала имѣла деистическій характеръ; она естественно должна была измѣниться, когда онъ началъ заниматься древней русской исторіей, читать лѣтописи, житія святыхъ и другіе памятники древне-русской письменности, которые отличаются другимъ характеромъ. При этомъ духъ оптимизма, которымъ проникнута вся упомянутая литература и которымъ дышатъ первыя сочиненія Карамзина, долженъ былъ смѣниться христіанскимъ ученіемъ о Промыслѣ Божіемъ, что добро въ мірѣ смѣшано со зломъ, что земная жизнь человѣка есть училище терпѣнія, тѣмъ болѣе, что жизнь окружающая и собственная жизнь Карамзина, испытавшаго самую дорогую утрату въ жизни, смерть первой жены, представляла противъ оптимистической доктрины сильныя возраженія. Карамзинъ былъ страстный патріотъ: но его патріотизмъ имѣлъ сначала отвлеченный, космополитическій характеръ и состоялъ въ стремленіи видѣть свой народъ такъ же просвѣщеннымъ, какъ другіе народы, въ усвоеніи ему науки, искусства, цивилизаціи. Изученіе исторіи въ этомъ случаѣ показало ему, что не все однакоже безъ разбора можетъ быть усвоено, что сдѣлано другими народами, что это усвоеніе должно происходить сообразно съ духомъ народа, съ его потребностями, съ его исторіей, что самый патріотизмъ долженъ имѣть народный характеръ. Внимательное изученіе русской исторіи, которой онъ прежде не изучалъ, привело его къ тому, что онъ наконецъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на весь древній періодъ и на самую реформу Петра. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ и допускалъ необходимость улучшенія государственнаго строя и быта народнаго; но, по его мнѣнію, новый порядокъ вещей долженъ возникать на исторической почвѣ, на основахъ того, что выработано жизнію народа, а не на развалинахъ его прошедшаго и настоящаго. По основнымъ убѣжденіямъ будучи неизмѣннымъ монархистомъ, онъ высказывалъ въ молодости сочувствіе къ свободнымъ республиканскимъ учрежденіямъ. Это сочувствіе ясно выразилось въ его исторической повѣсти: „Мареа посадница или покореніе Новгорода", въ авторѣ которой, по словамъ предисловія, „явно играетъ кровь Новгородская, при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ", и потомъ, при описаніи паденія Новгорода въ самой исторіи, онъ говоритъ: „сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; самыя опасности и безпокойства, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный". Но ужасы французской революціи и примѣры исторіи заглушили эти сочувствія къ республиканскимъ идеямъ, утвердили его еще болѣе въ сознаніи не-

обходимости монархіи и заставили его сказать: „народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной".

Письма Русскаго Путешественника ([1]). „Послѣ Исторіи Государства Россійскаго, говоритъ Буслаевъ, „Письма Русскаго Путешественника" болѣе прочихъ сочиненій Карамзина оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности. Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжавшимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія" ([2]).

Письма принадлежатъ къ первымъ временамъ молодости Карамзина, когда ему не было и 23 лѣтъ; они представляютъ выраженіе ума необыкновенно даровитаго, высокообразованнаго, доступнаго всѣмъ впечатлѣніямъ, безъ особенныхъ симпатій или антипатій, кромѣ одной глубокой преобладающей симпатіи къ наукѣ, искусству и цивилизаціи. Главное вниманіе его обращено на то, что доставляетъ пищу уму и сердцу, въ чемъ выражаются успѣхи науки и искусства, чему онъ можетъ научиться самъ и что можетъ быть пригодно для Россіи. Прибывъ въ городъ, онъ прежде всего старается увидѣть ученыхъ, или художниковъ, извѣстныхъ въ этомъ городѣ, потомъ осматриваетъ библіотеки, музеи, картинныя галлереи, памятники, или мѣста, ознаменованныя какими-нибудь историческими событіями. Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ Кантомъ о нравственномъ законѣ и удивляется его обширнымъ историческимъ и географическимъ знаніямъ. „Кантъ, замѣчаетъ Карамзинъ, говоритъ весьма тихо и не вразумительно, и потому надлежало мнѣ самому слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха". Объ обстановкѣ жизни Канта онъ прибавляетъ: „домикъ у него маленькій; и внутри приборовъ не много Все просто, кромѣ... его метафизики." Въ Берлинѣ Карамзинъ посѣтилъ Берлинскую библіотеку: „Она огромна,—и вотъ всё, что могу сказать о ней. Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе, съ изображеніями всѣхъ частей тѣла человѣческаго. Покойный король заплатилъ за него 700 талеровъ... Показывали мнѣ еще Лю-

(1) Въ первый разъ Письма Русскаго Путешественника были напечатаны въ Московскомъ Журналѣ 1791—92; первое отдѣльное изданіе появилось въ 1797—1801; послѣднее отдѣльное изданіе въ «Дешевой Библіотекѣ» А. С. Суворина: здѣсь приложена рѣчь Буслаева при праздновaніи столѣтняго юбилея Карамзина въ 1866 г.

(2) Рѣчь о «Письм. Русск. Пут.», стр. XIII—XIV.

теровъ манускриптъ, но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка“ [1]). Въ Берлинѣ Карамзинъ познакомился съ Николаи, „авторомъ и книгопродавцемъ“. „Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему; знаютъ, что нѣмецкая литература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ“. Съ Николаи онъ имѣлъ замѣчательный разговоръ о терпимости. „Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, если самые философы, самые просвѣтители,—а они такъ себя называютъ,—оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они. Тотъ есть для меня истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ, кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его и не называй его безумцемъ“ (стр. 64—68). Въ письмѣ отъ 5-го іюля 1785 г. Карамзинъ разсказываетъ о посѣщеніи нѣмецкаго Горація, Рамлера, стихотворенія котораго извѣстны были и въ Россіи, и при этомъ очень мѣтко характеризуетъ поэзію Рамлера. Здѣсь же помѣщенъ отзывъ о Донъ-Карлосѣ Шиллера. „Сія трагедія, говоритъ онъ, есть одна изъ лучшихъ драматическихъ піэсъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировскомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ, какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе автора, однакожъ въ драмѣ не у мѣста“ (стр.80—84).

При посѣщеніи Дрезденской картинной галлереи, онъ перечисляетъ первоклассныя картины лучшихъ живописцевъ, начиная съ Рафаэля, и дѣлаетъ о нихъ краткій отзывъ (стр. 97—105). При посѣщеніи Дрезденской библіотеки, онъ замѣчаетъ: „между греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ московскимъ профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ г. Маттей досталъ сіи рукописи?“ (стр. 106). Въ Лейпцигѣ Карамзинъ познакомился съ докторомъ Платнеромъ и слушалъ его лекціи по эстетикѣ о геніи (стр. 122). Въ этомъ городѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на книжную торговлю и множество книжныхъ лавокъ. „Почти на всякой улицѣ, говоритъ онъ, вы найдете нѣсколько книжныхъ лавокъ,—что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или авторы, или переводчики, и собирая свои библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ

[1]) Соч. Карамзина, изд. Смирдина, II, 62.

можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку. Книгопродавцы со всей Германіи съѣзжаются на Лейпцигскія ярмарки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ 1-го Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собой новыми книгами.“ (стр. 125). Въ Лейпцигѣ, у Вейсе, Карамзинъ видѣлъ рукописную исторію нашего театра, переведенную съ русскаго. „Г. Дмитревскій, замѣчаетъ онъ, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее, а нѣкто изъ русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій и подарилъ Г. Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ“ (131). Въ письмѣ изъ Веймара онъ описываетъ свое свиданіе и бесѣду съ Гердеромъ, приводитъ выписку изъ его сочиненія о природѣ, помѣщаетъ его замѣчаніе о Мессіадѣ Клопштока. „Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались“ (148). Изъ бесѣды съ Гердеромъ Карамзинъ убѣдился, что нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: „и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же безъискусственная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ“ (143). Въ письмѣ изъ Веймара Карамзинъ описываетъ свое знакомство съ Виландомъ (143—151). Въ Цюрихѣ онъ познакомился съ Лафатеромъ (212—253). Въ Лозаннѣ, „съ Руссовою Элоизою въ рукахъ“, онъ „хотѣлъ собственными глазами видѣть тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ.“ Описывая эти мѣста, онъ замѣчаетъ: „Вы можете имѣть понятія о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу. . . безъ которой не существовалъ бы и нѣмецкій Вертеръ“ (304). Въ Женевѣ Карамзинъ посѣтилъ замокъ Ферней, гдѣ жилъ Вольтеръ, описалъ его жилище, сдѣлалъ отзывъ о его сочиненіяхъ, который оканчивается слѣдующими словами: „къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ... (Примѣчаніе. Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной христіанской религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ)“ (318—320). Въ Женевѣ Карамзинъ познакомился съ Боннетомъ и выпросилъ у него позволеніе перевести на русскій языкъ его „Соп-

templation de la Nature“ (стр. 338). Но, покланяясь европейской наукѣ и ея представителямъ, Карамзинъ никогда не забывалъ о Россіи, о русской наукѣ и литературѣ. Бесѣдуя съ Виландомъ о литературѣ, онъ говоритъ, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій. Разсуждая съ лейпцигскими профессорами и студентами, онъ замѣчаетъ, что на русскій языкъ переведены первыя десять пѣсенъ Клопштока, и, чтобы познакомить ихъ съ гармоніей нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи швейцарскихъ пѣсенъ и ищетъ въ нихъ сходства съ нашими, столько для него трогательными. Въ Лондонѣ онъ изучаетъ англійскій языкъ и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ предъ нимъ русскаго языка. „Да будетъ же честь и слава нашему языку, говоритъ онъ, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ—и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!“ (стр. 751).

И въ другихъ случаяхъ Карамзинъ является горячимъ заступникомъ за Россію. По поводу Россійской Исторіи Левека онъ говоритъ: „Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей россійской исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы. Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ... У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ; свой Людовикъ XI: царь Іоаннъ; свой Кромвель: Годуновъ,—и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій“... Здѣсь виденъ уже будущій историкъ Государства Россійскаго, который съ такимъ живымъ сочувствіемъ и такъ краснорѣчиво изобразилъ древнюю исторію Россіи; но теперь пока онъ еще защитникъ реформы Петра, и въ своей горячей защитѣ великаго человѣка и европейской цивилизаціи увлекающійся до такого космополитизма, который отвергаетъ все національное. „Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?... Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіо-

гномiи, или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленiи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ высшемъ состоянiи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченiю разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствiямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!" (стр. 511—515). Въ страстномъ увлеченiи европейской цивилизацiей Карамзинъ тогда не замѣчалъ, что народность составляетъ одну изъ формъ общечеловѣческаго духа...

Письма изъ Францiи и Англiи особенно интересны. Особенно хорошо и подробно описаны въ „Письмахъ" Парижъ и Лондонъ. Подъѣзжая къ Парижу, Карамзинъ думалъ: „вотъ онъ городъ, который въ теченiе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ, котораго имя произносится съ благоговѣнiемъ всѣми. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ водномъ вихрѣ". Онъ описываетъ Лувръ, Пале-Рояль, Тюльери, Елисѣйскiя поля, Люксамбургъ, описываетъ улицы, сады, церкви, монастыри, соборы, дворцы, описываетъ французскiе театры и при этомъ говоритъ о французской драматической литературѣ. „И теперь не перемѣнилъ я своего мнѣнiя о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна и прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцевъ". Въ Академiи Надписей и Словесности онъ видѣлъ Бартелеми и разговаривалъ съ нимъ; видѣлъ автора повѣстей и сказокъ—Мармонтеля. „Въ Аббатствѣ св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, привезенный изъ Стокгольма, чрезъ 17 лѣтъ послѣ смерти философа"... „Въ церкви св. Андрея сооруженъ памятникъ аббату Баттё, наставнику авторовъ, котораго за два года предъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его примѣровъ". Видѣлъ Эрменонвиль, гдѣ умеръ Руссо; онъ описываетъ всѣ мѣста, гдѣ любилъ отдыхать великiй писатель. „Свѣтъ, литература, слава, все ему наскучило; одна природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствiе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми"... Карамзину удалось быть въ народномъ собранiи; онъ высидѣлъ 5 или 6 часовъ и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданiй. Де-

путаты духовенства предлагали католическую религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо, оспаривая, говорилъ съ жаромъ и наконецъ сказалъ: „я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медицисъ стрѣлялъ въ протестантовъ“.

Во Франціи Карамзину привелось быть, когда тамъ началась французская революція; онъ самъ былъ воспитанъ въ тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя много способствовали французской революціи; но страшная дѣйствительность не оправдала тѣхъ розовыхъ мечтаній о свободѣ мысли и совѣсти, о правахъ человѣчества, основанныхъ на законахъ природы, которыя предносились воображенію людей XVIII в. Уже по самой организаціи своей нѣжной, чувствительной души онъ не терпѣлъ ничего рѣзкаго, насильственнаго, болѣзненнаго; могъ ли онъ равнодушно относиться къ тѣмъ ужаснымъ сценамъ, которыхъ онъ во Франціи былъ очевидцемъ.

Письма изъ Англіи особенно интересны. „Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинилъ планъ его“. Онъ описываетъ всѣ замѣчательности Лондона. Прежде всего онъ попалъ въ Вестминстерское аббатство, на Генделеву ораторію „Мессія“. „Вообразите, говоритъ онъ, дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ соглашенныхъ,—въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія!“ Далѣе описываетъ англійскіе суды, Биржу и Королевское общество, храмъ св. Павла, Сентъ-Джемскій дворецъ Былъ въ англійскомъ парламентѣ, когда разбиралось знаменитое дѣло Гастингса, въ Британскомъ музеумѣ, въ англійскомъ театрѣ и говоритъ объ англійской литературѣ. „Литература англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной поэзіи (poésie descriptive): французы и нѣмцы переняли сей родъ у англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми „Временами года“; ихъ можно назвать зеркаломъ натуры... Въ англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то простодушіе, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ. Самымъ же лучшимъ цвѣтомъ британской поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова ода на музыку. Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты! Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться своимъ современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему... Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія,

основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ... Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы, какъ исторію жизни, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ историческимъ тріумвиратомъ Британіи“ (стр. 746—749).

Карамзинъ воспитался на сочиненіяхъ Руссо; отсюда у него такое страстное увлеченіе красотами природы, что самое искусство казалось ему ничтожнымъ предъ явленіями природы. „Что значатъ всѣ наши своды предъ сводомъ неба? восклицаетъ онъ, остановившись подъ куполомъ св. Павла въ Лондонѣ. Сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія? Не есть ли искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи!“ Съ особеннымъ восхищеніемъ онъ говоритъ въ своихъ письмахъ о Швейцаріи. Изъ Базеля, напр., онъ пишетъ: „Итакъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою поднимается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ“ (стр. 192). „Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ мое сердце и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! Какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцарцы! Всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу?“ (стр. 203—204). Сантиментальный тонъ этого письма разлитъ по всѣмъ Письмамъ Русскаго Путешественника отъ перваго до послѣдняго и составляетъ ихъ отличительный характеръ. Карамзинъ всѣмъ восхищается чрезъ мѣру, грустить по самому ничтожному поводу, льетъ слезы радости и унываетъ при самомъ обык-

новенномъ случаѣ; всякій добрый поступокъ возбуждаетъ въ немъ необыкновенное чувство. Получивъ въ Ригѣ отъ одного нѣмца (Крамера) три хлѣба на дорогу, онъ сквозь слезы благодаритъ его. „Гостепріимство, восклицаетъ онъ по этому случаю, добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго и столь рѣдкая во дни наши! Есть-ли я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! Пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера!" Но лучшимъ образцомъ сантиментальности Карамзина можетъ служить письмо изъ Дрездена, гдѣ онъ описываетъ видъ на Эльбу. „Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело.—Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: любезная природа! и болѣе ни слова!! Но едва ли когда-нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми; и едва ли когда-нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!" (стр. 107). Такъ и видно, что пишетъ 23-лѣтній юноша, которому все въ природѣ и жизни представляется въ одномъ розовомъ цвѣтѣ, безъ тѣхъ тѣней, которыми все окружено болѣе или менѣе въ дѣйствительности.

Новое направленіе въ сочиненіяхъ Карамзина. Говоря о переводахъ Карамзина изъ Шекспира и Лессинга, мы уже замѣтили, что эти занятія должны были показать несостоятельность французскаго ложно-классическаго направленія; путешествіе по Европѣ, гдѣ онъ уже видѣлъ опыты новаго направленія, убѣдило въ томъ еще болѣе. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы онъ вздумалъ дать русской литературѣ направленіе болѣе близкое къ дѣйствительности, заимствуя содержаніе для литературныхъ произведеній изъ народной жизни, народной поэзіи и народной исторіи. Начиная повѣсть „Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ" въ Московскомъ Журналѣ 1791 г., онъ говоритъ: „Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ! Я хочу хвалить Фрола Силина, простаго поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ". Въ повѣсти описывается, какъ въ голодный годъ Фролъ Силинъ, крестьянинъ одной деревни, раздавалъ даромъ хлѣбъ бѣднѣйшимъ жителямъ, какъ онъ помогъ жителямъ погорѣвшихъ двухъ деревень, какъ онъ выкупилъ у помѣщика двухъ дѣвокъ и

выдалъ замужъ съ хорошимъ приданымъ. Въ неоконченной повѣсти „Ліодоръ“ онъ изображаетъ характеръ деревенскихъ помѣщиковъ прежняго времени (въ Московъ. Журналѣ 1792 г., мартъ). Въ письмѣ подъ заглавіемъ: „Сельскій праздникъ и свадьба“ (тамъ же) описываетъ такъ же жизнь помѣщиковъ и крестьянъ конца прошлаго вѣка. Содержаніе „Бѣдной Лизы“ взято изъ обыкновенной жизни и отличается простотою и несложностію. Въ предисловіи къ повѣсти „Наталья, боярская дочь“ онъ высказываетъ особенное сочувствіе къ древней русской жизни и къ древней русской исторіи. „Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ, по своему сердцу, т. е. говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена, люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго, и съ нѣжностью цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ“. Ту же самую мысль или то же стремленіе въ область народной поэзіи выражаетъ Карамзинъ въ богатырской сказкѣ: „Илья Муромецъ“.

«Не́ хочу́ съ поэтомъ Гре́ціи́
Зву́чнымъ гла́сомъ Ка́лліо́пиными́
Пѣть вражды́ Ага́мемно́новой
Съ хра́брымъ пра́внуко́мъ Юпи́тера́;
Или, слѣдуя Виргилію,
Плыть отъ Трои разворенныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не греки и не римляне;
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ:
Мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ урода жалкаго;
Чтобы Леды были—курицы,
И несли весною яица,
Чтобы Поллуксы съ Еленами
Родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ»

Но собственныя сочиненія Карамзина показываютъ, что простота и естественность въ нихъ далеко еще не такъ естественны, что хотя сюжеты заимствованы изъ народной жизни и исторіи, но изображаются далеко не въ народномъ духѣ, а во вкусѣ и стилѣ сантиментальныхъ повѣстей Жанлисъ и Мармонтеля.

Бѣдная Лиза. Содержаніе этой знаменитой повѣсти чрезвычайно просто, чтобы не сказать бѣдно. Въ Москвѣ, недалеко отъ Симонова монастыря, подлѣ березовой рощи, среди зеленаго луга, стояла бѣдная хижина, въ которой жила *прекрасная Лиза* съ своей матерью старушкой. Отецъ Лизы былъ „довольно зажиточный поселянинъ". Но когда онъ умеръ, то мать и дочь обѣднѣли. Лиза кормила мать своими трудами: она ткала холсты, вязала чулки, весною собирала цвѣты, а лѣтомъ ягоды и ходила въ городъ продавать ихъ. „Богъ далъ мнѣ руки, говорила она, чтобы работать; ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ, теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки" (ч. III, 4). Однажды Лиза, продавая въ Москвѣ ландыши, на улицѣ встрѣтила молодого человѣка, который, покупая у нея цвѣты, обратилъ на нее особенное вниманіе и спросилъ, гдѣ она живетъ; вмѣсто пяти копѣекъ онъ давалъ ей за цвѣты рубль; но она не взяла его. Молодой человѣкъ такъ ей понравился, что на другой день, нарвавъ самыхъ лучшихъ ландышей, она ужъ искала его въ Москвѣ, другимъ не хотѣла продавать своихъ цвѣтовъ и, когда не нашла его, то бросила ихъ въ рѣку. Между тѣмъ, на другой день вечеромъ, молодой человѣкъ самъ пришелъ въ хижину Лизы и спросилъ напиться; ему принесли молока. Онъ познакомился съ матерью Лизы и понравился ей. „Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ буду заходить къ вамъ". Старушка съ охотою приняла его предложеніе, увѣряя его, что полотно, вытканное и чулки, связанные Лизой, бываютъ отмѣнно хороши и носятся дольше всякихъ другихъ (стр. 8). Молодой человѣкъ сталъ часто бывать у нихъ. Его звали Эрастомъ. Это былъ „довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою". Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. „Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало". Молодые люди сильно полюбили

другъ друга, всякій вечеръ видѣлись „или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ, осѣнявшихъ глубокій, чистый прудъ“. Лиза до того увлеклась Эрастомъ, что отказала своему жениху, сыну богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни, а Эрастъ далъ обѣщаніе Лизѣ жениться на ней. Но счастье Лизы продолжалось не долго. Эрастъ, насытившись ея любовью, сталъ посѣщать ее рѣже и рѣже, и однажды объявилъ ей, что онъ служитъ въ военной службѣ и долженъ ѣхать на войну. Лиза повѣрила, и Эрастъ уѣхалъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ; Лиза пошла въ Москву купить розовой воды—лечить глаза матери. На одной улицѣ вдругъ она увидѣла Эраста въ каретѣ, бросилась за нимъ и прибѣжала въ его домъ; но Эрастъ принялъ ее холодно; объявилъ, что онъ скоро женится на другой. Онъ, дѣйствительно, былъ на войнѣ; но, вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе, и, чтобы заплатить свои долги, онъ вздумалъ жениться на богатой вдовѣ. Онъ далъ Лизѣ сто рублей и выпроводилъ изъ своего дома. Лиза очутилась на улицѣ въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Съ ней произошелъ обморокъ. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, увидѣвъ ее лежащею на землѣ, привела ее въ чувство. Лиза вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу того глубокаго пруда и подъ тѣнью тѣхъ древнихъ дубовъ, которые такъ еще недавно были безмолвными свидѣтелями ея счастья. Встрѣтивъ свою подругу Анюту, она попросила ее отнести матери данные ей Эрастомъ сто рублей, а сама бросилась въ прудъ и утонула. Мать, узнавъ о смерти Лизы, умерла; Эрастъ также былъ несчастенъ; совѣсть не давала ему покоя за то, что онъ сдѣлался убійцей Лизы. „Сердце мое обливается кровію въ сію минуту, говоритъ авторъ. Я забываю человѣка въ Эрастѣ—готовъ проклинать его—но языкъ мой не движется—смотрю на небо и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?“ (стр. 22).—Горячая симпатія, съ какою авторъ изобразилъ эту исторію „Бѣдной Лизы“, нѣжный, чувствительный колоритъ, разлитый по всей повѣсти и наконецъ прекрасныя описанія окрестностей Москвы и Симонова монастыря невообразимо трогали читателей и сдѣлали эту небольшую и простую повѣсть знаменито-исторической.—Окрестности Симонова монастыря долго были любимымъ мѣстомъ гуляній; прудъ, въ которомъ утопилась Лиза, стали называть Лизинымъ прудомъ; всѣ деревья по берегамъ его были испещрены начальными буквами ея имени, которыя вырѣзывали гуляющіе.

Въ исторіи литературы „Бѣдная Лиза“ имѣетъ значеніе какъ первая повѣсть, сюжетъ которой взятъ изъ простого и притомъ русскаго быта, хотя этотъ простой бытъ изображенъ далеко не

такъ просто и не въ русскомъ духѣ, а въ стилѣ западныхъ сантиментальныхъ повѣстей и романовъ. Лиза и мать ея представлены съ воззрѣніями и чувствами героевъ и героинь этихъ повѣстей, а не съ такими, какія свойственны простымъ русскимъ крестьянамъ. Съ настоящей точки зрѣнія эта невѣрность дѣйствительности составляетъ ничѣмъ непоправимый недостатокъ; но тогда на поэтическій вымыселъ смотрѣли иначе. Поэтическую творческую фантазію, какъ источникъ этихъ вымысловъ, самъ Карамзинъ называлъ богиней лжи и призраковъ (въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ).

Наталья, боярская дочь. „Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ бояринъ Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатый, умный, вѣрный слуга царскій и, по обычаю русскихъ, великій хлѣбосолъ. Царь называлъ его правымъ главомъ своимъ, и правый глазъ никогда царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ на помощь боярина Матвѣя, и бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: сей правъ (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти—и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и совѣстью царскою“ (стр. 84). Въ каждый двунадесятый праздникъ онъ приготовлялъ длинные столы въ своихъ горницахъ, покрытые чистыми скатертями, уставленные чашами и блюдами съ разными кушаньями. Сидя на лавкѣ, подлѣ высокихъ своихъ воротъ, онъ звалъ къ себѣ обѣдать мимо ходящихъ бѣдныхъ людей, сколько могло помѣститься въ его боярскомъ жилищѣ. Ласково бесѣдуя съ гостями, онъ узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги и веселился съ ними, какъ съ друзьями. Любовь народная и милость царская были наградою добраго боярина. Но вѣнцомъ его счастья и радости была его единственная дочь, красавица Наталья. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ, но нѣтъ прекраснѣе розы; много было красавицъ въ Москвѣ, но никакая красавица не могла сравниться съ Натальей. Довольно сказать, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны, и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество предъ своими дочерьми. Далѣе авторъ описываетъ душевныя и тѣлесныя качества древне-русской боярской дочери и то, въ чемъ она проводила время свое зимой и лѣтомъ „отъ восхода до заката краснаго солнца“. Проснувшись на восходѣ солнца и перекрестившись, она тотчасъ вставала и начинала собираться „къ обѣднѣ“; только одна жестокая вьюга зимою, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли удержать древне-русскую дѣвицу отъ исполненія этой обязанности. Становясь всегда въ уголкѣ трапезы, Наталья

молилась Богу съ усердіемъ, но въ то же время исподлобья посматривала направо и налѣво. Въ старину не было ни клубовъ, ни маскарадовъ, говоритъ авторъ, куда нынѣ ѣздятъ себя казать и другихъ смотрѣть, итакъ гдѣ же, какъ не въ церкви, любопытная дѣвушка могла поглядѣть тогда на людей? Послѣ обѣдни Наталья всегда раздавала нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ. Возвратившись отъ обѣдни, она садилась шить въ пяльцахъ, или плести кружево, сучить шелкъ, низать ожерелье. Послѣ сытнаго обѣда бояринъ Матвѣй ложился отдыхать, а дочь свою отпускалъ съ мамой гулять въ садъ или на большой зеленый лугъ у „красныхъ воротъ". Вечеромъ къ Натальѣ собирались молодыя подруги; въ ихъ кружокъ приходилъ иногда побесѣдовать и самъ бояринъ и разсказывалъ имъ „приключенія благочестиваго князя Владиміра и могучихъ богатырей россійскихъ." Зимой Наталья каталась въ саняхъ по городу и ѣздила къ подругамъ „на вечеринки", гдѣ играли въ жмурки, прятались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзвились, „не нарушая благопристойности и смѣялись безъ насмѣшекъ". Такъ жила Наталья до 17-ти лѣтъ. Однажды, по обыкновенію, она была у обѣдни и встрѣтила здѣсь одного прекраснаго молодого человѣка, который произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Ей представилось, что любезный призракъ, который ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ не что иное, какъ образъ сего молодого человѣка. Въ свою очередь и Наталья понравилась молодому человѣку. На другой день Наталья пришла къ обѣднѣ ранѣе всѣхъ и всѣхъ позже вышла изъ церкви; но молодого человѣка не было: то же повторилось на третій день, и только на четвертый день они опять увидѣлись. Спустя нѣсколько времени, когда боярина Матвѣя не было дома, няня ввела молодого человѣка въ теремъ; онъ бросился къ ногамъ Натальи и объявилъ ей, что онъ уже давно влюбленъ въ нее. Наталья также призналась ему въ своей любви. Не надѣясь, что бояринъ Матвѣй согласится на ихъ бракъ, онъ уговорилъ Наталью тайно уѣхать съ нимъ и повѣнчаться. Въ ту же ночь онъ увезъ ее вмѣстѣ съ няней. На пути они остановились въ одной деревянной церкви, гдѣ дожидалъ ихъ одинъ старый священникъ и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ вѣнца они продолжали путь и пріѣхали въ дремучій лѣсъ. Навстрѣчу имъ вдругъ вышло нѣсколько человѣкъ съ зажженными пуками соломы и съ кинжалами. Няня подумала, что они находятся въ рукахъ разбойниковъ; но оказалось, что эти люди молодого мужа. Его звали Алексѣемъ Любославскимъ. Онъ былъ сынъ одного опальнаго боярина Любославскаго, который, по ложному подозрѣнію, былъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ государя и, чтобы спасти свою жизнь, бѣжалъ изъ Москвы со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ Алексѣемъ и скрылся на берегахъ Волги, въ той странѣ, гдѣ въ эту рѣку вливается

Свіяга (значитъ, въ странѣ Казанской). Проживъ здѣсь около 10 лѣтъ, онъ умеръ, поручивъ предъ смертью сына своего одному другу своему въ Москвѣ, который построилъ для его убѣжища уединенный домикъ въ 40 верстахъ, въ дремучемъ непроходимомъ лѣсу, но самъ тоже вскорѣ послѣ этого умеръ. Алексѣй переселился въ этотъ домикъ уже послѣ его смерти. Это и было то мѣсто, куда онъ привезъ Наталью. Молодые люди устроились хорошо; но Наталья не могла забыть оставленнаго ею отца и постоянно сокрушалась, а Алексѣя тяготила царская опала, вслѣдствіе которой онъ не могъ нигдѣ показаться. Онъ придумывалъ способы испросить прощеніе у боярина Матвѣя и заслужить милость государя. Этому помогъ слѣдующій случай. На Московское царство напали литовцы. Алексѣй вздумалъ отправиться на войну, чтобы подвигами своими обратить на себя вниманіе; но Наталья никакъ не хотѣла разстаться съ нимъ и рѣшилась сама отправиться на войну: „дай мнѣ только, сказала она, мечъ острый и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзный, увидишь, что я не хуже мужчины“. Алексѣй выбралъ для нея самое легкое оружіе, нарядилъ ее въ панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которомъ было написано: съ нами Богъ,—никто же на ны), вооружилъ своихъ людей, надѣлъ латы своего отца и съ Натальей отправился на войну. На войнѣ Алексѣй и Наталья такъ отличились своею храбростію, что обратили на себя всеобщее вниманіе. Донося о побѣдѣ, военачальникъ писалъ царю: „Мы не можемъ по достоинству восхвалить того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и который гналъ, разилъ непріятелей и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своему никому, кромѣ тебя, государя“ (стр. 134). Государь потребовалъ ихъ къ себѣ и спросилъ, кто они такіе, и когда они объявили себя, то простилъ Алексѣя и уговорилъ и боярина Матвѣя простить Наталью и благословить ихъ на супружескую жизнь. И потомъ они жили счастливо до глубокой старости.

Повѣсть написана Карамзинымъ въ 1792 г., когда авторъ уже началъ изучать русскую исторію и хотѣлъ воскресить предъ русскимъ обществомъ древне-русскую жизнь. „Кто изъ насъ, говоритъ онъ въ самомъ началѣ повѣсти, не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т. е. говорили, какъ думали“ (стр. 81). Онъ относится къ древне-русской жизни съ

глубокимъ сочувствіемъ и старается выставить всѣ лучшія ея стороны иногда въ укоръ современной жизни. Говоря о добротѣ, честности и правдивости боярина Матвѣя, о его покровительствѣ и заступничествѣ за своихъ бѣдныхъ сосѣдей, онъ прибавляетъ: „чему въ наши просвѣщенныя времена, можетъ быть, не всякій повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостью"; говоря о качествахъ его дочери Натальи, онъ замѣчаетъ, что „она имѣла всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля". Въ бояринѣ представленъ типъ именитаго и богатаго боярина, въ Натальѣ типъ древне-русской боярышни; но черты этихъ типовъ слишкомъ общи и слишкомъ идеализированы, изображены безъ всякихъ тѣней тогдашней дѣйствительности, безъ исторической обстановки; въ характерѣ Натальи авторъ даже отступаетъ отъ исторіи, выводя Наталью изъ замкнутой свѣтлицы или терема на войну, въ военный станъ съ рыцарскимъ пошибомъ, героиней въ родѣ какой-нибудь Жанны д'Аркъ, для чего примѣровъ древняя исторія русская не представляетъ.

Островъ Борнгольмъ. Авторъ говоритъ, что разсказъ о приключеніяхъ на датскомъ островѣ Борнгольмѣ, написанный въ 1793 г., составляетъ эпизодъ изъ его приключеній во время возвращенія изъ путешествія по Европѣ. Во время остановки въ Гревзендѣ (въ Англіи), на морскомъ берегу, онъ встрѣтилъ „молодого человѣка, худого, блѣднаго, томнаго, болѣе привидѣніе, нежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ листочки съ дерева и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни". Когда авторъ спросилъ о причинѣ его несчастія, онъ ничего не отвѣтилъ, но, взявъ гитару, запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Но какіе законы осуждаютъ любовь несчастнаго и какая клятва удалила его отъ береговъ Борнгольма, столь ему милаго, автору узнать не удалось, потому что онъ долженъ былъ немедленно сѣсть на корабль. Но когда корабль присталъ къ острову Борнгольму, авторъ вздумалъ пробраться въ замокъ на этомъ островѣ, чтобы узнать тайну несчастнаго гревзендскаго молодого человѣка. Въ старомъ мрачномъ замкѣ, съ заросшимъ крапивой и полынью дворомъ и огромными пустыми залами, доживалъ послѣдніе дни

„почтенный сѣдовласый старецъ"; онъ принялъ его ласково и сказалъ: „Давно я живу въ уединеніи, давно не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курится ли ѳиміамъ на алтаряхъ добродѣтели? Благоденствуютъ ли народы въ странахъ, тобою видѣнныхъ"?—Свѣтъ наукъ, отвѣчалъ я, распространяется все болѣе и болѣе; но еще струится на землѣ кровь человѣческая, льются слезы несчастныхъ, хвалятъ имя добродѣтели и спорятъ о существѣ ея. Старецъ вздохнулъ и пожалъ плечами. Узнавъ, что я россіянинъ, сказалъ: „Мы происходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жители островов Рюгена и Борнгольма были славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣтомъ христіанства. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ; но мы, во мракѣ идолопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ истуканамъ" (стр. 157). Ночью автора встревожилъ тяжелый и странный сонъ; чтобы освѣжиться, онъ сошелъ въ садъ и здѣсь наткнулся на пещеру, гдѣ, за желѣзной рѣшеткой, на которой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная къ своду, а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. „Кто бы ты ни былъ, сказала она, какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда, чужеземецъ! я не могу требовать отъ тебя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою. Я лобзаю руку, которая меня наказываетъ... Ради Бога оставь меня!... Если онъ самъ послалъ тебя—тотъ, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ, скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже тоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе, что я умру его нѣжною, несчастною"... На другой день утромъ старецъ разсказалъ ему исторію этой несчастной. „Но вы, друзья мои, теперь не услышите ее; она останется до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно то, что я узналъ тайну гревзендскаго незнакомца,—тайну страшную!" (стр. 162—165).

Повѣсть напоминаетъ старыя рыцарскія баллады, въ которыхъ изображаются рыцарскіе замки съ окружающими ихъ рвами, подъемными мостами, огромными залами съ готическими колоннами, страшными башнями и подземными темницами, въ которыхъ томятся разные несчастные; подъ вліяніемъ балладъ она, конечно, и составилась.

Марѳа посадница или покореніе Новгорода. Историческая повѣсть. Повѣсть эта, весьма интересная въ литературномъ отношеніи, весьма важна и потому, что характеризуетъ взглядъ Карамзина на этотъ знаменитый эпизодъ въ древней русской исторіи.

Несомнѣнно, что Карамзинъ относился весьма сочувственно къ новгородцамъ, возставшимъ за свою вольность противъ Іоанна; онъ видѣлъ въ ихъ возстаніи проявленіе глубокаго патріотизма и съ этой точки зрѣнія изобразилъ все событіе. „И лѣтописи и старинныя пѣсни, говоритъ авторъ, отдаютъ справедливость великому уму Мароы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катономъ своей республики" (стр. 167). Дѣйствительно, Мароа посадница изображена въ величавомъ образѣ, напоминающемъ древнихъ римлянокъ временъ Катона или Брута; съ такимъ же твердымъ и самоотверженнымъ характеромъ изображены другія дѣйствующія лица: посадникъ Дѣлинскій, дѣдъ Мароы отшельникъ Өеодосій, Мірославъ, Михаилъ Храбрый, дочь Мароы Ксенія и др. Каждая сцена проникнута чрезвычайнымъ одушевленіемъ и исполнена драматизма, и все лѣтописное повѣствованіе о покореніи Новгорода, подъ перомъ автора, получило характеръ высокой исторической трагедіи, написанной, вѣроятно, подъ вліяніемъ историческихъ трагедій Шекспира и въ частности „Юлія Цезаря", переводомъ котораго авторъ занимался, кажется, въ это время. Повѣсть состоитъ изъ трехъ главъ, которыя названы книгами. Въ первой книгѣ описывается посольство Московскаго князя Іоанна III въ Новгородъ съ предложеніемъ ему добровольно покориться Москвѣ, если онъ не хочетъ быть разоренъ войною и покоренъ насильно. „Раздался звукъ Вѣчеваго колокола,—такъ начинается повѣсть,—и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: никто не отвѣтствуетъ... Тамъ, противъ древняго дома Ярославова, уже собрались посадники съ золотыми на груди медалями, тысячскіе съ высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всѣхъ пяти концевъ Новгородскихъ съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ Лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего витязя)" (стр. 167—168). Но вотъ всходитъ на желѣзныя ступени Лобнаго мѣста именитый гражданинъ Іосифъ Дѣлинскій, смиренно кланяется и говоритъ народу, что князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія. Это былъ воевода, князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый— правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ, храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ совѣтѣ. „Граждане Новгородскіе! вѣщаетъ онъ: князь Московскій и всея Россіи говоритъ съ вами—внимайте! Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ: а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной. Ваши предки хотѣли править сами собою и были жер-

твою лютыхъ сосѣдовъ или еще лютѣйшихъ внутреннихъ междоусобій. Старецъ добродѣтельный, стоя на прагѣ вѣчности, заклиналъ ихъ избрать владѣтеля. Они повѣрили ему: ибо человѣкъ при дверяхъ гроба можетъ говорить только истину. Граждане Новгородскіе! въ стѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, прославилось самодержавіе земли русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ творилъ судъ и правду; на семъ мѣстѣ древніе Новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирилъ внутренніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единаго" (стр. 169). „Граждане Новгородскіе! не только воинскою славою обязаны вы государямъ русскимъ: если глаза мои, обращаясь на всѣ концы вашего города, видятъ повсюду златые кресты великолѣпныхъ храмовъ святой вѣры; если шумъ Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій день, въ который эваки идолослуженія погибли съ шумомъ въ быстрыхъ волнахъ его: то вспомните, что Владиміръ соорудилъ здѣсь первый храмъ истинному Богу; Владиміръ низвергъ Перуна въ пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны въ Новгородѣ, то скажите, чья рука оградила ихъ безопасностью!... Здѣсь—(указывая на домъ Ярослава)—здѣсь жилъ мудрый законодатель, благотворитель вашихъ предковъ, князь великодушный, другъ ихъ, котораго называли они вторымъ Рюрикомъ"!... (170). И потомъ въ обширной картинѣ изображаетъ, какъ подъ властію князей Кіевскихъ и Московскихъ создалось, окрѣпло и возвысилось Русское государство, и въ частности указываетъ на заслугу Московскаго князя Іоанна. „Народъ и граждане, заключаетъ онъ свою рѣчь, да властвуетъ Іоаннъ въ Новѣгородѣ, какъ онъ въ Москвѣ властвуетъ! или—внимайте его послѣднему слову—или храброе воинство, готовое сокрушить татаръ, въ грозномъ ополченіи явится прежде глазамъ вашимъ, да усмиритъ мятежниковъ!... Миръ или война? отвѣтствуйте!" (174—175). Но долго одно молчаніе было отвѣтомъ на краснорѣчивое и сильное воззваніе Холмскаго. Наконецъ толпы народныя заколебались и раздались восклицанія: Мареа! Мареа! и появилась бывшая посадница Мареа Борецкая и тихо и величаво взошла на желѣзныя ступени. „Говори, славная дочь Новаграда"! воскликнулъ народъ единогласно... „Потомки славянъ великодушныхъ! сказала Мареа, васъ называютъ мятежниками!... За то ли, что вы подъяли изъ гроба славу ихъ? Они были свободны, когда текли съ востока на западъ избрать себѣ жилище во вселенной, свободны подобно орламъ, парившимъ надъ ихъ главою въ обширныхъ пустыняхъ древняго міра... Они утвердились на красныхъ берегахъ Ильменя, и все еще служили одному Богу... Правда, съ теченіемъ времени родились въ душахъ новыя страсти; обычаи древніе, спасительные забывались, и неопытная юность презирала

мудрые совѣты старцевъ: тогда славяне призвали къ себѣ знаменитыхъ храбростію князей варяжскихъ, да повелѣваютъ юнымъ мятежнымъ воинствомъ. Но когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадимъ храбрый звалъ его предъ судъ народа... Кончина Рюрика,—да отдадимъ справедливость сему знаменитому витязю!—мудраго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу Новгородскую. Народъ, изумленный его величіемъ, невольно и смиренно повиновался; но скоро, не видя уже героя, пробудился отъ глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многократно его упорную непреклонность, удалился отъ Новагорода съ воинствомъ храбрыхъ варяговъ и славянскихъ юношей, искать побѣды, данниковъ и рабовъ между другими скиѳскими, менѣе отважными и гордыми племенами. Съ того времени Новгородъ признавалъ въ князьяхъ своихъ единственно полководцевъ и военачальниковъ: народъ избралъ власти гражданскія, и, повинуясь имъ, повиновался уставу воли своей. Въ кіевлянахъ и другихъ россіянахъ отцы наши любили кровь славянскую, служили имъ, какъ друзьямъ и братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ юность свою Владиміръ; здѣсь, среди примѣровъ народа великодушнаго, образовался великій духъ его; здѣсь мудрая бесѣда старцевъ нашихъ возбудила въ немъ желаніе вопросить всѣ народы земные о таинствахъ вѣры ихъ, да откроется истина ко благу людей; и когда, убѣжденный въ святости христіанства, онъ принялъ его отъ Грековъ, Новгородцы, разумнѣе другихъ племенъ славянскихъ, изъявили и болѣе ревности къ новой истинной вѣрѣ. Имя Владиміра священно въ Новѣгородѣ; священна и любезна память Ярослава: ибо онъ первый изъ князей русскихъ утвердилъ законы и вольность Великаго града. Пусть дерзость называетъ отцевъ нашихъ неблагодарными за то, что они отражали властолюбивыя предпріятія его потомковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился бы въ небесныхъ селеніяхъ, если бы мы не умѣли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ его именемъ. Онъ любилъ Новгородцевъ, ибо они были свободны; ихъ признательность радовала его сердце, ибо только души свободныя могутъ быть признательными: рабы повинуются и ненавидятъ"! (стр. 175—178). Мароа старается ослабить силу впечатлѣнія, произведеннаго на народъ рѣчью Холмскаго, и разбираетъ каждое его положеніе, и наконецъ, дойдя до заслугъ князя Іоанна, на которыя указалъ Холмскій, она говоритъ: „Да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ! Да славится князь Московскій истребленіемъ враговъ христіанства, а не друзей и не братій земли русской, которыми она еще славится въ мірѣ! да прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ Новгородцевъ! Еще Ахматъ дерзаетъ называть его своимъ данникомъ: да идетъ Іоаннъ противъ монгольскихъ

варваровъ, вѣрная дружина наша откроетъ ему путь къ стану Ахматову"! (стр. 182). Обращаясь къ Новгороду, она сказала: „Знай, о Новгородъ! что съ утратою вольности иссохнетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли, она же окрыляетъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдія отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ великій, опустѣютъ многолюдные концы твои; широкія улицы зарростутъ травою, и великолѣпіе твое, исчезнувъ на вѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ"!... (стр. 184). Но страшный вопль народа больше не далъ говорить посадницѣ. „Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ за отечество"! воскликнули безчисленные голоса. „Новгородъ государь нашъ! да явится Іоаннъ съ воинствомъ":... Но посреди шума народнаго вдругъ раздается на площади страшный трескъ и громъ, и всѣ съ ужасомъ увидѣли, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ вѣчевымъ колоколомъ и дымится въ своихъ развалинахъ, и въ то же время послышался голосъ, подобный глухому стону: „о Новгородъ! такъ падетъ слава твоя: такъ исчезнетъ твое величіе"! Ночью тысячскіе и бояре съ гражданами отрыли вѣчевой колоколъ и повѣсили на другой башнѣ.

Во второй книгѣ описывается приготовленіе новгородцевъ къ войнѣ, избраніе полководца Мірослава и женитьба его на Ксеніи, дочери Марѳы посадницы, что составляетъ романическій элементъ повѣсти. Затѣмъ помѣщенъ разсказъ о посольствѣ въ Новгородъ польскаго короля Казиміра, съ предложеніемъ помощи въ войнѣ съ княземъ Московскимъ. Марѳа съ гордостью отвергла его предложеніе. „Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей, съ жаромъ отвѣтствуетъ Марѳа. Когда вы не были лютыми врагами народа русскаго? когда міръ надѣялся на слово польское? Давно ли самъ невѣрный Амуратъ удивлялся вѣроломству вашему? И вы дерзаете мыслить, что народъ великодушный захочетъ упасть на колѣни предъ вами? Тогда бы Іоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Нѣтъ! если угодно небу, то мы падемъ съ мечемъ въ рукѣ предъ княземъ Московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; русскій можетъ покориться русскому, но чужеземцу—никогда, никогда"! (стр. 203). Новгородцы вздумали обратиться за помощью къ псковитянамъ, но псковитяне посовѣтовали имъ покориться Іоанну. Съ конца второй главы начинается описаніе сра-

женія новгородцевъ съ московскимъ войскомъ, а въ третьей книгѣ изображается побѣда Московскаго князя и покореніе Новгорода. Повѣсть оканчивается трагическою сценою казни Мареы посадницы и водвореніемъ въ Новгородѣ знамени и власти Московскаго князя. „Вѣчевой колоколъ, говоритъ авторъ, былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего“ (стр. 238).

„Бѣдная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“ и „Мареа посадница“ составляютъ главныя литературныя произведенія Карамзина. Кромѣ того въ своихъ журналахъ онъ напечаталъ много разныхъ статей и разсужденій по разнымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости. „Все народное ничто предъ человѣческимъ, говорилъ Карамзинъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“; главное дѣло быть людьми, а не славянами; что выдумано французами, нѣмцами и англичанами, то мое, ибо я человѣкъ“. Впослѣдствіи Карамзинъ увидѣлъ, что все человѣческое существуетъ и можетъ обнаруживаться только въ народной формѣ, что для того, чтобы быть людьми, непремѣнно нужно принадлежать къ какому-нибудь народу, къ какому-нибудь обществу, что понятія: человѣкъ и человѣчество суть понятія отвлеченныя, а въ дѣйствительности существуютъ французы, нѣмцы, англичане, русскіе; что хотя все, пріобрѣтенное разными народами, принадлежитъ всему человѣчеству, но не все, пріобрѣтенное однимъ народомъ, можетъ быть пригодно другому народу, ибо каждый народъ можетъ, кромѣ общихъ потребностей, имѣть другія потребности, возникающія вслѣдствіе разныхъ условій народной жизни, условій климатическихъ, историческихъ и соціальныхъ.— Вслѣдствіе этого Карамзинъ, не переставая сочувствовать европейскому образованію, наукѣ, искусству, явился горячимъ проповѣдникомъ патріотизма въ своемъ разсужденіи „О любви къ отечеству и народной гордости“. Здѣсь онъ доказываетъ, что человѣкъ не можетъ жить внѣ своего народа, что онъ связанъ съ нимъ такими узами, разорвать которыя невозможно. Эти узы составляютъ тѣ формы жизни, которыя созданы почвою и климатомъ страны, религіозными и политическими учрежденіями, нравами и обычаями, которые и составляютъ народность. На основаніи этихъ коренныхъ началъ любви къ отечеству, онъ раздѣляетъ ее на три вида: физическую, нравственную и политическую. Любовь физическая есть привязанность къ мѣсту своего рожденія и воспитанія. „Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло при-

роды, и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества... Лапландецъ, рожденный почти во гробѣ природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!—Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется" (466).—Нравственная любовь къ отечеству возникаетъ и развивается въ той средѣ, въ которой происходитъ воспитаніе и образованіе человѣка. „Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ!... На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ предъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!" (466—468). „Но физическая

и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь къ благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія, и потому не всѣ люди имѣютъ его. Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма" (стр. 468). Затѣмъ онъ указываетъ на главныя эпохи въ древней и новой исторіи Россіи, знаменитыя событія, подвиги и успѣхи въ наукахъ, искусствахъ и цивилизаціи, составляющіе славу Россіи и долженствующіе служить основаніемъ патріотизма и наконецъ очень скромно въ заключеніе упрекаетъ русскихъ людей въ слабости патріотизма, въ недостаткѣ любви къ своему родному, особенно въ области отечественной науки, отечественнаго языка и словесности. „Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, т. е. сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей

въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому". Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно!... Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!" (стр. 473—475).

Переписка Мелодора и Филалета. Взглядъ Карамзина на французскую революцію и вообще на современныя событія въ мірѣ выразился въ перепискѣ двухъ друзей Мелодора и Филалета. Ужасы революціи глубоко потрясли чувствительное сердце Карамзина и возбудили было въ немъ отчаяніе за будущую судьбу человѣчества; особенно онъ боялся за участь науки и новаго просвѣщенія, въ которомъ невѣжественные люди находили источникъ пагубныхъ идей, приведшихъ къ такому кровавому перевороту. Но время и размышленіе значительно измѣнили его взглядъ и вызвали болѣе примирительное и успокоительное воззрѣніе. Первый взглядъ—мрачный—выраженъ въ письмѣ Мелодора, другой—успокоительный—въ письмѣ Филалета. „Конецъ нашего вѣка, говоритъ Мелодоръ, почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни. О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи! Осьмой-надесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра?—Осьмой-надесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки!" (ч. III, 438—439)... „Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя—въ крови и пламени не узнаю тебя—среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго; драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ!... Мизософы (ненавистники наукъ) торжествуютъ: „Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они; вотъ

плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огонь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!...“ ....„Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ.... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ—что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ!“ (стр. 439—441). Въ этомъ отчаяніи за участь и будущую судьбу человѣчества Филалетъ утѣшаетъ Мелодора слѣдующими размышленіями. „Новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній... Вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества и признаюсь искренно, что грозныя бури временъ нашихъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа. Но неужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся на вѣки отъ своего разума и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія?—Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія—въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію—не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску“ (447—448)... „Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая“ (449). Филалетъ совѣтуетъ Мелодору имѣть вѣру въ Провидѣніе: „сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучъ утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей!—Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ“ (450)... „Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ и не исчезнетъ во вѣки; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ аквилоны; но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія ве-

фировъ"... „Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишне величали осьмой-надесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ. Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется—напримѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ—нравственность болѣе исправится, разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему"... „Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія"... „Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости властителей, и спокоенъ; имѣю довѣренность ко благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ" (452—453).

Нѣчто о наукахъ. Съ перепиской Мелодора и Филалета тѣсно связана по предмету статья Карамзина: „Нѣчто о наукахъ", въ которой онъ разбираетъ извѣстное разсужденіе Руссо о вредѣ наукъ и въ которой онъ является горячимъ апологетомъ науки и просвѣщенія. Разсужденіе Руссо: „Discours sur la question proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs?" было вызвано современнымъ состояніемъ наукъ и просвѣщенія во Франціи, которыя имѣли такое превратное и гибельное направленіе, что могли подавать поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи. Руссо это состояніе и привело къ такому заключенію, которое онъ и доказываетъ въ своемъ разсужденіи, что чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе онъ портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, но не было и испорченности нравовъ. Ближайшимъ поводомъ для Карамзина къ разбору этого разсужденія была, какъ онъ замѣчаетъ, „новая піеса одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора (написанная подъ вліяніемъ Руссо), въ которой бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ".— „Былъ человѣкъ,—такъ начинаетъ Карамзинъ свою статью,—и человѣкъ великій, незабвенный въ лѣтописяхъ философіи, въ исторіи людей,—былъ человѣкъ, который со всѣмъ блескомъ красно-

рѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что науки несовмѣстны съ добродѣтелію! Я чту великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо! Уважаю истины, открытыя тобою современникамъ и потомству... люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою къ человѣчеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами" (373). Приступая къ самому разбору разсужденія, Карамзинъ замѣчаетъ, что прежде всего надобно опредѣлить, что такое науки и искусства. „Не смотря на разные классы наукъ, онѣ суть не что иное, какъ познаніе натуры и человѣка, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ" (375)... Отъ чего произошли онѣ? Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ... Не сама ли природа вложила въ насъ сію живую склонность къ знаніямъ?... Не она ли призываетъ насъ къ наукамъ? Можетъ ли человѣкъ быть безчувственъ тогда, когда громы натуры гремятъ надъ его головою; когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и ревутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ предъ нимъ въ зеленой одеждѣ" (376)... „Можно сказать, что науки были прежде университетовъ, академій, профессоровъ, магистровъ, бакалавровъ. Гдѣ натура, гдѣ человѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ—тамъ наука. Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, которыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницевъ" (378).—„Что суть искусства?—Подражаніе натурѣ. Густыя, сросшіяся вѣтви были образцомъ первой хижины и основаніемъ архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ отверстіе соломенной трости или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ, тѣнь предметовъ—рисованію и живописи. Горлица, сѣтующая на вѣтви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго элегическаго поэта" (380).—„Итакъ науки и искусства необходимы; ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, т. е. союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ" (381). Затѣмъ Карамзинъ опровергаетъ тѣ возраженія, какія дѣлаютъ противъ наукъ, именно: 1) науки портятъ нравы, чему доказательствомъ служитъ просвѣщенный восемнадцатый вѣкъ;

2) спартанцы не знали ни наукъ, ни искусствъ, и были добродѣтельнѣе прочихъ грековъ и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда римляне повелѣвали міромъ; но Римъ просвѣтился, и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства; 3) въ наукахъ много заблужденій; 4) на науки и искусства слишкомъ много тратится драгоцѣннаго времени; 5) люди, занимающіеся науками, нерѣдко имѣютъ порочные нравы. Разобравъ подробно эти возраженія, онъ оканчиваетъ статью слѣдующимъ воззваніемъ: „Такъ, просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія, и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ,—нѣтъ! Сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки—и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ—спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь"... „Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ—просвѣщеніе!" (399—400; 402).

Разговоръ о счастіи. „Переписка Мелодора и Филалета" и „Нѣчто о наукахъ" отличаются свѣтлымъ колоритомъ: всѣ диссонансы въ природѣ, всѣ неурядицы и катастрофы въ мірѣ нравственномъ авторъ старается примирить, затушевать, какъ настоящій послѣдователь оптимизма; но всего рѣзче и полнѣе оптимистическое направленіе Карамзина выразилось въ „Разговорѣ о счастіи" тѣхъ же двухъ друзей Мелодора и Филалета. Какъ въ Перепискѣ, Мелодоръ представляется пессимистомъ, Филалетъ—оптимистомъ.

Мелодоръ. „Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ философами, съ сердцемъ своимъ—и готовъ спрыгнуть съ земного шара" (478).

Филалетъ. Я помню слова одного философа. „Есть ли счастіе?" спросилъ у него любопытный человѣкъ.—Люди съ начала міра ищутъ его и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно... „Слѣдственно его нѣтъ?" сказалъ любопытный.—Однакожъ, про-

должалъ мудрецъ, если бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ и все ищутъ, то надобно... „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный.—Рѣши самъ! отвѣчалъ философъ; завернулся въ свою мантію и замолчалъ.

Мелодоръ. Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этого философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное счастіе въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

Филалетъ. Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ! (479—480).

Богу не угодно было даровать человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни; оно невозможно по образованію души нашей... Но если счастіе состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мелодоръ. Какъ же я буду доволенъ, когда...

Филалетъ. Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами природы и мудрости (483).

Я не люблю стоиковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю природу и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами: она дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны (484).

Натура употребила со своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе.... Природа не виновата, если мы несчастливы и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. Человѣкъ долженъ быть творцомъ своего благополучія, приводя страсти въ счастливое равновѣсіе, и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій (490—491).

Истинный философъ или (что все одно) истинно благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому (498).

Люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ природѣ и произвольно отдаться подъ ея законъ, который велитъ жить и работать; надобно, чтобы трудъ, отдыхъ, забава были также тремя главными эпохами жизни ихъ.... Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника (499).

Чернить нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти многіе почитаютъ философіею, но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой философіи! Люди дѣлаютъ много зла—безъ сомнѣнія—но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ просвѣщенія, виною дурныхъ дѣлъ (502 стр.).

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку—въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу—въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то быть счастливымъ есть.... быть добрымъ“ (503).

Но Карамзинъ не остался навсегда вѣренъ этой утѣшительной системѣ, изложенной имъ въ 1797 г. Въ 1803 г., слѣдовательно чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого, онъ уже возставалъ противъ оптимизма, какъ противъ утопіи или игры ума, въ своей статьѣ: „О счастливѣйшемъ времени въ жизни“ (1). „Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшалъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство. Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны—въ общемъ планѣ, быть можетъ; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума: философія занимается только ясными исти-

(1) Сочин. Карамз. т. III, 327—331.

нами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія.—Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ. Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки" (327—328). Но, возставая противъ оптимизма, Карамзинъ не вдается въ другую противоположную крайность, въ какую впадали пессимисты. „Однакожъ, продолжаетъ онъ, слова: благо и счастіе справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо! одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!—Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но—послѣднюю степень физической зрѣлости—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе предъ началомъ увяданія..... Не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися!" (328—329; 331).

О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей. Рѣшается вопросъ, откуда взять учителей въ новыя училища? Карамзинъ думаетъ, что „Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особенно педагоговъ". На дворянъ надежда еще плоха. „Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства чрезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не

для успѣховъ самой науки, не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородны не думаютъ, что пыльный генеалогическій свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но если и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на профессорскую каѳедру? хотя—признаюсь—я душевно бы обрадовался первому феномену въ семъ родѣ" (III, 343—344).

Что нужно автору? Здѣсь выражается идеалъ писателя,—идеалъ этотъ вытекаетъ изъ нравственной философіи. Если Цицеронъ говорилъ: Nemo orator, nisi vir bonus, то Карамзинъ это требованіе прилагаетъ вообще во всякому писателю. „Говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый проницательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя". (III, 370). Это требованіе совершенно, разумѣется, справедливо: конечною цѣлью всякой человѣческой дѣятельности должно быть нравственное усовершенствованіе человѣка.

Моя исповѣдь. Въ статьѣ „Моя исповѣдь" Карамзинъ изображаетъ типъ (сатирическій) образованныхъ людей того времени, получившихъ иностранное воспитаніе и живущихъ на иностранный манеръ.

Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: „для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели?"... Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ своего языка? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному" (т. III, 527).

О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи. Здѣсь находится очень теплое воспоминаніе о Новиковѣ, который первый сталъ заботиться о печатаніи и распространеніи книгъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что, по отзыву книгопродавцевъ, всего болѣе расхо-

тся романы. При этомъ онъ защищаетъ чтеніе романовъ. „На-
ꙗсно, говоритъ онъ, думаютъ, что романы могутъ быть вредны
я сердца: всѣ они обыкновенно представляютъ славу добродѣтели
и нравоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры
нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же
и приманчивы? Нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми
торъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ
ѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не уго-
шь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ
когда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся?
ыкновенно чувствительные: слезы, проливаемыя читателями, те-
тъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дур-
ıе люди и романовъ не читаютъ" (III, 549—550).... Теперь въ
рашной модѣ Коцебу, и какъ нѣкогда парижскіе книгопродавцы
ебовали „Персидскихъ писемъ" отъ всякаго сочинителя, такъ
ши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ авто-
въ Коцебу, одного Коцебу" (стр. 548). „Прежде торгаши ѣзжали
деревнямъ съ лентами и перстнями; нынѣ ѣздятъ они съ уче-
ımъ товаромъ, и хотя по большей части сами не умѣютъ читать,
, желая прельстить охотниковъ, разсказываютъ содержаніе ро-
ıновъ и комедій, правда по своему и весьма забавно" (стр. 547).

Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени (1802 г.).
ь этой статьѣ Карамзинъ прежде всего говоритъ о томъ, какую
льзу принесла французская революція. „Революція объяснила
еи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ
мыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть
о есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что,
вбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою
асныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновен-
ıхъ злоупотребленій власти; что самое турецкое правленіе лучше
архіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ
трясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета
четъ предписывать новые законы нравственному и политическо-
міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе
и менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія
евности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть за-
ıнена никакою силою ума; что одно время и благая воля закон-
ıхъ правительствъ должны исправить несовершенства граждан-
ихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени
къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно,
виноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя.
анцузская революція, грозившая ниспровергнуть всѣ правитель-
ва, утвердила ихъ" (III, 585—586).... „Прежде сей эпохи вся-

кая дерзкая книга была модною: нынѣ, напротивъ того, пи
боятся оскорбить нравственность, ибо передъ всякимъ жива
на бѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ" (стр.
Упомянувъ о томъ, что Россія находится нынѣ въ хороше
стояніи, онъ говоритъ: „Но патріотизмъ не долженъ ослѣ
насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка,
слѣпая страсть; и жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотря
вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорош
вѣчно жалуются, мы не хотимъ увѣрять себя, что Россія
дится уже на высочайшей степени блага и совершенства"
591).... „Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ: но счас
кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители,
вляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединить к
и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для
стія. Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому н
нику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставником
натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ ник
гой не имѣетъ" (стр. 593—594).

Рѣчь въ Россійской Академіи 5 Декабря 1818 г., по в Карамзина въ члены. ...„Успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ
о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка
весности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя с
его образованія, умъ и чувствительность къ изящному" (III.
Указавъ заслуги Россійской Академіи по изданію Словаря
рамзинъ одною изъ задачъ ея ставитъ—„посвятить часть до
своихъ критическому обозрѣнію Россійской Словесности" и
няетъ далѣе, какими свойствами должна отличаться критика.

Сообразно съ своимъ добрымъ характеромъ Карамзинъ
валъ критики снисходительной, совѣтовалъ слѣдовать „пр
внушаемому намъ и любовію къ добру и самою любовію къ
ному: *болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать
осудить можно*. Иногда чувствительность бываетъ безъ дар
но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно
ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что д
хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишне строгая крити
юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ" (III, 64

Разсуждая далѣе о подражаніи русскихъ писателей ино
нымъ. Карамзинъ доказываетъ, что это подражаніе сдѣлалось
бѣжнымъ послѣ реформы Петра, который сдѣлалъ насъ подо
другимъ европейцамъ, и—не находитъ это подражаніе ду
потому что, если производится въ мѣру и благоразумно,
уничтожаетъ народности, которая и въ обще европейскомъ
и даже должна обнаружиться неизбѣжно. „Связь между
древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася на вѣки (т. е.

мы). Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ
ишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они чи-
; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ по-
стномъ, взаимномъ сближенiи народовъ, которое есть слѣд-
самаго ихъ просвѣщенiя. Красоты особенныя, составляющiя
геръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ:
я измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россiянъ:
учше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно идти
 другихъ, то можемъ идти рядомъ съ другими къ цѣли все-
 для человѣчества, путемъ своего вѣка. Тамъ нѣтъ *бездуш-
юдражанiя*, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и *общимъ*
мъ времени; тамъ есть *особенность личная* или характеръ,
 новый, подобно какъ всякое творенiе физической природы
тъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но
ъ свое частное знаменiе. Съ другой стороны, Великiй Петръ,
ивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго: для то-
 что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть
ержцевъ имѣетъ предѣлы.—Сходствуя съ другими европей-
 народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ спо-
стяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно ино-
личить россiянина отъ британца, но всегда отличимъ рос-
 отъ британцевъ: *во множествѣ* открывается *народное*. Сiю
 отнесемъ и къ словесности: будучи зерцаломъ ума и чув-
народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особен-
езамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя
 французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они
лятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца
го, есть игра ума русскаго въ произведенiяхъ нашей сло-
ти, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣй-
 успѣхахъ. Молодые писатели не рѣдко подражаютъ у насъ
нымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не
ъ великихъ образцевъ искусства: если бы сiи писатели не
 творцевъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? подражали бы сво-
ю и тогда списки ихъ остались бы бездушными. А кто рож-
ъ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ под-
iемъ, свойственымъ юной слабости, будетъ наконецъ самъ
—оставитъ путеводителей, и свободный духъ его, какъ орелъ
венный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ".
549—651).

тихотворенiя Карамзина. Стихотворенiя Карамзина ничѣмъ
ымъ не отличаются. Они содержатъ мысли, взгляды и суж-
умнаго человѣка, изложенныя въ легкихъ и стройныхъ сти-
Въ нихъ, какъ въ прозаическихъ сочиненiяхъ, развивается
 успокаивающее, примиряющее воззрѣнiе, какъ выраженiе

души кроткой и нѣжной, чуждающейся всего рѣзкаго и желаю всѣмъ счастія. Въ торжественныхъ одахъ, написанныхъ импе тору Александру, при восшествіи на престолъ, при коронаці на освобожденіе Европы отъ Наполеона, нѣтъ тѣхъ военныхъ к ковъ храбрости, геройства, грома побѣдъ, какіе раздавались одахъ прежнихъ поэтовъ, а кроткій призывъ къ просвѣщенію, наукѣ, къ внутренней тишинѣ и благоустройству. Въ императ Александрѣ онъ желалъ видѣть „генія покоя, героя дѣлъ мирны правоты святой“.

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды россійскія державы
Тебѣ для счастья вручены.
Ты будешь геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми—не мечъ—вѣсы Ѳемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой. (Соч. I, 201)

Идеалъ его—установившійся порядокъ и защита тишины спокойствія.

Въ правленьяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумцу съ дерзкими руками.
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ. (Соч. I., 253).

Стихотворенія Карамзина, по замѣчанію Грота, предста ютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интер какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко искренняго человѣка. Всякій разъ, когда онъ выражалъ любимыя свои мысли, стихи принимаютъ отпечатокъ одушевленія... Обыкновенная тема по Карамзина—любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, тость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинам богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ. Нѣкоторыя ст творенія, между прочимъ пѣсни въ формѣ романса, особенно вились современникамъ, каковы: „Законы осуждаютъ пред моей любви; но кто, о сердце, можетъ противиться тебѣ“— повѣсти: „Островъ Борнгольмъ“; „Раиса. Древняя баллада“ (тьмѣ ночной ярилась буря; сверкалъ на небѣ грозный луч „Веселый часъ“ („Братья, рюмки наливайте! лейся черезъ вино“); „Прости“ („Кто могъ любить такъ страстно, какъ я билъ тебя“). Они переложены были на ноты и распѣвались

всюду; они вошли въ пѣсенники и сохранились до позднѣйшаго времени. Нѣкоторыя мысли, хотя довольно обыкновенныя, но выраженныя легкими стихами, долго были ходячими пословицами въ обществѣ, какъ напр.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ.
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока. (I, 4)

Исторія Государства Россійскаго. Капитальную заслугу Карамзина предъ русской наукой и литературой составляетъ то, что онъ написалъ „Исторію Государства Россійскаго". Исторія эта доведена Карамзинымъ до 1611 г. и состоитъ изъ 12-ти томовъ. Карамзинъ смотрѣлъ на исторію такъ же, какъ смотрѣли въ эпоху Ломоносова и самъ Ломоносовъ—съ патріотической точки зрѣнія, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и для назиданія потомковъ, когда образцами для историковъ служили еще классическіе историки, Геродотъ и Титъ Ливій.

Въ предисловіи къ исторіи (въ 1815 г.) онъ говоритъ: „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная и необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная страсть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ и согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе. Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества... Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить,

ни охуждать его. Мы всѣ граждане—въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть; сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла и Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда мы знаемъ, что̀ въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины предъ нами". Представляя свою Исторію императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ 1816 г., онъ характеръ и направленіе ея выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я писалъ съ любовію къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности". Дѣйствительно, нравственный идеалъ господствуетъ во всей исторіи. Съ точки зрѣнія этого идеала оцѣниваются всѣ историческіе дѣятели. Описывая дѣянія древне-русскихъ князей и царей, Карамзинъ преимущественно изображаетъ добродѣтельные подвиги. Онъ одобряетъ ту политику, которая согласна съ естественною справедливостью. Это особенно выражено при оцѣнкѣ дѣятельности Іоанна Калиты. Прославляя его за утвержденіе великокняжеской власти, Карамзинъ не прощаетъ ему убіенія Александра Тверскаго, потому что „правила нравственности выше всѣхъ иныхъ и служатъ основа̀ніемъ истинной политики". По поводу замысла Казиміра убить Іоанна III, онъ говоритъ: „никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны такъ поступать, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами". Поэтому онъ особенно строгому суду подвергаетъ Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Лжедимитрія, Басманова, Шуйскаго. „Превосходя всѣхъ вельможъ дарованіями, Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели; видѣлъ въ ней не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодно, — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи его добрую славу". Карамзинъ назвалъ свою исторію „Исторіей Государства Россійскаго". Онъ изображаетъ въ ней, какъ образовалось государство россійское, какъ установился въ немъ государственный порядокъ. Государственный порядокъ невозможенъ безъ самодержавія, которое даетъ государству единство,

могущество, независимость; поэтому исторія преимущественно слѣдитъ за возникновеніемъ, развитіемъ и утвержденіемъ самодержавія; поэтому тѣ эпохи, лица и событія, которыя способствовали торжеству этого начала, изображаются съ особенною подробностью. Эпоху Іоанна III онъ считаетъ эпохою высшаго развитія самодержавія, а въ лицѣ самого Іоанна III онъ видитъ идеалъ самодержавнаго монарха.

Въ связи съ Исторіей Карамзина стоитъ его „Записка о древней и новой Россіи“, въ которой онъ высказалъ свой взглядъ на современное ему состояніе Россіи и представилъ свои сужденія о государственныхъ реформахъ въ царствованіе императора Александра. Записка эта служитъ дополненіемъ и поясненіемъ Исторіи Государства Россійскаго.—При всѣхъ реформахъ у Карамзина на первомъ планѣ стоитъ уваженіе къ прошедшему и настоящему Россіи; для него дороги историческія основы народнаго быта; поэтому онъ хочетъ примиренія стараго съ новымъ, а не разрушенія перваго вторымъ. Для государства полезно удовлетворять только исторически возникшимъ потребностямъ государственной жизни, но положительно вредно вводить реформы, несогласныя съ коренными ея основами. Карамзинъ является консерваторомъ въ полномъ значеніи этого слова. Консервативная точка зрѣнія заставила его измѣнить свой прежній космополитическій взглядъ на реформу Петра, высказанный имъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“. Онъ порицаетъ Петра за неумѣренную страсть подражать европейскимъ народамъ въ ущербъ народному духу: „Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ. Онъ есть не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Государство можетъ заимствовать отъ другаго разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе... Съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, мы утратили гражданскія. Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи“.—Въ новой исторіи образцемъ государственной мудрости Карамзинъ признаетъ царствованіе Екатерины II. „Едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшимъ для гражданина Россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время“. Съ той же консервативной точки зрѣнія Карамзинъ смотрѣлъ и на современную ему законодательную дѣятельность Сперанскаго. Онъ осуждаетъ реформы Сперанскаго за ихъ по-

спѣшность, за излишнее уваженіе формъ государственной жизни, въ ущербъ ея содержанію. Эти реформы созидались не на исторической почвѣ, вызывались не дѣйствительными потребностями страны, а возникли изъ подражанія Европѣ. Онѣ не были прямыми, необходимыми результатами изученія Россіи, а возникли изъ теоретическихъ кабинетныхъ размышленій. Реформы Сперанскаго безцеремонно обращались съ тѣмъ, что выработалось цѣлыми вѣками народной жизни; исправляя старое дурное, онѣ не рѣдко захватывали и хорошее. Хорошее гражданское устройство, по мнѣнію Карамзина, зависитъ не отъ учрежденій, не отъ формы правленія, но отъ хорошихъ правителей, умныхъ, честныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей. Это совершенно справедливо, что самыя хорошія учрежденія не принесутъ пользы, если не будетъ хорошихъ дѣятелей, но такъ же справедливо и то, что хорошихъ дѣятелей могутъ создать только хорошія свободныя учрежденія и могутъ дать имъ возможность безпрепятственно исполнять законъ и достигать предуставленныхъ цѣлей.

Критика находила въ исторіи Карамзина разные недостатки: взглядъ на событія у Карамзина не всегда соотвѣтствуетъ тому времени, въ которое совершались событія; о прошедшихъ событіяхъ и лицахъ онъ судитъ иногда по понятіямъ своего времени; въ исторіи нѣтъ строгаго характеристическаго разграниченія между разными эпохами: древній бытъ и лица древнихъ временъ не отличены ясными, опредѣленными чертами отъ быта позднѣйшаго и лицъ, жившихъ во времена, болѣе близкія къ намъ; наконецъ Карамзинъ въ своей исторіи обращаетъ больше вниманіе на внѣшнія событія (на сношенія Россіи съ другими государствами, на войны и договоры), чѣмъ на внутреннія (на состояніе просвѣщенія и литературы, на нравственный бытъ и семейную жизнь). Но тогда еще всѣ такъ писали исторію; государство и государственная жизнь стояли на первомъ планѣ; исторія народа съ его умственными и нравственными интересами явилась послѣ. Древне-русская жизнь вообще развивалась очень медленно,—была однообразна и дѣйствительно мало представляла различія въ разныя эпохи историческія. Вообще, чтобы правильно оцѣнить Карамзина, надобно судить его, какъ и всякаго писателя, по тому времени, когда онъ писалъ, и по тѣмъ средствамъ, какія были у него подъ руками. Русская исторія до Карамзина находилась еще въ зачаточномъ состояніи: древнія лѣтописи не только не были объяснены, но даже не были изданы ученымъ образомъ; многіе важные документы историческіе лежали по монастырямъ и архивамъ; Карамзинъ критически разсмотрѣлъ всѣ извѣстные до него документы; самъ собралъ множество новыхъ историческихъ матеріаловъ, перечиталъ и сравнилъ ихъ съ другими. Каждая глава его Исто-

ріи содержитъ въ себѣ множество обширныхъ ученыхъ примѣчаній, которыя долго будутъ составлять самый важный источникъ для всякаго рода историческихъ изслѣдованій. Кромѣ того, Карамзинъ умѣлъ живописно и занимательно изображать историческія лица и событія, и языкомъ, образцовымъ по тому времени. „Литература всѣхъ народовъ, говоритъ Гротъ, едва ли представляетъ много примѣровъ труда, который, въ данныхъ условіяхъ, былъ бы совершонъ съ такою настойчивостью и съ такимъ успѣхомъ. Пусть его исторія представляетъ свои слабыя стороны; пусть онъ въ пониманіи своей задачи не достигъ еще той высоты, на которую стала наука въ наше время; можетъ быть, не вполнѣ обнималъ связь событій, не довольно глубоко проникалъ въ смыслъ явленій. Не забудемъ, что въ исторической наукѣ западной Европы тогда еще господствовали тѣ же взгляды, которыми онъ руководствовался. Обратимъ вниманіе на изумительную основательность и добросовѣстность его изслѣдованій, на безконечную массу имъ собранныхъ и имъ-же въ первый разъ разработанныхъ рукописныхъ матеріаловъ, на прекрасные пріемы его во всѣхъ подробностяхъ труда, наконецъ на достоинство его исторической критики, хотя еще и не совершенной, однакожъ замѣчательно здравой и многообъемлющей. Вѣрность и точность сообщаемыхъ имъ фактовъ, богатство, полнота и система его примѣчаній, художественное воплощеніе сухихъ лѣтописныхъ сказаній въ образы, по большей части вѣрные дѣйствительности, всегда яркіе и полные жизненной теплоты, наконецъ, наглядность его и во внутреннемъ распорядкѣ,—все это ставитъ исторію Карамзина на такую высоту, съ которой не сведутъ ее никакіе послѣдующіе труды, и дѣлаетъ ее навсегда необходимымъ пособіемъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей“ (1).

Реформа Карамзина въ области языка и слога. Карамзинъ далъ въ своихъ сочиненіяхъ образцы новаго литературнаго языка. „Вознамѣрясь выйти на сцену, говорилъ онъ Каменеву, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его дикій, варварскій, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ

(1) Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, составленный академикомъ Я. К. Гротомъ къ торжественному собранію Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 г. Сборн. 2 отд. Акад. Наукъ, томъ I.

кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе". Это, впрочемъ, не значитъ того, чтобы Карамзинъ, какъ говорили прежде, „сблизилъ русскій языкъ съ тѣми европейскими языками, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку", чтобы онъ въ строеніи своей рѣчи примѣнялся къ французскому и англійскому синтаксису; замѣчая, что въ другихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столь удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Воспитанный на произведеніяхъ французской и англійской литературы, онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, подражалъ ея образцовымъ писателямъ; признавалъ необходимость прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ, особенно когда русскій языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей. Это мы особенно замѣчаемъ въ его раннихъ произведеніяхъ. Въ первыхъ также произведеніяхъ мы встрѣчаемъ его нерасположеніе къ славянскому языку, но когда онъ началъ заниматься русской исторіей, то чтеніе лѣтописей и другихъ памятниковъ древней славянской литературы помирило его съ славянскимъ языкомъ, и онъ въ приличныхъ мѣстахъ сталъ употреблять церковно-славянскія выраженія. Но Карамзинъ имѣлъ вліяніе не на одинъ только языкъ, какъ на словесное выраженіе мысли, но и на слогъ. Правда, во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя; этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни онъ самъ, ни его противники; но тѣмъ не менѣе это различіе существовало. Слогъ есть выраженіе личности, характера писателя; слогъ Карамзина есть выраженіе склада и направленія его духовныхъ способностей: онъ былъ новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. „Можно прибавить, говоритъ Гротъ, что въ его слогѣ выразилась также потребность въ гармоніи, музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ въ прозѣ, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе". (¹) Этотъ новый

(¹) Филологическія разысканія I. 10С.

языкъ и слогъ Карамзина не понравился писателямъ старой школы Ломоносовской, когда въ языкѣ преобладала славянская стихія, а въ слогѣ латино-нѣмецкій строй рѣчи. Въ 1803 г. вышло извѣстное „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ Шишкова, поднявшее цѣлую бурю въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ и вмѣстѣ съ языкомъ и слогомъ затронувшее много другихъ вопросовъ о характерѣ нашего образованія и литературы. Это тотъ самый Шишковъ, который въ эпоху отечественной войны 12-го года явился такимъ горячимъ патріотомъ и защитникомъ русской народности и историческія заслуги котораго поэтъ отмѣтилъ такимъ прекраснымъ стихомъ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

А. С. ШИШКОВЪ.

Александръ Семеновичъ Шишковъ([1]) род. въ 1754 г. Онъ получилъ религіозное и патріотическое воспитаніе и вѣроятно еще въ дѣтствѣ познакомился съ церковными книгами, откуда и пріобрѣлъ такую страстную любовь къ славянскому языку. Научное образованіе онъ получилъ въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ директоромъ былъ его родственникъ Кутузовъ, хорошо знавшій нѣмецкій и французскій языкъ и любившій въ тоже время и русскую литературу. Шишковъ и самъ, вмѣстѣ съ спеціальнымъ морскимъ образованіемъ, вынесъ изъ корпуса любовь къ литературѣ. Съ 1771 г. началась его тяжелая морская служба, въ которой выработался его трудолюбивый, честный и твердый характеръ. Онъ былъ въ разныхъ экспедиціяхъ, въ разныхъ мѣстахъ. Въ бытность въ Италіи онъ выучился итальянскому языку и впослѣдствіи перевелъ поэму Тасса. Путешествуя по Греціи, онъ видѣлъ, какъ французы въ портѣ Мандра (близъ Аѳинъ) не оставили ни одной часовни, чтобы не обезобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательскихъ надписей. Этотъ фактъ и вообще ужасы французской революціи возбудили въ немъ ненависть къ французамъ и французскому образованію. При императорѣ Павлѣ онъ сдѣланъ былъ вице-адмираломъ. Шишковъ рано началъ заниматься литературой; онъ не былъ поэтомъ, но у него была живая фантазія; онъ любилъ особенно религіозную и героическую поэзію; образцами ея были для него сочиненія Ломоносова, Сумарокова и

([1]) Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова въ 17 томахъ, изд. въ 1818—1839. Характеристика Шишкова въ Воспоминаніяхъ Аксакова, т. 2. Его жизнь и дѣятельность въ сочиненіи Стоюнина: А. С. Шишковъ. Спб. 1880.

Державина. По совѣту директора Академіи Наукъ, Домашнева, онъ перевелъ съ нѣмецкаго „Дѣтскую библіотеку“ Кампе, состоявшую изъ поучительныхъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ и пользовавшуюся долго большою популярностію въ педагогическомъ мірѣ. Въ 1796 г. онъ былъ выбранъ въ члены Академіи Россійской, обязанностію которой было блюсти чистоту русскаго языка. Естественно, что Шишковъ съ самымъ горячимъ усердіемъ принялся за это дѣло. Въ средѣ молодыхъ писателей, думавшихъ подражать легкой рѣчи Карамзина, было много такихъ, которые мыслили по французски и уродовали русскій языкъ разными нелѣпыми галлицизмами. Это вызвало сильный протестъ Шишкова противъ новаго языка въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“. Протестъ получилъ особенную силу потому, что Шишковъ съ вопросомъ о языкѣ связывалъ тѣсно вопросъ объ иностранномъ воспитаніи и образованіи. „Какое знаніе, говоритъ онъ, мы можемъ имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ самымъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются“. Чрезъ министра народнаго просвѣщенія Шишковъ представилъ свою книгу императору Александру и получилъ отъ него одобреніе. Академія присудила ему за нее золотую академическую медаль. Это одобреніе еще болѣе усилило его дѣятельность. Съ 1805 г. начали выходить сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею; здѣсь Шишковъ печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи, изъ коихъ наиболѣе замѣчателенъ „Разборъ примѣчаній къ Слову о полку Игоревѣ“, незадолго передъ тѣмъ найденному и напечатаному графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и переводъ этого Слова. Въ 1807 г. онъ предложилъ дѣлать частныя собранія россійской словесности, которыя потомъ въ 1810 г. превратились въ опредѣленное общество— „Бесѣду любителей русскаго слова“. Бесѣда издавала свои „Чтенія“. Для этой Бесѣды въ концѣ 1811 года Шишковъ написалъ „Разсужденіе о любви къ отечеству“, въ которомъ выразилось его горячее чувство патріотизма. Это „Разсужденіе“ было какъ нельзя болѣе благовременно. Наступила отечественная война. Прочитавъ разсужденіе, императоръ Александръ увидѣлъ, что въ настоящее время нуженъ именно такой человѣкъ, т. е. такой пламенный патріотъ, умѣющій выражать свои мысли и чувства литературнымъ и тор-

жественнымъ языкомъ. Призвавъ къ себѣ Шишкова, онъ сказалъ: „Я читалъ ваше Разсужденіе о любви къ отечеству; имѣя такія чувства, вы можете быть полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я желалъ бы, чтобы вы написали о томъ манифестъ". Съ этого манифеста началась общественная дѣятельность Шишкова, въ которой вполнѣ отразился его характеръ. Основными чертами его характера были религіозность и патріотизмъ. Онъ былъ глубоко религіозенъ и въ дѣлѣ вѣры не допускалъ никакихъ разсужденій, а тѣмъ болѣе измѣненій, и свято исполнялъ всѣ обязанности церкви, какъ вполнѣ вѣрный и послушный сынъ ея. Отсюда у него ненависть къ всѣмъ новымъ ученіямъ; отсюда преслѣдованіе мистиковъ, масоновъ и Библейскаго общества. Несомнѣнно также, что онъ искренно любилъ отечество; но его любовь была односторонняя; она вся обращена къ прежнему, къ прежнимъ нравамъ и обычаямъ. Онъ заботился только о сохраненіи того, что было, но не допускалъ ничего новаго, не допускалъ никакого развитія: это было какое-то старообрядчество. На служебномъ поприщѣ онъ былъ образцовый чиновникъ; но онъ не могъ быть государственнымъ человѣкомъ, потому что его идеалы были въ прошедшемъ. Онъ былъ вѣрный слуга царя и всякой власти, но въ тоже время не способенъ къ уступчивости во всемъ, что касалось его убѣжденій и чувствъ, которыя онъ считалъ для себя священными. Сдѣлавъ его статсъ-секретаремъ, государь взялъ его съ собою въ Вильно. Здѣсь онъ писалъ всѣ самые важные приказы арміямъ и рескрипты главнокомандующему въ Петербургѣ Салтыкову по поводу вступленія непріятеля въ наши предѣлы; воззваніе и манифестъ о всеобщемъ ополченіи, отъ котораго встрепенулась и пришла въ движеніе вся Россія; нѣсколько манифестовъ и рескриптовъ, въ которыхъ заключались распоряженія государя по ополченіямъ; извѣстіе объ оставленіи Москвы, которое было написано необыкновенно сильно и все было проникнуто непоколебимою вѣрою въ силы русскаго народа; вѣсти изъ Москвы, гдѣ описываются подвиги варваровъ-французовъ, рескриптъ Кутузову объ оставленіи Москвы—составляютъ ту незабвенную историческую заслугу предъ Россіей, за которую поэтъ память его назвалъ дорогою. Своими пламенными рѣчами онъ безъ оружія совершалъ подвиги; въ бѣдственную годину онъ воодушевлялъ всѣхъ, поддерживалъ унывающихъ и падающихъ духомъ. Самъ Александръ находилъ въ нихъ бодрость и мужество.

Съ удаленіемъ непріятеля изъ Россіи окончилась патріотическая дѣятельность Шишкова. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Вѣну, на Вѣнскій конгрессъ, имп. Александръ назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Все вниманіе теперь онъ обратилъ на Россійскую Академію. Сдѣлавшись, по смерти Нартова, ея прези-

дентомъ, онъ выпросилъ для нея новый окладъ, чтобы поднять ея значеніе. Ему первому пришло на мысль привлечь ученыхъ другихъ славянскихъ земель къ своему дѣлу, завязать съ ними связь чрезъ науку, изученіемъ славянскаго языка напомнить имъ объ общемъ родствѣ. Еще въ 1813 г.—проживъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ, онъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и аббатомъ Добровскимъ, который составлялъ тогда грамматику славянскаго языка. Въ 1817 г. въ рескриптѣ на имя графа Остермана, получившаго отъ Чеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ ихъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ, и когда импер. Александръ вычеркнулъ это выраженіе, Шишковъ замѣтилъ ему на это: „мнѣ кажется, мы можемъ назвать ихъ соплеменниками, потому что они нашимъ нарѣчіемъ говорятъ"; на это Александръ отвѣчалъ: „подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды". Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать нашего родства съ другими славянами, Шишковъ первый протянулъ имъ руку. По его предложенію Академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ Неіедли, Добровскаго, Ганку: чрезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Милетичемъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ библіотеки Вѣнскую и Пражскую изданія Россійской Академіи, въ особенности же указывалъ имъ Академическія Извѣстія, гдѣ печаталось его корнесловіе. Въ свою очередь и славянскіе ученые присылали чрезъ Шишкова въ Россійскую Академію свои труды. У Шишкова была даже мысль открыть славянскія каѳедры при русскихъ университетахъ; но въ то время трудно было привести её въ исполненіе по недостатку русскихъ ученыхъ. Только въ 1820 г. Востоковъ обратилъ вниманіе всѣхъ на славянскій языкъ своимъ разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ ([1]). Въ 1824 г Шишковъ сдѣланъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и занималъ эту должность до 1827 г. Въ эти годы его дѣятельность получила суровый и можно сказать фанатическій характеръ; она выразилась въ составленіи чрезвычайно строгихъ правилъ о цензурѣ; въ преслѣдованіи Библейскаго общества, доходившемъ до того, что подвергнутъ былъ запрещенію Катихизисъ митрополита Филарета за то, что слова текста священнаго Писанія были приведены по русски, а не по славянски, и въ другихъ крутыхъ мѣрахъ, которыя и дали министерству просвѣщенія названіе министерства затемненія. Оставивъ постъ министра, Шишковъ жилъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь своимъ корнесловіемъ. Прекрасную характери-

---

([1]) В. Стоюнинъ: Ал. С. Шишковъ, стр. 257—260. Разс. Востокова напечатано въ 17-й части «Трудовъ Общ. Любителей Росс. Словесности при И. Московскомъ У-тѣ».

стику Шишкова, какъ частнаго человѣка въ домашнемъ его быту, сдѣлалъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". „Тутъ узналъ я, разсказываетъ онъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Шишковымъ, что этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпаго подражанія иностранному—былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый совѣтъ въ адмиралтействѣ да свой кабинетъ, въ которомъ коптѣлъ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Дарьѣ Алексѣевнѣ (его жена), которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ француза-гувернера и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа; что родные его жены (Хвостовы), часто у ней гостившіе, сама Дарья Алексѣевна и племянники говорили при дядѣ всегда по-французски. Я разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несходство слова съ дѣломъ!... Признаюсь, смущало меня и то, что у православнаго Шишкова—жена лютеранка". „Вообще Александръ Семеновичъ и его достопочтенная супруга, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, служили предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ зубоскаловъ, которые потѣшали публику нелѣпыми о нихъ разсказами. Исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французскаго направленія, очень не нравились большинству высшей публики, и всякій, кто осмѣивалъ этого старовѣра и славянофила, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Впрочемъ, надобно признаться, что Шишковъ былъ находка, кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разсѣянность, невѣроятная забывчивость и неузнаваніе людей самыхъ короткихъ, несмотря на хорошее зрѣніе, его постоянное устремленіе мысли на любимые свои предметы служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали, будто онъ на серьезный вопросъ одного государственнаго сановника отвѣчалъ текстомъ изъ Свящ. Писанія и цитатами изъ старинной рукописи, которая тогда его исключительно занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ ней иногда, какъ съ посторонней женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну. Я не считаю, впрочемъ, этого невозможнымъ". Въ 1829 г. онъ женился во вто-

рой разъ. Новая жена его была полька. „Заклятый врагъ католиковъ и поляковъ, онъ былъ окруженъ ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей самонадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ запросто". „Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшнаго и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ злоязычіе человѣческое. Но, откинувъ въ сторону всѣ разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго собрата, нельзя не сознаться, что проходя обширное многозначительное поприще службы въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ государства, начавъ съ морскаго кадетскаго корпуса, дойдя до высокаго мѣста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 г., Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу. Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга нерѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда.... На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ плѣнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ потому, что считалъ это увлеченіе вреднымъ... но онъ сдѣлалъ свое дѣло... Онъ открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816 г.), что „у Александра Семеновича много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливости, но есть много и правды". Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связанномъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще болѣе уваженія, хотя мало имѣлъ вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направленіе, за славянофильство, какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго былъ мученикомъ, онъ имѣетъ полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность".

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка. Подъ старымъ слогомъ Шишковъ разумѣлъ слогъ Ломоносова, Сумарокова, Державина и другихъ современныхъ писателей. Первымъ и самымъ важнымъ недостаткомъ новаго слога онъ считалъ исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ разсужденія онъ жалуется, что въ большей части нынѣшнихъ книгъ господствуетъ странный слогъ, и главную при-

чину этого видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, который онъ считалъ корнемъ и началомъ русскаго языка. „Всякъ, кто любитъ россійскую словесность и хотя нѣсколько упражняется въ ней, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему еллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники. Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка". „Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго и то еще чрезъ латинскій". Отыскивая причину этого, Шишковъ находитъ ее въ нашемъ воспитаніи и образованіи: „ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются. Будучи таковымъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искусство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя" (1). Волтеры, Жанъ-

(1) Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка. Спб. 1803. Стр. 1—2; 5—6.

Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры не научатъ насъ писать по-русски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы" (стр. 8—9). „Французы прилежаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить и писаніями своими прославиться на ономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобъ подобно имъ трудиться въ созиданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобъ найденныя ими въ ихъ языкѣ, ни мало намъ не сродныя, красоты перетаскивать въ свой языкъ..... Сумароковъ весьма справедливо разсуждаетъ о семъ:

Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ;
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе его рѣчей ты не вдавайся,
И свойственно себѣ словами украшайся. (Стр. 11—12).

Вторымъ недостаткомъ новаго слога Шишковъ считаетъ употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, меланхолія, миѳологія, рецензія, героизмъ, выходить на сцену. При этомъ онъ не одобряетъ знакомства Карамзина съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, о которыхъ онъ будто бы твердитъ на каждой страницѣ. Вмѣсто нихъ критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Крашенинникова, Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи словъ и рѣченій по иностранному образцу, какъ то: трогательный, занимательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттѣнокъ, страдательная рѣчь, гармоническое цѣлое и мн. др. Наконецъ Шишковъ указываетъ, какъ на неправильность новаго языка и слога, на то, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе, напр. на то, что слова развить, развитіе, утонченный, утонченность, переворотъ—стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ, подобно французскимъ développer, raffiné, révolution. Почему не сказать, вмѣсто: развитіе характера, прозябеніе

характера? Говорятъ—ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія (Цвѣтокъ на гробъ моего Агатова); для чего не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія прозябали. Французское influence переводятъ: вліяніе, и несмотря на то, что глаголъ вливать требуетъ предлога *въ*, вливать вино въ бочку, вливать въ сердце любовь, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: faire l'influence sur les esprits, дѣлать вліяніе на разумы. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: переворотъ, развитіе, утонченный, трогательно, занимательно и множество другихъ. По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово переворотъ, не догадаться, что оное значитъ révolution или по крайней мѣрѣ révolte. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: развитіе développement, утонченный raffiné, сосредоточить concentrer; трогательно touchant; занимательно interessant и т. д. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: брашно, требище, рясна, зодчество, доблесть, прозябать и наитствовать и тому подобныя, которыхъ они сроду не слыхивали" (стр. 23—28). Главная причина подражанія нынѣшнихъ писателей французамъ „состоитъ въ томъ, что они, читая французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ. Чтожъ до того? Неужъ ли безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ французы точно выразить не могутъ. Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробіе, чадолюбіе.... но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты. Гоняются ли они за нашими словами и говорятъ ли: mon petit pigeon, для того, что мы говоримъ: голубчикъ мой. Стараются ли они глаголъ приголубить выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени pigeon, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь*?.... Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія и проч. Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire? Я думаю, скоро, boire à longs traits, станутъ переводить: пить долгими чертами; il a epousé ma colère, онъ женился на моемъ гнѣвѣ" (стр. 44—46). Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, ни мало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе

свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ съ начала употреблялись. Итакъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами élégance!“ Далѣе Шишковъ подробно разбираетъ статью Карамзина: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“. Для доказательства всѣхъ своихъ положеній о языкѣ и слогѣ онъ представляетъ изъ Четьи-Миней цѣлое житіе трехъ святыхъ дѣвъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры; „слова и рѣчи, выписанныя изъ нынѣшнихъ сочиненій и переводовъ съ примѣчаніями на оныя; опытъ словаря, или слова и рѣчи, выписанныя изъ Священнаго Писанія для показанія знаменованія оныхъ; выписки изъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ въ тогдашней литературѣ“:

Въ 1804 г. Шишковъ издалъ „Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“. Оно заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на критику тогдашнихъ журналовъ, нападшихъ на разсужденіе о слогѣ, Московскаго Меркурія, издававшагося Макаровымъ, и Сѣвернаго Вѣстника, издававшагося Мартыновымъ. Въ 1810 г. онъ написалъ „Разсужденіе о краснорѣчіи Свящ. Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно“, читанное въ собраніи Россійской Академіи(¹). Въ этомъ разсужденіи онъ старается доказать тождество языковъ славянскаго и русскаго. „Откодѣ родилась, спрашиваетъ онъ, неосновательная мысль сія, что славенскій и русскій языкъ различны между собою? Ежели мы слово „языкъ“ возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ.... Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ происшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи?.... Возьмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которыхъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ.... Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ славен-

(¹) Изд. 1811 г. Спб.

скаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ, однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу" (¹). „Что значитъ раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. И такъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? Для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная единожды съ прямого пути, она непремѣнно должна попасть въ оныя. Какое намѣреніе полагать можно въ стараніе удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобы языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюду можетъ быть происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всячески помрачить оное" (²).

Отвращеніе къ славянскому языку и къ духовнымъ книгамъ Шишковъ ставитъ въ зависимость отъ иностраннаго воспитанія, какое получаютъ дѣти высшаго общества въ Россіи. Воспитываемыя у иностранныхъ учителей на иностранныхъ книгахъ, они отвыкаютъ отъ русскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всего русскаго, отъ вѣры и церкви, нравовъ и обычаевъ, отъ всего, что составляетъ русскую народность, и дѣлаются нерусскими. Эта мысль съ особенною силою раскрывается имъ въ его „Разсужденіи о любви къ отечеству". Воспитаніе, говоритъ онъ здѣсь, должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня математикѣ, механикѣ, физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ

(¹) Разсужд. о краснорѣчіи Св. П., стр. 41 и слѣд.
(²) Ibid. стр. 93—94.

хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! Она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуду иностранецъ возьметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ, воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ; а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ, а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей; пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ; а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего: каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое, и, сближа меня съ своими обычаями и нравами, удалитъ отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ за шагомъ, и тогда, когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ; тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сіи священныя чувствованія умрутъ, или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя, въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ не чувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ не виноватъ, что любитъ землю свою больше моей. Чтожъ, если положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, въ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы?... Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ щастіе или нещастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ

-оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость" ([1]).

Капитальная ошибка Шишкова состояла въ томъ, что онъ думалъ, будто русскій языкъ происходитъ отъ того славянскаго, на который переведены наши богослужебныя книги, что русскій языкъ и церковно-славянскій составляютъ одинъ и тотъ же, что различіе ихъ только въ моментахъ развитія и слѣд. раздѣлять ихъ на два отдѣльные языка невозможно. Если бы кто-нибудь указалъ эту ошибку Шишкова и доказалъ, что русскій языкъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ отъ славянскаго, а оба они вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями происходятъ отъ того старѣйшаго доисторическаго языка, который развѣтвился на разныя нарѣчія, что при переводѣ богослужебныхъ книгъ уже существовалъ и русскій языкъ самъ по себѣ, и слѣд. оба они находятся въ отношеніяхъ братскихъ, то не могло быть и рѣчи о томъ, что каждое церковно-славянское слово есть и русское слово, какъ утверждалъ Шишковъ, или что въ русскомъ языкѣ почти ничего не останется, если отнять отъ него всѣ славянскія слова. Но въ то время славянская филологія была еще такъ слаба, что не могла разрушить этой ошибки Шишкова. Противники его, повидимому соглашаясь съ основнымъ его положеніемъ о тождествѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, не хотѣли только признать выведенныхъ слѣдствій и доказывали, что русскій языкъ такъ далеко и давно отдалился отъ церковно-славянскаго, что долженъ считаться особымъ языкомъ. Не опровергнутый въ своемъ основномъ положеніи Шишковъ могъ защищаться даже съ успѣхомъ. Самъ Карамзинъ лично не принималъ участія въ спорѣ; да и большая часть недостатковъ въ языкѣ и слогѣ, на которые нападалъ Шишковъ, принадлежали не ему, а его неразумнымъ послѣдователямъ, которые, подражая ему, вдавались слишкомъ въ разныя крайности. Карамзинъ даже не считалъ Шишкова своимъ врагомъ. Когда Державинъ, приглашая его читать въ собраніи Академіи, упомянулъ о Шишковѣ, то онъ сказалъ, что ему будетъ весьма пріятно видѣть Шишкова, что онъ не только не сердитъ на него, забываетъ нападки, но напротивъ очень ему благодаренъ, потому что воспользовался многими его замѣчаніями. Въ свою очередь и Шишковъ оцѣнилъ Карамзина и относился къ нему съ уваженіемъ; онъ выбралъ Карамзина въ члены Россійской Академіи и присудилъ ему медаль отъ Академіи за его Исторію Государства Россійскаго. Споръ съ Шишковымъ вели и защищали новый языкъ и слогъ отъ его нападеній послѣдователи Карамзина, между которыми особенно замѣчательны были Макаровъ и Дашковъ.

([1]) Собр. соч. и пер. адмирала Шишкова. Ч. IV, стр. 180—188.

Петръ Ивановичъ Макаровъ (1765—1804) былъ родомъ изъ дворянъ Казанской губерніи. Въ 1795 г. онъ путешествовалъ по Англіи и по возвращеніи оттуда занялся литературой. Онъ написалъ: Россіянинъ въ Лондонѣ, или письма къ друзьямъ моимъ (въ 1795 г.); перевелъ съ французскаго: „Графъ де Сенъ-Меронъ, или новыя заблужденія сердца и ума“ (1799—1800) и Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи, Лантье (1801—1802). Когда Шишковъ напечаталъ свое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“, Макаровъ написалъ на него критику въ журналѣ „Московскій Меркурій“, который онъ издавалъ въ 1803 г. Защищая нововведенія Карамзина и его послѣдователей, онъ въ своей критикѣ возстаетъ противъ неподвижности въ языкѣ и доказываетъ необходимость внесенія новыхъ словъ и выраженій, съ развитіемъ новыхъ понятій. „Нѣтъ вещи, говоритъ онъ, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій, противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія. Что дѣлать? Искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало съ начала свѣта... Должно ли намъ винить Ѳеофана, Кантеміра и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о слогѣ предлагаетъ намъ теперь въ образецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за нравами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувствованія не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: „онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце“!.... Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне приняли много словъ отъ грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ. Французы приняли слова греческія, латинскія и даже итальянскія, для того что итальянцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ. Англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать?... Впрочемъ, мы не хотимъ оправдывать дурныхъ писа-

телей, которые, ссылаясь на хорошихъ, употребляющихъ иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ; такихъ людей очень много; по счастію никто не подражаетъ имъ. Сочинитель Разсужденія о слогѣ не любитъ даже и настоящихъ русскихъ словъ, если нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ.... Вмѣсто „вліяніе" онъ велитъ писать „наитствованіе", вмѣсто „развитіе" „прозябеніе понятій". Сочинитель Разсужденія о слогѣ, утверждая, что каждый народъ въ составленіи языка своего умствовалъ по собственнымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ отъ другаго народа, подаетъ оружіе на себя, ибо въ отношеніи къ обычаямъ и понятіямъ мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки, слѣд. хотимъ сочинять фразы и производить слова по своимъ понятіямъ, нынѣшнимъ, умствуя какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы. Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?..." ([1]).

Димитрій Васильевичъ Дашковъ (1788 — 1839), изъ дворянъ Рязанской губерніи, воспитанникъ Университетскаго пансіона и Московскаго университета, былъ нѣсколько времени министромъ юстиціи. Во время пребыванія въ Турціи при посольствѣ, онъ путешествовалъ по Греціи и собиралъ греческія антологическія стихотворенія, которыя потомъ напечаталъ (Цвѣты изъ греческой антологіи). Когда Шишковъ напечаталъ переводъ двухъ статей изъ Лагарпа со своими примѣчаніями, Дашковъ, будучи членомъ Арзамасскаго общества, написалъ разсмотрѣніе этихъ статей и примѣчаній Шишкова; а когда Шишковъ написалъ критику на разсмотрѣніе, Дашковъ написалъ антикритику: „О легчайшемъ способѣ возражать на критики" ([2]). Въ первой статьѣ онъ возстаетъ противъ смѣшенія русскаго языка съ церковно-славянскимъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, чтобы языкъ нашъ не былъ весьма близокъ къ славенскому и чтобы сей послѣдній не былъ главнымъ основаніемъ его; но не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же? Россійскій языкъ происходитъ отъ славенскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго, смѣшаннаго съ цельтскимъ или вельхскимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что французскій еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ корня своего, а мы на нашемъ никакихъ сочиненій не имѣли до временъ Петра Великаго; но языкъ, которымъ говорили мы, давно уже отдѣлился отъ славенскаго, введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ....

([1]) Сочиненія и переводы Петра Макарова, Томъ 1-й. Часть 2-я. Изд. 2-е 1817 г. Стр. 15—56. 21.

([2]) О легчайшемъ способѣ возражать на критики. Спб. 1811 г. Стр. 1—75.

Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ и притомъ испорчено 500-лѣтнимъ употребленіемъ?—Для чего не пишемъ мы такимъ же точно языкомъ, какимъ писана Библія? Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ.... Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго не есть доказательство и притомъ требуетъ большой осторожности. Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакоже быть русскимъ... Раздѣленіе господиномъ переводчикомъ мнимаго славенороссійскаго языка на три слога: высокій, средній и низкій, изъ коихъ къ первому относитъ онъ чистый славенскій языкъ, а къ послѣднему простонародный, противно имъ самимъ предполагаемому совокупленію сихъ двухъ языковъ, и тогда названіе „славенороссійскій" само собою уничтожается При Петрѣ Великомъ или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, т. е. по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора, а простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій, но исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу не существуетъ, да и существовать не можетъ.... Сравненіе, дѣлаемое господиномъ переводчикомъ между красотами славенскаго языка, переносимыми въ словесность нашу, и введеніемъ въ оную французскихъ выраженій, съ дубовою рощею, которую хотятъ вырубить, дабы вмѣсто оной насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, было бы очень кстати, если бы онъ подъ французскими выраженіями разумѣлъ токмо тѣ, которыя противны свойству языка нашего. Я согласенъ съ нимъ, что лучше, когда бы всѣ даже учебныя выраженія, безъ которыхъ мы теперь обойтиться не можемъ, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно изъ всѣхъ трудовъ его, что онъ, поступая согласно съ правилами своими, переводитъ почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдругъ обдумать? Не лучше ли тамъ, гдѣ дубовъ совсѣмъ нѣтъ, насадить хотя ольхъ, дабы сколько-нибудь имѣть тѣни. Я не защищаю тѣхъ, кои съ большимъ напряженіемъ силъ вырываютъ дубы, чтобы намѣсто ихъ

насадить осинъ: самое дѣйствіе ихъ показываетъ ихъ безразсудность, и въ семъ смыслѣ сравненіе господина переводчика совершенно справедливо. Но тамъ, гдѣ вѣтъ дубовъ, нельзя никому поставить въ порокъ, что онъ сажаетъ осины, только бы сажалъ ихъ къ сторонѣ, и оныя бы не дѣлали никакой пестроты съ главною частію рощи".

Вся литература тогдашняго времени раздѣлилась на двѣ стороны—защитниковъ Шишкова и послѣдователей Карамзина. Шишкова защищали нѣкоторые журналы, какъ „Сѣверный Вѣстникъ" и „Журналъ россійской словесности" Брусилова (1805). Но главнымъ центромъ борьбы была Россійская Академія, гдѣ Шишковъ былъ президентомъ, и „Бесѣда общества любителей россійской словесности". Бесѣда издавала свои „Чтенія", въ которыхъ печатались постоянно статьи, направленныя противъ новаго языка и слога. Въ засѣданіяхъ Академіи представлялись переводы иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ безъ перевода. Переводы эти не отличались искусствомъ и подавали противной сторонѣ только поводъ къ насмѣшкамъ, таковы напр.: авторитетъ—превосходство; адресъ—надпись: адъюнктъ—пріобщникъ; актеръ—лицедѣй; аллея—прохожь, просадь; анаграмма — буквопредложеніе; антипатія—противустрастіе; аудиторія—слушалище; аудіенція—пріемъ. Школу Карамзина составляли всѣ молодые писатели. Органами этихъ карамзинистовъ были Драматическій Журналъ и Санктъ-Петербургскій Вѣстникъ (1812 г.). Въ Драматическомъ Журналѣ была помѣщена комедія „Обращенный Славянофилъ"; въ этой комедіи Педантовъ, пріятель Славянофила, представленъ глупцомъ и негодяемъ; въ Петербургскомъ Вѣстникѣ постоянно осмѣивались литературныя дикости членовъ Бесѣды. А. Измайловъ въ баснѣ: „Шутъ въ парикѣ" смѣялся надъ нетерпимостію Шишкова, который въ защитѣ новаго слога видѣлъ нелюбовь къ Россіи и посягательство на вѣру; Воейковъ помѣстилъ Шишкова въ своей сатирѣ: „Домъ сумасшедшихъ". Точно также Батюшковъ въ сатирическомъ стихотвореніи „Видѣніе на берегахъ Леты" вывелъ все общество Бесѣды и во главѣ самого Шишкова. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ борьба между карамзинистами и шишковистами проникала даже въ школы и раздѣляла на партіи воспитанниковъ. Но главнымъ боевымъ лагеремъ карамзинистовъ былъ „Арзамасъ или Арзамасское литературное общество". Это общество и основалось для противодѣйствія „Бесѣдѣ россійскаго слова" и „Академіи Россійской".

Шишковъ не могъ защитить своего ученія о языкѣ и слогѣ. У него не было самыхъ необходимыхъ для этого свѣдѣній историческихъ, безъ которыхъ онъ не могъ понять своей основной ошибки, именно, что славянскій и русскій языки составляютъ одинъ

языкъ; у него не было знанія древнихъ языковъ и вообще филологической подготовки, при которой онъ могъ бы разобраться при сравненіи языковъ между собою. Гораздо справедливѣе были его нападенія на иностранное образованіе; онъ совершенно справедливо обвинялъ русское общество въ рабской подражательности, стоялъ за сохраненіе русской національности въ нравахъ, обычаяхъ, въ языкѣ, вообще во всемъ складѣ жизни. Въ этомъ отношеніи съ нимъ согласенъ былъ и Карамзинъ; онъ также защищалъ русскую народность и, какъ Шишковъ, написалъ Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости. Но, защищая русскую народность, Шишковъ защищалъ старую русскую жизнь въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ древній до-Петровскій періодъ, и не допускалъ никакого развитія, возставалъ противъ всѣхъ нововведеній; Карамзину не нравились только современныя реформы; идеаломъ для него было царствованіе Екатерины II.

ШКОЛА КАРАМЗИНА.

Вліяніе Карамзина на современную литературу было такъ сильно, что изъ его послѣдователей образовалась цѣлая школа, носившая имя карамзинистовъ. Болѣе крупными писателями, подражавшими Карамзину, были Дмитріевъ и Озеровъ. Они писали въ томъ же сантиментальномъ направленіи и продолжали его реформу въ языкѣ и слогѣ; то, что Карамзинъ сдѣлалъ въ области повѣствовательной, въ области повѣсти и романа, то же самое произвели Дмитріевъ въ области лирической поэзіи, Озеровъ—въ области драмы.

ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (¹) былъ воспитанникъ Волги, какъ Державинъ и Карамзинъ. Въ запискахъ о своей жизни (²) у него остались самыя теплыя воспоминанія о жизни на Волгѣ и о путешествіяхъ по ней до Сызрани и Астрахани. Онъ родился въ селѣ Богородскомъ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, въ 1760 г. Сначала Дмитріевъ учился въ Казани у французскаго мѣщанина Манженя, въ то время, когда жилъ тамъ у дяди своего Бекетова; потомъ въ Симбирскѣ отданъ былъ въ пансіонъ Кадрита, отставного поручика, воспитанника кадетскаго корпуса. Здѣсь онъ учился вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, русскому правописанію и слогу,

(¹) **О жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева въ сочиненіяхъ кн. Вяземскаго, томъ I; у Галахова: Историческая хрестоматія, т. II, 66—72. Стихотворенія Дмитріева имѣли нѣсколько изданій; мы пользовались 4-мъ изданіемъ 1814 г. Москва**

(²) **Взглядъ на мою жизнь. 3 части. Москва. 1866.**

исторіи и географіи. На 11-мъ году это ученіе прекратилось, и образованіе продолжалось самоучкой—путемъ чтенія ходячихъ тогда романовъ и повѣстей Скаррона, похожденій Робинзона Крузо, Тысячи и одной ночи, приключеній Жиль-Блаза де-Сантильяна, приключеній маркиза Г. „Чтеніе этихъ книгъ, говоритъ Дмитріевъ, не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что онѣ были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго. Приключенія Клевеланда и маркиза Г. возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и желалъ имъ слѣдовать". Мать познакомила Дмитріева съ сочиненіями Сумарокова, котораго лично знала, а отецъ съ Ломоносовымъ. Но настала страшная пугачевщина, и отцу его некогда было заниматься образованіемъ дѣтей. Вмѣстѣ съ братомъ они продолжали читать русскія книги всякаго рода. Еще въ 1772 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ былъ записанъ въ Семеновскій полкъ; въ 1779 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на службу въ этомъ полку, но пробылъ здѣсь недолго. Стихотворство Дмитріева началось по вызову Новикова съ надписи къ портрету Кантеміра. Подобно Державину, учившемуся писать стихи въ казармѣ, Дмитріевъ также писалъ первые свои стихи въ караульнѣ солдатскаго пикета, во время ротнаго и батальоннаго ученія въ Семеновскомъ полку. Во время службы въ этомъ полку онъ познакомился съ Козлятевымъ, который, сдѣлавшись его другомъ, имѣлъ большое вліяніе на образованіе его нравственнаго характера. „Онъ не могъ, говоритъ Дмитріевъ, передать мнѣ прекрасной души своей, но по крайней мѣрѣ примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго". Въ его сужденіяхъ о русской словесности, всегда основанныхъ на чувствѣ изящнаго, Дмитріевъ почерпалъ ту вѣрность и утонченность вкуса, которая послѣ руководствовала его дарованіемъ. Въ его библіотекѣ онъ пользовался старыми и новѣйшими произведеніями французской литературы, чаще же всего классическими. Козлятевъ познакомилъ его съ сочиненіями Дидро, Даламбера, Рейналя, Мармонтеля, Лагарпа. По его совѣту онъ сталъ читать Квинтиліана объ ораторскомъ искусствѣ и курсъ словесности Батте и Мармонтеля. Около этого времени онъ познакомился и съ Карамзинымъ, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился десятилѣтнимъ мальчикомъ въ Симбирскѣ. „Стоило намъ сойтись, говоритъ онъ, какъ мы уже стали короткими знакомцами. Едва-ли не съ годъ мы были неразлучными; склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то сходное въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли связь нашу день отъ дня болѣе и болѣе. Мы давали отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему и мои мелкіе переводы, которые были печатаны особо и въ тогдашнихъ журналахъ". Съ сочиненіями Державина Дмитріевъ познакомился еще въ 1776 г., но самого

его не видалъ, съ нимъ познакомилъ его П. Ю. Львовъ. Онъ показалъ Державину стихи Дмитріева, въ которыхъ было упомянуто о Державинѣ, какъ о единственномъ у насъ живописцѣ природы. Державинъ пригласилъ его къ себѣ. „Съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а черезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ.—Со входомъ въ домъ его какъ будто мнѣ открылся путь и къ Парнасу. Дотолѣ бывъ знакомъ только съ двумя стихотворцами Е. И. Комаровымъ и Д. И. Хвостовымъ, я увидѣлъ въ обществѣ Державина нѣсколько поэтовъ и прозаистовъ... Богдановича, Львова, Оленина, Фонъ-Визина, Петрова, Капниста". Вообше о Державинѣ и его обществѣ въ запискахъ Дмитріева сохранилось самое подробное воспоминаніе; Державину и его кружку онъ приписываетъ весьма важное для него образовательное значеніе (52—69). Въ это время Карамзинъ возвратился изъ-за границы и началъ печатать Письма Русскаго Путешественника. Какъ ни велико было уваженіе его къ Державину и его сочиненіямъ, которыя были для него образцами, новое направленіе поразило Дмитріева, онъ перешелъ на сторону Карамзина и сдѣлался его подражателемъ и сотрудникомъ. „Съ начала 1791 г., говоритъ онъ, появился журналъ Карамзина подъ именемъ Московскаго и обратилъ на себя вниманіе первостепенныхъ нашихъ авторовъ. Всѣ отдали справедливость новому, легкому, пріятному и живописному слогу Писемъ Русскаго Путешественника, Натальи, боярской дочери и другихъ повѣстей; въ первыхъ трехъ частяхъ его были напечатаны и мои стихотворенія, выбранныя издателемъ безъ моего назначенія, а по собственному его произволу изъ взятаго имъ моего бумажника. Всѣ они были едва-ли не ниже посредственныхъ; но съ четвертой части начался уже новый періодъ въ моей поэзіи: пѣсня моя „Голубокъ" и „Модная жена" пріобрѣли мнѣ нѣкоторую извѣстность въ обѣихъ столицахъ. Любители музыки сдѣлали на пѣсню мою нѣсколько голосовъ... Съ той поры и въ обществѣ Державина я пересталъ быть авскультантомъ и вступилъ, такъ сказать, въ собратство съ его членами; но ничье одобреніе не льстило моему самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Ковлятева. Въ тоже время я началъ изучать басенниковъ и выдалъ, подражая болѣе Лафонтену и Флоріану, нѣсколько басенъ. Мнѣ посчастливилось также и этими опытами угодить обществу и многимъ изъ литераторовъ" (1). Самымъ счастливымъ и плодотворнымъ годомъ въ литературномъ отношеніи Дмитріевъ считалъ 1794 годъ, когда онъ жилъ въ Сызрани, въ кругу своего семейства, и путешествовалъ по Волгѣ; въ этомъ году имъ написаны были: Гласъ Патріота, Чужой Толкъ, Ермакъ, Воз-

(1) Стр. 69—70.

душныя башни, Причудница и посланіе къ Державину, по случаю кончины его супруги. По подражанію Карамзину, издававшему свои повѣсти, стихи и мелкія сочиненія подъ заглавіемъ: „Мои бездѣлки“, Дмитріевъ также издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „И мои бездѣлки“. Въ 1795 г. Дмитріевъ оставилъ военную службу и перешелъ на гражданскую. Занятый новой службой, онъ ничего не писалъ до 1802 г., когда появился „Вѣстникъ Европы“ Карамзина; здѣсь онъ печаталъ свои басни. Въ 1802 г. онъ переселился въ Москву, купилъ себѣ домъ съ маленькимъ садомъ, украсилъ его сколько возможно лучше небольшимъ числомъ эстамповъ, достаточною библіотекою и жилъ въ обществѣ своихъ друзей. „Не проходилъ ни одинъ день, чтобы я не видался съ Карамзинымъ, а по зимамъ и съ Козлятевымъ. Кромѣ ихъ я также съ удовольствіемъ проводилъ вечера у Натальи Ивановны Плещеевой. Въ ея сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери. Не рѣдко посѣщалъ я и почтеннаго моего земляка, Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго директора Московскаго университета, равно и патріарха современныхъ поэтовъ, М. М. Хераскова“.—Литературная дѣятельность Дмитріева была необыкновенно счастлива. Его имя повсюду поминалось на ряду съ именемъ Карамзина, какъ первостепеннаго писателя. Академія Россійская поднесла ему большую золотую медаль съ надписью: „Россійскому языку пользу принесшему“. Въ 1807 г. онъ, будучи уже сенаторомъ, получилъ предложеніе отъ графа Завадовскаго занять мѣсто попечителя Московскаго университета, отъ котораго онъ однакожъ отказался; а чрезъ три года послѣ того онъ сдѣланъ былъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ и на литературномъ поприщѣ и въ служебномъ мірѣ Дмитріевъ достигъ высокой славы и первыхъ почестей. Такое счастливое положеніе Дмитріева Карамзинъ очень хорошо выразилъ въ подписи къ его портрету въ слѣдующихъ стихахъ:

Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
Прибавлю, что чиновъ и риѳмъ онъ не искалъ,
Но риѳмы и чины къ нему летѣли сами (1).

Сочиненія Дмитріева. Первыя сочиненія Дмитріева до того времени, пока онъ не познакомился съ Письмами Русскаго Путешественника, написаны въ классическомъ стилѣ. Къ нимъ относятся лирическія произведенія: религіозныя и патріотическія оды и посланія, сатиры и разныя мелкія стихотворенія.

(1) Соч. Карамзина, т. I, 223.

Религіозныя стихотворенія. Въ гимнѣ Богу:

Парю душой къ Тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый....

изображается величіе и всемогущество Божіе; въ „Размышленіи по случаю грома:“

Гремитъ!.. Благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ....

изображается чувство смиренія передъ Богомъ, возбужденное въ душѣ человѣка такимъ грознымъ и величественнымъ явленіемъ природы, какъ гроза. Оба эти стихотворенія совершенно справедливо помѣщаются въ разныхъ учебникахъ, какъ образцы духовной поэзіи на ряду съ „Утреннимъ и Вечернимъ размышленіемъ о Божіемъ величествѣ“ Ломоносова и одою „Богъ“ Державина. Они написаны, несомнѣнно, подъ вліяніемъ этихъ образцовъ, хотя въ „Размышленіи по случаю грома“ нѣкоторые находятъ подражаніе стихотворенію Гёте: „Границы человѣчества“. Особенное достоинство этихъ стихотвореній заключается въ краткости и простотѣ сравнительно съ многословными и витіеватыми гимнами другихъ поэтовъ, писавшихъ въ религіозномъ стилѣ.

Патріотическія стихотворенія. Къ патріотическимъ стихотвореніямъ относятся: Ермакъ, Освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 г., Къ Волгѣ, Смерть князя Потемкина, Гласъ патріота на взятіе Варшавы, Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императоромъ Павломъ I потомству Ломоносова. Но патріотическое чувство выражается въ нихъ въ разныхъ преувеличеніяхъ и довольно холодно, по крайней мѣрѣ безъ истиннаго одушевленія исходящаго изъ сердца и возбуждающаго сердце читателя. Вотъ напр. какими стихами оканчивается описаніе подвига Ермака въ первой піесѣ:

Великій! Гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками;
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами

Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ.

Въ такомъ же родѣ было описаніе поединка Ермака съ Мегметъ-Куломъ, которое прежде приводили въ хрестоматіяхъ, какъ образецъ художественныхъ описаній, но которое нынѣ можетъ служить образцомъ преувеличенныхъ изображеній Дмитріева. Въ піесѣ „Освобожденіе Москвы" интересно описаніе Москвы, которое также прежде приводилось въ хрестоматіяхъ, какъ образцовое.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ великихъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ! (¹)

Стихи на милость, оказанную императоромъ Павломъ I потомству Ломоносова, написаны въ классическомъ стилѣ самого Ломоносова и совершенно напоминаютъ его оды имп. Елизаветѣ и меценату Шувалову.

Въ Пѣсни на коронованіе императора Александра I авторъ обращается къ Александру со слѣдующими словами:

Монархъ! подъ сими небесами,
На семъ же мѣстѣ Іоаннъ
Пріялъ геройскими руками
Вѣнецъ, которымъ ты вѣнчанъ.
Благоговѣй къ своей порфирѣ:
Ее носилъ Великій въ мірѣ,
Самъ Петръ на мощныхъ раменахъ!
Благоговѣй предъ сей державой:
Она горитъ, блистаетъ славой
Премудрыя одной въ женахъ! (²).

Дмитріевъ написалъ еще нѣсколько одъ въ подражаніе Горацію.

(¹) Сочин., ч. 1, 9—10. (²) Часть I, 30.

Сатиры Дмитріева. Дмитріевъ перевелъ сатиру Ювенала „О благородствѣ“ и посланіе англійскаго поэта Попа къ доктору Арбутноту. Эта сатира, написанная на бездарныхъ стихотворцевъ, вѣроятно, и подала мысль Дмитріеву написать „Чужой толкъ“, въ которомъ также осмѣиваются бездарные слагатели торжественныхъ одъ.

Что за диковина? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столькожъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь!... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочикъ, много три, а любо какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй?
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь, нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!

„Чужимъ толкомъ“ эта сатира названа потому, что авторъ ея свои разсужденія въ ней представляетъ отъ лица какого-то Аристарха. Объясняя причины неудачи такихъ одописцевъ, онъ между прочимъ указываетъ на то, что эти одописцы люди дѣловые, а совсѣмъ не призванные поэты:

Большая часть изъ нихъ—лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной.—
Ихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ.

Дмитріевъ осмѣиваетъ всю ихъ бездарность, изображаетъ подробно процессъ составленія оды однимъ знакомымъ ему одописцемъ.

И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны.

Сатира эта, лучшее изъ стихотвореній Дмитріева, получила сторическое значеніе. Осмѣявъ бездарныхъ слагателей одъ, она ообще уничтожила страсть писать оды и вмѣстѣ съ сочиненіями арамзина содѣйствовала упадку ложно-классическаго направленія ъ лирической поэзіи. Она всегда пользовалась особенною попурностію, помѣщалась въ хрестоматіяхъ, заучивали её наизусть, большая часть выраженій изъ нея употреблялись какъ пословицы.

Пѣсни. Пѣсни написаны Дмитріевымъ тогда, когда онъ познакомился съ Карамзинымъ. Онѣ выражаютъ уже новое, сантиентальное направленіе; по содержанію онѣ ничѣмъ не отличаются; авное достоинство ихъ заключается въ гладкихъ и легкихъ стихъ. Лучшія изъ нихъ: „Ахъ, когда бъ я прежде знала, что любвь родитъ бѣды"; „Куда мнѣ, сердце страстно, куда съ тобой жать"? „Что съ тобою, ангелъ, стало"? „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ ву я любилъ"; „Стонетъ сизый голубочекъ, стонетъ онъ и день ночь". Послѣднія двѣ пользовались особенною популярностію и сто пѣлись современниками.

Сказки. О сказкахъ Дмитріева Вяземскій говоритъ: „Нигдѣ оказалъ онъ болѣе ума, замысловатости, вкуса, остроумія, боіе стихотворнаго искусства, какъ въ своихъ сказкахъ. Сумаровъ (Панкратій) писалъ сказки; но онѣ въ сравненіи со сказками шего поэта то, что святошныя игрища въ сравненіи съ истинію комедіею". Въ сказкѣ „Модная жена" изображается, какъ модая жена обманываетъ стараго мужа. Пролазъ, который невинмъ ремесломъ (все ползъ да ползъ, да билъ челомъ) доползъ до ава ѣздить шестеркою въ каретѣ—„человѣкъ, съ какимъ встрѣмся на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ обѣдахъ именинныхъ и рточныхъ вечеринкахъ. Миловзоръ—образецъ всѣхъ угодниковъ скихъ, только съ тою разницею, что они у него не переняли кусства изъясняться правильно и красиво на языкѣ отечественгъ" (1).

Сказка „Воздушныя башни" написана подъ вліяніемъ Шехеады, сказки которой авторъ читалъ съ увлеченіемъ еще въ ствѣ:

Какъ сказки я ея любилъ:
Читая ихъ... прощай учитель,

(1) Вяземскій, I, 144—146.

Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенной зритель....

Сказка очень забавна и игрива, написана легкими стихами на тему, какъ мечтатель Альнаскаръ размечтался до того, что въ одинъ мигъ уничтожилъ свой коробъ съ хрустальной посудой, а съ нимъ и свои воздушныя башни, которыя онъ строилъ на немъ въ своемъ воображеніи. Здѣсь между прочимъ о своихъ сказкахъ Дмитріевъ замѣчаетъ:

Я знаю, что онѣ не важны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.

Сказка „Причудница“, по замѣчанію Л. Н. Майкова, переведена изъ сказки Вольтера La bégueule (1). Она написана на тему,

Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

Вѣтрана, съ малыхъ лѣтъ избалованная всякимъ довольствомъ ничѣмъ не была довольна и желала, сама не зная чего. Чтобы излечить ее отъ этой болѣзни, крестная мать ея, волшебница Всевѣда, усыпила ее на три дня, представивши ей во снѣ дворец феи, который ей страшно надоѣлъ. Въ описаніи дворца слишком замѣтно подражаніе „Душенькѣ“ Богдановича, котораго и вспоминаетъ авторъ. Сказка написана въ игриво-шутливомъ тонѣ, который мѣстами сбивается на балагурство. Фантастическій элемент сказки показываетъ, что авторъ читалъ Шехеразаду. Сказки Дмитріева были первыми попытками повѣсти въ стихахъ, какъ повѣсти Карамзина, Бѣдная Лиза и Наталья, боярская дочь, стали первыми повѣстями въ прозѣ. Характеровъ въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ; дѣйствующія лица обозначаются иносказательно, часто очень фигурными и изысканными именами (ярлыки, клички): Пролазъ, Мал-взоръ, князь Вѣтровъ, Вѣтрана, Всевѣда, Сердечкинъ. Направлен въ повѣстяхъ дидактическое; тогда была мода подъ шутливой, комической или сатирической маской проводить какое-нибудь поученіе на ту или другую тему. При этомъ авторъ при описаніи порока иногда слишкомъ вдавался въ соблазнительныя подробности такъ что онѣ совершенно закрывали поученіе, захватывая все вн

(1) Батюшковъ, II, 398.

маніе читателя, и, разумѣется, приводили къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ благочестивому намѣренію писателя. Это сказалось, хотя далеко не такъ рѣзко, какъ у другихъ, и у Дмитріева, особенно въ его Модной женѣ.

Дмитріевъ написалъ много посланій, надписей, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній. Вяземскій придаетъ имъ большое значеніе. „Въ сихъ игрушкахъ ума не замѣчается трудъ авторскій; кажется, что стихи написаны не перомъ рачительнымъ, а набросаны рукою легкою и своевольною. Въ надписяхъ и эпиграммахъ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ поэтъ нашъ открылъ дорогу своимъ преемникамъ. До него не умѣли ни хвалить такъ тонко, ни насмѣхаться остроумно" (1). Изъ надписей Дмитріева лучшая и болѣе характерная—уже приведенная нами выше надпись къ портрету Хераскова, а изъ эпитафій лучшія—двѣ эпитафіи Богдановичу.

Басни Дмитріева. Но больше всего удалась Дмитріеву басня; эта форма болѣе другихъ формъ и подходила къ его дидактическому характеру. „Басни И. И. Дмитріева, если бы онъ и не оставилъ другихъ памятниковъ поэтическихъ, служили бы доказательствомъ, что его гибкое дарованіе способно къ разнообразнымъ измѣненіямъ. Кажется, неоспоримо, что онъ первый началъ писать у насъ басни съ правильностію, красивостію и поэзіей въ слогѣ"(2). Лучшими баснями Вяземскій признаетъ: „Дубъ и трость"; „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ"; „Мышь, удалившаяся отъ свѣта"; „Чижикъ и зяблица"; „Лиса проповѣдница"; „Два голубя"; „Человѣкъ и конь"; „Исторія"; „Прохожій"; „Два друга"; „Котъ, Ласточка и Кроликъ"; „Воспитаніе Льва"; „Старикъ и трое молодыхъ"; „Искатели Фортуны"; „Царь и два пастуха"(3). Говоря объ отношеніи Дмитріева къ Крылову, Вяземскій замѣчаетъ: „Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовыя, стихосложеніе—хотя и нынѣ еще у насъ довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства" (4).

О свойствахъ поэзіи Дмитріева Вяземскій говоритъ: „Вотъ они: правильность языка, красивость слога, свободность стихосложенія, вѣрный вкусъ, умъ острый и замысловатый, воображеніе не стремительное, но живое, насмѣшливость не язвительная, но колкая, совершенство отдѣлки и вообще тотъ глянецъ искусства, который преимущественно замѣтенъ въ твореніяхъ французовъ, и придаетъ послѣдній блескъ красотѣ, какъ художественная оправа удвоиваетъ достоинство драгоцѣннаго камня" (5). Если эта похвала вообще можетъ считаться преувеличенной, то все, что сказано о

---

(1) Сочин. Вяземскаго, ч. I, 134. (2) Тамъ же, 135. (3) Тамъ же, 139.
(4) Тамъ же, 144. (5) Тамъ же, 149.

достоинствахъ языка и слога, совершенно справедливо: Дмитріевъ дѣйствительно весьма много усовершенствовалъ языкъ и слогъ стихотвореній, сообщивъ имъ правильность и разнообразіе, легкость и свободу; въ этомъ отношеніи его имя стоитъ на ряду съ именемъ Карамзина, который усовершенствовалъ языкъ и слогъ прозаическій. Но что касается его поэзіи вообще, то „въ стихахъ его замѣчается, какъ онъ самъ сознается въ своихъ Запискахъ, скудость въ идеяхъ, и болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того, говоритъ онъ, послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы“ (1). Дмитріевъ былъ весьма умный и литературно-образованный писатель. Онъ любилъ и умѣлъ излагать свои мысли и чувства въ хорошихъ изящныхъ стихахъ. Его стихотворныя изложенія въ сравненіи съ плодовитыми и черезчуръ широковѣщательными современныхъ ему писателей отличаются сдержанностью, умѣренностью и краткостью, которыя часто доходятъ до сухости. Въ этомъ отношеніи стихи его напоминаютъ стихи Хемницера, и при чтеніи ихъ представляется, что какъ будто ихъ писалъ не русскій человѣкъ, не любящій и не знающій мѣры, но аккуратный нѣмецъ, все заключающій въ границы, даже увлеченія чувства и страсти. То, что Вяземскій сказалъ о біографическихъ Запискахъ Дмитріева, что онъ писалъ ихъ во фракѣ, какъ Державинъ писалъ свои Записки въ халатѣ, можетъ быть приложено и къ другимъ сочиненіямъ Дмитріева; въ характерѣ писателя выражается весь человѣкъ.

В. А. ОЗЕРОВЪ.

Вяземскій называетъ Озерова преобразователемъ русской трагедіи и сравниваетъ его заслуги съ заслугами Карамзина, преобразователя русскаго прозаическаго языка. Этотъ отзывъ, конечно, страдаетъ преувеличеніемъ; но въ немъ есть своя часть правды: Озеровъ далъ лучшіе образцы русской трагедіи въ новомъ, хотя также одностороннемъ направленіи; слѣдуя формамъ ложно-классической французской драмы, онъ внесъ въ свои трагедіи элементъ сантиментальный.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ (2) (1770—1816) родился въ Тверской губерніи, получилъ свое образованіе въ кадетскомъ

(1) Взглядъ на мою жизнь. Записки И. И. Дмитріева. 1866, стр. 92.

(2) Сочиненія Озерова были издаваемы нѣсколько разъ. Всѣ изданія перечислены въ Истор. хрестоматіи Галахова, II, 208. Мы пользовались изданіемъ Смирдина 1846 г. Объ Озеровѣ см. въ Исторіи основанія русскаго театра Карабанова, 1849 г.; у князя Вяземскаго: Сочиненія, т. I; у Л. Н. Майкова: Сочиненія Батюшкова, томъ I.

корпусѣ и преимущественно на французской литературѣ и самое первое стихотвореніе его было написано по-французски. Изъ русскихъ же писателей первыми учителями его въ языкѣ и словесности были Княжнинъ и Болтинъ, позднѣе онъ познакомился съ Державинымъ, Дмитріевымъ и Карамзинымъ. Самое чтеніе французскихъ романовъ и сильная платоническая любовь къ одной женщинѣ, на которой онъ не могъ жениться, потому что она была замужняя, имѣли вліяніе на складъ его сантиментальнаго характера и сообщили романическій цвѣтъ всей его поэзіи. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую, въ которой также оставался недолго. По выходѣ въ отставку, онъ долго страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей; глубокая чувствительность, бывшая источникомъ его дарованій, была вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ его мученій. Жуковскій смерть Озерова приписываетъ чувствительности и печали, испытанной имъ отъ завистниковъ:

Чувствительность его сразила,—
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была....

Между врагами его современники называютъ Шаховского, который былъ упорнымъ ревнителемъ классической школы и самымъ ярымъ ненавистникомъ и гонителемъ школы сантиментальной и непріязненно относился къ Карамзину и Жуковскому (1). Интриги партій особенно обнаружились послѣ перваго представленія „Поликсены“, которую Озеровъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, но которая принята была на сценѣ довольно холодно. Въ 1808 г. Озеровъ уѣхалъ въ Красный Яръ, въ имѣніе своего отца, находившееся въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи; здѣсь онъ и скончался въ 1816 г.—Первою трагедіею Озерова была „Смерть Олега Древлянскаго“, представленная на петербургскомъ театрѣ въ 1798 г. Она написана въ стилѣ Княжнина и отличается больше его недостатками, чѣмъ его достоинствами. Первою трагедіею, доставившею славу Озерову, была трагедія „Эдипъ въ Аѳинахъ“; за нимъ слѣдовали: „Фингалъ“, „Димитрій Донской“ и „Поликсена“. Въ собраніи сочиненій Озерова (изданіе Смирдина 1846 г.), кромѣ трагедій, помѣщены еще: переводъ героиды Колярдо „Элоиза къ Абеляру“, четыре оды и четыре басни.

Основа трагедіи „Эдипъ въ Аѳинахъ“ взята изъ классической Ѳивской легенды о царѣ Лайѣ и сынѣ его, Эдипѣ. Вотъ эта ле-

(1) Извѣстна также пародія на «Димитрія Донскаго»—«Митюха Валдайской», написанная П. Семеновымъ. Переиздана Ефремовымъ въ 1878 г.

генда, какъ она изложена въ трагедіяхъ Софокла. Ѳивскій царь Эдипъ, по случаю моровой язвы, свирѣпствующей въ Ѳивахъ, представляется принимающимъ искреннее отеческое участіе въ бѣдствіяхъ своего народа. Но оракулъ Дельфійскій возвѣщаетъ, что язва въ Ѳивахъ не прежде прекратится,—какъ будетъ наказанъ убійца царя Лайя, предшествовавшаго Эдипу на Ѳивскомъ престолѣ. Эдипъ предъ всѣмъ народомъ даетъ торжественную клятву непремѣнно отыскать виновнаго и предать его заслуженной казни. И вотъ мало-по-малу начинаетъ раскрываться несчастная судьба Эдипа. Предвѣщатель Тирезій, призванный для обличенія преступника, объявилъ, что этотъ преступникъ самъ Эдипъ; но слова его, въ жару гнѣва сказанныя и съ гнѣвомъ принятыя, сочтены клеветою и злымъ умысломъ враговъ. Вскорѣ потомъ Эдипъ, разговаривая съ своей женой Іокастой, которая прежде была женой Лайя, начинаетъ уже дѣйствительно опасаться за себя, когда узнаетъ отъ нея обстоятельства Лайевой смерти, вспоминаетъ объ убійствѣ, учиненномъ имъ точь-въ-точь при такихъ же обстоятельствахъ. Судьба Эдипа проясняется; однакожъ отъ совершенной увѣренности въ преступленіи удерживаетъ его одно обстоятельство. Эдипъ сынъ Коринѳскаго царя, Полиба; такъ думаетъ о себѣ онъ самъ; такъ думаютъ всѣ окружающіе его; между тѣмъ, по предсказанію оракула, Лай долженъ былъ умереть отъ руки сына своего. Слѣдовательно убійцей Лайя не можетъ быть Эдипъ. Правда, Іокаста сказываетъ, что у нея отъ Лайя былъ сынъ; но сынъ этотъ, по ея словамъ, погибъ еще въ младенчествѣ, брошенный, по приказанію отца, на непроходимую гору. Нужно было доказать, что этотъ сынъ Лайя, котораго считаютъ погибшимъ въ младенчествѣ, есть самъ Эдипъ. Къ этому роковому открытію приводитъ Эдипа посолъ, прибывшій изъ Коринѳа съ вѣстью о смерти тамошняго царя, Полиба, и съ предложеніемъ ему престола отъ лица коринѳянъ. Между прочимъ посолъ, открываетъ, что Полибъ и Меропа, его супруга, которыхъ Эдипъ считаетъ за своихъ родителей, не суть истинные его родители, но что онъ обязанъ имъ только воспитаніемъ, что онъ еще въ младенчествѣ взятъ ими изъ рукъ одного пастуха, пасшаго стада подлѣ горы Киѳеронской. Для повѣрки этого извѣстія Эдипъ приказываетъ привести того самаго пастуха, который отдалъ сына Лайева одному коринѳянину. Тотъ подтверждаетъ все сказанное посломъ касательно передачи младенца. Открывается, что этотъ младенецъ былъ сынъ Лайя и Іокасты, котораго родители, испуганные ужаснымъ насчетъ его предсказаніемъ, именно, что онъ убьетъ своего отца и женится на своей матери, поручили было ему для умерщвленія, но что онъ изъ жалости спасъ ему жизнь, сдавши на руки коринѳянину. Эдипъ узнаетъ, что онъ убійца отца, мужъ своей матери и братъ своимъ дѣтямъ. Несы-

ханный неумышленный злодѣй выкалываетъ себѣ глаза, оставляетъ престолъ и въ одеждѣ нищаго странствуетъ изъ одного мѣста въ другое, руководимый дочерьми своими Антигоной и Исменой. Вмѣсто Эдипа Ѳивскій престолъ занялъ сынъ его Полиникъ, который выгналъ Эдипа изъ Ѳивъ; но братъ Полиника Этеоклъ, соединившись съ Креономъ, составилъ заговоръ противъ Полиника и самого его выгналъ изъ Ѳивъ. Началась борьба между братьями изъ-за обладанія Ѳивами и привела къ войнѣ. Семь предводителей предъ началомъ войны спрашивали оракула, который отвѣтилъ, что побѣдителемъ будетъ тотъ, на чью сторону перейдетъ Эдипъ. Судьба сжалилась надъ Эдипомъ, позволила ему умереть тихо и спокойно, и опредѣлила, что смерть его послужитъ условіемъ побѣды для того народа, земля котораго будетъ ему могилой. Эдипъ, изнуренный годами и страданіями, приходитъ въ Аттику, въ окрестности небольшого селенія Колона и останавливается въ рощѣ, посвященной Эвменидамъ. Въ этой сторонѣ ему суждено найти пристанище и конецъ жизни. Креонъ убѣждаетъ Эдипа перейти въ Ѳивы и принять въ борьбѣ сторону Этеокла; но Эдипъ отказывается. Возмущенный этимъ отказомъ, Креонъ отнимаетъ у Эдипа дочерей; но Тезей, царь Аѳинскій, возвращаетъ ихъ Эдипу и проситъ у него позволенія представить человѣка, который умоляетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ боговъ дать ему возможность увидѣть Эдипа. Эдипъ догадывается, что это долженъ быть Полиникъ; онъ не хочетъ и видѣть Полиника, и если соглашается допустить его къ себѣ, по просьбѣ любимой дочери своей Антигоны, то только для того, чтобы произнести надъ нимъ проклятіе. „Не ты ли, злодѣй, выгналъ своего отца? Не ты ли довелъ меня до нищенства?... И не будь у меня этихъ двухъ дочерей,—я умеръ бы съ голода и все отъ твоей вины... Нѣтъ, не видать тебѣ никогда Ѳивскихъ стѣнъ, которыя ты идешь осаждать! Оба вы съ братомъ твоимъ погибнете подъ этими стѣнами, плавая одинъ въ крови другого. Вотъ проклятіе, которое я произношу надъ вами, чтобы научить васъ, какъ уважать тѣхъ, кому вы обязаны жизнію, и не презирать вашего отца, потому что онъ слѣпъ и немощенъ“. За этимъ проклятіемъ послѣдовалъ громъ, и Эдипа не стало. Этеоклъ и Полиникъ, по предсказанію Эдипа, дѣйствительно погибли въ междоусобной войнѣ подъ стѣнами Ѳивъ. Креонъ издалъ повелѣніе, чтобы никто не смѣлъ хоронить трупъ Полиника, какъ врага отечества, но Антигона, несмотря на всѣ убѣжденія Исмены покориться этому повелѣнію, похоронила Полиника, по любви къ брату, слѣдуя не царскому закону, а закону, начертанному самою природою въ сердцѣ человѣческомъ, и какъ преступница предана смерти. Такъ погибъ, по волѣ судьбы, весь родъ Эдипа. Изъ этой легенды Софоклъ составилъ свою трилогію, состоящую изъ трехъ

генда, какъ она изложена въ трагедіяхъ Софокла. Ѳивскій царь Эдипъ, по случаю моровой язвы, свирѣпствующей въ Ѳивахъ, представляется принимающимъ искреннее отеческое участіе въ бѣдствіяхъ своего народа. Но оракулъ Дельфійскій возвѣщаетъ, что язва въ Ѳивахъ не прежде прекратится,—какъ будетъ наказанъ убійца царя Лайя, предшествовавшаго Эдипу на Ѳивскомъ престолѣ. Эдипъ предъ всѣмъ народомъ даетъ торжественную клятву непремѣнно отыскать виновнаго и предать его заслуженной казни. И вотъ мало-по-малу начинаетъ раскрываться несчастная судьба Эдипа. Предвѣщатель Тирезій, призванный для обличенія преступника, объявилъ, что этотъ преступникъ самъ Эдипъ; но слова его, въ жару гнѣва сказанныя и съ гнѣвомъ принятыя, сочтены клеветою и злымъ умысломъ враговъ. Вскорѣ потомъ Эдипъ, разговаривая съ своей женой Іокастой, которая прежде была женой Лайя, начинаетъ уже дѣйствительно опасаться за себя, когда узнаетъ отъ нея обстоятельства Лайевой смерти, вспоминаетъ объ убійствѣ, учиненномъ имъ точь-въ-точь при такихъ же обстоятельствахъ. Судьба Эдипа проясняется; однакожъ отъ совершенной увѣренности въ преступленіи удерживаетъ его одно обстоятельство. Эдипъ сынъ Коринѳскаго царя, Полиба; такъ думаетъ о себѣ онъ самъ; такъ думаютъ всѣ окружающіе его; между тѣмъ, по предсказанію оракула, Лай долженъ былъ умереть отъ руки сына своего. Слѣдовательно убійцей Лайя не можетъ быть Эдипъ. Правда, Іокаста сказываетъ, что у нея отъ Лайя былъ сынъ; но сынъ этотъ, по ея словамъ, погибъ еще въ младенчествѣ, брошенный, по приказанію отца, на непроходимую гору. Нужно было доказать, что этотъ сынъ Лайя, котораго считаютъ погибшимъ въ младенчествѣ, есть самъ Эдипъ. Къ этому роковому открытію приводитъ Эдипа посолъ, прибывшій изъ Коринѳа съ вѣстью о смерти тамошняго царя, Полиба, и съ предложеніемъ ему престола отъ лица коринѳянъ. Между прочимъ посолъ открываетъ, что Полибъ и Меропа, его супруга, которыхъ Эдипъ считаетъ за своихъ родителей, не суть истинные его родители, но что онъ обязанъ имъ только воспитаніемъ, что онъ еще въ младенчествѣ взятъ ими изъ рукъ одного пастуха, пасшаго стада подлѣ горы Киѳеронской. Для повѣрки этого извѣстія Эдипъ приказываетъ привести того самаго пастуха, который отдалъ сына Лайева одному коринѳянину. Тотъ подтверждаетъ все сказанное посломъ касательно передачи младенца. Открывается, что этотъ младенецъ былъ сынъ Лайя и Іокасты, котораго родители, испуганные ужаснымъ насчетъ его предсказаніемъ, именно, что онъ убьетъ своего отца и женится на своей матери, поручили было ему для умерщвленія, но что онъ изъ жалости спасъ ему жизнь, сдавши на руки коринѳянину. Эдипъ узнаетъ, что онъ убійца отца, мужъ своей матери и братъ своимъ дѣтямъ. Неслы-

ханный неумышленный злодѣй выкалываетъ себѣ глаза, оставляетъ престолъ и въ одеждѣ нищаго странствуетъ изъ одного мѣста въ другое, руководимый дочерьми своими Антигоной и Исменой. Вмѣсто Эдипа Ѳивскій престолъ занялъ сынъ его Полиникъ, который выгналъ Эдипа изъ Ѳивъ; но братъ Полиника Этеоклъ, соединившись съ Креономъ, составилъ заговоръ противъ Полиника и самого его выгналъ изъ Ѳивъ. Началась борьба между братьями изъ-за обладанія Ѳивами и привела къ войнѣ. Семь предводителей предъ началомъ войны спрашивали оракула, который отвѣтилъ, что побѣдителемъ будетъ тотъ, на чью сторону перейдетъ Эдипъ. Судьба сжалилась надъ Эдипомъ, позволила ему умереть тихо и спокойно, и опредѣлила, что смерть его послужитъ условіемъ побѣды для того народа, земля котораго будетъ ему могилой. Эдипъ, изнуренный годами и страданіями, приходитъ въ Аттику, въ окрестности небольшого селенія Колона и останавливается въ рощѣ, посвященной Эвменидамъ. Въ этой сторонѣ ему суждено найти пристанище и конецъ жизни. Креонъ убѣждаетъ Эдипа перейти въ Ѳивы и принять въ борьбѣ сторону Этеокла; но Эдипъ отказывается. Возмущенный этимъ отказомъ, Креонъ отнимаетъ у Эдипа дочерей; но Тезей, царь Аѳинскій, возвращаетъ ихъ Эдипу и проситъ у него позволенія представить человѣка, который умоляетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ боговъ дать ему возможность увидѣть Эдипа. Эдипъ догадывается, что это долженъ быть Полиникъ; онъ не хочетъ и видѣть Полиника, и если соглашается допустить его къ себѣ, по просьбѣ любимой дочери своей Антигоны, то только для того, чтобы произнести надъ нимъ проклятіе. „Не ты ли, злодѣй, выгналъ своего отца? Не ты ли довелъ меня до нищенства?... И не будь у меня этихъ двухъ дочерей,—я умеръ бы съ голода и все отъ твоей вины... Нѣтъ, не видать тебѣ никогда Ѳивскихъ стѣнъ, которыя ты идешь осаждать! Оба вы съ братомъ твоимъ погибнете подъ этими стѣнами, плавая одинъ въ крови другого. Вотъ проклятіе, которое я произношу надъ вами, чтобы научить васъ, какъ уважать тѣхъ, кому вы обязаны жизнію, и не презирать вашего отца, потому что онъ слѣпъ и немощенъ". За этимъ проклятіемъ послѣдовалъ громъ, и Эдипа не стало. Этеоклъ и Полиникъ, по предсказанію Эдипа, дѣйствительно погибли въ междоусобной войнѣ подъ стѣнами Ѳивъ. Креонъ издалъ повелѣніе, чтобы никто не смѣлъ хоронить трупъ Полиника, какъ врага отечества, но Антигона, несмотря на всѣ убѣжденія Исмены покориться этому повелѣнію, похоронила Полиника, по любви къ брату, слѣдуя не царскому закону, а закону, начертанному самою природою въ сердцѣ человѣческомъ, и какъ преступница предана смерти. Такъ погибъ, по волѣ судьбы, весь родъ Эдипа. Изъ этой легенды Софоклъ составилъ свою трилогію, состоящую изъ трехъ

Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ!
. . . .
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, что бъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

. . . .
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды (¹).

Граждане аѳинскіе, узнавъ, что въ ихъ страну пришелъ гонимый судьбою и проклятый всѣми Эдипъ, просятъ его немедленно удалиться. Въ горести Антигона обращается къ Аѳинскому царю Тезею и проситъ его принять ея несчастнаго отца подъ свою за-

(¹) Сочин., стр. 16—19.

щиту. Тезей соглашается на ея просьбу и принимаетъ Эдипа. Между тѣмъ Креонъ, узнавъ, что судьбою опредѣлено, чтобы могила Эдипа сдѣлалась залогомъ счастія и благоденствія для той страны, гдѣ онъ будетъ похороненъ, хочетъ похитить Эдипа и увести его въ Өивы, а Антигону принести въ жертву, требуемую Эвменидами, сыновей же Эдипа погубить во взаимной враждѣ и послѣ нихъ занять Өивскій престолъ. Но Эдипъ давно уже знаетъ коварный нравъ Креона и, предвидя его злобныя интриги, отказывается отъ предложенія отправиться съ нимъ въ Өивы. Онъ приходитъ въ негодованіе, когда Креонъ сказалъ, что онъ долженъ разстаться съ Антигоной.

Чтобы разстался днесь я съ дочерью моею,
Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на землѣ владѣю,
Съ моей опорою, съ отрадой мнѣ одной,
Противъ отчаянья оставленной судьбой?
Тѣснѣе связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья:
Я узломъ съединенъ ея благотворенья.
Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
Сестра и другъ, и все, что мило для сердецъ,
И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
Неблагодарный градъ, сыны жестокосерды
Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Өивъ.
Я ею лишь дышу, я ею только живъ.
И ты разстаться съ ней мнѣ, варваръ, предлагаешь?
Терзать меня, увы, какъ ты искусство знаешь!
Нѣтъ, лучше бы, злодѣй, извлекши острый мечъ,
Не дрогнувъ, жизнь мою стремился ты пресѣчь,
Чѣмъ смѣть мнѣ предлагать толь горестну разлуку.
Приди, о дочь моя, подай мнѣ руку,
Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой!
Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
Нѣтъ, смертію одной мы будемъ разлученны (¹).

Не видя возможности убѣдить Эдипа словами, Креонъ хочетъ увести его силою и приказываетъ воинамъ взять его. Въ это время къ нимъ бросается Антигона:

Постойте, варвары, пронзите грудь мою:
Любовь къ отечеству довольствуйте свою!
Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлютъ, и мой вопль теряется въ пустынѣ.
Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина;
Есть боги... и земля злодѣямъ предана,
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!

(¹) Сочин., стр. 41—42.

Увы, что я, гдѣ я! Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена роднёй,
Извержена изъ Өивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно.
Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно.
Жестокій гнѣвъ боговъ, гоненіе людей
Лишь твердость новую несли душѣ моей:
Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терпѣньи.
Но безъ родителя, въ моемъ теперь мученьи,
Лишенная надеждъ... мой духъ во мнѣ унылъ,
Ударъ жестокій сей моихъ превыше силъ,
И всѣми чувствами отчаянье владѣя.... (Увидя Тезея)
Иль небо шлетъ ко мнѣ для помощи Тезея? (1).

Является Тезей и, узнавъ о похищеніи Эдипа, отправляется въ погоню за Креономъ и возвращаетъ Эдипа.

Во время отсутствія Эдипа къ Антигонѣ, находившейся во дворцѣ Тезея, явился Полиникъ и упросилъ Антигону обратиться къ отцу и вымолить у него прощеніе ему. Судьбою опредѣлено было, что при осадѣ Өивъ побѣда останется за тѣмъ изъ братьевъ, на сторону котораго перейдетъ Эдипъ. Но Эдипъ, уступивъ просьбѣ Антигоны допустить Полиника къ себѣ, не могъ простить его и перейти на его сторону въ борьбѣ съ Этеокломъ:

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные, что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну преклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,

(1) Сочин., стр. 44.

Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у Ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ (1).

Между тѣмъ народъ аѳинскій, считая причиною всѣхъ бѣдствій страны то, что въ ней поселился проклятый богами и людьми Эдипъ, потребовалъ, чтобы для умилостивленія боговъ была принесена въ жертву дочь его, Антигона. Невыразимо поразило Эдипа это жестокое требованіе, но Антигона покорно соглашается на него, если аѳиняне успокоятъ ея отца. Она говоритъ:

Граждане, вами бывъ на смерть осуждена,
Какъ ни ужасна смерть, какъ участь ни сурова,
Безъ ропота и слезъ принять ее готова.
Мнѣ жизнь казалась тѣмъ отрадна и мила,
Что утѣшеньемъ быть родителю могла,
Что онъ на грудь мою слагалъ свои печали.
Сію пронзая грудь, вы право днесь мнѣ дали
Аѳинамъ поручить отца несчастны дни.
Залогомъ вѣрнымъ пусть пребудутъ вамъ они
Союза страшнаго, союза смерти лютой,
Который съ вами я сей совершу минутой.
Такъ, жители Аѳинъ, я заклинаю васъ
Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
Передъ лицемъ богинь, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, гнетомую тоской!
Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна:
Не то для васъ она на вѣки будетъ слезна (2).

Но въ то время, какъ жрецы готовятся совершить обрядъ жертвоприношенія, прибѣгаетъ въ храмъ Полиникъ и хочетъ заколоть себя, вмѣсто Антигоны, но его останавливаетъ Эдипъ и, выслушавъ его глубокое раскаяніе во всѣхъ злодѣяніяхъ, прощаетъ его и требуетъ, чтобы его самого принесли въ жертву Эвменидамъ, такъ какъ онъ самъ служитъ виною всѣхъ бѣдствій страны. Но когда Эдипа уже повели къ алтарю, приходитъ въ храмъ Тезей вмѣстѣ со взятымъ въ плѣнъ Креономъ и говоритъ, что такъ какъ виною всѣхъ бѣдствій служитъ Креонъ, который воздвигъ междоусобіе въ странѣ, разссоривъ братьевъ и внушивъ имъ изгнать отца, то онъ и долженъ быть принесенъ въ жертву Эвменидамъ. Небесный громъ поражаетъ Креона и утверждаетъ справедливый приговоръ Тезея.

(1) Сочин., стр. 58—59. (2) Стр. 66.

Такимъ образомъ окончаніе трагедіи Озерова отличается отъ Эдипа Колонскаго Софокла, у котораго Эдипъ умираетъ таинственною смертью и его могила остается никому неизвѣстною, и отъ Эдипа Дюси, у котораго Эдипъ умираетъ подъ ударами грома. Въ трагедіи Озерова вмѣсто Эдипа умираетъ Креонъ, о которомъ извѣстно, что онъ царствовалъ въ Ѳивахъ послѣ Этеокла и Полиника. Кромѣ Дюси на трагедіи Озерова видно вліяніе оперы Саккини „Эдипъ въ Колонѣ". Все первое явленіе перваго дѣйствія, въ которомъ изображается разговоръ Эдипа съ Антигоною, почти буквально заимствованъ оттуда. — Несмотря на указанные недостатки, „Эдипъ въ Аѳинахъ" Озерова у современниковъ пользовался великимъ уваженіемъ. Причина этого заключалась, конечно, прежде всего въ самомъ сюжетѣ трагедіи—въ величавомъ и чрезвычайно интересномъ миѳѣ объ Эдипѣ, въ которомъ чрезвычайно много обще-интересныхъ общечеловѣческихъ чертъ, а потомъ—въ необыкновенно симпатичномъ изображеніи характеровъ Эдипа и Антигоны и вообще въ изложеніи всего сюжета. Правда, это изложеніе сдѣлано подъ вліяніемъ тогдашняго сантиментальнаго направленія, вслѣдствіе котораго самые характеры и духъ трагедіи потеряли свой строгій классическій характеръ и приблизились къ современнымъ литературнымъ типамъ; но, можетъ быть, потому они особенно и нравились современникамъ, которые находили въ нихъ глубоко чувствительныя и нѣжныя свойства.

Вяземскій объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ" говоритъ, что „трагедія эта въ первый разъ была представлена на Петербургскомъ театрѣ въ 1804 году и вскорѣ послѣ этого напечатана при посвященіи Державину. Публика приняла ее съ живымъ удовольствіемъ... Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій сказано было, что нѣкоторыми любителями отечественной словесности было положено собрать подписку для выбитія золотой медали въ честь автора Эдипа" ([1]).

Содержаніе трагедіи „*Фингалъ*" взято изъ пѣсенъ Оссіана, которыя, какъ мы указали выше, еще въ Екатерининскую эпоху переведены были на русскій языкъ Костровымъ. Уже въ Державинѣ мы замѣтили сочувствіе къ героямъ этихъ пѣсенъ. Но между всѣми героями Оссіана особенно привлекаетъ къ себѣ симпатію Фингалъ, который во всей оссіановой поэзіи играетъ роль сѣвернаго Ахиллеса. Его-то Озеровъ и выбралъ героемъ своей трагедіи. Владыка Морвены, Фингалъ побѣдилъ Локлинскаго царя, Старна, убилъ сына его Тоскара и самого его взялъ въ плѣнъ. Послѣ окончанія войны Старнъ получилъ свободу, но затаилъ въ душѣ мысль при первомъ удобномъ случаѣ отомстить Фингалу за

([1]) Сочин. Вяземскаго, I, 40.

свой плѣнъ и за убіеніе сына. Между тѣмъ дочь Старна Моина страстно влюбилась въ Фингала, который также увлекся ея красотою и предложилъ ей свою руку. Старнъ и вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ соглашается на предложеніе Фингала, имѣя въ виду убить его въ то время, какъ онъ пріѣдетъ къ нему для совершенія брака.—Трагедія начинается хоромъ бардовъ и локлинскихъ дѣвъ, прославляющихъ силу и могущество красоты, которая побѣждаетъ всѣхъ непобѣдимыхъ на войнѣ героевъ, и въ частности обаятельное могущество Моины, которая побѣдила сердце непобѣдимѣйшаго героя, Фингала. Является Фингалъ и, обращаясь къ Старну, говоритъ:

О, мужественный Старнъ, ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!
Краснорѣчивымъ быть мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возрощенъ, воспитанъ на щитахъ...
Мое искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ.
Итакъ не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ...

Старнъ говоритъ, что онъ вѣритъ его чувству, но желаетъ, чтобы, по обычаю страны, бракъ былъ совершенъ въ храмѣ боговъ:

Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцовъ
Оставлено доднесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ божество,
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
Итакъ я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука пріяла.

Фингалъ готовъ исполнить это:

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ
И храмъ и жертвенникъ тому, кто создалъ міръ;
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать тѣсна и высота небесна;
Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу;
Безъ нихъ несемъ ему съ зарей, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.

Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить (1).

Когда пришла Моина, онъ обращается къ ней съ такими словами:

«Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.

Моина отвѣчаетъ ему:

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько-жъ искренны, сколь искренна она:
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть души высокія отрада:
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ,
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала
Терзалась мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ (2).

Но когда Фингалъ и Моина явились въ храмъ Одина, верховный жрецъ, по наученію Старна, сказалъ, что Моина не мо-

(1) Сочин. Озерова, стр. 87—89. (2) Сочин., стр. 91—92.

жеть быть супругою убившаго ея брата Фингала, пока Фингалъ не совершитъ торжественной тризны по Тоскарѣ и на его могилѣ не примирится съ его тѣнью. Фингалъ не хотѣлъ это дѣлать и вступилъ со жрецомъ въ жаркій споръ; но сторону жреца принялъ Старнъ, и Фингалъ долженъ былъ согласиться совершить тризну по Тоскарѣ. Во время тризны Старнъ предложилъ Фингалу отдать свой мечъ въ награду побѣдителю; Фингалъ отдалъ не только мечъ, но и боевой свой рогъ. Когда Фингалъ остался безоруженъ, по знаку Старна на него бросились воины, чтобы убить его; но онъ увидѣлъ мечъ, висѣвшій надъ могилой Тоскара,— схвативъ его, началъ защищаться. Старнъ, видя, что воины испугались, самъ съ мечемъ бросился на Фингала; но въ это время Моина явилась спасти Фингала съ отрядомъ его воиновъ. Старнъ въ бѣшенствѣ поражаетъ своимъ мечемъ Моину и самъ закалывается. Фингалъ, увидя Моину умирающею, хочетъ также умертвить себя, но бардъ Фингаловъ, Уллинъ, останавливаетъ его:

Ты царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесь гласу ты внемли!

Фингалъ:

Увы, жестокій долгъ! Мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;
Но, въ облегченіе моей тоски душевной,

(указывая на тѣло Моины)

Возьми ты сей предметъ, чтобы я каждый день
Изъ гроба воззывалъ Моины легку тѣнь (1).

Непобѣдимая храбрость и мужество, честный и благородный характеръ Фингала, по своей прямотѣ не подозрѣвающаго злобныхъ и хитрыхъ козней Старна и потому довѣряющаго его обманчивымъ рѣчамъ, нѣжное чувствительное сердце Моины чрезвычайно трогали зрителей трагедіи, особенно когда роль Моины играла даровитая актриса Семенова.

Трагедія Фингалъ—въ 3-хъ дѣйствіяхъ вмѣсто 5-ти, какъ предписывалось классической теоріей драмы, представляетъ первый примѣръ нарушенія этой теоріи. За это и досталось Озерову потерпѣть много упрековъ и нападеній отъ современной критики.

О трагедіи „Фингалъ“ Вяземскій говоритъ: „Въ трагедіи

(1) Сочин., стр. 127.

„Фингалъ" одно только трагическое лице—Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру, Моину, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, не раздѣляющей ненависти его къ побѣдителю сына, и, вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озерова. Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубинѣ печальной души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала. Онъ сочеталъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости" (¹).

Въ 1807 г., когда уже приближалась война Россіи съ Наполеономъ, Озеровъ въ трагедіи „Димитрій Донской" воскресилъ борьбу Россіи съ Мамаемъ и знаменитую Куликовскую битву. Вотъ содержаніе этой трагедіи. Въ шатрѣ великаго князя Московскаго происходитъ совѣщаніе всѣхъ князей, собравшихся на битву съ Мамаемъ. Всѣ князья совѣтуютъ Димитрію не принимать посла Мамая, приславшаго съ требованіемъ дани; только старый князь Бѣлозерскій, боясь пораженія, совѣтуетъ заплатить дань Мамаю, чтобы сохранить миръ и спокойствіе въ Россіи. На такой совѣтъ Димитрій отвѣчаетъ:

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ,

(¹) Сочин. Вяземскаго, I, стр. 41—42.

О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ Россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ (1).

Однакожъ онъ приказалъ привести посла Мамая и на его гордую рѣчь, исполненную угрозъ, сказалъ:

. . . . Чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя!
. . . .
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой (2).

Въ совѣщаніи положено было на другой день рано утромъ напасть на татаръ и самъ Димитрій рѣшился идти во главѣ своего войска, и когда князь Бѣлозерскій сталъ останавливать его, совѣтуя поберечь себя, онъ сказалъ:

Мой долгъ: въ день мира судъ, и мужество въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ, въ своемъ благомъ совѣтѣ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитеся? Средь вражескихъ полковъ
Пріосѣнитъ меня, какъ щитъ, его покровъ.
Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ! (3).

(1) Сочин. Озерова, стр. 140—141.
(2) Сочин., стр. 143—145. (3) Стр. 147—148.

Но являясь такимъ твердымъ и мужественнымъ предъ князьями на совѣтѣ, онъ въ душѣ своей глубоко унываетъ и грустить: онъ, какъ нѣжный и чувствительный рыцарь, влюбленъ въ Нижегородскую княжну, Ксенію, невѣсту князя Тверскаго. Эта любовь такъ въ немъ сильна, что ей онъ приписываетъ свою твердость, вызвавшую его на битву съ Мамаемъ:

Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить([1]).

Напрасно другъ его и наперсникъ всѣхъ его тайнъ Бренскій совѣтуетъ ему заглушить эту любовь не во время да и безъ надежды, потому что Ксенія уже обѣщана отцомъ ея князю Тверскому и скоро прибудетъ въ станъ для вѣнчанія; Димитрій остается непреклоненъ и хочетъ воспрепятствовать браку. Но такое насиліе оказывается ненужнымъ, Ксенія сама любитъ Димитрія и, прибывши въ станъ, объявляетъ, что она не можетъ выйти за Тверскаго князя, которому отецъ ея обѣщалъ безъ ея согласія:

Родитель слово далъ; то слово непреложно.
Спросился ли меня, иль съ сердцемъ онъ моимъ,
Когда предположилъ мой грустный бракъ съ Тверскимъ?
Подъ игомъ у Татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы;
Родимся, чтобы несть въ терпѣніи яремъ
Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ,
Которое всегда отцовъ рѣшится властью
И рѣдко счастливо четы взаимной страстью([2]).

Она объявляетъ объ этомъ и Димитрію и князю Тверскому и, чтобы уничтожить ихъ ревность и раздоръ, который можетъ повести къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ во время войны съ татарами, хочетъ идти въ монастырь. Узнавъ объ этомъ, князь Тверскій приходитъ въ неистовство и требуетъ, чтобы Димитрій своею властію заставилъ Ксенію выйти за него; въ противномъ случаѣ онъ грозитъ удалиться изъ стана со своими полками. Когда Димитрій на это замѣтилъ, что онъ не позволитъ ни Ксеніи сдѣлать насиліе, ни ему принудить её къ насильному браку, то онъ возбуждаетъ противъ Димитрія всѣхъ князей, указывая имъ въ словахъ и поступкахъ его такое самовластіе, которое хуже татарскаго. Всѣ князья возстаютъ противъ Димитрія и особенно князь Смоленскій:

([1]) Сочин., стр. 150. ([2]) Стр. 157.

Ординецъ въ алчности, горя любостяжаньемъ,
На злато Россіянъ свой взоръ стремитъ съ вниманьемъ;
Но самовластному не злато лишь предметъ:
На всѣ дѣянія цѣпь тяжкую кладетъ;
Путями скрытными находитъ онъ искусство
Поработить и мысль, поработить и чувство,
И мы бъ увидѣли въ однѣхъ его рукахъ
И собственность, и жизнь, и милость намъ, и страхъ.
Ахъ, нѣтъ: не для того сражаться мы готовы,
Чтобъ намъ перемѣнить несомыя оковы,
Чтобы владычества перемѣнить кумиръ!
И лучше отъ Татаръ принять хочу я миръ,
Чѣмъ родомъ равнаго себѣ владыкой видѣть (1).

Князь Бѣлозерскій старается примирить всѣхъ князей съ Димитріемъ, онъ не видитъ другого средства свергнуть съ себя поносное татарское иго, какъ въ соединеніи всѣхъ князей подъ властію одного, а Димитрія проситъ принудить Ксенію выйти за Тверскаго князя, указывая на то, что такъ назначилъ отецъ Ксеніи. Но Димитрій говоритъ:

Обидными чту правы,
Которы дѣлаютъ тирановъ изъ отцовъ
И вводятъ ихъ дѣтей въ роптаніе рабовъ.

Кн. Бѣлозерскій:

Тѣ правы, государь, суть первыя въ природѣ,
Священны тамъ еще, гдѣ нравственность въ народѣ.
Чтобы о нихъ судить ты прежде будь отцомъ,
И святость оныхъ правъ познаешь ты потомъ
Не разсужденіемъ, холодныхъ душъ искусствомъ,
Но вѣрнымъ, истиннымъ, горячимъ сердца чувствомъ (2).

Всѣ хотятъ уйти изъ стана. Князь Смоленскій говоритъ:

Но премѣнять почто печальну нашу долю,
Когда готовишь ты намъ пущую неволю?
. . . .
. . . . . . Что пользы или нужды,
Что ты съ отечества сорвешь оковы чужды
И цѣпи новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ примѣръ,
Что власти ты своей не полагаешь мѣръ (3).

Наконецъ Ксенія, чтобы, сдѣлавшись причиной раздора между князьями, не стать виною погибели отечества, соглашается

(1) Сочин., стр. 173. (2) Стр. 178. (3) Стр. 180.

выйти за князя Тверскаго. Но князь Димитрій, услышавъ ея слова, приходитъ въ бѣшенство, обнажаетъ мечъ и бросается на Тверскаго; въ это время Ксенія становится между ними и останавливаетъ Димитрія. Тверскій зоветъ его на поле брани, чтобы тамъ своими подвигами доказать, „кто будетъ Ксеніи достоинъ болѣ" (1). Отъ борьбы душевной Димитрій чувствуетъ себя слабымъ для того, чтобы руководить битвой и проситъ Бренскаго замѣнить его и стать на его мѣсто подъ большимъ знаменемъ:

Ты замѣни меня въ рѣшительный сей день,
И знаки княжески и шлемъ ты мой надѣнь!
. . . .
Въ сей день приличенъ видъ мнѣ воина простаго:
Сіяніе сихъ бармъ всѣхъ Русскихъ соберетъ
И отъ главы моей погибель отженетъ,
А я опасностей и смерти лишь желаю (2).

Онъ снимаетъ съ себя цѣпь и проситъ передать её Ксеніи.

Въ послѣднемъ 5-мъ дѣйствіи описывается побѣда надъ Мамаемъ. Является бояринъ и говоритъ:

Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей среди самихъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!
Подобно замыслы обрушились Мамая (3).

Слѣдуетъ подробный разсказъ о битвѣ. Князя Димитрія долго не могли найти и думали, что онъ убитъ, но оказалось, что онъ былъ сильно раненъ, но остался живъ. Князья поздравляютъ его съ побѣдой и даютъ ему имя Донского. Князь Тверскій, узнавъ о подвигахъ Димитрія, примиряется съ нимъ и самъ передаетъ ему Ксенію.

Въ трагедіи, изображающей знаменитую Куликовскую битву, много историческихъ несообразностей. Герой ея изображенъ совершенно невѣрно; это не тотъ безстрашный герой, какимъ изображаютъ его лѣтописи, и не тотъ смиренный князь, какимъ онъ представляется въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Это рыцарь западныхъ рыцарскихъ поэмъ и романовъ, въ которыхъ герои во время самой войны представляются занятыми непремѣнно любовными приключеніями. Герой Куликовской битвы влюбленъ въ Нижегородскую княжну Ксенію; между тѣмъ въ это время онъ

(1) Сочин., стр. 203. (2) Стр. 205. (3) Стр. 210.

былъ женатымъ, а Ксенія была невѣстою Тверскаго. Любовь его такъ овладѣла имъ, что ей приписывается то мужество и одушевленіе, съ какимъ онъ ополчился на Мамая, совершенно такъ, какъ въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ герой избиралъ для себя даму сердца, во имя которой совершалъ свои подвиги. Онъ не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ Ксеніи. Вмѣсто того, чтобы готовиться къ страшной битвѣ съ Мамаемъ, онъ вступаетъ въ борьбу съ княземъ Тверскимъ изъ-за обладанія Ксеніей, ссорится со всѣми князьями до того, что всѣ хотятъ оставить его одного сражаться съ Мамаемъ. Пріѣздъ Ксеніи въ военный лагерь вѣнчаться съ Тверскимъ наканунѣ битвы также противорѣчитъ исторіи и древнимъ нравамъ. Но Ксенія оказывается умнѣе Димитрія; чтобы уничтожить раздоръ князей, столь гибельный для дѣла, она соглашается выйти за нелюбимаго князя Тверскаго. Всѣхъ выше является въ трагедіи другъ и совѣтникъ князя Димитрія, Бренскій, котораго Димитрій во время битвы послалъ вмѣсто себя на явную смерть. Бренскій и умный князь Бѣлозерскій своими совѣтами сдерживаютъ во все время раздоръ князей, произведенный въ станѣ ссорою Димитрія съ княземъ Тверскимъ.

Несмотря, однакоже, на такія несообразности, трагедія принята была съ восторгомъ, весьма часто давалась на сценѣ и вызывала громкія рукоплесканія. Причиною этого было то, что она написана была въ 1807 г. предъ войной съ Наполеономъ и удовлетворяла вполнѣ тогдашнему патріотическому настроенію общества. Указанныя выше мѣста, какъ напр. монологъ Димитрія въ отвѣтъ Бѣлозерскому князю, предложившему усмирить гнѣвъ Мамая данью:

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной»..

отвѣтъ Димитрія послу Мамая на требованіе дани:

. . . . . . «И твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ»..

отвѣтъ его князю Бѣлозерскому, не соглашавшемуся на то, чтобы онъ шелъ во время войны впереди войска:

«Мой долгъ: въ день мира судъ»...

монологъ его предъ сраженіемъ:

«Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою»... (¹)

разсказъ боярина объ окончаніи битвы и о побѣдѣ надъ Мамаемъ:

«Рука Всевышняго отечество спасла»..

(¹) Сочин., стр. 192.

буквально потрясали стѣны театра, особенно когда ихъ произносилъ знаменитый актеръ Шушеринъ.

Весьма много также увлекали въ этой трагедіи и современныя либеральныя разсужденія: о несвободномъ положеніи женщины въ семействѣ и особенно при выходѣ замужъ:

«Подъ игомъ у Татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы»...

о тяжелыхъ правахъ отцовъ надъ дѣтьми:

. . . . . . «Обидными чту правы,
Которы дѣлаютъ тирановъ изъ отцовъ»...

о княжескомъ самовластіи:

«Ордынецъ въ алчности, горя любостяжаньемъ,
На злато Россіянъ свой взоръ стремитъ съ вниманьемъ;
Но самовластному не злато лишь предметъ:
На всѣ дѣянія цѣпь тяжкую кладетъ»...

Оцѣнивая „Димитрія Донского", Вяземскій говоритъ: „Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда онъ въ исторіи является уже супругомъ великой княгини, Евдокіи, пользовался свободою, законною принадлежностію искусства. Счастливъ былъ бы Озеровъ, еслибы довольствовался сею трагическою вольностію; но увлеченный романическимъ воображеніемъ, онъ занесъ преступную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унизилъ героя, чтобы возвысить любовника... Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ своей души и въ самомъ подвигѣ славы напоминаетъ намъ не великаго князя Московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истины въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая, такъ сказать, обвиненіе критики, трагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? Кончина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и неоспоримая укоризна ему? Самый сопер-

никъ Димитрія не исторгаетъ ли невольную дань уваженія, отказываясь отъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признаться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитріемъ, что онъ превзошелъ его?“ ([1]). „Въ стихахъ Озерова, говоритъ Вяземскій, нѣтъ той свободы, той мягкости, которыя заставляютъ забывать читателя о трудѣ стихотворства... Почеркъ дѣтства измѣняется съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразоваться, и суровость языка временъ Княжнина еще отзывается въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! Какая истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе, измѣняющее сердцу, не пріученному къ жизни счастіемъ!“ ([2]). Особенно Озеровъ умѣлъ изображать женскіе характеры.

„Пушкинъ, говоритъ Вяземскій, Озерова не любилъ... Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія. Я, можетъ быть, его дарованіе преувеличивалъ. Современемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полудорогѣ“ ([3]).

Кромѣ Карамзина, Дмитріева и Озерова, сантиментальное направленіе не выставило другихъ замѣчательныхъ талантовъ, но писателей въ этомъ направленіи было весьма много. Къ нимъ, между прочимъ, относятся: Подшиваловъ, В. В. Измайловъ, В. Л. Пушкинъ, князь Шаликовъ, Нелединскій-Мелецкій и П. Ю. Львовъ.

Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ (1765—1813) по происхожденію—сынъ отставного солдата въ Москвѣ, по образованію—воспитанникъ московской университетской гимназіи, въ которой онъ потомъ былъ учителемъ логики и стилистики; на службѣ онъ дослужился до предсѣдателя Гражданской Палаты во Владимірѣ, гдѣ и скончался. Онъ принадлежалъ къ кружку Новикова и, какъ членъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, участвовалъ въ журналахъ Новикова „Вечерней зарѣ“ и „Покоющемся Трудолюбцѣ“. Затѣмъ, вмѣстѣ съ профессоромъ университета Сохацкимъ, былъ издателемъ журналовъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793), „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798) и „Иппокрена, или Утѣхи любословія“ (1799—1801). Подшиваловъ былъ послѣдователемъ сантиментальнаго направленія и горячимъ поклонникомъ Карамзина. Въ его журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ Карамзинъ названъ „чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ нашимъ Стерномъ“. Къ Стерну, которому въ своихъ Письмахъ подражалъ Карамзинъ, Подшиваловъ обращается съ такими словами:

([1]) Сочин. Вяземскаго, I, 44—45. ([2]) I, 50. ([3]) I, 55.

„Безподобный Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что тебѣ подражали“, а самого Карамзина онъ восхвалилъ въ слѣдующей надписи:

Кто въ прозѣ и стихахъ пріятностью блистаетъ?
Какъ Мармонтель, какъ Стернъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себѣ одинъ?
Нашъ путешественникъ россійскій Карамзинъ.

Въ журналахъ своихъ онъ любилъ помѣщать лирическія статьи въ прозѣ сантиментальнаго направленія. Статья „Къ сердцу“, напечатанная въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, считается самою характерною для опредѣленія этого направленія. Здѣсь, между прочимъ, мы читаемъ такое обращеніе къ сердцу: „Тихія колебанія сердца! электризуйте перо мое, да прославитъ оно чистый неизсякаемый источникъ вашъ, источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей!... Чувствительное сердце! благословляю тебя. Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую наши радости, услаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, тамъ не слышенъ ропотъ на всещедраго Бога, тамъ цвѣтетъ величественная натура и упоеваетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни; тамъ и самыя горести превращаются въ источникъ утѣхъ. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется: но стремясь помочь ему, утѣшить его, ощущаетъ неизъяснимое веселіе. Несчастливъ я самъ, сердце мое вздымается противъ утѣснителей: но я невиненъ, я отношу ихъ притѣсненія на счетъ властолюбія или зависти, что они не могутъ наслаждаться тѣми жъ удовольствіями, которыми я наслаждаюсь, и сія мысль извлекаетъ болѣзненный вздохъ изъ груди моей; а на вздохъ мой нисходитъ любимая дщерь небеснаго Отца, кроткая надежда и, усыпляя мои мученія, манитъ возвратиться къ внутреннимъ радостямъ, которыхъ никто у меня похитить не можетъ. Я люблю—чувствительнымъ сердцамъ любить сродно—и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ фей, учитъ таинствамъ грацій, готовитъ среди самыхъ терзаній пріятныя для предбудущихъ временъ воспоминанія. Чувствительное сердце, о, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты устрояешь наше счастіе. Горе нечувствительнымъ! горе управляемымъ силою одного механизма!... Простосердечіе, чистосердечіе! надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена; но ты, любезный К** (Карамзинъ), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ! Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые,

ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?" ([1]). Подшиваловъ много писалъ и переводилъ, находясь на службѣ въ разныхъ мѣстахъ.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ (1773—1830). Познакомившись съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ, Измайловъ участвовалъ въ „Аѳинахъ", гдѣ напечатаны были многія его стихотворенія. Подражая Карамзину, онъ отправился въ путешествіе по Южной Россіи и описалъ его потомъ подъ названіемъ „Путешествіе въ полуденную Россію". Эпиграфомъ къ нему онъ поставилъ слова Дюпати: „Нѣкоторые путешественники привозятъ изъ чужихъ странъ статуи, медали, произведенія природы; я же возвращаюсь съ идеями и чувствами". Дѣйствительно: онъ описываетъ въ своемъ путешествіи не столько предметы, имъ видѣнные, сколько идеи и впечатлѣнія, ими возбужденныя. Онъ былъ страстный поклонникъ Руссо и называлъ его „своимъ любезнымъ женѐвцемъ". Въ Путешествіи онъ весьма часто обращается къ нему съ восторженнымъ сочувствіемъ: „о Руссо, Руссо!" Онъ переводилъ его „Новую Элоизу" (перевелъ почти всю первую часть), „Атталу" Шатобріана (1802) и „Историческую и политическую картину Европы въ XVIII в." Сегюра (1802—1803). Въ 1804 г. онъ издавалъ журналъ для воспитанія: „Патріотъ". Въ этомъ журналѣ онъ также является горячимъ послѣдователемъ Руссо. Любя ботанику, онъ перевелъ „Руссовы письма" объ этой наукѣ (1810). Съ 1814 г. Измайловъ дѣлается журналистомъ; сначала онъ издаетъ „Вѣстникъ Европы", гдѣ были напечатаны первые опыты Пушкина и Дельвига, потомъ „Россійскій Музеумъ" (1815 г.); въ томъ и другомъ журналѣ напечатано много собственныхъ его статей по разнымъ вопросамъ. Вообще Измайловъ, хотя не имѣлъ большихъ дарованій, но былъ писатель трудолюбивый и уважаемый всѣми за свой честный и благородный характеръ ([2]). До чего сильно было вліяніе Карамзина на Измайлова, видно изъ словъ самого Карамзина: „въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ" ([3]);

Василій Львовичъ Пушкинъ (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина. Послѣ недолговременной военной службы, выйдя въ

([1]) Историческая хрестоматія Галахова, изд. 2-е, стр. 94—96.
([2]) Переводы въ прозѣ В. Измайлова, изд. въ Москвѣ. Ч. 1—6. 1819—1820 г.
([3]) «Вчера и Сегодня», кн. I.

отставку, В. Пушкинъ поселился въ Москвѣ и посвятилъ себя литературѣ: писалъ посланія, элегіи, басни, мадригалы, эпиграммы. Въ 1803 г. онъ отправился за границу и свое путешествіе описалъ въ двухъ письмахъ къ Карамзину изъ Берлина и изъ Парижа. Въ Парижѣ онъ познакомился съ тогдашними писателями: Дюси, Сенъ-Пьеромъ, Делилемъ. Чтобы познакомить ихъ съ нашей народной поэзіей, онъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ. Въ Лондонѣ онъ занялся изученіемъ англійскаго языка и для этого переводилъ отрывки изъ Томсоновой поэзіи: „Четыре времени года“. Возвратившись изъ-за границы, онъ былъ сотрудникомъ въ разныхъ журналахъ петербургскихъ и московскихъ и помѣстилъ въ нихъ множество сатирическихъ и шуточныхъ стихотвореній. Лучшимъ изъ нихъ онъ самъ признавалъ стихотвореніе „Опасный сосѣдъ“. Пушкинъ былъ страстнымъ почитателемъ Карамзина и принималъ дѣятельное участіе въ спорѣ писателей „о старомъ и новомъ слогѣ“. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два его посланія—къ Жуковскому, напечатанное въ „Цвѣтникѣ“ 1810 г., и къ Дашкову, напечатанное въ отдѣльной брошюрѣ въ 1811 г. Въ посланіи къ Жуковскому, осмѣивая весь соборъ безграмотныхъ славянъ, онъ говоритъ:

Я, признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнассъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.
. . . .
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье;
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю.
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ,
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ,
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно!
. . . .

Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ:
Безумцу вопреки, поэтъ всегда поэтъ.
И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душею добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній восхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.
Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье (¹).

Еще сильнѣе возстаетъ Пушкинъ противъ Шишкова и его послѣдователей въ посланіи къ Дашкову, осмѣлившемуся критически разобрать сочиненія Шишкова.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ Русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ—сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя пострадаетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ:
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,

(¹) Стихотворенія В. Пушкина. Спб. 1822; стр. 7 и слѣд.

Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью.

. . . .

Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже абіе и аще не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ.
Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сенъ-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы;
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Русскимъ быть и Русскій былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья—
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья.

. . . .

За чтожъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили азъ и буки;
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить;
За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ; но по славянски знаемъ (¹).

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (родомъ грузинъ, 1768—1852) былъ самымъ ревностнымъ поклонникомъ сентиментальнаго направленія. „Я служу граціямъ, писалъ онъ Глинкѣ, ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной пріятности, ибо въ этомъ состоитъ вся моя способность". Сочиненія свои въ стихахъ и прозѣ онъ печаталъ сначала въ разныхъ журналахъ. Первый сборникъ его стиховъ былъ изданъ 1798—1801 г. подъ заглавіемъ „Плодъ свободныхъ чувствованій"; въ 1802 г. вышли „Цвѣты грацій". Въ подражаніе Карамзину и В. Измайлову, Шаликовъ написалъ два путешествія въ Малороссію: первое въ 1803 г.: второе—въ 1804 г., и „Путешествіе въ Кронштадтъ" въ 1805 г. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ сентиментальное направленіе доведено было до такихъ уродливыхъ крайностей, что Шаликовъ подвергся осмѣянію всѣхъ писателей. Князь Вяземскій осмѣялъ его подъ именемъ Вздыхалова (²); А. Е. Измайловъ назвалъ его кондитеромъ литературы (³), а Воейковъ въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-кален-

(¹) Историч. хрестом. Галахова, II, 142—145. Біографическія свѣдѣнія о В. Л. Пушкинѣ помѣщены Авенаріусомъ въ Истор. Вѣстн. 1882, № 3.

(²) Сочин. т. III, 275—279.

(³) Благонамѣренный, 1823 г., № 11-й.

дарѣ“ описалъ его такимъ смѣшнымъ образомъ: „Князь П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокита, князь вралей; находился при составленіи изъ канареишныхъ яицъ для Феба яишницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ“. Насмѣшки надъ Шаликовымъ въ печати доходили до невѣроятной дерзости: неизвѣстный писатель, за подписью „И. Кіовскаго“, въ „Дамскій Журналъ“, который издавалъ Шаликовъ, прислалъ шараду, изъ начальныхъ буквъ которой выходилъ акростихъ: Шаликовъ глупъ, какъ колода. Ничего не подозрѣвая, Шаликовъ спокойно её напечаталъ. Изъ всѣхъ сочиненій Шаликова нѣкоторое значеніе имѣетъ только „Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.,“ въ немъ есть хотя краткія, но интересныя свѣдѣнія, какъ очевидца. Кромѣ того, Шаликовъ писалъ повѣсти и переводилъ сочиненія г-жи Жанлисъ и Шатобріана. Въ 1806 г. онъ издавалъ журналъ: „Московскій Зритель“. Въ объявленіи объ его изданіи было заявлено, что „хорошій вкусъ, чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ его вниманія“. Въ томъ же направленіи издавались Шаликовымъ журналы „Аглая“ (1808—1812 г.) и „Дамскій Журналъ“ (1823—1833). Въ „Дамскомъ Журналѣ“ помѣщались, между прочимъ, „Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ-авторовъ“ М. Н. Макарова. Въ этомъ журналѣ печатались первыя стихотворенія Т. Н. Грановскаго. Наконецъ, Шаликовъ былъ 25 лѣтъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, послѣ 1812 г. (1).

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (1751—1828) извѣстенъ по пѣснямъ, которыми славился въ свое время на ряду съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ. Онъ былъ очень даровитый поэтъ, но, къ сожалѣнію, растратилъ свои дарованія въ разсѣянной свѣтской жизни. Бантышъ-Каменскій, лично знавшій Мелецкаго съ молодыхъ лѣтъ, замѣтилъ о немъ: „вотъ человѣкъ съ достоинствами, но праздный“. Батюшковъ называетъ его „Анакреономъ и Шолье нашего времени“, а въ стихотвореніи: „Мои пенаты“ ставитъ его на ряду съ Богдановичемъ (т. I, стр. 137). Особенно теплыя воспоминанія сохранились о немъ у Вяземскаго. „Воспоминанія мои о Ю. А. Нелединскомъ, говоритъ онъ въ своей „Записной книжкѣ 1848 г.“, сливаются во мнѣ съ многими первыми воспоминаніями жизни моей. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей моего отца. Къ тому же, какъ поэтъ и страстно любившій стихи, онъ всегда сочувствовалъ новичкамъ на поэтическомъ поприщѣ. Онъ изъ пер-

(1) Примѣчанія В. И. Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова. I, 434—437.

выхъ одобрилъ мои первые опыты и, разумѣется, тѣмъ пріобрѣлъ довѣренность мою. Стихи мои, которые я первоначально таилъ отъ Карамзина, какъ дѣтскія шалости... встрѣчали въ Нелединскомъ благосклоннаго слушателя. Позднѣе онъ отплачивалъ мнѣ такою же довѣренностію... Какъ поэтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе современниковъ своихъ. Особенно пѣсни его пріобрѣли общенародную извѣстность. Пѣсня его: „Выйду я на рѣченьку" пѣта была и красавицами высшаго общества, и поселянками среди полевыхъ трудовъ. Нѣкоторыя изъ пѣсней его по вѣрности и страсти выраженнаго въ нихъ глубокаго, задушевнаго чувства остаются и понынѣ образцовыми въ своемъ родѣ, не смотря на прихотливыя измѣненія, послѣдовавшія въ нашемъ языкѣ. Онъ съ честію засѣдалъ въ Правительствующемъ Сенатѣ... Онъ любилъ науку и занимался ею, но болѣе про себя, для собственной отрады, особенно же къ наукѣ чиселъ имѣлъ природное влеченіе... Но ни одной изъ своихъ способностей онъ не преслѣдовалъ до конца, ни одной изъ нихъ не избралъ онъ исключительнымъ орудіемъ и цѣлію своей, нѣсколько распущенной дѣятельности. Дарованіе его не было упорнымъ трудомъ возвышено до самобытности творчества и художества. Умственныя способности не были подчинены системѣ науки. Онъ не могъ, или не хотѣлъ приписаться, прикрѣпить себя исключительно къ опредѣленному званію. Природа была къ нему расточительна, и самъ расточалъ онъ дары ея (¹)".

Павелъ Юрьевичъ Львовъ (1770—1825), воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, былъ сотрудникомъ Московскаго Журнала Карамзина, съ которымъ однакожъ разошелся. Онъ написалъ три повѣсти: „Россійская Памела" (1789), „Роза и Любимъ" (1790) и „Александръ и Юлія". Первая изъ этихъ повѣстей, представляющая подражаніе Ричардсону, дала поводъ издателю „Меркурія" Клушину назвать его Антирихардсономъ. Въ 1801 году Львовъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и съ открытія „Бесѣды любителей русскаго слова" сдѣлался членомъ ея и ревностнымъ защитникомъ спорнаго слога. Онъ написалъ много переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній (²).

Мы указали на болѣе важныхъ подражателей Карамзина. Было много и другихъ. Подражали главнымъ образомъ Письмамъ Русскаго Путешественника и Бѣдной Лизѣ. Подражая Карамзину и Стерну, наши писатели увлекались еще французскимъ писателемъ

(¹) Сочин. кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1879 г. Томъ II, 380—394. Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго изданы А. Смирдинымъ. Спб 1850 г.

(²) Примѣчанія В. И. Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова, I, 379.

Верномъ, который написалъ два путешествія и считался у французовъ наравнѣ со Стерномъ. Бѣдной Лизѣ также было много подражаній, каковы: „Бѣдная Маша“ А. Измайлова (1801), „Обольщенная Генріетта, или торжество обмана надъ слабостью и заблужденіемъ, истинная повѣсть“ Ивана Свѣчинскаго (1801), „Несчастная Маргарита, истинная россійская повѣсть“ (1803), „Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ“; „Исторія бѣдной Марьи“; „Инна“ Каменева; „Марьина Роща“ Жуковскаго. Но повѣстями и путешествіями не ограничивалось сантиментальное направленіе; оно распространено было во всей литературѣ, во всѣхъ формахъ прозы и поэзіи: и въ пѣснѣ, и посланіи, эпитафіи и надписи, въ драмѣ и комедіи—повсюду лились обильныя слезы радости или печали, слышались воздыханія, умиленія, восхищенія.

Сантиментальное направленіе, доведенное послѣдователями Карамзина до смѣшныхъ крайностей, вызвало сатиру въ литературѣ. Князь Горчаковъ въ посланіи къ князю Долгорукову въ такомъ видѣ изображаетъ русскую словесность, находящуюся подъ вліяніемъ этого направленія:

Къ словесности на часъ мы нашей обратимся!
Произведеньями ея не восхитимся...
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сантиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышетъ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье.
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился (затлился?) жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной (¹).

Князь Шаховской, какъ уже мы замѣтили, осмѣялъ сантиментальное направленіе въ комедіи „Новый Стернъ“.

(¹) Сочиненія Горчакова, 1890, стр. 145.

ШКОЛА КЛАССИЧЕСКАЯ.

Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ монашествѣ Аникита (1783—1837), послѣдователь Шишкова и членъ Россійской Академіи, написалъ поэму въ трехъ пѣсняхъ: „Пожарскій, Mининъ и Гермогенъ, или спасенная Россія“ (Спб. 1807) и лирическое пѣснопѣніе въ 8-ми пѣсняхъ—„Петръ Великій“ (Спб. 1810),—въ подражаніе Юнгу: „Ночь на гробахъ“ (Спб. 1812), „Ночь на размышленія“ (Спб. 1814) и др. стихотворенія. Батюшковъ о поэмѣ „Петръ Великій“ сказалъ:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только «Петръ Великій»
Ея не называй ([1]).

Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ (1760—1810), воспитанникъ духовной семинаріи, а потомъ Московскаго университета, былъ ученикъ и послѣдователь Хераскова, усвоившій отъ него мистико-масонское направленіе. При императорѣ Павлѣ, будучи на службѣ въ Черноморскихъ портахъ, Бобровъ посѣтилъ Крымъ и написалъ поэму: „Таврида, или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонисѣ“ ([2]) и другую мистико-аллегорическую поэму: „Древняя ночь вселенной, или Странствующій Слѣпецъ“ (Спб. 1807—1809), въ которой онъ подражалъ поэмѣ Хераскова: „Владиміръ“. Извѣстна эпиграмма на эти поэмы князя Вяземскаго:

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ! ([3]).

Александръ Петровичъ Беницкій (1780—1809) былъ воспитанникъ пансіона Шадена, гдѣ изучилъ нѣмецкій и французскій языки. Батюшковъ въ письмахъ къ Гнѣдичу вспоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ пылкою, благородною душою, съ большимъ умомъ и литературнымъ талантомъ. Дѣйствительно, онъ обладалъ несомнѣнными дарованіями, какъ показываютъ его сказки и восточныя повѣсти: „Ибрагимъ или Великодушный“, „Параллели: женщина и дама; умный и дуракъ“; „Бедуинъ“; онѣ отличаются живымъ, интереснымъ разсказомъ, остроуміемъ и хорошимъ языкомъ. Вмѣстѣ

([1]) Примѣчанія В. И. Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова, I, 377—378.

([2]) Николаевъ. 1798. Вторично была издана подъ заглавіемъ: «Херсонида или картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ». Спб. 1804.

([3]) Примѣчанія Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова, II, 536—538.

съ А. Е. Измайловымъ въ 1809 г. онъ издавалъ ежемѣсячный журналъ „Цвѣтникъ", въ которомъ сотрудниками были главнымъ образомъ писатели Карамзинскаго направленія. Въ журналѣ онъ помѣщалъ переводы, писалъ рецензіи на разныя сочиненія и разныя стихотворенія ([1]).

Александръ Ефимовичъ Измайловъ (1779—1831) воспитывался въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ. Получивъ еще въ корпусѣ расположеніе къ литературѣ, онъ постоянно занимался ею и въ то время, когда состоялъ на службѣ въ разныхъ мѣстахъ. Имъ былъ основанъ журналъ „Благонамѣренный", который продолжался 10 лѣтъ (съ 1818 по 1827). Журналъ этотъ имѣлъ сатирическій характеръ; онъ отличался веселостью и остроуміемъ, довольно грубоватымъ и не всегда скромнымъ и приличнымъ. Спеціальностью, вполнѣ соотвѣтствующею таланту Измайлова, были басни и сказки, которыхъ онъ написалъ очень много. Онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго, но очень нравились современникамъ своимъ сатирическимъ элементомъ. Первымъ объемистымъ произведеніемъ Измайлова была повѣсть: „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества" (Спб. 1799) ([2]).

Николай Михайловичъ Шатровъ (1765—1841) принадлежалъ къ школѣ Шишкова, былъ противникомъ Карамзина и его послѣдователей. Онъ писалъ подражанія псалмамъ, приноравливая ихъ къ современнымъ событіямъ Наполеоновскихъ войнъ ([3]).

Князь Димитрій Петровичъ Горчаковъ (1758—1824). Воспитавшись на классическихъ произведеніяхъ французской литературы, онъ былъ самъ классикъ, принадлежалъ къ школѣ Шишкова, участвовалъ въ изданіи „Бесѣды любителей русскаго слова" и нападалъ на Карамзина и его послѣдователей. Первыми печатными его произведеніями были комическія оперы изъ арабскихъ и русскихъ сказокъ: „Калифъ на часъ" (напис. 1786, изд. 1788), „Счастливая тоня" (1786) и „Баба—яга" (1788), которыя имѣли большой успѣхъ на сценѣ. Но главнымъ образомъ онъ былъ извѣстенъ, какъ сатирикъ; его сатирическое направленіе очень цѣнилось; онъ считался человѣкомъ съ независимымъ образомъ мыслей и даже вольтеріанцемъ; его называли русскимъ Ювеналомъ. Когда стало распространяться въ литературѣ сантиментальное направленіе, онъ

([1]) Тамъ же, 427—429.

([2]) Басни и сказки А. Измайлова изданы въ 1814 г., Спб.; Собраніе сочиненій его издано Смирдинымъ въ 1849 г. (2 части).

([3]) Собраніе его стихотвореній напечатано Россійской Академіей въ 1831 г.

написалъ на него рѣзкую сатиру въ Посланіи къ князю Долгорукову (1).

Кромѣ Горчакова, какъ сатирики въ это время еще извѣстны были Долгоруковъ, Нахимовъ и Милонозъ.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ (1782—1815) былъ уроженецъ Харьковской губерніи; уже со службы поступилъ въ Харьковскій университетъ, когда онъ открылся, и кончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ. Онъ писалъ сатиры на подьячихъ и взяточниковъ. Когда вышелъ знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, Нахимовъ написалъ „Элегію-сатиру", которою сдѣлался извѣстенъ повсюду:

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите,
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подьячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы:
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ, еслибы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ:
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердныхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ.
О, солнце! не лишай ты филиновъ затменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что? гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!

---

(1) Примѣчанія В. И. Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова, III, 648—649. Сочиненія Горчакова изданы въ 1890 г. Москва.

Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать? (¹).

Такой же характеръ имѣетъ другая сатира: „Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ“ (²).

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ (1792—1821) былъ очень даровитый поэтъ, но, къ сожалѣнію, умершій рано—на 29 году—отъ невоздержной жизни. Современникамъ нравилась его сатира „Къ Рубеллію“, написанная на одного временщика въ царствованіе императора Александра (³).

Въ началѣ XIX в. мы замѣчаемъ въ обществѣ особенную любовь къ театру. Въ это время, кромѣ знаменитаго Дмитревскаго, уже доживавшаго свой вѣкъ, но все еще не покидавшаго сцену и даже руководившаго ею, на петербургскомъ театрѣ славились Яковлевъ и Семенова, Каратыгинъ и Колосова (послѣ Каратыгина), на московскомъ театрѣ—Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ, Сандуновъ и Сандунова и впослѣдствіи Мочаловъ и Щепкинъ. Они весьма много содѣйствовали успѣхамъ самой драматической поэзіи и ея авторовъ. Озеровъ съ Семеновой „дѣлилъ дань слезъ и народныхъ рукоплесканій“. Шаховской много обязанъ успѣхомъ своихъ піэсъ игрѣ Щепкина. Общество отвыкало отъ грубыхъ удовольствій, искало благородныхъ развлеченій; явилось много лицъ, которыя со званіемъ писателей для театра соединяли должность устроителей театра, каковы: князь Шаховской, Карабановъ, Катенинъ и Кокошкинъ; явились любители театра, или такъ называемые театралы, которые, не принадлежа къ театру непосредственно, оказывали ему свое вниманіе, поощреніе и содѣйствіе, и къ которымъ принадлежали нерѣдко важные сановники изъ аристократическаго міра и богатые люди изъ купеческаго общества; образовалась страсть читать драматическія сочиненія въ обществѣ на домашнихъ собраніяхъ. Подражая столицамъ, заводили театры и въ провинціяхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ: вельможи, богатые и знатные помѣщики устраивали спектакли, съ актерами

(¹) Сочин. изд. 1849 г., стр. 13—14.

(²) Очеркъ жизни Нахимова въ Русской Старинѣ 1880 г., кн. 11—12. Историческая хрестоматія Галахова, II, 272—279. Сочиненія А. Нахимова въ стихахъ и прозѣ напеч. въ 1815 г. Харьковъ. Изд. Смирдина 1849.

(³) Изд.: Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія, Спб. 1819; Смирдина—въ 1849 г.

изъ крѣпостныхъ людей [1]. Несмотря на новое направленіе въ литературѣ, сантиментальное, на сценѣ еще долго держалась старая ложно-классическая драма, какъ лучшій цвѣтъ классической поэзіи вообще; но сочувствіе публики уже замѣтно переходило на сторону такъ называемой мѣщанской драмы, въ которой выразилось новое направленіе и которая появилась у насъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Въ началѣ XIX в. вошли въ моду мѣщанскія драмы нѣмецкаго писателя Коцебу; его піэсы: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе" (1792), „Сынъ любви" (1795) и „Гусситы подъ Наумбургомъ" (1807) въ продолженіе почти 30 лѣтъ не сходили со сцены, наконецъ надоѣли и вызвали противъ себя сатиру. Горчаковъ въ Посланіи къ Долгорукову говоритъ:

Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинны явленья?
И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца;
Одинъ лишь «Сынъ Любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусситы», «Попугай» предпочтены «Сорелѣ»
И Коцебятина одна теперь на сценѣ [2].

Несмотря на то, драмы Коцебу издавались въ сборникахъ и отдѣльно, и служили занимательнымъ чтеніемъ. Кромѣ переводовъ были и подражанія Коцебу. Н. Ильинъ написалъ „Лизу или торжество благодарности" (1803), „Великодушіе или рекрутскій наборъ" (1804); В. Ѳедоровъ: „Лизу или слѣдствія гордости и обольщенія" (1804); Ѳ. Ивановъ: „Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ" (1808). Эти піэсы также нравились и долго давались на сценѣ. Со внесеніемъ въ поэзію романтическихъ элементовъ явилась драма романтическая и мелодрама, такъ названная потому, что въ ней лучшія драматическія мѣста, монологи и діалоги дѣйствующихъ лицъ сопровождались музыкою. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ главнымъ образомъ разсчитывали на эффектъ и для этого жертвовали естественностію и правдой, то слово „мелодраматическій" стало означать недостатокъ драмы—неестественность, излишнюю искусственность.

---

(1) Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова, въ статьѣ—Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, II, 221—301. Его же литературныя и театральныя воспоминанія въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 4.

(2) Сочин., стр. 145—146.

А. А. ШАХОВСКОЙ.

Во главѣ писателей, писавшихъ для театровъ и заботившихся объ его усовершенствованіи, безспорно надобно поставить князя Шаховского: это былъ Сумароковъ своего времени; по крайней мѣрѣ, по страстной любви къ театру, по множеству драматическихъ піэсъ, имъ написанныхъ, по своей суетливости, бойкости и живости, и вообще по своему задорному характеру, онъ весьма много напоминаетъ собою „россійскаго Расина", хотя во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше его.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской (1777—1846) (¹), воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, по окончаніи въ немъ курса, поступилъ въ Преображенскій полкъ; но скоро, бросивъ военную службу, онъ перешелъ въ театральную дирекцію и всю продолжительную жизнь свою посвятилъ исключительно театру. Директоръ Петербургскаго театра, Нарышкинъ, для набора иностранныхъ артистовъ, отправилъ Шаховского за границу; Шаховской превосходно воспользовался этимъ случаемъ для развитія своего драматическаго таланта и для изученія театральной науки, и все, что онъ видѣлъ хорошаго въ разныхъ европейскихъ театрахъ, онъ старался потомъ перенести въ русскіе театры. Существенную его заслугу въ этомъ отношеніи составляетъ то, что онъ устроилъ театральную школу для приготовленія молодыхъ артистовъ изъ русскихъ. Заботясь объ успѣхахъ русской драматической поэзіи, онъ въ 1808 г. началъ издавать „Драматическій Вѣстникъ" съ цѣлію „изыскивать въ древнихъ сочиненіяхъ все, касающееся художествъ, и тѣмъ содѣйствовать отвращенію дурнаго вкуса, который, господствуя въ новыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, развращающихъ и умъ и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность". Въ Драматическомъ Вѣстникѣ, кромѣ чисто литературныхъ произведеній, помѣщались историческія и теоретическія статьи о театрѣ, главнымъ образомъ переводы изъ Вольтера, печатались нападки на мѣщанскія драмы и особенно на нѣмецкія драмы Коцебу. Гостепріимный домъ Шаховского былъ центральнымъ мѣстомъ собранія всѣхъ любителей театра, всѣхъ писателей и артистовъ. Въ 1818 г. вслѣдствіе столкновенія съ директоромъ театровъ, Тюфякинымъ, онъ оставилъ театръ, но постоянно продолжалъ писать разныя піэсы для театра. Въ 1825 г. вслѣдствіе непріятностей съ княземъ Долгоруковымъ онъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; въ Москвѣ онъ также заботился объ усовершенствованіи театра и сочинялъ для него піэсы.

По литературному направленію Шаховской былъ сначала строгій классикъ и слѣдовалъ французской драматической теоріи,

---

(¹) Историческая хрестоматія Галахова, II, 414—420. Примѣчанія Саитова къ сочиненіямъ Батюшкова, III. 600—602.

принадлежалъ къ школѣ Шишкова и былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова. Какъ поклонникъ Шишкова, онъ нападалъ на сантиментальное направленіе и осмѣялъ его въ своей комедіи „Новый Стернъ“ (1). Къ драматическимъ писателямъ онъ относился враждебно, представляя ихъ себѣ своими соперниками. Расположенный сначала къ Озерову, онъ, послѣ его успѣховъ на сценѣ, сталъ вредить ему. Въ комедіи „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“ (напеч. въ 1815 г.), въ лицѣ балладника Фіалкина, онъ въ смѣшномъ видѣ выставилъ Жуковскаго. Впослѣдствіи онъ и самъ перешелъ на сторону романтизма и сталъ заимствовать сюжеты для своихъ произведеній у романтическихъ поэтовъ. Шаховской былъ чрезвычайно плодовитый писатель; число піэсъ, имъ написанныхъ, доходитъ до 100. Между ними есть драмы, трагедіи, комедіи, водевили, оперы и балеты; но главнымъ родомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его таланту, была комедія; Шаховской былъ комическій писатель: его „Дебора или торжество вѣры“—трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ есть подражаніе Гоѳоліи Расина (изд. въ 1811 г.); „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“—комедія, заимствованная изъ французской піэсы: La coquette; „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“, комедія въ одномъ дѣйствіи—изъ французской піэсы Le menteur; „Китайскій сирота“, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ Вольтера; „Иваной, или возвращеніе Ричарда львинаго сердца“—романтическая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ романа Вальтера Скотта „Айвенго“; „Буря“, волшебно-романтическое зрѣлище—изъ Шекспира; „Таинственный карло или долина чернаго камня“—романтическая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ Вальтера Скотта: „Алеппскій горбунъ или размѣнъ ума и красоты“—водевиль изъ арабскихъ сказокъ. „Аристофанъ или представленіе комедіи: Всадники“, историческая комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, написана „въ древнемъ родѣ и въ равномѣрныхъ стихахъ греческаго стопосложенія“ (М. 1828) (2). Но особенно, при выборѣ сюжетовъ, Шаховской слѣдовалъ своему патріотизму. „Успѣвши нѣсколько въ старомъ, или обыкновенномъ, писалъ онъ князю Одоевскому, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго, то, по крайней мѣрѣ, не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу моими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше моего дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы, и даже къ созданію своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“ (3). Съ

---

(1) Появился на сценѣ въ 1805 г.; 1-е изданіе въ 1817 г., 2-е въ 1822.

(2) Лѣтопись русскаго театра. Составилъ П. Араповъ. Спб. 1861 г. Стр. 204. 238—239, 268, 290, 302, 306, 332, 382—383.

(3) Русскій Архивъ 1864 г. Стр. 806—807.

этою цѣлію онъ часто бралъ сюжеты для своихъ піесъ изъ русской исторіи и литературы. Онъ написалъ: „Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ“, опера-водевиль (1816)—изъ жизни Ломоносова, который, возвращаясь въ Петербургъ изъ Марбурга, попался въ руки прусскихъ вербовщиковъ; „Соколъ князя Ярослава Тверскаго, или суженый на бѣломъ конѣ“—изъ преданія о построеніи Тверскаго Отрочь-монастыря; „Иванъ Сусанинъ“; „Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“—романтическая драма изъ жизни волжскихъ разбойниковъ; „Финнъ“, волшебная трагедія—изъ Руслана и Людмилы Пушкина; „Юрій Милославскій“—изъ романа Загоскина; „Рославлевъ “—тоже изъ романа Загоскина; „Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ“—изъ жизни основателя русскаго театра въ Ярославлѣ; „Смольняне“, защита Смоленска Шеинымъ отъ поляковъ. Для насъ особенно интересны: „Новый Стернъ“, „Липецкія воды“, „Пустодомы“ (изд. 1820), „Двумужница“, „Расхищенныя шубы“ и „Казакъ-стихотворецъ“ ([1]).

Содержаніе комедіи „*Новый Стернъ*“ (въ 1 дѣйствіи) состоитъ въ слѣдующемъ. Графъ Пронскій, начитавшись чувствительныхъ путешествій, самъ пустился путешествовать за 500 верстъ отъ Москвы. Слуга его Ипатъ говоритъ: „Мы, сударь, смотря по погодѣ вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизневность; быстрый ручей мелодіею своею питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей сантиментальности; наконецъ, ведро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары.... все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ мы сантиментальные вояжеры“. Англійской собачкѣ Леди, которую переѣхали колесомъ, Пронскій воздвигаетъ „Монументъ вѣчности“. Встрѣтивъ крестьянку, дочь мельника, Маланью, онъ вообразилъ её прелестной пастушкой, влюбился въ неё и хочетъ жениться на ней. „Чудна, пестра природа.... Здѣсь потерялъ я друга.... О Леди! Леди! тебя ужъ... Слеза дружбѣ! Здѣсь встрѣтилъ я невинное существо, ангела въ образѣ интересной пастушки. Всю ночь мрачный Морфей не очернилъ зрѣнія моего; она была въ мысленныхъ очахъ моихъ. Напрасно я перелистывалъ Новую Элоизу; я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки“. Крестьяне смѣются надъ Пронскимъ, считая его сумасшедшимъ. „Рѣшено, что баринъ мой свихнулъ съ ума. Жаль, а у него сердце ангельское! Слезливые писатели, плаксивые сочинители! вы, вы загубили добраго моего господина; вамъ будетъ отвѣчать за него! Эти маленькія книжонки, что я носилъ ему изъ университетской лавки, поддѣли бѣднаго графа.... Разтолкуйте мнѣ, сударь, откудова выѣхала къ намъ эта сантиментальная чертовщина?“

---

[1]) Лѣтопись русскаго театра П. Арапова, стр. 232, 233, 343, 361, 281—288, 241, 215, 216.

„Она сформировалась въ Англіи,—отвѣчаетъ на это Судбинъ,—попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ вывезли её въ такомъ жалкомъ состояніи....“.

Судбинъ, другъ отца Пронскаго, прикинувшись крестьяниномъ, хочетъ вразумить его и вылечить отъ сантиментальности. Когда графъ объявляетъ ему, что онъ „по примѣру многихъ чувствительныхъ людей вздумалъ объѣхать всю Россію, а потомъ и далѣе“, Судбинъ говоритъ ему: „славно, баринъ, спасибо тебѣ! Ты хочешь узнать всю святую Русь. Ты, чай, сынокъ знатнаго барина, служишь царю государю, такъ почему жъ тебѣ не быть въ чинахъ: губернаторомъ. намѣстникомъ или еще болѣе. И потому-то, знать, ты и объѣзжаешь всѣ земли, чтобы узнать, гдѣ чѣмъ промышляютъ, гдѣ что родится, гдѣ много земли, да мало рукъ, гдѣ мало земли, да много рукъ, гдѣ мужички зажиточны, гдѣ они нищіе, чѣмъ можно поправить ихъ обиходъ, чѣмъ пособить злу, какъ сдѣлать добро“.... Графъ удивляется, что простой крестьянинъ такъ разсуждаетъ. Когда же онъ на сдѣланное предложеніе получилъ рѣшительный отказъ, Судбинъ ему говоритъ: „сегодпешній день долженъ вамъ открыть глаза: вы презрѣны крестьянскою дѣвушкой, осмѣяны ребятишками, чуть чуть не родня Ипату. Вы должны почувствовать, сколь воображеніе молодаго чувствительнаго человѣка, воспламененное взбалмошными писателями, можетъ быть для него пагубно. Рожденный съ чувствами пламенными, сердцемъ нѣжнымъ, душею пылкою, молодой человѣкъ, начитавшійся писателей, которые, не смотря на ихъ ложныя мысли, одарены нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, можетъ на минуту заблуждаться: но при первомъ свѣтѣ разсудка онъ долженъ выйти на истинный путь“.

Осмѣивая сантиментальныхъ путешественниковъ, авторъ имѣетъ намѣреніе осмѣять все сантиментальное направленіе и имѣетъ въ виду преимущественно путешествія по Россіи Измайлова и Шаликова, косвенно и Письма Русскаго Путешественника Карамзина.

Сюжетъ піэсы „*Липецкія воды*“ составляетъ приключеніе одной барыни на липецкихъ водахъ. Графиня Лелева пріѣхала на воды не лечиться, а веселиться. Ее окружаетъ множество поклонниковъ, но она расположена къ одному изъ нихъ, полковнику Пронскому, участвовавшему въ Наполеоновскихъ войнахъ 12, 13 и 14-го годовъ; она старается отвлечь его отъ двоюродной своей сестры Ольги Холмской, въ которую онъ влюбленъ. Между тѣмъ на воды пріѣзжаетъ двоюродный братъ Пронскаго, Ольгинъ, прежній поклонникъ графини; графиня и ему назначаетъ свиданіе. Открытіе или разоблаченіе этого кокетства графини и составляетъ содержаніе піэсы, которой поэтому дано названіе: „Урокъ кокеткамъ“. Между поклонниками графини представленъ поэтъ-балладникъ Фіалкинъ, въ лицѣ котораго изображенъ Жу-

ковскій. Вотъ сцена, въ которой онъ выведенъ. Проводивъ домой всѣхъ другихъ поклонниковъ, графиня поручаетъ выпроводить Фіалкина своей горничной Сашѣ.

Графиня: Отправь его скорѣй...
Саша: Придите къ намъ ужо съ гитарою своей
Попозже.
Фіалкинъ: Внушена мнѣ геніемъ баллада,
И посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.
(Графинѣ) Примите....
Графиня: Что, сударь?
Фіалкинъ: Творенье небольшое,
Но есть въ немъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.
Графиня: Я ихъ люблю.
Саша: А прозвище какое?
Фіалкинъ: Омиръ или Омеръ. Еще не рѣшено,
Какъ должно звать его, и для того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы не бранили.
Саша: Да дѣло въ чемъ? а *ме* иль *ми*, намъ все равно.
Фіалкинъ: Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ
Графиня: Гомеръ влюбился!
Фіалкинъ: Ахъ! кто пѣлъ и не любилъ?
Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбнулась Хлоя.
Графиня: Вотъ это новое!
Фіалкинъ: Не думаете-ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго?—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Этого все мало.
Графиня: И даже прочаго!—Что жъ нужно для него?
Фіалкинъ: Въ немъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ....
Саша (въ сторону): Гдѣ тонко, тамъ и рвется.
Фіалкинъ: Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ.... какъ я!...
Графиня: Намъ времени осталось
Немного, такъ прошу....
Фіалкинъ: Увы! когда бъ я могъ
Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ всплamененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтный.

Графиня (въ сторону): Въ пѣньѣ снослѣе вздоръ. (Ему) Пропойте.
Фіалкинъ (настраивая гитару): Я готовъ.

Баллада.

«Пѣлъ безсмертный славну Трою,
Пѣлъ родныхъ Пріама чадъ,
Пѣлъ Ахилла, жадна къ бою,
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ, мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтями
У безсмертнаго слѣпца».

Я мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ:
Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, слѣпецъ безсмертный,
Безсмертнаго слѣпца Омера.

Графиня (въ сторону): Что за вздоръ!
Саша: Слѣпецъ слѣпца ведетъ—прекрасно!
Фіалкинъ: Ахъ! вашъ взоръ
Рѣшитъ судьбу слѣпца!
Графиня: Онъ очень милъ.
Саша: А сколько
Куплетовъ всѣхъ?
Фіалкинъ: Всего ихъ сорокъ восемь.
Саша: Только?
Фіалкинъ: Не больше.
Графиня (Сашѣ): Ахъ, спаси!
Саша (Фіалкину): Бездѣлица, да насъ
Ждетъ туалетъ. А вамъ не время-ль на Парнасъ?

. . . .

Графиня: Могу-ль я быть въ надеждѣ,
Что нынче въ вечеру услышу...
Фіалкинъ: А не прежде?
Графиня: Не прежде; но прошу, скажите мнѣ пока
Сюжетъ.
Фіалкинъ: Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ..
Саша: Покуда перестанетъ.
Фіалкинъ: Нѣтъ, ошибаетесь! Покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреваты небеса
Не хлынутъ океанъ на землю....(¹).

Эта не замысловатая и не остроумная сатира послужила поводомъ къ тому, что вся партія Жуковскаго напала на Шаховского и на него также явилось множество сатиръ и эпиграммъ; Шахов-

(¹) Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды. Спб. 1815. Стр. 47—55.

ского стали называть Шутовскимъ и злымъ Гашпаромъ (главное лицо въ поэмѣ „Расхищенныя шубы"). „Липецкія воды" интересовали современную публику еще тѣмъ, что въ нихъ весьма сильно выражался патріотическій элементъ: дѣйствующія здѣсь лица въ своихъ рѣчахъ и монологахъ высказываютъ свои чувства любви къ отечеству, вспоминаютъ о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ. Это было въ 1815 г. Какъ продолженіе „Липецкихъ водъ" въ 1820 г. появилась одноактная комедія въ стихахъ: „Какаду, или слѣдствіе урока кокеткамъ".

Въ комедіи „*Пустодомы*" изображены Радугины—мужъ и жена, помѣщики, промотавшіеся отъ своей непрактичной и безпутной жизни. Князь Радугинъ, совершенно не зная русской жизни, составляетъ разные планы и проэкты или совершенно не выполнимые, или совершенно безполезные, по совѣту своего домашняго библіотекаря Инквартуса и управляющаго дома Цаплина, и входитъ въ долги. Вотъ какъ описываетъ Радугина слуга его:

Нашъ князь все въ мірѣ знаетъ,
Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ,
Кто до потопа жилъ, извѣстно все ему;
А то, что дѣлаютъ теперь въ его дому,
Не вѣдаетъ, и знать ему какъ будто стыдно....
. . . .
Когда изъ-за моря онъ въ свой явился полкъ,
То, году не служа, въ отставку сталъ проситься;
Толкуя вещи всѣ на свой ученый толкъ,
Его сіятельство нашелъ, что не годится
Ему, какъ всѣмъ, ходить и въ караулъ и въ строй;
Что офицерскій чинъ для мудреца ничтоженъ;
Что онъ фельдмаршаломъ, или ничѣмъ быть долженъ.

Радугинъ вышелъ въ отставку и женился. Довѣривъ свои дѣла и домъ своему приказчику и плуту Цаплину, онъ

Хозяйничать въ село профессоровъ отправилъ;
А при лицѣ своемъ Инквартуса оставилъ,
Который прочихъ всѣхъ ученѣй и глупѣй.

Они начали дѣлать выписи, составлять проэкты:

Ты только извлекай, а я, занявшись слогомъ,
Извѣстнымъ мнѣніямъ дамъ новый оборотъ
И помѣщу свои статьи для домоводства.
Мои плантаціи, заводы, скотоводства,
Домы крестьянскіе, трехверстный водоводъ,
Отопка турфами, овины, молотильны,

Свекольный сахаръ, все . . . и самыя коптильни
Невѣжей просвѣтятъ.—Я выставлять хочу
Всего полезнаго село мое въ обращикъ,
И только что рапортъ оттуда получу,
То и вмѣщу въ журналъ. (4—5, 9).

Но всѣ планы его не удались. Свекольный заводъ оказался невыгоднымъ; мериносовыхъ овецъ пасти было негдѣ; а турфы на винномъ заводѣ такъ плохо горятъ, что выходитъ не вино, а хлѣба переводъ. Радугинъ въ негодованіи всѣ неудачи сваливаетъ на русскій климатъ и русское невѣжество.

Не стыдно ль звать климатомъ
Морозы, вьюгу, дождь и вѣчную зиму,
Гдѣ гибнетъ все, нельзя родиться ничему;
И въ царствѣ клюквою, брусникою богатомъ
Что можно завести?
. . . . Нѣтъ сомнѣнья,
Все перепорчено отъ пьянства, нерадѣнья
И отъ невѣжества.... (12—16).

Признавъ источникомъ всѣхъ своихъ неудачъ невѣжество, онъ берется за воспитаніе, хочетъ вездѣ построить школы и учить въ нихъ насильно своихъ крестьянъ. Но дѣло ограничилось составленіемъ плановъ, къ чему онъ только и способенъ со своимъ руководителемъ Инквартусомъ. Инквартусъ—одинъ изъ тѣхъ ученыхъ педантовъ, которые весь вѣкъ все изучаютъ и обо всемъ разсуждаютъ, полагая всю суть въ самомъ процессѣ разсужденія. Когда Радимовъ замѣчаетъ ему, что важнѣе всѣхъ наукъ на свѣтѣ—наука Правдологія:

По правдѣ въ свѣтѣ жить,
Отъ правды не лынять, за правду не сердиться;
Въ душѣ, на языкѣ всегда её имѣть,
А если надобно, за правду умереть.

Инквартусъ пускается въ такія разсужденія:

Позвольте, знаю все: цѣль вашего ученья
Есть правда; спорить въ томъ не можете никакъ:
А правда съ истиной сословы (¹) суть; и такъ
Цѣль Правдологіи есть къ истинѣ стремленье;
А философія не есть ли точно тожъ?
Не всѣ-ль философы отъ Канта до Сократа.

(¹) Синонимы.

Стремились къ истинѣ и отвергали ложь?
Хоть философія системами богата,
Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона стоицизмъ,
Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ,
И Фихтовъ ихтеизмъ съ Берклея идеизмомъ,
Сократо-платонизмъ съ антропофилеизмомъ,
Суперъ-натурализмъ, перипатетицизмъ,
Доризмъ, пиеизмъ, кратизмъ, фиксизмъ и фатализмъ;
Такъ безъ софизмовъ я все кончу силлогизмомъ,
Что правды ригоризмъ вы греко-руссицизмомъ
Хотѣли выразить,—и я васъ угадалъ.

Радимовъ.

Да изъ какихъ земель васъ князю Богъ послалъ?
И этихъ измовъ всѣхъ откуда ты набрался?

Инквартусъ.

Я родомъ съ Эзеля, но въ Галлѣ просвѣщался
И человѣкомъ сталъ!...

Радимовъ.

Скажите-жъ, человѣкъ,
Что съ княземъ путнаго надѣлали вы въ свѣтѣ?

Инквартусъ.

Учились, учимся, учиться будемъ въ вѣкъ...
. . . .
Въ столѣ и на столѣ найдете сто началъ,
О ста матеріяхъ.... (¹).

Сестра князя, Наталья, закладываетъ свое наслѣдство, чтобы поправить его дѣла; дядя его Радимовъ, узнавъ о разореніи его, пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ имѣніе и ихъ самихъ увозитъ въ деревню.

Часто давалась на сценѣ „*Двумужница*, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь", романтическая драма въ двухъ частяхъ (Спб. 1836 г.). Она нравилась тѣмъ, что въ ней изображались старыя святочныя игры и старыя пѣсни и вообще присутствіемъ народнаго элемента. Интересовалъ также безобразный бытъ волжскихъ разбойниковъ. Изъ характеровъ обращаютъ на себя вниманіе сваха Кузминична и старецъ Савватій.

„*Казакъ стихотворецъ*"—анекдотическая опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи (изданіе 2-е. Спб. 1817).

(¹) Комедія Шаховского «Пустодомы». Спб. 1820 г., стр. 4—5; 9; 12—13; 56—58.

Дѣйствующія лица въ этой піэсѣ—казакъ Климовскій, тысяцкій Прудіусъ, Маруся—невѣста Прудіуса, любовница Климовскаго и др. Піэса давалась на сценѣ съ большимъ успѣхомъ, благодаря малорусскимъ пѣснямъ, положеннымъ на ноты. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то: Ѣхавъ казакъ за Дунай, сказавъ дивчинѣ прощай, были въ большомъ ходу и вошли въ разные пѣсенники.

„*Расхищенныя шубы*"—поэма-комедія или комическая поэма. Какъ пародія на эпическія поэмы, она также начинается словомъ „пою".

Пою крамолою забавы пресѣченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

Дѣйствіе происходитъ на святкахъ въ мѣщанскомъ клубѣ. Главными дѣйствующими лицами являются аллегорическія лица: Веселость и Раздоръ. Раздоръ, не допущенный въ собраніе Веселости, внушаетъ старшинѣ собранія переплетчику Гашпару мысль надѣлать двойныхъ ярлыковъ, изъ коихъ одни должны быть приколоты къ шубамъ, а другіе розданы посѣтителямъ для скорѣйшаго отысканія одежды. Съ этими ярлыками Гашпаръ является въ совѣтѣ старшинъ, предложеніе его возбуждаетъ споръ и поднимается страшный шумъ.

Шаховской, мы замѣтили, писалъ очень много. Подобно Сумарокову, бывшему первымъ директоромъ театра и въ то же время поставщикомъ піэсъ для него, онъ также былъ присяжнымъ писателемъ для театра. Онъ не успѣвалъ ни вдумываться въ сюжетъ піэсы сёрьёзно, ни обработывать его художественно. Поэтому между множествомъ его піэсъ мы не находимъ ни одной классической піэсы, сохранявшей свое значеніе надолго. Да и таланта у него не было такого, чтобы писать такія піэсы; у него не было глубины взгляда, ни серьёзности мысли. У него была наблюдательность, бойкость и живость, воображеніе и остроуміе. Съ этими качествами онъ въ обиліи могъ доставить матеріалъ для спектаклей, не особенно цѣнный и богатый по своему содержанію и внутреннему значенію, но разнообразный и интересный. Онъ не былъ строго разборчивъ: что происходило вокругъ него на сценѣ или въ обществѣ, онъ, нисколько не стѣсняясь, вставлялъ въ свои піэсы, задѣвалъ извѣстныя личности, рисуя ихъ портреты, намекая на извѣстные случаи. Это придавало его піэсамъ характеръ современности и близости къ жизни.

Къ кружку Шаховского принадлежали Кокошкинъ, Катенинъ и Карабановъ.

Өедоръ Өедоровичъ Кокошкинъ (род. 1773 г.), подобно Шаховскому, сначала также принадлежалъ къ дирекціи Петербургскаго

театра, былъ членомъ по репертуарной части, а потомъ директоромъ Московскаго театра. Занимая эту должность, онъ весьма много пользы принесъ театру. Будучи самъ хорошимъ артистомъ, онъ училъ актеровъ театральному искусству, образовалъ Щепкина, Мочалова и много другихъ артистовъ. Первую извѣстность въ литературномъ мірѣ онъ пріобрѣлъ переводомъ „Мизантропа" Мольера([1]), а потомъ писалъ оригинальныя піэсы для театра. Домъ его былъ центромъ, гдѣ устраивались благородные спектакли и литературные вечера, на которые собирались разные писатели и артисты.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792—1853) принадлежалъ къ школѣ Шишкова и представлялъ собою такой образецъ классика, что не допускалъ даже возможности другого направленія въ драматической поэзіи, кромѣ классическаго, и другихъ образцовъ драмы, кромѣ драмъ Корнеля и Расина. Когда явилась романтическая драма и когда самъ Шаховской перешелъ на ея сторону, то онъ возсталъ противъ нея съ особенною силою. Въ „Литературной Газетѣ" Дельвига онъ напечаталъ рядъ критическихъ статей, подъ заглавіемъ „Размышленія и Разборы". Въ этихъ разборахъ онъ между прочимъ разобралъ „Чтенія о драматической поэзіи" Августа Шлегеля, гдѣ представлена параллель между древней и новой драмой, между трагедіями Корнеля, Расина и Вольтера и между трагедіями Шекспира. Свои теоретическія положенія онъ старался подкрѣпить образцами. Для этого онъ перевелъ изъ Корнеля 4-е дѣйствіе „Гораціевъ" (1817) и „Сида" (1822),—изъ Расина „Есѳирь" (1816) и кромѣ того, въ подражаніе Расину, написалъ свою трагедію „Андромаху". Пушкинъ, оцѣнивая литературный талантъ и дѣятельность Катенина, вѣроятно, на основаніи этихъ переводовъ, сказалъ, что онъ „воскресилъ Корнеля геній величавый"; но этотъ отзывъ несправедливъ, или по крайней мѣрѣ слишкомъ преувеличенъ; переводы Катенина далеко не выражаютъ силы подлинника, а его „Андромаха" не можетъ быть и сравниваема съ своимъ образцомъ ([2]).

([1]) Мизантропъ, ком. въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Моліера. Перевелъ Ѳ. Кокошкинъ. М. 1816. Дѣйствующія лица Мольера—Альцестъ, Селимена, Филинтъ, Оронтъ являются подъ именами: Крутона, Людмила, Прелестиной и т. д. въ томъ же родѣ.

([2]) Сочиненія и переводы въ стихахъ... Спб. 1832.

А. Ѳ. МЕРЗЛЯКОВЪ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ (1778—1830) былъ сынъ небогатаго купца въ городѣ Далматовѣ, Пермской губерніи ([1]). Перемѣной своей судьбы ближайшимъ образомъ онъ обязанъ своему дядѣ, который взялъ его изъ захолустнаго города къ себѣ въ Пермь, и директору пермской гимназіи, И. И. Панаеву, который случайно встрѣтилъ его у дяди и, замѣтивъ его способности, записалъ его въ народное училище и сталъ слѣдить за его успѣхами. Чрезъ годъ 14-лѣтній мальчикъ Мерзляковъ принесъ Панаеву свою „Оду на заключеніе мира со Шведами“. Панаевъ представилъ эту оду пермскому губернатору Волкову,—Волковъ отправилъ ее къ главному начальнику народныхъ училищъ графу Завадовскому, а Завадовскій поднесъ ее самой императрицѣ Екатеринѣ II. Екатерина „приказала напечатать сіе сочиненіе въ издаваемомъ тогда при Академіи Журналѣ и сверхъ того нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя“. Эти экземпляры были присланы въ Пермь, при высочайшемъ рескриптѣ, къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ на казенный коштъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 году Мерзляковъ окончилъ курсъ въ пермскомъ училищѣ и отправленъ былъ въ Москву къ куратору университета. Хераскову, и поступилъ въ знаменитое тогда общество Новикова. Сначала онъ учился въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ, гдѣ греческую, латинскую и россійскую словесность слушалъ у Сохацкаго и Чеботарева. Ко времени ученія въ университетѣ относятся его первые опыты стихотвореній, которые онъ печаталъ въ журналѣ Подшивалова: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“; въ этихъ стихотвореніяхъ Мерзляковъ подражалъ съ одной стороны Ломоносову и Державину въ ихъ религіозно-философскомъ и восторженно-патріотическомъ направленіи, а съ другой для изліянія своихъ чувствъ въ пѣсни—Карамзину и Дмитріеву. Потомъ онъ участвовалъ въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при пансіонѣ Шадена, и сблизился съ самимъ Жуковскимъ; въ трудахъ воспитанниковъ пансіона, которые печатались подъ именемъ „Утренней Зари“, помѣщены были нѣкоторыя стихотворенія Мерзлякова. Еще въ то время, когда Мерзляковъ былъ баккалавромъ, ему, по опредѣленію университетской конференціи,

([1]) Смотр. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго, университета. М. 1855. II, 52—100. Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ. Біографическо-критическій очеркъ Н. Мизко. Русск. Старина 1879 г., январь. Историч. хрестоматія новаго періода русской словесности А. Д. Галахова, II, 298—310. Л. Н. Майкова: Сочин. Батюшкова, II, примѣчанія, стр. 506—507.

нѣсколько разъ поручаемо было исправленіе учительской должности въ классахъ россійской грамматики, при академической гимназіи. По новому образованію университета, Мерзляковъ былъ переименованъ изъ баккалавровъ въ кандидаты, а потомъ вскорѣ произведенъ въ магистры. Въ 1805 г. онъ получилъ степень доктора и званіе экстраординарнаго профессора. Когда профессоръ Чеботаревъ, по преобразованіи университета въ 1804 г., былъ избранъ ректоромъ, Мерзляковъ занялъ въ университетѣ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи, на которой и оставался до конца своей жизни. Въ 1810 г. онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ того, Мерзляковъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ „Общества любителей россійской словесности“; не проходило ни одного собранія, въ которомъ бы онъ не читалъ своихъ сочиненій или въ стихахъ, или въ прозѣ. Въ 1812 г., по предложенію князя Голицына, онъ въ огромной залѣ его дома открылъ публичный курсъ словесности; лекціи продолжались весь великій постъ, по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ; въ 10 лекцій прочтена была вся теорія изящныхъ наукъ. Нашествіе французовъ и смерть Голицына прекратили эти лекціи. Въ 1815 г. онъ издавалъ журналъ „Амфіонъ“ и здѣсь напечаталъ нѣкоторыя изъ своихъ лекцій и многія стихотворенія свои и переводы изъ древнихъ писателей и Тасса.

Въ 1816 г. возобновились „публичныя лекціи“ въ домѣ Аграфены Ѳедоровны Кокошкиной. Курсъ состоялъ изъ 24 лекцій и обнималъ сначала „сокращенно общія правила о краснорѣчіи и поэзіи“, потомъ „изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій“ и наконецъ „чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ россійскихъ писателей“. Второй курсъ отличался отъ перваго болѣе критическимъ характеромъ. Какъ въ первомъ изложена была почти полная теорія краснорѣчія и поэзіи, такъ во второмъ, послѣ краткаго изложенія содержанія перваго курса, представлены критическіе разборы лучшихъ русскихъ поэтовъ во всѣхъ родахъ поэзіи.

Существенное отличіе Мерзлякова отъ предшественниковъ его, преподавателей словесности, Поповскаго, Барсова и Чеботарева, заключается въ томъ, что онъ рѣзче отдѣлилъ преподаваніе русской словесности отъ словесности античной, греко-римской, и далъ каѳедрѣ словесности болѣе самостоятельное значеніе. Прежніе преподаватели словесности учили студентовъ выражать мысли свои равно на языкѣ латинскомъ и русскомъ и разбирали образцы изъ русскихъ писателей наравнѣ съ греческими и латинскими, при этомъ руководствовались классическими книгами Гейнекціуса, особенно Эрнести; Мерзляковъ, хотя самъ былъ воспитанъ на классикахъ и въ классическомъ духѣ, слѣдовалъ нѣмецкому руководству Эшенбурга: Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen

Wissenschaften. По этой книгѣ онъ самъ составилъ нѣсколько руководствъ: 1) Краткая риторика, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ; 2) Краткое начертаніе теоріи изящной словесности; 3) Краткое руководство къ эстетикѣ; 4) Конспектъ лекцій россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Собственно Мерзляковъ, передѣлывая Эшенбурга, немного измѣнялъ подлинникъ; къ иностраннымъ образцовымъ писателямъ онъ прибавилъ только русскихъ писателей; но въ основныхъ воззрѣніяхъ онъ иногда отступалъ отъ Эшенбурга. Эшенбургъ признаетъ начало, которое полагалъ Баттё для изящныхъ искусствъ—подражаніе изящной природѣ, неудовлетворительнымъ и вмѣстѣ съ Баумгартеномъ ставитъ высшимъ началомъ для изящныхъ искусствъ чувственное совершенство, представленное искусствомъ и напечатлѣнное на предметахъ нашего ощущенія. Мерзляковъ приводитъ оба эти мнѣнія Баттё и Эшенбурга и говоритъ: „подражаніе природѣ *эстетическое*, въ полномъ смыслѣ сего слова, можетъ быть также принято за начало всѣхъ искусствъ“. Впрочемъ, Мерзляковъ, хотя слѣдовалъ системѣ Эшенбурга, не особенно вѣрилъ въ твердость какихъ-нибудь началъ, какой-нибудь системы. „Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ. Только критика вкуса имѣетъ свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный. Врожденная и совершенствуемая разумомъ, чувственная способность, вкусъ, вмѣстѣ съ критикой, основанной на сравненіи, доводитъ насъ до опредѣленія, сколько возможно, точнѣйшихъ границъ изящной природы, изъ которой почерпаютъ свои матеріалы всѣ искусства“. Важности историческаго изученія словесности Мерзляковъ, кажется, не сознавалъ; хотя въ его время и приготовлено было довольно матеріаловъ для исторіи словесности, но въ общей системѣ науки ея вліяніе еще не такъ сильно чувствовалось. Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова обнаруживаются въ его отдѣльныхъ статьяхъ, именно въ лекціяхъ, читанныхъ въ 1812 году: 1) о талантахъ стихотворца; 2) о геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ; 3) объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ; 4) объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи; 5) объ основаніяхъ изящнаго въ примѣненіи къ родамъ и видамъ поэзіи; 6) о томъ, что называется дѣйствіемъ драмы. Въ статьѣ „Объ изящномъ или о выборѣ въ подражаніи“ онъ говоритъ: „поэзія есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ, иногда вѣрное, иногда украшенное—всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго, подражаніе сообразное съ намѣреніемъ поэта, съ его талантами и чувствами“. „Изобрѣтать въ искусствахъ не значитъ давать существо пред-

мету, но открывать этотъ предметъ въ видѣ разительнѣйшемъ, узнавать новыя въ немъ черты, замѣчая, какое можетъ онъ на людей производить дѣйствіе". „Природа стихотворцевъ весьма обширна: она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ существующій, или дѣйствительный, т. е. физическій, нравственный и гражданскій; потомъ міръ историческій; далѣе міръ миѳологическій; наконецъ міръ идеальный или возможный." —„По какимъ признакамъ узнавать прекрасное, или изящное? Кажется, напрасно будемъ искать ихъ въ предметахъ, насъ окружающихъ. Если бы хотя на одно мгновеніе вдохновенный стихотворецъ, который у древнихъ именовался великимъ именемъ vates, могъ вознестись до такой высоты, чтобы взирать на всю вселенную и обнимать ее единымъ взглядомъ, тогда бы онъ увидѣлъ нѣчто превышающее все его воображеніе, увидѣлъ бы стройность, порядокъ, совершенство, благость Зиждителя въ цѣломъ необъятномъ и въ частяхъ,—отъ твореній безконечно великихъ до твореній безконечно малыхъ, отъ видимыхъ простымъ глазомъ до едва зримыхъ окомъ вооруженнымъ, и возгласилъ бы въ сердечномъ святомъ восторгѣ: все совершенно, все прекрасно: *Велій еси Господи, и чудны дѣла Твоя*"!... Въ статьѣ: „О примѣненіи изящнаго къ родамъ и видамъ поэзіи" Мерзляковъ говоритъ: „Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это не справедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная; ее-то долженъ открыть и исполнить стихотворецъ". Такимъ образомъ Мерзляковъ обнаруживалъ самостоятельныя и глубокія воззрѣнія въ своей наукѣ, когда, оставляя своихъ учителей, предавался внутреннему своему источнику, врожденному чувству красоты, и своимъ добросовѣстнымъ наблюденіямъ природы и искусства; онъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на однихъ умозрительныхъ построеніяхъ. „Вотъ гдѣ система", говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце, признавая, что и въ самыхъ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная.

Между русскими поэтами Мерзляковъ извѣстенъ какъ поэтъ лирическій. Границы лирической поэзіи, по его выраженію, простираются отъ божественнаго гимна и выспренней оды до простой сельской пѣсни. Къ лирическимъ произведеніямъ Мерзлякова относятся: 1) стихотворенія религіозныя: ода на разрушеніе Вавилона, выбранная изъ пророка Исаіи (14,5—28); пѣснь Моисеева, по прохожденіи Чермнаго моря; пѣснь Деворы и Варака; пѣснь Моисея, предъ его кончиною, собравшемуся Израилю; Гласъ Божій въ

громѣ (Псал. 28); гимнъ Непостижимому и пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. Мы уже выше замѣтили, что въ этихъ стихотвореніяхъ Мерзляковъ является достойнымъ подражателемъ Ломоносова и Державина; 2) стихотворенія патріотическія, каковы: Мячковскій курганъ; стихи на побѣду русскихъ надъ французами при Кремсѣ; „Обѣты Россіянъ, или храмъ россійской славы"; „Россъ или обновленіе Европы"; „Гласъ народа отсутствующему Отцу отечества"; „Гласъ радованія восхищенныхъ Музъ, по случаю прибытія въ Москву императора Александра I" и др. Какъ профессоръ университета и членъ Общества Любителей Отечественной Словесности, Мерзляковъ былъ вдохновеннымъ и краснорѣчивымъ глашатаемъ истины, во имя просвѣщенія; въ этомъ случаѣ его поэзія принимала тонъ дидактическій; въ такомъ тонѣ онъ написалъ множество стихотвореній, по разнымъ случаямъ. Во времена Мерзлякова, какъ извѣстно, была въ большой модѣ форма романса, перенесенная къ намъ вмѣстѣ съ балладою и другими формами романтической поэзіи; Мерзляковъ написалъ нѣсколько романсовъ, которые были положены на музыку и постоянно распѣвались; таковы напр. дуэтъ: „Въ часъ разлуки пастушокъ" на голосъ малороссійской пѣсни: „Ихавъ козакъ за Дунай", и „Велизарій":

Малютка, шлемъ нося, просилъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,—
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ....

—

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей,—
И міръ хранителя лишился.
Увы! Свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся».

Голосъ мальчика, посвятившаго себя великому слѣпцу и просящаго для него милостыни, возбуждалъ глубокое сочувствіе.

Но выше романса, для выраженія разныхъ чувствованій, Мерзляковъ ставилъ форму народной пѣсни. „Сильная страсть, сильная радость, отчаяніе не поютъ пѣсней; пѣсня есть собственно плодъ

унынія, сладкаго сѣтованія, страсти тихой и нѣжной. Таковъ характеръ нашихъ народныхъ пѣсней, ознаменованныхъ истинною печатію природы; ибо ихъ произвело не искусство, но чувство простое, чуждое слишкомъ утонченнаго образованія". Онъ самъ сочинилъ нѣсколько пѣсенъ въ народномъ духѣ, каковы: „Среди долины ровныя"; „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить"; „Ахъ, что-жъ ты, голубчикъ, не веселъ сидишь" и „Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый". Въ этихъ пѣсняхъ сказалось настоящее народное чувство; отъ того онѣ такъ и полюбились народу, что до сихъ поръ употребляются, особенно пѣсня: „Среди долины ровныя", выражающая глубокую тоску одиночества. Дмитріевъ разсказываетъ, что она сочинена въ подмосковной деревнѣ Вельяминова-Зернова, гдѣ Мерзляковъ проводилъ лѣтнія каникулы. Разговаривая однажды о своемъ одиночествѣ, онъ взялъ мѣлъ и на открытомъ столѣ написалъ почти половину стихотворенія. Потомъ ему подложили перо и бумагу; онъ переписалъ написанное и окончилъ тутъ же всю пѣсню ([1]):

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ....

Воспитанный на греческихъ и римскихъ классикахъ и ободряемый попечителемъ М. Н. Муравьевымъ, который считалъ необходимымъ внесеніе классическаго элемента въ русскую литературу, Мерзляковъ занимался переводомъ классическихъ сочиненій. Первыми опытами его переводовъ были: Сцены изъ Эврипидовой Алцесты и первая ода олимпійская Пиндара Гіерону Сиракузскому. Потомъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1805 г. явились эклоги Виргилія съ нѣкоторыми эклогами Өеокрита, Біона и Мосха, Наука стихотворная Горація, перепечатанная нѣсколько разъ. Другіе переводы изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эсхила, Софокла, Эврипида, Каллимаха, изъ Энеиды Виргилія, изъ Горація, Тибулла, Проперція и Овидія помѣщались въ разныхъ журналахъ и потомъ напечатаны были вмѣстѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ" (М. 1825—1826). Въ предисловіи къ этому сборнику Мерзляковъ говоритъ, что его цѣлью было „представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащійся могъ ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ Піитики". О способѣ своего перевода онъ выражается: „смѣло могу

([1]) «Мелочи изъ запаса моей памяти», Дмитріева.

сказать, что почти всѣ представленные здѣсь отрывки весьма близко переложены, но не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ, или не относительнымъ къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное переставливалъ и соединялъ первый актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ того нѣчто цѣлое драматическое" и проч. Такое воззрѣніе на переводы Мерзляковъ заимствовалъ у французовъ, которые не умѣли, или не хотѣли вникать въ духъ подлинника и не понимали художественнаго смысла древнихъ произведеній. Подобно Тредьяковскому, который къ своимъ переводамъ присоединялъ предисловія, въ которыхъ подробно объяснялъ происхожденіе и значеніе стихотворной формы переводимаго сочиненія, Мерзляковъ также къ переводу эклогъ Виргилія приложилъ предисловіе объ эклогѣ вообще; въ предисловіи къ первому тому переводовъ и подражаній было приложено разсужденіе „о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ". Изъ новыхъ литературъ Мерзляковъ перевелъ только „Идилліи г-жи Дезульеръ" (М. 1807) и „Освобожденный Іерусалимъ" Тасса (М. 1828 г.).

Мерзляковъ славился въ свое время, какъ краснорѣчивый ораторъ. Особенно часто онъ любилъ говорить рѣчи съ каѳедры въ торжественные дни Московскаго университета и въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности. Между многими рѣчами интересна его рѣчь, произнесенная на актѣ въ университетѣ 30 іюня 1808 г.: „О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ". Въ этой рѣчи, замѣчательной силою и картинностью выраженія, Мерзляковъ съ одушевленіемъ говорилъ о священной еврейской поэзіи и отдалъ ей преимущество предъ всѣми другими. При разборѣ поэзіи у другихъ народовъ мы встрѣчаемъ у него слѣдующее замѣчательное мѣсто о русскихъ пѣсняхъ: „О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ!—Собирая древности чужія, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши!—Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются, и наконецъ совсѣмъ уступятъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе, подобнаго несравненной пѣсни Игорю"!

Послѣ критической дѣятельности Сумарокова, которая имѣла чисто стилистическій характеръ и состояла только въ указаніи

совершенствъ или недостатковъ языка и слога разбираемыхъ писателей, Мерзляковъ былъ первымъ замѣчательнымъ критикомъ въ нашей литературѣ, обращавшимъ вниманіе уже на достоинство содержанія и внутренній характеръ литературныхъ произведеній и на характеръ писателей. Хотя онъ по взглядамъ своимъ принадлежалъ еще къ старой школѣ и слѣдовалъ еще ложно-классической теоріи, но природное чувство изящнаго и здравый вкусъ, многолѣтняя опытность и прозорливая наблюдательность ставили его часто выше теоріи и внушали ему вѣрныя мысли и глубокія сужденія. Критическій талантъ Мерзлякова выражается во всѣхъ его чтеніяхъ о словесности и особенно слѣдующихъ: 1) разсужденіе о россійской словесности; 2) разборъ Россіады, поэмы Хераскова; 3) разборъ 8-й оды Ломоносова: „Царей и царствъ земныхъ отрада, возлюбленная тишина"... 4) разборъ трагедіи Озерова „Поликсена"; 5) разборъ оперы Аблесимова: „Мельникъ"; 6) разборъ трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ"; 7) разборъ трагедій Сумарокова; 8) разборъ сочиненій Державина; 9) о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существеннымъ достоинствамъ; 10) о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ. Мерзляковъ очень высоко цѣнилъ Россіаду, какъ сочиненіе, написанное по классическимъ образцамъ; онъ сравнивалъ ее съ великолѣпнымъ храмомъ св. Петра; „какъ громада неподвижная, говорилъ онъ, и въ буряхъ времени и въ буряхъ мнѣній, стоитъ она огражденная неизмѣняемымъ своимъ величіемъ". Такія преувеличенныя похвалы вызвали однакожъ критику молодого писателя Строева, который въ „Современномъ Наблюдателѣ" осмѣлился выразить публично свое противорѣчіе Мерзлякову. Разбирая оду Ломоносова, Мерзляковъ указываетъ на постепенное совершенствованіе въ одахъ по той мѣрѣ, какъ онъ отступалъ отъ первоначальнаго нѣмецкаго образца своего, Гинтера. Разбирая трагедію Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ", Мерзляковъ порицаетъ Озерова за то, что „онъ поступалъ съ баснею своей насильственно, какъ съ мраморной древней статуей поступаетъ новѣйшій художникъ, смѣло обрубая ее по своему плану, безъ всякаго уваженія ко вкусу древности"... „Симъ образомъ потеряно истинное величіе трагедіи древней! Я не вижу здѣсь ни одного грека, ни Греціи"... Порицая Озерова за то, что онъ увлекался Дюсисомъ въ перемѣнѣ развязки легенды, Мерзляковъ замѣчаетъ о французахъ, что „часто бываютъ слишкомъ нѣжны; боясь разстроить нервную систему своихъ соотечественниковъ, не смѣютъ показать на театрѣ страдальческую смерть мужа добродѣтельнаго. Такая нѣжность часто бываетъ притворное или слишкомъ утонченное жеманство, плодъ испорченнаго вкуса,—жеманство, которое доставило вялость многимъ хорошимъ французскимъ трагедіямъ. Во всемъ должна быть мѣра". Сумаро-

кова Мерзляковъ называетъ „отцемъ русской драмы, установителемъ русской трагедіи и комедіи". Онъ разсматриваетъ всѣ его девять трагедій, по порядку ихъ выхода; лучшими трагедіями признаетъ „Синава и Трувора" и „Семиру". Весьма замѣчателенъ разборъ „Димитрія Самозванца"; извѣстно, что эта трагедія особенно славилась у современниковъ; Мерзляковъ говоритъ, что „она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора".—„Во всѣхъ пяти актахъ никакого дѣйствія. Содержаніе трагедіи: тиранъ сердился, бранился, и съ досады наконецъ убилъ себя". Державина Мерзляковъ называетъ поэтомъ оригинальнымъ: „по первымъ стихамъ тотчасъ же узнаешь Державина, какъ узнаютъ перваго музыканта или живописца по одному движенію смычка, или по чертѣ проведенной... Ода Ломоносова, при всемъ своемъ величіи, носила еще оковы школы; ода Державина въ первый разъ съ распутанными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ". Лучшими одами Державина, драгоцѣннѣйшимъ, нетлѣннымъ сокровищемъ нашей словесности, онъ признаетъ оды философскія; подъ старость Державинъ, какъ извѣстно, выше всѣхъ сочиненій ставилъ сочиненія драматическія; Мерзляковъ называетъ ихъ развалинами Державина. Наконецъ, въ статьѣ: „О вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія" Мерзляковъ указываетъ на необходимость и важное значеніе критики. Онъ строго держится правилъ классической теоріи; онъ нападаетъ на мечтательныя созданія романтическаго вкуса, признавая ихъ „противорѣчащими основному правилу изящнаго". Ни школа Карамзина, ни школа Жуковскаго не пользовались его симпатіями. При чтеніи сочиненій Пушкина чувство его выражалось только слезами. Читая Кавказскаго плѣнника, онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ дать отчета въ этой красотѣ,—и безмолвствовалъ. Послѣднія лекціи Мерзлякова въ университетѣ состояли также почти въ критическихъ импровизаціяхъ; вмѣсто лекціи онъ приносилъ на каѳедру Ломоносова или Державина, раскрывая на удачу, что попадалось,—и рѣчь лилась свободно и роскошно, подъ вліяніемъ минутнаго настроенія; въ профессорѣ и критикѣ сказывался поэтъ по призванію. Эти импровизаціи приводили въ восторгъ слушателей и глубоко запечатлѣвались въ ихъ памяти (1).

---

(1) Собраніе нѣкоторыхъ произведеній Мерзлякова было издано Обществомъ Любителей Россійской Словесности, Москва, 1867 г., 2 тома. Значительная часть его трудовъ помѣщалась въ Трудахъ Общ. Л. Словесности при Моск. унив. (1812—1828). Пѣсни и романсы А. Мерзлякова. М. 1830 г. и въ изд. Суворина 1880 г.

Н. И. ГНѢДИЧЪ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ родился въ Полтавѣ въ 1784 г. (¹). Сынъ небогатаго помѣщика, онъ выросъ въ бѣдности и сиротствѣ; онъ рано лишился родителей, которые оставили ему и сестрѣ его очень небольшое имѣніе; въ раннихъ также лѣтахъ его посѣтила страшная оспа, которая изуродовала его лицо и лишила его праваго глаза. Это обстоятельство на всю жизнь его положило печать грусти, но не лишило однакоже его бодрости; съ терпѣніемъ и твердостью онъ переносилъ всѣ несчастія, привыкъ къ труду, отличался стойкостью своего характера, твердостью въ своихъ убѣжденіяхъ и въ своихъ привязанностяхъ къ людямъ. Образованіе свое Гнѣдичъ получилъ сначала въ полтавской семинаріи, потомъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ познакомился съ греческой и латинской литературой, занимался исторіей подъ руководствомъ профессора Чеботарева, изучилъ французскую и нѣмецкую литературу, читалъ Шекспира во французскомъ переводѣ. Обладая звучнымъ голосомъ, онъ еще въ университетѣ любилъ декламировать предъ товарищами отрывки изъ трагедій и игралъ на университетскомъ театрѣ. Это впослѣдствіи открыло ему доступъ въ богатые и знатные дома Строганова и Оленина и другихъ меценатовъ, гдѣ любили литературныя чтенія и домашніе спектакли. Особенно онъ понравился Оленину своей образованностію и знакомствомъ съ классической литературой.

Первыми печатными трудами Гнѣдича были переводы. Онъ перевелъ трагедію Дюси: „Абюфаръ", потомъ „Короля Лира" Шекспира, „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ" Шиллера и „Танкреда" Вольтера. Гнѣдичъ любилъ театръ, былъ знакомъ съ лучшими актерами, долго былъ друженъ съ актрисой Семеновой, которая весьма много была обязана ему развитіемъ своего драматическаго таланта. Оригинальныя стихотворенія Гнѣдича относятся главнымъ образомъ къ лирическимъ стихотвореніямъ, которыя состоятъ изъ посланій, надписей, эпиграммъ и проч. и ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Лучшія изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ элегическій характеръ: „На гробѣ матери", „Къ Провидѣнію", „А. С. Пушкину", „На смерть графа Строганова", „На смерть барона Дельвига" и подражанія пѣснямъ Оссіана. Не слѣдуя упадающей уже

(¹) Стихотворенія Н. Гнѣдича. Спб. 1832. Сочиненія Гнѣдича, изданныя М. О. Вольфомъ. Спб. 1884 г. Иліада издана А. С. Суворинымъ. Спб. 1884 г. Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884). Сообщ. Тихановъ. Сборн. 2-го отдѣл. Академіи Наукъ, томъ XXXIII.

французской ложно-классической школѣ, онъ не любилъ и новыхъ школъ, ни сантиментальной, ни романтической. Онъ не любилъ балладъ и въ авторѣ „Людмилы"—Жуковскомъ предполагалъ недостатокъ вкуса. Онъ считалъ достойной подражанія только настоящую древнюю классическую поэзію, греческую и римскую. Онъ перевелъ съ греческаго идиллію Ѳеокрита: „Сиракузянки или праздникъ Адониса". Въ предисловіи къ ней, изложивъ происхожденіе идилліи и исторію идиллическаго направленія въ литературѣ, Гнѣдичъ замѣчаетъ объ идилліи, что она—одна изъ труднѣйшихъ по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ и въ то же время „одно изъ необыкновенно оригинальныхъ произведеній древняго поэта, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія существовать можетъ, если поэты, подобно Ѳеокриту, будутъ умѣть пользоваться предметами". По подражанію Ѳеокриту, Гнѣдичъ самъ написалъ идиллію „Рыбаки", въ которой дѣйствіе происходитъ на берегахъ Невы и гдѣ находится превосходное описаніе ясныхъ лѣтнихъ петербургскихъ ночей. Но существенную заслугу онъ оказалъ въ русской литературѣ своимъ переводомъ на русскій языкъ „Иліады" Гомера. За переводъ Иліады принимались еще прежде нѣсколько поэтовъ. Не говоря объ отрывкахъ изъ нея, она вся была переведена прозой два раза—Якимовымъ въ 1776 г., и потомъ Мартыновымъ въ началѣ XIX столѣтія. Кромѣ того, въ 1787 г. были напечатаны первыя шесть пѣсенъ Иліады въ стихотворномъ переложеніи Кострова александрійскими стихами, т. е. шестистопнымъ ямбомъ, съ послѣдовательными риѳмами—размѣромъ, заимствованнымъ у французскихъ псевдоклассиковъ и въ свое время считавшимся необходимымъ условіемъ эпоса и трагедіи. Этимъ же размѣромъ сталъ переводить Иліаду и Гнѣдичъ и хотѣлъ продолжать переводъ Кострова: онъ началъ съ 7-й пѣсни и перевелъ до 12 й. Но С. С. Уваровъ, узнавъ объ этомъ трудѣ, посовѣтовалъ ему, вмѣсто александрійскаго размѣра, употребить гекзаметръ. „Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, есть богатое и систематическое стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ; и каждый родъ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію". Французы изобрѣли другую систему стихосложенія, но „возможно ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, обороты, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гек-

заметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ“. Гнѣдичъ согласился съ этимъ мнѣніемъ Уварова и снова началъ переводить Иліаду гекзаметромъ. Онъ неослабно трудился 20 лѣтъ. Переводъ вышелъ въ 1829 г. и на всѣхъ лучшихъ людей произвелъ необычайное впечатлѣніе. Пушкинъ выразилъ его знаменитымъ классическимъ двустишіемъ:

«Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой».

Въ посвященіи Иліады государю, Николаю Павловичу, Гнѣдичъ такимъ образомъ рекомендуетъ эту поэму Гомера: „Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ; не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ Божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ—Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благороднѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые разцвѣли подъ лучами всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы, одинъ предъ другимъ, ревновали украсить отечественную словесность твореніями Гомера“. Въ слѣдующемъ затѣмъ предисловіи къ Иліадѣ, упомянувъ о лучшихъ послѣднихъ переводчикахъ и изслѣдователяхъ Гомера: Вольфѣ, Фоссѣ и Шлецерѣ, онъ указываетъ, какъ надобно понимать поэмы Гомера, объясняя ихъ значеніе, духъ и характеръ: „Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями и царями-пастырями, чтобы хорошо понимать ихъ. Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ и самъ жаритъ барановъ, который свирѣпствуетъ надъ мертвымъ Гекторомъ и отцу его Пріаму такъ великодушно предлагаетъ и вечерю и ночлегъ у себя въ кущѣ, не покажется намъ лицемъ фантастическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивались со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще исполинскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностію и вдохновеніемъ человѣкъ возвышался до боговъ. Тогда міръ, за три тысячи лѣтъ существовавшій, не будетъ для насъ

мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо сердце человѣческое не умираетъ и не измѣняется, ибо сердце не принадлежитъ ни націи, ни странѣ, но всѣмъ общее; оно и прежде билось тѣми же чувствами, кипѣло тѣми же страстями, и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Пріама, не смотря на образъ выраженія, столь далекій отъ нашего.... Въ образѣ повѣствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, онъ въ высочайшемъ пареніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который въ высотахъ поднебесныхъ часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ. Богатства его поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ океану, который пріемлетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ элегій, веселыхъ идиллій смѣшано съ грозными трагическими картинами эпопеи. Картины сіи чудны своею жизнію; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставитъ передъ глаза: вы его видите. Это волшебство производятъ простота и сила разсказа. Не менѣе удивительна противоположность сихъ картинъ; ничего нѣтъ проще, естественнѣе и трогательнѣе однѣхъ, въ которыхъ дышетъ нагая красота природы; ничего нѣтъ величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образы ознаменованы возвышенностію и величіемъ необычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которыхъ еще носились въ вѣкахъ героическихъ и питали поэзію.... Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ могутъ черпать въ нихъ полезные уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ и клалъ себѣ подъ голову, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей и, какъ говоритъ знаменитый историкъ Мюллеръ, лучшій учитель первѣйшей науки—мудрости". Затѣмъ Гнѣдичъ объясняетъ, почему сдѣлалъ не вольный переводъ, какъ сдѣлали Попъ и Чезаротти, а полный и буквальный, почему для перевода избралъ гекзаметръ.

Переводъ Иліады доставилъ Гнѣдичу не только литературную славу, но и почетное положеніе въ обществѣ. Благодаря покровительству Оленина, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи и назначенъ библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки. Великая княгиня Екатерина Павловна еще въ 1812 г. назначила ему ежегодную пенсію въ 1000 рублей. Но не всѣ одинаково взглянули на переводъ Гнѣдича. Еще по поводу письма Уварова, Капнистъ и Воейковъ возстали противъ предпочтенія гекзаметра для перевода Иліады, и Уваровъ долженъ былъ защи-

щаться и отстаивать свое мнѣніе; однимъ словомъ, переводъ Иліады вызвалъ довольно сильную и продолжительную полемику.

Занимаясь переводомъ Гомера, Гнѣдичъ, можно сказать, самъ переселился въ классическій міръ и жилъ въ немъ: онъ написалъ лирическую поэму: „Рожденіе Гомера“ (1817), идиллію „Рыбаки“, перевелъ „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ“ (1825). Въ то же время онъ написалъ „Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“. Здѣсь рѣшается вопросъ: отчего, при такомъ множествѣ выходящихъ у насъ книгъ, мы такъ мало видимъ хорошихъ сочиненій, даже хорошихъ переводовъ, даже выборовъ для нихъ хорошихъ? Это происходитъ, по мнѣнію Гнѣдича, не отъ недостатка у насъ дарованій, но отъ недостатка ученія и искусства, а главнымъ образомъ отъ того, что у насъ нѣтъ ученія классическаго, знанія языковъ древнихъ, которые бы вели къ знакомству съ классическими образцами, питающими и укрѣпляющими разумъ и облагороживающими душу. Мысли Гнѣдича въ этомъ разсужденіи были заимствованы изъ разныхъ сочиненій и главнымъ образомъ изъ „Писемъ въ Нижній“ И. М. Муравьева-Апостола.

Занявъ должность въ Императорской публичной библіотекѣ въ 1811 г., Гнѣдичъ оставался на ней до самой смерти въ 1833 г. За годъ до смерти онъ написалъ весьма симпатичное стихотвореніе, имѣющее біографическое значеніе. Въ стихотвореніи выражена тоска въ одиночествѣ. Гнѣдичъ, какъ замѣтили выше, выросъ сиротою, не зналъ семейной жизни и всегда томился одиночествомъ.

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойкой ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Надъ могилой Гнѣдича на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря его друзьями и почитателями воздвигнутъ памятникъ, съ надписью: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира“. „Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися“ (Иліада. Пѣснь I, стихъ 249).

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Внесеніе въ русскую литературу романтизма. „Періода, означеннаго именемъ Жуковскаго, говоритъ Бѣлинскій, не было въ русской литературѣ . . . И однакожъ необъятно велико значеніе этого поэта для русской поэзіи и литературы. Имя его давно славно и почтенно; похвалы ему никогда не умолкали“ (1). Съ именемъ Жуковскаго соединяется внесеніе въ русскую литературу романтизма или романтическаго направленія. Что же такое романтизмъ вообще и романтизмъ Жуковскаго въ частности? (2).

Вопросъ о романтизмѣ въ русской литературѣ научнымъ образомъ впервые былъ изложенъ въ 1830 г. въ докторской диссертаціи Н. И. Надеждина: De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit; потомъ Надеждинъ разработывалъ его въ своемъ журналѣ: „Телескопъ“, который онъ издавалъ съ 1831 по 1836 годъ. Одновременно съ Надеждинымъ, или даже немного прежде его, начали писать о романтизмѣ Марлинскій и Полевой, который въ своемъ „Телеграфѣ“, издававшемся съ 1825 по 1834 годъ, долго и, можно сказать, спеціально занимался этимъ предметомъ; здѣсь проводилось новое романтическое направленіе и происходила борьба со старымъ направленіемъ классическимъ.—Романтическое направленіе всегда понималось и изображалось весьма разнообразно и весьма неопредѣленно. Представителемъ романтизма въ русской литературѣ признавался Жуковскій; но романтикомъ же называли и Пушкина, поэзія котораго, повидимому, была совершенно противоположна поэзіи Жуковскаго; въ литературной теоріи этого направленія, органами которой были сейчасъ названные Телескопъ и Телеграфъ, также не было ничего яснаго и опредѣленнаго, кромѣ того, что романтизмъ противополагался классицизму. Впослѣдствіи Бѣлинскій придалъ романтизму самое широкое значеніе. „Романтизмъ, говорилъ онъ, есть принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзіи; его источникъ въ томъ же, въ чемъ источникъ и искусства и поэзіи—въ жизни. Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи, романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца.

---

(1) Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 147

(2) О романтизмѣ смотр. Истор. XVIII стол. Шлоссера, томъ VII; «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества» Морица Каррьера, томъ V; Исторія французской литературы Юліана Шмидта (о французскомъ романтизмѣ); сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII. О романтизмѣ въ средніе вѣка во «Всеобщей исторіи литературы» Корша и Кирпичникова, выпуски XI, XII, XIII, XIV и XV: Средневѣковыя литературы Западной Европы и Византіи А. И. Кирпичникова.

Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма; чувство, любовь есть проявленіе, или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ — романтикъ" (¹). При такомъ широкомъ пониманіи, Бѣлинскій находилъ романтизмъ и въ литературѣ древняго Востока и древней Греціи, у Гомера и Платона и наконецъ въ средневѣковой романской поэзіи, воскрешенной въ Германіи нѣмецкими поэтами. Это, дѣйствительно, будетъ справедливо, когда романтизмъ разсматривается какъ существенное стремленіе и потребность человѣческой природы вообще; но собственно подъ романтизмомъ, какъ литературнымъ направленіемъ, существовавшимъ въ извѣстное опредѣленное время, должно разумѣть только романтическую поэзію, развившуюся на почвѣ воскрешенной въ началѣ XIX вѣка средневѣковой романской поэзіи.

Разность въ пониманіи романтизма въ русской литературѣ зависѣла отъ того, что и въ самой Европѣ романтизмъ у разныхъ народовъ, въ разныя времена, отличался разными свойствами. Родиной романтизма признается Германія, откуда онъ распространился во Франціи, Англіи и другихъ странахъ Европы; основателями романтической школы считаются братья Шлегели, Фридрихъ (1772—1829) и Августъ Вильгельмъ (1767—1845) и поэты Тикъ (1773—1853) и Новалисъ (Гарденбергъ, 1772—1801) и ихъ послѣдователи. Это было въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка. Несмотря на появленіе новыхъ поэтическихъ произведеній Гёте и Шиллера, въ нѣмецкой литературѣ въ это время еще продолжали существовать старое — ложно-классическое и особенно сантиментальное направленія; литература наводнена была романами и драмами Коцебу, Августа Лафонтена и Мармонтеля. Желая оживить литературу и дать ей другое направленіе и желая въ то же время противодѣйствовать литературѣ энциклопедистовъ, занесенной въ Германію изъ Франціи, Шлегели обратились къ исторіи романской поэзіи, которая въ средніе вѣка была народной поэзіей для всей Европы, и начали переводить и передѣлывать произведенія этой поэзіи — средневѣковые миѳы, легенды, народныя повѣсти и пѣсни, романсы и баллады. Все это, вызванное изъ очарованнаго и покрытаго мракомъ міра среднихъ вѣковъ на свѣтъ новаго времени, послужило неисчерпаемымъ источникомъ поэтическаго матеріала для новой школы, во главѣ которой, вмѣстѣ со Шлегелями, стали поэты Тикъ и Новалисъ, со множествомъ другихъ романтическихъ поэтовъ разныхъ направленій, на которыя раздѣлилась романтическая школа. Къ нимъ относятся Виландъ (1733—1813), Генрихъ Фонъ-Клейстъ (1776—1811), Кёрнеръ (1791—1813), Эйхендорфъ (1788—1817), Стеффенсъ (1773—1845), Элен-

(¹) Сочин. VIII, 151.

шлегеръ, Вернеръ (1768—1823), Фридрихъ де-ла-Мотъ Фуке (1777—1843), Гофманъ (1776—1822), Брентано (1777—1842), Вильгельмъ Мюллеръ (1795—1827), Альбертъ фонъ-Шамиссо (1781—1838), Рюккертъ (1788—1866), Людвигъ Уландъ (1787—1862), Зейдлицъ (род. 1790), Шпиндлеръ. Въ романтизмѣ первоначально противопоставлялись греко-римскимъ преданіямъ и литературѣ преданія и поэзія новыхъ христіанскихъ народовъ, народная средневѣковая поэзія. До сихъ поръ центръ тяжести для всей европейской поэзіи находился въ греко-римскомъ мірѣ и представительницѣ этого міра, развившейся подъ его вліяніемъ—французской литературѣ; отсюда заимствовались всѣ идеи и идеалы. Вся литература и искусство представляли образцы гуманизма, типы красоты физической, идеалы человѣческихъ доблестей; высшимъ идеаломъ классическаго міра было возможно полное наслажденіе жизнію въ томъ видѣ, какъ представляли ее греческіе и римскіе поэты. Романтическая поэзія перенесла этотъ центръ изъ классическаго міра въ міръ христіанскихъ идей и образовъ. Вмѣсто гуманизма, олицетворенія всего человѣческаго, какъ идеала классической поэзіи, явился идеализмъ христіанскій, стремленіе ко всему небесному, божественному, стремленіе ко всему сверхъестественному и чудесному. При этомъ главною цѣлью человѣческой жизни поставлялось уже не наслажденіе счастіемъ и радостями земной жизни, а чистота души и спокойствіе совѣсти, терпѣливое перенесеніе всѣхъ бѣдствій и страданій земной жизни, надежда на жизнь будущую и приготовленіе къ этой жизни. Такъ какъ средневѣковая поэзія впервые явилась на романскомъ языкѣ въ эпоху рыцарства и называлась романскою, то и воскрешеніе ея получило названіе романтизма или новоромантической поэзіи и явилось въ формахъ рыцарской поэзіи: дѣйствующими лицами были князья, рыцари, бароны; главными чувствами, которыя ихъ одушевляли, были чувства любви, чести и рыцарской вѣрности; формами этой поэзіи были романсъ, баллада и рыцарскій романъ. Всѣ они отличались фантастическимъ характеромъ; сценою, гдѣ происходили описываемыя дѣйствія, были мрачные лѣса, подземелья или кладбища, на которыхъ мертвецы встаютъ изъ гробовъ; спутниками ихъ были вѣдьмы, колдуны и колдуньи и разныя фантастическія чудовища. Но при воскрешеніи средневѣковой поэзіи, романтическая школа не могла совершенно отрѣшиться отъ своего времени и особенно отъ идей современной нѣмецкой философіи и въ воскрешаемую средневѣковую поэзію внесла метафизическій идеализмъ Фихте и идеи абсолютнаго тождества Шеллинга. Стремясь къ идеаламъ, она идеализировала средніе вѣка и средневѣковую поэзію и придала ей такія черты, какихъ она совершенно не имѣла, и вообще внесла въ нихъ много новыхъ элементовъ; слѣдуя философіи Шел-

линга, провозглашавшаго единство или тождество въ наукѣ, искусствѣ и жизни, она старалась сблизить поэзію съ жизнію, и стала искать идеальнаго образца этого сближенія въ религіи среднихъ вѣковъ, когда, по ея мнѣнію, христіанство связывало въ единство государство и церковь, народъ и науку, искусство и жизнь, когда всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную и многоцвѣтную жизнь. Средніе вѣка представлялись высшимъ идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и возвращеніе къ нимъ сдѣлалось для многихъ любимою мечтою; на этой мечтѣ строились идеалы религіозные, политическіе, научные и художественные. Несмотря, однакожъ, на такое ложное освѣщеніе среднихъ вѣковъ со всѣми ихъ стихіями, несмотря на то, что попытки возвратиться къ средневѣковой старинѣ оказались невозможными, и сама романтическая поэзія представляла пеструю смѣсь стараго съ новымъ, фантастическое соединеніе несоединимыхъ идей и образовъ, самое движеніе романтическое имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для европейской науки и литературы. Оно повело къ серьезной разработкѣ исторіи среднихъ вѣковъ, къ собиранію и изученію памятниковъ народнаго языка, народныхъ преданій и народной поэзіи, и послужило такимъ образомъ началомъ и основаніемъ народнаго направленія или народности для всей европейской литературы. Впрочемъ на одномъ воскрешеніи средневѣковой поэзіи и не остановилась романтическая поэзія; по идеямъ Гёте и Гердера о всемірной литературѣ, поэты начали изучать, переводить и передѣлывать произведенія всѣхъ временъ и народовъ, сочиненія Данте и Боккачіо, Лопе-де-Веги и Кальдерона, Сервантеса и Шекспира, начали переводить и изучать произведенія восточной поэзіи — индійской, арабской и персидской. При этомъ романтизмъ и получилъ то обширное значеніе, по которому Бѣлинскій назвалъ его вообще воспроизведеніемъ внутренняго міра души человѣческой. „Романтизмъ нашего времени, говоритъ онъ, есть сынъ романтизма среднихъ вѣковъ, но онъ же очень сродни и романтизму греческому. Говоря точнѣе, нашъ романтизмъ есть органическая полнота и всецѣлость романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія человѣческаго рода; въ нашемъ романтизмѣ, какъ лучи солнца въ фокусѣ зажигательнаго стекла, сосредоточились всѣ моменты романтизма, развившіеся въ исторіи человѣчества, и образовали совершенно новое цѣлое“ (¹).

Съ нѣмецкимъ романтизмомъ познакомила Францію г-жа Сталь своей книгой о Германіи. „Ренэ“ Шатобріана (эпизодъ изъ поэмы Натчезы) былъ во французской литературѣ первымъ типомъ ра-

(¹) Сочин. VIII, 170.

зочарованнаго человѣка въ романтическомъ стилѣ. Послѣ революціи, въ эпоху которой былъ написанъ „Ренэ“, Шатобріанъ принялъ настоящее романтическое направленіе. Желая возстановить христіанство, или вѣрнѣе католическую церковь, упавшую во время господства энциклопедистовъ и французской революціи, онъ написалъ „Духъ христіанства“ (Genie du Christianisme), гдѣ древней греко-римской языческой литературѣ и искусству противопоставилъ средневѣковую христіанскую поэзію и христіанское искусство; съ этою же цѣлью онъ написалъ христіанскую поэму: „Martyrs“, противопоставивъ ее древнимъ классическимъ поэмамъ.— Съ другимъ характеромъ является романтизмъ въ сочиненіяхъ Виктора Гюго и Ламартина. Гюго сдѣлался главою ново-романтической школы во Франціи.

Всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы создать поэзію совершенно противоположную классической поэзіи. Такъ какъ классическая поэзія отличалась удивительною правильностью, естественностью и гармоніей своихъ картинъ, то, въ противоположность этимъ ея качествамъ, Гюго внесъ въ свою поэзію неправильность и дисгармонію: все неправильное, уродливое и безобразное, все странное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда явленій, составило содержаніе его произведеній. Свои воззрѣнія на поэзію и искусство онъ изложилъ въ предисловіяхъ къ драмамъ „Эрнани“ и „Кромвель“. „Прекрасное древнихъ, говоритъ онъ, было типично и потому однообразно; христіанство привело обратно поэзію къ истинѣ; оно обратило вниманіе человѣка на то, что его человѣческое понятіе о прекрасномъ недостаточно, что было бы ошибочно со стороны ограниченнаго разума художника прилагать этотъ масштабъ къ безконечному и неограниченному разуму Создателя, какъ бы направлять сдѣланное Богомъ; что поэтическая гармонія основывается только на несовершенствѣ; что то, что мы называемъ безобразнымъ, есть только частица великаго цѣлаго, общая связь коей намъ непостижима, и которая находитъ свое восполненіе не въ человѣческомъ разумѣ, а въ цѣломъ міровданіи. Христіанское искусство стремится къ достиженію не прекраснаго, а характеристическаго; содержаніе современной драмы не идеалъ, а дѣйствительность; реальность вытекаетъ изъ соединенія возвышеннаго со смѣшнымъ. Поэтъ, правда, долженъ дѣлать выборъ, но не по масштабу прекраснаго, а по масштабу характернаго; характерно то, что до мельчайшей подробности передаетъ колоритъ мѣстности и культуры извѣстнаго времени“. Отсюда зародышъ христіанскаго искусства Гюго ищетъ въ причудливомъ. Въ древности, говоритъ онъ, оно осмѣливалось появляться только робко. Только

въ средніе вѣка нѣсколько пошлую гидру замѣнили своеобразные мѣстные и отдѣланные до подробностей драконы, карлики, великаны, сильфы, гномы, лѣшіе, феи, колдуньи, привидѣнія и т. д. Поэтому же Гюго любитъ контрасты — соединеніе высокаго съ низкимъ, доводя то и другое до невозможныхъ крайностей, дѣлая изъ преступныхъ людей добродѣтельныхъ, въ самомъ преступленіи стараясь отыскать героевъ добродѣтели, или лучше самое преступленіе представить добродѣтелью. Такими свойствами отличаются его повѣсти и романы: „Ганъ-Исландецъ“, „Бюгъ-Жаргаль“, „Соборъ Парижской Богоматери“ (гдѣ изображенъ Квазимодо), драмы: „Эрнани“, „Кромвель“, „Лукреція Борджіа“, „Маріонъ де-Лормъ“. „Драма, говоритъ Гюго, можетъ имѣть предметомъ что бы то ни было; ей нечего бояться, что запачкается. Вдуньте, куда хотите, идею добродѣтели и милосердія, и не будетъ болѣе ни безобразнаго, ни отталкивающаго. Свяжите религіозную мысль съ безобразнѣйшимъ предметомъ, и онъ сдѣлается святъ и чистъ“. Выводя на сцену Маріонъ де-Лормъ, онъ очищаетъ куртизанку любовью, посредствомъ которой онъ возстановляетъ ея дѣвственное чувство. Въ залъ, гдѣ пируютъ, онъ ставитъ гробъ, пѣснь во время оргіи онъ прерываетъ пѣніемъ за упокой. „Возьмите безобразнѣйшаго урода, дайте ему душу, вложите въ эту душу святѣйшее чувство человѣка—отеческую любовь, и это возвышенное чувство преобразитъ на вашихъ глазахъ выродившееся созданіе. Такъ въ „Лукреціи“ материнское чувство очищаетъ нравственное уродство“ и т. д. (1).— Въ Англіи романтизмъ имѣлъ также двоякій характеръ. Спачала онъ явился какъ положительное стремленіе воскресить средневѣковую жизнь и поэзію въ многочисленныхъ балладахъ и романсахъ Вальтера Скотта, Соути и Борнса и ихъ послѣдователей, а потомъ въ отрицательной формѣ, какъ странное, болѣзненное недовольство и разочарованіе всѣмъ существующимъ, которое явилось послѣдствіемъ сознанія несостоятельности и недостатковъ самого романтизма во всей Европѣ, не удовлетворявшаго потребностямъ современной жизни. Романтизмъ, какъ возвращеніе къ средневѣковой старинѣ, былъ, какъ мы замѣтили, реакціей противъ псевдоклассицизма, противъ энциклопедистовъ и революціи. Но онъ, сдѣлавши свое дѣло, не могъ, однакожъ, удовлетворить потребностямъ и стремленіямъ европейскихъ народовъ. Средневѣковыя формы были уже слишкомъ тѣсны; изъ нихъ давно уже выросло человѣчество. Реставрація, совершившаяся во Франціи послѣ революціи, такъ же никого не удовлетворила, какъ не удовлетворяла революція и философія энциклопедистовъ, которыя, разрушивъ прежнія формы жизни, хотѣли создать новыя формы и новыхъ людей;

(1) Юліанъ Шмидтъ, Исторія французск. литературы. Томъ II, стр. 170—171.

но ни новыхъ формъ жизни, ни новыхъ людей онѣ создать не могли. Вслѣдствіе этого въ передовыхъ образованныхъ людяхъ явилось страшное разочарованіе въ судьбѣ человѣчества, отвращеніе ко всему прошедшему и совершенное недовѣріе къ будущему— и особенно озлобленіе противъ современнаго порядка вещей. Все это съ особенною рѣзкостью выразилось въ сочиненіяхъ англійскаго поэта Байрона, по имени котораго и самый романтизмъ въ этомъ фазисѣ своего развитія получилъ названіе *байронизма.*

Такимъ образомъ романтизмъ, означавшій первоначально воскрешеніе у каждаго народа народной средневѣковой поэзіи романской, получилъ впослѣдствіи значеніе всей новѣйшей христіанской поэзіи, развившейся послѣ классицизма и въ противоположность классицизму, подъ вліяніемъ уже новыхъ идей и новыхъ стремленій, внесенныхъ въ жизнь европейскихъ народовъ новой наукой и цивилизаціей.

У насъ въ Россіи не было ни среднихъ вѣковъ, ни романтизма въ томъ видѣ, какъ у европейскихъ народовъ; то направленіе, которое было существенною чертою въ романтизмѣ, именно возвращеніе къ древнимъ народнымъ преданіямъ, къ народному языку и народной поэзіи, явилось нѣсколько позднѣе—въ 40-хъ годахъ, когда у всѣхъ славянскихъ народовъ пробудилось стремленіе къ возрожденію своей національности и особенно рѣзко выразилось въ такъ называемомъ славянофильствѣ. Но, какъ съ классическимъ направленіемъ, мѣсто котораго занялъ романтизмъ, русская литература познакомилась путемъ переводовъ и подражаній европейскимъ литературамъ, такъ этимъ же путемъ она познакомилась и съ романтическимъ направленіемъ. Съ нѣмецкимъ романтизмомъ насъ познакомилъ Жуковскій; подъ вліяніемъ французскаго романтизма В. Гюго писали свои повѣсти и романы Марлинскій и Полевой; вліяніе англійскаго романтизма Вальтера Скотта сказалось въ историческихъ романахъ Загоскина, Кукольника, Булгарина и Греча; романтизму Байрона подражали отчасти Пушкинъ и особенно Лермонтовъ. Но еще прежде Жуковскаго Карамзинъ написалъ двѣ баллады: „Раиса“ и „Графъ Гвариносъ“. „Раиса“, впрочемъ, имѣла болѣе сантиментальный, чѣмъ романтическій характеръ; но „Графъ Гвариносъ“ написанъ въ стилѣ романтическомъ. Сюжетъ этого романса состоитъ въ томъ, что въ Ронсевальской битвѣ арабскіе короли взяли въ плѣнъ графа Гвариноса; король Марлотесъ, которому Гвариносъ достался по жребію, принуждаетъ его обратиться въ магометанство; но онъ остается твердъ и непоколебимъ въ вѣрѣ, хотя за это его заковали въ цѣпи. Во время праздника св. Іоанна было состязаніе—въ бросаніи копій въ цѣль; но никто не могъ попасть въ цѣль. Марлотесъ объявилъ смерть всѣмъ, большимъ и малымъ. Гвариносъ, узнавъ объ этомъ,

выпросилъ у короля позволеніе принять участіе въ состязаніи и счастливо попалъ въ цѣль. Послѣ этого его освободили. Казанскій поэтъ, купецъ Каменевъ написалъ уже настоящую балладу „Громвалъ“:

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ...

Рыцарь Громвалъ скитается по свѣту и ищетъ свою подругу, Рогнѣду, но нигдѣ не можетъ найти ее; наконецъ, онъ подъѣзжаетъ къ одному замку, гдѣ господствуетъ мракъ и тишина. Описывается продолжительный сонъ рыцаря въ этомъ замкѣ, гробъ злого волшебника Зломара, похитившаго Рогнѣду и явленіе доброй волшебницы Добрады. Добрада сказала Громвалу, что Зломаръ уже погибъ, а Рогнѣда заключена въ темницѣ Зломарова замка, гдѣ стерегутъ ее два крылатые зиланта. Она дала ему изумрудный рогъ, которымъ онъ можетъ оглушить зилантовъ. Громвалъ спѣшитъ къ темницѣ, гдѣ заключена Рогнѣда; но противъ него выступаетъ страшный исполинъ; Громвалъ поражаетъ его мечемъ, освобождаетъ свою Рогнѣду, а страшный замокъ Зломара проваливается въ подземную пропасть. „Каменевъ, замѣчаетъ Пушкинъ, первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма; мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“. Дѣйствительно, весь строй баллады показываетъ, что Каменевъ былъ знакомъ съ романтической поэзіей. Жуковскій, котораго называютъ представителемъ и главою романтизма въ Россіи, не держался исключительно той или другой романтической школы, того или другого писателя романтическаго; онъ познакомилъ русскую литературу съ духомъ и характеромъ романтизма вообще. Болѣе всего, разумѣется, на Жуковскаго, какъ мы уже замѣтили, имѣла вліяніе нѣмецкая романтическая поэзія и преимущественно поэзія Гёте и Шиллера; но въ то же время нельзя сказать, чтобы романтизмъ Жуковскаго былъ романтизмомъ Шиллера или Гёте. Онъ былъ кромѣ того выраженіемъ его личнаго міросозерцанія, которое сложилось въ немъ подъ вліяніемъ воспитанія, окружавшей его среды, обстоятельствъ собственной его жизни. Если у каждаго человѣка бываетъ свой періодъ романтизма, то у Жуковскаго этотъ періодъ продолжался почти всю жизнь. Особенность его происхожденія, воспитаніе и жизнь въ женскомъ обществѣ и семьѣ, которая была для него въ одно и то же время и своя и чужая, несчастная роковая любовь къ племянницѣ, на которой онъ не могъ жениться; при воспитаніи въ семейныхъ началахъ безсемейная жизнь почти до 60 лѣтъ, при темномъ происхожденіи высокое положеніе при дворѣ и обществѣ—всѣ эти

обстоятельства создали въ немъ особый романтическій міръ, который вполнѣ отразился и на всѣхъ его произведеніяхъ.

Василій Андреевичъ Жуковскій (1) родился въ 1783 г. въ селѣ Мишенскомъ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Онъ былъ сынъ помѣщика этого села, Аѳанасія Ивановича Бунина и турчанки Сальхи (получившей въ крещеніи имя Елизаветы Дементьевны), вывезенной изъ Бендеръ въ 1781 г. однимъ изъ крестьянъ Бунина, бывшихъ въ первую турецкую войну маркитантами, свое отчество и фамилію онъ получилъ отъ бѣднаго кіевскаго дворянина, проживавшаго въ домѣ Бунина, Андрея Григорьевича Жуковскаго, который былъ его воспріемнымъ отцомъ при крещеніи и усыновилъ его. Въ этомъ семействѣ Бунина происходило и первоначальное воспитаніе; здѣсь же протекла и большая половина его жизни. По смерти Бунина остались четыре дочери, сестры Жуковскаго по отцу. Двѣ изъ нихъ имѣли особенное вліяніе на всю послѣдующую судьбу его: Варвара Аѳанасьевна Юшкова, которая взяла на себя заботу о первоначальномъ воспитаніи Жуковскаго и воспитывала его вмѣстѣ съ своими дочерьми, и Екатерина Аѳанасьевна Протасова, у которой были также двѣ дочери—Марья Андреевна, въ которую впослѣдствіи влюбился Жуковскій и которая была выдана замужъ за дерптскаго профессора, Мойера, и Александра Андреевна (крестница Жуковскаго), бывшая замужемъ за писателемъ А. Ѳ. Воейковымъ. Послѣ домашняго воспитанія, Жуковскій сначала былъ отданъ въ 1790 г. въ тульскій пансіонъ Роде, а по закрытіи этого пансіона въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ Ѳеофилактъ Григорьевичъ Покровскій, извѣстный въ журнальной литературѣ того времени подъ псевдонимомъ „философа горы Алаунской".

(1) Первое изд. стихотвореній Жуковскаго вышло въ 1815—1816 г. въ Спб. (2 части 4°). Всѣ прежнія шесть изданій сочиненій Жуковскаго перечислены въ послѣднемъ седьмомъ изданіи—подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб. 1878 г. Бумаги Жуковскаго, поступившія въ И. публичную библіотеку въ 1884 г., разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб. 1887 г.—Изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго: П. А. Плетнева: Жизнь и сочиненія В. А. Жуковскаго, 1854 г., С. П. Шевырева: О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, М. 1853 г.; Знакомство Жуковскаго со взглядами романтической школы. Лѣтописи русской литературы и древности 1859 г., т. II. Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII; доктора Зейдлица: Очеркъ развитія поэтической дѣятельности Жуковскаго. Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г., №№ 4, 5, 6; новое изданіе, дополненное къ столѣтнему юбилею; отдѣльное изданіе; Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ Н. К. Зейдлица. Спб. 1883. Жуковскій и его произведенія, сочин. П. Загарина. Изданіе 2-е, дополненное. 1883. Москва. Изданіе Льва Поливанова.

Но этотъ „философъ“ не съумѣлъ разглядѣть художественныхъ дарованій своего ученика, и Жуковскій, за неуспѣшность въ математикѣ, долженъ былъ оставить тульское училище. Дальнѣйшее образованіе его опять происходило въ домѣ Юшковой въ Тулѣ. Домъ этотъ былъ центромъ образованнаго тульскаго общества; литература, музыка, литературныя чтенія и домашніе театральные спектакли были постоянными занятіями этого кружка и имѣли чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе характера и литературно-художественныхъ дарованій Жуковскаго. Будучи 12 лѣтъ, онъ написалъ для домашняго спектакля трагедіи: „Камиллъ или освобожденный Римъ“ и „Г-жа де-ла-Туръ“, передѣланную изъ романа Бернардена де-Сентъ-Пьера „Павелъ и Виргинія“. Въ то же время для своего домашняго кружка, для своихъ племянницъ, онъ писалъ разныя стихотворенія. Въ 1797 г. умерла его воспитательница Юшкова, и Жуковскій написалъ на ея кончину „Мысли при гробницѣ“. Въ этомъ же году онъ былъ опредѣленъ въ московскій университетскій пансіонъ, направленіе котораго имѣло также литературно-художественный характеръ. При Жуковскомъ въ средѣ учениковъ этого пансіона было основано „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“. Первымъ предсѣдателемъ собранія, назначавшимся изъ числа воспитанниковъ, былъ Жуковскій. Онъ открылъ собраніе рѣчью, въ присутствіи многочисленныхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были Карамзинъ и Дмитріевъ. Дмитріевъ обратилъ на Жуковскаго особенное вниманіе, пригласилъ его къ себѣ, и потомъ сталъ руководить въ литературныхъ занятіяхъ. Лучшія произведенія воспитанниковъ пансіона печатались въ журналахъ Сохацкаго и Подшивалова „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798), „Ипокрена, или утѣхи любословія“ (1799—1801), „Утренняя заря“ (1800—1808) и въ сборникѣ Подшивалова „Распускающійся цвѣтокъ“. Это общество, напоминавшее литературный кружокъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса временъ Сумарокова, было весьма полезно для литературнаго развитія воспитанниковъ. Товарищами Жуковскаго по московскому пансіону были: графъ Блудовъ, Дашковъ, графъ Уваровъ, Александръ и Андрей Тургеневы, сыновья директора университета И. П. Тургенева. Съ Тургеневыми Жуковскій находился въ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, особенно со старшимъ, Андреемъ, который былъ большимъ любителемъ и знатокомъ нѣмецкой литературы и познакомилъ съ нею и Жуковскаго. Онъ имѣлъ для него такое же значеніе, какое Петровъ для Карамзина.

По окончаніи курса въ пансіонѣ и непродолжительной службы въ Соляной конторѣ, Жуковскій уѣхалъ на родину сначала въ Мишенское, а потомъ въ Бѣлевъ. Въ Бѣлевѣ онъ построилъ домъ для своей матери и такимъ образомъ сдѣлался „мирнымъ жите-

лемъ Бѣлева"; въ Бѣлевѣ же поселилась и сестра его Протасова, съ дочерьми Марьей Андреевной и Александрой Андреевной. Въ Мишенскомъ онъ написалъ свою первую элегію „Сельское кладбище" (1802), въ воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ и первыхъ временахъ молодости ([1]). „Сельское кладбище" было частію переведено, частію передѣлано изъ стихотворенія англійскаго поэта Грея. Оно обратило на себя вниманіе простотою и естественностію картинъ, благозвучіемъ и плавностію слога и стиха; оно предвѣщало новое направленіе въ поэзіи, отличное отъ высокопарныхъ описаній природы временъ классицизма.

Идеаломъ Жуковскаго на первыхъ порахъ литературной дѣятельности былъ Карамзинъ. По подражанію „Бѣдной Лизѣ", Жуковскій написалъ „Марьину рощу"([2]). Начало этой повѣсти въ сантиментальномъ духѣ, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи уже сильно замѣтна романтическая струя, и повѣсть является похожа болѣе на балладу съ свойственными ей чертами—рыцаремъ, отшельникомъ, съ видѣніемъ мертвецовъ. Есть сходство и въ ходѣ разсказа. Молодой пѣвецъ Усладъ и прекрасная Марія любятъ другъ друга; но Усладъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы; въ это время Марія, обольстившись богатымъ подаркомъ рыцаря Рогдая, вышла за него замужъ. Но это было только минутное увлеченіе; она не могла любить жестокаго Рогдая; замѣтивъ ея нелюбовь, Рогдай убилъ ее. Она была похоронена въ рощѣ, названной потомъ „Марьиной рощей", какъ прудъ, въ которомъ утопилась „Бѣдная Лиза", былъ названъ „Лизинымъ прудомъ". Для своихъ сочиненій Жуковскій бралъ иногда тѣ же темы, какъ Карамзинъ. Въ „Вадимѣ Новгородскомъ" онъ воспоминаетъ о славномъ величіи Новгорода, выводитъ Гостомысла, который въ уединеніи тоскуетъ о храбрыхъ сынахъ Новгорода ([3]). Наконецъ Жуковскій продолжалъ изданіе „Вѣстника Европы" (въ 1808—1810 г.), который началъ издавать Карамзинъ. „Существенная польза журнала—говоритъ онъ—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлію, съ выборомъ, для пользы"([4]). Въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщались стихотворенія самого Жуковскаго: „Людмила", баллада, передѣланная изъ баллады Бюргера „Ленора", „Кассандра" изъ Шиллера, „Тоска по миломъ" тоже изъ Шиллера, „Моя богиня" изъ Гёте, „Къ Нинѣ", „Филалету" и пѣсня „Мой другъ, хранитель, ангелъ

([1]) Сочин., I, 29. ([2]) Сочин., V, 295—317. ([3]) Сочин., V, 238. ([4]) Сочин., V, 255.

мой“ (1). „Людмила“ была первымъ стихотвореніемъ Жуковскаго въ романтическомъ стилѣ, первымъ въ томъ родѣ, которымъ онъ прославился и по которому называли его балладникомъ; своею таинственностію и прелестью стиха и гармоніи она такъ увлекала современниковъ, что всѣ зачитывались ею и заучивали наизусть. По подражанію „Ленорѣ“ Бюргера, Жуковскій написалъ русскую балладу „Свѣтлану“ (1812). Впрочемъ, чисто русскій характеръ имѣетъ главнымъ образомъ только описаніе святочныхъ гаданій:

Ра́зъ въ крещéнскій вéчеро́къ
Дѣ́вушки́ гадáли:
За́ ворóта бáшмачóкъ,
Сня́въ съ ноги́, бросáли;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны (2).

Но въ описаніи сна, видѣннаго уснувшей предъ зеркаломъ Свѣтланой, сказываются тѣ же романтическія черты, какъ въ „Людмилѣ“: женихъ-мертвецъ, въ лунную ночь увозящій Свѣтлану къ церкви, гдѣ стоитъ черный гробъ, потомъ избушка въ полѣ и въ этой избушкѣ тотъ же женихъ-мертвецъ лежитъ на столѣ и скрежещетъ зубами; бѣлоснѣжный голубокъ, который защищаетъ Свѣтлану отъ жениха. Развязка Свѣтланы свѣтлая и радостная: на яву случилось со Свѣтланой совершенно противоположное тому, что она видѣла во снѣ. „Свѣтлана“ написана для А. А. Воейковой; но всѣмъ такъ понравилась своимъ милымъ и нѣжнымъ колоритомъ, что по ней самого Жуковскаго называли пѣвцомъ Свѣтланы и въ Арзамасскомъ обществѣ онъ тоже носилъ имя Свѣтланы.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ были помѣщены разныя разсужденія и статьи: „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, „О баснѣ и басняхъ Крылова“, „О сатирѣ и сатирахъ Кантеміра“ (3) и нѣкоторые переводы изъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей. „Вѣстникъ Европы“ Жуковскій издавалъ три года вмѣстѣ съ Каченовскимъ, а потомъ передалъ его Каченовскому, а самъ опять переселился въ Бѣлевъ. Чувствуя недостаточность своего образо-

(1) Сочин., I, 80—113. (2) Соч., I, 210. (3) Сочин., V, 265, 333, 389.

ванія для серьезной литературной дѣятельности, онъ началъ дополнять свое образованіе чтеніемъ книгъ и особенно сталъ изучать исторію. Занимаясь воспитаніемъ племянницъ, онъ влюбился въ одну изъ нихъ—Марью Андреевну Протасову и хотѣлъ на ней жениться. Эта любовь была самая чистая и глубокая, самая романтическая и рыцарская, потому что она была безнадежная, идеальная. Мать Марьи Андреевны, Екатерина Аѳанасьевна Протасова, никакъ не соглашалась на бракъ своей дочери съ Жуковскимъ, бывшимъ въ такихъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, и несмотря на всѣ просьбы, на всѣ совѣты и убѣжденія лицъ самыхъ близкихъ и самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, отказала Жуковскому въ рукѣ своей дочери. Это составило горе всей его жизни: онъ испыталъ страданія безнадежной любви, видѣлъ и самъ устраивалъ бракъ своей невѣсты съ другимъ, видѣлъ наконецъ смерть ея. Къ этому времени относятся его сочиненія, изображающія его душевное состояніе: „Эпимесидъ“ (1), въ которомъ выражена мысль, что человѣкъ, лишенный одного изъ благъ, еще можетъ находить утѣшеніе въ другомъ; „Мечты“ (переводъ стихотворенія Шиллера: Die Ideale), въ которомъ поэтъ оплакиваетъ исчезающую силу чувства, нѣкогда дававшаго жизнь самой бездушной природѣ, олицетворяемой здѣсь въ видѣ статуи Пигмаліона, одушевленной нѣкогда его объятіями: поэтъ скорбитъ объ утратѣ идеаловъ, наполнявшихъ его сердце; романсъ „Жалоба“ (передѣланъ изъ стихотворенія Шиллера „Мальчикъ у ручья“); баллада „Эльвина и Эдвинъ“, гдѣ изображается взаимная любовь двухъ разлученныхъ суровымъ отцомъ; „Эолова арфа“, изображающая, какъ бѣдный Арминій любитъ дочь гордаго Ордала, но ихъ разлучаютъ, и онъ, покидая Минвану, привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и даетъ заклинаніе, что въ эти вѣрныя струны перейдетъ его душа, когда его уже не будетъ болѣе въ живыхъ; „Поликратовъ перстень“ и „Жалоба Цереры“ были переведены въ то же время, когда его душевное состояніе было близко къ описанному въ этихъ балладахъ (2). Въ пѣснѣ „Пловецъ“ (3) выражалась скорбь Жуковскаго о потерѣ Марьи Андреевны: безъ руля и безъ веселъ пловецъ занесенъ въ океанъ, но Провидѣніе невидимою рукою вынесло его изъ морскихъ волнъ. Батюшковъ въ посланіи къ Жуковскому (4) весьма хорошо характеризуетъ первую эпоху его дѣятельности (1812 г.) слѣдующими стихами:

Прости балладникъ милый мой,
Бѣлева мирный житель...

(1) Сочин., I, 194. (2) Сочин., томы I и II. (3) Сочин., I, 219. (4) Т. I, 145—147.

Послѣ совершеннаго отказа Марьи Андреевны Жуковскій продалъ свое имѣніе за 11,000 р., подарилъ ихъ сестрѣ ея Александрѣ Андреевнѣ, которая въ 1813 г. вышла замужъ за извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова. Когда Воейковъ занялъ каѳедру словесности въ Дерптскомъ университетѣ, то все семейство Протасовыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Жуковскій переселились въ Дерптъ. Въ Дерптѣ Жуковскій оставался до начала 1817 г. Здѣсь онъ совершенно увлекся нѣмецкими кружками, познакомился съ Эверсомъ, представителемъ исторической науки и снова началъ заниматься исторіей; въ то же время изучалъ тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые особенно читались въ кругу его родныхъ и близкихъ людей; познакомился и сдѣлался другомъ Зейдлица. Здѣсь явились переводы произведеній Уланда: „Сонъ", „Пѣсня бѣдняка", „Счастіе во снѣ", „Гаральдъ", „Три пѣсни", Гебеля: „Овсяный кисель", „Красный карбункулъ", „Деревенскій сторожъ въ полночь". Послѣ появленія „Исторіи Государства Россійскаго" у Жуковскаго явилась мысль написать поэму изъ древней русской исторіи, именно „Владиміръ", но эта мысль не могла исполниться; онъ не зналъ русской исторіи, не изучалъ лѣтописей и увлеченный нѣмецкой литературой и нѣмецкой цивилизаціей не понималъ древней русской жизни. Марья Андреевна въ 1817 г. вышла за Мойера. Отъ этого брака родилась дочь Екатерина, а 17-го марта 1823 г. Марья Андреевна скончалась. Ужасная скорбь овладѣла душою Жуковскаго, которую онъ едва могъ перенести. Онъ купилъ въ Дерптѣ часть земли, гдѣ и была она погребена. Между тѣмъ и Александра Андреевна начала страдать кровохарканіемъ и 28 апрѣля 1828 г. скончалась. Жуковскій перенесъ свою любовь на дѣтей ея; онъ продалъ свое имѣніе за 15,000 р. доктору Зейдлицу и назначилъ ихъ въ приданое тремъ сиротамъ, дочерямъ Воейкова.

Во время Отечественной войны Жуковскій былъ поручикомъ московскаго ополченія и въ день Бородинской битвы находился въ дѣйствующей арміи; за отличіе получилъ чинъ штабсъ-капитана и орденъ св. Анны 2-й степени. Памятниками его глубокаго патріотическаго одушевленія были стихотворенія: „Пѣвецъ въ Кремлѣ" (1814—1816), „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей" (1806) и „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ" (1), написанное въ лагерѣ подъ Тарутинымъ въ 1812 г.; эти стихотворенія были прочитаны всей Россіей; они были выраженіемъ чувствъ какъ самого поэта, такъ и всего русскаго народа. Въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ" поэтъ соединяетъ новыхъ героевъ съ древними героями, которые собираются посмотрѣть на ихъ подвиги:

---

(1) Сочин., I, 247.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами.

Все стихотвореніе состоитъ изъ нѣсколькихъ воззваній, или тостовъ, которые пѣвецъ предлагаетъ въ станѣ, среди воиновъ, отвѣчающихъ на каждое воззваніе хоромъ. Особеннымъ чувствомъ проникнуто третье воззваніе, или третій кубокъ въ честь отчизны:

Страна́, гдѣ мы впервы́е
Вкусили сла́дость бы́тія́,
Поля́, холмы́ родны́е,
Роднаго не́ба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Изъ тостовъ за падшихъ героевъ особенно симпатиченъ тостъ за Кутайсова, весь проникнутый умиротворяющимъ, нѣжнымъ, романтическимъ элементомъ. Поэтъ представляетъ, какъ его прекрасная пойдетъ искать въ слезахъ его милый прахъ, и тихій духъ героя прилетитъ изъ таинственной сѣни и невидимый дастъ знать о себѣ ея чуткому сердцу. Позднѣйшая критика въ патріотическихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго находила много неестественныхъ картинъ: пѣвецъ напр. ударяетъ въ струны арфы, воины одѣты въ кольчуги, вооружены щитами, мечами; но для современниковъ онѣ пропадали въ вѣрности содержанія, въ возвышенности идеи и глубокомъ чувствѣ, которымъ они были проникнуты.

Значеніе Жуковскаго въ этомъ случаѣ Батюшковъ опредѣляетъ, сравнивая его съ древнимъ Тиртеемъ, возбуждавшимъ воинственный духъ грековъ своими пѣснями. Къ портрету его въ 1816 г. онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею столицей,
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей.
Въ дни мира новый Грей
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

Послѣ взятія Парижа въ 1814 г. Жуковскій написалъ посланіе къ императору Александру, въ которомъ выразилъ чувства всего русскаго народа къ своему освободителю. Онъ особенно обра-

тилъ вниманіе императрицы Маріи Θеодоровны, которая еще прежде, прочитавъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, желала видѣть Жуковскаго. Въ 1815 г. онъ былъ представленъ императрицѣ Уваровымъ. Она назначила его къ себѣ лекторомъ. Въ 1817 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи императрицѣ), Александрѣ Θеодоровнѣ. Онъ началъ переводить для своей августѣйшей слушательницы стихотворенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и эти переводы, вмѣстѣ съ подлинниками, печаталъ ежемѣсячно небольшими книжками (всѣхъ книжекъ было шесть), подъ названіемъ „Для немногихъ“, потому что онѣ не поступали въ продажу, а раздавались немногимъ лицамъ (für Wenige). Въ этотъ сборникъ вошли переводы изъ Гёте: „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Рыбакъ“, „Мина“, „Лѣсной царь“; изъ Шиллера: „Рыцарь Тогенбургъ“, „Графъ Габсбургскій“, „Горная дорога“, отрывокъ изъ „Орлеанской дѣвы“; изъ Гебеля: „Тлѣнность“, „Деревенскій сторожъ“; изъ Кёрнера: „Вѣрность до гроба“. По поводу этого сборника Пушкинъ въ 1818 г. писалъ Жуковскому:

Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ,
Ты правъ, творишь ты для немногихъ.

При берлинскомъ дворѣ, по случаю пребыванія в. кн. Александры Θеодоровны, давались драматическія представленія изъ поэмы Мура „Лалла-Рукъ“; Жуковскій сдѣлалъ переводъ 2-й пѣсни этой поэмы „Рай и Пери“; подъ вліяніемъ же берлинскихъ представленій, на которыхъ давались лучшія нѣмецкія драмы, онъ рѣшился перевести „Орлеанскую дѣву“ Шиллера.

По воцареніи императора Николая, Жуковскій былъ избранъ наставникомъ в. кн. наслѣдника, впослѣдствіи императора Александра II. Сознавая всю важность и трудность порученной ему должности, Жуковскій все свое вниманіе сосредоточилъ на приготовленіи къ ней. Онъ отправился для этого за границу; составивъ предварительно планъ ученія, совѣтовался со знаменитыми педагогами, собиралъ учебную библіотеку, выбиралъ преподавателей по разнымъ предметамъ. „Работы у меня много, писалъ онъ изъ Дрездена въ февралѣ 1827 г. своимъ друзьямъ; на рукахъ моихъ важное дѣло.... Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю средства и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое. Если бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ и какъ много объемлетъ кругъ моихъ занятій, и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно распространяться... У меня въ душѣ одна мысль; все

остальное—только въ отношеніи къ этой царствующей... Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то теплота, которая животворитъ все" (1). Для окончательнаго образованія государя наслѣдника и для ознакомленія его со своимъ отечествомъ предположено было путешествіе по Россіи; планъ для этого путешествія составленъ былъ Жуковскимъ и Арсеньевымъ. Путешествіе продолжалось съ мая до декабря 1837 г. и совершалось необыкновенно быстро; въ продолженіе мѣсяца отъ Вятки до Казани чрезъ Пермь, Тобольскъ и Оренбургъ сдѣлано 4500 верстъ. „Наше путешествіе, говоритъ Жуковскій, можно сравнить съ чтеніемъ книги, въ которой теперь великій князь прочтетъ одно только оглавленіе". Будучи въ Сибири, цесаревичъ послалъ свои ходатайства къ императору за несчастныя жертвы политическихъ заблужденій. Жуковскій писалъ о томъ же изъ Златоуста; онъ описываетъ въ своемъ письмѣ страданія несчастныхъ физическія и нравственныя и въ заключеніе говоритъ: „и всему этому будетъ исцѣленіемъ одно минутное появленіе царскаго сына, которое освѣтитъ и дальніе края посѣщенной имъ Сибири". Въ Воронежѣ Жуковскій посѣтилъ домъ Кольцова и тѣмъ придалъ ему особенное значеніе въ глазахъ его родныхъ и знакомыхъ. Послѣ путешествія по Россіи послѣдовало заграничное путешествіе государя наслѣдника; Жуковскій опять сопровождалъ его. Въ это путешествіе былъ сдѣланъ выборъ будущей супруги цесаревича, в. княжны Маріи Александровны, принцессы Гессенъ-Дармштадтской, а 16 апрѣля 1841 г. послѣдовало и бракосочетаніе. Жуковскій сложилъ званіе наставника, которое онъ исполнялъ 15 лѣтъ. Какъ свято исполнилъ онъ свою великую обязанность и какъ благотворно было его вліяніе, доказываютъ всѣ великія дѣла его царственнаго ученика—незабвеннаго для Россіи Царя-Освободителя. Щедро награжденный за свои великія заслуги и обезпеченный на всю остальную жизнь, Жуковскій уѣхалъ за границу.

Въ 1841 г., когда Жуковскому было уже 57 лѣтъ, онъ женился на дочери своего друга, полковника Рейтерна; чрезъ годъ у него родилась дочь. Такимъ образомъ идеалъ семейнаго счастія, къ которому онъ стремился всю жизнь, былъ найденъ, и Жуковскій нашелъ въ немъ успокоеніе. Это доказываетъ его посвященіе къ поэмѣ „Наль и Дамаянти", переведенной имъ съ нѣмецкаго Рюккертова перевода для в. кн. Александра Николаевича. Въ этомъ посвященіи онъ свое состояніе изображаетъ такимъ образомъ:

---

(1) В. А. Жуковскій и его произведенія, П. Загарина, стр. 363—364.

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря на лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня (1).

Но съ перемѣной жизни измѣнились стремленія, вкусъ и литературныя занятія Жуковскаго. „На старости лѣтъ, писалъ онъ, я присосѣдился къ древнему разсказщику Гомеру; изъ яраго романтика сдѣлался спокойнымъ классикомъ“. Въ 1847—49 г. вышелъ новый переводъ Одиссеи; послѣ Одиссеи онъ хотѣлъ было перевести и Иліаду, но перевелъ только первую пѣснь и часть второй. Въ это же время напечатаны были его мелкія повѣсти и сказки и эпизодъ изъ „Шахъ Намэ“—„Рустемъ и Зорабъ“. Но его семейное счастіе и спокойствіе продолжалось не долго. Сначала болѣзнь жены, а потомъ и собственная скоро омрачила ихъ. Онъ все собирался переѣхать въ Россію и здѣсь поселиться уже навсегда. Въ 1849 г. было празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея его поэтической дѣятельности; но онъ уже не былъ на этомъ юбилеѣ, который былъ отпразднованъ безъ него. Несмотря на то, что зрѣніе его такъ ослабѣло, что онъ не могъ видѣть однимъ глазомъ, онъ продолжалъ занятія; въ послѣднее время онъ былъ занятъ разными педагогическими сочиненіями и составленіемъ учебнаго курса для своихъ дѣтей. Послѣднимъ серьезнымъ сочиненіемъ его была поэма „Вѣчный жидъ, или Агасверъ“, которую онъ уже не успѣлъ докончить. За годъ до смерти Жуковскій написалъ воспоминаніе о Царскомъ Селѣ (2), гдѣ онъ изображаетъ стараго лебедя, временъ Екатерины, умирающаго на водахъ царскосельскихъ прудовъ среди уже чуждаго ему молодого поколѣнія.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;

(1) Сочин., III, 287.
(2) Царскосельскій лебедь.

Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На̀ голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ,—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко̀ раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ уж негорящій [1].

Такъ Жуковскій въ образѣ стараго лебедя изобразилъ самого себя и свою собственную смерть. Это было послѣднею лебединою пѣснію и самого Жуковскаго. Въ 1852 г. онъ сильно занемогъ въ Баденъ-Баденѣ и 7-го апрѣля скончался на 70-мъ году жизни. Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, подлѣ Карамзина.

Основа міросозерцанія и характеръ идеаловъ Жуковскаго. Если вообще говорятъ, что жизнь и характеръ писателя выражается въ его сочиненіяхъ, то это надобно сказать о Жуковскомъ особенно и въ особенномъ смыслѣ. Характеризуя въ одномъ сочиненіи свою поэтическую дѣятельность, онъ говорилъ:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ [2].

Дѣйствительно: мы видѣли, что каждое его сочиненіе тѣсно связано съ какимъ-нибудь фактомъ его жизни, что все, что онъ испыталъ, превращалось у него въ поэзію, что не только на оригинальныхъ, но и на переводныхъ сочиненіяхъ отразились слѣды его внутреннихъ думъ и чувствованій. И потому, говоря о переводной его дѣятельности, его нельзя сравнивать съ обыкновенными переводчиками; въ его переводныхъ сочиненіяхъ гораздо больше оригинальнаго, чѣмъ у нихъ. Это свойство поэзіи Жуковскаго, давно

---

[1] Сочин., V, 161—162. [2] Сочин., II, 392.

замѣченное, особенно выяснилось во время столѣтняго его юбилея, когда были пересмотрѣны всѣ его сочиненія, издано множество его писемъ, когда вообще внимательно объяснена была жизнь и поэзія Жуковскаго. Мы указывали выше, что онъ переводилъ большею частію тѣ сочиненія, которыя подходили въ данный моментъ къ его душевному состоянію, выражали его мысли и чувствованія, что, переводя сочиненіе, онъ сглаживалъ иногда рѣзкія мѣста, не согласныя съ его взглядами, что, наконецъ, часто въ переводныхъ сочиненіяхъ дѣлалъ свои вставки или въ посвященіи, или въ эпилогѣ, а иногда и въ срединѣ разсказа, въ видѣ размышленія, думы, чувства, вообще въ формѣ лирическаго отступленія. Передѣлывая „Ленору" Бюргера, мы видѣли, онъ замѣнилъ страшное отчаяніе и проклятія Леноры тихою грустью по миломъ. Въ балладѣ: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" (1811 г.), передѣланной изъ романа Шписа, онъ далеко отступилъ отъ подлинника и изъ большого романа создалъ балладу; при этомъ уничтоженъ мѣстный колоритъ и всѣ подробности, которыми характеризовались вѣкъ, среда и бытъ сословій, и вмѣсто этого внесены новыя черты, которыя придаютъ разсказу русскій колоритъ. Жуковскій много переводилъ стихотвореній изъ Шиллера, увлекавшаго его своими идеалами. Онъ перевелъ его греческія и средневѣковыя баллады. Въ греческихъ балладахъ, т. е. заимствованныхъ изъ греческаго міра, Шиллеръ изобразилъ греческія воззрѣнія на жизнь и природу. Въ „Кассандрѣ", „Торжествѣ побѣдителей" и „Поликратовомъ перстнѣ" выражена идея завистливой и мстительной судьбы, которая, по ученію грековъ, неотразимо господствовала надъ людьми и богами. Кассандра, дочь Троянскаго царя Пріама, не хочетъ участвовать въ свадьбѣ сестры своей Поликсены и уходитъ въ лѣсъ; какъ жрица Аполлона, она владѣетъ даромъ предвидѣнія и не можетъ радоваться съ другими, потому что знаетъ о близкой смерти жениха и паденіи Трои (1). Въ балладѣ „Торжество побѣдителей" изображается торжество грековъ, ликующихъ послѣ взятія Трои; греки и трояне сожалѣютъ о герояхъ, погибшихъ во время войны: „нѣтъ великаго Патрокла; живъ презрительный Терситъ" (2). Въ балладѣ „Поликратовъ перстень" (3) выражена та мысль, что чѣмъ болѣе дается счастія человѣку, тѣмъ скорѣе и неизбѣжнѣе его постигаетъ бѣдствіе. Самосскій владѣтель, Поликратъ, съ гордостію показываетъ египетскому царю свои богатства; царь совѣтуетъ ему не довѣрять своему счастію; ему не даромъ все удается; не къ добру такая удача во всемъ; самъ отдай драгоцѣннѣйшее свое сокровище,—и Поликратъ бросаетъ въ море перстень, которымъ дорожитъ особенно, но на другой день ему возвращаютъ перстень, найденный въ рыбѣ, ко-

(1) Сочин., I, 113—117. (2) Сочин., II, 417. (3) Сочин., II, 446.

торую поваръ готовилъ къ столу. Тогда египетскій царь бѣжитъ отъ него, сказавши: „бѣда грозитъ этому дому; ты обреченъ судьбою на смерть“. Въ балладѣ „Ивиковы журавли“ ([1]) выражена идея правды и возмездія, мщеніе Эвменидъ за преступленіе. Пѣвецъ Ивикъ шелъ въ Коринѳъ на праздникъ Посейдона; на дорогѣ въ лѣсу на него напали разбойники и убили его; умирая, онъ обращается къ журавлямъ, которые въ это время пролетали надъ нимъ, и проситъ ихъ быть свидѣтелями преступленія. Убійцы, совершивъ преступленіе, пришли также въ Коринѳъ и явились въ театръ. Въ то время, какъ народъ, узнавъ о преступленіи, волновался, и хоръ Эвменидъ взывалъ къ богамъ о мщеніи преступникамъ, надъ театромъ пролетѣла стая журавлей; вдругъ между зрителями, на ступеняхъ театра, раздался крикъ: „Парѳеній, слышишь? это Ивиковы журавли“. По этимъ словамъ тотчасъ въ произносившихъ ихъ узнали убійцъ Ивика. Въ этой балладѣ хорошо также выражено воспитательное значеніе театра у грековъ. Въ „Жалобѣ Цереры“ ([2]) выражается вѣрованіе грековъ, что вся природа, небо, земля и царство подземное населены богами и существами, подобными богамъ. Богиня Церера отыскиваетъ свою дочь, Прозерпину, которую похитилъ владыка подземнаго царства Плутонъ; не имѣя возможности, какъ живая, проникнуть въ подземное царство тѣней, она собираетъ осенью сѣмена и бросаетъ ихъ въ землю въ знакъ своей материнской любви; корни сѣмянъ уходятъ въ глубь земли. а стебли стремятся вверхъ къ свѣту, и въ цвѣтахъ весны Церерѣ слышится родной привѣтъ милой дочери.—Къ средневѣковымъ балладамъ Шиллера, которыя перевелъ Жуковскій, относятся: „Кубокъ“, „Перчатка“, „Сраженіе со змѣемъ“, „Графъ Габсбургскій“ и „Рыцарь Тогенбургъ“. Въ нихъ изображаются средневѣковыя идеи рыцарской любви, чести, вѣрности, самоотверженія, мужества и человѣколюбія. Въ балладѣ „Кубокъ“ ([3]) молодой пажъ съ высокой стремнины бросается въ кипучій водоворотъ, чтобы достать брошенный туда царемъ золотой кубокъ и получить руку царевны. Въ „Перчаткѣ“ ([4]) рыцарь, на вызовъ гордой и жестокосердой красавицы, смѣло идетъ къ дикимъ звѣрямъ, подымаетъ брошенную ею перчатку и съ упрекомъ въ жестокосердіи кладетъ къ ея ногамъ. Въ „Сраженіи съ змѣемъ“ отважный рыцарь ордена Іоаннитовъ побѣждаетъ чудовище, опустошавшее землю, и при этомъ совершаетъ подвигъ смиренія, цѣлуетъ руку магистра ордена, который осудилъ его за то, что онъ вышелъ на битву безъ дозволенія. Въ балладахъ „Графъ Габсбургскій“ и „Рыцарь Тогенбургъ“ ([5]) изо-

---

([1]) Сочин., I, 197. ([2]) Сочин., II, 449. ([3]) Тамъ же, стр. 468.
([4]) Тамъ же, стр. 474.—([5]) Тамъ же, стр. 59, 63.

бражены значеніе поэзіи въ торжественныхъ собраніяхъ, уваженіе рыцарей къ религіи и церкви, характеръ рыцарской любви. Но въ то же время страстная кипучая натура нѣмецкаго поэта не могла найти въ немъ полнаго сочувствія; изъ драматическихъ сочиненій Шиллера онъ перевелъ одну только „Орлеанскую дѣву", но не перевелъ ни „Разбойниковъ", ни „Заговора Фіеско", ни „Валленштейна". Еще менѣе могъ сочувствовать Жуковскій Байрону. „Въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу, писалъ онъ Козлову въ 1833 г.. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни". Въ „Шильонскомъ узникѣ", котораго онъ перевелъ во время путешествія по Швейцаріи, Жуковскаго привлекла къ себѣ личность младшаго брата, нѣжно страдающая, родственная самому Жуковскому; гордое страданіе старшаго брата онъ замѣнилъ тихою скорбію; всѣ рѣзкія мѣста о свободѣ и гоненіи, которому подвергались братья, исключены и вмѣсто нихъ вставлены другія. Въ переводѣ изъ „Лалла-Рукъ" Мура—„Рай и Пери"—Жуковскій допустилъ значительныя отступленія. Онъ сгладилъ тѣ мѣста, которыя казались ему слишкомъ страшными; сглажены также магометанскія представленія, такъ что читатель порой забываетъ, что предъ нимъ излагается магометанское сказаніе (1).

Жуковскій былъ поэтъ лирическій, и господствующій тонъ въ его лирикѣ былъ элегическій, зависѣвшій отъ его душевнаго настроенія, созданнаго всѣми обстоятельствами его жизни. Рожденный съ нѣжною натурою, онъ воспитался въ женскомъ нѣжномъ обществѣ. Это воспитаніе развило въ немъ любовь и симпатію ко всему нѣжному, чистому и возвышенному и отвращеніе отъ всего грубаго, низкаго, недостойнаго человѣка. Особенное положеніе въ семьѣ, которая была для него въ одно и то же время и своя и чужая, страстная и въ то же время несчастная любовь къ племянницѣ, бывшая источникомъ душевныхъ страданій, положила на его характеръ печать глубокой меланхоліи и съ малыхъ лѣтъ повела къ элегическимъ чувствамъ и мечтательности. При невозможности достигнуть счастія человѣческаго въ настоящемъ, онъ сталъ искать его въ прошедшемъ и будущемъ, въ прошедшемъ какъ воспоминаніе о томъ, что было, въ будущемъ какъ надежду, что бывшее разъ опять возвратится, если не въ этой жизни, то въ жизни загробной. Счастіе, прерванное смертію, возвратится за гробомъ. Все лучшее, свѣтлое въ жизни, особенно любовь, ея животворящая сила, услада и утѣшительница, будетъ существовать и тамъ. Въ „Посланіи къ Нинѣ" поэтъ мечтаетъ:

Ужели ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?

---

(1) Пери и Ангелъ. Сочин., II, стр. 305.

Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону любови?
И то, что питало въ насъ пламень души,
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь;
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать.
. . . .
О Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ —
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья (1).

Отсюда тѣсная связь во всѣхъ его представленіяхъ и образахъ настоящаго и прошедшаго съ будущимъ. Онъ такъ сжился съ такими представленіями, что сталъ наконецъ находить въ нихъ сладостное утѣшеніе во всякомъ несчастіи и во всякой скорби, и высказывалъ сожалѣніе о *скорой преходимости горя*, что *горе земное не надолго*. Поэтому печаль по благамъ прежнихъ лѣтъ, неудовлетворенная любовь, скорбь объ утраченномъ счастіи, печаль по несбывшимся надеждамъ, надежда на счастіе въ будущемъ составляютъ существенныя черты поэзіи Жуковскаго. Эти черты видны во всѣхъ стихотвореніяхъ его; но особенно рѣзко онѣ, какъ преобладающія темы, выразились въ аллегоріи: „Три сестры. Видѣніе Минваны" и въ стихотвореніяхъ: „Тоска по миломъ", „Эльвина и Эдвинъ", „Алина и Альсимъ", „Эолова арфа", „Теонъ и Эсхинъ". „Вся наша жизнь, говоритъ онъ въ „Видѣніи Минваны", была бы послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть". Эти три эпохи представляются въ образѣ трехъ сестеръ, молодыхъ дѣвушекъ, встрѣтившихся Минванѣ на дорогѣ. „Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кипарисомъ; другая лежала небрежно на травѣ подъ розовымъ кустомъ; а третья смотрѣла на заходящее солнце; въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя; величественное лицо, озаренное лучами солнца, казалось не человѣческимъ... Мы сестры, сказала старшая. Я называюсь *прошедшее*; имя средней сестры, которая подарила тебѣ розу, *настоящее*, а младшей—*будущее*: иначе называютъ насъ *Вчера*, *Нынѣ*, *Завтра*. Мы неразлучны, тотъ, кого полю-

(1) Сочин., I, 92—93.

битъ одна, становится любезенъ и другимъ, противный одной необходимо долженъ быть противенъ и прочимъ... Наслаждаясь, мой другъ, розами настоящаго, ты будешь съ веселіемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сію привлекательную отдаленность будущаго: веселіе и надежда—сопутницы непорочности... О мой другъ, придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни,... тогда явимся предъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя. Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго. Безсмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда... О Минвана, вся твоя жизнь да будетъ приготовленіемъ къ сей минутѣ" ([1]). Воспоминаніе и надежду, два основныхъ чувства, данныя человѣку небомъ въ замѣну утраченнаго настоящаго счастія, онъ представляетъ въ образѣ двухъ цвѣтковъ—незабудки и анютиныхъ глазокъ:

Они безъ пышнаго сіянія,
Едва примѣтны красотой:
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы—цвѣтъ другой.
О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ ([2]).

Поэтическій образъ загробнаго свиданія представленъ въ „Жалобѣ Цереры", переведенной изъ Шиллера. Тоскующая по дочери своей Прозерпинѣ Церера говоритъ:

Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И его въ земныя нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
. . . .
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,

([1]) Сочин., V, 262—265. ([2]) Сочин., II, 390—391.

Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ (¹).

То же самое изображается въ „Эоловой арфѣ". Бѣдный пѣвецъ Аркиній полюбилъ дочь богатаго Ордала, Минвану, но не надѣется получить согласія на бракъ; прощаясь съ нею, онъ привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и говоритъ:

Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой (²).

Но всего рѣзче міросозерцаніе Жуковскаго выразилось въ балладѣ: „Теонъ и Эсхинъ". Эсхинъ долго странствовалъ по свѣту, повсюду искалъ счастія, но нигдѣ и ни въ чемъ не нашелъ его. Утомленный онъ возвращается домой и находитъ друга своего Теона сидящимъ подлѣ гроба. Теонъ не хотѣлъ искать счастія нигдѣ, кромѣ жизни семейной. Но онъ не долго имъ наслаждался; супруга его умерла. Это не произвело ропота въ душѣ Теона, не разочаровало его въ жизни:

О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

(¹) Сочин., II, 452—453. (²) Сочин., I, 379.

Что может разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

. . . .
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь,
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.

А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

Сей гробъ, затворенная къ счастію дверь,
Отворится.... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,

И горесть и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнодавцу—Зевесу! (1).

Воспоминаніе о томъ, что было, для поэта такъ дорого и такъ живо, что онъ сливаетъ это прошедшее съ будущимъ и представляетъ его какъ бы настоящимъ:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были (2).

Приписывая такое значеніе воспоминанію о прошедшемъ, объ утраченномъ счастіи, онъ жалуется на *преходимость горя*, что всякое горе не надолго. Въ „Ундинѣ" онъ говоритъ:

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью? что наше
Горе земное не надолго. Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь—порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много инаго чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... Итакъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго (3).

Такимъ образомъ элегія Жуковскаго совсѣмъ не имѣетъ характера какого-нибудь унынія или отчаянія, какъ это мы встрѣчаемъ у древнихъ греческихъ и римскихъ поэтовъ и у новыхъ писателей, изображающихъ себя или другихъ въ какомъ-нибудь несчастіи. Религія древнихъ не обѣщала никакихъ утѣшеній за гробомъ, и несчастіе настоящей жизни ложилось всею тяжестью на человѣка; христіанство указало цѣль жизни въ будущемъ мірѣ, для приготовленія къ которому служитъ настоящая жизнь. „Древніе, говоритъ Жуковскій, имѣли вполнѣ развитую гражданскую матеріальную жизнь, но не имѣли дополненія необходимаго этой жизни, того именно, что ее упрочиваетъ и благородствуетъ; ихъ

(1) Сочин., I, 312—316. (2) Сочин., II, 352. (3) Сочин., III, 154, 220—221.

религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ этой матеріальной жизни; она не входила во внутренность души, напротивъ извлекала ее изъ самой себя, наполняя внѣшній міръ, ее окружающій, своими поэтическими созданіями, повторявшими, въ другомъ только размѣрѣ, всѣ событія ежедневной матеріальной жизни; но въ замѣнъ земныхъ утратъ ничего не представляла. Всѣ сокровища были на землѣ; все заключалось въ земныхъ радостяхъ и все съ ними исчезало. Итакъ естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностію прилѣплялась и предавалась ихъ наслажденію, отвративъ глаза отъ Парки, во всякое время съ нимъ неразлучной. У каждаго на пиру въ жизни висѣлъ надъ головою, на тонкомъ волоскѣ, мечъ Дамоклесовъ; но потому именно, что онъ у каждаго висѣлъ надъ головою, всѣ общею толпою шумѣли весело на пиру и спѣшили насытиться по горло. Каждый самъ про себя, ясно или неясно чувствовалъ, что когда соберутъ со стола, ужъ другого ему не накроютъ; но увлеченный общимъ шумнымъ порывомъ не обращалъ вниманія на это чувство, или вопреки ему удвоивалъ свои подвиги на всемірной оргіи. Иногда какой-нибудь Горацій, но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе, восклицалъ посреди этой суматохи: лови, лови летящій часъ! Онъ, улетѣвъ, не возвратится!... Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало... Изъ внѣшняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и гибнетъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей; легкомысленное, ребяческое наслажденіе внѣшнимъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему; за всякое заблужденіе надежды, ласкавшейся обрѣсти вѣрное существенное въ измѣняющемъ внѣшнемъ, нашлось вознагражденіе въ сокровищницѣ вѣры, которая все наше драгоцѣнное, все, существенно душѣ нашей принадлежащее, застраховало на уплату послѣ смерти въ иномъ мірѣ... Гибнетъ только то, что не наше; все же, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность" [1]. На такихъ началахъ коренилось міровоззрѣніе Жуковскаго. Но въ то же время это не былъ міръ отшельника, закрывающаго глаза на все въ мірѣ, кромѣ могилы; религіозность Жуковскаго была проникнута истинно гуманными началами; онъ былъ исполненъ глубокой симпатіи и любви ко всему человѣческому, ко всему великому, высокому и прекрасному въ области науки, искусства и цивилизаціи; онъ представляетъ въ себѣ соединеніе христіанства съ гуманизмомъ. Никто такъ высоко не понималъ цѣли и назначенія поэта и обязан-

---

(1) «О меланхоліи въ жизни и поэзіи», Сочин., VI, 68—70.

ности его. Онъ называетъ поэзію добродѣтелью (1), земной сестрой религіи небесной. Все въ жизни къ великому средство; и жизнь и вселенная прекрасны.

Геній чистой красоты—
Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду (2).

Въ „Камоэнсѣ“ его поэтъ Васко говоритъ:

Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!....
.... Здѣсь безъ нихъ (поэтовъ)
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?...
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной

(1) Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину. Сочин., I, 335. (2) Сочин., V, 467.

Религія сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. Поэтъ, на пламени его
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что бъ труженикъ земной
Ни испыталъ,—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Отвѣтъ Камоэнса поэту Васко заканчивается словами:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли [1].

Какъ въ идеалѣ поэта Жуковскій не отдѣлялъ поэзіи отъ добродѣтели и религіи, такъ въ идеалѣ человѣка не отдѣлялъ счастія отъ добродѣтели. Почти до 60 лѣтъ искавшій счастія въ жизни семейной, онъ поставлялъ семейную жизнь идеаломъ жизни. Въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“ онъ говоритъ: „Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ. Свѣтъ называютъ театромъ—каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ, чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе: *добрый*, чтобъ имѣть право называться *счастливымъ*. Ты съ честью служишь отечеству; судья справедливый—всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ—никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый? Нѣтъ: я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой ха-

[1] Сочин., III, 237, 264—266, 270.

рактеръ—я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ—всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій.... Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимствованные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ.... тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ.... Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.... Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства“ (1).

Такимъ образомъ Жуковскій возвышаетъ семейную жизнь и дѣятельность надъ жизнію и дѣятельностію общественною, которая является уже на второмъ планѣ, какъ замѣна жизни семейной. Это, конечно, потому, что семейство составляетъ самую важную форму жизни, какъ основа жизни общественной. Въ семействѣ первоначально складывается и развивается тотъ характеръ, съ какимъ является человѣкъ въ жизни и дѣятельности общественной. И если не будетъ хорошаго семьянина, то не будетъ и хорошихъ гражданъ, хорошихъ общественныхъ дѣятелей.

Романтическое отношеніе Жуковскаго къ искусству и природѣ выразилось при описаніи картинъ Дрезденской галлереи и особенно Рафаэлевой Мадонны. Вліяніе прекраснаго на душу Жуковскій обозначаетъ характеристическими словами: душа распро-

(1) Сочин., V, 265—268.

страняется. Истинный художникъ пишетъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Такое именно впечатлѣніе производитъ картина Рафаэля. „Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: „она здѣсь!" закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что предъ тобою что-то неестественное происходитъ.... Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно, приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка" (1). Такимъ образомъ, то, что называется вдохновеніемъ, по мнѣнію Жуковскаго, есть внезапное откровеніе: это видѣніе, которое удалось художнику видѣть изъ-за видимаго, невидимое, таинственное, не выразимое въ обыкновенное время. Такъ Жуковскій смотрѣлъ и на собственное свое вдохновеніе. Въ піэсѣ „Таинственный посѣтитель" онъ говоритъ:

«Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ» (2).

Въ другой піэсѣ „Привидѣніе" поэтическую мечту онъ изображаетъ привидѣніемъ.

«Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой» (3).

Въ природѣ подъ внѣшними явленіями, доступными созерцанію, онъ видитъ невидимое, духовное. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеристична его піэса „Море". Каждой внѣшней чертѣ въ морѣ онъ придаетъ духовный смыслъ и все море представляется живымъ, дышащимъ:

---

(1) Сочин., V, 465—470. (2) Тамъ же, II, 388. (3) Тамъ же, 386.

«Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей,
Ты живо, ты дышишь...» (¹).

Присутствіе этой духовной жизни, которое и составляетъ ея красоту и предметъ поэзіи, онъ представилъ въ піэсѣ „Невыразимое".

«Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?» (²).

Существенная заслуга Жуковскаго, какъ мы сказали, заключается въ томъ, что онъ познакомилъ русскую литературу и русское общество съ характеромъ романтической европейской поэзіи. „Онъ, говоритъ Бѣлинскій, пополнилъ въ русской жизни недостатокъ историческихъ среднихъ вѣковъ и, благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихъ вѣковъ, и романтическая поэзія начала XIX вѣка.... Романтизмъ среднихъ вѣковъ, разумѣется, не годится для нашего времени; теперь онъ не истина, а ложь; но въ свое время онъ былъ истиной. Былъ и въ исторіи русской литературы и русскаго общества моментъ, когда для нихъ романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ сѣменемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи" (³). Но кромѣ романтическихъ произведеній, Жуковскій познакомилъ русскую литературу и съ лучшими произведеніями всѣхъ литературъ древнихъ и новыхъ.... Изъ индійской литературы онъ перевелъ съ нѣмецкаго Рюккертова перевода превосходную повѣсть изъ Магабгараты: „Наль и Дамаянти"; изъ персидской литературы также съ Рюккертова перевода—эпизодъ изъ поэмы Фирдуси Шахъ-Намэ: „Рустемъ и Зорабъ"; изъ древней классической поэзіи, кромѣ отрывковъ изъ Иліады и Энеиды, перевелъ съ нѣмецкаго подстрочнаго перевода всю Одиссею; изъ испанской поэзіи—нѣкоторые романсы о Сидѣ и Донъ-Кихота Сервантеса съ сокращеннаго французскаго перевода; изъ англійской поэзіи—„Сельское кладбище" Грея, „Замокъ Смальгольмъ" Вальтера Скотта и „Шильонскій узникъ" Байрона; изъ нѣмецкой поэзіи, кромѣ указанныхъ выше сочиненій Шиллера и Гёте, эпизодъ изъ „Мессіады" Клопштока—Аббадона; изъ Бюргера—„Ленора"; изъ Зейдлица—„Ночной смотръ"; изъ Гебеля мелкія стихотворенія: „Деревенскій сторожъ", „Овсяный кисель", „Утренняя звѣзда", „Лѣтній вечеръ". Сколько съ этими разнообразными переводами внесено было въ русскую литературу новыхъ образовательныхъ

(¹) Сочин., II, 388—389. (²) Тамъ же, 76.
(³) Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 204—205.

элементовъ. Правда, эти переводы сдѣланы были не совсѣмъ согласно съ подлинниками(подлинникъ въ нихъ часто съ пропусками, получилъ новыя вставки, языкъ довольно свободенъ), но отъ этого не теряется ихъ образовательное значеніе. Развиваютъ идеи, образы, чувства и стремленія, которыя составляютъ содержаніе литературныхъ произведеній, а не внѣшняя форма ихъ выраженія, какъ-то языкъ и слогъ, которые далеко не такъ космополитичны и вполнѣ не могутъ быть переданы съ одного языка на другой. Нѣкоторыя произведенія еще до сихъ поръ читаются въ переводѣ Жуковскаго, несмотря на то, что они сдѣланы не съ подлинника, какъ напр. такое классическое произведеніе, какова „Одиссея“ и восточныя произведенія „Наль и Дамаянти“ и „Рустемъ и Зорабъ“. Другого перевода мы до сихъ поръ еще не имѣемъ. Ни одинъ изъ русскихъ писателей и поэтовъ не владѣлъ такимъ удивительнымъ искусствомъ переводить на русскій языкъ произведенія иностранныхъ литературъ, какъ Жуковскій. Онъ умѣлъ постигнуть вполнѣ духъ и характеръ писателя, воспринималъ въ свою душу его идеи, мысли и чувства и до того проникался переводимымъ сочиненіемъ, что переводъ его дѣлался какъ бы его собственнымъ сочиненіемъ. Переводчикъ-стихотворецъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ оригинальный творецъ. Конечно, первая мысль, на которой основано зданіе стихотворное и планъ этого зданія, принадлежитъ не ему; но онъ остается творцомъ выраженія. Онъ не найдетъ выраженія автора оригинальнаго въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимся ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразитъ его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія, когда, руководствуясь авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія. Но эта способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть ли сама по себѣ ужъ творческая способность?

Что касается оригинальныхъ сочиненій Жуковскаго, то возвышенный строй его поэзіи, глубоко религіозный, христіанскій идеализмъ, которымъ они проникнуты, имѣли несомнѣнно благотворное вліяніе и были необходимы для тогдашняго русскаго общества, страдавшаго отъ матеріализма, внесеннаго въ него французскою литературою. Въ 1826 году Пушкинъ въ надписи къ портрету Жуковскаго такъ охарактеризовалъ его поэзію:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Всѣ эти свойства, дѣйствительно, есть въ поэзіи Жуковскаго, и они-то благотворно дѣйствовали на читающую публику.

Въ кругу современныхъ писателей Жуковскій былъ настоящимъ классическимъ Несторомъ, мудрымъ совѣтникомъ, утѣшителемъ во всякомъ несчастіи, радующимся всякому новому таланту и поддерживающимъ упадающія силы. Когда Пушкинъ окончилъ свою поэму „Русланъ и Людмила", онъ подарилъ ему свой портретъ и написалъ на немъ: „ученику побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія Руслана и Людмилы". Въ 1820 году Жуковскій явился заступникомъ за Пушкина, когда его сослали въ Одессу. Жуковскій долго возился съ Пушкинымъ, когда онъ въ Михайловскомъ разссорился съ отцомъ; онъ же описалъ послѣднія минуты жизни Пушкина. Когда въ 1824 году Батюшковъ сошелъ съ ума, Жуковскій оказалъ необыкновенное участіе, возилъ его въ Дерптъ, потомъ за границу въ Дрезденъ, въ Зонненштейнскую больницу. Письма Жуковскаго свидѣтельствуютъ, какъ заботила его судьба бѣднаго поэта. Семейство Тургеневыхъ, весьма близкое къ Жуковскому, замѣшано было въ общество декабристовъ. Жуковскій возилъ въ Парижъ Сергѣя Тургенева, который, узнавъ о судьбѣ братьевъ, сошелъ съ ума. Жуковскій ходатайствовалъ за Николая Ивановича Тургенева, который хотя былъ не виновенъ, но уклонился отъ суда, убѣжавъ въ Лондонъ. 15-лѣтній Баратынскій въ Пажескомъ корпусѣ былъ втянутъ товарищемъ въ дурное дѣло и былъ исключенъ съ тѣмъ, чтобы никуда не принимать, какъ въ солдаты; онъ написалъ письмо къ Жуковскому, и по его ходатайству былъ произведенъ въ офицеры. Когда Козловъ лишился зрѣнія, Жуковскій ухаживалъ за нимъ, помогалъ его семьѣ, и похоронилъ его, какъ искренняго друга. Доброта въ Жуковскомъ соединялась съ незлобіемъ. Мы указали выше на комедію Шаховского: „Липецкія воды", въ которой Жуковскій представленъ былъ въ смѣшномъ видѣ балладника Фіалкина. Тогда какъ друзья его глубоко возмущались этою дерзостью, онъ отнесся къ ней спокойно и добродушно. „Здѣсь (въ Петербургѣ), есть авторъ, князь Шаховскій. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы всѣ молчали.... Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою.... Бѣда писателю, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю; онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собою. Я теперь знаю, что я люблю поэзію для нея самой, а не

для почестей, и что комары парнасскіе меня не укусять никогда слишкомъ больно" (¹).

Словесныя формы Жуковскаго согласны съ внутреннимъ содержаніемъ его произведеній. Въ романтическихъ произведеніяхъ, выражающихъ разныя чувствованія и ощущенія, какъ бы въ соотвѣтствіе ихъ романтическому строю, стихъ его отличается легкостью и музыкальностью; по мѣткому выраженію Гоголя, онъ „безтѣлесенъ, какъ видѣніе"; „порхаетъ какъ неясный звукъ Эоловой арфы". Жуковскій любилъ писать бѣлыми стихами, или стихами безъ риѳмъ. Пушкинъ вначалѣ былъ недоволенъ и посмѣивался надъ такими стихами, но впослѣдствіи вполнѣ оцѣнилъ ихъ и даже самъ писалъ такими стихами. О Жуковскомъ еще въ 1825 году Пушкинъ говорилъ: „я не слѣдствіе, а только ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его.... Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать". Когда на Жуковскаго нападали, говоря, что его пѣсенка уже спѣта, Пушкинъ защищалъ его: „Зачѣмъ кусать намъ грудь своей кормилицы, потому что зубки прорѣзались", спрашивалъ онъ. „Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности и къ тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ".

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

Современникомъ Жуковскаго былъ Батюшковъ (²), другой предшественникъ Пушкинской эпохи. Это была личность чрезвычайно да-

(¹) Изъ письма на родину 1815, въ «Рус. Архивѣ» 1864 г.

(²) 1-е изданіе сочиненій Батюшкова вышло въ 1817 г. Спб.: «Опыты въ стихахъ и прозѣ». 2 части. 2-е изд.: «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ». Спб. 1834. 2 части. 3-е изд.—Смирдина въ 1850 г. Въ 1887 г. сочиненія Батюшкова прекрасно изданы братомъ его П. Н. Батюшковымъ, съ обширною и превосходною статьею о жизни и сочиненіяхъ Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Том. 1—3. Спб. Въ этой статьѣ и примѣчаніяхъ заключается цѣлая монографія, въ которую не только входитъ самая обстоятельная и подробная біографія поэта и обзоръ его сочиненій, но и описывается вся литературная эпоха царствованія Александра I, къ которой относится поэтическая дѣятельность Батюшкова со всѣми писателями, бывшими современниками Батюшкова, и при этомъ характеризуется ихъ личность, направленіе и главныя сочиненія. Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова. Рѣчь академика Я. К. Грота на юбилеѣ Батюшкова. Характеристика Батюшкова, какъ поэта. Рѣчь Л. Н. Майкова. Напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ, томъ LVI. 1888.

ровитая, но, къ сожалѣнію, погибшая преждевременно. Очень рано и быстро Батюшковъ пріобрѣлъ извѣстность, но рано также и неожиданно кончилась его литературная дѣятельность: онъ скоро впалъ въ неизлѣчимую душевную болѣзнь, перешедшую въ помѣшательство, и въ этой болѣзни скончался, проживши до 68 лѣтъ. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился 18 мая 1787 г. въ Вологдѣ, откуда происходила мать его Александра Григорьевна Бердяева; отецъ же его Николай Львовичъ былъ родомъ изъ старинной фамиліи дворянъ Батюшковыхъ, которые еще въ XVI в. владѣли помѣстьями въ Новгородской области. Мать Батюшкова, чрезъ нѣкоторое время по рожденіи его, лишилась разсудка и умерла въ 1795 г. Можно по этому думать, что болѣзнь поэта была наслѣдственная; по крайней мѣрѣ самъ Батюшковъ, зная это обстоятельство, глубоко пораженъ былъ смертью матери и часто говорилъ о ней въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Отецъ Батюшкова, какъ всѣ русскіе дворяне тогдашняго времени, воспитался на французской литературѣ и философіи XVIII вѣка и имѣлъ у себя большую библіотеку; французская библіотека отца послужила и основаніемъ образованія Батюшкова-сына. Послѣ домашняго воспитанія онъ былъ отданъ въ одинъ французскій пансіонъ (Жакино) въ Петербургѣ, гдѣ всѣ преподаватели были иностранцы, кромѣ учителей Закона Божія и русскаго языка; слѣд. и образованіе совершалось также, какъ и домашнее воспитаніе, въ томъ же иностранномъ духѣ, на той же французской литературѣ. Когда Батюшкову было только еще 14 лѣтъ, онъ писалъ своему отцу, чтобы онъ выслалъ ему въ Петербургъ „Кандида“ Вольтера и сочиненія Мерсье. Послѣ Вольтера изъ французскихъ поэтовъ, кажется, всего болѣе имѣли вліянія на Батюшкова сочиненія Парни — самаго моднаго въ то время поэта, пѣвца веселости и пріятностей жизни, представителя и образца легкой поэзіи. Позднѣе онъ познакомился съ „Опытами“ Монтеня, также съ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ. Еще въ пансіонѣ онъ началъ заниматься итальянскимъ языкомъ и увлекался Петраркой, Аріосто, и особенно Тассомъ, который сдѣлался его любимымъ поэтомъ. Дальнѣйшее образованіе и развитіе Батюшкова происходило въ домѣ его дяди, Михаила Никитича Муравьева, бывшаго попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Муравьеву онъ обязанъ воспитаніемъ своего нравственнаго характера, знакомствомъ съ древними классическими писателями и своимъ литературнымъ направленіемъ. Въ домѣ Муравьева онъ рано былъ введенъ въ кругъ лучшихъ поэтовъ и писателей того времени и пріобрѣлъ дружбу такихъ людей, какъ Дмитріевъ, А. И. Тургеневъ, Карамзинъ, Жуковскій, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Крыловъ и кн. Вяземскій. У Муравьева же, подъ его начальствомъ, въ департаментѣ министерства народнаго

просвѣщенія началась первоначально и служба Батюшкова. Здѣсь товарищами его были: И. П. Пнинъ, Д. И. Языковъ, Н. И. Гнѣдичъ, И. И. Мартыновъ. Самымъ близкимъ его другомъ, участникомъ всѣхъ радостей и горестей его жизни, былъ Гнѣдичъ. Послѣ Батюшковъ перешелъ въ военную службу и оставался на ней 10 лѣтъ. Во время войны 1807 года, въ Гейльсбергскомъ сраженіи онъ былъ раненъ въ ногу; въ 1808 г. во время войны со Швеціей онъ былъ въ Финляндіи, былъ пораженъ ея своеобразной природой и тогда же задумалъ написать Очеркъ Финляндіи; въ это же время онъ познакомился съ И. А. Петинымъ, который отличался необыкновенною симпатичностію характера и имѣлъ такое же вліяніе на Батюшкова, какъ Петровъ на Карамзина. Въ 1812 г. Батюшковъ занялъ должность хранителя манускриптовъ Императорской публичной библіотеки. Когда началась Отечественная война, Батюшковъ, по чувству патріотизма, хотѣлъ отправиться на войну, но болѣзнь удержала его дома. Во время войны всѣ прежніе поклонники французскаго образованія были проникнуты негодованіемъ противъ французовъ. „Я слишкомъ живо чувствую бѣдствія, нанесенныя любезному нашему отечеству, писалъ Батюшковъ къ Гнѣдичу въ октябрѣ 1812 г., чтобы на минуту быть спокойнымъ. Ужасные поступки Вандаловъ, или Французовъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ"..... „Какъ нѣкогда, говоритъ Л. Н. Майковъ, ужасы французской революціи поколебали гуманныя убѣжденія юноши Карамзина и заставили его воскликнуть: „Вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя, въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя", такъ теперь Батюшковъ отступался отъ своихъ прежнихъ сочувствій и идеаловъ. Та самая французская образованность, подъ вліяніемъ которой онъ воспитался, представлялась ему теперь ненавистною. „Варвары, Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны" (1). Когда Батюшковъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, то отправился на войну и въ должности адъютанта при Раевскомъ участвовалъ въ Кульмскомъ и Лейпцигскомъ сраженіяхъ въ 1813—1814 гг.; но, обойденный наградою за службу, въ 1816 г. онъ снова вышелъ въ отставку. Во время военныхъ походовъ онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, Лондонѣ и Швеціи. Въ Германіи онъ познакомился съ нѣмецкой поэзіей. Воспитанный на французской литературѣ, онъ до сихъ поръ не зналъ ни

---

(1) У Майкова, I, 160—161. III, 210.

романтической поэзія, ни поэзіи Гёте и Шиллера; восхищаясь стихами Жуковскаго, онъ осуждалъ выборъ ихъ содержанія, особенно смѣялся надъ его балладами. „У тебя, говорилъ онъ ему, воображеніе Мильтона, а ты пишешь баллады"; теперь онъ познакомился съ нѣмецкой поэзіей и особенно полюбилъ Шиллера. Но всего усерднѣе онъ занимался итальянской поэзіей. Онъ увлекался ею до страсти. Въ статьѣ „Аріосто и Тассъ" объ итальянскомъ языкѣ онъ пишетъ: „Ученіе итальянскаго языка имѣетъ особенную прелесть. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ, воспитанный подъ счастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ, и потомъ при блестящемъ дворѣ Медицисовъ, языкъ, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными—этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто, принадлежащее сѣверу. Великіе писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего генія; но обратно, языкъ имѣетъ вліяніе на писателей" (1). Уваженіе къ итальянскому языку доводило Батюшкова до грубой, обидной несправедливости къ русскому языку (2). Памятникомъ его занятій итальянской литературой были его стихотворенія: „На смерть Лауры" (изъ Петрарки), „Вечеръ" (подражаніе Петраркѣ), „Радость" (подражаніе Касти), „Счастливецъ" (тоже подражаніе Касти), элегія „Умирающій Тассъ"; подражаніе Аріосту: „Изступленіе Орланда" (конецъ пѣсни XXIII-й и начало XXIV п.) (3); изъ Тасса: „Олиндъ и Софронія" (отрывокъ изъ II-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима") (4) и прозаическія: „Гризельда" (повѣсть изъ Боккачіо) (5), „Петрарка" (6), „Аріостъ и Тассъ" (7).

Страданія отъ раны, плохое вознагражденіе за службу, смерть друга Петина, который былъ убитъ подъ Лейпцигомъ, и особенно несчастная любовь къ дѣвицѣ Фурманъ производили въ Батюшковѣ постоянное и сильное душевное волненіе, которое разрѣшилось сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ произошелъ какой-то нравственный переворотъ. Живой и веселый, онъ сдѣлался печаленъ, мраченъ и необщителенъ; въ сужденіяхъ своихъ началъ высказывать воззрѣнія, совершенно противоположныя прежнимъ воззрѣніямъ. Крайній космополитъ до того, что

---

(1) Сочин., томъ II, 149.

(2) См. на стр. 11—12 выдержки изъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу.

(3) Сочин., томъ II, 273. (4) II, 262 (5) II, 250. (6) II, 159. (7) II, 149.

смѣялся надъ людьми, занимающимися русской исторіей, онъ сталъ патріотомъ и началъ разсуждать о національномъ развитіи. Атеистъ и матеріалистъ, онъ началъ говорить о вѣрѣ, объ откровеніи. Теперь онъ вполнѣ понималъ идеализмъ Жуковскаго, который прежде ему не нравился; теперь самъ Жуковскій сдѣлался для него идеаломъ и типомъ литературнаго дѣятеля. Этотъ нравственный переворотъ вполнѣ выразился въ его піэсѣ:

«Мой духъ, довѣренность къ Творцу!....».

Въ 1819 г. Батюшковъ поступилъ въ число членовъ посольства въ Венецію. Въ Италію, страну Петрарки, Боккачіо и Тасса, къ которымъ онъ питалъ особенное сочувствіе, уже давно стремились всѣ мысли поэта. Поэтому надѣялись, что онъ здѣсь успокоится и начнетъ работать. Карамзинъ писалъ ему въ Неаполь: „Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье.... Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами“. Но Батюшковъ не успокоился; въ это время онъ былъ уже совершенно разстроенъ душевно и потому не могъ долго оставаться въ Неаполѣ. Недовольство и нервное раздраженіе все болѣе и болѣе усиливались и наконецъ перешли въ совершенное умопомѣшательство. 1820—21 годы были послѣдними годами его поэтической дѣятельности. Послѣднимъ стихотвореніемъ его было: „Изреченіе Мелхиседека“, въ которомъ отразилась его безотрадная философія. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ излечить его, родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и жилъ до 1855 г., ни разу не приходя въ полную память. Въ свое время много говорили о причинахъ умопомѣшательства Батюшкова; по свидѣтельству доктора, лечившаго его, главная причина болѣзни заключалась въ самой натурѣ Батюшкова, унаслѣдовавшаго еще отъ своихъ родителей предрасположеніе къ ней; а преобладаніе воображенія надъ разсудкомъ и другими силами души и нѣкоторыя случайности и обстоятельства жизни, раздражавшія поэта, способствовали быстрому развитію болѣзни.

Чрезвычайная даровитость Батюшкова заставляла ожидать отъ него гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ успѣлъ сдѣлать. Его поэтическая дѣятельность продолжалась недолго и онъ написалъ сравнительно очень немного; содержаніе его произведеній также не отличается особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ; у него не успѣло сложиться какое-нибудь твердое опредѣленное міросозерцаніе. Но у Батюшкова была изящная и чуткая ко всему изящному художественная натура. Любовь ко всему прекрасному въ явленіяхъ природы и произведеніяхъ искусства, симпатія къ любви и дружбѣ и всѣмъ возвышеннымъ и благороднымъ стремленіямъ—составляютъ

главныя темы его стихотвореній. „Надобно, говоритъ онъ въ своей записной книжкѣ, чтобы въ душѣ моей никогда не погасала прекрасная страсть къ прекрасному, которое столь привлекательно въ искусствахъ и въ словесности, но не должно пресытиться имъ. Всему есть мѣра. Творенія Расина, Тасса, Виргилія, Аріоста плѣнительны для новой души; счастливъ—кто умѣетъ плакать, кто можетъ лить слезы умиленія въ 30 лѣтъ. Горацій просилъ, чтобы Зевесъ прекратилъ его жизнь, когда онъ учинится безчувственъ ко звукамъ лиръ. Я очень его понимаю молитву"....([1]). При такой художественной натурѣ все, что ни выходило изъ его головы, что попадало подъ его перо, отличается необыкновеннымъ изяществомъ формы и выраженія. Красота и совершенство формы, чистота и правильность языка, разнообразіе и гармонія стиха, вообще художественность стиля составляютъ главное достоинство его стихотвореній.

Большая часть стихотвореній Батюшкова принадлежатъ къ такъ называемой легкой поэзіи, къ антологическому роду и составляютъ переводы и подражанія древнимъ и новымъ поэтамъ. Антологическій родъ, къ которому причисляются разныя мелкія формы лирической или лучше дидактической поэзіи, шутки, остроты, эпиграммы, краткія піэсы эротическаго, элегическаго и сатирическаго характера, ведетъ свое начало отъ классической древности и преимущественно отъ классической римской поэзіи. Возникнувъ еще въ Греціи при Анакреонѣ и Сафо, и въ эпоху александрійскую, онъ получилъ особенное развитіе въ Римѣ въ эпоху Августа, когда господствовалъ такъ называемый эпикуреизмъ, когда, при страшной испорченности нравовъ, главною задачею жизни поставляли *carpe diem*, а высшимъ ея идеаломъ—веселое препровожденіе времени въ сообществѣ съ разными Деліями, Хлоями и проч. Во время господства классицизма, вмѣстѣ съ другими поэтическими формами былъ перенесенъ въ европейскую поэзію и родъ антологическій. Онъ особенно пришелся по вкусу французамъ въ вѣкъ Людовика XIV, а потомъ въ эпоху энциклопедистовъ, когда направленіе въ нравахъ образованнаго общества было одинаково съ состояніемъ нравовъ въ эпоху Августа. Вмѣстѣ съ формами античной классической поэзіи были усвоены и античныя воззрѣнія, или тотъ изящный эпикуреизмъ, который составляетъ основу и содержаніе всѣхъ антологическихъ стихотвореній. Пріятная и остроумная бесѣда въ обществѣ образованныхъ друзей; веселое наслажденіе жизнію съ чашею въ рукахъ среди женщинъ, радости любви счастливой и печали и страданія любви несчастной—состав-

(1) Чужое—мое сокровище. Записная книжка, II, 309—310.

ляли главныя занятія молодыхъ и старыхъ людей и главныя темы антологическихъ стихотвореній. Французы, при свойственномъ имъ остроуміи и веселости характера, усовершенствовали этотъ родъ; онъ получилъ у нихъ названіе легкой поэзіи, летучихъ стихотвореній, les poésies fugitives. Въ римской поэзіи образцами этого рода были стихотворенія Горація, Тибулла и Катулла, во Франціи стихотворенія Вольтера, Парни и др. У Вольтера очень много сходнаго съ Гораціемъ не только въ пріемахъ и формахъ, но и въ самомъ міросозерцаніи. Въ русской литературѣ антологическая поэзія явилась очень рано; уже у Державина и его современниковъ мы встрѣчаемъ подражанія Анакреону, Горацію, Овидію и другимъ. Для Батюшкова образцами служили тѣ же Горацій и Тибуллъ, а изъ французовъ Вольтеръ и Парни.

Эпикурейское міросозерцаніе Батюшкова выразилось особенно въ слѣдующихъ піэсахъ: „Совѣтъ друзьямъ", „Веселый часъ" и „Мои пенаты". Въ первой піэсѣ онъ говоритъ:

Когда счастливо жить хотите
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!
. . . .
Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здѣсь не вѣчна,
То лучше въ жизни пѣть, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость съ шутками мѣшать,
Чѣмъ, бѣгая за дымомъ славы,
Отъ скуки и заботъ зѣвать (¹).

Тотъ же совѣтъ повторяется и въ піэсѣ „Веселый часъ".

Други, сядьте и внемлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути!
Скажемъ юности: лети,
Жизнью дай лишь насладиться,

(¹) Сочин., I, 36—38.

Полной чашей, радость пить!
Ахъ, не долго веселиться
И не вѣки въ счастьи жить! (¹)

Піэса „Мои пенаты" написана въ формѣ посланія къ Жуковскому и Вяземскому. Здѣсь описывается идеалъ поэта въ уединенной сельской жизни:

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи...
. . . .
О лары, уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!...
. . . .
Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!

Поэту представляется, что тѣни славныхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ русскихъ воздушной толпой слетаются къ нему бесѣдовать.

Что вижу? Ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ (²),
Пѣвецъ героевъ славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,
Плывешь по небесамъ!
Въ толпѣ и музъ, и грацій,
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой (³);
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной

(¹) Сочин., I, 95.
(²) Ломоносовъ.
(³) Державинъ.

Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ,
То мудраго Платона
Описываетъ намъ
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ (1),
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!
Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ:
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
. . . .
Друзья мои сердечны,
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить,
Поспорить и попить!
Сложи печали бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О Вяземскій, цвѣтами

(1) Богдановичъ.

Друзей твоихъ вѣнчай!
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ, наливай!
Питомецъ музъ надежный,
О Аристиповъ внукъ,
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
. . . .
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ, и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь! (1)

Такія мысли и чувства эпикуреизма выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ Батюшкова, напр. въ двухъ посланіяхъ къ Гнѣдичу, въ посланіяхъ къ Жуковскому, Вяземскому, Дашкову. Но съ тѣхъ поръ, какъ начала усиливаться болѣзнь Батюшкова и въ немъ произошелъ указанный выше нравственный переворотъ, веселый элементъ въ его поэзіи уступаетъ мѣсто элегическому: слышится тоска, недовольство, разочарованіе въ жизни, горькое сознаніе разлада между идеалами и дѣйствительностью, наконецъ глубокое страданіе и даже отчаяніе. Иногда элегія Батюшкова выражаетъ общія чувства недовольства окружающею средою, а иногда присоединяется къ какому-нибудь случаю и обстоятельству, иногда относится къ лицамъ дѣйствительнымъ, историческимъ, литературнымъ типамъ, Тассу, Рене Шатобріана, иногда пишется подъ вліяніемъ Оссіана. Таково посланіе къ Дашкову, написанное послѣ пожара Москвы 1812 г.

Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ

(1) Сочин., I, 131—140.

Бродилъ въ Москвѣ опустошенной;
Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной,
Слезами скорби омочилъ.
. . . .
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!....
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость,
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
. . . .
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой! (¹).

Элегія „Тѣнь друга" написана въ 1814 г. въ воспоминаніе о другѣ и товарищѣ, убитомъ подъ Лейпцигомъ. Петинъ былъ для Батюшкова тѣмъ же, чѣмъ Петровъ для Карамзина.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами

(¹) Сочин., I, 151—153.

И вдругъ... То былъ ли сонъ?... Предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейсскими струями.

. . . .

«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты ль это?»—я вскричалъ—«о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?...» (¹)

Въ посланіи къ Тассу изображается страдальческая судьба Тасса и величіе его, какъ поэта:

Позволь, священна тѣнь, безвѣстному пѣвцу
Коснуться къ твоему безсмертному вѣнцу
И сладость пѣнія твоей аввонской музы,
Достойной береговъ прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лирѣ повторить
И новымъ языкомъ съ тобою говорить.

. . . .

Торквато, кто испилъ всѣ горькія отравы
Печалей и любви и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомый музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ!
Ты пѣлъ, и весь Парнассъ въ восторгѣ пробудился,
Въ Феррару съ музами Фебъ юный ниспустился,
Назонову тебѣ онъ лиру самъ вручилъ
И геній крыльями безсмертья осѣнилъ (²).

Это посланіе Батюшковъ хотѣлъ напечатать въ заглавіи къ переводу „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса, который онъ началъ по совѣту Капниста; но успѣлъ перевести только отрывокъ изъ первой пѣсни, изображающій рѣчь Петра Пустынника въ совѣтѣ и избраніе вождемъ, по его предложенію, герцога Готфрида Бульонскаго, и отрывокъ изъ десятой пѣсни, гдѣ изображается очарованный лѣсъ и приключенія въ немъ рыцаря Ринальда (³). Тасса Батюшковъ считалъ образцовымъ поэтомъ, ставилъ для себя идеаломъ. Извѣстна его элегія: „Умирающій Тассъ“, гдѣ онъ пре-

---

(¹) Сочин., I, 186—188.
(²) Сочин., I, 50—54.
(³) Сочин., I, 55—64.

восходно изобразилъ состояніе духа и судьбу Тасса, умирающаго наканунѣ увѣнчанія его вѣнцомъ въ Капитоліи:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
. . . .
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
. . . .
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зиблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ?... Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.... (1).

Піэсы: „Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года“, „Переходъ черезъ Рейнъ“ въ 1814 г., „Разлука“ и „Плѣнный“ относятся къ заграничнымъ походамъ; въ послѣднихъ двухъ слышится вліяніе романтизма; онѣ и написаны въ формѣ романса. Романсъ „Разлука“, начинающійся словами:

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ.... (2)

написанъ въ 1814 г. Онъ былъ положенъ на ноты и въ свое время постоянно распѣвался. Романсъ „Плѣнный“, начинающійся словами:

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ,
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склоняясь къ ея водамъ,
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,

(1) Сочин., I, 253—258.
(2) Сочин., I, 181—182.

Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ
И яворы шумятъ... (1)

относится также къ 1814 г. Изображая тоску по родинѣ русскаго плѣнника въ Ліонѣ, онъ отличается необыкновенною художественностію формы и стиха, нѣжностію и граціею чувства, и потому долго былъ самымъ любимымъ романсомъ. Только у Пушкина встрѣчаются такіе граціозные стихи.

Элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи" относится также къ 1814 г., когда Батюшковъ былъ въ Швеціи. Она написана по подражанію поэту Маттисону и содержитъ въ себѣ воспоминанія о древней скандинавской жизни и скандинавскихъ герояхъ. Она, очевидно, написана подъ вліяніемъ пѣсенъ Оссіана. Въ ней есть очень хорошія сѣверныя картины, характеризующія сѣверную природу.

. . . .
Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы.
. . . .
Все тихо. Мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье,
И путникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье (2).

По возвращеніи изъ-за границы въ 1815 г., Батюшковъ написалъ піэсу: „Странствователь и Домосѣдъ", изображающую тогдашнія его воззрѣнія и тогдашнее его настроеніе. Въ піэсѣ представлена параллель между спокойною жизнію дома, въ своей семьѣ, и странствованіемъ по чужимъ землямъ. Два брата, Филалетъ и Клитъ, скромно жившіе въ предмѣстіи Аѳинъ, получили вдругъ богатое наслѣдство, по смерти дяди.

«Какъ думаешь своей казной расположить?»
Клитъ спрашивалъ у брата.
«А я такъ домъ хочу купить
И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
Подъ сѣнью отчаго пената».

Но Филалетъ недоволенъ скромнымъ домашнимъ идеаломъ. На вопросъ брата: „чего же хочешь ты?" онъ отвѣчаетъ:

---

(1) Сочин., I, 183—185.
(2) Сочин., I, 189—193.

«Я?... славенъ быть хочу».
«Но чѣмъ?» «Какъ чѣмъ? Умомъ, дѣлами
И краснорѣчьемъ и стихами,
И мало-ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
Дѣлиться мудростью съ жрецами:
Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто правитъ имъ и какъ?
Гдѣ кончится земля? . . . .
. . . .
Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора,
Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ»...

И онъ отправился путешествовать по разнымъ странамъ; но того, о чемъ мечталъ, что онъ читалъ въ книгахъ, въ дѣйствительности совсѣмъ не находилъ. Плывя на кораблѣ по морю, онъ разсуждалъ:

«Да гдѣжъ тритоны всѣ? гдѣ стая нереидъ?
Гдѣ скрылися онѣ съ толпой океанидъ?
Я ни одной не вижу въ морѣ!»
И не увидѣлъ ихъ...

Но вотъ онъ достигъ Египта.

Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ,
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ
О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ аписѣ-быкѣ иль грозномъ Озиридѣ....
. . . .
«Какія глупости, какое заблужденье!»

И онъ на первомъ кораблѣ отправился въ Кротону и явился здѣсь къ одному мудрѣйшему изъ мудрецовъ.

«Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?»
У Грека старецъ вопросилъ
Съ усмѣшкой хитрою. «Итакъ прошу садиться
И слушать пѣнье сферъ... Ты слышишь?» «Ничего!»
«А видишь ли въ девятомъ мірѣ
Духовъ, летающихъ въ эѳирѣ?»
«И менѣе того!»
«Увидишь, попостись ты года три, четыре
Да лѣтъ съ десятокъ помолчи»....

Побывавъ затѣмъ на Этнѣ, Филалетъ возвратился въ Грецію. Онъ обходилъ

Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ счастливымъ Эллады...

Дѣло дошло наконецъ до того, что онъ, всѣмъ недовольный и истративъ всѣ деньги, хотѣлъ броситься въ воду, но его спасъ одинъ старецъ, послѣдователь скептической философіи, и научилъ его этой философіи:

«Все призракъ...
Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
Все призракъ!»

Съ этой философіей онъ явился въ Аѳины и сталъ проповѣдывать ее на аѳинской площади. Въ Аѳинахъ въ это время велись горячія рѣчи о войнѣ. Филалетъ высокопарнымъ тономъ возвѣстилъ, что

Аттикѣ война
Погибельна, вредна,
Потомъ велерѣчиво, ясно
По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть опасно.
«Что-жъ дѣлать?»....
«Сомнѣваться!
Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться—
И не мириться, и не драться».

Народъ аѳинскій до того былъ разсерженъ этой рѣчью, что готовъ былъ броситься на оратора, и его защитилъ только случайно очутившійся на площади братъ его, Клитъ. Клитъ увелъ его къ себѣ, напоилъ, накормилъ и отогрѣлъ. Филалетъ успокоился, но не надолго.

Дней чрезъ пятокъ, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и то же поле,
Все тѣ же лица всякій день,
Нашъ Грекъ—повѣрите ль?—какъ въ клѣткѣ стосковался.

Несмотря на всѣ убѣжденія Клита, онъ снова отправился странствовать, провѣдавъ отъ старыхъ грамотѣевъ,

Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ... въ снѣга Гипербореевъ (1)

Элегія Батюшкова, повидимому, написана въ подражаніе піэсѣ Жуковскаго „Теонъ и Эсхинъ". По крайней мѣрѣ, пріемъ и форма одинаковы; но по содержанію и характеру піэсы различны, какъ вся поэзія Батюшкова отлична отъ поэзіи Жуковскаго. Въ ней нѣтъ идеальнаго, мечтательнаго, примиряющаго, успокоивающаго элемента, составляющаго существенный элементъ поэзіи Жуковскаго. „Въ то время, говоритъ Гоголь, какъ Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности и уносилъ её въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять её къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязаемую нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его выраженіемъ, „стиховъ и мыслей сладострастье" (2). Жуковскій полагалъ счастіе не въ земномъ, тѣлесномъ, настоящемъ, а въ духовномъ, идеальномъ, въ надеждѣ на будущее; когда терялись зёмныя блага, оставалась надежда на будущее, которая и примиряла съ жизнію. Батюшковъ, напротивъ, все счастіе поставлялъ въ наслажденіи земными благами, въ удовольствіяхъ и веселостяхъ; когда они сами исчезали, или притуплялось наслажденіе ими, являлось пресыщеніе, скука, разочарованіе. И вотъ веселый, вызывающій къ наслажденію, элементъ въ поэзіи Батюшкова скоро исчезаетъ и, вмѣсто него, являются болѣзненныя чувства скуки, жалобы, страданія, и вся поэзія, вначалѣ свѣтлая и радостная, оканчивается безотраднымъ, отчаяннымъ, рѣжущимъ диссонансомъ:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ? (3).

---

(1) Сочин., I, 207—219.
(2) Сочин. Гоголя, изд. Кулиша, III, 448.
(3) Сочин. Батюшкова, I, 298.

Жуковскій, глубоко уважая дарованія Батюшкова, растрачиваемыя въ разныхъ веселостяхъ, совѣтовалъ ему измѣнить жизнь:

Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ,—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится (¹).

Рѣзко выдѣляются изъ ряда другихъ стихотвореній Батюшкова два стихотворенія, отличающіяся сатирическимъ характеромъ: „Видѣніе на берегахъ Леты" и „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ". Первое стихотвореніе составляетъ сатиру на современныхъ поэтовъ и писателей, написанную въ формѣ сновидѣнія. Поэтъ разсказываетъ свой сонъ:

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснулъ и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлый Аполлонъ,
За что не знаю прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ—и всѣ упали мертвы
Невинны Аполлона жертвы.

Всѣ они пришли на берега Леты.

Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненномъ,
Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ

(¹) Посланіе къ Батюшкову, Сочин., I, 240.

И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.

. . . .

И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой,..
Трудолюбивый какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды!..

. . . .

И ты, о мой пѣвецъ незлобный!
Хемницеръ, въ басняхъ безподобный!

На берега Леты Аполлонъ послалъ Эрмія, чтобы онъ произвелъ разборъ вновь прибывшихъ поэтовъ, которые

Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
Безгласны, блѣдны приступаютъ,
Любезныхъ дѣтищей купаютъ...
И болѣе не зрятъ въ волнахъ.

Адскій судья, Миносъ, изрекаетъ приговоръ. Тутъ оказываются Мерзляковъ, Языковъ, Бобровъ, Глинка, Шихматовъ, князь Шаликовъ, „русскія Сафы", „академіи поэты росски", Шишковъ и его послѣдователи, славенофилы. Только у Крылова сочиненія выплываютъ изъ Леты (¹).

Рѣзкія насмѣшки надъ писателями, естественно, должны были возбудить негодованіе противъ Батюшкова. Онъ и самъ послѣ сознавалъ грубость и неприличіе этой сатиры; онъ не согласился включить её въ первый печатный сборникъ своихъ стихотвореній, въ свои „Опыты". Вмѣстѣ съ современными писателями характеризуются и старые писатели, но не столько мѣтко, сколько смѣшно и забавно. Можно думать, что сатира эта послужила образцомъ для сатиры Воейкова „Домъ сумасшедшихъ".

Стихотвореніе: „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ" представляетъ пародію на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго; но Батюшковъ, разумѣется, осмѣиваетъ въ немъ не Жуковскаго, у котораго онъ взялъ только одну форму и нѣсколько выраженій, но Шишкова и его послѣдователей, издававшихъ „Бесѣду любителей русскаго слова". Стихотвореніе это было вызвано нападеніемъ Бесѣды на Карамзина и Озерова. Батюшковъ такъ былъ раздраженъ противъ Шишкова, что, несмотря на признанныя всѣми въ 1812 г. заслуги его, вызвавшія впослѣдствіи извѣстный симпатичный отзывъ о немъ Пушкина, не устыдился выставить Шишкова и славянскую Бесѣду въ самомъ смѣшномъ и глупомъ видѣ. Пѣвецъ говоритъ:

(¹) Сочин., I, 76—86.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди Бесѣды!
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ,
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ (¹)....

Оба эти стихотворенія очень хорошо объясняютъ, до какой степени Батюшковъ могъ увлекаться въ крайности, и показываютъ, что въ угоду своему самолюбію и тщеславію онъ не щадилъ никого и ничего. Само собою разумѣется, что „Пѣвецъ" казался слишкомъ рѣзокъ и жестокъ даже писателямъ, не принадлежавшимъ къ членамъ Бесѣды. Даже Пушкинъ, не любившій и самъ церемониться съ противниками, не одобрялъ Батюшкова за осмѣяніе Тредьяковскаго. Впрочемъ, нѣкоторые стихи въ сатирѣ, какъ думаютъ, принадлежатъ А. Е. Измайлову (²).

„Похвальное слово сну" написано по подражанію разнымъ шуточнымъ похвальнымъ словамъ, которыя начало свое получили еще въ древнихъ литературахъ, а потомъ перешли въ европейскія литературы. Ближайшимъ образомъ оно составляетъ нѣкоторое подражаніе „Похвальной рѣчи наукѣ убивать время" Крылова.

Наконецъ, послѣднимъ отдѣломъ стихотвореній Батюшкова надобно поставить переводы изъ классическихъ литературъ: переводъ 3-й Тибулловой элегіи изъ III-й книги; Тибуллова 10-я элегія изъ I-й книги (вольный переводъ) и подражанія древнимъ поэтамъ: Изъ греческой антологіи. Переводы эти сдѣланы не буквально и не съ подлинниковъ, а съ французскихъ вольныхъ переложеній, но они все же хорошо изображаютъ древнюю жизнь и воззрѣнія античнаго міра.

Изъ прозаическихъ статей, написанныхъ Батюшковымъ большею частію въ позднѣйшій періодъ его дѣятельности, замѣчательны: „Вечеръ у Кантеміра", „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ", „Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева". Въ статьѣ „Вечеръ у Кантеміра" идетъ разговоръ объ отношеніи Россіи къ европейскому образованію. Представляется, что Кантеміръ разсуждаетъ съ Монтескье и аббатомъ Вуазенономъ.

(¹) Сочин., I., 167—175.
(²) См. у Майкова: Сочиненія Батюшкова, I, 375—376.

Оба эти француза высказываютъ сомнѣніе въ томъ, чтобы европейское просвѣщеніе, внесенное въ Россію Петромъ Великимъ, могло прочно утвердиться въ такой странѣ, гдѣ и самый климатъ не благопріятствуетъ умственной культурѣ; они еще готовы признать, что русскіе люди могутъ усвоить себѣ кое-какія техническія знанія, но рѣшительно не допускаютъ предположенія, чтобы въ русскихъ можно было вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ (здѣсь высказывается мнѣніе—современниковъ Батюшкова—русскихъ). Кантеміръ (отъ лица котораго выражается взглядъ самого Батюшкова) отвѣчаетъ на это: „Вы знаете, что̀ Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей.... онъ развилъ въ нихъ способности душевныя, онъ вылѣчилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству. Не прошло пятнадцати лѣтъ, а великій монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ искусствахъ, въ краснорѣчіи, поэзіи? Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума... Петръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы древо наукъ будетъ процвѣтать подъ сѣнію его державы и рано или поздно, но дастъ новые плоды и человѣчество обогатится ими (1)“.

Рѣчь Батюшкова „о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“ написана была по случаю избранія его въ члены Общества любителей отечественной словесности въ Москвѣ. Большая часть его собственныхъ стихотвореній относилась къ этому роду поэзіи, и потому онъ старается показать ея важность и значеніе. Онъ показываетъ начало ея въ древнія времена въ античной поэзіи греческой и римской, потомъ у европейскихъ народовъ, откуда она перешла и къ намъ. Говоря о русской поэзіи и русскихъ поэтахъ, Батюшковъ особенное сочувствіе высказываетъ къ Ломоносову, котораго дѣятельность онъ сравниваетъ съ реформаторскою дѣятельностію Петра Великаго. „Онъ тоже, говоритъ Батюшковъ, учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что Петръ В. на поприщѣ гражданскомъ. Петръ В. пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу. Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему краснорѣ-

(1) Сочин., II, 228—229.

чіе и стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время русскій языкъ до возможной степени совершенства" (1)... Потомъ Батюшковъ дѣлаетъ краткій обзоръ развитія русской литературы отъ Ломоносова до своего времени. Его сильно занимала мысль объ исторіи русской литературы. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 23 іюня 1817 г. онъ говоритъ: „Хочется написать въ письмахъ маленькій курсъ для людей свѣтскихъ и познакомить ихъ съ собственнымъ богатствомъ. Въ деревнѣ не могу приняться за этотъ трудъ, требующій книгъ, совѣтовъ и здоровья, и одобрительной улыбки дружества" (2). Въ записной книжкѣ Батюшкова: „Чужое—мое сокровище" мы находимъ и самый планъ для предполагавшагося курса исторіи русской литературы (3). Эта записная книжка, въ которой записывались мнѣнія, предположенія и разныя замѣтки, а равно и письма Батюшкова къ разнымъ лицамъ, показываетъ, что онъ интересовался литературой—своей и иностранной.

Литературная дѣятельность Батюшкова прекратилась въ то время, какъ началась поэтическая дѣятельность Пушкина. Батюшковъ былъ предшественникомъ Пушкина. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ они приготовили тотъ путь, по которому начала развиваться русская поэзія, особенно со времени Пушкина. „Чистота, свобода и гармонія, говоритъ Плетневъ, составляютъ главнѣйшія совершенства новаго стихотворнаго языка нашего.... Употребленіе собственно русскихъ словъ и оборотовъ не даетъ еще полнаго понятія о чистотѣ нашего языка. Ему врелятъ, его обезображиваютъ неправильныя усѣченія словъ, невѣрныя въ нихъ ударенія и неумѣстная смѣсь славянскихъ словъ съ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. До временъ Жуковскаго и Батюшкова, всѣ наши стихотворцы, болѣе или менѣе, подвержены были сему пороку: языкъ упрямился; мѣра и риѳма часто смѣялись надъ стихотворцемъ—и побѣждали его. Подъ именемъ свободы языка разумѣется здѣсь правильный ходъ всѣхъ словъ періода, смотря по смыслу рѣчи. Русскій языкъ менѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ стѣсняется разстановкою словъ; однакожъ, по свойству понятій, выражаемыхъ словами, и въ немъ надобно держаться естественнаго слpainting словотеченія... Жуковскій и Батюшковъ показали прекрасные образцы, какъ надобно побѣждать сіи трудности и очищать дорогу теченію мыслей. Это имѣло удивительныя послѣдствія. Въ нынѣшнее время произведенія второ-

(1) Сочин., II, 238.
(2) Сочин., III, 453.
(3) Сочин., II, 336—339.

классныхъ и, если угодно, третьеклассныхъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ легкости и пріятности выраженій.—Наконецъ, нѣсколько словъ о гармоніи. Прежде всего надобно отличать гармонію отъ мелодіи. Послѣдняя легче достигается первой: она основывается на созвучіи словъ.... Она имѣетъ высшую степень, когда сліяніемъ звука опредѣлительно выражаетъ какое-нибудь явленіе въ природѣ и, подобно музыкѣ, подражаетъ ей. Гармонія требуетъ полноты звуковъ, смотря по объятности мысли, точно такъ, какъ статуя—опредѣленныхъ округлостей, соотвѣтственно величинѣ своей. Маленькое сухощавое лицо, сколько бы черты его пріятны ни были, всегда кажется нехорошимъ при большомъ туловищѣ. Каждое чувство, каждая мысль поэта имѣютъ свою объятность. Вкусъ не можетъ математически опредѣлить её, но чувствуетъ, когда находитъ её въ стихахъ или уменьшенною, или преувеличенною—и говоритъ: здѣсь не полно, а здѣсь растянуто. Сіи стихотворческія тонкости могутъ быть наблюдаемы только поэтами. Въ числѣ первыхъ надобно поставить Жуковскаго и Батюшкова ([1])." Также смотрѣлъ на значеніе для Пушкина Батюшкова впослѣдствіи и Бѣлинскій, замѣчая, что стихъ именно Батюшкова, а не Жуковскаго, былъ ближайшимъ предшественникомъ и подготовителемъ Пушкинскаго стиха ([2]).

П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Біографическія свѣдѣнія о князѣ Вяземскомъ. Изданіе сочиненій князя Вяземскаго ([3]) открывается его автобіографической запиской, въ которой, между прочимъ, сказано: „Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба сдѣлала меня стихотворцемъ, не говорю: поэтомъ, ради страха іудейскаго и изъ уваженія къ

(1) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, Спб. 1885, т. I, 24—25. У Майкова, Сочин. Батюшкова, I, 237—238.

(2) Сочинен., VI, 49; VIII, 256.

(3) Въ 1878 г. было начато еще при жизни самого поэта прекрасное полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго графомъ Шереметевымъ, при участіи академиковъ Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова и М. И Сухомлинова; вышло 11 томовъ. Изслѣдованія о значеніи въ литературѣ сочиненій князя Вяземскаго: Некрологъ князя Вяземскаго—Я. К. Грота. Князь Вяземскій—М. И. Сухомлинова; Памяти князя Вяземскаго—С. И. Пономарева. Сборникъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, томъ XX. Петръ Андреевичъ Вяземскій—В. Д. Спасовича. Русская Мысль. Январь 1890 г.

критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совсѣмъ поэтъ, или совсѣмъ не поэтъ... Дмитріевъ, бывало, говорилъ, шутя, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло моему отцу и въ отмщеніе однофамильцу нашему, екатерининскому князю Вяземскому, за то, что онъ преслѣдовалъ Державина" (¹). Родство и тѣсное сближеніе съ Карамзинымъ, которому отецъ его, умирая, ввѣрилъ попеченіе о немъ, развили и укрѣпили природныя наклонности.

Дѣтство свое Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. въ 1792 г., ум. въ 1878 г.) провелъ въ Остафьевѣ, родовомъ имѣніи Вяземскихъ, гдѣ живалъ по лѣтамъ Карамзинъ и писалъ здѣсь первые томы своей Исторіи. Здѣсь же потомъ Вяземскій познакомился съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ, которые навсегда сдѣлались его друзьями, и—съ другими молодыми образованными людьми, вошедшими потомъ въ Арзамасское общество. Послѣ домашняго воспитанія онъ былъ отданъ въ одинъ іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ, а потомъ поступилъ къ профессору Рейсу въ Москвѣ, слушалъ на дому лекціи другихъ профессоровъ университета; русскій языкъ онъ изучилъ у Богданова, учителя университетскаго благороднаго пансіона. Въ 12 году онъ поступилъ въ московское ополченіе и состоялъ при Милорадовичѣ въ битвѣ при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Съ 1817 до 1821 г. онъ былъ въ Варшавѣ, въ штатѣ Новосильцева, исполняя самыя важныя дипломатическія порученія,—въ то время императоръ Александръ устраивалъ Польское королевство. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ служилъ при министерствѣ финансовъ вице-директоромъ департамента внѣшней торговли, директоромъ государственнаго заемнаго банка. Съ 1855 до 1858 г. Вяземскій былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ 1861 г. Академія Наукъ праздновала 50-лѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Послѣ юбилея онъ отправился за границу и жилъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ, пріѣзжалъ по временамъ въ Россію и умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1878 г.

Характеръ литературной дѣятельности князя Вяземскаго. Живя долго въ Россіи и за границей, занимая высокое положеніе въ обществѣ, на разныхъ мѣстахъ государственной службы, исполняя важныя порученія и принимая участіе въ важныхъ дѣлахъ, Вяземскій въ своей жизни видѣлъ и слышалъ много замѣчательнаго, пережилъ много событій и направленій ученыхъ, литературныхъ и политическихъ. Все это отразилось въ большей или меньшей степени въ его сочиненіяхъ, которыя поэтому весьма интересны. Вотъ какъ онъ самъ отзывается о своей литературной дѣятель-

(¹) Сочин., I, стр. VIII.

ности. „Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей—и нельзя имъ не быть. Я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или внѣшнее за-живо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось сказать или высказать что-нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее, она сжимается подъ давленіемъ его... У меня литература всегда была животрепещущею склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполнѣ оправдалъ его" ([1]). „Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли.. Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности. Не продаю товара лицомъ. Не обдѣлываю товара, а выдаю его сырьемъ, какъ Богъ послалъ" ([2])... „Возмутительныхъ сочиненій, говоритъ онъ въ своей „Исповѣди", у меня на совѣсти нѣтъ... Въ разныя времена писалъ я эпиграммы, сатирическіе куплеты и на лица, удостоенныя довѣренности правительства, но и въ нихъ не было ничего мятежнаго, а просто—свѣтскія насмѣшки.—Когда-то сказалъ я себѣ: я думаю мое дѣло не дѣйствіе, а ощущеніе. Меня должно держать какъ комнатный термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣть, ни освѣжить покоя, но никто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ настоящей температуры... Могу отвѣчать за подвижность моей ртути: она не знала бы застоя. Вся бѣда моя въ томъ, что у меня ея слишкомъ много и что мой термометръ не привилегированный" ([3]).

Стихотворенія Вяземскаго. Вяземскій былъ воспитанъ еще въ классическомъ направленіи литературы. Стихотворенія его начинаются съ 1808 г. „Посланіемъ въ деревню", въ которомъ, по подражанію Горацію, онъ рисуетъ идеалъ счастливой жизни въ скромной обстановкѣ, въ хижинѣ смиренной. Затѣмъ слѣдуютъ эпиграммы, надписи, посланія къ Нисѣ, Эльвирѣ, Лаурѣ, къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ проводится тотъ же гораціанскій, или эпикурейскій взглядъ на жизнь, коимъ щеголяли тогда всѣ молодые поэты. Въ этомъ стилѣ написано напр., по подражанію Анакреону, „Признаніе":

([1]) Предисловіе, XXXIII—XXXIV.
([2]) XLII—XLIII.
([3]) Сочин., II, 101—107.

Я пѣть хотѣлъ въ восторгѣ дивномъ
Петра Великаго дѣла,
Но лира тономъ заунывнымъ
Одну Мальвину пѣть могла.
Въ досадѣ переладивъ струны,
Я пѣть Суворова хотѣлъ,
И браней и побѣдъ перуны!
Безсмертье, думалъ, мой удѣлъ!
Но, нѣтъ! моя упряма муза,
Изъ розъ украсившись вѣнкомъ,
Бѣжитъ съ героями союза,
Одну любовь поетъ тишкомъ (¹).

Потомъ опять слѣдуютъ посланія къ друзьямъ, надписи къ портретамъ, подписи въ альбомы. Между ними замѣчательны:

Надпись къ бюсту импер. Александра I въ 1814 г.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись—онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Пѣснь на взятіе Парижа въ 1814 г., гдѣ, между прочимъ, есть стихи къ Москвѣ—

Москва! твоихъ развалинъ видъ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научатъ (²).

Стихотвореніе: „Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа“ (въ 1815 г.), написанное по подражанію Батюшкову—

На брегѣ Сены знаменитой,
Сынъ брани, славою забытый,
Обезоруженный герой,
Пѣлъ русскій плѣнникъ въ часъ ночной (³).

Посланіе къ Батюшкову, въ отвѣтъ на извѣстное его посланіе къ Жуковскому и Вяземскому, „Мои пенаты“, гдѣ характеризуется жизнь молодого пріятельскаго кружка.

Отрывокъ изъ стихотворенія „Деревня“, относящійся къ Остафьевскому періоду и содержащій въ себѣ восторженное, благо-

(¹) Сочин., III, 23
(²) Тамъ же, 45, 47.
(³) Тамъ же, 91.

говѣйное воспоминаніе о Карамзинѣ (1). „Первый снѣгъ"—хорошенькая картинка, напоминающая такую же Пушкина (Морозъ и солнце—день чудесный) (2).

„Вечеръ на Волгѣ" и „Утро на Волгѣ", гдѣ воспѣваются красоты Волги, по подражанію Дмитріеву и Карамзину:

И музы на твоихъ прохладныхъ берегахъ
Въ шумящихъ тростникахъ,
Въ часъ утренней свободы,
Съ цѣвницами въ рукахъ,
Водили хороводы.
. . . .
Державинъ, Несторъ музъ, и мудрый Карамзинъ,
И Дмитріевъ, Харитъ счастливый обожатель,
Величья твоего пѣвецъ—повѣствователь,
Тобой воспоены средь отческихъ долинъ (3).

Стихотвореніе „Всякій на свой покрой" (въ 1823 г.), гдѣ характеризуются хорошо языкъ Карамзина и баллады Жуковскаго.

Языкъ нашъ былъ кафтанъ тяжелый,
И слишкомъ пахнулъ стариной:
Далъ Карамзинъ покрой иной.
Пускай ворчатъ себѣ расколы:
Всѣ приняли его покрой.
Пускай баллады—бабьи сказки,
Пусть чертъ качаетъ въ нихъ горой,
Но въ нихъ я вижу слогъ живой,
Воображенье, чувство, краски,—
Люблю Жуковскаго покрой. (4)

Особеннымъ чувствомъ проникнуты стихи „На память" (о Пушкинѣ, 1837 г.) (5) и „Пѣснь въ день юбилея И. А. Крылова" (6).

Вяземскій написалъ много басенъ, притчъ, апологовъ, эпиграммъ и сатиръ, въ которыхъ высказывается основной сатирико-дидактическій характеръ его поэзіи. Всѣмъ извѣстна его сатира: „Да, какъ бы не такъ", обыкновенно помѣщаемая въ хрестоматіяхъ, какъ образцовая.

Пока нашъ умъ молокососъ
И жизнь поитъ насъ полной чашей,—
Судьба на каждый нашъ вопросъ
Намъ говоритъ: все въ волѣ вашей!

(1) Тамъ же, 143. (2) Тамъ же, 146. (3) Тамъ же, 231. (4) Тамъ же, 301.
(5) IV, 207—208. (6) IV, 211—213.

Когда жъ сосудъ ужъ понизелъ,
А сердце пить еще все хочетъ,
Что ни спроси, судьба бормочетъ:
«Да, какъ бы не такъ»!
Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!
Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числитъ,
И о нуждающемся онъ
Безъ слезъ и сонный не помыслитъ;
А попроси въ займы пятакъ,
Или услуги на два гроша,
Что-жъ, радъ себя отдать святоша?
«Да, какъ бы не такъ»
. . . .
. . . .
Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хорошъ!
Какъ при свѣчахъ всѣ люди гладки!
Нигдѣ пятна не разберешь,
Нѣтъ ни морщинки, ни заплатки.
Вездѣ улыбка, блескъ и лакъ;
Погасъ фонарь и дня свѣтило...
—«Блаженства новыя раскрыло»?
«Да, какъ бы не такъ»! (¹).

Въ томъ же тонѣ написаны сатирическое „Посланіе къ Каченовскому“ (²), „Семь пятницъ на недѣлѣ“ (³), гдѣ изображается типъ человѣка непостояннаго.

Хотя Вяземскій часто жилъ за границей, однакожъ любилъ рисовать русскія картины, которыя окружали его въ молодости, сравнивая русскіе нравы и обычаи съ иностранными, особенно съ нѣмецкими, и, посреди разныхъ непригдядныхъ чертъ, умѣлъ отыскать и выставить рельефно и черты симпатичныя. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Памяти живописца Орловскаго“, „Самоваръ“, „Масляница на чужой сторонѣ“, „Тройка“, „Русскіе проселки“ и „Зимнія картины“. Такъ напр. въ стихотвореніи: „Памяти живописца Орловскаго“ изображается поэзія русской ѣзды на тройкѣ; къ сожалѣнію, эта поэзія исчезаетъ, какъ исчезаетъ всякая старина.

Грустно видѣть, Русь святая,
Какъ въ степенные года
Нашихъ предковъ удалая
Изнѣмечилась ѣзда.
То ли дѣло въ-старь: телѣга,
Тройка, ухарскій ямщикъ;
Ночью—дуешь безъ ночлега,

(¹) Тамъ же, 287—288. (²) Тамъ же, 219. (³) Тамъ же, 410.

Днемъ же,—высунувъ языкъ.
Но за то, какъ всё кипѣло
Беззаботнымъ удальствомъ!

. . . .

А теперь—гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ ухарскій побѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, поэзія телѣгъ?

. . . .

Грустно видѣть, воля ваша,
Какъ у прозы подъ замкомъ,
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!
Какъ все то, что̀ веселило,
Иль ласкало нашу грусть,
Что̀ издѣтства затвердило
Наше сердце наизусть,
Всѣ повѣрья, все раздолье
Молодецкой старины,—
Подъѣдаетъ своеволье
Душегубки — новизны.
Нарядились мы въ личины,
Сглазилъ насъ недобрый глазъ...
И Орловскаго картины —
Буква мертвая для насъ (¹).

Въ этомъ смыслѣ весьма интересно также стихотвореніе „Самоваръ“, написанное въ 1839 г. семейству Убри. Выставивъ эпиграфъ изъ Державина: „Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“, Вяземскій здѣсь говоритъ:

Пріятно находить, попавшись на чужбину,
Родныхъ обычаевъ знакомую картину,
Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
И сѣнь, святую сѣнь отеческихъ боговъ.

. . . .

Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобный;
Нѣтъ связи: съ каждымъ днемъ все сызнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродствомъ повѣрій, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
И милой давностью привычныхъ отношеній.
Въ насъ умъ—космополитъ, но сердце—домосѣдъ;
Прокладывать всегда онъ любитъ новый слѣдъ
И радости свои всѣ въ будущемъ имѣетъ;
Но сердце старыми мечтами молодѣетъ,

(¹) Сочин., IV, 217—220.

Но сердце старыми привычками живетъ
И радостнѣй въ тѣни прошедшаго цвѣтетъ!

. . . .

У васъ по-русски здѣсь—тепло и хлѣбосольно,
И чувству, и уму просторно и привольно.

. . . .

Прекрасно!.... Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
Нѣтъ, быта русскаго не полонъ отпечатокъ.
Гдѣ-жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
Въ немъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
Въ немъ русской старины живутъ воспоминанья.

. . . .

Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
Ни «здравствуй», ни «прощай» не вымолвятъ друзья,
Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи... (1)

Тотъ же характеръ имѣетъ извѣстная шуточная піэса: „Масляница на чужой сторонѣ". Встрѣтивъ зиму на чужой сторонѣ въ нѣмецкой землѣ, поэтъ горячо ее привѣтствуетъ и высказываетъ опасеніе, что нѣмцы не съумѣютъ должнымъ образомъ принять гостью—такъ, какъ встрѣчаютъ ее въ Россіи (2).

„Русскіе проселки"—стихотвореніе чисто сатирическаго содержанія. Въ немъ изображается ѣзда по русскимъ проселочнымъ дорогамъ, разумѣется, въ самомъ непривлекательномъ видѣ (3). Такого же характера—„Зимнія каррикатуры"—рядъ сатирическихъ замѣтокъ подъ заглавіями: „Русская луна", „Кибитка", „Мятель", „Ухабы", „Обозы" (4). Въ стихотвореніи „Станція" сравниваются русскія и польскія дороги (5).

Какъ человѣкъ, видѣвшій много разныхъ перемѣнъ и разныхъ реформъ, Вяземскій часто любитъ возвращаться къ прошлому и сравнивать съ нимъ настоящее. Къ такимъ стихотвореніямъ особенно относятся стихотворенія, написанныя въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда разныя реформы пробудили все русское общество къ самой разнообразной дѣятельности. Таковы стихотворенія: „У страха глаза велики" (въ 1858 г.); „Что такъ шумите вы" (въ 1862 г.); „Не рѣдко намъ—кто-жъ не слыхалъ? — пеняли" (въ 1861 г); „Слово примиренія" (въ 1858 г.); „Старое поколѣніе" (1841 г.) (6). Въ молодыхъ годахъ Вяземскій слылъ человѣкомъ либеральнымъ;

(1) Сочин., IV, 225—228 (2) Сочин., XI, 3—7. (3) Сочин., IV, 256.—
(4) Тамъ же, 25—31.— (5) Тамъ же, 32—41. (6) Сочин., XI, 281, 292, 373, 426 IV, 247.

въ это время онъ становится уже консерваторомъ. Первое стихотвореніе еще направлено противъ людей, боящихся всякаго нововведенія, во всякомъ новомъ движеніи видящихъ опасный шагъ и потому заранѣе стращающихъ всякими бѣдствіями.

Есть люди,—и такихъ не мало,—
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.
Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ.
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.
Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу — пять и шесть.
У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ;
Имъ свѣчка—зарево пожара,
Набатомъ—каждый шумъ звучитъ.
Предупредительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна;
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.
Огонь ли дальній домъ затронетъ?
У насъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.
Кто заболѣетъ въ дальнемъ царствѣ,
Хотя за тридевять земель,—
Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
И лечь готовятся въ постель.
Закрыты ставни, чтобъ заразой
Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
И смотритъ докторъ пучеглазый
Разъ двадцать на день ихъ языкъ.
. . . .
Они готовы въ ослѣпленьи,
Когда-бъ ихъ страху волю дать,
На карантинномъ положеньи
Весь Божій міръ пересоздать.
. . . .
Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья,
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!
Нельзя! твердятъ сыны косиѣнья;
Но въ человѣческой груди
Къ чему-жъ сей лозунгъ Провидѣнья:
«Трудись, надѣйся и гряди»?
Самонадѣянность насъ губитъ,
И мнительность, болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любитъ,
Другой,—что новость, то чума.
Мужъ благодушья, воли твердой
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ!
Въ душѣ его благое пламя,
Великихъ дѣлъ святой закалъ;
Онъ высоко подъемлетъ знамя,
Которымъ путь свой указалъ:
Судебъ избранникомъ послушнымъ
Идетъ онъ, вождь передовой,
Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
И съ трусостью, поднявшей вой (1).

„Слово примиренія", напротивъ, написано противъ тѣхъ, которые, вступивъ на новый путь, несутся по нему безъ оглядки, не обращая никакого вниманія ни на какія условія и предосторожности, и тѣхъ, кто указываетъ имъ на постепенность развитія во всякомъ дѣлѣ, какъ на прочность успѣха въ немъ, упрекаютъ въ косности, отсталости и отступленіи.

Кто говоритъ объ отступленьи?
Кто учитъ васъ назадъ идти?
Жизнь развивается въ движеньи
И нѣтъ обратнаго пути.
Течетъ и время безвозвратно:
Ни часу, ни минуты намъ
Не удержать, не взять обратно
По уплывающимъ волнамъ.
Въ порядкѣ вѣчномъ мірозданья
Живущему застоя нѣтъ:
Въ самомъ законѣ увяданья
Есть обновленія завѣтъ.
Премудрость цѣль намъ положила,
День каждый къ цѣли переходъ;

(1) Сочин., XI, 292—294.

Во всемъ есть жизненная сила
И смерть сама есть шагъ впередъ.
Но постепеннаго развитья
Предупреждать намъ не дано,
Но прочны только тѣ событья,
Которыхъ вызрѣло зерно.
Не говорятъ вамъ: стой, равняйся
И въ неподвижности замри!
Не говорятъ: назадъ подайся
И дверь къ грядущему запри!
Но говорятъ вамъ: отрезвитесь,
Высокомѣрные умы,
Первоначальемъ не хвалитесь
И не твердите: мы да мы!
Вы такъ же, какъ и мы, пріяли
Свое наслѣдье отъ вѣковъ;
Вы продолжаете скрижали,
Начатыя рукой отцовъ.
Вашъ вѣкъ, дѣлецъ неугомонный,
Не выскочкой явился въ свѣтъ:
Законныхъ предковъ внукъ законный —
И онъ итогъ предшедшихъ лѣтъ.
Быть выскочкой совсѣмъ не лестно,
Да быть и выскочкой нельзя
Тамъ, гдѣ трудами предковъ честно
Пробита обществу стезя.
Успѣхамъ вашимъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать,
Но въ пѣсняхъ торжества и дѣдамъ
Не грѣхъ помяномъ честь отдать.
Отцовъ не упрекайте въ лѣни;
Они на доблестныхъ плечахъ
Васъ вознесли на верхъ ступени,
Гдѣ, позабывъ объ ихъ трудахъ,
Съ самодовольствомъ, не по чину,
Вы озираетесь кругомъ,
Какъ будто сразу на вершину
Взлетѣли вы однимъ прыжкомъ.

. . . .

Хозяинъ мудрый винограда
Распредѣлилъ часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,
Кто раньше иль позднѣй придетъ.
Несите вы свою заботу;
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы—въ одиннадцатый часъ.

. . . .

Къ чему сбивать другъ съ друга цѣну?

На общій трудъ насъ обрекли;
Другіе придутъ вамъ на смѣну,
Какъ вы на смѣну намъ пришли.
Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка! (1).

Но какъ ни старался поэтъ примирить старое и молодое поколѣнія, онъ сознаетъ, что разрывъ между ними неизбѣженъ, что симпатіи стараго поколѣнія непонятны людямъ новымъ, увлеченія которыхъ недоступны людямъ старымъ:

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.
Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!
Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло....
А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.
Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.
Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ,
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ!
Они—что̀ любимъ—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль
И то, что пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.
Такъ, мы развалинамъ подобны

(1) Сочин., XI, 231—233

И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный,
Среди обителей людскихъ [1].

Критическая дѣятельность Вяземскаго. Въ стихотвореніяхъ Вяземскаго нѣтъ глубокаго міросозерцанія и оригинальныхъ творческихъ образовъ; въ нихъ повсюду преобладаетъ, какъ мы уже замѣтили, сатирико-дидактическій тонъ Горація, и вообще сатирическое и критическое отношеніе ко всему, что происходило вокругъ, что ему встрѣчалось въ жизни. Эта критика нравовъ, умная, бойкая, смѣлая, язвительная, подчасъ мѣткая и оригинальная, всего болѣе обращала вниманіе на него, какъ писателя, и имѣетъ, дѣйствительно, неоспоримыя достоинства. Но настоящимъ критикомъ былъ онъ въ собственно критическихъ сочиненіяхъ. Болѣе полувѣка онъ занималъ эту должность и о всѣхъ писателяхъ, старыхъ и новыхъ, ему современныхъ, онъ подалъ свой голосъ, высказалъ свое мнѣніе. Во 2-мъ томѣ новаго изданія его сочиненій помѣщены его литературные, критическіе и библіографическіе очерки. Прежде всего онъ работалъ въ журналахъ. „Я закабалилъ себя, говоритъ онъ, „Телеграфу". Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Иная книжка „Телеграфа" была на половину наполнена мною, или матеріалами, которые сообщалъ я въ журналъ. Журналъ удался: отъ него пахло новизною. — При переѣздѣ въ Петербургъ на житье принималъ я участіе въ литературной газетѣ Дельвига, позднѣе въ „Современникѣ" Пушкина" [2]. Во 2-мъ томѣ помѣщены его извѣстія объ альманахахъ („Астраханская флора", „Литературный Музеумъ", „Сѣверные Цвѣты" Дельвига; „Сѣверная Лира", „Дѣтскій Цвѣтникъ" и „Незабудочка", „Невскій Альманахъ" 1827 г. „Памятникъ Отечественныхъ Музъ"), о Московскихъ журналахъ (въ 1830 г.) (Московскомъ „Телеграфѣ", „Вѣстникѣ Европы", „Атенеѣ"). Вяземскій радуется, что число журналовъ все болѣе и болѣе увеличивается.

На зло безграмотныхъ нахаловъ
И всѣхъ, кто только имъ сродни,
Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро [3].

---

(1) «Старое поколѣніе»; Сочин., IV, 247—248.
(2) Томъ I. Автобіографическое введеніе, стр. XLVIII—XLIX.
(3) Сочин., IV, 5.

Изъ критическихъ статей Вяземскаго замѣчательны: статья о Державинѣ, написанная по случаю его смерти въ 1816 г. и интересная по параллели, какую онъ проводитъ между Державинымъ и Ломоносовымъ; обширныя изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ Озерова, Дмитріева, Крылова, Жуковскаго, Карамзина и Гоголя. Говоря объ Озеровѣ, онъ припоминаетъ о Сумароковѣ и Княжнинѣ, какъ предшественникахъ Озерова въ области трагедіи; говоря о Жуковскомъ, онъ разбираетъ и хвалитъ его критическія сочиненія „О сатирахъ Кантеміра", „О баснѣ и басняхъ Крылова". Лучшій критико-литературный обзоръ составляетъ „Взглядъ на русскую литературу послѣ смерти Пушкина", написанный въ 1847 г., по тому симпатическому воспоминанію о Пушкинѣ, какое здѣсь сдѣлано (1). Но выше всѣхъ его критическихъ сочиненій извѣстная его книга о Фонъ-Визинѣ, вышедшая въ 1848 г. и напечатанная въ V т. новаго изданія. Книга эта составляетъ эпоху въ исторіи нашей критики и до сихъ поръ представляетъ лучшую оцѣнку сочиненій Фонъ-Визина и его эпохи. Къ критикѣ Вяземскій относился весьма серьезно. „Можно, говоритъ онъ, родиться поэтомъ, ораторомъ; но родиться критикомъ нельзя. Поэзія, краснорѣчіе—дары природы, критика—наука; ее слѣдуетъ изучать. И у дикихъ народовъ есть своя пѣсня и свое краснорѣчіе, но критическихъ изслѣдованій у нихъ не найдешь. Кромѣ науки и многоязычнаго чтенія, для критика нуженъ еще вкусъ. Это свойство и врожденное, родовое и благопріобрѣтенное; вкусъ изощряется, совершенствуется ученіемъ, сравненіемъ, опытностью" (2). „Собираясь писать о Фонъ-Визинѣ, я прочиталъ или пробѣжалъ много книгъ историческихъ и литературныхъ, пробѣжалъ почти всю старую русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія „Россійскаго ѳеатра". Подвигъ, скажу, Геркулесовскій, болѣе—Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекалъ я двѣ-три строки, два-три слова, нужныя мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. По возможности, все писанное мною было обдумано и провѣрено. Никогда письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая" (3). Посвятивши цѣлую книгу Фонъ-Визину и его комедіямъ, Вяземскій написалъ хотя не такой обширный, но такой же хорошій разборъ „Ревизора" Гоголя, сопоставивъ его съ „Ябедой" Капниста (4). Въ другой статьѣ: „Языковъ и Гоголь" онъ разбираетъ и указываетъ

(1) Сочин., II, 348—379. (2) Сочин., VIII, 164.

(3) Томъ I. Автобіографическое введеніе. стр. L—LI. (4) Томъ II, 257.

значеніе „Переписки Гоголя съ друзьями" (1). Кромѣ указанныхъ, у него есть еще небольшія статьи и замѣтки о разныхъ писателяхъ: о Козловѣ, Пушкинѣ, Батюшковѣ, Нелединскомъ-Мелецкомъ, Глинкѣ. По воспитанію и образованію Вяземскій принадлежитъ еще эпохѣ Карамзина и Жуковскаго; но вполнѣ созрѣлъ его талантъ въ эпоху художественнаго направленія Пушкина. Поэтому онъ держится въ своей критикѣ началъ этого направленія, не одобряетъ школы натуральной и реальнаго направленія, хотя и не отвергаетъ ихъ совсѣмъ, приписывая имъ гораздо низшее значеніе и достоинство. По поводу „Губернскихъ очерковъ" Щедрина, говоря о литературѣ, изображающей злоупотребленія чиновниковъ, онъ замѣчаетъ: „Въ литературномъ отношеніи я осуждаю это направленіе; оно матеріализируетъ литературу подобными снимками съ живой, но низкой натуры, низводитъ авторство до какой-то механической фотографіи, не развиваетъ высшихъ творческихъ и художественныхъ силъ, покровительствуетъ посредственности дарованій этихъ фотографовъ-литераторовъ и отклоняетъ нашу литературу отъ путей, пробитыхъ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Многіе негодуютъ на то, что эти живописцы изображаютъ одну худую сторону лицъ и предметовъ. И негодуютъ справедливо. Я сознаю, что нынѣшнее направленіе неудовлетворительно, неутѣшительно, но опасно и вредно ли оно въ государственномъ и правительственномъ отношеніи?—рѣшительно не признаю того... Вся Россія на практикѣ давно затвердила наизусть продѣлки нашего чиновничьяго люда. Всѣ отъ нихъ болѣе или менѣе страдаютъ. Слѣдовательно, зло не въ томъ, что разсказывается. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что за человѣкъ становой приставъ. Но въ этихъ журнальныхъ обличеніяхъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ есть несомнѣнное добро, а именно: возраждающееся отъ нихъ убѣжденіе въ народѣ, что высшее правительство не принимаетъ, такъ сказать, на себя отвѣтственности въ этихъ злоупотребленіяхъ, не застраховываетъ ихъ закономъ молчанія, которое налагается на общество" (2) Сужденія Вяземскаго не безупречны и далеко не имѣютъ безусловной вѣрности. Особенно часто въ нихъ встрѣчаются преувеличенія въ похвалахъ разбираемому писателю, на что мы и указали выше, говоря о сочиненіяхъ Озерова и Дмитріева. Иногда слышится духъ партіи и особенное вниманіе и расположеніе къ своему родному лагерю. Но въ его критическихъ разборахъ много и весьма замѣчательнаго; въ нихъ много мѣткаго и оригинальнаго, освѣщающаго

(1) Тамъ же, стр. 304—334.

(2) Обозрѣніе нашей современной литературной дѣятельности съ точки зрѣнія цензурной. Сочин., VII, 35—36.

предметъ съ особенныхъ сторонъ, которыя были другими не замѣчены. Пересматривая свои сочиненія для новаго изданія, онъ самъ сознавалъ указанные недостатки, особенно преувеличенія, но не хотѣлъ исправить ихъ, находя справедливо, что они тѣсно связаны съ достоинствами его сочиненій, что умный читатель съумѣетъ выдѣлить самъ, что ему не понравится.

Кромѣ указанныхъ сочиненій, у Вяземскаго есть множество писемъ и замѣтокъ въ такъ называемыхъ „записныхъ книжкахъ". Вяземскій не писалъ своихъ мемуаровъ методически, не велъ аккуратно своихъ дневниковъ; то и другое замѣняли для него письма и записныя книжки, коихъ въ Остафьевѣ сохранилось 37 и которыя напечатаны въ 8, 9 и 10 томахъ новаго изданія. Въ этихъ запискахъ онъ съ полною откровенностію говоритъ о всѣхъ важныхъ событіяхъ своей жизни, обо всемъ, что приводилось видѣть, слышать, читать замѣчательнаго. Онъ говоритъ о себѣ:

Годовъ и поколѣній много
Я пережить уже успѣлъ,
И длинною своей дорогой
Событій много подсмотрѣлъ.
Талантовъ нѣтъ во мнѣ излишка,
Не корчу важнаго лица;
Я просто—записная книжка,
Гдѣ жизнь играетъ роль писца.

Вяземскій разсказываетъ множество воспоминаній о разныхъ ученыхъ, литературныхъ, правительственныхъ и политическихъ дѣятеляхъ, какъ-то: о графахъ Разумовскихъ, объ Остерманѣ, императрицѣ Екатеринѣ II, императорѣ Александрѣ I и его сподвижникахъ, о Сперанскомъ, Магницкомъ; изъ литературныхъ дѣятелей говоритъ о Гнѣдичѣ, Дельвигѣ, Баратынскомъ, Тургеневѣ, Чаадаевѣ и проч. Во всемъ этомъ отражается личность Вяземскаго, время и среда, гдѣ онъ жилъ, и встрѣчается много интересныхъ взглядовъ, мыслей, замѣчаній, часто отрывочныхъ, ничѣмъ не связанныхъ, но тѣмъ лучше отражающихъ на себѣ разные моменты протекшей жизни. Мы отмѣтимъ только его замѣчанія о народности и космополитизмѣ, о патріотизмѣ и славянофилахъ, существенныхъ вопросахъ въ нашей исторіи, понимаемыхъ чрезвычайно разнообразно. Въ статьѣ: „Языковъ и Гоголь" Вяземскій такъ опредѣляетъ отношеніе народнаго элемента къ общечеловѣческому: „Что въ каждомъ народѣ есть ему свойственныя стихіи народности, это неоспоримо; что должно ими пользоваться, это такъ же неоспоримо, какъ и то, что нельзя отказаться отъ нихъ, хотя бы паче чаянія кому-нибудь и хотѣлось переродиться въ иностранца. Но дѣло въ томъ, что не должно и, слава Богу,

невозможно отдѣлить, отрубить чисто-научное (народное?) отъ обще-человѣческаго. Первоначально мы люди, а потомъ уже земляки, то есть областные жители. Что ни дѣлай, а въ каждомъ землякѣ отыскивается человѣкъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ пробивается землякъ. Всѣ люди созданы по одному образцу, а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ своя особенная физіономія, физическая и нравственная. Всѣ писатели одного народа пишутъ однимъ языкомъ, тѣ же слова служатъ имъ орудіями; а у каждаго писателя, то-есть не пошлаго и не дюжиннаго, есть свой особенный слогъ. Какъ же литературѣ, которая тоже физіономія и слогъ народа, не имѣть только у насъ своей личности, своего характера? Люблю народность какъ чувство, но не признаю ея какъ систему. Ненавижу исключительность, не только безпрекословную и повелительную, но и условную и двусмысленную. Можетъ быть, эту ненавижу еще болѣе.... Мнѣ не входитъ ни въ голову, ни въ сердце, что можно положить себѣ за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу нѣмецкому Рейну. Не понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувствомъ его, когда вижу, что онъ остается Волжаниномъ въ виду красиваго Рейнъ-Гау, или грознаго водопада. Языковъ былъ влюбленъ въ Россію.... Когда онъ говоритъ о ней, слово его возгарается, становится огнедышущимъ и потому глубоко и горячо отзывается оно въ душѣ каждаго изъ насъ. Тѣ же, которые не сочувствуютъ искреннему выраженію страсти его, изъ опасенія уронить тѣмъ свою независимость и возвышенность умозрѣнія, доказываютъ, что они уклоняются отъ народнаго потому, что превратно и ограниченно понимаютъ обще-человѣческое" (¹). Это писалъ Вяземскій въ 1847 г. по поводу выхода „Переписки Гоголя съ друзьями"; а вотъ что говорилъ онъ о славянофилахъ въ 1855 г. по поводу статьи К. С. Аксакова „О богатыряхъ", которую цензура не хотѣла пропустить: „Обращаясь къ прозванію славянофиловъ, нельзя не замѣтить, что это прозваніе насмѣшливое, данное одной литературной партіей другой партіи. Это чисто семейныя, домашнія клички. Лѣтъ за 40 предъ симъ, мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, такъ прозвали А. С. Шишкова и его школу. Въ послѣднее время прозвище это воскресили и обратили къ нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, приверженцамъ старины. Изъ журнальныхъ сплетней и пересмѣшекъ возникло пугало, облеченное политическою таинственностію. Собственно-же, судя о славянофильствѣ по его словопроизводству, мудрено заключить, что можетъ быть вреднаго въ любви къ славянамъ, нашимъ предкамъ и одно-

(¹) Т. II, 312—313.

племеннымъ братьямъ, и въ любви къ славянскому языку, который былъ языкомъ нашей исторіи и есть языкъ нашей церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому, значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ". Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ нашему славянскому происхожденію. Повторяю, если гдѣ-нибудь, и въ комъ-нибудь, подъ оболочкою славянолюбія, таится нѣчто другое и вредное, то должно преслѣдовать и преграждать это другое, но нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ,—кому только дороги имя русскаго и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной исторической и государственной жизни" (1). Въ молодости либеральный чиновникъ, западникъ и космополитъ, Вяземскій становится консерваторомъ и горячимъ патріотомъ. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служатъ его „Письма русскаго ветерана 1812 г. о Восточномъ вопросѣ", напечатанныя въ VI томѣ его сочиненій на французскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ П. И. Бартенева. Изъ этихъ писемъ видно, что, при обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ, онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ общихъ дѣлъ и что ему близко знакома была какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политическая жизнь современнаго ему русскаго и европейскаго общества.... Вынужденный обстоятельствами провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, Вяземскій не могъ оставаться равнодушнымъ къ озлобленію европейскаго общества противъ Россіи предъ Крымской войной и во время этой войны. Онъ началъ писать опроверженія на газетныя статьи, въ то время особенно отличавшіяся клеветою на русское правительство и русскій народъ. Въ теченіе слишкомъ года у него образовался рядъ статей по этому предмету. Онъ намѣревался помѣщать ихъ во французской газетѣ, или въ какомъ-нибудь изъ швейцарскихъ и бельгійскихъ періодическихъ изданій; но извѣстно, что участіе русскаго человѣка въ европейской печати допускается лишь подъ условіемъ полнаго подчиненія господствующему мнѣнію, и не одинъ князь Вяземскій встрѣтилъ въ этомъ отношеніи негостепріимный отказъ. Тогда онъ собралъ свои статьи въ одну книгу и въ 1855 г. напечаталъ ее въ Лозаннѣ подъ заглавіемъ: Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo. Письма Вяземскаго писаны на седь-

(1) Т. VII, 28—29.

момъ десяткѣ лѣтъ отъ роду и однако отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ, такъ и прелестью живого изложенія. Онъ хотѣлъ, въ предѣлахъ возможности, послужить общему русскому дѣлу, и книга его, хотя и не имѣла успѣха за границей, и лишь въ небольшомъ числѣ дошла до насъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству.

Н. И. ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій (1789—1846), потомокъ извѣстнаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, былъ сынъ одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени Ивана Парфентьевича Хмѣльницкаго, который получилъ образованіе за границей, былъ докторомъ кенигсбергскаго университета и извѣстенъ разными сочиненіями. Дарованія и ученыя и литературныя симпатіи отъ отца перешли къ сыну: съ малыхъ лѣтъ Николай Ивановичъ любилъ литературу ([1]). Послѣ домашняго воспитанія подъ руководствомъ своего родственника, писателя Эмина, образованіе свое онъ получилъ въ Горномъ корпусѣ. На службу онъ сначала поступилъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, потомъ въ 1812 г. въ ополченіе адъютантомъ къ Кутузову, а по окончаніи войны правителемъ канцеляріи къ генералу Милорадовичу. Наконецъ былъ смоленскимъ и архангельскимъ губернаторомъ.

Въ 20-хъ годахъ начали появляться драматическія произведенія Хмѣльницкаго и возбудили интересъ въ публикѣ. Ихъ можно раздѣлить на три рода: переводы, передѣлки и подражанія, и оригинальныя піэсы. Хмѣльницкій славился какъ знатокъ французской комедіи, перевелъ двѣ лучшихъ комедіи Мольера: „Тартюфъ“ и „Школа женщинъ“; къ передѣлкамъ и подражаніямъ относятся передѣлки комедій Реньяра, Буасси и Дарлевиля. Хмѣльницкій отличался тонкимъ вкусомъ въ выборѣ піэсъ для передѣлки и подражаній, умѣлъ отыскать въ нихъ существенное, выбрать главное, отбросить лишнее. Замѣчательными піэсами считались: „Говорунъ“, „Воздушные замки“, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объ-

---

([1]) Сочиненія Хмѣльницкаго были изданы подъ заглавіемъ «Театръ Николая Хмѣльницкаго», въ двухъ частяхъ. Спб. 1829—1830 г. Изданіе Смирдина въ 3-хъ томахъ 1849 г. При этомъ изданіи помѣщена біографическая статья о Хмѣльницкомъ С. Дурова. Сочиненія Бѣлинскаго, томъ IX. Историческая хрестоматія Галахова, томъ II. Н. И. Хмѣльницкій, статья Н. А. Добротворскаго въ Историч. Вѣстникѣ 1889 г. Декабрь.

ѣдешь", „Новый Парисъ", „Карантинъ", „Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ" и „Свѣтскій случай". Онѣ часто давались на сценѣ и съ большимъ успѣхомъ представлялись на благородныхъ и домашнихъ спектакляхъ. Онѣ отличались чистотою отдѣлки и изящнымъ художественнымъ вкусомъ; ни въ одной изъ нихъ нѣтъ грязнаго каламбура, сальной двусмысленности, или грубой шутки, которые могли бы оскорбить тонкій вкусъ; водевильные куплеты отличаются легкостію и граціозными оборотами, которые, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравятся эстетически развитому человѣку. Комедія „Говорунъ"—передѣлка съ французской комедіи Буасси: Le babillard; въ ней осмѣивается страсть къ болтовнѣ. Герой ея Звоновъ неумолкаемо болтаетъ всякій вздоръ.

Злословье и хвалы онъ мастеръ сочинять;
Не знаетъ одного: чтобъ кстати помолчать.
. . . .
Онъ
....Чудный человѣкъ! никакъ не унываетъ:
Ну, не съ кѣмъ говорить—съ самимъ собой болтаетъ!

Звоновъ говоритъ о себѣ:

По чести пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, садишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь и что-нибудь узнаешь.
. . . .
....Одаренъ я памятью чудесной!
Я все перечиталъ, мнѣ все теперь извѣстно,
Я разомъ выучу хоть тысячу стиховъ,
И такъ поднаторѣлъ, что самъ писать готовъ!
И что-жъ мудренаго? я знаю всѣ размѣры;
И мигомъ бы попалъ въ Софоклы иль Гомеры.
. . . .
Но, кромѣ языковъ, я знаю всѣ науки:
Исторія изъ нихъ главнѣйшій мой предметъ...
Попробуйте спросить, я мигомъ дамъ отвѣтъ.
Я знаю все, сударь: героевъ, ихъ дѣянья,
Всѣ царства, города и, словомъ, всѣ преданья!

Своей болтовней онъ до того надоѣлъ, что всѣ отъ него бѣгаютъ; но онъ такъ увлекается ей, что не замѣчаетъ, какъ всѣ его слушатели и слушательницы уходятъ и онъ остается одинъ.

Что вижу?—Это ты (обращается онъ къ служанкѣ), но гдѣ-жъ мои старушки?
Ихъ нѣтъ—и я одинъ. О, вздорныя болтушки!

Служанка Лиза говоритъ:

За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести и всѣхъ заговорить,
Замучить, разозлить, оспорить, обезславить,
И даже, наконецъ, ихъ всѣхъ бѣжать заставить! (¹)

Комедія „Воздушные замки" составляетъ также передѣлку французской комедіи Коленъ д'Арлевиля Les châteaux en Espagne. Въ ней нѣтъ, по словамъ Хмѣльницкаго, стиховъ переводныхъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго подлинника; фамилія же главнаго героя піэсы, Альнаскарова, взята изъ сказки Дмитріева: „Воздушныя башни". Мичманъ Альнаскаровъ—мечтатель, любящій строить воздушные замки. Слуга его, Викторъ, говоритъ о немъ:

Мой баринъ человѣкъ... чудесный:
Хоть онъ не генералъ какой-нибудь извѣстный,
Но хочетъ чѣмъ-нибудь гораздо больше быть.
Иной для этого сталъ грудью бы служить,—
Напротивъ, баринъ мой нигдѣ теперь не служитъ.
За то ужъ, признаюсь, онъ обо всемъ страхъ тужитъ!
Случится ли война—за книги, и всю ночь
Онъ сочиняетъ планъ, какъ арміи помочь.
Миръ, напримѣръ, опять намъ новая забота—
Зачѣмъ спѣшить, и что мириться за охота?
. . . .
Работы нѣтъ, такъ онъ мечтаньями займется:
За тридевять земель въ минуту занесется,
И тутъ-то ужъ начнемъ творить мы чудеса:
То землю повернемъ, то мѣримъ небеса,
То въ море пустимся, штурмуемъ, побѣждаемъ,
Не только что себя, Россію прославляемъ!....
И что-жъ, сударыня, не больно-ль, напримѣръ,
Что онъ за это все—лишь оберъ-офицеръ (²).

Вдругъ Альнаскаровъ узнаетъ изъ газетъ, что американская компанія отправляетъ фрегатъ въ путешествіе вокругъ свѣта; онъ тотчасъ подаетъ прошеніе о томъ, чтобы его присоединили къ экипажу.

Мнѣ счастія искать назначено въ моряхъ;
Я ѣду... и вояжъ мой живо представляю:
Тутъ это нахожу, тамъ то-то открываю,

(¹) Сочин., I, 300, 306, 315, 332.
(²) Сочин., I, 351.

То, сѣвъ на палубѣ, рисую и пишу...,
Наскуча западомъ, къ востоку я спѣшу.
Съ собою привожу: людей, звѣрей, растенья,
Печатаю свои прелестныя творенья;
И слава обо мнѣ промчится съ края въ край.
Вотъ тутъ-то лишь меня за это награждай!
Все сдѣлаю, я всѣхъ обогачу, прославлю!...

. . . .

Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рожденъ!
Не помню, гдѣ... читалъ я анекдотъ прекрасной,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ....
Онъ поселился тамъ, и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою....

. . . .

Да чѣмъ-же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ, построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами,—
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!

. . . .

Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу.
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой.
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышу клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій! (1).

Слуга Викторъ подражаетъ барину. Купивъ лоттерейный билетъ, онъ мечтаетъ выиграть сто тысячъ:

Сто тысячъ, Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!

. . . .

Что сдѣлаю... Тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! Оставь меня въ покой!
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣкъ выйдешь съ барышемъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ...

. . . .

(1) Сочин., I, 358, 366—367.

Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной,
Обзаведусь—и самъ женюся наконецъ...
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ! (1)

Починка сломаннаго экипажа заставляетъ мечтателей остановиться въ домѣ молодой вдовы, помѣщицы Аглаевой. Аглаева принимаетъ мичмана за графа Лестова, который, увидѣвъ ея портретъ у ея тетки, влюбился въ нее и рѣшился жениться и для этого подъ чужимъ именемъ пріѣхать къ ней въ деревню. Аглаева также мечтательница; услышавъ о графѣ Лестовѣ, она говоритъ:

Вотъ тутъ мы заживемъ! О я воображаю:
Отсюда въ Петербургъ я съ графомъ пріѣзжаю;
Въ послѣднемъ вкусѣ свой обмеблирую домъ,
Столицу облетимъ съ визитами кругомъ.
. . . . И что же наконецъ?
Какое счастіе! Я ѣзжу во дворецъ!

Служанка ея также по-своему мечтаетъ, что она „изъ Саши простенькой—преважной будетъ Сашей“ (2).

Аглаева сначала принимаетъ Альнаскарова восторженно, но когда открывается ошибка и дѣлается извѣстнымъ, что онъ совсѣмъ не графъ, она холодно разстается съ нимъ. Мечты Виктора также не сбылись; билетъ, на который онъ разсчитывалъ, оказался потеряннымъ. Не поймавъ счастія на морѣ, Альнаскаровъ хочетъ искать его по сухопутной части и для этого намѣренъ ѣхать въ Индію. Когда Викторъ сокрушается, что всѣ ихъ замки рушились:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ,—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскаровъ говоритъ ему: „Утѣшься, Индія осталася за нами“ (3). Этотъ стихъ сдѣлался такъ популяренъ, что обратился въ пословицу.

---

(1) Тамъ же, стр. 369—370.
(2) Стр. 347—348.
(3) Стр. 381.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

Къ школѣ Жуковскаго и Пушкина принадлежалъ даровитый поэтъ Баратынскій (или Боратынскій, какъ онъ самъ называлъ себя, 1800—1844) (¹). Его стихотворенія, при самомъ первомъ появленіи, обратили на себя вниманіе. Плетневъ въ 1822 г. присуждалъ ему два вѣнка—Анакреона и Петрарки. Пушкинъ называлъ его „отличнымъ поэтомъ за то, что онъ мыслитъ и что онъ оригиналенъ". Но ни Анакреономъ, ни Петраркой Баратынскій не сдѣлался, хотя и писалъ удачно стихотворенія по подражанію имъ; онъ былъ поэтъ элегическій; грусть была его вдохновеніемъ; онъ на все смотрѣлъ съ грустной точки зрѣнія, и элегія сдѣлалась главною формою его поэзіи. Основа этой грусти первоначально заключалась въ обстоятельствахъ его жизни и особенно образованія. Аристократъ по происхожденію (онъ былъ сынъ генералъ-адъютанта при Павлѣ I и фрейлины импер. Маріи Ѳеодоровны), изнѣженный въ дѣтствѣ и получившій иностранное воспитаніе подъ руководствомъ итальянца Боргезе, онъ могъ разсчитывать на блистательную карьеру въ жизни; но, вмѣсто всего ожидаемаго,—ему суждено было надѣть шинель рядового солдата. Изъ Пажескаго корпуса, гдѣ онъ учился, онъ 15-лѣтнимъ мальчикомъ былъ исключенъ за одну некрасивую исторію, съ запрещеніемъ принимать его на службу,— развѣ рядовымъ въ военную. По ходатайству Жуковскаго запрещеніе впослѣдствіи было снято съ него, и онъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ; но ужасное впечатлѣніе, произведенное имъ, оставило слѣды на всю жизнь. „Я сто разъ былъ готовъ лишить себя жизни", писалъ онъ къ Жуковскому; но глубокая привязанность къ матери, кротость и нѣжность ея къ нему, врожденная теплота и благородство чувствъ, проявлявшіяся столько же въ его жизни, какъ и въ произведеніяхъ его поэзіи, возвратили бодрость душѣ его. Въ 1818 г. онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу рядовымъ въ Егерскій полкъ. Въ Петербургѣ въ 1819 году онъ познакомился съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ; въ это же время онъ познакомился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, осо-

---

(¹) Изданія: 1) Стихотворенія Е. Баратынскаго. М. 1827. 2) Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. М. 1835 (въ двухъ частяхъ). 3) Сумерки. Сочиненіе Евгенія Баратынскаго М. 1842. Послѣднее 4-е изданіе сочиненій Баратынскаго съ портретомъ автора, его письмами и біографическими свѣдѣніями о немъ. Казань. 1884 г. Часть I. Стихотворенія. Часть II. Поэмы. Часть III. Прозаическія сочиненія и письма. Здѣсь приложены матеріалы для біографіи поэта. Свѣдѣнія и сужденія о Баратынскомъ: Сочиненія Бѣлинскаго, т. VI, 280—324; Сочиненія Вяземскаго, VIII; характеристика Баратынскаго, сдѣланная Кирѣевскимъ, Русскій Архивъ, кн. 2-я. Въ Запискахъ К. А. Полевого, въ Историч. Вѣстникѣ 1887 г., апрѣль.

бенно съ Кюхельбекеромъ, но не былъ посвященъ въ ихъ тайны, хотя и сочувствовалъ свободѣ, къ которой стремилось это общество, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ нѣсколько дошедшихъ отъ него до насъ стиховъ:

Съ неба чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты;
Все прекрасное, все опасное
Намъ пропѣла ты (¹).

Въ 1820 г. Баратынскій былъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ въ Финляндію, которая внушила ему нѣсколько стихотвореній: „Финляндія“ и поэма „Эда“. Въ 1826 г. онъ женился на Настасьѣ Львовнѣ Энгельгардтъ, которая отличалась литературнымъ образованіемъ, тонкимъ вкусомъ и критическимъ взглядомъ и была лучшимъ критикомъ стихотвореній своего мужа. Послѣ женитьбы онъ жилъ частію въ Москвѣ, частію въ деревнѣ; онъ любилъ деревню и даже предпочиталъ деревенскій бытъ городскому. Въ 30-хъ годахъ онъ нѣсколько времени жилъ въ Казани, куда въ то же время пріѣзжалъ Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Въ 1843 году онъ предпринялъ путешествіе за границу. Проведши нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ отправился въ Италію, которая болѣе прочихъ странъ его привлекала, подъ вліяніемъ еще тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ дядьки, итальянца Боргезе; но въ Неаполѣ онъ заболѣлъ и здѣсь скончался въ 1844 году.

О своей поэтической музѣ Баратынскій выражался такимъ образомъ:

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой (²).

(¹) Матеріалы для біографіи Баратынскаго, приложенные къ послѣднему изданію его сочиненій, стр. 479.

(²) Часть I, по изд. 1884 г.

Дѣйствительно, стихотворенія Баратынскаго, при недостаткѣ внѣшняго убранства, отличаются выразительностью, строгостью и простотою, какъ лица, не поражающія красотою, но нравящіяся выраженіемъ, отличаются чѣмъ-то особеннымъ. Эту особенность сообщаетъ имъ размышленіе, которое составляетъ преобладающій элементъ въ его поэзіи, за что нѣкоторые критики называли его русскимъ Гамлетомъ. Мысль, анализъ, сомнѣніе постоянно преслѣдуютъ его. Только не мыслящій, не образованный человѣкъ, по его мнѣнію, можетъ быть счастливымъ; человѣкъ мыслящій ничѣмъ не удовлетворяется и во всемъ видитъ слабую сторону; въ прогрессѣ, въ наукѣ и успѣхахъ цивилизаціи Баратынскій видитъ причины разлада душевнаго, потери вѣры и надежды—несчастіе въ жизни. Бѣлинскій упрекалъ поэта за стихотворенія: „Примѣты", „Послѣдняя смерть", „Послѣдній поэтъ", гдѣ выражается это міросозерцаніе. Но съ особенною рѣзкостью оно выражается въ стихотвореніи „Истина", которое является самымъ характернымъ для всей поэзіи Баратынскаго.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) Захочу
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «о гостья роковая!
Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти» (¹).

Вопросы объ истинѣ, свободѣ, о счастіи и несчастіи, добрѣ и злѣ и загробной жизни постоянно занимаютъ поэта.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!

(¹) Сочин., I, 70—72.

Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мыслъ, острый лучъ! Блѣднѣетъ жизнь земная (1).

Но онъ не хотѣлъ быть пессимистомъ и совершенно не вѣрующимъ; по временамъ онъ ищетъ возможности примириться съ разными диссонансами въ жизни и природѣ. Онъ сознаетъ необходимость безсмертія и загробной жизни.

Она: «Есть бытіе и за могилой,
Намъ обѣщалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
Гдѣ всѣ земныя опасенья
Съ земною пылью отряхнемъ.
Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!»

Онъ: «Такъ, Всемогущій безъ нее
Насъ искушалъ-бы выше мѣры:
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубитъ
Во мнѣ Онъ то, что мыслитъ, любитъ,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
Міръ повторилъ Онъ отраженьемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?.. Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ; достойный
Поникъ гонимою главой;
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
Какъ! не терпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не броситъ мудрость Божества!
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И превзойденъ дѣтьми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?..
Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:

(1) Сочин., I, 258.

Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ» (¹).

Наконецъ въ другой піэсѣ онъ обращается къ Богу съ такой молитвой:

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай (²).

Есть у Баратынскаго стихотворенія довольно свѣтлыя, по крайней мѣрѣ написанныя въ примирительномъ тонѣ, какъ, напр., „Весна“, „Родина“, „Запустѣніе“, „Мадонна“, „Весна, весна! какъ воздухъ чистъ“, „На посѣвъ лѣса“ (³). Но онъ, какъ и всѣ разочарованные, ищетъ примиренія, забвенія горестей и успокоенія чаще въ природѣ, чѣмъ въ жизни человѣческой.

Поэтъ мысли, Баратынскій питалъ особенную симпатію къ Гёте, какъ глубокому мыслителю, какъ поэту философу, весь міръ обнявшему и изображавшему въ своихъ поэтическихъ сочиненіяхъ, и написалъ на смерть его превосходную элегію.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покой;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

(¹) Сочин., I, 173—175. (²) I, 276, (³) I, 54, 153, 196, 211, 223, 274.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Изъвѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ. (1)

„Въ „Запискахъ" К. А. Полевого (2) сохранился слѣдующій отзывъ о Баратынскомъ: „Баратынскій пользуется славою поэта и справедливо. У него были и поэтическія ощущенія и необыкновенное искусство въ выраженіи. Но, знавши его хорошо, могу сказать, что онъ еще больше былъ умный человѣкъ, нежели поэтъ, Отчасти онъ былъ обязанъ поэтическою славою Пушкину, который всегда и постоянно говорилъ и писалъ, что Баратынскій чудесный поэтъ, котораго не умѣютъ цѣнить. Почти то же говорилъ онъ о Дельвигѣ и готовъ былъ иногда поставить ихъ обоихъ выше себя. Трудно понять, что заставляло Пушкина доходить до такихъ преувеличеній.... Баратынскій—поэтъ иногда очень пріятный, вездѣ показывающій вѣрный вкусъ и писавшій не по вдохновенію, а вслѣдствіе выводовъ ума. Онъ трудился надъ своими сочиненіями, отдѣлывалъ ихъ изящно, находилъ иногда вѣрныя картины и живыя чувствованія; бывалъ остроуменъ, игривъ, но все это—какъ умный человѣкъ, а не какъ поэтъ. Въ немъ не было ни поэтическаго огня, ни оригинальности, ни національности. Отъ того-то лучшія его произведенія тѣ, гдѣ онъ философствуетъ, какъ, напр., въ стихотвореніи на смерть Гёте. Я увѣренъ, что если бы онъ не почиталъ себя поэтомъ и занялся теоріей и критикой литературы, онъ написалъ бы въ этомъ родѣ много умнаго, прекраснаго, пояснилъ бы много идей для своихъ современниковъ. Его ясный умъ,

(1) Сочин., I, 192—193. (2) Истор. Вѣст., 1887 г., апрѣль.

строгій вкусъ, сильная и глубокая душа давали ему всѣ средства быть отличнымъ критикомъ. Это показывали сужденія его о многихъ тогдашнихъ литературныхъ явленіяхъ". Не отрицая такимъ образомъ того, что Баратынскій былъ поэтъ и поэтъ иногда очень пріятный, Полевой замѣчаетъ только, что онъ писалъ не по вдохновенію, а вслѣдствіе выводовъ ума. Но развѣ умъ не можетъ быть источникомъ, возбудителемъ вдохновенія? развѣ поэзія можетъ быть только въ чувствахъ и образахъ? развѣ мысль не такой существенный элементъ поэтическаго содержанія, что безъ нея не можетъ обойтись ни одно произведеніе? Баратынскому можно поставить въ вину только односторонность его міросозерцанія, привязаннаго только къ извѣстнымъ идеямъ и представляющаго все въ преувеличенно-печальномъ видѣ, болѣзненное направленіе его мысли. Мы выше замѣтили, что Баратынскаго нѣкоторые называли русскимъ Гамлетомъ; со времени Баратынскаго въ нашей литературѣ начали появляться разнаго рода Гамлеты.

Разобранныя стихотворенія составляютъ существенную часть литературной дѣятельности Баратынскаго. Во 2-й части помѣщены его поэмы: „Пиры", „Эда" (первонач. изд. въ 1826 г. Спб.), „Телема и Макаръ" (сказка изъ Вольтера), „Балъ" (Спб. 1828), „Цыганка" (М. 1831), въ 3-й части прозаическія сочиненія: „О заблужденіяхъ и истинѣ", „Исторія кокетства", „Перстень"; но всѣ они ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Важнѣе по содержанію предисловіе къ „Цыганкѣ", гдѣ поэтъ рѣшаетъ вопросъ о нравственной цѣли литературныхъ произведеній. Письма къ разнымъ лицамъ важны для біографіи поэта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

